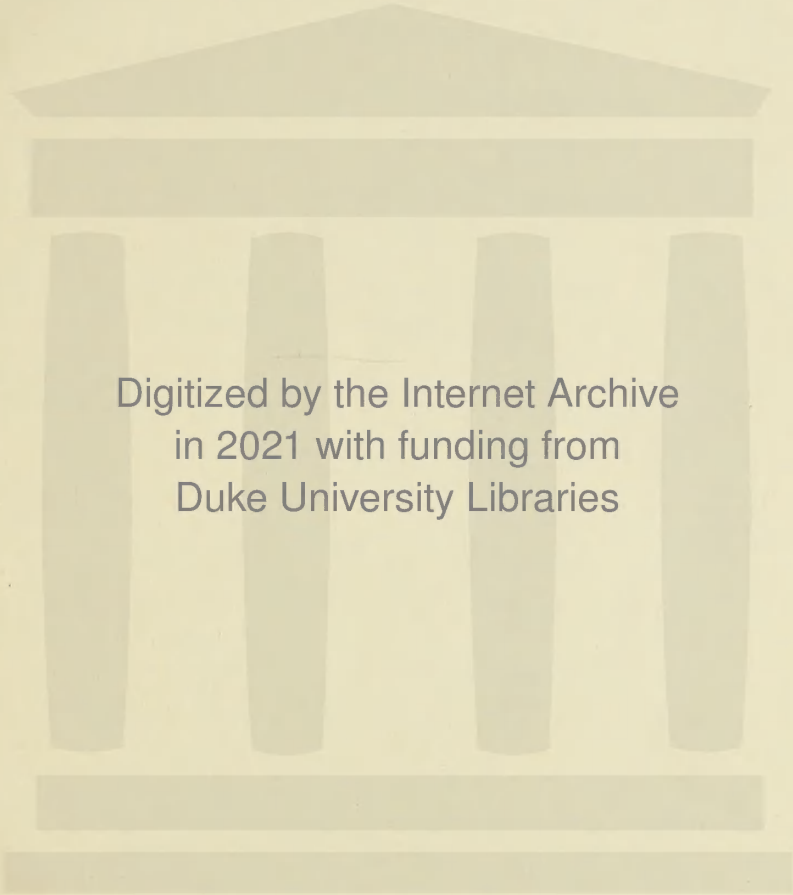
DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY


Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/russkiepisateliv11mart

Martynovskii, Viktor Antonovich

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ ВЫБОРѢ и ОБРАБОТКѢ ДЛЯ ШКОЛЪ.

Томъ I. — Съ удареніями.

I. Жуковскій. Крыловъ. Аксаковъ. Кольцовъ. Григоровичъ. Достоевскій.

II. Пушкинъ. Лермонтовъ. Тургеневъ. Майковъ. Гр. Л. Толстой. Никитинъ. Соловьевъ. Плещеевъ.

Книга для занятій по отечественному языку въ приготовительномъ, I и II классахъ средне-учебныхъ заведеній, въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Произведенія народной словесности. II. Указатель объясненныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ. III. Церковно-Славянскій текстъ.

В. Мартыновскаго,

б. директора Тифлисской 3-й гимназіи.

Изданіе 27 съ приложеніемъ 14 портретовъ писателей и автографовъ ихъ.

26-е изданіе Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущено для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ.
Главнымъ Упр. военно-учебныхъ заведеній рекомендовано для кадетскихъ корпусовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Я. БАШМАКОВА и К°.
1913.

Цѣна безъ перепл. 1 р. 25 коп.

Типографія 1-ой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.

891.708
M 328R
t. 1

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Произведенія народной словесности.

СКАЗКИ.

Стр.

а) Сказки о животныхъ.

I. **Лисичка-сестричка** 1
1. О томъ, какъ лисичка обманула старика. . . . . —
2. Коварный совѣтъ . . . . . —
3. Битый небитаго везетъ. . . 2
II. **Лиса и журавль** 3
III. **Лиса, заяцъ и пѣтухъ.** . . . . . —
IV. **Мужикъ, медвѣдь и лиса.** 4
1. Мужикъ и медвѣдь. . . . . —
2. О томъ, какъ лиса спасла мужика отъ медвѣдя 5
3. Отъ хвоста и голова пропадаетъ. . . . . —
V. **Собака и дятелъ.** 6
1. Собачья старость. . . . . —
2. Находчивый товарищъ . . . —
3. Дятлова месть 7
VI. **Коза рьяная, за боки драная** . . . —
1. Напрасныя жалобы . . . . —
2. Коза, зайчикъ и пчела . . . 8

б) Сказки правоучительныя.

VII. **Солнце, Мѣсяцъ и Воронъ** 9
1. О томъ, какъ стариковы дочери вышли замужъ . . . . . —
2. О томъ, какъ старикъ подражалъ зятьямъ и что изъ этого вышло. —
VIII. **Морозко.** 10
1. Мачеха и падчерица . . . . —
2. Какъ Мареушу отвезли въ лѣсъ. 11
3. Что сталось съ Мареушей въ лѣсу 12
4. Что сталось съ родными дочерми старухи. . . . . —
5. Какъ старуха узнала о смерти родныхъ дочерей. 13
IX. **Василиса Прекрасная** 14
1. Мачеха и падчерица . . . . —
2. Какъ Василису отдали къ бабѣ-ягѣ . . . . . —
3. Василиса у бабы-яги. . . . 15

Стр.

4. Возвращеніе Василисы домой. 16
5. Василиса переселяется въ городъ. 17
6. Василиса выходитъ замужъ за царя . . . . . —
X. Дочь и падчерица. 18
1. Старуха посылаетъ падчерицу прясть въ лѣсу, въ землянкѣ. . . . —
2. Старуха посылаетъ родную дочь прясть въ лѣсу, въ землянкѣ. . 19
XI. **Марко Богатый и Василій Безсчастный** 20
1. Таинственные старцы. . . . —
2. Какъ Василій Безсчастный спасся отъ смерти въ первый разъ. . —
3. Какъ Василій Безсчастный спасся отъ смерти во второй разъ. . 21
4. Какъ Василій Безсчастный женился на дочери Марка Богатаго . 22
5. Марко посылаетъ Василія къ царю Змѣю 23
6. Василій у царя Змѣя. . . . —
7. Возвращеніе Василія домой. 24
XII. **Кривда и правда.** 25
1. Споръ о правдѣ и кривдѣ. . —
2. Криводушный ослѣпляетъ правдиваго 26
3. О томъ, какъ правдивый прозрѣлъ и узналъ секретъ исцѣленія царской дочери 27
4. Правдивый исцѣляетъ царскую дочь и въ награду получаетъ ея руку. 28
XIII. **Иванушка-дурачекъ** 29
1. Иванушка угощаетъ свою тѣнь клецками и выкалываетъ глаза у овецъ . . . . . —
2. О томъ, какъ Иванушка возвращался съ базара домой. 30
3. О томъ, какъ Иванушка-дурачекъ перехитрилъ умныхъ братьевъ. —
XIV. **Звѣрь-Норка** 31
XV. **Набитый дуракъ** 32

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

А. Василій Андреевичъ Жуковскій.

Біографическій очеркъ 33

а) Сказки.

I. Спящая царевна. 34
1. Рожденіе у царя Матвѣя дочери. . . . . —
2. Пиръ у царя Матвѣя. . . . —
3. Печальное предсказаніе. . . 35
4. Указъ царя Матвѣя . . . . —
5. Чудесное веретено. . . . . —
6. Сонное царство. 36
7. Царскій сынъ. . . . . —
8. Царскій сынъ въ сонномъ царствѣ 37
9. Пробужденіе соннаго царства. 37
II. Котъ въ сапогахъ 38
1. Умный котъ . . . . . —
2. Котъ на охотѣ . . . . . —
3. Котъ знакомитъ своего хозяина съ королемъ и его дочерью . . 39
4. Мнимыя богатства маркиза Карабаса 40
5. Котъ и людоѣдъ . . . . . —
6. Маркизъ Карабасъ женится на королевской дочери, а котъ попадаетъ въ придворные чины. 41
III. Война мышей и лягушекъ. . . 42
1. Кулачный бой. . . . . —
2. Появленіе невиданныхъ звѣрковъ. . . . . —
3. Переговоры 43
4. Разсказъ Бѣлой-шубки объ освобожденіи льва 44
5. О козняхъ человѣка. . . . —
6. О знакомствѣ съ Ѳедотомъ Мурлыкой. 45
7. О томъ, какъ мыши кота хоронили. 46

б) Разныя произведенія.

IV. Боже, Царя храни! 48
V. Слава на небѣ солнцу высокому . . —
VI. Многи лѣта, многи лѣта. . . . —
VII. Родина 49
VIII. Жаворонокъ . . . . . —
IX. Каннитферштанъ. . . . . —
1. Богатство Каннитферштана . —
2. Похороны Каннитферштана . 50
X. Пѣсня бѣдняка 51
XI. Капитанъ Боппъ. 52
1. Болѣзнь капитана. . . . . —
2. Участіе Роберта смягчаетъ душу капитана. . . . . —
3. Капитанъ чувствуетъ угрызенія совѣсти 53
4. Капитанъ и Робертъ читаютъ евангеліе 54
5. Робертъ молится за капитана 54
6. Чудное видѣніе. 55
7. Какое дѣйствіе оказало видѣніе на капитана. . . . . —
8. Смерть капитана 56
XII. Сиротка 57
XIII. Утренняя звѣзда. 58
XIV. Солнышко . . . . . —
XV. Очерки Швеціи 59
1. Страна . . . . . —
2. Населеніе 60
3. Ѣзда на почтовыхъ . . . . —
4. Озера Швеціи 61
5. Озеро Меларнъ . . . . . —
XVI. Лѣсной царь 62
XVII. Судъ Божій надъ епископомъ . . . 63
1. Преступленіе епископа. . . —
2. Какъ былъ наказанъ епископъ. 64

Б. Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Біографическій очеркъ 65

1. Басни, характеризующія животныхъ.

А. Басни о свиньѣ.

I. Свинья. 66
II. Свинья подъ дубомъ. . . . . —

Б. Басни объ ослѣ.

III. Оселъ и соловей 67
IV. Парнасъ 68
V. Лисица и оселъ 69
VI. Левъ состарѣвшійся 70

В. Басни о волкѣ.

VII. Волкъ и журавль 71
VIII. Волкъ и ягненокъ. . . . . —
IX. Волкъ и котъ 72
X. Волкъ на псарнѣ. 73
XI. Волкъ и кукушка. 75
XII. Волкъ и пастухи. 76

Г. Басни о медвѣдѣ.

XIII. Пустынникъ и медвѣдь. . . . . —
XIV. Трудолюбивый медвѣдь 78
XV. Медвѣдь у пчелъ. 79

Д. Басни объ обезьянѣ.

XVI. Мартышка и очки. 80
XVII. Обезьяны . . . . . —
XVIII. Обезьяна 81
XIX. Зеркало и обезьяна 82

Е. Басни о лисѣ.

XX. Волкъ и лисица 83
XXI. Ворона и лисица 84

XXII. Лисица и сурокъ 85
XXIII. Лиса . . . . . —
XXIV. Левъ и лисица. 86
XXV. Лисица и виноградъ. . . . . —
XXVI. Левъ, серна и лисица 87
XXVII. Добрая лисица. . . . . —

2. Басни, расположенныя по отвлеченнымъ темамъ.

А. Преувеличенное понятіе о своихъ силахъ и заслугахъ.

XXVIII. Двѣ собаки. 89
XXIX. Обозъ. 90
XXX. Щука и котъ 91
XXXI. Скворецъ. 92
XXXII. Лягушка и волъ 93
XXXIII. Синица . . . . . —
XXXIV. Гуси 94
XXXV. Пушки и паруса 95
XXXVI. Собака и лошадь. 96
XXXVII. Водопадъ и ручей 97
XXXVIII. Дерево . . . . . —
XXXIX. Муравей 98

Б. Сильные и слабые.

XL. Дубъ и трость 99
Дубъ и трость Дмитріева . 100
XLI. Орелъ и кротъ. 101
XLII. Левъ и мышь 102
XLIII. Орелъ и пчела. 103
XLIV. Левъ на ловлѣ. . . . . —
XLV. Левъ и волкъ 104
XLVI. Кошка и соловей 105
XLVII. Левъ и комаръ . . . . . .
XLVIII. Мышь и крыса 106

В. Разныя басни.

XLIX. Прохожіе и собаки. 107
L. Стрекоза и муравей 108
LI. Собачья дружба. . . . . —
LII. Демьянова уха 109
LIII. Двѣ бочки 111
Соловей и чижъ. . . . . —
LIV. Тришкинъ кафтанъ. . . . . —
LV. Лжецъ 112
LVI. Любопытный 114
LVII. Котъ и поваръ . . . . . —
LVIII. Три мужика 115
LIX. Крестьянинъ въ бѣдѣ. 116
LX. Раздѣлъ 117
LXI. Лебедь, щука и ракъ. 118
LXII. Квартетъ . . . . . —
LXIII. Слонъ и моська. 119
LXIV. Бѣлка 120
LXV. Ларчикъ . . . . . —
LXVI. Туча 121
LXVII. Червонецъ. . . . . —
LXVIII. Вельможа 122
LXIX. Бѣлка 123
LXX. Крестьянинъ и работникъ . . . —
LXXI. Два мальчика 124
LXXII. Мельникъ 125
LXXIII. Заяцъ на ловлѣ. 126
LXXIV. Крестьянинъ и змѣя . . . . —
LXXV. Чижъ и голубь 127
LXXVI. Кукушка и пѣтухъ. . . . . —

В. Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ.

Біографическій очеркъ 128
I. Изъ „Семейной хроники“ . . . . —
1. Степанъ Михайловичъ Багровъ. 129
2. Добрый день Степана Михайловича 130
А. Утро . . . . . —
Б. Въ полѣ . . . . . —
В. Обѣдъ 131
Г. Отъ обѣда до вечера . . . . —
Д. Вечеръ 132
II. Дѣтскіе годы Багрова внука. . . . 133
1. Болѣзнь. . . . . —
2. Сурка. 134
3. Выздоровленіе и его причины —
4. Нашъ домъ 135
5. Переправа . . . . . —
6. Галька . . . . . —
7. Ночлегъ въ полѣ 136
8. Уженье на рѣкѣ Демѣ . . . —
9. Жатва. 137
10. Рисованіе 138
11. Какъ меня учили писать . . . —
12 Въ народномъ училищѣ . . . 139
13. Передъ отъѣздомъ въ деревню. . . . . —
14. Вскрытіе рѣки. 140
15. Выѣздъ изъ Уфы въ Сергѣевку. . . . . —
16. Въ усадьбѣ . . . . . —
17. Уженье въ Сергѣевкѣ . . . 141
18. Рыбная ловля. 142
19. Верховая ѣзда . . . . . —
20. Собираніе клубники 143
21. Ловля перепеловъ . . . . . —
22. На току 144
23. Пѣнье соловьевъ . . . . . —
24. Какъ я пробовалъ боронова ть . . . . . —
25. Сѣнокосъ 145
26. Наблюденія за птичьими гнѣздами 146
27. За грибами . . . . . —
28. Опасная переправа 147
29. Ловля птицъ лучкомъ . . . —
30. На охотѣ за зайцами 148
III. Воспоминанія. 149
1. Какъ я узналъ о намѣреніи родителей отдать меня въ гимназію . —
2. Какъ подготовляли меня въ гимназію. . . . . —

3. Какъ я поступилъ въ гимназію 150
4. Первыя впечатлѣнія въ гимназіи 151
5. Какъ учился я въ гимназіи . —
6. Путешествіе матери . . . . . —
7. Материнская молитва 152
8. Переправа черезъ Каму . . . —
9. Поѣздка изъ Казани домой . —
10. Первые дни дома 153
11. Спускъ воды въ прудѣ . . . 154
12. Отъѣздъ . . . . . —
13. Опасность. 155
14. Спасеніе 156
IV. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи 157
А. Болота . . . . . —
1. Болота луговыя, сухія и мокрыя . . . . . —
2. Топкія болота . . . . . —
3. Зыбкія болота 158
4. Опасности для охотника въ зыбкихъ болотахъ. . . . . —
Б. Бекасъ 159
1. Какова бекасъ съ виду и гдѣ онъ водится . . . . . —
2. Жизнь бекасовъ раннею весною . . . . . —
3. Выводка птенцовъ . . . . . —
4. Жизнь бекасовъ лѣтомъ и осенью. 160
В. Куликъ (болотный) 161
1. Внѣшній видъ куликовъ и ихъ жизнь раннею весною . . . . . —
2. Выводка птенцовъ . . . . . —
3. Охота на куликовъ . . . . . —
Г. Болотная курица 162
Д. Воды 163
1. Ручьи. . . . . —
2. Рѣчки. . . . . —
3. Рѣки 164
4. Озера . . . . . —
5. Пруды 165
Е. Лебедь 166
1. Красота лебедя . . . . . —
2. Сила лебедя и прирученіе его —
Ж. Дикій гусь 167
1. Жизнь дикихъ гусей раннею весною . . . . . —
2. Выводка птенцовъ . . . . . —
3. Гусиныя экспедиціи 168
4. Ночлегъ гусей . . . . . —
З. Дикія утки 169
1. Селезень . . . . . —
2. Какъ утка кладетъ яйца . . —
3. Выводка птенцовъ 170
4. Материнская любовь утки . —
И. Степь 171
1. Степь весною . . . . . —
2. Степные пожары . . . . . —
3. Степь лѣтомъ 172
І. Журавль . . . . . —
1. Каковъ журавль съ виду . . —
2. Прилетъ и отлетъ журавлей 173
3. Пища журавля . . . . . —
4. Выводка птенцовъ 174
5. Осторожность журавлей . . —
6. Сила журавля 175
7. Неловкость журавля . . . . —
К. Куропатка сѣрая 176
1. Свойства куропатки . . . . —
2. Выводка птенцовъ . . . . . —
3. Образъ жизни куропатокъ осенью и зимою. 177
4. Неосторожность куропатокъ. —
Л. Перепелка 178
1. Свойства перепелки . . . . —
2. Выводка птенцовъ . . . . . —
3. Образъ жизни перепелокъ лѣтомъ 179
4. Отлетъ перепелокъ . . . . . —
М. Лѣсъ 180
1. Краснолѣсье чернолѣсье . . —
2. Древесныя породы чернолѣсья 181
3. Населеніе лѣсовъ . . . . . —
Н. Дикіе голуби . . . . . —
1. Выводка птенцовъ . . . . . —
2. Кормленіе голубятъ. 182
3. Полетъ голубей и ихъ образъ жизни лѣтомъ и осенью до отлета . 183
О. Зайцы . . . . . —
1. Особенность въ строеніи тѣла зайца . . . . . —
2. Чѣмъ питаются зайцы . . . 184
3. Трусливость зайца 185
4. Беззащитность зайца . . . . —
V. Изъ „Записокъ объ уженьѣ рыбы“ . 186
А. Щука. . . . . —
1. Странныя продѣлки щукъ . . —
2. Алчность щукъ . . . . . —
Б. Какъ кошки ловятъ рыбу 187

Г. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Біографическій очеркъ 187
А. Стихотворенія, изображающія радости крестьянской жизни.
I. Урожай 188
II. Пѣсня пахаря. 189
III. Крестьянская пирушка 190
Б. Стихотворенія, изображающія горе крестьянской жизни.
IV. Раздумье селянина 191
V. Доля бѣдняка 192
VI. Вторая пѣсня лихача кудрявича . . —
VII. Что ты спишь, мужичокъ? 193
В. Разныя стихотворенія.
VIII. Лѣсъ 194
IX. Косарь 195
X. Ночлегъ чумаковъ 196
XI. Могила 197

Д. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Біографическій очеркъ 197
I. Пахарь 198
1. Майскій вечеръ . . . . —
2. Видъ окресности съ вершины горы . . . . —
3. Въ полѣ . . . . —
4. Пахота и посѣвъ 199
5. Одинокій пахарь . . . . —
6. Савелій 200
7. Отчего Савелій былъ одинъ . . . . —
8. Любовь старика къ полевымъ работамъ . . . . —
9. Какъ относился старикъ къ фабричному ремеслу 201
10. Безкорыстіе стараго пахаря . . . . —
11. Знаніе старикомъ хозяйственнаго дѣла 202
12. Примѣты 203
13. Уваженіе къ старику міра . . . . —
14. Какъ старикъ раздѣлилъ двухъ братьевъ 204
15. Какъ старикъ отдалъ сына въ солдаты . . . . —
16. Послѣднія минуты умирающаго 205
17. Заключеніе 206
II. Прохожій 206
1. Страшная ночь . . . . —
2. Васильевъ вечеръ 207
3. У деревни . . . . —
4. Крестьянская пирушка 208
5. Василиса и ея изба . . . . —
6. Прохожій 209
7. Завѣщаніе . . . . —
8. Храмовой праздникъ 210
9. Савелій и пономарь 211
10. Новая изба . . . . —
III. Свѣтлое Христово Воскресенье . . . 212
1. Благовѣстъ . . . . —
2. Изба и ея хозяинъ . . . . —
3. Андрей отправляется къ заутренѣ . . . . —
4. Дорога въ церковь 213
5. О чемъ думалъ Андрей . . . —
6. Въ церкви 214
7. Послѣ обѣдни 215
8. Дома . . . . —
9. Тщетные поиски огня 216
10. Чумаки . . . . —
11. Какъ Андрей добылъ огня 217
12. Чудесныя деньги . . . . —

Е. Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій.

Біографическій очеркъ 219
Мальчикъ у Христа на елкѣ . . . . —
1. Въ подвалѣ . . . . —
2. Въ маломъ и большомъ городѣ —
3. У елки 220
4. Чудныя куклы . . . . .
5. У Христа на елкѣ . . . —

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Ж. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Біографическій очеркъ 221
I. Боже Царя храни! 223
II. Деревня . . . . —
III. Русланъ и Людмила 224
1. Прологъ . . . . —
2. Пиръ у князя Владимира . —
3. Русланъ на полѣ старой битвы 225
4. Чудесная голова 226
IV. Кавказскій плѣнникъ . . . . —
1. Плѣнникъ 227
2. Черкесы . . . . —
а) Общая характеристика черкесовъ . . . . —
б) Военныя предпріятія черкесовъ 228
в) Черкесъ у себя дома . . . 229
3. Черкесская пѣсня 230
V. Цыганы 231
1. Цыганскій таборъ . . . . —
2. Переходъ на другое кочевье. 232
3. Беззаботная птичка . . . —
4. Разсказъ старика цыгана объ Овидіи . . . . —
VI. Птичка 233
VII. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ 234
VIII. Зимній вечеръ 237
IX. Изъ „Евгенія Онѣгина“ 238
1. Осень и зима . . . . —
2. Зима 239
3. Наступленіе весны . . . . —
4. Наступленіе зимы . . . . —
5. Москва 240
Москва. Ѳ. Глинки . . . . —
X. Зимняя дорога 242

XI. Къ морю . . . . . —
XII. Осень 243
XIII. Утопленникъ . . . . . —
XIV. Обвалъ 245
XV. Монастырь на Казбекѣ . . . 246
XVI. Кавказъ . . . . . —
XVII. Делибашъ 247
XVIII. Донъ 248
XIX. Дорожныя жалобы . . . . . —
XX. Зимнее утро 249
XXI. Зимнее утро въ столицѣ . . . —
XXII. Петербургъ 250
XXIII. Конь 253
XXIV. Вурдалакъ . . . . . —
XXV. Бонапартъ и черногорцы . . . —
XXVI. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ . . 254
1. Первая встрѣча рыбака съ рыбкой . . . . . —
2. Старуха хочетъ имѣть корыто 255
3. Старуха хочетъ имѣть избу . —
4. Старуха хочетъ быть столбовой дворянкой 256
5. Старуха хочетъ быть царицей —
6. Старуха хочетъ быть владычицей морской 257
XXVII. Туча 258
XXVIII. Молитва 259
XXIX. Путешествіе въ Эрзерумъ . . —
1. Генералъ Ермоловъ . . . 260
2. Отъ Орла до Ставрополя —
3. Въ калмыцкой кибиткѣ . 261
4. Кавказскія минеральныя воды . . . . . —
5. Оказія 262
6. Военно-грузинская дорога —
7. Черкесы 263
8. Осетинскія похороны . . —
9. Даріальское ущелье . . . 264
10. Обвалы . . . . . —
11. Въ Грузіи 265
12. Тифлисскія бани . . . . . —
13. Описаніе Тифлиса 266
14. Встрѣча тѣла убитаго Грибоѣдова . . . . . —
15. Язиды 267
16. Турецкіе плѣнники . . . —
17. Эрзерумъ 268
XXX. Записки Джона Теннера . . . 269
1. Новоселье . . . . . —
2. Какъ я ускользнулъ изъ дому —
3. Похищеніе . . . . . —
4. Первые дни въ плѣну . . 270
5. Первая добыча . . . . . —
6. Въ индѣйской деревнѣ . . 271
7. Съ какой цѣлью индѣйцы похитили маленькаго Джона . . . —
8. Въ индѣйской семьѣ . . . —
9. Дальнѣйшая жизнь среди дикарей и ненависть къ мальчику стараго индѣйца 272
10. Перемѣна въ положеніи Джона . . . . . —
11. Первая охота . . . . . —
12. Охота на медвѣдя 273
13. Американскій олень . . . —
14. Какъ индѣйцы ганятъ лосей 274
15. Какъ я чуть не замерзъ на охотѣ . . . . . —
16. Занятія и нравы индѣйцевъ 275
17. Теннеръ извѣщаетъ своихъ родныхъ . . . . . —
18. Теннеръ поселяется среди образованныхъ людей 276

3. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Біографическій очеркъ 276
I. Парусъ 277
II. Валерикъ 279
III. Бѣглецъ 282
IV. Казачья колыбельная пѣсня . . 285
V. Два великана 286
VI. Бородино . . . . . —
VII. Воздушный корабль 289
VIII. Дубовый листокъ 291
IX. Когда волнуется желтѣющая нива . 292
X. Молитва 293
XI. Ангелъ . . . . . —
XII. Вѣтка Палестины 294
XIII. Три пальмы 296

И. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Біографическій очеркъ 298
I. Перепелка 299
1. Мѣстность вокругъ хутора —
2. Охота . . . . . —
3. Моя любовь къ охотѣ . . 300
4. Охота на драхву . . . . —
5. Случай на охотѣ . . . 301
6. Я перестаю любить охоту —
II. Пегасъ 302
1. Пегасъ . . . . . —
2. Недостатки и достоинства Пегаса 303
3. Случай съ Пегасомъ на охотѣ —
4. Второй случай 304
5. Третій случай . . . . . —
6. Какъ Пегасъ хотѣлъ отдѣлаться отъ намордника 305
7. Пегасъ въ старости . . . 306
III. Ермолай и его Валетка . . . —
1. Ермолай . . . . . —
2. Валетка 307
3. Чѣмъ занимался Ермолай —
4. Странности Ермолая . . . 308

5. Взаимныя отношенія Ермолая и окружающихъ людей 309
IV. Касьянъ съ Красивой Мечи . . . —
1. Похороны . . . . . —
2. Непріятное приключеніе . 310
3. Ѣзда на трехъ колесахъ . —
4. Въ Юдиныхъ Выселкахъ . 311
5. Поѣздка съ Касьяномъ на ссѣчки . . . . . —
6. На ссѣчкахъ 312
7. Что дѣлалъ Касьянъ на охотѣ . . . . . —
8. Въ рощѣ 313
9. Мнѣніе Касьяна объ охотѣ . —
10. Чѣмъ занимался Касьянъ . 314
11. Какого мнѣнія былъ Ерофей о Касьянѣ 315
V. Поѣздка въ Полѣсье 316
1. Видъ Полѣсья . . . . . —
2. Въ Полѣсьѣ . . . . . —
3. Въ селѣ Святомъ 317
4. Егоръ . . . . . —
5. Въ Мошномъ 318
6. Возвращеніе съ охоты . . —
7. Лѣсной пожаръ 319
8. Вечеръ въ лѣсу . . . . . —
VI. Стихотворенія въ прозѣ . . . 320
1. Нищій. . . . . —
2. Маша . . . . . —
3. Воробей 321
4. Милостыня . . . . . —
5. Щи 322
6. Два богача 323
7. Голуби 323
8. Послѣднее свиданіе . . . —
9. Какъ хороши были розы . 324
10. Морское плаваніе . . . . —
11. Мы еще повоюемъ 325

I. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Біографическій очеркъ 325

А. Времена года.

I. Весна 326
II. Весна . . . . . —
III. Вербная недѣля . . . . . —
IV. Сѣнокосъ 327
V. Ласточка . . . . . —
VI. Пейзажъ . . . . . —
VII. Осень 328
VIII. Осыпались желтые клены . . . —

Б. Разныя стихотворенія.

IX. Мать и дѣти 328
X. Казакъ 329
XI. Пастухъ . . . . . —
XII. Три правды 330
XIII. Разсказы изъ русской исторіи . . 333
А. Битва на Куликовомъ полѣ. —
1. Походъ Мамая на Русь . . —
2. Сборы русскихъ въ походъ противъ татаръ 334
3. Походъ . . . . . —
4. Добрыя знаменья 335
5. Передъ битвой 336
6. Битва 337
7. Побѣда 338
8. Поиски великаго князя . . —
9. „На костяхъ“ 339
10. Торжество Руси . . . . —
Б. Покореніе Казани и Астрахани 340
1. Татарскіе набѣги и грабежи. —
2. Походъ на Казань 341
3. Осада Казани . . . . . —
4. Взрывы 342
5. Приступъ 343
6. Въ Казани . . . . . —
В. Завоеваніе Сибири. . . 344
1. Разбойничество на Волгѣ . —
2. Кто былъ Ермакъ 345
3. Ермакъ на Волгѣ . . . . —
4. Ермакъ отправляется въ Сибирь 346
5. Первая встрѣча съ татарами. 347
6. Что происходило въ царствѣ Кучума . . . . . —
7. Битва съ татарами 348
8. Уныніе казаковъ . . . . —
9. Битва съ Кучумомъ . . . 349
10. Въ Кучумовой столицѣ . . 350
11. Новыя завоеванія . . . . —
12. Ермакъ увѣдомляетъ царя и Строгановыхъ о своихъ завоеваніяхъ 351
13. Гонцы Ермака въ Москвѣ . —
14. Смерть Ермака 352

К. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Біографическій очеркъ 353
I. Кавказскій плѣнникъ . . . . —
1. Отъѣздъ Жилина изъ арміи . —
2. Неосторожность 354
3. Какъ Жилинъ наткнулся на татаръ . . . . . —
4. Какъ Жилинъ попалъ въ плѣнъ 355
5. Первая ночь въ плѣну . . —
6. Что видѣлъ Жилинъ утромъ. 356
7. Дина . . . . . —
8. Въ татарской саклѣ . . . . —
9. Торгъ 357
10. Встрѣча съ Костылинымъ . —
11. Совмѣстная жизнь въ плѣну 358
12. Куклы . . . . . —
13. Какъ Жилинъ прослылъ мастеромъ на всѣ руки 359

14. Приготовленіе къ побѣгу . —
15. Какъ плѣнники ушли изъ аула —
16. Въ дорогѣ 360
17. Олень . . . . . —
18. Встрѣча съ татариномъ . . —
19. Погоня 361
20. Поимка бѣглецовъ . . . . —
21. Опять въ плѣну . . . . . —
22. Печальное извѣстіе 362
23. Какъ Жилинъ выбрался изъ ямы . . . . . —
24. Новый побѣгъ 363
25. Возвращеніе къ своимъ . . —
II. Дѣтство и отрочество 364
1. Пробужденіе . . . . . —
2. Слезы . . . . . —
3. Классная комната 365
4. Новость 366
5. Приготовленіе къ охотѣ . . —
6. Охота 367
7. Оплошность . . . . . —
8. Въ чуланѣ 368
9. Какъ и о чемъ молился Гриша 369
10. Что происходило во дворѣ передъ отъѣздомъ . . . . . —
11. Что происходило передъ отъѣздомъ въ комнатѣ 370
12. Въ коляскѣ 371
13. Стихи . . . . . —
14. Именинные подарки . . . 372
15. Бабушка и папа читаютъ мои стихи 373
16. Игра въ разбойники . . . —
17. Возвращеніе въ деревню . 374
18. Въ комнатѣ умирающей . —
19. Утро на постояломъ дворѣ 375
20. Путевыя впечатлѣнія . . 376
21. На козлахъ . . . . . —
22. Передъ грозой 377
23. Гроза 378
24. Послѣ грозы . . . . . —
25. Въ ожиданіи учителя . . . 379
26. Единица 380
27. Ключикъ 381
28. О чемъ я думалъ въ одиночествѣ 382
29. Какъ Володя держалъ вступительный экзаменъ 384
30. Володя студентъ . . . . . —
31. Концертъ Фильда 385
32. Смерть бабушки 386
33. Я . . . . . —
III. Богъ правду любитъ, да нескоро скажетъ 387
1. Поѣздка на ярмарку . . . —
2. Обыскъ . . . . . —
3. Арестъ 388
4. Свиданіе съ семействомъ . —
5. Въ каторгѣ 389
6. Встрѣча . . . . . —
7. Что думалъ Аксеновъ послѣ встрѣчи 390
8. Подкопъ 391
9. Прощеніе . . . . . —

Л. Иванъ Саввичъ Никитинъ.

Біографическій очеркъ 392
I. Вырыта заступомъ яма глубокая . 393
II. Русь . . . . . —
III. Соха 395
IV. Нищій . . . . . —
V. Молитва дитяти . . . . . —
VI. Могила дитяти . . . . . —
VII. Сладость молитвы 396
VIII. Утро на берегу озера . . . . —
XI. Гнѣздо ласточки 398
X. Ночь на берегу моря 398
XI. Ярко звѣздъ мерцанье . . . . —
XII. Тихо ночь ложится 399
XIII. Ключъ . . . . . —
XIV. Жена ямщика 400
XV. Зимняя ночь въ деревнѣ 401
XVI. Ночлегъ въ деревнѣ 402
XVII. Пряха . . . . . —
XVIII. Тишина ночи 403
XIX. Моленіе о чашѣ . . . . . —

М. Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Біографическій очеркъ 407
I. Лѣтопись для первоначальнаго чтенія . . . . . —
1. Поляне . . . . . —
2. Призваніе варяговъ 408
3. Олегъ 409
4. Игорь . . . . . —
5. Ольга 410
6. Святославъ . . . . . —
7. Осада Кіева 411
8. Печенѣги снимаютъ осаду . —
9. Смерть Ольги и возвращеніе Святослава въ Переяславецъ . . 412
10. Война съ греками . . . . —
11. Миръ съ греками 413
12. Крещеніе Руси 414
13. Единоборство 415
14. Пиры у князя Владимира. 416
15. Печенѣги подъ Бѣлогородомъ 417
16. Убійство Бориса 418
17. Побѣда Ярослава надъ Святополкомъ . . . . . —
18. Смерть Ярослава 419
19. Владимиръ Мономахъ . . 420
20. Походъ Игоря на половцевъ 421

21. Пораженіе русскихъ и плѣнъ Игоря . . . . . —
22. Бѣгство Игоря 422
23. Нашествіе татаръ но половцевъ 423
24. Пораженіе русскихъ на рѣкѣ Калкѣ . . . . . —
II. Общедоступныя чтенія по русской исторіи 424
1. Распри въ семьѣ Алексѣя Михайловича . . . . . —
2. Стрѣлецкій бунтъ 425
3. Дѣтство Петра I. . . . . —
4. Тиммерманъ и Брандъ . . 426
5. Заговоръ 428
6. Петръ подъ Азовомъ . . . —
7. Петръ за границей . . . . —
8. Распоряженія Петра по возвращеніи изъ-за границы 429
9. Измѣна Мазепы . . . . . —
10. Полтавская побѣда 430
11. Прутскій походъ . . . . . —
12. Миръ со Швеціей 431
13. Заботы Петра о внутреннихъ дѣлахъ государства 432
14. Учрежденіе фабрикъ и заводовъ . . . . . —
15. Учрежденіе синода . . . 433
16. Заботы Петра о просвѣщеніи 434
17. Заботы о просвѣщеніи при Елизаветѣ Петровнѣ 435
18. Ломоносовъ . . . . . —
19. Наполеонъ 436
20. Причина отечественной войны 1812 года . . . . . —
21. Начало войны 437
22. Бородино 438
23. Наполеонъ въ Москвѣ . . 439
24. Неудачи французовъ . . . —
25. Отступленіе Наполеона изъ Москвы 440
26. Война съ Наполеономъ за границею 441
27. Русскіе въ Парижѣ 442

Н. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ.

Біографическій очеркъ 442
I. Бабушка и внучекъ 443
II. На берегу 444
III. Житейское 445
IV. Елка 446
V. Былъ у Христа младенца садъ . . 446
VI. Зимній вечеръ . . . . . —
VII. Птичка 447
VIII. Сельская пѣсня . . . . . —
IX. Цвѣтокъ 448

Указатель объясненныхъ въ книгѣ словъ и оборотовъ 449

Церковно-славянскій текстъ 462

Того же автора:

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ ВЫБОРѢ И ОБРАБОТКѢ ДЛЯ ШКОЛЪ.

Томъ 2-й. Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ, Гр. Л. Толстой, Майковъ, Гончаровъ, Ломоносовъ, Дмитріевъ, Державинъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Жуковскій.—Приложенія: Произведенія народной словесности. — Указатель объясненныхъ къ книгѣ словъ и оборотовъ. Изданіе 23, стереотипное

Цѣна 1 р. 25 к.

Оба, 1-й и 2-й, тома имѣются съ удареніями и безъ удареній.

Томъ 3-й. Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонвизинъ Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Крыловъ и другіе.—Приложенія: Теоретико-литературный указатель. Указатель произведеній, помѣщенныхъ въ I, II и III томахъ книги.—Произведенія народной духовной и иностранной словесности. Изданіе 9, стереотипное. 1913 г.

Цѣна 2 руб.

Примѣчаніе для преподающихъ. Въ школѣ, гдѣ преобладаютъ инородцы, не слѣдуетъ начинать съ произведеній народной словесности, ибо народный языкъ для учащихся труденъ.

Приложеніе.

Произведе́нія наро́дной слове́сности

возни́кли среди́ наро́да и передава́лись изъ ро́да въ родъ у́стно. Поэтому они́ ина́че называ́ются произведе́ніями у́стной слове́сности. Ли́ца, сложи́вшія ихъ, неизвѣстны. Оди́нъ изъ отдѣ́ловъ произведе́ній наро́дной слове́сности составля́ютъ

СКА́ЗКИ,

кото́рыя дѣ́лятся на ска́зки о живо́тныхъ и правоучи́тельныя, т.-е. выража́ющія каку́ю-ли́бо пра́вственную мысль.

а) Ска́зки о живо́тныхъ

сло́жены въ глубо́кую старину́, когда́ лю́ди вели́ ещё охо́тничій и пасту́шескій (кочево́й) о́бразъ жи́зни. Тогда́ наро́дъ ду́малъ, да и тепе́рь ещё прости́е лю́ди ду́маютъ, что живо́тныя мо́гутъ говори́ть и дѣ́йствовать, какъ и человѣ́къ. Наича́ще дѣ́йствующимъ лицо́мъ наро́дныхъ ска́зокъ явля́ется лисица. Со ска́зки о ней мы и начнёмъ.

1. Лиси́чка-сестри́чка. 1. **О томъ, какъ лиси́чка обману́ла старика́.** Жи́ли себѣ́ дѣдъ да ба́ба. Дѣдъ говори́тъ ба́бѣ: „Ты, ба́ба, пеки́ пироги́, а я запрягу́ са́ни да пое́ду за ры́бой". Наловя́лъ ры́бы и везе́тъ домо́й цѣ́лый возъ. Вотъ е́детъ онъ и ви́дитъ: лиси́чка свернула́сь кола́чикомъ[1] и лежи́тъ на доро́гѣ. Дѣдъ слѣ́зъ съ во́за, подошёлъ къ лиси́чкѣ; а она́ не ворохнется[2], лежи́тъ себѣ́, какъ мёртвая „Вотъ бу́детъ пода́рокъ женѣ́!" сказа́лъ дѣдъ, взялъ лиси́чку и положи́лъ на возъ, а самъ пошёлъ впереди́. А лиси́чка улучи́ла вре́мя[3] и ста́ла выбра́сывать полего́ньку изъ во́за всё по ры́бкѣ да по ры́бкѣ, всё по ры́бкѣ да по ры́бкѣ. Повы́бросала всю ры́бу, а сама́ ушла́. „Ну, стару́ха", говори́тъ дѣдъ, „како́й воротни́къ привёзъ я тебѣ́ на шу́бу!" —Гдѣ? „Тамъ, на возу́—и ры́ба и воротни́къ". Подошла́ ба́ба къ во́зу—ни воротника́ ни ры́бы, и на́чала руга́ть му́жа:—Ахъ, ты, ста́рый хрѣнъ! тако́й-сяко́й! ты ещё вздумалъ обма́нывать! Тутъ дѣдъ смекну́лъ[4], что лиси́чка-то была́ не мёртвая; погорева́лъ-погорева́лъ, да дѣ́лать не́чего.

2. **Кова́рный сове́тъ.** Лиси́чка собра́ла всю разбро́санную ры́бу

---

[1]Кружко́мъ, кольцо́мъ; кола́чъ—кру́глый, обыкновенно пшени́чный, хлѣбъ съ кру́глою насквозь пусто́тою въ среди́нѣ. [2]Не шевельнётся. [3]Выбрала удобное вре́мя. [4]Поняль.

въ ку́чку, усѣлась на доро́гѣ и ку́шаетъ себѣ. Прихо́дитъ къ ней сѣрый волкъ. „Здра́вствуй, сестри́ца!“—Здра́вствуй, бра́тецъ! „Дай мнѣ ры́бки!“—Налови́ самъ, да и ку́шай. „Я не умѣю“.—Эка[1], вѣдь я же наловила! Ты, бра́тецъ, ступа́й на рѣку́, опусти́ хвостъ въ про́рубь, сиди́ да приговаривай: ловись, ры́бка, и мала́ и вели́ка; ловись, ры́бка, и мала́ и вели́ка. Ры́бка къ тебѣ сама́ на хвостъ нацѣпля́ется; да смотри́ сиди́ подо́льше, а то не нало́вишь.

Волкъ пошёлъ на рѣку́, опусти́лъ хвостъ въ про́рубь и на́чалъ приговаривать: „Ловись, ры́бка, и мала́ и вели́ка; ловись, ры́бка, и мала́ и вели́ка!“ Вслѣдъ за нимъ и лиса́ яви́лась; хо́дитъ о́коло во́лка да причи́тываетъ:—Ясни, я́сни[2] на́ небѣ; мѣ́рзни, мѣ́рзни, во́лчій хвостъ! „Что ты, лиси́чка-сестри́чка, говори́шь?“—То я тебѣ́ помога́ю. А сама́, плуто́вка, помину́тно твердитъ[3]:—Мѣ́рзни, мѣ́рзни, во́лчій хвостъ! До́лго, до́лго сидѣ́лъ волкъ у про́руби, цѣ́лую ночь не сходи́лъ съ мѣ́ста, хвостъ его́ и приморо́зило; попро́бовалъ бы́ло приподня́ться,—не тутъ-то бы́ло! Эка, ско́лько ры́бы привали́ло, и не вытащишь! ду́маетъ онъ. Смо́тритъ, а ба́бы иду́тъ за водо́й и крича́тъ, зави́дя сѣ́раго: „Волкъ, волкъ! бе́йте его́! бе́йте его́!“ Прибѣжа́ли и на́чали колоти́ть во́лка—кто коромы́сломъ[4], кто ведро́мъ, кто чѣ́мъ попа́ло. Волкъ пры́галъ, пры́галъ, оторва́лъ себѣ́ хвостъ и пусти́лся безъ огля́дки бѣжа́ть. „Хорошо́ же, ду́маетъ: ужъ я тебѣ́ отплачу́, сестри́ца!“

3. Би́тый неби́таго везётъ. Тѣ́мъ вре́менемъ, пока́ волкъ отдува́лся свои́ми бока́ми, лиси́чка-сестри́чка захотѣ́ла попро́бовать, не уда́стся ли ещё что-нибу́дь стяну́ть; забра́лась въ одну́ избу́, гдѣ ба́бы пекли́ блины́, да попа́ла голово́й въ ка́дку съ тѣ́стомъ, вы́мазалась и бѣжи́тъ. А волкъ ей навстрѣ́чу: „Та́къ-то у́чишь ты? меня́ всего́ исколоти́ли!“—Эхъ, во́лчику-бра́тику[5] говори́тъ лиси́чка-сестри́чка, у тебя́ хоть кровь вы́ступила, а у меня́—мозгъ; меня́ больна́ твоего́ прибили: я наси́лу плету́сь. „И то пра́вда“, говори́тъ волкъ: „гдѣ ужъ тебѣ́, сестри́ца, итти́; садись на меня́, я тебя́ повезу́!“ Лиси́чка сѣ́ла ему́ на́ спину, онъ её и повёзъ. Вотъ лиси́чка-сестри́чка сидитъ да потихо́ньку напѣва́етъ: „Би́тый неби́таго везётъ, би́тый неби́таго везётъ!“ — Что ты, сестри́ца, говори́шь? „Я, бра́тецъ, говорю́: би́тый би́таго везётъ“.—Такъ, сестри́ца, такъ!

Но не всегда́ плу́тни лисы́ остаю́тся безнака́занными. Иногда́ и ей „отмѣ́риваютъ то́ю же мѣ́рой, како́ю мѣ́ритъ она́“, какъ это ви́дно изъ ска́зки:

---

[1]Обыкнове́нно выража́етъ уко́ръ, упрёкъ: како́й плохо́й, нела́дный! и́ли: какъ пло́хо, нела́дно! [2]Становись ясне́е. [3]Повторя́етъ. [4]Коромы́сло — перекла́дина, на кото́рой несу́тъ вёдра. — [5]Зва́т. паде́жъ, вм. во́лчикъ-бра́тикъ, бра́тецъ.

II. Лиса́ и жура́вль. Лиса́ съ журавлёмъ подружи́лась, да́же поку́милась съ нимъ у кого́-то на роди́нахъ. Вотъ и вздума́ла одна́жды лиса́ угости́ть журавля́, пошла́ звать его́ къ себѣ́ въ го́сти: „Приходи́, кумане́къ! приходи́, дорого́й! ужъ какъ я тебя́ угощу́!“ Идётъ жура́вль на зва́ный пиръ, а лиса́ нарѝла ма́нной[1] ка́ши и разма́зала по таре́лкѣ. Подала́ и по́тчуетъ[2]: „Поку́шай, мой голу́бчикъ-кумане́къ! сама́ стря́пала[3]“. Жура́вль хлопъ-хлопъ но́сомъ, стуча́лъ-стуча́лъ—ничего́ не попада́етъ! а лиси́ца въ э́то вре́мя ли́жетъ себѣ́ да ли́жетъ ка́шу, такъ всю сама́ и ску́шала. Ка́ша съѣ́дена; лиси́ца и говори́тъ: „Не безсу́дь[4], любе́зный кумъ: бо́льше по́тчевать не́чѣмъ“.—Спаси́бо, кума́, и на э́томъ! Приходи́ ко мнѣ въ го́сти. На друго́й день прихо́дитъ лиса́, а жура́вль пригото́вилъ окро́шку[5], накла́лъ въ кувши́нъ съ у́зкимъ го́рлышкомъ, поста́вилъ на столъ и говори́тъ:—Ку́шай, ку́мушка! не стыди́сь, голу́бушка! Лиса́ на́чала вертѣ́ться вокру́гъ кувши́на, и такъ зайдётъ и э́такъ, и лизнётъ его́, и понюхаетъ; то́лько всѣ́ нѣтъ-какъ-нѣтъ! не лѣ́зетъ голова́ въ кувши́нъ. А жура́вль межъ тѣ́мъ клю́етъ себѣ́ да клю́етъ, пока́ всѣ́ поѣ́лъ.—Ну, не безсу́дь, кума́: бо́льше угоща́ть не́чѣмъ. Взяла́ лису́ доса́да: ду́мала, что наѣ́стся на цѣ́лую недѣ́лю, а домо́й пошла́, какъ несо́лоно хлеба́ла. Съ тѣ́хъ поръ и дру́жба у лисы́ съ журавлёмъ—врозь.

Про́тивъ лисы́ лу́чшее ору́жіе то, каки́мъ она́ сама́ дѣ́йствуетъ,—хи́трость, что и ви́дно изъ ска́зки:

III. Лиса́, за́яцъ и пѣту́хъ. Жи́ли-бы́ли лиса́ да за́яцъ. У лиси́цы была́ избёнка ледяна́я, а у за́йчика лубяна́я[6]. Пришла́ весна́ красна́; у лиси́цы избёнка раста́яла, а у за́йчика стои́тъ по-ста́рому. Лиса́ попроси́лась у за́йчика въ избѣ́ погрѣ́ться, да за́йчика-то вы́гнала. Идётъ доро́гой за́йчикъ да пла́четъ, а ему́ навстрѣ́чу соба́ки. „Тяфъ, тяфъ, тяфъ! про что, за́йчикъ, пла́чешь?“ А за́йчикъ говори́тъ:—Отста́ньте, соба́ки! какъ мнѣ не пла́кать: была́ у меня́ избёнка лубяна́я, а у лисы́ ледяна́я; попроси́лась она́ ко мнѣ, да меня́ жъ и вы́гнала. „Не плачь, за́йчикъ!“ говоря́тъ соба́ки: „мы её вы́гонимъ“.—Нѣтъ, не вы́гоните! „Нѣтъ, вы́гонимъ!“ Подошли́ къ избёнкѣ. Тяфъ, тяфъ, тяфъ! поди́, лиса́, вонъ!“ А она́ имъ съ пе́чи:—Какъ вы́скочу, какъ вы́прыгну, пойду́ть клочки́ по зау́лочкамъ[7]! Соба́ки испуга́лись и ушли́.

За́йчикъ опя́ть идётъ да пла́четъ. Ему навстрѣ́чу мѣдвѣ́дь: „О чёмъ

---

[1] Ма́нна:—а) чуде́сная пи́ща, которую Богъ посыла́лъ израильтянамъ въ пусты́нѣ; б) пшени́чная крупа́. Ма́нная ка́ша—ка́ша изъ пшени́чной крупы́. [2] Угоща́етъ. [3] Гото́вила. [4] Не осужда́й, извини́. [5] Холо́дную похлёбку на квасу́; приготовля́ется изъ крошёнаго мя́са, съ лу́комъ и други́ми припра́вами. — [6] Сдѣ́ланная изъ лу́ба. Лубъ—ни́жній, ближа́йшій къ древеси́нѣ слой коры́. [7] По закоу́лочкамъ, по уголка́мъ.

зáйчикъ плáчешь?“ А зáйчикъ говорúтъ:—Отстáнь, медвéдь! нельзя мнѣ не плáкать: былá у меня́ избёнка лубяна́я, а у лисы́ ледяна́я; попроси́лась онá ко мнѣ, да меня́ жъ и вы́гнала. „Не плачь, зáйчикъ!“ говорúтъ медвéдь: „я её вы́гоню“. Нѣтъ, не вы́гонишь! собáки гнáли—не вы́гнали и ты не вы́гонишь. „Нѣтъ вы́гоню!“ Пошли́ гнать: „Поди́, лисá, вонъ!“ а онá съ пéчи:—Какъ вы́скочу, какъ вы́прыгну, пойдýтъ клочки́ по зауло́чкамъ! Медвéдь испугáлся и ушёлъ.

Идётъ опять зáйчикъ да гóрько-гóрько плáчетъ, а ему́ навстрéчу нéтýхъ съ косóю: „Кукурéку! про что, зáйчикъ, плáчешь?“—Отстáнь, нéтýхъ! какъ мнѣ не плáкать: былá у меня́ избёнка лубяна́я, а у лисы́ ледяна́я; попроси́лась онá ко мнѣ, да меня́ жъ и вы́гнала. „Пойдёмъ, я её вы́гоню“.—Нѣтъ, не вы́гонишь! собáки гнáли—не вы́гнали, медвéдь гналъ—не вы́гналъ, и ты не вы́гонишь. „Нѣтъ, вы́гоню!“ Подошли́ къ избёнкѣ: „Кукурéку! несý косý на плечи́[1], хочý лисý посѣчи́![2] поди́, лисá, вонъ!“ А онá услыхáла—испугáлась.—Погоди́, говорúтъ: одѣва́юсь... Нéтýхъ опять: „Кукурéку! несý косý на плечи́, хочý лисý посѣчи́! поди́, лисá, вонъ!“ А онá говорúтъ:—Шýбу надѣва́ю. Нéтýхъ въ трéтій разъ: „Кукурéку! несý косý на плечи́, хочý лисý посѣчи́! поди́, лисá, вонъ!“ Лисúца вы́бѣжала; онъ её и зарубúлъ косóю и сталъ съ зáйчикомъ жить поживáть, да добрá наживáть. Вотъ тебѣ́ скáзка, а мнѣ крúнка[3] мáсла.

Впрóчемъ, лисá умнѣе тóлько по сравнéнію съ другúми живóтными; иногдá и онá разсуждáетъ невпопáдъ и попла́чивается за свои́ ошúбки, на что ука́зываетъ скáзка:

IV. Мужúкъ, медвѣ́дь и лисá. 1. Мужúкъ и медвѣ́дь. Пахáлъ мужúкъ нúву[4]; пришёлъ къ нему́ медвѣдь и говорúтъ ему́: „Мужúкъ, я тебя́ сломáю!“—Нѣтъ, не трóгай: я вотъ посѣю рѣ́пу, ссóбѣ возьму́ хоть корешки́, а тебѣ́ отдáмъ вершки́. „Быть такъ!“ сказáлъ медвѣдь и ушёлъ въ дубрáву[5]. Прошлó врéмя. Мужúкъ рѣ́пу копáетъ, а медвѣдь изъ дубрáвы вылѣзáетъ: „Ну, мужúкъ, давáй дѣли́ть!“—Лáдно, медвѣ́дюшка, давáй! я привезу́ тебѣ́ вершки́,—и отвёзъ ему́ возъ ботвы́[6]. Медвѣдь остáлся довóленъ чéстнымъ раздѣ́ломъ. Вотъ мужúкъ наклáлъ свою́ рѣ́пу на возъ и повёзъ въ гóродъ продава́ть; а навстрéчу ему́ медвѣдь: „Мужúкъ, куда́ ты ѣ́дешь?“—А вотъ, медвѣ́дюшка, ѣ́ду въ гóродъ корешки́ продава́ть. „Дáй-ка попрóбовать, какóй корешóкъ!“ Мужúкъ далъ ему́ рѣ́пу. Медвѣдь какъ съѣлъ—„а-а“ заревѣ́лъ, „ты меня́ обманýлъ, мужúкъ! корешки́ твои слáденьки. Когдá бýдешь въ другóй разъ сѣ́ять, подавáй мнѣ́ корешки́, а себѣ́ берú вершки́“.—Лáдно!

---

[1]На плечѣ́. [2]Посѣ́чь. [3]Узкій, высóкій горшóкъ.—[4]Обрабáтываемое, служáщее для посѣ́ва пóле. [5]Чернолѣ́сье, лúственный лѣсъ. [6]Зéлень, трава́ корнеплóдныхъ растéній.

отвѣча́лъ мужи́къ, и посѣя́лъ пшени́цу. Пришло́ вре́мя—пшени́ца созре́ла. Мужи́къ взялъ себѣ́ вершки́, обмолоти́лъ ихъ намоло́лъ муки́ и нанёкъ си́тниковъ[1]; медвѣ́дь опя́ть не при чёмъ оста́лся. „Ну, мужи́къ!“ говори́тъ медвѣ́дь, „я на тебя́ кре́пко серди́тъ. Тепе́рь хоть не ѣзди ко мнѣ́ по дрова́, не то задеру́!“

2. О томъ, какъ лиса́ спасла́ мужика́ отъ медвѣ́дя. Мужи́къ воротя́лся изъ го́рода и боя́тся ѣ́хать въ лѣ́съ; пожёгъ и по́лочки, и ла́вочки, и ка́дочки; наконе́цъ, дѣ́лать не́чего—на́до въ лѣ́съ ѣ́хать. Въѣзжа́етъ потихо́ньку: отку́да ни возьми́сь[2]—бѣжи́тъ лиси́ца. „Что ты, мужичо́къ“, спра́шиваетъ она́, „такъ ти́хо бредёшь? — Боюсь медвѣ́дя: серди́тъ на меня́, обѣща́лъ задра́ть. „Что дашь? я тебя́ отъ бѣды́ отведу́“. Мужи́къ лисѣ́ покло́нъ:—Помоги́ то́лько, деся́тка куръ для тебя́ не пожале́ю. „Ну, такъ не бо́йся медвѣ́дя! руби́ дрова́, а я ста́ну порска́ть[3]; коли́ спро́ситъ медвѣ́дь, что тако́е, скажи́ — охо́тники ска́чутъ, ло́вятъ волко́въ да медвѣ́дей“. Мужи́къ приня́лся руби́ть; глядь —анъ медвѣ́дь бѣжи́тъ.—Эй, стари́къ! спра́шиваетъ, что э́то за кри́ки? Мужи́къ отвѣча́етъ:—Охо́тники ска́чутъ, ло́вятъ волко́въ да медвѣ́дей. — Охъ, мужичо́къ! не ска́зывай про меня́; я подъ твою́ теле́гу спря́чусь... А лиса́ изъ-за куето́въ кричи́тъ: „Мужи́къ! нѣтъ ли здѣсь волко́въ-бирюко́въ[4] да медвѣ́дей?“ Мужи́къ говори́тъ:—Нѣтъ! „А подъ теле́гой что лежи́тъ?“ — Коло́да. „Елибъ то была́ коло́да, она́ бы на возу́ лежа́ла да была́ бы верёвкою опу́тана“. Медвѣ́дь ше́пчетъ мужику́: —Положи́ меня́ поскоре́й на теле́гу да увяжи́ верёвкою. Мужи́къ не заста́вилъ себя́ до́лго упра́шивать, положи́лъ медвѣ́дя на теле́гу, увяза́лъ верёвкою—и дава́й обу́хомъ гвозди́ть его́ въ го́лову. Прибѣжа́ла лиса́ и говори́тъ: „Гдѣ́ медвѣ́дь?“—А вотъ околѣ́лъ.

3. Отъ хвоста́ и голова́ пропада́етъ. „Ну что жъ, мужичо́къ? тепе́рь ну́жно меня́ угости́ть“. — Изво́ль, ли́санька! пойдемъ ко мнѣ́, я тебя́ угощу́. Мужи́къ ѣ́детъ, а лиса́ впереди́ бѣжи́тъ; сталъ мужи́къ подъѣзжа́ть къ до́му, сви́стнулъ своимъ соба́камъ и притравилъ лиси́цу. Лиса́ пусти́лась къ лѣ́су—и юркъ[5] въ но́ру; спря́талась въ норѣ́ и спра́шиваетъ: „Охъ, вы, мои́ гла́зоньки! что вы дѣ́лали, какъ я отъ соба́къ спаса́лась?“—Мы смотрѣ́ли, чтобы ты не спотыкну́лась. „А вы, у́шки?“ —А мы слу́шали, далеко́ ли псы го́нятъ, „А вы, но́жки?“—Мы бѣжа́ли да бѣжа́ли, чтобъ тебя́ соба́ки не поймали. „А ты, хвости́ще, что дѣ́лалъ?“—Я-то? сказа́лъ хвостъ: я всё подъ нога́ми болта́лся, чтобъ ты

---

[1]Хлѣ́бовъ изъ си́тной, т.-е. чи́стой, че́резъ си́то, а не че́резъ рѣшето́ просѣ́янной муки́.—[2]Вдругъ, внеза́пно. [3]Кри́комъ и хло́паньемъ выгоня́ть звѣ́ря изъ лѣ́су въ по́ле (говори́тся объ охо́тникахъ).[4] Другое назва́ніе во́лка; бирюко́мъ называ́ютъ ещё нелюди́маго челове́ка.—[5]Юркнула: убѣжа́ла, скры́лась.

защу́талась да упа́ла, да къ соба́камъ въ зу́бы попа́ла. „А-а, кана́лья[1]!“ отозва́лась лиси́ца, „такъ вотъ же тебѣ!“ И, высунувъ изъ норы́ свой хвостъ, она́ закрича́ла: „Вшьте его́, соба́ки!“ Соба́ки ухвати́лись за хвостъ, вы́тащили лиси́цу и разорва́ли её на ча́сти. Та́къ-то ча́сто быва́етъ: отъ хвоста́ и голова́ пропада́етъ.

V. Соба́ка и дя́тель[2]. 1. Соба́чья ста́рость. Бы́ли-жи́ли мужи́къ да ба́ба и не зна́ли, что тако́е рабо́та; а была́ у нихъ соба́ка, она́ ихъ и корми́ла и пои́ла. Но пришло́ вре́мя, ста́ла соба́ка стара́: куда́ ужъ тутъ корми́ть мужика́ съ ба́бою! чуть сама́ съ го́лоду не пропада́етъ. „Послу́шай, стари́къ!“ говори́тъ ба́ба: „возьми́ ты э́ту соба́ку, отведи́ за дере́вню и прогони́; пусть идётъ, куда́ хо́четъ: тепе́рь она́ намъ не на́добна. Было вре́мя, корми́ла насъ,—ну, и держа́ли её“. Взялъ стари́къ соба́ку, вы́велъ за дере́вню и погна́лъ прочь. Вотъ соба́ка хо́дитъ себѣ́ по чи́стому по́лю, а домо́й итти́ бои́тся: стари́къ со стару́хою ста́нутъ бить-колоти́ть. Ходи́ла, ходи́ла, сѣ́ла на́земь[3] и завы́ла кре́пкимъ го́лосомъ.

2. Нахо́дчивый това́рищъ. Лете́лъ ми́мо дя́тель и спра́шиваетъ: „О чёмъ ты во́ешь?“ — Какъ не выть мнѣ, дя́тель: была́ я молода́, корми́ла-пои́ла старика́ со стару́хою; ста́ла стара́, они́ меня́ и прогна́ли. Не зна́ю, гдѣ вѣкъ доживать. „Пойдёмъ ко мнѣ, карау́ль[4] мои́хъ дѣ́тушекъ, а я корми́ть тебя́ ста́ну“. Соба́ка согласи́лась и побѣжа́ла за дя́тломъ. Дя́тель прилете́лъ въ лѣсъ къ ста́рому ду́бу, а въ ду́бѣ бы́ло дупло́[5], въ дупле́ дя́тлово гнѣ́здо́. „Сади́сь о́коло ду́ба“, говори́тъ дя́тель: „никого́ не пуска́й, а я полечу́ разы́скивать ко́рму“. Соба́ка усѣ́лась во́злѣ ду́ба, а дя́тель полете́лъ. До́лго ли, ко́ротко ли—вороти́лся онъ къ ду́бу и говори́тъ соба́кѣ: „Пойдёмъ скоре́е въ дере́вню: тамъ свадьбу игра́ютъ, бу́детъ чѣмъ поживи́ться“. И то́тчасъ пусти́лись въ дере́вню. Пти́ца прилете́ла въ избу́, гдѣ мужики́ свадьбу справля́ли, и на́чала по столамъ бѣ́гать, а го́сти ста́ли кида́ть въ неё кто чѣмъ попа́ло, всё перебили и подъ столъ перебросали; въ тако́й суматохѣ соба́ка незамѣ́тно пробра́лась въ ту же избу́, затесалась подъ столъ, наѣ́лась, ско́лько душѣ́ уго́дно, и ушла́. „Ну, что—сыта́?“ спра́шиваетъ дя́тель. —Сыта́-то сыта́, да пить хочу́! говори́тъ соба́ка. Ступа́й въ сосѣ́днюю избу́: тамъ стари́къ вино́ цѣ́дитъ изъ бо́чки“. Дя́тель влетѣ́лъ въ око́шко, сѣ́лъ на бо́чку—и ну[6] долби́ть въ са́мое дно. Стари́къ хотѣ́лъ уда́рить

[1]Бездѣ́льникъ, негодя́й.—[2]Пти́ца, отлича́ющаяся кре́пкимъ четырехгра́ннымъ кло́вомъ; пита́ется личинками и насѣко́мыми, кото́рыхъ она́ достаётъ изъ-подъ коры́ дере́вьевъ, проде́лбивая её. [3]На зе́млю.—[4]Стереги. [5]Пустота́ въ древе́сномъ стволѣ: происхо́дитъ обыкнове́нно вслѣ́дствіе гніе́нія его. [6]На́чалъ.

дя́тла, ки́нулъ въ него́ воро́нкой[1], да не попа́лъ; воро́нка куда́-то зака-ти́лась. Стари́къ и туда́ и сюда́,—не мо́жетъ найти́! а вино́ изъ бо́чки льётся да льётся на́земь. Соба́ка пробра́лась въ избу́, напила́сь—и на-за́дъ. Сошла́сь съ дя́тломъ и говори́тъ ему́: „Я тепе́рь и сыта́ и пьяна́, хочу́ вдо́воль насмѣя́ться!“—Ла́дно, отвѣча́етъ дя́тель. Вотъ увида́ли они́, что рабо́тники хлѣбъ моло́тятъ. Дя́тель то́тчасъ сѣлъ къ одному́ рабо́т-нику на плечо́ и сталъ клева́ть его́ въ затылокъ; а друго́й па́рень схва-ти́лъ па́лку, хотѣ́лъ уда́рить пти́цу, да огрѣ́лъ рабо́тника, и начала́сь ме́жду ни́ми дра́ка... А соба́ка отъ смѣ́ху такъ по землѣ́ и ката́ется!

3. Дя́тлова месть. По́слѣ того́ дя́тель съ соба́кою пусти́лись въ чи́стое по́ле и повстрѣча́ли лиси́цу. Дя́тель на́чалъ мани́ть[2] лиси́цу: чуть-чуть поды́мется вверхъ и опя́ть опу́стится внизъ; лиса́ ну гопя́ться за нимъ по́ полю, а соба́ка подкра́лась за́ди къ лиси́цѣ, подползла́ на брю́-хѣ, хвать[3] её за ше́ю и на́чала грызть. На ту по́ру ѣ́халъ въ го́родъ мужи́къ съ во́зомъ горшко́въ продава́ть; уви́дѣлъ, что соба́ка лису́ да́витъ, прибѣжа́лъ къ нимъ съ полѣ́номъ, уда́рилъ со всего́ разма́ху, уби́лъ и ту и другу́ю. Озли́лся дя́тель на старика́; сѣлъ его́ ло́шади на го́лову и сталъ выклёвывать ей глаза́. Мужи́къ бѣжи́тъ съ полѣ́номъ, хо́четъ уби́ть дя́тла, прибѣжа́лъ, какъ хва́титъ—ло́шадь тутъ же и повали́лась мёр-твая. А дя́тель увернулся, перелетѣ́лъ на возъ и пошёлъ бѣ́гать по гор-шка́мъ, а самъ такъ и бьётъ кры́льями. Мужи́къ за нимъ—и ну полѣ́-номъ по́ возу-то, по́ возу-то; переби́лъ всѣ горшки́ и пошёлъ домо́й ни съ чѣ́мъ, а дя́тель улетѣ́лъ въ лѣсъ.

VI. Коза́ рья́ная, за́ боки дра́ная. 1. Напра́сныя жа́лобы. Бы́ли себѣ́ дѣдъ да ба́ба; у дѣ́да—до́чка и у ба́бы—до́чка. Купи́лъ дѣдъ козу́ и посла́лъ ба́бину до́чку пасти́ её. Вотъ она́ цѣ́лый день пасла́, а къ ве́черу го́нитъ козу́ домо́й. Дѣдъ сиди́тъ у воро́тъ и спра́-шиваетъ: „Коза́ моя́ ми́лая! наѣ́лась ли, напила́сь ли ты?“ А коза́ отвѣ-ча́етъ:—Нѣтъ, дѣ́душка!

Какъ бѣжа́ла че́резъ мосто́чекъ, ухвати́ла кленово́вый листо́чекъ; какъ бѣжа́ла че́резъ гребе́льку[5], ухвати́ла воды́ капе́льку[6]. Только всего́ пила́ и ѣ́ла.

Дѣдъ разсерди́лся на ба́бину до́чку и бо́льно-бо́льно приби́лъ её; на друго́е у́тро посыла́етъ онъ свою́ до́чку: „Гони́ козу́ въ по́ле, да смо-три́—накорми́-напои́ её хорошо́нько!“ Ве́черомъ спра́шиваетъ дѣдъ козу́: „Наѣ́лась ли, напила́сь ли ты?“ А коза́ опя́ть своё:—Нѣтъ, дѣ́душка!

---

[1]Ле́йка; прибо́ръ съ широ́кимъ, постепе́нно су́живающимся отвёрстіемъ и тру́бкою, для налива́нія жи́дкостей въ сосу́дъ съ у́зкимъ го́рлышкомъ.—[2]Сбб.: звать, подава́я зна́ки, кива́я, мига́я; здѣсь: привлека́ть къ себѣ́, заставля́ть бѣ́гать за собо́ю. [3]Вм. схвати́ла, для обозначе́нія быстроты́ дѣ́йствія.—[4]Запа́льчивая, вспы́льчивая, серди́тая.—[5]Че́резъ плоти́ну; на́сыпь для запру́ды рѣки́.—[6]Обык.: ка́пельку.

Какъ бѣжа́ла че́резъ мосто́чекъ, ухвати́ла клено́вый листо́чекъ; какъ бѣжа́ла че́резъ гробе́льку, ухвати́ла воды капе́льку. То́лько всего́ и пила́ и ѣла.

Дѣдъ прибилъ к свою́ до́чку. На тре́тье у́тро дѣдъ самъ спаряди́лся, вы́гналъ козу́ въ по́ле, накорми́лъ-напои́лъ её вдо́воль, а пе́редъ ве́черомъ прибѣжа́лъ домо́й, сѣлъ у воро́тъ и сталъ поджида́ть козу́. Когда́ она́ воро́тилась, дѣдъ её и спра́шиваетъ: „Коза́ моя́ ми́лая! наѣ́лась ли напила́сь ли ты?—Нѣтъ, дѣ́душка! отвѣча́етъ коза́:

Какъ бѣжа́ла че́резъ мосто́чекъ, ухвати́ла клено́вый листо́чекъ; какъ бѣжа́ла че́резъ гробе́льку, ухвати́ла воды капе́льку. То́лько всего́ и пила́ и ѣла.

„Э! такъ ты вотъ кака́я!“ сказа́лъ дѣдъ, хвати́лъ козу́ за рога́, доста́лъ о́стрый ножъ—и дава́й драть съ неё ко́жу. Коза́ заревѣ́ла, завопи́ла, замета́лась въ ра́зныя сто́роны; ужъ она́ би́лась-би́лась, рвала́сь-рвала́сь и наконе́цъ-таки́ вы́рвалась отъ дѣ́да съ одни́мъ обо́драннымъ бо́комъ, убѣжа́ла въ лѣсъ и забилась въ за́йцеву ха́тку[1].

2. Коза́, за́йчикъ и пчела́. За́йчика въ ту по́ру до́ма не́ было. Немно́го погодя́, прихо́дитъ онъ къ своему́ до́мику, хвать ла́пкой—дверь заперта́! „Кто тамъ?“ спра́шиваетъ за́йчикъ.

— Я, коза́ рьяная, за́ боки дра́ная; тупу́-тупу́ нога́ми, сколю́ тебя́ рога́ми хво́стикомъ замету́!

За́йчикъ вы́шелъ на доро́гу, идётъ и пла́четъ. Навстрѣ́чу ему́ сѣ́рый волкъ: „О чёмъ, за́йчикъ, пла́чешь?“—Какъ мнѣ́ не пла́кать: коза́ въ мою́ ха́тку засѣ́ла и дверь заперла́. „Пойдёмъ со мно́ю: я её такъ пугну́, что свои́хъ не узна́етъ!“ Пришли́. Волкъ постуча́лся въ дверь и кри́кнулъ: „Кто тамъ?“ А коза́ какъ зато́паетъ нога́ми:

— Я, коза́ рьяная, за́ боки дра́ная; тупу́-тупу́ нога́ми, сколю́ тебя́ рога́ми, хво́стикомъ замету́!

Волкъ испуга́лся и пусти́лся бѣжа́ть. По́слѣ сѣ́раго во́лка пришёлъ выгоня́ть козу́ косола́пый[2] медвѣ́дь, но та́кже стру́силъ и ничего́ до́браго не сдѣ́лалъ. Сно́ва идётъ за́йчикъ по доро́гѣ и го́рько-го́рько пла́четъ. Вдругъ подлета́етъ къ нему́ пчёлка: „О чёмъ, за́йчикъ, пла́чешь? кто тебя́ изоби́дѣлъ?“ За́йчикъ разсказа́лъ ей про своё го́ре. „Посто́й, я тебя́ вы́ручу!“ мо́лвила пчёлка и то́тчасъ же понесла́сь къ за́йцевой ха́тке: прилетѣ́ла и спра́шиваетъ: „Кто тамъ?“

— Я, коза́ рьяная, за́ боки дра́ная; тупу́-тупу́ нога́ми, сколю́ тебя́ рога́ми хво́стикомъ замету́!

Пчёлка озли́лась, на́чала вокру́гъ стѣ́нъ лета́ть, во всѣ щёли загля́дывать; жужжа́ла-жужжа́ла и нашла́ ма́лую ды́рочку, проле́зла въ ха́тку, да какъ жиганётъ козу́ въ обо́дранный бокъ!.. Коза́ со всего́ ма́ху въ дверь да въ лѣсну́ю ча́щу[3], то́лько её и ви́дѣли! За́йчикъ обра́довался, вбѣжа́лъ въ свою́ ха́тку, наѣ́лся, напи́лся и спать повали́лся.

---

[1] Избу́шку.—[2] Кривоно́гій.—[3] Густо́й лѣсъ, за́росли (отъ сло́ва ча́стый).

б) Ска́зки нравоучи́тельныя.

Не́которыя изъ нравоучи́тельныхъ ска́зокъ сло́жены та́кже въ глубо́кую старину́, когда́ наро́дъ ещё не зналъ христіа́нской рели́гіи и поклоня́лся предме́тамъ и явле́ніямъ приро́ды, счита́я ихъ живы́ми существа́ми; къ числу́ сло́женныхъ въ глубо́кую старину́ ска́зокъ отно́сится ска́зка:

VII. Со́лнце, Мѣсяцъ и Во́ронъ. **1. О томъ, какъ старико́вы до́чери вы́шли за́мужъ.** Жили-были стари́къ да стару́ха, у нихъ бы́ло три до́чери. Стари́къ пошёлъ въ амба́ръ[1] за крупо́ю, взялъ мѣшо́къ и понёсъ въ домъ, а въ мѣшкѣ́-то была́ дыра́: круна́ въ неё сы́плется да сы́плется. Пришёлъ домо́й. Стару́ха спра́шиваетъ: „Гдѣ кру́пка?“ А кру́пка вся вы́сыпалась. Не́чего дѣ́лать, пошёлъ стари́къ собира́ть и говори́тъ: „Какъ бы Со́лнышко обогрѣ́ло, какъ бы Мѣ́сяцъ освѣти́лъ, какъ бы Во́ронъ Во́роновичъ пособи́лъ мнѣ кру́пку собра́ть,— за Со́лнышка отда́лъ бы ста́ршую дочь, за Мѣ́сяца—середнюю, за Во́рона Во́роновича—мла́дшую!“ Сталъ стари́къ собира́ть—Со́лнце обогрѣ́ло, Мѣ́сяцъ освѣти́лъ, Во́ронъ Во́роновичъ пособи́лъ кру́пку собира́ть. Воротя́лся стари́къ домо́й, говори́тъ ста́ршей до́чери: „Нарядя́сь хорошёнько да ступа́й на крыле́чко“. Она́ пріодѣ́лась-нарядя́лась, вы́шла на крыле́чко; Со́лнышко увида́ло кра́сную дѣ́вицу и взя́ло её въ свой домъ. Приказа́лъ стари́къ наряжа́ться середне́й до́чери; середня́я дочь старика́ не услу́шалась: пріодѣ́лась-нарядя́лась, вы́шла на крыле́чко; Мѣ́сяцъ увида́лъ и утащи́лъ её. Дошёлъ черёдъ[2] до меньшо́й до́чери; говори́тъ ей стари́къ: „Нарядя́сь хорошёнько да ступа́й на крыле́чко“. И меньша́я дочь старика́ не услу́шалась: пріодѣ́лась-нарядя́лась и пошла́ на крыле́чко; то́лько что за поро́гъ ступи́ла, а Во́ронъ Во́роновичъ—тутъ-какъ-ту́тъ, подхвати́лъ её и унёсъ въ своё ца́рство.

2. О томъ, какъ стари́къ подража́лъ зятья́мъ и что изъ э́того вы́шло. Ску́чно старику́, говори́тъ самъ съ собо́ю: „Не пойти́ ли къ зятья́мъ въ го́сти?“ Пошёлъ къ Со́лнышку; шёлъ-шёлъ, шёлъ-шёлъ... наси́лу пришёлъ. „Здра́вствуй, стари́къ! чѣмъ тебя́ по́тчевать?“ мо́лвило Со́лнышко и приказа́ло женѣ́, чтобъ настря́пала[3] ола́дьевъ[4]. Вотъ, когда́ тѣ́сто поспѣ́ло, Со́лнышко усѣ́лось посере́дь по́лу; жена́ поста́вила на него́ сковороду́[5], и ола́дьи жи́во поджа́рились. Накорми́ли старика́ и отпусти́ли домо́й. Пришёлъ стари́къ къ стару́хѣ, прика́зываетъ ей стря́пать ола́дьи; она́ бы́ло печь топи́ть, а онъ говори́тъ: „Не на́до!“ Усѣ́лся на́ полъ и вели́тъ ста́вить на себя́ сковороду́ съ

---

[1]Строе́ніе для скла́дыванія зерново́го хлѣ́ба и муки́. [2]Очередь.— [3]Пригото́вила. [4]То́лстые, сла́дкіе блинки́ изъ пшени́чнаго тѣ́ста. [5]Ку́хонная посу́да для жа́ренья.

оладьями.—Что ты! или съ ума спятилъ? ворчитъ старуха. „Ничего“, говоритъ, „ставь: испекутся“. Она поставила; сколько оладьи ни стояли, ничуть не испеклись, только прокисли.

Немного погодя, отправился старикъ въ гости къ другому зятю—къ Мѣсяцу. Шёлъ-шёлъ и пришёлъ къ нему ночью. Мѣсяцъ спрашиваетъ: „Чѣмъ тебя, старикъ, потчевать?“—Не заботься, отвѣчаетъ старикъ: я ничего не хочу. Мѣсяцъ истопилъ для него баню. Старикъ говоритъ: —Чай[1], въ банѣ темнёхонько? А Мѣсяцъ: „Не бойся, свѣтло будетъ!“ Пошёлъ старикъ париться; Мѣсяцъ выискалъ въ дверяхъ щёлку, просунулъ въ неё свой пальчикъ и тѣмъ пальчикомъ освѣтилъ всю баню. Выпарился старикъ, погостилъ у Мѣсяца и пустился въ обратный путь. Пришёлъ домой, дождался ночи и велитъ топить баню. Старуха истопила; онъ и посылаетъ её париться. „Не пойду“, говоритъ старуха: „въ банѣ темно, хоть глазъ выколи!“—Ступай; свѣтло будетъ! Пошла старуха; а старикъ помнитъ, какъ свѣтилъ ему Мѣсяцъ, и самъ туда же: взялъ топоръ, прорубилъ въ банѣ дыру и сунулъ въ неё свой палецъ; только свѣту не прибыло. Старуха знай[2] кричитъ ему: „Темно!“.

Въ третій разъ старикъ пошёлъ къ Ворону Вороновичу. „Чѣмъ тебя потчевать?“ спрашиваетъ Воронъ Вороновичъ.—Не заботься, говоритъ старикъ: я ничего не хочу. „Ну, полѣзай ко мнѣ спать на сѣдала[3]“. Старикъ подставилъ лѣстницу и полѣзъ къ Ворону. Воронъ Вороновичъ посадилъ его подъ своё крыло. Старикъ задремалъ да съ насѣсти[4] упалъ и убился до смерти.

VIII. Морозко.

Морозко—олицетвореніе морбза. морозъ въ видѣ человѣка.

1. Мачеха и падчерица[5]. У старика, у старухи было три дочери. Старшая дочь доводилась старухѣ падчерицей. Оттого старуха её не любила, съ ранняго утра и до вечера её журила[6] и нарочно утруждала бѣдняжку работою. Падчерица должна была подыматься до свѣту, она и дрова и воду носила, и печку топила, и полы подметала, и скотинѣ кормъ задавала. Но старуха и тутъ была недовольна и на Марѳушу то и дѣло[7] ворчала: „Экая лѣнивица, экая неряха! и голикъ-то[8] не у мѣста, и ухватъ[9] не такъ поставленъ, и въ избѣ-то сорно“. Дѣвушка молчала и плакала. Она всячески старалась приноровиться къ мачехѣ и угодить ей дочкамъ; но и сёстры, глядя на мать, Марѳушу во всёмъ

[1]Вѣроятно, должно быть. [2]Только и знаетъ, что...; только. [3]Перекладины, жерди, на которыхъ ночуютъ птицы. [4]То же, что сѣдало. — [5]Мачеха — неродная мать. Падчерица — неродная дочь. [6]Бранила. [7]Всегда; только старухѣ и дѣла было, что ворчать. [8]Отъ слова голый; метла, вѣникъ изъ прутьевъ съ обитыми листьями. [9]Родъ желѣзныхъ вилъ, которыми ставятъ въ печь и достаютъ (хватаютъ) оттуда посуду.

обижáли, ссóрились съ нéю и нерѣдко доводи́ли её до слёзъ: то имъ и лю́бо[1] бы́ло! Сáми онѣ́ просыпáлись пóздно, приготóвленной води́цею умывáлись, чи́стымъ полотéнцемъ утирáлись, а за рабóту сади́лись, когдá пообѣ́даютъ. Вотъ нáши дѣ́вицы росли́ да росли́, стáли большúми и сдѣ́лались невѣ́стами. Скóро сказка сказывается, да не скóро дѣ́ло дѣ́лается. Старику́ жáлко бы́ло стáршей дóчери. Онъ люби́лъ её за то, что былá послу́шная, работя́щая, никогдá не упрямилась, никому́ не попере́чила[2]: что застáвятъ — то и дѣ́лаетъ; да не зналъ стари́къ, чѣмъ пособи́ть гóрю. Самъ былъ хилъ, стару́ха ворчу́нья, а дóчки ея лѣни́вицы и упрямицы.

2. Какъ Марѳу́шу отвезли́ въ лѣсъ. Вотъ нáши старики́ стáли ду́му ду́мать: отéцъ — какъ бы дочере́й пристрóить, а мáчеха— какъ бы стáршую съ рукъ сбыть. Однáжды стару́ха и говори́тъ старику́: „Ну, стари́къ, отдади́мъ Марѳу́шу зáмужъ“.—Лáдно![3] скáзалъ стари́къ и полѣ́зъ на полáти[4]; стару́ха вслѣдъ ему́: „Зáвтра встань порáньше, запряги́ лóшадь въ сáни и поѣзжáй съ Марѳу́ткой. А ты, Марѳу́тка, собери́ своё добрó въ коробе́йку[5] да надѣ́нь чи́стую сорóчку; поѣдешь съ отцóмъ въ гóсти!“ Дóбрая Марѳу́ша обрáдовалась, что её повезу́тъ въ гóсти, и всю ночь спáла слáдкимъ сномъ; поутру́ встáла, умы́лась, Бóгу помоли́лась, собрáла своё добрó въ коробе́йку и самá нарядúлась,—и былá дѣ́вка хоть кудá[6] невѣ́ста! Стари́къ ни-свѣтъ-ни-заря́[7] запря́гъ лóшадь въ дрóвни[8], подвёлъ ко крыльцу́ и вошёлъ въ избу́, сѣ́лъ на лáвку[9] и сказáлъ: „Ну, я всё излáдилъ! А ты, Марѳу́ша, готóва?“—Готóва, бáтюшка!—А коли́ готóвы, такъ сади́тесь за столъ да жри́те! кри́кнула на нихъ стару́ха. Стари́къ съ дóчкою сѣ́лъ за столъ, а стару́ха подалá имъ коври́гу[10] чёрствaго хлѣ́ба да ми́ску[11] стáрыхъ щей и примóлвила:—Ну, голу́бка, ѣшь поскорѣе да убирайся съ глазъ мои́хъ; я вдóволь на тебя́ наглядѣ́лась!... Стари́къ! увези́ Марѳу́тку къ жениху́; да смотри́, стáрый хрычъ[12], сперва́ поѣзжáй по дорóгѣ, а пóслѣ сверни́ напрáво, на тёмный боръ[13], — знáешь, прямо къ той большóй соснѣ́, что на пригóркѣ стои́тъ, и тамъ отдáй Марѳу́тку за дóбраго мóлодца—за Морóзка. Стари́къ вытаращилъ глазá, разúнулъ ротъ и перестáлъ щи хлебáть, а дѣ́вка завы́ла.—Ну, что тутъ нюни-то распусти́ла! Вѣдь женúхъ-то красáвецъ и богáчъ! Смотри́-ка, скóлько у негó добрá: всѣ ёлки, сóсны и берёзы въ пуху́; житьё-то завúдное, да и самъ бога-

---

[1]Прія́тно. [2]Не противорѣ́чила. — [3]Хорошó. [4]Высóкіе подмóстки въ крестья́нской избѣ́ для спанья́ (на полáтяхъ теплѣе, чѣмъ на полу́ и кровáти). [5]Сундýкъ изъ гнýтаго тóнкаго дéрева. [6]Хоть кудá могла́ бы явúться съ чéстью; óчень хорóшая. [7]Когдá ещё нé было ни свѣ́та ни зарú; óчень рáно, до свѣ́та. [8]Сáни безъ кýзова. [9]На скамью. [10]Кусóкъ. [11]Большáя чáшка, въ котóрой подаю́тъ на столъ щи илú супъ. [12]Хрычъ—брáнное илú шутлúвое назвáніе старикá. [13]Крáсный или хвóйный лѣ́съ.

тырь!"[1] Старикъ потомъ молча положилъ пожитки[2] на дровни, велѣлъ дочери накинуть шубу и пустился съ нею въ дорогу. До́лго ли ѣхалъ, ско́ро ли пріѣхалъ, не вѣдаю: ско́ро ска́зка ска́зывается, не ско́ро дѣло дѣлается. Наконе́цъ, доѣхалъ до бо́ру, своротилъ съ доро́ги и, забра́вшись въ непрохо́дную глушь, остановился и велѣлъ до́чери слѣза́ть; здѣсь, подъ огро́мной сосно́й, поста́вилъ онъ коробе́йку, усадилъ на нее свою́ до́чку и сказа́лъ: „Сиди́ и жди жениха́, да смотри́—принима́й ла́сковѣе". А по́слѣ заворотилъ ло́шадь и—домо́й.

3. **Что ста́лось съ Мареу́шей въ лѣсу́.** Дѣвушка сиди́тъ на коробе́йкѣ и дрожи́тъ: озно́бъ её пробра́лъ. Хотѣла бы запла́кать, да въ оча́хъ слёзъ нѣтъ! Вдругъ слы́шитъ: невдалекѣ Моро́зко на ёлкѣ потре́скиваетъ, съ ёлки на ёлку поска́киваетъ, да пощёлкиваетъ. Очути́лся онъ во́злѣ дѣвицы и говори́тъ ей съ высо́кой сосны́: „Тепло́ ль тебѣ, дѣвица? тепло́ ль тебѣ, кра́сная?"—Тепло́, тепло́, Моро́зушко! Моро́зко сталъ ни́же спуска́ться, бо́льше потре́скивать, гро́мче пощёлкивать и спра́шиваетъ дѣвицу: „Тепло́ ль тебѣ, дѣвица? тепло́ ль тебѣ, кра́сная?" Дѣвица чуть духъ перево́дитъ, а всё говори́тъ:—Тепло́, тепло́, Моро́зушко! Моро́зко пу́ще затреща́лъ, сильнѣе защёлкалъ и опя́ть спра́шиваетъ: „Тепло́ ль тебѣ, дѣвица? тепло́ ль тебѣ, кра́сная?" Дѣвица начина́ла замерза́ть и чуть слы́шно отвѣча́ла:—Ой, голу́бчикъ, Моро́зушко! Бо́жье тепло́, Бо́жье и хо́лодно! Тутъ Моро́зко сжа́лился: оку́талъ дѣвицу шу́бами, отогрѣлъ одѣялами.

Нау́тро говори́тъ стару́ха му́жу: „Поѣзжа́й, ста́рый хрычъ, въ по́ле да буди́ молоды́хъ!" Стари́къ запря́гъ ло́шадь да поѣхалъ. Подъѣхавши къ до́чери, онъ нашёлъ её живу́ю, на ней шу́бу хоро́шую, фату́[3] дорогу́ю и ко́робъ съ бога́тыми пода́рками. Не тра́тя вре́мени на разспро́сы, стари́къ сложи́лъ всё на возъ, сѣлъ съ до́черью и отпра́вился домо́й. Какъ же изуми́лась ста́руха, когда́ уви́дѣла свою́ па́дчерицу здра́вою и невреди́мою, да ещё въ но́вой шу́бѣ и дорого́й фатѣ! „Э, голу́бушка, посто́й, меня́ не проведёшь!"

4. **Что ста́лось съ родны́ми дочерьми́ стару́хи.** Вотъ немно́го спустя́ говори́тъ стару́ха му́жу: „Увези́-ка и мои́хъ дочере́й къ жениху́; онъ ихъ ещё не такъ одари́тъ!" Нескоро дѣло дѣлается, ско́ро ска́зка ска́зывается. Ра́но поутру́ стару́ха до́чекъ свои́хъ накорми́ла и, какъ слѣдуетъ подъ вѣне́цъ, убра́ла-наряди́ла и въ путь отпусти́ла. Стари́къ свёзъ ихъ на то же мѣсто, куда́ и Мареу́шу вози́лъ, и оста́вилъ

---

[1]Человѣкъ, отлича́ющійся необыкнове́нной си́лой. Ска́зочные богатыри́ побива́ютъ одни́мъ уда́ромъ деся́тки враго́въ и одолѣва́ютъ ра́зныхъ чу́дищъ. [2]То, что нажи́то; иму́щество.—[3]а) Большо́й шёлковый плато́къ, кото́рымъ же́нщины покрыва́ютъ го́лову и часть ста́на; б) покрыва́ло, вуа́ль, обыкнове́нно изъ тю́ля и кру́жевъ. Здѣсь—въ пе́рвомъ смы́слѣ.

подъ сосно́ю. На́пи дѣвицы сидя́тъ да посмѣ́иваются: Что э́то у ма́тушки вы́думано—въ лѣсу́ за́мужъ отдава́ть? ра́звѣ въ на́шей дере́внѣ нѣтъ и ребя́тъ! Нера́венъ часъ[1], чортъ пріѣ́детъ—не бу́дешь знать, какъ и отвяза́ться!“ Дѣ́вушки бы́ли въ шу́бахъ, а всё-таки прозя́бли. „Что, Пара́ха? меня́ моро́зъ по ко́жѣ подира́етъ. Ну, какъ су́женый-ря́женый[2] не пріѣ́детъ? вѣдь мы замёрзнемъ...“—По́лно, Ма́шка, врать! коли́ женихи́ ра́но собира́ются? „А что, Пара́ха, коли́ пріѣ́детъ оди́нъ, кого́ онъ возьмётъ?“—Не тебя́ ли, ду́рище? „А то, небо́сь, тебя́!“ И пошли́ другъ дру́жку отчи́тывать... Вотъ Моро́зко на́чалъ потре́скивать, съ ёлки на ёлку поска́кивать да гро́мко-зво́нко пощёлкивать. Дѣ́вицамъ показа́лось, что жени́хъ ѣ́детъ. „Чу[3], Пара́ха! ужь ѣ́детъ, да съ колоко́льчикомъ“. А Моро́зко всё бли́же да бли́же; наконе́цъ, очути́лся на высо́кой сосно́, наклони́лся къ дѣ́вицамъ и спра́шиваетъ: „Тепло́ ли вамъ, дѣ́вицы? тепло́ ли, кра́сныя?“—Ой, Моро́зко, бо́льно студёно[4]! мы чуть не замёрзли; ждёмъ су́женаго, а онъ запропа́лъ куда́-то, чтобъ ему́ пу́сто бы́ло! Моро́зко сталъ ни́же спуска́ться, пу́ще потре́скивать, ча́ще пощёлкивать. „Тепло́ ли вамъ, дѣ́вицы? тепло́ ли вамъ, кра́сныя?“—Поди́ ты къ чо́рту! что пристаёшь? вишь[5], у насъ ру́ки и но́ги отыма́ются! Моро́зко ещё ни́же спусти́лся да такъ прiуда́рилъ, что дѣ́вицы совсѣ́мъ окостенѣ́ли.

5. Какъ стару́ха узна́ла о сме́рти родны́хъ дочере́й. Нау́тро говори́тъ стару́ха: „Запряги́, стари́къ, по́шевни[6], положи́ оха́почку[7] сѣ́на да возьми́ тёплыя одѣ́яла. Чай, дѣ́вки продро́гли: на дворѣ́-то стра́шный моро́зъ! Да прово́рнѣе повора́чивайся, ста́рый хрычъ!“ Стари́къ жи́во собра́лся; не успѣ́ла стару́ха и позавтракать, какъ онъ былъ уже́ въ доро́гѣ. Пріѣ́халъ къ сосно́, а до́чки лежа́тъ мёртвыя. Онъ подня́лъ ихъ, положи́лъ въ по́шевни, покры́лъ одѣ́лами и повёзъ домо́й. Стару́ха вы́бѣжала къ нему́ навстрѣ́чу: „Гдѣ мои́ дѣ́тки?“ бро́силась къ по́шевнямъ, поснима́ла одѣ́яла и, сло́вно гроза́, разрази́лась: „Что ты надѣ́лалъ, ста́рый хрычъ? уходи́лъ ты моихъ до́чекъ, моихъ кро́вныхъ дѣ́точекъ, ненагля́дныхъ пта́шечекъ! Вотъ я жъ тебя́ кочерго́й[8] попо́тчую[9]!—По́лно, безу́мная! вишь, ты на бога́тство польсти́лась! а я чѣмъ винова́тъ? ты сама́ захотѣ́ла... Стару́ха посерди́лась, побрани́лась, да по́слѣ съ му́жемъ помири́лась, и ста́ли они́ жить да быть, добра наживать, ли́ха не помина́ть. Ско́ро присва́тался за Марѳу́шу до́брый мо́лодецъ; на ея́ свадьбѣ́ и я былъ, мёдъ-пи́во пилъ, по уса́мъ текло́, а въ ротъ не попа́ло.

---

[1]Часъ непохо́жъ на часъ, т.-е. обстоя́тельства въ одно́ вре́мя не похо́жи на обстоя́тельства въ друго́е вре́мя; мо́жетъ случи́ться, е́сли сверхъ ожида́нія. [2]Жени́хъ. [3]Междоме́тіе: слу́шай!, прислу́шайся! [4]Хо́лодно. [5]Сокращённое—ви́дишь; вотъ, гляди́!—[6]Сани съ ку́зовомъ спи́тымъ изъ лу́ба. [7]Сто́лько, ско́лько мо́жно обхвати́ть рука́ми. [8]Клюка́, обыкнове́нно желѣ́зная, для мѣша́нія въ печи́ и сгреба́нія жа́ра. [9]Угощу́.

IX. Василиса Прекрасная.

Баба-яга, о которой разсказывается въ этой сказкѣ,—олицетвореніе зимы, зима въ образѣ человѣческаго существа.

1. **Мачеха и падчерица.** Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ купецъ съ купчихою, и имѣли они единую дочь, Василису Прекрасную. Когда дѣвочкѣ исполнилось восемь лѣтъ купчиха захворала тяжкою, предсмертною болѣзнью, призвала къ себѣ Василису, подала ей куклу и сказала: „Слушай, дочка, и запомни мой послѣднія слова. Я умираю и вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги её всегда при себѣ и никому не показывай, а когда приключится тебѣ какое горе, спрашивай у нея совѣта“. Затѣмъ мать поцѣловала дочку, вздохнула и померла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ-потужилъ и сталъ думать, какъ бы опять жениться. Онъ былъ человѣкъ хорошій, за невѣстами дѣло не стало, но всѣхъ больше по праву пришлась одна вдовушка. Она была уже въ лѣтахъ, имѣла своихъ двухъ дочерей, почти однолѣтокъ Василисѣ, и по всему околотку слыла хорошей матерью и опытной хозяйкою. Купецъ женился на вдовушкѣ, но обманулся и не нашелъ въ ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на всё село красавица. Мачеха и сёстры завидовали ея красотѣ, поминутно къ ней придирались и мучили её всевозможными работами, чтобъ она отъ трудовъ похудѣла, отъ вѣтра и солнца почернѣла. Василиса всё переносила и съ каждымъ днёмъ хорошѣла всё болѣе и болѣе; а мачехины дочки, несмотря на то, что всегда сидѣли сложа руки, худѣли и дурнѣли отъ злости. Какъ же это такъ дѣлалось? Василисѣ помогала ея куколка. Безъ этого гдѣ бы дѣвочкѣ сладить со всею работою! Кукла утѣшала её въ горѣ, давала ей добрые совѣты и справляла за неё разныя подѣлки.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Василиса выросла невѣстою. Всѣ женихи въ городѣ присватываются къ Василисѣ, на мачехиныхъ дочерей никто и не смотритъ. Мачеха злится пуще прежняго и всѣмъ женихамъ отвѣчаетъ: „Не выдамъ меньшой прежде старшихъ!“ а проводя жениховъ, вымещаетъ свою злобу на Василисѣ бранью да побоями.

2. **Какъ Василису послали къ бабѣ-ягѣ.** Вотъ какъ-то случилось купцу ѣхать въ иное государство. Тѣмъ временемъ мачеха перешла на житьё въ другой домъ; возлѣ этого дома былъ дремучій лѣсъ, въ лѣсу была поляна, на полянкѣ стояла избушка, а въ избушкѣ жила баба-яга; никого она къ себѣ не подпускала и ѣла людей, какъ цыплятъ. Перебравшись на новосе́лье[1], купчиха то-и-дѣло посылала за чѣмъ-нибудь въ лѣсъ ненавистную ей Василису, но эта завсегда возв-

[1] Жилье, гдѣ кто-нибудь недавно поселился.

ращáлась домóй благополýчно: кýколка указывала ей дорóгу и не подпускáла къ избýшкѣ бáбы-ягú.

Пришлá óсень. Мáчеха раздалá всѣмъ трёмъ дѣвушкамъ вечéрнія рабóты: одну́ застáвила крýжева плестú, другýю—чулкú вязáть, а Василúсу—прясть, и всѣмъ по урóкамъ[1]. Погасúла огóнь во всёмъ домѣ, остáвила тóлько одну́ свѣчку тамъ, гдѣ сидѣли дѣвушки, а самá леглá спать. Дѣвушки рабóтали. Вотъ нагорѣло на свѣчѣ; однá изъ мáчехиныхъ дочерéй взялá щипцы́, стáла поправлять свѣтúльню, да нарóчно и потушúла свѣчку. „Что тепéрь намъ дѣлать?“ говорúли дѣвушки: „огня́ нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а урóки нáши не кóнчены: нáдо сбѣгать за огнёмъ къ бáбѣ-ягѣ!“—Мнѣ отъ булáвокъ свѣтло́! сказáла та, что плелá крýжево: я не пойдý. „И я не пойдý“, сказáла та, что вязáла чулóкъ: „мнѣ отъ спицъ свѣтло́!“—„Тебѣ́ за огнёмъ итти́“, закричáли óбѣ: „ступáй къ бáбѣ-ягѣ́!“ и вытолкали Василúсу изъ гóрницы[2]. Василúса пошлá въ свой чуланчикъ[3], постáвила пéредъ кýклою приготóвленныйýжинъ и сказáла: „На, кýколка, покýшай да моегó гóря послýшай: посылáютъ менá за огнёмъ къ бáбѣ-ягѣ; бáба-ягá съѣстъ менá!“—Не бóйся! отвѣчáла кýколка: ступáй, кудá посылáютъ; тóлько возьмú менá съ собóю, а при мнѣ никакóго хýда не стáнется! Василúса положúла кýклу въ кармáнъ, перекрестúлась и пошлá въ дремýчій лѣсъ.

3. Василúса у бáбы-ягú. Онá прошлá всю ночь и весь день, тóлько къ слѣдующему вéчеру вышла на полянý, гдѣ стоялá избýшка бáбы-ягú.

Скóро послы́шался страшный шумъ; дерéвья затрещáли, сухíе лúстья захрустѣли, показáлась úзъ лѣсу бáба-ягá—ѣдетъ въ ступѣ[4], пестóмъ[5] погоняетъ, помелóмъ[6] слѣдъ заметáетъ. Подъѣхала къ воротáмъ, остановúлась и, обнюхавъ вокрýгъ себя́, закричáла: „Фу, фу! рýсскимъ дýхомъ пáхнетъ! Кто здѣсь?“ Василúса подошлá къ старýхѣ, отдалá ей нúзкій поклóнъ и сказáла:—Это я, бáбушка! Мáчехины дóчери прислáли менá за огнёмъ къ тебѣ́. „Хорошó“, сказáла бáба-ягá: „знáю я ихъ, поживú напередъ у менá да поработáй, тогдá и огня́ дамъ“. Войдя́ въ гóрницу, бáба-ягá растянýлась и говорúтъ Василúсѣ: „Подавáй всё, что есть въ печú: яýжинать хочý“. Василúса зажглá лучúну[7] отъ черепóвъ, что висѣли на забóрѣ кругóмъ двора́, и началá таскáть изъ пéчки

---

[1]Урóкъ—работá, котóрую нáдо кóнчить къ назнáченному (урóчному) врéмени. [2]У крестья́нъ: чúстая кóмната, служáщая для пріёма гостéй; вообщé—кóмната. [3]а) Кладовáя; б) мáленькая, тёмная кóмната.—[4]Стýпа—колóда съ выдолбленной впáдиной илú металлúческій сосýдъ, гдѣ толкýтъ, мельчáтъ чтó-либо, ударя́я пестóмъ. [5]Пестъ—кій, пáлка для толчéнія въ стýпѣ. [6]Помелó—пукъ мочáлъ, тряпья́ илú какóй-лúбо вообщé вéтоши для очúстки чегó-либо, особенно пéчи. [7]Длúнная щепка; слýжитъ для растóпки въ печú и для освѣщéнія избы́ (у крестья́нъ).

да подава́ть ягѣ́ ку́шанья, а ку́шанья настря́пано[1] бы́ло человѣ́къ на де́сять; изъ по́греба принесла́ она́ ква́су, мёду, пи́ва и вина́. Всё съѣ́ла, всё вы́пила старуха; Васили́сѣ оста́вила то́лько щей немно́жко да краю́шку хлѣ́ба. Ста́ла ба́ба-ягá спать ложи́ться и говори́тъ: „Когда́ я уѣ́ду за́втра, ты смотри́—дворъ вы́чисти, избу́ вы́мети, обѣдъ состря́пай, бѣлье́ пригото́вь да пойди́ въ закро́мъ[2], возьми́ че́тверть пшени́цы и очи́сть её отъ черну́шки[3]. Да чтобы всё бы́ло сдѣ́лано, а не то—съѣмъ тебя́!“ По́слѣ тако́го нака́за ба́ба-ягá захрапѣ́ла; а Васили́са поста́вила стару́хины объѣ́дки пе́редъ ку́клою, залила́сь слеза́ми и говори́ла: „На, ку́колка, поку́шай, моего́ го́ря послу́шай! тяжёлую задала́ мнѣ ба́ба-ягá рабо́ту и грози́тся съѣ́сть меня́, коли́ всего́ не сдѣ́лаю“. Ку́кла отвѣ́тила: „Не бо́йся, Васили́са Прекра́сная! поу́жинай, помоли́ся да спать ложи́ся: у́тро ве́чера мудренѣ́е!“

Ранёшенько проснула́сь Васили́са. Взошло́ со́лнце. Ба́ба-ягá сѣ́ла въ сту́пу и вы́ѣхала со двора́, пестомъ погоня́етъ, помело́мъ слѣ́дъ замета́етъ. Оста́лась Васили́са одна́, осмотрѣ́ла домъ ба́бы-яги́, подиви́лась ея́ бога́тству и останови́лась въ раздýмьи, за каку́ю рабо́ту пре́жде всего́ принима́ться. Гляди́тъ, а рабо́та уже́ сдѣ́лана: ку́колка вы́бирала изъ пшени́цы послѣ́днія зёрна черну́шки. „Ахъ, ты, избави́тельница моя́!“ сказала Васили́са ку́колкѣ: „ты меня́ отъ бѣды́ отвела́“. Затрещáли дере́вья, захрустѣ́ли ли́стья: ѣ́детъ ба́ба-ягá. Васили́са встрѣ́тила её. „Всё ли сдѣ́лано?“ спра́шиваетъ ягá.—Осмотри́ сама́, ба́бушка! Ба́ба-ягá всё осмотрѣ́ла; подоса́довала, что не́ за что разсерди́ться, и сказа́ла: „Ну, хорошо́! За́втра сдѣ́лай то же са́мое, что и ны́нче, да сверхъ того́ возьми́ изъ за́крома макъ, переберѝ его по зёрнышку да очи́сти отъ земли́!“ Сказа́ла старуха, повернулась къ стѣнѣ́ и захрапѣ́ла, а Васили́са принялáсь выспра́шивать свою́ ку́колку. Ку́колка промо́лвила ей по-вчера́шнему: „Моли́сь Бо́гу да ложи́сь спать; у́тро ве́чера мудренѣ́е; всё бу́детъ сдѣ́лано!“

4. Возвращéніе Васили́сы домóй. Такъ Васили́са жила́ у яги́ нѣ́сколько дней. Наконе́цъ, ягá сняла́ съ забо́ра оди́нъ че́репъ съ горя́щими глаза́ми, воткну́ла его́ на па́лку, отдала́ Васили́сѣ и сказа́ла: „Вотъ тебѣ́ ого́нь для ма́чехиныхъ до́чекъ, возьми́ его́ и неси́ домóй!“ Бѣго́мъ пусти́лась Васили́са, при свѣ́тѣ че́репа, кото́рый пога́съ то́лько съ наступле́ніемъ у́тра, и, наконе́цъ, къ ве́черу друго́го дня добрала́сь до своего́ до́ма. Подходя́ къ воротáмъ, она́ хотѣ́ла было́ бро́сить че́репъ. „Вѣ́рно, до́ма“, ду́маетъ себѣ́, „ужъ бо́льше въ огнѣ́ не нужда́ются“. Но вдругъ послы́шался глухо́й го́лосъ изъ че́репа: „Не броса́й меня́, неси́ къ ма́чехѣ!“ Она взглянýла на домъ ма́чехи и, не ви́дя ни въ одно́мъ окнѣ́ огонька́, рѣши́лась итти́ туда́ съ че́репомъ.

[1]Наготóвлено. [2]Отдѣлённое досками мѣ́сто въ амбáрѣ для ссы́пки зерна́ [3]Ку́коль; со́рное, чёрпаго цвѣ́та сѣ́мя въ зерновóмъ хлѣ́бѣ.

Впервы́е встрѣ́тили её ла́сково и разсказа́ли, что съ той мину́ты, когда́ она́ ушла́ огня́ въ до́мѣ не́ было: са́ми вы́сѣчь ника́къ не могли́; а кото́рый ого́нь приноси́ли отъ сосѣ́дей, тотъ погаса́лъ, какъ то́лько входи́ли съ нимъ въ го́рницу. „Авось[1], твой ого́нь бу́детъ держа́ться!“ сказа́ла ма́чеха. Внесли́ че́репъ въ го́рницу; а глаза́ изъ че́репа такъ и глядя́тъ на ма́чеху и ея́ дочере́й, такъ и жгутъ! Тѣ бы́ло пря́таться; но, куда́ ни бро́сятся, глаза́ всю́ду за ни́ми такъ и слѣдя́тъ; къ у́тру совсѣ́мъ сожгло́ ихъ въ у́голь; одно́й Васили́сы не тро́нуло.

5. Васили́са переселя́ется на жи́тельство въ го́родъ. Поутру́ Васили́са зары́ла че́репъ въ зе́млю, заперла́ домъ на ключъ, пошла́ въ го́родъ и попроси́лась на житьё къ одно́й безро́дной стару́шкѣ: живётъ себѣ́ да поджида́етъ отца́. Вотъ ка́къ-то говори́тъ она́ стару́шкѣ: „Ску́чно мнѣ сидѣ́ть безъ дѣ́ла, ба́бушка! Сходи́, купи́ са́маго лу́чшаго льну: я хоть прясть бу́ду“. Стару́шка купи́ла льну; Васили́са усѣ́лась прясть. Рабо́та у ней такъ и гори́тъ, и пря́жа выхо́дитъ ро́вная да то́нкая, какъ волосо́къ. Набра́лось пря́жи мно́го; пора́ бы и за тканьё принима́ться, да таки́хъ бёрдъ[2] не найду́тъ, чтобы́ годи́лись на Васили́сину пря́жу; никто́ и сдѣ́лать-то не берётся. Васили́са ста́ла проси́ть свою́ ку́колку; та за еди́ную ночь пригото́вила сла́вный ста́нъ[3]. Къ концу́ зимы́ и полотно́ вы́ткано, да тако́е то́нкое, что сквозь иглу́ вмѣ́сто ни́тки продѣ́ть мо́жно. Весно́ю полотно́ вы́бѣлили, и Васили́са говори́тъ стару́хѣ: „Прода́й, ба́бушка, э́то полотно́, а де́ньги возьми́ себѣ́“. Стару́ха взгляну́ла на това́ръ и а́хнула: „Нѣтъ, ди́тятко, тако́го полотна́, кро́мѣ царя́, носи́ть не́кому; понесу́ во дворе́цъ!“ Пошла́ стару́ха къ ца́рскимъ пала́тамъ, да всё ми́мо о́конъ похаживаетъ. Царь увида́лъ и спроси́лъ: „Что тебѣ́, стару́шка, на́добно?“—Ва́ше ца́рское вели́чество! отвѣча́етъ стару́ха, я принесла́ дико́винный това́ръ; никому́, окро́мѣ тебѣ́, и показа́ть не хочу́. Царь приказа́лъ впусти́ть къ себѣ́ стару́ху и, какъ уви́дѣлъ полотно́, вздивова́лся[4]. „Что хо́чешь за него́?“ спроси́лъ царь.—Ему́ цѣ́ны нѣтъ, царь-ба́тюшка! я тебѣ́ въ даръ принесла́. Поблагодари́лъ царь и отпусти́лъ стару́ху съ пода́рками.

6. Васили́са выхо́дитъ за́мужъ за царя́. Ста́ли царю́ изъ того́ полотна́ соро́чки кроить; покрои́ли, да нигдѣ́ не могли́ найти́ швей, кото́рая взяла́сь бы ихъ сработать. До́лго иска́ли; наконе́цъ, царь позва́лъ стару́ху и сказа́лъ ей: „Умѣ́ла ты напря́сть и сотка́ть тако́е полотно́, умѣ́й изъ него́ и соро́чки сшить“.—Не я, госуда́рь, пряла́ и не я ткала́: э́то рабо́та кра́сной дѣ́вицы. „Ну, пусть она́ и соро́чки сошьётъ!“ Воротя́лась стару́шка домо́й и разсказа́ла обо всёмъ Васили́сѣ; а дѣ́вица

---

[1]Мо́жетъ быть; выража́етъ жела́ніе, наде́жду. [2]Бёрдо—принадле́жность тка́цкаго станка́, въ ро́дѣ гре́бня. [3]Часть тка́цкой рабо́ты. [4]Удиви́лся.

въ отцѣ. „Я зна́ла, что на рабо́та мои́хъ рукъ не хва́титъ“. Запер-
ла́сь въ свою́ го́рницу, принялась за рабо́ту; ши́ла она не покла́дючи
рукъ, и ско́ро дю́жина соро́чекъ была́ гото́ва. Стару́ха принесла́ къ царю́
соро́чки, а Васили́са умы́лась, причеса́лась, одѣ́лась и сѣ́ла подъ окно́ и
Сиди́тъ себѣ́ да ждётъ, что бу́детъ. Ви́дитъ -на дворъ къ стару́хѣ идётъ
ца́рскій слуга́; вошёлъ въ го́рницу и говори́тъ: „Царь-госуда́рь хо́четъ
ви́дѣть иску́сницу, что рабо́тала ему́ соро́чки, и награди́тъ её изъ свои́хъ
ца́рскихъ рукъ“. Пошла́ Васили́са и яви́лась пе́редъ свѣ́тлыя ца́рскія
о́чи. Царю́ она́ о́чень понра́вилась. „Нѣтъ“, говори́тъ царь, „не раз-
ста́нусь я съ тобо́ю, будь ты мое́ю жено́ю!“ Тутъ взялъ царь Васи-
ли́су Прекра́сную за бѣ́лыя ру́ки, посади́лъ её по́длѣ себя́, да въ то́тъ
же день и сва́дьбу сыгра́ли. Вско́рѣ вороти́лся и оте́цъ Василисы, по-
ра́довался объ ея́ счастли́вой сва́дьбѣ и оста́лся жить при до́чери. Ста-
ру́шку Василиса взяла́ ко двору́, а ку́колку по коне́цъ жи́зни своей
всегда́ носи́ла при себѣ́.

Ска́зокъ, въ кото́рыхъ изобража́ется положе́ніе въ семьѣ́ па́дче-
рицы, о́чень мно́го. Во всѣхъ э́тихъ ска́зкахъ сочу́вствіе наро́да ока́-
зывается на сторонѣ́ па́дчерицы. Таковы́ двѣ предыду́щія ска́зки
такова́ же и ска́зка:

X. Дочь и па́дчерица. 1. **Стару́ха посыла́етъ па́дчерицу прясть въ
лѣсу́, въ земля́нкѣ.** Жилъ стари́къ со стару́хою, и была́ у него́ дочь.
Вотъ стару́ха-то померла́, а стари́къ обожда́лъ немно́го и женился
на вдовѣ́, у кото́рой была́ своя́ до́чка. Плохо́е житьё наста́ло стари-
ко́вой до́чери. Ма́чеха была́ ненави́стная; о́тдыху не даётъ стари́ку:
„Вези́ свою́ дочь въ лѣсъ, въ земля́нку, тамъ она́ бо́льше напря-
дётъ“. Что дѣ́лать! послу́шался мужи́къ ба́бу: свёзъ до́чку въ земля́н-
ку, далъ ей кремéнь, огни́во[1] да мѣ́шо́чекъ крупъ и говори́тъ: „Вотъ
тебѣ́ огоньку́; огонёкъ не переводи́, ка́шку вари́, а сама́ не зѣва́й—сиди́
да пряди́“. Пришла́ ночь. Кра́сная дѣ́вица затопи́ла печь, завари́ла ка́-
шу: отку́да ни возьмись[2] мы́шка—и говори́тъ: „Дѣ́вица, дѣ́вица! дай мнѣ
ло́жечку ка́шки“.—Охъ, моя́ мы́шенька! разговори́ мою́ ску́ку, я тебѣ́
дамъ не одну́ ло́жечку, а до́сыта накормлю́. Наѣ́лась мы́шка и ушла́. Но́-
чью вломи́лся медвѣ́дь: „Ну́-ка, дѣ́вица! туши́ огни́, дава́й въ жму́рки
игра́ть“. Мы́шка вскара́бкалась на плечо́ стари́ковой до́чери и ше́пчетъ
ей на ушко́: „Не бо́йся, дѣ́вица! скажи́: дава́й! потуши́ ого́нь да поди
печь полѣза́й, а я за тебя́ ста́ну бѣ́гать и въ колоко́льчикъ звони́ть“.
Такъ и сдѣ́лалось. Гоня́ется медвѣ́дь за мы́шкою—не пойма́етъ; стал
ревѣ́ть да поле́ньями броса́ть; броса́лъ-броса́лъ, ни ра́зу не попа́лъ,
уста́лъ и мо́лвилъ: „Мастери́ца ты, дѣ́вица, въ жму́рки игра́ть! за то

[1] Стальна́я поло́ска для высѣка́нія огня́ о кремéнь. Вдругъ, внезапно.

пришлю́ тебѣ́ у́тромъ ста́до коне́й да возъ серебра́". Нау́тро говори́тъ ба́ба: „Поѣзжа́й, стари́къ, провѣ́дай-ка дочь, что напря́ла она́ въ ночь". Уѣ́халъ стари́къ, а ба́ба сиди́тъ да ждётъ, ка́къ-то онъ до́чернія ко́сточки привезётъ. Пришло́ вре́мя старику́ воро́чаться, а соба́чка „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! съ старико́мъ до́чка ѣ́детъ, ста́до коне́й го́нитъ, возъ серебра́ везётъ".—Врёшь, ме́рзкая собачо́нка: э́то въ ку́зовѣ[1] ко́сточки гремя́тъ. Вотъ воро́та заскрипѣ́ли, ко́ни на дворъ вбѣжа́ли, а до́чка съ отцо́мъ на возу́ сидя́тъ. По́лонъ возъ серебра́!

2. Стару́ха посыла́етъ родну́ю дочь прясть въ лѣсу́ въ земля́нкѣ. У ба́бы отъ жа́дности глаза́ разгорѣ́лись. „Экая ва́жность!" кричи́тъ: „повези́-ка мою́ до́чку въ лѣсъ; моя́ до́чка два ста́да коне́й приго́нитъ, два во́за серебра́ прита́щитъ". Повёзъ мужи́къ и ба́бину дочь въ земля́нку; далъ ей креме́нь, огни́во, мѣшо́чекъ крупъ и оста́вилъ одну́. Объ-вечеру́ вари́ла она́ ка́шу. Прибѣжа́ла мы́шка и про́ситъ „Ната́шка, Ната́шка! сладка́ ль твоя́ ка́шка? дай хоть ло́жечку!"—Ишь[2], га́дина кака́я! закрича́ла Ната́шка и швырну́ла въ неё ло́жкою. Мы́шка убѣжа́ла, а Ната́шка знай[3] себѣ́ уписываетъ одна́ ка́шу; съѣ́ла по́лный горшо́къ, огни́ позаду́ла, прилегла́ въ углу́ и засну́ла. Пришла́ по́лночь. Вломи́лся медвѣ́дь и говори́тъ: „Эй, гдѣ ты, дѣ́вица? дава́й въ жму́рки игра́ть". Дѣ́вица испуга́лась; молчи́тъ, то́лько со стра́ху зуба́ми стучи́тъ. „А, ты вотъ гдѣ! на́ колоко́льчикъ, бѣ́гай, а я бу́ду лови́ть". Взяла́ колоко́льчикъ—рука́ дрожи́тъ, колоко́льчикъ безпере́чь[4] звени́тъ, а мы́шка приговарива́етъ: „Злой дѣ́вицѣ живо́й не быть!" Медвѣ́дь бро́сился лови́ть ба́бину до́чку и, какъ то́лько изловѝлъ её, сейча́съ задуши́лъ и съѣлъ. Нау́тро шлётъ ба́ба старика́ въ лѣсъ: „Ступа́й! моя́ дочь два во́за привезётъ, два табу́на приго́нитъ". Мужи́къ уѣ́халъ, а ба́ба за воротами́ ждётъ. Вотъ прибѣжа́ла соба́чка: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! не быва́ть домо́й ба́биной до́чери; стари́къ на пусто́мъ возу́ сиди́тъ, костьми́ въ ку́зовѣ греми́тъ!"—Врёшь ты, ме́рзкая собачо́нка; то моя́ до́чка ѣ́детъ —стада́ го́нитъ, возы́ везётъ. На, ску́шай блинъ, да говори́: ба́бину дочь въ зла́тѣ, въ серебрѣ́ привезу́тъ, а старико́вой женихи́ не возьму́тъ! Соба́чка съѣ́ла блинъ и зала́яла: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! старико́ву дочь за́мужъ отдаду́тъ, а ба́биной въ ку́зовѣ ко́сточки привезу́тъ". Что ни дѣ́лала ба́ба съ соба́чкою: и блины́ ей дава́ла и би́ла её—она́ знай своё твердитъ... Глянь[5]—а стари́къ у воро́тъ, жепѣ́ ку́зовъ подаётъ; ба́ба кузово́къ откры́ла, гля́нула на ко́сточки и завы́ла, да такъ разозли́лась, что съ го́ря и

[1]Ку́зовъ—коро́бка, я́щикъ; часть экипа́жа для покла́жи и сидѣ́нія. —[2]Ишь—вм. вишь; ви́дишь; вотъ; выража́етъ уко́ръ или́ удивле́ніе. [3]То́лько и зна́етъ, что...; то́лько. [4]Безпере́чь, или́ безпре́стъ—безпреста́нно, всегда́, постоя́нно. [5]Вм. взглянула́; означа́етъ быстроту́ дѣ́йствія.

зло́сти на другóй же день померла́. Старúкъ вы́далъ свою́ до́чку за́мужъ за хоро́шаго жениха́, и ста́ли они́ жить-поживáть да добра́ наживáть.

Въ ска́зкахъ о ма́чехѣ и па́дчерицѣ сочу́вствіе наро́да ска́зывается на сторонѣ притѣсня́емой, обижа́емой; то́ же са́мое мы ви́димъ и въ цѣломъ ря́дѣ ска́зокъ о бога́тствѣ и бѣдности, одна́ изъ кото́рыхъ помѣща́ется здѣсь.

XI. Ма́рко Бога́тый и Васи́лій Безсча́стный. Въ нѣкоторомъ ца́рствѣ, въ нѣкоторомъ госуда́рствѣ жилъ-былъ купе́цъ, по и́мени Ма́рко, по прозва́нію Бога́тый. Ма́рко облада́лъ несчётными сокро́вищами, но былъ скупъ и неми́лостивъ къ бѣднымъ: онъ терпѣть не могъ ни́щихъ и, быва́ло, то́лько зави́дитъ ихъ, сейча́съ же прика́зываетъ слу́гамъ гнать ихъ со двора́ и трави́ть соба́ками.

1. Таинственные ста́рцы. Одна́жды, по́здно вечеромъ, зашли́ къ нему́ на дворъ два сѣденькіе ста́рца: „Ра́ди Бо́га, Ма́рко Бога́тый! укро́й насъ отъ тёмной но́чи“. Ста́рцы умоля́ли его́ такъ до́лго и такъ неотсту́пно, что Ма́рко—то́лько бы отвяза́ться—велѣлъ впусти́ть ихъ въ ско́тную избу́[1], гдѣ лежа́ла у него́ при́ смерти хво́рая[2] тётка. На другóй день ви́дитъ Ма́рко, что идётъ къ нему́ тётка совсѣмъ здоро́вая. „Какъ э́то тебя́ угора́здило[3]?“ спра́шиваетъ онъ съ удивле́ніемъ. „Ахъ, Ма́рко Бога́тый!“ отвѣча́ла тётка: „спа́лось ли что? Ви́дѣлось мнѣ, не то во снѣ, не то на яву́, бу́дто ночева́ли у насъ въ ско́тной избѣ́ два сѣды́е ста́рца; въ са́мую по́лночь постуча́лся кто́-то въ окно́ и промо́лвилъ: „Въ тако́мъ-то селѣ́, у бѣднаго крестья́нина роди́лся младе́нецъ; како́е и́мя ему́ наречёте[4] и како́й тала́нъ[5] ему́ прису́дите?“ Отвѣча́ли ста́рцы: „Имя ему́ нарица́емъ—Васи́лій, прозва́ніе—Безсча́стный, а въ тала́нъ ему́ присужда́емъ бога́тство Ма́рка Бога́таго, у кото́раго тепе́рь ночу́емъ“.—А ещё что? спроси́лъ Ма́рко. „Да вотъ кака́я благода́ть[6]: какъ просну́лась я, то вста́ла совсѣмъ здоро́ва, какъ самъ ви́дишь!“ —Ла́дно, сказа́лъ Ма́рко, то́лько съ бѣднако́ва сы́на мно́го бу́детъ обладáть Ма́рковымъ бога́тствомъ.

2. Какъ Васи́лій Безсча́стный спа́сся отъ сме́рти въ пе́рвый разъ. Призаду́мался Ма́рко Бога́тый, захотѣ́лось ему́ провѣ́дать, то́чно ли роди́лся Васи́лій Безсча́стный. Приказа́лъ заложи́ть каре́ту и поѣ́халъ въ село́; пріѣ́халъ пря́мо къ свяще́нику и спра́шиваетъ: „Роди́лся ли у васъ тако́го-то дня младе́нецъ?“ — Роди́лся, отвѣча́лъ свяще́нникъ: у са́маго бѣ́днаго крестья́нина; я ему́ паре́къ и́мя Васи́лій и прозва́лъ Безсча́стнымъ; да ещё не крести́лъ, потому́ что къ бѣдняку́ никто́ въ кумовья́ нейдётъ. Ма́рко вы́звался быть крёстнымъ отцо́мъ,

---

[1]Изба́, гдѣ живу́тъ пастухи́, а зимою́ и теля́та или́ больно́й скотъ. [2]Больна́я. [3]Угора́здить—со́б. испра́вить; улучши́ть; побуди́ть, научи́ть, настро́ить. [4]Дади́те и́мя. [5]Спосо́бность; судьба́, до́ля. [6]Благодѣя́ніе, сча́стіе.

попадью́ попроси́лъ быть кумо́ю и веле́лъ изгото́вить бога́тый обѣ́дъ; принесли́ младе́нца, окрести́ли и пирова́ли до по́здняго ве́чера. На другой день Ма́рко Бога́тый призва́лъ къ себѣ́ бѣднява-крестья́нина, обласка́лъ его́ и сталъ говори́ть: „Куманёкъ! ты человѣ́къ бѣ́дный, воспита́ть сы́на не смо́жешь: отда́й-ка мнѣ́ его́! я его́ въ лю́ди вы́веду, а тебѣ́ на прожи́токъ оста́влю ты́сячу рубле́й“. Мужи́къ поду́малъ-поду́малъ и согласи́лся. Ма́рко взялъ ребёнка, оку́талъ его́ въ ли́сьи шу́бы, положи́лъ въ каре́ту и пое́халъ. Дѣ́ло бы́ло зимо́ю. Проѣ́хавъ нѣ́сколько вёрстъ, Ма́рко Бога́тый веле́лъ останови́ться, отда́лъ кре́стника своему́ прика́зчику и приказа́лъ: „Возьми́ его́ за́ ноги и забро́сь въ овра́гъ!“ Прика́зчикъ взялъ и забро́силъ его́ въ круто́й овра́гъ; а Ма́рко усмѣхну́лся и сказа́лъ: „Вотъ тамъ и владѣ́й моймъ имѣ́ніемъ!“

На тре́тій день по той же доро́гѣ, гдѣ проѣ́халъ Ма́рко, случи́лось ѣ́хать купца́мъ; везли́ они́ Ма́рку Бога́тому двѣна́дцать ты́сячъ рубле́й до́лгу; поравня́лись про́тивъ овра́га, и послы́шался имъ дѣ́тскій плачъ Остановы́лись, на́чали вслу́шиваться и посла́ли одного́ изъ прика́зчиковъ разузна́ть, что тамъ тако́е. Прика́зчикъ спусти́лся на дно овра́га, смо́тритъ,—тамъ разстила́ется зелёный лугъ, а на томъ лугу́ сиди́тъ ребёнокъ и игра́етъ цвѣта́ми. Прика́зчикъ вороти́лся и разсказа́лъ про всё своему́ хозя́ину; хозя́инъ побѣжа́лъ самъ посмотрѣ́ть на тако́е ди́во, подня́лъ ребёнка, заку́талъ его́ въ шу́бу, сѣ́лъ въ кибитку и пое́хали. Пріѣзжа́ютъ купцы́ къ Ма́рку Бога́тому. Ма́рко сталъ ихъ разспра́шивать, гдѣ взя́ли они́ ребёнка. Купцы́ разсказа́ли, какъ и что бы́ло, и онъ тотча́съ же догада́лся, что э́то Васи́лій Безсча́стный, его́ кре́стникъ; на́чалъ угоща́ть купцо́въ ра́зными заку́сками и напи́тками и проси́ть, что́бы отда́ли ему́ найдёныша. Купцы́ бы́ло не соглаша́лись, да какъ Ма́рко сказа́лъ: „Я васъ проща́ю всѣ́мъ до́лгомъ!“ — то въ ту же мину́ту и отда́ли ему́ ребёнка.

3. Какъ Васи́лій Безсча́стный спа́сся отъ сме́рти во второ́й разъ. Прошёлъ день, прошёлъ другой, а на тре́тій день Ма́рко взялъ Васи́лія Безсча́стнаго, посади́лъ въ бочёнокъ, засмоли́лъ и бро́силъ съ при́стани въ во́ду. Бочёнокъ плылъ да плылъ и приплы́лъ къ монастырю́. На ту по́ру вы́шелъ мона́хъ за водо́ю. Послы́шался ему́ дѣ́тскій крикъ: онъ, до́лго не ду́мая, сѣ́лъ въ ло́дку, перенялъ[1] бочёнокъ, посбива́лъ обручи, смо́тритъ,—а въ бочёнкѣ дитя́; взялъ его́ и принёсъ въ монасты́рь. Игу́менъ[2] нарёкъ ребёнка Васи́ліемъ и прозва́лъ Безсча́стнымъ. Съ тѣ́хъ поръ Васи́лій Безсча́стный жилъ въ монасты́рѣ цѣ́лыя осемна́дцать лѣ́тъ, вы́учился гра́мотѣ—и чита́ть и писа́ть, и на кли́росѣ[3] пѣ́ть; игу́менъ его́ полюби́лъ и поста́вилъ его́ ключарёмъ[4].

---

[1]Поймалъ. [2]Гр., предводи́тель; настоя́тель, нача́льникъ монастыря́. [3]Кли́росъ, гр., жре́бій, надѣ́лъ, уча́стокъ земли́, доста́вшійся по жре́бію; отгоро́женное мѣ́сто въ це́ркви для пѣ́вчихъ. [4]Ключа́рь—лицо́ въ монастырѣ́, завѣ́дующее церко́внымъ хозя́йствомъ.

Попа́добилось Ма́рку Бога́тому ѣ́хать въ ино́е госуда́рство собира́ть долги́, и заѣ́халъ онъ по пути́ въ монасты́рь. Здѣсь запримѣ́тилъ онъ молодо́го ключаря́, сталъ про него́ спра́шивать, давно́ ли и отку́да яви́лся. Игу́менъ припо́мнилъ и разсказа́лъ всё, что бы́ло: какъ приплы́лъ къ монастырю́ бочёнокъ, какъ вы́нули изъ него́ младе́нца и ско́лько лѣтъ тому́ наза́дъ э́то случи́лось. Ма́рко расчёлъ и догада́лся, что ключа́рь—не кто друго́й, какъ его́ кре́стникъ. Вотъ онъ и говори́тъ игу́мену: „Когда́ бъ у меня́ былъ тако́й расторо́пный человѣ́къ, какъ вашъ ключа́рь, я бы сдѣ́лалъ его́ гла́внымъ прика́зчикомъ; уступи́те его́ мнѣ!“ Игу́менъ до́лго отгова́ривался. Наконе́цъ, Ма́рко Бога́тый посули́лъ[1] за него́ вкла́ду въ монасты́рь два́дцать пять ты́сячъ; игу́менъ посовѣ́товался съ бра́тіей, и сообща́ уду́мали приня́ть вкладъ и отпусти́ть Васи́лія Безсча́стнаго.

4. Какъ Васи́лій Безсча́стный жени́лся на до́чери Ма́рка Бога́таго. Ма́рко посла́лъ Васи́лія Безсча́стнаго домо́й и написа́лъ съ нимъ тако́е письмо́: „Жена́! какъ то́лько полу́чишь моё письмо́, сейча́съ же отправля́йся съ э́тимъ по́сланнымъ на мы́льный заво́дъ и прикажи́ рабо́чимъ, чтобы́ столкну́ли его́ въ большо́й кипу́чій котёлъ; да смотри́—непремѣ́нно испо́лни! э́тотъ ма́лый мнѣ давни́шній злодѣ́й!“ Идётъ Васи́лій Безсча́стный путёмъ-доро́гою; попада́ется ему́ навстрѣ́чу сѣдо́й ста́рецъ и спра́шиваетъ: „Куда́ идёшь, Васи́лій Безсча́стный?“—Иду́ въ домъ Ма́рка Бога́таго; хозя́инъ съ письмо́мъ посла́лъ. „А покажи́ письмо́!“ Васи́лій пода́лъ ему́ письмо́; старичо́къ сломи́лъ печа́ть и говори́тъ: „Ну́-ка, прочита́й!“ Васи́лій прочита́лъ и прослези́лся.—Что я э́тому человѣ́ку сдѣ́лалъ? за что посла́лъ меня́ на лю́тую казнь? „Не печа́лься и не бо́йся“, сказа́лъ ста́рецъ: „Госпо́дь тебя́ не оста́витъ!“ Ду́нулъ на письмо́, и печа́ть сно́ва сдѣ́лалась цѣ́лою. „Ступа́й тепе́рь съ Бо́гомъ и отда́й письмо́ женѣ́ Ма́рка Бога́таго“. Васи́лій Безсча́стный пришёлъ въ домъ Ма́рка Бога́таго, спроси́лъ хозя́йку и отда́лъ ей письмо́. Хозя́йка прочита́ла; кли́кнула дочь свою́ Анаста́сію и показа́ла ей, что оте́цъ пи́шетъ; а въ письмѣ́ бы́ло ска́зано: „Жена́! какъ полу́чишь моё письмо́, на друго́й же день обвѣнча́й Анаста́сію съ э́тимъ по́сланнымъ; да смотри́—непремѣ́нно испо́лни! такова́ моя́ во́ля!“ У бога́тыхъ люде́й не пи́во вари́ть, не вино́ кури́ть—всё гото́во: весёлымъ пирко́мъ да и за сва́дебку. Васи́лія наряди́ли въ но́вый кафта́нъ, показа́ли Анаста́сіи: онъ ей полюби́лся. Вотъ повели́ ихъ въ це́рковь и обвѣнча́ли.

Въ одно́ у́тро женѣ Ма́рка Бога́таго повѣсти́ли, что при́былъ съ при́стани ея́ мужъ, и она́ съ зя́темъ и до́черью отпра́вилась встрѣча́ть его́. Ма́рко уви́дѣлъ Васи́лія Безсча́стнаго, разсерди́лся и кри́кнулъ на свою́ жену́: „Какъ ты осмѣ́лилась обвѣнча́ть съ нимъ дочь на́шу?“—По-

---

[1] Пообѣща́лъ.

твоему́ прика́зу, отвѣча́ла жена́. Ма́рко спроси́лъ полу́ченное ею́ письмо́, посмотрѣ́лъ и убѣди́лся, что всё оно́ пи́сано его́ со́бственною руко́ю.

5. Ма́рко посыла́етъ Васи́лія къ царю́ Змѣю́. Пожи́лъ Ма́рко Бога́тый мѣ́сяцъ, другой и тре́тій; потомъ позва́лъ къ себѣ́ зя́тя и говори́тъ ему́: „Ступа́й ты за три́девять земе́ль, въ тридеся́тое госуда́рство, къ царю́ Змѣю́: получи́ съ него́ дань за двѣна́дцать лѣтъ и узна́й тамъ о двѣна́дцати мои́хъ корабля́хъ, что пропада́ютъ цѣ́лые три го́да. За́втра же чуть-свѣтъ отправля́йся!“ Поутру́ ра́но всталъ Васи́лій Безсча́стный, помоли́лся Бо́гу, прости́лся съ женою́, взялъ кото́мочку суха́риковъ и пошёлъ въ путь-доро́гу. Шёлъ онъ до́лго ли—ко́ротко ли, бли́зко ли—далёко ли, то́лько слы́шитъ въ стороне́ го́лосъ: „Васи́лій Безсча́стный! куда́ идёшь?“ Огля́дывается онъ въ ту сто́рону.—Кто, говори́тъ, меня́ кли́четъ? „Я, дубъ, тебя́ спра́шиваю, куда́ ты идёшь?“—Къ царю́ Змѣю́; иду́ за двѣна́дцать лѣтъ дань тре́бовать. Провѣща́лъ[1] ему́ дубъ: „Какъ бу́дешь во вре́мени[2], и обо мнѣ вспомяни́, что стою́ я, дубъ, три́ста лѣтъ; до́лго ли мнѣ стоя́ть?“ Васи́лій Безсча́стный вы́слушалъ и отпра́вился да́льше. Шёлъ-шёлъ... и прихо́дитъ къ большо́й, широ́кой рѣкѣ́; сѣлъ на порбмъ[3], перевозчикъ его́ и спра́шиваетъ: „Куда́ ты идёшь?“—Иду́ къ царю́ Змѣю́ за двѣна́дцать лѣтъ дань тре́бовать. „Какъ бу́дешь во вре́мени, обо мнѣ вспомни́, что перевожу́ я ро́вно три́дцать лѣтъ; до́лго ль мнѣ ещё перевози́ть?“—Хорошо́, сказа́лъ Васи́лій и пошёлъ свое́ю доро́гою. Шёлъ-шёлъ... и прихо́дитъ къ си́нему мо́рю; че́резъ мо́ре лежи́тъ китъ-ры́ба, а по ней, сло́вно по мосту иду́тъ пѣ́шіе и ѣ́дутъ ко́нные. То́лько вступи́лъ на неё Васи́лій, китъ-ры́ба возговори́ла: „Васи́лій Безсча́стный! куда́ ты идёшь?—Иду́ къ царю́, Змѣю́ за двѣна́дцать лѣтъ дань тре́бовать. „Ну, до́брый челове́къ! какъ бу́дешь во вре́мени, обо мнѣ вспомяни́, что лежи́тъ китъ-ры́ба че́резъ си́нее мо́ре; ко́нные и пѣ́шіе проби́ли у нея́ тѣ́ло до са́мыхъ ре́беръ; до́лго ли ей ещё лежа́ть, до́лго ли ей мосто́мъ служи́ть?“—Хорошо́, не забу́ду! отвѣча́лъ Васи́лій и пусти́лся да́льше.

6. Васи́лій у царя́ Змѣя. До́лго ли, ко́ротко ли, прихо́дитъ онъ на зелёный лугъ; на лугу́ стои́тъ большо́й дворе́цъ. Васи́лій Безсча́стный поднялся на крыле́чко и пошёлъ по ко́мнатамъ, по узо́рчатымъ, вырѣзны́мъ перехо́дамъ; ко́мната ко́мнаты лу́чше у́брана, а въ са́мой да́льней сиди́тъ на посте́ли краса́я дѣ́вица и го́рько пла́четъ. Увида́ла она́ го́стя, подошла́ къ нему́ и спра́шиваетъ: „Кто ты тако́въ, до́брый мо́лодецъ, и какъ попа́лъ въ э́то проклятое мѣ́сто?“—Называ́юсь я Васи́лій Безсча́стный, а присла́лъ меня́ Ма́рко Бога́тый, приказа́лъ разы-

[1]Проговори́лъ; провѣща́ть мо́жетъ ещё обознача́ть: предсказа́ть. [2]Когда́ бу́дешь въ благопрія́тныхъ обстоя́тельствахъ. [3]Плоскодо́нное су́дно, плотъ, для перепра́вы че́резъ рѣ́ку или́ о́зеро.

ска́ть царя́ Змѣя да истре́бовать съ него́ дань за всѣ за двѣна́дцать лѣтъ. „Ахъ, Васи́лій Безсча́стный, ты присланъ сюда́ не за да́нью, а царю́ Змѣю на съѣдо́ніе. Да каки́ми пути́ми ты шёлъ? Не случи́лось ли тебѣ, мо́лодцу, ви́дѣть и слы́шать что доро́гою?“ Васи́лій разсказа́лъ ей про вѣщій[1] дубъ, перево́зчика и китъ-ры́бу. То́лько успѣ́ли они́ перегово́рить, какъ зашумѣ́лъ вихрь, затряслась земля́ и попатну́лся дворе́цъ: кра́сная дѣ́вица спря́тала Васи́лія Безча́стнаго подъ крова́тью и сказа́ла ему: „Сиди́ и слу́шай хорошо́нько, что ста́ну я говори́ть съ Змѣемъ!“

Царь Змѣй влетѣ́лъ въ ко́мнату. „Что“, говори́тъ, „здѣсь ру́сскимъ ду́хомъ па́хнетъ?“—Какъ сюда́ зайти́ ру́сскому ду́ху? отвѣчаетъ кра́сная дѣ́вица: э́то ты по Руси́ лета́лъ, ру́сскаго ду́ху набра́лся. „Охъ, я си́льно уста́лъ! поищи́-ка у меня́ въ головѣ́“, сказа́лъ Змѣй и разлёгся на посте́ли. Дѣ́вица приняла́сь иска́ть у него́ въ головѣ́, а сама́ ска́зываетъ: „Царь, како́й безъ тебя́ я сонъ ви́дѣла! бу́дто иду́ я по доро́гѣ и кричи́тъ мнѣ ста́рый дубъ: доложи́ царю́, до́лго ль мнѣ ещё стоя́ть“.—А ему́ стоя́ть до тѣ́хъ поръ, отвѣча́лъ Змѣй, пока́ не придётъ до́брый мо́лодецъ и не уда́ритъ его́ ногою на восхо́дѣ со́лнца: тогда́ дубъ вы́воротится съ ко́рнемъ и упадётъ, а подъ нимъ объя́вится зла́та и серебра́ мно́гое мно́жество: сто́лько нѣтъ у Ма́рка Бога́таго! „А пото́мъ сни́лось мнѣ, бу́дто пришла́ я къ большо́й, широ́кой рѣкѣ́; чрезъ ту рѣку́ поро́мъ хо́дитъ, и спра́шиваетъ меня́ перево́зчикъ, до́лго ли ему́ сидѣ́ть на поро́мѣ да люде́й перевози́ть“.—Нѣтъ, недо́лго; пусть не́рваго, кто къ нему́ я́вится, поса́дитъ на своё мѣ́сто и оттолкнётъ поро́мъ отъ бе́рега: съ кѣмъ э́то случи́тся, тотъ, на смѣ́ну ему́, и бу́детъ вѣ́чнымъ перево́зчикомъ! „А ещё приви́дѣлось мнѣ, бу́дто шла я по китъ-ры́бѣ, шла че́резъ си́нее мо́ре, и спра́шивала у меня́ китъ-ры́ба, до́лго ли ей мосто́мъ лежа́ть“. —Ей лежа́ть до тѣ́хъ поръ, пока́ не вы́броситъ изъ своей утро́бы[2] двѣна́дцати корабле́й Ма́рка Бога́таго; а какъ вы́броситъ корабли́, тотча́съ же пойдётъ въ во́ду, и ко́сти ея обрасту́тъ, и тѣ́ло ея́ опра́вится. Сказа́лъ Змѣй и засну́лъ крѣ́пкимъ сномъ.

7. Возвраще́ніе Васи́лія домо́й. Кра́сная дѣ́вица вы́пустила Васи́лія Безча́стнаго и дала́ ему́ тако́й совѣ́тъ: „Что узна́лъ ты отъ царя́ Змѣя, того́ не ска́зывай по э́ту сто́рону ни китъ-ры́бѣ, ни перево́зчику; а ска́зывай тогда́, когда́ бу́дешь на друго́й сторонѣ́“. Васи́лій Безча́стный поблагодари́лъ дѣ́вицу и пошёлъ въ обра́тный путь. До́лго ли—ко́ротко ли, прихо́дитъ къ си́нему мо́рю: китъ-ры́ба его́ спра́шиваетъ: „Ну, что? говори́лъ про меня́ съ царёмъ Змѣемъ?—Говори́лъ; вотъ перейду́ на тотъ бе́регъ и тебѣ́ скажу́. Перешёлъ че́резъ мо́ре и ска́зываетъ: „Вы́брось изъ своей утро́бы двѣна́дцать корабле́й Ма́рка Бога́-

[1]Зна́ющій бу́дущее, чародѣ́й, колду́нъ; здѣсь: вѣ́щій дубъ —чуде́сный дубъ [2]Чре́во, живо́тъ, вну́тренность.

таго". Китъ-рыба рыгнула—и двѣнадцать кораблей пошли на парусахъ, ни въ чёмъ невредимы; а волны такъ и хлынули на берегъ, и Василій Безсчастный, хоть далеко отбѣжалъ, очутился въ водѣ по колѣна. Послѣ того пришёлъ Василій къ перевозчику. „Говорилъ ли про меня царю Змѣю?" спрашиваетъ перевозчикъ.—Говорилъ. „Ну, что жъ? какой отвѣтъ?"—А вотъ перевези меня на ту сторону, тогда и узнаешь. Переправился Василій на другой берегъ и сказываетъ перевозчику: „Первого, кто къ тебѣ явится, посади на своё мѣсто, оттолкни поромъ отъ пристани и отправляйся домой!" Наконецъ, пришёлъ онъ къ вѣщему дубу, ударилъ его ногою на восходъ солнца. Дубъ свалился, а подъ нимъ злата и серебра и каменья драгоцѣннаго что ни есть числа! Оглянулся назадъ, а прямо къ берегу плывутъ двѣнадцать кораблей—тѣ самые, что недавно выбросила изъ себя китъ-рыба. Матросы перетаскали злато и серебро и каменье драгоцѣнное на корабли и, какъ совсѣмъ исправились, пустились въ путь, а съ ними и Василій Безсчастный.

Дали знать Марку Богатому, что плывётъ его зять съ двѣнадцатью кораблями и что наградилъ его Змѣй несчётными богатствами. Марко Богатый разсердился, приказалъ запрячь повозку и поѣхалъ къ царю Змѣю развѣдывать, какъ ему избыть своего врага. Пріѣхалъ къ перевозчику, сѣлъ на поромъ; перевозчикъ оттолкнулъ поромъ отъ пристани —и съ той самой поры остался Марко Богатый на вѣки вѣчные перевозить людей черезъ рѣку съ одной стороны на другую. А Василій Безсчастный прибылъ къ женѣ и тёщѣ, сталъ себѣ жить-поживать да добра наживать, бѣднымъ помогать, сирыхъ награждать и, какъ было предсказано, завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ Марка Богатаго.

Сочувствіе народа всегда оказывается на сторонѣ того, кого притѣсняютъ, такъ какъ притѣсненія являются обыкновенно слѣдствіемъ несправедливости, кривды. Есть сказки, въ которыхъ несочувствіе народа всякой неправдѣ и, наоборотъ, сочувствіе правдивости выражены и прямо. Такова сказка:

XII. Кривда[1] и правда. 1. **Споръ о правдѣ и кривдѣ.** Однажды разговорились промежъ[2] себя двое бѣдныхъ мужиковъ; одинъ изъ ихъ горазднъ[3] былъ на обманы, перебивался всякими неправдами, и приворнутъ[4]—его было дѣло, а другой шёлъ по правдѣ и всячески старался, чтобы вѣкъ свой прожить честнымъ трудомъ. Бесѣдуя другъ съ другомъ, они заспорили; первый утверждалъ, что лучше жить кривдою, а послѣдній возражалъ: „Кривдою вѣкъ не проживёшь; лучше жить въ бѣдности, да правдою!" Вотъ они спорили-спорили—уступить никому не хочется, и рѣшились выйти на большую дорогу и спрашивать встрѣч-

[1]Неправда, несправедливость, безнравственность. [2]Между. [3]Искусенъ, способенъ. [4]Украсть при случаѣ.

ныхъ, какъ лю́ди посу́дятъ. Вы́брались на доро́гу, шли-шли и увида́ли ба́рскій мужичо́къ[1] зе́млю па́шетъ; подошли́ къ нему́ и говоря́тъ: „Богъ на́ помочь[2], до́брый челове́къ! разрѣши́-ка[3] намъ споръ: какъ лу́чше жить а бѣ́лымъ свѣ́тѣ—пра́вдою а́ли[4] кри́вдою?“—Нѣтъ, бра́тцы! пра́вдою вѣкъ не проживёшь; кри́вдою жить вольго́тнѣе[5]. Пра́вда-то въ лапти́хъ[6] хо́дитъ, а кри́вда въ сапога́хъ! Вотъ хоть на́ше де́ло: безпереста́нь у насъ господа́ дни отнима́ютъ, рабо́тать на себя́ не́когда; изъ-за невго́ли прики́пешься, бу́дто хворь[7] напа́ла, а самъ э́тимъ вре́менемъ въ лѣсъ по дрови́цы съѣ́здишь—не днёмъ, такъ но́чью, коли́[8] есть запре́тъ. „Ну, слы́шишь“, говори́тъ криводу́шный правди́вому: „мои́-то слова́ вѣрнѣе!“ Пусти́лись да́льше по доро́гѣ. Шли-шли, навстрѣ́чу имъ ѣ́детъ въ киби́ткѣ[9] купе́цъ. „Останови́сь на мину́тку; хоти́мъ спроси́ть тебя́, не вогнѣвъ твое́й ми́лости. Разрѣши́ нашъ споръ: какъ лу́чше на свѣ́тѣ жить—пра́вдою а́ли кри́вдою?“—Эхъ, ребя́та! пра́вдою мудрено́ жить, лу́чше—кри́вдою: насъ обма́нываютъ, и мы обма́нываемъ! „Слы́шишь, опя́ть вы́шло по-моему́!“ говори́тъ криводушный правди́вому. Вздума́ли они́ ещё попыта́ть, что ска́жетъ имъ тре́тій. Шли-шли, ѣ́детъ навстрѣ́чу ба́ринъ. „Останови́сь на мину́тку! разрѣши́ нашъ споръ: какъ лу́чше на свѣ́тѣ жить—пра́вдою а́ли кри́вдою?“—Нашли́ о чёмъ спра́шивать! зна́мое[10] де́ло, кри́вдою. Кака́я ны́нче пра́вда? за пра́вду въ Сиби́рь угоди́шь, ска́жутъ: кля́узникъ[11]! „Ну, слы́шишь“, говори́тъ криводу́шный правди́вому: „всѣ одно́ говоря́тъ, что кри́вдою жить лу́чше“.—Нѣтъ, отвѣча́етъ правди́вый: на́до жить по-Бо́жьему; что бу́детъ—то и бу́детъ, а кри́вдою жить не ста́ну!

2. Криводу́шный ослѣпля́етъ правди́ваго. По́слѣ того́ о́ба мужика́ отпра́вились иска́ть себѣ рабо́ты. До́лгое вре́мя шли они́ вмѣ́стѣ; криводу́шный ко всѣмъ умѣ́етъ прила́живаться; его́ вездѣ́ и ко́рмятъ, и поя́тъ да́ромъ, и колача́ми про запа́съ надѣля́ютъ; а правди́вый гдѣ води́цы изопьётъ, а гдѣ поработаетъ изъ-за куска́ хлѣ́ба—и тѣмъ дово́ленъ! Криводу́шный знай надъ нимъ посмѣ́ивается. Вотъ ка́къ-то правди́вый мужи́къ оголода́лъ доро́гою и сталъ проси́ть у своего́ това́ри-

---

[1]Крѣпостно́й мужичо́къ. До 19 февраля́ 1861 го́да ру́сскіе крестья́не находи́лись въ зави́симости отъ помѣ́щиковъ и обя́заны бы́ли рабо́тать для помѣ́щиковъ безъ вознагражде́нія. Така́я зави́симость называ́лась крѣпостничествомъ, а крестья́не—крѣпостны́ми. [2]Богъ на по́мощь, Богъ пусть помо́жетъ. [3]Ка, ко, тка, кась—части́цы, уси́ливающія значе́ніе словъ, къ кото́рымъ присто́влены; иногда́ не имѣ́ютъ никако́го значе́нія. [4]Или. [5]Вольнѣе, свобо́днѣе, ле́гче. [6]Ла́поть (отъ ла́па—ступня́)—коро́ткая плетёная (обыкновенно изъ лыкъ) о́бувь, обхва́тывающая то́лько ступню́ по щи́колки. [7]Болѣ́знь. [8]Если. [9]Кры́тая повозка, повозка съ ве́рхомъ. [10]Изве́стное. [11]Крючкотво́ръ, сплетникъ человѣ́къ, скло́нный заводи́ть спо́ры, дра́зги.

ща: „Дай мнѣ кусо́чекъ хлѣ́ба“.—А что за него́ дашь? спра́шиваетъ криводу́шный. „Возьми́, что самъ зна́ешь!“—Дава́й, я тебѣ́ глазъ вы́колю. „Ну, вы́коли!“ Криводу́шный вы́кололъ ему́ глазъ и далъ за то небольшо́й кусо́чекъ хлѣ́ба. Пошли́ они́ да́льше; шли-шли, правди́вый опя́ть проголода́лся и сталъ проси́ть у криводу́шнаго хлѣ́ба, а тотъ говори́тъ: „Дава́й, я тебѣ́ друго́й глазъ вы́колю?“—Ахъ, бра́тецъ, пожалѣ́й: я слѣпо́й бу́ду! „Ну, что жъ! за то ты правди́вый, а я живу́ кри́вдою!“ Что дѣ́лать? съ го́лодомъ не сла́дишь.—„На“, говори́тъ правди́вый: „вы́коли и друго́й глазъ, коли́ грѣха́ не бои́шься“. Криводу́шный вы́кололъ у него́ послѣ́дній глазъ, далъ ему́ кусо́чекъ хлѣ́ба и затѣ́мъ поки́нулъ слѣпо́го посреди́ доро́ги: „Вотъ ста́ну я тебя́ води́ть!“

3. О томъ, какъ правди́вый прозрѣ́лъ и узна́лъ секре́тъ исцѣле́нія ца́рской до́чери. Слѣпо́й съѣ́лъ хлѣ́бъ и пошёлъ о́щупью. „Аво́сь“, ду́маетъ, „доберу́сь до дере́вни“. Шёлъ-шёлъ, сби́лся съ доро́ги и не зна́етъ, куда́ ему́ идти́. На́чалъ онъ Бо́гу моли́ться: „Го́споди, не оста́вь меня́ грѣ́шнаго!“ Моли́лся-моли́лся и услы́шалъ невѣ́домый го́лосъ: „Ступа́й напра́во; придёшь въ лѣ́съ, къ грему́чему ключу́; умо́йся изъ того́ ключа́ водо́ю, и Богъ дару́етъ тебѣ́ зрѣ́ніе. Тамъ ты уви́дишь огро́мный дубъ, взлѣзь на него́, и дожида́йся но́чи“. Слѣпо́й повернулъ напра́во, добрёлъ ко́е-какъ до лѣ́са, напа́лъ на тропи́нку и то́ю тропи́нкою дошёлъ до грему́чаго ключа́; почерпну́лъ ключево́й воды́ и то́лько омочи́лъ ею глазны́я впа́дины, какъ ту́ же мину́ту прозрѣ́лъ. Осмотрѣ́вшись вокру́гъ, онъ уви́дѣлъ огро́мный дубъ, подъ кото́рымъ вся трава́ была́ вы́бита и земля́ утопта́на; взлѣзъ на его́ верху́шку и сталъ дожида́ться но́чи. Когда́ наступи́ла тёмная ночь, слетѣ́лись со всѣхъ сторо́нъ подъ э́то де́рево нечи́стые ду́хи и на́чали похваля́ться, гдѣ кто былъ и како́е зло сдѣ́лалъ. Оди́нъ бѣсъ говори́тъ: „Я былъ у прекра́сной царевны. Уже́ де́сять годо́въ, какъ её му́чаю; всячески меня́ изъ дворца́ прогоня́ютъ, да не мо́гутъ оси́лить; а вы́гонитъ меня́ тотъ, кто у тако́го-то бога́таго купца́ доста́нетъ ико́ну Бо́жіей Ма́тери“. Вотъ на́утро, когда́ всѣ бѣ́сы разлетѣ́лись, правди́вый слѣзъ съ ду́ба и пошёлъ иска́ть бога́таго купца́. До́лго ли—ко́ротко ли, нашёлъ его́ и нанима́ется къ нему въ рабо́тники. „Цѣ́лый годъ“, говори́тъ, „на тебя́ прорабо́таю; ничего́ мнѣ не на́добно, то́лько отда́й мнѣ ико́ну Бо́жіей Ма́тери“. Купе́цъ согласи́лся; правди́вый мужичо́къ рабо́талъ на него́ изо всѣхъ силъ, ни дня ни но́чи не зналъ поко́я: тако́й былъ стара́тельный; а когда́ годъ око́нчился, сталъ проси́ть расчёта. „Ну, бра́тецъ!“ говори́тъ купе́цъ, „я твое́й рабо́той дово́ленъ, то́лько мнѣ жаль отдава́ть о́бразъ; возьми лу́чше деньга́ми“.—Нѣтъ, мнѣ де́негъ твои́хъ не на́добно, а дава́й, что слѣ́дуетъ по уговору. „Какъ бы не такъ! поработа́й на меня́ друго́й годъ, тогда́ и отда́мъ тебѣ́ о́бразъ“. Не́чего дѣ́лать, оста́лся мужи́къ у купца́ и рабо́талъ на него́ ещё кру́глый годъ. Пришло́ вре́мя къ расчёту, купцу́ опя́ть жа́лко отдава́ть о́бразъ. „Я“, говори́тъ, „лу́чше тебя́ казно́ю награжу́; а коли́ непремѣ́нно хо́чешь получи́ть о́бразъ, оста-

[illegible] у меня въ работ[illegible] на одинъ годъ". Съ богатымъ за съ сильнымъ трудно спорить; пришлось мужику поневолѣ согласиться; остался опять у купца въ работникахъ ещё на годъ и работалъ на него пуще[1] прежняго. Вотъ по исходѣ третьяго года купецъ снялъ со стѣны образъ и отдалъ мужику: „На, добрый человѣкъ, возьми за свой трудъ и ступай съ Богомъ!"

4. Правдивый исцѣляетъ царскую дочь и въ награду получаетъ ея руку. Мужикъ взялъ образъ Божіей Матери, распрощался съ купцомъ и отправился въ то самое царство, гдѣ печистый духъ мучилъ прекрасную царевну. Шёлъ-шёлъ и пришёлъ въ столичный городъ; пришёлъ и говоритъ: „Я-де[2] вашу царевну излѣчить могу". Сейчасъ подхватили его подъ руки, привели въ царскія палаты и показали ему скорбящую царевну. Опъ спросилъ полную чашу воды, трижды погрузилъ въ неё образъ Божіей Матери, подалъ эту воду царевнѣ и велѣлъ ей умыться. И вотъ, только что стала царевна умываться, вдругъ изъ нея вылетѣла печистая сила клубомъ; недугъ миновался, и красная дѣвица сдѣлалась весела, здрава и невредима. Царь и царица обрадовались и не знали, чѣмъ наградить лѣкаря: и чины ему давали, и вотчину сулили[3], и жалованье большое клали. „Нѣтъ", говоритъ, „мнѣ ничего не надо!" Вотъ царевна и молвила: „Я за него замужъ иду!"—Ладно! отвѣчалъ царь, приказалъ обвѣнчать ихъ и задалъ знатный пиръ на весь міръ. Съ этого самаго дня началъ правдивый мужичокъ жить въ царскихъ хоромахъ[4], ходить въ царскихъ одеждахъ, пить и ѣсть за царскимъ столомъ.

5. Судьба криводушнаго. Прошло сколько-то времени, просится зять у царя съ царицею: „Пустите меня на родину; у меня есть мать старушка". А царевна говоритъ: „Поѣдемъ вмѣстѣ!" Вотъ и поѣхали они вдвоёмъ; лошади, коляска, сбруя—всё царское. Ѣхали-ѣхали, и попадается имъ навстрѣчу криводушный—тотъ самый, что нѣкогда спорилъ, будто на свѣтѣ надо жить кривдою. Увидалъ его царскій зять и говоритъ: „Здравствуй, братъ. Ну, что? али[5] не узналъ меня? А помнишь, ты со мной спорилъ, что кривдою лучше жить, чѣмъ правдою, да ещё мнѣ глаза выкололъ?" Криводушный оробѣлъ и не знаетъ, что ему дѣлать. „Да ты не бойся! я на тебя не сержусь", молвилъ правдивый и тотчасъ же разсказалъ всё, что съ нимъ случилося: какъ онъ прозрѣлъ, какъ работалъ у богатаго купца и какъ женился на прекрасной царевнѣ. Криводушный выслушалъ и задумалъ итти въ лѣсъ къ гремучему ключу. „Авось", думаетъ, „и я своё счестіе услышу!" По-

[1]Больше, усерднѣе. [2]По его (ея, ихъ) словамъ, молъ, дескать; прибавляется тогда, когда чужія слова передаются точно. [3]Имѣніе обѣщали. [4]Хоромы—дворецъ, палаты. [5]Развѣ.

шёлъ въ лѣсъ, отыскалъ громучій ключъ, взобрался на высокій дубъ и сталъ дожидаться ночи. Въ самую полночь слетѣлись подъ дубъ не чистые духи. Увидали криводушнаго, стащили съ дерева и растерзали на мелкія части.

Во многихъ народныхъ сказкахъ разсказывается о трёхъ братьяхъ, изъ которыхъ двое умныхъ, а третій дуракъ. Иногда младшій братъ дѣйствительно глупъ, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей сказкѣ, но большею частью онъ только старшимъ братьямъ кажется глупымъ, на самомъ же дѣлѣ умнѣе ихъ.

XIII. Иванушка-дурачокъ. **1. Иванушка угощаетъ свою тѣнь клѣцками и выкалываетъ глаза у овецъ.** Былъ-жилъ старикъ со старухою; у нихъ было три сына: двое — умные, третій — Иванушка-дурачокъ. Умные-то овецъ въ полѣ пасли, а дуракъ ничего не дѣлалъ, всё на печкѣ сидѣлъ да мухъ ловилъ. Въ одно время наварила старуха ржаныхъ клёцокъ[1] и говоритъ дураку: „На-ка, снеси эти клёцки братьямъ; пусть поѣдятъ“. Налила полный горшокъ и дала ему въ руки. Побрёлъ онъ къ братьямъ. День былъ солнечный; только вышелъ Иванушка за околицу[2], увидалъ свою тѣнь сбоку и думаетъ: „Что это за человѣкъ? со мной рядомъ идётъ, ни на шагъ не отстаётъ: вѣрно, клёцокъ захотѣлъ!“ И началъ онъ бросать на свою тѣнь клёцки, такъ всѣ до единой и повыкидалъ; смотритъ,—тѣнь всё сбоку идётъ. „Эка, ненасытная утроба!“ сказалъ дуракъ съ сердцемъ и пустилъ въ неё горшкомъ; разлетѣлись черепки въ разныя стороны. Вотъ приходитъ съ пустыми руками къ братьямъ; тѣ его спрашиваютъ: „Ты, дуракъ, зачѣмъ?“—Вамъ обѣдъ принёсъ. „Гдѣ же обѣдъ? давай живѣе“.—Да вишь, братцы, привязался ко мнѣ дорогою незнамо-какой[3] человѣкъ да всё и поѣлъ! „Какой-такой человѣкъ?“—Вотъ онъ и теперь рядомъ стоитъ! Братья ну[4] его ругать, бить-колотить; отколотили и заставили овецъ пасти, а сами ушли на деревню обѣдать. Принялся дуракъ пасти: видитъ, что овцы разбрелись по полю, давай ихъ ловить да глаза выдирать; всѣхъ переловилъ, всѣмъ глаза выдралъ, собралъ стадо въ одну кучу и сидитъ себѣ радёхонекъ, словно дѣло сдѣлалъ. Братья пообѣдали, воротились въ поле: „Что ты, дуракъ, натворилъ? отчего стадо слѣпое?“—Да почто[5] имъ глаза-то? Какъ ушли вы, братцы, овцы-то врозь разсыпались; я и придумалъ: сталъ ихъ ловить, въ кучу сбирать, глаза

---

[1]Клёцка—комокъ изъ прѣснаго тѣста въ похлёбкѣ. [2]а) Округъ, округжная мѣстность; б) окольная, непрямая дорога; в) пастбище при селеніи; г) мѣстность вокругъ деревни до полей; д) городьба вокругъ селенія, заборъ для охраненія хлѣбовъ отъ потравы. [3] Неизвѣстно какой. [4]Начали, стали. [5]Зачѣмъ.

выдира́ть; во́[1] какъ ума́ялся[2]! „Посто́й, ещё не такъ ума́ешься!“ говоря́ть бра́тья, и дава́й угоща́ть его́ кулака́ми.

2. О томъ, какъ Ива́нушка возвраща́лся съ база́ра домо́й. Ни мно́го ни ма́ло прошло́ вре́мени, посла́ли старики́ Ива́нушку-дурачка́ въ го́родъ къ пра́здинку по хозя́йству закупа́ть. Всего́ закупи́лъ Ива́нушка: и столъ купи́лъ, и ло́жекъ, и ча́щекъ, и мя́са, и со́ли; цѣ́лый возъ навали́лъ вся́кой вся́чины. Ѣдетъ домо́й, а лошадёнка была́ така́я, знать[3] неуда́лая[4]—везётъ-не везётъ! „А что́“, ду́маетъ себѣ́ Ива́нушка, „вѣдь у ло́шади четы́ре ноги́ и у стола́ то́же четы́ре: такъ сто́лъ-то и самъ добѣжи́тъ!“ Взялъ столъ и вы́ставилъ на доро́гу. Ѣдетъ-ѣдетъ, бли́зко ли, далёко-ли, а воро́ны такъ и вью́тся надъ нимъ да всё ка́ркаютъ. „Знать, сестри́цамъ поку́шать охо́та; вишь, какъ раскрича́лись!“ поду́малъ дура́къ, бро́силъ мя́со на́земь и на́чалъ по́тчевать: „Сестри́цы-голу́бушки! ку́шайте на здоро́вье“. А самъ всё впередъ да впередъ подвига́ется. Ѣдетъ Ива́нушка перелѣ́скомъ[5]; по доро́гѣ всё пни обгорѣ́лые. „Эхъ“, ду́маетъ, „ребя́та-то безъ ша́покъ; вѣдь озя́бнуть, серде́чные!“ И тотча́съ попадѣва́лъ на пихъ горшки́ да корча́ги[6]. Вотъ доѣ́халъ Ива́нушка до рѣки́, дава́й ло́шадь пои́ть, а она́ не пьётъ. „Знать, безъ со́ли не хо́четъ!“—и ну соли́ть во́ду. Вы́сыпалъ по́лный мѣшо́къ со́ли, ло́шадь всё не пьётъ. „Что жъ ты не пьёшь, во́лчье мя́со! ра́звѣ зада́ромъ я мѣшо́къ со́ли вы́сыпалъ?“ Хвати́лъ её полѣ́номъ, да пря́мо въ го́лову, и убилъ папова́лъ. Оста́лся у Ива́нушки оди́нъ кошёль[7] съ ло́жками, да и тотъ на себѣ́ понёсъ. Идётъ; ло́жки назади́ такъ и бря́каютъ: брякъ, брякъ! а онъ ду́маетъ, что ло́жки-то говоря́тъ: „Ива́нушка дура́къ!“ бро́силъ ихъ—и ну топта́ть да приговаривать: „Вотъ вамъ Ива́нушка дура́къ! вотъ вамъ Ива́нушка дура́къ! Ещё вздумали дразни́ть, негодныя!“ Воротился домо́й и говори́тъ: „Всё искупи́лъ, бра́тики!“—Спаси́бо, дура́къ; да гдѣ же у тебя́ заку́пки? „А столъ позади́ бѣжи́тъ, изъ блюдъ сестри́цы ку́шаютъ, горшки́ да корча́ги ребя́тамъ въ лѣсу́ на го́ловы попадѣва́лъ, со́лью рѣ́чку посоли́лъ, а ло́жки дра́знятся—такъ я ихъ на доро́гѣ поки́нулъ“.—Ступа́й, дура́къ, поскорѣе! собери всё, что разброса́лъ по доро́гѣ! Ива́нушка пошёлъ въ лѣсъ, спялъ съ обгорѣ́лыхъ пней корча́ги, повы́шибалъ дни́ща, надѣ́лъ на бато́гъ[8] корча́гъ съ дю́жину—всякихъ: больши́хъ и ма́лыхъ и понёсъ домо́й.

3. О томъ, какъ Ива́нушка-дурачо́къ перехитри́лъ у́мныхъ бра́тьевъ. Крѣпко осерча́ли бра́тья, взя́ли Ива́нушку, зашли́

[1]Вотъ. [2]Уста́лъ. — [3]Ви́дно, должно́ быть. [4]Плоха́я. [5]Узкая поло́ска лѣса, соединя́ющая двѣ широ́кія ча́сти лѣса; лѣсно́й перешеёкъ. [6]Корча́га—большо́й, разва́листый гли́няный горшо́къ. [7]Мя́гкая складна́я корзи́на, сѣ́тчатый мѣшо́къ, сума́, калита́. [8]Трость, хворости́на, па́лка.

въ куль[1] и потащи́ли къ рѣкѣ. Положи́ли куль на берегу́, а са́ми пошли́ про́рубь осма́тривать. На ту по́ру ѣ́халъ како́й-то ба́ринъ ми́мо на тро́йкѣ бу́рыхъ; Ива́нушка и ну крича́ть: „Са́дятъ меня́ на воево́дство[2] суди́тъ да ряди́ть[3], а я ни суди́ть ни ряди́ть не умѣ́ю!“—Посто́й, дура́къ! сказа́лъ ба́ринъ: я умѣ́ю и суди́ть и ряди́ть; вылѣза́й изъ куля́. Ива́нушка вы́лѣзъ изъ куля́, заши́лъ туда́ ба́рина, а самъ сѣлъ въ его́ пово́зку и ускака́лъ изъ ви́ду. Пришли́ бра́тья, спусти́ли куль подъ лёдъ и слу́шаютъ, а въ водѣ́ такъ и бу́ркаетъ. „Знать, бу́рка ло́витъ!“ проговори́ли бра́тья и побрели́ домо́й. Навстрѣ́чу имъ, отку́да ни возьми́сь, ѣ́детъ на тро́йкѣ Ива́нушка, ѣ́детъ да прихва́стываетъ: „Во́тъ-ста[4] каки́хъ пойма́лъ я лоша́душекъ! а ещё оста́лся тамъ си́вка—тако́й сла́вный!“ Зави́дно ста́ло бра́тьямъ; говоря́тъ дураку́: „Защива́й тепе́рь насъ въ куль да пуска́й поскорѣ́й въ про́рубь! Не уйдётъ отъ насъ си́вка...“ Опусти́лъ ихъ Ива́нушка-дурачо́къ въ про́рубь и погна́лъ[5] домо́й пи́во попива́ть да бра́тьевъ помина́ть.

Въ э́той ска́зкѣ Ива́нушка-дурачо́къ, дѣйстви́тельно, дурачо́къ, и притомъ съ чёрствою душо́ю. Но въ други́хъ ска́зкахъ о трёхъ бра́тьяхъ мла́дшій братъ е́сли и называ́ется дурако́мъ, то то́лько потому́, что тако́го мнѣ́нія о нёмъ ста́ршіе бра́тья. Они́ называ́ютъ въ нёмъ глу́постью его́ безкоры́стіе, гото́вность помо́чь други́мъ, хотя́ бы съ невы́годою для себя́, добросо́вѣстное отноше́ніе къ свои́мъ обя́занностямъ и пр. Въ прочи́танной ска́зкѣ мла́дшій братъ торжеству́етъ надъ ста́ршими то́лько съ по́мощью преступле́нія. Въ други́хъ ска́зкахъ торжество́ мла́дшаго бра́та надъ ста́ршими явля́ется какъ награ́да за его́ нра́вственныя ка́чества. Такова́, напр., ска́зка:

XIV. Звѣрь-Но́рка. Въ ца́рскій звѣри́нецъ пова́дился Звѣрь-Но́рка и постоя́нно похища́лъ изъ него́ звѣре́й. Царь имѣлъ трёхъ сынове́й, изъ ко́ихъ два бы́ли у́мные, а тре́тій дура́къ. Оте́цъ приказа́лъ свои́мъ сыновья́мъ ка́ждую ночь поочерёдно карау́лить[6] звѣри́нецъ. Ста́ршіе сыновья́ прогуля́ли свои́ но́чи въ тракти́рѣ и не вида́ли звѣ́ря; но мла́дшій добросо́вѣстно карау́лилъ и хотя́ не пойма́лъ звѣ́ря, но узна́лъ, гдѣ скрыва́ется. Спаса́ясь отъ преслѣ́дованія мла́дшаго бра́та, Но́рка подбѣжа́лъ къ огро́мному бѣ́лому ка́мню и скры́лся подъ нимъ въ зе́млю. По о́бщему совѣ́ту отца́ и бра́тьевъ, поло́жено бы́ло спусти́ться за звѣ́ремъ подъ зе́млю на верёвкѣ; но у ста́ршихъ бра́тьевъ не доста́ло си́лы подня́ть ка́мень. Подня́въ ка́мень, мла́дшій братъ предложи́лъ ста́ршимъ спусти́ться въ зе́млю; но они́ стру́сили и отказа́лись. Тогда́ мла́дшій спусти́лся оди́нъ, сказа́вши бра́тьямъ, что́бы они́ тяну́ли верёвку кве́рху, когда́ она́ затрясётся. Побѣди́въ звѣ́ря, мла́дшій братъ хотѣлъ

---

[1]Рого́жный мѣшо́къ. [2]Даю́тъ мнѣ до́лжность воево́ды, нача́льника о́бласти. [3]Устра́ивать поря́докъ, управля́ть. [4]Части́ца, уси́ливающая значе́ніе сло́ва, въ смы́слѣ: то, ать; здѣсь въ знач.: де, молъ. [5]Погна́лъ лошаде́й, поѣ́халъ.—[6]Стере́чь.

вы́йти на свѣтъ Божій; но, зна́я за́висть и злобу бра́тьевъ, онъ поду́малъ, что они́ захотя́тъ погуби́ть его́ и обрѣжутъ верёвку, а потому́, для о́пыта, вмѣсто себя́ онъ привяза́лъ къ верёвкѣ ка́мень. Бра́тья, дѣйствительно, обрѣзали верёвку, и на тако́й высотѣ, что привя́занный къ ней ка́мень совершенно расши́бся. Мла́дшій бра́тъ оста́лся въ подзе́мномъ ца́рствѣ и, не ви́дя средствъ вы́йти отту́да, го́рько запла́калъ. Вдругъ поднялась си́льная бу́ря; что́бы укры́ться отъ нея́, онъ подхо́дитъ къ одному́ де́реву и ви́дитъ, что на пёмъ въ гнѣздѣ сидя́тъ ма́ленькія пти́чки, совсѣмъ измо́кшія отъ дождя́. Забы́въ своё положе́ніе, онъ, по чу́вству сострада́нія, снялъ съ себя́ пла́тье и прикры́лъ имъ пти́чекъ. Вско́рѣ прилетѣла огро́мная пти́ца, мать э́тихъ пти́чекъ. Узна́въ, что онъ прикры́лъ ея́ дѣте́й отъ дождя́, она́ въ награ́ду за э́то вы́несла его́ на себѣ́ на зе́млю, гдѣ онъ обличи́лъ своихъ злыхъ бра́тьевъ[1].

XV. Наби́тый дура́къ. 1. Жи́ли-бы́ли стари́къ со стару́хою, имѣ́ли при себѣ́ одного́ сы́на, и то наби́таго дурака́. Говори́тъ ему́ мать: „Ты бы, сыно́къ, пошёлъ, о́коло люде́й потёрся да ума́ набра́лся“. —Посто́й, ма́ма! сейча́съ пойду́. Пошёлъ по дере́внѣ, ви́дитъ,—два мужика́ горо́хъ моло́тятъ; сейча́съ подбѣжа́лъ къ нимъ, то о́коло одного́ потрётся, то о́коло друго́го. „Не дури́!“ говоря́тъ мужики́ ему́: „ступа́й, отку́да пришёлъ“; а онъ себѣ́ потира́ется. Вотъ мужики́ осерди́лись и приня́лись его́ цѣпа́ми по́тчевать; такъ упо́тчевали, что едва́ домо́й приползъ. „Что ты, ди́тятко, пла́чешь?“ спра́шиваетъ его́ стару́ха. Дура́къ разсказа́лъ ей своё го́ре. „Ахъ, сыно́къ, какъ ты глупъ! Ты бы сказа́лъ имъ: Богъ по́можь, до́брые лю́ди! носи́ть бы вамъ—не переноси́ть, вози́ть бы—не перевози́ть! Они́ бы тебѣ́ да́ли горо́ху; вотъ бы мы свари́ли да ску́шали“.

На друго́й день идётъ дура́къ по дере́внѣ, навстрѣ́чу несу́тъ поко́йника. Уви́дѣлъ и дава́й крича́ть: „Богъ по́можь! носи́ть бы вамъ—не переноси́ть, вози́ть бы—не перевози́ть!“ Опя́ть его́ прибили. Воротился онъ домо́й и вопи́тъ: „Меня́, ду́рня, би́ли, меня́ колоти́ли, за во́лосы дра́ли, за усъ подёргали“.—За что? спра́шиваетъ мать.—Такъ и такъ, ма́тушка! разска́зываетъ дура́къ.—„Ахъ, ди́тятко! ты бы сказа́лъ: кану́нъ да свѣча́![2] да снялъ бы ша́пку, на́чалъ бы слёзно пла́кать да покло́ны бить; они бы тебя́ накорми́ли-напои́ли досы́та“.

2. Пошёлъ дура́къ по дере́внѣ; глядь[3]—ѣдетъ навстрѣ́чу сва́дьба; онъ снялъ ша́пку и закрича́лъ во всё го́рло: „Кану́нъ да свѣча́!“ а самъ такъ и разлива́ется, го́рько пла́четъ. „Что э́то за невѣ́жа пришёлъ!“ говоря́тъ пья́ные мужики́: „мы всѣ гуля́емъ да весели́мся, а онъ сло́вно по мёртвому пла́четъ!“ Соскочи́ли съ телѣги и поря́дкомъ ему́ бока́ по-

[1]Откры́лъ ихъ безсо́вѣстный посту́покъ по отноше́нію къ нему. Такъ говоря́тъ во вре́мя похоро́нъ. [3]Смо́тритъ: сокращ. изъ гляди́тъ.

мя́ли. Воротя́лся дура́къ домо́й и пла́четъ; „Меня́, ду́рня, би́ли, меня́ колоти́ли, за во́лосы дра́ли, за усъ подёргали!“—За что, ди́тятко? Дура́къ переда́лъ, за что его́ прибили. Мать сказа́ла: „Ты бы, ди́тятко, поигра́лъ да поплясалъ имъ“.—Хорошо́, ма́тушка! вперёдъ такъ и сдѣ́лаю.

Ушёлъ онъ опя́ть на дере́вню да взялъ съ собо́ю ду́дочку. Вотъ на концѣ́ дере́вни загорѣ́лся у мужика́ ови́нъ[1]. Дура́къ со всѣхъ ногъ побѣжа́лъ туда́; забѣжа́лъ про́тивъ ови́на—и на́чалъ плеса́ть да игра́ть въ свою́ ду́дочку. И тутъ дурака́ отколоти́ли. Пришёлъ онъ къ ма́тери со слеза́ми и разсказа́лъ, что его́ прибили. Мать ему́ говори́тъ: „Ты бы, ди́тятко, взялъ воды́ да заливалъ съ ни́ми“. Дня че́резъ три, какъ то́лько у дурака́ зажи́ли бока́, пошёлъ онъ броди́ть по дере́внѣ. Увида́лъ, что мужи́къ свинью́ пали́тъ, вы́хватилъ у како́й-то ба́бы ведро́ съ водо́ю, прибѣжа́лъ къ мужику́ и сталъ залива́ть ого́нь. И тутъ дурака́ поря́дкомъ поколоти́ли. Опя́ть воротя́лся онъ къ ма́тери и разсказа́лъ, за что ему́ доста́лось. Мать закля́лась пуска́ть его́ и́зъ дому, и съ тѣ́хъ поръ и поны́нѣ дура́къ, кро́мѣ своего́ двора́, никуда́ не выхо́дитъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

А. Васи́лій Андре́евичъ Жуко́вскій

(1783—1852)

роди́лся въ помѣ́щичьей семьѣ́, въ селѣ́ Ми́шенскомъ, недалеко́ отъ Бѣлёва, у́ѣзднаго го́рода Ту́льской губе́рніи. Учи́лся онъ въ Москвѣ́, въ Университе́тскомъ[2] благоро́дномъ пансіо́нѣ[3]. Такъ называ́лось учи́лище при Моско́вскомъ университе́тѣ, для дѣте́й дворя́нъ. Око́нчивъ уче́ніе, Ж. до 1812 го́да жилъ бо́льшею ча́стью въ родно́мъ селѣ́ и занима́лся хозя́йствомъ. Въ свобо́дное вре́мя онъ занима́лся чте́ніемъ и сочиня́лъ стихи́. Въ 1812 году́ случи́лось наше́ствіе францу́зовъ на Россію[4]. Чтобы́ защища́ть оте́чество, Ж. поступи́лъ въ вое́нную слу́жбу. Но во вре́мя похо́да онъ заболѣ́лъ и вскорѣ́ вы́шелъ въ отста́вку. Въ похо́дѣ Ж. написа́лъ стихотворе́ніе, въ кото́ромъ прославля́етъ хра́брость ру́сскаго во́йска. Стихотворе́ніе это ста́ло извѣ́стно и о́чень понра́вилось Импера́тору Алекса́ндру I, ца́рствовавшему въ то вре́мя. Въ ца́рствованіе Импера́тора Никола́я Ж. состоя́лъ наста́вникомъ Наслѣ́дника престо́ла[5]. Въ 1837—8 года́хъ Ж. путеше́ствовалъ съ нимъ по Россіи и Евро́пѣ. Съ 1841 г. Ж. жилъ за грани́цей[6], гдѣ и у́меръ. Тѣ́ло его́ бы́ло перевезено́ въ Петербу́ргъ и погребено́ въ Алекса́ндро-Не́вской ла́врѣ[7].

---

[1]Сара́й съ пе́чью, для проса́ушки пе́редъ молотьбо́й мо́крыхъ снопо́въ.—Университе́тъ—лат. universitas цѣ́лость, совоку́пность; universus весь, цѣ́лый—вы́сшее учёбное заведе́ніе. [3]Фр. pension, учёбное заведе́ніе, въ которо́мъ дѣ́ти не то́лько у́чатся, но и живу́тъ. [4]См. примѣча́ніе къ ба́снѣ Крыло́ва: „Волкъ на псарнѣ“. [5]Впослѣ́дствіи—Импера́торъ Алекса́ндръ II. [6]Т.-е. не въ Россіи, а въ други́хъ стра́нахъ, преиму́щественно въ Швейца́ріи.—[7]Н.-греч., монасты́рь. Такъ называ́ются, впро́чемъ, то́лько нѣ́которые, осо́бенно ва́жные монасты́ри.

а) Сказки.

I. Спя́щая царе́вна.

Жи́лъ-былъ| до́брый| ца́рь Ма|твѣ́й;

1. Рожде́ніе у царя́ Матвѣя до́чери.

Жилъ-былъ добрый царь Матвѣй;
Жилъ съ царицею своей
Онъ въ согласьи много лѣтъ,
А дѣтей всё нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ царица на лугу,
На зелёномъ берегу
Ручейка, была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядитъ, ползётъ къ ней ракъ;
Онъ сказалъ царицѣ такъ:
„Мнѣ тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль:
У тебя родится дочь".
—Благода́рствуй[1], добрый ра[illegible];
Не ждала тебя никакъ...
Но ужъ ракъ уполозъ въ ру[illegible]ей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ, конечно, былъ пророкъ!
Что сказалъ, сбылося въ срокъ:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать
Ни перомъ не описать.

2. Пиръ у царя́ Матвѣя.

Вотъ царёмъ Матвѣемъ пиръ
Знатный[2] данъ на цѣлый міръ,
И на пиръ весёлый тотъ
Царь оди́ннадцать зовётъ
Чародѣекъ[3] молодыхъ;
Было жъ всѣхъ двѣнадцать ихъ.
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.
Отчего жъ такъ оплошалъ[4]
Нашъ разумный царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ, но есть причина тутъ:
У царя двѣнадцать блюдъ
Драгоцѣнныхъ, золотыхъ,
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ,
А двѣнадцатаго нѣтъ!
(Кѣмъ украдено оно,
Знать объ этомъ не дано).
„Что жъ тутъ дѣлать!" царь сказа[illegible]
„Такъ и быть!" И не послалъ
Онъ на пиръ старуху звать.
Собралися пировать
Гостьи, званныя царёмъ;
Пили, ѣли, а потомъ,
Хлѣбосольнаго[5] царя
За пріёмъ благодаря,
Стали дочь его дарить:
„Будешь въ золотѣ ходить;
Будешь чудо красоты;
Будешь всѣмъ на радость ты
Благонравна и тиха;
Дамъ красавца жениха
Я тебѣ, моё дитя;
Жизнь твоя пройдётъ шутя,
Межъ знакомыхъ и родныхъ"..
Словомъ, десять молодыхъ
Чародѣекъ, одаривъ
Такъ дитя наперерывъ,

---

[1]Прими́ благода́рность.—[2]Великоле́пный. [3]Чародѣйка (ча́ры [illegible]лать) — вошёбница, колду́нья, вѣ́дьма. [4]Поступи́лъ пло́хо, оши́[illegible]. [5]Гостепріи́мнаго.

3. Печа́льное предсказа́ніе.

Удали́лись; въ свой черёдъ
И послѣ́дняя идётъ;
Но ещё она сказать
Не успѣла слова, глядь[1]—
А незваная стоитъ
Надъ царевной и ворчитъ:
„На пиру я не была,
Но подарокъ принесла:
На шестна́дцатомъ году
Повстрѣчаешь ты бѣду:
Въ этомъ возрастѣ своёмъ
Руку ты веретеномъ
Оцарапаешь, мой свѣтъ[2],
И умрёшь во цвѣтѣ лѣтъ[3]!“
Проворчавши такъ, тотчасъ
Вѣдьма скрылася изъ глазъ.
Но оставшаяся тамъ
Рѣчь домолвила: „Не дамъ
Безъ пути[4] ругаться ей
Надъ царевною моей;
Будетъ то не смерть, а сонъ;
Триста лѣтъ продлится онъ;
Срокъ назначенный пройдётъ,
И царевна оживётъ.
Будетъ долго въ свѣтѣ жить;
Будутъ внуки веселить
Вмѣстѣ съ нею мать, отца
До земного ихъ конца[5]“.

4. Ука́зъ царя́ Матвѣя.

Скрылась гостья. Царь груститъ;
Онъ не ѣстъ, не пьётъ, не спитъ.
Какъ отъ смерти дочь спасти?
И, бѣду чтобъ отвести,
Онъ даётъ такой указъ:
„Запрещается отъ насъ
Въ нашемъ царствѣ сѣять лёнъ,
Прясть, сучить[6]; чтобъ веретёнъ
Духу не было[7] въ домахъ;
Чтобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ[8]
Всѣхъ изъ царства выслать вонъ.“
Царь, издавъ такой законъ,
Началъ пить и ѣсть и спать,
Началъ жить да поживать,
Какъ дотолѣ, безъ заботъ.
Дни проходятъ; дочь растётъ;
Расцвѣла, какъ майскій цвѣтъ.
Вотъ ужъ ей пятнадцать лѣтъ...
Что-то, что-то будетъ съ ней!

5. Чу́дное веретено́.

Разъ съ царицею своей
Царь отправился гулять;
Но съ собой царевну взять
Не случилось имъ. Она
Вдругъ соскучилась одна
Въ душной горницѣ сидѣть
И на свѣтъ въ окно глядѣть.
„Дай“, сказала, наконецъ:
„Осмотрю я нашъ дворецъ“.
По дворцу она пошла.
Пышныхъ[9] комнатъ нѣтъ числа
Всѣмъ любуется она.
Вотъ, глядитъ,—отворена
Дверь въ покой[10]; въ покоѣ тому
Вьётся лѣстница винтомъ
Вкругъ столба. По ступенямъ

---

[1]Вм. гляди́тъ, для обозначе́нія внеза́пности того́, что слѣ́дуетъ далѣе. [2]Ми́лая, дорога́я. [3]Въ мо́лодости. [4]Безъ причи́ны, безъ то́лку, напра́сно, несправедли́во. [5]До сме́рти. [6]Крути́ть, скру́чивать. [7]Собств.: чтобъ да́же за́паху веретёнъ не́ было, т.-е. что́бы веретёнъ во́все не́ было. [8]Пря́ха—же́нщина, занима́ющаяся пряде́ніемъ.—[9]Великолѣ́пныхъ, краси́выхъ. [10]Въ ко́мнату.

Всходитъ вверхъ и видитъ тамъ,—
Старушоночка сидитъ,
Гребень подъ носомъ торчитъ;
Старушоночка прядётъ
И за пряжею[1] поётъ:
„Веретенце, не лѣнись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будетъ въ добрый часъ
Гостья жданая у насъ“.
Гостья жданая вошла;
Пряха, молча, подала
Въ руки ей веретено;
Та взяла—и вмигъ оно
Укололо руку ей...
Всё исчезло изъ очей:
На неё находитъ сонъ;
Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
Весь огромный царскій домъ.

6. Сóнное цáрство.

Всё утихнуло кругомъ;
Возвращаясь во дворецъ,
На крыльцѣ ея отецъ
Пошатнулся и зѣвнулъ
И съ царицею заснулъ;
Свита вся за ними спитъ;
Стража царская стоитъ
Подъ ружьёмъ въ глубокомъ снѣ.
И на спящемъ спитъ конѣ
Передъ ней хорунжій[2] самъ;
Неподвижно по стѣнамъ
Мухи сонныя сидятъ;
У воротъ собаки спятъ;
Въ стойлахъ, головы склонивъ,
Пышны[3] гривы опустивъ,
Кони корму не ѣдятъ,
Кони сномъ глубокимъ спятъ;
Поваръ спитъ передъ огнёмъ;
И огонь, объятый сномъ,
Не пылаетъ, не горитъ,
Соннымъ пламенемъ стоитъ;
И не тронется надъ нимъ,
Свившись клубомъ, сонный дымъ;
И окрестность[4] со дворцомъ
Вся объята мёртвымъ сномъ;
И покрылъ окрестность боръ[5];
Изъ терновника заборъ
Дикій боръ тотъ окружилъ;
Онъ навѣкъ загородилъ
Къ дому царскому пути:
Долго-долго не найти
Никому туда слѣда!
И приблизиться—бѣда!
Словно не жилъ царь Матвѣй,
Такъ изъ памяти людей
Онъ изгладился давно.
Время жъ всё текло, текло;
Вотъ и триста лѣтъ прошло.

7. Цáрскій сынъ.

Что жъ случилося? Въ одинъ
День весенній царскій сынъ,
Забавляясь ловлей тамъ,
По долинамъ, по полямъ,
Съ свитой ловчихъ разъѣзжалъ.
Вотъ отъ свиты онъ отсталъ,
И у бора вдругъ одинъ
Очутился царскій сынъ.
Боръ—онъ видитъ—тёменъ, дикъ.
Съ нимъ встрѣчается старикъ;
Съ старикомъ онъ въ разговоръ[6]:
„Разскажи про этотъ боръ
Мнѣ, старинушка честнóй!“
Покачавши головой,
Всё старикъ тутъ разсказалъ,
Что отъ дѣдовъ онъ слыхалъ

---

[1]а) Сáмое дѣйствіе прядéнія; б) то, что напрядено.—[2]а) Въ старинý—тотъ вóинъ, котóрый носúлъ знáмя, хорýгвь; б) тепéрь—прáпорщикъ, корнéтъ казáчьихъ войскъ. [3]Богáтыя. [4]Окрýжная, сосѣдняя мѣстность. [5]Сосновый лѣсъ.—[6]Подразумѣвáется: вступúлъ, пустúлся.

О чудеснóмъ борѣ томъ:
Какъ богатый царскій домъ
Въ нёмъ давнымъ-давно[1] стоитъ,
Какъ царевна въ домѣ спитъ,
Какъ ея чудесенъ сонъ,
Какъ три вѣка длится онъ,
Какъ во снѣ царевна ждётъ,
Что спаситель къ ней придётъ;
Какъ опасны въ лѣсъ пути,
Какъ пыталася дойти
До царевны молодежь,
Какъ со всякимъ то жъ да то жъ
Приключалось: попадалъ
Въ лѣсъ да тамъ и погибалъ.
Былъ дѣтина удалой
Царскій сынъ; отъ сказки той
Вспыхнулъ онъ, какъ отъ огня:
Шпоры втиснулъ онъ въ коня.
Прянулъ конь отъ острыхъ шпоръ
И стрѣлой помчался въ боръ,
И въ одно мгновенье тамъ[2].

8. Цáрскій сынъ въ сóнномъ цáрствѣ.

Что жъ явилося очамъ
Сына царскаго?...
Въ ворота въѣзжаетъ онъ,
На дворѣ встрѣчаетъ онъ
Тьму людей, и каждый спитъ:
Тотъ, какъ вкопаный, сидитъ;
Тотъ, не двигаясь, идётъ;
Тотъ стоитъ, раскрывши ротъ:
Сномъ пресѣкся разговоръ,
И въ устахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
Недоконченная рѣчь;
Тотъ, вздремавъ, когда-то лечь
Собрался, но не успѣлъ:
Сонъ волшебный[3] овладѣлъ
Прежде сна простого имъ;
И, три вѣка недвижимъ,
Не стоитъ онъ, не лежитъ
И, упасть готовый, спитъ.
Изумлёнъ и поражонъ
Царскій сынъ. Проходитъ онъ
Между сонными къ дворцу,
Приближается къ крыльцу,
По широкимъ ступенямъ
Хочетъ вверхъ итти; но тамъ
На ступеняхъ царь лежитъ:
Путь наверхъ загорожёнъ.
„Какъ же быть?“ подумалъ онъ.
„Гдѣ пробраться во дворецъ?“
Но рѣшился, наконецъ,
И, молитву сотворя,
Онъ шагнулъ черезъ царя.
Весь дворецъ обходитъ онъ;
Пышно всё, но всюду сонъ,
Гробовая тишина.
Вдругъ, глядитъ, отворена
Дверь въ покой; въ покоѣ томъ
Вьётся лѣстница винтомъ
Вкругъ столба. По ступенямъ
Онъ взошелъ. И что же тамъ?
Передъ нимъ царевна спитъ...
Онъ души не удержалъ
И её поцѣловалъ.

9. Пробужденіе сóннаго цáрства.

Вмигъ проснулася она;
И за нею вмигъ отъ сна
Поднялося всё кругомъ:
Царь, царица, царскій домъ;
Снова говоръ, крикъ, возня;
Все какъ было! словно дня
Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
Весь тотъ край былъ погруженъ.
Царь на лѣстницу идётъ;

[1]Очень давно. [2]Подразумѣвáется: очутúлся.—[3]Чудéсный.

Нагулявшися, ведётъ
Онъ царицу въ ихъ покой;
Сзади свита вся толпой[1];
Стражи ружьями стучатъ;
Мухи стаями летятъ;
Приворотный лаетъ пёсъ;
На конюшнѣ свой овёсъ
Доѣдаетъ добрый конь;
Поваръ дуетъ на огонь,
И, треща, огонь горитъ,
И струёю дымъ бѣжитъ.

Всё бывалое[2]: одинъ
Небывалый царскій сынъ.
Онъ съ царевной, наконецъ,
Сходитъ сверху; мать, отецъ
Принялись ихъ обнимать.
Что жъ осталось досказать?
Свадьба, пиръ, и я тамъ былъ
И вино на свадьбѣ пилъ.
По усамъ вино бѣжало,
Въ ротъ же капли не попало.

II. Котъ въ сапога́хъ. **1. Умный котъ.** Жилъ ме́льникъ. Жилъ онъ, жилъ и у́меръ, оста́вивши своимъ трёмъ сыновья́мъ въ насле́дство ме́льницу, осла́, кота́ и... то́лько. Ме́льницу взялъ ста́ршій сынъ, осла́ взялъ сре́дній, а меньшо́му да́ли кота́. И былъ онъ кре́пко недово́ленъ своимъ уча́сткомъ. „Бра́тья“, разсужда́лъ онъ, „сложи́вшись, бу́дутъ безъ нужды́; а я, изжа́ривши кота́ и съѣвъ и сдѣ́лавъ изъ шку́рки му́фту[3], чѣмъ пото́мъ начну́ хлѣбъ добыва́ть насу́щный[4]?“ Такъ онъ, вслухъ съ сами́мъ собо́ю разсужда́я, ду́малъ. А котъ, тогда́ лежа́вшій на печу́ркѣ[5], разу́мное подслу́шавъ разсужде́нье, сказа́лъ ему́: „Хозя́инъ, не печа́лься; дай мнѣ мѣшо́къ да сапоги́, чтобъ могъ я ходи́ть за ди́чью по боло́ту; самъ тогда́ уви́дишь, что не та́къ-то бѣденъ уча́стокъ твой“. Хотя́ и не совсѣ́мъ былъ убѣжде́нъ кото́мъ своимъ хозя́инъ, но ужъ не разъ случа́лось замѣча́ть ему́, какъ э́тотъ котъ иску́сно вёлъ войну́ проти́въ[6] мышей и крысъ, какія выду́мывалъ онъ хи́трости и какъ то, мёртвымъ притворя́сь, висѣ́лъ на ла́пкахъ внизъ голово́й, то ну́дрился[7] мукой, то пря́тался въ трубу́, то подъ кадушкой лежа́лъ, свернувшись въ комъ; а потому́ и словъ кота́ не пропусти́лъ онъ ми́мо ушей[8]. И по́длинно[9], когда́ онъ далъ коту́ мѣшо́къ и наряди́лъ его́ въ большіе сапоги́, на шею котъ мѣшо́къ надѣ́лъ и вы́шелъ на охо́ту въ тако́е мѣ́сто, гдѣ—онъ вѣдалъ—мно́го води́лось кро́ликовъ.

2. Котъ на охо́тѣ. Въ мѣшо́къ насы́павъ трухи́[10], его́ на зе́млю положи́лъ онъ; а самъ вблизи́, какъ мёртвый, растяну́лся и терпѣли́во

---

[1]Подр.: идётъ. [2]Всё то, что быва́ло, происходи́ло и ра́ньше, до волше́бнаго сна.—[3]Нѣм. Muff: мѣховой наря́дъ, носи́мый же́нщинами для предохране́нія ки́стей рукъ отъ хо́лода. [4]Стр., необходи́мый для существова́нія. [5]На пе́чкѣ. [6]Обыкн.: про́тивъ. [7]Посыпа́лся пу́дрой. Пу́дра, лат. pulvis—пыль, фр. poudre—порошо́къ; порошо́къ изъ ри́са или крахма́ла для посыпа́нія лица́ и рукъ (придаётъ ко́жѣ свѣ́жесть и бѣлизну́). Въ XVIII столѣ́тіи посыпа́ли пу́дрой и волоса́. [8]Обрати́лъ вниманіе на слова́ кота́. [9]И дѣйстви́тельно —[10]Перетёртое сѣно.

ждалъ, что́бы како́й неви́нный[1], небы́тный въ нау́кѣ жи́зни кро́ликъ пожа́ловалъ[2] къ мѣшку́ поку́шать сла́дкой трухи́. И онъ недо́лго ждалъ: какъ-разъ пе́редъ мѣшко́мъ яви́лся глу́пый, вертля́вый, долгоу́хій кро́ликъ; онъ мѣшо́къ поню́халъ, поморга́лъ ноздря́ми, пото́мъ и влѣзъ въ мѣшо́къ, а котъ прово́рно мѣшо́къ стяну́лъ шнурко́мъ и безъ дальне́йшихъ привѣ́тствій го́стя угости́лъ по-сво́йски[3]. Побѣ́дою дово́льный, во дворе́цъ пошёлъ онъ къ королю́ и приказа́лъ, что́бы о нёмъ неме́для доложи́ли. Велѣ́лъ ввести́ кота́ въ свой кабине́тъ коро́ль. Войдя́, онъ поклони́лся въ по́ясъ, пото́мъ сказа́лъ, потупивъ мо́рду въ зе́млю: „Я кро́лика, вели́кій госуда́рь, отъ моего́ принёсъ вамъ господи́на, марки́за[4] Караба́са (такъ онъ вздумалъ назва́ть хозя́ина); имѣ́етъ честь онъ ва́шему вели́честву своё глубо́кое почте́нье изъяви́ть и про́ситъ васъ приня́ть его́ гости́нецъ[5]“.—Скажи́ марки́зу, отвѣ́чалъ коро́ль, что я его́ благодарю́ и что я оче́нь имъ дово́ленъ. Королю́ откла́нявшися, котъ пошёлъ домо́й. Спустя́ немно́го, отпра́вился опя́ть на ло́влю котъ, въ густу́ю рожь засѣлъ съ своимъ мѣшко́мъ и тамъ поймалъ двухъ жи́рныхъ перепёлокъ; и ихъ неме́дленно онъ къ королю́, какъ пре́жде кро́лика, отнёсъ въ гости́нецъ отъ своего́ марки́за Караба́са. Охо́тникъ былъ коро́ль до перепёлокъ; опя́ть позва́ть велѣ́лъ онъ въ кабине́тъ кота́ и, перепёлокъ самъ приня́вши, благодари́ть марки́за Караба́са велѣ́лъ осо́бенно. И такъ нашъ котъ недѣ́ли три-четы́ре къ королю́ отъ и́мени марки́за Караба́са носи́лъ и кро́ликовъ и перепёлокъ.

3. Котъ знако́митъ своего́ хозя́ина съ королёмъ и его́ до́черью. Вотъ онъ одна́жды свѣ́далъ[6], что король сбира́ется прогу́ливаться въ по́лѣ съ свое́ю до́черью (а дочь была́ краса́вица, како́й другой на свѣ́тѣ никто́ не ви́дывалъ) и что они́ пое́дутъ бе́регомъ рѣки. И онъ, къ хозя́ину поспѣ́шно прибѣжа́въ ему́ сказа́лъ: „Когда́ тепе́рь меня́ послу́шаешься ты, то бу́дешь ра́зомъ и сча́стливъ и бога́тъ; вся хи́трость въ томъ, чтобъ ты сейча́съ пошёлъ купа́ться въ рѣку́[7]; что бу́детъ по́слѣ, зна́ю я; а ты сиди́ себѣ́ въ водѣ́ да полоска́йся, да ни о чёмъ не хлопочи́“. Тако́й совѣ́тъ приня́ть марки́зу Караба́су петру́дно бы́ло: день былъ жа́ркій. Онъ съ охо́тою отпра́вился къ рѣкѣ́, влѣзъ въ во́ду и сидѣ́лъ въ водѣ́ по го́рло. А въ э́то вре́мя былъ коро́ль ужъ бли́зко. Вдругъ на́чалъ котъ крича́ть: „Разбо́й! разбо́й! Сюда́, наро́дъ!“—Что сдѣ́лалось? подъѣ́хавъ, спроси́лъ коро́ль. „Марки́за Караба́са огра́били и бросили въ рѣку́; онъ то́нетъ“. Тутъ, по сло́ву короля́, съ нимъ бывшіе придво́рные чины́ всѣ ки́нулись лови́ть въ водѣ́ марки́за. А

---

[1]Молодо́й, ю́ный, [2]Пришёлъ. [3]По-сво́ему. Угости́ть по-свойски—уда́рилъ, уби́лъ. Ска́зано шутли́во. [4]Нѣм. Mark—грани́ца, фр. marquis: а) такъ называ́лись въ старину́ во Фра́нціи су́дьи въ пограни́чныхъ областя́хъ; б) тепе́рь—насле́дственный ти́тулъ во Фра́нціи и Ита́ліи. [5]Пода́рокъ.—[6]Узна́лъ. [7]Обык.: въ рѣку́.

королю́ котъ на́ ухо шепну́лъ: „Я до́лженъ ва́шему вели́честву донѐсть, что бѣдный мой маркѝзъ совсѣмъ раздѣтъ: разбо́йники всё пла́тье унесли́“. (А пла́тье самъ, мошенникъ, спря́талъ въ кустъ). Коро́ль велѣлъ, чтобы одѝнъ изъ бы́вшихъ съ нимъ госуда́рственныхъ мини́стровъ[1] снялъ съ себя́ мундѝръ и далъ его́ маркѝзу. Мини́стръ тотча́съ раздѣлся за куето́мъ, маркѝза же въ его́ мундѝръ одѣли, и котъ его́ предста́вилъ королю́, и королёмъ былъ ла́сково онъ прѝнятъ. А такъ какъ онъ краса́вецъ былъ собо́ю, то и совсѣмъ немудрено́, что ско́ро и до́чери прекра́сной королёвской понра́вился; бога́тый же мундѝръ, что съ королёвскаго мини́стра, видъ ему́ отли́чный придава́лъ; коро́че—маркѝзъ понра́вился, и сѣсть съ собо́й въ коля́ску пригласѝлъ его́ коро́ль.

4. **Мни́мыя бога́тства маркѝза Караба́са.** А смѣтливый[2] нашъ котъ во всѣ лопа́тки[3] впередъ бѣжа́ть пусти́лся. Вотъ увѝдѣлъ онъ на лугу́ широ́комъ косаре́й, сбира́вшихъ сѣно; котъ имъ закрича́лъ: „Коро́ль прое́детъ здѣсь, и е́сли вы ему́ не ска́жете, что э́тотъ лугъ принадлежѝтъ маркѝзу Караба́су, то онъ васъ всѣхъ прика́жетъ изруби́ть на ме́лкіе куски́“. Коро́ль, прое́хавъ, спроси́лъ: „Кому́ тако́й прекра́сный лугъ принадлежѝтъ?“—Маркѝзу Караба́су, всѣ закрича́ли ра́зомъ косари́ (въ тако́й ихъ страхъ привёлъ прово́рный котъ). „Бога́тые луга́ у васъ, маркѝзъ“, коро́ль замѣтилъ. А маркѝзъ, смире́нный приня́вши видъ, отвѣтствовалъ:—Луга́ изря́дные[4]. Тѣмъ вре́менемъ поспѣшно впере́дъ ушедшій котъ увѝдѣлъ въ по́лѣ жнецо́въ; они́ въ снопы́ вяза́ли рожь. „Жнецы́!“ сказа́лъ онъ, „ѣдетъ бли́зко нашъ коро́ль; онъ спро́ситъ васъ, чья рожь, и е́сли не ска́жете ему́ вы, что она́ принадлежѝтъ маркѝзу Караба́су, то онъ васъ всѣхъ прика́жетъ изруби́ть на ме́лкіе куски́“. Король прое́халъ. „Кому́ принадлежѝтъ здѣсь по́ле?“ онъ спроси́лъ жнецо́въ.—Маркѝзу Караба́су, жнецы́ ему́ съ покло́номъ отвѣча́ли. Король опя́ть сказа́лъ: „Маркѝзъ, у васъ бога́тыя поля́“. Маркѝзъ на то попре́жнему отвѣтствовалъ смире́нно:—Изря́дныя. А котъ бѣжа́лъ впередъ и встрѣчныхъ всѣхъ учѝлъ, какъ королю́ имъ отвѣча́ть. Коро́ль былъ поражёнъ бога́тствами маркѝза Караба́са.

5. **Котъ и людое́дъ.** Вотъ, наконе́цъ, въ великолѣпный за́мокъ

[1]Лат. minister—помо́щникъ, служѝтель, отъ minor—ме́ньшій; сано́вникъ, завѣдывающій одно́ю изъ часте́й государственнаго управле́нія—[2]Дога́дливый, сообрази́тельный. [3]Лопа́тка—треуго́льная пло́ская кость, на рёбрахъ, по о́бѣ сто́роны хребта́; къ углу́ э́той ко́сти примыка́етъ рука́ человѣка и пере́дняя нога́ живо́тнаго. Бѣжа́ть во всѣ лопа́тки—о́чень бы́стро бѣжа́ть. [4]Со́б.: изъ ря́да вонъ выходя́щіе; отли́чные, хоро́шіе.—[5]Со́б.: укрѣплённое рвомъ, стѣна́ми и ба́шнями зда́ніе; дворе́цъ, вы́строенный въ ви́дѣ укрѣплённаго зда́нія.

котъ прибѣжа́лъ. Въ томъ за́мкѣ людое́дъ волше́бникъ[1] жилъ, и котъ о нёмъ ужъ зналъ всю подноготную[2]; въ мину́ту онъ смекну́лъ[3], что дѣ́лать; въ за́мокъ смѣ́ло вошёдъ[4], онъ попроси́лъ у людое́да ауді́енціи[5], и людое́дъ, приня́въ его́, спроси́лъ: „Каку́ю ну́жду вы, котъ, во мнѣ имѣ́ете?“ На это котъ отвѣча́лъ:—Почте́нный людое́дъ, давно́ слухъ но́сится, что бу́дто вы умѣ́ете во вся́кій превраща́ться, како́й заду́маете, видъ: хотѣ́лъ бы узна́ть я, по́длинно ль, така́я му́дрость дана́ вамъ? „Это пра́вда; са́ми, котъ, уви́дите“. И ми́гомъ онъ яви́лся ужа́снымъ львомъ съ густо́й, косма́той[6] гри́вой и о́стрыми зуба́ми. Котъ при э́томъ такъ стру́силъ, что (хоть былъ и въ сапога́хъ) въ оди́нъ прыжо́къ подъ кро́влей очути́лся. А людое́дъ, захохота́вши, при́нялъ свой пре́жній видъ и попроси́лъ кота́ къ нему́ сойти́. Спусти́вшись съ кро́вли, котъ сказа́лъ:—Хотѣ́лось бы, одна́ко, знать мнѣ, вы мо́жете ль и въ ма́ленькаго звѣря, вотъ, напримѣ́ръ, въ мышо́нка, преврати́ться? „Могу́“, сказа́лъ съ усмѣ́шкой людое́дъ: „что жъ мудрёнаго?“ И онъ явился вдругъ ма́ленькимъ мышо́нкомъ. Котъ того́ и ждалъ: онъ ра́зомъ—цапъ!—и съѣ́лъ мышо́нка. Коро́ль тѣ́мъ вре́менемъ подъѣ́халъ къ за́мку, останови́лся и хотѣ́лъ узна́ть, чей былъ онъ. Котъ же, разсчита́вшись съ его́ владѣ́льцемъ, ждалъ уже у воро́тъ и въ по́ясъ кла́нялся и говори́лъ: „Не бу́детъ ли уго́дно, госуда́рь, пожа́ловать на перепу́тьи[7] въ за́мокъ къ марки́зу Карабасу?“—Какъ, марки́зъ, спро́силъ коро́ль, и э́тотъ за́мокъ вамъ же принадлежи́тъ? Призна́ться, удивля́юсь; и бу́детъ мнѣ прія́тно побыва́ть въ нёмъ.

6. Марки́зъ Карабасъ же́нится на королевской до́чери, а котъ попада́етъ въ придво́рные чины́. И приказа́лъ коро́ль своей коля́скѣ къ крыльцу́ подъѣ́хать; вы́шелъ изъ коля́ски; принцессѣ[6] ру́ку предложи́лъ марки́зъ, и всѣ пошли́ по лѣ́стницѣ высо́кой въ поко́и[9]. Тамъ, въ простра́нной галлере́ѣ[10], былъ столъ накры́тъ и по́лдникъ[11] приго́товленъ (на э́тотъ по́лдникъ людое́дъ позва́лъ прія́телей, но тѣ, узна́въ, что въ за́мкѣ коро́ль былъ, не вошли́ и всѣ домо́й отпра́вились). И, сѣвъ за столъ роско́шный, коро́ль велѣ́лъ марки́зу сѣсть межъ нимъ и до́черью; и ста́ли пирова́ть. Когда́ же въ головѣ́ у

[1]Чародѣ́й. [2]Соб.: зналъ да́же то, что нахо́дится у него́ подъ ногтя́ми, всё въ нёмъ зналъ. [3]Сообрази́лъ. [4]Стр., войдя́. [5] Лат. audio—слу́шаю; а) свида́ніе, б) пріёмъ послóвъ госуда́ремъ. [6]Волоси́стой. [7]Перепу́тье—а) перекрёстокъ, мѣ́сто, гдѣ оди́нъ путь лежи́тъ поперёкъ друго́го; б) ѣзда́, путеше́ствіе.—[8]Принцъ, принцесса, лат. princeps—пе́рвый, фр. prince; членъ владѣ́тельнаго ро́да. [9]Поко́и, стр., ко́мната. [10]Фран. galerie, нѣм. Gallerie—перехо́дъ, коридо́ръ; а) дли́нный ходъ съ кры́шею; б) собра́ніе карти́нъ или рѣ́дкостей. [11]Обл., заку́ска ме́жду обѣ́домъ и у́жиномъ, при ра́ннемъ обѣ́дѣ или́ пе́редъ обѣ́домъ, при по́зднемъ вре́мени его́; за́втракъ.

коро́ль вино́ позашумѣ́ло, онъ марки́зу сказа́лъ: „Хоти́те ли, марки́зъ, чтобъ дочь мою́ за васъ я вы́далъ?“ Честь таку́ю съ примѣ́рной ра́достью прини́лъ марки́зъ. И сва́дьбу сыгра́ли. Хоть оста́лся при дворѣ́ и былъ въ чинѣ́ произведёнъ и въ ба́рхатныхъ явля́лся въ дни та́бельные[1] сапога́хъ. Онъ бро́силъ лови́ть мышей́, а е́сли и лови́лъ, то э́то для того́, чтобы́ немно́го себя́ развле́чь и силишъ[2], кото́рый на́жилъ подъ ста́рость при дворѣ́, воспомина́ньемъ о свѣ́тлыхъ дняхъ мину́вшаго разсѣ́ять.

III. Война́ мышей́ и лягу́шекъ.

О са́мой войнѣ́ мышей́ и лягу́шекъ въ ска́зкѣ ничего́ не говори́тся, такъ какъ она́ оста́лась у Жукóвскаго не око́нченною. Здѣ́сь разска́зано то́лько о пе́рвомъ знако́мствѣ ме́жду мыша́ми и лягу́шками.

1. Кула́чный бой. Слу́шайте: я разскажу́ вамъ, друзья́, про мышей́ и лягу́шекъ. Бы́ло прекра́сное ма́йское у́тро. Квакýнъ двадеся́тый[3], царь знамени́той поро́ды, власти́тель бли́жней трясúны[4], вы́шелъ изъ мо́крой столи́цы своей́, окружённый блестя́щей сви́той придво́рныхъ. Впрыпры́жку они́ взобра́лись на приго́рокъ, со́чной траво́ю покры́тый, и тамъ, на ко́чкѣ[5] усѣ́вшись, царь приказа́лъ изъ толпы́ его́ окружа́вшихъ почётныхъ стра́жей вы́звать бойцо́въ, чтобъ его́, царя́, забавля́ли бо́емъ кула́чнымъ. Вы́шли бойцы; начало́ся. Ужъ мно́го бы́ло лягу́шечьихъ мордъ царю́ въ угожде́нье разби́то; царь хохота́лъ; отъ смѣ́ха придво́рная ква́кала сви́та вслѣ́дъ за его́ вели́чествомъ; со́лнце взошло́ ужъ на по́лдень.

2. Появле́ніе невиданныхъ звѣрко́въ. Вдругъ изъ куето́въ молоде́цъ въ прекра́сной бѣ́ленькой шу́бкѣ, съ то́ненькимъ хво́стикомъ, быстрымъ, какъ стрѣ́лка, на то́ненькихъ но́жкахъ, выскочилъ; слѣ́домъ за нимъ четы́ре таки́хъ же, но въ шу́бахъ ды́мнаго цвѣ́та. Ры́сцой они́ подбѣжа́ли къ боло́ту. Бѣ́лая-шу́бка, но́сикъ въ боло́то уткну́въ и подня́вши пра́вую но́жку, на́чалъ во́ду тяну́ть, и, каза́лось, былъ для него́ тотъ напи́токъ прія́тнѣе мёда; голо́вку ча́сто онъ вверхъ подыма́лъ, и вода́ съ уса́стаго ры́льца мѣ́лкимъ би́серомъ[6] па́дала; вдо́воль напи́вшись и та́пкой рыльце обтёрши, сказа́лъ онъ: „Како́е раздо́лье студёной[7] вы́пить воды́, утоми́вшись отъ зно́я[8]! Тепе́рь понима́ю то, что чу́вствовалъ

---

[1]Дни, ука́занные въ пра́здничной та́бели, т. е. въ расписа́ніи пра́здниковъ; дни пра́здничные, непрису́тственные. [2]Англ. spleen, гр. селезёнка; тоскли́вое состоя́ніе ду́ха, происходя́щее ча́сто отъ боле́зни селезёнки.—[3]Стр., двадца́тый. [4]Боло́та. Трясúна—со́бств.: мѣ́сто, гдѣ земля́ подъ ногами трясётся, колы́шется. [5]Ко́чка—комъ засо́хшей земли.—[6]Ар., зёрнышки изъ стекла́, употребля́емыя для украше́нія пла́тья. [7]Холо́дной. [8]Жара́.

Да́рій[1], когда́ онъ, въ бѣ́гствѣ, изъ му́тной лу́жи напи́вшись, сказа́лъ: „Я не зна́ю вкусне́е напи́тка!“ Эти слова́ одна́ изъ лягу́шекъ подслу́шала; тотча́съ ска́четъ она́ съ донесе́ньемъ къ царю́; изъ лѣ́са-де вы́шли пять каки́хъ-то звѣ́рковъ, съ уса́ми туре́цкими, у́ши дли́нныя, хво́стики о́стрые, ла́пки какъ ру́ки; въ осо́ку[2] всѣ они́ побѣжа́ли и ца́рскую во́ду въ боло́тѣ пьютъ. А кто и отку́да они́, неизвѣ́стно.

3. Перегово́ры. Съ деся́ткомъ стра́жей Кваку́нъ посыла́етъ хору́нжаго Пышку провѣ́дать, кто незва́ные го́сти; когда́ непрія́тели, взять ихъ, е́сли да́ду́тся; когда́ же сосѣди, пришедшіе съ ми́ромъ[3], дру́жески ихъ пригласи́ть къ царю́ на бесѣ́ду. Сошедши Пы́шка съ холма́ и уви́дя гостей, въ мину́ту узна́лъ ихъ. „Это мы́ши; нева́жное дѣ́ло! Но мнѣ не случа́лось бѣ́лыхъ межъ ни́ми вида́ть, и э́то мнѣ чу́дно[4]. Смотри́те жъ“, спу́тникамъ тутъ онъ ска́залъ: „никого́ не оби́дѣть[5]. Я съ ни́ми самъ на слова́хъ объясню́ся. Уви́димъ, что ска́жетъ мнѣ бѣ́лый“. Бѣ́лый межъ тѣмъ съ удивле́ньемъ вели́кимъ смотрѣ́лъ, приподня́вши у́ши, на ска́чущихъ пря́мо къ нему́ съ пригорка лягу́шекъ: слу́ги его́ хотѣ́ли бѣжа́ть, но онъ удержа́лъ ихъ. вы́ступилъ бо́дро впередъ и ждалъ скакуно́въ; и, какъ ско́ро Пы́шка со свои́ми къ боло́ту прибли́зился, „здра́вствуй, почте́нный во́инъ“, сказа́лъ онъ ему́: „прошу́ не взыска́ть, что безъ спро́су ва́шей воды́ напился[6] я; мы всѣ отъ охо́ты уста́ли, въ э́то же вре́мя здѣсь никого́ не нашло́сь; благода́рны о́чень мы вамъ за прекра́сный напи́токъ и са́ми гото́вы ра́внымъ добро́мъ за ва́ше добро́ заплати́ть: благода́рность есть добродѣ́тель возвы́шенныхъ[7] душъ“. Удивлённый тако́ю у́мною рѣ́чью, отвѣ́тствовалъ Пы́шка—Ми́лости про́симъ къ намъ, благоро́дные го́сти; нашъ царь, о прибы́тіи ва́шемъ свѣ́давъ, весьма любопы́тенъ узна́ть, отку́да вы ро́домъ, кто вы и какъ васъ зову́ть. Я по́сланъ сюда́ пригласи́ть васъ съ нимъ на бесѣ́ду. Ра́ды мы о́чень, что намъ показа́лась на́ша по вку́су вода́; а пла́ты не тре́буемъ: во́ду со́здалъ Госпо́дь для всѣхъ на потре́бу[8], какъ во́здухъ и со́лнце. Бѣ́лая-шу́бка учти́во[9] отвѣ́тствовалъ: „Ца́рская во́ля бу́детъ испо́лнена: радъ я къ его́ вели́честву съ ва́ми вмѣ́стѣ пойти́, но то́лько сухи́мъ путёмъ, не водо́ю; пла́вать я не умѣ́ю; я ца́рскій сынъ и насле́дникъ ца́рства мышинаго.

По про́сьбѣ царя́, Бѣ́лая-шу́бка разска́зываетъ о томъ, „что случа́лось съ мышѝнымъ наро́домъ, что онъ отъ врагово́въ терпѣ́лъ и съ кѣ́мъ когда́ воева́лъ“.

---

[1]Персидскій царь; вёлъ войну́ съ македо́нскимъ царёмъ Алексáндромъ Вели́кимъ: по́слѣ нѣ́сколькихъ проигранныхъ сраже́ній бѣжа́лъ въ г. Экбата́ны. [2]Осо́баго ро́да боло́тное расте́ніе.—[3]Съ до́брыми намѣ́реніями.—[4]Удиви́тельно. [5]Неопр. накл. вм. повели́тельнаго. [6]Обыкн.: напи́лся. [7]Благоро́дныхъ. [8]На употребле́ніе, для употребле́нія. [9]Учти́во.

4. Разска́зъ Бѣлой-шу́бки объ освобожде́ніи льва. Разъ случи́лось, что мно́жество пасъ, молоды́хъ мышеня́токъ, бѣгало по́ полю взапуски; я, какъ шально́й[1], раззадо́рясь[2], вспры́гнулъ съ разбѣгу на льва, отдыха́вшаго въ по́лѣ, и въ пы́шной гри́вѣ запу́тался; левъ проснулся и ла́пой огро́мной сти́снулъ меня́; я поду́малъ, что бу́ду раздавленъ, какъ мо́шка. Съ ду́хомъ собра́вшись, я вы́сунулъ носъ изъ-подъ ла́пы; „левъ-государь", ему́ я сказа́лъ: „мнѣ и въ мысль не входи́ло ми́лость твою́ оскорби́ть; пощади́, не губи́; неравенъ часъ[3], самъ я тебѣ пригожу́ся". Левъ улыбну́лся (конечно, онъ ужъ поку́шать успѣлъ) и сказа́лъ мнѣ: „Ты, ви́жу, заба́вникъ. Льву услужи́ть ты заду́малъ! Добро́, мы посмо́тримъ, каку́ю ми́лость ока́жешь ты намъ. Ступа́й!" Тогда́ онъ раздви́нулъ ла́пу, а я дава́й Богъ но́ги[4]. Но вотъ что случи́лось: дня не прошло́, какъ всѣ мы испу́ганы бы́ли въ подпо́льяхъ на́шихъ льви́нымъ рыка́ньемъ; смути́лась, какъ бу́дто отъ бу́ри, вся́ сторона́. Я не стру́силъ, выбѣжалъ въ поле, и что же въ по́лѣ уви́дѣлъ? Царь-левъ, запу́тавшись въ крѣпкихъ тенётахъ, ме́чется, бьётся, какъ бѣшеный; кро́вью глаза́ налили́ся; ла́пами рвётъ онъ верёвки, зуба́ми грызётъ ихъ. И было всё то напра́сно; лишь о́бо́лѣ себя́ онъ запу́тывалъ. „Ви́дишь, левъ-государь", сказа́лъ я ему́, „что и я пригоди́лся. Будь споко́енъ: въ мину́ту мы тебя́ изба́вимъ". И то́тчасъ созва́лъ я дю́жину ло́вкихъ мыша́тъ; приняли́сь мы рабо́тать зу́бомъ; узлы́ перегры́зли тенётъ, и левъ распутля́лся. Ва́жно кивну́въ голово́ю косма́той[5] и насъ допусти́вши къ царской ла́пѣ своей, онъ гри́ву распра́вилъ, уда́рилъ си́льнымъ хвосто́мъ по бе́драмъ и въ три прыжка́ очути́лся въ бли́жнемъ лѣсу́, гдѣ вмигъ и пропа́лъ.

5. О ко́зняхъ челове́ка. До́лженъ я о томъ разсказа́ть, какъ намъ ко́зни стро́итъ нашъ хитрый двуно́гій злоде́й, челове́къ. Онъ ужа́сно жа́денъ[6]; онъ хо́четъ всю зе́млю загра́бить оди́нъ, и съ мыша́ми въ ве́чной враждѣ. Не исчи́слить всѣхъ ви́думокъ хи́трыхъ, каки́ми на́ше онъ пле́мя изби́ть[7] замышля́етъ. Вотъ, наприме́ръ, онъ до́микъ зате́ялъ постро́ить; два вхо́да: широ́кій и у́зкій; у́зкій заде́ланъ рѣше́ткой, широ́кій съ подъёмною две́рью. До́микъ онъ э́тотъ поста́вилъ у са́маго вхо́да въ подпо́лье. Намъ же сду́ру на мы́сли взбрело́[8], что, пола́дить съ на́ми жела́я, для насъ учреди́лъ онъ гости́ницу. Жи́рный кусъ ветчины́ тамъ висѣлъ и мани́лъ насъ. Вотъ цѣлый деся́токъ смѣлыхъ охо́тниковъ вы́звались въ до́микъ забра́ться, безъ пла́ты въ нёмъ отобѣдать и вѣрныя

---

[1]Безу́мный, находя́щійся въ бреду́ [2]Разгорача́сь, разсерди́вшись. [3]Мо́жетъ случи́ться; обыкн.: нера́венъ. [4]Убѣжа́лъ. [5]Волоси́стой, шерсти́стой.—[6]Жа́дный—тотъ, кто хо́четъ о́чень мно́го захвати́ть себѣ. [7]Извести́, уничто́жить, стере́ть съ лица́ земли́. [8]Мы поду́мали, намъ показа́лось.

вѣсти принéсть намъ. Вхóдятъ онú; но тóлько что нáчали дружно висячій кусъ ветчины тормошúть, какъ подъёмная дверь съ превелúкимъ стýкомъ упáла и всѣхъ захлóпнула. Тýтъ поразúло стрáшное зрѣлище насъ; увúдѣли мы, какъ злодѣи нáшихъ герóевъ[1] таскáли за хвостъ и въ вóду бросáли. Всѣ онú пáли жéртвой любвú къ ветчинѣ и къ отчúзнѣ[2]. Бúло нѣчто и хýже. Двуногій злодѣй наготóвилъ мнóжество вкýсныхъ для насъ пирожкóвъ и расклáлъ ихъ, слóвно какъ дóбрый, по всѣмъ закоýлкамъ. Нарóдъ нашъ óчень довѣрчивъ и вѣтренъ[3]; мы лáкомки; брóсилась жáдно вся молодёжь на добы́чу. Но что же случúлось? Объ этомъ вспóмнить—моро́зъ подирáетъ по кóжѣ[4]. Открылся въ подпóльѣ моръ: отрáвой злодѣй угостúлъ насъ. Какъ бýдто шальны́е, съ пúру пришлú удальцы́: глазá навы́катъ, разúпувъ рты,—умирáя отъ жáжды взадъ и впередъ по подпóлью бѣгали съ пúскомъ онú, родны́хъ и друзéй и знакóмыхъ бóлѣ не знáя въ лицó; наконéцъ, утомя́сь, обезсúлѣвъ, всѣ попáдали мёртвые, лáпками вверхъ. Запустѣла цѣлая óбласть отъ этой бѣды́; отъ ужáснаго смрáда трýповъ ушлú мы въ другóе подпóлье, и край нашъ родúмый надóлго былъ обезмы́шенъ.

6. **О знакóмствѣ съ Ѳедотóмъ Мурлы́кой.** Но глáвное бѣдствіе нáше нынѣ въ томъ, что губúтель двуногій крѣпко сдружúлся, намъ ко вреду́, съ сибúрскимъ[5] котóмъ, Ѳедóтомъ[6] Мурлы́кой. Кóшачій родъ давнó враждýетъ съ мышúнымъ. Но этотъ хúтрый котúще, Ѳедóтъ Мурлы́ка, для насъ наказáнье Бóжіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакóмился. Глýпымъ мышóнкомъ былъ я ещё и не зналъ ничегó. И мнѣ захотѣлось высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица Праскóвья съ крысой Онýфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретúли нóрку мою покидáть; но я не послýшался, въ щелку вы́глянулъ. Вúжу кáмнемъ вы́стланный дворъ; освѣщáло сóлнце егó, и óкна грóмаднаго дóма свѣтúлись; птицы летáли и пѣли. Глазá у меня́ разбѣжáлись[7]. Вы́йти не смѣя, смотрю́ я изъ щелки и вúжу на дáльнемъ крáѣ двора́—звѣрёкъ усáтый, сúзая[8] шкýрка, рóзовый нóсикъ, зелёные глáзки, пушúстыя ýши, тúхо сидúтъ и за птúчками смóтритъ, а хвóстикъ, какъ змѣйка, такъ и вилúетъ. Потóмъ онъ своéю бáрхатной лáпкой нáчалъ усáтое рыльце себѣ умывáть. Облилося рáдостью сéрдце моё, и я ужъ сбирáлся покúнуть

---

[1]Герóй, гр.: а) назва́ніе полубогóвъ, т.-е людéй, происше́дшихъ по вѣрованію язычниковъ, отъ какого-лúбо бóга и пóслѣ смéрти причúсленныхъ къ богáмъ; б) назва́ніе вúтязей, сúльныхъ, могýчихъ вóиновъ дрéвн времёнъ; в) храбрéцъ, человѣкъ, жéртвующій собóю для óбщаго блáга; г) глáвное лицó въ разскáзѣ. [2]Къ отéчеству. [3]Легкомы́сленъ, неблагоразýменъ. [4]Стрáшно станóвится.—[5]Сибúрскіе коты́ считáются самыми большúми. [6]Прóзвище котá, какъ Мúшка—медвѣдя. [7]Я такъ удивúлся, что не зналъ, на что смотрéть; глазá отъ удивлéнія перебѣгáли съ одногó предмéта на другóй. [8]Сѣросúняя, сѣроголубáя.

щёлку, чтобъ съ милымъ дружкомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ: Какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая, чёрныя ноги свои подымалъ онъ, а когти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродловой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый; подъ носомъ тряся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы[1], начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню. Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. „Тебя помиловалъ Богъ“, онъ сказалъ мнѣ: „свѣчку ты долженъ поставить уроду[2], который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ— пѣтухъ; онъ горланъ и со своими большой забіяка, намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ, знаемъ мы всѣ, что проснулися наши враги. А пріятель, такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною[3] харей[4], былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй, записной[5] объѣдала, котъ Мурлыка. Хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ къ этому плуту подъѣхалъ; тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею. Будь же впередъ остороженъ“. Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ; каждый день отъ него у насъ недочётъ[6]. Разскажу я только то, что случилось недавно.

7. **О томъ, какъ мыши кота хоронили.** *А.* Разнёсся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики[7] сами видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье; шумъ, бѣготня, скаканье, кувырканье, пляска—словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что и высѣченъ былъ больно. Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ[8] нашъ подпольный Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ[9], стукалъ. Всё изготовивъ, отпра-

---

[1]Парусъ, гр. плащъ: полотнище, растягиваемое на судахъ, для движенія ихъ съ помощью вѣтра [2]Ты долженъ молиться уроду, какъ святому. [3]Притворной. [4]а) Маска; б) некрасивое лицо. [5]Отъявленный, всѣмъ извѣстный. [6]Недостача въ числѣ.—[7]Развѣдчики, шпіоны, соглядатаи. [8]Гр., дѣлатель, производитель чего-либо, сочинитель стиховъ. [9]Привѣсокъ на прутѣ въ стѣнныхъ часахъ, двигающійся равномѣрно изъ стороны въ сторону; служитъ для правильности хода часовъ.

вились мы на помѝнки къ Мурлы́кѣ; вы́лѣзло мно́жество насъ изъ подпо́лья. Глядѝмъ мы — и пра́вду котъ Мурлы́ка въ ветчинѣ́ висѝтъ на бревнѣ́ и повѣ́шенъ за́ ноги, мо́рдою внизъ; оска́лены зу́бы; какъ па́лка, вы́тянутъ весь; и спина́, и хвостъ, и пере́днія ла́пы сло́вно какъ мёрзлые; о́ба гла́за глядя́тъ, не моргая́. Всѣ запища́ли мы хо́ромъ: „Повѣ́шенъ Мурлы́ка, повѣ́шенъ котъ окая́нный[1]; дово́льно ты, котъ, погуля́лъ; погуля́емъ ны́нче и мы“. И шесть смѣльчако́въ тотча́съ взобрали́ся вверхъ по бревну́, чтобъ Мурлы́кины ла́пы распу́тать; но ла́пы са́ми держа́лись, когтя́ми вцѣпи́вшись въ бревно́, а верёвки не́ было тамъ никако́й, и лишь то́лько къ нимъ прикосну́лись на́ши ребя́та, какъ вдругъ распусти́лися ко́гти, и на́ полъ хло́пнулся котъ, какъ мѣшо́къ. Мы всѣ по угла́мъ разбѣжа́лись въ стра́хѣ и смо́тримъ, что бу́детъ. Мурлы́ка лежи́тъ и не ды́шитъ, усъ не тро́нется; глазъ не моргнётъ — мертвецъ, да и то́лько.

Б. Вотъ, ободря́сь, изъ угло́въ мы къ нему́ подступа́ть понемно́гу на́чали: кто посмѣ́лѣе, тотъ дёрнетъ за хвостъ да и тя́гу дастъ[2] отъ него́; тотъ ла́пкой ему́ погрози́тъ; тотъ подра́знитъ сза́ди его́ языко́мъ; а кто ещё посмѣ́лѣе, тотъ, подкра́вшись, хвосто́мъ въ носу́ у него́ пощеко́четъ. Котъ ни съ мѣ́ста, какъ пень. „Берегѝтесь“, тогда́ намъ сказа́ла ста́рая мышь Степани́да, кото́рой Мурлы́кины ко́гти бы́ли знако́мы: „Мурлы́ка — ста́рый мошенникъ; вѣдь онъ висѣ́лъ безъ верёвки, а э́то знакъ недо́брый; и шку́рка цѣла́ у него́“. То услы́ша, гро́мко мы всѣ засмѣ́ялись. „Смѣ́йтесь, чтобъ по́слѣ не пла́кать“, мышь Степани́да сказа́ла опя́ть: „а я не това́рищъ вамъ“. И поспѣ́шно, согна́въ мышеня́токъ свои́хъ, убрала́ся съ ни́ми въ подпо́лье она́. А мы приняли́сь, какъ шальны́е, пры́гать, скака́ть и кота́ тормоши́ть. Наконе́цъ, поуста́вши, всѣ мы усѣ́лись въ кружо́къ пе́редъ мо́рдой его, и поэтъ нашъ Климъ, по прозва́нію Бѣ́шеный Хвостъ, на Мурлы́кино пу́зо вскочи́вши, на́чалъ отту́да чита́ть намъ надгро́бное сло́во, мы же при ка́ждомъ стихѣ́ — хохота́ть... И вотъ что прочёлъ онъ: „Жилъ Мурлы́ка, котъ сибѝрскій, ростъ богаты́рскій[3], си́зая шку́рка, усы́ какъ у ту́рка; былъ онъ бѣ́шенъ, на кра́жѣ помѣ́шанъ, за то и повѣ́шенъ. Ра́дуйся, на́ше подпо́лье...!“

В. Но то́лько успѣ́лъ проповѣ́дникъ э́то сло́во промо́лвить, какъ вдругъ нашъ поко́йникъ очну́лся. Мы — бѣжа́ть... Куда́ ты! поспѣла́ ужа́сная тра́вля. Два́дцать изъ насъ оста́лось на мѣ́стѣ, а ра́неныхъ втро́е бо́лѣе бы́ло. Тотъ вороти́лся съ обо́драннымъ пу́зомъ, тотъ безъ у́ха, друго́й съ отъѣ́денной мо́рдой; ино́му хвостъ былъ отóрванъ; у мно́гихъ такъ стра́шно искусаны бы́ли спи́ны, что шку́рки мота́лись, какъ тря́пки; цари́цу Праско́вью чуть успѣ́ли въ нору́ уволо́чь за за́днія ла́пки; царь Ирина́рій спа́сся съ рубцо́мъ на носу́; но премýдрый

---

[1]Проклятый, нечести́вый (отъ сло́ва Ка́инъ). [2]Убѣжи́тъ. [3]Большо́й какъ у богатыря́.

крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою...

б) Разныя произведенія.

Ж. отличался горячею преданностью Русскому Царю и всему Царствующему Дому и любовью къ отечеству. Понятно поэтому, почему изъ-подъ его пера вылились русскій народный гимнъ (пѣснь) и величальная пѣсня Русскому Царю. Объ эти пѣсни извѣстны каждому подданному Русскаго Царя.

IV. Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ;
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный;
Боже, царя храни!
Боже, царя храни!

Славному долги[1] дни
Дай на земли[2];
Гордыхъ смирителю[3],
Слабыхъ хранителю[3],
Всѣхъ утѣшителю[3],
Все ниспошли!

V. Слава на небѣ солнцу высокому—
Не землѣ государю великому!
Слава на небѣ утру прекрасному—
На землѣ государынѣ ласковой!
Слава на небѣ ясному мѣсяцу—
На землѣ государю наслѣднику!
Слава яркимъ свѣтиламъ полуночи—
Сыновьямъ, дочерямъ государевымъ,

И великому князю съ княгинею,
Слава громамъ, играющимъ на небѣ—
Слава храброму русскому воинству!
Слава небу всему лучезарному[4]—
Слава русскому царству великому!
Веселися ты, солнце небесное,—
Многи лѣта царю благовѣрному[5]!

Мно́ги лѣ́та, мно́ги лѣ́та,

VI. Многи лѣта[6], многи лѣта,
Православный русскій царь!
Дружно, громко пѣсня эта
Пѣлась прадѣдами[7] встарь[8].
Дружно, громко пѣсню эту
И теперь вся Русь твердитъ[9]:
Съ ней по цѣлому полсвѣту
Имя царское гремитъ.

Ей повсюду отвѣчая,
Мчится русское „ура“
Отъ Кавказа до Алтая[10],
Отъ Амура[11] до Днѣпра.
Прогреми жъ до граней свѣт
И по всѣмъ сердцамъ ударь,
Наша пѣсня: „Многи лѣта,
Православный русскій царь!“

---

[1]Дóлгіе. [2]Стр., на землѣ. [3]Звáт. падежи́. по стари́нному.—[4]Ясному. [5]Правосла́вному.—[6]Вм. мно́гія лѣ́та. Мно́гихъ лѣтъ жела́емъ. [7]Пре́дками. [8]Въ старину́. [9]Повторя́етъ. [10]До Алта́йскихъ горъ, составля́ющихъ грани́цу ме́жду Сиби́рью и Китае́мъ. [11]Рѣка́ въ Восто́чной Сиби́ри, впада́ющая въ Татáрскій проли́въ.

VII. Ро́дина.

Страна́,| гдѣ мы́| впервы́|е

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія[1],
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?..
О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?[2]

VIII. Жа́воронокъ.

На со́лн|цѣ те́м|ный лѣ́съ| зардѣ́лъ,

На солнцѣ тёмный лѣсъ зардѣлъ[3],
Въ долинѣ паръ бѣлѣетъ тонкій,
И пѣсню раннюю запѣлъ
Въ лазури[4] жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поётъ, на солнышкѣ сверкая:
„Весна пришла къ намъ молодая!
Я здѣсь пою приходъ весны.
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно[5],
Такъ безпредѣльно, такъ воздушно:
Весь Божій міръ здѣсь вижу я,
И славитъ Бога пѣснь моя“.

IX. Канни́тферштáнъ. 1. **Богáтство Канни́тферштáна.** Былъ по какóму-то дѣ́лу бѣ́дный нѣмéцкій ремéсленникъ въ Амстердáмѣ[6], голлáндскомъ[7] гóродѣ. Гóродъ богáтый, пы́шный[8], здáнія огрóмныя, тьма кораблéй. Заглядѣ́лся бѣ́дный мой нѣ́мецъ, глазá разбѣжáлись. Вдругъ онъ уви́дѣлъ домъ, какóго не сни́лось емý и во снѣ: до десятка трубъ, три жилья́[9], зеркáльныя óкна[10], ворóта съ дóбрый сарáй[11]—удивлéнье! Съ смирéннымъ поклóномъ спроси́лъ онъ пéрваго встрѣ́чнаго: „Чей э́то домъ, въ котóромъ такъ мнóго въ óкнахъ тюльпáновъ[12], нарци́ссовъ[13] и розъ?“ Но, ви́дно, прохóжій и́ли былъ зáнятъ, иль стóлько же зналъ по-нѣмéцки, скóлько тотъ по-голлáндски, тó-есть не зналъ ни полслóва. Какъ бы то ни́ было, „канни́тферштáнъ!“ отвѣчáлъ онъ. А э́то „канни́тферштáнъ“ есть голлáндское слóво, иль лýчше—четы́ре слóва, и знáчитъ онó: „Не могý васъ поня́ть“. Простодýшный нѣ́мецъ, напрóтивъ, вздýмалъ, что такъ называ́лся владѣ́лецъ дóма, о кóемъ онъ спрáшивалъ: „Ви́дно, богáтъ не на шýтку э́тотъ Канни́тферштáнъ“, сказáлъ про себя́ онъ, любýясь дóмомъ. Потóмъ отпрáвился дáлѣ. Прихóдитъ

---

[1]Жи́зни. [2]Желáя тебѣ́ счáстья.—[3]Рдѣть—а) горѣ́ть на сóлнцѣ, краснѣ́ть, алѣ́ть; б) произрастáть, зрѣть, наливáться (о плодáхъ). [4]Цвѣтъ нéба въ я́сную погóду. [5]Привóльно, прія́тно.—[6]Амстердáмъ—сáмый вáжный по торгóвлѣ гóродъ въ Голлáндіи. [7]Голлáндія—странá въ Еврóпѣ. [8]Великолѣ́пный. [9]Этáжа. [10]Изъ дорогóго, тóлстаго, идýщаго на приготовлéніе зеркáлъ, стеклá. [11]Воротá по величинѣ [illegible] на сарáй. [12]Родъ цвѣтóвъ. [13]Тóже.

на пристани[1]—по́вое диво: тамъ корабле́й числа́ нѣтъ; ихъ ма́чты[2]—сло́вно какъ лѣсъ. Закружи́лась его́ голова́, и снача́ла онъ не вида́лъ ничего́, такъ мно́го онъ ра́зомъ уви́дѣлъ. Но, наконе́цъ, на огро́мный кора́бль обрати́лъ онъ внима́нье. Этотъ кора́бль неда́вно пришёлъ изъ Остъ-Индіи[3]. Мно́го вокру́гъ суети́лось люде́й: его́ выгружа́ли. Какъ го́ры бы́ли нава́лены тю́ки това́ровъ: мно́жество бо́чекъ съ са́харомъ ко́фе, пе́рцемъ, пшено́мъ сараци́нскимъ[4]. Рази́нувъ ротъ, съ удивле́ніемъ глядѣ́лъ на това́ры нашъ нѣ́мецъ, и свѣ́дать крѣ́пко ему́ захотѣ́лось, чьи бы́ли они́. У матро́са, не́сшаго тюкъ огро́мный, спроси́лъ онъ, какъ называ́лся тотъ господи́нъ, кото́рому мо́ре сто́лько сокро́вищъ ра́зомъ присла́ло. Нахму́рясь, матро́съ проворча́лъ мимохо́домъ:—Канни́тферштáнъ. „Опя́ть! смотри́, пожа́луй! Како́й же э́тотъ Канни́тферштáнъ молоде́цъ! Мудрено́ ли[6] постро́ить домъ съ бога́тствомъ таки́мъ и разста́вить въ горшка́хъ золочёныхъ сто́лько тюльпа́новъ, нарци́ссовъ и розъ по око́шкамъ?“

2. По́хороны Канни́тферштáна. Пошёлъ онъ ме́дленнымъ ша́гомъ наза́дъ и заду́мался. Го́ре взя́ло его́, когда́ онъ размы́слилъ, ско́лько бога́тыхъ на свѣ́тѣ и какъ онъ бѣ́денъ. Но то́лько что на́чалъ съ собо́ю онъ разсужда́ть, како́е бы́ло бы сча́стье, когда́ бъ онъ самъ былъ Канни́тферштáнъ, какъ вдругъ пе́редъ нимъ погребе́нье. Ви́дитъ—четы́ре ло́шади въ чёрныхъ дли́нныхъ попо́нахъ[7] гробъ на дро́гахъ[8] везу́тъ и ти́хо ступа́ютъ, какъ бу́дто зна́я, что мёртваго съ гро́бомъ въ моги́лу навѣ́ки отво́зятъ; вслѣдъ за гро́бомъ родны́е, друзья́ и знако́мые, мо́лча, въ тра́урѣ[9] и́дутъ; вдали́ одино́ко звени́тъ погреба́льный ко́локолъ. Гру́стно ста́ло ему́, какъ вся́кой смире́нной, до́брой душѣ́, при ви́дѣ мёртваго тѣ́ла, и, сня́вши на́божно шля́пу, моли́тву творя́, проводи́лъ онъ глаза́ми ходъ погреба́льный; пото́мъ подошёлъ къ одному́ изъ послѣ́днихъ ше́дшихъ за гро́бомъ, кото́рый въ э́ту мину́ту былъ за́нятъ ва́жнымъ дѣ́ломъ: разсчи́тывалъ, ско́лько при́были чи́стой бу́детъ ему́ отъ прода́жи кори́цы[10] и пе́рцу; тихо́нько дёрнувъ его́ за кафта́нъ, онъ спроси́лъ: „Коне́чно, поко́йникъ былъ вамъ до́брый прія́тель, что такъ вы заду́мались? Кто онъ?“—Канни́тферштáнъ! былъ коро́ткій отвѣ́тъ. Покати́лися

---

[1]Мѣ́сто у бе́рега рѣки́, о́зера и́ли мо́ря, гдѣ пристаю́тъ, остана́вливаются суда́. [2]Ма́чта, нѣм. Mast, большо́й столбъ на су́днѣ, для прикрѣпле́нія парусо́въ. [3]Часть Азіи; о́бщее назва́ніе полуострово́въ Индоста́на и Индокита́я, а та́кже близъ лежа́щихъ острово́въ. [4]Ри́сомъ. Сараци́ны—ара́бы. Рисъ вывози́лся въ Евро́пу снача́ла то́лько изъ Ара́віи. [5]Узна́ть, освѣ́домиться [6]Удиви́тельно ли.—[7]Попо́на—покрыва́ло на ло́шади. [8]Дро́ги, то́лько во мн. ч., погреба́льная колесни́ца. [9]Тра́уръ, нѣм. Trauer печа́ль; пла́тье, кото́рое надѣва́ютъ, въ знакъ печа́ли, родны́е уме́ршаго. [10]Сре́дній слой коры́, подко́рье кори́чнаго де́рева; имѣ́етъ о́стрый вкусъ, употребля́ется какъ припра́ва.

слёзы гра́домъ изъ глазъ у че́стнаго не́мца: сдѣ́лалось тя́жко се́рдцу его́, а пото́мъ и легко́, и, вздохну́вши, сказа́лъ онъ: „Бѣ́дный, бѣ́дный Канни́тферштанъ! отъ тако́го бога́тства что оста́лось тебѣ́? Не то́ же ль. что ра́но иль по́здно мнѣ отъ мое́й оста́нется бѣ́дности: са́ванъ[1] и тѣ́сный гробъ?“ И въ мы́сляхъ таки́хъ побрёлъ онъ за тѣ́ломъ, какъ бу́дто самъ былъ роднёю поко́йнику; въ це́рковь вошёлъ за други́ми; тамъ голла́ндскую про́повѣдь, въ ко́ей не по́нялъ ни сло́ва, вы́слушалъ съ чу́вствомъ глубо́кимъ; пото́мъ, когда́ опусти́ли Канни́тферште́на въ зе́млю, запла́калъ; пото́мъ съ облегчённымъ се́рдцемъ пошёлъ свое́ю доро́гой.

И съ тѣхъ поръ, какъ ско́ро грусть посѣща́ла его́ и ему́ станови́лось доса́дно ви́дѣть сча́стье бога́тыхъ люде́й, онъ всегда́ утѣша́лся, вспо́мнивъ о Канни́тферште́нѣ, его́ несмѣ́тномъ бога́тствѣ, пы́шномъ до́мѣ, большо́мъ корабле́ и—тѣ́сной моги́лѣ.

Та́ же мысль, что не слѣ́дуетъ пенять на свою́ бѣ́дность и что слѣ́дуетъ быть дово́льнымъ свое́ю судьбо́й, выража́ется и въ стихотворе́ніи:

X. Пѣ́сня бѣдняка́. (Изъ Уланда[2]).

Куда́ мнѣ го́лову скло́нить?

Куда мнѣ голову склонить?[3]
Покинуть я и сиръ;
Хотѣлъ бѣ весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.
И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ,
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ[4].
Я вижу замки богачей
И ихъ сады кругомъ...
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.
Но я счастливыхъ не дичусь[5],
Моя печаль въ тиши[6],
Я всѣмъ весёлымъ радъ сказать
„Богъ помочь[7]!“ отъ души[8].
О щедрый Богъ, не вовсе жъ я
Тобою позабытъ,
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ:
Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ алтарёмъ[9].
Мнѣ свѣтитъ солнце и луна,
Любуюсь на зарю
И, слыша благовѣстъ[10], съ Тобой,
Создатель, говорю.

---

[1]Родъ дли́нной, бѣ́лой руба́хи, въ кото́рой иногда́ погреба́ютъ уме́ршихъ, надѣва́я её вмѣ́сто пла́тья.—[2]Уландъ (1787—1862)—нѣме́цкій писа́тель. [3]Пріюти́ться [4]Го́ре, печа́ль сопровожда́ютъ меня́, я испы́тываю печа́ль съ тѣхъ поръ... [5]Не избѣга́ю. [6]Въ тишинѣ. Я никому́ не жа́луюсь на судьбу́. [7]Богъ вамъ да помо́жетъ. [8]Искренно. [9]Лат., alta ara — возвы́шенный же́ртвенникъ; такъ называ́ется часть христіа́нскаго хра́ма, гдѣ происхо́дитъ са́мое священнодѣ́йствіе. [10]Звонъ въ одинъ ко́локолъ для извѣще́нія о слу́жбѣ въ це́ркви

И знаю, будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ;
Тамъ буду праздновать и я,
Тамъ мѣсто есть и мнѣ.

Бу́дучи человѣ́комъ глубо́ко религіознымъ, Ж. и во мно́гихъ други́хъ свои́хъ произведе́ніяхъ ука́зываетъ на вѣ́ру въ Бо́га, какъ на утѣше́ніе во всѣхъ человѣ́ческихъ бѣ́дствіяхъ. Такъ, въ слѣ́дующемъ произведе́ніи изобража́ется влія́ніе пробуди́вшейся въ душѣ́ грѣ́шника вѣ́ры въ милосе́рдіе Бо́жіе на его́ душе́вное настрое́ніе пе́редъ сме́ртью.

XI. Капита́нъ[1] Боппъ.

1. Болѣ́знь капита́на. На кораблѣ́ купе́ческомъ „Меду́зѣ[2]“, кото́рый плылъ изъ Ло́ндона[3] въ Босто́нъ[4], былъ капитаномъ Боппъ, моря́къ иску́сный, но человѣ́къ недо́брый. Онъ свои́хъ люде́й такъ притѣсня́лъ, былъ такъ безсты́дно развра́тенъ, такъ руга́лся де́рзко вся́кой святы́ней, что его́ весь экипа́жъ[5] смерте́льно ненави́дѣлъ. Наконе́цъ, гото́въ былъ вспы́хнуть бунтъ, и капита́ну бы не сдоброва́ть[6]... Но Богъ рѣши́лъ ина́че. Вдругъ занемо́гъ опа́сно капита́нъ; надъ кораблё́мъ кома́нду при́нялъ шту́рманъ[7]; больно́й же, всѣ́ми бро́шенный, лежа́лъ въ каю́тѣ[8]. Экипа́жъ рѣши́лъ, чтобъ онъ безъ по́мощи издо́хъ, какъ заражённый чумо́й, и э́то съ зло́бнымъ смѣ́хомъ бы́ло ему́ объя́влено. Ужъ дня четы́ре, снѣда́емый[9] болѣ́знью, лежа́лъ оди́нъ онъ, и никто́ не смѣлъ къ нему́ войти́, чтобы́ хоть ка́плей воды́ его́ язы́къ изсо́хшій освѣжи́ть, иль го́лову пови́сшую его́ поду́шкой подпере́ть, иль до́брымъ сло́вомъ его́ больну́ю ду́шу ободри́ть; онъ былъ оди́нъ, и стра́шно смерть глядѣ́ла ему́ въ глаза́.

2. Уча́стіе Ро́берта смягча́етъ ду́шу капита́на. Вдругъ слы́шитъ онъ одна́жды, что въ дверь его́ вошли́ и что ему́ сказа́лъ уми́льный[10] го́лосъ: „Каковы́ вы, капита́нъ?“ То ма́льчикъ Ро́бертъ былъ, ребё́нокъ лѣтъ двѣна́дцати; ему́ сталъ жа́локъ капита́нъ. Но на вопро́съ больно́й суро́во отвѣча́лъ:—Тебѣ́ како́е дѣ́ло? Убира́йся прочь! Одна́ко, на друго́й день ма́льчикъ сно́ва вошёлъ въ каю́ту и спроси́лъ: „Не ну́жно ли чего́ вамъ, капита́нъ?“—Ты э́то, Ро́бертъ? чуть слы́шнымъ го́лосомъ спроси́лъ больно́й. „Я, капита́нъ“.—Ахъ! Ро́бертъ, я страда́лъ всю ночь. „Позво́льте мнѣ, чтобъ я умы́лъ вамъ ру́ки и лицо́; васъ э́то мо́-

[1]Лат. caput — голова́; а) вое́нный чинъ; б) нача́льникъ корабля́. [2]Меду́за—со́б.: гре́ческая боги́ня, кото́рую гре́ки представля́ли себѣ́ со змѣ́ями на головѣ́ вмѣ́сто воло́съ; здѣсь: назва́ніе корабля́. [3]Гла́вный го́родъ въ Англіи. [4]Торго́вый го́родъ въ Сѣв. Аме́рикѣ. [5]Фр. équipage: а) о́бщее назва́ніе каре́тъ, коля́сокъ, дро́жекъ и пр.; б) всѣ матро́сы, служа́щіе на кораблѣ́. [6]Капита́ну пришло́сь бы пло́хо. [7]Гол., служа́щее лицо́ на кораблѣ́, вычисля́ющее ходъ корабля́ и опредѣля́ющее по ка́ртѣ мѣ́сто его́ нахожде́нія; кораблевожа́тый. [8]Каю́та, голл., ко́мната на кораблѣ́. [9]Съѣда́емый, му́чимый.—[10]Ла́сковый.

жетъ немно́го освѣжи́ть". Больно́й кивну́лъ въ знакъ своего́ согла́сья голово́ю. А Ро́бертъ, оказа́въ ему́ услу́гу любви́, спроси́лъ: „Могу́ ли, капита́нъ, тепе́рь обри́ть васъ?" Это та́кже бы́ло ему́ позво́лено. Пото́мъ больно́го Ро́бертъ тихо́нько приподня́лъ, его́ поду́шки попра́вилъ: наконе́цъ, смѣлѣе ста́вши, сказа́лъ: „Тепе́рь я напою́ васъ ча́емъ". И капита́нъ споко́йно согласи́лся на всё; онъ глубоко́ вздыха́лъ и съ гру́стной улы́бкою на ма́льчика смотрѣлъ. Увѣренъ бу́дучи, что отъ свои́хъ люде́й онъ никако́го милосе́рдья надѣяться не до́лженъ, въ зло́бѣ се́рдца рѣши́лся онъ ни съ кѣмъ не говори́ть ни сло́ва. „Лу́чше умере́ть сто разъ", онъ ду́малъ, „чѣмъ отъ нихъ приня́ть услу́гу". Но ми́лая забо́тливость ребёнка всю вну́тренность его́ поколеба́ла; непримири́мая его́ душа́ смягчи́лась, и въ глаза́хъ его́, дото́лѣ свире́по мра́чныхъ, выступили слёзы.

3. Капита́нъ чу́вствуетъ угрызе́нія со́вѣсти. Но дни его́ ужъ бы́ли сочтены́[1]; онъ ви́димо слабѣлъ и, наконе́цъ, увѣрился, что жизнь его́ была́ на то́нкомъ волоскѣ. И у́жасъ ду́шу его́ схвати́лъ, когда́ предста́ли ра́зомъ ей смерть и вѣчность; съ стра́шнымъ кри́комъ со́вѣсть проснула́сь въ нёмъ. Но ей не поддала́сь бы его́ желѣзная душа́, онъ мо́лча бы поки́нулъ свѣтъ, озло́бленный, ни съ кѣмъ непримирённый, если бъ ми́лый го́лосъ ребёнка, по́сланнаго Бо́гомъ, вдругъ его́ не пробуди́лъ. И вотъ, одна́жды, когда́, опя́ть къ нему́ вошедши, Ро́бертъ спроси́лъ: „Не лу́чше ль вамъ, капита́нъ?" онъ простона́лъ отча́янно:—Ахъ, Ро́бертъ, мнѣ тяжело́; съ мои́мъ погиба́шимъ тѣломъ стано́вится ежемину́тно ху́же. А съ бѣ́дною мое́й душо́ю!.. Что мнѣ дѣлать! Я вели́кій нечести́вецъ! меня́ ждётъ адъ; я ничего́ ино́го не заслужи́лъ; я грѣ́шникъ, я навы́ки погиба́шій челове́къ. „Нѣтъ, капита́нъ, васъ Богъ поми́луетъ; моли́тесь".—По́здно моли́ться; для меня́ ужъ бо́лѣ нѣтъ наде́жды на спасе́нье. Что мнѣ дѣлать? Ахъ, Ро́бертъ, что со мно́ю бу́детъ! Такъ своё дото́ль безчу́вственное се́рдце онъ исповѣ́дывалъ[2] пе́редъ ребёнкомъ. И Ро́бертъ дѣлалъ всё, чтобъ возбуди́ть въ нёмъ бо́дрость, но напра́сно.

4. Капита́нъ и Ро́бертъ чита́ютъ ева́нгеліе. Разъ, когда́ попре́жнему вопёлъ въ каю́ту ма́льчикъ, больно́й, едва́ дыша́, ему́ сказа́лъ: „Послу́шай, Ро́бертъ! мнѣ пришло́ на умъ, что, мо́жетъ-быть, на кораблѣ найдётся ева́нгелье; попро́буй, поищи́". И по́длинно[3], ева́нгелье нашло́ся. Когда́ его́ больно́му по́далъ Ро́бертъ, въ его́ глаза́хъ сверкну́ла ра́дость. „Ро́бертъ", ска́залъ онъ, „э́то мнѣ помо́жетъ; вѣ́рно, помо́жетъ.

---

[1]Онъ до́лженъ былъ умере́ть. [2]Исповѣ́дывать что-ли́бо — откры́то признава́ть, вѣровать во что-ли́бо. Исповѣ́дывать кого́-ли́бо—разспра́шивать кого́-ли́бо о грѣха́хъ, заставля́ть выска́зывать всё. Исповѣ́дывать грѣхи́, се́рдце—сознава́ться кому́-ли́бо въ грѣха́хъ, въ та́йныхъ помышле́ніяхъ.—[3]Дѣйстви́тельно.

Другъ, читáй! тепéрь узнáю, чегó мнѣ ждать и въ чёмъ моé спасéнье. Сядь, Рóбертъ, здѣсь; читáй; я бýду слýшать".—Да что же мнѣ читáть вамъ, капитáнъ? „Не знáю, Рóбертъ: я ни рáзу въ рýки не брáлъ евáнгелья; читáй, что хóчешь, безъ вы́бора, какъ попадётся". Рóбертъ раскры́лъ евáнгелье и сталъ читáть; и два часá чи́тáлъ онъ. Капитáнъ, къ нему́ съ постéли гóлову склони́въ, егó съ вели́кой жáдностію слýшалъ. Какъ утопáющій за дóску, онъ за кáждое хвата́лся слóво: но при кáждомъ слóвѣ мóлніею страшной душá въ нёмъ озарялась; онъ вполнѣ всё недостóинство своё пости́гнулъ, и правосýдіе Твορцá предстáло емý съ погúбелью неизбѣжи́мой[1]; хотя́ и слы́шалъ онъ святóе и́мя Спаси́теля, но вѣрить онъ не смѣлъ спасéнію. Остáвшися одúнъ, во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ, что бы́ло чи́тано; но въ э́тихъ мы́сляхъ егó душá отрáды не нашлá.

5. **Рóбертъ мóлится за капитáна.** На слѣдующій день, когдá опя́ть вошёлъ въ каю́ту Рóбертъ, онъ емý сказáлъ: „Мой другъ, я чýвствую, что мнѣ земли́ ужъ не видáть; со мнóю дѣло идётъ къ концý поспѣшно; скóро бýду я брóшенъ чéрезъ бортъ[2]; но не того́ тепéрь бóюсь я... Что съ моéй душóю, съ моéй бѣдною душóю бýдетъ! Ахъ, Рóбертъ, я погúбъ, погúбъ навѣки! Не мóжешь ли помóчь мнѣ? Помоли́ся, другъ, за меня́. Вѣдь ты моли́твы зна́ешь?" Нѣтъ, капитáнъ, я никакóй другóй моли́твы, крóмѣ „Отче нашъ", не знáю; я съ мáтерью вседнéвно поутрý и ввечеру́ её читáлъ. „Ахъ, Рóбертъ, моли́ся за меня́, стань на колѣни; проси́, чтобъ Богъ яви́лъ[3] милосéрдіе; за э́то Онъ тебя́ благослови́тъ. Моли́ся, другъ, моли́ся о твоёмъ отвéржепномъ, безбóжномъ капитáнѣ". Но Рóбертъ мéдлилъ, а больнóй егó проси́лъ и убѣждáлъ, ежеминýтно со стóномъ восклицáя: „Царь Небéсный, поми́луй грѣшника меня́!" И обá рыдáли. „Рáди Бóга, на колѣни стань, Рóбертъ, и моли́ся за меня́!" И, увлечённый жáлостію, мáльчикъ сталъ на колѣни и, сложи́вши рýки, въ слезáхъ воскли́кнулъ: Гóсподи, поми́луй Ты моегó больнóго капитáна! Онъ хóчетъ, чтобъ Тебѣ́ я за негó моли́лся; я моли́ться не умѣю. Умилосéрдись Ты надъ нимъ! Онъ, бѣдный, бои́тся, что емý погúбнуть должнó; Ты, Гóсподи, не дай ему погибнуть! Онъ говоритъ, что быть емý въ адý; Ты, Гóсподи, возьми́ егó на нéбо! Онъ дýмаетъ, что діáволъ овладѣетъ егó душóй; Ты, Гóсподи, вели́, чтобъ áнгелъ Твой вступи́лся за негó! Мнѣ жáлокъ онъ[4]; егó, больнóго, всѣ поки́нули; но я, пока́ онъ живъ, емý служи́ть не перестáну; тóлько спасти́ егó я не умѣю; сжáлься надъ нимъ Ты, Гóсподи, и научи́ меня́ моли́ться за негó". Больнóй молчáлъ;

---

[1]Неизбѣ́жной. Капитáнъ пóнялъ, что за грѣхи́ свои́ онъ дóлженъ быть наказанъ Бóгомъ.—[2]Фр. bord—край; а) здѣсь: бокъ сýдна; б) край плáтья. [3]Показáлъ, обнарýжилъ. [4]Мнѣ егó жаль.

невѝнность чи́стая, съ како́й ребёнокъ за него́ моли́лся, всю его́ прони́кла ду́шу; онъ лежа́лъ недви́жимъ, сти́снувъ ру́ки, погрузи́въ въ поду́шку го́лову, и слёзъ пото́ки изъ глазъ его́ бѣжа́ли. Ро́бертъ, ко́нчивъ свою́ моли́тву, вы́шелъ. Онъ былъ та́кже встревѐженъ; до́лго онъ, едва́ дыха́ніе переводя́, на па́лубѣ[1] стоя́лъ и, перегну́вшись че́резъ бортъ, смотрѣ́лъ на во́лны. Ввечеру́[2] онъ, возврати́вшись къ больно́му, до но́чи ему́ чита́лъ ева́нгеліе, и капита́нъ его́ съ невырази́мымъ слу́шалъ умиле́ньемъ.

6. Чу́дное виде́ніе. Когда́ же Ро́бертъ на друго́е у́тро опя́ть яви́лся, онъ былъ поражёнъ, взгляну́въ на капита́на, перемѣ́ной, въ нёмъ происше́дшей: страхъ, кото́рый такъ уси́ливалъ есте́ственную ди́кость его́ лица́, исче́зъ; на нёмъ сквозь покрыва́ло ско́рби, сквозь бле́дность сме́ртную сія́ло что́-то смире́нное, весёлое, свято́е, какъ бу́дто лучъ той свѣ́тлой благода́ти, кото́рая отъ Бо́га къ намъ на вопль моля́щаго раска́янья нисхо́дитъ. „Ахъ, Ро́бертъ!“ ти́химъ го́лосомъ больно́й сказа́лъ: „каку́ю ночь провёлъ я! Что со мно́ю бы́ло! Я того́, мой другъ, слова́ми вы́разить не въ си́лахъ. Слу́шай: когда́ вчера́ меня́ оста́вилъ ты, я впалъ въ како́й-то полусо́нъ; душа́ была́ полна́ ева́нгельской святы́ней, кото́рая прони́кнула въ нея́, когда́ твоё я слу́шалъ чте́нье; вдругъ пе́редъ собо́ю, здѣсь, въ нога́хъ посте́ли, уви́дѣлъ я—кого́ же? самого́ Спаси́теля Христа́; Онъ пригвождёнъ былъ ко кресту́. И показа́лось мнѣ, что бу́дто всталъ я и припо́лзъ къ Его́ нога́мъ и закрича́лъ, какъ тотъ слѣпо́й, о ко́емъ ты чита́лъ мнѣ: „Сынъ Дави́довъ, Ису́съ[3] Христо́съ, поми́луй!“ И тогда́ мнѣ показа́лось, бу́дто на меня́—да! на меня́, мой другъ, на твоего́ злодѣ́я капита́на—Онъ взгляну́лъ... О, какъ взгляну́лъ! каки́ми описа́ть слова́ми э́тотъ взглядъ!... Я задрожа́лъ; вся къ се́рдцу кровь хлы́нула; душа́ напо́лнилась тоско́ю сме́рти; въ стра́хѣ, но и съ наде́ждой, я къ Нему́ подня́ть осмѣ́лился глаза́... И что же? Онъ... Да, Ро́бертъ!.. Онъ отве́рженному мнѣ съ небе́сной ми́лостію улыбну́лся! О, что со мно́ю сдѣ́лалось тогда́! На э́то словъ язы́къ мой не имѣетъ. Я на него́ гляде́лъ... гляде́лъ... и ждалъ... Чего́ я ждалъ? Не зна́ю, но о томъ моё трепе́щущее се́рдце зна́ло. А Онъ съ креста́, кото́рый весь былъ кро́вью, бѣжа́вшею изъ ранъ Его́, обли́тъ, смотрѣ́лъ такъ бла́гостно, съ тако́й прискорбной и нѣ́жной жа́лостію на меня́... И вдругъ Его́ уста́ пошевелили́сь, и я Его́ услы́шалъ го́лосъ, чи́стый, прониза́ющій всю ду́шу, сла́дкій го́лосъ; и Онъ сказа́лъ мнѣ: „Ободри́сь и вѣ́руй!“ Отъ ра́дости разорва́лось се́рдце въ моей́ груди́, и я пере́дъ

---

[1]Па́луба, отъ сл. лубъ, сбб. лубяна́я кры́ша; полъ и вмѣстѣ съ тѣмъ потоло́къ на суда́хъ. [2]Ве́черомъ.—[3]Вм. Іису́съ; такъ ска́зано для пра́вильности разме́ра. (Произведе́ніе написано Жукóвскимъ стихáми: здѣсь печа́тается въ видѣ про́зы для сбереже́нія мѣста.)

крестóмъ упáлъ съ рыдáніемъ и крúкомъ... Но видѣ́ніе исчезло, и тогдá очнýлся я, мой глазá открылись.

7. Какóе дѣ́йствіе оказáло видѣ́ніе на капитáна. Но сонъ ли э́то былъ? Нѣтъ, не сонъ. Тепéрь я знáю. Тотъ меня́ спасётъ, Кто ко крестý за всѣхъ и за меня́ былъ пригвождёнъ; я вѣ́рую томý, что Онъ сказáлъ на вéчери[1] святóй, переломúвши хлѣбъ и влúвши въ чáшу винó во оставлéніе[2] грѣхóвъ. Тепéрь ужъ мнѣ не стрáшно умерéть: мой Искупúтель живъ; мой грѣхú мнѣ бýдутъ прощены. Выздоровлéнія не жду я бóлѣе и не желáю; я чýвствую, что съ жúзнію разстáться мнѣ дóлжно скóро, и её покúнуть тепéрь я радъ... При э́томъ слóвѣ Рóбертъ, дотóлѣ плáкавшій въ молчáніи, вдругъ съ рыдáніемъ воскли́кнулъ:—Капитáнъ, не умирáйте; нѣтъ, вы не умрёте. На то больнóй съ усмѣ́шкой отвѣчáлъ: „Не плачь, мой дóбрый Рóбертъ: Богъ явúлъ Своё мнѣ милосéрдіе, и тепéрь я счáстливъ, но тебя́ мнѣ жаль, какъ сы́на роднóго жаль; ты дóлженъ здѣсь остáться на кораблѣ́, межъ э́тихъ нечестúвыхъ людéй, одúнъ, неóпытный ребёнокъ.. Съ тобóю бýдетъ тó же, что со мной! Ахъ! Рóбертъ, берегись, не попадú на стрáшную мою дорóгу; вúдишь, кудá ведётъ онá. Твоя́ любóвь ко мнѣ былá, другъ мúлый, великá; тебѣ́ я всѣмъ обя́занъ; ты мнѣ Бóгомъ былъ пóсланъ въ стрáшный часъ, ты указáлъ мнѣ, и самъ тогó не знáя, путь спасéнья; благослови́ тебя́ за то Всевы́шній! другúмъ же всѣмъ на кораблѣ́ скажú ты отъ меня́, что я прошý у нихъ прощéнья, что я самъ ихъ всѣхъ прощáю, что я за нихъ молю́сь“. Весь э́тотъ день больнóй провёлъ спокóйно; онъ съ глубóкимъ внимáніемъ евáнгеліе слýшалъ. Когдá жъ настáла ночь, и Рóбертъ съ нимъ простúлся, онъ егó съ благословéньемъ, любóвію и грýстью проводúлъ глазáми до дверéй каю́ты.

8. Смéрть капитáна. Рáно на слѣ́дующій день прихóдитъ Рóбертъ въ каю́ту; двéри отворúвъ, онъ вúдитъ, что капитáна нѣтъ на прéжнемъ мѣ́стѣ: подня́вшися съ подýшки, онъ припóлзъ къ томý углý, гдѣ крестъ емý во снѣ явúлся; тамъ, къ стѣнѣ́ оборотя́сь лицóмъ, въ дугý согнýвшись, головóй припáвъ къ постéли, крѣ́пко стúснувъ рýки, лежáлъ онъ на колѣ́няхъ. То увúдя, встревóженный, въ дверя́хъ каю́ты Рóбертъ остановúлся. Онъ глядúтъ и ждётъ, не смѣя трóнуться; минýты двѣ прошлó, и вотъ онъ, наконéцъ, шепнýлъ тихóнько: „Капитáнъ!“ Отвѣ́та нѣтъ. Онъ, два шагá ступúвъ, шепнýлъ опя́ть погрóмче: „Капитáнъ!“ Но тúхо все, и все отвѣ́та нѣтъ. Онъ подошёлъ къ постéли. „Капитáнъ!“ сказáлъ онъ вслухъ. Попрéжнему всё тихо. Онъ рукóй егó ногú коснýл-

---

[1]Стр., вм. На вѐчерѣ. Вѐчеря—ỳжинъ, вечѐрній столъ. Тáйная вѐчеря, святàя вѐчеря—послѣ́дній ỳжинъ, илѝ послѣ́дняя застольная бесѣ́да, на котòрой Госпòдь пребывàлъ съ ученикáми Своими пѐредъ распя́тіемъ. [2]Для оставлѐнія, прощѐнія.

онъ! холодна́ нога́, какъ лёдъ. Въ испу́гѣ закрича́лъ онъ гро́мко: „Капита́нъ!“ и за плечо́ его́ схвати́лъ. Тутъ положе́ніе тѣ́ла измѣни́лось; ме́дленно онъ на́взничь[1] упа́лъ, и ти́хо голова́ легла́ сама́ собо́ю на поду́шку; бы́ли глаза́ закры́ты, щёки бле́дны, видъ споко́енъ, ру́ки сжа́ты на моли́тву.

Таки́мъ о́бразомъ капита́нъ у́меръ споко́йно, съ наде́ждою на милосе́рдіе Бо́жіе.

Сле́дующее стихотворе́ніе какъ бы опра́вдываетъ э́ту наде́жду, представля́я приме́ръ попечи́тельства Бо́жьяго о несча́стныхъ.

XII. Сиро́тка.

Примѣча́ніе Жуко́вскаго: „Тро́гательное происше́ствіе пода́ло по́водъ написа́ть э́ти стихи́. Одна́ забы́вчивая мать оста́вила свои́хъ дѣте́й (трёхъ дочере́й) въ Москвѣ, при наше́ствіи непрія́теля (см. примѣч. къ ба́снѣ Крыло́ва: „Обо́зъ“). Малю́тки спасены́ жа́лостію посторо́нняго бѣ́днаго челове́ка. Одна́ изъ дѣ́вочекъ была́ при́нята въ семе́йство Анны Ив. Плеще́евой, кото́рая пекла́сь о ней съ матери́нскою не́жностію и не ро́знила её ни въ чёмъ съ со́бственными дѣтьми́ свои́ми. Другія́ двѣ бы́ли возвращены́ ма́тери“.

Едва́ она́ узрѣ́ла свѣ́тъ

Едва́ она́ узрѣ́ла[2] свѣ́тъ,
Ужъ ей печа́ль знако́ма стала;
Весе́лье—спу́тникъ дѣ́тскихъ лѣ́тъ[3],
А ей судьба́ въ нёмъ[4] отказа́ла.
Въ семьѣ́ томи́лась сиро́той,
Её́ грядуще́е[5] страши́ло...
Но Провиде́ніе[6] храни́ло
Младе́нца та́йною руко́й.

Среди́ неи́стовыхъ[7] враго́въ
Сиро́тка ма́терью забы́та;
Сгорѣ́лъ ея́ роди́мый кровъ[8],
И ей неви́нность не защи́та[9];
Но бѣ́дный съ ни́щенской клю́кой[10]
Ей Бо́гомъ посла́нъ во спасе́нье[11]...
На краѣ́ бе́здны[12] Провиде́нье
Сдружи́ло слабость съ ни́щетой[13]
И, породни́вшися судьбо́й[14],
Сиро́тка и старикъ убо́гій[15],
Безъ трепета́, рука́ съ руко́й[16],
Пошли́ погибе́льной доро́гой[17].
Доро́га бѣ́дныхъ привела́
Въ гостепрі́имную оби́тель[18].
Имъ былъ Всевы́шній[19] предводи́тель.
Ихъ ми́лость въ при́стани[20] ждала́

Играй, дитя́, гроза́ прошла́,
Ужа́сный громъ уда́рилъ ми́мо,
Тебя́ мать до́брая нашла́
На́мѣсто матери́ роди́мой;
Доро́га жи́зни предъ тобо́й

[1]Лицо́мъ кве́рху. — [2]Уви́дѣла. [3]Весе́лье, беззабо́тность сво́йственна дѣтямъ. [4]Въ весе́льи, въ сча́стіи. [5]Бу́дущее. [6]Богъ. [7]Свире́пыхъ, злы́хъ. [8]Домъ, прію́тъ. [9]Ея́ дѣ́тскій во́зрастъ не могъ бы защити́ть её́ отъ врагово́въ; враги́ уби́ли бы её́, несмотря́ на ея́ дѣ́тскій во́зрастъ. [10]Па́лка, по́сохъ съ загну́тымъ ве́рхомъ. [11]Для спасе́нія. [12]На краю́ ги́бели. [13] Ребёнка съ ни́щимъ. [14]Сдружи́вшись благодаря́ слу́чаю. [15]Бѣ́дный, несча́стный. [16]Вмѣстѣ. [17]Доро́гой, на кото́рой они́ легко́ могли́ погибнуть. [18]а) Жили́ще; б) монасты́рь. [19]Богъ. [20]Здѣсь подъ при́станью разумѣ́ется домъ Плеще́евой.

Цвѣтами счастія покрыта[1]...
Молись же, чтобъ Творецъ защит:

Былъ той[2], кто здѣсь хранитель
твой

XIII. Утренняя звѣзда́[3]. (Изъ Ге́беля[4]).

Отку́|да, звѣ́|здочка́| краса́?|

Откуда, звѣздочка-краса[5]?
Что рано такъ на небеса́[6]
Въ одеждѣ праздничной твоей[7],
Въ огнѣ блистающихъ кудрей[8]
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?
Ты скажешь,—встала раньше насъ?
А вотъ[9] нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый
часъ;
Не счесть[10] накиданныхъ сноповъ.

Кто всталъ до дня, тотъ днёмъ
здоровъ,
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ:
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.
Другой привыкъ до полдня спать;
Зато и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаётъ передъ зарёй[11].
Работа рано поутру—
Досугъ[12] и пѣсня ввечеру[13].

XIV. Со́лнышко.

(Изъ стих.: „Лѣтній ве́черъ“, изъ Ге́беля).

Знать, со́л|нышко́| уто́|млено́|:

Знать[14], со́лнышко утомлено́:
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучомъ[15],
И, алымъ[16] тонкимъ облачкомъ
Задёрнувъ ликъ[17] усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ, лѣтній дологъ путь[18].
Вездѣ жъ работа[19]: на горахъ,
Въ долинахъ, въ рощахъ[20] и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай
И всѣхъ при томъ благословляй[21].

---

[1]Въ жи́зни тебя́ ожида́етъ сча́стіе. [2]Плещее́вой. [3]Утренняя (она́ же вечёрняя) звѣзда́—на са́момъ дѣлѣ не звѣзда́, потому́ что не имѣ́етъ со́бственнаго свѣта, а займствуетъ его́ отъ со́лнца; э́то—плане́та Вене́ра. Утромъ она́ видна́ на восто́кѣ до́льше други́хъ свѣти́лъ, а ве́черомъ на за́падѣ ра́ньше ихъ. [4]Ге́бель (1760—1826)—нѣме́цкій писа́тель. [5]Красота́; вм. прилага́тельнаго краси́вая. [6]Подразум.: яви́лась, [7]Въ сія́ющихъ луча́хъ. [8]Подъ кудря́ми здѣсь то́же подразумѣва́ются лучи. [9]Нар., но, ме́жду тѣмъ, напро́тивъ. [10]Не сосчита́ть, нельзя́ сосчита́ть. [11]Кра́сный цвѣтъ не́ба при восхо́дѣ и захо́дѣ со́лнца. [12]Свобо́дное вре́мя, о́тдыхъ. [13]Ве́черомъ.—[14]Нар., ви́дно, должно́ быть. [15]Постепе́нно га́сить свой лучи́. [16]Свѣтло- или́ я́рко-кра́снымъ, багря́нымъ. [17]Стр., лицо́. [18]Со́лнце лѣ́томъ идётъ по́ небу вы́ше, остаётся поэ́тому на́ небѣ до́льше, чѣмъ въ други́я времена́ го́да. [19]При томъ же вездѣ́ рабо́та. [20]Въ лѣса́хъ. [21]Благословля́ть—со́б.: говори́ть благи́я, т.-е. хоро́шія, слова́; а) превозноси́ть, восхваля́ть кого́-ли́бо, жела́ть кому́-ли́бо добра́, относи́ться къ кому́-ли́бо съ любо́вью.

Итакъ, совсѣмъ не мудрено[1],
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: „Добрый сонъ!“

XV. Очерки Швеціи.

Ж. посѣтилъ Швецію въ 1838 году, когда вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ престола путешествовалъ по Европѣ. Сочиненіе это представляетъ собственно рядъ писемъ Ж—аго къ Великой Княгинѣ Маріѣ Николаевнѣ, родной сестрѣ Наслѣдника Цесаревича. Вел. Княгиня живо интересовалась заграничными впечатлѣніями своего августѣйшаго брата и Жуковскаго и вела съ ними переписку.

1. Страна. Швеція, если судить по тому, что намъ удалось видѣть во время нашего путешествія, есть гранитное царство[2]. Вездѣ слой земли, болѣе или менѣе тонкій, покрываетъ гладкую площадь гранитную; и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, скопляющимся на днѣ быстрой рѣки, которая силой воды мчитъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Эти гранитные обломки, составляющіе нѣмое преданіе о какомъ-то давнишнемъ бѣдѣ стихій[3] представляютъ явленія разительныя. Иногда, посреди широкаго зелёнаго поля лежитъ огромная скала, совершенно голая, слегка подёрнутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляетъ продолженія той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается своею отдѣлившеюся отъ нея базою[4]. Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежитъ кучею, подобно зёрнамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда. Иногда эти крупные и мелкіе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ[5] скалъ, подобный Алупкинскому саду[6] въ Крыму, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зелёный плющъ[7] ихъ не одѣваетъ, и между ними не проби-

---

[1]Не удивительно.—[2]Гранитъ—особая горная порода. [3]Стихія, гр. самая простая часть всякаго чувственнаго предмета, основное вещество. Изъ соединенія такихъ веществъ происходятъ всѣ чувственные предметы въ мірѣ. Древніе греки полагали, что такихъ веществъ только четыре: огонь, вода, земля и воздухъ. Въ настоящее время такихъ веществъ насчитываютъ около 70-ти; воздухъ же, огонь, земля и вода не суть простыя вещества, а составлены изъ другихъ. Впрочемъ, на обыкновенномъ (не научномъ) языкѣ и теперь слово стихія употребляется какъ названіе воздуха или воды, или огня, или земли.[4] Гр., основаніе. [5]Гр., зданіе съ многочисленными и запутанными ходами. [6] Садъ въ Алупкѣ, имѣніи, бывшемъ кн. Воронцова, замѣчательномъ красотою мѣстоположенія. [7]Вьющееся растеніе особаго рода

ва́ются ла́вры[1]; а вмѣсто живопи́сныхъ деревьевъ ю́га, обви́тыхъ плющо́мъ и виногра́домъ, торча́тъ на ихъ го́лыхъ верши́нахъ и бока́хъ однообра́зныя е́ли и со́сны и и́зрѣдка берёзы, кото́рыхъ ко́рни сквозь тре́щины грани́та проника́ютъ въ зе́млю и, переплета́ясь на пове́рхности ка́мня, составля́ютъ для него́ како́е-то чу́дное, кружевно́е покрыва́ло. Промежу́тки ме́жду э́тими камня́ми покры́ты па́шнями[2], кото́рыя во вре́мя на́шего путеше́ствія (отъ долговре́менной за́сухи) не представля́ли большо́й наде́жды на бога́тую жа́тву.

2. Населе́ніе. Хи́жины поселя́нъ разсѣ́яны по поля́мъ и не составля́ютъ, какъ у насъ, отдѣ́льныхъ селе́ній. Въ нихъ вообще́ видна́ опря́тность. Но архитекту́ра[3] ихъ неживопи́сна и не имѣ́етъ никако́го осо́беннаго хара́ктера: круты́я кро́вли (соло́менныя или́ тесо́выя[4]), стѣ́ны изъ обтёсанныхъ брёвенъ; дово́льно большія о́кна, отъ кото́рыхъ внутри́ хи́жинъ должно́ быть всегда́ свѣтло́ и, слѣ́дственно, ве́село, всѣ стѣ́ны снару́жи вы́крашены тёмнокирпи́чною кра́ской (сберега́ющею ихъ отъ дѣ́йствія внѣ́шней температу́ры[5]), отчего́ хи́жины ма́ло отдѣля́ются отъ окружа́ющаго ихъ ландша́фта[6] и тогда́ то́лько быва́ютъ о́чень замѣ́тны, когда́ на нихъ я́рко свѣ́титъ со́лнце. Жи́тели э́тихъ хи́жинъ вообще́ краси́вой нару́жности. Они́ привѣ́тливы. Въ ихъ обраще́ніи чувстви́тельно како́е-то непринуждённое доброжела́тельство и простоду́шіе (ско́лько мо́жно суди́ть объ э́томъ тому́, кто, не зна́я ихъ языка́, не могъ съ ни́ми завести́ разгово́ра). Осо́бенно ме́жду же́нщинами мно́жество прекра́сныхъ, бѣлоку́рыхъ[7] съ голубы́ми, ча́сто весьма́ вырази́тельными, глаза́ми. Это осо́бенно бы́ло замѣ́тно въ города́хъ. Окна ча́сто составля́ли ра́мы живы́хъ карти́нъ, и въ ка́ждой изъ э́тихъ рамъ явля́лась гру́ппа изъ пяти́ или́ шести́ лицъ, ме́жду ко́ими всегда́ полови́на была́ прекра́сныхъ.

3. Ѣзда́ на почто́выхъ. Ме́жду этими скала́ми, по э́тимъ поля́мъ и лѣса́мъ, проло́жены прекра́сныя доро́ги. Ихъ содержа́ть въ испра́вности нетру́дно. Матеріа́лъ для э́того почти́ вездѣ́ подъ руко́ю. Но онѣ́ вездѣ́ о́чень узки́ и отъ неро́вности мѣ́ста, отъ мно́жества камне́й, повсю́ду разбро́санныхъ, вью́тся какъ змѣ́и. По э́тимъ излу́чистымъ[8], у́зкимъ доро́гамъ, на ко́ихъ нигдѣ́ нѣтъ пери́лъ[9], ма́ленькія шве́дскія ло́шади несу́тся съ тобо́ю во весь опо́ръ, и по́дъ гору быстрѣ́е, не́жели по ро́вному мѣ́сту. Почто́вая ѣзда́ учреждена́ здѣсь осо́беннымъ о́бразомъ.

---

[1]Лавръ—родъ де́рева; зе́лень его́ сохраня́ется въ тече́ніе всего́ го́да. [2]Засѣ́янными поля́ми.—[3]Лат., отъ гр.—дава́ть планъ зда́нію, завѣ́дывать постро́йкою; иску́сство строи́тельства; хара́ктеръ постро́йки. [4]Деревя́нныя, кры́тыя то́нкими пи́леными до́сками. [5]Лат. temperatura, смѣше́ніе; ра́зныя сте́пени тепла́. [6]Нѣм. Landschaft, видъ мѣ́стности. [7]Свѣтловоло́сыхъ.—[8]Изви́листымъ (лукъ—дуга́) [9]Пери́ла (пере́ть, опира́ться)—огра́да.

На ста́нціяхъ нѣтъ лошаде́й. Эти ста́нціи слу́жатъ для нихъ то́лько сбо́рнымъ мѣ́стомъ на слу́чай пріѣ́зда путеше́ственника, кото́рый (е́сли онъ ѣ́детъ въ своёмъ экипа́жѣ[1]) до́лженъ имѣ́ть и свою́ сбру́ю[2] и своего́ ку́чера—и э́тотъ ку́черъ оди́нъ слу́житъ ему́ на всё его́ путеше́ствіе. Вперёдъ отправля́ется наро́чный[3], по наря́ду[4] кото́раго собира́ются на ста́нціяхъ въ назна́ченный часъ ну́жныя ло́шади. Эти ло́шади крестья́нскія, не привы́кшія къ больши́мъ экипа́жамъ и не извѣ́стныя тому́, кто до́лженъ и́ми пра́вить. Несмотря́ на то, онъ бо́дро сади́тся на ко́злы[5] и погоня́етъ безъ милосе́рдія свою́ четверню́ или́ шестерню́ (смотря́ по экипа́жу), не забо́тясь о томъ, по ро́вному ли мѣсту онъ ска́четъ, или́ по́дъ гору. Иногда́, при нача́лѣ спу́ска, не зна́етъ, что подъ горо́ю: овра́гъ[6] или́ рѣка́, есть ли мостъ, нѣтъ ли встрѣчнаго; ло́шади ска́чутъ, ку́черъ погоня́етъ и говори́тъ, что здѣсь не слы́хано, что́бы кто-нибу́дь былъ опроки́нутъ. А за коля́ской сиди́тъ хозя́инъ лошаде́й, а иногда́ два или́ три, е́сли экипа́жъ запря́женъ четвёркою или́ шестёркою. Они́ вися́тъ сза́ди, какъ мѣшки́, уцѣпи́вшись оди́нъ за друго́го, и таки́мъ о́бразомъ болта́ются до смѣ́ны, гдѣ имъ возвраща́ютъ ихъ лошаде́й и пла́тятъ за проѣ́здъ.

4. Озёра Шве́ціи. Осо́бенную красоту́ шве́дской приро́ды составля́ютъ великолѣ́пныя озёра, тамъ повсю́ду разсы́панныя. Зрѣ́лище, представля́ющееся на э́тихъ озёрахъ, весьма́ схо́дно съ тѣмъ, кото́рое представля́етъ вся окружа́ющая ихъ страна́. Вмѣ́сто зелёныхъ поле́й вообрази́те то́лько равни́ну водъ, и вы уви́дите надъ вода́ми тѣ же гру́ппы камне́й и скалъ, кото́рыя явля́ются ме́жду поля́ми, составля́я на су́шѣ ка́менныя, покры́тыя е́лями и со́снами, возвыше́нія, отдѣ́льные го́лые или́ лѣси́стые хо́лмы, или́ про́сто отвали́вшіяся, Богъ зна́етъ отку́да, ска́лы, а посреди́ о́зера большіе и ма́лые острова́, то отло́гія, то круты́я, то лѣси́стыя, то го́лыя и торча́щія изъ водъ ска́лы, или́ отдѣ́льныя, или́ набро́санныя стра́нными гру́дами. Эти озёра преле́стны; но ихъ нельзя́ сравни́ть ни съ озёрами Швейца́ріи[7] и Тиро́ля[8], ни съ озёрами Ита́ліи[9].

5. Озёро Ме́ларнъ. Озеро Ме́ларнъ са́мое живопи́сное изъ больши́хъ озёръ Шве́ціи. Осо́бенную пре́лесть даю́тъ ему́ излу́чины его́ грани́тныхъ берего́въ, покры́тыхъ е́лями, со́снами и берёзами, не круты́хъ и да́же не разнообра́зныхъ, но придаю́щихъ о́зеру каку́ю-то оригина́льную[10] живопи́сность тѣмъ, что они́ то стѣсня́ются, и о́зеро

---

[1]Пово́зкѣ. [2]Упряжь. [3]По́сланный по извѣ́стному дѣ́лу; гоне́цъ. [4]По распоряже́нію. [5]Сидѣ́ніе на пово́зкѣ для ку́чера. [6]Глубо́кій ровъ, проры́тый водо́ю.—[7]Страна́ въ Евро́пѣ, въ Альпі́йскихъ гора́хъ. [8]Область Австрі́йской импе́ріи, въ восто́чной части Альпъ. [9]Страна́ въ Евро́пѣ, на Аппени́нскомъ полуо́стровѣ.—[10]Лат. origo нача́ло: осо́бенную, незауря́дную

представля́етъ тогда́ широ́кую рѣку́ ме́жду лѣси́стыми бе́рега́ми, то расхо́дятся, и тогда́ пе́редъ глаза́ми прекра́сная равни́на водъ, съ больши́ми и ма́лыми острова́ми, кото́рые свои́ми живопи́сными гру́ппами составля́ютъ отличи́тельный хара́ктеръ Ме́ларна пе́редъ други́ми больши́ми озе́рами Шве́ціи. При све́тѣ со́лнца, особли́во въ ти́хую пого́ду, э́ти острова́ составля́ютъ зре́лище очарова́тельное[1]. Иногда́ ви́дишь густу́ю ро́щу[2], кото́рой ве́тви наклоня́ются до пове́рхности воды́ и кото́рая подыма́ется изъ о́зера огро́мною зелёною ма́ссой, скрыва́я отъ глазъ свое́ грани́тное основа́ніе. Иногда́ разсы́пана по вода́мъ гру́ппа грани́тныхъ округлённыхъ скалъ: иныя го́лы, иныя покры́ты густы́мъ куста́рникомъ, на ино́й торчи́тъ всего-на-всё одна́ ель, какъ бу́дто упѣпи́вшаяся за неё свои́ми корня́ми, чтобы́ спасти́сь отъ бу́ри Иногда́ совсѣмъ не ви́дно грани́та, а ви́дно нѣсколько дере́вьевъ, выходя́щихъ изъ воды́ и какъ бу́дто вы́росшихъ на вла́жной ея́ пове́рхности. Всё э́то оживлено́ ло́дками и суда́ми, ко́ихъ распу́щенные паруса́[3] велича́во поднима́ются ме́жду гру́ппами малыхъ острово́въ или́ прелѣстно бѣлѣ́ютъ на тёмномъ гру́нтѣ[4] лѣси́стаго бе́рега. Повсю́ду по берега́мъ, входя́щимъ въ о́зеро дли́нными мы́сами[5] или́ принима́ющимъ его́ въ себя́ глубо́кими зали́вами, мелька́ютъ за́мки, це́ркви, крестья́нскіе до́мы.

XVI. Лѣсно́й царь. (Изъ Гёте[6]).

Воображе́ніе люде́й неразви́тыхъ населя́етъ приро́ду ра́зными чудо́вищами. Такъ по поня́тію ру́сскаго просто́го наро́да, въ водѣ́ живётъ водяни́къ, или́ водяно́й дѣ́душка, въ лѣсу́—лѣ́шій, т.-е. лѣсно́й духъ. По поня́тію нѣме́цкаго просто́го наро́да, въ лѣсу́ живётъ лѣсно́й царь (Erlkönig), кото́рый почти́ то́ же, что ру́сскій лѣ́шій.

Кто ска́четъ, кто мчи́тся подъ хла́дною мгло́й?

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ

„Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?“
—Родимый[8], лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ тёмной коронѣ, съ густой бородой.
„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой“.

[1]Краси́вое, плѣни́тельное. [2]Небольшо́й лѣсъ (отъ расти). [3]Па́русъ, плащъ; поло́тнище, растя́гиваемое на суда́хъ, для дви́женія ихъ съ по́мощью вѣтра. [4]Нѣм. Grund основа́ніе; по́чва, фонъ, по́ле. [5]Мысъ—высо́кій бе́регъ, вдающійся и кру́то спуска́ющійся въ во́ду. —[6]Гёте (1749—1832) —нѣме́цкій писа́тель. [7]Въ холо́дномъ тума́нѣ. [8]Родно́й, оте́цъ.

„Дитя, оглянися! младенецъ, ко мнѣ!
Весёлаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы[1], жемчужны струи[2],
Изъ золота слиты чертоги[3] мои“.
—Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы[4] и радость сулитъ[5].
„О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался[6] ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы“.
„Ко мнѣ, мой младенецъ! въ дубровѣ моей
Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей;
При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять“.

—Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ—вижу—кивають[7] изъ темныхъ вѣтвей.
„О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя[8] стоять въ сторонѣ“.
„Дитя, я плѣнился твоей красотой[9]:
Неволей иль волей, а будешь ты мой!“
—Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать:
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать!
Ѣздокъ оробѣлый[10] не скачетъ—летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ:
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ.
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

XVII. Судъ Бо́жій надъ епи́скопомъ[11].

1. Преступле́ніе епи́скопа. Бы́ли в лѣ́то и о́сень дождли́вы; бы́ли пото́плены па́жити[12], ни́вы; хлѣ́бъ на поля́хъ не созрѣ́лъ и пропа́лъ, сдѣ́лался го́лодъ, наро́дъ умира́лъ. Но у епи́скопа, ми́лостью не́ба[13], по́лны амба́ры огро́мные хлѣ́ба; жи́то[14] сберёгъ прошлого́днее онъ: былъ осторо́женъ епи́скопъ Гатто́нъ. Рву́тся толпо́й и голо́дной и ни́щій въ две́ри епи́скопа, тре́буя пи́ици. Скупъ и жесто́къ былъ епи́скопъ Гатто́нъ: о́бщей бѣ́дою не тро́нулся онъ. Слу́шать и во́пли ему́ надое́ло. Вотъ онъ рѣши́лся на стра́шное дѣ́ло. Бѣ́дныхъ изъ бли́жнихъ и да́льнихъ сторо́нъ, слы́шно, скрика́етъ епи́скопъ Гатто́нъ. „До́жили мы до

---

[1]Бирюза́, перс., драгоцѣ́нный ка́мень голубо́го цвѣ́та. [2]Же́мчугъ—известко́вая ма́сса въ ви́дѣ зерна́, находи́мая въ осо́баго ро́да ра́ковинахъ; употребля́ется какъ украше́ніе. Струя́—волна́ небольши́хъ разме́ровъ; ручеёкъ. [3]Черто́гъ, стр., великолѣ́пно у́бранная ко́мната. [4]Перлъ, фр. perle, жемчу́жина. [5]Обѣща́етъ. [6]Услы́шалъ невѣ́рно. [7]Дѣ́лаютъ зна́ки (голово́й или́ рука́ми). [8]Ивы, ве́рбы. Имѣ́ютъ ли́стья сѣрова́таго цвѣта. [9]Я сдѣ́лался плѣ́нникомъ твое́й красоты́; я такъ же преклоня́юсь предъ твое́й красото́й, какъ плѣ́нникъ предъ побѣди́телемъ. [10]Испуга́вшійся.—[11]Гр., на и смотрю́; соб.: наблюда́тель; вы́сшее ду́ховное лицо́. [12]Па́стбища. [13]Бо́га. [14]Рожь; вообще́ зерново́й хлѣ́бъ.

нежда́ннаго чу́да: вы́нулъ епи́скопъ добро́[1] изъ-подъ спу́да[2]; бѣ́дныхъ къ себѣ́ на пиру́шку зовётъ". Такъ говори́лъ изумлённый наро́дъ. Къ сро́ку собра́лися зва́ные го́сти, блѣ́дные, ча́хлые, ко́жа да ко́сти; ста́рый, огро́мный сара́й отворёнъ, въ нёмъ угости́тъ ихъ епи́скопъ Гатто́нъ. Вотъ ужъ столпи́лись подъ кро́влей сара́я всѣ пришлецы́ изъ окру́жнаго кра́я... Какъ же ихъ при́нялъ епи́скопъ Гатто́нъ?—Былъ имъ сара́й и съ гостя́ми сожжёнъ! Гля́дя епи́скопъ на пе́пелъ пожа́рный, ду́маетъ: „Бу́дутъ мнѣ всѣ благода́рны: ра́зомъ изба́вилъ я шу́ткой мое́й край нашъ голо́дный отъ жа́дныхъ мыше́й". Въ за́мокъ епи́скопъ къ себѣ́ возврати́лся, у́жинать сѣлъ, пирова́лъ, весели́лся, спалъ, какъ неви́нный, и сновъ не вида́лъ. Пра́вда! но бо́лѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

2. Какъ былъ нака́занъ епи́скопъ. Утромъ онъ вхо́дитъ въ поко́й, гдѣ висѣ́ли пре́дковъ портре́ты, и ви́дитъ, что съѣ́ли мы́ши его́ живопи́сный[3] портре́тъ, такъ что холсти́ны и при́знака нѣтъ. Онъ обомлѣ́лъ; онъ отъ стра́ху чуть ды́шитъ. Вдругъ онъ чуде́сную вѣ́домость[4] слы́шитъ: „На́ша окру́га[5] мыша́ми полна́, въ жи́тницахъ[6] съѣ́денъ весь хлѣбъ до зерна́". Вотъ и друго́е въ уша́хъ загремѣ́ло: „Богъ на тебя́ за вчера́шнее дѣ́ло! Крѣ́пкій твой за́мокъ, епи́скопъ Гатто́нъ, мы́ши со всѣхъ осажда́ютъ сторо́нъ". Ходъ былъ до Ре́йна[7] отъ за́мка подзе́мный; въ стра́хѣ епи́скопъ доро́гою тёмной къ бе́регу вы́йти изъ за́мка спѣши́тъ. „Въ Ре́йнской ба́шнѣ[8] спасу́сь", говори́тъ. Въ лёгкую ло́дку епи́скопъ сади́тся, къ ба́шнѣ прича́лилъ, дверь за́перъ и мчи́тся вверхъ по грани́тнымъ круты́мъ ступеня́мъ; въ стра́хѣ оди́нъ затвори́лся онъ тамъ. Узникъ[9] не зна́етъ, куда́ пріюти́ться: на́ полъ, зажму́ривъ глаза́, онъ ложи́тся... Вдругъ онъ испу́ганъ степа́ньемъ[10] глухи́мъ: вспы́хнули я́рко два гла́за надъ нимъ. Смо́тритъ онъ... ко́шка сиди́тъ и мяу́читъ; го́лосъ тотъ грѣ́шника да́витъ и му́читъ; ме́чется[11] ко́шка, неве́село ей: чу́етъ[12] она́ приближе́нье мыше́й. Палъ на колѣ́ни епи́скопъ и кри́комъ Бо́га зовётъ въ изступле́ніи[13] ди́комъ. Во́етъ престу́пникъ... а мы́ши плыву́тъ... бли́же и бли́же... доплы́ли... ползу́тъ. Вотъ ужъ ему́ въ разстоя́ніи бли́зкомъ слы́шно, какъ лѣ́зутъ съ ропта́ньемъ и́ пи́скомъ; слы́шно, какъ стѣ́ну ихъ ла́пки скребу́тъ; слы́шно, какъ ка́мень ихъ зу́бы грызу́тъ. Вдругъ ворвали́сь неизбѣ́жные звѣ́ри: сы́плются гра́домъ

---

[1]Бога́тство. [2]Спудъ, стр., сосу́дъ, ка́дка; подъ спу́домъ—со́б.: въ закры́томъ, съ по́мощью сосу́да, мѣ́стѣ; говори́лось про горя́щій свѣти́льникъ; тако́й спо́собъ ноше́нія свѣти́льниковъ употребля́лся въ старину́, вмѣ́сто тепе́решнихъ фонаре́й.—[3]Краси́вый, хорошо́ нарисо́ванный. [4]Но́вость, извѣ́стіе. [5]Округъ. [6]Хлѣ́бныхъ скла́дахъ, амба́рахъ. [7]Рѣка́, впада́ющая въ Нѣме́цкое мо́ре. [8]Высо́кое, но у́зкое зда́ніе. [9]Кто сиди́тъ въ заключе́ніи, въ у́захъ. [10]Сто́номъ. [11]Броса́ется изъ стороны́ въ сто́рону. [12]Чу́вствуетъ, слы́шитъ, [13]Со́б., вы́сшая сте́пень гнѣ́ва здѣсь стра́ха.

сквозь о́кна, сквозь две́ри, спе́реди, сза́ди, съ боко́въ, съ высоты́... Что тутъ, епи́скопъ, почу́вствовалъ ты? Зу́бы объ ка́мни онѣ́ навостри́ли, грѣ́шнику въ ко́сти ихъ жа́дно впусти́ли. Весь по суста́вамъ[1] раздёрнутъ былъ онъ... Такъ былъ нака́занъ епи́скопъ Гатто́нъ.

Б. Ива́нъ Андре́евичъ Крыло́въ

(1768—1844)

роди́лся въ Москвѣ́. Оте́цъ его́ былъ арме́йскій[2] офице́ръ. Дѣ́тство К. провёлъ снача́ла въ Оренбу́ргѣ[3], а пото́мъ въ Твери́[4]. Въ Оренбу́ргѣ оте́цъ К-ва служи́лъ, а въ Твери́ посели́лся по вы́ходѣ въ отста́вку. Подъ руково́дствомъ отца́ ма́льчикъ научи́лся чита́ть и писа́ть. Вско́рѣ оте́цъ у́меръ. Семья́ оста́лась безъ вся́кихъ средствъ къ жи́зни. Поэ́тому мать вы́нуждена была́ опредѣли́ть Крыло́ва, тогда́ пятна́дцатилѣ́тняго ма́льчика, писцо́мъ въ уѣ́здный судъ. Но К-въ былъ любозна́теленъ и трудолюби́въ и самъ пріобрѣ́лъ тѣ зна́нія, кото́рыхъ не дала́ ему́ шко́ла. Почти́ еди́нственнымъ наслѣ́дствомъ, оста́вшимся семьѣ́ по сме́рти отца́, былъ сунду́къ съ кни́гами. Найдя́ ме́жду ни́ми нѣ́сколько книгъ на францу́зскомъ языкѣ́, К-въ, изъ любозна́тельности, приня́лся за изуче́ніе э́того языка́ и дово́льно въ нёмъ успѣ́лъ. Увлека́ясь чита́емыми сочине́ніями, Крыло́въ и самъ сталъ сочиня́ть, подража́я чи́танному.

Но заня́тія его́ бы́ли вско́рѣ пре́рваны вслѣ́дствіе поѣ́здки съ матерью, по семе́йнымъ обстоя́тельствамъ, въ Петербу́ргъ. Здѣсь мать и сынъ оста́лись на жи́тельство. Въ Петербу́ргѣ Крыло́въ сно́ва поступи́лъ на слу́жбу писцо́мъ. Вмѣ́стѣ съ тѣмъ онъ продолжа́лъ усе́рдно рабо́тать надъ свои́мъ образова́ніемъ и про́бовать си́лы въ а́вторствѣ[5]. Увлека́ясь всё бо́льше и бо́льше литерату́рными[6] заня́тіями, онъ по́слѣ сме́рти ма́тери, вы́шелъ въ отста́вку и сталъ издава́ть журна́лы[7] Но журна́лы расходи́лись пло́хо. Поэ́тому Крыло́въ оста́вилъ и́зда́тельскую дѣ́ятельность. По́слѣ э́того онъ жилъ въ ра́зныхъ города́хъ, бы́стро переходя́ отъ одного́ заня́тія къ друго́му и не находя́ ни одного́ по душѣ́. Въ 1806 г. Крыло́въ случа́йно встрѣ́тился съ баснопи́сцемъ Дми́тріевымъ и прочёлъ ему́ нѣ́сколько свои́хъ ба́сенъ[8]. Похвалы́ Дми́тріева заста́вили

---

[1]Частя́мъ.—[2]Офице́ръ, служа́щій не въ гва́рдіи, а въ а́рміи. Гва́рдія—отбо́рное во́йско, по́льзующееся осо́быми преиму́ществами и расположённое въ столи́цахъ; всё остально́е во́йско называ́ется а́рміей (лат. arma ору́жіе). [3]Губе́рнскій го́родъ при р. Ура́лѣ. [4]Губе́рнскій го́родъ на одно́мъ изъ прито́ковъ р. Во́лги, недалеко́ отъ Москвы́. [5]Сочини́тельствѣ; лат. auctor вино́вникъ, сочини́тель, а́вторъ. [6]Лат. litera бу́ква, literae собра́ніе сочине́ній, слове́сность, нау́ка. [7]Фр. jour день, journal, со́б., дневни́къ, лат. diurnus дневно́й; сбо́рникъ сочине́ній, выходя́щій че́резъ опредѣлённые промежу́тки вре́мени. [8]Произведе́нія, въ кото́рыхъ въ иносказа́тельной фо́рмѣ осмѣ́иваются какіе-ли́бо человѣ́ческіе недоста́тки.

Крылова понять, что его таланть наиболѣе силенъ въ этомъ родѣ произведеній. Съ 1806 г. Крыловъ сталъ писать почти исключительно одни басни. Вскорѣ онъ былъ уже извѣстнымъ писателемъ. Въ 1812 году, благодаря отчасти своей литературной извѣстности, Крыловъ получилъ мѣсто библіотекаря при Императорской Публичной библіотекѣ[1] въ С.-Петербургѣ. На этой должности онъ оставался почти до самой смерти.

1. Басни, характеризующія животныхъ.

А. Басни о свиньѣ.

I. Свинья.

Свинья| на бар|скій дво́ръ|когда́|то за|теса́|лась;

Свинья на барскій дворъ[2] когда-то
затесалась[3];
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь
наслонялась[4],
Въ сору, въ навозѣ извалялась,
Въ помояхъ по уши досыта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньёй[5].
„Ну, что жъ, Хавронья[6], тамъ ты
видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ:
„Вѣдь идетъ слухъ,
Что всё у богачей лишь бисеръ
да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе[7]
другого!“
Хавронья хрюкаетъ: — Ну, право
порютъ вздоръ[8].
Я не примѣтила богатства никакого
Всё только лишь навозъ да соръ;
А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

II. Свинья подъ дубомъ.

Свинья| подъ ду́|бомъ вѣ|ковы́мъ|

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ[9]
Наѣлась желудей[10] досыта до отвала[11];
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши[12], встала
И рыломъ подрывать у дуба корни
стала.
„Вѣдь это дереву вредитъ“,
Ей съ дуба воронъ говоритъ.
„Коль[13] корни обнажишь оно засохнуть можетъ“
—Пусть сохнетъ, говоритъ свинья:
Ничуть меня то не тревожитъ:
Въ нёмъ проку[14] мало вижу я;

[1]Гр. книгохранилище. Публичный, лат publicus, общественный.— [2]Дворъ при домѣ барина, помѣщика. [3]Попала тайкомъ, попала куда не слѣдовало [4]Нагулялась безъ дѣла. [5]Свинья вернулась домой такою же, какою и отправилась на барскій дворъ, т-е. такою же глупою. [6]Названіе свиней, какъ Мишка—медвѣдя, Васька—кота и проч. [7]Обыкн.: богаче. [8]Говорятъ глупости, нелѣпости —[9]Долговѣчнымъ. [10]Плодовъ, растущихъ на дубѣ. [11]Такъ наѣлась, что должна была лечь. [12]Глаза протёрши, послѣ сна. [13]Если. [14]Прокъ—польза.

Хоть вѣкъ его не будь[1], ничуть не
пожалѣю;
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ
нихъ жирѣю.
—„Неблагодарная!“ промолвилъ[2]
дубъ ей тутъ:
„Когда бы вверхъ могла поднять
ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ“.
—
Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ учёные труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ
ихъ плоды.

Б. Ба́сни объ осл́ѣ.

Самоувѣ́ренность въ сужде́ніяхъ обо всёмъ, да́же о томъ, что превосхо́дитъ на́ше понима́ніе, есть при́знакъ недоста́точности разсмышле́нія; поэ́тому поня́тно, что живо́тное, вошедшее въ послови́цу свое́ю глу́постью, не то́лько не уступа́етъ, но да́же превосхо́дитъ свинью́ въ наклонности суди́ть обо всёмъ съ по́лной увѣ́ренностью въ пра́вильности свои́хъ сужде́ній. Таки́мъ осёлъ и явля́ется въ ба́снѣ.

III. Осёлъ и соловей.

По́водомъ къ сочине́нію э́той ба́сни послужи́ло слѣ́дующее обстоя́тельство. Нѣ́кто, наслы́шавшись о тала́нтѣ Крыло́ва, но весьма́ ма́ло понима́я въ литерату́рѣ, пригласи́лъ одна́жды К-ва къ себѣ́, съ цѣ́лью послу́шать его́ ба́сни. К-въ при́нялъ приглаше́ніе и мастерски́ прочёлъ пе́редъ хозя́иномъ нѣ́сколько ба́сенъ, переведённыхъ съ францу́зскаго. Вы́слушавъ чте́ніе, слу́шатель глубокомы́сленно замѣ́тилъ: „Это хорошо́; но почему́ вы не перево́дите такъ, какъ Ив. Ив. Дми́тріевъ?“ — Не умѣ́ю, скро́мно отвѣча́лъ К-въ. Таки́мъ сужде́ніемъ слу́шавшій обнару́жилъ непонима́ніе того́, о чёмъ взя́лся суди́ть, потому́ что ба́сни К-ва гора́здо вы́ше, по мастерству́ изложе́нія, ба́сенъ Д-ва.

Осёлъ| уви́|дѣлъ со́|ловья|

Осёлъ увидѣлъ соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ка,
дружище[3]!
Ты, сказываютъ, пѣть великій
мастерище[4];
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твоё услышавъ пѣнье,
Великоль, подлинно[5], твоё умѣнье?“
Тутъ соловей являть[6] своё искусство
сталъ:
Защёлкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью[7] отдавался,

[1]Хоть никогда́ не будь, хоть во́все его́ не будь. [2]Сказа́лъ, присоедини́вшись къ разгово́ру свинья́ съ во́рономъ.—[3]Увели́чи́тельное ласка́тельное. [4]То́ же. [5]Дѣйстви́тельно. [6]Пока́зывать, обнару́живать. [7]Дудка, особ. пасту́шья.

То мелкой дробью[1] вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало всё тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры[2]:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша[3], пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ[4] пѣвецъ. Осѣлъ, уставясь въ землю лбомъ[5],
„Изрядно", говоритъ: „сказать не ложно[6],
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Ещё бъ ты болѣ навострился[7],
Когда бы у него немножко поучился".
Услыша судъ[8] такой, мой бѣдный соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей[9].

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

Въ слѣдующей баснѣ ослы́ ужъ са́ми явля́ются арти́стами, увѣренными въ высо́комъ досто́инствѣ своего́ пѣ́нія.

IV. Парна́съ[10].

Когда́| изъ Гре́|цій| вонъ вы́|гнали| бого́въ|

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ[11]
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали[12],
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали[13].
Хозяинъ новый сталъ пасти на пёмъословъ.
Ослы, не зна́ю, какъ-то знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ: „Недаромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать, музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ[14], чтобъ мы здѣсь пѣли".
—Смотрите же, кричитъ одинъ:
не унывай[15]!

---

[1]Со́б.: дроблённый свине́цъ, иногда́ та́кже чугу́нъ, для стрѣля́нія изъ ружья́ ди́чи. Разсы́пался дро́бью—пѣлъ такъ, что пѣ́ніе напомина́ло звукъ отъ разсы́панной по чему́-ли́бо твёрдому дро́би. [2]Лат. Aurora: а) боги́ня зари́, дочь со́лнца; б) у́тренняя заря́. [3]Отъ восто́рга, восхище́нія пѣ́ніемъ. [4]Стр., око́нчилъ. [5]Наклони́въ го́лову, что́бы прида́ть себѣ́ видъ глубокомы́слія. Лю́ди въ таки́хъ слу́чаяхъ приставля́ютъ указа́тельный па́лецъ ко лбу. [6]Истинно, справедли́во. [7]Научи́лся. [8]Сужде́ніе, мнѣ́ніе. [9]Три́девять, со́б., два́дцать семь; употребля́ется для указа́нія да́льняго разстоя́нія; напр., въ тридева́томъ ца́рствѣ=въ како́мъ-то о́чень далёкомъ ца́рствѣ.—[10]Гора́ въ Гре́ціи; на горѣ э́той, по вѣрованію языч никовъ гре́ковъ, обита́ли му́зы, боги́ни нау́къ и иску́ствъ, въ томъ числѣ́ и му́зыки. [11]Когда́ въ Гре́ціи языческая вѣ́ра смѣни́лась христіа́нствомъ. [12]Ста́ли дѣли́ть ме́жду жи́телями мѣста́, принадлежа́вшія пре́жде языческимъ хра́мамъ или́ остава́вшіяся неприкосновѐнными, какъ мѣстопребыва́нія бого́въ. [13]Межа́—грани́ца ме́жду уча́стками земли́; состои́тъ обыкновѐнно изъ неглубо́каго рва и небольшо́й на́сыпи. [14]Свѣтъ. [15]Ед. ч. вм. мно́ж.

Я затяну, а вы не оставай[1]!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ наше стадо,
И громче девяти сестёръ[2]
Подымемъ музыку и свой составимъ хоръ[3]!
А чтобы нашего не сбили съ толку[4] братства,
То заведёмъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль[5] нѣтъ въ чьёмъ голосѣ ослинаго пріятства[6],
Не принимать тѣхъ на Парнасъ!
Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетёно слово[7],
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занёсъ[8],
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колёсъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво[9] пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣждамъ не во гнѣвъ[10],
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста

Въ предыду́щихъ двухъ ба́сняхъ осёлъ то́лько глупъ, въ сле́дующей онъ, сверхъ того́, ещё отлича́ется и ни́зостью, неблагоро́дствомъ свои́хъ посту́пковъ, что происхо́дитъ ча́сто та́кже отъ недоста́точной разсуди́тельности.

V. Лиси́ца и осе́лъ.

Отко́|лѣ, у́м|ная,| бредёшь| ты, го́|лова?|

„Отколѣ[11], умная, бредёшь[12] ты, голова?“
Лисица, встрѣтяся съ осломъ, его спросила.
—Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я безъ памяти[13] бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ[14], отъ этого урода[15].
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода[16].
Повѣришь ли, въ звѣряхъ

---

[1]Ед. ч. вм. мно́ж. [2]Музъ, по вѣрованію дре́вних ъ гре́ковъ, было де́вять, всѣ они́—до́чери гла́внаго бо́га гре́ковъ, Зеве́са. [3]Гр., совоку́пное пѣ́ніе нѣ́сколькихъ голосо́въ, собра́ніе вмѣ́стѣ пою́щихъ люде́й. [4]Не разстро́или, не нару́шили поря́дка въ на́шемъ бра́тствѣ. [5]Если. [6]Стр., прія́тности. [7]Красноре́чи́во и остроу́мно ска́занную рѣ́чь. [8]Такъ сталъ пло́хо пѣ́ть. [9]Краси́вое своимъ разногла́сіемъ. Тако́е пѣ́ніе могло́ показа́ться краси́вымъ то́лько осла́мъ, потому́ что необходи́мое усло́віе хоро́шаго хорово́го пѣ́нія—стро́йность, согла́сіе пою́щихъ. [10]Не для того́, что́бы прогнѣви́ть. Въ—съ вин. п. ча́сто употребля́ется для обозначе́нія цѣ́ли, напр.: во избѣжа́ніе, въ оби́ду, во и́мя и пр.—[11]Отку́да. [12]Идёшь. [13]Не по́мня себя́, теря́я созна́ніе отъ стра́ха. [14]Не разбира́я направле́нія бѣ́га, бы́стро. [15]Здѣсь въ смы́слѣ: страши́лище, пу́гало. [16]То́лстое бревно́.

Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,
И поплатился онъ старинными долгами[1]!
Кто мимо льва ни шёлъ, всякъ вымещалъ[2] ему
По своему:
Кто зубомъ, кто рогами...
„Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?“
Лиса осла перерываетъ.
—Вотъ-на[3]! осёлъ ей отвѣчаетъ:
А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ[4]:
Пускай ослиныя копыта знаетъ.

Зато́ оби́ды, кото́рыя нано́ситъ осёлъ соста́рѣвшемуся льву, больнѣ́е для него́ оби́дъ, наноси́мыхъ всѣ́ми про́чими живо́тными, что ви́дно изъ ба́сни:

VI. Левъ соста́рѣвшійся.

Могу́|чій ле́въ,| гроза́| лѣсо́въ,|

Могучій левъ, гроза лѣсовъ,
Постигнутъ старостью, лишился силы:
Нѣтъ крѣпости въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ тѣхъ зубовъ,
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,
И самого едва таскаютъ ноги хилы[5];
А что всего больнѣй,
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды льва въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый| конь его копытомъ крѣпкимъ бьётъ,
То зубомъ волкъ рванётъ,
То острымъ рогомъ волъ боднётъ[6].
Левъ бѣдный въ горѣ толь[7] великомъ,
Сжавъ сердце, терпитъ всё и ждётъ кончины злой,
Лишь изъявляя ропотъ свой
Глухимъ и томнымъ рыкомъ[8];
Какъ видитъ, что осёлъ туда жъ, натужа[9] грудь
Сбирается его лягнуть,
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бъ было побольнѣе.
„О боги“, возопилъ[10], стеная[11], левъ тогда:
„Чтобъ не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорѣе!
Какъ смерть моя ни зла,
Всё легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла“.

Таки́мъ о́бразомъ, въ свиньѣ́ и ослѣ́ Крыло́ва мы ви́димъ разли́чныя проявле́нія одной и той же черты́—глу́пости.

---

[1]Поплати́лся за стари́нные долги́, т.-е. за оби́ды, кото́рыя наноси́лъ пре́жде други́мъ живо́тнымъ. [2]Мстилъ. [3]Междоме́тіе; выража́етъ несогла́сіе съ мнѣ́ніемъ собесѣ́дника. [4]Уда́рилъ ного́й.—[5]Вм. хи́лыя, сла́быя. [6]Уда́ритъ рога́ми. [7]Стр., столь, сто́лько, такъ. [8]Уста́лымъ, сла́бымъ р[ф]вомъ. [9]Напря́гши. [10]Воскли́кнулъ. [11]Со сто́номъ.

В. Ба́сни о волкѣ.

VII. Волкъ и журавль.

Что во́л|ки жа́д|ны, вся́|кій зна́|етъ.

Что волки жадны[1], всякій знаетъ:
Волкъ, ѣвши[2], никогда
Костей не разбираетъ.
Зато на одного изъ нихъ пришла бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ волкъ ни охнуть ни вздохнуть;
Пришло[3] хоть ноги протянуть[4]!
По счастью, близко тутъ журавль случился.
Вотъ кой-какъ знаками сталъ волкъ его манить
И просить горю пособить.
Журавль свой носъ по шею
Засунулъ волку въ пасть и съ трудностью большою
Кость вытащилъ и сталъ за трудъ просить[4].
„Ты шутишь!“ звѣрь вскричалъ коварный[6]:
„Тебѣ за трудъ? Ахъ ты, неблагодарный,
А это ничего[7], что свой ты долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унёсъ?
Поди жъ, пріятель, убирайся,
Да берегись: впередъ ты мнѣ не попадайся!“

Волкъ оказа́лся неблагода́рнымъ по отноше́нію къ своему́ спаси́телю вслѣ́дствіе свое́й жа́дности: ему́ жаль бы́ло дать что-нибу́дь изъ своего́ ко́рма журавлю́. Та́ же жа́дность явля́ется осно́вою его́ дѣ́йствій и въ ба́снѣ:

VIII. Волкъ и ягнёнокъ.

Ягнё|нокъ въ жа́р|кій де́нь| зашёлъ| къ ручью́| напи́ть|ся.

Ягнёнокъ въ жаркій день зашёлъ
къ ручью напиться;
И надобно жъ бѣдѣ случиться[8],
Что около тѣхъ мѣстъ голодный рыскалъ[9] волкъ.
Ягнёнка видитъ онъ, на добычу[10] стремится;
Но, дѣлу дать хотя[11] законный видъ и толкъ.
Кричитъ: „Какъ смѣешь ты, наглецъ[12], нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питьё
Моё
Съ пескомъ и съ иломъ[13]?
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву!“
— Когда свѣтлѣйшій[14] волкъ позволитъ,

---

[1]Ненасы́тны, па́дки на пи́щу. [2]Когда́ ѣстъ. [3]Пришло́сь. [4]Умере́ть. [5]Како́й-ли́бо награ́ды. [6]Хи́трый и злой. [7]А э́то ра́звѣ ничего́ не зна́читъ? А э́то ра́звѣ не доста́точная награ́да?—[8]И какъ бу́дто наро́чно должна́ была́ случи́ться така́я бѣда́. [9]Бѣ́галъ, броса́ясь въ ра́зныя сто́роны; шата́лся. [10]Обыкн.: добы́чу. [11]Жела́я. [12]Де́рзкій, паха́льный. [13]Гли́нистый, вя́зкій оса́докъ въ водѣ́. [14]Ти́тулъ князе́й. Ягнёнокъ называ́етъ такъ во́лка, какъ си́льнаго звѣ́ря.

Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью,
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему никакъ я не могу.
„Поэтому я лгу?
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты ещё въ запрошломъ[1] лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ;
Я этого, пріятель, не забылъ!“
—Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,
Ягнёнокъ говоритъ. „Такъ это былъ твой братъ“.
— Нѣтъ братьевъ у меня. „Такъ это кумъ иль сватъ?
И, словомъ, кто-нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите
И, если можете, то мнѣ всегда вредите:
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь[3] грѣхи“.
— Ахъ, я чѣмъ виноватъ? „Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ[5]!
Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется мнѣ кушать“.
Сказалъ и въ темный лѣсъ ягнёнка поволокъ.

Жа́дность во́лка, приводя́щая его́ къ попра́нію чужи́хъ правъ, ста́витъ, коне́чно, всѣхъ во враждебныя отноше́нія къ нему́, какъ то и ви́дно изъ ба́сни:

IX. Волкъ и котъ.

Волкъ и́зъ| лѣсу́| въ дере́в|ню за́|бѣжа́лъ,|

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ,
Не въ гости, по животъ[6] спасая;
За шкуру[7] онъ свою дрожалъ:
Охотники за нимъ гнались и гончихъ[8] стая.
Онъ радъ бы въ первыя тутъ шмыгнуть[9] ворота,
Да то лишь горе,
Что всѣ ворота на запорѣ[10].
Вотъ видитъ волкъ мой на заборѣ
Кота
И молитъ[11]: „Васенька[12], мой другъ!
скажи скорѣе,
Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе?

---

[1]Предпослѣднемъ, тре́тьемъ, счита́я наза́дъ отъ да́ннаго лѣ́та. [2]Кумъ—сбб.: состоя́щій въ духо́вномъ родствѣ́ съ други́мъ лицо́мъ, вмѣ́стѣ съ кото́рымъ былъ воспріе́мникомъ при крещеніи младе́нца, а та́кже съ роди́телями его́; здѣсь: прія́тель. Сватъ—кто идётъ сва́тать невѣ́сту по поруче́нію жениха́ или́ его́ роди́телей; роди́тели жениха́ и невѣ́сты и ихъ ро́дственники та́кже называ́ютъ другъ дру́га сва́тами. [3]Раздѣ́лаюсь, разсчита́юсь. [4]Свобо́дное вре́мя. [5]Соб.: дѣтёнышъ соба́ки; здѣсь употреблено́ какъ руга́тельное сло́во.—[6]Стр., жизнь. [7]За жизнь. [8]Го́нчая (т.-е. соба́ка)—осо́бая поро́да соба́къ, служа́щая для пресл-ѣдованія звѣ́ря во вре́мя охо́ты. [9]Убѣжа́ть незамѣ́тно. [10]Подраз.: находи́лись, бы́ли на запо́рѣ—бы́ли за́перты. [11]Про́ситъ. [12]Назва́ніе кота́, какъ Ми́шка—медвѣ́дь, Хавро́нья—свинья́.

Чтобы укрыть меня отъ злыхъ
моихъ враговъ?
Ты слышишь лай собакъ и страш-
ный звукъ роговъ[1]?
Всё это вѣдь за мной".—Проси
скорѣй Степана:
Мужикъ предобрый[2] онъ, котъ-
Васька говоритъ.
„То такъ, да у него я ободралъ[3]
барана".
—Ну, попытайся жъ у Демьяна.
„Боюсь, что на меня и онъ сердитъ:
Я у него унёсъ козлёнка".
—Бѣги жъ, вонъ тамъ живётъ
Трофимъ.
„Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и
встрѣтиться я съ нимъ:
Онъ на меня съ весны грозится за
ягнёнка!"
—Ну, плохо жъ! Но авось[4], тебя
укроетъ Климъ?
„Охъ, Вася, у него зарѣзалъ[5] я
телёнка!"
—Что[6] вижу, кумъ, ты всѣмъ въ
деревнѣ насолилъ[7]!
Сказалъ тутъ Васька волку:
Какую жъ ты себѣ защиту здѣсь
сулилъ[8]?
Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не
столько мало толку,
Чтобъ на свою бѣду тебя спасли
они.
И правы: самъ себя вини:
Что ты посѣялъ, то и жни[9]!

Благодаря́ свои́мъ ка́чествамъ, во́лки по́льзуются таки́мъ недове́ріемъ, что съ ни́ми „и́наче не де́лаютъ мирово́й, какъ сня́вши шку́ру съ нихъ долго́й",—что ви́дно изъ ба́сни:

X. Волкъ на псарнѣ.

Въ нача́лѣ XIX вѣка францу́зскій импера́торъ Наполео́нъ I, возвы́сившійся до импера́торскаго ти́тула изъ просты́хъ офице́ровъ, соверши́лъ цѣ́лый рядъ завоева́ній и подчини́лъ свое́й вла́сти бо́льшую часть европе́йскихъ госуда́рствъ, въ томъ числѣ́ и Герма́нію. Но похо́дъ его́ на Россі́ю (1812 году́) око́нчился по́лною неуда́чею. Хотя́ Наполео́нъ и взялъ Москву́, но ру́сскіе зи́мніе холода́, недоста́токъ прові́анта и постоя́нныя пораже́нія, кото́рыя ему́ пришло́сь терпѣ́ть отъ ру́сскихъ полково́дцевъ, заста́вили его́ бѣжа́ть съ оста́тками свое́й а́рміи изъ Россіи. Перейдя́ рѣку́ Бере́зину, онъ поскака́лъ во Фра́нцію, что́бы собра́ть свѣ́жія войска́. Но войска́ эти ему́ пришло́сь два́жды уже́ про́тивъ Герма́ніи, кото́рая, воспо́льзовавшись неуда́чею его́ въ Россіи, возста́ла про́тивъ него́. Вско́рѣ на по́мощь Герма́ніи пришли́ ру́сскія и австрі́йскія войска́, и Наполео́нъ потерпѣ́лъ цѣ́лый рядъ пораже́ній, такъ что вы́нужденъ былъ отступи́ть во Фра́нцію. Сою́зники по его́ пята́мъ два́жды устремились туда́ же и вошли́ въ Пари́жъ. Наполео́нъ лише́нъ былъ сою́зниками престо́ла и со́сланъ на о́стровъ Эльбу (въ Средизе́мномъ мо́рѣ). Но спустя́ нѣ́которое вре́мя онъ внеза́пно оста́вилъ мѣ́сто ссы́лки и съ нѣ́сколькими со́тнями свое́й ста́рой гва́рдіи сно́ва яви́лся во Фра́нціи. Высланныя про́тивъ него́ францу́зскія войска́, горячо́ люби́вшія и чуть не боготвори́вшія сво-

[1]Охо́тничьихъ. [2]Очень до́брый. [3]Со́б.: снялъ съ бара́на шку́ру; растерза́лъ. [4]Мо́жетъ-быть. [5]Растерза́лъ. [6]Какъ. [7]Причини́лъ вредъ. [8]Со́б.: обѣща́лъ себѣ́; ожида́лъ, наде́ялся. [9]Наро́дная послó́вица: по́льзуйся плода́ми, результа́тами того́, что ты сдѣ́лалъ.

его́ ста́раго предводи́теля за гро́мкія побѣ́ды, встрѣ́тили его́ съ восто́ргомъ и перенли́ на его́ сто́рону. Наполео́нъ вступи́лъ съ ни́ми въ Пари́жъ, све́ргнулъ съ престо́ла короля́ Людо́вика XVIII, поса́женнаго на францу́зскій престо́лъ европе́йскими держа́вами, и спо́ва воцари́лся. Но ца́рствованіе его́ продолжа́лось недо́лго. Въ возни́кшей вслѣ́дствіе его́ возвраще́нія но́вой войнѣ́ ме́жду францу́зами и европе́йскими держа́вами Наполео́нъ былъ побѣ́жденъ, и на э́тотъ разъ со́сланъ уже́ на о́стровъ св. Еле́ны (далёкая, уединённая гру́ппа ска́лъ на Атланти́ческомъ океа́нѣ), гдѣ че́резъ пѣ́сколько лѣ́тъ и у́меръ.

Въ э́той ба́снѣ подъ во́лкомъ разумѣ́ется Наполео́нъ I, а подъ ло́вчимъ – престарѣ́лый уже́ въ то вре́мя полково́децъ Кутузовъ. Наполео́нъ, уви́дя, что его́ въ Россіи преслѣ́дуютъ неуда́чи, на́чалъ перегово́ры о ми́рѣ, но ру́сскіе отказа́лись приня́ть усло́вія ми́ра, предло́женныя Наполео́номъ, и продолжа́ли войну́.

Волкъ но́|чью, ду́|мая| залѣ́зть| въ овча́р|ню,

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню[1],
Попалъ на псарню[2].
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣраго такъ близко забіяку[3],
Псы залились[4] въ хлѣвахъ и рвутся вонъ въ драку,
Псари[5] кричатъ: „Ахти, ребята, воръ[6]!“
И вмигъ ворота на запоръ[7].
Въ минуту псарня стала адомъ[8].
Бѣгутъ: иной съ дубьёмъ,
Иной съ ружьёмъ.
„Огня!“ кричатъ: „огня!“ Пришли съ огнёмъ.
Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголъ задомъ.
Зубами щёлкая и ощетиня[9] шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть[10].
Но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ[11]
И что приходитъ[12], наконецъ,
Ему расчесться за овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры
И началъ такъ: „Друзья, къ чему весь этотъ шумъ?
Я, вашъ старинный сватъ и кумъ,
Пришёлъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры.
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ[13]!
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,

[1]Хлѣ́въ или́ дворъ, или́ то и друго́е вмѣ́стѣ, гдѣ́ ночу́ютъ и зиму́ютъ о́вцы. [2]Хлѣ́въ или́ дворъ, или́ то и дру́гое вмѣ́стѣ, гдѣ́ содер́жатся соба́ки (обыкн. охо́тничьи). [3]Драчуна́. [4]Залили́сь ла́емъ, зала́яли. [5]Служи́тель, сто́рожъ, присма́тривающій за соба́ками (обыкн. охо́тничьими). [6]Волкъ на́званъ во́ромъ потому́, что похища́етъ ове́цъ. [7]Подраз. взя́ли. [8]Адъ—въ перено́сномъ смы́слѣ=мѣ́сто, гдѣ́ происхо́дитъ безпоря́докъ, кутерьма́, суматоха. [9]Подня́въ шерсть на подо́біе того́, какъ торчи́тъ щети́на на хребтѣ́ свиной. Живо́тныя ощети́ниваютъ шерсть въ стра́хѣ или́ въ гнѣ́вѣ. [10]Въ глаза́хъ его́ выража́лся тако́й гнѣ́въ, какъ бу́дто бы онъ гото́въ былъ всѣхъ съѣсть. [11]Подраз.: онъ нахо́дится. [12]Вм. приходится. [13]Установимъ миръ, согла́сіе.

Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я..."—Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій[1] перервалъ въ отвѣтъ:
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ[2],
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ волками иначе не дѣлать мировой[3],
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой.
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю.

Однáко же волкъ не сознаётъ илú притворя́ется, что не сознаётъ, отку́да э́та всеоби́щая вражда́ къ нему́,—какъ то ви́дно изъ ба́сни:

XI. Волкъ и куку́шка

„Проща́й,| сосѣ́д|ка!" во́лкъ| куку́ш|кѣ го́|вори́лъ:|

„Прощай, сосѣдка!" волкъ кукушкѣ говорилъ:
„Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ.
Всё тѣ жъ у васъ и люди и собаки[4]:
Одинъ другого злѣй; и хоть ты ангелъ будь,
Такъ не минуешь[5] съ ними драки."
—А далеко ль сосѣду путь?
И гдѣ такой народъ благочестивый,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу[6]?
„О, я прямёхонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой[7].
Сосѣдка, то-то сторона[8]!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война:
Какъ агнцы[9], кротки человѣки[10],
И молокомъ текутъ тамъ рѣки[11].
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ.
Не только не кусаютъ.
Скажи жъ сама, голубка, мнѣ,
Не мило ль даже и во снѣ
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости! не поминай насъ лихомъ[12]!
Ужъ то-то тамъ мы заживёмъ
Въ ладу[13], въ довольствѣ, въ нѣгѣ[14].
Не такъ, какъ здѣсь: ходи съ оглядкой[15] днемъ.

---

[1]Гла́вный псарь, завѣ́дующій поря́дкомъ псо́вой охо́ты. [2]Старъ, а потому́ о́пытенъ. [3]Мирово́й сдѣ́лки, догово́ра о ми́рѣ.—[4]Изъ э́тихъ словъ ви́дно, что волкъ успѣ́лъ ра́ньше побыва́ть въ ра́зныхъ краяхъ, нигдѣ́ не уживаясь. [5]Не избѣжи́шь. [6]Въ согла́сіи, въ ми́рѣ. [7]Область въ дре́вней Гре́ціи; о́бласть э́та слыла́, благодаря́ плодоро́дію по́чвы и ми́рному хара́ктеру ея́ обита́телей, счастли́вой, теку́щею молоко́мъ и мёдомъ. [8]Вотъ сторона́! [9]Ягня́та. [10]Обыкн.: лю́ди. [11]Страна́ изоби́лія [12]Обыкнове́нное привѣ́тствіе при проща́ніи; ины́ми слова́ми: е́сли что замѣ́тили во мнѣ́ дурно́го или́ е́сли я что-нибу́дь сдѣ́лалъ тебѣ́ дурно́е, не поминай; прости́ мнѣ́ всё́ дурно́е. [13]Въ согла́сіи. [14]Нѣ́га—наслажде́ніе поко́емъ. [15]Сбб.: огля́дываясь наза́дъ, по сторона́мъ; съ опа́сностью, съ осторо́жностью

И не засни спокойно на почлегѣ".
—Счастливый путь, сосѣдъ мой дорогой!
Кукушка говоритъ: а свой ты нравъ[1] и зубы
Здѣсь кипешь иль возьмёшь съ собой?
„Ужъ кипуть[2]: вздоръ какой[3]!"
—Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы!
—
Чѣмъ правомъ кто дуришѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни оберпётся;
А первый самъ ни съ кѣмъ не уживётся.

XII. Волкъ и пастухи.

Волкъ, блúз|ко óб|ходя| пасту́|щій двóръ

Волкъ, близко обходя пастущій дворъ
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно пастухи барашка потрошатъ[5],
А псы смирнёхонько лежатъ,
Самъ молвилъ[6] про себя, прочь уходя въ досадѣ:
„Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!"

Г. Бáсни о медвéдѣ.

Если о вóлкѣ мы имѣемъ представлéніе какъ о живóтномъ жáдномъ, то съ понятіемъ о медвéдѣ мы соединяемъ понятіе о неуклюжести, нелóвкости. Съ такóю чертóю онъ является въ бáснѣ:

XIII. Пусты́нникъ и медвéдь.

Хотя́| услу́|га на́мъ| при ну́|ждѣ до́рога́,|

Хотя услуга намъ принуждѣ дорога,
Но заняё не всякъ умѣетъ взяться.
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться[7].
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.
—
1. Жилъ нѣкто, человѣкъ безродный[8], одинокій.
Вдали отъ города, въ глуши[9].
Про жизнь пустынную[10] какъ сладко ни пиши[11],
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно[12] намъ и грусть и радость раздѣлить.
Такъ и пустыннику тому

---

[1]Характеръ, отличи́тельныя свóйства. [2]Какъ ки́нуть! Неужéли мóжно ки́нуть! [3]Какáя глýпость! [4]Безъ шкýры; придётся тебѣ поги́бнуть.—[5]Вынима́ютъ внýтренности бара́шка. [6]Сказа́лъ.—[7]Завяза́ть какія-ли́бо отношéнія. [8]Не имѣвшій родны́хъ. [9]Въ глухóмъ, пусты́нномъ мѣстѣ. [10]Про жизнь въ пусты́нѣ. Здѣсь слóво пусты́ня—не въ смы́слѣ мѣстности, лишённой расти́тельности, а въ смы́слѣ уединённаго мѣста, гдѣ нѣтъ людéй. [11]Какъ сла́дко ни опи́сывай... въ какóмъ привлека́тельномъ ви́дѣ ни изобража́й... [12]Прія́тно.

Соскучилось быть вѣчно одному.
Идётъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей[1],
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть[2],
Кромѣ[3] волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ:
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ—поклонъ[4].
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово[5], знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чёмъ у нихъ и что[6] бывало разговору
Иль присказокъ[7], иль шуточекъ какихъ
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ неговорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ[8],
Такъ изъ избы не вынесено сору[9].
Но, какъ бы ни было, пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ[10].
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится[11],
И Мишенькой не можетъ нахвалиться.

2. Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ[12]
И по доламъ[13] и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ
И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный[14],
Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли[15] хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу[16]“.
Пустынникъ былъ сговорчивъ[17]:
лёгъ, зѣвнулъ
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ[18]; да онъ и не безъ дѣла
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу[19],

---

[1]Сóб.: постучáться у сосѣдей; пойти́ къ сосѣдямъ. [2]Найти́. [3]Обыкн. крóмѣ. [4]Подр.: дѣлаетъ. [5]Мáло-по-мáлу въ разговóрѣ. [6]Здѣсь въ смы́слѣ: скóлько, какъ мнóго. Подóбные примѣ́ры: что шу́му, что бра́ни бы́ло! Бѣги́, что си́лы есть! [7]Прибау́токъ, поговóрокъ. [8]Отъ рожде́нія, по са́мой приро́дѣ молчали́въ. [9]Никому́ на сторонѣ́ ни тотъ ни другóй не говори́ли, о чёмъ и какъ у нихъ шла бесѣ́да. [10]Сóб.: де́ньги, поло́женныя въ зе́млю, зары́тыя (для безопа́сности отъ воро́въ); неожи́данное бога́тство; вообще́ что-ли́бо вы́годное, прія́тное и въ то же вре́мя неожи́данное. Пусты́нникъ былъ о́чень радъ, что нашёлъ тако́го прекра́снаго дру́га. [11]Скýчно, грýстно, тóшно (въ перенóсномъ смы́слѣ). [12]Лугъ—равни́на, покры́тая травóю, па́стбище. [13]Долъ—доли́на. [14]Разу́мный, хоро́шій. [15]Если. [16]На досу́гѣ, въ свобóдное вре́мя. [17]Не люби́лъ возража́ть, спо́рить. [18]На стра́жѣ, на карау́лѣ. [19]Съ ка́ждымъ ча́сомъ, съ ка́ждой мину́той.

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый[1] булыжникъ[2] въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки[3], не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя, вструху[4]!“
И, у друга на лбу подкараулявъ муху,
Что силы есть[5] — хвать[6] друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался[7].
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.

При такóй „лóвкости“ медвѣдя, онъ, понятно, дóлженъ быть смѣлóнъ всякій разъ, какъ вздýмаетъ приняться за ремеслó, трéбующее осторóжности, разсчи́танности движéній.

XIV. Трудолюби́вый медвѣдь.

Увѝдя, что́ мужи́къ,| трудя́|ся на́дъ| дуга́|ми,

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами[8],
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ[9]
(А дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошёлъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу[10].
Орѣшника[11], берёзника[12] и вязу[13]
Мой Мишка погубилъ несмѣтное число[14],
А не даётся ремесло[15].
Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говоритъ: „Сосѣдъ, что за причина эта[16]?
Деревья таки[17] я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чёмъ есть тутъ главное умѣнье?“
—Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ,
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ.
Въ терпѣньѣ.

Лóвокъ медвѣдь тóлько въ одномъ—ворова́ть мёдъ, до котóраго онъ па́докъ и отъ пристра́стія къ котóрому онъ получи́лъ да́же своё назва́ніе. Эта черта́ видна́ изъ ба́сни:

---

[1]Тяжёлый. [2]Твёрдый ка́мень, употребля́емый обыкнов. для мощенія у́лицъ. [3]Ко́рточки, жён. р., то́лько во мно́ж. ч., поджа́тыя но́ги и колѣни, при чёмъ ступни́ упира́ются въ зе́млю. [4]Вострýха, сущ., прилага́ется къ сущ. жён. ро́да вм. прилаг. жива́я, подви́жная; непосѣда, егоза́. [5]Ско́лько си́лы есть. [6]Вм. хвати́лъ, для обозначе́нія быстроты́ дѣйствія. [7]Распа́лся, развали́лся.—[8]Дуга́—деревя́нный изги́бъ, ме́жду огло́блями, надъ ше́ей ло́шади. [9]Съ при́былью, съ барыше́мъ продаётъ. [10]Продѣлку, ша́лость, дура́чество. [11]Орѣховаго хво́росту. [12]Берёзоваго хво́росту. [13]Осо́бая поро́да де́рева; идётъ бо́льшею ча́стью на о́бручи, обо́дья и ду́ги, такъ какъ отлича́ется ги́бкостью (отсю́да, вѣроя́тно, и назва́ніе его́—вяза́ть, вя́зкій). [14]Кото́рое нельзя́ смѣтить, сосчита́ть; безчи́сленное коли́чество. [15]Заня́тіе не идётъ на ладъ. [16]Эта вм. э́то, для созву́чія на концѣ́ стиха́. Что э́то за причи́на? Кака́я причи́на э́тому? [17]Обыкн.: таки́; всё-таки, при всёмъ томъ, несмотря́ на то.

XV. Медвѣдь у пчелъ.

Во врéмя Крылóва на Русú весьмá развúты бы́ли средú служáщихъ лицъ, непрáвильные побóры, взя́точничество и вся́каго рóда злоупотребле́нія. Прóтивъ э́тихъ золъ рýсскимъ правúтельствомъ принимáемы бы́ли строгія мѣ́ры: нѣ́сколько разъ издава́лись укáзы, подтверждáвшіе закóнъ „о невзимáніи незакóнныхъ побóровъ“; предпúсывалось усúлить наказáнія лицъ, уличённыхъ въ злоупотребле́ніяхъ по слýжбѣ, не принимáть на слýжбу лицъ сомни́тельной нрáвственности и прóч. Однáко же, чáсто, безъ вѣ́дома правúтельства, благодаря́ снисходúтельности ближáйшихъ начáльниковъ, на слýжбу принимáлись завѣ́домые плуты́; изобличённыя же въ дéнежныхъ злоупотребле́ніяхъ лица чáсто накáзывались тóлько отстáвкой, безъ возвраще́нія взя́таго и́ми, а иногдá дáже снóва принимáлись на слýжбу. Вполнѣ́ сочýвствуя мѣ́рамъ правúтельства, К-óвъ осмѣ́иваетъ въ э́той бáснѣ неумѣ́лый вы́боръ начáльниками подчинённыхъ и ихъ потвóрство служáщимъ ли́цамъ, изобличённымъ въ злоупотребле́ніяхъ.

Когдá|-то, о́| веснѣ́, |звѣря́|ми

Когда-то о веснѣ[1], звѣрями
Въ надсмотрщики медвѣдь былъ
выбранъ надъ ульями.
Хоть можно бъ выбрать тутъ другого повѣ́рпѣй[2],
Затѣмъ что[3] къ мёду Мишка падокъ[4],
Такъ не было бъ оглядокъ[5],
Да спрашивай ты толку у звѣре́й[6]!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ.
И, какъ на смѣхъ,
Тутъ Мишка очутился
Анъ[7] вышелъ грѣхъ.
Мой Мишка потаскалъ весь мёдъ
въ свою берлогу[8]
Узнали, подняли тревогу,
По формѣ нарядили судъ,
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ
старый плутъ.
Рѣшили[9], справили[10], скрѣпили[11].
Но мёду всё не воротили
А Мишенька и ухомъ не ведётъ[12].
Со свѣтомъ[13] Мишка распрощался,

---

[1]Веснóю. Предлóгъ *о* съ предлóжнымъ падежóмъ иногдá употребля́ется для обозначе́нія врéмени, напр.: о Рождествѣ—во врéмя Рождествá. [2]Понадёжнѣе, почестнѣе. [3]Потомý что. Жáденъ до мёду, лю́битъ мёдъ. [5]Огля́дка (отъ огля́дываться по сторонáмъ, назáдъ, для осторóжности)—опáсность, опасе́ніе, сомнѣ́ніе [6]Да рáзвѣ мóжно спрáшивать тóлку у звѣре́й? [7]Но. [8]Нѣм. Bär медвѣ́дь и Lager лóже, лóговище; лóговище медвѣ́дя (подъ колóдой, слóманными бýрею дере́вьями, въ я́мѣ, пеще́рѣ и проч.) [9]Суде́бное дѣ́ло. [10]Справля́ть, спрáвить—въ старúн. судѣ—по́дписью руча́ться за вѣ́рность, тóчность того́, что спúсано, съ по́длинникомъ. (Суде́бный приговóръ пúшется въ нѣ́сколькихъ экземпля́рахъ). [11]Скрѣпля́ть, — и́ть — по́дписью руча́ться вообще́ за вѣ́рность изло́женнаго въ бумáгѣ, бу́детъ ли то по́длинникъ илú ко́пія [12]Не обращáетъ никако́го внимáнія. [13]Съ óбществомъ, здѣсь—съ óбществомъ звѣре́й.

Въ берлогу тёплую забрался
И лапу съ мёдомъ тамъ сосётъ
Да у моря погоды ждётъ[1].

Д. Басни объ обезьянѣ.

О медвѣдѣ мы имѣемъ представленіе какъ о животномъ крайне неловкомъ; обезьяна же, по общему представленію о ней, перенимчива, склонна подражать во всёмъ людямъ, не понимая сущности того, чему она подражаетъ: этою чертою объясняются отчасти ея дѣйствія въ басняхъ:

XVI. Мартышка и очки.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не такъ большой руки[2],
Липнь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины[3] себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю[4] ихъ прижмётъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ,—
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тфу пропасть![5]“ говоритъ она:
„И тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ враковъ[6]“.
Всё про очки лишь мнѣ налгали,
А проку[7] на волосъ[8] нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги[9] засверкали.
Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про неё свой толкъ все къ худу клонитъ[10];
А ежели невѣжда познатнѣй,
Такъ онъ её ещё и гонитъ.

XVII. Обезьяны.

Когда перенимать[11] съ умомъ,
Тогда не чудо[12]
И пользу отъ того сыскать[13].
А безъ ума перенимать
И[14], Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,

---

[1] Ждетъ перемѣны обстоятельствъ къ лучшему; ждётъ, что обстоятельства перемѣнятся и онъ снова займётъ какую-нибудь доходную должность.—[2]Это зло ещё не очень велико. [3]Около шести (паръ). [4]Темя—дат. обыкн.: темени—верхушка головы. [5]Междометіе, выражающее негодованіе. [6]Врака—ложь [7]Прокъ—польза. [8]Нисколько. [9]Сбб., происходятъ отъ воды; здѣсь—осколки стекла и металла. [10]Толкъ—мнѣніе; толкъ всё клонитъ къ худу—всегда склоненъ высказать мнѣніе не въ пользу. [11]Заимствовать. [12]Не удивительно; можно. [13]Найти [14] Здѣсь не союзъ, а междометіе. И—какъ худо — очень, весьма ху

Какъ жадно всё онѣ перенимаютъ.
Такъ, въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая[1] цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тутъ тихо толкъ[2] подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
„Смотрите-ка на удальца[3];
Затѣямъ[4] у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнётся,
То развернётся,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберётся,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.
Ужъ мы ль на всё не мастерицы,
А этого у насъ искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось, уйдётъ, тогда мы тотчасъ...“
Глядь,
Онъ, подлинно[5], ушёлъ и сѣти имъ оставилъ.
„Что жъ“, говорятъ онѣ, „и время намъ терять?
Пойдёмъ-ка попытаться!“
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество[6] сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься;
И кутаться и завиваться;
Кричать, визжать; веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерёгъ
И, видя, что пора, идётъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ—чтобъ на утёкъ[7],
Да ужъ никто распутаться не могъ,
И всѣхъ ихъ побрали руками

XVIII. Обезьяна.

Какъ хо|чешь ты,| трудись|;

Какъ хочешь ты, трудись;
Но пріобрѣсть не льстись[8]
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ[9] съ сохой
Надъ полосой своей трудился:
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ[10] потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой[11].
Зато, кто мимо ни проходитъ,

[1]Ста́до. [2]Междомётіе вм. глагола: толка́етъ. [3]Молодца́, ло́вкаго челове́ка. [4]Затѣя—со́б.: предпріятіе, намѣреніе; здѣсь—продѣлка. [5]Дѣйствительно. [6]Очень мно́го. [7]Ска́зано кра́тко вм.: онѣ жела́ли, что́бы пусти́ться, бро́ситься на утёкъ; бро́ситься бѣжа́ть.—[8]Не льсти́ себя́ наде́ждой, не надѣйся. [9]Заря́, со́б.: кра́сный цвѣтъ не́ба при восхо́дѣ и захо́дѣ со́лнца. На зарѣ—о́чень ра́но. [10]Въ большо́мъ коли́чествѣ и кру́пными ка́плями. [11] Настоя́щій, хоро́шій.

Отъ всѣхъ ему—спасибо, исполать[1].
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ[2], и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ[3].
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ
То поволочитъ, то покатитъ.
Рѣкой съ бѣдняжки льётся потъ.
И, наконецъ, она, пыхтя, насилу дышитъ;
А всё ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ
И не диковинка[4], мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Обезья́ны отлича́ются, кро́мѣ переи́мчивости, ещё одно́ю черто́ю, не столь общеизвѣ́стною. Они́ кра́йне злы, ча́сто безъ причи́ны, въ осо́бенности въ ста́рости. Поня́тно поэ́тому, почему́ Крыло́въ изобража́етъ въ сле́дующей ба́снѣ люде́й, скло́нныхъ зло перссу́живать свои́хъ бли́жнихъ, подъ ви́домъ обезья́ны.

XIX. Зе́ркало и обезья́на.

Марты́ш|ка, въ зе́р|калѣ| уви́|дя о́б|разъ сво́й,

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ[5] свой,
Тихохонько[6] медвѣдя толкъ[7] ногой;
„Смотри-ка“, говоритъ, „кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки[8] и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на неё хоть чуть была похожа.
А, вѣдь признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ[9] пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.
— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться[10],
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться[11]?
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.
Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ[12].
Я даже видѣлъ то вчера:

---

[1]Гр., на мно́гія ле́та; хвала́! сла́ва! ай да молодецъ! спаси́бо! [2]Деревя́нный обру́бокъ, бревно́. [3]Очень мно́го. [4]И не удиви́тельно.—[5]Лицо́, вне́шность, фигу́ру. [6]Очень ти́хо. [7]Вм. толкну́ла, для обозначе́нія быстроты́ дѣ́йствія. [8]Ужи́мка—стра́нное тѣлодвиже́ніе, стра́нная мане́ра держа́ть себя́. [9]Кривля́ка—а) тотъ или́ та, кто кривля́ется; б) безобра́зный,—ая, уро́дъ. [10]Вме́сто того́, что́бы труди́ться счита́ть ку́мушекъ (въ смы́слѣ: знако́мыхъ вообще́). [11]Посмотрѣ́ть на самоё себя́. [12]Сати́ра, лат. satur—по́лный, напо́лненный; произведе́ніе, въ кото́ромъ осмѣ́иваются недоста́тки люде́й, имѣющіе вре́дное значе́ніе для о́бщества; схо́дна по существу́ съ ба́сней, то́лько въ ба́снѣ мысль выража́ется въ иносказа́тельной фо́рмѣ, а въ сати́рѣ—въ прямо́й.

Что Климычъ на руку нечистъ[1],
всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ[2],
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Е. Басни о лисѣ.

Какъ въ народныхъ сказкахъ, такъ и въ басняхъ Крылова, лиса является дѣйствующимъ лицомъ чаще другихъ животныхъ. Такъ же, какъ и въ народныхъ сказкахъ, она является здѣсь съ одною и тою же основною чертою—хитростью. Благодаря этому качеству, она ловко справляетъ отъ себя своего кума волка всякій разъ, какъ онъ вздумаетъ обратиться къ ней за съѣстнымъ,—какъ то и видно изъ басни.

XX. Волкъ и лисица.

Охот|но мы| даримъ,|

Охотно мы даримъ,
Что намъ не надобно самимъ.
Мы это баснею пояснимъ,
Затѣмъ, что истина сноснѣе вполоткрыта.

Лиса, курятинки[3] накушавшись досыта
И добрый ворошокъ[4] припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, а въ гости къ ней голодный волкъ тащится.
„Что, кумушка, бѣды!“ онъ говоритъ:
„Ни косточкой не могъ нигдѣ я поживиться;
Меня такъ голодъ и моритъ[5];
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло[6] хоть удавиться!“
—Неужли? „Право, такъ“.—Бѣдняжка куманёкъ[7]!
Да не изволишь ли[8] сѣнца? Вотъ цѣлый стогъ.
Я куму услужить готова.
А куму не сѣнца хотѣлось бы,—мясного.
Да про запасъ лиса ни слова[9].
И сѣрый рыцарь[10] мой,
Обласкавъ по уши кумой[11],
Пошёлъ безъ ужина домой.

[1]Но у другихъ выманить кормъ лиса—большая мастерица, какъ то видно изъ басни:

---

[1]Крадетъ, воруетъ. [2]Читаютъ въ книгѣ вслухъ передъ нимъ, намекая тѣмъ, что сказанное въ книгѣ и къ нему относится.—[3]Курятинка, уменьш. отъ курятина, куриное мясо. [4]Уменьш. отъ ворохъ, куча, горка чего-либо. [5]Изпуряетъ, обезсиливаетъ. [6]Пришло время; пришла пора, необходимость. [7]Уменьш. отъ кумъ. [8]Не желаешь ли. [9]Подр.: не говоритъ. [10]Нѣм. Ritter—всадникъ; конный воинъ—въ старину (въ Европѣ), изъ благороднаго, высшаго сословія. Здѣсь волкъ названъ рыцаремъ, какъ отличающійся воинственностью, въ смыслѣ забіяки. (См. басню: „Волкъ на псарнѣ“). [11]Очень, весьма обласканный, принятый кумою весьма ласково

XXI. Воро́на и́ лиси́ца.

Ужъ ско́ль|ко ра́зъ| твердй|ли мі|ру,

Ужъ сколько разъ твердили міру[1],
Что лесть гнусна[2], вредна; по
только все не въ прокъ[3],
И въ сердцѣ льстецъ всегда оты-
щетъ уголокъ[4].

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусо-
чёкъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь[4],
Позавтракать было совсѣмъ ужъ
собралась,
Да позадумалась; а сыръ во рту
держала.
На ту бѣду лиса близёхонько бѣ-
жала;
Вдругъ сырный духъ[7] лису оста-
новилъ:
Лисица видитъ сыръ, лисицу сыръ
плѣнилъ[8].
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ
подходитъ;
Вертитъ хвостомъ, съ вороны глазъ
не сводитъ

И говоритъ такъ сладко[10], чуть
дыша[11]:
„Голубушка, какъ хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки[12]!
Разсказывать — такъ, право,
сказки[13]!
Какія пёрышки! какой носокъ!
И, вѣрно, ангельскій[14] быть дол-
женъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ[15], не стыдись! Что,
ежели[16], сестрица!
При красотѣ такой и пѣть ты ма-
стерица?
Вѣдь ты бъ у насъ была царь-
птица!“
Вѣщуньина[17] съ похвалъ вскру-
жилась голова[18],
Отъ радости въ зобу[19] дыханье
сперло,
И на привѣтливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье
горло:
Сыръ выпалъ, съ нимъ была плу-
товка такова[20]

Бу́дучи плуто́вкой и не бре́згая никаки́ми средствами для достиже́-

---

[1]Говори́ли, насто́йчиво ука́зывали міру, т.-е. све́ту, ро́ду челове́ческому. [2]Низка́, позо́рна, безнра́вственна. [3]Не въ по́льзу. [4]Льстецъ всегда́ въ конце́ концо́въ найдётъ расположе́ніе къ себѣ́ въ томъ, кому́ онъ льститъ. [5]Взобра́вшись. [6]Очень бли́зко. [7]За́пахъ. [8]Очарова́лъ; за́пахъ сы́ра о́чень понра́вился лиси́цѣ. [9]Цы́пки, цы́почки—ножны́е па́льцы, ко́нчики ножны́хъ па́льцевъ. На цы́почкахъ=тихо́нько. [10]Съ прія́тностью въ го́лосѣ, нѣ́жно. [11]Притворя́ясь, бу́дто задыха́ется отъ восто́рга. [12]Кака́я ше́йка, какіе гла́зки! [13]Если бы я ста́ла кому́-нибу́дь разска́зывать о твое́й красотѣ́, то не повѣ́рили бы, поду́мали бы, что я разска́зываю ска́зку; у тебя́ ска́зочная, удиви́тельная красота́. [14]Въ вы́сшей сте́пени прія́тный. [15]Ми́лая, дорога́я. [16]Если. [17]Прилаг. притяж. отъ сущ. вѣщу́нья. Вѣщу́нья—зна́ющая, предвѣща́ющая бу́дущее. Воро́на на́звана вѣщу́ньей, потому́ что, по суевѣ́рному представле́нію наро́да, ка́рканьемъ свои́мъ предвѣща́етъ что-нибу́дь дурно́е[18]. Воро́на пришла́ въ восто́ргъ отъ похва́лъ. [19]Зобъ (у птицъ)—ни́жняя часть пищево́го го́рла, родъ мѣшо́чка, гдѣ пи́ща разбуха́етъ до поступле́нія въ желу́докъ. [20]Упла́; былъ тако́въ—ушёлъ.

нія своихъ цѣлей, лисица въ то же время притворяется честной, для того, конечно, чтобы имѣть больше довѣрія къ себѣ и, при случаѣ, лучше провести тѣхъ, кто питаетъ къ ней довѣріе. Такою притворщицей она является въ баснѣ:

XXII. Лисица и сурокъ[1].

„Куда| такъ, ку|мушка,| бѣжи́шь| ты бе́зъ| огля́д|ки?“

„Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты
безъ оглядки[2]?“
Лисицу спрашивалъ сурокъ.
—Охъ, мой голубчикъ куманекъ!
Терплю напрасницу[3], и выслана
за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ
судьёй,
Утратила въ дѣлахъ здоровье и
покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала,
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
А всё по клеветамъ. Ну, самъ по-
думай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ,
коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я
взбѣшуся![4]
Ну, видывалъ ли ты, я на тебя
пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я
грѣху?[5]
Подумай, вспомни хорошенько.
„Нѣтъ, кумушка; а видывалъ ча-
стенько.
Что рыльце у тебя въ пуху[6]“.

XXIII. Лиса́.

Зимо́й,| ранё|хонько́,| близъ жи́|ла

Зимой, ранёхонько[7], близъ жила[8]
Лиса у проруби пила въ большой
морозъ.
Межъ тѣмъ, оплошность[9] ли, судь-
ба ль (не въ этомъ сила[10]),
Но кончикъ хвостика лисица за-
мочила.
И ко льду онъ примёрзъ.
Бѣда невелика, легко бъ её по-
править:
Рвануться только посильнѣй
И волосковъ хотя десятка два
оставить,
Но до людей
Домой убраться поскорѣй.
Да какъ испортить хвостъ! А хвостъ
такой пушистый,
Раскидистый и золотистый!
Нѣтъ, лучше подождать: вѣдь спитъ
ещё народъ;

---

[1]Звёрёкъ изъ рода грызуновъ; живётъ въ норкахъ; величиною съ кошку, только поплотнѣе. [2]Не оглядываясь, очень быстро. [3]Напрасное обвиненіе, клевету. [4]Брать взятки до такой степени не въ моёмъ характерѣ, что я, можетъ-быть, брала бы ихъ тогда только, если бы взбѣсилась. [5]Чтобы за мной водился такой грѣхъ. [6]Отъ куръ. Лисица брала взятки, конечно, курами, которыя составляютъ ея любимую пищу.—[7]Очень рано. [8]Нар., собр.: жилища; села, деревни. [9]Ошибка. [10]Не въ этомъ суть.

А между тѣмъ, авось, и оттепель придётъ,
Такъ хвостъ отъ проруби оттаетъ.
Вотъ ждётъ-пождётъ, — а хвостъ лишь болѣ примерзаетъ.
Глядитъ — и день свѣтаетъ,
Народъ шевелится, и слышны голоса.
Тутъ бѣдная моя лиса
Туда-сюда метаться[1];
Но ужъ отъ проруби не можетъ оторваться.
По счастью, волкъ бѣжитъ. „Другъ милый! кумъ! отецъ!“
Кричитъ лиса: „спаси! Пришёлъ совсѣмъ конецъ!“
Вотъ кумъ остановился,
И въ спасенье[2] лисы вступился.
Пріёмъ его былъ очень простъ:
Онъ начисто[3] отгрызъ ей хвостъ.
Тутъ безъ хвоста домой моя пустилась дура.
Ужъ рада, что на ней цѣла осталась шкура.

Мнѣ кажется, что смыслъ не тёменъ басни сей:
Щепотки[4] волосковъ лиса не пожалѣй,
Остался бъ хвостъ у ней.

XXIV. Левъ и лисица.

Лиса́,| не ви́дя сро́|ду льва́.|

Лиса, не видя сроду[5] льва,
Съ нимъ встрѣтясь, со страстей[6] осталась чуть жива.
Вотъ нѣсколько спустя, опять ей левъ попался;
Но ужъ не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со львомъ

Иного также мы боимся,
Поколь[7] къ нему не приглядимся.

XXV. Лисица и виноградъ.

Голо́д|ная| кума́| лиса́| залѣ́з|ла въ са́дъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;
Въ нёмъ винограду кисти рдѣлись[8].
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись[9];
А кисти сочныя, какъ яхонты[10], горятъ;
Лишь то бѣда — висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдётъ,
Хоть видитъ око[11],
Да зубъ неймётъ[12].
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говоритъ съ досадою:
„Ну, что жъ?

---

[1]Бросáться. [2]Обыкн.: въ спасéніе. [3]Совершéнно. [4]Щéпоть, щепóточка, сбб.: стóлько, скóлько мóжно захватúть мéжду указáтельнымъ и большúмъ пáльцемъ (ущипнýть); немнóжко. [5]Отроду отъ рождéнія, никогдá. [6]Нар., со стрáху. [7]Нар., до кóихъ поръ. [8]То же, что рдѣли. См. „Указáтель“. [9]Разгорѣлись желáніемъ схватúть кúсти. [10]Ар., óбщее назвáніе двухъ драгоцѣнныхъ камнéй: сапфúра (сúняго) и рубúна крáснаго). [11]Хоть вúдитъ глазъ [12]Да зубáми схватúть нельзя́.

На взглядъ-то онъ хорошъ
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину[1] набьёшь".

XXVI. Левъ, се́рна[2] и лиси́ца.

По де́б|рямъ гна́л|ся ле́въ| за се́р|ной;

По дебрямъ[3] гнался левъ за серной;
Уже её онъ пастигалъ[4]
И взоромъ алчнымъ[5] пожиралъ
Обѣдъ себѣ въ ней сытный, вѣрный.
Спастись, казалось, ей пельзя никакъ:
Дорогу обоимъ пересѣкалъ оврагъ.
Но серна лёгкая всѣ силы натянула;
Подобно изъ лука стрѣлѣ[6],
Надъ пропастью она махнула[7]
И стала супротивъ[8] на каменной скалѣ.
Мой левъ остановился.
На эту пору другъ его вблизи случился:
Другъ этотъ былъ лиса.
„Какъ!" говоритъ она, „съ твоимъ проворствомъ, силой,
Ужели ты уступишь сернѣ хилой?
Лишь пожелай, тебѣ возможны чудеса;
Хоть пропасть широка, но если ты захочешь,
То, вѣрно, перескочишь.
Повѣрь же совѣсти и дружбѣ ты моей:
Не стала бы твоихъ отваживать[9] я дней,
Когда бъ не знала
И крѣпости и лёгкости твоей".
Тутъ кровь во львѣ вскипѣла, заиграла;
Онъ бросился со всѣхъ четырехъ ногъ;
Однакожъ пропасти перескочить не могъ:
Стремглавъ[10] слетѣлъ и до смерти убился.
А что жъ его сердечный другъ?
Онъ потихоньку[11] въ оврагъ спустился,
И, видя, что ужъ льву ни лести, ни услугъ
Не надо болѣ,
Онъ на просторѣ[12] и на волѣ
Справлять поминки другу сталъ,
И въ мѣсяцъ до костей онъ друга оглодалъ[13].

XXVII. До́брая лиси́ца.

Стрѣло́къ| весно́й| мали́|новку́| уби́лъ.|

Стрѣлокъ весной малиновку[14] убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ,—за ней ещё должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трёхъ ея птенцовъ[15] осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ

---

[1]Осо́бое непрія́тное ощуще́ніе на зуба́хъ по́слѣ чего́-нибу́дь ки́слаго.—[2]Го́рная коза́. [3]Овра́гамъ; глубо́кимъ, глухи́мъ доли́намъ. [4]Догоня́лъ. [5]Жа́днымъ, пожира́ющимъ. [6]Вм.: подо́бно стрѣлѣ́ изъ лу́ка. [7]Перескочи́ла. [8]Нар., напро́тивъ. [9]Подверга́ть опа́сности. [10]Внизъ голово́й. [11]Очень ти́хо. [12]На свобо́дѣ. [13]Обгры́зъ. [14]Осо́баго ро́да пѣ́вчая пти́чка [15]Дѣте́й, ма́ленькихъ пти́чекъ.

И холодъ
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
„Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя,
И сердце чьё объ нихъ не заболитъ?“
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
„Не кипьте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зёрнышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку приткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй[1]!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ липняешь[2]:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать
И перьемъ[3] бы твоимъ постельку ихъ устлать?
Вѣдь попусту жъ его ты растеряешь.
Ты, жаворонокъ[4], чѣмъ по верхамъ[5]
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка[6], твои птенцы ужъ подросли:
Промыслить[7] кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла
Да, вмѣсто матери, къ малюткамъ сѣла,
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ Берёгъ.
Ты бъ, ласточка, ловила мошекъ
Полакомить безродныхъ[8] крошекъ.
А ты бы, милый соловей—
Ты знаешь, какъ всѣхъ голосъ твой прельщаетъ[9]—
Межъ тѣмъ, пока зефиръ[10] ихъ съ гнѣздышкомъ качаетъ,
Ты бъ убаюкивалъ[11] ихъ пѣсенкой своей
Такою нѣжностью, я твёрдо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца и что...“ При сихъ словахъ
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ
Попадали къ лисѣ нанизъ.
Что жъ кумушка?—Тотчасъ ихъ съѣла
И поученья[12] не допѣла.

Читатель, не дивись![13]
Кто добръ поистинѣ[14], не распложая[15] слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;

---

[1]Что мо́жетъ быть святѣе, лу́чше до́браго дѣ́ла. [2]Перемѣня́ешь пе́рья. [3]Пе́рье, сущ. собира́тельное, то́ же, что пе́рья, какъ каме́нье вм. ка́мни и про́ч. [4]Вм. жа́воронокъ; такъ ска́зано для соблюде́нія разме́ра стиха́. [5]Въ ве́рхнихъ слоя́хъ во́здуха. [6]Поро́да ди́кихъ голубе́й. [7]Доста́ть, раздобы́ть. [8]Си́рыхъ. [9]Всѣмъ нра́вится, всѣхъ восхища́етъ. [10]См. „Указа́тель“. [11]Усыпля́лъ. [12]Наставле́нья, про́поведи. [13]Не удивля́йся. [14]Дѣйстви́тельно. [15]Не тра́тя словъ, не говоря́ мно́го.

А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ насчетъ другого,
Затѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакого.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ—
Съ родни моей лисѣ[1].

2. Басни, расположённыя по отвлечённымъ темамъ.

А. Преувели́ченное поня́тіе о свои́хъ си́лахъ и заслу́гахъ.

XXVIII. Двѣ соба́ки.

Дворо|вый вѣр|ный пёсъ,|
Дворовый[2] вѣрный пёсъ,
Барбосъ,
Который барскую усердно службу[3] нёсъ,
Увидѣлъ старую свою знакомку,
Жужу, кудрявую болонку[4],
На мягкой пуховой подушкѣ, на окнѣ.
Къ ней ластяся[5], какъ будто бы къ роднѣ,
Онъ съ умиленья чуть не плачетъ
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
„Ну, что, Жужутка, какъ живёшь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя, въ хоромы[6] взяли?
Вѣдь помнишь,—на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?“
—На счастье грѣхъ роптать,
Жужутка отвѣчаетъ:
Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ[7];
Живу въ довольствѣ[8] и добрѣ
И ѣмъ и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся[9] съ бариномъ; а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живёшь?—„Я“, отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ,
„Живу попрежнему: терплю и холодъ
И голодъ;
И, сберегаючи[10] хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;
А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай[11] попалъ,
Безсиленъ бывши такъ и малъ,
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь[12] напрасно?
Чѣмъ служишь ты?“—Чѣмъ служишь! Вотъ прекрасно!
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
На заднихъ лапкахъ я хожу.

---

[1]Похо́жи на мою́ лису́; со́б.: изъ родни́, принадлежа́тъ къ родне́ мое́й лисы́.—[2]Живу́щій во дворе́, служа́щій для оберега́нія до́ма. [3]Ба́рскую слу́жбу,—госпо́дскую слу́жбу, слу́жбу для ба́рина, господи́на. [4]Ме́лкая поро́да соба́къ съ кудря́вою ше́рстью. [5]Ласка́ясь. [6]См. „Указа́тель“. [7]Ча́етъ—со́б. ожида́етъ. Души́ не ча́етъ—о́чень лю́битъ. [8]Въ изоби́ліи [9]Играю, забавля́юсь. [10]Нар., сберега́я. [11]Въ ми́лость. [12]Изо всѣхъ силъ стара́юсь.

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ[1].

XXIX. Обозъ[2].

Ба́сня э́та имѣ́етъ отноше́ніе къ собы́тіямъ въ Россіи въ 1812 году́. (См. примѣча́нія къ ба́снѣ Крыло́ва: „Волкъ на псарнѣ“). Цѣль ба́сни—оправда́ть медли́тельность дѣ́йствій Кутузова. Оставле́ніе въ рука́хъ непрія́теля Москвы́ безъ бо́я, уничтоже́ніе ея́ пожа́ромъ и вслѣдъ за тѣмъ безде́йствіе главнокома́ндующаго Кутузова—всё э́то должно́ было неминуемо возбуди́ть ро́потъ и го́рькія нарека́нія. Всѣ жела́ли рѣши́тельнаго бо́я, а ме́жду тѣмъ Кутузовъ, никому́ не открыва́я своего́ пла́на истребле́нія непрія́тельской а́рміи, споко́йно и пасто́йчиво приводи́лъ свой планъ въ исполне́ніе, стара́ясь осла́бить врага́ и въ то же вре́мя уклоня́ясь отъ рѣши́тельной развя́зки. На Кутузова въ осо́бенности ропта́ли и подверга́ли стро́гому разбо́ру его́ дѣ́йствія не́которые молоды́е его́ сподви́жники.

Съ горшка́|ми ше́лъ| обо́зъ,

Съ горшками щёлъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ, на горѣ другихъ[3] оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько возъ.
Конь добрый[4] на крестцѣ[5] почти
его понёсъ,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго коня за каждый шагъ;
„Ай, конь хвалёный, то-то диво![6]
Смотрите: лѣпится, какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень
Косо! криво!
Смѣлѣе! Вотъ толчокъ опять!
А тутъ бы влѣво лишь принять.
Какой осёлъ! Добро бы было[7] въ гору
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору и днёмъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья!
Ужъ воду бы таскалъ, коль нѣтъ
въ тебѣ умѣнья!
Гляди-тко насъ, какъ мы махнёмъ!
Не бойсь, минуты не потратимъ
И возикъ свой мы не свезёмъ, а скатимъ!“
Тутъ, выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася лошадка съ возомъ
въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,

[1]Вы́ше э́то выраже́ніе употребле́но въ букса́льномъ смы́слѣ, а здѣсь въ перено́сномъ: подчиня́ются всѣмъ при́хотямъ други́хъ, угодничаютъ, низкопоклонничаютъ.—[2]Собра́ніе грузовы́хъ пово́зокъ. [3]Коне́й. [4]Хоро́шій, кре́пкій, о́пытный. [5]Кресте́цъ—то мѣ́сто; гдѣ схо́дятся позвонки́ хребта́ съ костя́ми ногъ. При однокони́ной упря́жкѣ, на пере́днемъ крестцѣ́ ло́шади проло́женъ поперёкъ реме́нь. [6]Вотъ ди́во, вотъ чу́до. [7]Хорошо́ бы бы́ло, е́сли бы пришло́сь е́хать въ го́ру; мо́жно бы́ло бы, пожа́луй, призна́ть таку́ю медли́тельность пѣ́лесообра́зною, е́сли бы...

Возъ началъ напирать, телѣга[1] раскатилась:
Коня толкаетъ взадъ, коня кидаетъ въ бокъ;
Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ[2]
На славу[3]
По камнямъ, рытвинамъ[4]; пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай[5], хозяйскіе горшки!

Ещё ху́дшія послѣ́дствія имѣ́ло преувели́ченное поня́тіе о свои́хъ си́лахъ для щу́ки—въ ба́снѣ:

XXX. Щу́ка и котъ.

По́водомъ къ сочине́нію э́той ба́сни была́ неуда́ча адмира́ла Чича́гова, кото́рый до́лженъ былъ пересѣ́чь Наполео́ну I путь че́резъ р. Бере́зину, прито́къ Дне́пра́. Вслѣ́дствіе оши́бочныхъ распоряже́ній Чича́гова Наполео́нъ перепра́вился че́резъ Бере́зину и спа́сся отъ плѣ́на, кото́рый въ проти́вномъ слу́чаѣ неминуе́мо пости́гъ бы его́. Благодаря́ оши́бкѣ Чича́гова, отря́дъ его́, сверхъ того́, самъ понёсъ чувстви́тельныя поте́ри.

Бѣда́,| коль пи́|роги́| начнётъ| печи́| са́по́ж|никъ,
Бѣда, коль[6] пироги начнётъ печи[7] сапожникъ,
А сапоги точать[8] пирожникъ:
И дѣло не пойдётъ на ладъ,
Да и примѣчено стократъ[9],
Что кто за ремесло[10] чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй[11]:
Онъ лучше дѣло всё погубитъ.
И ради скорѣй
Посмѣшищемъ[12] стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ[13] и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью ль её лукавый[14] мучилъ,
Иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ[15] наскучилъ;
Но только вздумала кота она просить,
Чтобъ взялъ её съ собой онъ на охоту,
Мышей въ амбарѣ половить.
„Да, полно[16], знаешь ли ты эту, свѣтъ[17], работу?“
Сталъ щукѣ Васька говорить:
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

---

[1]Здѣсь въ смыслѣ ни́жней ча́сти во́за, т.-е. той ча́сти, на кото́рой стои́тъ ку́зовъ, телѣ́жный я́щикъ. [2]Очень бы́стро; обыкн.: четырёхъ. [3]Прекра́сно, превосхо́дно. [4]Рвамъ, образо́ваннымъ дождевы́ми пото́ками. [5]Ед. ч. вм. мно́ж.—[6]Если. [7]Вм. печь. [8]Шить. [9]Стр., сто разъ. [10]Здѣсь—вообще́ заня́тіе. [11]Сварли́вѣе, задо́рнѣе. [12]Предме́томъ насмѣ́шекъ. [13]Честно́й—почте́нный. [14]Бѣсъ, дья́волъ. [15]Ры́бная пи́ща. [16]Дово́льно, переста́нь навре́мя говори́ть. [17]Ми́лая, дорога́я.

Недаромъ говорится,
Что дѣло мастера боится[1]".
—И, полно, кумапёкъ![2] Вотъ невидаль[3]: мышей!
Мы лавливали и ершей[4].
„Такъ въ добрый часъ, пойдёмъ![5]"
Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся котъ,
И кумушку провѣдать онъ идётъ:
А щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу[5] трудъ,
Кумъ замертво[6] стащилъ её обратно въ прудъ.
И дѣльно[7]! Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Ту же мысль, что не слѣдуетъ браться не за своё дѣло, Крыловъ выразилъ и въ баснѣ:

XXXI. Скворецъ.[8]

У вся|каго| талáнтъ| есть свой;|

У всякаго талантъ есть свой;
Но часто, на успѣхъ прельщаяся[9] чужой,
Хватается за то иной,
Въ чёмъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ[10],
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшный былъ конецъ.

Какой-то смолоду скворецъ
Такъ пѣть щеглёнкомъ научился,
Какъ будто бы щеглёнкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякій скворушку[51] хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью[12];
Но скворушка услышь*, что хвалятъ соловья,—
А скворушка завистливъ былъ, къ несчастью,—
И думаетъ; „Постойте же, друзья.
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ[13]".
И, подлинно, запѣлъ,
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ.
То верещалъ[14] козлёнкомъ,
То не путёмъ[15]
Мяукалъ онъ котёнкомъ;
И, словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньёмъ[16].

---

[1]Народная пословица: всякое дѣло требуетъ мастера; всякое дѣло быстро подвигается въ рукахъ только у того, кто мастеръ этого дѣла, кто умѣетъ его дѣлать. [2]Уменьш. отъ кумъ. [3]Дива, чудо. [4]Ершъ—рыба, поменьше щуки. [5]Не подъ силу; не по силамъ. [6]Мёртвою. [7]И хорошо и прекрасно.—[8]Родъ пѣвчей птицы. [9]Завидуя успѣху, заглядываясь на успѣхъ. [10]Способенъ. [11]Уменьш. отъ скворецъ. [12]Долею, участью, жребіемъ. *Сказано кратко, вм. услышалъ. [13]Манерой, способомъ. [14]Визжалъ. [15]Неладно, непутно, дурно. [16]Обыкн.: пѣньемъ.

Мой милый скворушка, ну, что
за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щеглёнкомъ,
Чѣмъ дурно соловьёмъ.

Такіе же печа́льные результа́ты быва́ютъ и тогда́, когда́, вслѣ́дствіе преувели́ченнаго поня́тія о себѣ́, ничто́жное въ како́мъ бы то ни было отноше́ніи существо́ вздумаетъ равня́ться съ существо́мъ, далеко́ превосходя́щимъ его́ въ э́томъ отноше́ніи; э́то мы ви́димъ на приме́рѣ лягу́шки въ ба́снѣ:

XXXII. Лягу́шка и волъ.

Лягу́ш|ка на́| лугу́| уви́|дѣвши| вола́,|

Лягушка, на лугу[1], увидѣвши вола,
Затѣяла[2] сама въ дородствѣ[3] съ нимъ сравняться—
Она завистлива была—
И ну[4] топорщиться[5], пыхтѣть[6] и надуваться.
„Смотри-ка, квакушка[7], что, буду ль я съ него?“
Подругѣ говоритъ. — Нѣтъ, кумушка, далёко!
„Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?
Пополнилась ли я?“ — Почти что ничего.
„Ну, каково теперь?“ — Всё то жъ.
Пыхтѣла да пыхтѣла
И кончила моя затѣйница[8] на томъ,
Что, не сравнявшися съ воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла[9].

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
Не диво[10] ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ[11],
Какъ именитый[12] гражданинъ[13],
А сошка[14] мелкая — какъ знатный дворянинъ?

Наро́дная посло́вица говори́тъ: „Не хвали́сь, иду́чи (идя́) на рать“ (на войну́), т.-е. не хвали́сь каки́мъ-ли́бо дѣ́ломъ, пре́жде чѣмъ ты не сдѣ́лалъ его́; не будь сли́шкомъ увѣ́ренъ въ свои́хъ си́лахъ. Ту́ же мысль вѣража́етъ Крыло́въ и въ ба́снѣ:

XXXIII. Сини́ца[15].

Сини́|ца на́| море́| пусти́|лась:

Синица на море пустилась[16]:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась[17] тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.

---

[1]На па́стбищѣ. [2]Заду́мала, предприняла. [3]Доро́бство — кру́пный ростъ, ста́тность. [4]На́чала. [5]Уси́ливаться, ту́житься. [6]Тяжело́ дыша́ть отъ натуги, напряже́нія. [7]Друго́е назва́ніе лягу́шки. [8]Прока́зница, шалу́нья, шутни́ца. [9]О живо́тныхъ: умерла́. [10]Чу́до. [11]Горожа́нинъ ни́зшаго разря́да, не запи́санный въ купцы́. [12]Изве́стный, зна́тный. [13]Сбб.: горожа́нинъ; въ перено́сн. смы́слѣ: ка́ждый изъ лю́дей, составля́ющихъ вмѣ́стѣ одно́ госуда́рство. [14]Уменьш. отъ соха́, земледѣ́льческое ору́діе; здѣсь въ перено́сномъ смы́слѣ: земледѣ́лецъ, землепа́шецъ, мелкопомѣ́стный помѣщикъ.—[15]Пѣ́вчая пти́ца сбб. ро́да. [16]Пусти́лась лете́ть, полете́ла. [17]Распространи́лась.

Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы[1];
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть.
Толпятся: чуду всякъ зарапѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждётъ;
Лишь парѣдка иной шепнётъ:
„Вотъ закипитъ; вотъ тотчасъ загорится!“
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть?—И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?[2]
Синица со стыдомъ въ-свояси[3] уплыла.
Надѣлала синица славы[4],
А моря не зажгла.

Самомнѣніе есть недостáтокъ; но бóльшій недостáтокъ составля́етъ высóкое мнѣніе о себѣ, основáнное не на сóбственныхъ дѣлáхъ, а на заслýгахъ прéдковъ. Мысль э́та вы́ражена въ бáснѣ:

XXXIV. Гýси.

Содержáніе э́той бáсни основáно на слѣ́дующемъ преданíи. Въ 390 г. до Р. Х. на Римъ[5] напáли гáллы[6]. Ри́мляне зáперлись въ городскóй крѣ́пости (Капитóлій). Гáллы осадíли ихъ. Однáжды, нóчью, пóльзуясь темнотóю, гáллы успѣ́ли взобрáться на стѣ́пы крѣ́пости; но гýси, находи́вшіеся въ Капитóліи, подня́ли такóй крикъ, что ри́мляне проснýлись. Врагí бы́ли отби́ты, и войнá вскóрѣ окóнчилась ми́ромъ.

Предли́н|ной хво́|рости́|ной.

Предлинной[7] хворостиной[8]
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать,
И, правду-истину сказать,
Не очень вѣжливо честилъ[9] свой гуртъ гусиный[10]:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню[11].
(А гдѣ до прибыли коснётся,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достаётся[12]).
Я мужика и не виню.
Но гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтятся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли[13]:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?

---

[1]Нентýнъ— богъ мóря у дрéвнихъ ри́млянъ; Нептýнова столи́ца—мóре, океáнъ. [2]Величáвыя — бóльшія (затѣи); затѣ́я—намѣ́реніе, предпрія́тіе. [3]Въ своё мѣ́сто; тудá, откýда прилетѣ́ла. [4]Молвá, разговóровъ— [5]Гóродъ на Апеннúнскомъ полуóстровѣ. [6]Нарóдъ, обитáвшій въ нынѣ́шней Швейцáріи и Фрáнціи. [7]Очень длúнной. [8]Прýтомъ. [9]Честúть —сóб.: оказывать пóчесть, почёть; здѣсь сказано шутли́во, иронúчески. [10]Стáдо. [11]Онъ мѣ́тилъ къ базáрному дню, имѣ́я въ видý получúть барышú отъ продáжи гусéй. [12]Когдá дѣло идётъ о прúбыли, о дéньгахъ, то и лю́ди иногдá при э́томъ подвергáются обúдамъ (грабежý, воровствý, обмáну и пр.). [13]Жáловались, сѣ́товали.

Мужикъ такъ нами помыкаетъ[1]
И пасъ, какъ будто бы простыхъ
гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ[2] неучъ[3] сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведёмъ
отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ
Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь
учреждены!"
—А вы хотите быть за что от-
личены?
Спросилъ прохожій ихъ. „Да на-
ши предки..."—Знаю,
И всё читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?
„Да наши предки Римъ спасли!"
—Всё такъ, да вы что сдѣлали та-
кое?
„Мы? ничего!" — Такъ что жъ и
добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ подѣломъ[4] была и честь,
А вы, друзья, лишь годны на жар-
кое.

———

Басню эту можно бы и болѣ поясь-
нить,
Да чтобъ гусей не раздразнить[5].

Такóе же непрáвильное понимáніе своегó значéнія и своúхъ заслýгъ вúдимъ и въ баснях:

XXXV. Пýшки и парусá[6].

Гóголь* объясняетъ происхождéніе этой бáсни такъ: „Когдá нѣкоторые черезчýръ воéнные люди стáли биúло ужé утверждáть, что всё въ государствахъ должнó быть основáно на однóй воéнной сúлѣ и въ ней однóй спасéніе, а чинóвники нáчали, въ свою óчередь, притрýнивать надъ всѣмъ, что ни есть воéннаго, изъ-за того тóлько, что нѣкоторые воéнные не понимáли истúнной вáжности своегó звáнія, Крылóвъ написáлъ знаменúтый споръ пýшекъ съ парусáми, въ котóромъ ввóдитъ óбѣ стóроны въ закóнныя граúицы. Безъ пýшекъ не защитúшься, а безъ парусóвъ и вóвсе не поплывёшь".

На ко|раблѣ| у пу|шекъ съ па|руса|ми

На кораблѣ у пушекъ съ парусами
Возстала страшная вражда,
Вотъ пушки, выставясь изъ бор-
товъ[7] вонъ носами,
Роптали[8] такъ предъ небесами:
„О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное тво-
ренье
Равняться въ пользахъ намъ имѣ-
ло дерзновенье[9]?"
Что дѣлаютъ они во весь нашъ
трудный путь?
Лишь только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спесиво[10] грудь,
Какъ будто важнаго какого сану[11],
Несутся гоголемъ[12] по океану,

[1]Пренебрегáетъ. [2]Не понимáетъ. [3]Невѣжда. [4]Старúн. дáт. падéжъ мнóж. ч., вм.: по дѣлáмъ, за дѣлá, [5]Подразум.: боúсь. Да боúсь, чтóбы гусéй не раздразнúть.—[6]См. „Указáтель". *Рýсскій писáтель (1810—1852)[1] [7] См. „Указáтель". [9]Жáловались, выражáли неудовóльствіе. [9]Дéрзость. [10]Гóрдо. [11]Род. падéжъ, вм. сáна; вáжнаго чúна, общéственнаго положéнія. [12]Гóголь — родъ птúцы; вóдится на водѣ; во врéмя плáванія óчень выпячиваетъ впередъ зобъ.

И только чванятся[1]; а мы—громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль песёмъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ парусами:
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами.
Лети же, помоги, могучій, намъ, Борей[2],
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!"
Борей послушался, летитъ, дохнулъ, и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжёлой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей ревётъ и рвётъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой, не движимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Держава[3] всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ—врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти

XXXVI. Соба́ка и ло́шадь.

У о́д|ного́| крестья́|нина́| служа́|

У одного крестьянина служа,
Собака съ лошадью считаться[4] какъ-то стали.
„Вотъ", говоритъ Барбосъ, „большая госпожа!
По мнѣ[5], хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ[6] твоёмъ другого не слыхать,
И можно ли тебѣ равняться въ чёмъ со мною?
Ни днёмъ ни ночью я не вѣдаю покою:
Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу[7],
А ночью домъ я стерегу".
—Конечно, лошадь отвѣчала:
Твоя правдива рѣчь;
Однакоже, когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь.

---

[1]Горда́тся, спеси́вятся. [2]То́ же, что Аквило́нъ. См. „Указа́тель". [3]Госуда́рство.—[4] Оцѣнивать досто́инства, заслу́ги другъ дру́га. [5]По моему́ мнѣнію. [6]У́дальство́—сов. молоде́чество, у́даль, хра́брость и вмѣстѣ съ тѣмъ ло́вкость. [7]Равни́на покрытая трано́ю, па́стбище.

XXXVII. Водопадъ и ручей.

Кипя|щій во|допадъ,| сверга|ясь| со скалъ,|

Кипящій водопадъ, свергаясь со скалъ,
Цѣлебному[1] ключу[2] съ надменностью[3] сказалъ,
Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лѣчебною своей:
„Не странно ль это? Ты такъ малъ,
водой такъ бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мнѣ приходитъ кто дивиться[4];
Къ тебѣ зачѣмъ идутъ?“ — Лѣчиться,
Смиренно прожурчалъ ручей.

XXXVIII. Дерево.

Уви|дя, что| топо́ръ| крестья|нинъ нёсъ,|

Увидя, что топоръ крестьянинъ нёсъ,
„Голубчикъ“, деревцо сказало молодое:
„Пожалуй[5], выруби вокругъ меня ты лѣсъ.
Я не могу расти въ покоѣ:
Ни солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простору[6] нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы[7];
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!
Когда бъ не отъ него расти помѣха мнѣ,
Я въ годъ бы сдѣлалась красою[8] сей странѣ,
И тѣнью бы моей покрылась вся долина:
А нынѣ тонко я, почти какъ хворостина[9]“.
Взялся крестьянинъ за топоръ,
И дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ деревца большой очистился просторъ.
Но торжество его не долго было:
То солнцемъ дерево печётъ,
То градомъ, то дождёмъ сѣчётъ,
И вѣтромъ, наконецъ, то деревцо сломило.
„Безумное!“ ему сказала тутъ змѣя:
„Не отъ тебя ль бѣда твоя?
Когда бъ укрытое въ лѣсу ты возрастало[10],
Тебѣ бъ вредить ни зной[11] ни вѣтры не могли:
Тебя бы старыя деревья берегли;
А если бъ нѣкогда[12] деревьевъ тѣхъ не стало
И время ихъ бы отошло.
Тогда, въ свою чреду[13] ты столько бъ возросло,

---

[1]Имѣющему цѣлебную, врачебную силу, дающему здоровье. [2]Источнику. [3]Съ гордостью. [4]Удивляться.—[5]Сдѣлай одолженіе, прошу тебя. [6]Свободы. [7]Подраз.: нѣтъ. [8]Красотою, украшеніемъ. [9]Прутъ. [10]Росло. [11]Жаръ. [12]Когда-нибудь современемъ, въ будущемъ. [13]Въ свою очередь.

Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы
не случилось,
И бурю, можетъ быть, ты бы вы-
держать могло!

XXXIX. Муравей.

Како́й-то му́равей былъ си́лы не́помѣ́рной,

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной[1],
Какой не слыхано ни въ древни[2] времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ[3] вѣрный)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна!
При томъ и въ храбрости за чудо почитался[4]:
Гдѣ бъ ни завидѣлъ червяка,
Тотчасъ въ него впивался
И даже хаживалъ одинъ на паука[5].
А тѣмъ вошёлъ въ такую славу[6]
Онъ въ муравейникѣ своёмъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что о нёмъ[7].
Я лишнія хвалы считаю за отраву[8];
Но этотъ муравей былъ не такого нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ[9] мѣрилъ[10]
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими, наконецъ, такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ силой тамъ повеличаться.
На самый крупный съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику снесиво[11] всполъ
И въѣхалъ въ городъ очень пышно[12].
Но, ахъ, какой для гордости ударъ:
Онъ думалъ, на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно.
У всякаго забота тамъ своя.
Мой муравей то, взявъ листокъ, потянетъ,
То припадётъ онъ, то привстанетъ;
Никто не видитъ муравья.
Уставши, наконецъ, тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ
Который у воза хозяйскаго лежалъ
„Не правда ль, надобно признаться,
Что въ городѣ у васъ
Народъ безъ толку и безъ глазъ?
Возможно ль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлый часъ;
А, кажется, у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ".
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ[13],
Что онъ въ подсолнечной[14] гремитъ,
А онъ дивитъ[15]
Свой только муравейникъ.

[1]Большо́й, вы́ше мѣ́ры. [2]Вм. дре́вніе. [3]Тотъ, кто о нёмъ разска́зывалъ. [4]Счита́лся чу́домъ. [5]Оди́нъ боро́лся съ пауко́мъ. [6]Такъ просла́вился. [7]Что то́лько о нёмъ и говори́ли. [8]Со́б.: за ядъ; счита́ю вредными. [9]Го́рдостью, высокомѣ́ріемъ. [10]Придава́лъ имъ значе́ніе благодаря́ своему́ высокоме́рію, высо́кому мнѣ́нію о себѣ. [11]Го́рдо. [12]Очень ва́жно. [13]Здѣсь — заба́вникъ; со́б. знач. сло́ва см. въ „Указа́телѣ". [14]Вселе́нной, въ мірѣ. [15]У дивля́етъ.

Б. Сильные и слабые.

Самоувѣренность, кичливость своими силами особенно дурна въ томъ случаѣ, когда она соединяется съ презрѣніемъ къ слабѣйшему, что видно изъ басни:

XL. Дубъ и трость.

Басня эта, какъ и басня того же заглавія Дмитріева (см. ниже), есть переводъ французской басни: „Le chêne et le roseau“ (Лафонтена).

Съ тростин|кой дуб|ъ одна|жды въ рѣч|ь вошёл|ъ.|

Съ тростинкой[1] дубъ однажды въ рѣчь вошёлъ[2].
„Поистинѣ, роптать ты въ правѣ[3] на природу“,
Сказалъ онъ: „воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть лёгкій вѣтерокъ подёрнетъ рябью[4] воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабѣть
И такъ нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ[5], горделиво
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣвался[6] и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твёрдъ и прямъ,
Какъ будто бъ ограждёнъ ненарушимымъ миромъ[7].
Тебѣ всё—буреи, мнѣ всё кажется зефиромъ[8].
Хотя бъ ужъ ты въ окружности[9] росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ[10] природа отвела
Брега[11] бурливаго Эолова владѣнья[12].
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья[13]“.
—Ты очень жалостливъ, сказала трость въ отвѣтъ:
Однако, не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
Такъ бури мало мнѣ вредятъ.
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что ещё доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла[14] крѣпость
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица[15];
Но подождёмъ конца!
Едва лишь это трость сказала,

[1] Уменьш. отъ трость; гибкое растеніе, произрастающее обыкновенно въ болотистыхъ мѣстахъ, на берегахъ рѣкъ, озёръ, морей. [2]Вступилъ въ разговоръ. [3]Ты имѣешь право... [4]Мелкими волнами, дѣлающими поверхность воды какъ бы шероховатою, рябою. [5]Съ Кавказскими горами. [6]Насмѣхаясь. [7]Тишиною. [8]Гр., западный вѣтеръ, тихій, тёплый вѣтеръ, вѣтерокъ. [9]Въ сосѣдствѣ. [10]На вашу долю. [11]Стр.: берега. [12]Эолъ—фантастическое существо у древнихъ грековъ, царь вѣтровъ. [13]Заботы, попеченія. [14]Не осилила, не побѣдила. [15]Вершины

Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
И съ градомъ и съ дождёмъ, шумящій аквилонъ[1].
Дубъ держится, къ землѣ тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ—и вырвалъ съ корнемъ воинъ
Того, кто небесамъ главой своей[2] касался
И въ области тѣней[3] пятою[4] упирался.

Для сравненія приводимъ ту же басню въ переводѣ Дмитріева:

Дубъ и трость.

Дубъ съ тро|стію| вступилъ| однажды въ ра|зго|воры.

Дубъ съ тростію вступилъ однажды въ разговоры.
„Жалѣю“ дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры[5],
„Жалѣю, тросточка, объ участи твоей!
Я чаю[6], для тебя тяжёлъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду[7],
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду.
И гнётъ тебя къ земли[8];
Тогда какъ—я высокъ, осанистъ[9] и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю[10],
Но даже бурный вихрь и громы презираю:
Стою и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ.
Всё для меня—зефиръ, тебѣ жъ всё—аквилонъ
Блаженна[11] бъ ты была, когда бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты бъ не страшилась бурь. Но рокъ[12] тебѣ судилъ
Расти, на мѣсто злачна[13] дола[14],
На топкихъ[15] берегахъ владычества[16] Эола;
По чести[17], и въ меня твой жребій[18] грусть вселилъ[19]“
—Ты очень жалостливъ, трость дубу отвѣчала:
Но, право, о себѣ ещё я не вздыхала
Да не о чёмъ и воздыхать:
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя, опасны

---

[1]Лат. aquilo; сѣверный вѣтеръ. [2]Вершиной. [3]Область тѣней—подземное, загробное царство, куда, по вѣрованію язычниковъ грековъ и римлянъ, переселялись души умершихъ, тѣни. [4]Корнями. Всё предложеніе надо разумѣть въ переносномъ смыслѣ: упирался корнемъ очень глубоко въ землѣ.—[5]Склоня къ ней важные взоры, т.-е. смотря на неё важно сверху внизъ. [6]Думаю [7]Производящій струй, маленькія волны на водѣ. [8]Стр.: къ землѣ. [9]Важенъ, величественъ. [10]Фебъ, гр.. богъ солнца; препятствую солнечнымъ лучамъ освѣщать землю, даю тѣнь. [11]Счастлива. [12]Судьба. [13]Краткая форма прилаг. вм. полной: злачный—травянистый (злакъ—трава, растеніе). [14]Долины. [15]Болотистыхъ, вязкихъ (отъ тонить, погружать). [16]Владѣнія. [17]Подраз.: говорю; честно, правдиво, истинно говорю. [18]Судьба, доля. [19]Заставилъ и меня грустить, сожалѣть о тебѣ.

Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель[1] поколебать,
Но подождёмъ конца...
Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза[2] и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ[3] и валитъ;
Летитъ, кружится листъ; трость гнётся, дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи[4],
И тотъ, на коего[5] съ трудомъ взирали очи[6],
Кто ада[7] и небесъ едва не досягалъ[8],
Упалъ!

Такъ же бы́ли нака́заны левъ и орёлъ въ ба́снях:

XLI. Орёлъ и кротъ.

Не пре|зирай| сове́|та ни́|чьего́,|

Не презирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далёкой
Въ дремучій[9] лѣсъ, орёлъ съ орлицею вдвоёмъ
Задумали навѣкъ остаться въ нёмъ
И, выбравши вѣтвистый дубъ, высокій,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что весь почти онъ въ корнѣ сгнилъ
И скоро, можетъ-быть, свалится;
Такъ[10], чтобъ орёлъ гнѣзда на нёмъ не вилъ.
Но кстати[11] ли орлу принять совѣтъ изъ норки
И отъ крота! А гдѣ же похвала,
Что у орла
Глаза такъ зорки?
И что за стать[12] кротамъ мѣшаться смѣть въ дѣла
Царь-птицы!
Такъ, многаго съ кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря[13],
И новоселье[14] у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Всё счастливо: ужъ есть и дѣти у орлицы.
Но что жъ? — Однажды, какъ зарёй[15]
Орёлъ изъ-подъ небесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ,—дубъ его свалился,

---

[1]До сихъ поръ. [2]Ту́ча съ гро́момъ и мо́лніей. [3]Разруша́етъ. [4]Изо все́й си́лы; мочь—си́ла. [5]На кото́раго. [6]Кото́рый такъ былъ высо́къ, что верши́ну его́ съ трудо́мъ мо́жно бы́ло ви́дѣть. [7]Въ язы́ческомъ смы́слѣ—подзе́мное ца́рство. [8]Достига́лъ. Верши́ною едва́ не достига́лъ небе́съ, а корня́ми входи́лъ такъ глубо́ко въ зе́млю, что едва́ не достига́лъ подзе́мнаго ца́рства.—[9]Соб.: дре́млющій; густо́й, болыпо́й, ста́рый. [10]Подраз.: онъ совѣтовалъ, полага́лъ. [11]Прили́чно ли, мо́жно ли. [12]И кака́я причи́на, како́е основа́ніе. [13]Вм. презрѣвши. [14]Но́вое мѣсто жи́тельства. [15]Ра́ннимъ у́тромъ.

И подавило имъ орлицу и дѣтей.
Отъ горести не взвидя свѣта,
„Несчастный!“ онъ сказалъ,
„За гордость рокъ[1] меня такъ люто[2] наказалъ,
Что не послушался я умнаго совѣта.
Но можно ль было ожидать,
Чтобы ничтожный кротъ совѣтъ могъ добрый дать?“
„Когда бы ты не презрѣлъ мною,“
Изъ норки кротъ сказалъ, „то вспомнилъ бы, что рою
Свои я норы подъ землёй
И что, случаясь близъ корней,
Здорово ль дерево, я знать могу вѣрнѣй“.

XLII. Левъ и мышь.

У льва́| проси|ла мы́шь| смире́н|но по́|зволе́|нья

У льва просила мышь смиренно позволенья
Поблизости его, въ дуплѣ[3], завесть селенье[4]
И такъ примолвила: „Хотя-де[5] здѣсь, въ лѣсахъ,
Ты и могучъ[6] и славенъ:
Хоть въ силѣ льву никто не равенъ
И рёвъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;
Но будущее кто угадывать возьмётся:
Какъ знать, кому въ комъ нужда доведётся[7]?
И какъ я ни мала кажусь,
А, можетъ-быть, подчасъ[8] тебѣ и пригожусь“.
—Ты! вскрикнулъ левъ: ты, жалкое созданье!
За эти дерзкія слова
Ты стоишь смерти въ наказанье!
Прочь, прочь, пока жива,
Иль твоего не будетъ праху[9].
Тутъ мышка бѣдная, не вспомняся отъ страху[10],
Со всѣхъ пустилась ногъ[11]; простылъ ея и слѣдъ[12].
Льву даромъ не прошла, однакожъ, гордость эта;
Отправяся[13] искать добычи на обѣдъ,
Попался онъ въ тенёта[14].
Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ рёвъ и стонъ:
Какъ онъ ни рвался ни метался,
Но всё добычею охотника остался
И въ клѣткѣ на показъ народу увезёнъ.
Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,
Что бы помочь она ему сумѣла[15],
Что сѣть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла
И что его своя кичливость[16] съѣла.

Читатель, истину любя,
Примолвлю[17] къ баснѣ я, и то не отъ себя:
Не попусту въ народѣ говорится:
Не плюй въ колодецъ: пригодится
Воды напиться.

[1]Судьба́. [2]Жесто́ко.—[3]Углубле́ніе въ стволѣ́ де́рева, происше́дшее отъ гніе́нія его́ или́ отъ выда́лбливанія. [4]Посели́ться. [5]Говори́тъ. [6]Силёнъ. [7]Случи́тся, бу́детъ. [8]Иногда́. [9]Прахъ—со́б. пыль; пото́мъ въ смы́слѣ—трупъ. [10]Въ безпамятствѣ, не по́мня себя́ отъ стра́ху. [11]Бро́силась бѣжа́ть. [12]Убѣжа́ла, исче́зла. [13]Отпра́вившись. [14]Сѣ́ти. [15]Вм.: что помо́чь она́ ему́ сумѣ́ла бы. [16]Го́рдость. [17]Скажу́ при э́томъ.

XLIII. Орёлъ и пчела́.

Уви́|дя, ка́къ| пчела́| хлопо́|четъ вкру́гъ цвѣтка́,|

Увидя, какъ пчела хлопочетъ
вкругъ цвѣтка,
Сказалъ орёлъ однажды ей съ пре-
зрѣньемъ:
„Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка
Со всей твоей работой и съ умѣ-
ньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи всё лѣто лѣ-
пятъ сотъ[1]
Да кто же послѣ разберётъ
И отличитъ твои работы?
Я, право, не пойму охоты
Трудиться цѣлый вѣкъ и что жи-
имѣть въ виду?..
Безвѣстной[2] умереть со всѣми на
ряду!
Какая разница межъ нами,
Когда, распирая шумящими кры-
лами[3],
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю[4] страхъ:
Не смѣютъ отъ земли пернатыя[5]
подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ[6] ихъ стадахъ,
Ни лани[7] быстрыя не смѣютъ на
поляхъ
Меня завидя, показаться“.
Пчела отвѣтствуетъ: „Тебѣ хвала
и честь!
Да продлитъ[8] надъ тобой Зевесъ[9]
свои щедроты[10]!
А я, родясь груды для общей
пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши
смотря[11] соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля
мёду есть“

Въ предыду́щей ба́снѣ си́льный выража́етъ то́лько высокомѣ́рное презрѣ́ніе къ сла́бому: но ча́сто, не ограни́чиваясь одни́мъ презрѣ́ніемъ, онъ и притѣсня́етъ сла́баго, какъ то мы ви́димъ въ ба́снѣ:

XLIV. Левъ на ло́влѣ

Соба́|ка, ле́въ| да во́лкъ| съ лисо́й

Собака, левъ да волкъ съ лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ[12] всѣ положили.
Чтобъ имъ звѣрей собща[13] ловить
И, что наловится, всё поровну
дѣлить
Не знаю, какъ и тѣмъ, а знаю,
что спачала

---

[1]Собра́ніе восковыхъ ячеекъ; со́ты имѣ́ютъ обыкновѐнно полукру́глую фо́рму. [2]Неизвѣстной. [3]Расши́ривъ, растопы́ривъ шумя́щія кры́лья. [4]Распространяю, навожу́. [5]Одного́ ко́рня съ перо́: перна́тый—покры́тый пе́рьями, имѣ́ющій пе́рья: перна́тыя пти́цы. [6]Жи́рныхъ. [7]Живо́тныя изъ ро́да оле́ней, съ вѣтви́стыми рога́ми; отлича́ются быстрото́й бѣ́га. [8]Обыкн.: продли́ть. [9]Гла́вный богъ у язы́чниковъ-гре́ковъ. [10]Щедро́ты—ми́лости. Да продли́тъ Зеве́съ твои́ го́ды, да дару́етъ тебѣ́ до́лгую жизнь. [11]Обыкн.: смотря́.—[12]Стр.: договоръ, сою́зъ. [13]Вм. сообща́ вмѣ́стѣ

Лиса оленя поимала[1]
И шлётъ къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ[2].
Добыча, право, недурная!
Пришли, — пришелъ и левъ; онъ, когти разминая
И озираючи[3] товарищей кругомъ,
Дѣлёжъ располагаетъ
И говоритъ: „Мы, братцы, вчетверомъ“.
И на-четверо[4] онъ оленя раздираетъ.
„Теперь давай[5] дѣлить! Смотрите же, друзья:
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ льву, принадлежитъ безъ спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

Иногда́, впро́чемъ, и си́льные быва́ютъ великоду́шны, осо́бенно е́сли врагъ сли́шкомъ ничто́женъ.

XLV. Левъ и волкъ.

Левъ у́|бира́лъ| за за́в|трако́мъ| ягнён|ка;

Левъ убиралъ[6] за завтракомъ ягнёнка:
А собачонка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала[7],
И царь звѣрей то снёсъ, не огорчась нимало:
Она глупа ещё и молода была.
Увидя то, на мысли волку вспало[8],
Что левъ, конечно, несилёнъ,
Коль такъ смирёнъ.
И лапу протянулъ къ ягнёнку также онъ.
Анъ[9] вышло съ волкомъ худо:
Онъ самъ ко льву попалъ на блюдо
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: „Дружокъ!
Напрасно, смотря[10] на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку[11]
Она ещё глупа, а ты ужъ не щенокъ!“.

Иногда́ си́льный, притѣсня́я сла́баго и не понима́я, что послѣ́днему пло́хо прихо́дится въ его́ положе́ніи и что онъ то́лько и за́нятъ мы́слью, какъ бы вы́йти изъ своего́ положе́нія, удивля́ется, что притѣсня́емый не мо́жетъ проявля́ть свои́хъ спосо́бностей, про кото́рыя си́льный наслы́шался. Тако́ю ока́зывается ко́шка въ отноше́ніи соловья́ въ ба́снѣ:

[1]Обыкн.: пойма́ла. [2]Добы́чу. [3]Озирая́, осма́тривая. [4]Обыкн.: наче́тверо. [5]Ед. ч. вм. множ. — [6]Ѣлъ. [7]Похи́тила. [8]На мысль во́лку пришло́. Уви́дя то, вм. когда́ онъ уви́дѣлъ. Такіе оборо́ты въ ру́сскомъ языкѣ́ встрѣча́ются рѣ́дко. Обыкнове́нно дѣеприча́стіе отно́сится къ подлежа́щему гла́внаго предложе́нія. [9]Наро́дн., но. [10] Обыкн.: смотря́. [11]Отнесу́сь къ тебѣ́ снисходи́тельно. Пота́чка, потака́ть—одного́ ко́рня съ нарѣ́чіемъ *такъ*,—какъ подда́кивать—одного́ ко́рня съ *да*.

XLVI. Ко́шка и солове́й.

Поймá|ла ко́ш|ка со́|ловья́,|

Поймала кошка соловья,
Въ бѣдняжку когти запустила
И, ласково его сжимая, говорила:
„Соловушка, душа моя[1]!
Я слышу, что тебя вездѣ за пѣсни славятъ
И съ лучшими пѣвцами рядомъ ставятъ.
Мнѣ говоритъ лиса-кума,
Что голосъ у тебя такъ звонокъ и чудесенъ,
Что отъ твоихъ прелестныхъ пѣсенъ
Всѣ пастухи, пастушки — безъ ума[2].
Хотѣла бъ очень я сама
Тебя послушать.
Не трепещися такъ: не будь, мой другъ, упрямъ;
Не бойся: не хочу совсѣмъ тебя я кушать.
Лишь спой мнѣ что-нибудь, тебѣ я волю дамъ
И отпущу гулять по рощамъ[3] и лѣсамъ.
Въ любви я къ музыкѣ тебѣ не уступаю
И часто, про себя мурлыча, засыпаю".
Межъ тѣмъ мой бѣдный соловей
Едва-едва дышалъ въ когтяхъ у ней.
„Ну, что же?" продолжаетъ кошка:
„Пропой, дружокъ, хотя немножко".
Но нашъ пѣвецъ не пѣлъ, а только что пищалъ.
„Такъ этимъ-то лѣса ты восхищалъ[4]?"
Съ насмѣшкою она спросила:
„Гдѣ жъ эта чистота и сила,
О коихъ всѣ безъ умолку твердятъ[5]?
Мнѣ скученъ писк такой и отъ моихъ котятъ.
Вѣтъ, вѣрю, что въ пѣньѣ[6] ты вовсе не искусенъ.
Посмотримъ, на зубахъ каковъ-то будешь вкусенъ!"
И съѣла бѣднаго пѣвца
До крошки.

Сказать ли на ушко[7] яснѣе мысль мою?
Худыя пѣсни соловью
Въ когтяхъ у кошки.

Но и слáбые иногдá чувствúтельно мстятъ сúльнымъ за обúды, какъ вúдно изъ басни:

XLVII. Левъ и комáръ.

Безси́ль|ному́| не смѣ́й|ся

Безсильному не смѣйся
И слабаго обидѣть не моги[8]!
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся!
Послушай басню здѣсь о томъ,

---

[1]Другъ мой, мúлый мой. [2]Очарóваны твоúми пѣснями. [3]По лѣсамъ. [4]Приводúлъ въ востóргъ, óчень нрáвился. [5]Постоя́нно говоря́тъ. [6]Обыкн.: въ пѣньѣ. [7]Тихóнько.—[8]Нарóд. оборóть=не обижáй.

Какъ больно левъ за спесь[1] наказанъ комаромъ.
Вотъ что о томъ я слышалъ стороною[2].
Сухо[3] къ комару явилъ[4] презрѣнье левъ.
Зло взяло комара: обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся комаръ на льва войною.
Самъ ратникъ[5], самъ трубачъ, пищитъ во всю гортань
И вызываетъ льва на смертоносну[6] брань[7].
Льву смѣхъ, но нашъ комаръ не шутитъ:
То съ тылу[8], то въ глаза, то въ уши льву онъ трубитъ!
И, мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на льва спустился
И льву въ крестецъ[9] всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на трубача.
Увёртливъ нашъ комаръ, да онъ же и не труситъ:
Льву сѣлъ на самый лобъ и львину кровь сосётъ.
Левъ голову крутитъ, левъ гривою трясётъ;
Но нашъ герой своё несётъ:
То въ носъ забьётся льву, то въ ухо льва укуситъ.
Вздурился[10] левъ,
Престрашный поднялъ ревъ,
Скрежещетъ въ ярости зубами
И землю онъ дерётъ когтями.
Отъ рыка[11] грознаго окружный[12] лѣсъ дрожитъ.
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей; всё кроется, бѣжитъ.
Отколь у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришёлъ потопъ или пожаръ!
И кто жъ? Комарь
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги!
Рвался, метался левъ и, выбившись изъ силъ,
О землю грянулся[13] и мира запросилъ.
Насытилъ злость комаръ; льва жалуетъ онъ миромъ[14];
Изъ Ахиллеса[15] вдругъ становится Омиромъ[16],
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

XLVIII. Мышь и крыса.

„Сосѣ|дка слы|шала ль| ты до́б|рую́ молву́?“

„Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?“
Вбѣжавши, крысѣ мышь сказала:

[1]Го́рдость. [2]Со стороны, на сторонѣ. [3]Холо́дное, жёсткое. [4]Обнару́жилъ, проявѝлъ. [5]Во́инъ, солда́тъ. [6]Кратк. фо́рма вм. по́лной. Смертоно́сну—убійственную, гибельную. [7]Войну́. [8]Сза́ди. [9]Мѣсто, гдѣ у четвероно́гихъ живо́тныхъ но́ги схо́дятся съ хребто́мъ. [10]Разъярѝлся. [11]Рёва. [12]Сосѣдній. [13]Бро́сился на зе́млю. [14]Дару́етъ льву миръ. [15]Ахилле́съ—гре́ческій геро́й, уча́ствовавшій въ Троя́нской войнѣ и отлича́вшійся си́лою, хра́бростью и быстрото́ю бѣга. [16]Оми́ръ, или́ Геме́ръ—гре́ческій по́этъ, сочини́вшій пѣсни о Троя́нской войнѣ („Иліада“).

„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась
въ когти льву!
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
—„Не радуйся, мой свѣтъ“[1],
Ей крыса говоритъ въ отвѣтъ:
„И не надѣйся по пустому[2]!
Коль[3] до когтей у нихъ дойдётъ,
То, вѣрно, льву не быть живому[4]
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами,
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

B. Разныя ба́сни.

Сла́ва Крыло́ва, какъ лу́чшаго ру́сскаго баснопи́сца, при жи́зни его́ не всѣ́ми признава́лась. Бы́ли недоброжела́тели ме́жду людьми́, ли́чно зна́вшими К, кото́рые зави́довали его́ тала́нту и извѣ́стности и стара́лись находи́ть въ его́ ба́сняхъ сла́быя сто́роны. Какъ мно́го внима́нія обраща́лъ К. на свои́хъ завистниковъ и какъ относился къ нимъ, ви́дно изъ ба́сни:

XLIX. Прохо́жіе и соба́ки.

Шли два| прія|теля| вечёр|нею| поро́й|

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворотни[5]
Дворняжка[6] тявкнула[7] нанихъ:
За ней другая, тамъ ещё двѣ-три,
и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ.
„И, полно[8], братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймёшь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдёмъ впередъ: я ихъ натуру[9] лучше знаю“.
И подлинно[10], прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу[11] затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники, на что ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ да отстануть.

Въ предыду́щей ба́снѣ К. осмѣ́иваетъ за́висть; въ сле́дующей— онъ каса́ется того́ челове́ческаго недоста́тка, кото́рый явля́ется ча́сто одно́ю изъ причи́нъ за́висти.

---

[1]Ми́лая; моя́ ми́лая. [2]Напра́сно. [3]Если. [4]Левъ, вѣ́рно, не бу́детъ живъ. Неопредѣлённое вмѣ́сто изъявительнаго.—[5]Подворо́тня—свобо́дное мѣ́сто ме́жду ни́жнею ча́стью воро́тъ и землёю; въ просторѣ́чіи: соба́чій лазъ. [6]Проста́я, дворо́вая соба́ка. [7]Зала́яла. [8]Дово́льно, переста́нь. [9]Лат. natura—приро́да, хара́ктеръ. [10]Дѣ́йстви́тельно. [11]Вмала́-по-ма́лу.

L. Стрекоза́[1] и муравей́.

По́прыгу́нья| стре́ко|за́

Попрыгунья[2] стрекоза
Лѣто красное[3] пропѣла,
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле;
Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ[4].
Всё пропло; съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаётъ;
Стрекоза ужъ не поётъ.
И кому же въ умъ пойдётъ
На желудокъ пѣть голодный[5]!
Злой тоской удручена,
Къ муравью ползётъ она.

„Не оставь меня, кумъ милый!
Дай ты мнѣ собраться съ силой
И до вешнихъ[6] только дней
Прокорми и обогрѣй!“
—Кумушка, мнѣ странно это...
Да работала ль ты лѣто?
Говоритъ ей муравей.
„До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ[7] у насъ
Нѣсни, рѣзвость всякій часъ,
Такъ что голову вскружило[8]“.
—А, такъ ты... „Я безъ души“
Лѣто цѣлое всё пѣла“.
Ты всё пѣла? это дѣло;
Такъ поди же, попляши!

Прямо́й отка́зъ всё же лу́чше притво́рныхъ прія́тельскихъ отноше́ній, изображённыхъ въ ба́снѣ:

LI. Соба́чья дру́жба.

У ку́х|ни, по́дъ| окно́мъ,

У кухни, подъ окномъ,
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ[10] лёжа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣе бъ стеречь имъ было домъ,
Но какъ они ужъ понаѣлись[11]
И вѣжливые жъ псы, при томъ,
Ни на кого не лаютъ днёмъ,
Такъ разсуждать они пустилися вдвоёмъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
О худѣ, о добрѣ и, наконецъ, о дружбѣ.
„Что можетъ“, говоритъ Полканъ,
„пріятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу[12] жить,

[1]Насѣко́мое; во́дится на поля́хъ, въ траве́; перелета́етъ постоя́нно съ мѣста на мѣсто, на недалёкое разстоя́ніе: перелёты э́ти похо́жи на прыжки́. [2]Охо́тница пры́гать. [3]Прекра́сное. [4]Нѣтъ уже́ свѣтлыхъ лѣтнихъ дней, когда́ стрекоза́ могла́ найти́ прію́тъ отъ жары́ и непого́ды и пи́щу подъ ка́ждымъ древе́снымъ листко́мъ. [5]Кто вду́маетъ пѣть, бу́дучи голо́днымъ? [6]До весе́нних. [7]Мурава́—густа́я со́чная трава́ на корню́. [8]Такъ что я совсѣмъ потеря́ла разсуди́тельность, совсѣмъ забы́ла, что на́до припасти́ что-нибудь на́ зиму. [9]Безъ ума́, съ самозабве́ніемъ, не по́мня себя́ отъ восто́рга.—[10]Со́бственныя имена́ соба́къ. [11]Оба наѣлись, ка́ждый изъ псовъ наѣлся. [12]Очень дру́жно.

Во всёмъ оказывать взаимную услугу,
Не спитъ[1] безъ друга и не съѣстъ.
Стоятъ горой за дружню[2] шерсть...
Вотъ если бъ, напримѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась,
Скажу я смѣло,
Мы бъ и не видѣли, какъ время бы летѣло".
—А что же? это дѣло!
Барбосъ отвѣтствуетъ ему:
Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
Что, бывши[3] одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживёмъ безъ драки.
И изъ чего? Спасибо господамъ:
Ни голодно ни тѣсно намъ!
При томъ же, право, стыдно:
Пёсъ дружества слывётъ примѣромъ съ давнихъ лѣтъ[4],
А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,
Почти совсѣмъ не видно.
„Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена",
Вскричалъ Полканъ: „дай лапу!"
—Вотъ она!
И новые друзья ну[5] обниматься,
Ну цѣловаться;
Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться[6].
„Орестъ[7] мой!"—Мой Пиладъ!
Прочь свары[8], зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней взапуски[9] несутся.
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ[10]?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья вверхъ летятъ;
Насилу, наконецъ, ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить[11], не грѣшна.
Что въ дружбѣ всѣ они едва ль не одинаки[12].
Послушать,—кажется, одна у нихъ душа;
А только кинь имъ кость—такъ что твои собаки[13]!

Не лу́чше тако́й дру́жбы и сли́шкомъ уже усе́рдное гостепри́имство, изображённое К—вымъ въ ба́снѣ:

LII. Демья́нова уха́.

По́водомъ къ сочине́нію э́той ба́сни послужи́ло сле́дующее обсто-

---

[1]Не вы́нить. [2]Прилаг. притяжа́тельное отъ другъ. [3]Вм. бу́дучи. [4]Пёсъ счита́ется образцо́мъ, примѣромъ дру́жбы, вѣрности. [5]На́чали. [6]Не зна́ютъ, съ кѣмъ сравни́ть себя́ въ отноше́ніи си́лы взаи́мной дру́жбы. [7]Сынъ гре́ческаго царя́ Агаме́мнона; имѣлъ въ свои́хъ стра́нствованіяхъ вѣ́рнаго и неразлу́чнаго спу́тника Пила́да; они́ всегда гото́вы бы́ли же́ртвовать собо́ю другъ за дру́га; отсю́да имена́ ихъ сдѣ́лались нарица́тельными назва́ніями вѣ́рныхъ друзе́й, гото́выхъ другъ для дру́га на всѣ́ же́ртвы. [8]Сва́ра, стр. ссо́ра. [9]Въ перего́нку. [10]Миръ, согла́сіе. [11]Мо́жно сказа́ть. [12]Одина́ковы. [13]А то́лько кинь имъ кость, такъ что бу́детъ сто́ить въ сравне́ніи съ ихъ вражде́й вражда́ соба́къ! Или́ ина́че, а е́сли ки́нешь имъ кость, то они́ такъ вцепя́тся грызться, что далеко превзойду́тъ соба́къ.

я́тельство. Крыло́въ принима́лъ уча́стіе въ литерату́рномъ кружкѣ́, носи́вшемъ назва́ніе: „Бесѣ́да люби́телей россі́йскаго сло́ва“. Заня́тія э́того кружка́ состоя́ли главнѣ́йшимъ о́бразомъ въ чте́ніи и обсужде́ніи произведе́ній чле́новъ его́. Иногда́ здѣсь чита́лись произведе́нія до того́ дли́нныя и ску́чныя, что о́бществомъ овладѣва́ла нево́льная зѣво́та и утомле́ніе. Эти-то утоми́тельныя литерату́рныя „угоше́нія“ и пода́ли К-ву мысль написа́ть ба́сню „Демья́нова уха́“.

„Сосѣ́душка́, мой свѣ́тъ!

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста, покушай“.
—Сосѣдушка, я сытъ по горло. „Нужды нѣтъ,
Ещё тарелочку; послушай,
Ушица[1], ей-же-ей, на славу[2] сварена!“
—Я три тарелки съѣлъ. „И, полно[3], что за[4] счёты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье ѣшь до дна!
Что за уха! Да какъ жирна!
Какъ будто янтарёмъ[5] подёрнулась она!
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ[6], потроха[7], вотъ стерляди[8] кусочекъ.
Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена[9]!“
Такъ потчевалъ[10] сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку
И не давалъ ему ни отдыху ни сроку[11],
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ.
Однакоже ещё тарелку онъ берётъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!“
Вскричалъ Демьянъ: „зато ужъ чванныхъ[12] не терплю.
Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку[13]
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти[14] домой,
И съ той поры къ Демьяну ни ногой[15].

Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой[16] имѣешь:
Но если помолчать во-время[17] не умѣешь
И ближняго ушей ты не жалѣешь[18]

---

[1]Вся́кій вообще́ нава́ръ, похлёбка; обыкн.: ры́бій нава́ръ, похлёбка изъ ры́бы. [2]Прекра́сно, превосхо́дно. [3]Дово́льно, переста́нь церемо́ниться. [4]Какіе счёты! Къ чему́ счита́ть! [5]Янта́рь соб.: ископа́емая отвердѣ́лая смола́ дре́внихъ, тепе́рь сгни́вшихъ, дере́вьевъ; цвѣтъ имѣ́етъ жёлтый, разли́чныхъ оттѣ́нковъ. Здѣсь подъ янтарёмъ разумѣ́ется жиръ на ухѣ́. [6]Уменьш. отъ лещъ,—родъ ры́бы. [7]Потроха́, въ ед. ч. не употребля́ется, со́б. вну́тренности живо́тныхъ. Изъ нихъ иду́тъ въ пи́щу то́лько пе́чень, по́чки и лёгкія. [8]Родъ ры́бы. [9]Проси́ съ покло́нами го́стя—отку́шать. [10]Угоща́лъ. [11]Ни вре́мени. [12]Со́б.: го́рдыхъ, зано́счивыхъ; здѣсь: скло́нныхъ лома́ться, кобе́ниться. [13] Въ обхва́тъ обѣ́ими рука́ми. [14]Не по́мня себя́ отъ пресыще́нія и стра́ха пе́редъ но́вымъ угоще́ніемъ. [15]Никогда́ не приходи́лъ, во́все не приходи́лъ. [16]Дѣстви́тельный, не ка́жущійся. [17]Обыкн. во́-время. [18]И надоѣда́ешь бли́жнимъ чте́ніемъ твои́хъ произведе́ній.

То вѣдай[1], что твои и проза[2] и стихи
Топнѣе будутъ всѣмъ демьяновой ухи.

LIII. Двѣ бо́чки.

Двѣ бо́чки ѣ́хали: одна́ съ вино́мъ,

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая—
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ[3]
Плетётся,
Другая вскачь несётся.
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмётся.
Её заслышавши издалека;
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Ту же мысль, что внѣшность обма́нчива, вы́разилъ и друго́й баснопи́сецъ, Хемни́церъ, въ ба́снѣ:

Солове́й и чижъ.

Былъ до́мъ, гдѣ по́дъ окно́мъ

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей висѣли,
И пѣли.
Лишь только соловей, бывало, запоётъ,
Сынъ маленькій отцу проходу не даётъ[4]:
Всё птичку показать къ нему онъ приступаетъ,
Что этакъ[5] хорошо поётъ.
Отецъ, обѣихъ снявъ, мальчишкѣ подаётъ.
„Ну“, говоритъ, „узнай, мой свѣтъ[6],
Которая тебя такъ много забавляетъ?“
Тотчасъ на чижика мальчишка указалъ.
„Вотъ, батюшка, она“, сказалъ.
И мальчикъ отъ чижа въ великомъ восхищеньи.
„Какія перышки, куда какъ онъ пригожъ!
Затѣмъ вѣдь у него и голосъ такъ хорошъ!

LIV. Три́шкинъ* кафта́нъ[7].

По́водомъ къ сочине́нію э́той ба́сни послужи́ла расточи́тельность помѣщиковъ вре́мени К—ва, кото́рые, для того́ что́бы жить роскошне́е, входи́ли ча́сто въ неопла́тные долги́, закла́дывали и перезакла́дывали свой имѣ́нія и, наконе́цъ, лиша́лись всего́.

---

[1]Знай. [2]Лат. prosa—всё, напи́санное не стиха́ми, [3]Ша́гомъ, ти́хо.—[4]Неотсту́пно про́ситъ. [5]Такъ. [6]Дорого́й мой.—*Три́шка, уменьш. отъ Три́фонъ. [7]Тр., ве́рхнее долгополое мужско́е пла́тье.

У Трíш|ки пá| локтя́хъ| кафта́нъ| продра́|лся.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
Но четверти обрѣзалъ рукавовъ
И локти заплаталъ[1]. Кафтанъ опять готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали[2]?
Однакоже, смѣётся Тришкѣ всякъ;

А Тришка говоритъ: „Такъ я же не дуракъ.
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю“.
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды[3] опъ и полы,
Наставилъ[4] рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы[5].

Эти неоплáтные долги́, въ кото́рые входи́ли безпе́чные помѣ́щики, явля́лись иногда́ слѣ́дствіемъ стра́сти ихъ къ стра́нствованіямъ въ чужи́хъ краяхъ, кото́рыя зачасту́ю не имѣ́ли ино́й цѣ́ли, кро́мѣ пусто́го тщесла́вія и хвастовства́. На э́то намека́етъ ба́сня:

LV. Лжецъ.

Изъ да́ль|нихъ стра́н|ствій во́з|вратя́сь,|

Изъ дальнихъ странствій[6] возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а, можетъ-быть, и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ[7] безъ счёту прилыгалъ[8].
„Нѣтъ“, говоритъ: „что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.

Вотъ тамъ-то, прямо, рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ ни свѣчъ совсѣмъ не надо.
Не знаешь вѣкъ, что есть ночпая тѣнь.
И круглый Божій годъ всё видишь майскій день.
Никто ни садитъ тамъ ни сѣетъ;
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурéцъ...
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь[9] пору!

---

[1]Положи́лъ запла́ту. [2]Да что объ э́томъ печа́литься? [3]Фа́лда, пѣм. Falde, скла́дка; за́дняя пола́ сюртука́, мунди́ра, кафта́на и пр. [4]Удлини́лъ. [5]Камзо́лъ, фр., часть одéжды, тепéрь неупотреби́тельная; длинный жиле́тъ, безрука́вая, коро́ткая поддёвка, ку́ртка подъ ве́рхнюю одéжду.—[6]Изъ далёкаго путеше́ствія. [7]И къ пра́вдѣ лжи... [8]Прилыга́лъ—отъ лгать; прибавля́лъ невѣ́рно, лжи́во. [9]Не опо́мнюсь отъ удивле́нія.

Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ
съ гору[1]".
—Что за диковина[2]! пріятель от-
вѣчалъ:
На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ
къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не
встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ
мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ
виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по нёмъ
пройти не смѣетъ:
До половины не дойдётъ—
Провалится и въ воду упадётъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по нёмъ, пожалуй, хоть
въ каретѣ.
„А какова у васъ рѣка?"
—Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-
то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ,
нѣтъ спору въ томъ...
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ
сказалъ о нёмъ?
„Гора хоть не гора, но, право,
будетъ съ домъ".
—Повѣрить трудно!
Однакожъ, какъ ни чудно,
А всё чудёнъ и мостъ, по коемъ
мы пойдёмъ,
Что онъ лжеца никакъ не поды-
маетъ;
И нынѣшней ещё весной
Съ него обрушились (весь городъ
это знаетъ)
Два журналиста[3] да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ ве-
личиной
Диковинка, коль это справедливо.
„Ну, не такое ещё диво;
Вѣдь, надо знать, какъ вещи есть.
Не думай, что вездѣ по-нашему
хоромы[4].
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду[5] влѣзть,
И то ни стать ни сѣсть!"
—Пусть такъ, но всё признаться
должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво[6]
счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-атъ[7] нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на нёмъ
пяти шаговъ
Какъ тотчасъ въ воду[8]!
Хоть римскій твой и чуденъ огу-
рецъ...
„Послушай-ка", тутъ перервалъ мой
лжецъ:
Чѣмъ на мостъ намъ итти, по-
ищемъ лучше броду[9]".

То же стремлéніе порази́ть, удиви́ть слу́шателя ви́дѣнными чудеса́ми, но уже́ дѣйстви́тельными, а не вы́мышленными, мы ви́димъ въ ба́снѣ:

---

[1]По величинѣ́ похо́жъ на го́ру. [2]Чу́до. [3]Журнали́стъ, отъ журна́лъ, изда́тель журна́ла или́ газе́ты. [4]Пала́ты, дворе́цъ. [5]Съ трудо́мъ. [6]Чу́до. [7]Приста́вочная части́ца, оста́токъ указ. мѣст. тотъ. [8]Подраз.: упадётъ. [9]Бродъ: а) перехо́дъ или́ переѣ́здъ че́резъ ме́лкое мѣ́сто въ водѣ́; б) ме́лкое мѣ́сто во всю ширину́ рѣки́, о́зера или́ зали́ва, гдѣ мо́жно перейти́ или́ переѣ́хать.

LVI. Любопы́тный[1].

„Прія́|тель до́|рого́й,| здоро́|во! гдѣ́| ты бы́лъ?“|

„Пріятель дорогой, здорово[2]! гдѣ ты былъ?“
—Въ кунсткамерѣ[3], мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Всё видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно[4], что тамъ чудесъ палата[5]!
Куда[6] на выдумки природа торовата[7]!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки[8],
Козявки[9], мушки, таракашки[10]!
Однѣ—какъ изумрудъ[11], другія,—какъ кораллъ[12]!
Какія крохотны коровки[13]!
Есть, право, менѣе булавочной головки!
„А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай[14], подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?“
—Да развѣ тамъ онъ?—„Тамъ“.—Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.

Не ме́нѣе лжеца́ и любопы́тнаго словоохо́тливъ и по́варъ въ ба́снѣ:

LVII. Котъ и по́варъ.

Како́й|-то по́|варъ, гра́|моте́й,|

Какой-то поваръ, грамотей[15],
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ* тризну[16] правилъ),
А дома стеречи[17] съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька-котъ въ углу,

---

[1]Лю́бящій пыта́ть, т.-е. спра́шивать, любозна́тельный, любозна́тельность кото́раго не имѣ́етъ цѣ́лью пріобрѣ́теніе серіо́зныхъ зна́ній, а то́лько развлече́ніе. [2]Здра́вствуй! [3]Кунстка́мера, нѣм. Kunst иску́сство и Kammer ко́мната; музе́й, собра́ніе рѣ́дкостей; здѣсь разумѣ́ется со́бственно музе́й при Импера́торской Акаде́міи Нау́къ въ Петербу́ргѣ. Въ музе́ѣ э́томъ, въ осо́бой ко́мнатѣ, помѣща́ется чу́чело слона́. [4]Дѣйстви́тельно. [5]Дворе́цъ; поко́й, ко́мната. [6]Удиви́тельно какъ... [7]Щедра́ [8]Бука́шка — жучо́къ. [9]Козя́вка — друго́е назва́ніе бука́шки. [10]Тарака́шка—уменьш. отъ тарака́нъ. [11]Драгоцѣ́нный ка́мень зелёнаго цвѣ́та. [12]Кора́ллы — твёрдыя известко́выя сооруже́нія осо́баго ро́да ме́лкихъ морски́хъ живо́тныхъ—поли́повъ; кра́сный кора́ллъ слу́житъ для украше́нія. [13]Коро́вка, обыкн.: Бо́жья коро́вка—бука́шка кра́снаго цвѣ́та съ чёрными то́чками. [14]Ду́маю, полага́ю.—[15]Гра́мотный, начётчикъ. *Обыкн.: кумѣ́. [16]Стр., поми́нки по уме́ршемъ; три́зну пра́вить—справля́ть поми́нки. [17]Вм. стере́чь.

Припавъ за уксуснымъ бочёнкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курчёнкомъ[1].
„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!“
Тутъ Ваську поваръ укоряетъ:
„Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?“
(А Васька всё-таки курчёнка убираетъ[2]).
„Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ[3],
А ты... ахти[4], какой позоръ!
Теперя[5] всѣ сосѣди скажутъ:
„Котъ-Васька плутъ! котъ-Васька воръ!
И Ваську-де[6], не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню:
Онъ порча, онъ чума[7], онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!“
(А Васька слушаетъ да ѣстъ).
Тутъ риторъ[9] мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью[10].
Но что жъ? Пока его онъ пѣлъ[11],
Котъ-Васька всё жаркое съѣлъ.

А я бы повару иному[12]
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить[13],
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Что излишняя словоохотливость не ведётъ къ добру, это видно и изъ басни:

LVIII. Три мужика.

Три му|жика| запли|| въ де|ре|вню но|чева|ть.|

Три мужика зашли въ деревню ночевать.
Здѣсь, въ Питерѣ[14], они извозомъ промышляли[15],
Поработали, погуляли
И путь теперь домой, на родину, держали.
А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши.
Въ деревнѣ что за разносолъ[16]?
Поставили пустыхъ[17] имъ чашку щей на столъ,
Да хлѣба подали, да, что осталось, каши.
Не то бы въ Питерѣ, да не о томъ ужъ рѣчь[18]:

---

[1]Цыплёнкомъ. [2]Быстро ѣстъ. [3]Быва́ло ука́зываютъ на тебя́, какъ на приме́ръ смире́нія, кро́тости. [4]Ахъ. [5]Нар., тепе́рь. [6]Ска́жутъ. [7]Соб.: осо́баго ро́да зарази́тельная болѣзнь. [8]Соб.: ра́на; зловре́дное существо́. [9]Гр., ора́торъ; человѣкъ, лю́бящій мно́го говори́ть, разглаго́льствовать; краснобай. [10]Ещё до́лго чита́лъ нравоуче́ніе. [11]Пока́ по́варъ чита́лъ нравоуче́ніе... Пѣть—иногда́ въ смы́слѣ: надоѣда́ть разгово́рами объ одно́мъ и томъ же. [12]Нѣкоторымъ повара́мъ. [13]Соб.: сдѣлать зару́бку, зазу́брину для па́мяти на сте́нкѣ. Для па́мяти просто́й наро́дъ дѣлаетъ замѣтки съ по́мощью зару́бокъ на па́лкѣ, дверно́мъ косякѣ, сте́нкѣ и про́ч.—[14]Наро́дн.: въ Петербу́ргѣ. [15]Были извозчиками. [16]Соб.: плоды́, заготовленные впрокъ различными спо́собами соле́нія; здѣсь—разнообра́зіе въ ку́шаньяхъ. [17]Безъ мя́са. [18]Не такъ поѣли бы они́ въ Пи́терѣ, но объ э́томъ не́чего и говори́ть, ни́чего и вспомина́ть.

Всё лучше, чѣмъ голоднымъ лечь.
Вотъ мужички перекрестились
И къ чашѣ пріютились.
Какъ тутъ одинъ, посмѣтливѣй[1]
изъ нихъ,
Увидя, что всего немного для троихъ,
Смекнулъ[2], какъ дѣломъ тѣмъ[3]
поправить
(Гдѣ силой взять нельзя, тамъ
надо полукавить[4]).
„Ребята“, говоритъ, „вы знаете
Ѳому?
Вѣдь въ нынѣшній наборъ забреютъ
лобъ ему[5]“.
—Какой наборъ? „Да такъ! Есть
слухъ—война съ Китаемъ[6]:
Нашъ батюшка[7] велѣлъ взять дань
съ китайцевъ чаемъ“.
Тутъ двое припялись судить и
разсуждать
(Они же грамотѣ, къ несчастью,
знали:
Газеты и подчасъ реляціи[8] читали),
Какъ быть войнѣ, кому повелѣвать.
Пустилися мои ребята въ разговоры:
Пошли догадки, толки, споры,
А нашъ того лукавецъ[9] и хотѣлъ:
Пока они судили да рядили[10]
Да войска* разводили,
Опъ ни гугу[11]—и щи и кашу, всё
пріѣлъ,

Ипому до чего нѣтъ дѣла,
О томъ толкуетъ онъ охотнѣе
всего:
Что будетъ съ Индіей, когда и
отчего,
Такъ ясно для него;
А поглядишь—у самого́
Деревня между глазъ сгорѣла[12].

Такъ быва́етъ и въ бѣдѣ: разгова́ривать вся́кій сумѣ́етъ, а дѣ́ломъ рѣ́дко помо́жетъ.

LIX. Крестья́нинъ въ бѣдѣ.

Къ крестья́нину на дво́ръ

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть[13] и, на просторѣ
Обшаря[14] стѣны всѣ и полъ и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ,
И то сказать[15]: какая совѣсть въ
ворѣ!
Ну—такъ, что нашъ мужикъ, бѣднякъ,
Богатымъ лёгъ, а съ голью[16] всталъ
такою,
Хоть по міру поди съ сумою[17]:
Не дай Богъ никому проснуться
худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ[18] и горюетъ,

[1]Посмышлёнѣе, поумнѣе. [2]По́нялъ. [3]Дѣ́ло попра́вить, го́рю э́тому помо́чь. [4]Схитри́ть. [5]Возьму́тъ въ солда́ты. Въ старину́ ре́крутамъ бри́ли лобъ для того́, что́бы, въ слу́чаѣ побѣ́га, бѣгле́цъ легко́ могъ быть у́знанъ. [6]Страна́ въ Азіи. [7]Царь. [8]Лат. relatio несе́ніе наза́дъ; докла́дъ по нача́льству, донесе́ніе о вое́нныхъ дѣ́йствіяхъ. [9]Хитре́цъ. [10]Разсужда́ли. *Обыкнов.: войска́. [11]Молча́лъ. [12]Дере́вня сгорѣ́ла пе́редъ са́мымъ но́сомъ. [13]Въ кладову́ю. [14]Обыска́въ. [15]Само́ собо́й разумѣ́ется, поня́тно. [16]Бѣ́дностью. [17]Мѣшко́мъ. Хоть отправля́йся про́сить ми́лостыню. [18]Грусти́ть, печа́лится

Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей,
„Нельзя ли“, говоритъ, „помочь бѣдѣ моей?“
Тутъ всякій съ мужикомъ толкуетъ
И умный свой даётъ совѣтъ.
Кумъ Карпычъ говоритъ: „Эхъ, свѣтъ[1],
Не надобно было тебѣ по міру славить[2],
Что столько ты богатъ“.
Сватъ[3] Климычъ говоритъ: „Впередъ, мой милый сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить“.
„Эхъ, братцы, это всё не такъ“,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
„Не то бѣда, что клѣть далёко,
Да надо на дворѣ лихихъ[4] держать собакъ;
Возьми-ка у меня щенка любого
Отъ жучки: я бы радъ сосѣда дорогого
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить“.
И словомъ, отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ,
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

LX. Раздѣлъ.

Имѣ|я о́бщій до́мъ| и о́бщую |конто́|ру

Имѣя общій домъ и общую контору[5],
Какіе-то честные торгаши[6]
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши[7].
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
„Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!“
Кричитъ одинъ изъ нихъ: „ступайте,
А счёты послѣ мы сведёмъ!“
– Мнѣ только тысячу мою сперва додайте
Шумитъ другой:
Я съ мѣста не сойду долой.
—Мнѣ двѣ не додано, а вотъ тутъ счёты ясны!
Ещё одинъ кричитъ.—Нѣтъ, нѣтъ, мы несогласны...
Да какъ, за что и почему?
Забывши, что пожаръ въ дому,
Проказники[8] тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму,
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо поважнѣй,
Нерѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ.

---

[1]Ми́лый. [2]Разглаша́ть, распуска́ть слу́хи, недоста́точно скрыва́ть. [3]См. примѣч. 3 къ ба́снѣ: „Волкъ и ягнёнокъ“. [4]Злыхъ.—[5]Лат. computare счита́ть, фр. comptoir, учрежде́ніе, гдѣ занима́ются счетово́дствомъ. [6]Торговцы. [7]Чужу́ю при́быль. [8]Прока́за—продѣлка, зла́я ша́лость. Прока́зникъ, соб., злой шалу́нъ; у Крыло́ва ча́сто въ смы́слѣ—тотъ, кто ду́рно, оши́бочно поступа́етъ.

Что, чтобъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ О выгодѣ своей.

LXI. Лебедь, щука и ракъ.

Когда| въ това|рищáхъ| согла|сья нѣтъ,|

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ[1],
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
Однажды лебедь, ракъ да щука
Везти съ поклажей возъ взялись
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ[2], а возу всё нѣтъ ходу[3]!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка.
Да лебедь рвётся въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

Того же согласія не доставало и у музыкáнтовъ въ бáснѣ:

LXII. Квартéтъ.

Пóводомъ къ сочинéнію этой бáсни послужúло слѣдующее обстоятельство. Въ Петербýргѣ въ 1811 г. откры́то бы́ло óбщество любúтелей рýсской словéсности, носúвшее назва́ніе: „Бесѣда любúтелей россíйскаго слóва“. По мы́сли нѣкоторыхъ члéновъ óбщества, емý прúдано бы́ло стрáнное устрóйство, напомина́вшее скорѣе какóе-лúбо казённое учрежденіе, чѣмъ кружóкъ любúтелей. Въ кружкѣ принима́ли учáстіе нѣсколько извѣстныхъ писáтелей, но бóльшая часть члéновъ бы́ли лю́ди, ма́ло одарённые литературнымъ тала́нтомъ.

Прока́|зница| марты́ш|ка,

Проказница[4]-мартышка,
Осёлъ,
Козёлъ
Да косолапый[5] Мишка[6]
Затѣяли[7] сыграть квартетъ[8].
Достали нотъ, баса[9], альта[10], двѣ скрипки
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой[11], братцы, стой!“ кричитъ мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.

[1]Дѣло не бýдетъ имѣть успѣха. [2]Стара́ются изо всѣхъ силъ. [3]А возъ всё не двúгается. [4]Шалýнья. [5]Съ крúвыми ступня́ми. [6]Медвѣдь. [7]Заду́мали. [8]Лат. quartuor четы́ре, quartus четвёртый; музыка́льная пьéса, напúсанная для 4 голосóвъ или 4 инструмéнтовъ. [9]Музыка́льный инструмéнтъ съ са́мымъ нúзкимъ тóномъ. [10]Музыка́льный инструмéнтъ съ срéднимъ тóномъ. [11]Ед. ч. вм. мнóж.

Ты съ басомъ, Мишенька, садись
противъ альта,
Я, прима[1], сяду противъ вторы[2];
Тогда пойдётъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!"
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ всё-таки на ладъ нейдётъ.
„Постойте жъ, я сыскалъ секретъ",
Кричитъ осёлъ: „мы, вѣрно, ужъ
поладимъ[3],
Коль рядомъ сядемъ".
Послушались осла: усѣлись чинно[4]
въ рядъ,
А всё-таки квартетъ нейдётъ на
ладъ.
Вотъ пуще[5] прежняго пошли у
нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось соловью на шумъ ихъ
прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему,
чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
„Пожалуй", говорятъ, „возьми на
часъ терпѣнье[6],
Чтобы квартетъ въ порядокъ
нашъ привесть.
И ноты есть у насъ, и инстру-
менты[7] есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!"
—Чтобъ музыкантомъ быть, такъ
надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй[8],
Имъ отвѣчаетъ соловей:
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Всё въ музыканты не годитесь.

Какъ ви́дно изъ всего́ хо́да дѣ́ла, живо́тныя, взя́вшія на себя́ роль музыка́нтовъ, са́ми не сознава́ли отсу́тствія въ себѣ́ ка́чествъ, ну́жныхъ для дѣ́ла, за кото́рое они́ взя́лись. Такова́ и мо́ська въ ба́снѣ:

LXIII. Слонъ и мо́ська.

По у́|лица́мъ| слона́| води́|ли,

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на показъ[9].
Извѣстно, что слоны въ диковинку[10]
у насъ;
Такъ за слономъ толпы зѣвакъ[11]
ходили.
Отколѣ ни возьмись[12], навстрѣчу
моська[13] имъ.
Увидѣвши слона, ну[14] на него
метаться[15]
И лаять, и визжать, и рваться;

[1]Лат. primus пе́рвый; пе́рвый го́лосъ или́ пе́рвый инструме́нтъ въ исполне́ніи како́й-ли́бо музыка́льной пье́сы. [2]Второ́й го́лосъ или́ второ́й инструме́нтъ въ исполне́ніи како́й-ли́бо музыка́льной пье́сы. [3]Бу́демъ въ согла́сіи другъ съ дру́гомъ. [4]Пра́вильно, по прямо́й ли́ніи. [5]Бо́льше, сильне́е. [6]Будь на вре́мя терпѣли́въ, запаси́сь терпѣніемъ. [7]Лат. instrumentum, вся́кое вообще́ ору́діе; здѣсь: ору́діе музыка́льное. [8]На́добно у́ши понѣ́жнѣе ва́шихъ=ну́женъ то́нкій слухъ. [9]Води́ли, что́бы пока́зывать его́, какъ ди́во. [10]Подраз.: слу́жатъ; слу́жатъ въ дико́винку, для дико́винки; счита́ются рѣ́дкостью. [11]Зѣва́ка, о́бщ. ро́да, тотъ или́ та, кто зѣва́етъ, т.-е. глазѣетъ на что-ли́бо. [12]Вдругъ, внеза́пно. [13]Осо́бая, ме́лкая поро́да соба́къ. [14]На́чала. [15]Броса́ться.

Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
„Сосѣдка, перестань срамиться“,
Ей шафка[1] говоритъ: „тебѣ ль съ слономъ возиться[2]?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идётъ
Впередъ
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“.
—Эхъ, эхъ! ей моська отвѣчаетъ:
Вотъ то-то мнѣ и духу[3] придаётъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большія забіяки[4].
Пускай же говорятъ собаки:
„Ай, моська! знать[5], она сильна,
Что ластъ на слона!“

LXIV. Бѣлка.

Въ дере́в|нѣ, въ пра́зд|никъ, по́дъ| окно́мъ|

Въ деревнѣ въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ[6]
Народъ толпился:
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.
Вблизи съ берёзы ей дивился тоже дроздъ:
Такъ бѣгала она что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвостъ.
„Землячка[7] старая“, спросилъ тутъ дроздъ: „нельзя ли
Сказать, что дѣлаешь ты здѣсь?“
— Охъ, милый другъ! тружусь день весь:
Я по дѣламъ гонцомъ[8] у барина большого;
Ну, некогда[9] ни пить ни ѣсть,
Ни даже духу перевесть[10].
И бѣлка въ колесѣ бѣжать пустилась снова.
„Да“, улетая, дроздъ сказалъ, „то ясно мнѣ,
Что ты бѣжишь, а всё на томъ же ты окнѣ“.

Посмотришь на дѣльца иного,
Хлопочетъ, мечется: ему дивятся всѣ;
Онъ, кажется, изъ кожи рвётся[11],
Да только всё впередъ не подаётся,
Какъ бѣлка въ колесѣ.

Иногда́ быва́етъ и такъ, что и си́лы-то для дѣ́ла есть, да прилага́ются онѣ́ къ дѣ́лу неподходя́щему, къ дѣ́лу, для кото́раго онѣ́ во́все не нужны́, какъ то ви́дно, напр., въ ба́снѣ:

LXV. Ла́рчикъ[12].

Случа́|ется| перѣ́д|ко на́мъ|

Случается нерѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться.

---

[1]Поро́да ко́мнатныхъ соба́къ; ина́че: шпицъ. [2]Тебѣ́ ль имѣ́ть дѣ́ло со слоно́мъ? [3]Хра́брости. [4]Могу́ просла́ть забія́кою, драчу́ньей. [5]Ви́дно, должно́ быть. [6]Помѣ́щичьяго до́ма. [7]Земля́къ, земля́чка—тотъ или́ та, кто происхо́дитъ изъ одно́й съ кѣ́мъ-ли́бо страны́ (земли́), го́рода, дере́вни и про́ч. [8]Подраз.: состою́. [9]Нѣтъ вре́мени. [10]Отдохну́ть. [11]Ста-ра́ется изо всѣ́хъ силъ. — [12]Ящикъ.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза кидался[1];
Ну, всякій ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ[2].
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ:
„Ларецъ съ секретомъ[3];
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть; да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣ́йтесь такъ исподтишка[4]!
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою;
Въ механикѣ и я чего-нибудь да стою[5]“.
Вотъ за ларецъ принялся онъ:
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ
И голову свою ломаетъ[6];
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ, глядя на него, иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдаётся:
„Не тутъ! не такъ, не тамъ!“
Механикъ пуще рвётся.
Потѣлъ, потѣлъ, но, наконецъ, усталъ
Отъ ларчика отсталъ[7],
И, какъ открыть его, никакъ не догадался.
А ларчикъ просто открывался.

Ту́ же, приблизи́тельно, мы́сль авторъ вы́разилъ и въ ба́снѣ:

LXVI. Ту́ча.

Надъ и́з|нурён|ною́| отъ зно́|я сто́|роно́ю|

Надъ изнуренною отъ зноя стороною[8]
Большая туча пронеслась;
Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождёмъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
„Что[9] сдѣлала добра
Ты щедростью такою?
Сказала ей гора:
„И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бъ область[10] цѣлую отъ голода спасла;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.

Не такъ по́нялъ свою́ зада́чу и мужи́къ въ ба́снѣ:

LXVII. Черво́нецъ.

Мужи́къ| проста́къ,| каки́хъ| вездѣ́| нема́|ло,

Мужикъ простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашёлъ червонецъ на земли[12].

---

[1]Обраща́лъ на себя́ внима́ніе. [2]Учёный меха́никъ, учёный, занима́ющійся меха́никою; меха́ника, гр. ору́діе, маши́на; нау́ка объ устро́йствѣ и дѣ́йствіи маши́нъ. [3]Съ секре́тнымъ отпо́ромъ. [4]Тихо́нько. [5]Въ меха́никѣ и я что-нибу́дь да зна́ю. [6]Заду́мывается. [7]Оста́вилъ ла́рчикъ.—[8]Надъ истощённою отъ жа́ра страно́ю. [9]Ско́лько. [10]страну́.—[11]Одного́ ко́рня съ черво́ный, кра́сный; золота́я моне́та. [12]Стр., на землѣ́.

Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожъ, пятаковъ пригоршни[1] трои[2]
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
„Постой же“, думаетъ мужикъ:
„дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ“.
Тутъ, взявъ песку, дресвы[3] и мѣлу
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча[4]
Червонецъ о кирпичъ онъ точитъ,
Дресвой дерётъ,
Пескомъ и мѣломъ трётъ,
Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ[5], его поставить хочетъ.
И подлинно[6], какъ жаръ, червонецъ заигралъ;
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

При отсу́тствіи силъ для дѣ́ла, ужъ лу́чше предоста́вить дѣ́лать его́ дру́гимъ, какъ поступи́лъ сатра́пъ въ ба́снѣ:

LXVIII. Вельмо́жа.

Како́й-то въ дре́в|ности́| вельмо́|жа

Какой-то въ древности вельможа[7]
Съ богато убраннаго ложа[8]
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ[9].
Сказать простѣе: умеръ онъ;
И такъ, какъ встарь велось[10], въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: „Чѣмъ былъ ты? Гдѣ родился?“
—Родился въ Персіи[11], а чипомъ былъ сатрапъ[12];
Но такъ какъ, живу́чи[13], я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ[14]
А всѣ дѣла секретарю оставилъ.
„Что жъ дѣлалъ ты?“—Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да всѣ подписывалъ, что онъ ни подавалъ.
„Скорѣй же въ рай его!“—Какъ! гдѣ же справедливость?
Меркурій[15] тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость[16].
—Эхъ, братецъ! отвѣчалъ Эакъ[17],
Не знаешь дѣла ты никакъ[18].

---

[1]При́горшня—сто́лько, ско́лько мо́жно захвати́ть руко́й. [2]Обыкн.: три. [3]Кру́пный песо́къ, хрящи́. [4]Изо всей си́лы, кре́пко. [5]Ого́нь, раскале́нные у́гли. [6]Дѣйстви́тельно. — [7]Зна́тный, высокопоста́вленный челове́къ. [8]Ло́же—посте́ль, крова́ть. [9]Гр., богъ подзе́мнаго ца́рства у дре́вних грéковъ. [10]Сбб., какъ бы́ло обыкнове́ніе въ старину́, какъ вѣ́рили дре́вніе. [11]Страна́ въ Азіи. [12]Прс., нача́льникъ о́бласти въ дре́вней Пе́рсіи. [13]Живя́, при жи́зни. [14]Не управля́лъ. [15]Лат. Mercurius, богъ воровства́ и торго́вли у дре́вних ри́млянъ; сопровожда́лъ та́кже, по вѣ́рованію ри́млянъ, ду́ши умёрших въ подзе́мное ца́рство. [16]Вѣ́жливость, почти́тельность. [17]Гр., оди́нъ изъ трёхъ суде́й въ подзе́мномъ ца́рствѣ, по вѣ́рованію дре́вних грéковъ и ри́млянъ. [18]Должа́ быть, ви́дно по всему́; выража́етъ прито́мъ не́которое удивле́ніе.

Не видишь развѣ ты — покойникъ
былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несча-
стью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!..
И ты бъ тамъ слёзъ не обобрался![1]

Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не приним ися.

—

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ
тамъ судью;
Ну, такъ и кажется, что быть ему
въ раю!

Вельмо́жа попа́лъ въ рай потому́ то́лько, что „за дѣла́ не принима́лся“, а ме́жду тѣмъ иногда́ и и́стинныя заслу́ги остаю́тся не вознагражде́нными во́-время, какъ то ви́дно изъ ба́сни:

LXIX. Бѣлка.

У льва́| служи́|ла бѣл|ка.

У льва служила бѣлка.
Не знаю, какъ и чѣмъ, но дѣло
только въ томъ,
Что служба бѣлкина угодна пе-
редъ львомъ[2];
А угодить на льва, конечно, не
бездѣлка[3].
Зато обѣщанъ ей орѣховъ цѣлый
возъ;
Обѣщанъ,—между тѣмъ всё время
улетаетъ,
А бѣлочка моя нерѣдко голодаетъ
И скалитъ передъ львомъ зубки
свои сквозь слёзъ[4].
Посмотритъ: по лѣсу то тамъ, то
сямъ мелькаютъ
Ея подружки въ вышинѣ.
Она лишь глазками моргаетъ, а
онѣ
Орѣшки, знай себѣ[5], щелкаютъ да
щелкаютъ.
Но наша бѣлочка къ орѣшнику
лишь шагъ*,
Глядитъ—нельзя никакъ:
На службу льву её то кличутъ,
то толкаютъ.
Вотъ бѣлка, наконецъ, ужъ стала
и стара
И льву наскучила: въ отставку ей
пора[6].
Отставку бѣлкѣ дали,
И, точно, цѣлый возъ орѣховъ ей
прислали.
Орѣхи славные, какихъ не видѣлъ
свѣтъ;
Всѣ на отборъ[7]; орѣхъ къ орѣху[8]
чудо!
Одно лишь только худо:
Давно зубовъ у бѣлки нѣтъ.

LXX. Крестья́нинъ и рабо́тникъ.

Когда́| у на́съ| бѣда́| надъ го́|ловой,|

Когда у насъ бѣда надъ головой, | То рады мы тому молиться,

[1]Слёзъ, го́ря бы́ло бы сли́шкомъ мно́го. [2]Нра́вится льву. [3]Не пусто́е, не шу́точное дѣло. [4]Обыкн.: сквозь слёзы. [5]Всё вре́мя, то́лько; обо́б.: то́лько и зна́ютъ себѣ́, что щелка́ютъ оре́хи. *Подр.: сдѣ́лаетъ; лишь шагнётъ. [6]Подраз.: вы́йти; вы́йти въ отста́вку=оста́вить слу́жбу. [7]Всѣ отбо́рные. [8]Всѣ оре́хи одного́ досто́инства.

Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой[1],
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ взапуски[2] его цѣнятъ[3],
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

Старикъ-крестьянинъ съ батракомъ[4]
Шёлъ подъ вечеръ, лѣскомъ,
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу[5],
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ посу[6].
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.
Подмялъ[7] крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ
И, гдѣ бъ его почать[8], лишь мѣсто выбираетъ.
Конецъ[9] приходитъ старику.
„Степанушка родной, не выдай милый!“
Изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился батраку[10].
Вотъ новый Геркулесъ[11], со всей собравшись силой,
Что только было въ нёмъ,
Отнёсъ полчерепа медвѣдю топоромъ
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревѣлъ и замертво упалъ:
Медвѣдь мой[12] издыхаетъ.
Прошла бѣда; крестьянинъ всталъ,
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшилъ[13] бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй“, говоритъ: „за что?“
—За что, болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колетъ: всю испортилъ шкуру!

LXXI. Два мальчика.

„Сеню|ша, зна|ешь ли|, пока|мѣсть, какъ| бара|новъ,

„Сенюша[14], знаешь ли, покамѣстъ[15],
какъ барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдёмъ-ка да нарвёмъ въ саду себѣ каштановъ!“
—Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ[16]!
Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ туда не взлѣзть[17],
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть.
„И, милый, да на что жъ догадка[18]!
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка[19]!
Я всё придумалъ: погоди!
На ближній сукъ[20] меня лишь подсади.
А тамъ мы сами умудримся
И досыта каштановъ наѣдимся!“

---

[1]Но то́лько бѣда́ минова́ла. [2]Наперерывъ другъ пе́редъ дру́гомъ. [3]Оцѣ́нивають, обсужда́ютъ его́ посту́пки. [4]Съ рабо́тникомъ. [5]Съ лу́га, гдѣ коси́ли сѣ́но. [6]Очень бли́зко. [7]Подобра́лъ подъ себя́. [8]Или́ нача́ть, нача́ть терза́ть. [9]Смерть. [10]Сталъ моли́ть, проси́ть. [11]Баснослóвный богатырь у дре́вникъ гре́ковъ. [12]Тотъ, о кото́ромъ я разска́зываю. [13]Растеря́лся, сталъ втупи́къ.—[14]Соб. и́мя, уменьш. отъ Симео́нъ. [15]То́ же, что пока́. [16]Не для насъ. [17]Подраз.: невозмóжно. [18]Сообрази́тельность, дога́дливость. [19]Лóвкость. [20]Вѣтвь.

Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся ногъ[1].
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ[2],весь потомъ обливался,
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться[3] помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье[4];
Какъ мышкѣ въ закромѣ[5], вверху ему раздолье[6].
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть—
Не перечесть!
Найдётся чѣмъ и поживиться
И съ другомъ подѣлиться.

Что жъ? Сенѣ отъ того прибытокъ[7] вышелъ малъ:
Онъ, бѣдный, напизу облизывалъ лишь губки.
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ[8],
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Видалъ Ѳедюшъ на свѣтѣ я,
Которымъ ихъ друзья
Вскарабкаться наверхъ усердно помогали,
А послѣ ужъ отъ нихъ скорлупки не видали!

LXXII. Мéльникъ.

У мéль|никá| водá| плотú|ну прó|сосá|ла;

У мельника вода плотину[9] прососала;
Бѣда бъ не велика сначала,
Когда бы руки приложить[10];
Но кстати ль[11]? Мельникъ мой не думаетъ тужить;
А течь день-ото-дня сильнѣе становится:
Вода такъ бьётъ, какъ изъ ведра.
„Эй, мельникъ, не зѣвай! Пора,
Пора тебѣ за умъ хватиться*!“
А мельникъ говоритъ: „Далёко до бѣды;
Не море надо мнѣ воды,
И ею мельница по весь мой вѣкъ[12] богата“.
Онъ спитъ, а между тѣмъ
Вода бѣжитъ, какъ изъ ушата[13].
И вотъ бѣда пришла совсѣмъ:
Сталъ жёрновъ[14], мельница не служитъ.
Хватился мельникъ мой: и охаетъ, и тужитъ,
И думаетъ, какъ воду уберечь.
Вотъ у плотины онъ, осматривая течь,
Увидѣлъ, что къ рѣкѣ пришли напиться куры.
„Негодныя“, кричитъ, „хохлатки, дуры!
Я и безъ васъ воды не знаю, гдѣ достать;
А вы пришли её здѣсь вдосталь[15] допивать!“

---

[1]Со всѣхъ ногъ—óчень быстро. [2]Тяжелó дышáлъ. [3]Взобрáться. [4]Раздóлье, простóръ, свобóда. [5]Забранное доскáми отдѣлéніе въ амбáрѣ для ссы́пки зернá одногó рóда. [6]То же, что привóлье. [7]Прúбыль. [8]Ѣлъ. [9]Нáсыпь для запрýды рѣки́. [10]Взя́ться за рабóту. [11]Кстáти—къ дѣлу, къ мѣсту, вó-время. *Взя́ться за умъ, подýмать. [12]На всю мою́ жизнь. [13]Ушáтъ, одногó кóрня съ у́ши; большáя носýда для воды́ съ запѣпками (ушáми) для перенóса съ мѣста на мѣсто [14]Мéльничный кáмень. [15]До концá, совершéнно.

И въ никъ полѣномъ хвать[1].
Какое жъ сдѣлалъ тѣмъ себѣ подспорье[2]?
Безъ куръ и безъ воды пошёлъ
въ своё подворье[3].

Видалъ я иногда,
Что есть такіе господа
(И эта басенка имъ сдѣлана въ подарокъ),
Которымъ тысячей не жаль на вздоръ[4] сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить[5],
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,
И рады за него съ людьми поднять содомъ[6].
Съ такою бережью[7] диковинка ль[8],
что домъ
Скорёшенько[9] пойдётъ вверхъ дномъ?

LXXIII. Заяцъ на ловлѣ.

Большо́й| собра́в|шися́ гурьбо́й,|

Большой собравшися гурьбой[10],
Медвѣдя звѣри изловили[11],
На чистомъ полѣ задавили
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ;
А заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
„Ба, ты, косой[12а]",
Кричатъ ему „пожаловалъ[13] отколѣ[14]?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ".
—Вотъ, братцы! заяцъ отвѣчалъ:
Да изъ лѣсу-то кто жъ?—всё я его[15] пугалъ
И къ вамъ поставилъ[16] прямо въ поле
Сердечнаго дружка[17]!
Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно.
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

LXXIV. Крестья́нинъ и змѣя́.

Змѣя́| къ крестья́|нину́| припла́| проси́ть|ся въ до́мъ,|

Змѣя къ крестьянину пришла проситься въ домъ,
Не попустому[18] жить, безъ дѣла:
Нѣтъ, няньчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще, нажитый трудомъ.
„Я знаю", говоритъ она, „худую славу
Которая у васъ, людей,
Идётъ про змѣй,
Что всѣ онѣ презлого нраву.
Изъ древности гласитъ молва

---

[1]Вм. хвати́лъ. [2]По́мощь. [3]Уса́дьбу. [4]Пустяки́. [5]По́мочь. [6]Содо́мъ, сбб., оди́нъ изъ городо́въ, кото́рые бы́ли сожжены́ о́гненнымъ дождёмъ, по́сланнымъ отъ Бо́га за грѣхи́ жи́телей; въ перено́сномъ смы́слѣ—суматоха, кутерьма́, шумъ. [7]Бережли́востью. [8]Удиви́тельно ли. [9]Нар., о́чень ско́ро. [10]Толпо́й. [11]Поймали́. [12]Назва́ніе за́йца. Отку́да произошло́ тако́е назва́ніе, см. ни́же, статью́ С. Т. Акса́кова: „За́йцы". [13]Пришёлъ. [14]Отку́да. [15]Медвѣдя. [16]Вм. доста́вилъ, пригна́лъ. [17]Шутли́во—о медвѣдѣ.—[18]Неда́ромъ.

Что благодарности онѣ не знаютъ,
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ.
Всё это можетъ быть; но я не такова:
Я съ роду[1] никого не только не кусала,
Но такъ гнушаюсь[2] зла,
Что жало[3] у себя я вырвать бы дала,
Когда бъ я знала,
Что жить могу безъ жала;
И, словомъ, я добрѣй
Всѣхъ змѣй.

Суди жъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей!"
—Коль это, говоритъ крестьянинъ, и не ложно[4],
Всё мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю змѣёй
Одной
Сто злыхъ и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да, кажется, голубушка моя,
И потому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая змѣя,
По мнѣ[5], ни къ чорту не годится.

LXXV. Чижъ и Голубь.

Чижа́ захло́пнула злодѣ́йка за́падня!

Чижа захлопнула злодѣйка западня[6]!
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался;
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался[7].
„Не стыдно ль, говоритъ: „средь бѣла дня
Попался!
Не провели[8] бы такъ меня:
За это я ручаюсь смѣло".
Анъ[9] смотришь: тутъ же самъ запутался въ силокъ[10]!
И дѣло[11]:
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

LXXVI. Кукушка и пѣтухъ.

„Какъ, ми́лый пѣ́тушо́къ, поёшь ты гро́мко, ва́жно!"

„Какъ, милый пѣтушокъ, поёшь ты громко, важно!"
— А ты, кукушечка, мой свѣтъ,
Какъ тянешь плавно и протяжно:
Во всёмъ лѣсу у насъ такой пѣвицы нѣтъ!

---

[1]Отъ рожде́нія. [2]Чужда́юсь, ненави́жу зло. [3]Жа́ло—то, чѣмъ змѣя́ жа́лить. Въ старину́ ду́мали, что у змѣи́ есть жа́ло, какъ у пчелы́ и осы́. На са́момъ дѣлѣ змѣя́ нано́ситъ ра́ну не жа́ломъ, а зуба́ми, изъ кото́рыхъ выдѣля́ется ядови́тый сокъ. [4]Истинно. [5]По моему́ мнѣ́нію [6]Западня́, одного́ ко́рня съ глаго́ломъ па́дать, лову́шка. Западня́ на́звана злодѣ́йкой по отноше́нію къ чижу́, котораго она́ захло́пнула. [7]Насмѣха́лся. [8]Не обману́ли бы. [9]Но. [10]Лову́шка для птицъ, состоя́щая изъ ко́нскаго во́лоса, скла́дываемаго въ петлю́, кото́рая обхва́тываетъ но́гу попа́вшейся пти́цы. [11]И дѣльно, и хорошо́.

„Тебя, мой кумане́къ[1], вѣкъ[2]
слушать я готова".
—А ты, красавица, божусь,
Лишь только замолчишь, то жду я,
не дождусь
Чтобъ начала ты снова...
Отколь такой берётся голосокъ?
И чистъ, и нѣженъ, и высокъ!..
Да вы ужъ родомъ такъ[3]: собою
невелички[4],
А пѣсни, что твой соловей[5]!
„Спасибо, кумъ; зато, по совѣ-
сти моей,
Поёшь ты лучше райской птички:
На всѣхъ ссылаюсь въ этомъ
я".
Тутъ воробей, случась, промолвилъ
имъ: „Друзья,
Хоть вы охрипните, хваля другъ
дружку,
Всё ваша музыка плоха!.."

За что же, не боясь грѣха,
Кукушка хвалитъ пѣтуха?
За то, что хвалитъ онъ кукушку.

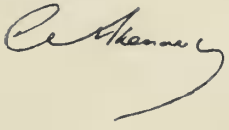
В. Серге́й Тимоше́евичъ Акса́ковъ

(1791—1859)

происходи́лъ изъ стари́наго дворя́нскаго ро́да, владѣ́вшаго съ да́внихъ временъ помѣ́стьями въ Симби́рской губ. Ме́жду ро́дичами помѣ́щиками, владѣ́вшими землёю сообща́, происходи́ли посто́янныя собо́ры. Поэ́тому дѣдъ С. Т. А-ва заду́малъ оста́вить родны́я мѣста́ и переселя́ться въ Уфи́мское намѣ́стничество (нынѣ́шнія губе́рніи Уфи́мская и Оренбу́ргская). Здѣсь въ то вре́мя населе́ніе бы́ло о́чень рѣ́дкое, и потому́ зе́млю мо́жно бы́ло пріобрѣ́сть о́чень дёшево. Купи́въ здѣсь зе́млю, онъ перевёлъ на неё свои́хъ крестья́нъ. Таки́мъ о́бразомъ возни́кла но́вая дере́вня, получи́вшая назва́ніе: „Но́вое Акса́ково" (въ разска́захъ Акса́кова—Багро́во). Оте́цъ Акса́кова до сме́рти дѣда служи́лъ въ Уфѣ́ чино́вникомъ. Здѣсь же роди́лся и провёлъ пе́рвые го́ды жи́зни Серге́й Тимоше́евичъ. Дальнѣ́йшіе го́ды дѣ́тства, до восьмилѣ́тняго во́зраста, А. провёлъ въ дере́внѣ, перешёдшей отъ дѣда въ насле́дство къ его́ отцу́. Когда́ А-ву испо́лнилось 8 лѣ́тъ, онъ былъ помѣ́щёнъ въ Каза́нскую гимна́зію. По оконча́ніи ку́рса гимна́зіи, А. поступи́лъ въ Каза́нскій университе́тъ, отку́да, впро́чемъ, вско́рѣ, по со́бственному жела́нію, вы́шелъ, для поступле́нія на государственную слу́жбу. Около 1812 го́да онъ вы́шелъ въ отста́вку и надо́лго посели́лся въ своёмъ родно́мъ имѣ́ніи. Здѣсь онъ вёлъ ти́хую, уединённую жизнь, занима́ясь хозя́йствомъ и предава́ясь охо́тѣ, кото́рую стра́стно люби́лъ. Въ 1836 году́ А. та́кже надо́лго посели́лся въ Москвѣ́, гдѣ и жилъ, выѣзжа́я изъ нея́ на коро́ткое вре́мя въ своё помѣ́стье, до са́мой сме́рти (1859 г.).

Произведе́нія А-ва са́мымъ тѣ́снымъ о́бразомъ свя́заны съ его́ жи́знью. Всѣ почти́ они́ суть не что ино́е, какъ тепло́ и мастерски́ на-

[1]Уменьш. отъ кумъ. [2]Всегда́, всю жизнь. [3]Да вы (куку́шки) ужъ по приро́дѣ таковы́. [4]Нар., ма́лы. [5]А пѣ́сни такія, что гора́здо лу́чше соловьи́ныхъ. Твой иногда́ употребля́ется въ презри́тельномъ смы́слѣ, какъ и здѣсь.



писа́нныя воспомина́нія о томъ, что пережи́лъ и перечу́вствова́лъ самъ а́вторъ. Отсю́да, впро́чемъ, на́до исключи́ть его́ сочине́ніе: „Семе́йная хро́ника“, заключа́ющее въ себѣ́ изображе́ніе ста́ршаго поколѣ́нія ро́да Аксако́выхъ и напи́санное, коне́чно, на основа́ніи разска́зовъ, слы́шанныхъ а́второмъ въ дѣ́тствѣ.

I. Изъ „Семе́йной хро́ники“.

1. Степа́нъ Миха́йловичъ Багро́въ[1]. Степа́нъ Миха́йловичъ Багро́въ, такъ зва́ли дѣ́душку, былъ небольшо́го ро́ста. Но высо́кая грудь, необыкновѣ́нно широ́кія плѣ́чи, жи́листыя ру́ки, ка́менное, му́скулистое[2] тѣ́ло обличи́тельно свидѣ́тельствовали въ нёмъ силача́. Въ ю́ности, въ молодѣ́цкихъ потѣ́хахъ, ку́чу воѣ́нныхъ това́рищей[3], на него́ нацѣпля́вшихся, стря́хивалъ онъ, какъ бры́зги воды́ стря́хиваетъ съ себя́ корена́стый[4] дубъ по́слѣ дождя́, когда́ его́ покачнётъ вѣ́теръ. Не́ было челове́ка, кто бы ему́ не вѣ́рилъ. Его́ обѣща́ніе бы́ло крѣ́пче и святѣ́е всѣ́хъ а́ктовъ[5]. Приро́дный умъ его́ былъ здравъ и свѣ́телъ. Онъ не получи́лъ никако́го образова́нія и ру́сскую гра́моту зналъ пло́хо. Но, служа́ въ полку́, ещё до офице́рскаго чи́на, вы́учился онъ пе́рвымъ пра́виламъ ариѳме́тики и вы́кладкѣ на счётахъ, о чёмъ люби́лъ говори́ть да́же въ ста́рости. Вѣроя́тно, онъ служи́лъ не о́чень до́лго, и́бо вы́шелъ въ отста́вку каки́мъ-то полковы́мъ квартирме́йстеромъ[6]. Я слы́шалъ, что онъ быва́лъ ча́сто употребля́емъ для поимки во́лжскихъ разбо́йниковъ и что разбо́йники зна́ли его́ въ лицо́ и боя́лись, какъ огня́. Вы́шедъ въ отста́вку, нѣ́сколько лѣ́тъ жилъ онъ въ своёмъ насло́дственномъ селѣ́ Тро́ицкомъ, Багро́во тожъ[7], и сдѣ́лался отли́чнымъ хозя́иномъ. Приведя́ въ поря́докъ своё хозя́йство, дѣ́душка мой жени́лся на Ари́нѣ Васи́льевнѣ Неклю́довой, небога́той дѣви́цѣ, та́кже изъ стари́ннаго дворя́нскаго до́ма.

Да́лѣе въ „Семе́йной хро́никѣ“ разска́зывается о томъ, какъ Степа́нъ Миха́йловичъ, кото́рому надое́ли ссо́ры ме́жду ро́дственниками въ Ста́ромъ Акса́ковѣ (въ Симби́рской г.), заду́малъ оста́вить родно́е имѣ́-

[1] Дѣ́душка Акса́кова. Въ „Семе́йной хро́никѣ“ Акса́ковъ называ́етъ его́ вы́мышленной фами́ліей. [2] Му́скулы, лат. musculus (отъ mus), со́б.: мышо́нокъ, мы́шцы, кра́сное мя́со; му́скулистый — мяси́стый. [3] Степа́нъ Миха́йловичъ въ мо́лодости служи́лъ въ воѣ́нной слу́жбѣ. Въ XVIII вѣ́кѣ всѣ́ дворя́не должны́ бы́ли хоть нѣ́которое вре́мя служи́ть въ воѣ́нной слу́жбѣ. [4] Со́б.: съ больши́ми то́лстыми, дли́нными, глубоко́ сидя́щими въ землѣ́ корня́ми; могу́чій, крѣ́пкій. [5] Лат. ago веду́, дѣ́лаю; актъ — пи́сьменный докуме́нтъ. [6] Нѣм. Quartier квартира и Meister хозя́инъ того́-ли́бо, завѣ́дующій чѣ́мъ-ли́бо: лицо́ въ полку́, завѣ́дывающее во вре́мя похо́да поря́дкомъ размѣще́нія солда́тъ и офице́ровъ по квартира́мъ. [7] Вы́мышленное назва́ніе села́ Ста́раго Акса́кова, родово́го имѣ́нія Акса́ковыхъ въ Симби́рской губ.

піе и переселиться въ Уфимское намѣстничество, гдѣ мѣсто было, вслѣдствіе малочисленности населенія и обилія свободной земли, купить её очень дешево. Онъ ѣздилъ съ этою цѣлью въ Уфимское намѣстничество, купилъ землю, заплативъ по полтиннику за каждую десятину, перевезъ туда своихъ крестьянъ и устроился, наконецъ, на новомъ мѣстѣ. Новая деревня стала называться Новое Аксаково (Багрово). Устроившись окончательно, Степанъ Михайловичъ зажилъ тихою, уединенною жизнью степного помѣщика. Жизнь эта изображена въ главѣ:

2. Добрый день Степана Михайловича. **А. Утро.** Въ исходѣ іюня стояли сильные жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ. Проснулся дѣдушка, высунулъ голову изъ-подъ пологa[1] и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никанорка Танайчёнокъ[2] храпѣли въ растяжку на полу въ карикатурно-живописныхъ положеніяхъ. „Экъ[3] храпятъ собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ[4] въ бокъ спящаго или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ. Но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ[5], какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги и вышелъ на крыльцо. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный[6] потникъ[7], лежавшій всегда на чуланѣ[8], подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почёсывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидались у того же крыльца. Заходили также и коровы и овцы. Но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, напротивъ, любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ.

Б. Въ полѣ. Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьёй, дѣдушка собрался въ поле. Старый бурый меринъ[9], запряженный въ длинныя крестьянскія дроги[10] или роспуски[11], уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, т.-е. просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шер-

[1]Пологъ—занавѣсь, окружающая кровать со всѣхъ сторонъ. [2]Лакеи Степана Михайловича. [3]Какъ; выражаетъ удивленіе или неудовольствіе. [4]Подогъ, подожокъ—батогъ, трость, палка. [5]Въ добрую волю, въ доброе настроеніе. [6]Войлокъ—толстая, грубая матерія не изъ ткани, а просто сбитой шерсти. [7]Кусокъ какой-либо, обыкновенно толстой, грубой матеріи, подкладываемый подъ сѣдло, на лошадь. [8]Чуланъ—кладовая.—[9]Укрощённый, объѣзженный конь. [10]Повозка безъ кузова. [11]То же, что дроги.

стяны́мъ, тесёмочнымъ кра́снымъ по́ясомъ. Въ по́лѣ Степа́нъ Миха́йловичъ былъ всѣмъ дово́ленъ. Онъ осмотрѣ́лъ отцвѣта́вшую рожь, кото́рая, въ челове́ка вышино́ю, стоя́ла, какъ стѣна́. Дѣ́душка объѣ́халъ молоды́е о́всы, по́лбы[1] и всѣ яровы́е хлѣба́[2], пото́мъ отпра́вился въ паровое́ по́ле[3] и приказа́лъ вози́ть себя́ взадъ и впередъ по вспа́ренным десяти́намъ. Это былъ его́ обыкнове́нный спо́собъ узнава́ть доброту́ па́шни[4]. Вся́кое нетро́нутое сохо́ю мѣсте́чко сейча́съ встря́хивало ка́чкія дро́ги. Если дѣ́душка быва́лъ не въ ду́хѣ, то на тако́мъ мѣ́стѣ втыка́лъ па́лочку или́ пру́тикъ, посыла́лъ за ста́ростой, е́сли его́ не́ было съ нимъ, и распра́ва производи́лась неме́дленно. Въ э́тотъ разъ всё шло благополу́чно. Онъ загляну́лъ та́кже на мѣста́ степны́хъ сѣнока́совъ и полюбова́лся густо́й высо́кой трово́й, кото́рую чрезъ нѣ́сколько дней на́до бы́ло коси́ть. Онъ побыва́лъ и на крестья́нскихъ поля́хъ, чтобы́ знать самому́, у кого́ роди́лся хлѣ́бъ хорошо́ и у кого́ пло́хо.

В. Обѣ́дъ. То́лько завиде́ли спуска́ющіяся съ горы́ дѣ́душкины дро́ги, ку́шанье уже́ стояло на столѣ́, и вся семья́ ожида́ла хозя́ина на крыльцѣ́. За́пахъ горя́чихъ щей нёсся ему́ навстрѣ́чу изъ за́лы. У дѣ́душки былъ обы́чай: когда́ онъ возвраща́лся съ по́ля—ра́но или́ по́здно,—чтобъ ку́шанье стояло на столѣ́. Бо́же сохрани́, е́сли прозѣва́ютъ его́ возвраще́ніе и не успѣ́ютъ пода́ть обѣ́да. Но въ э́тотъ блаже́нный[5] день всё шло какъ по ма́слу, всё удава́лось. Здорове́нный дворо́вый парень, Нико́лка Рузанъ, сталъ за дѣ́душкой съ цѣ́лымъ сучко́мъ[6] берёзы, что́бы обма́хивать его́ отъ мухъ. Горя́чія щи дѣ́душка хлеба́лъ деревя́нной ло́жкой, потому́ что серебряная обжига́ла ему́ гу́бы. Обѣ́дъ былъ превесёлый... Всѣ говори́ли гро́мко, шути́ли, смѣ́ялись. Но быва́ли обѣ́ды, кото́рые проходи́ли въ стра́шной тишинѣ́ и безмо́лвномъ ожида́ніи како́й-нибу́дь вспы́шки. Всѣ дворо́вые мальчи́шки и дѣвчо́нки[7] зна́ли, что ста́рый ба́ринъ ве́село ку́шаетъ, и всѣ паби́лись въ за́лу за пода́чками. Дѣ́душка ще́дро одѣля́лъ всѣхъ, потому́ что ку́шанья гото́вилось впя́теро бо́лѣе, чѣмъ бы́ло ну́жно.

Г. Отъ обѣ́да до ве́чера. По́слѣ обѣ́да онъ сейча́съ лёгъ спать. Ско́ро си́льный храпъ возвѣсти́лъ, что хозя́инъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошли́сь по свои́мъ мѣста́мъ та́кже отдыха́ть. Маза́нъ и Танайчёнокъ, предвари́тельно пообѣ́давъ, та́кже растяну́лись на полу́ въ

---

[1]По́лба—колоси́стое хлѣ́бное расте́ніе, не во всѣхъ мѣстахъ Россіи расту́щее хорошо́; занима́етъ, по внѣ́шнему ви́ду зерна́ и ко́лоса сре́днее мѣсто ме́жду пшени́цей и ячменёмъ. [2]Хлѣба́, сѣ́емые весно́ю. [3]По́ле, кото́рое па́шутъ лѣ́томъ для зи́мыхъ посѣ́вовъ. [4]Вспа́ханнаго по́ля. [5]Счастли́вый. [6]Вѣ́ткою. [7]Дѣти дворо́выхъ люде́й. Дворо́вые лю́ди—безземе́льные крестья́не, кото́рые жи́ли со свои́ми се́мьями въ ка́чествѣ прислу́ги при дворѣ́ помѣ́щика.

передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу[1]. Только дугой скрип ихъ разбудилъ. Захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой[2] съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки. Въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайчёнокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ[3] на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, и требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студёной браги. Когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайчёнка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто и цѣлый часъ ещё дожидались, пока проснется дѣдушка. Ещё веселѣе утрешняго[4] проснулся баринъ, и первое его слово было: „Студёной бражки“. Перепугались лакеи. Танайчёнокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами. Она отпустила пойла[5], по вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся. Дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайчёнокъ повалились барину въ ноги. И что жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей[6] и за дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился. Грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „Ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой.....“: договаривать было не нужно.

Д. Вечеръ. Накушавшись досыта чаю, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать на мельницу. Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера. Стоя на плотинѣ[7], любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ[8], какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ[9] берегахъ своихъ. Рыба играла и плескалась безпрестанно. „Пора домой; староста[10], чай[11], ждетъ меня“. сказалъ онъ. Степанъ Михайловичъ не ошибся. У крыльца его ожидалъ староста, да не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ. Нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы

---

[1]Комнату. [2]Господской—барской, помѣщичьей. Бражка, уменьш. отъ брага, хлѣбный напитокъ, въ родѣ пива. [3]Кувшиномъ. [4]Ещё веселѣе, чѣмъ утромъ. [5]Питья, напитка. [6]Уменьш. отъ Арина; жена Степана Михайловича. [7]Насыпь для запруды рѣки. [8]Мѣсто, гдѣ запружена рѣка. Запруда дѣлается съ цѣлью собрать большее количество воды и тѣмъ сообщить ей большую силу для движенія мельничныхъ колёсъ. [9]Низкихъ. [10]Выборный изъ крестьянъ, наблюдавшій за порядкомъ въ деревнѣ и за барскимъ хозяйствомъ. [11]И думаю, вѣроятно

бы, воспо́льзовались благопрія́тнымъ слу́чаемъ, и всѣ бы́ли удовлетворены́. Этого ма́ло: всѣмъ бы́ло поднесено́ по серебряной ча́ркѣ[1], вмѣща́вшей въ себя́ бо́лѣе ква́сного[2] стакана́ дома́шняго кре́пкаго вина́. По́слѣ у́жина Степа́нъ Миха́йловичъ имѣлъ обыкновéніе ещё съ полчаса́ посиде́ть и прохлади́ться на крыльцѣ, отпустя́ семью́ свою́ на поко́й. Въ э́тотъ разъ пѣсколько до́лѣе обыкновéннаго онъ шути́лъ и смѣя́лся съ своéй прислу́гой, заставля́лъ Маза́на и Танайчёнка боро́ться и дра́ться на кула́чки и такъ ихъ поддра́знивалъ, что они́, не шутя́, колоти́ли другъ дру́га и вцѣпи́лись да́же въ во́лосы. Но дѣдушка, досы́та насмѣя́вшись, повели́тельнымъ сло́вомъ и го́лосомъ заста́вилъ ихъ опо́мниться и разойти́сь.

Да́лѣе въ „Семéйной хро́никѣ“ разска́зывается о жи́зни ро́дственниковъ Степа́на Миха́йловича, о мо́лодости отца́ Акса́кова, Тимоѳе́я (въ „Хро́никѣ“—Алексѣя) Степа́новича, объ его́ женитьбѣ въ Уфѣ, о семéйствѣ, къ кото́рому принадлежа́ла невѣста Тимоѳе́я Степа́новича, бу́дущая мать а́втора, и про́ч. „Хро́ника“ зака́нчивается разска́зомъ о рожде́ніи у Тимоѳе́я Степа́новича сы́на—а́втора „Семéйной хро́ники“.

Воспомина́нія Акса́кова о года́хъ его́ дѣ́тства заключа́ются въ сочине́ніи:

II. Дѣ́тскіе го́ды Багро́ва-вну́ка.

1. **Боле́знь.** Я начина́ю себя́ по́мнить въ тако́й сла́бости, что́ ка́ждую мину́ту опаса́лись за мою́ жизнь. Оди́нъ разъ, ра́но у́тромъ, я проснулся или́ очну́лся и не узна́ю, гдѣ я. Всё бы́ло незнако́мо мнѣ: высо́кая, больша́я ко́мната, го́лыя стѣ́пы изъ претолстыхъ новыхъ сосно́выхъ бре́венъ, си́льный смоли́стый за́пахъ. По́длѣ меня́ трево́жно спитъ, безъ поду́шекъ и не раздѣ́тая, моя́ мать. Меня́ наканý нѣ перевезли́ въ подгоро́дную дере́вню Зу́бовку[3], въ верста́хъ 10-ти́ отъ Уфы́. Я не умѣ́лъ побере́чь сна бѣ́дной мое́й ма́тери, тро́нулъ её руко́й и сказа́лъ: „Ахъ, како́е со́лнышко! Какъ хорошо́ па́хнетъ!“ Мать вскочи́ла, въ испу́гѣ сначала́, а пото́мъ обра́довалась, вслу́шавшись въ мой кре́пкій го́лосъ и взгляну́въ на мое́ посвѣжѣ́вшее лицо́. Я попроси́лъ ѣсть; меня́ покорми́ли и да́ли мнѣ вы́пить полрю́мки ста́раго рейнве́йну[4], кото́рый, какъ ду́мали тогда́, одинъ то́лько и подкрѣпля́лъ меня́. Пото́мъ, по про́сьбѣ мое́й, доста́ли мнѣ кусо́чки сосно́вой смолы, кото́рая вездѣ́ по стѣна́мъ и косяка́мъ[5] ка́пала, да́же текла́ понемно́жку. Я о́чень люби́лъ за́пахъ сосно́вой и ело́вой смолы́, кото́рую кури́ли иногда́ въ на́шихъ дѣ́тскихъ ко́мнатахъ. Я пошо́халъ, полюбова́лся, поигра́лъ

[1]По рю́мкѣ. [2]Стака́нъ для ква́су. [3]Дере́вню, находя́щуюся во́злѣ го́рода. Мать вы́везла сы́на изъ го́рода въ дере́вню для поправле́нія его́ здоро́вья, по сове́ту враче́й. [4]Вино́, приготовля́емое въ Герма́ніи, на берега́хъ Ре́йна. [5]Коса́къ—боковая часть дверно́й ра́мы.

душистыми и прозрачными смоляными сосульками. Мать намыла мнѣ руки и вытерла ихъ насухо, и я сталъ дремать... Какъ заснулъ я и что было послѣ,—ничего не помню.

2. Сурка. Одинъ разъ, сидя въ окошкѣ, услышалъ я какой-то жалобный визгъ въ саду. Когда я сталъ просить, чтобы послали посмотрѣть, кто это плачетъ, мать послала дѣвушку. Та черезъ нѣсколько минутъ принесла въ своихъ пригоршняхъ[1] крошечнаго, ещё слѣпого щеночка. Онъ, весь дрожа, нетвердо опираясь на свои кривыя лапки и тыкаясь во всѣ стороны головой, жалобно визжалъ. Мнѣ стало такъ его жаль, что я взялъ этого щеночка и закуталъ его своимъ платьемъ. Мать приказала принести на блюдечкѣ тёплаго молочка. Послѣ многихъ попытокъ, толкая рыльцемъ слѣпого щенка въ молоко, выучили его лакать. Съ этихъ поръ щенокъ по цѣлымъ часамъ со мной не разставался. Кормить его по нѣскольку разъ въ день сдѣлалось моей любимой забавой. Его назвали Сурком. Онъ сдѣлался потомъ небольшою дворняжкой[2] и жилъ у насъ семнадцать лѣтъ, разумѣется, уже не въ комнатѣ, а на дворѣ, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мнѣ и къ моей матери.

3. **Выздоровленіе и его причины.** Выздоровленіе моё считалось чудомъ, по признанію самихъ докторовъ. Мать приписывала его, во-первыхъ, безконечному милосердію Божію, а во-вторыхъ, лѣчебнику Буханя[3]. Буханъ получилъ титло[4] моего спасителя. Мать научила меня въ дѣтствѣ молиться Богу за упокой его душй, при утренней и вечерней молитвѣ. Впослѣдствіи она гдѣ-то достала гравированный[5] портретъ Буханя. Четыре стиха, напечатанные подъ его портретомъ на французскомъ языкѣ, были кѣмъ-то переведены русскими стихами, написаны красиво на бумажкѣ и наклеены сверхъ французскихъ. Я приписываю моё спасеніе, кромѣ первой причины, безъ которой ничто совершиться не могло, неусыпному уходу матери и дорогѣ, то-есть движенію и воздуху. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, моя мать доставала старый рейнвейнъ въ Казани, почти за 500 вёрстъ. За вино платилась неслыханная тогда цѣна. Въ городѣ Уфѣ не было тогда такъ называемыхъ французскихъ бѣлыхъ хлѣбовъ. Каждую недѣлю, то-есть каждую почту, щедро вознаграждаемый почталіономъ привозилъ изъ той же Казани по три бѣлыхъ хлѣба.

---

[1]Пригоршни, только во множ. числѣ, столько, сколько можно захватить въ обѣ ладони; здѣсь: сложенныя для захватыванія ладони. [2]Дворовой собакой.—[3]Французскій врачъ; жилъ во второй половинѣ XVIII вѣка. [4]Титло (или титулъ), лат. titulus знакъ, званіе. [5]Гравировать, фр. graver: вырѣзывать фигуры или буквы на камнѣ, металлѣ или деревѣ, для оттиска ихъ на бумагѣ. Гравированный—приготовленный съ помощью гравированія.

4. Нашъ домъ. Мы жи́ли въ губе́рнскомъ го́родѣ Уфѣ́ и занима́ли огро́мный деревя́нный домъ, ку́пленный моймъ отцо́мъ. Домъ былъ оби́тъ те́сомъ[1], но не вы́крашенъ. Онъ потемне́лъ отъ дожде́й и име́лъ о́чень печа́льный видъ. Онъ стоя́лъ на косого́рѣ[2], такъ что о́кна въ садъ бы́ли о́чень ни́зки отъ земли́, а о́кна изъ столовой на у́лицу, на противополо́жной сторонѣ́ до́ма, возвыша́лись арши́на три надъ земле́й. Пара́дное крыльцо́[3] име́ло бо́лѣе 25 ступе́некъ, и съ него́ была́ видна́ рѣка́ почти́ во всю свою́ ширину́. Двѣ дѣ́тскія ко́мнаты, въ кото́рыхъ я жилъ вмѣ́стѣ съ сестро́й, выходи́ли око́шками въ садъ. Поса́женная подъ ни́ми мали́на росла́ такъ высоко́, что на цѣ́лую че́тверть загля́дывала къ намъ въ окно́. Это о́чень весели́ло меня́ и сестру́.

Моя́ продолжи́тельная боле́знь сто́ила ма́тери таки́хъ трудо́въ и тако́го безпоко́йства, что по́слѣ моего́ выздоровле́нія она́ сама́ заболѣ́ла. По сове́ту мѣ́стныхъ уфи́мскихъ врачей́, она́ должна́ была́ отпра́виться для лѣче́нія въ Оренбу́ргъ къ како́му-то сла́вившемуся въ то вре́мя въ Уфи́мскомъ намѣ́стничествѣ врачу́. Роди́тели рѣши́ли отпра́виться въ Оренбу́ргъ, взявъ съ собо́й дѣте́й изъ Уфы́.

5. Перепра́ва. Я не оди́нъ уже́ разъ переправля́лся черезъ Бѣ́лую[5], но ничего́ не замѣ́тилъ и не почу́вствовалъ. Тепе́рь я былъ пораженъ широ́кою и бы́строю рѣко́ю, отло́гими[6] песча́ными ея́ берега́ми и зе́леньею на противополо́жномъ берегу́. На́шу каре́ту и повозку ста́ли грузи́ть[7] на поро́мъ, а намъ пода́ли большу́ю ло́дку. На неё мы всѣ должны́ бы́ли перейти́ по двумъ доска́мъ, поло́женнымъ съ бе́рега на край ло́дки. Перево́зчики въ пёстрыхъ[8] руба́хахъ, бредя́[9] по колѣ́ни въ водѣ́, повели́ по́дъ руки мою́ мать и ня́ньку съ сестри́цей. Вдругъ оди́нъ изъ перево́зчиковъ схвати́лъ меня́ на́ руки и понёсъ пря́мо по водѣ́ въ ло́дку. Оте́цъ пошёлъ ря́домъ по дощёчкѣ. Онъ улыба́лся и ободря́лъ меня́, потому́ что я о́чень испуга́лся тако́го неожи́даннаго путеше́ствія. Че́тверо гребцо́въ сѣ́ли въ ло́дки и оттолкну́ли её отъ бе́рега шесто́мъ. Ло́дка полетѣ́ла поперёкъ рѣки́. Я былъ такъ пораженъ э́тимъ неожи́даннымъ зрѣ́лищемъ, что совершѣ́нно онѣмѣ́лъ и не отвѣча́лъ ни одного́ сло́ва на вопро́сы отца́ и ма́тери. Всѣ смѣя́лись, говоря́, что отъ стра́ха у меня́ языкъ отня́лся. Когда́ мы ста́ли подплыва́ть къ другому́ бе́регу, я уже́ совершѣ́нно опо́мнился, и мнѣ ста́ло ве́село.

6. Га́лька[10]. Съ на́ми на ло́дкѣ былъ ковёръ и поду́шки. Мы разостла́ли ихъ на сухо́мъ пескѣ́, пода́льше отъ воды́. Мать прилегла́ на

---

[1]Доска́ми, въ толщину́ ме́нѣе верšká. [2]На спу́скѣ по́дъ гору [3]Крыльцо́—пристро́йка къ до́му для подъѣ́зда экипа́жей. Пара́дный, фр. parade торжество́, со́б., торже́ственный, пра́здничный. Пара́дное крыльцо́—для госте́й. [4]Арши́на. [5]Рѣка́, на кото́рой стои́тъ г. Уфа. [6]Ни́зкими. [7]Нагружа́ть. [8]Разноцвѣтныхъ. [9]Идя́. [10]Су́щ. собир., ме́лкіе ка́мни, валя́ющіеся по берега́мъ рѣки.

нихъ. Меня́ оте́цъ повёлъ собира́ть га́льку. Я не имѣ́лъ о ней поня́тія и пришёлъ въ восхище́ніе, когда́ оте́цъ отыска́лъ мнѣ нѣсколько прекра́сныхъ гла́дкихъ, блестя́щихъ ра́зными цвѣта́ми ка́мешковъ. Мы тутъ же нашли́ нѣсколько окаменѣ́лостей: большо́й кусо́къ пчели́наго со́та и довольно большу́ю ку́чку ры́бьей икры́, совершенно превратившуюся въ ка́мень. Я успѣ́лъ набра́ть цѣ́лую ку́чу чудесныхъ ка́мешковъ. Но оте́цъ не позво́лилъ мнѣ ихъ взять съ собо́ю, а вы́бралъ только деся́тка полтора́, сказа́въ, что́ всѣ остальные—дрянь. Я съ большим сожалѣ́ніемъ оста́вилъ на́бранную мно́ю ку́чку. Мы сѣ́ли въ каре́ту и отпра́вились въ дальнѣ́йшій путь. Я съ жа́ромъ на́чалъ пока́зывать ма́тери и разска́зывать о найденныхъ мно́ю драгоцѣ́нностяхъ, кото́рыми бы́ли набиты мои карма́ны. Ка́мешки о́чень понра́вились мое́й сестрѣ́, и нѣ́которые изъ нихъ я подари́лъ ей.

7. Ночле́гъ въ по́лѣ. Ночева́ть мы́ должны́ бы́ли въ тата́рской дере́внѣ; но ве́черъ былъ та́къ хоро́шъ, что ма́тери мое́й захоте́лось останови́ться въ по́лѣ. У са́мой око́лицы[1] своротили мы немно́го въ сто́рону и расположи́лись на круто́мъ берегу́ ма́ленькой рѣ́чки. Отложи́ли лошаде́й и посла́ли въ дере́вню за свѣ́жимъ сѣ́номъ, овсо́мъ и за всѣ́кими съѣ́стными припа́сами. Люди приняли́сь разводи́ть ого́нь и ста́ли накла́дывать доро́жный самоваръ. На разостла́нномъ коврѣ́ и на поду́шкахъ лежа́ла мать и гото́вилась налива́ть чай. Я попроси́лъ позволе́нія развести́ ма́ленькій огонёкъ во́злѣ того́ мѣ́ста, гдѣ́ мы сидѣ́ли. Получи́въ позволе́ніе, я, не по́мня себя́ отъ ра́дости, принялся́ хлопота́ть объ э́томъ съ по́мощью Ефре́ма[2], кото́рый въ доро́гѣ вдругъ сдѣ́лался моимъ какъ бу́дто дя́дькой[3]. Я безпреста́нно бѣ́галъ отъ большо́го костра́ къ ма́ленькому, приноси́лъ щепочекъ для поддержа́нія я́ркаго пла́мени и такъ суети́лся, что мать принуждена́ была́ посади́ть меня́ наси́льно по́длѣ себя́. Мы напи́лись чаю́ и пое́ли су́пу изъ ку́рицы, кото́рый свари́лъ намъ по́варъ. Мать расположи́лась ночева́ть съ дѣтьми́ въ каре́тѣ, а оте́цъ въ киби́ткѣ[4].

При перепра́вѣ че́резъ рѣку́ Дёму оте́цъ показа́лъ мнѣ, какъ удя́тъ ры́бу.

8. Уже́нье на рѣкѣ Дёмѣ. Слуга́ пригото́вилъ мнѣ са́мое лёгонькое уди́лище[5] и навяза́лъ то́нкую лесу́[6] съ ма́ленькимъ крючко́мъ. Онъ насади́лъ кро́шечный кусо́чекъ мя́таго хлѣ́ба, заки́нулъ у́дочку и далъ мнѣ уди́лище въ пра́вую ру́ку. Ту же мину́ту наплаво́къ[7] при-

---

[1]Городьба́ вокругъ селе́нія, для охра́ны хлѣбо́въ отъ потра́вы. [2]Слуга́ Акса́ковыхъ. Да́лѣе онъ называ́ется Ефре́мъ Евсе́ичъ. [3]Слуга́, приста́вленный къ ребёнку для присмо́тра. [4]Кры́той повозкѣ. [5]Тычи́на, къ кото́рой прикрѣпля́ется леса́. [6]Леса́—нить, свива́емая обыкнове́нно изъ ко́нскаго во́лоса; къ лесѣ́ прикрѣпля́ется крючо́къ. [7]Или́ поплаво́къ; значо́къ, пока́зывающій, взяла́ ли ры́ба крючо́къ уды́; таки́мъ значка́мъ обыкнове́нно слу́житъ кусо́чекъ де́рева, пла́вающій во́лѣ

вста́лъ и погрузи́лся въ во́ду. Евсе́ичъ закричалъ: „Тащи́, тащи́!“ и я съ большимъ трудо́мъ вы́тащилъ поря́дочную плоти́чку. Я весь дрожа́лъ, какъ въ лихора́дкѣ, и совершѣ́нно не по́мнилъ себя́ отъ ра́дости. Я схвати́лъ свою́ добы́чу обѣ́ими рука́ми и побѣжа́лъ показа́ть её ма́тери. Мать не хотѣ́ла вѣ́рить, чтобъ я могъ самъ пойма́ть ры́бу, но я увѣря́лъ её, что, то́чно, я вы́тащилъ самъ э́ту прекра́сную ры́бку. Евсе́ичъ подтверди́лъ мои́ слова́. Я верну́лся къ рѣ́кѣ. Оте́цъ показа́лъ мнѣ нѣ́сколько кру́пныхъ о́куней и плоти́цъ, кото́рыхъ онъ вы́удилъ безъ меня́. Друга́я ры́ба въ э́то вре́мя не брала́[1], потому́ что бы́ло уже́ по́здно и жа́рко, какъ объясни́лъ мнѣ Евсе́ичъ. Я вы́удилъ ещё нѣ́сколько плоти́чекъ, и всякій разъ почти́ съ таки́мъ же восхище́ніемъ, какъ и пе́рвую. Оте́цъ приказа́лъ по́вару свари́ть и зажа́рить нѣ́сколько кру́пныхъ о́куней, а всю остальну́ю ры́бу отда́лъ лю́дямъ, чтобъ они свари́ли себѣ́ уху́[2]

По доро́гѣ въ Оренбу́ргъ мы заѣ́хали въ село́ Пара́шино, имѣ́ніе тётки моего́ отца́, осмотрѣ́ть тамъ всё хозя́йство и написа́ть ей, въ како́мъ состоя́ніи оно́ нахо́дится и всё ли тамъ въ поря́дкѣ. Останови́вшись на нѣ́сколько дней въ Пара́шинѣ, оте́цъ осмотрѣ́лъ хозя́йство и полевы́я рабо́ты (Дѣ́ло бы́ло лѣ́томъ). На послѣ́днія онъ вози́лъ и меня́.

9. Жа́тва. По́слѣ обѣ́да на дли́нныхъ крестья́нскихъ ро́спускахъ[3] отпра́вились мы съ отцо́мъ въ по́ле. До́лго мы ѣ́хали межа́ми[4], и вотъ на́чалъ слы́шаться издалека́ како́й-то стра́нный шумъ и го́воръ люде́й. Вско́рѣ показа́лись плѣ́чи и спи́ны согну́вшихся крестья́нъ и крестья́нокъ. Мы останови́лись, сошли́ съ ро́спусковъ, подошли́ бли́зко къ жнеца́мъ и жни́цамъ, и оте́цъ мой сказа́лъ какимъ-то до́брымъ го́лосомъ: „Богъ на по́мочь!“ Вдругъ всѣ оста́вили рабо́ту, оберну́лись къ намъ лицо́мъ и ни́зко поклони́лись, а нѣ́которые крестья́не, поста́рше, поздоро́вались съ отцо́мъ и со мной. „Жни́те съ Бо́гомъ“, сказа́лъ оте́цъ. Въ одну́ мину́ту засверка́ли серпы́, го́рсти ржи замелька́ли надъ голова́ми рабо́тниковъ. Шумъ отъ рѣ́зки жёсткой соло́мы ещё звучнѣ́е, сильнѣ́е разнёсся по всему́ по́лю. Я стоя́лъ въ како́мъ-то оцѣпенѣ́ніи[5]. Вдругъ плачъ ребёнка обрати́лъ на себя́ моё вниманіе. Я уви́дѣлъ, что въ ра́зныхъ мѣ́стахъ, ме́жду трёхъ па́лочекъ, свя́занныхъ вверху́ и воткну́тыхъ въ зе́млю, висѣ́ли лю́льки[6]. Молода́я же́нщина воткну́ла серпъ въ свя́занный е́ю снопъ, подошла́ не торопя́сь, взяла́ на́ руки пла́чущаго младе́нца и тутъ же начала́ цѣловать, ласка́ть и корми́ть его́. Ребёнокъ ско́ро заснулъ. Мать положи́ла его́ въ лю́льку, взяла́ серпъ и приняла́сь жать съ осо́беннымъ уси́ліемъ, чтобы́ догна́ть свои́хъ подру́гъ, чтобы́ не отста́ть отъ други́хъ. Невырази́-

---

[1]Не цѣпля́лась на крючо́къ. [2]Похлёбка, нава́ръ. [3]Дро́гахъ; такъ называ́ется пово́зка безъ ку́зова. [4]Межа́ (одного́ ко́рня съ предло́гомъ межъ, ме́жду)—грани́ца ме́жду уча́стками земли́. [5]Изумле́ніи. [6]Колыбе́ли.

мое чу́вство сострада́нія къ рабо́тающимъ съ такимъ напряже́ніемъ силъ, на со́лнечномъ зно́ѣ, обхвати́ло мою́ ду́шу.

Лѣче́ніе въ Оренбу́ргѣ помогло́ мое́й ма́тери, и мы спо́ва переѣхали въ Уфу́. Въ э́то вре́мя я сталъ учи́ться рисова́нію и письму́.

10. **Рисова́ніе.** По́слѣ чте́нія, лу́чшимъ мои́мъ удово́льствіемъ бы́ло смотрѣ́ть, какъ рису́етъ дя́дя. Я не могъ быва́ло дожда́ться того́ вре́мени, когда́ дя́дя ся́детъ за столъ у себя́ въ ко́мнатѣ. За нѣ́сколько вре́мени до назна́ченнаго ча́са я уже́ не отходилъ отъ дя́ди и всѣ смотрѣ́лъ ему́ въ глаза́. Если и э́то не помога́ло, я дёргалъ его́ за рука́въ, говоря́ са́мымъ проси́тельнымъ го́лосомъ: „Дя́денька, пойдёмте рисова́ть“. Наконе́цъ, опъ сади́лся за столъ, патира́лъ на таре́лку кра́ски, обма́кивалъ ки́сточку въ стака́нъ, и глаза́ мои́ уже́ не отрывались отъ его́ руки́. Ка́ждое появле́ніе но́ваго листка́ на де́ревѣ, но́са у пти́цы, ноги́ у соба́ки привѣ́тствовалъ я ра́достными восклица́ніями. Ви́дя таку́ю мою́ охо́ту, дя́дя вздума́лъ учи́ть меня́ рисова́ть. Какъ ско́ро, входя́, сади́лся самъ за карти́ну, онъ уса́живалъ и меня́ рисова́ть на другомъ столѣ́. Но учёніе снача́ла не имѣ́ло никако́го успѣ́ха. Я безпреста́нно вска́кивалъ, что́бы посмотрѣ́ть, какъ рису́етъ дя́дя. Дя́дя догада́лся, что про́ка не бу́детъ, и на́чалъ заставля́ть меня́ рисова́ть въ други́е часы́. Онъ не оши́бся: въ коро́ткое вре́мя я сдѣ́лалъ блиста́тельные успѣ́хи для своего́ во́зраста. Дя́дя былъ въ восто́ргѣ и проро́чилъ[1], что изъ меня́ вы́йдетъ необыкновѣ́нный рисова́льщикъ. Но не всѣ́ проро́чества сбыва́ются. Я въ зрѣ́лыхъ года́хъ не умѣ́лъ нарисова́ть того́ кружо́чка, кото́рый рисова́лъ въ ребя́чествѣ.

11. **Какъ меня́ учи́ли писа́ть.** Я упроси́лъ отца́ и мать, что́бы меня́ начина́ли учи́ть писа́ть. Дя́дя Серге́й Никола́ичъ вы́звался удовлетвори́ть моему́ жела́нію. Онъ на́чалъ меня́ учи́ть чистописа́нію и заста́вилъ выпи́сывать „па́лочки“. Этимъ я былъ о́чень недово́ленъ, потому́ что мнѣ хотѣ́лось пря́мо писа́ть бу́квы. Но дя́дя утвержда́лъ, что я никогда́ не бу́ду имѣ́ть хоро́шаго по́черка, е́сли не ста́ну пра́вильно учи́ться чистописа́нію. Дѣ́лать не́чего, я до́лженъ былъ повинова́ться, но ме́жду тѣ́мъ потихо́ньку я вы́учился писа́ть всю а́збуку, списо́вывая слова́ съ печа́тныхъ книгъ. Срокъ о́тпуска мои́хъ дя́дей конча́лся, и они́ уѣ́хали въ полкъ. Уѣзжа́я, дя́дя Серге́й Никола́ичъ уговори́лъ моего́ отца́ взять мнѣ учи́теля изъ наро́днаго учи́лища. Учи́теля зва́ли Матвѣ́й Васи́льевичъ. Это былъ челове́къ о́чень ти́хій и до́брый. Онъ писа́лъ про́писи не ху́же печа́тныхъ и принялся́ учи́ть меня́ то́чно такъ же, какъ учи́лъ дя́дя. Не ви́дя конца́ па́лочкамъ съ уса́ми и безъ усо́въ, я ску́чалъ и лѣни́лся. Что́бы мнѣ было охо́тнѣе занима́ться, посади́ли Андрю́шу писа́ть вмѣ́стѣ со мно́ю. Андрю́ша на́чалъ

[1] Предска́зывалъ.

учи́ться чистописа́нію гора́здо пре́жде меня́ у того́ же Матве́я Васи́льича въ наро́дномъ учи́лищѣ. Это сре́дство не́сколько помогло́. Мнѣ сты́дно ста́ло, что Андрю́ша пи́шетъ лу́чше меня́. Я постара́лся догна́ть его́, и въ са́момъ дѣ́лѣ догна́лъ ско́ро.

12. Въ наро́дномъ учи́лищѣ. Я и тепе́рь не могу́ поня́ть, какія причи́ны заста́вили мою́ мать посла́ть меня́ оди́нъ разъ въ наро́дное учи́лище вмѣ́стѣ съ Андрю́шей. Въ оди́нъ, о́чень па́мятный для меня́, день отвезли́ насъ съ Андрю́шей въ саня́хъ, подъ надзо́ромъ Евсе́ича, въ наро́дное учи́лище. Оно́ находи́лось на друго́мъ краю́ го́рода и помѣща́лось въ небольшо́мъ деревя́нномъ доми́шкѣ. Учи́тель взялъ меня́ за́ руку и ввёлъ въ большу́ю ко́мнату, изъ кото́рой пёсся шумъ и крикъ, мгнове́нно ути́хнувшій при на́шемъ появле́ніи. Ко́мната вся устано́влена была́ ряда́ми столо́въ со скаме́йками, каки́хъ я никогда́ не ви́дывалъ. Пе́редъ пе́рвымъ столо́мъ стоя́ла утверждённая на каки́хъ-то подста́вкахъ больша́я чёрная четвероуго́льная доска́. У доски́ стоя́лъ ма́льчикъ съ обво́стреннымъ мѣ́ломъ въ одно́й рукѣ́ и съ гря́зной тряпи́цей въ друго́й. Полови́на скаме́екъ была́ занята́ ма́льчиками ра́зныхъ во́зрастовъ. Пе́редъ ни́ми лежа́ли на столя́хъ тетра́дки, кни́жки и а́спидныя до́ски. Ученики́ бы́ли пребольши́е, превыса́кіе и о́чень ма́ленькіе, мно́гіе въ однѣ́хъ руба́шкахъ. Учи́тель подвёлъ меня́ къ пе́рвому столу́, велѣ́лъ ученика́мъ потѣсни́ться и посади́лъ съ кра́ю, а самъ сѣ́лъ на стулъ пе́редъ небольши́мъ сто́ликомъ, недалеко́ отъ чёрной доски́. Классъ[1] былъ ариѳмети́ческій. Учи́тель гро́мко вызыва́лъ ученико́въ по спи́ску, одного́ за други́мъ. Вызыва́емые ма́льчики подходи́ли къ доскѣ́ и должны́ бы́ли писа́ть мѣ́ломъ тре́буемыя ци́фры и счита́ть ихъ ка́къ-то отъ пра́вой руки́ къ лѣ́вой, повторя́я: „едини́цы, деся́тки, со́тни“. При э́томъ счётѣ мно́гіе сбива́лись. Мнѣ самому́ каза́лся онъ непонятнымъ и мудрёнымъ, хотя́ я давно́ уже́ вы́учился самоу́чкой писа́ть ци́фры. Нѣ́которые ученики́ оказа́лись зна́ющими; учи́тель хвали́лъ ихъ. Перекли́кавъ всѣхъ по спи́ску и испыта́въ всѣ сте́пени зна́нія, учи́тель зада́лъ уро́къ на слѣ́дующій разъ.

13. Пе́редъ отъѣ́здомъ въ дере́вню. Здоро́вье ма́тери бы́ло лу́чше пре́жняго, но не совсѣ́мъ хорошо́. Въ Серге́евкѣ[2] дѣ́лались приготовле́нія къ на́шему переѣ́зду. Купи́ли нѣ́сколько избъ и амба́ровъ[4], въ продолже́ніе Вели́каго поста́ перевезли́ и поста́вили ихъ на но́вомъ мѣ́стѣ, кото́рое выбира́ть ѣ́здилъ оте́цъ мой самъ. Ско́лько я ни проси́лся, чтобъ онъ взялъ меня́ съ собо́ю, мать не отпусти́ла. Серге́евка исключи́тельно овладѣ́ла моимъ воображе́ніемъ. Мнѣ такъ захотѣ́лось уви́дѣть зелёные луга́ и лѣса́, во́ды и го́ры, такъ захотѣ́лось побѣ́гать съ Су́ркой по поля́мъ, что всё окружа́ющее потеря́ло для

[1] Уро́къ. [2] Дере́вня Акса́ковыхъ. [3] Для перено́са въ дере́вню.

меня свою занимательность. Я каждый день просыпался и засыпалъ съ мыслью о Сергѣевкѣ. Святая недѣля прошла для меня незамѣтно. Я, конечно, не могъ понимать ея высокаго значенія, но я мало обращалъ вниманія даже на то, что понятно для дѣтей: радостныя лица, праздничныя платья, колокольный звонъ, безпрестанный пріѣздъ гостей, красныя яйца и проч. и проч. На всѣ мои вопросы отцу и Евсеичу: „Когда же мы поѣдемъ въ Сергѣевку?“ обыкновенно отвѣчали: „А вотъ какъ рѣка пройдетъ“. Съ крыльца папиного была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется.

14. **Вскрытіе рѣки.** Наконецъ, пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: „Бѣлая тронулась!“ Въ одну минуту я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ пила между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и жёлтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога[1]. Какая-то несчастная жёлтая корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго. Мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ. За нимъ скрылись дорога и бѣгающая по ней жёлтая корова. Лёдъ шёлъ крѣпкою, сплошною глыбою. Черезъ часъ онъ сталъ трескаться и ломаться на отдѣльныя глыбы. Онѣ набѣгали одна на другую. Большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ и иногда долго плыла въ такомъ положеніи. Иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду.

15. **Выѣздъ изъ Уфы въ Сергѣевку.** Вотъ уже наступила тёплая, даже жаркая погода. Бѣлая вошла въ берега и улеглась въ своихъ пескахъ, а мы всё ещё не ѣхали. Отецъ мой утверждалъ, что трудно проѣхать по тѣмъ мѣстамъ, которыя были залиты весеннею водою, что грязно и топко. Я думалъ, что мы уже никогда не поѣдемъ, какъ вдругъ—о счастливый день!—мать сказала мнѣ, что мы ѣдемъ завтра. Я чуть не сошёлъ съ ума отъ радости. Сестра раздѣляла ее со мной, радуясь, кажется, болѣе моей радости. Плохо я спалъ ночь. Никто ещё не вставалъ, когда я уже былъ готовъ совсѣмъ. Но вотъ проснулись въ домѣ. Начался шумъ, бѣготня, укладыванье. Заложили лошадей, подали карету. Наконецъ, часовъ въ 10 утра мы спустились на перевозъ черезъ рѣку Бѣлую. Вдобавокъ ко всему, Сурка былъ съ нами.

16. **Въ усадьбѣ**[2]. Въ тотъ же день мы выѣхали въ нашу усадь-

[1] Мѣсто, гдѣ пролегала по льду дорога. [2] Домъ въ деревнѣ со всѣми службами, садомъ, огородомъ и дворомъ.

бу, обгорóженную свѣ́жимъ зелёнымъ плетнёмъ. Усáдьба состоя́ла изъ двухъ избъ: нóвой и стáрой, соединённыхъ сѣня́ми. Недалекó отъ нихъ находи́лась людскáя избá[1], ещё́ не покры́тая. Остальну́ю часть двора́ занима́лъ дли́нный солóменный навѣ́съ, вмѣ́сто сара́я для каре́ты и вмѣ́сто коню́шни для лошадéй. Вмѣ́сто крыльца́ къ на́шимъ сѣ́нямъ поло́жены бы́ли два ка́мня, оди́нъ на другóй. Въ нóвой избѣ́ не́ было ни двере́й ни око́нныхъ рамъ, а прору́блены то́лько отвéрстія для нихъ. Мать была́ не совсѣ́мъ дово́льна, но мнѣ́ всё́ нра́вилось гора́здо бóлѣе, чѣ́мъ нашъ городскóй домъ въ Уфѣ́. Оте́цъ увѣря́лъ, что ра́мы привезу́тъ за́втра и безъ косякóвъ, кото́рые еще не гото́вы, прико́лотятъ снару́жи, а вмѣ́сто двере́й поку́да совѣ́товалъ повѣсить ковёръ. Ста́ли раскла́дываться и устра́иваться. Сту́лья, крова́ти и столы́ бы́ли привезены́ зара́нѣе. Мы ско́ро сѣ́ли обѣ́дать. Ку́шанье, приго́товленное та́кже зара́нѣе въ я́мѣ, вы́рытой во́злѣ забóра, показа́лось намъ о́чень вку́снымъ. Въ э́той я́мѣ хотѣ́ли сбить изъ гли́ны лѣ́тнюю ку́хонную печь. Мать успоко́илась, развесели́лась и отпусти́ла меня́ съ отцóмъ на о́зеро, къ кото́рому стреми́лись всѣ́ мои́ мы́сли и жела́нія.

17. Уже́нье въ Сергѣевкѣ. Мы размота́ли у́дочки и приняли́сь уди́ть. Оте́цъ взялъ са́мую большу́ю, насади́лъ необыкновéнно то́лстаго червяка́ и заки́нулъ какъ мóжно да́льше: ему́ хотѣ́лось пойма́ть кру́пную ры́бу. Мы съ Евсе́ичемъ уди́ли на сре́днія у́дочки и на ма́ленькихъ навóзныхъ червячко́въ. Клёвъ начался́ ту же мину́ту. Безпреста́нно бра́ли сре́дніе о́куни и подле́щики, кото́рыхъ я ещё́ и не ви́дывалъ. Я пришёлъ въ тако́е волне́ніе, что у меня́ дрожа́ли ру́ки и но́ги. У насъ поднялáсь стра́шная возня́ отъ ча́стаго выта́скиванія ры́бы и заки́дыванія у́дочекъ, отъ мои́хъ восклица́ній и наставле́ній Евсе́ича. Оте́цъ сказа́лъ: „Нѣ́тъ, здѣ́сь съ ва́ми ничего́ не вы́удишь хоро́шаго“, сѣ́лъ въ ло́дку, взялъ свою́ большу́ю у́дочку, отъѣ́халъ отъ насъ не́сколько деся́тковъ саженёй пода́льше, опусти́лъ на дно верёвку съ ка́мнемъ, привя́занную къ ло́дкѣ, и ста́лъ уди́ть. Я вы́удилъ уже́ бóлѣе двадцати́ рыбъ, изъ кото́рыхъ двухъ не могъ вытащить безъ по́мощи Евсе́ича. Пра́вду сказа́ть, онъ то́лько и дѣ́лалъ, что снима́лъ ры́бу съ моей́ у́дочки или́ наса́живалъ червяко́въ на мой крючо́къ. Своими́ у́дочками ему́ не́когда было́ занима́ться, а потому́ онъ и не замѣ́тилъ, что уди́лища уже́ не́ было на мостка́хъ. Кака́я-то ры́ба утащи́ла его́ отъ насъ саженёй на два́дцать. Евсе́ичъ поднялъ тако́й крикъ, что испуга́лъ меня́. Су́рка, бы́вшій съ на́ми, на́чалъ ла́ять. Евсе́ичъ сталъ проси́ть и моли́ть моего́ отца́, чтобъ онъ пойма́лъ пла́вающее уди́лище. Оте́цъ ско́ро догна́лъ Евсе́ичево уди́лище и вытащилъ о́чень большо́го о́куня. Я пры́галъ отъ ра́дости, когда́ мы перенесли́

[1]Изба́ для прислу́ги.

бкуня на бе́регъ, отцѣпи́ли и посади́ли въ ведро́. Вѣроятно, ры́ба была́ испу́гана шу́момъ и движе́ніемъ подъѣзжа́вшей ло́дки: клёвъ прекрати́лся. Мы до́лго сидѣ́ли, напра́сно ожида́я но́вой добы́чи. То́лько къ ве́черу, когда́ со́лнышко ста́ло уже́ сади́ться, оте́цъ мой вы́удилъ огро́мнаго леща́. Вдругъ онъ замѣ́тилъ, что отъ воды́ сталъ подыма́ться тума́нъ, и приказа́лъ Евсе́ичу отвести́ меня́ домо́й. Очень не хотѣ́лось мнѣ итти́; но я уже́ сто́лько натѣ́шился ры́бною ло́влею, что не смѣлъ проси́ть позволе́нія оста́ться.

18. Ры́бная ло́вля. Когда́ мы устро́ились въ Сергѣ́евкѣ, къ намъ ста́ли пріѣзжа́ть го́сти. Оди́нъ разъ съѣ́хались охо́тники до рыбной ло́вли. Затѣ́яли большу́ю ры́бную ло́влю не́водомъ. Въ одну́ чу́дную, ти́хую, лу́нную ночь мы всѣ, кро́мѣ ма́тери, отпра́вились на то́ню. Я сидѣ́лъ съ да́мами на поро́мѣ[1]. Безъ вся́каго шу́му, осторо́жно завезли́ не́водъ[2] и спусти́ли его́ въ во́ду, окружа́ оди́нъ большо́й зато́нъ[3]. Туда́ но́чью на о́тмель[4] собира́лись безчи́сленныя ста́и леще́й. Едва́ то́лько подтяну́ли концы́ не́вода къ берега́мъ зато́на, какъ уже́ на́чало ока́зываться мно́жество захва́ченной ры́бы. Мы слѣ́довали на поро́мѣ за не́водомъ и ви́дѣли въ нёмъ движе́ніе и возню́. Наши да́мы, а вмѣ́стѣ съ ни́ми и я, испуска́ли ра́достные кри́ки. Мно́гія огро́мныя ры́бы пры́гали че́резъ верхъ или́ броса́лись въ у́зкіе промежу́тки ме́жду не́водомъ и бе́регомъ. Храни́вшіе до тѣхъ поръ молча́ніе рыбаки́, плы́вшіе съ боко́въ на ло́дкахъ или́ тяну́вшіе не́водъ, подня́ли шумъ, кри́къ и хло́панье верёвками по водѣ́, чтобы́ заста́вить ры́бу вороти́ться въ среди́ну не́вода. Мы поспѣши́ли приста́ть къ бе́регу, чтобы́ ви́дѣть, какъ бу́дутъ выта́скивать ры́бу.

19. Верхова́я ѣзда́. Че́резъ недѣ́лю поѣ́хали мы къ Булга́ковымъ въ Алманта́ево[5]. Хозя́инъ, Ива́нъ Никола́евичъ Булга́ковъ, былъ большо́й охо́тникъ до лошаде́й и верхово́й ѣзды́. У нихъ въ домѣ́ всѣ ѣ́здили верхо́мъ: и да́мы и дѣ́ти. Булга́ковъ, ка́къ-то осо́бенно меня́ полюби́вшій, захотѣ́лъ непремѣ́нно и меня́ посади́ть на ло́шадь. Мнѣ сты́дно бы́ло сказа́ть, что я бою́сь, и я согласи́лся. Привели́ дѣ́тскую ма́ленькую лоша́дку. Всѣ́ вы́шли на крыльцо́, меня́ посади́ли и да́ли мнѣ въ ру́ки по́водъ[6]. Поку́да Евсе́ичъ вёлъ моего́ коня́, я превозмога́лъ свой страхъ; но какъ ско́ро онъ вы́пустилъ узду́, я соверше́нно растеря́лся. Пово́дья вы́пали у меня́ изъ рукъ, и, никѣ́мъ не управля́емая, моя́ лоша́дка побѣжа́ла ры́сью въ коню́шню. Страхъ превозмо́гъ самолюбіе, и я принялся́ крича́ть. Вы́бѣжавшій навстрѣ́чу ко́нюхъ[7] останови́лъ сми́рную ло́шадь. Общій хо́хотъ на крыльцѣ́ терза́лъ моё ребя́чье са-

[1]Плоскодо́нное рѣчно́е су́дно, обыкнове́нно употребля́ется для перепра́вы. [2]Сѣть для ло́вли ры́бы. [3]Рѣчно́й зали́въ. [4]Ме́лкое мѣсто. [5]Дере́вня близъ Сергѣ́евки. Булга́ковы—знакомые Акса́ковыхъ. [6]То, чѣмъ управля́ютъ верхово́ю ло́шадью, реме́нь узды́. [7]Слуга́ для присмотра за лошадьми́.

молю́біе. Смути́вшись оконча́тельно, я, какъ то́лько сня́ли меня́ съ ло́шади, убѣжа́лъ че́резъ за́днее крыльцо́ въ занима́емую на́ми комна́ту. Я до́лго и неутѣ́шно пла́калъ и цѣ́лый день не могъ ни на кого́ смотре́ть.

20. Собира́ніе клубни́ки. Давно́ уже́ поспѣ́ла полева́я клубни́ка, ла́комиться кото́рою позволя́ли намъ вдо́воль. Мы ѣ́здили за клубни́кой цѣ́лымъ до́момъ, такъ что то́лько по́варъ Моке́й остава́лся въ свое́й ку́хнѣ. У вся́каго была́ своя́ посу́да: у кого́ ведро́, у кого́ лукошко[1], у кого́ бура́къ[2], у кого́ ку́зовъ[3]. Мать обыкновенно ско́ро утомля́лась собира́ніемъ я́годъ и потому́ сади́лась на дро́ги, выѣзжа́ла на доро́гу и ката́лась по ней часъ и бо́лѣе, а пото́мъ заѣзжа́ла за на́ми. Сестра́ мой не умѣ́ла различа́ть спѣ́лую клубни́ку отъ неспѣ́лой. Я слы́шалъ, какъ ея́ ня́нька Пара́ша, всегда́ о́чень ла́сковая и до́брая же́нщина, вытря́хивая бурачо́къ, говори́ла: „Ну, ба́рышня, опя́ть набра́ла зеленуху!“ и пото́мъ наполня́ла ея́ бурачо́къ я́годами изъ своего́ ку́зова. По возвраще́ніи домо́й, но́вая возня́ съ я́годами: въ тѣни́ отъ на́шего до́мика разсыпа́ли клубни́ку на широ́кій, чи́стый ли́повый лубо́къ. Са́мыя кру́пныя я́годы отбира́ли на варе́нье, пото́мъ для ку́шанья, потомъ для су́шки. Эти приготовле́нія занима́ли меня́ едва́ ли не бо́лѣе собира́нія я́годъ.

21. Ло́вля перепело́въ. Оте́цъ ѣзжа́лъ иногда́ въ по́ле съ сѣ́тками и ду́дками лови́ть перепело́въ. Мать отпусти́ла меня́ одина́ъ разъ съ отцо́мъ и Ѳе́доромъ посмотре́ть на э́ту охо́ту. Она́ мнѣ о́чень понра́вилась. На ти́хій писк ду́дочки прибѣга́ли перепела́, подходи́ли подъ разо́стланную на травѣ́ сѣть, мы всѣ тро́е вска́кивали, и испу́ганная взлетѣ́вшая перепе́лочка попада́лась въ сѣ́тку. Но мнѣ захотѣ́лось дѣ́йствовать самому́, то́-есть самому́ мани́ть перепело́въ. Бить въ ду́дки[4] зара́нѣе учи́лъ меня́ Ѳе́доръ, счита́вшійся въ э́томъ дѣ́лѣ вели́кимъ ма́стеромъ. Я приста́лъ къ отцу́ и Ѳе́дору съ неотсту́пными про́сьбами. Жела́ніе моё испо́лнили, но о́пытъ доказа́лъ, что я во́все не умѣ́ю мани́ть. На мои́ зву́ки не то́лько перепела́ не шли подъ сѣть, но да́же не откликали́сь. Я о́чень огорчи́лся и уже́ въ друго́й разъ не проси́лся на э́ту охо́ту.

Возврати́вшись изъ Серге́евки на́ зиму въ Уфу́, гдѣ мой оте́цъ служи́лъ чино́вникомъ, мы прожили здѣсь недо́лго. Вскорѣ полу́чено было изве́стіе, что дѣдушка умира́етъ и жела́етъ пе́редъ сме́ртью ви́дѣть своего́ насле́дника, т.-е. моего́ отца́. Оте́цъ отпра́вился съ семье́й въ Акса́ково (Багро́во). Верну́вшись по́слѣ кончи́ны дѣ́душки въ Уфу́, онъ пода́лъ въ отста́вку и переѣ́халъ въ доста́вшееся ему́ по насле́дству

[1]Отъ лукъ—упру́гій, прутъ, со́гнутый въ дугу́, съ натяну́той тетивой, для пуска́нія стрѣ́лъ; лука́—изги́бъ; ко́робъ изъ лубка́ или бересты, обыкн. для я́годъ. [2]Ко́робъ для собира́нія я́годъ. [3]Ящикъ, коро́бка.—[4]Игра́ть на ду́дкѣ для привлече́нія перепело́въ.

Аксáково для постоя́ннаго жи́тельства. Въ дере́внѣ я чи́сто вы́дѣлъ крестья́нскія рабо́ты, изъ кото́рыхъ одна́ опи́сана ни́же.

22. **На току́**[1]. „А хо́чешь посмотрѣ́ть, Серёжа, какъ молоти́ть гречу́[2]?“ спроси́лъ отéцъ. Разумѣ́ется, я отвѣча́лъ, что о́чень хочу́, и мы пое́хали. На одно́й изъ десяти́нъ[3] былъ расчи́щенъ токъ, гла́дко вы́метенный. На нёмъ высо́кою гряду́ю[4] лежа́ла гре́чневая соло́ма. По ней ходи́ли взадъ и впередъ бо́лѣе тридцати́ цѣпо́въ. Я до́лго съ изумле́ніемъ смотрѣ́лъ на э́ту неви́данную мно́ю рабо́ту. Цѣпы́ мелька́ли, взлета́я и па́дая другъ во́злѣ дру́га, и ни одинъ не зацѣпля́лъ за друго́й, ме́жду тѣмъ какъ ба́бы не стоя́ли на одно́мъ мѣ́стѣ, а то подвига́лись впередъ, то отступа́ли наза́дъ. Чтобъ не прерыва́ть рабо́ты, отéцъ не здоро́вался, поку́да не ко́нчили полосы́ или́ ря́да. Когда́ дошли́ до края́, мы о́ба съ отцо́мъ сказа́ли обы́чное: „Богъ на по́мочь!“ и получи́ли обыкнове́нный благода́рственный отвѣ́тъ мно́гихъ же́нскихъ голосо́въ. Двое крестья́нъ вѣя́ли во́рохъ[5] обмоло́ченной гре́чи. Вѣтеро́къ далеко́ относи́лъ вся́кую дрянь и то́нкія лёгкія зёрна, а по́лныя и тяжёлыя косы́мъ дождёмъ па́дали на зе́млю. Друго́й крестья́нинъ смета́лъ метло́ю съ зерна́ вся́кій соръ.

23. **Пѣ́нье соловьёвъ.** Зазелене́ла трава́, распусти́лись дере́вья, оле́лись кусты́, запѣли соловьи́—и пѣ́ли, не устава́я, и день и ночь. Днёмъ ихъ пѣ́ніе не производи́ло на меня́ осо́баго впечатлѣ́нія. Я да́же говори́лъ, что жа́воронки пою́тъ не ху́же. Но по́здно ве́черомъ или́ но́чью, когда́ всё вокру́гъ меня́ утиха́ло, соловьи́ное пѣ́ніе приводи́ло меня́ въ восто́ргъ и снача́ла мѣша́ло мнѣ́ спать. Соловьёвъ бы́ло такъ мно́го и но́чью они́, каза́лось, подлета́ли такъ бли́зко къ до́му, что, при закры́тыхъ ста́внями о́кнахъ, свисты, раска́ты и щёлканье ихъ съ двухъ сторо́нъ врыва́лись съ си́лою въ на́шу закупоренную[6] спа́льню. Мать посыла́ла но́чью пуга́ть ихъ. И тутъ то́лько повѣ́рилъ я слова́мъ тётушки, что соловы́й не дава́ли ей спать.

Одна́жды, въ то́ же лѣ́то, отéцъ взялъ меня́ въ по́ле, гдѣ́ производи́лся посѣ́въ.

24. **Какъ я пробовалъ боронова́ть**[7]. Вскорѣ́ зачернѣ́лись по́лосы вспа́ханной земли́. Я уви́дѣлъ, что крестья́нинъ, уже́ не молодо́й, мѣ́рно и бо́дро хо́дитъ взадъ и впередъ по десяти́нѣ, разсѣва́я вокру́гъ себя́ хлѣ́бныя сѣмена́. За нимъ тащи́лись три бороны[8] съ желѣ́зными зу́бьями, запряжённыя лоша́дками. Ими управля́ли ма́льчики. Весь э́тотъ, повиди́мому, тяжёлый трудъ производи́лся легко́, бо́дро и

[1]Расчи́щенное и утоптанное мѣ́сто, гдѣ́ моло́тятъ хлѣ́бъ. [2]Родъ хлѣ́бнаго расте́нія. [3]Десяти́на—мѣ́ра пло́щади по́ля, 2400 кв. саженей. [4]Полосо́й. [5]Ку́ча. [6]Пло́тно затво́ренную со всѣхъ сторо́нъ. [7]Разрыхли́ть ко́мья земли́ и зарыва́ть зёрна въ зе́млю по́слѣ посѣ́ва съ по́мощью бороны́. [8]Земледѣ́льческое ору́діе для разбива́нія ко́мьевъ земли́ и зарыва́нія зерна́ послѣ посѣ́ва; ко́нныя гра́бли.

весело. Я сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые купали хлѣбъ да воду. Мнѣ стало совѣстно, стыдно. Я рѣшился просить отца и мать, чтобы меня заставили боронавать землю. Полный такихъ мыслей, воротился я домой и принялся передавать матери мой впечатлѣнія и желаніе работать. Она смѣялась, а я горячился. Наконецъ, она съ важностью сказала мнѣ: „Выкинь этотъ вздоръ изъ головы. Пашня и бороньба—не твое дѣло. Впрочемъ, если хочешь попробовать, я позволяю". Черезъ нѣсколько времени, дѣйствительно мнѣ позволили попробовать боронавать землю. Оказалось, что я не умѣю ходить по вспаханной землѣ, не умѣю держать вожжи и править лошадью, не умѣю заставить ее слушаться. Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминалъ объ этомъ.

25. Сѣнокосъ. Пришло время сѣнокоса. Его начали за недѣлю до Петрова дня[1]. Эта работа понравилась мнѣ больше всѣхъ. Въ прекрасный лѣтній день подъѣзжали мы съ отцомъ къ такъ называемому „Потаённому колку[2]". Лишь только поднялись мы къ лѣсу изъ оврага, сталъ долетать до моего слуха глухой, необыкновенный шумъ. Я сейчасъ спросилъ: „Что это такое?"—А вотъ увидишь! отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Когда мы обогнули лѣсъ, чудное зрѣлище поразило мои глаза. Человѣкъ сорокъ крестьянъ косили, выстроясь въ одну линію, какъ по ниткѣ. Ярко блестя на солнцѣ, взлетали косы. Стройными рядами ложилась срѣзанная густая трава. Пройдя длинный рядъ, вдругъ косцы остановились и принялись чѣмъ-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми рѣчами, какъ можно было догадываться по громкому смѣху. Когда мы подъѣхали близко и отецъ мой сказалъ обыкновенное привѣтствіе: „Богъ помочь!" громкое: „Благодарствуйте, батюшка Алексѣй Степанычъ!" огласило поляну[3]. Снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами. Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиною. По зелёнымъ, высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Онѣ подбирали разныхъ букашекъ[4], козявокъ[5] и червячковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду, по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнажённой землѣ.

---

[1]Де 29 іюня; въ этотъ день празднуется память св. апостоловъ Петра и Павла. [2]Колокъ—лѣсъ, состоящій изъ одной какой-либо породы деревьевъ. Потаённый — скрытый; здѣсь — заповѣдный, котораго не приказано рубить. [3]Площадь въ лѣсу, не покрытая деревьями. [4,5]Мелкихъ насѣкомыхъ.

26. Наблюдéнія за птúчьими гнѣздами. Моя́ сестра́, не раздѣля́вшая со мно́й нѣкоторыхъ мои́хъ лѣтнихъ удово́льствій, была́ зато́ вѣрною мое́ю подру́гой и помо́щницей въ собира́ніи травъ и цвѣто́въ и въ наблюде́ніяхъ за гнѣ́здами ма́ленькихъ пти́чекъ. Замѣ́тивъ гнѣ́здо како́й-нибу́дь пти́чки, мы всѣ́кій день ходи́ли смотрѣ́ть, какъ мать сиди́тъ на я́йцахъ. Иногда́, по неосторо́жности, мы спу́гивали её съ гнѣзда́, и тогда́, бе́режно раздви́нувъ колю́чія вѣ́тви барбари́са[1] или́ крыжо́вника[2], разгля́дывали, какъ лежа́тъ въ гнѣ́здѣ ма́ленькія, ми́ленькія, пёстренькія[3] я́йчки. Случа́лось иногда́, что мать, наску́чивъ на́шимъ любопы́тствомъ, броса́ла гнѣ́здо. Тогда́ мы, уви́дя, что уже́ нѣсколько дней пти́чки въ гнѣ́здѣ нѣтъ, доста́вали я́йчки или да́же всё гнѣ́здо и уноси́ли къ себѣ́ въ ко́мнату. Когда́ же пти́чка благополу́чно, несмотря́ на на́ши помѣ́хи, высижи́вала свои́ я́йчки, и мы вдругъ находи́ли вмѣ́сто нихъ го́ленькихъ дѣтёнышей, съ жа́лобнымъ, ти́химъ пи́скомъ безпреста́нно разѣва́ющихъ огро́мные рты, ви́дѣли, какъ мать прилета́ла и корми́ла ихъ му́шками и червячка́ми... Бо́же мой, кака́я была́ у насъ ра́дость! Мы не переста́вали слѣди́ть, какъ ма́ленькія пти́чки росли́, пе́рились и, наконе́цъ, покида́ли своё гнѣ́здо.

27. За грибáми. Одна́жды по́слѣ обѣ́да начали́сь торопли́вые сбо́ры. У крыльца́ уже́ стоя́ли дво́е дли́нныхъ дрогъ и телѣ́га. Всѣ́ запасли́сь ку́зовьями, луко́шками и плетёными корзи́нками изъ и́вовыхъ пру́тьевъ. На дли́нные ро́спуски и телѣ́гу насѣ́ло сто́лько наро́ду, ско́лько могло́ помѣ́ститься, а нѣ́которые пошли́ пѣшко́мъ впередъ. Ско́ро всѣ́ разбрели́сь по́ лѣ́су въ ра́зныя сто́роны и скры́лись изъ ви́ду. Лѣ́съ то́чно ожи́лъ: вездѣ́ на́чали раздава́ться ра́зныя весёлыя восклица́нія, аукань, звонкій смѣхъ и одино́чные голоса́ мно́гихъ пѣсенъ. Евсе́ичъ, тётушка и мой оте́цъ, отъ кото́раго я не отставалъ ни на пядь[4], ходи́ли по молодо́му лѣ́су, неподалеку́ другъ отъ дру́га. Тётушка пе́рвая нашла́ слой[5] груздей́[6]. Мы съ отцо́мъ хотѣ́ли подойти́ къ ней, но она́ не допусти́ла насъ бли́зко, говоря́, что э́то ея́ гру́зди, что она́ нашла́ ихъ и пусть мы и́щемъ другой слой. Я ви́дѣлъ, какъ она́ ста́ла на колѣ́ни и, щу́пая рука́ми зе́млю подъ ли́стьями па́поротника[7], вынима́ла отту́да гру́зди и кла́ла въ свою́ корзи́нку. Ско́ро и мы съ отцо́мъ нашли́ гнѣ́здо груздей́. Мы такъ же принялись ощу́пывать ихъ руками и бе́режно вынима́ть изъ-подъ пелены́ прошлого́днихъ полусгни́вшихъ ли́стьевъ, поросшихъ всѣ́кими лѣ́сными тра́вами и цвѣта́ми. Побродивъ по́ лѣ́су часа́ два, мы напо́лнили свои́ корзи́нки одни́ми молоды́ми груздя́ми.

[1,2]Колю́чіе я́годные кусты́. [3]Разноцвѣ́тныя. [4]Вы́тянутая во всю длину́ кисть руки́, для измѣре́нія. [5]Ку́чу. [6]Ро́дъ грибо́въ. [7]Расте́ніе имѣ́етъ больши́е ли́стья; никогда́ не цвѣтётъ; даётъ густу́ю тѣнь, задерживая на землѣ́ влагу.

Мы пошли́ наза́дъ къ тому́ мѣ́сту, гдѣ оста́вили лошаде́й. Евсе́ичъ принялся́ гро́мко крича́ть: „Пора́ домо́й! Собира́йтесь всѣ къ лоша-дя́мъ!“ Мно́гія го́рничныя дѣ́вушки, съ луко́шками, по́лными груздей́, ско́ро къ намъ присоедини́лись, а нѣ́которыя, ви́дно, зашли́ далеко́. Мы не ста́ли ихъ дожида́ться и пое́хали домо́й.

Въ а́вгустѣ того́ же го́да отпра́вились мы въ го́сти, въ село́ Чу-ра́сово, къ бога́той на́шей ро́дственницѣ Праско́вьѣ Ива́новнѣ Куро-ле́совой. Во вре́мя пребыва́нія на́шего въ Чура́совѣ полу́чено бы́ло изве́стіе, что ба́бушка моя́, оста́вшаяся въ Багро́вѣ, умира́етъ. Мы неме́дленно отпра́вились въ обра́тный путь. Въ доро́гѣ мы подвер-глись большо́й опа́сности во вре́мя перепра́вы че́резъ Во́лгу.

28. **Опа́сная перепра́ва.** Гребцы́, держа́ въ рука́хъ вёсла, сидѣ́ли на свои́хъ мѣста́хъ. Хозя́инъ поспѣ́шно перевёлъ насъ по доска́мъ на ло́дку и усади́лъ въ ней по ла́вкамъ[1] на са́мой середи́нѣ. Страхъ сжима́лъ моё се́рдце, и я сидѣ́лъ, какъ говори́тся, ни живъ ни мёртвъ. Гребцы́ рабо́тали съ необыкнове́ннымъ уси́ліемъ, ло́дка лете́ла. Едва́ мы, дости́гнувъ середи́ны Во́лги, вы́шли изъ-подъ за-щи́ты горы́, поду́лъ си́льный вѣ́теръ, стра́шныя во́лны встрѣ́тили насъ. Ло́дка на́чала то подыма́ться но́сомъ кве́рху, то опуска́ться кормо́ю вни́зъ. Я вскри́кнулъ, бро́сился къ ма́тери, прижа́лся къ ней и зажму́рилъ глаза́. Я откры́лъ ихъ тогда́, когда́ услы́шалъ, что до бе́рега недалеко́. То́чно, бе́регъ былъ уже́ бли́зокъ, но въ ло́дкѣ про-исходи́ла сумато́ха, кото́рой я съ закры́тыми глаза́ми до тѣ́хъ поръ не замѣ́чалъ. Нашъ ко́рмщикъ[2] каза́лся о́чень озабо́ченнымъ и да́же испу́ганнымъ. Гребли́ то́лько че́тверо, а дво́е гребцо́въ вылива́ли воду, оди́нъ каки́мъ-то дли́нным ъ ковшо́мъ, а друго́й—шля́пой. Вода́ въ ло́дкѣ вы́ступила уже́ сквозь полъ и подмочи́ла намъ но́ги, а въ корме́ бы́ло ея́ о́чень мно́го. Когда́ мы вы́садились на бе́регъ, отцу́ моему́ захоте́лось узна́ть, отчего́ протекла́ на́ша ло́дка. Ее́ вы́тащили на бе́регъ, оберну́ли вверхъ дно́мъ и нашли, что у са́мой кормы́ она́ проло́млена че́мъ-то о́стрымъ. Какъ э́то случи́лось, никто́ объясни́ть не могъ. Если бъ не доглядѣ́ли и не приняли́сь во́-время вылива́ть во́ду, ло́дка напо́лнилась бы ею, се́ла глу́бже, и тогда́ ги́бель была́ неизбѣ́жна. Тутъ то́лько я по́нялъ, како́й опа́сности мы подверга́лись.

Ба́бушка умерла́ и погребена́ была́ ра́ньше, чѣ́мъ мы успѣ́ли верну́ться въ Багро́во, какъ ни торопи́лись въ путь. Че́резъ шесть недѣ́ль по́слѣ похоро́нъ ба́бушки, Праско́вья Ива́новна сно́ва пригла-си́ла насъ къ себѣ́ въ Чура́сово. Мы опя́ть собрались въ доро́гу. Поѣ́здка э́та была́ о́чень непрія́тна для меня, такъ какъ за нѣ́сколько дней до получе́нія письма́ отъ Праско́вьи Ива́новны я познако́мился съ но́-вымъ деревѣ́нскимъ удово́льствіемъ, кото́рое мнѣ о́чень полюби́лось.

29. **Ло́вля птицъ лучко́мъ**[3]. Евсе́ичъ вы́училъ меня́ крыть лучко́мъ

[1] Скамьямъ. [2] Кто пра́витъ су́дномъ. [3] Сѣ́ть для ло́вли птицъ

нти́чекъ. Онъ расчи́стилъ точо́къ[1] и положи́лъ на него́ прива́ду[2] изъ хлѣбной мяки́ны и конопля́наго сѣмени. Голо́дныя пти́чки бчень обра́довались ко́рму, кото́раго достава́ть имъ бы́ло тру́дно, и дня въ три привы́кли лета́ть на прива́ду. Тогда́ Евсе́ичъ поста́вилъ позади́ точка́ лучо́къ, обтя́нутый сѣткой, привяза́лъ къ нему́ верёвочку и протяну́лъ её сквозь смороди́нный ку́стъ, за кото́рымъ легко́ бы́ло притайться одному́ челов'ѣку и́ли да́же двоимъ. Когда́ пти́чки привы́кли къ лучку́, ста́ли смѣло во́злѣ него́ сади́ться и клева́ть зёрна, Евсе́ичъ привёлъ меня́ осторо́жно къ кусту́, сквозь го́лыя вѣтки кото́раго бы́ло ви́дно всё, что дѣлается на точкѣ. Че́резъ нѣсколько вре́мени Евсе́ичъ сказа́лъ мнѣ: „Ну, бери́ верёвочку; дёргай!“ Дрожа́ отъ ра́достнаго нетерпѣнія, я дёрнулъ изо все́й мо́чи[3], и мы, вы́скочивъ изъ-за куста́, прибѣжали къ лучку́. Я дёрнулъ неуда́чно, сли́шкомъ си́льно, такъ что лучо́къ сорва́лся съ мѣста одни́мъ кра́емъ и покры́лъ то́лько полови́ну точка́; но всё-таки нѣсколько пти́чекъ би́лось подъ сѣткой. Мы, взявъ па́ру щегля́тъ, чи́жика и бѣленькаго бѣсо́чка, побѣжа́ли домо́й съ своей добы́чей. Евсе́ичъ бѣжа́лъ такъ же, какъ и я. И вотъ чѣмъ былъ неоцѣне́нный челов'ѣкъ Ефре́мъ Евсе́ичъ: онъ во всякой охо́тѣ горячи́лся не ме́ньше меня!.. Я ско́ро вы́учился крыть хорошо́.

Отъѣздъ въ Чура́сово отло́женъ былъ до того́ вре́мени, когда́ оконча́тельно замёрзнетъ Во́лга, такъ какъ че́резъ неё на́до бы́ло переправиться. До отъѣзда я познако́мился ещё съ одни́мъ дереве́нскимъ развлече́ніемъ—охо́тою за за́йцами.

30. На охо́тѣ за за́йцами. Снѣгъ выпада́лъ постепе́нно почти́ ка́ждую ночь, и ка́ждое у́тро была́ отли́чная поро́ша[4]. Оте́цъ о́чень люби́лъ обходи́ть съ ружьёмъ по слѣду русако́въ[5] и охо́тился иногда́ за ни́ми. Но, къ сожалѣ́нію, онъ не бралъ меня́ съ собо́ю, говоря́, что для меня́ э́то бу́детъ утоми́тельно и что я бу́ду ему́ мѣша́ть. Зато́, чтобъ утѣшить меня́, онъ приказа́лъ Тапайчёнку верхо́мъ объѣ́хать русака́ и взя́лъ меня́ съ собо́ю, чтобъ при мнѣ поймать за́йца тенётами[6]. Часа́ за́ два до обѣда мы съ отцо́мъ въ са́нкахъ пріѣхали къ верхо́вью[7] пруда́[8]. „Вонъ гдѣ лежи́тъ руса́къ, Серёжа!“ сказа́лъ мой оте́цъ и указа́лъ на гри́ву[9] жёлтаго камыша́: „руса́къ побѣжи́тъ въ го́ру, и потому́ всё э́то мѣсто обме́тано тенётами“. Наро́ду бы́ло съ на́ми челов'ѣкъ два́дцать. Одни́ зашли́ сза́ди, а други́е съ боко́въ и, таки́мъ о́бразомъ, подвига́ясь впередъ полукру́гомъ, приняли́сь шуме́ть, крича́ть и хлеста́ть холуди́нами[10] по камышу́. Въ одну́ мину́ту вы́летѣлъ руса́къ, какъ стрѣла́, покати́лъ въ го́ру, уда́рился въ тенёта, вы́несъ ихъ впере́дъ на

[1]Уменьши́т. отъ токъ; расчи́щенное мѣсто. [2]Прима́нку. [3]Си́лы. [4]Неда́вно вы́павшій, ещё не покры́вшійся твёрдою коро́ю снѣгъ, легко́ сметаемый вѣтромъ. [5]См. ни́же статью́ Акса́кова: „За́йцы“. [6]Сѣтями. [7]Къ нача́лу. [8]См. статью́ Акса́кова: „Пруды“. [9]Полосу́. [10]Па́лками.

себѣ въ сáжень, запýтался и завертѣлся въ сѣткѣ. Лю́ди крича́ли и бѣжа́ли со всѣхъ ногъ къ попáвшемуся зáйцу. Я та́кже крича́лъ во всю мочь и бѣжа́лъ изо всѣхъ силъ. Что за краса́вецъ былъ э́тотъ ста́рый матёрой[1] русáкъ! Чёрные ко́нчики ушéй, чёрный хво́стикъ, желтова́тая грудь и переднія но́ги и пёстрый въ завитка́хъ реме́нь[2] по спинѣ!... Я задыха́лся отъ восто́рга, самъ не понима́я его́ причи́ны...

Вско́рѣ по́слѣ э́того на́ша семья́ отпра́вилась въ Чура́сово, а отту́да, погости́въ нѣсколько вре́мени, въ Каза́нь для поклоне́нія мощáмъ святы́хъ уго́дниковъ.

Разска́зомъ о приготовле́ніяхъ къ отъѣзду изъ Чура́сова въ Каза́нь зака́нчиваются „Дѣтскіе го́ды Ба́грова вну́ка“. О слѣ́дующихъ года́хъ своего́ дѣ́тства авторъ говори́тъ въ сочине́ніи:

III. Воспомина́нія.

1. Какъ узна́лъ я о намѣреніи роди́телей отда́ть меня́ въ гимна́зію. Осенью, когда́ я сталъ бо́льше сидѣ́ть до́ма, бо́льше слу́шать и бо́льше смотрѣ́ть на мою́ мать, то сталъ примѣ́ча́ть въ ней каку́ю-то переме́ну. Прекра́сные глаза́ ея́ устремля́лись иногда́ на меня́ съ осо́беннымъ выраже́ніемъ та́йной гру́сти. Я подгляде́лъ да́же слёзы, стара́тельно отъ меня́ скрыва́емыя. Встрево́женный и́ огорче́нный, я приста́ва́лъ съ разспро́сами къ мое́й ма́тери. Снача́ла она́ увѣря́ла меня́, что э́то ничего́ не зна́читъ, но ско́ро въ ея́ разгово́рахъ со мной я на́чалъ слы́шать, какъ сокруша́ется она́ о томъ, что мнѣ не у кого́ учи́ться. Се́рдце сжа́лось у меня́ въ гру́ди; я по́нялъ, что мнѣ не уйти́ отъ Каза́нской гимна́зіи[3]. Мать подтверди́ла мою́ дога́дку и сказа́ла, что она́ рѣши́лась. Нѣсколько дней я то́лько пла́калъ и ничего́ не слу́шалъ и какъ бу́дто не понима́лъ, что говори́ла мнѣ мать. Всѣ мои́ дереве́нскія удово́льствія вдругъ потеря́ли свою́ пре́лесть, ни къ чему́ меня́ не тяну́ло, всё смотрѣ́ло чужи́мъ, всё опости́лѣло[4].

2. Какъ подготовля́ли меня́ въ гимна́зію. Меня́ ста́ли приготовля́ть къ шко́льному уче́нью. Для своего́ во́зраста я чита́лъ какъ нельзя́ лу́чше, но писа́лъ по-дѣ́тски. Оте́цъ ещё пре́жде хотѣ́лъ мнѣ переда́ть всю свою́ учёность въ матема́тикѣ[5], то́-есть пе́рвыя четы́ре ариѳмети́ческія пра́вила, но я такъ непоня́тливо и лѣни́во учи́лся, что онъ бро́силъ уче́нье. Тутъ всё перемѣни́лось: въ два мѣ́сяца я вы́училъ э́ти четы́ре пра́вила, кото́рыя то́лько одни́ изъ всей математики и тепе́рь не позабы́ты мной. Въ остально́е вре́мя до отъѣзда въ Каза́нь

[1]Доро́дный, ту́чный. [2]Полоса́ ше́рсти, иду́щая у русака́ на спинѣ́. [3]Когда́ роди́тели С. Т. Акса́кова ѣ́здили изъ Чура́сова въ Каза́нь, уже́ тогда́ они́ говори́вали о необходи́мости отда́ть сы́на въ Каза́нскую гимна́зію. [4]Опроти́вѣло, переста́ло бы́ть привлека́тельнымъ. [5]Гр. зна́ніе, нау́ка; нау́ка о величи́нахъ. Въ матема́тику ариѳме́тика вхо́дитъ, какъ ея́ часть.

отéцъ тóлько повторя́лъ со мной зады́. Въ спи́сываніи про́писей я дости́гъ та́кже возмо́жнаго совершéнства. Всё э́то я дѣ́лалъ на глаза́хъ у своей ма́тери и еди́нственно для нея́. Она́ сказа́ла мнѣ́, что сгори́тъ со стыда́, е́сли меня́ не похва́лятъ на экза́менѣ, кото́рый ей подобно бы́ло вы́держать и́менно въ э́тихъ предмéтахъ.

3. Какъ я поступи́лъ въ гимна́зію. Пое́хавъ подава́ть про́сьбу дирéктору, отéцъ взя́лъ меня́ съ собо́ю, и дирéкторъ приласка́лъ меня́. Леви́тскій[1] былъ нездоро́въ и не могъ прі́ѣхать въ сове́тъ гимна́зіи, и потому́ отéцъ повёзъ меня́ къ нему́ на кварти́ру. Левъ Семёнычъ[2] былъ любéзный и весёлый челове́къ. Онъ очарова́лъ свои́мъ прі́емомъ обо́ихъ насъ. Онъ далъ мнѣ́ чита́ть про́зу[3] Карамзина́ и стихи́ Дмитріева[4] — и припёлъ въ восхищéніе, находя́, что я чита́ю съ чу́вствомъ и понима́ніемъ; заста́вилъ меня́ что́-то написа́ть—и опя́ть пришёлъ въ восхищéніе. Въ четырёхъ пра́вилахъ ариѳмéтики я та́кже отличи́лся. Но Леви́тскій, какъ настоя́щій словéсникъ, тутъ же отозва́лся о матема́тикѣ съ пренебреженіемъ. По оконча́ніи экза́мена, онъ принялся́ меня́ хвали́ть безпоща́дно. Онъ удивля́лся, что ма́льчикъ, мои́хъ лѣ́тъ, живя́ въ дерéвнѣ, могъ быть такъ хорошо́ приготóвленъ. „Да кто же былъ его учи́телемъ въ чистописа́ніи?“ добродýшно смѣ́ясь, спроси́лъ Левъ Семёнычъ у моего́ отца́: „вашъ со́бственный по́черкъ не о́чень краси́въ“. Отéцъ мой, обра́дованный и растро́ганный почти́ до слéзъ похвала́ми своему́ сы́ну, простодýшно отвѣча́лъ, что я дости́гъ до всего́ свои́ми труда́ми подъ руково́дствомъ ма́тери. Мы уѣ́хали, очаро́ванные имъ. До́кторъ Бенúсъ, кото́рый имѣ́лъ прекра́сный домъ на Ля́дской у́лицѣ, при́нялъ насъ о́чень учти́во и безъ вся́каго затрудне́нія далъ свидѣ́тельство о моёмъ здоро́вьѣ и крѣ́пкомъ тѣ́лосложе́ніи.

4. Пе́рвыя впечатлѣ́нія въ гимна́зіи. Наконе́цъ, состоя́лось опредѣле́ніе сове́та принять меня́ въ гимна́зію на казённое содержа́ніе. Пое́хали въ соборъ, отслужи́ли моле́бенъ Гу́рію, Варсоно́фію и Ге́рману, каза́нскимъ чудотво́рцамъ. Пря́мо отту́да отéцъ съ ма́терью отвезли́ меня́ въ гимна́зію и о́тдали съ рукъ на́ руки Упадышéвскому[5]. Дя́дька мой, Ефре́мъ Евсе́ичъ, та́кже поступи́лъ туда́ въ до́лжность ко́мнатнаго служи́теля. Меня́ отвезли́ поутру́ въ 10 часо́въ. Кла́ссы то́лько-что перемѣни́лись[6]. Всѣ ученики́ находи́лись въ кла́сныхъ ко́мнатахъ наверху́. Спа́льныя внизу́ бы́ли пусты́. Мать моя́ могла́ осмотрѣ́ть ихъ, да́же ви́дѣть ту крова́ть, на кото́рой я бу́ду спать.

---

[1]Учи́тель ру́сскаго языка́ и слове́сности, исправля́вшій въ то вре́мя до́лжность инспе́ктора кла́ссовъ. [2]Леви́тскій. [3]То, что напи́сано не стихáми. [4]Ру́сскіе писа́тели конца́ XVIII и нача́ла XIX вѣко́въ. [5]Надзира́тель гимна́зіи. [6]Т.-е. уро́ки перемѣни́лись; слѣ́дующій урокъ то́лько-что начался́.

Каза́лось, она́ всѣмъ оста́лась дово́льна. Какъ то́лько уѣ́хали мои́ роди́тели, Упадышѐвскій взялъ меня́ за́ руку, отвёлъ въ классъ чистописа́нія, предста́вилъ учи́телю, рекомендова́лъ, какъ са́маго благонра́внаго ма́льчика и проси́лъ осо́бенно мно́ю заня́ться. Меня́ посади́ли за отдѣ́льный столъ, вмѣстѣ съ но́венькими, и заста́вили выпи́сывать па́лочки. Я былъ такъ поражёнъ, что находи́лся то́чно въ како́мъ-то забытьѣ.

5. Какъ учи́лся я въ гимна́зіи. Съ са́мыхъ пе́рвыхъ дней, по́слѣ оконча́тельной разлу́ки съ ма́терью, я принялся́ съ жа́ромъ за ученье. Я упроси́лъ мои́хъ учителе́й (всё че́резъ Упадыше́вскаго), что́бы мнѣ задава́ли не по одному́, а по́ два и по три уро́ка, для того́, что́бы догна́ть ста́ршихъ учеников[1] и не сидѣ́ть на одно́й ла́вкѣ[1] съ но́венькими. Способность понима́нія и па́мять бы́ли у меня́ си́льно развиты́. Че́резъ ме́сяцъ я не то́лько перегна́лъ и оста́вилъ назади́ но́венькихъ, но во всѣ́хъ кла́ссахъ сѣ́лъ за пе́рвый столъ вмѣстѣ съ лу́чшими воспи́танниками. Это обстоя́тельство уси́лило нерасположе́ніе ко мнѣ и тѣ́хъ, кото́рыхъ я обогна́лъ, и тѣ́хъ, съ кото́рыми я сравня́лся. Догна́въ во всѣ́хъ кла́ссахъ мои́хъ това́рищей, получа́я обыкнове́нные, весьма́ небольши́е уро́ки, кото́рые я ча́сто выу́чивалъ, не выходя́ изъ кла́сса,—я ничѣ́мъ не́ былъ за́нятъ не то́лько во всё вре́мя, свобо́дное отъ уче́нья, но да́же во вре́мя классовъ. Умственная дѣ́ятельность моя́, потеря́въ существе́нную пи́щу, вся обрати́лась на безпреста́нное воображе́ніе, что дѣ́лается въ моёмъ семе́йствѣ, какъ тоску́етъ о мнѣ моя́ несча́стная мать, на воспомина́ніе о пре́жней, блаже́нной дереве́нской жи́зни.

Отъ тоски́ по ро́динѣ и ма́тери я заболѣ́лъ и помѣщёнъ былъ въ гимнази́ческую больни́цу. Дя́дька мой Евсе́ичъ увѣ́домилъ объ э́томъ мои́хъ роди́телей.

6. Путеше́ствіе ма́тери. Письмо́ шло дово́льно до́лго и пришло́ въ дере́вню во вре́мя соверше́нной распу́тицы[2]. Ѣхать бы́ло почти́ невозмо́жно. Но мать мою ничто́ удержа́ть не могло́. Она́ выѣ́хала въ тотъ же день въ Каза́нь, со свое́й Пара́шей и молоды́мъ мужемъ ея, Ѳёдоромъ[3]. Ѣхала она́ день и ночь на крестья́нскихъ неподко́ванныхъ лошадя́хъ[4], въ просты́хъ крестья́нскихъ саня́хъ въ одну́ ло́шадь. Всѣ́хъ сане́й бы́ло че́тверо. Въ трёхъ сидѣ́ло по одному́ челове́ку безъ вся́кой покла́жи, кото́рая вся помѣщалась на четвёртыхъ саня́хъ. То́лько такі́мъ о́бразомъ была́ кака́я-нибу́дь возмо́жность подвига́ться шагъ за ша́гомъ впередъ, и то по́льзуясь моро́зными у́тренниками[5]. Въ де́сять

[1]Скамьѐ. — [2]Дурно́го состоя́нія доро́гъ. [3]Слу́ги Акса́ковыхъ. [4]По просѐлочнымъ (по почто́вымъ) доро́гамъ, при глубо́комъ снѣ́гѣ, на ко́ванныхъ лошадя́хъ невозмо́жно ѣхать, потому́ что ко́ваныя ло́шади, вслѣ́дствіе тя́жести копы́тъ, глубоко́ прова́ливаются въ снѣ́гъ. [5]Утренними моро́зными.

дней дотащи́лась моя́ мать до большо́го села́ Мурзи́хи, на бере
Ка́мы. Здѣсь вы́шла уже́ больна́я почто́вая доро́га, кре́пче у Ъжена

7. Материнская моли́тва. Изъ Мурзи́хи на́добно бы́ло переѣхат
че́резъ Ка́му. Ка́ма ещё не прошла́, но наду́лась и посини́ла
Наконе́цъ перенесли́ че́резъ неё на рука́хъ по́чту. Но въ ночь по
шёлъ дождь, и никто́ не соглаша́лся переправить мою́ мать и с
спу́тниковъ на другу́ю сто́рону[1]. Мать моя́ принуждена́ была́ ноче
ва́ть въ Мурзи́хѣ. Боя́сь ка́ждой мину́ты промедле́нія, она́ сама́ хо
дила́ изъ до́ма въ домъ по дере́внѣ и умоля́ла до́брыхъ люде́й помо́ч
ей, разска́зывала свое́ го́ре и предлага́ла въ вознагражде́ніе всё, чт
имѣ́ла. Нашли́сь до́брые и смѣ́лые лю́ди, кото́рые обѣща́ли ей, чт
е́сли дождь въ ночь уйме́тся и къ у́тру хоть немно́го подмёрзнетъ, т
они́ беру́тся благополу́чно доста́вить её на ту сто́рону. До са́мо
зари́ моли́лась ма́ть моя́, сто́я въ углу́ на колѣ́няхъ пе́редъ о́бразом
той избы́, гдѣ провела́ ночь. Тёплая материнская моли́тва был
услы́шана. Вѣтеръ разогна́лъ облака́, и къ у́тру моро́зъ вы́сушил
доро́гу и то́нкимъ ледо́чкомъ затяну́лъ лу́жи.

8. Перепра́ва че́резъ Ка́му. На зарѣ́ ше́стеро молодцо́въ, рыб
ко́въ по про́мыслу, перекрести́сь на церко́вный крестъ, взя́ли по́д
руки обѣ́ихъ же́нщинъ[2] и отпра́вились въ путь. Перехо́дъ че́рез
огро́мную рѣку́ въ тако́е вре́мя такъ стра́шенъ, что то́лько при
вы́чный челове́къ мо́жетъ соверши́ть его́, не теря́я бо́дрости и при
су́тствія ду́ха. Ѳёдоръ и Пара́ша про́сто ревѣ́ли, проща́лись съ бѣ
лы́мъ свѣ́томъ[3] и со всѣ́ми родны́ми. Въ иныхъ мѣста́хъ на́добно был
си́лою заставля́ть ихъ итти́ впередъ. Но мать моя́ съ ка́ждымъ ша́гом
становѝлась бодрѣе и да́же веселѣе. Провожа́тые погля́дывали на не
привѣтливо и потря́хивали голова́ми. На́добно было обходи́ть полыньи́[4]
перебира́ться по сло́женнымъ вмѣстѣ шеста́мъ че́резъ тре́щины. Мат
моя́ дала́ сто рубле́й свои́мъ провожа́тымъ, то-есть полови́ну своихъ в
ли́чныхъ[5] де́негъ. Но че́стные лю́ди не захотѣ́ли и́ми воспо́льзоваться
они́ взя́ли по си́ненькой на бра́та (по пяти́ рубле́й) и неме́дленн
отпра́вились домо́й. Мѣ́шкать[6] бы́ло не́когда: рѣка́ прошла́ на дру
го́й день.

Мать моя́, по сове́ту врачи́, взяла́ меня́ для лѣче́нія изъ гимна
зіи и увезла́ въ Багро́во.

9. Поѣ́здка изъ Каза́ни домо́й. Это бы́ло 19-го ма́я, день рожде
нія мое́й ми́лой сестры́. Прекра́сное, да́же жа́ркое, весе́ннее у́тр
настоя́щаго ма́йскаго дня обливало горя́чимъ свѣ́томъ всю приро́ду. В
о́кна каре́ты взглянули зелёныя, молодыя хлѣ́бныя поля́, луга́ и лѣс

---

[1]Потому́ что дождь спосо́бствуетъ вскры́тію рѣки́. [2]Т.-е. мою́ мат
и Пара́шу. [3]Съ жи́знью. [4]Полынья́ (отъ по́лый) — мѣсто на замёрзше
рѣкѣ́, прудѣ́ или́ о́зерѣ, не покры́тое льдомъ. [5]Бывшихъ при не
[6]Ме́длить.

Мнѣ такъ захотѣлось оки́нуть глаза́ми всѣ края́ далёкаго горизо́нта[1], что я попроси́лъ останови́ться, вы́скочилъ изъ каре́ты и на́чалъ бѣ́гать и пры́гать, какъ са́мое рѣ́звое пятилѣ́тнее дитя́. Я поздоро́вался съ ку́черомъ и форе́йторомъ[2]. Послѣ́дній успѣ́лъ сказа́ть мнѣ, что ры́ба начина́ла ши́бко[3] клева́ть, когда́ онъ уѣзжа́лъ изъ Акса́кова. Я поздоро́вался та́кже со всѣ́ми лошадьми́. Евсе́ичъ взялъ меня́ на́ руки, подня́лъ, и я погла́дилъ ка́ждую изъ нихъ. Наси́лу усади́ли меня́ въ каре́ту. Но я вы́сунулся въ око́шко и ѣ́халъ такъ до са́мой кормёжки[4], ра́достными восклица́ніями привѣ́тствуя всё, что попада́лось на доро́гѣ. Наконе́цъ, сверкну́ла полоса́ воды́; э́то была́ рѣка́ Мёша, не о́чень больша́я, но глубо́кая и чрезвыча́йно ры́бная. По ней ходи́лъ дово́льно плохо́й плотъ[5] на верёвкѣ. Мы переправля́лись до́лго; лошаде́й ста́вили то́лько по одно́й па́рѣ, а каре́ту едва́ перевезли́. Запа́сливый форе́йторъ, стра́стный охо́тникъ уди́ть, взялъ съ собо́ю изъ дере́вни совсѣ́мъ гото́вую у́дочку съ уди́лищемъ, кото́рая и была́ привя́зана подъ каре́той. Её сейча́съ отвяза́ли, и, поку́да соверша́лась перепра́ва, я уди́лъ на хлѣбъ и таска́лъ плотву́. Версты́ за четы́ре до Акса́кова я безпреста́нно спра́шивалъ ку́чера: „Не ви́дно ли дере́вни?“ Наконе́цъ, онъ сказа́лъ, наклоня́сь къ пере́днему око́шку: „Вотъ на́ше Акса́ково, какъ на ладо́нкѣ[6]“. Я сталъ такъ убѣди́тельно проси́ть мою́ мать, что она́ не могла́ отказа́ть мнѣ и позво́лила сѣсть съ ку́черомъ на ко́злахъ. Не беру́сь переда́ть, что чу́вствовало моё се́рдце, когда́ я уви́дѣлъ ми́лое моё Акса́ково!

10. Пе́рвые дни до́ма. Пе́рвые дни бы́ли дня́ми сумато́шной дѣ́ятельности. Пре́жде всего́ я навѣсти́лъ свои́хъ голубе́й и двухъ перезимова́вшихъ я́стребовъ[7]. Я обѣ́галъ всѣ знако́мыя, всѣ люби́мыя мѣста́, а ихъ нашло́сь нема́ло. Около до́ма, въ саду́, въ огоро́дѣ и въ ближа́йшей ро́щѣ съ грачёвыми гнѣ́здами, вездѣ́ бѣ́гала со мно́ю сестри́ца, уцѣпя́сь за мою́ ру́ку, и да́же пока́зывала, какъ хозя́йка, ко́е-что, сдѣ́ланное безъ меня́. Сбѣ́гали мы та́кже съ ней и въ кладо́выя, амба́ры, посѣти́ли клю́чницу Пелаге́ю на по́гребѣ и бы́ли угощены́ холо́дными, густы́ми сли́вками съ чёрнымъ хлѣ́бомъ. Но къ рѣкѣ́ и за рѣку́ сестри́цѣ не позволя́ли ходи́ть со мно́ю, и туда́ провожа́лъ меня́ Евсе́ичъ. Мы перешли́ съ нимъ че́резъ мосто́чки на пе́рвый о́стровъ, гдѣ стоя́ла лѣ́тняя ку́хня и лежа́ли широ́кіе лубки́, на кото́рыхъ суши́ли мы́тую пшени́цу. Пото́мъ дня че́резъ два оте́цъ свози́лъ меня́ поуди́ть и на

---

[1]Гр., кругова́я ли́нія, въ кото́рой небе́сный сводъ соприкаса́ется съ землёю. [2]Нѣм. vor впереди́ и reiten ѣхать верхо́мъ; ѣ́дущій на одно́й изъ пере́днихъ лошаде́й слуга́ (при упря́жкѣ цу́гомъ). [3]Бы́стро. [4]До остано́вки для кормле́нія лошаде́й. [5]Плотъ (одного́ ко́рня со слова́ми: плоти́ть, спла́чивать, пло́тный)—сби́тый изъ брёвенъ помо́стъ на водѣ́ поро́мъ. [6]На ладо́ни. [7]Содержа́лись до́ма для охо́ты.

пчельникъ, состоящій изъ множества ульевъ. Тамъ жилъ постоянно, и лѣто и зиму, старый пчельникъ[1] въ земляникѣ, большой мой пріятель. У него былъ котъ Тимошка[2] и кошка Машка[3], названные такъ въ честь моего отца и матери. Въ такихъ-то пріятныхъ суетахъ и хлопотахъ прошли первыя двѣ недѣли послѣ нашего пріѣзда въ Аксаково.

Въ деревнѣ я пробылъ цѣлый годъ. Я предавался обыкновеннымъ моимъ деревенскимъ удовольствіямъ: ловлѣ птицъ, ужению рыбы и проч. Однажды отецъ взялъ меня посмотрѣть на весенній спускъ воды въ прудѣ. Весною воду въ проточныхъ прудахъ (см. нашу статью Аксакова: „Пруды“) спускаютъ потому, что ея накопляется отъ таянія снѣга очень много и она могла бы прорвать плотину.

11. Спускъ воды въ прудѣ. Отецъ всякій день ходилъ на мельницу наблюдать прибыль воды. Однажды, воротясь неожиданно скоро домой, онъ сказалъ мнѣ: „Поспись, Серёжа, у матери; сейчасъ будемъ спускать воду“. Я побѣжалъ проситься. Мать отпустила меня, приняв нѣкоторыя предосторожности, чтобы я не промочилъ ногъ и не простудился. На длинныхъ крестьянскихъ дрогахъ доѣхали мы до мельницы. На плотинѣ[4] дожидались насъ крестьяне съ разными орудіями. Всѣ населеніе Аксакова сбѣжалось поглядѣть, какъ будутъ спускать прудъ. Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ. Топорами и желѣзными лопатами разрубили мерзлую плотину. Едва своротили верхній слой въ аршинъ глубиною, какъ вода хлынула и, не нуждаясь болѣе въ человѣческой помощи, такъ успѣшно принялась за дѣло, что въ полчаса расчистила себѣ дорогу до самаго материка земли[5]. Яростно устремились мутныя волны, и въ одну минуту образовалась сильная рѣка, которая затопила окружныя[6] мѣста. Радостными восклицаніями привѣтствовалъ народъ вырвавшуюся на волю изъ зимняго плѣна любимую имъ стихію. Особенно кричали и взвизгивали женщины. Все это, мѣшаясь съ шумомъ круто падающей воды, съ трескомъ ломающагося льда, представляло полную жизни картину. Если бъ не прислали изъ дому сказать, что давно пора обѣдать, то, кажется, мы съ отцомъ простояли бы тутъ до вечера.

Въ деревнѣ я мало-по-малу выздоровѣлъ. Настало время отъѣзда въ Казань.

12. Отъѣздъ. 26-го іюля та же простор̀ная карета, запряжённая тѣмъ же шестерикомъ, съ тѣмъ же кучеромъ и форейторомъ, стояла у крыльца. Толпа дворовыхъ[7] и крестьянъ собралась провожать

---

[1]Слуга, присматривающій за пчельникомъ. [2]Уменьш. отъ Тимоѳей. [3]Уменьш. отъ Марія. [4]Насыпь для запруды воды. [5]До твёрдой земли, не насыпанной. [6]Сосѣднія. [7]Дворовые люди — безземельные крестьяне, которые жили со своими семьями въ качествѣ прислуги при дворѣ помѣщика.

госпо́дъ. Оте́цъ съ ма́терью, я съ сестро́й и Пара́ша помѣстились въ экипа́жѣ, Евсе́ичъ сѣлъ на ко́злы, Ѳёдоръ на запя́тки. Каре́та ти́хо тро́нулась отъ крыльца́. На крыльцѣ стоя́ла тётушка, ня́нька съ мои́мъ бра́томъ и корми́лица на рука́хъ съ меньшо́й сестро́й мое́й. Толпа́ крестья́нъ и дворо́выхъ провожа́ла насъ до око́лицы, осыпа́я проща́ньями, благослове́ньями и до́брыми жела́ньями. Доро́га шла вдоль пруда́, по кото́рому уже́ вила́сь ста́я бѣ́лыхъ и пёстрыхъ ча́екъ[1]. Какъ я зави́довалъ ка́ждому дереве́нскому ма́льчику, кото́рому никуда́ не ча́до бы́ло ѣ́хать, ни съ кѣ́мъ и ни съ чѣ́мъ не разлуча́ться, кото́рый остава́лся до́ма и могъ тепе́рь съ своей у́дочкой сѣсть гдѣ́-нибу́дь на плоти́нѣ и подъ густо́й тѣ́нью бо́льши уди́ть беззабо́тно о́куней и плотву́. Онъ остава́лся по́лнымъ, споко́йнымъ хозя́иномъ широ́каго пруда́. Фы́ркали и горячи́лись застоя́вшіеся ко́ни; но си́льныя привы́чныя ру́ки ку́чера оса́живали ихъ и до́лго заставля́ли итти́ шагомъ. Въ каре́тѣ всѣ каза́лись печа́льны и молча́ли. Я вы́сунулъ изъ окна́ го́лову и гляде́лъ на ми́лое Акса́ково до тѣ́хъ поръ, пока́ оно́ не скры́лось изъ глазъ. Ти́хія слёзы кати́лись по мои́мъ щека́мъ.

Поступи́въ сно́ва въ гимна́зію, я ме́ньше грусти́лъ по ро́динѣ, чѣ́мъ пре́жде, и соверше́нно сы́кся съ гимнази́ческою жи́знью. Че́резъ годъ я отпра́вился домо́й на лѣ́тнія вакаціи.

13. Опа́сность. Лѣ́тнія вака́ціи я про́жилъ въ дере́внѣ такъ же прія́тно, какъ и про́шлаго го́да. Но на возвра́тномъ пути́ случи́лося со мно́ю происше́ствіе, сле́ды кото́раго не изгла́дились до сихъ поръ. Я сталъ гора́здо бо́лѣе боя́ться, и тепе́рь боюсь, переправля́ться че́резъ большія рѣ́ки. Мы пріѣ́хали въ по́лдень на лѣ́тній перево́зъ че́резъ Ка́му. На берегу́ дожида́лись перепра́вы три крестья́нскихъ теле́ги съ покла́жей и деся́тка полтора́ бабъ съ ку́зовами я́годъ. Перево́зчиковъ на перево́зѣ не́ было; куда́ разбрели́сь они́, не зна́ю. Потолкова́въ нѣ́сколько вре́мени, крестья́не и мой лю́ди рѣши́лись са́ми переправиться че́резъ рѣ́ку. Одинъ изъ крестья́нъ вы́звался пра́вить кормови́мъ весло́мъ, увѣ́ривъ, что онъ нѣ́сколько лѣ́тъ былъ перево́зчикомъ. Мни́мый перево́зчикъ сталъ на корме́, дво́е крестьянъ, мой ку́черъ и лаке́й Ива́нъ Бори́совъ сѣ́ли въ вёсла, и мы отча́лили отъ при́стани. Ме́жду тѣ́мъ чёрная ту́ча ма́ло-по-ма́лу охва́тывала край горизо́нта. Всѣ ду́мали, — ава́сь[2], пройдётъ сторо́ной или, ава́сь, успѣ́емъ переѣ́хать. Чтобъ не быть снесённымъ быстрото́ю тече́нія серди́той Ка́мы и что́бы угоди́ть[3] пря́мо на перево́зъ, на́добно бы́ло подня́ться вверхъ по рѣ́кѣ на шестна́хъ сли́шкомъ версту́. Это производи́лось о́чень ме́дленно, а гроза́ бы́стро на́чала приближа́ться. Лишь

[1]Родъ пти́цы; во́дится въ камыша́хъ рѣ́къ и озёръ. [2]Мо́жетъ-быть; выража́етъ надежду. [3]Попасть.

то́лько мы добра́лись до середи́ны, какъ стра́шная гроза́ разрази́лась, мо́лніей, гро́момъ и внеза́пной бу́рей. Ко́рмщикъ нашъ въ испу́гѣ бро́силъ кормово́е весло́ и призна́лся, что онъ совсѣмъ не перево́зчикъ и пра́вить не умѣетъ. Вихрь завертѣлъ нашъ поро́мъ, какъ щепку, и понёсъ внизъ по тече́нію. Ба́бы по́дняли пронзи́тельный вой. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испуга́лся, что не могъ промо́лвить ни одного́ сло́ва и дрожа́лъ всѣмъ тѣломъ. Ви́хремъ и быстото́й тече́нія снесло́ нашъ досча́никъ нѣсколько вёрстъ внизъ по рѣкѣ и, наконе́цъ, бро́сило на песча́ную о́тмель, по сча́стію, сажёняхъ въ пяти́десяти отъ противополо́жнаго бе́рега.

14. Спасе́ніе. Ива́нъ Бори́совъ спры́гнулъ въ во́ду, она́ была́ ему́ по по́ясъ. Онъ дошёлъ бро́домъ до бе́рега, глубина́ воды́ ни́гдѣ не доставала́ вы́ше гру́ди. Онъ вороти́лся тѣмъ же путёмъ на поро́мъ, стащи́лъ съ него́ одну́ изъ на́шихъ лошаде́й посмирнѣе, посади́лъ меня́ верхо́мъ, велѣлъ кре́пко держа́ться за гри́ву и за ше́ю ло́шади и повёлъ её въ поводу́. Евсе́ичъ шёлъ по́длѣ и подде́рживалъ меня́ обѣими рука́ми. Му́тныя и огро́мныя во́лны хлеста́ли че́резъ насъ и ока́чивали съ голово́й. По несча́стію, Бори́совъ, иду́я впереди́, сби́лся съ того́ бро́ду, по кото́рому прошёлъ два ра́за, и попа́лъ на бо́лѣе глубо́кое мѣсто. Вдругъ онъ нырну́лъ въ во́ду, ло́шадь моя́ поплыла, и Евсе́ичъ отста́лъ отъ меня. Ту́тъ-то я почу́вствовалъ тако́й страхъ бли́зкой сме́рти, кото́раго я не забы́лъ до си́хъ поръ. Ка́ждую мину́ту я гото́въ былъ лиши́ться чувствъ и едва́ не захлебну́лся. По сча́стію, глубина́ продолжа́лась не бо́лѣе двухъ или́ трехъ са́женъ. Бори́совъ пла́валъ мастерски́, ло́шадь моя́ отъ него́ не отставала́, и, не выпуска́я по́вода изъ рукъ, онъ ско́ро вы́плылъ на ме́лкое мѣсто и благополу́чно вы́велъ на бе́регъ моего́ коня́. Но Евсе́ичъ, не умѣвшій хорошо́ пла́вать, едва́ не утону́лъ и наси́лу вы́брался на бе́регъ. Меня́ мо́краго до послѣдней ни́тки, сня́ли съ ло́шади почти́ безъ па́мяти. Па́льцы мои́ закочене́ли, за́мерли въ гри́вѣ моего́ коня́; но я ско́ро опо́мнился и невырази́мо обра́довался своему́ спасе́нію.

Когда́ я былъ въ одно́мъ изъ ста́ршихъ кла́ссовъ гимна́зіи, въ Каза́ни откры́ли университе́тъ. Меня́ и мно́гихъ други́хъ ученико́въ ста́ршихъ кла́ссовъ „произвели́ въ студе́нты“.

Разска́зомъ о пребыва́ніи въ университе́тѣ ока́нчиваются „Воспомина́нія“ Акса́кова. Вы́йдя изъ университе́та, Акса́ковъ поступи́лъ на государственную слу́жбу. Но и на слу́жбѣ онъ остава́лся недо́лго. Че́резъ не́сколько лѣтъ онъ вы́шелъ въ отста́вку и поселя́лся въ своёмъ родово́мъ имѣніи, въ Оренбу́ргской губе́рніи. Занима́ясь хозя́йствомъ, Акса́ковъ въ то же вре́мя съ увлече́ніемъ предава́лся охо́тѣ и ужёнью ры́бы. Охо́та и ужёнье да́ли ему́ возмо́жность изучи́ть основа́тельно жизнь и нра́вы мно́гихъ птицъ и рыбъ, какъ то ви́дно изъ сочине́нія его́: „Записки ружёйнаго охо́тника Оренбу́ргской губе́рніи“

IV. Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи.

А. Болота. Говоря о болотной дичи, я часто буду упоминать о мѣстѣ ея жительства, то-есть о болотахъ. Я стану придавать имъ разныя названія: топкихъ, сухихъ, мокрыхъ и проч.; но людямъ, незнакомымъ съ ними въ дѣйствительности, такіе эпитеты* не объяснятъ дѣла, и потому я хочу поговорить предварительно о качествахъ болотъ, весьма разнообразныхъ.

1. Болота луговыя, сухія и мокрыя. Болота бываютъ луговыя. Этимъ именемъ называются всѣ влажныя мѣста, мокрыя только весною и осенью или во время продолжительнаго ненастья. Покрытыя сочною и густою травой, они представляютъ изобильные сѣнокосы и вообще называются лугами. Они составляютъ иногда опушку[1] настоящихъ мокрыхъ болотъ и почти всегда сопровождаютъ теченіе рѣкъ по чернозёмной почвѣ. Сухими болотами называются мѣста, носящія въ себѣ всѣ признаки нѣкогда существовавшихъ топкихъ[2] болотъ, какъ-то: кочки, слѣды родниковыхъ ямъ и разныя породы болотныхъ травъ, уже перемѣшанныхъ съ полевыми. Такія мѣста по большей части зарастаютъ кустами. Болота мокрыя превращаются въ сухія оттого, что проникаютъ[3] ключи. Болота мокрыя, всегда поддерживаемыя подземными ключами, не представляютъ богатыхъ сѣнокосовъ, потому что изобиліе болотныхъ травъ и излишняя мокрота мѣшаютъ произрастенію обыкновенныхъ луговыхъ травъ. Мягкая поверхность земли, уступая ногѣ человѣка, неглубоко тонетъ подъ ней, сейчасъ слышенъ твёрдый грунтъ. Ходить по такимъ болотамъ невязко, нетопко и нетяжело. Это самыя обширныя и лучшія болота для охоты.

2. Топкія болота. Болота топкія имѣютъ уже совсѣмъ другой характеръ. Травъ луговыхъ тамъ нѣтъ, да и болотная растительность скудна. Мѣстами виднѣются круглыя пятна жидкой грязи и довольно большія лужи, иногда красноватыя. Нерѣдко обрастаютъ они кругомъ полосами густого, мелкаго камыша, хвоща и необыкновенно высокой осоки. Водяные паукй любятъ бѣгать по ней взадъ и впередъ на своихъ длинныхъ дугообразныхъ ногахъ. Вода въ родниковыхъ ямкахъ, которыя иногда бываютъ довольно глубоки, остаётся и лѣтомъ свѣжею и холодною, особенно если зачерпнуть её поглубже. Истомлённый знобемъ охотникъ, распахнувъ насоренную поверхность воды кожанымъ картузомъ своимъ, можетъ утолить жажду и прохладить разсклённую солнцемъ голову. Бѣды никакой не будетъ: онъ пойдётъ опять

*Гр., прилагательное, опредѣленіе.—[1]Край лѣса. [2]Вязкихъ, на которыхъ нога тонетъ. [3]Начинаютъ течь подъ землёю.

по болóтамъ и разгорíтся пýще прéжняго. Но ходьбá э́та óчень трудна́, осóбенно óколо грязей и пáточинъ[1]. Тамъ иногдá мóжно увя́знуть по пóясъ и нескóро вы́браться на бóлѣе твёрдое мѣсто.

3. Зы́бкія болóта. Наконéцъ, есть болóта зы́бкія, котóрыя нарóдъ называ́етъ „трясúнами“. Это не что инóе, какъ цѣлыя озёра, покры́тыя тóлстою и óчень крѣпкою пленóй[2], сóтканною изъ корнéй болóтныхъ растéній, кустóвъ и дерéвьевъ. Первонача́льная оснóва составля́ется собственно изъ водяны́хъ растéній, котóрыя разстила́ютъ свои ли́стья и цвѣты́ на повéрхности воды́. Ежегóдно согнива́я, они́ превраща́ются въ какóй-то кисéль[3]—нача́ло чернозёмнаго тóрфа[4], котóрый, слипа́ясь, соединя́ется въ больши́е пласты́. Прибива́емая вѣтромъ къ бéрегу, ли́пкая ма́сса пристаётъ къ нему́ плóтно и осѣменя́ется ра́зными болóтными береговы́ми тра́вами. Тра́вы сейча́съ скрѣпля́ютъ её дли́нными ни́тями своихъ корнéй. Годъ óтъ году уси́ливается расти́тельность травъ, ежегóдное согниваніе котóрыхъ произвóдитъ торфяну́ю землю́. Наконéцъ, появля́ются на ней тальни́къ[5], и́ва, да́же о́льха и берёза. Онѣ́ окончáтельно скрѣпля́ютъ пóчву своими корня́ми. Скóро по нару́жности онá сдѣ́лается совершéнно похóжею на берегá и бу́детъ каза́ться ихъ продолженіемъ. Иногдá большíе кýски э́той плены́ отрыва́ются отъ бéрега и плову́чими острова́ми, со всéю зéленью, дерéвьями и живу́щею на нихъ пти́цей, гуля́ютъ по о́зеру и пристаю́тъ то къ тому́, то къ другóму бéрегу, повину́ясь направлéнію вѣтра.

4. Опáсности для охóтника на зы́бкихъ болóтахъ. На водáхъ срéдней величины́ и мéлкихъ зарастáніе обыкновéнно окáнчивается тѣмъ, что сплошнóй слой отъ крáя до крáя, во всѣхъ направленіяхъ, заволóчетъ повéрхность воды́, и чéрезъ нѣ́сколько лѣтъ нару́жность его́ предстáвитъ видъ обыкновéннаго болóта. Но обмáнчива э́та нару́жность. Какъ тóлько отойдёшь нѣ́сколько шагóвъ отъ настоя́щаго крáя, земля́ начнётъ, въ буквáльномъ смы́слѣ, волновáться, опускáться и поднимáться подъ ногáми человѣка и да́же óколо него́, со всѣ́ми расту́щими по ея́ повéрхности трáвами, цвѣтáми, ку́стиками и да́же дерéвьями. Съ непривы́чки мóжетъ закружи́ться головá и ходи́ть покáжется стрáшно, хотя́ и не опáсно, éсли болóта не имѣ́ютъ такъ называ́емыхъ „окóшекъ“, то-есть мѣстъ, не зарóсшихъ крѣ́пкими корня́ми травъ и растéній. Окóшки чи́стыя, въ котóрыхъ стои́тъ водá, броса́ются въ глаза́ всякому, и никтó не попадётъ въ нихъ. Но есть окошки скры́тыя, засóренныя свéрху стáрою, сухóю травóй и прикры́тыя нóвыми, молоды́ми побѣгами мéлкихъ, некорни́стыхъ травъ. Такія окóшки

[1]Болóтный родни́къ. [2]Пеленóй, покрóвомъ. [3]Сóб., застужённый навáръ изъ муки́. [4]Тóпливо изъ перегни́вшихъ растéній. [5]Кустáрная ива.

о́чень опа́сны. Нерѣдко охо́тники попада́ютъ въ нихъ по неосторо́жности и горя́чности, побѣжа́въ къ пересѣвшей или подстрѣленной пти́цѣ, что дѣлается обыкнове́нно уже́ не гля́дя себѣ по́дъ ноги и не спуска́я глазъ съ того́ мѣста, гдѣ сѣла или упа́ла пти́ца. Быва́ли приме́ры, что така́я неосторо́жность сто́ила жи́зни охо́тнику. Жи́дкая, ли́пкая ма́сса, на днѣ кото́рой стои́тъ вода́, засосётъ туда́ челове́ка, е́сли онъ не успѣетъ или ему́ бу́детъ не́ за что схвати́ться. Во вся́комъ слу́чаѣ безъ това́рища по таки́мъ боло́тамъ ходи́ть не до́лжно.

Б. Бека́съ. 1. Како́въ бека́съ съ ви́ду и гдѣ во́дится. Тѣ́ломъ бека́съ невели́къ; съ трёхнедѣльнаго цыплёнка, но имѣетъ о́чень дли́нный носъ и но́ги. Спина́, кры́лья и коро́ткій хво́стикъ покры́ты пёстрыми пе́рьями. Бро́хо у него́ и часть зо́ба или гру́ди—бѣлыя. Глаза́ тёмные, немно́го на вы́катѣ, дово́льно большіе и весёлые; но́жки темнова́тыя, почти́ чёрненькія. Три пере́дніе па́льца о́чень дли́нны и снабжены́ о́стрыми, дово́льно до́лгими ногтя́ми. Коне́цъ но́са какъ бу́дто немно́го расплю́снутъ. Носъ его́, относи́тельно къ величинѣ тѣ́ла, несоразмѣ́рно дли́ненъ. У кру́пнаго, ста́раго бека́са онъ быва́етъ длино́ю въ верши́къ съ че́твертью. Онъ запуска́етъ его́ въ мя́гкую боло́тную по́чву и достаётъ бѣлова́тые корешки́ травъ и расте́ній, что и составляетъ его́ преиму́щественную пи́щу. Всегда́шнее мѣстопребыва́ніе бека́са—мо́крыя боло́та. Онъ пло́тно тайтся въ нихъ ме́жду ко́чками. Въ слу́чаѣ опа́сности, бека́съ сейча́съ ля́жетъ и вы́тянется по землѣ.

2. Жизнь бека́совъ ра́ннею весно́ю. Обыкнове́нно бека́сы прилета́ютъ въ нача́лѣ апрѣля и ока́зываются снача́ла по раста́явшимъ боло́тамъ, о́коло весе́нникъ лужъ. Случа́ется, что по́слѣ прилёта бека́совъ наступа́ютъ моро́зы, выпада́етъ снѣгъ, лу́жи и боло́та замерза́ютъ. Бека́сы броса́ются тогда́ къ родника́мъ, берега́мъ ручьёвъ и рѣкъ, назо́зномъ ку́чамъ, лишь бы то́лько найти́ та́лую[1] зе́млю. Если боло́ть о́чень ма́ло, бека́сы высыпа́ютъ на лу́жи, стоя́щія по хлѣ́бнымъ поля́мъ, и на луговы́е весе́нніе ручьи́. Съ прилёта бека́сы ди́ки и далеко́ вска́киваютъ, не подпуска́я въ мѣ́ру ни охо́тника ни соба́ки. Это, вѣроя́тно, потому́, что боло́та и берега́ лужъ о́чень го́лы, и бека́самъ притайться не́гдѣ. Я рѣ́дко встрѣ́чалъ охо́тниковъ, кото́рые бы вида́ли пролётныхъ бека́совъ, и я самъ одинъ разъ то́лько въ жи́зни ви́дѣлъ весно́ю, ра́но поутру́, бекаси́ную ста́ю, пролетѣ́вшую о́чень высоко́. Вѣроя́тно, они́ летя́тъ но́чью, какъ и мно́гія другія поро́ды пролётной пти́цы. Это мнѣ́ніе подтвержда́ется тѣ́мъ, что о́чень ча́сто по утра́мъ нахо́дятъ бека́совъ въ тѣхъ мѣста́хъ, гдѣ ихъ наканунѣ́ ве́черомъ не́ было.

3. Вы́водка птенцо́въ. Въ ма́ѣ бека́сы садя́тся на гнѣ́зда, ко-

[1] Раста́явшую.

тóрыя вьютъ изъ сухóй травы́ на кóчкахъ, въ болóтахъ, порóсшихъ кустáми. Бекасúная сáмка обыкновéнно кладётъ четы́ре яйцá, величúною не мéньше голубúныхъ, зеленовáтыя, испещрённыя тёмно-корúчневыми крáпинами. Фигýра яйцъ имѣетъ ту осóбенность, что нижній конéцъ ихъ представля́ютъ óстрыйýголъ, и сáмая бóльшая ширинá яйцá нахóдится тóлько въ сáмомъ верхý тупóго концá, а не въ серединѣ. Кáжется, самéцъ помогáетъ сáмкѣ сидѣть на я́йцахъ и выхáживать[1] молодúхъ; по крáйней мѣрѣ, онъ всегдá игráетъ вверхý, недалекó отъ гнѣздá. Въ исхóдѣ мáя бекáсы выводятся и дéржатся снача́ла въ крѣпкихъ[2] болóтныхъ мѣстáхъ: въ кустáхъ и молодúхъ камышáхъ. Какъ скóро бекася́та подрастýтъ, то мать перевóдитъ ихъ въ луговы́я ча́сти болóтъ, гдѣ сýше и растётъ высóкая, густáя трава́, и остаётся съ ни́ми тамъ, пока́ они́ совершéнно вы́растутъ. Къ концý ію́ня молоды́е бекáсы поднима́ются, но летáютъ прямо, ти́хо и недалекó, лежáтъ крѣпко и выдéрживаютъ блúзкую стóйку собáки[3]. Мнѣ случáлось убивáть при вы́водкѣ двухъ стáрыхъ бекáсовъ, изъ чегó я заключáю, что и самцы́ дéржатся при дѣтяхъ. Горя́чности къ спасéнію молоды́хъ, какáя примѣча́ется въ ýткахъ и кýрочкахъ, бекасúная сáмка не окáзываетъ[4]. По-настоя́щему, до начáла áвгуста не должнó стрѣля́ть молоды́хъ: стрѣльбá слúшкомъ простá и легкá, а мя́со бекася́тъ слúшкомъ мя́гко, какъ-то слúзко и осóбеннаго вкýса не имѣетъ. Но не такъ поступа́лъ я въ мóлодости, какъ и всѣ горя́чіе охóтники.

4. Жизнь бекáсовъ лѣтомъ и óсенью. Съ того́ врéмени, какъ бекасúныя сáмки ся́дутъ на гнѣзда, óколо котóрыхъ остаю́тся и самцы́, всѣ холостúе бекáсы разбива́ются врозь по обыкновéннымъ кочковáтымъ болóтамъ. Въ ію́лѣ они́ пря́чутся въ мѣстá бóлѣе крѣпкія и въ э́то врéмя линя́ютъ[5]. Впрóчемъ, у нихъ перебира́ется перó за перóмъ, и лúнька не мѣша́етъ имъ летáть бы́стро. Въ концѣ́ ію́ля они́ опя́ть выбира́ются въ откры́тыя болóта и остаю́тся въ нихъ до отлёта. Но пéредъ отлётомъ они́ никогдá не собира́ются въ большíя стáи, какъ весно́ю во врéмя прилёта. Съ начáла áвгуста до половúны сентября́—сáмая лýчшая охóта за бекáсами. Чѣмъ позднѣе óсень, тѣмъ они́ стано́вятся жирнѣе. Бекáсы начина́ютъ пропадáть не въ одно́ врéмя: иногдá въ половúнѣ, иногдá въ концѣ́ сентября́, а иногдá остаю́тся въ небольшóмъ числѣ́ до половúны октября́. Я не умѣю опредѣли́ть настоя́щей причúны такóй значúтельной рáзницы. Я полагáю, что остаю́тся тѣ бекáсы, котóрые позднѣе другúхъ вы́велись, или́ слáбые, не совсѣмъ здоро́вые. Это подтверждáется тѣмъ, что изъ пóздныхъ бекáсовъ рѣдко убьёшь сы́таго[6]. Сáмаго пóзднаго бекáса и нехудóго я убúлъ 18-го октября́ въ степи

[1]Воспúтывать. [2]Куда́ трýдно пробра́ться человѣку. [3]Не взлета́ютъ, когдá собáка останáвливается надъ ни́ми, а остаю́тся на мѣстѣ. [4]Не обнаружúваетъ. [5]Перемѣня́ютъ пéрья. [6]Жúрнаго.

В. Кули́къ (боло́тный). **1. Вне́шній видъ кулико́въ и ихъ жизнь ра́ннею весно́ю.** Боло́тный кули́къ те́ломъ не бо́льше ру́сскаго го́лубя, но име́етъ о́чень дли́нныя но́ги, ше́ю и носъ, отъ чего́ и ка́жется дово́льно большо́ю пти́цей. Ве́рхняя полови́нка его́ но́са на конце́ не́сколько ова́льна[1] и похо́жа на́ уховёртку. Цвѣтъ его́ пе́рьевъ желтова́то-краснова́тый. Саме́цъ ме́ньше са́мки и перо́мъ свѣтле́е, а ше́я у него́ гора́здо красне́е. Боло́тные кулики́ прилета́ютъ о́коло полови́ны апре́ля. Хотя́ я вида́лъ и́хъ пролета́ющихъ огро́мными ста́ями, но о́коло прудо́въ, боло́тъ и полевы́хъ лужъ попада́ются они́ по бо́льшей ча́сти врозь или́ па́рами, ре́дко ма́ленькими стани́чками. Съ прилёта они́ быва́ютъ дово́льно сы́ты, но пото́мъ, до са́маго отлёта, о́чень ху́ды и то́щи. Съ прилёта охо́тники стрѣля́ютъ ихъ сидя́чихъ, потому́ что они́ ско́ро де́лаются дово́льно сми́рны. Какъ то́лько сольётъ по́лая вода́[2], боло́тные кулики́ занима́ютъ свои́ роди́мыя боло́та, въ кото́рыхъ живу́тъ постоя́нно, ка́ждый годъ, е́сли кака́я-нибу́дь осо́бенная причи́на не заста́витъ ихъ перемѣни́ть мѣсто своего́ жи́тельства. Боло́тные кулики́ неразбо́рчивы: они́ живу́тъ во вся́кихъ боло́тахъ, да́же въ степи́, о́коло како́й-нибу́дь доли́ны, обро́сшей куста́ми, то́лько бы не мѣша́ли имъ лю́ди.

2. Вы́водка птенцо́въ. Вмѣстѣ съ за́нятіемъ постоя́нныхъ жили́щъ, они́ сейча́съ разбива́ются па́рами. Саме́цъ помога́етъ са́мкѣ вить гнѣзд о́ на ко́чкѣ или́ сухо́мъ мѣстѣ. Са́мка кладётъ четы́ре дово́льно больши́я я́йца, немного́ поме́ньше кури́ныхъ. Саме́цъ раздѣля́етъ всѣ труды́ и попече́нія съ са́мкою. Онъ настоя́щій оте́цъ свои́мъ дѣтямъ: сиди́тъ на я́йцахъ, когда́ схо́дитъ са́мка, и, лета́я круго́мъ, отгоня́етъ вся́кую опа́сность, когда́ мать сиди́тъ на гнѣздѣ. Увы́! онъ ча́сто гу́битъ себя́ и всё своё пото́мство свои́мъ бди́тельнымъ надзо́ромъ, открыва́я безжа́лостному охо́тнику кри́комъ и лета́ньемъ мѣсто своего́ жили́ща и са́мое гнѣзд о́. По́слѣ трёхнедѣльнаго сидѣнья вылупля́ются кулича́та, покры́тые желтова́то-сѣрымъ пу́хомъ. Они́ сейча́съ получа́ютъ спосо́бность бѣгать и достава́ть себѣ пи́щу; на друго́й день ихъ уже́ нѣтъ въ гнѣздѣ. Пи́ща ихъ состои́тъ изъ ра́зныхъ насѣко́мыхъ. Оте́цъ съ ма́терью де́ржатся съ ни́ми снача́ла въ боло́тѣ, а пото́мъ выво́дятъ ихъ въ чи́стыя мѣста́, луга́ и хлѣ́бныя поля́, гдѣ они́, по достиже́ніи уже́ по́лнаго во́зраста, начина́ютъ лета́ть.

3. Охо́та на кулико́въ. Едва́ то́лько приближа́ется охо́тникъ или́ прохо́дитъ ми́мо мѣста, занима́емаго куликами, какъ оди́нъ или́ дво́е изъ нихъ вылета́ютъ навстрѣ́чу опа́сности, иногда́ за полверсты́ и бо́лѣе. Мы называ́ли ихъ въ шу́тку „посла́нниками“. Вы́летѣвъ навстрѣ́чу,

---

[1] Я́йцеобра́зна. [2] Разли́вшаяся весно́ю.

болóтный кулúкъ бросáется прямо на охóтника, подлетáетъ вплоть, трясётся надъ егó головóй, вытянувъ нóги впередъ, какъ бýдто упирáясь úми въ вóздухъ, безпрестáнно садúтся и бѣжúтъ прочь, всё стараясь отвести въ противоположную сторону отъ гнѣздá. Съ собáкой емý иногдá удаётся этá хúтрость; но охóтникъ вúдѣлъ, откýда прилетѣлъ онъ, убивáетъ послáнника и прямо идётъ къ егó жилúщу. Чѣмъ блúже подхóдитъ онъ къ болóту, тѣмъ чáще вылетáютъ встрѣчные кулики. Когдá же у сáмаго ихъ жилúща раздаётся выстрѣлъ, то поднимáется всё летýчее населéніе болóта и окружáетъ охóтника, наполняя вóздухъ разлúчнымъ крúкомъ и пúскомъ своúхъ голосóвъ и шýмомъ своúхъ полётовъ. Тóлько однѣ сáмки илú самцы, сидящіе на яйцахъ, не слетáютъ съ нихъ до тѣхъ поръ, покá опáсность не дойдётъ до крáйности. По мѣрѣ того, какъ охóтникъ нечáянно приближáется къ какóму-нибýдь гнѣздý илú притаúвшимся въ травѣ дѣтямъ, отéцъ и мать съ жáлобнымъ крúкомъ бросáются къ немý, блúже и блúже вéртятся надъ головóй, какъ-бýдто пáдаютъ на негó и едвá не задѣвáютъ за дýло ружья... По бóльшей чáсти истóрія окáнчивается тѣмъ, что чрезъ нѣсколько часóвъ шýмное, звýчное, вéсело-населённое болóто превращáется въ безмóлвное и опустѣлое мѣсто...

Г. Болóтная кýрица. Болóтная кýрица величинóй бýдетъ съ молодóго рýсскаго гóлубя. Онá вполнѣ заслýживаетъ назвáніе кýрицы, потомý что всѣмъ своúмъ склáдомъ совершéнно на неё похóжа, особенно нóсомъ. Онá цвѣтомъ вся тёмно-зелёная, съ весьмá красúвыми сизовáтыми оттѣнками, испещренá мéлкими бѣлыми крáпинками, особенно по нúжней чáсти шéи, по зóбу и брюшкý; спинá и вообщé верхъ горáздо темнѣе, а низъ свѣтлѣе. Пѣтушокъ ея красúвъ необыкновéнно. Бýдучи совершéнно схóденъ съ своéю кýрицей пéрьями, онъ имѣетъ сверхъ того́ на головѣ мясúстый гребешóкъ я́ркаго пунцóваго[1] цвѣта и такóго же цвѣта перевя́зки, ширинóю въ пáлецъ, на ногáхъ у сáмаго колѣннаго сгúба; остальнáя часть ногъ зеленовáтая. Этотъ гребешóкъ и перевя́зки бывáютъ вúдны тóлько веснóю: къ óсени нельзя́ отличúть самцá отъ сáмки. У одногó извѣстнаго охóтника жилá два гóда пáра болóтныхъ куръ въ нарóчно устрóенной для того́ кóмнатѣ съ болóтнымъ пóломъ. Кормúли ихъ мýхами, червячкáми и тараканами. Пѣтушóкъ терялъ óсенью свой гребешóкъ и перевя́зки. Впрóчемъ, и кýрочка, безъ гребня́ и перевя́зокъ, óчень хорошá и миловúдна. Прекрáсная э́та птúца вóдится въ весьмá небольшóмъ колúчествѣ въ сáмыхъ тóпкихъ болóтахъ, предпочтúтельно óколо болóтныхъ лужъ, озеркóвъ и озёръ, обрóсшихъ камышóмъ и осóкой. Болóтныя кýры óчень хорошó умѣютъ плáвать,

[1] Крáснаго.

хотя́ не имѣютъ перепо́нокъ ме́жду па́льцами. Съ необыкнове́ннымъ прово́рствомъ шныря́ютъ онѣ́ ме́жду густы́ми камыша́ми, расту́щими иногда́ въ водѣ́ глубино́ю въ че́тверть и бо́льше.

Д. Во́ды. Всё хорошо́ въ приро́дѣ, но вода́—краса́ всей приро́ды. Вода́ жива́, она́ бѣжи́тъ или́ волну́ется вѣ́тромъ; она́ дви́жется и даётъ жизнь и движе́ніе всему́ её окружа́ющему. Разнообра́зны явле́нія во́дъ, и непоня́тны зако́ны э́того разнообра́зія.

1. Ручьи́. И го́рные ключи́ и ни́зменные боло́тные родники́ бѣгу́тъ ручейка́ми. Иные теку́тъ скры́тно, потаённо, углубя́сь въ зе́млю, спря́тавшись въ траве́ и куста́хъ. Слы́шишь, быва́ло[1], журча́нье, а воды́ не нахо́дишь. Подойдёшь вплоть, раздви́нешь рука́ми ча́щу куста́рника[2] или́ навѣ́съ густо́й травы́, пахнётъ въ разгоре́вшееся лицо́ свѣ́жею сы́ростью, и, наконе́цъ, уви́дишь бѣгу́щую во мра́кѣ и прохла́дѣ струю́ чи́стой и холо́дной воды́. Кака́я нахо́дка въ жа́ркій лѣ́тній день для уста́лаго охо́тника! Иногда́ ручёй бѣжи́тъ по откры́тому мѣ́сту, по песку́ и ме́лкой га́лькѣ[3], извива́ясь по ро́вному лу́гу или́ доло́чку. Онъ уже́ не такъ чистъ и прозра́ченъ. Вѣтеръ нано́ситъ пыль и вся́кій соръ на его́ пове́рхность. Не такъ онъ и хо́лоденъ. Со́лнечные лучи́ прогрѣва́ютъ сквозь его́ ме́лкую во́ду. Но случа́ется, что тако́й ручёй поника́етъ, то́-есть ухо́дитъ въ зе́млю и, пробѣжа́въ полверсты́ или́ версту́, иногда́ гора́здо бо́лѣе, появля́ется сно́ва на пове́рхность. Струя́ его́, процѣ́женная и охлаждённая земле́й, ка́тится опя́ть, хотя́ и не надо́лго, чи́стою и холо́дною.

2. Рѣчки. Изъ мно́гихъ ручейко́въ составля́ются рѣ́чки. Одна́ бѣжи́тъ по глубо́кому лѣсно́му овра́гу[4], налива́я попада́ющіяся на пути́ я́мки и ры́твины[5] и образу́я изъ нихъ небольши́е омуто́чки[6]. Сло́мленныя бу́рей и подмы́тыя весе́ннею водо́ю, дере́вья мѣста́ми прегражда́ютъ ея́ тече́ніе. Запру́женная какъ бу́дто плоти́ною[7], она́ разлива́ется ма́ленькимъ прудко́мъ*, прибыва́я до тѣхъ поръ, пока́ найдётъ себѣ́ бокову́ю вы́ходъ. Ря́бчики, какъ говоря́тъ охо́тники, лю́бятъ, си́дя на дере́вьяхъ, дрема́ть подъ ти́хое журча́нье лѣсно́й рѣ́чки. Друга́я рѣ́чка бѣжи́тъ по ро́вной доли́нѣ или́ по широ́кому лу́гу. Извили́стые берега́ ея́ обраста́ютъ мѣста́ми лозняко́мъ[8], ве́рбою и о́льхою[9], а мѣста́ми одно́ю осо́кой и други́ми береговы́ми тра́вами. Дно ея́ ро́вно и гла́дко, и глубина́ почти́ вездѣ́ одина́кова. Есть осо́бый видъ рѣкъ, кото́рыя, по

---

[1]Авторъ опи́сываетъ во́ды на основа́ніи свои́хъ охо́тничьихъ воспомина́ній. [2]Густу́ю часть куста́рника; куста́рникъ — собра́ніе кусто́въ. [3]Сущ. собир.,—ме́лкіе ка́мни, валя́ющіеся по берега́мъ рѣкъ. [4]Глубо́кая впа́дина, проры́тая водо́ю. [5]Ры́твина — така́я же впа́дина, то́лько поме́ньше. [6]Углубле́нія, напо́лненныя водо́ю. [7]На́сыпью. *См. ни́же, главу́: „Пруды́“. [8]Ме́лкимъ ивняко́мъ, тальняко́мъ. [9]Родъ де́рева.

объёму теку́щей воды́, до́лжно причи́слить къ рѣ́чкамъ, хотя́ при пе́рвомъ взгля́дѣ онѣ́ мо́гутъ показа́ться гора́здо бо́льшей величины́. Это —рѣки степны́я. Онѣ́ состоя́тъ изъ цѣпи о́мутовъ или́ небольши́хъ озёръ, о́чень глубо́кихъ и необыкнове́нно прозра́чныхъ, соединя́ющихся ме́жду собо́ю ме́лкою рѣ́чкой, иногда́ да́же ручейко́мъ. Всегда́ поро́сшія осо́бенною поро́дою мя́гкаго камыша́, онѣ́ бѣгу́тъ дово́льно бы́стро, но въ о́мутахъ почти́ непримѣ́тно никако́го тече́нія.

3. Рѣки. Нѣ́сколько рѣ́чекъ постепе́нно впада́ютъ одна́ въ другу́ю. Оби́льнѣйшая водо́ю по пра́ву, а счастли́вѣйшая иногда́ безъ вся́каго пра́ва, поглоща́я въ себѣ́ имена́ други́хъ, уде́рживаетъ свое́ со́бственное и продолжа́етъ тече́ніе уже́ многово́дною и си́льною рѣко́й. Изъ слія́нія мно́гихъ таки́хъ полово́дныхъ[1] рѣкъ составля́ются больші́я рѣ́ки сре́дней величины́, какъ, напримѣ́ръ, Ока́, Бѣ́лая и мно́жество други́хъ. Изъ нихъ-то, наконе́цъ, образу́ются рѣ́ки пе́рвой величины́, какъ Во́лга и Ка́ма. Несмотря́ на огро́мное разли́чіе въ оби́ліи и си́лѣ во́дъ, и тѣ и другія рѣ́ки имѣ́ютъ оди́нъ уже́ хара́ктеръ. Ру́сло ихъ всегда́ песча́но, всегда́ углублено́. Рѣка́ кати́тъ свои́ во́лны въ широ́ко разме́танныхъ жѣ́лтыхъ песка́хъ. Сле́довательно, настоя́щіе берега́ ихъ го́лы, безпло́дны и, по-моему́, не представля́ютъ ничего́ прія́тнаго, отра́днаго взо́ру челове́ческому. Я не люблю́ больши́хъ рѣкъ, грома́дныхъ, утёсистыхъ ихъ берего́въ и песча́ныхъ, печа́льныхъ о́тмелей[2] луговой стороны́[3]. Мнѣ да́же стра́шно смотрѣ́ть на необъя́тную ма́ссу воды́, отдѣля́ющую меня́ отъ противополо́жнаго бе́рега, чрезъ кото́рую безъ опа́сности нельзя́ иногда́ и попа́сть на другу́ю сто́рону.

4. Озёра. Озёра не имѣ́ютъ тече́нія, но тѣмъ не ме́нѣе хороши́. Озёра быва́ютъ четырёхъ родо́въ: 1) Озёра заливны́я, или́ про́сто небольші́я я́мы и впа́дины, налива́ющіяся въ весе́ннее вре́мя, по за́имищамъ[4] рѣкъ, по́лою водо́й, кото́рая затопля́етъ ихъ соверше́нно. Убыва́я въ продолже́ніе лѣ́тнихъ жаро́въ, они нерѣ́дко совсѣ́мъ высыха́ютъ. 2) Озёра бо́льшей величины́, та́кже заливны́я или́ принимающія въ себя́ каки́мъ-нибу́дь прото́комъ по́лую во́ду, но имѣ́ющія, сверхъ того́, свою́ со́бственную подде́ржку въ родника́хъ, открыва́ющихся на днѣ́ и въ бере́гахъ. Изъ таки́хъ озёръ нерѣ́дко изли́шекъ воды́ бѣжи́тъ ручейко́мъ или́ сочи́тся дли́нною мокреди́ной[5]. Такія озёра постоя́нно имѣ́ютъ чи-

---

[1]По́лый — со́б., откры́тый, раство́ренный на́стежь, не покры́тый. По́лая вода́, по́лая, полово́дная рѣка́—вода́, рѣка́, не покры́тая льдомъ, вскры́вшаяся, разли́вшаяся, вы́ступившая изъ берего́въ. Здѣсь полово́дный—въ знач.: оби́льный водо́ю. [2]Отмель—прибре́жная часть рѣки́, гдѣ ме́лко. [3]Луговая́ сторона́ рѣки́—ни́зменная сторона́; нагорная—возвы́шенная. [4]За́имище — а) мѣ́сто, за́нятое подъ распа́шку; б) здѣсь: вся полоса́ земли́ отъ бе́рега рѣки́ лѣ́томъ до кра́йняго предѣ́ла, до котораго дохо́дитъ рѣка́ во вре́мя весе́нняго разли́ва. [5]Мо́крое мѣ́сто.

стую, свѣжую, хотя́ нехоло́дную, во́ду. Распространя́я вокру́гъ себя́ вла́жность и расти́тельность, зелёные берега́ таки́хъ озёръ иногда́ опуша́ются ветло́ю и о́льхою, иногда́ обраста́ютъ и камыша́ми. 3) Озёра лѣсны́я, имѣ́ющія видъ мра́чный и цвѣтъ те́мный. Тёмный цвѣтъ лѣсны́хъ озёръ происхо́дитъ суще́ственно отто́го, что дно озёръ образу́ется изъ перегнива́ющихъ ежего́дно ли́стьевъ, съ незапа́мятныхъ времёнъ устила́ющихъ всю ихъ пове́рхность во вре́мя осе́ненняго листопа́да[1]. Наконе́цъ, 4) озёра степны́я, всегда́ значи́тельной величины́, са́мыя чи́стыя, све́тлыя, краси́выя, лу́чшія изъ всѣхъ озёръ. Степны́я озёра отлича́ются невѣроя́тною прозра́чностью, превосходя́щею да́же прозра́чность о́мутовъ степны́хъ ре́чекъ. Преломле́ніе све́та въ вода́хъ э́тихъ озёръ до того́ обма́нчиво, что во вре́мя купа́нья, идя́ отъ бе́рега и постепе́нно погружа́ясь въ глубину́, ка́жется, иде́шь на́ гору и при ка́ждомъ ша́гѣ поднима́ешь но́гу вы́ше[2].

5. Пруды́. Нельзя́ не упомяну́ть объ озёрахъ иску́сственныхъ—пруда́хъ, кото́рые бу́дутъ ча́сто упомина́ться въ описа́ніи водяно́й ди́чи. Пруды́ быва́ютъ двухъ родо́въ: прото́чные и ко́паные. Пе́рвые запружа́ются на ре́ка́хъ, ре́чкахъ и ручья́хъ, а второ́е выка́пываются предпочти́тельно на мѣста́хъ мо́крыхъ и ни́зменныхъ[3]. Впро́чемъ, о́коло Москвы́, гдѣ́ грунтъ по преиму́ществу гли́няный, мо́жно вы́копать я́му, гдѣ́ уго́дно, да́же на горѣ́: снѣгова́я и дождева́я вода́ бу́детъ стоя́ть въ ней кру́глый годъ, какъ въ фая́нсовой[4] ча́шкѣ. Есть сре́дство устра́ивать пруды́ осо́беннымъ спо́собомъ, захва́тивъ по́лую во́ду, теку́щую обыкнове́нно весно́й по како́му-нибу́дь овра́гу, въ кото́ромъ лѣ́томъ не быва́етъ ка́пли воды́. Въ э́то лѣ́тнее вре́мя перегора́живаютъ поперёкъ овра́гъ, вы́копавъ его́, е́сли на́добно, поглу́бже, кре́пкою плоти́ной. Таки́е пруды́ быва́ютъ иногда́ о́чень глубо́ки, но относи́тельно къ пти́цѣ о нихъ не сто́итъ говори́ть. Пруды́ прото́чные на поря́дочныхъ ре́кахъ, проро́сшіе ра́зными водяны́ми тра́вами и цвѣта́ми, имѣ́ющіе въ протяже́ніи не́сколько вёрстъ,—вотъ и́стинное раздо́лье для вся́кой водяно́й пти́цы, кото́рая сва́ливается на таки́е пруды́ со всѣхъ сторо́нъ.—Вотъ какъ разнообра́зны, ещё не во всѣхъ ви́дахъ и не въ подро́бности опи́санныя мною, во́ды. На нихъ-то пла́ваетъ, ныря́етъ, живётъ водяна́я дичь. Ита́къ, обраща́юсь къ ней.

---

[1]Осе́нняго спада́нія ли́стьевъ. [2]Лучи́ све́та, попада́я въ во́ду, не иду́тъ по тому́ же направле́нію, какъ въ во́здухѣ, а не́сколько отклоня́ются въ сто́рону. Отъ э́того происхо́дитъ, что предме́ты въ водѣ́ ка́жутся намъ находя́щимися не на то́мъ мѣ́стѣ, на которомъ они находя́тся на са́момъ дѣ́лѣ. [3]Ни́зкихъ. [4]Фая́нсъ, фр., faience, отъ и́мени го́рода Фае́нцы въ (Ита́ліи), со́б.: вся́кое вообще́ издѣ́ліе изъ лу́чшихъ сорто́въ гли́ны (а не самая гли́на). Здѣсь: фаянсовая ча́шка—гли́няная ча́шка.

Е. Лебедь. 1. **Красота лебедя.** Лебедь по своей величине, силе, красоте и величавой осанке[1] давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей, птицы. Белый, какъ снегъ, съ блестящими, прозрачными, небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей[2], по темно-синей, гладкой поверхности воды. Но и все его движенія исполнены прелести[3]: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, подниметъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять[4] и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся изъ его пушистаго[5] тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться[6], легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая[7] и суша его на солнцѣ, — все живописно[8] и великолѣпно[9] въ немъ.

2. **Сила лебедя и приученіе его.** Про силу лебедя разсказываютъ чудеса. Говорятъ, что онъ ударомъ крыла убиваетъ до смерти собаку, если она приблизится къ нему, легко раненному, или бросится на его дѣтей. Мнѣ даже называли охотника, которому лебедь переломилъ руку такимъ же ударомъ крыла. Судя по его величинѣ, крѣпости и силѣ мускуловъ, толщинѣ и жесткости костей и перьевъ, этимъ разсказамъ повѣрить можно. Изъ всего сказаннаго мною о силѣ лебедей можно заключить, какъ они должны быть крѣпки къ ружью. Лебедей стрѣляютъ не для мяса, а для пуха, первоклассное достоинство котораго извѣстно всѣмъ. Лебеди легко дѣлаются ручными. Я самъ видѣлъ ихъ, нѣсколько годовъ сряду, живущихъ лѣто на отведенномъ имъ пруду, а зиму проводящихъ въ теплой избѣ. Я слышалъ, что ручные лебеди выводятъ дѣтей, какъ обыкновенные гуси, въ избахъ и хлѣвахъ, но что для этого нужно достать сначала свѣжихъ лебединыхъ яицъ и подложить подъ гусыню. Высиженные ею лебедята вырастаютъ въ стаѣ домашнихъ гусей, дѣлаются совершенно ручными и ведутся, какъ дворовые гуси.

---

[1]Осанка (отъ санъ—высокое званіе, важная должность)—манера держать себя; обыкн. въ смыслѣ: манера величаво, важно держать себя. [2]Камышъ—тростникъ; болотное дудчатое растеніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи называютъ его очеретъ, черетъ. [3]Красоты. [4]Вообще: прятаться, опустившись во что-либо; здѣсь: опускаться ниже поверхности воды. [5]Сильными. [6]Покрытаго пухомъ, мягкими, нѣжными перьями. [7]Оправляться, чиститься. [8]Провѣтривать—освѣжать съ помощью воздуха. [9]Красиво. [10]Величественно.

Ж. Дикій гусь[1]. 1 **Жизнь дикихъ гусей раннею весною.** Весною, пролётомъ, гуси показываются очень рано. Ещё вездѣ, бывало[2], лежитъ снѣгъ, пруды не начинали таять, и стаи гусей летятъ да летятъ въ вышинѣ прямо на сѣверъ. Стаи всегда пролетаютъ очень высоко, но гуси парами или въ одиночку летятъ гораздо ниже. Когда же время сдѣлается теплѣе, оттаютъ поля, разольются полыя воды,—стаи гусей летятъ гораздо ниже и спускаются на привольныхъ мѣстахъ отдохнуть, поѣсть и поплавать. Пища гусей преимущественно состоитъ изъ мелкой, молодой травы, сѣмянъ растеній и хлѣбныхъ зёренъ. Гуси очень жадны. Когда кормъ приволенъ, то они до того обжираются, что не могутъ ходить: зобъ перетягиваетъ всё тѣло; даже съ трудомъ могутъ летать. Пошатавшись по хлѣбнымъ полямъ, кое-гдѣ сохранившимъ насоренныя ещё осенью зёрна, наплававшись по разливамъ[3] рѣкъ, озёръ и прудовъ, гуси разбиваются на пары и начинаютъ заботиться о гнѣздахъ, которыя вьютъ всегда въ самыхъ крѣпкихъ[4] и глухихъ мѣстахъ. Я не одинъ разъ находилъ гусиныя гнѣзда, и всегда въ такихъ непроходимыхъ мѣстахъ, что самъ, бывало, удивишься, какъ попалъ туда.

Выводка птенцовъ. Гнѣздо обыкновенно кладётся на сухомъ мѣстѣ, просторное и круглое, свивается изъ сухой травы и устилается пёрышками и пухомъ, щипанными гусыней изъ собственной хлупи[5]. Охотники говорятъ, что яйцъ бываетъ до двенадцати, но я болѣе девяти не находилъ. Они совершенно похожи на яйца русскихъ гусей[6], развѣ крошечку[7] поменьше, и не такъ бѣлы, а свѣтло-дикаго[8], неопредѣлённаго цвѣта. Во время сидѣнья гусыни на яйцахъ гусь раздѣляетъ ея заботу. Я самъ спугивалъ гуся съ гнѣзда и много разъ находилъ обоихъ стариковъ[9] съ выводками[10] молодыхъ. Исторія высиживанія яйцъ у дикихъ гусей оканчивается въ исходѣ мая или въ началѣ іюня. Молодые гусята вылупляются изъ яйцъ, покрытые сѣро-желтоватымъ пухомъ. Они скоро получаютъ способность плавать, нырять, и потому старики немедленно переселяютъ свою выводку на какую-нибудь тихую воду. Мнѣ разсказывали многіе, что гусыня перетаскиваетъ на воду поочерёдно за шею каждаго гусёнка, если вода далеко отъ гнѣзда или мѣстность такъ неудобно-проходима, что гусёнку и пролѣзть трудно.

---

[1]Гусь—птица перелётная; на зиму онъ улетаетъ изъ Россіи въ тёплыя страны, а къ веснѣ возвращается въ покинутыя имъ мѣста. [2]Аксаковъ говоритъ о гусяхъ на основаніи своихъ воспоминаній. [3]По весеннимъ разливамъ, происшедшимъ отъ таянія снѣговъ. [4]Здѣсь въ смыслѣ: недоступныхъ. [5]Хлупь, обыкнов.: хлупъ,—гребень на грудной кости птицы. [6]Домашнихъ гусей. [7]Немножко. [8]Дикій цвѣтъ—сѣрый, пепельный. [9]Старыхъ гуся и гусыню. [10]Выводка, или выводокъ—птенцы одного гнѣзда.

3. Гуси́ныя экспеди́ціи. Наконе́цъ, подросли́, вы́ровнялись гуся́та и ста́ли молоды́ми гуся́ми. Перелиня́ли[1], окрѣпли ста́рые. Вы́водки соедини́лись съ вы́водками, соста́вились стани́цы[2], и начали́сь ночны́я или́, пра́вильнѣе сказа́ть, у́треннія и вече́рнія экспеди́ціи для опустоше́нія хлѣбныхъ поле́й, на кото́рыхъ поспѣли не то́лько ржаны́е, но и яровы́е хлѣба́[3]. За часъ до зака́та со́лнца ста́и молоды́хъ гусе́й поднима́ются съ воды́ и, подъ предводи́тельствомъ ста́рыхъ, летя́тъ въ поля́. Снача́ла облетя́тъ простра́нство, высма́тривая, гдѣ имъ бу́детъ удо́бнѣе расположи́ться, пода́льше отъ проѣзжихъ доро́гъ или́ рабо́тающихъ въ по́лѣ люде́й, како́й хлѣбъ бу́детъ посытнѣе, и, наконе́цъ, опуска́ются на каку́ю-нибу́дь десяти́ну или́ загонъ[4]. Гу́си предпочти́тельно лю́бятъ хлѣбъ безбо́сый[5]. Но е́сли не́ изъ чего́ выбира́ть, то ѣдя́тъ и вся́кій. Почти́ до тёмной но́чи изво́лятъ они́ продолжа́ть свой до́лгій у́жинъ. Но вотъ раздаётся гро́мкое, призы́вное гоготанье старико́въ[6]. Молоды́е торопли́во собира́ются въ ку́чу, перева́ливаясь переда́ми отъ тя́жести наби́тыхъ не въ мѣру зо́бовъ, и перекли́каются ме́жду собо́й. Вся ста́я съ зы́чнымъ[7] кри́комъ тяжело́ поднима́ется, лети́тъ ти́хо и ни́зко[8], всегда́ по одному́ направленію, къ тому́ о́зеру или́ бе́регу рѣки́, или́ верхо́вью[9] уединённаго пруда́, на кото́ромъ она́ обыкновенно ночу́етъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гу́си шу́мно опуска́ются на́ воду, распахну́въ её гру́дью на о́бѣ сто́роны, жа́дно напива́ются и сейча́съ садя́тся на ночле́гъ.

4. Ночле́гъ гусе́й. Для ночле́га выбира́ется бе́регъ пло́скій, ро́вный, не заро́сшій ни куста́ми ни камыше́мъ, что́бы ниоткуда́ не могла́ подкра́сться къ нимъ опа́сность. Гу́си завёртываютъ го́лову подъ крыло́, ложа́тся или́, лу́чше сказа́ть, опуска́ются на хлупь и бро́хо и засыпа́ютъ. Но старики́ не оставля́ютъ ночну́ю стра́жу и не спятъ поочерёдно или́ такъ чу́тко дре́млютъ, что ничто́ не усколза́етъ отъ ихъ внима́тельнаго слу́ха. При вся́комъ шо́рохѣ сторожево́й гусь трево́жно загого́четъ. Всѣ откли́каются, встаю́тъ, выправля́ются, вытя́гиваютъ ше́и и гото́вы лете́ть. Но шумъ замо́лкъ, сторожево́й гусь гого́четъ совсѣмъ други́мъ го́лосомъ, ти́хо, успокои́тельно. Вся ста́я, отвѣча́я ему́ таки́ми же зву́ками, сно́ва уса́живается и засыпа́етъ. Такъ быва́етъ не оди́нъ разъ въ ночь, особенно уже́ въ дово́льно дли́нныя сентя́брьскія но́чи. Если же трево́га была́ непуста́я, бы́стро поднима́ются старики́ и

---

[1]Перемѣни́ли пе́рья. [2]Стани́ца—ста́я, ста́до. [3]Рожь сѣется о́сенью, на́ зиму, и принадлежи́тъ къози́мымъ хлѣба́мъ; яровы́е хлѣба́—всѣ тѣ, кото́рые сѣются о веснѣ. [4]Уча́стокъ па́хатной земли́, обыкн. въ полдесяти́ны. [5]Безо́сый, или́ безо́стный, хлѣбъ—зе́рна кото́раго не одѣты въ колю́чіе покро́вы. [6]Крикъ ста́рыхъ гусе́й. [7]Гро́мкимъ, рѣзкимъ. [8]Почему́? [9]Верхо́вье пруда́—нача́ло пруда́; мѣсто, гдѣ запру́женная рѣка́ остана́вливается, превраща́ясь въ прудъ. (О прудахъ см. стр. 165).

стремглавъ бросаются за ними молодые, оглашая окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе... Когда же ночь проходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва забѣлѣетъ заря на востокѣ, разбудитъ звонкимъ крикомъ всю стаю. Она снова вслѣдъ за старикáми полетитъ уже въ знакомое поле и точно тѣмъ же порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно за позднимъ ужиномъ. Плохо хозяину, который поздно узнаетъ о томъ, что гуси повадились[1] летать на его хлѣбъ. Они съѣдятъ зерна, лоскомъ[2] положатъ высокую солому и сдѣлаютъ такую толоку[3], какъ будто тутъ паслось мелкое стадо.

3. Дикія утки. **1. Селезень.** Селезень показываетъ постоянно доходящую до полнаго самоотверженія любовь къ уткѣ и въ то же время—непримиримую враждебность и злобу къ ея гнѣзду, яйцамъ и дѣтямъ. Если онъ найдетъ гнѣздо ея съ яйцами или только что вылупившимися утятами, то гнѣздо разроетъ и растаскаетъ, яйца выпьетъ или, по крайней мѣрѣ, пробьетъ, а маленькихъ утятъ всѣхъ передушитъ. Онъ не отходитъ отъ утки ни на шагъ, не разлучается съ ней ни на минуту, ни за что прежде ея первый не слетитъ съ мѣста. Иногда утка полощется въ какой-нибудь лужѣ, а селезень, какъ часовой, стоитъ на берегу или на кочкѣ. Охотникъ подъѣзжаетъ къ нему въ мѣру, но утка не видитъ или не замѣчаетъ ничего. Селезень пошевеливается, повертывается, покрякиваетъ, какъ будто подаетъ ей голосъ, ибо видитъ опасность, но утка не обращаетъ вниманія. Одинъ онъ не летитъ прочь, и мѣткій выстрѣлъ убиваетъ его наповалъ. Утка улетаетъ, не показывая никакого участія къ убитому селезню. Совсѣмъ другое бываетъ, когда охотникъ убьетъ утку. Селезень не только будетъ летать кругомъ охотника, не налетая, впрочемъ, слишкомъ близко, но даже нѣсколько дней сряду станетъ колотиться около того мѣста, гдѣ потерялъ дружку.

2. Какъ утка кладетъ яйца. Утка приготовляетъ себѣ гнѣздо въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и близъ удобнаго къ побѣгу мѣста, всего чаще на лужѣ или озерѣ. Она присядетъ на бережокъ, заложитъ голову подъ крыло и притворится спящею. Селезень присядетъ возлѣ нея и заснетъ въ самомъ дѣлѣ. А утка, наблюдающая его изъподъ крыла недремлющимъ глазомъ, сейчасъ спрячется въ траву, осоку или камышъ, отползетъ нѣсколько десятковъ саженей, поднимется невысоко и, облетѣвъ стороной, опустится на землю и подползетъ къ своему уже готовому гнѣзду. Она снесетъ первое яйцо, бережно его

---

[1]Пріучились, навыкли. [2]Лоскъ—блескъ, глянецъ; лоскомъ положить солому, траву и проч.—положить, вытолочь такъ, что выйдетъ ровное, гладкое мѣсто. [3]Толока, или толокъ—потрава, вытолачиваніе травъ, хлѣба скотомъ. [4]Утка-самецъ.

прикро́етъ траво́й и пе́рьями, отползётъ на нѣ́которое разстоя́ніе въ друго́мъ направле́ніи, подни́мется и, сдѣ́лавъ кругъ, залети́тъ съ противополо́жной стороны́ къ тому́ мѣ́сту, гдѣ скры́лась, опя́ть сади́тся на зе́млю и подкра́дывается къ ожида́ющему её се́лезню. Рѣ́дко случа́ется заста́ть его́ спя́щимъ. По бо́льшей ча́сти се́лезень просыпа́ется во вре́мя отсу́тствія у́тки, кото́рое иногда́ продолжа́ется бо́лѣе ча́са. Просну́вшись, онъ начина́етъ безпоко́йно звать свою́ дру́жку, торопли́во озира́ясь и поры́висто пла́вая по озерку́ или́ лу́жѣ, пото́мъ бро́сится иска́ть её круго́мъ о́коло бе́рега, но далеко́ не отхо́дитъ, а безпреста́нно воро́чается посмотрѣ́ть, не вороти́лась ли у́тка, не плывётъ ли къ нему́ по водѣ́. Иногда́ у́тка, что́бы усыпи́ть се́лезня, ти́хо и до́лго щеко́четъ но́сомъ его́ ше́ю и спи́ну. Иногда́ она́ нахо́дитъ сре́дство уйти́ и отъ неспя́щаго се́лезня. Сто́итъ ему́ то́лько повнима́тельнѣе заня́ться свои́мъ аппети́томъ[1] или́ позазѣва́ться на что-нибу́дь, съ неимовѣ́рнымъ прово́рствомъ у́тка пропада́етъ изъ глазъ. Но не всегда́ быва́ютъ уда́чны ея́ побѣ́ги. Случа́ется, что се́лезень примѣ́титъ и отгада́етъ ея́ намѣ́реніе, ки́нется за ней въ пого́ню въ ту са́мую мину́ту, когда́ она́ ю́ркнетъ въ траву́ или́ камы́шъ, насти́гнетъ, ухва́титъ но́сомъ за ше́ю, вы́тащитъ её на́ воду и до́лго таска́етъ и щи́плетъ такъ, что пе́рья летя́тъ.

3. **Вы́водка птенцо́въ.** Ме́жду тѣмъ у́тка нано́ситъ по́лное гнѣздо́ яи́цъ, оконча́тельно скрыва́ется отъ се́лезня и сади́тся выси́живать ихъ. Яи́цъ быва́етъ до двѣна́дцати. Они́ соверше́нно похо́жи на я́йца ру́сскихъ у́токъ, кро́мѣ како́го-то неопредѣлённаго желтова́то-зеленова́таго цвѣ́та. Утка сиди́тъ на гнѣздѣ́, почти́ съ него́ не слѣза́я. Оди́нъ разъ то́лько въ су́тки сойдётъ она́, что́бы похвата́ть побли́зости како́й-нибу́дь пи́щи, и въ продолже́ніе трёхнедѣ́льнаго сидѣ́нья чрезвыча́йно исхуда́етъ. Наконе́цъ, вылупля́ются утя́та, покры́тые си́зо-желтова́тымъ пу́хомъ. Если яи́цъ мно́го, то почти́ всегда́ быва́етъ оди́нъ или́ два болтуна́. Такъ называ́ется яйцо́, въ кото́ромъ не образова́лся утёнокъ и въ кото́ромъ, оттого́ что оно́ до полови́ны пу́сто, болта́ется, когда́ его́ потрясёшь. Болтуны́, вѣроя́тно, случа́ются оттого́, что во мно́жествѣ яи́цъ не всѣ мо́гутъ быть одина́ково прогрѣ́ты теплото́ю тѣ́ла ути́ной насѣ́дки. Че́резъ нѣ́сколько часо́въ по́слѣ вылупле́нія утя́тъ уже́ нѣтъ въ гнѣздѣ́. Мать увела́ ихъ въ ти́хую во́ду пруда́, о́зера или́ зали́ва съ камыша́ми. Она́ бе́режно перенесла́ утя́тъ во рту че́резъ такія мѣста́, гдѣ пройти́ имъ тру́дно. Это вида́ли мно́гіе охо́тники и я самъ.

4. **Матери́нская любо́вь у́тки.** Утка—са́мая горя́чая мать. Когда́ соба́ка или́ человѣ́къ спугнётъ её съ гнѣзда́, то она́ притворя́ется

---

[1]Лат. appeto хвата́ю, стара́юсь доста́ть; appetitus си́льное жела́ніе, вкусъ.

какóю-то хвóрою[1] илú не умѣющею летáть, такъ что, кáжется, стоитъ тóлько погнáться, чтобъ её поймáть. Рѣдкая собáка не поддáстся обмáну и не погóнится за ней. Обыкновéнно ýтка увóдитъ собáку за верстý и бóлѣе. Но охóтнику хорошó извѣстно, что знáчатъ такíя продѣлки, и онъ чáсто, позабы́въ о томъ, что ýтка летúтъ такъ плóхо отъ яúцъ, тó-есть отъ гнѣздá, что съ нéю гúбнетъ цѣлая вы́водка, сейчасъ её убивáетъ. Ещё бóльшую горячность покáзываетъ ýтка къ своúмъ утя́тамъ. Если какъ-нибýдь застáнетъ её человѣкъ плáвающую со своéю вы́водкой нá откры́той водѣ, то утя́та съ жáлобнымъ пúскомъ, приподня́вшись надъ водóю, броса́ются стремглáвъ къ ближáйшему камышý и провóрно прячутся въ нёмъ, дáже ныря́ютъ. А мать, шлёпая по водѣ кры́льями и оглашáя вóздухъ осóбеннымъ тревóжнымъ крúкомъ, начнётъ кружúться пéредъ человѣкомъ, привлекáя всё егó внимáніе на себя́ и отводя́ въ противополóжную сторóну отъ дѣтéй. Ружéйный вы́стрѣлъ прекращáетъ тревóгу и убивáетъ мать наповáлъ. Бóйкіе утя́та, какъ бы ни́ были мáлы, вы́кормятся и вы́растутъ кóе-какъ безъ мáтери. Иногдá сúроты пристаю́тъ къ другóй вы́водкѣ. Мнѣ случáлось видáть мать, за котóрою плáвало 20 утя́тъ, и при томъ рáзныхъ вóзрастовъ.

И. Степь. 1. **Степь весно́ю.** Въ Оренбýргской губéрніи всякое прострáнство никогдá не пáханной земли́ зовýтъ стéпью. Такія степны́я мѣстá быва́ютъ чýдно хорóшій весно́й—своéю роскóшною, свѣжею растúтельностью. Сóчными, пы́шными, высóкими трáвами и цвѣтáми покры́та ихъ черноземная пóчва, осóбенно по долúнамъ и равнúнамъ. Въ благопрія́тный годъ степны́е сѣнокóсы обúльнѣе и лýчше заливны́хъ лугóвъ[2]. Тóлько по скáтамъ гóрныхъ хребтóвъ попадáются гóрныя породы мелкорóслыхъ травъ. Осóбеннымъ аромáтомъ наполня́ютъ онѣ вóздухъ. Кто не ночёвывалъ лѣтомъ въ нáшихъ степя́хъ, на покáтостяхъ гóрныхъ кряжéй[3], тотъ не мóжетъ имѣть понятія о мя́гкомъ, живúтельномъ ихъ вóздухѣ, котóрый здоровѣе даже лѣснóго. Цѣлéбныя кáчества степны́хъ травъ и степнóго вóздуха очевúдно докáзываются удивúтельнымъ возстановлéніемъ тѣлéсныхъ силъ кочевы́хъ башкúрцевъ. Они́ кáждую весну́ выѣзжáютъ въ свой степны́е кóчи[4] исхудáлые, изможденные голóдною зимóй. Да не припúсываютъ возстановлéнія силъ употребленію одного́ кумы́са[5]. Онъ мáло окáзываетъ пóльзы безъ степнóго кóрма для кобы́лицъ, безъ степнóго вóздуха, безъ жúзни въ степи́.

2. **Степны́е пожáры.** Рáно весно́й, какъ тóлько сойдётъ снѣгъ и стáнетъ обсыхáть прошлогóдняя трава́, начинáются степны́е пожáры.

---

[1]Слáбою, больно́ю. [2]Лугóвъ, котóрые во врéмя весéннняго разли́ва рѣкъ заливáются водóю. [3]Хребтóвъ. [4]Мѣстá для кочёвки. [5]Напúтокъ изъ кобы́льяго молокá.

Это обыкновéніе выпáливать[1] прошлогóднюю сухýю травý для того́, чтóбы лýчше росла́ нóвая, не обхóдится иногдá безъ дурны́хъ послéдствій. Огóнь, раздувáемый и гони́мый вѣ́тромъ, бѣжи́тъ съ неимовѣ́рною быстротóю, истребля́я на своёмъ пути́ всё, что мóжетъ горѣ́ть, иногдá и сáмыя дерéвни. Для отвращéнія подóбныхъ бѣ́дствій, лѣ́тъ сóрокъ илú пятьдеся́тъ тому́ назáдъ въ óбщемъ употребленіи бы́ло одно́ срéдство: предвари́тельно опали́ть круго́мъ стогá, лѣ́съ, гýмна и дерéвню. Степны́е пожáры въ тёмную ночь представля́ютъ великолѣ́пную карти́ну. Въ рáзныхъ мѣстáхъ то стѣ́ны, то рѣ́ки, то ручьи́ огня́ лѣ́зутъ на крутыя́ гóры, спускáются въ долúны и разливáются мóремъ по глáдкимъ равнúнамъ. Всё э́то сопровождáется шýмомъ, трéскомъ и тревóжнымъ крúкомъ степны́хъ птицъ. Хорошó что степны́я мѣстá никогдá не выгорáютъ всѣ до тла, а то нéгдѣ бы́ло бы водúться полевóй птúцѣ. Мóкрые долóчки, перелѣ́ски и опýшки лѣсóвъ съ не растáявшимъ снѣ́гомъ останáвливаютъ и прекращáютъ огóнь, éсли нѣтъ поблúзости сухúхъ мѣстъ, куда́ могъ бы онъ перебрáться и дáже перескочúть. Это перескáкиванье въ ночнóй темнотѣ́ бывáетъ тáкже óчень живопúсно.

3. Степь лѣ́томъ. Если лѣ́то дождлúво, то роскóшная растúтельность сохраня́етъ свою́ свѣ́жесть до начáла ію́ля и достигáетъ великолѣ́пныхъ размѣ́ровъ. Къ концý ію́ня поспѣвáетъ рáнняя полевáя клубни́ка. Эта ароматная[2], превосхóдная вкýсомъ и цѣлéбная для здоро́вья я́года родúтся въ нѣ́которыхъ мѣстáхъ въ удивúтельномъ изобúліи. Въ гóлой степú ея́ мало; но óколо перелѣ́сковъ и по долúнамъ клубни́ка родúтся сплошна́я и тóчно крáснымъ сукнóмъ покрывáетъ цѣ́лые загóны. Въ ію́лѣ поспѣвáетъ полевáя вúшня. Мѣстá, гдѣ́ растётъ онá, занимáютъ иногдá огрóмное прострáнство и ещё я́рче краснѣ́ютъ úздали, чѣмъ клубни́ка. Рýсскіе тузéмцы тóлько сýшатъ полевýю клубни́ку для продáжи и для употребленія во врéмя постá, а всѣ́ азіáтскія племенá приготовля́ютъ изъ нея́ пастилý[3], котóрая бывáетъ óчень вкуснá. Вúшню тáкже сýшатъ, а бóльше отдаю́тъ мѣстá, гдѣ́ онá растётъ, на съёмъ пріѣзжáющимъ нарóчно для э́того прóмысла торгашáмъ, котóрые набирáютъ вúшенъ цѣ́лые деся́тки возóвъ, бьютъ морсъ[4] и увóзятъ въ больши́хъ сосýдахъ. Изъ э́того мóрса выгоня́ется превосхóдная вóдка. Но прéжде нашéствія человѣ́ческаго, нападáютъ на я́годы птúцы.

I. Журáвль. 1. Какóвъ журáвль съ вúду. Объёмомъ сóбственно тѣ́ла онъ едвá ли бýдетъ съ большóго стáраго гýся. Но длúнныя

---

[1]Выжигáть. [2]Душúстая, пахýчая. [3]Фр. pastille; сокъ изъ фрýктовъ, перемѣ́шанный съ сáхаромъ и приготóвленный въ вúдѣ мя́гкихъ конфéтъ. [4]Фруктóвый сокъ.

пе́рья на спинѣ́, бока́хъ и величина́ кры́льевъ даю́тъ ему́ видъ са́мой большо́й пти́цы. Жу́равль о́чень высо́къ на нога́хъ, ше́я его́ та́кже о́чень длинна́; но его́ носъ, кре́пкій и о́стрый къ концу́, не длиннѣе трёхъ вершко́въ; голова́ небольша́я. Журавль весь свѣтло-пе́пельнаго, си́заго цвѣта. Пере́дняя часть его́ головы́ покры́та чёрными пёрышками, а за́дняя, соверше́нно го́лая, поросла́ те́мно-кра́сными борода́вочками и ка́жется пятно́мъ мали́новаго цвѣта. Глаза́ небольши́е, се́ро-каштано́вые и свѣтлые; хвостъ коро́ткій. Изъ него́, начина́я съ полови́ны спины́, торча́тъ вверхъ пуши́стыя, мя́гкія, дово́льно дли́нныя, краси́во загиба́ющіяся пе́рья. Но́ги и три пере́дніе па́льца покры́ты же́сткою, какъ бу́дто истре́скавшеюся, чёрною ко́жею.

2. Прилётъ и отлётъ журавле́й. Кто не слыха́лъ пронзи́тельнаго курлы́канья журавле́й, похо́жаго на отдалённые зву́ки трубъ? Эти зву́ки издаю́тъ одни́ самцы́, и для того́ у нихъ дыха́тельное го́рло имѣетъ осо́бенное устро́йство. Весело слу́шаетъ крестья́нинъ весно́ю э́ти зву́ки и ве́ритъ имъ, хотя́ бы стояла холо́дная пого́да. Эти зву́ки обѣща́ютъ бли́зкое тепло́. Зато́ въ жа́ркіе дни, какіе и́зрѣдка быва́ютъ у насъ въ исхо́дѣ а́вгуста и да́же въ нача́лѣ сентября́, крикъ высоко́ летя́щихъ журавле́й наво́дитъ грусть на его́ се́рдце. „Быть ра́но зимѣ́“, говори́тъ онъ, „журавли́ пошли́ въ похо́дъ“, и всегда́ почти́ ве́рно быва́етъ тако́е предсказа́ніе. Полётъ и крикъ журавли́ный имѣ́ютъ въ себѣ́ что́-то привлека́тельное. Иногда́ стани́ца ихъ о́чень до́лго кру́жится на одно́мъ мѣ́стѣ, съ ка́ждымъ кру́гомъ забира́ясь вы́ше и вы́ше, такъ что, наконе́цъ, не уви́дитъ ихъ глазъ. То́лько крикъ дохо́дитъ до насъ въ неясныхъ, мя́гкихъ, глухи́хъ и вмѣстѣ прія́тныхъ зву́кахъ. Журавли́ весно́ю прилета́ютъ нера́но, позднѣе друго́й ди́чи, и сейча́съ разбива́ются на па́ры. Осенью отлета́ютъ, собра́вшись предвари́тельно въ больши́я ста́и, въ весьма́ разли́чные сро́ки: иногда́ въ нача́лѣ а́вгуста, иногда́ въ исхо́дѣ сентября́, и летя́тъ всегда́ днёмъ. Они никогда́ не летя́тъ ку́чей, а всегда́ выстра́иваются треуго́льникомъ, одна́ сторона́ кото́раго по бо́льшей ча́сти гора́здо длиннѣе.

3. Пи́ща журавля́. Въ стро́гомъ смы́слѣ, журавль не степна́я, а полева́я пти́ца. Въ настоя́щихъ степя́хъ ре́дко встрѣтишь журавле́й. Они́ лю́бятъ хлѣ́бныя поля́ и вспа́ханную зе́млю, охо́тно ку́шаютъ вся́кія хлѣ́бныя зёрна и всегда́ охо́тнѣе—горо́хъ. Журавль о́чень прожо́рливъ и за недоста́ткомъ ко́рма, приготовля́емаго для него́ челове́ческими рука́ми, жа́дно глота́етъ всё, что ни попа́ло. Къ змѣ́ямъ журавль имѣетъ осо́бенный аппети́тъ. Если попада́ется сли́шкомъ дли́нная змѣя́, то онъ расклю́етъ ей но́сомъ на нѣ́сколько часте́й и прогло́титъ. Небольши́хъ змѣ́й и ужей[1] онъ глота́етъ цѣликомъ, наперёдъ нѣ́сколько

[1]Ужъ—родъ змѣ́й, изъ неядови́тыхъ.

разъ подбро́сивъ ужа́ или змѣю́ о́чень высоко́ вверхъ. То́ же дѣлаетъ журавль съ я́щерицами и лягу́шками. Вѣроя́тно, онъ хо́четъ пре́жде ихъ убить, а пото́мъ съѣсть. Я не раздѣля́ю мнѣнія нѣкоторыхъ охо́тниковъ, что онъ игра́етъ, броса́я вверхъ свою́ добы́чу.

4. **Вы́водка птенцо́въ.** Журавли́ вьютъ гнѣзда всегда́ на землѣ непа́ханной, но иногда́ со всѣхъ сторо́нъ окружённой па́шнею. Гнѣздо́ быва́етъ сви́то незатѣйливо: э́то про́сто кру́глая я́ма на землѣ, слегка́ у́стланная сухо́ю трово́ю. Два огро́мныя дли́нныя я́йца, испещрённыя крупными, тёмно-кори́чневыми кра́пинками, лежа́тъ, ничѣмъ не окружённыя и не покры́тыя. Журавль съ журавли́хой сидя́тъ попереме́нно на я́йцахъ. Свобо́дный отъ сиде́нья хо́дитъ круго́мъ гнѣзда́ побо́дать, ку́шаетъ и карау́литъ. Гро́мкій его́ крикъ возвѣща́етъ приближе́ніе како́й-нибу́дь опа́сности. Сидя́щій на я́йцахъ сейча́съ броса́етъ ихъ, отбѣга́етъ, согну́вшись, въ сто́рону и начина́етъ звать своего́ дру́жку, кото́рый неме́дленно къ нему́ присоединя́ется. Они́ вмѣстѣ ухо́дятъ отъ гнѣзда́ да́льше или́ улета́ютъ. Когда́ вы́ведутся журавля́та, то старики́ уво́дятъ ихъ въ нежа́тый хлѣбъ или́ въ луга́, гдѣ расту́тъ кусты́ и высо́кая трава́. Смотря́ по мѣстности и удо́бству, журавли́ выво́дятъ иногда́ дѣте́й въ луга́хъ и да́же боло́тныхъ уема́хъ*. Журавля́та всегда́ быва́ютъ неуклю́жи, нескла́дны, сла́бы и безпреста́нно пища́тъ о́чень жа́лобно. Бу́дучи по́йманы и вы́кормлены вмѣстѣ съ дворо́вою пти́цей, они́ о́чень ско́ро привыка́ютъ ко вся́кой пи́щѣ и дѣлаются соверше́нно ручны́ми, но какъ ско́ро подраста́ютъ кры́лья, то непремѣ́нно улетя́тъ. Если же кры́лья подрѣзывать, то журавли́ остаю́тся ручны́ми.

5. **Осторо́жность журавле́й.** Вообще́ журавль дово́льно осторо́жная пти́ца. Къ журавли́ной ста́ѣ подъѣ́хать и да́же подкра́сться о́чень мудрено́. Но въ одино́чку или́ въ па́рѣ, осо́бенно е́сли найдёшь ихъ о́коло тѣхъ мѣстъ, гдѣ они затѣва́ютъ гнѣздо́, журавли́ гора́здо смирнѣе[1]. На просто́й телѣгѣ или́ охо́тничьихъ дро́жкахъ иногда́ мо́жно подъѣ́хать къ нимъ въ мѣ́ру ружѣ́йнаго вы́стрѣла. Обыкнове́ннымъ о́бразомъ стрѣля́ть журавле́й о́чень тру́дно и ма́ло убьёшь ихъ, а на́добно употребля́ть для э́того осо́бенные пріёмы и хи́трости, то́-есть подкра́дываться къ нимъ изъ-за густо́въ, ски́рдовъ хлѣба, стого́въ сѣна и про́ч. Мо́жно та́кже, узна́въ предвари́тельно, куда́ лета́ютъ журавли́ корми́ться, гдѣ ночу́ютъ и чрезъ какія мѣста́ пролета́ютъ на ночёвку, пригото́вить заблаговре́менно скры́тное мѣсто и ожида́ть въ нёмъ журавле́й. Ночёвку журавли́ выбира́ютъ на мѣста́хъ откры́тыхъ, да́же иногда́ близъ прое́зжей доро́ги. Обыкнове́нно всѣ спятъ сто́я, заложи́въ го́лову подъ кры́лья, вы́тянувшись въ оди́нъ или́ два ря́да и вы́ставивъ по краямъ одного́ или́ двухъ сторожёй. Сторожа́ то́лько дре́млютъ, не закла́дывая голо́въ подъ

*Лѣсъ или́ куста́рникъ, расту́щій по берега́мъ рѣкъ или́ на боло́тахъ.—[1]Подпуска́ютъ къ себѣ́ охо́тника на бо́лѣе бли́зкое разстоя́ніе.

кры́лья, дре́млютъ чу́тко и, какъ ско́ро замѣ́тятъ опа́сность, зы́чнымъ[1] кри́комъ разбу́дятъ това́рищей и всѣ улетя́тъ.

6. Си́ла журавля́. Журавль—си́льная пти́ца. Къ э́той си́лѣ присоединя́ются осо́бенныя оборони́тельныя ору́дія, кото́рыми снабди́ла его́ приро́да. Они́ состоя́тъ въ крѣпости косте́й его́ кры́льевъ, уда́ръ кото́рыхъ ужа́сно си́ленъ, въ дли́нныхъ нога́хъ, крѣпкихъ па́льцахъ съ твёрдыми ногтя́ми и въ дово́льно дли́нномъ, о́чень крѣ́пкомъ и о́стромъ клю́вѣ. При по́мощи тако́го ору́жія, легко́ ра́неный журавль дѣ́лается опа́сною пти́цею для охо́тника и соба́ки, е́сли они́ вду́маютъ неосторо́жно его́ схвати́ть. Снача́ла подстрѣ́ленный журавль бѣжи́тъ прочь и о́чень ши́бко, такъ что безъ соба́ки тру́дно догна́ть его́. Ско́рость своему́ бѣ́гу придаётъ онъ подма́хиваньемъ кры́льевъ или́ крыла́, е́сли одно́ ра́нено. Ви́дя же, что ему́ не уйти́, онъ на всёмъ бѣгу́ броса́ется на спи́ну и начина́етъ защища́ться нога́ми и но́сомъ прово́рно и си́льно пораж**а́**я проти́вника. Я ви́дѣлъ печа́льныя слѣ́дствія тако́й хра́брой оборо́ны: одного́ крово́го[2] охо́тника и одну́ кривую́ соба́ку. И тотъ и друга́я потеря́ли по гла́зу, неосторо́жно бро́сившись схвати́ть ра́ненаго журавля́.

7. Нелёгкость журавля́. Когда́ журавль серіо́зенъ и ва́жно расха́живаетъ по поля́мъ, подбира́я попада́ющійся ему́ кормъ вся́каго ро́да, въ нёмъ ничего́ нѣтъ смѣ́шного. Но какъ ско́ро онъ начнётъ бѣ́гать, игра́ть, присѣда́ть и пото́мъ подпры́гивать вверхъ съ распу́щенными кры́льями, то нельзя́ безъ сме́ха смотрѣ́ть на его́ продѣлки. До тако́й сте́пени нейдётъ къ нему́ всякое живо́е и рѣ́звое движе́ніе! Нѣ́сколько журавле́й, выпля́сывающихъ другъ пе́редъ дру́гомъ, спосо́бны заста́вить расхохота́ться всякаго несмѣшли́ваго челове́ка. Журавль не мо́жетъ подня́ться съ мѣ́ста вдругъ. Ему́ ну́жно са́жени двѣ́-три, чтобы́ разбѣжа́ться. Въ доказа́тельство э́тому я ви́дѣлъ своими́ глаза́ми весьма́ стра́нный слу́чай. Охо́тникъ, возвраща́вшійся домо́й съ двумя́ борзы́ми[3] соба́ками, случа́йно съѣ́хался со мной. Мы, продолжа́я путь вмѣ́стѣ, уви́дѣли двухъ журавле́й, ходи́вшихъ по ско́шенному лу́гу о́чень бли́зко отъ большо́го сто́га сѣ́на. Охо́тникъ вду́малъ показа́ть ихъ своимъ соба́камъ. Онѣ́ пусти́лись мастери́ть[4] къ журавля́мъ изъ-за сто́га. Охо́тникъ, ѣ́хавшій верхо́мъ, шутя́ поскака́лъ за соба́ками. Одна́ изъ соба́къ, порѣ́звѣе, вы́скочивъ внеза́пно изъ-за сто́га, успѣ́ла схвати́ть за́ ногу тяжело́ поднима́вшагося журавля́. Ско́ро подоспѣ́ла друга́я соба́ка, и обѣ́ вмѣ́стѣ, хотя́ поря́дочно исклёванныя, удержа́ли журавля́ до прибы́тія охо́тника, и онъ взялъ его́ живо́го. Въ Сара́товской и Астраха́нской губе́рніяхъ, гдѣ́ къ осе́ннему отлёту собира́ются безчи́сленныя стани́цы журавле́й, крестья́не бьютъ дуби́нами, предвари́тельно заста́вя столпи́ться въ ку́чу боковы́ми заѣ́здами.

---

[1]Пронзи́тельнымъ.—[2]Слѣпо́го на оди́нъ глазъ. [3]Служа́щими для преслѣ́дованія звѣ́ря. [4]Ло́вко подходи́ть.

К. Куропа́тка (се́рая). **1. Свойство куропа́тки.** Весь складъ, всѣ ча́сти тѣла э́той пти́цы соверше́нно кури́ные, отъ чего́ и получи́ла она́ свое́ имя́. Полево́ю же или́ се́рою называ́ется она́ ско́лько въ отли́чіе отъ лѣсно́й, бѣлой въ зи́мнее вре́мя, куропа́тки, сто́лько же и потому́, что она́ се́ра перо́мъ и живе́тъ въ по́лѣ. Величино́ю э́та бо́йкая пти́чка бу́детъ, на взглядъ, нѣсколько бо́льше ру́сскаго го́лубя, но гора́здо его́ мясисте́е. Куропа́тка — настоя́щая на́ша туземка, не покида́ющая роди́мой стороны́ и зимо́й. Она́ отлича́ется прово́рствомъ своего́ бѣга и необыкнове́нною си́лой и быстрото́й своего́ прямо́го, какъ стрѣла́, полёта. Взлётъ или́ подъёмъ ея быстръ, шу́менъ и мо́жетъ испуга́ть, е́сли человѣкъ его́ не ожида́етъ. Несмотря́ на си́лу и ско́рость полёта, куропа́тки всегда́ летя́тъ невысоко́ отъ земли́ и недалеко́ улета́ютъ. Пи́ща куропа́токъ состои́тъ изъ сѣмя́нъ расте́ній и хлѣбныхъ зёренъ. Изрѣдка попада́лись мнѣ въ ихъ зо́бахъ червячки́ и други́я насѣко́мыя. Куропа́тки, е́сли не спятъ или́ не лежа́тъ во вре́мя о́тдыха, то безпреста́нно бѣгаютъ, суетя́тся, ро́ются и клю́ютъ вся́кую всячину. Куропа́тки имѣютъ скло́нность къ о́бществу и никогда́ не попада́ются въ одино́чку, да́же па́рами, исключа́я вре́мя вы́вода дѣте́й.

2. Вы́водка птенцо́въ. Весно́ю, какъ то́лько начина́ютъ пока́зываться въ поля́хъ и куста́рникахъ прота́лины[1], куропа́тки раздѣля́ются попа́рно. Са́мка не свива́етъ гнѣзда, а расчища́етъ для него́ небольшу́ю я́мку, какъ бы окружённую или опу́шенную пёрышками и пу́хомъ, щипа́нными изъ со́бственной хлупи. Молоды́я куропа́тки выводятся о́коло полови́ны ію́ня и вылупля́ются осо́бенными о́бразомъ. Они́ не пробива́ютъ но́сикомъ то́нкой скорлу́пы, что́бы вы́йти изъ нея́. Скорлу́пу куропа́точьихъ я́ицъ всегда́ нахо́дятъ развали́вшеюся вдоль на двѣ соверше́нно ра́вныя части́, какъ бы разрѣзанною о́стрымъ ножо́мъ. Цыпля́та тотча́съ начина́ютъ порха́ть и бѣгать за ста́рыми. Саме́цъ вмѣстѣ съ са́мкою сзыва́етъ, во́дитъ и охраня́етъ вы́водку. Че́резъ нѣсколько дней молоды́е начина́ютъ уже́ лета́ть, потому́ что выво́дятся съ пе́рьями въ кры́льяхъ. Цвѣтъ пу́ха на молодо́й куропа́ткѣ красновато-се́рый, и вообще́ она́ похо́жа тогда́ на взро́слую перепе́лку. Какъ то́лько молоды́е начну́тъ свобо́дно лета́ть, то вся́кое у́тро, на разсвѣтѣ, вся ста́я поднима́ется съ мѣста ночле́га лѣтомъ и перемѣща́ется на неда́льнее разстоя́ніе. Побѣгавъ немно́го, че́резъ нѣсколько мину́тъ она́ скликается, дѣлаетъ друго́й перелётъ и тамъ остаётся на цѣлый день. Ве́черомъ, сейча́съ по захожде́ніи со́лнца, саме́цъ и са́мка опя́ть сзыва́ютъ молоды́хъ, дѣлаютъ опя́ть два перелёта и располага́ются на ночле́гъ.

---

[1]Отъ предло́га про и та́лый, раста́явшій; мѣсто, гдѣ раста́ялъ уже́ снѣгъ и показа́лась пе́рвая тра́вка.

3. Образъ жи́зни куропа́токъ о́сенью и зимо́ю. Въ нача́лѣ октября́ начина́ютъ поспада́ться куропа́тки уже́ стани́цами въ двѣ и три вы́водки[1]. Весьма́ охо́тно бѣ́гаютъ онѣ́ по доро́гамъ, осо́бенно по тѣ́мъ, по кото́рымъ во́зятъ въ гу́мна снопы́, и подбира́ютъ насори́вшіяся зёрна. Сжа́тыя хлѣ́бныя поля́ та́кже охо́тно посѣща́ются ста́ями куропа́токъ. Когда́ же насту́питъ настоя́щая зима́ и сугро́бами снѣго́въ зава́литъ хлѣ́бныя поля́ и о́зими, то куропа́ткамъ нельзя́ бу́детъ бѣ́гать по глубо́кому снѣ́гу, да и безполе́зно, потому́ что никако́го ко́рма въ поля́хъ нѣ́тъ. Ста́и куропа́токъ приближа́ются тогда́ къ дереви́нямъ и появля́ются на гу́мнахъ, гдѣ́ подбира́ютъ зёрна, наточи́вшіяся о́коло копёнъ и кла́дей. Ста́и куропа́токъ ночу́ютъ гдѣ-нибу́дь побли́зости селе́нья, въ лѣсны́хъ овра́гахъ и въ тало́выхъ ку́ста́хъ[2] по рѣ́чкѣ. Едва́ то́лько черкнётъ[3] заря́, куропа́тки поднима́ются съ ночле́га и пря́мо летя́тъ на знако́мыя гу́мна. Если на одно́мъ изъ нихъ уже́ моло́тятъ, то куропа́тки пролета́ютъ ми́мо на друго́е гумно́. Одни́мъ сло́вомъ, рабо́тающіе крестья́не куропа́ткамъ небольша́я поме́ха. Онѣ́ ужива́ются съ ни́ми дру́жно: летя́тъ ми́мо, е́сли гумно́ за́нято, и уступа́ютъ мѣ́сто, когда́ крестья́не ихъ тамъ заста́нутъ. Часо́въ въ 10 утра́ куропа́тки улета́ютъ въ тѣ́ мѣста́, гдѣ́ ночева́ли, и прово́дятъ тамъ на о́тдыхѣ нѣ́сколько часо́въ; лежа́тъ до полови́ны зары́вшись въ снѣ́гъ, и да́же спятъ. За часъ до захожде́нія со́лнца онѣ́ опя́ть явля́ются на гу́мнахъ и остаю́тся до по́здней но́чи. Во вре́мя зи́мнихъ мете́лей куропа́тка нерѣ́дко и ночу́ютъ на гу́мнахъ, забива́ясь въ огро́мные вороха́ соло́мы или́ подъ сара́и.

4. Неосторо́жность куропа́токъ. На вся́кую хлѣ́бную прива́ду куропа́тки иду́тъ весьма́ охо́тно. Для того́, чтобъ онѣ́ могли скорѣе уви́дѣть, гдѣ насы́панъ для нихъ кормъ, прово́дятся въ ра́зныя сто́роны отъ прива́ды доро́жки изъ хлѣ́бной мяки́ны, въ ви́дѣ расходя́щихся луче́й. Какъ то́лько нападётъ на одну́ изъ нихъ куропа́тка, то сейча́съ побѣжи́тъ по ней и закуда́хчетъ. На ея́ го́лосъ сва́лится вся ста́я и пря́мо по мяки́нѣ отпра́вится къ прива́дѣ. Тамъ обыкнове́нно кро́ютъ ихъ шатро́мъ[4] такъ же, какъ тетеревё́въ. Но куропа́тки гора́здо пова́дливѣе[5] и глупѣе. Тетерева́я ста́я иногда́ сиди́тъ о́коло прива́ды, при́стально гляди́тъ на неё, но нейдётъ. Но куропа́тки съ пе́рваго ра́за всѣ броса́ются на разсы́панный кормъ, какъ дворо́выя ку́ры. Тетерево́въ на́добно до́лго пріуча́ть, а куропа́токъ кро́ютъ на друго́й же день. Никогда́ нельзя́ покры́ть всю тетерева́ную ста́ю, а куропа́токъ, напро́тивъ, непремѣ́нно перекро́ютъ всѣхъ до одно́й. Мнѣ случи́лось одна́жды цѣ́лый мѣ́сяцъ ка́ждый день стрѣля́ть ихъ на одно́мъ и то́мъ же току́. Кро́-

---

[1]Семе́йства. [2]Кото́рые никогда́ не превраты́тся въ дере́вья. [3]Засвѣтитъ. [4]Сѣтью. [5]Иду́тъ гора́здо скорѣе на прива́ду, приманку.

мѣ убива́емыхъ на мѣ́стѣ, нѣ́которыя пропада́ли отто́го, что бы́ли пора́нены. Ста́л убавля́лась съ ка́ждымъ днёмъ, и, наконе́цъ, оста́лись двѣ куропа́тки и продолжа́ли прилета́ть на тотъ же токъ въ уро́чное[1] вре́мя... Изъ уваже́нія къ тако́му постоя́нству, я пощади́лъ ихъ.

Л. Перепёлка. 1. **Свойства перепёлки.** Перепёлка немно́го бо́льше скворца́, но мясисто́ѣе его́. Устро́йствомъ всѣхъ часте́й своего́ тѣ́ла перепёлка есть ничто́ ине́е, какъ ку́рица или́ куропа́тка въ уменьшённомъ ви́дѣ; то́лько она ка́жется ещё складне́е и милови́дне́е да́же куропа́тки. Перепёлки въ вы́сшей сте́пени имѣ́ютъ сво́йства и пріёмы дома́шнихъ куръ. Онѣ́ то́чно такъ же безпреста́нно ро́ются, копа́ются, разгреба́я прово́рно но́жками соръ, песо́къ и ры́хлую зе́млю. Онѣ́ дѣ́лаютъ э́то и для отыска́нія ко́рма и для того́, чтобы́ присѣ́сть ловчѣе на о́тдыхъ или́ ночле́гъ. Перепёлка не то́лько бѣ́гаетъ прово́рно, но и лета́етъ о́чень бы́стро, когда́ она́ худа́ и легка́. Это настоя́щая степна́я пти́чка. Хотя́ она́ о́чень лю́битъ хлѣ́бный кормъ и хлѣ́бныя поля́, но во́дится изоби́льно и постоя́нно де́ржится въ настоя́щихъ степны́хъ мѣста́хъ, гдѣ иногда́ на далёкое разстоя́ніе во́все нѣтъ па́шни. Тамъ пита́ется она́ ра́зными ме́лкими насѣко́мыми и травяны́ми сѣмена́ми. Ни весе́ннягo прилёта ни осе́ннягo отлёта перепёлокъ никто́ не вида́лъ. Въ ста́и онѣ́ то́же никогда́ не собира́ются. Появля́ются непримѣ́тно поодино́чкѣ и пропада́ютъ та́кже непримѣ́тно.

2. Выводка птенцо́въ. Въ полови́нѣ ма́я нѣ́которыя перепёлки уже́ сидя́тъ на гнѣ́здахъ. Зато́ иныя выво́дятъ дѣте́й въ исхо́дѣ ію́ля. Ита́къ, въ тече́ніе дву́хъ мѣ́сяцевъ всегда́ мо́жно найти́ са́мыхъ ма́ленькихъ перепеля́тъ. Это исключи́тельное сво́йство перепёлокъ заставля́етъ мно́гихъ охо́тниковъ ду́мать, что одна́ и та́ же са́мка выво́дитъ два ра́за дѣте́й въ одно́ лѣ́то. Гнѣздо́ перепёлки свива́ется на го́лой землѣ́ изъ сухо́й травы́, препочти́тельно въ густо́мъ ковылѣ́[2]. Гнѣздо́, всегда́ у́стланное со́бственными пёрышками ма́тери, сли́шкомъ широко́ и глубо́ко для тако́й небольшой пти́чки. Но э́то необходи́мо потому́, что она́ кладётъ до 16-ти я́йцъ, а мно́гіе говоря́тъ, что и до 20-ти. Перепели́ныя я́йчки о́чень похо́жи на воробьи́ныя, то́лько сли́шкомъ вдво́е ихъ бо́льше и зеленова́тѣе. По́слѣ обыкнове́ннаго трехнедѣ́льнаго сидѣ́нья, вылупля́ются перепеля́та, покры́тые се́рымъ пу́хомъ. Мно́го разъ находи́лъ я въ одно́й и то́й же перепели́ной вы́водкѣ перепеля́тъ ра́знаго во́зраста и величины́. Охо́тники объясня́ютъ э́то обстоя́тельство тѣ́мъ, что бу́дто она́ выта́скиваетъ изъ гнѣзда́ пе́рвыхъ вы́лупившихся перепеля́тъ и продолжа́етъ сидѣ́ть на остальны́хъ я́йцахъ. Я не вида́лъ э́того свои́ми глаза́ми и потому́ не могу́ призна́ть справедли́вымъ тако́го объясне́нія. Я нахожу́ нѣ́сколько затрудни́тельнымъ для перепёлки въ одно́ и

[1]Опредѣлённое. [2]Родъ степно́й травы́.

то́ же вре́мя сидѣ́ть въ гнѣздѣ́ на я́йцахъ, достава́ть пи́щу и само́й корми́ть уже́ вы́лупившихся дѣте́й, кото́рыя, по сла́бости свое́й, въ пе́рвые дни должны́ колоти́ться о́коло гнѣзда́ безъ вся́каго призо́ра, не прикры́тыя въ ночно́е или́ дождли́вое вре́мя теплото́ю матери́нскаго тѣ́ла. Я нахаживалъ перепеля́тъ, ещё не сбѣжа́вшихъ съ гнѣзда́; ви́дѣлъ, какъ мать ихъ корми́ла изъ своего́ рта, и всѣ́ они́ были одного́ во́зраста. Не лу́чше ли объясни́ть э́то стра́нное обстоя́тельство тѣ́мъ, что вы́водка, у кото́рой мать какъ-нибу́дь поги́бла, разбѣга́ется и присоединя́ется къ други́мъ вы́водкамъ, ста́ршимъ или мла́дшимъ, какъ случи́тся? Вотъ отъ чего́ мо́жетъ происходи́ть больша́я ра́зница ме́жду перепеля́тами, повиди́мому, одно́й вы́водки.

3. Образъ жи́зни перепёлокъ ле́томъ. Какъ ско́ро начну́тъ поспѣва́ть хлѣба́, осо́бенно про́со, перепёлки сбѣга́ются къ нимъ со всѣхъ сторо́нъ и постоя́нно о́коло нихъ де́ржатся. На тако́мъ приво́льномъ и сы́томъ ко́рмѣ не то́лько ста́рыя, но и молоды́я перепёлки жирѣ́ютъ съ изуми́тельною ско́ростью. Въ э́то вре́мя онѣ́ уже́ весьма́ неохо́тно поднима́ются съ земли́, летя́тъ о́чень тяжело́ и ме́дленно и, отлетѣ́въ нѣ́сколько саженёй, опя́ть садятся. Перепёлки осо́бенно ла́комы къ про́су. Когда́ дожина́ется десяти́на или́ загонъ съ э́тимъ хлѣ́бомъ, то при ка́ждомъ взма́хѣ серпа́ вылета́етъ по нѣ́скольку перепёлокъ. Не жела́я таска́ться въ жа́ркое вре́мя съ соба́кой, я по́льзовался э́тимъ сре́дствомъ и, сто́я споко́йно посреди́ жницъ и жнецо́въ, стрѣля́лъ взлета́ющихъ перепёлокъ. Но тако́е многочи́сленное сбо́рище сбѣга́ется то́лько по вечера́мъ, пе́редъ захожде́ніемъ со́лнца. Разумѣ́ется, оно́ тутъ же и остаётся на всю ночь, а днёмъ разсыпа́ется врозь во всѣ сто́роны, скрыва́ясь въ окружны́хъ межа́хъ, за́лежахъ и степны́хъ лугови́нахъ. Когда́ хлѣба́ сожну́тъ, перепёлки продолжа́ютъ корми́ться по жни́вѣ, забива́ясь нерѣ́дко въ снопы́. Мнѣ ча́сто случа́лось взвора́чивать ихъ ного́й, чтобы́ вы́гнать отту́да перепёлокъ. Онѣ́ продолжа́ютъ посѣща́ть да́же и тѣ десяти́ны, съ кото́рыхъ хлѣбъ свезёнъ, и подбира́ютъ тамъ наточи́вшіяся изъ коло́сьевъ переспѣ́лыя зёрна. Такъ прохо́дитъ цѣ́лый а́вгустъ и да́же пе́рвыя чи́сла сентября́. Но тутъ перепёлки начина́ютъ приме́тно уменьша́ться и въ полови́нѣ сентября́ иногда́ совсѣ́мъ пропада́ютъ. Моро́зы или́ холо́дное нена́стье, разумѣ́ется, ускоря́ютъ, а тёплая пого́да замедля́етъ ихъ отлётъ. На́добно замѣ́тить, что перепёлки пропада́ютъ не́ вдругъ, а постепе́нно.

4. Отлётъ перепёлокъ. Никако́му сомнѣ́нію не подве́ренъ отлётъ ихъ на́ зиму въ тёплыя стра́ны ю́га. Мно́го чита́ли и слы́шали мы отъ самови́дцевъ[1], какъ перепёлки безчи́сленными стани́цами[2] переправля́ются че́резъ Чёрное мо́ре и нерѣ́дко ги́бнуть въ нёмъ, вы́бившись изъ силъ отъ проти́внаго вѣ́тра. Очеви́дно, что у нихъ должны́

[1]Очеви́дцевъ. [2]Ста́ями.

быть гдѣ-нибудь сборныя мѣста. Нельзя предположить, чтобы каждая перепелка отдѣльно летѣла прямо на берегъ моря, за многія тысячи вёрстъ. Нѣкоторые охотники думаютъ, что онѣ собираются въ станицы и совершаютъ своё воздушное путешествіе по ночамъ, а день проводятъ, разсыпавшись врозь, для пріисканія корма, по той мѣстности, на какую попадутъ. Я зналъ одного охотника, который увѣрялъ меня, что перепелки не улетаютъ, а уходятъ и что ему случилось замѣтить, какъ онѣ пропадали въ одномъ мѣстѣ и показывались во множествѣ въ другомъ. Этотъ охотникъ преслѣдовалъ идущихъ въ походъ перепелокъ и замѣчалъ, что онѣ показывались на новыхъ мѣстахъ не поутру, а въ полдень и болѣе къ вечеру. Я слышалъ также отъ достовѣрныхъ людей, что перепелокъ нахаживали случайно зимою, именно подъ наклономъ густой высокой травы, растущей по межамъ, и даже въ сурочьихъ норахъ. Перепелки были живы, но находились въ какомъ-то полусонномъ состояніи. Будучи внесены въ теплое жильё и посажены въ клѣтку, онѣ скоро принимались за кормъ и совсѣмъ оправлялись. Отсюда родилась ложная мысль у нѣкоторыхъ старинныхъ охотниковъ, что перепелки у насъ зимуютъ. По моему мнѣнію, найденныя зимой перепелки не имѣли силъ улетѣть или уйти во-время и принуждены были зазимовать. Перенесли бы онѣ всю зиму или померзли, это вопросъ.

М. Лѣсъ. 1. **Краснолѣсье и чернолѣсье.** Всѣ породы деревъ смолистыхъ называются „краснымъ лѣсомъ“, или „краснолѣсьемъ“. Вмѣсто листьевъ онѣ имѣютъ иглы, которыхъ зимою не теряютъ, а перемѣняютъ ихъ исподволь[1], постепенно, весною и въ началѣ лѣта. Осенью же онѣ становятся полнѣе, свѣжѣе и зеленѣе, слѣдовательно, встрѣчаютъ зиму во всей красѣ и силѣ. Лѣсъ, состоящій исключительно изъ однѣхъ сосенъ, называется „боромъ“[2]. Всѣ остальныя породы деревъ, теряющія свой листья осенью и возобновляющія ихъ весною, называются „чёрнымъ лѣсомъ“, или „краснолѣсьемъ“. Къ нему принадлежатъ ягодныя деревья[3], которыя достигаютъ иногда значительной вышины и толщины. Къ краснолѣсью же надобно причислить всѣ породы кустовъ, которыя также теряютъ зимой свой листья. Красный лѣсъ любитъ землю глинистую, иловатую[4], а сосна преимущественно песчаную. Я не люблю краснаго лѣса, можетъ быть, оттого, что я съ малыхъ лѣтъ привыкъ любоваться весёлымъ, разнолистнымъ краснолѣсьемъ и тучнымъ[5] чернозёмомъ[6]. Въ тѣхъ уѣздахъ Оренбургской губерніи, гдѣ прожилъ я большую половину своего вѣка[7], сосна—рѣдкость.

[1]Постепенно, мало-по-малу. [2]Въ другихъ мѣстахъ Россіи боромъ назыв. вообще хвойный лѣсъ. [3]Деревья, на которыхъ растутъ ягоды. [4]Состоящую изъ ила [5]Тучный—собств.: жирный; здѣсь: обильный, дающій жизнь обильной растительности. [6]Почва, главную составную часть которой составляютъ остатки перегнившихъ растеній. [7]Жизни.

2. Древе́сныя поро́ды черноле́сья. По бо́льшей ча́сти черноле́сье состои́тъ изъ смѣше́нія ра́зныхъ древе́сныхъ поро́дъ. Но иногда́ попада́ются мѣста́, гдѣ преобладае́тъ кака́я-нибу́дь одна́ поро́да. Когда́ разноро́дныя дере́вья расту́тъ вмѣстѣ и составля́ютъ одну́ зелёную ма́ссу, то всѣ ка́жутся равно́ хороши́, но въ отдѣльности одни́ други́мъ уступа́ютъ. Хороша́ развѣ́систая[1], бѣлствобо́льная[2] берёза, но ещё лу́чше кудря́вая, круглоли́стая, сла́дко-души́стая ли́па. Хоро́шъ и клёнъ со свои́ми ла́пами-листа́ми. Корена́стъ[3], крѣпокъ, высо́къ и могу́чъ быва́етъ мно́го-столѣтній дубъ. Оси́на и по нару́жному ви́ду и по внутреннему досто́инству счита́ется послѣднимъ изъ строевы́хъ дере́въ. Не замѣча́емая никѣмъ, тре́петно-ли́стная оси́на[4] быва́етъ краси́ва и замѣтна то́лько о́сенью. Зо́лотомъ и багря́нцемъ[5] покрыва́ются ея́ ра́но увяда́ющіе[6] ли́стья. Ярко отлича́ясь отъ зе́лени други́хъ дерёвъ, придаётъ она́ мно́го пре́лести и разнообра́зія лѣсу во вре́мя осе́ненняго листопа́да.

3. Населе́ніе лѣсо́въ. Въ лѣсу́ живу́тъ пёстрыя[7], краси́выя, разноголо́сныя поро́ды птицъ. Многочи́сленное, крыла́тое, ме́лкое, пѣвчее пле́мя наполня́етъ во́здухъ ра́зными голоса́ми и оживля́етъ тишину́ лѣсо́въ. На су́чьяхъ и въ ду́плахъ[8] дере́въ пти́цы вьютъ свои́ гнѣзда, кладу́тъ я́йца и выво́дятъ дѣте́й. Для той же цѣли поселя́ются въ дупла́хъ куни́цы и бѣлки[9], враждебныя пти́цамъ, и шу́мные ро́и ди́кихъ пчёлъ. Травъ и цвѣто́въ ма́ло въ большо́мъ лѣсу́. Густа́я постоя́нная тѣнь неблагопрія́тна расти́тельности, кото́рой необходи́мы свѣтъ и теплота́ со́лнечныхъ лучей. Сыро́й за́пахъ грибо́въ но́сится въ во́здухѣ, но всѣхъ слышнѣе о́стрый и, по-мо́ему, о́чень прія́тный за́пахъ груздей. Въ тако́мъ черноле́сьѣ живу́тъ бо́лѣе или́ ме́нѣе постоя́нно медвѣди, во́лки, за́йцы, куни́цы и бѣлки. Хи́щныя пти́цы та́кже въ лѣса́хъ выво́дятъ дѣте́й, устра́ивая гнѣзда на гла́вныхъ су́чьяхъ у са́маго древе́снаго ствола́.

Описа́въ обстано́вку, среди́ кото́рой живётъ лѣсна́я дичь, а́второмъ опи́сываетъ да́лѣе поро́ды ея́, ка́ждую по́рознь. Мы помѣща́емъ здѣсь описа́ніе ди́кихъ голубе́й и за́йцевъ. Ди́кіе го́луби дѣлятся на три ви́да: вя́хири или́ витю́тины, кли́нтухи и го́рленки. Всѣ э́ти ви́ды различа́ются ме́жду собо́ю весьма́ ма́ло, и то гла́внымъ о́бразомъ съ внѣшней стороны; по нра́вамъ же свои́мъ почти́ совершенно схо́дны. Наибо́лѣе обстоя́тельно а́второмъ опи́санъ пе́рвый видъ ди́кихъ голубе́й.

Н. Ди́кіе го́луби (вя́хири). **1. Ви́водка птенцо́въ.** Вско́рѣ по́слѣ

---

[1]Съ дли́нными су́чьями, вѣтвя́ми; вѣтви́стая. [2]Съ бѣ́лымъ стволо́мъ. [3]Съ дли́нными, кре́пкими корня́ми. [4]Оси́на на́звана такъ потому́, что ли́стья ея́, вслѣдствіе длины́ и то́нкости черешко́въ, а та́кже осо́баго расположе́нія, прихо́дятъ въ замѣ́тное движе́ніе при малѣ́йшемъ вѣтеркѣ. [5]Кра́снымъ цвѣтомъ. [6]Засыха́ющіе. [7]Разноцвѣ́тныя. [8]Пустота́ въ де́ревѣ, происходя́щая обыкнове́нно отъ его́ гніе́нія. [9]Осо́баго ро́да звѣрки́, извѣ́стные высо́кимъ досто́инствомъ мѣхо́въ, доставля́емыхъ и́ми.

своего́ прилёта вя́хири разбива́ются на па́ры и начина́ютъ устра́ивать свои́ гнѣзда на то́лстыхъ су́чьяхъ[1] больши́хъ дере́вьевъ. Голу́бка кладётъ то́лько два я́йца́ блѣ́дно-ро́зоваго цвѣ́та, гора́здо крупне́е и кругле́е я́йцъ ру́сскихъ голубе́й. Воркова́нье о́чень слы́шно издалека́ и нерѣ́дко открыва́етъ охо́тнику гнѣздо́ витю́тина. Онъ лю́битъ, си́дя на сучкѣ́[2] ближа́йшаго къ гнѣзду́ де́рева, выража́ть своё сча́стье протя́жнымъ воркова́ньемъ. Когда́ же голу́бка захо́четъ пое́сть и порасправи́ть свои́ уста́лыя отъ до́лгаго сиде́нья кры́лья, го́лубь сейча́съ сади́тся на ея́ мѣ́сто. Го́лубь и голу́бка сидя́тъ попереме́нно на я́йцахъ въ продолже́ніе двухъ съ полови́ною неде́ль. Мно́гіе охо́тники говоря́тъ, что всѣ голуби́ныя поро́ды выво́дятъ дѣте́й по три ра́за въ одно́ лѣ́то. Голубя́та выво́дятся покры́тые блѣ́дно-желтова́тымъ пу́хомъ. Мнѣ случа́лось мно́го разъ подходи́ть бли́зко къ де́реву, на кото́ромъ находи́лось гнѣздо́ съ голубя́тами, да́же взлѣза́ть на него́. Го́лубь съ голу́бкой не броса́лись на меня́, какъ боло́тные кулики́, не отводи́ли въ сто́рону, прики́дываясь, что не мо́гутъ лета́ть, какъ то дѣ́лаютъ у́тки. Го́луби перелѣ́тывали ро́бко[3] съ де́рева на де́рево, тоскли́во повёртываясь, подвига́ясь вдоль по сучку́, на кото́ромъ сидѣ́ли, безпреста́нно мѣня́я мѣ́сто и приближа́ясь къ челове́ку по мѣ́рѣ его́ приближе́нія къ дѣтямъ. Едва́ бы́ли слы́шны какіе-то ти́хіе, гру́стные зву́ки, не похо́жіе на ихъ обыкнове́нное ворко́ванье.

2. **Корми́ніе голубя́тъ.** Голубя́та не оставля́ютъ гнѣзда́, поку́да не оперя́тся, да и пото́мъ до́лго де́ржатся по су́чьямъ роди́маго де́рева, снача́ла перепры́гивая съ сучка́ на сучо́къ, а пото́мъ и перелѣ́тывая. Въ продолже́ніе всего́ э́того вре́мени оте́цъ и мать постоя́нно ко́рмятъ ихъ и пои́тъ водо́ю изъ со́бственнаго рта, для чего́ должны́ безпреста́нно отлуча́ться отъ дѣте́й за ко́рмомъ. Поку́да голубя́та ма́лы, го́лубь и голу́бка улета́ютъ попереме́нно, а когда́ подраста́ютъ,—о́ба вмѣ́стѣ. Кормъ ихъ состои́тъ изъ вся́кихъ древе́сныхъ и травяны́хъ сѣмя́нъ. Всего́ бо́лѣе лю́бятъ они́ хлѣ́бныя зёрна. Но какъ во вре́мя выка́рмливанія ра́нніхъ дѣте́й хлѣба́ ещё не поспѣ́ли, то молоды́е пита́ются преиму́щественно вся́кими насѣко́мыми, кото́рыхъ ло́вятъ оте́цъ и мать и къ нимъ принбсятъ. Въ э́тихъ забо́тахъ прохо́дитъ для нихъ цѣ́лый день, отъ ра́нняго у́тра до по́здняго ве́чера. Го́луби имѣ́ютъ замѣча́тельную спосо́бность, въ кото́рой превосхо́дятъ они́ всѣхъ други́хъ птицъ. Они́ наби́ваютъ себѣ́ по́лонъ[4] зобъ вся́каго ро́да ко́рмомъ и пото́мъ, прилетѣ́въ домо́й, изверга́ютъ всю э́ту пи́щу наза́дъ и ко́рмятъ ею дѣте́й. Го́лубь и голу́бка вкла́дываютъ свой носъ въ рази́нутый ротъ голубёнка. Безъ замѣ́тнаго уси́лія пи́ща перехо́дитъ въ го́рло дѣтёныша такъ ско́ро, что онъ едва́ успѣва́етъ глота́ть. Это повторя́ется нѣ́сколько разъ

---

[1]Сукъ, мн. ч. су́чья, вѣ́твь. [2]Уменьш. отъ сукъ. [3]Трусли́во, боязли́во. [4]Кра́тк. фо́рма прил. вм. по́лной фо́рмы.

въ день. Вслѣдствіе такóго обúльнаго питáнія, голубя́та, ещё не слетѣ́въ съ гнѣ́здъ, станóвятся необыкновéнно жúрны и вкýсны.

3. Полётъ голубéй и их ъ óбразъ жúзни лѣ́томъ и óсенью до отлёта. Гóлубь имѣ́етъ осóбенный полётъ. Слетѣ́въ съ дéрева, снача́ла онъ крýто берётъ вверхъ и, удáря одни́мъ крылóмъ объ другóе или́ обóими кры́льями о свои́ бока́, произвóдитъ звукъ, весьмá похóжій на хлóпанье въ ладóни, котóрый повторя́ется нѣ́сколько разъ. Потóмъ витю́тинъ направля́етъ свой полётъ немнóго внизъ и летúтъ ужé пря́мо, обыкновéннымъ óбразомъ, но всегдá óчень сúльно и скóро. Къ тому́ врéмени, когдá голубя́та совершéнно оперя́тся и начнýтъ летáть, какъ ста́рые, ужé посѣ́ютъ хлѣбá. Витю́тины съ молоды́ми, соединя́сь въ небольши́я станúчки, кáждый день, ýтро и вечеръ, провóдятъ въ хлѣ́бныхъ поля́хъ. Преиму́щественно посѣщáютъ они́ вы́жатыя десятúны. Покýда хлѣ́бъ не свезёнъ, облѣпля́ютъ они́ снача́ла пятки́[1], а потóмъ длúнные скúрды[2]. Когдá же снопы́ уберýтся съ полéй, витю́тины бродя́тъ по жни́вью[3], подбира́я обломúвшіеся колóсья и насорúвшіяся зёрна. Разумѣ́ется, отъ такóй сы́тной, пита́тельной пúщи они́ óчень скóро жирѣ́ютъ, и тутъ наступа́етъ сáмое лýчшее врéмя для стрѣльбы́ вя́хирей. Въ половúнѣ сентября́ витю́тины сва́ливаются въ большúя ста́и, дѣ́лаются óчень сторóжки[4] и вскóрѣ совсѣ́мъ улета́ютъ. Пéредъ отлётомъ они́ всѣ́ стано́вятся óчень жúрны и óчень вкýсны, осóбенно молоды́е. Во врéмя же вы́вода дѣтéй мя́со ста́рыхъ вя́хирей сýхо и жёстко.

О. За́йцы. 1. Осóбенность въ строéніи тѣ́ла за́йца. За́яцъ имѣ́етъ въ себѣ́ замѣча́тельную осóбенность. За́днія нóги его гора́здо длиннѣ́е, тóлще, сильнѣ́е пере́днихъ и снабжены́ необыкновéнно эласти́ческими[5], крѣ́пкими, сухúми жúлами. Отсю́да происхóдитъ дикóвинная[6] лёгкость прыжкóвъ, иногдá имѣ́ющихъ въ длину́ до трёхъ аршúнъ, и вообщé чýдная[7] рѣ́звость[8] за́ячьяго бѣ́га. Присѣ́въ на за́днія нóги, упершúсь въ какóе-нибýдь твёрдое основáніе, за́яцъ имѣ́етъ способóбность съ такóю быстротóй и сúлой разогнýть ихъ, что, буквáльно, броса́етъ на вóздухъ всё своё тѣ́ло. Едвá обопрётся онъ о зéмлю пере́дними ла́пками, какъ ужé за́днія, далекó перепры́гнувъ за пере́днія, даю́тъ опя́ть такóй же толчóкъ, и бѣгъ за́йца ка́жется однóю ли́ніей, вытянутою въ вóздухѣ. Безъ сомнѣ́нія, быстротѣ́ прыжкóвъ мнóго способóбствуетъ крѣ́пость спиннóго хребта́. Тепéрь понятно, что за́йцу нелóвко бѣжа́ть пóдъ гору и, наоборóтъ, óчень лóвко—на́ гору. Пéрваго онъ всегдá избѣга́етъ. Но, вы́нужденный иногдá къ тому́ преслѣ́дова-

---

[1]Пятóкъ — здѣсь: ку́чка изъ пяти́ снопóвъ. [2]Скирдъ — больша́я ку́ча снопóвъ, извѣ́стнымъ óбразомъ улóженныхъ. [3]То́ же, что жни́во. [4]Осторóжны.—[5]Н.-лат. elasticus фр. élastique, упру́гій [6]Удиви́тельная. [7]Удиви́тельная. [8]Быстрота́.

ніемъ врагóвъ, преимýщественно борзы́хъ собáкъ[1], онъ нерѣ́дко скáтывается кубарёмъ[2] съ верши́ны до сáмой подóшвы горы́[3]. Зáяцъ не хóдитъ, а тóлько пры́гаетъ. Онъ дáже не мóжетъ стоя́ть вдругъ на всѣхъ четырёхъ ногáхъ. Какъ скóро онъ останáвливается на своёмъ бѣгý, то сейчáсъ прися́детъ на зáднія нóги: такъ онѣ́ длúнны. Онъ осóбенный мáстеръ вдругъ сѣ́сть на всёмъ бѣгý. Шéя у зáйца не повёртывается. Онъ не мóжетъ оглянýться назáдъ. Услыхáвъ какóй-нибýдь шумъ сзáди илú сбóку, онъ упирáется на зáднія нóги, перекúдываетъ всегó себя́ въ ту стóрону, откýда послы́шался шумъ, садúтся на кóрточки, какъ сурóкъ, и насторóжитъ свой длúнныя ýши.

2. Чѣмъ питáются зáйцы. Зáйцы травоя́дныя живóтныя[4], хотя́ имѣ́ютъ óчень óстрые зýбы, котóрыми бóльно кусáются, éсли возьмýтъ ихъ въ рýки нелóвко. Живóго зáйца дóлжно всегдá держáть зá уши и зáднія нóги. Когдá есть травá, зáйцы питáются éю, тáкже древéсными лúстьями, вся́кими хлѣ́бными посѣ́вами и осóбенно лю́бятъ бзимь[5]. Зимóю глóжутъ онú древéсную корý, предпочтúтельно молоды́хъ осúнъ и кустóвъ, а въ степя́хъ вся́кую травяну́ю вѣ́тошь[6], разгребáя для того́ своúми лáпками довóльно большíе снѣ́жные сугрóбы[7]. Плодóвые сады́ мóгутъ жестóко пострадáть отъ зáйцевъ въ продолженіе зимы́, éсли не бýдутъ взя́ты извѣ́стныя предохранúтельныя мѣ́ры. Русакú[8]—большíе охóтники до хлѣ́бной пúщи. Поэ́тому ближáйшіе отъ деревéнь постоя́нно посѣща́ютъ хлѣ́бныя гýмна[9], дáже ложáтся въ нихъ нá день и, несмотря́ на ежеднéвныя крестья́нскія рабóты, остаю́тся споко́йно на своúхъ лóговахъ. Такúхъ русакóвъ называ́ютъ гумённиками. Я мнóго разъ самъ нахáживалъ русакóвъ на гýмнахъ и бивáлъ ихъ. Одúнъ разъ при мнѣ поймáли у сáмой рúги русака́ въ огрóмной кýчѣ длúнныхъ дровъ, куда́ онъ залѣзáлъ нá день. Крестья́нинъ, сушúвшій рúгу, замѣ́тилъ на зарѣ́ что зáяцъ влѣзъ въ дровá и застáвилъ лазéю плáхой[10]. Около Москвы́, гдѣ́ хлѣ́бъ обмолáчивается съ óсени, русакú хóдятъ ѣ́сть сѣ́но въ сѣнны́е сарáи. Хлѣ́бный русáкъ до того́ бываетъ жúренъ, что, не видáвши, трýдно повѣ́рить.

---

[1]Охóтничьихъ собáкъ, служáщихъ для вы́гонки звѣ́ря. [2]Кубáрь—волчóкъ, пустóй шаръ на нóжкѣ, вертя́щійся, éсли спустúть егó съ верёвки; слýжитъ игрýшкой для дѣтéй. [3]До нúза горы́. [4]Питáющіяся травóю. [5]Хлѣбá, котóрые сѣ́ются óсенью. [6]Вѣ́тошь—старьё; травянáя вѣ́тошь—стáрая, вы́сохшая трава́. [7]Снѣ́жные бугры́, занóсы. [8]Одна́ изъ породъ зáйцевъ. Всѣхъ породъ три: русакú, бѣлякú и тумакú. Различíе мéжду пéрвыми двумя́ породами состоúтъ въ томъ, что бѣлякú зимóй имѣ́ютъ совершéнно бѣ́лый цвѣ́тъ, а русакú, бýдучи зимóй тóже бѣ́лыми, имѣ́ютъ на хребтѣ́ рýсую полосу. Лѣ́томъ и русакú и бѣлякú рýсы, и ихъ трýдно различúть. Тумакú—порóда, происшéдшая отъ смѣшéнія русакóвъ и бѣлякóвъ. [9]Мѣ́сто, гдѣ́ склáдывается свезённый съ полéй хлѣбъ въ снопáхъ. [10]Бревнó, раскóлотое пополáмъ.

3. Трусли́вость за́йца. Заяцъ—са́мое ро́бкое и беззащи́тное творе́ніе. Тру́сость видна́ во всѣхъ торопли́выхъ его́ движе́ніяхъ и утверждена́ ру́сскою послови́цей: „Трусли́въ, какъ за́яцъ". Онъ дрожи́тъ, си́дя въ своёмъ ло́говѣ[1], слы́ша како́й-нибу́дь приближа́ющійся шумъ и гото́вясь вскочи́ть ка́ждую мину́ту. Онъ бои́тся и зве́ря и пти́цы, и то́лько но́чью выхо́дитъ изъ своего́ дневно́го убѣ́жища. Ночь для него́ совершённо замѣня́етъ день. Въ продолже́ніе ея́ онъ бѣ́гаетъ, ѣстъ и рѣзви́тся. Съ разсвѣ́томъ онъ выбира́етъ укро́мное[2] мѣсте́чко, ложи́тся и, съ откры́тыми глаза́ми, по осо́бенному устройству своихъ коро́ткихъ вѣкъ, чу́тко дре́млетъ до ве́чера. Въ до́лгія осе́ннія и зимнія но́чи за́яцъ исхо́дитъ нѣ́сколько вёрстъ. Ру́сскій наро́дъ называ́етъ за́йца косы́мъ. Его́ глаза́, большіе, тёмные, на вы́катѣ, не ко́сы. Но, бу́дучи пугли́въ, торопли́въ и не имѣ́я спосо́бности огля́дываться, онъ набѣга́етъ иногда́ пря́мо на охо́тника или́ на пенёкъ[3], оторопѣ́въ, кру́то броса́ется въ другу́ю сто́рону и опя́ть на что-нибу́дь набѣга́етъ. Вѣроя́тно, вслѣ́дствіе таки́хъ нело́вкихъ движе́ній назва́ли его́ косы́мъ. Къ тому́ же за́яцъ, си́дя на ло́говѣ, закаты́ваетъ подъ лобъ иногда́ оди́нъ гла́зъ, иногда́ и о́ба. Вѣроя́тно, это дремо́та, но при пе́рвомъ взгля́дѣ за́яцъ пока́жется косы́мъ.

4. Беззащи́тность за́йца. За́йцевъ истребля́ютъ всѣ, кто мо́жетъ во́лки, ли́сы, дворны́я и лега́выя соба́ки[4], кото́рыя са́ми собо́ю хо́дятъ охо́титься за ни́ми въ лѣ́съ, да́же горноста́и[5] и ла́ски[6]. Но кро́мѣ враго́въ, бѣ́гающихъ по землѣ́ и оты́скивающихъ чутьёмъ свою́ добы́чу, такіе же враги́ ихъ лета́ютъ по во́здуху. Орлы́, бе́ркуты[7], большіе ястреба́ гото́вы напа́сть на за́йца, какъ ско́ро почему́-нибу́дь онъ быва́етъ принужденъ оста́вить днёмъ своё потаённое убѣ́жище, своё ло́гово. Если же э́то ло́гово вы́брано неуда́чно, не довольно закры́то трово́й или́ степны́мъ куста́рникомъ, то непремѣ́нно и тамъ уви́дитъ его́ зо́ркій до невѣроя́тности чёрный бе́ркутъ. Зашумѣ́въ, какъ бу́ря, упадётъ онъ на бѣ́днаго за́йца внеза́пно изъ облако́въ, унесётъ въ дли́нныхъ и о́стрыхъ когтя́хъ на далёкое разстоя́ніе и, опустя́сь на удо́бномъ мѣ́стѣ, съѣстъ почти́ всего́, съ ше́рстью и ме́лкими костя́ми. Ма́ло э́того, да́же но́чью сторожа́тъ за́йцевъ больша́я со́вы и фи́лины. Одно́ю ного́ю сова́ вкогти́тся въ за́йца, а друго́ю ухва́тится за вѣ́тку куста́ и таки́мъ о́бразомъ де́ржитъ его́ до тѣхъ поръ, пока́ онъ не вы́бьется изъ силъ. Тогда́ сова́ вкогти́тся въ него́ и друго́й ла́пой и оконча́тельно заду́шитъ. За́яцъ отрыва́етъ иногда́ вкогти́вшуюся ла́пу, когда́ сова́ де́ржится за кусть. Охо́тникамъ слу-

---

[1]Ло́гово—пріютъ, вре́менное жили́ще зве́ря. [2]Отдѣ́льное, уединённое, закры́тое. [3]Пень, пенёкъ—та часть де́рева; кото́рая остаётся на корню́ по́слѣ поруб́ки де́рева. [4]Охо́тничьи соба́ки, служа́щія для оты́скиванія ди́чи, а не для вы́гонки и ло́вли ея́. [5,6]Горноста́й и ла́ска—осо́баго ро́да ма́ленькіе хи́щные зве́рки. [7]Бе́ркутъ—степно́й орёлъ.

чáлось затрáвливать зáйцевъ, на котóрыхъ висѣла вкогтúвшаяся въ тѣло лáпа совы.

V. Изъ „Запúсокъ объ ужéньѣ рыбы".

А. Щýка. 1. Щýка имѣетъ большíе, тёмные, зóркіе глáза, котóрыми издалекá вúдитъ свою добычу. Онá покрыта чешуёй, испещренá пятнами и крáпинками тёмно-зеленовáтаго цвѣта. Я слыхáлъ, что щýка мóжетъ жúть óчень долго, до ста лѣтъ, въ чёмъ бýдто удостовѣрились óпытами, пускáя небольшúхъ щурятъ съ замѣтками на хвостѣ илú пéрьяхъ въ чúстые протóчные пруды и запúсывая врéмя, когдá пускáли ихъ. Сáмая большáя щýка, какýю мнѣ удалóсь вúдѣть, вѣсила одúнъ пудъ и пятнáдцать фýнтовъ. Щýка преимýщественно питáется рыбой и всякой водянóй гáориной. Онá по áлчности своéй глотáетъ дáже лягýшекъ, крысъ и утятъ, отчегó большýю щýку называютъ утятницей. Щýка вóдится тóлько въ водáхъ чúстыхъ и дóхнетъ, éсли водá въ прудѣ илú óзерѣ отъ чегó-нибýдь испóртится. Онá мéчетъ икрý въ сáмомъ начáлѣ апрѣля, а иногдá éсли весна рáнняя, въ исходѣ мáрта. Гдѣ мнóго всякой мéлкой рыбы, тамъ и щýки развóдятся и дéржатся во мнóжествѣ.

2. Стрáнныя продѣлки щукъ. За щýками, осóбенно небольшúми, вóдится стрáнная продѣлка. По недостáтку мѣста, гдѣ бы мóжно было спрятаться, щýка станóвится вóзлѣ бéрега, плотúны, древéснаго пня, торчáщаго въ водѣ, свáи илú жéрди, воткнýтой во дно, и стоúтъ иногдá óчень блúзко къ повéрхности водú цѣлые часú неподвúжно, тóчно спящая илú мёртвая, такъ что не вдругъ её примѣтишь. Дáже мéлкая рыба, безъ опасéнія, óколо неё плáваетъ. Стоящихъ въ такóмъ положéніи щукъ и щурятъ не тóлько стрѣляютъ изъ рýжей, но дáже бьютъ дубúнами, дáже навóдятъ на нихъ волосянóй силóкъ и выкúдываютъ на бéрегъ. Я имѣлъ слýчай убúть изъ ружья стоящую въ такóмъ положéніи щýку въ дéвять фýнтовъ. Мáло этого, при моúхъ глазáхъ, мой товáрищъ-рыбáкъ, сидѣвшій и удúвшій со мнóю въ однóй лóдкѣ, крѣпко привязанной къ кóльямъ, примѣтивъ щýку, стоящую подъ кормóю лóдки, схватúлъ её рукóю... Онá вѣсила слúшкомъ два фýнта.

3. Алчность щуки. Алчность щукъ не имѣетъ предѣловъ. Онѣ нерѣдко кидáются на такúхъ рыбъ илú утятъ, котóрыхъ никáкъ заглотáть не мóгутъ, изъ чегó выхóдятъ презабáвныя явлéнія. Добычá, бýдучи сильнѣе вцѣпúвшагося въ неё врага, таскáетъ егó по водѣ за собóю. Я самъ вúдѣлъ, какъ оперúвшійся совсѣмъ утёнокъ, илú, лýчше сказáть, молодáяýтка, съ ужáснымъ крúкомъ отъ испýга и бóли, хлóпая по водѣ крúльями и дáже нѣсколько приподымáясь съ водú, дóлго бúлась со щýкой, котóрая впилáсь въ неё. Вúдѣлъ я такóе, какъ большóй язь таскáлъ за собóй небольшýю щýку, схватúвшую егó за хвостъ.

А. Кольцовъ.

Рыба́къ, стоя́вшій возлѣ меня́ на плоти́нѣ огро́мнаго пруда́, выта́скивая небольшу́ю ры́бу, вдругъ почу́вствовалъ на у́дочкѣ таку́ю тя́жесть и упо́рство, что едва́ не вы́ронилъ изъ рукъ уди́лища. Но, приня́въ э́то за неожи́данное движе́ніе како́й-нибу́дь сре́дней ры́бы, онъ сталъ тащи́ть съ бо́льшею си́лою и вы́волокъ на плоти́ну поря́дочную щу́ку. Каково́ бы́ло на́ше удивле́ніе, когда́ мы уви́дѣли, что за крючо́къ взяла́ обыкнове́нная плоти́чка, а за неё уцѣпи́лась щу́ка, не каса́ясь крючка́, и такъ кре́пко вонзи́ла свои́ зу́бы, что на́добно бы́ло па́лкой разжа́ть ей ротъ!

Б. Какъ ко́шки ло́вятъ ры́бу. Хотя́ я зналъ, какъ ко́шки ѣдя́тъ ры́бу, но никогда́ не слыха́лъ и не вида́лъ, какъ онѣ произво́дятъ э́ту охо́ту. Тре́тьяго ма́я 1835 го́да сидѣлъ я о́чень ти́хо на берегу́ небольшо́го прото́чнаго пруда́, гдѣ бра́ли о́куни и лини́. Около противополо́жнаго бе́рега, уже́ обро́сшаго трово́ю, би́ла икру́ плотва́ и для того́ выбра́сывалась въ траву́ у са́маго бе́рега. Вдругъ я ви́жу, что больша́я пёстрая ко́шка осторо́жно подкра́дывается, ползёт и пря́чется, растяну́вшись на са́мой берегово́й траве́. Такъ всегда́ поступа́ютъ ко́шки, выжида́я свое́й добы́чи. Я сталъ смотре́ть при́стально. Плотва́ продолжа́ла мета́ть икру́ и выки́дываться на траву́. Ко́шка бро́силась, схвати́ла одну́ плоти́чку и унесла́ её во рту. Я указа́лъ на э́ту проде́лку садо́внику, кото́рый недалеко́ отъ меня́ копа́лся въ свои́хъ гряда́хъ. Онъ ниско́лько не удиви́лся, а напро́тивъ разсказа́лъ мнѣ, что ра́но по утра́мъ, когда́ ещё нѣтъ наро́ду, вся́кій день выхо́дитъ на э́тотъ про́мыселъ ко́шекъ шесть и бо́лѣе, располага́ются по удо́бнымъ мѣста́мъ вдоль бе́рега и ло́вятъ ры́бу.

Г. Алексѣ́й Васи́льевичъ Кольцо́въ

(1809—1842)

былъ сынъ пра́сола, т.-е. торговца́ ското́мъ. Роди́лся онъ въ Воро́нежѣ. На деся́томъ году́ Кольцо́въ научи́лся чита́ть и писа́ть подъ руково́дствомъ одного́ семинари́ста. Въ то́мъ же году́ ма́льчика отда́ли въ уѣ́здное учи́лище. Здѣсь онъ про́былъ, впро́чемъ, всего́ три мѣсяца. Оте́цъ взялъ его́ изъ учи́лища, что́бы онъ помога́лъ ему́ въ торго́влѣ. Одна́коже ма́льчикъ не оста́вилъ уче́нія и продолжа́лъ учи́ться самъ. Въ то́ же вре́мя онъ сталъ про́бовать си́лы свои́ въ стихотво́рствѣ. Дости́гши совершенноле́тія, К. нѣсколько разъ былъ въ Москвѣ и Петербу́ргѣ по дѣла́мъ своего́ отца́. Здѣсь онъ познако́мился съ извѣ́стными ру́сскими писа́телями того́ вре́мени, кото́рые помога́ли ему́ свои́ми сове́тами и содѣ́йствовали появле́нію его́ стихо́въ въ печа́ти. Хотя́ К. роди́лся и жилъ въ го́родѣ, одна́ко же по торго́вымъ дѣла́мъ своего́ отца́ ча́сто посѣща́лъ дере́вни, лежа́щія близъ Воро́нежа, и подо́лгу въ нихъ жива́лъ. Благодаря́ э́тому обстоя́тельству онъ бли́зко познако́мился съ жи́знью крестья́нъ. Эта-то жизнь и изобража́ется въ бо́льшей ча́сти его стихотворе́ній.

а) Стихотворе́нія, изобража́ющія ра́дости крестья́нской жи́зни.

I. Урожа́й.

Краснымъ полымемъ[1]
Заря вспыхнула[2];
По лицу земли[3]
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнёмъ солнечнымъ,
Подобралъ[4] туманъ
Выше темя[5] горъ,
Нагустилъ его
Въ тучу чёрную[6];
Туча чёрная
Пона́хмурилась,
Понахмурилась,
Что[7] задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину[8]...
Понесутъ её
Вѣтры буйные[9]
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго[10]...
Ополчается[11]
Громомъ, бурею,
Огнёмъ-молніей[12],
Дугой-радугой[13];
Ополчилася
И расширилась,
И ударила[14],
И пролилася
Слезой крупною[15],
Проливнымъ дождёмъ,
На земную грудь[16],
На широкую.
И съ горы[17] небесъ
Глядитъ солнышко.
Напилась воды
Земля досыта.
На поля, сады,
На зелёные,
Люди сельскіе[18]
Не насмотрятся;
Люди сельскіе
Божьей милости[19]
Ждали съ трепетомъ[20]
И молитвою.
Заодно съ весной[21]
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя[22]
Думы мирныя[23].
Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать[24] воза.
А вторая ихъ
Была думушка;
Изъ села гужомъ[25]
Впору[26] выѣхать.
Третью думушку
Какъ задумали,
Богу-Господу
Помолилися[27]
Чѣмъ-свѣтъ[28] по полю
Всѣ разъѣхались
И пошли гулять

---

[1]По́лымя, нар., пла́мя. [2]Загорѣ́лась; кра́сная, крова́вая заря́ ука́зываетъ на оби́ліе скопи́вшихся въ во́здухѣ паро́въ и слу́житъ предвѣ́стникомъ дождя́. [3]По пове́рхности земли́. [4]Жа́ркій день подобра́лъ тума́нъ; тума́нъ подня́лся вы́ше горъ, высоко́, вслѣ́дствіе дневно́й жары́. [5]Здѣсь: верши́на; имен. паде́жъ (предполага́емый) те́ме; те́мя—род. пад. [6]Жа́ркій день нагусти́лъ тума́нъ въ ту́чу; вслѣ́дствіе дневно́й жары́ тума́нъ подня́лся высоко́ и преврати́лся въ ту́чу. [7]Какъ бу́дто. [8]Зе́млю; ту́ча образова́лась изъ испаре́ній, подня́вшихся съ земли́. [9]Свирѣ́пые, си́льные. [10]Міра; свѣтъ называ́ется бѣ́лымъ, какъ освѣща́емый со́лнцемъ. [11]Отъ полкъ—во́йско; со́б.: вооружа́ется, приготовля́ется къ вое́ннымъ дѣ́йствіямъ. [12]Вм. о́гненною мо́лніей. [13]Вм. полукру́глой ра́дугой. [14]Гро́момъ и мо́лніею. [15]Опредѣля́емое къ приложе́нію: „проливны́мъ дождёмъ“. [16]На пове́рхности земли́. [17]Съ высоты́. [18]Крестья́не. [19]Дождя́. [20]Со стра́хомъ; боя́лись, что дождя́, пожа́луй, не бу́детъ. [21]Вмѣ́стѣ съ весно́й. [22]Стр.—а) завѣ́щанный, заповѣ́дный; б) задуше́вный, дорого́й, свято́й. [23]Ти́хія, скро́мныя. [24]Приводи́ть въ поря́докъ. [25]Гужъ—петля́, при́вязь, верёвка для свя́зки; гужо́мъ=вмѣ́стѣ, верени́цею, гуськомъ. [26]Во́-время. [27]О чёмъ? [28]Очень ра́но.

Другъ за дружкою[1],
Горстью[2] полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай[3] пахать
Землю плугами,
Да кривой сохой[4]
Перепахивать,
Бороны зубьёмъ[5]
Порасчёсывать...
Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ.
Выше пояса
Рожь зернистая

Дремлетъ колосомъ[6]
Почти до земли;
Словно Божій гость[7],
На всѣ стороны
Дню весёлому
Улыбается.
Вѣтерокъ по ней
Плывётъ, лоснится[8],
Золотой волной
Разбѣгается[9]...
Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень[10]
Рожь высокую.
Въ копны частыя

Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка[11]
На гумнахъ[12] вездѣ,
Какъ князья, скирды[13]
Широко сидятъ[14],
Поднявъ головы.
Видитъ солнышко,—
Жатва кончена;
Холоднѣй оно
Пошло къ осени.
Но жарка свѣча[15]
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Надéжда на хорóшіе результáты трудá, на урожáй, ободрáющимъ óбразомъ влiяетъ и на пáхаря,—въ стихотворéніи:

II. Пѣсня пáхаря[16].

Ну, тащися, сивка[17],
Пашней-десятиной[18];
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю[19]!

Красавица зорька[20]
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ!
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ[21] съ тобою
Слуга и хозяинъ[22]

---

[1]Другъ за дрýгомъ; гулять другъ за дрýжкою—разумѣется рабóта сѣянья хлѣба. [2]Горсть—сóб.: сжáтая кисть рукú; колúчество чегó-лúбо, помѣщáющееся въ сжáтой кúсти рукú. [3]Нáчали. [4]Земледѣльческое орýдіе; имѣетъ кривýю фóрму. [5]Зубьё, собир. сущ., равнó познач. множ. числý отъ зубъ—зýбья. [6]Склонúлась подъ тя́жестью кóлоса, слóвно дрéмлетъ. [7]Гость, пóсланный Бóгомъ; áнгелъ. [8]Блестúтъ. [9]То нагибáется, то поднимáется,—переливáется отъ вѣтра. [10]Нúзко, у сáмаго кóрня. [11]Вслѣдствіе перевóзки снопóвъ съ полéй въ дерéвню, на гýмна. [12]Гумнó—мѣсто, гдѣ склáдываются хлѣбá въ снопáхъ. [13]Скирдъ—большáя кýча снопóвъ, извѣстнымъ óбразомъ улóженныхъ. [14]Основáнія скúрдовъ широ́ки; квéрху скирды́ сýживаются. [15]Крестья́нинъ ставитъ въ цéркви предъ икóною свѣчý, чтóбы вы́разить свою́ благодáрность Бóгу за дарóванный урожáй. Свѣчá жаркá—сóб.: я́рко горúтъ; въ перенóсн. смы́слѣ: горя́чая, и́скренняя, благодáрственная молúтва Бóгу крестья́нина. [16]Землепáшца, крестья́нина, пáщущаго нúву. [17]Ласкáтельное назвáніе сúвой, т.-е. сѣрой лóшади. [18]Пáшня=пóле, котóрое пáшутъ. [19]„Выбѣлимъ желѣзо“ (сохú)—сóб.: сдѣлаемъ егó блестя́щимъ отъ продолжúтельнаго трéнія о зéмлю; перенóсный смыслъ: поработаемъ усéрдно. [20]Уменьш. отъ заря́. [21]Самъ-другъ—вдвоёмъ, самъ-третéй—втроёмъ, самъ-четвёртъ—вчетверóмъ. [22]Слугá и хозя́инъ твой (сúвки). Почемý—„слугá“?

Весело я лажу[1]
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зёрна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно и скирды,
Молочу и вѣю[2]...
Ну, тащися, сивка!
Пашеньку[3] мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зёрнышку сготовимъ
Колыбель святую[4].

Его[5] вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая.
Выйдетъ въ полѣ травка...
Ну, тащися, сивка!
Выйдетъ въ полѣ травка,
Вырастетъ и колосъ,
Станетъ спѣть[6], рядиться
Въ золотыя ткани[7].
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,

Зазвенятъ здѣсь косы.
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжёлыхъ.
Ну, тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою[8].
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди[9] мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, моё богатство!

По окончáніи полевы́хъ рабóтъ, когдá съ полéй сóбранъ „хлѣбъ, богáтство“ крестья́нина, онъ не прочь подѣли́ться свои́мъ домáшнимъ довóльствомъ съ родны́ми и знакóмыми, какъ то и ви́дно изъ стихотворéнія:

III. Крестья́нская пиру́шка.

Ворота тесовы[10]
Растворилися:
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись,
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку[11].

Передъ Спасомъ свя́тымъ[12]
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные[13],
На сосновыхъ скамьяхъ[14]
Сѣли званые[15].
На столахъ куръ, гусей

Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя!
Бахромой[16], кисеёй[17]
Принаряжена[18],
Молодая жена,
Чернобровая,

Обходила подругъ

---

[1]Привожу́ въ поря́докъ. [2]Молоти́ть—удáрами цѣпа отдѣля́ть зёрна и мяки́ну отъ соло́мы. Вы́молоченное зерно́ перемѣшано всегдá съ мяки́ной (поло́вой); поэ́тому по́слѣ молотьбы́ вѣ́ютъ, т.-е. отдѣля́ютъ зерно́ отъ мяки́ны, подбра́сывая его́ на во́здухъ лопа́тою. [3]Уменьш. отъ пашня. [4]Колыбе́ль (отъ колеба́ть, кача́ть), со́б.: лю́лька, кача́ющаяся крова́ть ребёнка. Что здѣсь разумѣ́ется подъ колыбе́лью? Почему́ колыбе́ль на́звана свято́ю? [5]Зёрнышко. [6]Созрѣва́ть. [7]Со́б.: наряжа́ться въ золоты́я тка́ни: одѣва́ться въ покро́вы. [8]Родniко́вою, свѣ́жею, чи́стою. [9]Роди́. [10]Ворота́, сдѣ́ланныя изъ тёса; тёсъ пи́леныя до́ски, въ толщину́ ме́нѣе вершка́. [11]Чи́стая полови́на крестья́нской избы́, назначенная для пріёма гостéй. [12]Пе́редъ о́бразомъ Спаси́теля. По ру́сскому обы́чаю, войдя́ въ ко́мнату, пре́жде чѣ́мъ привѣ́тствовать хозя́евъ, кре́стятся предъ ико́ной и чита́ютъ про себя́ кра́ткую моли́тву. [13]Убра́нные, уста́вленные посу́дою. [14]Столы́, какъ ме́бель бо́лѣе ва́жная, на взглядъ крестья́нина, чѣ́мъ скамьи́, дѣ́лаются изъ болѣе доброка́чественнаго матеріа́ла: столы́ — дубо́вы, скамьи́—сосно́вы. [15]Приглашённые, т.-е. го́сти. [16]Тур., родъ тесьмы́. [17]То́нкая ткань изъ хло́пка. [18]Одѣ́тая, укра́шенная.

Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькаго[1].
Самъ хозяинъ за ней
Брагой хмельною[2]
Изъ ковшей[3] вырѣзныхъ[4]
Родныхъ потчуетъ[5].
А хозяйская дочь
Мёдомъ сыченымъ[6]
Обносила кругомъ
Съ лаской дѣвичьей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ[7]
Про хлѣба, про покосъ[8],
Про старинушку[9]:
„Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?“
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись[10],
Призатихъ говоръ,
шумъ
Въ тёмной горенкѣ.
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

б) Стихотворе́нія, изобража́ющія, го́ре крестья́нской жи́зни.

Не всегда́ жизнь крестья́нина течётъ такъ ве́село, не всегда́ трудъ его ведётъ къ дово́льству и сча́стію; иногда́ онъ приво́дитъ то́лько къ „тра́тѣ силъ“, къ разруше́нію здоро́вья, ничего́ не дава́я въ результа́тѣ, что ви́дно, напр., изъ стихотворе́нія:

IV. Разду́мье селяни́на[11].

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому,
Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,
Золотой казны[12],
Угла тёплаго[13],
Бороны, сохи,
Коня-пахаря[14]...
Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка[15]
Лишь одинъ таланъ,
Силу крѣпкую;
Да и ту какъ разъ
Нужда горькая[16]
По чужимъ людямъ
Всю истратила[17].
Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

Въ предыду́щемъ стихотворе́ніи селяни́нъ говори́тъ, что необходи́мость зараба́тывать хлѣбъ насу́щный наёмнымъ трудо́мъ, рабо́тою у чужи́хъ люде́й, „истра́тила его́ си́лу кре́пкую“. Изъ э́того уже́ доста́точ-

[1]Спи́ртнаго напи́тка. По ру́сскому обы́чаю, госте́й по́тчуетъ пре́жде всего́ хозя́ика, и при томъ обыкнове́нно хлѣ́бнымъ вино́мъ, т.-е. во́дкой. [2]Напи́токъ въ ро́дѣ пи́ва. [3]Ковшъ—деревя́нная кру́жка. [4]Вы́рѣзанныхъ, вы́точенныхъ изъ де́рева. [5]Угоща́етъ. Бра́гу пьютъ во вре́мя са́мой ѣды. Хозя́инъ, слѣд., угоща́етъ во вре́мя са́маго разга́ра пиру́шки. [6]Мёдъ, разба́вленный на спирту́ и осо́бымъ о́бразомъ приготовленный для питья́. [7]Говоря́тъ. [8]Про́ траву́, кормъ для скота́. [9]Про старину́; вспомина́ютъ было́е. [10]При́знакъ бли́зости разсвѣта. [11]Поселя́нина, крестья́нина. [12]Де́негъ. [13]До́ма, дома́шняго очага́, прію́та. [14]Рабо́чей ло́шади. [15]Оте́цъ. [16]Бѣ́дность, нужда́ въ сре́дствахъ къ жи́зни. [17]Бѣ́дность заста́вила рабо́тать, въ ка́чествѣ батрака́, слуги́ у чужи́хъ люде́й; благодаря́ тя́жести рабо́ты, „си́ла кре́пкая“ надломи́лась, „истра́тилась“.

но ви́дно, каково́ положе́ніе бѣдняка́ крестья́нина, попа́вшаго в услуже́ніе къ „чужи́мъ людя́мъ“. Ещё я́рче э́то положе́ніе бѣдняка въ ка́чествѣ рабо́тника у „чужи́хъ люде́й“, рису́ется въ стихотворе́ніи

V. До́ля[1] бѣдняка́.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ[2],
Брага хмельная
Неразымчива[3]!
Рѣчи вольныя
Всё какъ связаны[4];
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва[5]...
Изъ души ль порой
Радость вырвется—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится[6].
И бѣлъ, ясенъ день
Затуманится[7];
Грустью чёрною
Міръ одѣнется[8].
И сидишь, глядишь,
Улыбаючись[9],
А въ душѣ клянёшь
Долю горькую.

Гдѣ́ же причи́ны тако́го печа́льнаго положе́нія крестья́нина Что приво́дитъ его́ къ кра́йней нуждѣ́, выража́ющейся въ отсу́тствіе не то́лько прямы́хъ средствъ къ жи́зни („золото́й казны́“), но и ору дій, служа́щихъ къ добыва́нію э́тихъ средствъ („бороны́, сохи́, коня па́харя“), и заставля́ющей его́ итти́ въ наёмъ къ своему́ же бра́ту крестья́нину, до́ля кото́раго оказа́лась счастли́вѣе? Ча́сто къ тако́м положе́нію приво́дятъ крестья́нина ра́зныя неуда́чи въ жи́зни, въ ви́д неурожа́я, пожа́ра и проч. Тако́го ро́да жи́зненныя неуда́чи и ука́зы ваются въ стихотворе́ніи:

VI. Втора́я пѣ́сня[10] лихача́[11] кудря́вича[12].

Въ золотое[13] время
Хмелемъ[14] кудривьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся;
Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ изъ забота?
Полюбитъ забота—
Не чешетъ и гребень
Не родись въ сорочкѣ[15]

---

[1]Судьба́, у́часть. [2]У чужи́хъ люде́й и хлѣбъ-то, хотя́ бы сам по себѣ́ былъ и о́чень хоро́шъ („бѣ́лый“), невку́сенъ; у чужи́хъ люде́ такъ тяжело́ жить, что и пи́ща, како́го бы досто́инства она́ сама́ п себѣ́ ни́ была, не вызыва́етъ аппети́та. [3]Не́ возбужда́етъ весёлаг настрое́нія ду́ха, не опьяня́етъ. [4]Разгово́ръ съ чужи́ми людьми́ н кле́ится, натя́нутъ. [5]Чу́вствуешь себя́ одино́кимъ, не́ съ кѣ́мъ подѣ ли́ться чу́вствами. Какія мо́гутъ быть чу́вства? [6]Поро́й явля́ется ве сёлое настрое́ніе ду́ха, но вся́кое выраже́ніе э́того настрое́нія вызы ва́етъ въ окружа́ющихъ чужи́хъ лю́дяхъ не сочу́вствіе, а насмѣ́шку [7]И всё представля́ется въ мра́чномъ ви́дѣ; душо́ю овладѣва́етъ мра́ч ное настрое́ніе ду́ха. [8]Смыслъ то́тъ же. [9]Нар., улыба́ясь. [10]Кольцо́в написа́лъ два стихотворе́нія подъ загла́віемъ: „Пѣ́сня лихача́ кудря́ вича“. Въ пе́рвомъ стихотворе́ніи э́того загла́вія лиха́чъ кудря́вичъ ве́село смо́тритъ на жизнь. Онъ ещё мо́лодъ, не испыта́лъ жи́зне ныхъ невзго́дъ, всё въ жи́зни ему́ до сихъ поръ улыба́ется. Во вто ро́мъ стихотворе́ніи лиха́чъ кудря́вичъ, испыта́въ рядъ неуда́чъ в жи́зни, уже́ не такъ смо́тритъ на неё. [11]Человѣ́къ удало́й, бо́йкій [12]Кудря́вичъ—обл.: въ други́хъ мѣста́хъ Россіи говоря́тъ кудря́вец кудря́шъ, кудря́вчикъ. [13]Счастли́вое. [14]Родъ вью́щагося расте́нія. [15]С ро́чка—сбб. руба́ха; здѣсь—оболо́чка, въ кото́рой иногда́ рожда́ет ребёнокъ. Роди́ться въ соро́чкѣ, по наро́дному повѣ́рью, при́знакъ сча́сті

Не родись талантливъ[1];
Родись терпѣливымъ
И на всё готовымъ.
Вѣкъ прожить — не поле
Пройти за сохою;
Кручину[2], что[3] тучу,
Не уносить вѣтромъ.
Зла бѣда—не буря:
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбора.
Отъ ея напасти
Не уйти[4] на лыжахъ[5]:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ тёмномъ лѣсѣ сыщетъ.
Чуешь[6] только сердцемъ:
Придётъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку[7] съ тобою
Пойдётъ и поѣдетъ...
И щемитъ и ноетъ,
Болитъ ретивое[8].
Всё изъ рукъ вонъ[9] плохо,
Нѣтъ ни въ чёмъ удачи.
То скосило градомъ,
То сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и лёгокъ[10],
Никому не нуженъ...
Къ старикамъ на сходку
Выйти приневолятъ[11]—
Старыя лаптишки[12]
Безъ онучъ[13] обуешь,
Кафтанишко рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь[14],
Шапку нахлобучишь[15],
Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи...
Пусть не видятъ люди
Прожитого счастья.

Но часто также „нужда горькая“ происходитъ отъ лѣни, недостатка трудолюбія, какъ то и видно изъ стихотворенія:

VII. Что[16] ты спишь, мужичокъ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ[17] давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что[18] ты былъ и что сталъ
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати[19]
Изъ клѣтей[20] домовой[21]
Соръ метлою посмёлъ[22]
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развёлъ.
И подъ лавкой[23] сундукъ
Опрокинутъ лежитъ.

---

[1]Счастливъ. См. стр. 20,[5]. [2]Тоску. [3]Словно [4]Вм. нельзя уйти. [5]Дощечки, привязываемыя къ подошвамъ для движенія по крѣпко замёрзшему снѣгу. Передвиженіе на лыжахъ очень быстро. [6]Чувствуешь. [7]Рядомъ. [8]Подраз.: сердце. Ретивой—стремительный, горячій. [9]Очень. [10]Бѣденъ, лишёнъ всего. [11]Заставятъ. [12]Уменьш. отъ лапоть: обувь, обыкн. изъ лыкъ, охватывающая только ступню (лапу). [13]Обёртокъ. [14]Распрявишь. [15]Надѣнешь низко, почти на глаза. [16]Почему, отчего. [17]Обыкн.: работаютъ. [18]Чѣмъ. [19]Пусто, голо; нѣтъ никакихъ принадлежностей сельскаго хозяйства. Да и дворъ-то поросъ уже травою, вслѣдствіе отсутствія всякаго движенія на нёмъ. [20]Клѣть—а) холодная половина избы, безъ печи; б) отдѣльная избушка для поклажи, амбаръ, кладовая. [21]Домовой (дѣдушка)—сверхъестественное существо, обитающее, по суевѣрному представленію народа, въ каждомъ домѣ и покровительствующее живущимъ въ нёмъ. [22]Вымелъ. Въ клѣтяхъ и другихъ хозяйственныхъ постройкахъ совершенно пусто, рѣшительно ничего нѣтъ, нѣтъ даже сору (потому что ему и отъ чего произойти), словно домовой „посмёлъ“ его. [23]Подъ скамьёй.

И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.
Вспомни время своё[1],
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Зелтою рѣкой[2],
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой[3],
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ[4]!
И какъ двери ему[5]
Растворяли вездѣ,
И въ почётномъ углу
Было мѣсто твоё[6]!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою[7] сидишь
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ сиротой[8]
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ[9] зерно,
Птица клюетъ его!
Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ

Черезъ прясло[10] глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ тёплой шубѣ идётъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣды на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну[11],
Бражку[12] ковшикомъ[13] пьютъ.

в) Ра́зныя стихотворе́нія.

VIII. Л ѣ с ъ.

Что[14], дремучій[15] лѣсъ,
Призадумался,
Грустью тёмною
Затуманился[16]?
Что, Бова-силачъ[17],
Заколдованный[18],
Съ непокрытою[19]
Головой въ бою,
Ты стоишь, поникъ[20],
И не ратуешь[21]
Съ мимолётною[22]
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зелёный шлемъ[23]
Буйный[24] вихрь сорвалъ

---

[1]Вспо́мни счастли́вое вре́мя свое́, вспо́мни свое́ благополу́чіе, кото́рымъ ты по́льзовался не́когда. [2]Вспо́мни, какъ проводи́лъ ты свое́ вре́мя въ рабо́тѣ на поля́хъ и луга́хъ, кото́рая приноси́ла тебѣ́ больши́е барыши́ („золоте́ю рѣко́й"). [3]По торго́вой доро́гѣ. [4]По купца́мъ. Вспо́мни, какъ вы́годно продава́лъ ты хлѣ́бъ купца́мъ въ города́хъ и торго́выхъ се́лахъ. [5]Со́б.: твоему́ вре́мени, т.-е. тебѣ́, когда́ ты былъ дѣ́ятеленъ и зажи́точенъ. [6]Ока́зывали тебѣ́ почётъ, уваже́ніе. Вспо́мни, какъ ра́ды бы́ли всѣ́ твоему́ посѣще́нію и како́й ока́зывали тебѣ́ почётъ. [7]Съ бѣ́дностью; сидя́шь съ созна́ніемъ нужды́, бѣ́дности. [8]Хлѣ́бъ стои́тъ нескошенъ, оста́вшись на по́лѣ одино́кимъ, сло́вно сирота́, такъ какъ круго́мъ всѣ́ хлѣба́ сжа́ты. [9]Су́шитъ. [10]Часть и́згороди, забо́ра, дѣ́лаемаго изъ же́рдей, переклади́нъ; отъ же́рди до же́рди. [11]Де́ньги. [12]Уменьш. отъ бра́га. [13]Уменьш. отъ ковшъ. [14]Отчего́, почему́. [15]Со́б.: дре́млющій; густо́й, большо́й, ста́рый. [16]Смо́тришь гру́стнымъ, уны́лымъ. [17]Дѣ́йствующее лицо́ ру́сской наро́дной ска́зки, составля́ющей передѣ́лку одного́ италіа́нскаго разска́за. [18]Заворожённый, очаро́ванный. [19]Намѣ́къ на го́лые су́чья дере́вьевъ. [20]Со́б.: наклони́лъ го́лову; знакъ печа́ли. [21]Не воюешь. [22]Съ летя́щей, бы́стро несу́щеюся ми́мо. [23]Металли́ческій головно́й убо́ръ; употребля́лся въ старину́ для защи́ты головы́ отъ уда́ра копья́, стрѣлы́ или́ меча́; съ введе́ніемъ огнестрѣ́льнаго ору́жія, шлемъ вы́шелъ изъ употребле́нія. [24]Свире́пый, си́льный.

И разсѣялъ въ прахъ;
Ялащъ[1] упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь.
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая[2],
Сила гордая,
Доблесть[3] царская?
У тебя ль было—
Въ ночь безмолвную[4]
Заливная пѣснь[5]
Соловьиная...
У тебя ль было—
Дни—роскошество[6]:
Другъ и недругъ твой
Прохлаждаются...
У тебя ль было—
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.

Распахнётъ она
Тучу чёрную,
Обоймётъ тебя
Вѣтромъ-холодомъ,
И ты молвишь[7] ей
Шумнымъ голосомъ:
„Вороти назадъ!
Держи около!“...
Закружитъ она,
Разыграется...
Дрогнетъ грудь твоя,
Зашатается.
Встрепенувшися,
Разбушуешься;
Только свистъ кругомъ,
Голоса и гулъ.
Буря всплачется
Лѣшимъ, вѣдьмою[8]
И несётъ свои
Тучи за море...
Гдѣ жъ теперь твоя
Мочь[9] зелёная?

Почернѣлъ ты весь,
Затуманился,
Одичалъ, замолкъ;
Только въ непогодь[10]
Воешь жалобу
На безвременье[11].
Такъ-то, тёмный лѣсъ,
Богатырь[12] Бова,
Всю ты жизнь свою
Маялъ[13] битвами;
Не осилили
Тебя сильные,
Такъ дорѣзала
Осень чёрная.
Знать[14], во время сна,
Къ безоружному
Силы вражія[15]
Понахлынули;
Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломинкой[16]...

IX. Косáрь.

Не возьму я въ толкъ[17],
Не придумаю...
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ,вънесчастный день
Въ безталанный[18] часъ,

Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ[19],
У меня ль[20] плечо
Шире дѣдова;
Грудь высокая—
Моей матушки;

На лицѣ моёмъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю[21] красную;
Кудри чёрные
Лежатъ скобкою;

---

[1]Со́б.: широ́кая ве́рхняя наки́дка; вообще́ дли́нное, просто́рное ве́рхнее пла́тье. Здѣсь подъ плащо́мъ что разумѣется? [2]Что разумѣется подъ „рѣчью высо́кою“ лѣса? Почему́ рѣчь на́звана высо́кою? [3]Стр., му́жество, сто́йкость, благоро́дство, вы́сшая добродѣтель. [4]Ти́хую. [5]Зво́нкая. [6]Ро́скошь; у тебя́ когда́-то днёмъ была́ ро́скошь. [7]Ска́жешь. [8]Колду́нья, чародѣйка, же́нщина, познава́шаяся съ нечи́стою си́лою (Наро́дное суевѣ́рiе). [9]Си́ла. [10]Въ непого́ду. [11]Непого́да, нена́стье. [12]Сила́чъ. [13]Ма́ять—со́б.: мори́ть, му́чить, утомля́ть; ма́яться, ма́ять жизнь=му́читься, жить въ го́рѣ, въ забо́тахъ, безпрерывныхъ труда́хъ. [14]Ви́дно, должно́ быть. [15]Си́лы врагóвъ; враги́. [16]Поко́нчили съ тобо́й о́чень легко́.—[17]Не пойму́. [18]Несча́стный. [19]См. примѣч. къ „Пѣснѣ лихача́ кудря́вича“. [20]Не имѣетъ значе́нія вопроси́тельной части́цы; въ наро́дномъ языкѣ употребля́ется для украше́нія рѣчи, безъ осо́баго значе́нія. [21]Нар., зарю́. У меня́ лицо́—кровь съ молоко́мъ.

Что работаю,
Всё мнѣ спорится[1].
Да, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью
Я за Грунюшку[2],
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ[3],
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку,
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю...
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера...
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью!
Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её,
И прости-прощай[4],
Село родное[5]!
Не плачь, Грунюшка:
Косой вострою[6]

Не подрѣжусь я...
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдётъ молодецъ.
Что[7] внизъ по Дону,
По набережью[8],
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки[9];
Степь раздольная
Далеко вокругъ
Широко лежитъ,
Ковылемъ[10] травой
Разстилается!..
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Чёрному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришёлъ:
Я пришелъ самъ-другъ[11]
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной
Вдоль и поперекъ
Съ ней хотѣлося...

Разгудись[12], плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, наволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава,
Подкошоная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Какъ по Грунѣ я
Сохну, молодецъ!
Нагребу копёнъ,
Намечу стоговъ:
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршня.
Я вашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село
Прямо къ старостѣ
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной!

X. Ночлегъ чумаковъ[13].

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины[14] привольной.
Въ степи и пасмурно и тёмно:

Ни звѣздъ блестящихъ ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,

---

[1]Удаётся. [2]Уменьш.: отъ Аграфёна. [3]Бранное выраженіе; старикъ. [4]Сказано по-народному, два слова вм. одного. [5]Обыкн.: родное. [6]Нар., острою. [7]Употреблено безъ особ. значенія, для украшенія рѣчи. [8]По побережью. [9]Деревни. [10]Родъ степной травы. [11]Вдвоёмъ. [12]Разгудиться—раззадориться, возыметь сильное желаніе что-либо сдѣлать.—[13]Такъ называются въ Малороссіи ломовые извозчики на волахъ. Въ старину чумаки возили въ города, по сѣверному берегу Чёрнаго моря, зерновой хлѣбъ изъ Малороссіи, для отправленія за границу. [14]Малороссіи.

И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ.
Между возовъ огонь горитъ;
На таганѣ[1] котёлъ виситъ;
Чумакъ раздѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За табором невдалекѣ
Волы усталые пасутся;
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнёмъ въ кружкѣ
Хохлы[2] чумазые[3], сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простёршись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.

Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ тамъ развлечены?
Бывало, часто ночью тёмной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной...
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли[4]...
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя[5] сыновъ...
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны!..

XI. Могила.

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый,
И насыпь свѣжа,
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ
И свѣжею кровью,
Горячею, брызнулъ
На русскую быль[6]?
Или молодая
Жница, поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его,
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ[7]
Положёнъ[8] дитя?...
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку[9]
Перекати-поле[10];
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!...

Д. Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ

(1822—1899)

родился въ Симбирской губ., въ одной изъ приволжскихъ деревень. Отецъ

---

[1]Треножникъ, на которомъ виситъ надъ огнёмъ котёлъ. [2]Народное названіе малороссовъ. [3]Смуглые. [4]Дудки. [5]Старин. род. падежъ един. числа.—[6]Нар., траву. [7]Василекъ—цвѣтокъ голубого цвѣта. [8]Нар., вм. положено. [9]Травку. [10]Растеніе, имѣющее со стволомъ и вѣтками шарообразную форму, вслѣдствіе чего легко перекатывается вѣтромъ по полю на далёкое разстояніе.

его́ былъ дворяни́нъ-помѣ́щикъ. Въ дѣ́тствѣ Г-чъ имѣ́лъ возможность наблюда́ть жизнь крестья́нъ и хорошо́ познако́мился съ не́ю. Поэ́тому-то во мно́гихъ свои́хъ сочине́ніяхъ онъ и изобража́етъ э́ту жизнь. Образова́ніе Г-чъ получи́лъ въ Петербу́ргѣ, въ Инжене́рномъ учи́лищѣ. Изъ учи́лища онъ вы́шелъ ра́ньше оконча́нія ку́рса. Какъ писа́тель, Г-чъ сталъ извѣ́стенъ съ 1843 го́да. Въ э́томъ году́ въ одно́мъ петербу́ргскомъ журна́лѣ была́ помѣщена́ пе́рвая его́ по́вѣсть: „Дере́вня". Григоро́вичъ у́меръ 22 декабря́ 1899 го́да въ Петербу́ргѣ.

1. П а́ х а р ь.

1. **Ма́йскій ве́черъ.** Наступа́ло вре́мя, когда́, по́слѣ до́лгой зимы́ поселя́нинъ сно́ва выѣзжа́етъ въ по́ле. Наступа́ло вре́мя пе́рвой па́хоты и пе́рваго посѣ́ва. Я отпра́вился въ по́ле. Ве́черъ былъ чуде́сный. Кру́глыя облака́ опа́ловаго[1] цвѣ́та, съ бѣ́лыми сверка́ющими краями́, какъ бы вы́кованными изъ свѣ́тлой же́сти, почти́ недви́жно стоя́ли въ не́бѣ. Окре́стность наполня́лась ра́достнымъ сія́ніемъ. Ли́стья оконча́тельно распусти́лись, и зе́лень блиста́ла повсю́ду. У опу́шекъ рощъ ча́сто попада́лись фіа́лки и ла́ндыши. Блѣ́дно-ро́зовые и бѣ́лые колоко́льчики[2] повили́ки, кото́рая, съ пе́рвымъ дуновѣ́ніемъ весе́ннягo вѣ́тра, бы́стро переплета́етъ ста́рое жни́вье[3], начина́ли пестри́ть поля́ и разлива́ли въ недви́жномъ во́здухѣ то́нкій минда́льный за́пахъ. Со́лнце, несмотря́ на пе́рвые дни ма́я и пя́тый часъ ве́чера, пекло́ какъ въ ію́лѣ.

2. **Видъ окре́стности съ верши́ны горы́.** Меня́ не пуга́ли ни жаръ ни да́льность растоя́нія. Поля́, куда́ я направля́лся, счита́ются у насъ са́мыми отдалёнными отъ жилья́. По́слѣ моста́ доро́га пошла́ то́тчасъ же въ го́ру. Волни́стые ска́ты горы́ составля́ютъ пра́вый бокъ зеленѣ́ющей, живопи́сной доли́ны. На днѣ ея́ полукру́глыми изви́линами блести́тъ рѣ́чка. Верши́ны э́тихъ ска́товъ позволя́ютъ обозрѣва́ть всю окре́стность. Окре́стность откры́лась, какъ на ладо́ни. Дере́вня, каза́лась по́длѣ са́маго моста́. Холмъ и берёзовая ро́щица каза́лись примыка́вшими тепе́рь къ дере́внѣ. Всё принима́ло тепе́рь видъ тѣ́хъ игру́шекъ, гдѣ сте́бли мха изобража́ютъ дере́вья, кусо́чки зе́ркала—рѣ́чку. Овцы, разсы́панныя по лу́гу, на днѣ доли́ны, мелка́ли какъ бѣ́лыя кра́пины, кото́рыя то сверка́ли на со́лнцѣ, то исчеза́ли посреди́ дли́нныхъ тѣ́ней, броса́емыхъ облака́ми. Горизо́нтъ замыка́лся то́лько не́бомъ и слѣ́ва опу́шками рощъ, кото́рыя спуска́лись въ доли́ну. Облака́ на да́льнемъ горизо́нтѣ выходи́ли какъ бу́дто изъ земли́.

3. **Въ по́лѣ.** По мѣ́рѣ того́, какъ я подвига́лся впередъ, вѣ́теръ дѣ́лался замѣ́тнѣе. Кри́ки: „Во́взлѣ, во́взлѣ", кото́рыми па́хари понука́ютъ ло́шадь, заставля́я её въ то́ же вре́мя итти́ по́длѣ сосѣ́дней борозды́,

---

[1]Опа́лъ—драгоцѣ́нный ка́мень бѣ́лаго цвѣ́та, съ ра́дужнымъ отли́вомъ. [2]Цвѣты́. [3]Сте́бли хлѣ́бныхъ расте́ній, оста́вшихся на корню́ по́слѣ жа́твы.

доходи́ли я́вственнѣе. Вскорѣ пе́редо мной совсѣмъ откры́лось по́ле, обли́тое со́лнцемъ и оживлённое па́харями, лошадьми́, подво́дами[1], глухи́мъ жужжа́ньемъ насѣко́мыхъ и жа́воронками, кото́рые неумолка́емо залива́лись въ не́бѣ. Доро́га вела́ въ са́мую середи́ну поле́й. На всёмъ протяже́ніи они́ перерѣзывались ро́вными десяти́нами. Пересо́хшія расте́нія и ко́рни, вы́хваченные зу́бьями сохи́, мѣста́ми покрыва́ли межи́. Мѣста́ми межи́ рѣзко отдѣля́лись зе́ленью молоде́нькой тра́вки отъ кори́чневой, то́лько что вспа́ханной по́чвы, исполосо́ванной свѣ́жими бороза́ми. Земляны́я испаре́нія перелива́лись въ во́здухѣ, сообща́я осо́бенную каку́ю-то мя́гкость всѣмъ предме́тамъ, жа́рко обли́тымъ со́лнцемъ. На углу́ почти́ ка́ждой ни́вы стоя́ла распря́женная телѣ́га съ овсо́мъ. Въ сторонѣ́, немно́го пода́ль, виднѣ́лись па́хари.

4. **Па́хота и посѣ́въ.** Впереди́ всѣхъ шёлъ всегда́ сѣ́ятель. То былъ бо́льшею ча́стью челове́къ прекло́нный, оте́цъ или́ дѣ́дъ. Къ концу́ъ верёвки, переки́нутой че́резъ плечо́ сѣ́ятеля, прикрѣпля́лось рѣшето́ или́ ку́зовъ, напо́лненный зерно́мъ. Выступа́я поко́йнымъ, сде́ржаннымъ ша́гомъ впередъ, стари́къ то-и-дѣ́ло[2] опуска́лъ ру́ку въ ку́зовъ, простира́лъ её пото́мъ по во́здуху и ра́зомъ выпуска́лъ зёрна, кото́рыя разсыпа́лись всегда́ ро́внымъ полукру́гомъ. Постепе́нно удаля́ясь и исчеза́я въ со́лнечномъ сія́ніи, сѣ́ятель уступа́лъ доро́гу сы́ну или́ вну́ку, кото́рый управля́лъ соха́ю и закрыва́лъ землёю разбро́санныя зёрна. За нимъ, звеня́ и подпры́гивая, тащи́лась борона́ съ прицѣпи́вшимися къ ея́ зу́бьямъ комка́ми косма́тыхъ травъ и корне́й. Ло́шадью пра́вилъ обыкнове́нно ма́льчикъ. Иногда́ ло́шадь, е́сли то́лько она́ была́ ста́рая, привы́чная къ рабо́тѣ коба́ылка, шла сама́ собо́ю. Но э́тимъ ещё не ока́нчивалось шествіе: за ка́ждой боронóй летѣ́ла въ безпоря́дкѣ ста́я га́локъ, грачёй, си́зыхъ и бѣ́лыхъ голубе́й. Они́, каза́лось, совсѣ́мъ свы́клись съ людьми́ и лошадьми́: то жа́дно припада́я къ землѣ́, то взлета́я на во́здухъ, что́бы подра́ться за червячка́, пти́цы слѣ́довали всё вре́мя за боронóю, нима́ло не пуга́ясь крика́ и свиста́ па́харей. Всё по́ле усѣ́яно бы́ло пти́цами.

5. **Одино́кій па́харь.** Переходя́ отъ одно́й ни́вы къ другóй, я незамѣ́тно приближа́ился къ опу́шкѣ послѣ́дней ро́щи. Тутъ ока́нчивалось по́ле. Послѣ́дняя десяти́на склони́лась да́же нѣ́сколько по ска́ту. Защищённая отъ со́лнца ро́щею, кото́рая обступа́ла её полукру́гомъ, она́ наполови́ну уже́ покры́лась зубча́тою тѣ́нью. Издали я уви́дѣлъ на ней одино́каго па́харя. Онъ рабо́талъ совершённо оди́нъ: самъ сѣ́ялъ, самъ борони́лъ, самъ управля́лся съ соха́ю. Я удиви́лся ещё бо́льше, когда́ подошёлъ бли́же. Па́харь принадлежа́лъ къ дово́льно многочи́сленному семе́йству. Осо́бенно стра́ннымъ каза́лось мнѣ, что съ нимъ не́ было его́

[1]Телѣ́гами. [2]То́лько.

отца́. Пе́рвый весе́нній сѣ́въ по́льзуется въ простонаро́дьѣ осо́бымъ почётомъ: имъ преиму́щественно управля́ютъ старики́. Про́шлый ещё годъ я ви́дѣлъ старика́ на э́той са́мой ни́вѣ и въ э́то же са́мое вре́мя. Одино́чество молодо́го па́рня бы́ло для меня́ необъясни́мо: вся семья́ его́ слы́ла[1] въ около́дкѣ одно́ю изъ са́мыхъ забо́тливыхъ, дѣ́ятельныхъ въ полевы́хъ рабо́тахъ. Я оста́вилъ межу́, пошёлъ по́лемъ и че́резъ не́сколько мину́тъ былъ по́длѣ па́харя.

6. **Саве́лій.** Его́ зва́ли Саве́ліемъ. Это былъ па́рень ещё молодо́й, лѣ́тъ тридца́ти, высо́кій, смугло́й, съ пра́вильнымъ, продолгова́тымъ лицо́мъ и кудря́выми ру́сыми волоса́ми. На видъ онъ не каза́лся очень пло́тнымъ. Но разстегну́тый во́ротъ его́ бѣ́лой руба́хи выка́зывалъ широ́кую, кре́пкую грудь, уже тро́нутую загаро́мъ на томъ мѣ́стѣ, гдѣ застёгивался во́ротъ. Плечи его́ и му́скулы рукъ богаты́рски круглі́лись. Че́резъ плечо́ его́ висѣ́лъ на верёвкѣ большо́й ку́зовъ, по́лный зерна́. Но онъ держа́лъ его́ съ таки́мъ ви́домъ, какъ бу́дто не зналъ, что тако́е тя́жесть. Кори́чневые глаза́ его́ гляде́ли споко́йно, но пря́мо, откровѣ́нно. Вся фигу́ра его́ краси́во рисова́лась пе́редъ ро́щей. Я подошёлъ къ нему́ въ ту мину́ту, какъ онъ забро́силъ во́жжи на спи́ну ло́шади и гото́вился сѣ́сть.

7. **Отчего́ Саве́лій былъ оди́нъ.**—Что жъ э́то старика́-то не ви́дно? гдѣ́ онъ? спроси́лъ я.—Стари́къ до́ма, лежи́тъ, возрази́лъ па́харь, дѣ́лая шагъ впередъ.—Что жъ такъ?—Всё хвора́етъ, сказа́лъ онъ. Я освѣ́домился, почему́, наконе́цъ, братъ не вы́ѣхалъ въ по́ле, не получи́лъ въ отвѣ́тъ, что братъ оста́лся съ больны́мъ отцо́мъ.—Ему́ съ са́мой весны́ всё что́-то нездоро́вится, подхвати́лъ[2] Саве́лій: а въ э́ти три дня нашъ стари́къ совсѣ́мъ слёгъ... Очень опаса́емся: всё ду́мается, не встать ему́, человѣ́къ дре́вній... до́лго ли! Вотъ ужъ тре́тій день не ѣ́стъ, не пьётъ, сло́ва не вы́говоритъ, всё лежи́тъ! то́лько что вотъ вздохнётъ ино́й разъ. Госпо́дь зна́етъ, что тако́е, заключи́лъ онъ, отводя́ руко́ю ку́зовъ съ зерно́мъ и потупля́я[3] го́лову. Мнѣ то́тчасъ же предста́вилось, что старика́ уда́рилъ парали́чъ. Вѣроя́тно, по обыкнове́нію своему́, онъ сли́шкомъ горячо́ припа́лъ къ рабо́тѣ. Спѣша́ула́дить ра́зомъ многочи́сленныя дѣла́, кото́рыя па́даютъ весно́ю на простолюди́на, онъ надорва́лъ старико́вскія свои́ си́лы.

8. **Любо́вь старика́ къ полевы́мъ рабо́тамъ.** Ива́нъ Они́симовичъ, или́ про́сто Они́симычъ (такъ зва́ли старика́), принадлежа́лъ къ числу́ тѣ́хъ трудолюби́выхъ, дѣловы́хъ па́харей ста́раго вѣ́ка, кото́рые, къ велича́йшему сожалѣ́нію, перево́дятся годъ о́тъ году. Осо́бенно рѣ́дко тепе́рь встрѣча́ются они́ въ на́шихъ мѣста́хъ. По мѣ́рѣ того́, какъ развива́лся

[1]Была́ извѣ́стна.—[2]Сталъ продолжа́ть прерванную рѣ́чь. [3]Опуска́я

у насъ фабри́чный про́мыселъ, воздѣ́лываніе поле́й приходи́ло въ упа́докъ. Въ послѣ́дніе го́ды оди́нъ Они́симычъ исключи́тельно, мо́жно сказа́ть, жилъ свои́мъ по́лемъ. Его́ не сокруша́ли[1] да́же неурожа́йные го́ды. Онъ продолжа́лъ паха́ть, броня́ть и сѣ́ять да́же въ то вре́мя, когда́ фа́брики ста́ли приноси́ть очеви́дныя вы́годы про́тивъ па́шни[2]. Но́ не упря́мство управля́ло имъ, не закосне́лая привы́чка къ ста́рому прадѣ́довскому ремеслу́; не управля́ли имъ та́кже ра́счётъ и то́нкая смѣ́тливость. Мнѣ́ сказывали, онъ счита́лъ да́же грѣ́шнымъ дѣ́ломъ впередъ зага́дывать. „Что бу́детъ, то всё въ ру́цѣ[3] Го́спода: слова́ми ли́бо ду́мой тутъ не помо́жешь“, говори́лъ онъ. Стари́къ не разстава́лся съ поля́ми потому́ то́лько, ка́жется, что сы́кся съ ни́ми и ши́бко[4] къ нимъ привяза́лся. Мудрёнаго нѣ́тъ[5], онъ на́чалъ привыка́ть къ нимъ ещё въ то вре́мя, когда́ поко́йная его́ мать, отправля́ясь на жни́тво[6], носи́ла его́ туда́ въ лю́лькѣ[7]. А э́то бы́ло о́чень давно́: Они́симычъ доживалъ уже́ тепе́рь восьмо́й деся́токъ.

9. Какъ относи́лся стари́къ къ фабри́чному ремеслу́. Меня́ осо́бенно поража́ли въ нёмъ всегда́ необыча́йная кро́тость нра́ва, чистота́ по́мысловъ и благоче́стіе. Еди́нственная вещь, быть мо́жетъ, кото́рой не люби́лъ онъ, бы́ло митка́левое[8] произво́дство. Но никогда́ одна́кожъ не относи́лся онъ съ насмѣ́шкой, зло́бой или́ пренебреже́ніемъ, когда́ рѣчь заходи́ла объ э́томъ предме́тѣ. Онъ, по́мнится, покру́чивалъ то́лько сѣ́дою голово́ю и говори́лъ: „Худо́е ремесло́ то, когда́ ничего́ не дѣ́лаешь. Коли́ человѣ́къ ко́рмится фа́бриками, ста́ло[9], и въ нихъ прокъ* есть. Нехороша́ то́лько жизнь фабри́чная; вотъ что похвали́ть нельзя́; нехороши́ э́ти гуля́нки да кабаки́ да пища́лки э́ти (такъ называ́лъ онъ гармо́ніи[10])“. Они́симычъ дока́зывалъ на дѣ́лѣ, какъ ма́ло имѣ́лъ пристра́стія къ де́нежному барышу́. Когда́ заводи́лся ли́шній грошъ, онъ спѣши́лъ приня́ть ли́шней земли́, употребля́лъ его на поку́пку како́й-нибу́дь сна́сти[11] или́ на попра́вку дома́шней хозя́йственной принадле́жности. Во всёмъ около́токъ дѣ́ти, моло́же да́же восьми́ лѣ́тъ, занима́лись размо́ткою бума́ги[12] и достава́ли э́той работой „на соль“, какъ выража́лись отцы́ ихъ. Они́симычъ слы́шать не хотѣ́лъ объ э́томъ. Ребяти́шки его́ по́льзовались по́лной свобо́дой бѣ́гать по поля́мъ и ро́щамъ. На четы́рнадцатомъ году́ одна́кожъ ста́ршій братъ Саве́лія ло́вко уже́ управля́лъ сохо́ю и никогда́ не по́ртилъ борозды́.

10. Безкоры́стіе ста́раго па́харя. И не разстра́ивался ка́къ-то Они́симычъ, несмотря́ на неурожа́йные го́ды, несмотря́ на добровольное

---

[1] Не приводи́ли въ отча́яніе. [2]Хлѣбопа́шества. [3]Стр., въ рукѣ́; во вла́сти. [4]Бы́стро. [5]Неудиви́тельно. [6]Жа́тву. [7]Колыбе́ли.—[8]Родъ бума́жной матеріи, си́тецъ. [9]Ста́ло быть. *По́льза. [10]Родъ музыка́льнаго инструме́нта. [11]Одного́ ко́рня съ на́до; принадле́жность чего́-ли́бо; ору́діе, снаря́дъ. [12]Хлопча́то-бума́жной.

лишéніе выгодъ, котóрыя могли́ достáвить ему́ фáбрики. Соблюдáя строгій хозя́йственный порáдокъ, живя́ прóсто, неприхотли́во, онъ ни въ чёмъ никогдá не нуждáлся; онъ находи́лъ дáже спóсобъ быть запáсливымъ[1]. Чáсто дáже доводи́лось[2] зажи́точнымъ[3] крестья́намъ занимáть у негó муку́ и зёрна на посéвъ. Въ э́тихъ слу́чаяхъ, нáдо замéтить, стари́къ оказывался всегдá óчень „крéпкимъ[4]“. Человéкъ безпу́тный, не трéзвый не вы́манилъ бы у негó кускá льду зимóю. Онъ не давáлъ взаймы́ безъ разбóра; но когдá случáлось ссужáть сосéда, то дéлалъ э́то, никогдá не трéбуя вознагражде́нія. Стáрому пáхарю чáсто предлагали отдáть долгъ съ изли́шкомъ[5], лишь бы тóлько смягчи́ть егó; онъ всегдá отказывался. Ему́ выставля́ли на видъ, что éслибъ онъ бралъ ли́шки[6] съ должникóвъ, то въ скóромъ бы врéмени обогати́лся. Но такія рéчи встрéчали всякій разъ въ пáхарѣ сáмое пóлное равнодýшіе; онъ слýшалъ ихъ, какъ бýдто онѣ вóвсе не къ нему́ относи́лись. Отвéтъ егó былъ постоя́нно одинъ и тóтъ же. „Я дéнегъ не даю́“, говори́лъ онъ, „дéнегъ у меня́ нéтъ; я хлѣбъ даю́... коли́ есть; хлѣбъ—даръ Бóжій!... Госпóдь съ насъ процентóвъ не берéтъ; стáло и намъ грѣхъ, не прихóдится... Хлѣбъ—дѣло святóе, не то, что дéньги; дéньги отъ человѣка: онъ ихъ вы́думалъ, онъ ихъ и дѣлаетъ“.

11. **Опытность старика́ въ хозя́йственномъ дѣлѣ.** Они́симычъ слылъ мастакóмъ[7] во всякомъ хозя́йственномъ дѣлѣ. Зна́ніе егó, соединённое съ услýжливостью и необыкновéнною терпи́мостью нра́ва, бы́ло причи́ною, что чáсто такóе также прибѣгали къ нему́ съ прóсьбами другóго рóда. Къ нему́ ходи́ли за совѣтомъ. Встрéчалась ли сосéду нáдобность купи́ть корóву и лóшадь, Они́симычъ дóлженъ былъ прéжде осмотрéть живóтное: приговóръ старика́ рѣша́лъ тотчáсъ же дѣло. Трéбовалось ли соорудúть нóвую снасть, купи́ть тóпливо на́ зиму или лѣсу на избý,—опя́ть обращáлись къ егó опытности. Во всёмъ, что касáлось полевы́хъ работъ, Они́симыча слýшали, какъ орáкула[8]. Гля́дя на то, что онъ дѣлалъ, дѣлали и другіе: онъ вы́ѣзжа́лъ сѣять—вся вóтчина[9] сѣяла; онъ не коси́лъ—никтó не бралъ косы́, хотя́ бы дáже минýли Петрóвки[10]. „Они́симычъ разсáду[11] сажáть вы́ѣхалъ: стáло[12], врéмя!“ говори́ли бáбы. И тóчно, лýчше старика́ никтó не могъ знать о врéмени жни́тва и посѣва, о свóйствахъ земли́ и зёренъ. Бóлѣе шести́десяти лѣтъ прожи́лъ онъ въ поля́хъ; постепéнно, годъ за́ годъ, онъ сроднялся тѣснѣе съ пóчвой.

---

[1]Запáсливый—кто наклóненъ, умѣетъ запасáть, припасать что-ли́бо. [2]Приходи́лось. [3]Богáтымъ. [4]Не поддающимся прóсьбамъ. [5]Съ процéнтомъ. [6]Процéнты.—[7]Мáстеръ. [8]Предсказáтеля. [9]Дерéвня. [10]Петрóвъ постъ, отъ 1 до 29 іюня. [11] Такъ называются посѣянныя въ парникѣ растéнія, разсáживаемыя, пóслѣ того́ какъ нѣсколько подрастýтъ, на открытомъ мѣстѣ. [12]Стáло быть.

12. Примѣты. У него́ на всё бы́ли свои́ приме́ты. Они́, на́до пола́ть, постоя́нно опра́вдывались въ продолже́ніе це́лыхъ шести́десяти лѣтъ: онъ сле́по имъ ве́рилъ! Разъ, по́мнится мнѣ, всю весну́ ли́ли безпрерывные дожди́; земля́ въ поля́хъ размо́кла, какъ кисе́ль; круго́мъ ста́ли опаса́ться за ко́рень ярово́го[1] хлѣба. Не унива́лъ оди́нъ Они́симычъ. Онъ утверди́тельно говори́лъ, что лѣто бу́детъ ве́дреное[2] и всё вы́сушитъ, всё попра́витъ. Друго́го объясне́нія не́ было, какъ то, что въ день апо́стола Іа́кова (30-го апрѣля) со́лнце взошло́ въ я́сномъ, безо́блачномъ не́бѣ и весь день не ви́дно бы́ло ни одно́й ту́чки. Стари́къ присоедини́лъ къ э́тому ещё другу́ю приме́ту: онъ наблюда́лъ вскры́тіе рѣки́. Рѣка́ вскры́лась ра́но и дру́жно[3], а, по слова́мъ его́, э́то служи́ло несомнѣ́ннымъ зна́комъ благополу́чнаго лѣта. Предсказа́ніе его́ оправда́лось, какъ нельзя́ лу́чше. Осно́вываясь на приме́тахъ, онъ почти́ всегда́ вѣ́рно уга́дывалъ о злой и счастли́вой судьбѣ́, кото́рая ожида́ла поселя́нина въ по́лѣ. По́мня день, когда́ на́чалъ завя́зываться пе́рвый ко́лосъ, онъ безоши́бочно высчи́тывалъ день въ день всѣ́ періоды произраста́нія хлѣба и всегда́ вѣ́рно опредѣля́лъ срокъ жа́твы. — Что ты, Они́симычъ, на лугъ-то уста́вился[4]? шутли́во за́чалъ[5] сосѣ́дъ: лошаде́й, что-ли высма́триваешь?—Нѣтъ, на гусе́й гляжу́.—А что? — Да всё что́-то на одну́ но́гу стано́вятся: на́до быть[6], ско́ро снѣжо́къ вы́падетъ!.. Вонъ та́кже и журавли́ вишь, какъ ни́зко летя́тъ. По всему́ сдаётся*, ра́но зима́ ста́нетъ. Ино́й разъ ра́достно ожида́лъ онъ тёплую весну́. „Былъ я въ по́лѣ“, говори́лъ онъ: „ни одного́ грача́ не ви́дно; а ужъ давно́ прилетѣ́ли! пря́мо, зна́читъ, на гнѣзда свои́ се́ли: тепло́, зна́читъ, чу́ютъ, торо́пятся дѣте́й выводи́ть“. Стои́тъ ино́й разъ за́суха, вся дере́вня носъ повѣ́сила[7]; Они́симычъ хо́дитъ, быва́ло, всѣхъ ободря́етъ. Полага́ясь на каку́ю-нибу́дь приме́ту, онъ ве́село погля́дываетъ на ни́вы, пали́мыя со́лнцемъ. Одни́мъ сло́вомъ, приме́ты э́ти наполня́ли жизнь его́, онѣ́ управля́ли ка́ждымъ его́ дѣ́йствіемъ. Не бра́лся онъ ни за како́е дѣ́ло, не посовѣ́товавшись снача́ла со зна́меніями[8], кото́рыя приро́да, какъ нѣ́жная мать, забо́тливо разсыпа́етъ по лицу́ своему́ въ назида́ніе[9] человѣ́ку, отда́вшему ей своё существова́ніе.

13. Уваже́ніе къ старику́ ми́ра*. Они́симычъ никогда́ не́ былъ ни ста́ростой ни да́же со́тскимъ[10]. Онъ, какъ особенной ми́лости, проси́лъ всегда́, чтобъ изба́вили его́ отъ вся́кой почётной до́лжности. При всёмъ томъ, его́ почита́ли и слу́шали бо́льше да́же, чѣмъ нача́ль-

---

[1]Сѣ́маго весно́ю, а не о́сенью. [2]Отлича́ющееся хоро́шею погодой. [3]Бы́стро. [4]Устреми́лъ глаза́. [5]На́чалъ. [6]Слѣ́довательно. *Ка́жется. [7]Пріуны́ла. [8]При́знаками, приме́тами. [9]Наставле́ніе, поуче́ніе. *Дере́вни. [10]Одного́ ко́рня съ сто; со́б., нача́льникъ со́тни; разсы́льные въ деревня́хъ называ́ются со́тскими.

никовъ, которые избира́лись ми́ромъ[1]. Въ дереве́нскомъ быту́[2] нравственныя ка́чества такъ же хорошо́ взвѣ́шиваются, какъ и въ образо́ванномъ сосло́віи. Въ ка́ждомъ углу́ разсчи́тываютъ посту́пки ка́ждаго, разбира́ютъ, кто съ кѣ́мъ въ родствѣ́, почему́ лу́чше отда́ть дочь за́мужъ въ тако́й-то домъ или́ взять таку́ю-то для сы́на, и всё э́то не въ одно́мъ де́нежномъ смы́слѣ. Не́ было приме́ра, чтобы мірска́я схо́дка обходи́лась безъ Они́симыча. А ме́жду тѣ́мъ онъ стоя́лъ въ како́мъ-то исключи́тельномъ положе́ніи, какъ па́харь въ фабри́чной дере́внѣ; не́ былъ ни осо́бенно бога́тъ, ни си́ленъ, ни крикли́въ. Но его́ слу́шали, и совѣ́тъ его́ служи́лъ всегда́ послѣ́днимъ, рѣши́тельнымъ приго́воромъ. То́ же са́мое бы́ло во всѣ́хъ кра́йнихъ, запу́танныхъ дѣла́хъ и да́же въ семе́йныхъ ра́спряхъ. Что ска́жетъ, быва́ло, стари́къ, то и свя́то.

14. Какъ стари́къ раздѣли́лъ двухъ бра́тьевъ. Мнѣ я́сно представля́ется тепе́рь оди́нъ слу́чай. Дѣли́лись два бра́та. Вся́кій, кто жилъ въ дере́внѣ, зна́етъ, съ каки́ми тру́дностями сопряжены́ дѣлежи́ тако́го ро́да. Дѣлёжъ ме́жду двумя́ бра́тьями не подвига́лся къ концу́, несмотря́ на дѣ́ятельное уча́стіе ми́ра и конто́ры[3]. „Позва́ть ра́звѣ Они́симыча; что́ онъ ска́жетъ?“ замѣ́тилъ кто-то. Бра́тья и всѣ́ прису́тствующіе вы́разили согла́сіе. Посла́ли за старико́мъ, и, немно́го погодя́, онъ яви́лся. Снача́ла онъ до́лго отгова́ривался и говори́лъ, что, что бы ни сказа́лъ онъ, оди́нъ изъ бра́тьевъ всё-таки оста́нется не въ удово́льствіи. Но къ нему́ приступи́ли рѣши́тельнѣе и потре́бовали отвѣ́та. „Ну, во и́мя Отца́ и Сы́на и Свято́го Ду́ха!“ сказа́лъ онъ тогда́, на́божно осѣня́я себя́ кре́стнымъ зна́меніемъ. Онъ объясни́лъ пото́мъ движе́ніе э́то тѣ́мъ, что „проси́лъ Го́спода помо́чь ему́ суди́ть по-бо́жески; по-справедли́вому, а не по человѣ́ческому“. Затѣ́мъ онъ рѣши́лъ споръ таки́мъ о́бразомъ. Всё хозя́йство и весь скотъ слѣ́довало раздѣли́ть попо́ламъ, какъ пріобрѣтённое. Но хлѣ́бъ—даръ Бо́жій! Богъ печётся о ка́ждомъ человѣ́кѣ и посыла́етъ хлѣ́бъ ка́ждому, ско́лько ну́жно. Хлѣ́бъ на́до дѣли́ть, слѣ́довательно, по ду́шамъ. У одного́ бра́та три души́, у другого́ во́семь: такъ послѣ́днему бо́льше и на́до. Такъ и сдѣ́лали.

15. Какъ стари́къ отда́лъ сы́на въ солда́ты. Въ жи́зни па́харя бы́ло одна́кожъ одно́ си́льное потрясе́ніе. На семью́ его́ па́ла рекру́тская о́чередь. Разъ но́чью пришли́ къ нему́ въ избу́ и захвати́ли одного́ изъ сынове́й его́, пе́рваго, кото́рый попа́лся. Стари́къ побѣжа́лъ въ конто́ру и проси́лъ, что́бы ему́ самому́ предоста́вили вы́боръ дѣте́й. На друго́й день онъ отвёзъ всѣ́хъ трёхъ сынове́й въ го́родъ. „Ва́ше благоро́діе!“ сказа́лъ онъ, обраща́ясь ко всѣ́мъ чле́намъ

[1]Цѣ́лой дере́вней. [2]Въ дереве́нской жи́зни.—[3]Фр. comptoir, учрежде́ніе для счетово́дства. Здѣсь разумѣ́ется конто́ра помѣ́щичья, въ кото́рой сосредото́чивалось управле́ніе имѣ́ніемъ помѣ́щика, въ томъ числѣ́ и крестья́нами, кото́рые въ крѣпостно́е вре́мя та́кже составля́ли со́бственность помѣ́щиковъ.

прису́тствія, „о́чередь за моёю семьёю. У меня́ три сы́на... Пыта́лся— не могу́ вы́брать: всѣ ра́вно до́роги!“... Стари́къ обня́лъ поочере́дно всѣхъ трёхъ и произнёсъ, положи́въ имъ сперва́ ру́ку на го́лову: „Всѣ ми́лы!... всѣ до́роги!... всѣ хороши́...“ Тутъ дыха́ніе какъ бы стѣсни́лось въ груди́ его́; онъ останови́лся, покача́лъ голово́ю, тя́жко вздохну́лъ и вдругъ зали́лся слеза́ми. Прису́тствующіе, тро́нутые его́ положе́ніемъ, ста́ли его́ успока́ивать. Онъ попроси́лъ позволе́нія ки́нуть жре́бій. Вы́нувъ изъ кошелька́ три мѣ́дные гро́ша, онъ пода́лъ ихъ дѣтямъ, внима́тельно пото́мъ осмотрѣ́лъ ка́ждый грошъ, положи́лъ на ка́ждомъ знакъ зуба́ми и веле́лъ бро́сить ихъ въ ша́пку. Жре́бій вы́нуть. Стари́къ взялъ грошъ у солда́та, отошёлъ къ окну́, взгляну́лъ на него́, дро́гнулъ, но то́тчасъ же опра́вился, перекрести́лся и возврати́лся къ дѣтямъ. „Ва́ся“, вы́молвилъ онъ, обраща́ясь къ мла́дшему, „Ва́ся... голу́бчикъ мой! подойди́ ко мнѣ...“—Онъ сно́ва положи́лъ ему́ ру́ку на́ голову, съ мину́ту глядѣ́лъ на него́ мо́лча и, наконе́цъ, произнёсъ: „Ты былъ... да, былъ ты мнѣ хоро́шимъ сы́номъ... завсегда́ хоро́шъ былъ... будь же хоро́шимъ солда́томъ Царю́ на́шему...“—Онъ обня́лъ его́, благослови́лъ и, закры́въ ладо́нью лицо́, пошёлъ къ две́ри, пла́ча каки́мъ-то дѣ́тскимъ пла́чемъ.

Во вре́мя моего́ разгово́ра съ Саве́ліемъ изъ дере́вни да́ли знать, что стари́къ умира́етъ. Я пошёлъ съ Саве́ліемъ въ дере́вню и вошёлъ въ избу умира́ющаго. Изба́ была́ напо́лнена наро́домъ, пришёдшимъ проститься съ нимъ.

16. Послѣ́дніе мину́ты умира́ющаго. Въ одну́ изъ тѣ́хъ мину́тъ, какъ я напряга́лъ зре́ніе, что́бы уловить на лицѣ́ па́харя отраже́ніе окружа́ющей его́ ско́рби, въ да́льней ча́сти избы́ нежда́нно сти́хли во́пли. Послы́шалась да́вка, и не́сколько же́нскихъ голосо́въ прокрича́ло „Пропусти́те, каса́тики[1]! пропусти́те дѣ́душку Ка́рпа... да́йте пройти проститься хо́четъ!...“ Я посторони́лся вмѣ́стѣ съ другими и далъ мѣ́сто сѣ́дому, ни́зенькому старичку́. Это былъ родно́й братъ па́харя. Онъ подошёлъ бли́же, ме́дленно перекрести́лся и сказа́лъ: „Эхъ, Ива́нъ, Ива́нъ! ча́ялъ я, поживёшь ещё съ на́ми... Ра́но, Ива́нъ, ты насъ поки́даешь!“ Лицо́ умира́ющаго постепе́нно вытя́гивалось и принима́ло гру́стное выраже́ніе. Грудь его́ приподыма́лась тепе́рь едва́ замѣ́тно.—Эхъ, братъ Ива́нъ, произнёсъ неожи́данно Карпъ, и я замѣ́тилъ, го́лосъ старика́ задрожа́лъ сильне́е: въ како́е вре́мя ты насъ поки́даешь!... Встань, Ива́нъ!... Погляди́-ка, поди́, весна́ на дворѣ́; на́ши вѣдь всѣ паха́ть пое́хали... При э́томъ ка́ждая черта́ умира́ющаго напо́лнилась вдругъ выраже́ніемъ стра́шной тоски́. Вѣ́ки его́, начина́вшія уже́ углубля́ться, дро́гнули, слегка́ раскры́лись въ угла́хъ и пропусти́ли двѣ́ кру́пныя слезы́. Онѣ́ ме́дленно потекли́ по морщи́намъ и ви́димо, каза́лось, за-

[1]Нар., ми́лые, дороги́е. Каса́тка, со́б., ла́сточка.

стыва́ли на холоде́вшихъ щека́хъ его́... Грудь его́ подыма́лась всё ре́же и ре́же; ме́ртвенная бле́дность покрыва́ла черты́ его́. Душа́ трево́жно, хотя́ постепе́нно слабе́е и слабе́е, прислу́шивалась къ вс-плямъ и крикамъ; но вотъ ста́ла она́ переходи́ть рокову́ю черту́... Лицо́ ста́рца сно́ва ста́ло пріобрета́ть споко́йствіе и я́сность. Каза́лось мнѣ, въ тре́петномъ мерца́ніи, разлива́вшемся надъ изголо́вьемъ па́харя, явля́лся улыба́ющійся а́нгелъ, кото́рый ла́сково простира́лъ къ нему́ ру́ки и ти́хо дви́галъ бѣ́лыми лучеза́рными крыла́ми.

17. **Заключе́ніе.** Кро́ткій, смире́нный о́бразъ па́харя, оболо́чка души́ прекра́сной и чи́стой, оста́нется, навсегда́ оста́нется окруже́нный любо́вью и уваже́ніемъ тѣхъ, кто зналъ его́, жилъ съ нимъ и умѣ́лъ понима́ть его́. Тепе́решнія дѣти, сдѣ́лавшись старика́ми, бу́дутъ говори́ть о нёмъ свои́мъ дѣ́тямъ, какъ о до́бромъ, почте́нномъ, че́стномъ человѣкѣ! Да, ста́рый па́харь заслу́живалъ таку́ю па́мять! Благочести́вая жизнь его́ прошла́ въ трудѣ́ безпреры́вномъ, неуси́пномъ. Онъ, пока́ жилъ, сдѣ́лалъ всё, что могъ, и сдѣ́лалъ всё, что до́лженъ былъ сдѣ́лать! Цѣ́лью на́шей бы́ло сказа́ть, что тотъ то́лько „человѣкъ", кто въ сфе́рѣ[1], предназначе́нной ему́ судьбо́ю, не да́ромъ жилъ на свѣ́тѣ, кто че́стно и свя́то исполня́лъ свой обя́занности, кто сохрани́лъ чистоту́ души́, про кото́раго мо́жно сказа́ть безъ ле́сти и пристра́стія, что онъ сдѣ́лалъ всё, что могъ и что до́лженъ былъ сдѣ́лать.

II. Прохо́жій.

1. **Стра́шная ночь.** Да, пойстинѣ, э́то была́ стра́шная ночь! Старики́ говори́ли пра́вду: така́я ночь могла́ то́лько вы́пасть на до́лю Васи́льеву ве́черу[2]. Мно́го гро́зныхъ[3] ночей застига́ло прохо́жаго, мно́го вьюгъ и непого́дъ вы́несла сѣда́я голова́ его́, но тако́й но́чи онъ никогда́ ещё не ви́дывалъ. Зате́рянный посреди́ сугро́бовъ[4], по колѣ́ни въ снѣгу́, онъ тще́тно озира́лся на сто́роны или́ ощу́пывалъ костыле́мъ[5] доро́гу. Напра́сно та́кже си́лился онъ пода́ть го́лосъ. Крикъ застыва́лъ на губа́хъ его́ и не достига́лъ ни до чьего́ слу́ха. Гро́зный рёвъ бу́ри оди́нъ подава́лъ о себѣ́ вѣсть[6] въ мра́чной пусты́нѣ. Отча́яніе начина́ло уже́ проника́ть въ ду́шу пу́тника, стра́шныя ду́мы броди́ли въ головѣ́ его́. На-дняхъ знако́мый мужичо́къ, засти́гнутый тако́ю же то́чно непого́дой, сби́лся съ пути́ на со́бственномъ гумнѣ́ своёмъ, и на друго́й день объ у́тро[7] нашли́ его́ замёрзшаго подъ плетнёмъ со́бственнаго огорода. Тре́тьяго дня пости́гла така́я же у́часть ба́бу, кото́рая не могла́ найти́ око́лицы[8]. Вечо́ръ[9] ещё посреди́ са́мой у́лицы нашли́ мёртвую калѣ́ку перехо́жую[10], кото́рая за мете́лью не различи́ла избу́шекъ...

---

[1]Гр., шаръ; въ о́бласти, въ кру́гѣ, на мѣ́стѣ. [2]Ве́черъ наканунѣ но́ваго го́да. [3]Стра́шныхъ. [4]Кучъ, во́роховъ, горъ, сне́га. [5]Па́лкой съ металли́ческимъ наконе́чникомъ. [6]Дава́лъ о себѣ́ знать. [7]Утромъ. [8]Забо́ра, отдѣля́ющаго дере́вню отъ поле́й. [9]Вчера́ ве́черомъ. [10]Ни́щую.

2. **Васи́льевъ ве́черъ.** Но что до э́того[1]! По всему́ крещённому ми́ру[2] не́ было всё-таки бѣ́дной избёнки, не́ было тако́го скро́мнаго уголка́, гдѣ бы не раздава́лись весёлыя пѣ́сни, гдѣ бы не́ было тепло́ и прія́тно! Тамъ—шу́мная толпа́ ребя́тишекъ ре́звo пры́гаетъ по ла́вкамъ, выбра́сывая изъ рукава́ наро́чно припасённыя про слу́чай хлѣ́бныя зёрна[3]. Въ друго́й избѣ́ кри́ки и хо́хотъ раздаю́тся ещё гро́мче. Рой[4] молоды́хъ дѣ́вокъ ната́скался на избу́. Две́ри плотно́ за́перты; окно́ на у́лицу завѣ́шено. Одна изъ нихъ—са́мая во́страя[5]—стои́тъ на слуху́ въ сѣ́нечкахъ, не идётъ ли кто. Остальны́я за́няты дѣ́ломъ: кто повя́зываетъ на го́лову во́йлокъ, обви́тый вокру́гъ па́лки; кто натя́гиваетъ арма́якъ[6] или́ покрыва́етъ ма́ленькую голо́вку неуклю́жей ша́лкой, обты́канной по края́мъ, ра́ди смѣ́ха, льняны́ми пря́дями, обсы́панными мукою; кто прику́тывается въ овчи́ну[7], вы́вороченную наизна́нку. Хо́хотъ, визгъ, шушу́канье, писк не прерыва́ются ни на мину́ту. Въ тре́тьей избѣ́ гро́мкій го́воръ и восклица́нія смѣни́лись на мину́ту молча́нкою[8]. Тамъ подъ сла́дкій шумо́къ веретена́ и пря́лки тя́нутся мѣ́рныя ро́сказни старика́-дѣда. Семе́йка сѣла въ кружо́къ и, пригну́вшись къ одно́й лучи́нѣ[9], не пропуска́етъ ни одного́ зву́ка, ни одного́ движе́нія разска́зчика. Разска́зъ благополу́чно дотяну́лся за по́лночь. Лучи́на ско́ро угаснетъ. И тогда́ вся семья́, больши́е и ма́лые, заползу́тъ на пе́чку и предаду́тся ми́рному о́тдыху, нима́ло не забо́тясь, что вью́га ревётъ и завыва́етъ въ по́лѣ и вокру́гъ до́ма...

3. **У дере́вни.** О! сча́стливъ, сто разъ сча́стливъ тотъ, у кого́ въ таку́ю ночь родно́й кровъ, родна́я семья́ и тёплая пе́чка!... Та́къ, по кра́йней мѣ́рѣ, ду́малъ прохо́жій. Си́лы начина́ли покида́ть его́. Онъ провёлъ окоченѣ́вшею ладо́нью по мёрзлымъ волоса́мъ, оки́нулъ му́тными глаза́ми окре́стность и кри́кнулъ ещё разъ. Но крикъ сно́ва за́меръ на помертвѣ́лыхъ уста́хъ его́. Прохо́жій ме́дленно опусти́лся въ сугро́бъ и тре́петной руко́й сотвори́лъ кре́стное зна́меніе[10]. Бу́ря ме́жду тѣ́мъ пронесла́сь ми́мо. Всё какъ бу́дто на мину́ту сти́хло. Вдру́гъ нежда́нно въ сторонѣ́ послы́шался лай соба́ки. Нѣ́тъ, э́то не обма́нъ: лай повтори́лся въ друго́й и тре́тій разъ. Засты́вшее се́рдце старика́ встрепену́лось. Онъ рвану́лся впередъ, простёръ ру́ки и пошёлъ на слухъ... Немно́го погоди́, ощу́палъ онъ сара́и и вско́рѣ изъ-за угла́ мелькну́ли пе́-

---

[1]Что ну́жды до э́того; э́то ничего́ не зна́читъ. [2]Вездѣ́, гдѣ́ есть православ́ные христіа́не. [3]Въ наро́дѣ есть обы́чай въ Васи́льевъ ве́черъ и у́тромъ на но́вый годъ разсыпа́ть зёрна по́ полу, при чёмъ выража́ются пожела́нія хозя́евамъ урожа́я на наступа́ющій годъ. [4]Толпа́. [5]Бо́йкая. [6]Простонаро́дное ве́рхнее пла́тье безъ сбо́ровъ у по́яса. [7]Тулу́пъ, шу́бу изъ ове́чьихъ шкуръ. [8]Нар., молча́ніемъ. [9]Деревя́нная па́лочка, щепка, кото́рую зажига́ютъ для освѣще́нія избъ вмѣ́сто свѣчъ. [10]Перекрести́лся.

редъ нимъ привѣтливо огонькій избушекъ. Прохожій подошёлъ къ первой попавшейся избѣ и постучалъ въ окно. Изба принадлежала крестьянину Савелію, у котораго въ это время происходила пирушка.

4. Крестьянская пирушка. Пирушка у Савелія шла на славу. Народу всякаго, званаго и незванаго, набралось къ нему такое множество, что, кажись[1], припёлъ бы ещё одинъ человѣкъ, такъ и мѣста бы ему недостало. Даже подъ самымъ потолкомъ торчали головы. Послѣднія, впрочемъ, принадлежали большею частью малолѣтнимъ парнишкамъ[2] и дѣвчонкамъ, которые, будучи изгоняемы отовсюду, рѣшительно не знали уже, куда приткнуться. Въ избѣ жарко, какъ на полкѣ[3]. Никто, однакожъ, не думаетъ отступать къ двери. Каждый, напротивъ того, норовитъ[4] изо всей мочи[5], какъ бы протискаться впередъ, къ красному углу[6], гдѣ происходитъ угощеніе. Тамъ за столомъ, обложеннымъ по краямъ ложками и обломками пироговъ и хлѣба, сидѣли гости званые и почётные. На самомъ первомъ мѣстѣ, подъ образами, бросался прежде всего въ глаза[7] мельникъ и жена его. Подлѣ нихъ, по правую руку, сидѣлъ понамарь изъ чужой вотчины[8], долговязый, рябой какъ кукушка, косой какъ заяцъ, съ острымъ носомъ и коротенькой взъерошенной косичкой на затылкѣ. По лѣвую руку мельника находился староста и рядомъ съ нимъ хозяинъ дома, рыжій, плечистый мужикъ. По обѣимъ сторонамъ описанныхъ лицъ, на лавочкахъ[9] подлѣ стола и немного подаль, сидѣли ещё гости, тоже званые, но менѣе почётные. Каждая семья явилась въ гости съ своей чашкой и ложками. Радушіе[10] хозяевъ ограничивалось снабженіемъ съѣстного. Говоръ, восклицанія, хохотъ, раздававшіеся вокругъ стола, свидѣтельствовали[11] довольство присутствующихъ.

Прохожій постучалъ въ окно, прося впустить его переночевать; но Савелій отказалъ ему въ ночлегѣ. Прохожій постучался въ окно другой избы, но и здѣсь встрѣтилъ суровый отказъ. Наконецъ, его впустила къ себѣ въ избу одна бѣдная старушка, по имени Василиса, жившая одиноко со своимъ сыномъ Алексѣемъ.

5. Василиса и ея изба. Избёнка была крошечная. Стѣны ея, перекосившіяся во многихъ мѣстахъ и прокопчённыя дымомъ, были такъ чёрны, что даже съ помощью лучины едва-едва можно было различить что-нибудь въ углахъ[12]. Но, несмотря на то, вездѣ, куда только про-

---

[1]Нар., кажется. [2]Мальчикамъ. [3]На полкѣ въ банѣ. Русскія бани устраиваются съ полками, такъ какъ подъ потолкомъ теплѣе, чѣмъ на полу. [4]Старается. [5]Изо всей силы. [6]Къ углу, въ которомъ поставленъ столъ, сидятъ гости и висятъ образа. [7]Обращалъ на себя вниманіе. [8]Деревни. [9]Скамьяхъ. [10]Готовность угостить. [11]Доказывали. [12]Изба была, стало быть, чёрная. Чёрными избами называются избы безъ трубъ. Дымъ въ такихъ избахъ расходится по избѣ и выходитъ черезъ двери, окна и проч., покрывая стѣны чёрнымъ налётомъ.

ника́лъ глазъ, виднѣ́лись слѣ́ды забо́тливости стро́гаго поря́дка. Всё пока́зывало, что стару́шка была́ до́брая, радѣ́тельная хозя́йка. Ничто́ не валя́лось зря[1], гдѣ́ ни попа́ло. Земляно́й полъ былъ чи́сто-на́-чисто вы́метенъ. Хотя́ печа́ть бѣ́дности отража́лась на ка́ждомъ предме́тѣ, но всё-таки лачу́жка Васили́сы глядѣ́ла ка́къ-то ую́тнѣе[2], привѣ́тливѣе, теплѣе мно́гихъ сосѣ́днихъ избъ. Нару́жность само́й хозя́йки соотвѣ́тствовала какъ нельзя́ лу́чше ея́ жили́щу. Это была́ кро́шечная, тщеду́шная[3] старушо́нка, съ вда́вленною гру́дью, прикры́тою то́лстой, запла́танной[4], но чи́стой руба́хой. Голова́ ея́, повя́занная вѣ́тхимъ платко́мъ съ дли́нными концами́ назади́, склоня́лась постоя́нно на́ бокъ, ни дать ни взять[5], какъ кро́вля ея́ избёнки. Лицо́ Васили́сы бы́ло жёлто и покры́то ме́лкими, какъ паути́на, мо́рщи́нами; но сто́лько ещё весёлости отража́лось въ ея́ свѣ́тлыхъ глаза́хъ, сто́лько доброду́шія прогля́дывало въ ея́ черта́хъ[6], что нельзя́ бы́ло не полюби́ть ее́ сра́зу.

6. **Прохо́жій.** Прохо́жій вошёлъ въ избу́. Алексѣ́й взгляну́лъ на него́ при свѣ́тѣ лучи́ны и невольно отступи́лъ къ ма́тери, кото́рая попя́тилась къ образа́мъ и перекрести́лась. Пе́редъ ни́ми стоя́лъ, едва́ держа́сь на нога́хъ, сѣдо́й стари́къ, лѣ́тъ семи́десяти, блѣ́дный и растрёпанный, походи́вшій скорѣе на пришѣ́льца съ того́ свѣ́та[7], чѣмъ на живо́го челове́ка. Стра́шная худоба́ изнеможённаго[8] лица́ его́ и зрачки́, гляде́вшіе му́тно и безжи́зненно, доверша́ли э́то схо́дство. Онъ дрожа́лъ всѣ́ми свои́ми чле́нами; зу́бы его́ щелка́ли. Холщёвая сума́[9], висѣ́вшая за его́ спино́ю, и мёрзлыя лохмо́тья, прикрыва́вшія то́щую его́ грудь, пле́чи и но́ги, тряслись въ сво́ю о́чередь, слѣ́дуя движе́ніямъ заку́таннаго въ нихъ тѣ́ла. Онъ ме́дленно поднялъ окоченѣ́вшія свои́ ру́ки, провёлъ и́ми по головѣ́, сдѣ́лалъ шагъ впе́редъ, хотѣ́лъ что́-то сказа́ть, но рѣчь его́ вы́шла нескла́дна. Онъ глубоко́ вздохну́лъ, ощу́палъ невѣ́рными рука́ми стѣ́ну́ и опусти́лся въ изнеможе́ніи на ла́вочку. Вско́рѣ и хозя́ева и прохо́жій улегли́сь спать.

7. **Завѣща́ніе.** Утомлённая дневны́ми хло́потами и забо́тами, стару́шка не успѣ́ла перекрести́ть изголо́вье[10], какъ уже́ голова́ ея́ склони́лась и сла́дкій сонъ окова́лъ утомлённые ея́ чле́ны. Что же каса́ется до Алексѣ́я, то онъ лежа́лъ, не смыка́я глазъ. Глухо́й стонъ, раздавшійся на ла́вкѣ подъ образа́ми, вы́велъ его изъ забы́вчивости: онъ вспо́мнилъ прису́тствіе прохо́жаго и насторожи́лъ слухъ.—Дѣ́душка, что ты? спроси́лъ па́рень, приподыма́ясь на ло́ктѣ.—Поди́ сюда́... Го́лосъ, съ каки́мъ бы́ли произнесены́ э́ти слова́, отозва́лся почему́-то въ са́момъ

---

[1]Какъ попа́ло. [2]Ую́тный—тако́й, въ кото́ромъ прія́тно находи́ться. [3]Сла́бая, болѣ́зненная. [4]Покры́той запла́тами, ла́тками. [5]Какъ разъ. [6]Часта́хъ лица́. [7]Воскре́шаго изъ мёртвыхъ. [8]Истомлённаго. [9]Мѣшо́къ. [10]Мѣ́сто, гдѣ́ кладётся во вре́мя сна голова́.

се́рдцѣ молодо́го па́рня. Онъ прово́рно соскочи́лъ съ пе́чки, нащу́палъ впотьма́хъ сѣ́ренку[1], зажёгъ лучи́ну и подошёлъ къ ла́вкѣ.—Что́ съ тобо́й, дѣ́душка? вы́молвилъ Алексѣ́й, нагиба́ясь къ блѣ́дному лицу́ старика́.—Гдѣ́ стару́ха-то?... Я её не ви́жу. Она́ тебѣ́ мать? произнёсъ больно́й.—Мать. А что?... спроси́лъ Алексѣ́й, кото́раго невольне начина́лъ пропима́ть страхъ.—Позови́ её сюда́! отвѣча́лъ стари́къ едва́ вня́тно... Алексѣ́й заложи́лъ въ свѣте́цъ[2] лучи́ну, разбуди́лъ мать, и мину́ту спустя́ о́ба очути́лись по́длѣ ла́вки.—Тётушка, сказа́лъ стари́къ, обраща́я ту́склый взоръ на Васили́су: пришёлъ, ви́дно, мой часъ помира́ть. Ты и па́рень твой не отогна́ли меня́; пусти́ли, какъ родно́го. Богъ васъ не оста́витъ. Пошли́ сы́на въ село́ Або́лезино. Тамъ за ро́щей по́длѣ коло́дца дупло́. Зары́та кубы́шка[3]. Два́дцать лѣтъ копи́лъ!... Никому́ то́лько не ска́зывай, продолжа́лъ онъ ослабѣва́ющимъ го́лосомъ: вы меня́ призрѣ́ли; возьми́те за добро́ ва́ше. Го́споди! прости́ прегрѣше́нія... охъ!... Васили́са и сынъ бро́сились къ лучи́нѣ. Когда́ они́ верну́лись къ ла́вкѣ и взгляну́ли, при тре́петномъ свѣтѣ угаса́ющей лучи́ны, въ лицо́ прохо́жему, онъ былъ уже́ мёртвъ.

8. **Храмово́й пра́здникъ.** Зима́ прошла́ давны́мъ-давно́; о выо́гахъ и мете́ляхъ и поми́ну не́ было въ на́шей дереву́шкѣ. Мужички́ то́лько-что поубра́лись съ хлѣ́бомъ и отокси́лись[4]. Улица, заметённая когда́-то сугро́бами сне́га, представля́ла тепе́рь са́мое оживлённое и весёлое зре́лище. Повсю́ду толпи́лся наро́дъ. Въ около́ткѣ[5] деревне́нь бы́ло не ма́ло, и, по при́нятому обыкнове́нію взаймнаго угоще́нія на храмовы́хъ пра́здникахъ, всѣ окре́стные[6] обыва́тели[7] сошли́сь и съѣ́хались къ сосѣ́дямъ. Вре́мя вы́далось къ тому́ са́мое пригодное: день былъ прекра́сный, на не́бѣ ни о́блачка, въ во́здухѣ стоя́ла така́я зати́шь, что оси́новый листъ[8] не шелыха́лся. Пѣ́сни, кри́ки, шумъ, несвя́зный го́воръ раздава́лись со всѣхъ сторо́нъ лу́чше, чѣмъ на ино́мъ база́рѣ. Кра́сныя руба́шки, ша́пки съ зало́момъ[9], повы́тыя цвѣта́ми, жёлтые и а́лые платки́ сія́ли таки́мъ ослѣпи́тельнымъ бле́скомъ, что да́же и у тре́звыхъ ряби́ло въ глаза́хъ. Шумъ, носи́вшійся надъ дере́вней, переходи́лъ постепе́нно изъ одного́ конца́ въ другой: то подыма́лся онъ вокру́гъ рогожнаго[10] навѣ́са купца́ съ кра́снымъ това́ромъ[11], то вдругъ неожи́данно сосредото́чивался на середи́нѣ у́лицы, гдѣ води́ли хорово́ды[12].

---

[1]Нар., отъ сѣ́ра; спи́чку. [2]Столбъ, въ кото́рый вкла́дывается горя́щая лучи́на. [3]Родъ деревя́нной, кни́зу расширя́ющейся, а квёрху су́живающейся ча́шки. [4]Поко́нчили съ поко́сомъ. [5]По сосѣ́дству. [6]Сосѣ́дніе. [7]Жи́тели. [8]Листъ оси́ны. Объ оси́нѣ см. статью́ Аксако́ва: „Древе́сныя поро́ды чернолѣ́сья“. [9]Съ верху́шкой, зало́мленной на́ бокъ. [10]Рого́жа—плетёнка изъ лы́ка. [11] Съ ра́знаго ро́да матеріями. [12]Родъ игры́, состоя́щей въ томъ, что па́рни и дѣ́вушки стано́вятся въ кружо́къ, беру́тся за́ руки и хо́дятъ круго́мъ съ пѣ́снями.

9. Савéлій и понамáрь. Врéмя подходи́ло ужé къ вéчеру, когдá знако́мый нашъ Савéлій вы́шелъ на кры́лечко своéй избы́, сопровождáемый понамарёмъ.—Ну, Кондрáтій Захáрычъ[1], не взыщи́ за угощéніе: чёмъ богáты, тёмъ и рáды. Годъ вы́дался[2] плохо́й, наказáлъ насъ Госпо́дь, сказáлъ Савéлій, принимáясь обнимáть понамаря́. Ты куда́, Кондрáтій Захáрычъ? спроси́лъ Савéлій, останáвливаясь подъ воро́тами.—На новосе́лье[3]... Ой ли, къ кому́?...—Къ Алексе́ю; какъ ше́лъ къ тебе́, встрéтился я съ нимъ, звалъ по́дъ вечеръ.—Пойдёмъ вме́стѣ; онъ и меня́ звалъ. А рáзвѣ ты не́ былъ у него́?—Нѣтъ, не привело́сь[4].—Стáло, и избы́ его́ не видáлъ?... Ну, ужъ вотъ такъ избá, Кондрáтій Захáрычъ!... Тако́й, кажи́сь, во всёмъ околóткѣ нѣту.—Слыхáлъ, слыхáлъ; да гдѣ жъ ви́дѣть? я съ сáмой зимы́—по́мнишь, у тебя́ угощáлись?—съ той поры́ не навѣ́дывался къ вамъ въ дерéвню.—Двѣсти рублéй за избу́-то далъ...—Прáвда ли, Савéлій Трофи́мычъ, говоря́тъ, ни́щенка-то[5] отговори́лъ[6] ему́ ты́сячу рублéй?—Нѣтъ, ты́сячу, не ты́сячу, а вѣрныхъ четы́реста...—Ска́зывали, случи́лось то въ ту сáмую по́ру, какъ мы у тебя́ пирова́ли,—въ Васи́льевъ вéчеръ; по́мнишь, кто́-то ещё сту́кнулъ въ окно́?—Ну, вотъ поди́ жъ ты[7]! Эка ду́рость[8] напáла тогдá на насъ!... Вѣдь стучáлъ да проси́лся тóтъ же ни́щенка. Стучáлъ э́то онъ по всѣмъ дворáмъ, ходи́лъ, ходи́лъ, да и набрёлъ на Василисину избу́; тё его́ и пусти́ли.

10. Но́вая избá. Немно́го погодя́, Савéлій и понамáрь проби́лись сквозь толпу́, вы́шли на друго́й конéцъ у́лицы и завернýли въ у́зенькій переу́локъ, зали́тый свѣ́томъ заходя́щаго со́лнца. Посреди́ переу́лка подымáлась высо́кая сосно́вая избá съ кры́тымъ крылéчкомъ и бѣ́лою трубо́ю. Окна, воро́та, уби́тыя гвоздя́ми[9] съ жестя́ными голóвками, окра́ины кры́ши бы́ли обши́ты, сло́вно полотéнце, рѣзны́ми по́днизями[10], горѣ́вшими на со́лнцѣ, какъ вы́литыя изъ зóлота. Двѣ-три тёмно-зелёныя вѣ́тки рябúны, усѣ́янныя крáсными гро́здями[11] дозрѣ́вшаго плодá, набрáсывали густу́ю тѣнь на лѣ́вый у́голъ избы́ и заслоня́ли одно́ окно́. Но э́то служи́ло то́лько къ вы́годѣ друго́го окна́, выка́зывавшаго свой ста́вень[12] съ я́рко намалёванными[13] цвѣта́ми и всѣ четы́ре стекла́, въ кото́рыхъ игра́ли послѣ́днія вспы́шки потуха́ющаго дня. На ступéняхъ крылéчка сидѣ́ла Василúса въ си́ней поддёвкѣ[14] и въ но́вомъ

---

[1]Такъ называ́лся понамáрь. [2]Вы́дался изъ ря́да други́хъ годо́въ. [3]Но́вое мѣ́сто жи́тельства. [4]Не случи́лось, не пришло́сь. [5]Ни́щій; выраже́ніе презри́тельное. [6]Завѣща́лъ. [7]Ну, что жъ подѣ́лаешь? По́здно объ э́томъ толкова́ть. [8]Глу́пость. [9]Въ кото́рыя набúты бы́ли гво́зди [10]Подши́вками, рѣзны́ми куска́ми де́рева, кото́рые прикрѣпля́ются для украше́нія. [11]Кистя́ми. [12]Деревя́нная две́рца у окна́ для защúты отъ свѣ́та и хо́лода. Въ крестья́нскихъ и́збахъ ста́вни обыкновéнно дѣ́лаются не изнутри́, а снару́жи. [13]Нарисо́ванными кра́скою. [14]Безрука́вая ку́ртка.

платкѣ. Подлѣ нея стоялъ Алексѣй въ тёмномъ кафтанѣ, небрежно висѣвшемъ на плечахъ, и въ красной рубахѣ. Съ крылечка замѣтили приближающихся гостей и спѣшили къ нимъ навстрѣчу.

III. Свѣтлое Христово Воскресеніе.

1. **Благовѣсть**[1]. Было около десяти часовъ ночи, прозвучалъ первый ударъ колокола... Звукъ этотъ не замедлилъ проникнуть въ избушки, къ радости старушекъ и дѣдовъ, давно уже ждавшихъ заутрени. Не было, впрочемъ, человѣка, который не встрѣтилъ бы съ радостнымъ сердцемъ благовѣста. Въ эту минуту за пять вёрстъ въ окружности въ самыхъ дальнихъ лачужкахъ всё разомъ встрепенулось и сотворило крестное знаменіе[2]... То же самое сдѣлалъ пахарь Андрей изъ Выселокъ, лежавшій въ какомъ-то забытьѣ на своей печкѣ. Заслышавъ говоръ сосѣдей, сбиравшихся на улицѣ, онъ сбросилъ овчину, спустился наземь, сѣлъ на лавку и началъ приготовляться въ дорогу[3].

2. **Изба и ея хозяинъ.** Угасающій, чуть вздрагивающій свѣтъ лучины озарялъ тусклымъ блескомъ стѣны и лавки избушки. Кругомъ было мрачно и холодно. Чёрный земляной полъ, голыя заплѣснѣвшія стѣны, подпёртыя кое-гдѣ осиновыми плахами, недостатокъ тепла, отсутствіе домашняго обиходнаго[4] хлама показывали, что Андрей далеко не принадлежалъ къ числу мужиковъ зажиточныхъ. Наружность самого хозяина, длиннаго, худого, прикрытаго ветхимъ кожухомъ[5] и сутуловато[6] пригнувшагося къ лучинѣ, ещё краснорѣчивѣе подтверждала такое мнѣніе. Но со всѣмъ тѣмъ[7], тяжёлое чувство, возбуждаемое окружавшею бѣдностью, мгновенно исчезало, какъ только пахарь подымалъ голову. Блѣдное, продолговатое лицо его дышало такою добротою, такимъ тихимъ, невозмутимымъ покоемъ, что невольно становилось легче на сердцѣ. Движенія мужика, точно такъ же, какъ и глаза его, спокойно обращавшіеся вокругъ, обличали нравъ тихій и терпѣливый. Свѣтлое выраженіе, съ какимъ прислушивался онъ къ благовѣсту, ещё сильнѣе располагало въ его пользу.

3. **Андрей отправляется къ заутренѣ.** Андрей поднялся на ноги, провёлъ ладонью по лбу и бережно[8] подошёлъ къ печкѣ. Мѣрное, лёгкое дыханіе, раздавшееся съ печи, вызвало улыбку на губахъ его. Онъ вернулся, взялъ лучину и, заслоняя свѣтъ рукою, сталъ потихоньку подыматься по стремечкамъ[9]. Ослѣпительный блескъ лучинки упалъ тогда прямо на дѣвочку лѣтъ четырёхъ, свернувшуюся клубкомъ между трубой и перекладиной. Подложивъ обѣ ручки подъ щёчку,

---

[1]Звонъ въ одинъ колоколъ, для извѣщенія о началѣ службы въ церкви. [2]Перекрестилось. [3]Въ церковь, къ заутренѣ. [4]Употребляемаго обыкновенно. [5]Шубой. [6]Сгорбившись. [7]При всёмъ томъ. [8]Осторожно. [9]Ступенькамъ.

слегка́ закраснѣ́вшуюся, пригну́въ ху́денькія, дли́нныя но́жки къ локтя́мъ, она́ каза́лась милови́дною да́же подъ лохмо́тьями. Продолгова́тое ли́чико бы́ло схо́же во всёмъ съ лицо́мъ Андре́я. Ка́ждая черта́ дѣ́вочки напомина́ла па́харя. Замѣ́тивъ, что свѣ́тъ безпоко́илъ сонъ ребёнка, Андре́й поспѣ́шно отвёлъ ру́ку съ лучи́ной за у́голъ, пото́мъ нагну́лся къ лицу́ дѣ́вочки и, прикосну́вшись слегка́ къ плечу́ ея́, произнёсъ нерѣши́тельно: „Проснись, Ла́сточка... Слышь, бла́говѣстятъ... Пора́ къ зау́тренѣ“. Ему́ ста́ло жаль буди́ть её. Спусти́вшись на́земь, Андре́й прику́тался потеплѣ́е въ кожу́хъ, снялъ съ шестка́[1] ста́рый зипу́нъ[2], взлѣ́зъ на печь, завернулъ въ него́ дѣ́вочку и, уложи́въ её ме́жду свое́ю овчи́нкою и гру́дью, сошёлъ на́ полъ. Онъ погаси́лъ лучи́ну и вы́шелъ на у́лицу, пло́тно запере́въ за собо́й кали́тку[3].

4. Доро́га въ це́рковь. Дереву́шка, къ кото́рой принадлежа́лъ Андре́й, была́ ничто́ ино́е, какъ вы́селки[4] изъ большо́го села́, лежа́вшаго вёрстъ за́ пять. Слѣ́ва то́лько, по доро́гѣ къ селу́, подыма́лась высо́кая гора́, усѣ́янная рѣ́дкими сте́блями то́щаго хво́роста и переро́занная овра́гами. Но гора́ э́та уединя́ла[5] ещё бо́лѣе равни́ны, тяну́вшіяся къ Вы́селкамъ. Мёртвыя во вся́кое вре́мя го́да, кро́мѣ ра́звѣ лѣ́та, равни́ны не представля́ли поку́да ни малѣ́йшаго одушевле́нія[6]. Андре́ю немно́го ну́жно бы́ло вре́мени, что́бы оста́вить за собо́й дере́вню: изба́ его́ стоя́ла второ́ю отъ око́лицы. Пройдя́ по ша́ткой доскѣ́, переки́нутой въ ви́дѣ моста́ че́резъ кана́вку, огиба́вшую гу́мна, онъ вско́рѣ очути́лся на просёлкѣ[7], извива́вшемся по направле́нію къ горѣ́. Ночь была́ свѣ́тлая. Мѣ́сяцъ ещё не зарожда́лся, но взамѣ́нъ его́ миріа́ды[8] звѣздъ дрожа́ли въ тёмно-си́немъ, безо́блачномъ не́бѣ. Хотя́, по всѣмъ примѣ́тамъ, жда́ли тёплой весны́, моро́зъ одна́кожъ былъ поря́дочный. Овра́жки и колей, обращённые во вре́мя дня въ весёлые, журча́щіе ручьи́, бы́ли напо́лнены ледяны́ми и́глами, зво́нко хрустѣ́вшими подъ нога́ми. Бы́ло такъ ти́хо, что шаги́ Андре́я, ступа́вшаго по мёрзлой доро́гѣ, отдава́лись[9] за цѣ́лую версту́.

5. О чёмъ ду́малъ Андре́й. По мѣ́рѣ того́, какъ Андре́й приближа́лся къ горѣ́, шагъ его́ замѣ́тно станови́лся ме́дленнѣе. Свѣ́тлое выраже́ніе на лицѣ́ его́ смѣня́лось гру́стью. Каза́лось да́же, что са́мые зву́ки ко́локола, до́лгіе и дребезжа́щіе, къ кото́рымъ прислу́шивался онъ съ тако́ю ра́достью, потеря́ли для него́ свою́ пре́лесть. Годъ тому́ наза́дъ, не бо́лѣе, шёлъ онъ къ то́й же зау́тренѣ, по то́й же доро́гѣ, и всё улыба́лось ему́. Онъ, пра́вда, былъ то́чно та́кже

---

[1]Вы́ступъ у ру́сской пе́чи. [2]Простонаро́дная ве́рхняя оде́жда. [3]Дверь въ забо́рѣ для прохо́жихъ. [4]Поселе́ніе, образова́вшееся изъ переселя́вшихся изъ друго́й дере́вни крестья́нъ. [5]Дѣ́лала уединёнными, пусты́нными, отдѣля́я ихъ отъ села́. [6]Жи́зни. [7]На просёлочной доро́гѣ. [8]Безчи́сленное мно́жество. [9]Раздава́лись, бы́ли слы́шны.

бѣденъ. Бѣдность свою перемогалъ[1] онъ терпѣливо и безропотно. Андрей и покойная жена его работали дружно день-денской[2], поровня[3] ни въ чёмъ не упустить: ни въ полѣ ни въ хозяйствѣ. А какъ придетъ съ поля домой, возьметъ на руки трехлѣтнюю Ласточку, здоровенькую и крѣпенькую, сядетъ съ нею за столъ супротивъ[4] горячихъ щей, которыя приготовить бывало хозяйка,—веселъ нашъ Андрей, не натѣшится! Итакъ, Андрей жилъ счастливо, какъ вдругъ неожиданно сразило его страшное горе: онъ овдовѣлъ. Безпечный и весёлый, онъ совсѣмъ упалъ духомъ; съ потерею жены онъ впервые почувствовалъ всю свою бѣдность. Къ счастію ещё, время было такое, что недолго позволяло горевать: пора стояла лѣтняя, рабочая; что ни сутки—лишняя копна въ киpдѣ, а оплошалъ—ея какъ бы и вовсе не бывало. Андрей поднялъ на руки дѣвчонку свою, проводилъ покойницу на погостъ[5], да скорѣй за серпъ и косу; некогда было горькому кулакомъ слёзъ отереть. Клонитъ онъ, сердяга[6], свою голову, приближаясь вечеркомъ къ лачужкѣ. Уже не слышится ему знакомый шумъ веретена, не летитъ навстрѣчу ласковое слово или весёлая пѣсня, не вьётся надъ горшочкомъ трубы сизой струйкой дымъ. Одинъ сталъ, сирота круглый.

6. Въ церкви. Церковь раздѣлялась пополамъ на два придѣла[7] и вторая половина, въ которой совершалось богослуженіе, залитая ослѣпительнымъ блескомъ свѣчъ и паникадила[8], рѣзко отдѣлялась отъ первой, оставшейся въ полумракѣ. Народу собралось такое множество, что нечего было и думать пробраться ко второму придѣлу. Андрей кой-какъ протискался однакожъ между рядами прихожанъ, купилъ на грошъ тоненькую, жёлтую свѣчку и достигнулъ угла, откуда можно было видѣть часть алтаря и своды, увѣшанные иконами. Немало стоило также трудовъ Андрею, чтобы угомонить[9] Ласточку. Обвивъ ручонками шею отца и устремивъ глаза на ярко блистав-шую часть церкви, она не переставала засыпать его вопросами. „Это что?... это что?...“ спрашивала она поминутно, ласково поворачивая за подбородокъ голову отца. Мало-по-малу однакожъ головка дѣвочки опустилась на отцовское плечо, и сладкій сонъ оковалъ ея члены. Андрей бережно опустилъ дочку на полъ, прислонилъ её къ углу, зажёгъ свѣчку, перекрестился и сталъ вслушиваться въ чтеніе Евангелія. Тишина, царствовавшая въ первомъ придѣлѣ, располагала какъ нельзя лучше къ молитвѣ. Изрѣдка лишь перерывала Андрея старушка сосѣдка, которая, постучавъ ему по плечу свѣчкой, про-

---

[1]Переносилъ. [2]Цѣлый день. [3]Стараясь. [4]Напротивъ. [5]Кладбище. [6]Сердечный. Выраженіе это употребляется тогда, когда желаютъ показать къ кому либо участіе. [7]На двѣ части. [8]Церковная люстра, висящій многосвѣчникъ. [9]Успокоить.

си́ла его переда́ть её сосѣ́ду и поста́вить её къ о́бразу. Андре́й бралъ свѣ́чку, стуча́лъ таки́мъ же поря́дкомъ въ плечо́ сосѣ́да, передава́лъ ему́ про́сьбу стару́хи и сно́ва углубля́лся въ моли́тву. Опусти́вшись на колѣ́ни и устреми́въ глаза́ въ пропада́вшую глубину́ церко́внаго сво́да, Андре́й, каза́лось, одно́ вре́мя забы́лъ всё окружа́ющее. Онъ моли́лъ Бо́га укрѣпи́ть его́ ду́хомъ, чтобы́ вы́нести терпѣли́во и безро́потно бѣ́дность и го́ре, его́ пости́гшее; моли́лъ Его́ ниспосла́ть ему́ утѣше́ніе и ра́дость въ родно́мъ дѣ́тищѣ; моли́лъ не покида́ть его́, го́рькаго, въ тоскѣ́ и кручинѣ́[1] серде́чной...

7. По́слѣ обѣ́дни. Внеза́пно ра́достное, торже́ственное пѣ́ніе послы́шалось съ кли́роса. Свѣ́чи въ ру́кахъ прихожа́нъ уга́сли, какъ бу́дто одни́мъ дунове́ніемъ, и дымъ отъ нихъ, смѣ́шиваясь съ ды́момъ ла́дана[2], потяну́лся лёгкимъ, фіоле́товымъ[3] о́блакомъ въ тёмную даль сво́да. Наро́дъ задви́гался и заволнова́лся. Весе́лье прогля́дывало на всѣ́хъ ли́цахъ. Торже́ственное пѣ́ніе, смѣ́шиваясь съ ра́достными восклица́ніями: „Христо́съ воскре́съ!“, разда́лось во всѣ́хъ концахъ и огласи́ло всю це́рковь. Всѣ цѣлова́лись и обнима́ли другъ дру́га. Нема́ло поцѣлу́евъ пришло́сь та́кже на до́лю Андре́я. Едва́-едва́ поспѣва́лъ онъ отвѣча́ть тѣмъ же. Всѣ почему́-то тѣсни́лись вокру́гъ него́. Зная его́ бѣ́дность, ка́ждый почти́ навя́зывалъ ему́ кусо́къ кулича́[4], па́схи* или́ кра́сное яйцо́. Бы́ло тепе́рь чѣмъ разговѣ́ться бѣдняку́!.. Андре́й провёлъ ладо́нью по глаза́мъ своимъ, подня́лъ на́ руки до́чку, перекрести́лъ её, вы́шелъ изъ це́ркви и вско́рѣ очути́лся на доро́гѣ. Вездѣ́ попада́лись весёлыя ли́ца сосѣ́дей, возвраща́вшихся цѣ́лыми се́мьями по дома́мъ; отовсю́ду раздава́лись ра́достныя, привѣ́тливыя восклица́нія бра́та бра́ту, му́жа женѣ́, отца́ или́ дѣ́да къ до́чери или́ сы́ну... Спуска́ясь съ горы́ къ Вы́селкамъ, Андре́й уви́дѣлъ ряды́ огонько́въ, блиста́вшихъ въ избу́шкахъ. Онъ обрати́лъ глаза́ къ око́лицѣ: одна́ его́ лачу́жка гляде́ла тёмнымъ пятно́мъ.

8. До́ма. Когда́ онъ пришёлъ домо́й, вну́тренность избу́шки показа́лась ему́ ещё непривѣ́тливѣе ея́ нару́жности. Андре́й снялъ съ себя́ кожу́хъ, заку́талъ въ него́ спа́вшую Ла́сточку и уложи́лъ её на ла́вочку. Уста́вивъ столъ обло́мками кулича́ и па́схи, полу́ченными въ це́ркви, онъ нащу́палъ ко́нчикъ жёлтой восково́й свѣ́чки, тща́тельно сбережённой имъ по́слѣ зау́трени, и, подави́въ вздо́хъ, подошёлъ къ пе́чкѣ. Онъ отодви́нулъ засло́нку и приня́лся ша́рить въ пе́чкѣ. Тутъ то́лько вспо́мнилъ Андре́й, что печь его́ не топи́лась нѣ́сколько дней и что не́чѣмъ бы́ло ему́ засвѣти́ть свѣ́чки пе́редъ о́бра-

---

[1]Ско́рби. [2]Паху́чее вещество́, кото́рымъ кадя́тъ (дымя́тъ) въ це́ркви для благовѣ́нія. [3]Цвѣтъ, представля́ющій смѣше́ніе си́няго и кра́снаго. [4]Пасха́льный хлѣ́бъ. *Подслащённый твороги́ въ ви́дѣ хлѣ́ба.

вомъ. Тоска́ одоле́ла его́. Не́сколько мину́ть стоя́лъ онъ въ како́й-то тяжёлой нерѣши́мости и, наконе́цъ, пока́нулъ избу́.

9. Тще́тные по́иски огня́. Улица, исполосо́ванная све́томъ[1], выходи́вшимъ изъ о́оконъ, я́рко выступа́ла изъ мра́ка; го́воръ и восклица́нія, раздава́вшіеся внутри́ избу́шекъ, придава́ли Вы́селкамъ что́-то пра́здничное. Очути́вшись на у́лицѣ, Андре́й напра́вился пря́мо къ сосѣдней избѣ́. Онъ прибли́зился къ зава́линкѣ[2] и постуча́лся въ окно́.—Кто тамъ? — отозва́лся хри́плый, разби́тый го́лосъ. — Я... Андре́й... — Чего́ тебѣ́? — Ссуди огонько́мъ, тётушка Анна: не́чѣмъ лучи́ны вздуть... Окно́ подня́лось; изъ него́ вы́глянуло смо́рщенное лицо́ старушо́нки.—Вишь, нашёлъ вре́мя огня́ проси́ть! Ра́звѣ не вѣ́даешь, ны́нѣ день како́й?... Самъ, небо́сь[3], не топи́лъ пе́чку да на сто́рону хо́дишь!... Что жъ, тётушка Анна, не убу́детъ у тебя́; по́лно, произнёсъ Андре́й, качну́въ голово́й. — То́-то не убу́детъ, не убу́детъ! подхвати́ла стару́шка полушутли́во, полуворчли́во, а ты, каса́тикъ, поди́ къ сосѣ́дямъ, что они́ тебѣ́ ска́жутъ... Сло́вно, пра́во, но́вый ты человѣ́къ, не зна́ешь*... — Ну, Госпо́дь съ тобо́й, коли́ такъ! отвѣча́лъ Андре́й, повернулся и пошёлъ на противополо́жный коне́цъ у́лицы—стуча́ться въ друго́е окно́. Но изъ э́того окна́ вы́шелъ тотъ же отвѣ́тъ. Онъ постуча́лся въ тре́тье, въ четвёртое; никто́ не рѣша́лся испо́лнить его́ про́сьбу, ка́ждый отсыла́лъ его́ къ сосѣ́ду.

10. Чумаки́. Пону́ривъ го́лову, съ стѣснённымъ се́рдцемъ возвраща́лся Андре́й домо́й. Онъ уже́ подходи́лъ къ воротамъ, когда́, подня́въ го́лову, останови́лся и невольно устреми́лъ глаза́ за око́лицу. Тамъ, далеко́-далеко́, въ тёмной, пустынной равни́нѣ, дрожа́лъ огонёкъ. „Должно́ быть, чумаки́ какіе, ли́бо обозники собрали́сь на ночёвье[4]“, поду́малъ Андре́й. „А что, пойду́-ка я къ нимъ; авось, не отго́нятъ!“ присовокупи́лъ онъ, направля́ясь къ свѣтя́щейся то́чкѣ, кото́рая ме́жду тѣмъ разгора́лась и увели́чивалась. Андре́й усколрилъ шагъ и вскоре́ очути́лся по́длѣ огня́. Деся́тка два подво́дъ, съ пригну́тыми кве́рху огло́блями, обступа́ли серпо́мъ костёръ изъ древе́сныхъ су́чьевъ, надъ кото́рымъ висѣ́лъ котёлъ. По́длѣ подво́дъ и немно́го пободаль лежа́ли воли́, каза́вшіеся огро́мными мѣлови́ми гли́бами посреди́ глубо́кой тѣни, набро́шенной на нихъ подво́дами и спи́нами чумако́въ, заслони́вшихъ пла́мя. Чумаки́ сидѣ́ли ря́дышкомъ и, поджа́въ подъ себя но́ги, тѣ́сно окружа́ли костёръ. Сму́глые, уса́тые, покры́тые зага́ромъ и дёгтемъ[5], они́ не тро́гали ни одни́мъ чле́номъ, не произноси́ли ни одного́ сло́ва, и то́лько движе́ніе пла́мени, броса́я попере́мѣнно свѣтъ или́ чёрныя тѣни,

---

[1]Покры́тая полоса́ми свѣ́та. [2]Невысо́кая земляна́я на́сыпь вдоль избы́, снару́жи, для сидѣ́нья или́ лежа́нья. [3]Должно́ быть, вѣроя́тно. *По наро́дному повѣ́рью, на пе́рвый день Па́схи никого́ нельзя́ ссужа́ть огнёмъ. [4]Ночле́гъ. [5]Разжижённая смола́ для сма́зки колёсъ.

оживля́ло ихъ ли́ца съ мра́чно нави́снувшими брова́ми. Погружённые въ молчали́вое разду́мье, они́, каза́лось, не замѣча́ли посторо́ннято лица́.

11. Какъ Андре́й добы́лъ огня́.—Здра́вствуйте, бра́тцы! произнёсъ Андре́й, подходя́ бли́же.—Здра́вствуй и ты! отозва́лись въ оди́нъ го́лосъ сидѣ́вшіе...—Хлѣ́бъ да соль, бра́тцы! Христо́съ воскре́съ! присовокупи́лъ Андре́й, нагиба́ясь къ пе́рвому, сѣдо́му, какъ лунь*, старику́ съ бѣ́лыми, какъ снѣгъ, уса́ми. Стари́къ ме́дленно приподня́лся съ своего́ мѣ́ста, сотвори́лъ кре́стное зна́менiе, произнёсъ: „Войстину воскре́съ!“ провёлъ ладо́нью по уса́мъ и поцѣлова́лся съ Андре́емъ. Таки́мъ о́бразомъ Андре́й обошёлъ весь кружо́къ и, перецѣлова́вшись съ ка́ждымъ, верну́лся сно́ва къ старику́, кото́рый сидѣ́лъ уже́ пе́редъ огнёмъ.—А я, бра́тцы, вотъ зачѣ́мъ, на́чалъ онъ, огля́дывая прису́тствующихъ, кото́рые попре́жнему ста́ли недви́жны, я вотъ зачѣ́мъ: не ссу́дите ли вы меня́ огонько́мъ?...—Изво́лы! отры́висто сказа́лъ стари́къ. Вслѣ́дъ за тѣ́мъ онъ засучи́лъ по ло́коть про́рванные рукава́ руба́хи, запусти́лъ жи́листыя, обнажённыя ру́ки въ са́мую середи́ну костра́, кото́рый я́ростно треща́лъ, мета́я золоты́я и́скры въ тёмносине́е не́бо, и, набра́въ по́лныя при́горшни пылающаго у́гля, пода́лъ ихъ Андре́ю, промо́лвивъ: „Держи́ полу́!“ „Что жъ“, поду́малъ Андре́й „коли́ Христо́въ челове́къ свои́ми рука́ми, твори́вшими кре́стное зна́менiе, жаръ загреба́етъ и не обжига́ется, боя́ться, знать, не́чего: и моя́ грѣ́шная пола́ не прожжётся!...“ Онъ подста́вилъ полу́ подъ ру́ки старика́; стари́къ вы́сыпалъ въ неё пыла́ющiй у́голь и сно́ва повернулся къ костру́.—Спаси́бо вамъ, бра́тцы, за добро́ ва́ше! сказа́лъ Андре́й, кла́няясь.—Съ Бо́гомъ! отвѣча́лъ стари́къ.—Съ Бо́гомъ! повтори́ли въ одинъ го́лосъ остальны́е чумаки́. Андре́й поклони́лся ещё разъ и бѣ́гомъ, безъ огля́дки пусти́лся домо́й.

12. Чуде́сныя де́ньги. Войдя́ въ избу́, Андре́й вы́сыпалъ у́голь по́длѣ заслóнки и убѣди́вшись хорошёнько, что́ пола́ его́ была́ цѣла́, вздулъ лучи́ну. Вѣ́рный свято́му обря́ду, онъ разбуди́лъ Ла́сточку, уса́дилъ её на ла́вку про́тивъ обло́мковъ кулича́ и па́схи, перекрести́лъ ребёнка, самъ перекрести́лся, и о́ба приня́лись разговля́ться. Тра́пеза приближа́лась уже́ къ концу́, когда́ кто́-то неожи́данно постуча́лся въ дверь.—Кто тамъ? спроси́лъ Андре́й.—Я, я, каса́тикъ! отвѣча́лъ разби́тый го́лосъ. Дверь скри́пнула, и въ избу́ вошла́ сго́рбленная, смо́рщенная старушо́нка.—Это ты, тётушка Анна?... Добро́ пожа́ловать!... —Каса́тикъ, продолжа́ла стару́ха зайскивающимъ го́лосомъ, одолжи́ кочергу́, родно́й: ребятёнки[1] затащи́ли на́шу не вѣсть куда́[2]; би́лись, би́лись,—не найдёмъ; хлѣ́бы поспѣли, а вы́нуть не́чѣмъ... —То́лько-то!... э!... есть о чёмъ разгова́ривать!... бери́... Стару́шка

*Родъ хи́щной пти́цы; пе́рья бѣлова́то-пе́пельнаго цвѣта.—[1]Ребяти́шки. [2]Неизвѣ́стно куда́.

подошла́ къ пе́чкѣ и на́чала ша́рить. Вдругъ она́ всплеснула́ рука́ми, нагну́лась, къ заслóнкѣ, вскрикну́ла, опя́ть всплеснула́ рука́ми и замета́лась, какъ угорѣ́лая.—Ба́тюшки! каса́тики вы мои́!... охъ, Андре́й! поди́ сюда́, погляди́-ка, что это у тебя́!... охъ, родны́е вы мои́!... ахъ!.. ахти́, Го́споди!... Андре́й подошёлъ и останови́лся, какъ вко́панный. На мѣстѣ золы́ и у́гля сверка́ли двѣ до́брыя при́горшни зóлота!—Я тётушка, не зна́ю... пробормота́лъ па́харь, крестя́сь и отступа́я: ви́дитъ Богъ, не зна́ю... Пошёлъ я за огнёмъ... чумаки́ стоя́тъ у насъ въ по́лѣ... они́ мнѣ насы́пали... двѣ при́горшни насы́пали...—Чумаки́! ба́тюшки! двѣ при́горшни! ахти́, Го́споди!... каса́тики вы мои́! воскли́кнула стару́шка и, не договоривъ остально́го, бро́сила кочергу́ и ки́нулась со всѣхъ ногъ изъ избы́. Всѣ мы́сли заходи́ли круго́мъ въ головѣ́ Андре́я; нѣ́сколько мину́тъ стоя́лъ онъ, какъ прико́ванный къ по́лу; наконе́цъ, подошёлъ къ пе́чкѣ, перекрести́лся и притро́нулся къ блиста́ющей го́ркѣ, кото́рая зазвенѣ́ла подъ рука́ми его: то́чно, пе́редъ нимъ лежа́ли цѣ́лыхъ двѣ при́горшни золоты́хъ черво́нцевъ оди́нъ друго́го кра́ше и лу́чше.

13. Обма́нутыя наде́жды. Наро́дъ изъ Вы́селокъ успѣ́лъ ме́жду тѣмъ давно́ очути́ться по́длѣ костра́.—Ба́тюшки, родны́е вы на́ши, каса́тики ненагля́дные! крича́ли наперерывъ два́дцать челове́къ, ти́скаясь другъ на дру́жку и обступа́я чумако́въ, кото́рые сидѣ́ли попре́жнему такъ же неподви́жно: не оста́вьте насъ, ссуди́те огонько́мъ, родны́е вы на́ши!... —Держи́ полу́! сказа́лъ ста́рый чума́къ, запуска́я ру́ки въ костёръ и выгреба́я оста́токъ горя́чаго у́гля въ подставленные зипу́ны, подо́лы[1] и ша́пки. Таки́мъ о́бразомъ всѣ бы́ли надѣлены́.—Съ Бо́гомъ! произнёсъ отрывисто ста́рый чума́къ, насу́пивъ бро́ви и повора́чиваясь къ кострý. —Съ Бо́гомъ, промо́лвили други́е чумаки́. Но вы́селовцы ничего́ уже́ не слы́шали. Они́ стремглавъ бѣжали къ око́лицѣ, подде́рживая рука́ми по́лы зипуновъ и карма́новъ. Очути́вшись на у́лицѣ, вы́селовцы поуба́вили шагъ.—Ой, ба́тюшки! воскли́кнула неожи́данно тётка Анна, остана́вливаясь посреди́ тѣсни́вшихся вокру́гъ нея́ сосѣдей.—Что тамъ?—Обману́ли, разбо́йники! заголоси́ла вдругъ Анна, выпуска́я полу́, изъ кото́рой вали́лъ чадъ и сы́пался у́голь.—Ба́тюшки, горю́! кри́кнула друга́я ба́ба.—Туши́те, туши́те! поня́ва[2] горитъ!.. ой, зипу́нъ! но́вый зипу́нъ! обману́ли!... туши́! туши́! ахъ! заголоси́ли въ оди́нъ го́лосъ на у́лицѣ Вы́селокъ. И всѣ, ско́лько ни́ было наро́ду, опусти́ли подо́лы, поброса́ли ша́пки и запры́гали другъ по́длѣ дру́га. Какъ то́лько прошёлъ пе́рвый страхъ, всѣ огляну́лись къ око́лицѣ. Но костра́ уже́ не́ было. Вдалекѣ лишь, посреди́ тёмной равни́ны, слы́шался скрипъ телѣгъ и мѣ́рный то́потъ воло́въ, кото́рый постепе́нно умолка́лъ и теря́лся...

---

[1]Низъ дли́ннаго пла́тья. [2]Кусо́къ матеріи, надѣва́емый въ ви́дѣ ю́бки; въ други́хъ мѣста́хъ Россіи называ́ется пла́хтой, запа́ской.

Федор Васильевъ

Ѳ. Ѳёдоръ Михáйловичъ Достоéвскій

(1821—1881)

роди́лся въ Москвѣ́ въ зда́ніи Маріи́нской больни́цы, въ семьѣ́ лѣ́каря. Первонача́льное образова́ніе получи́лъ въ одно́мъ изъ лу́чшихъ пансіо́новъ. Дальнѣ́йшее образова́ніе онъ получи́лъ въ Инжене́рномъ учи́лищѣ, въ Петербу́ргѣ. По оконча́ніи ку́рса въ учи́лищѣ́, Д. поступи́лъ на слу́жбу, но вско́рѣ оста́вилъ ея́ и заня́лся литерату́рою. Литерату́рная извѣ́стность Д-го начала́сь съ 1846 г. Въ э́томъ году́ яви́лся въ печа́ти пе́рвый его́ рома́нъ: „Бѣ́дные лю́ди“. Въ рома́нѣ э́томъ, какъ и во мно́гихъ послѣ́дующихъ свои́хъ произведе́ніяхъ (ме́жду про́чимъ, и въ ма́ленькомъ разска́зѣ, кото́рый помѣ́щается ни́же), Д. выража́етъ сочу́вствіе бѣ́днымъ, „униженнымъ и оскорблённымъ“, лю́дямъ. Этимъ преиму́щественно Д. нра́вился чита́телямъ. Симпа́тіи чита́ющей пу́блики къ Д-му въ осо́бенности я́рко обнару́жились во вре́мя его́ похоро́нъ. Онѣ́ отлича́лись тѣ́плымъ, и́скреннимъ чу́вствомъ, кото́рымъ бы́ли прони́кнуты ты́сячныя толпы́ провожавша́го гробъ наро́да. Погребёнъ Д. въ Петербу́ргѣ, на Алекса́ндро-Не́вскомъ кладби́щѣ.

Ма́льчикъ у Христа́ на ёлкѣ.

1. Въ подва́лѣ. Ещё о́чень ма́ленькій ма́льчикъ, лѣ́тъ шести́ или́ да́же ме́нѣе, просну́лся у́тромъ въ сыро́мъ и холо́дномъ подва́лѣ. Одѣ́тъ онъ былъ въ како́й-то хала́тикъ и дрожа́лъ. Дыха́ніе его́ вылета́ло бѣ́лымъ па́ромъ, и онъ, си́дя въ углу́ на сундукѣ́, отъ ску́ки нарочно спуска́лъ э́тотъ паръ изо рта и забавля́лся, смотря́, какъ онъ вылета́етъ. Но ему́ о́чень хотѣ́лось ку́шать. Онъ нѣ́сколько разъ съ утра́ подходи́лъ къ на́рамъ[1], гдѣ, на то́нкой, какъ блинъ, подсти́лкѣ и на како́мъ-то узлѣ́ подъ голово́й вмѣ́сто поду́шки, лежа́ла больна́я мать его́. Она́ пріѣ́хала съ свои́мъ ма́льчикомъ изъ чужо́го го́рода и вдругъ захвора́ла. Напи́ться-то онъ гдѣ́-то доста́лъ въ сѣня́хъ, но ко́рочки нигдѣ́ не нашёлъ и разъ въ деся́тый уже́ подходи́лъ разбуди́ть свою́ ма́му. Жу́тко ста́ло ему́, наконе́цъ, въ темнотѣ́: давно́ уже́ на́чался ве́черъ, а огня́ не зажига́ли. Ощу́павъ лицо́ ма́мы, онъ подиви́лся, что она́ совсѣ́мъ не дви́гается и ста́ла така́я же холо́дная, какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь хо́лодно“, поду́малъ онъ, постоя́лъ немно́го, пото́мъ дохну́лъ на свои́ па́льчики, чтобы отогрѣ́ть ихъ, и вдругъ, наша́ривъ на на́рахъ свой карту́зишко, потихо́ньку, о́щупью пошёлъ изъ подва́ла.

2. Въ ма́ломъ и большо́мъ го́родѣ. Го́споди, како́й го́родъ! Никогда́ ещё онъ не вида́лъ ничего́ тако́го. Тамъ, отку́да онъ пріѣ́халъ, по ночам̀ъ тако́й чёрный мракъ: оди́нъ фона́рь на всю у́лицу. Деревя́нные, ни́зенькіе домы́шки запира́ются ста́внями. На у́лицѣ, чуть сме́ркнется, никого́, всѣ́ затворя́ются по дома́мъ, и то́лько завыва́ютъ цѣ́лыя ста́и соба́къ. Но тамъ бы́ло зато́ такъ тепло́ и ему́ дава́ли ку́-

[1] Досча́тые подмо́стки для спанья́.

шать, а здѣсь — Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стукъ и громъ, какой свѣтъ и люди, и лошади, и кареты, и морозъ, морозъ? Мёралый паръ валитъ отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сквозь рыхлый снѣгъ звенятъ объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются. Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ.

3. У ёлки. Вотъ и опять улица! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка. Это ёлка, а на ёлкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ же куколки, маленькія лошадки. По комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ, и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцовать. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше. Вотъ опять видитъ онъ сквозь другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги всякіе: миндальные, красные, жёлтые. Пошёлъ мальчикъ поскорѣй, поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, и бѣжитъ, бѣжитъ и на ручки дуетъ.

4. Чудныя куклы. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко. Вдругъ—Господи! да что жъ это опять такое? стоятъ люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы маленькія, разодѣтыя въ красныя и зелёныя платьица и совсѣмъ-совсѣмъ, какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто бы играетъ на большой скрипкѣ. Два другихъ стоятъ тутъ же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ и въ тактъ качаютъ головками и другъ на друга смотрятъ, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ, только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куколки, вдругъ разсмѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куколокъ и не зналъ, что такія есть. И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно, смѣшно на куколокъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузъ, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ наземь. Тутъ закричали. Обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать-бѣжать, и вдругъ забѣжалъ, самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ, и присѣлъ за дровами. „Тутъ не сыщутъ, да и темно“.

5. У Христа на ёлкѣ. Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху, и вдругъ, совсѣмъ вдругъ стало такъ ему хорошо. Ручки и ножки вдругъ перестали болѣть, и стало такъ

тепло́, такъ тепло́, какъ на пе́чкѣ. „Посижу́ здѣсь и пойду́ опя́ть посмотрѣ́ть на ку́колокъ“, поду́малъ ма́льчикъ и усмѣхну́лся, вспо́мнивъ про нихъ. „Пойдёмъ ко мнѣ на ёлку, ма́льчикъ, прошепта́лъ надъ нимъ вдругъ ти́хій го́лосъ. Онъ поду́малъ бы́ло, что э́то всё его́ ма́ма, но нѣтъ, не она́. Кто же э́то его́ позва́лъ, онъ не ви́дитъ, но кто́-то нагну́лся надъ нимъ и обня́лъ его́ въ темнотѣ́, и онъ пригну́лъ ему́ ру́ку. И вдругъ—о, како́й свѣтъ! о, кака́я ёлка! Да и не ёлка э́то, онъ и не вида́лъ ещё таки́хъ дере́вьевъ! Гдѣ э́то онъ тепе́рь? Всё блести́тъ, всё сія́етъ и круго́мъ всё ку́колки. Но нѣтъ, э́то всё ма́льчики и дѣ́вочки, то́лько такіе свѣ́тлые; всѣ они́ кру́жатся о́коло него́, лета́ютъ, всѣ они́ цѣлу́ютъ его́, беру́тъ его́, несу́тъ съ собо́ю, да и самъ онъ лети́тъ. И ви́дитъ онъ: смо́тритъ его́ ма́ма. „Ма́ма, ма́ма! Ахъ, какъ хорошо́ тутъ, ма́ма!“ кричи́тъ ей ма́льчикъ. „Кто вы, ма́льчики? Кто вы, дѣ́вочки?“ спра́шиваетъ онъ, смѣ́ясь и любя́ ихъ. —Это „Христо́ва ёлка“, отвѣча́ютъ они́ ему́: у Христа́ всегда́ въ э́тотъ день ёлка для ма́ленькихъ дѣ́точекъ, у кото́рыхъ тамъ нѣтъ свое́й ёлки... А ма́тери э́тихъ дѣте́й всѣ стоя́тъ тутъ же, въ сторо́нкѣ, и пла́чутъ. Ка́ждая узнаётъ своего́ ма́льчика или дѣ́вочку, и они́ подлета́ютъ къ нимъ, цѣлу́ютъ ихъ, утира́ютъ имъ слёзы свои́ми ру́чками и упра́шиваютъ ихъ не пла́кать, потому́ что имъ здѣсь такъ хорошо́.

А внизу́ на-у́тро дво́рники нашли́ ма́ленькій тру́пикъ забѣжа́вшаго и замёрзшаго за дрова́ми ма́льчика; разыска́ли и его́ ма́му... Та умерла́ ещё прежде его́; о́ба свиде́лись у Го́спода Бо́га на не́бѣ

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Ж. Алекса́ндръ Серге́евичъ Пу́шкинъ

(1799—1837)

роди́лся въ Москвѣ́. По отцу́ онъ происходи́лъ изъ дре́вняго ро́да боя́ръ Пу́шкиныхъ, а по ма́тери былъ пото́мокъ люби́мца Петра́ Вели́каго[1], негра[2] Ганниба́ла[3]. Въ семе́йствѣ Пу́шкиныхъ, какъ и вообще́ въ вы́сшемъ ру́сскомъ о́бществѣ того́ вре́мени, всѣ говори́ли по-францу́зски. По-

[1]Ру́сскій импера́торъ (1682—1725 г.). [2]Не́гры—осо́бое пле́мя, отлича́ющееся чёрнымъ цвѣ́томъ ко́жи, широ́кимъ, приплю́снутымъ но́сомъ, то́лстыми губа́ми и курча́выми волоса́ми; обита́ютъ въ сре́дней ча́сти Африки; до́лгое вре́мя на не́гровъ смотрѣ́ли, какъ на ни́зшую поро́ду люде́й; осо́баго ро́да промы́шленники лови́ли ихъ на ро́динѣ и продава́ли въ ра́бство, наича́ще въ Аме́рику. [3]Негръ Ганниба́лъ, попа́въ рабо́мъ въ Константино́поль (въ Ту́рцію), ку́пленъ былъ ру́сскимъ посло́мъ для Петра́ Вели́каго. Пётръ крести́лъ его́ и отпра́вилъ въ Пари́жъ для обуче́нія. Око́нчивъ курсъ уче́нія, Г. поступи́лъ въ вое́нную слу́жбу, снача́ла во Фра́нціи, и пото́мъ въ Россіи, куда́ вско́рѣ вернулся. По сме́рти Петра В., онъ впалъ въ неми́лость у императри́цы Екатери́ны I-й и со́сланъ былъ въ Сиби́рь, отку́да че́резъ не́сколько вре́мени бѣжа́лъ и скрыва́лся до воцаре́нія до́чери Петра́ В., Елизаве́ты (1741 г.),

э́тому и ма́льчика П. ста́ли пре́жде всего́ учи́ть францу́зскому языку́. Оте́цъ П-на имѣ́лъ обши́рную библіоте́ку, состоя́вшую исключи́тельно изъ францу́зскихъ книгъ. Ма́льчикъ нерѣ́дко забира́лся въ э́ту библіоте́ку и здѣсь проси́живалъ по нѣ́скольку часо́въ, увлека́ясь чте́ніемъ. Подъ влія́ніемъ чита́емаго, онъ и самъ, на́чалъ сочиня́ть францу́зскіе стихи́. Слы́ша круго́мъ себя́ францу́зскую рѣчь и увлека́ясь чте́ніемъ францу́зскихъ книгъ, П. вы́шелъ бы, вѣроя́тно, таки́мъ же „ру́сскимъ францу́зомъ“, каки́ми бы́ли всѣ окружа́вшіе его́. Къ сча́стію, ближа́йшій ухо́дъ за ма́льчикомъ былъ пору́ченъ ру́сской просто́й стару́хѣ, Ари́нѣ Родіо́новнѣ. Она́-то и была́ пе́рвой учи́тельницей П. въ разгово́рномъ ру́сскомъ языкѣ́, а чита́ть и писа́ть по-ру́сски П. научи́лся отъ своей ба́бушки. Онъ горячо́ былъ привя́занъ къ своей ня́нѣ и сохрани́лъ уваже́ніе и привя́занность къ ней до са́мой сме́рти. О ней онъ вспомина́етъ съ любо́вью во мно́гихъ свои́хъ стихотворе́ніяхъ, называ́я её „дря́хлою голу́бкой“, „подру́гой ю́ности свое́й“ и про́ч.

Оди́ннадцати лѣ́тъ П. былъ о́тданъ въ Царскосе́льскій лице́й[1]. Въ 1817-мъ году́ онъ ко́нчилъ курсъ въ лице́ѣ и поступи́лъ на госуда́рственную слу́жбу въ Петербу́ргѣ. Въ 1820-мъ году́ онъ былъ переведёнъ на слу́жбу въ Екатеринослáвъ[2]. Отсю́да, вслѣ́дствіе болѣ́зни, П. отпра́вился для лѣче́нія съ семействомъ генера́ла Раéвскаго на Кавка́зскія минера́льныя во́ды[3]. Съ Кавка́за че́резъ Крымъ[4] онъ пріѣ́халъ въ Кишинёвъ[5], куда́ перешла́ канцеля́рія, бы́вшая мѣ́стомъ его́ слу́жбы. Въ 1823-мъ году́ П. былъ переведёнъ на слу́жбу въ Оде́ссу[6]. Съ 1824-го по 1826-й г. онъ жилъ безвы́ѣздно въ имѣ́ніи своего́ отца́, въ с. Миха́йловскомъ (Псковско́й губ.), а пото́мъ—то въ Петербу́ргѣ, то въ Москвѣ́, то въ други́хъ мѣста́хъ Россіи. Въ 1829-мъ году́ онъ предприня́лъ путеше́ствіе въ Эрзеру́мъ[7], тогда́ за́нятый ру́сскими войска́ми. Въ 1833-мъ году́ П. соверши́лъ путеше́ствіе по ю́го-восто́чной ча́сти Россіи, для обозрѣ́нія мѣстъ, гдѣ происходи́лъ Пугачо́вскій бунтъ[8], исто́рію кото́раго изда́лъ въ 1834-мъ году́. Находя́сь на верху́ свое́й сла́вы, П. внеза́пно, къ огорче́нію всей образо́ванной Россіи, скончался 23 января́ 1837-го го́да.

кото́рая возврати́ла ему́ свобо́ду и вновь при́няла на слу́жбу. Г. у́меръ въ чи́нѣ генера́ла. Фами́лія Ганнибáла дана́ была́ не́гру Петро́мъ В., въ па́мять знамени́таго карѳагéнскаго (карѳагеня́не—наро́дъ, оби́тавшій въ дре́вности на сѣ́верѣ Африки) полково́дца, Ганнибáла, кото́рый прослáвился свои́ми побѣ́дами надъ ри́млянами (218—201 г. до Р. Х.).—[1]Вы́сшее учёбное заведе́ніе, помѣща́вшееся въ Ца́рскомъ Селѣ́ (у́ѣздный го́родъ С.-Петербу́ргской губ.). [2]Губе́рн. го́родъ, на Днѣпрѣ́ [3]Въ г. Пятигóрскѣ и его́ окре́стностяхъ (въ Те́рской о́бласти). [4]Ина́че: Таври́ческій полуо́стровъ, ме́жду Азо́вскимъ и Чёрнымъ моря́ми. [5]Губе́рнскій (пре́жде областно́й) го́родъ, на одно́мъ изъ прито́ковъ Днѣстра́. [6]Го́родъ при Чёрномъ мо́рѣ. [7]Гла́вный го́родъ въ Туре́цкой Арме́ніи [8]Бунтъ этотъ на́званъ такъ по и́мени его́ зачи́нщика, бѣ́глаго донско́го казака́, Емелья́на Пугачóва. Пугачóвъ выдава́лъ себя́ за импера́тора Петра III-го. Бунтъ его́ при́нялъ больши́е размѣ́ры и съ трудо́мъ былъ пода́вленъ. Пугачóвъ былъ схва́ченъ и казнёнъ въ 1775 году́.

Пу́шкинъ сталъ писа́ть о́чень ра́но. Ещё бу́дучи ма́льчикомъ воспи́танникомъ Царскосе́льскаго лице́я, онъ обрати́лъ на себя́ вниманіе това́рищей и воспита́телей свои́ми зву́чными стиха́ми: ещё на шко́льной скамье́ онъ сталъ изве́стенъ лу́чшимъ тогда́шнимъ писа́телямъ: Дми́тріеву, Держа́вину и Жуко́вскому, какъ тала́нтливый поэ́тъ-ю́ноша, въ кото́ромъ они́ ви́дѣли своего́ пре́емника.

Вотъ одно́ изъ лице́йскихъ его стихотворе́ній:

I. Бо́же, Царя́ храни́!

Стихотворе́ніе э́то написа́но по слу́чаю пра́зднованія шесто́й годовщи́ны основа́нія Царскосе́льскаго лице́я, въ 1816 г. Лице́й былъ осно́ванъ 19 октября 1811 го́да. Стихотворе́ніе напи́сано, очеви́дно, подъ свѣ́жимъ ещё впечатлѣ́ніемъ наше́ствія францу́зовъ на Россію. (См. стр. 73, примѣча́нія къ ба́снѣ Крыло́ва: „Волкъ на псарнѣ“).

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю[1],
Всё ниспошли.

Тамъ[2]--громкой славою,
Сильной державою[3]
Міръ онъ покрылъ;
Здѣсь*—безмятежною
Сѣнью[4] надежною[5],
Благостью[6] нѣжною
Насъ осѣнилъ[7].

Брани[8] въ ужасный часъ
Мощно[9] хранила насъ
Вѣрная длань[10].
Гласъ умиленія[11],
Благодаренія—
Сердца стремленія[12]—
Вотъ наша дань!

Въ 1819 году́, лѣ́томъ П. посѣти́лъ одну́ изъ деревѣ́нь своего́ отца́. Вотъ чу́вства, навѣ́янныя на поэ́та э́тимъ посѣще́ніемъ.

II. Дере́вня.

Привѣ́т|ствую |тебя́, |пусты́н|ный у́|голо́къ|,

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія и вдохновенья[13],
Гдѣ льётся дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ[14] счастья и забвенья!
Я твой: люблю сей[15] тёмный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озёръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря[16] бѣлѣетъ иногда.

---

[1]Стари́нные зва́тельные падежи́. [2]Въ воённыхъ предпрія́тіяхъ [3]Вла́стью. *Въ госуда́рственныхъ забо́тахъ, въ управле́ніи госуда́рствомъ. [4]Безмяте́жною — ти́хою. Сѣнью, стр., со́б.: тѣнью. Разумѣ́ется Царскосе́льскій лице́й. [5]Обыкн., надёжною. [6]Доброто́ю, щедро́тами. [7]Насъ—воспи́танниковъ лице́я. Осѣни́лъ—покры́лъ. [8]Стр., войны́. Разумѣ́ются во́йны съ Наполео́номъ. [9]Кре́пко, си́льно, надёжно. [10]Стр., рука́. [11]Нѣ́жнаго чу́вства любви́. [12]„Се́рдца стремле́нія“—приложе́ніе къ сло́ву „благодаре́нія“. [13]Одушевле́нія, бо́драго, возвы́шеннаго состоя́нія ду́ха. [14]См. ни́же, стр. 239,[2]. [15]Стр., э́тотъ. [16]Стр., рыбака́.

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада
Овины дымные и мельницы крылаты
Вездѣ слѣды довольства и труда.

Ещё на послѣднемъ году́ пребыва́нія въ лице́ѣ П. задумалъ поэ́му (по́вѣсть въ стиха́хъ):

III. Русла́нъ и Людми́ла.

Поэ́му э́ту онъ обраба́тывалъ въ тече́ніе не́сколькихъ лѣтъ и вы́пустилъ её въ свѣтъ въ 1820 году́. Мно́гое въ содержа́ніи э́той поэ́мы заимствовано П-нымъ изъ ру́сскихъ наро́дныхъ ска́зокъ.

1. Проло́гъ (вступле́ніе).

У лу́|комо́|рья ду́бъ| зелё|ный,

У лукоморья[1] дубъ зелёный,
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днёмъ и ночью котъ учёный
Всё ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идётъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка[2] на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ[3] дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ[4] видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой[5] изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несётъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой[6]
Идётъ-бредётъ сама собой;
Тамъ царь Кощей[7] надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и мёдъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зелёный,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню. Сказку эту
Повѣдаю[8] теперь я свѣту...

2. Пиръ у кня́зя Влади́мира*.

Въ толпѣ| могу́|чихъ сы́|новѣй,|

Въ толпѣ могучихъ[9] сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ[10] высокой

[1]Стр., зали́ва. [2]Руса́лками называ́ются ду́ши уме́ршихъ. По вѣрованію наро́да, онѣ́ живу́тъ весно́ю и въ нача́лѣ лѣта въ лѣса́хъ, на дере́вьяхъ, а пото́мъ, въ остальну́ю часть го́да, въ водѣ́ и могилахъ. Воображе́нію наро́да онѣ́ представля́ются въ ви́дѣ прекра́сныхъ дѣвушекъ съ зелёными волоса́ми. [3]Неизвѣ́стныхъ. [4]Доли́на. [5]Стр., другъ за дру́гомъ. [6]См. стр. 15. [7]Ска́зочное существо. Полага́ютъ, что Кощѣ́й—олицетворе́ніе зи́мняго хо́лода. [8]Разскажу́. *Разумѣ́ется Влади́миръ, кіевскій князь (972—1015), при кото́ромъ соверши́лось креще́ніе Руси. [9]Си́льныхъ. [10]Такъ называ́лась у дре́вне-ру́сскихъ кня́зей ко́мната, гдѣ они́ принима́ли гостей; пріёмная.

Владимиръ-солнце[1] пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана
И мёдъ изъ тяжкаго[2] стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Нескоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши[3], серебряныя чаши
Съ кипящимъ[4] пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей[5] бѣглый звукъ[6].
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна[7],
И славитъ сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелемъ[8] свитый имъ вѣнецъ.

Но́чью, по́слѣ пи́ра, Людми́ла была́ похи́щена „безвѣ́стной си́лой“. Узна́въ о похище́ніи до́чери, Влади́миръ вызыва́етъ изъ свое́й друж и́ны жела́ющихъ отпра́виться на по́иски Людми́лы и обѣща́етъ ру́ку ея́ тому́, кто ее́ отыщетъ и возврати́тъ отцу́. Отыскивать вызыва́ются Русла́нъ и ещё́ три ви́тязя. Снача́ла ви́тязи ѣ́хали вмѣ́стѣ, но пото́мъ ка́ждый пое́халъ осо́бой доро́гой. Русла́нъ узнаётъ отъ колдуна́ Фи́на, что Людми́ла похи́щена стра́шнымъ волше́бникомъ Черномо́ромъ. Продолжа́я путь свой, Русла́нъ наѣзжа́етъ на по́ле, бы́вшее мѣ́стомъ како́й-то би́твы и покры́тое костя́ми.

3. Русла́нъ на по́лѣ ста́рой би́твы.

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мёртвыми костями?
Чей борзый[9] конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья[10]?..
Времёнъ отъ вѣчной темноты[11],
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ[12]
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ
И струны громкія баяновъ
Не будутъ говорить о нёмъ!“

Да́лѣе, на пути́, Русла́нъ встрѣ́тилъ необыкнове́нныхъ разме́ровъ говоря́щую го́лову.

---

[1]Въ наро́дныхъ произведе́ніяхъ князь Влади́миръ обыкнове́нно называ́ется „Влади́миръ-Кра́сное Со́лнышко“. Подо́бнымъ же о́бразомъ называ́етъ его и Пу́шкинъ. [2]Потому́ что стака́ны бы́ли металли́ческіе. [3]Посу́да для питья́. [4]Пѣ́нящимъ, шипу́чимъ. [5]Одного́ ко́рня съ глаго́ломъ гудѣ́ть; родъ стру́ннаго музыка́льнаго инструме́нта, бы́вшаго въ большо́мъ употребле́ніи въ дре́вней Руси́ и тепе́рь, хотя и ре́дко, употребля́ющагося въ простонаро́дьи. [6]Бѣ́глый—въ смы́слѣ бы́стрый, перебѣга́ющій съ одно́й стру́ны на другу́ю. [7]Знамени́тый дре́вне-ру́сскій пѣ́вецъ; и́мя э́то сдѣ́лалось нарица́тельнымъ и ста́ло обозначать вообще́ дре́вне-ру́сскаго пѣ́вца́. [8]Богъ бра́ка у язы́чниковъ-славя́нъ. [9]Бы́стрый. [10]Трово́й, кото́рая свидѣтельствуетъ о да́вности би́твы, о томъ, что о ней успѣ́ли уже́ забы́ть. [11]Отъ сме́рти. [12]Ти́хомъ, безлю́дномъ.

4. Чудéсная голова́.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыплённою землёй;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою[1] тёмной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе; слышитъ—
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно[2], съ покойнымъ духомъ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова!
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый[3].
И перья въ тёмной высотѣ,
Какъ тѣни, ходятъ, развѣваясь.
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безыменный,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво[4],
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекочетъ ноздри копіёмъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула...

Достúгнувъ зáмка Черномóра, Русла́нъ освобожда́етъ Людми́лу и, пóслѣ мнóгихъ приключе́ній, возвраща́ется съ не́ю въ Кіевъ.

Большинство́ произведе́ній Пу́шкина, напи́санныхъ имъ въ лице́ѣ и вскóрѣ по вы́ходѣ изъ него́, во вре́мя пребыва́нія въ Петербу́ргѣ, не отлича́ются ещё́ глубино́ю содержа́нія. Серіóзность содержа́нія, глубина́ мы́сли ска́зываются всё бóлѣе и бóлѣе со вре́мени оставле́нія Пу́шкинымъ Петербу́рга въ (1820 г.),—не потому́, коне́чно, что́бы тутъ влія́ла са́мая перемѣна мѣ́ста, а вслѣ́дствіе бóльшей возмужа́лости поэ́та и бóльшаго у́мственнаго разви́тія его́, кото́рыхъ онъ дости́гъ къ э́тому вре́мени. Одни́мъ изъ пе́рвыхъ произведе́ній напи́санныхъ Пу́шкинымъ пóслѣ вы́ѣзда изъ Петербу́рга, была́ пóвѣсть въ стиха́хъ (поэ́ма):

IV. Кавка́зскій плѣ́нникъ.

Поэ́ма э́та заду́мана имъ во время́ пребыва́нія съ семе́йствомъ ген. Раéвскаго на Кавка́зскихъ минера́льныхъ вода́хъ (1820 г.), подъ влія́ніемъ тѣ́хъ разска́зовъ о жи́зни черке́совъ, кото́рыхъ онъ здѣсь наслы́шался. Содержа́ніе поэ́мы слѣ́дующее. Ру́сскій офице́ръ, во вре́мя войны́

[1]Доро́гою. [2]Хра́бро, безъ стра́ха. [3]Шлемъ, укра́шенный пе́рьями. [4]Чу́до.

ру́сскихъ съ черке́сами (одно́ изъ кавка́зскихъ племёнъ, живу́щее въ гора́хъ, отъ берего́въ Чёрнаго мо́ря до исто́ковъ р. Куба́ни), попа́да́етъ къ нимъ въ плѣнъ и таки́мъ о́бразомъ стано́вится невóльнымъ наблюда́телемъ ихъ нра́вовъ и бы́та (о́браза жи́зни). Плѣннику удаётся, наконе́цъ, бѣжа́ть.

1. Плѣнникъ.

Въ ау́|лѣ, на́| свои́хъ поро́|гахъ,

Въ аулѣ[1], на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ[2] гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей[3],
Удары шашекъ[4] ихъ жестокихъ
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ
И пепелъ разорённыхъ селъ*.
Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плывётъ въ ночномъ туманѣ.
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ[5]
Младого плѣнника влачилъ.
„Вотъ русскій!“ хищникъ возопилъ[6]
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточённою[7] толпой;
Но плѣнникъ, хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ, недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ:
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ[8] дышитъ.

Плѣнникъ пришёлъ въ себя́. Съ тече́ніемъ вре́мени ра́ны его́ за́жили. Живя́ среди́ черке́совъ, онъ стано́вится невóльнымъ наблюда́телемъ ихъ нра́вовъ и о́браза жи́зни.

2. Черке́сы.

а) Общая характеристика черкесовъ.

...Европейца[9] всё вниманье
Народъ сей чудный[10] привлекалъ.
Межъ горцевъ[11] плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани[12],
Движеній вольныхъ быстроту
И лёгкость ногъ и силу длани[13].

---

[1]Такъ на Кавка́зѣ называ́ются дере́вни го́рскихъ племёнъ. [2]Воéнныхъ. [3]Нача́льникъ, князь у го́рскихъ племёнъ Кавка́за. [4]Широ́кая са́бля, носи́мая на ремнѣ че́резъ плечо́. *Обыкн.: сёлъ. [5]Верёвка съ петлёй для пои́мки живо́тныхъ и для захва́та въ плѣнъ непрія́теля. [6]Вскрича́лъ. [7]Черке́сы ненави́дѣли ру́сскихъ, какъ свои́хъ злѣ́йшихъ враго́въ. Тепе́рь, впро́чемъ, э́та не́нависть отошла́ въ о́бласть преда́ній. [8]Напомина́ющимъ о тлѣ́ніи, сме́рти. [9]Ру́сскаго офице́ра, попа́вшаго въ плѣнъ къ черке́самъ. [10]Удиви́тельный, своеобра́зный. [11]Го́рцами называ́ются всѣ вообще́ наро́ды, обита́ющіе въ гора́хъ. Здѣсь разумѣ́ются черке́сы. [12]Брань, стр., война́; жа́жда бра́ни—воинственность. [13]Длань, стр., со́б.: ладо́нь; рука́.

Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой[1] шапкѣ, въ буркѣ[2] чёрной,
Къ лукѣ[3] склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ;
На нёмъ броня[4], пищаль[5], колчанъ[6],
Кубанскій лукъ, кинжалъ[7], арканъ[8]
И шашка[9] вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ[10], пѣшій, конный,
Всё тотъ же онъ, всё тотъ же видъ,
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство— конь ретивый[11],
Питомецъ[12] горскихъ табуновъ[13],
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.

б) Военныя предпріятія черкесовъ.

Въ пещерѣ иль въ травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится
И вдругъ внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится.
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій[14],
И странника въ ущелья горъ
Уже влечётъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ[15]
Исполненъ огненной отваги[16].
Всё путь ему: болото, боръ,
Кусты, утёсы и овраги;

---

[1]Волоси́стой. [2]Безрука́вый во́йлочный кру́глый плащъ, ча́сто съ приши́тымъ къ нему́ снару́жи мохна́тымъ бара́ньимъ руно́мъ. [3]Лука́—изги́бъ у сѣдла́ спе́реди. [4]Стари́нный вое́нный убо́ръ, въ ро́дѣ руба́шки; дѣлался изъ металли́ческихъ пласти́нокъ или́ коле́цъ; носили све́рху оде́жды или́ подъ не́ю. [5]Стр. (отъ пищать); со́б.: ду́дка, затѣмъ—ружейная труба́, стволъ ружья́; наконе́цъ, сло́во э́то ста́ло употребля́ться въ смы́слѣ: ружье́. [6]Мѣшо́къ или́ я́щикъ для стрѣлъ. [7]Остроконе́чный, обою́дуострый боево́й ножъ. [8]а) Вся́кая верёвка; б) верёвка съ петлёю, для ло́вли скота́ или́ для захва́та непріятеля, [9]Широ́кая са́бля въ ко́жаныхъ ножна́хъ; но́сится на ремнѣ че́резъ плечо́. [10]Ничто́ изъ его́ разнообра́знаго ору́жія не произво́дитъ шу́ма, ина́че: черке́съ такъ ло́вко, такъ умѣючи но́ситъ своё ору́жіе, что оно́ не произво́дитъ на нёмъ никако́го шу́ма. [11]Ина́че: гла́вное бога́тство черке́са заключа́ется въ конѣ, кото́рый слу́житъ грозо́ю, страши́лищемъ для безпе́чныхъ, беззабо́тныхъ относи́тельно нападе́нія врага́ каза́ковъ. (Почему́,—объ этомъ ска́зано ни́же). [12]Со́б.: воспи́танникъ. [13]Табу́нъ—лошади́ное ста́до; пито́мецъ го́рскихъ табуно́въ ко́нь, воспита́вшійся, вы́росшій среди́ табуно́въ, принадлежа́щихъ го́рцамъ.—[14]Ина́че: въ оди́нъ мигъ, въ мину́ту его́ (черке́са) си́льный уда́ръ „рѣши́тъ“, т.-е. поко́нчитъ, „вѣ́рный бой“ („вѣ́рный“, коне́чно, для черке́са, вслѣ́дствіе превосхо́дства надъ пу́тникомъ въ си́лѣ и ло́вкости). [15]Очень бы́стро. [16]Стреми́тельной хра́брости.

Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздаётся.
Сѣдой[1] потокъ предъ нимъ шумитъ—
Онъ въ глубь кипящую несётся,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну;
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ[2] её передъ собой...
Но мощный[3] конь его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.
Иль, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный[4] грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые[5],
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь[6] и шеломъ,
Колчанъ и лукъ, и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный[7].

Глухая ночь. Рѣка ревётъ;
Могучій токъ его несётъ
Вдоль береговъ уединённыхъ,
Гдѣ на курганахъ[8] возвышённыхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на тёмный бѣгъ рѣки,
И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,
Плывётъ оружіе злодѣя...
О чёмъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ[9],
Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы*
И домъ отцовъ и тихій Донъ[10],
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ[11],
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась, и падаетъ казакъ
Съ окровавлённаго кургана.

в) Черке́съ у себя́ до́ма.

Когда же мирною семьёй
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой[12]
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ.
И, спрянувъ съ вѣрнаго коня,

Въ горахъ пустынныхъ запоздалый
Къ нему войдётъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня,—
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ ласково встаётъ

---

[1]Почему́ такъ на́званъ? [2]Стр., ви́дитъ. [3]Си́льный. [4]Пове́рженный, сбро́шенный. [5]Ста́рые, долговѣ́чные. [6]Нѣм. Panzer; то́ же, что броня́. [7]Молчали́вый. [8]Курга́нъ, тр., холмъ, возвыше́ніе. [9]Или бивуа́къ; нѣм. Biwacht, изъ bei при и Wacht стра́жа: а) вре́менная остано́вка во́йска въ похо́дѣ, для о́тдыха или́ ночле́га; б) часть во́йска, расположённая на стра́жѣ. *Здѣсь: поселе́ніе. Такъ называ́ются, со́бственно, то́лько каза́чьи поселе́нія. Каза́чьи стани́цы называ́ются во́льными въ противополо́жность поселе́ніямъ ру́сскихъ крестья́нъ, находи́вшихся въ крѣпостно́й зави́симости отъ помѣ́щиковъ. [10]Рѣка́, впада́ющая въ Азо́вское мо́ре; Донъ на́званъ ти́химъ, такъ какъ имѣ́етъ ти́хое, ме́дленное тече́ніе. По о́бѣ сто́роны До́на расположена́ Область Во́йска Донского. Рѣчь, ста́ло быть, идётъ здѣсь о донски́хъ каза́кахъ. [11]Т.-е. черке́съ; на́званъ „та́йнымъ врагомъ“ потому́, что напада́етъ не откры́то, а таясь, пря́чась въ ночно́й темнотѣ. [12]Въ дурну́ю пого́ду.

И гостю въ чашѣ благовонной[1]
Чихиръ[2] отрадный подаётъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной[3],
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Ночлега кровъ гостепріимный.
Бывало, въ свѣтлый байранъ[4]
Игра смѣняется игрою:
То, полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами[5]
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
Какъ лани[6], землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразный
Сердцамъ, рождённымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ[7] летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Всё въ э́томъ наро́дѣ ды́шитъ вои́нственностью, да́же дѣ́вичьи пѣ́сни. И въ нихъ поётся всё о войнѣ́, о вое́нныхъ приключе́ніяхъ. Вотъ каку́ю пѣ́сню влага́етъ въ уста́ черке́сскимъ дѣ́вамъ Пу́шкинъ въ „Кавка́зскомъ плѣнникѣ“:

3. Черке́сская пѣ́сня.

Са́мыми непримири́мыми, закля́тыми врага́ми черке́совъ и други́хъ кавка́зскихъ го́рцевъ бы́ли каза́ки, кото́рымъ принадлежа́ла гла́вная роль въ подчине́ніи ихъ ру́сской вла́сти. Поня́тно, поэ́тому, что вое́нныя столкнове́нія съ каза́ками наича́ще слу́жатъ предме́томъ пѣ́сенъ го́рцевъ.

Въ рѣ́кѣ́| бѣ́житъ| грему́|чій ва́лъ;|

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ[8];
Въ горахъ безмолвіе[9] ночное.
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ[10] ходитъ за рѣкой.
Казакъ плывётъ на челнокѣ.
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькія дѣти,

---

[1]Души́стой, съ прія́тнымъ за́пахомъ—отъ вина́, находя́щагося въ ней. [2]Тр., кавка́зское вино́. [3]Са́кля, тр., земля́нка; изба́ безъ пе́чи, съ пло́ской, земляно́й кры́шей (на Кавка́зѣ). Ого́нь раскла́дывается среди́ са́кли, отъ чего́ она́ во вре́мя то́пки наполня́ется ды́момъ. [4]Или́ байра́мъ; прс., назва́ніе са́маго ва́жнаго въ году́ магометанскаго пра́здника. Черке́сы исповѣ́дуютъ магомета́нскую вѣ́ру. [5]Для того́, чтобы́ прида́ть стрѣламъ бо́лѣе продолжи́тельный полётъ, по бока́мъ дре́вка придѣ́лывали изъ де́рева или́ друго́го како́го-ли́бо лёгкаго матеріа́ла нѣ́что въ ро́дѣ кры́льевъ, такъ что стрѣла́ походи́ла тупо́ю стороно́й на перо́ съ боро́дкой. [6]Лань—живо́тное изъ ро́да оле́ней съ вѣтви́стыми рога́ми; отлича́ется быстрото́й бѣ́га. [7]Прахъ, стр., пыль; здѣсь: въ прахъ=на зе́млю. [8]Волна́. [9]Тишина́. [10]Чече́нцы, или́ чече́ны—оди́нъ изъ наро́довъ Кавка́за; живу́тъ къ восто́ку отъ черке́совъ, по р. Те́реку и его́ прито́ку Су́нжѣ. Такъ же, какъ и черке́сы, они́ отлича́ются вои́нственностью.

Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.
На берегу завѣтныхъ[1] водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы,
Весёлый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Съ помощью молодой дѣвушки, черкешенки, плѣннику удается бѣжать.

Съ Кавказа, черезъ Крымъ, Пушкинъ пріѣхалъ въ Бессарабію, въ Кишинёвъ, куда перешла изъ Екатеринослава канцелярія, въ которой онъ служилъ. Какъ пребываніе на Кавказѣ вдохновило Пушкина изобразить бытъ и нравы черкесовъ, такъ и жизнь въ Бессарабіи вдохновила его изобразить бытъ и нравы цыганъ, кочующихъ въ ея степяхъ. (Осѣдлое населеніе Бессарабіи составляютъ молдаване). И вотъ Пушкинъ пишетъ поэму (повѣсть въ стихахъ): „Цыганы“. Содержаніе поэмы состоитъ въ слѣдующемъ. Русскій, по имени Алеко, пристаётъ къ цыганскому табору и странствуетъ вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но за преступленіе, совершённое имъ здѣсь, изгоняется изъ табора. Поэма начинается изображеніемъ цыганскаго табора.

V. Цыганы.

1. Цыганскій таборъ.

Цыга|ны шу́м|ною| толпо́й|

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ[2] ночуютъ.
Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный[3] сонъ подъ небесами.
Между колёсами телѣгъ,
Полузавѣшенныхъ коврами[4],
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ[5].
Всё живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недальній[6],
И пѣсни жёнъ[7], и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни[8].
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены;
Спокойно всё. Луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.

[1]Дорогихъ, милыхъ (родныхъ). Здѣсь разумѣются станицы кубанскихъ казаковъ, поселённыхъ русскимъ правительствомъ на Кавказѣ, по р. Кубани, для болѣе успѣшной борьбы съ горцами. [2]Шатёръ—палатка. „Въ шатрахъ изодранныхъ“: вслѣдствіе крайней бѣдности цыганъ, одежда и шатры ихъ состоятъ изъ лохмотьевъ. [3]Тихій. [4]Для защиты огня отъ вѣтра. [5]Цыганы добываютъ пропитаніе, между прочимъ, тѣмъ, что показываютъ за деньги по сёламъ и деревнямъ дрессированныхъ медвѣдей. [6]Въ путь однодневный, такъ какъ къ ночи цыганы расположатся снова таборомъ. [7]Стр., женщинъ. [8]Наковальня—извѣстнымъ образомъ приспособленный толстый кусокъ желѣза—на которомъ куютъ накалённый металлъ.

Но вотъ настаётъ у́тро, и весь та́боръ, снима́ется съ мѣ́ста и идётъ да́лѣе.

2. Перехо́дъ на друго́е кочо́вье.

И съ шу́|момъ вы́|сыпа́лъ| наро́дъ;|

И съ шумомъ высыпалъ народъ;	Мужья и братья, жёны, дѣвы,
Шатры разобраны; телѣги	И старъ и младъ вослѣдъ идутъ
Готовы двинуться въ походъ.	Крикъ, шумъ, цыганскіе припѣвы
Всѣ вмѣстѣ тронулись, и вотъ	Медвѣдя рёвъ, его цѣпей
Толпа валитъ въ пустыхъ равни-нахъ;	Нетерпѣливое бряцанье,
	Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ[1]	Дѣтей и старцевъ нагота[2],
Дѣтей играющихъ несутъ;	Собакъ и лай и завыванье.

Приста́въ къ цыга́нскому та́бору, Але́ко почу́вствовалъ себя́ во́льнымъ и беззабо́тнымъ, какъ пти́ца.

3. Беззабо́тная пти́чка.

Пти́чка| Бо́жі|я не| зна́етъ|

Птичка Божія не знаетъ	За весной, красой природы,
Ни заботы ни труда;	Лѣто знойное[5] пройдётъ;
Хлопотливо не свиваетъ	И туманъ и непогоды
Долговѣчнаго гнѣзда;	Осень поздняя несётъ.
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;	Людямъ скучно, людямъ горе;
Солнце красное[3] взойдетъ—	Птичка въ дальнія страны,
Птичка гласу Бога внемлетъ[4],	Въ тёплый край, за сине море,
Встрепенется и поётъ.	Улетаетъ до весны.

Стари́къ цыга́нъ, въ шатрѣ кото́раго Але́ко хотѣ́лъ найти прі-ю́тъ, принялъ его́ о́чень раду́шно. Узна́въ о жела́ніи Але́ко оста́ться ме́жду цыга́нами, онъ, по э́тому слу́чаю, вспо́мнилъ стари́нное преда́ніе, какъ жилъ когда́-то среди́ ди́кихъ племёнъ, у берего́въ Чёрнаго мо́ря, ри́мскій поэ́тъ, Ови́дій Назо́нъ.

4. Разска́зъ старика́ цыга́на объ Ови́діи.

Ри́мскій поэ́тъ Ови́дій Назо́нъ роди́лся въ 43-мъ г. до Р. Х. На 52-мъ году́ свое́й жи́зни онъ былъ со́сланъ (за что и́менно, съ то́чностью неизвѣ́стно), по́ повелѣ́нію импера́тора Августа, на берега́ Чёрнаго мо́ря и жилъ въ го́родѣ Томи́дѣ, близъ у́стьевъ Дуна́я (Кисте́нджи, въ Болга́ріи). Холо́дный, сравни́тельно съ италіа́нскимъ, кли́матъ, тоска́ и ску́ка разстро́или здоро́вье поэ́та. Онъ у́меръ шести́десяти лѣ́тъ о́тъ роду, на восьмо́мъ году́ свое́й ссы́лки. Изъ ссы́лки онъ писа́лъ женѣ́, чтобы́ она́

[1]Въ корзи́нахъ, свя́занныхъ верёвками, что́бы мо́жно бы́ло везти́ ихъ на осла́хъ, переки́нувъ че́резъ хребе́тъ. [2]Всле́дствіе кра́йней бѣ́дности, цыга́ны (осо́бенно дѣ́ти и стари́ки) хо́дятъ ча́сто полунаги́ми. [3]Прекра́сное. [4]Внима́етъ, слу́шаетъ го́лосъ Бо́га; повину́ется велѣ́нію Бо́жію. [5] Жа́ркое.

испроси́ла позволе́ніе перевезти́, по сме́рти, тѣло его́ въ Римъ; но жела́ніе э́то не́ было испо́лнено.

Межъ на|ми е́сть| одно́| преда́|нье.

Межъ нами есть одно преданье.
Церёмъ[1] когда-то сосланъ былъ
Полудня[2] житель къ намъ въ изгнанье.
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Его мудрёное прозванье).
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ[3] и живъ душой незлобной[4].
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ[5]
И голосъ, шуму водъ подобный[6].
И полюбили всѣ его,
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя[7].
Не разумѣлъ[8] онъ ничего
И слабъ и робокъ былъ, какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
Какъ мёрзла быстрая рѣка
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика.
Но онъ къ печалямъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ:
Скитался онъ изсохшій, блѣдный,
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье.
Онъ ждалъ, придётъ ли избавленье[9]...
И всё, несчастный, тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слёзы проливалъ,
Свой дальній градъ[10] воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія[11] кости,—
И смертью чуждой сей земли
Неуспокоенные гости[12].

Ко вре́мени пребыва́нія Пу́шкина въ Кишинёвѣ отно́сится и сле́дующее стихотворе́ніе:

VI. Пти́чка.

Въ чужби́|нѣ свя́|то на́|блюда́|ю

Въ чужбинѣ[13] свято наблюдаю
Родной обычай старины[14]:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны[15].
Я сталъ доступенъ утѣшенью[16];
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью[17]
Я могъ свободу даровать?

---

[1]Ри́мскимъ импера́торомъ Августомъ. [2]Юга. [3]Мо́лодъ. [4]До́брой, кро́ткой. [5]Удиви́тельный даръ, удиви́тельную спосо́бность. [6]Задуше́вный, ласка́ющій слухъ. [7]Очаро́вывая. [8]Не понима́лъ. [9]Возвраще́ніе изъ ссы́лки. [10]Римъ. [11]По ро́динѣ. Не ко́сти, коне́чно, тосковали, а тосковалъ самъ Ови́дій о томъ, что ко́сти его́ будутъ лежа́ть въ чужо́й землѣ, т.-е. что онъ бу́детъ погребёнъ не на ро́динѣ. [12]Бо́лѣе я́сное расположе́ніе словъ бу́детъ сле́дующее: го́сти чу́ждой сей земли́ (прибере́жья Чёрнаго мо́ря), не успоко́енные да́же сме́ртью. „Го́сти“— приложе́ніе къ сло́ву „ко́сти“. [13]Югъ Россіи, Бессара́бская о́бласть, представля́лся Пу́шкину чужби́ной, такъ какъ онъ роди́лся и вы́росъ на се́верѣ. [14]Стари́нный обы́чай, соблюда́емый на ро́динѣ. [15]Въ пра́здникъ Бла́говѣщенія Пресвята́я Богоро́дицы. [16]Я, наконе́цъ, утѣшился. Пу́шкинъ, чу́вствуя себя въ Кишинёвѣ на чужби́нѣ, тосковалъ по ро́динѣ и по лю́дямъ, среди́ кото́рыхъ протекли́ его́ дѣтство и ю́ность. [17]Созда́нію.

Ко врéмени пребыва́нія въ Кишинёвѣ отно́сится и слѣ́дующее, одно́ изъ лу́чшихъ стихотворе́ній Пу́шкина:

VII. Пѣснь о Вѣщемъ Оле́гѣ.

Оле́гъ, ру́сскій князь (879—913), опеку́нъ[1] малолѣ́тняго Игоря[2], про́званъ Вѣщимъ, т.-е. му́дрымъ, чародѣ́мъ, за свой уда́чный похо́дъ на Царьгра́дъ (Визáнтія, Константино́поль).—По преда́нію, оди́нъ куде́сникъ[3] предсказа́лъ Оле́гу, что онъ умрётъ отъ своего́ коня́. Оле́гъ переста́лъ на него́ сади́ться. Че́резъ нѣ́сколько лѣ́тъ онъ узна́лъ, что конь издо́хъ. Оле́гъ пожела́лъ ви́дѣть его́ ко́сти. Пріѣ́хавъ на мѣ́сто, гдѣ лежа́ли ко́сти, князь наступи́лъ на нихъ и сталъ глуми́ться надъ предсказа́ніемъ. Въ э́то вре́мя изъ че́репа вы́лѣзла змѣ́я и смертéльно ужа́лила кня́зя.

Какъ нынѣ| сбира́ет|ся Вѣ́щій| Олегъ

1. Какъ нынѣ[4] сбирается Вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ[5]:
Ихъ сёла и нивы[6] за буйный набѣгъ
Обрёкъ онъ мечамъ и пожарамъ[7].
Съ дружиной[8] своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ тёмнаго лѣса навстрѣчу ему
Идётъ вдохновенный[9] кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ[10] грядущаго[11] вѣстникъ,
Въ мольбахъ[12] и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ
Могильной засыплюсь землёю[13]?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
Въ награду любого[14] возьмёшь ты коня“.

—Волхвы[15] не боятся могучихъ владыкъ[16],
А княжескій даръ имъ не нуженъ:

---

[1]Опе́ка—надзо́ръ надъ лицо́мъ или́ иму́ществомъ его́, по малолѣ́тству ли́ца или́ по како́му-ли́бо друго́му обстоя́тельству. Опеку́нъ—завѣ́дующій опе́кою. [2]Сынъ пе́рваго по вре́мени ру́сскаго кня́зя, Ры́рика. За малолѣ́тствомъ Игоря, кня́жеская власть находи́лась въ рука́хъ его́ ро́дственника, Оле́га. [3]Отъ ку́до—чу́до; чародѣ́й, предсказа́тель, волше́бникъ. [4]Вотъ ны́нѣ, вотъ тепе́рь. [5]Наро́дъ, обита́вшій въ VII—IX вв. по Р. Х. къ сѣ́веру отъ Каспі́йскаго мо́ря, по Во́лгѣ. [6]Ни́ва—засѣ́янное по́ле. [7]Рѣши́лъ истреби́ть мечо́мъ и огнёмъ. [8]Отбо́рное во́йско, ближа́йшіе сподви́жники кня́зя. [9]Находя́щійся подъ влія́ніемъ вы́сшей, небе́сной си́лы. [10]Завѣ́тъ, стр.—а) всё, что завѣ́щано, свя́то нака́зано, заповѣ́дано; б) обѣ́тъ, обѣща́ніе; в) догово́ръ, усло́віе и осно́ванный на нёмъ сою́зъ. [11]Стр., бу́дущаго. „Вѣ́стникъ завѣтовъ грядущаго“=вѣ́стникъ обѣща́ній бу́дущаго=вѣ́стникъ того́, что обѣща́етъ, гото́витъ бу́дущее=вѣ́стникъ, предсказа́тель бу́дущихъ собы́тій. [12]Въ моли́твахъ. [13]Какъ сказа́ть ина́че? [14]Како́го пожела́ешь. [15]Волхвъ—то́ же, что куде́сникъ. [16]Си́льныхъ власти́телей.

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій[1] языкъ
И съ волей небесною дружень[2].
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій[3] на свѣтломъ[4] челѣ[5].
Запомни же нынѣ ты слово моё[6].
Воителю[7] слава—отрада[8];
Побѣдой прославлено имя твоё:
Твой щитъ[9] на вратахъ[10] Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ.
Завидуетъ недругъ столь дивной[11] судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ[12]
Въ часы роковой[13] непогоды,
И пращъ[14], и стрѣла, и лукавый кинжалъ[15]
Щадятъ побѣдителя годы.
Подъ грозной[16] бронёй ты не вѣдаешь ранъ:
Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ:
Онъ, чуя господскую волю[17],
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бранному[18] полю;
И холодъ и сѣча[19] ему ничего[20];
Но... примешь ты смерть отъ коня своего.

---

2. Олегъ усмѣхнулся; однако чело
И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый
И вѣрнаго друга прощальной рукой[21]
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой[22].

---

[1]Проро́ческій, предвѣща́ющій бу́дущее. [2]Свидѣ́тельствуетъ всегда́ согла́сно съ во́лею бого́въ. [3]Или́ же́ребей — а) отру́бокъ, кусо́къ, отре́зокъ; б) отрѣ́зокъ съ мѣ́ткою, служи́вшій въ старину́ для рѣшенія чего́-ли́бо спо́рнаго. Нѣсколько отрѣзковъ, кусо́чковъ (обыкновенно —де́рева), изъ кото́рыхъ оди́нъ былъ съ мѣ́ткою, броса́ли вверхъ, и спо́рный предме́тъ доставался тому́, во́злѣ кого́ па́далъ отрѣ́зокъ съ мѣ́ткой. Въ перено́сномъ смы́слѣ: жре́бій—судьба́, у́часть, до́ля. [4]Чу́ждомъ мра́чныхъ думъ. [5]Чело́, стр., лобъ. [6]Рѣчь мою́. [7]Вое́нному человѣ́ку; человѣ́ку, живу́щему войно́ю. [8]Смыслъ фра́зы тако́въ: для человѣ́ка, живу́щаго войно́й, для во́ина, всё сча́стіе заключа́ется въ сла́вѣ. Смыслъ дальнѣ́йшихъ словъ: и ты вполнѣ́ дости́гъ э́той отра́ды, э́того сча́стія, вполнѣ́ наслади́лся имъ. Да́лѣе идётъ подтвержде́ніе э́той мы́сли. [9]Стари́нное оборони́тельное ору́жіе; представля́ло металли́ческій или́ деревя́нный кругъ или́ ова́лъ съ рукоя́ткой посреди́нѣ (бы́ли, впро́чемъ, щиты́ и ино́й фо́рмы); щитъ служи́лъ для защи́ты те́ла отъ уда́ровъ стрѣлъ, ко́пій и про́ч. [10]Стр., на воротáхъ. Оле́гъ повѣ́силъ свой щитъ на воротáхъ Цареграда въ знакъ побѣ́ды. [11]Удиви́тельной. [12]Валъ—волна́. Почему́ волна́ на́звана обма́нчивою? [13]Рокова́й—со́б.: сро́чный, уро́чный; опредѣлённый судьбо́ю; здѣсь въ знач.: ги́бельный. [14]Или́ пра́ща; сло́женный петлёю реме́нь или́ верёвка со вло́женнымъ въ петлю́ ка́мнемъ для мета́нія; иногда́: расщѐпленная съ э́тою же цѣ́лью па́лка. [15]Почему́ кинжа́лъ на́званъ „лука́вымъ“? [16]Почему́ броня́ на́звана „гро́зною“? [17]Во́лю господи́на. [18]По по́лю бра́ни, т.-е. сраженія. [19]Сраже́ніе. [20]Для него́ ничего́ не зна́чатъ хо́лодъ и сѣ́ча; онъ привы́къ и къ хо́лоду и къ сѣ́чѣ. [21]Какъ сказа́ть ина́че вм. „проща́льной руко́й“? [22]Изо́гнутой; при́знакъ ло́шади хоро́шей поро́ды.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время.
Теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога
Въ твоё позлащённое стремя[1].
Прощай, утѣшайся, да помни меня!
Вы, отроки[2]-други, возьмите коня!
Покройте попоной[3], мохнатым ковром[4]
Въ мой лугъ подъ уздцы отведит
Купайте, кормите отборнымъ[5] зе ном
Водой ключевою[6] поите".
И отроки тотчасъ съ конёмъ отошл
А князю другого коня подвели.

---

3. Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ,
При звонѣ весёломъ стакана,
И кудри ихъ[7] бѣлы, какъ утренній снѣгъ[8]
Надъ славной главою кургана[9]...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ?" промолвилъ Олегъ:
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый[10]?
Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Всё тотъ же ль онъ бурный[11], игривый[12]?"
И внемлетъ[13] отвѣту: „На холмѣ кругомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ".
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумны старик
Презрѣть бы твоё предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ меня
И хочетъ увидѣть онъ кости ко
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двор
Съ нимъ Игорь[14] и старые гости
И видятъ — на холмѣ, у бре Днѣпр
Лежатъ благородныя кости[16].
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ и пы
И вѣтеръ волнуетъ надъ ни ковыль
Князь тихо на черепъ коня наст ши
И молвилъ[18]: „Спи, другъ одинок
Твой старый хозяинъ тебя пер жил
На тризнѣ, уже недалёкой,

---

[1]Стр., позолóченное. [2]Отрокъ, стр., слугá. [3]Покрывáло на лóша ди. [4]Ковромъ съ длúнною ворсóй; дорогúмъ ковромъ. [5]Сáмымъ лýч шимъ. [6]Родникóвою, чúстою, свѣ́жею. [7]Т.-е. дружúнниковъ, сподвúж никовъ Олéга, и егó самогó. Съ какóю цѣ́лью áворъ упоминáетъ томъ, что кýдри ихъ бы́ли бѣ́лы? [8]Почемý úменно „ýтренній"? [9]„Надъ слáвной главóю" = надъ слáвной вершúною. Здѣсь, очевúдно, разу мѣ́ется могúльный курга́нъ, насы́панный надъ погребёнными вóинами на пóлѣ слáвной бúтвы. Почемý кýдри срáвниваются съýтренним снѣ́гомъ? Почемý онѣ́ срáвниваются съ ýтреннимъ снѣ́гомъ на слáв номъ курга́нѣ? [10] и [11]Горячій, стремúтельный. [12]Тóже. [13]Сóб. внимáетъ слýшаетъ. [14]См. вы́ше примѣч. къ стих. [15]Сподвúжники, дружúнни ки, пировáвшіе съ Олéгомъ. [16]Кóсти коня́. Конь за свою́ красоту́ умъ и вѣрность господúну называ́ется благоро́днымъ живóтным [17]Родъ степно́й травы́. [18]Сказáлъ.

Іе ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
І жаркою кровью мой прахъ напоишь[1]...
'акъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Інѣ смертію кость угрожала!"
'зъ мёртвой главы гробовая змѣя[2],
Липя, между тѣмъ, выползала;
'акъ чёрная лента вкругъ ногъ обвилась,
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.
Ковши круговые[3], запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга[4] на холмѣ[5] сидятъ,
Дружина пируетъ у брега.
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Изъ Кишинёва Пу́шкинъ былъ переведёнъ на слу́жбу въ Оде́ссу 1823 г.); че́резъ годъ по́слѣ э́того онъ оста́вилъ слу́жбу и пере́ѣхалъ а жи́тельство въ име́ніе своего́ отца́, въ с. Миха́йловское, гдѣ жилъ, ди́нъ со свое́й стару́хой ня́ней, безвы́ѣздно по 1826 годъ. Жизнь въ ахолу́стной дере́внѣ не могла́ быть, коне́чно, весела́. Ску́ка дереве́нкой жи́зни и тоскли́вое настрое́ніе ду́ха, кото́рыя пришло́сь испыіть Пу́шкину въ э́то вре́мя, характеризу́ются отча́сти стихотворе́ніемъ:

VIII. Зи́мній ве́черъ.

Бу́ря| мглою| не́бо| кро́етъ,|

уря мглою[6] небо кроетъ,
ихри[7] снѣжные крутя;
ъ, какъ звѣрь, она завоетъ;
э заплачетъ, какъ дитя;
э по кровлѣ обветшалой[8]
другъ соломой зашумитъ;
ъ, какъ путникъ запоздалый,
ь намъ въ окошко застучитъ.
аша ветхая[9] лачужка[10]
И печальна и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила[11].

---

[1]Подъ сѣки́рой=подъ топоро́мъ. Обагри́ть—со́б.: сдѣ́лать багро́мъ, кра́снымъ. Прахъ—со́б.: пыль; трупъ, сме́ртные оста́нки. Не бо́я, и друго́го коня́ убью́тъ на мое́й могилѣ. Намека́ется на стари́нный обы́чай у язы́чниковъ ру́сскихъ убива́ть коня́ на моги́лѣ его́ споди́на. [2]Могильная, водя́щаяся въ тре́щинахъ, въ пусто́тахъ земли́. [3]Ковшъ—со́б.: деревя́нная кру́жка; здѣсь—въ о́бщемъ смы́слѣ: ча́ша, осу́да для питья́. Въ старину́ на пира́хъ го́сти пи́ли ча́сто изъ одного́ ковша́, кото́рый передава́лся изъ рукъ въ ру́ки отъ одного́ го́стя ъ другому́, наполня́ясь ка́ждый разъ вновь вино́мъ. Тако́й ковшъ азыва́лся „круговы́мъ". [4]Супру́га Игоря. [5]На кургане́, на на́сыпи, здви́гнутой на мѣ́стѣ погребе́нія Оле́га. Эти на́сыпи служи́ли для ы́шихъ пре́дковъ тѣмъ же, чѣмъ слу́жатъ тепе́рь для насъ надгро́бные па́мятники. [6]Тума́номъ, испаре́ніями. [7]Вихрь — круговой вѣтеръ. [8]Состарѣ́вшейся. [9]Ста́рая. [10]Уменьш. отъ лачу́га; избу́шка, пло́хенькій до́микъ. [11]Наро́дная пѣ́сня, начина́ющаяся слова́ми: „За́ моремъ синича́ка нешы́шно жила́".

Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла[1].
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То, какъ звѣрь, она завоетъ;
То заплачетъ, какъ дитя.

При всей скýдкѣ, пребывáніе Пýшкина въ с. Михáйловскомъ бы ло весьмá полéзно для негó. Живя вдали́ отъ „шýма свѣта“, от „свѣтской суеты́“, Пýшкинъ серіóзно приня́лся здѣсь пополня́ть сво образова́ніе чтéніемъ лýчшихъ иностра́нныхъ и рýсскихъ сочине́ні и мнóго писáлъ. Въ селѣ́ Михáйловскомъ имъ заду́маны, на́чаты ил ко́нчены, на́чатыя ра́ньше, лýчшія егó произведе́нія. Здѣсь же он имѣ́лъ возмóжность бли́же присмотрѣ́ться къ рýсской прирóдѣ и де ревéнской жи́зни, котóрыя затѣ́мъ такъ жи́во бы́ли изображены́ имъ Вотъ нѣ́сколько стихотворе́ній егó, напи́санныхъ, очеви́дно, подъ вне чатлѣ́ні́емъ рýсской деревéнской обстановки. Всѣ́ они́ представля́ют собóю отры́вки изъ рома́на: „Евге́ній Онѣ́гинъ“, пи́саннаго Пýшки нымъ въ Михáйловскомъ.

IX. Изъ „Евге́нія Онѣ́гина“.

1. Осень и зима́.

Ужъ не́|бо о́|сенью| дыша́|ло,

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь*
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ каравáнъ**
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора:
Стоялъ ноябрь ужъ у двора***.
Встаётъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ[2];
Его почуя, конь дорожный[3]
Храпитъ, и путникъ осторожный
Несётся въ гору во весь духъ[4].
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣ
И въ часъ полуденный[5] въ кружо
Ихъ не зовётъ его рожокъ.
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядётъ, и, зимнихъ другъ ноче
Трещитъ лучина[6] передъ ней.
И вотъ уже трещатъ[7] морозы
И серебрятся[8] средь полей...
Опрятнѣй моднаго паркета[9]
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта[10]

[1]Наро́дная пѣснь, начина́ющаяся слова́ми: „По у́лицѣ мостово́й“ *Стр., тѣнь. **Ста́я. ***Наступа́лъ уже́ ноя́брь. [2]Чѣмъ волкъ пита́лс весно́ю, лѣ́томъ и о́сенью? Почему́ зимо́ю онъ выхо́дитъ на доро́гу [3]Находя́щійся въ доро́гѣ, въ пути́. [4]Очень бы́стро. [5]Въ по́лдень. [6]Дли́н ная щепка, обыкнове́нно изъ сосно́ваго или́ ли́пового де́рева; упо требля́ется ру́сскими крестья́нами для освѣще́нія, вмѣсто свѣчъ. Чѣм обыкнове́нно занима́ются крестья́не весно́ю, лѣ́томъ и въ нача́л о́сени? По́слѣ утоми́тельныхъ полевы́хъ рабо́тъ, есть ли возмóжност занима́ться ещё ве́черомъ како́ю-ли́бо дома́шнею рабо́той? Почему́ слѣ́довательно, карти́на пряде́нія по вечера́мъ слу́житъ при́знако глубо́кой осени или́ зимы́? [7]Почему́ такъ ска́зано? [8]Какъ сказа́т ина́че? [9]Фр. parquet шту́чный полъ, т.-е. состоя́щій изъ отдѣ́льны кусково́въ де́рева; быва́етъ то́лько въ бога́тыхъ дома́хъ. Мо́днаго—сдѣ ланнаго въ послѣ́днемъ вку́сѣ, по мо́дѣ; здѣсь въ смы́слѣ: са́маг лу́чшаго. [10]Покры́тая льдомъ.

Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ.
На красныхъ лапкахъ гусь тяжёлый[1],
Задумавъ плыть по лону[2] водъ,
Ступаетъ бережно[3] на лёдъ,
Скользитъ и падаетъ; весёлый[4]
Мелькаетъ, вьётся первый снѣгъ,
Звѣздами[5] падая на брегъ.

2. Зима́.

Зима . . . . Крестьянинъ, торжествуя[6],
На дровняхъ обновляетъ путь[7];
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь[8].
Бразды[9] пушистыя[10] взрывая,
Летитъ кибитка[11] удалая[12],
Ямщикъ[13] сидитъ на облучкѣ[14]
Въ тулупѣ[15], въ красномъ кушакѣ[16].
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ[17],
Въ салазки[18] жучку[19] посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно[20],
А мать грозитъ ему въ окно...

3. Наступле́ніе весны́.

Гонимы вешними[21] лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса.
Ещё прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ.
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

4. Наступле́ніе зимы́.

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама

---

[1]Почему́ онъ такъ на́званъ? [2]Ло́но, стр., грудь, колѣ́ни; вообще́ мѣ́сто, гдѣ́ обыкновѣ́нно де́ржитъ мать ребёнка, лелѣ́я или́ ласка́я его́. Ло́но водъ—пове́рхность водъ. [3]Осторо́жно. [4]Въ како́мъ смы́слѣ? [5]Снѣжи́нки въ зи́мній па́смурный день выдѣля́ются въ во́здухѣ свое́ю бѣлизно́ю, какъ звѣ́зды въ тёмномъ не́бѣ. [6]Ра́дуясь. Чему́? [7]Прокла́дываетъ но́вый путь. [8]А ра́ньше, до выпаде́нія снѣ́га, лоша́дка какъ плела́сь? [9]Бразда́, стр., борозда́,—желобча́тая полоса́. [10]Почему́ „пуши́стыя“? [11]Кры́тая пово́зка. [12]Почему́ кибитка на́звана „удало́ю“? [13]Ку́черъ на почто́вой доро́гѣ. [14]Облучо́къ—со́б.: край пово́зки, перекла́дины пово́зочнаго я́щика; на почто́выхъ телѣ́гахъ ко́зелъ ча́сто не быва́етъ, и ямщи́къ сиди́тъ пря́мо на облучкѣ́. [15]Шу́ба безъ ста́на, въ ви́дѣ халата́. [16]По́ясѣ. [17]Ребёнокъ дворо́ваго человѣка. Дворо́вые лю́ди, или́ про́сто, дворо́вые — прислу́га на ба́рскомъ дворѣ́; во времена́ крѣпостно́го пра́ва прислу́гу э́ту составля́ли безземе́льные крестья́не, жи́вшіе изъ поколѣ́нія въ поколѣ́ніе на всёмъ ба́рскомъ содержа́ніи и на ба́рскомъ дворѣ́. [18]Дѣ́тскія игру́шечныя са́ни. [19]Назва́ніе соба́ки [20]Почему́? [21]Весе́нними.

Идётъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками
Повисла на сукахъ дубовъ,
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою[1].
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки зимы.

5. Москва́.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними[2]
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ[3], крестами золотыми
Горятъ старинныя главы[4].
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ[5] полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ[6],
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ нёмъ отозвалось!
Вотъ, окружёнъ своей дубравой[7]
Петровскій замокъ[8]. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой[9].
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ[10] упоённый,
Москвы колѣнопреклонённой
Съ ключами стараго Кремля![11]
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріёмный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погружёнъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ

Для сравне́нія приво́димъ ни́же описа́ніе Москвы́ Ѳ. Гли́нки*.

Москва́.

Го́родъ| чу́дный,| го́родъ| дре́вній,|
Городъ чудный[12], городъ древній[13]! | Ты вмѣстилъ въ свои концы

---

[1]Покро́вомъ. [2]Пе́редъ помѣ́щицей Ла́риной и ея́ до́черью, ѣ́хавшими изъ дере́вни въ Москву́. [3]Раскале́нные у́гли. [4]Гла́вы церкве́й. [5]Черто́гъ, стр., соб. бога́то у́бранная ко́мната; здѣсь: бога́то вы́строенный домъ. [6]Пу́шкинъ называ́етъ свою судьбу́ блужда́ющею, потому́ что ему́ приходи́лось въ жи́зни стра́нствовать, ча́сто мѣня́ть мѣ́сто жи́тельства. [7]Ли́ственнымъ лѣ́сомъ. [8]Дворе́цъ въ Петро́вскомъ па́ркѣ, недалеко́ отъ Москвы́. О Наполео́нѣ см. примѣча́ніе къ ба́снѣ Крыло́ва: „Волкъ на псарнѣ“, стр. 73. [9]Т.-е. тѣ́мъ, что изъ него́ Наполео́нъ смотрѣлъ на пожа́ръ Москвы́. Сла́ва на́звана „неда́внею“, такъ какъ со вре́мени нашествія Наполео́на до вре́мени, когда́ Пу́шкинъ писа́лъ э́то мѣ́сто „Евгенія Онѣгина“, прошло́ не бо́лѣе 15 лѣтъ. [10]Бороди́нскимъ сраже́ніемъ. Наполео́нъ истолкова́лъ исхо́дъ э́того сраже́нія въ свою́ по́льзу и провозгласи́лъ побѣ́ду. [11]Та́къ называ́ется кре́пость внутри́ Москвы́. *Ру́сскій писа́тель, совреме́нникъ Пу́шкина. [12]Удиви́тельный по красотѣ́ и величинѣ́. [13]Москва́ осно́вана въ XII вѣ́кѣ.

И посады[1], и деревни,
И палаты[2], и дворцы!
Опоясанъ лентой пашенъ[3],
Весь пестрѣешь ты въ садахъ.
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!
И могучею рукою
Ты, какъ хартія[4], развитъ,
И надъ малою рѣкою[5]
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ деревá[6]!
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ!

Это—матушка Москва!
Кто, силачъ, возьмётъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря[7]!
Кто собьётъ златую шапку
У Ивана-звонаря[8]?
Кто царь-колоколъ[9] подыметъ?
Кто царь-пушку[10] повернётъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ[11]?...
Ты не гнула крѣпкой выи[12]
Въ бѣдовой своей судьбѣ[13]:
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ[14]!
Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла,
Бурнопламенная!
И подъ пепломъ ты лежала
Полонённою,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною.
Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный[15], градъ сердечный[16],
Коренной[17] Россіи градъ!

---

[1]Посадъ—пригородъ, подгорбдное поселéніе, жи́тели котóраго занима́ются торго́влею и ремёслами (въ э́томъ отли́чіе поса́да отъ при́городной дере́вни). [2]Пала́та, со́б., больша́я, просто́рная ко́мната; разумѣ́ются пала́ты въ моско́вскихъ дворца́хъ. [3]Ни́вами. [4]Гр., листъ изъ папи́руса, для письма́; дре́вняя ру́копись, ска́танная въ свёртокъ. [5]Москва́ расположена́ на берега́хъ двухъ небольши́хъ рѣкъ: Москвы́ и Яузы. [6]Этимъ ука́зывается на дре́вность постро́екъ. Въ Москвѣ, дѣйствительно, на кро́вляхъ нѣкоторыхъ церквéй расту́тъ небольшія дерéвца. [7]Кремль на́званъ богатырёмъ вслѣдствіе своéй обши́рности; онъ заключа́етъ въ себѣ мно́го строéній. [8]Разумѣется колоко́льня Ива́на Великаго, постро́енная въ концѣ XVI вѣка. Злата́я ша́пка—ку́поло на колоко́льнѣ. Колоко́льня э́та имѣетъ въ вышину́ 46½ са́женъ. [9]Въ Кремлѣ нахо́дится царь-ко́локолъ въ 12,000 пудо́въ вѣсу, съ отби́тымъ кра́емъ. [10]Такъ называется необыкновéнныхъ размѣровъ пу́шка, находя́щаяся въ Кремлѣ. [11]Разумѣются Спа́сскія воротá, веду́щія въ Кремль съ Кра́сной пло́щади; надъ воротáми э́тими нахо́дится чудотво́рная ико́на Спаси́теля; прохо́жіе, поэ́тому, у Спа́сскихъ воро́тъ снима́ютъ ша́пки и кре́стятся. [12]Стр., шéи. [13]Ука́зывается на нашествіе Наполеóна (см. стр. 73). [14]То́лько лю́ди, не лю́бящіе своё отéчество, не покло́нятся тебѣ. [15]Москва́ нахо́дится въ середи́нѣ европéйской Россіи. [16]Составля́ющій какъ бы сéрдце Россіи и по своему́ географи́ческому положéнію и по своему́ значéнію въ ея́ исто́ріи. [17]Имѣющій ру́сское населéніе; э́тимъ Москва́ отлича́ется отъ Петербу́рга, населéніе котóраго почти́ наполови́ну состои́тъ изъ людéй нерýсскаго происхожденія.

Изъ с. Михáйловскаго Пýшкинъ ѣздилъ къ знакóмымъ въ гóр. Псковъ. Во врéмя одной изъ такúхъ поѣздокъ онъ написáлъ стихотворéніе:

X. Зúмняя дорóга.

Сквóзь вол|нúсты|é ту|мáны|

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льётъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика[1]:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня ни чёрной хаты...
Глушь и снѣгъ... Навстрѣчу мнѣ
Только вёрсты полосаты[2]
Попадаются однѣ.

Остáвивъ с. Михáйловское, въ котóромъ Пýшкинъ прожúлъ бóколо трёхъ лѣтъ, онъ жилъ бóльшею частью въ столúцахъ, въ кругý своúхъ многочúсленныхъ великосвѣтскихъ знакóмыхъ, и вёлъ разсѣянную жизнь свѣтскаго человѣка. Тѣмъ не мéнѣе онъ не забывáлъ старýху нянú, остáвшуюся въ с. Михáйловскомъ, писáлъ ей и посылáлъ дéньги. Пúсьма ея онъ хранúлъ наравнѣ съ тѣми, котóрыя получáлъ отъ друзéй и знакóмыхъ. Въ пúсьмахъ своúхъ Арúна Родióновна чáсто выражáла желáніе снóва увúдѣть Пýшкина и просúла егó прiѣхать въ с. Михáйловское. Какъ бы въ отвѣтъ на однó изъ такúхъ пúсемъ, Пýшкинъ написáлъ стихотворéніе:

XI. Къ нянѣ.

Подру́|га днéй| моúхъ| суро́|выхъ,

Подруга дней моихъ суровыхъ[3],
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ[4]
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы[5]
Горюешь будто на часахъ[6],

И медлятъ поминутно спицы[7]
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ
Глядишь въ забытыя ворота
На чёрный, отдалённый путь;
Тоска, предчувствіе[8], заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь...

---

[1]Татáр., ямъ—перегóнъ, разстоя́ніе отъ одной стáнціи до другóй; кýчеръ на почтóвомъ экипáжѣ. [2]Разумѣются верстовы́е столбы́ на почтóвой дорóгѣ; обыкновéнно они́ окрáшены полосáми, въ бѣлый и чёрный цвѣтъ; поэ́тому вёрсты и нáзваны полосáтыми.—[3]Указáніе на врéмя пребывáнія въ с. Михáйловскомъ; врéмя э́то вслѣ́дствіе одинóчества и скýки представля́лось Пýшкину „суро́вымъ“. [4]Селó Михáйловское окруженó сосновыми лѣсáми. [5]Свѣтли́ца, свѣтёлка—такъ называ́ются въ крестья́нскихъ и́збахъ кóмнаты съ óкнами крáсными, т.-е. снабжёнными рáмами и стёклами; здѣсь—вообщé кóмната. [6]Скучáешь, слóвно находя́сь на стрáжѣ,—какъ часовóй. [7]Для вязáнія чулóкъ. [8]Предчу́вствіе, что, мóжетъ быть, питóмецъ ея снóва прiѣдетъ.

Осенью 1828 го́да Пу́шкинъ жилъ въ одно́й изъ деревне́нь своего́ отца́. Къ э́тому вре́мени отно́сится стихотворе́ніе:

XII. Осень.

Октя́брь| ужъ на́|ступи́лъ;| ужъ рб|ща б|тряха́|етъ

Октябрь ужъ наступилъ[1]; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ[2] осенній хладъ; дорога промерзаетъ;
Журча ещё бѣжитъ за мельницей ручей,
Но прудъ уже застылъ[3]. Сосѣдъ мой[4] поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля[5] съ охотою своей,
И страждутъ озими[6] отъ бѣшеной забавы[7],
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

Если не исключи́тельно, то гла́внымъ о́бразомъ пребыва́нію Пу́шкина въ с. Михаи́ловскомъ должно́ быть припи́сано бли́зкое знако́мство его́ съ поня́тіями и усло́віями жи́зни ру́сскаго просто́го наро́да, обнару́живающееся во мно́гихъ его́ произведе́ніяхъ: никогда́, ни ра́ньше ни по́зже, Пу́шкинъ не жилъ такъ до́лго въ ру́сской дере́внѣ. Объ э́томъ знако́мствѣ въ осо́бенности я́сно свиде́тельствуетъ сле́дующее стихотворе́ніе:

XIII. Утопленникъ.

При́бѣ|жа́ли| въ и́збу| дѣти,|

1. Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца“.
—Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ:
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо[9] мертвецъ!

---

[1]Нача́ло, середи́ну или́ коне́цъ о́сени нам'ѣренъ описа́ть а́вторъ? [2]Поду́лъ. [3]Почему́ „руче́й ещё бѣжи́тъ“, а „прудъ уже́ засты́лъ“? [4]Сосѣдній помѣщикъ. [5]Поля́, обыкновенно о́чень отдалённыя отъ селе́ній, гдѣ произво́дится охо́та на звѣря. Псо́вая охо́та, до отмѣны крѣпостно́го пра́ва, была́ о́чень распространена́ ме́жду ру́сскими помѣщиками. Для нея́ они́ обыкновенно содержа́ли мно́жество охо́тничьихъ соба́къ, съ цѣлымъ шта́томъ прислу́ги для присмо́тра за ни́ми (псаре́й). Въ охо́тѣ на звѣря принима́етъ уча́стіе мно́го охо́тниковъ, кото́рые должны́ подчиня́ться извѣ́стному поря́дку. Поэ́тому при ба́рскомъ дворѣ состоя́ли на слу́жбѣ ли́ца, исполня́вшія извѣ́стныя обя́занности на охо́тѣ (стремя́нной, ло́вчій и др.). Вы́ѣздъ ба́рина на охо́ту составля́лъ для селе́нія цѣлое собы́тіе и походи́лъ, по многолю́дству уча́ствующихъ, на выступле́ніе въ похо́дъ про́тивъ непрія́теля. [6]Страда́ютъ.—Озимь—сѣянный о́сенью, на́ зиму, хлѣбъ. [7]Т.-е. отъ чего́? [8]Почему́ дубра́вы такъ на́званы?—[9]Со́б.: по́слѣ, пото́мъ; употребля́ется та́кже въ ви́дѣ угро́зы: вотъ посто́й! погоди́! попадёшься ты мнѣ! придётъ пора́!

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка;
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь[1]...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ: ужъ поплетусь[2]...
Гдѣ жъ мертвецъ? „Вонъ, тятя,
э-вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ[3],
Мёртвый виденъ на пескѣ.
Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ...
Горемыка[4] ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али[5] хмельный[6] молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый[7] купецъ,—
Мужику какое дѣло?
Озираясь[8], онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ,
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ[9].
Долго мёртвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошёлъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по колачу;
Да смотрите жъ, не болтайте
А не то поколочу“.

—

2. Въ ночь погода[10] зашумѣла,
Взволновалася рѣка.
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной[11] хатѣ мужика;
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На полатяхъ[12] мужъ лежитъ;
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ[13],—
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.
„Кто тамъ?“—Эй, впусти, хозяинъ!
„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ[14]?
Чортъ занёсъ тебя сюда!
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно“.
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно[15].
Изъ-за тучъ луна катится...

---

[1]Не раздѣлаюсь, не покончу. Потянутъ меня въ судъ или въ качествѣ подсудимаго, подозрѣвая, что я утопилъ, или въ качествѣ свидѣтеля; придётся ещё поплатиться деньгами, давать взятки, чтобы только откупиться отъ обвиненій и отъ траты времени (Взяточничество въ старинныхъ судахъ было очень развито). [2]Сбб.: тихо побреду, пойду. [3]Сѣть для ловли рыбы. [4]Отъ словъ: горе и мыкать (тянуть); бѣднякъ, неудачникъ въ жизни. [5]Или. [6]Пьяный. [7]Не догадавшійся принять мѣры предосторожности противъ разбойниковъ. [8]Оглядываясь. Зачѣмъ? [9]Крестьянинъ, найдя мёртвое тѣло, долженъ былъ по требованію христіанскаго долга, принять немедленно мѣры къ тому, чтобы тѣло было предано землѣ по христіанскому обряду. Но изъ страха передъ судомъ онъ не сдѣлалъ этого, и мертвецъ поплылъ внизъ по теченію, какъ бы ища, кто бы его похоронилъ. [10]Буря, ненастье. [11]Крестьянскія избы часто строятся безъ печныхъ трубъ; поэтому отъ топки изба наполняется дымомъ. [12]Полати, только во мн. ч., а) вообще подмостки, настилка; б) подмостки въ крестьянской избѣ для спанья (на полатяхъ теплѣе, чѣмъ на полу и кровати), [13]Внимаетъ, слышитъ. [14]Сбб.: имя сына Адамова, убившаго своего брата; въ переносномъ смыслѣ: злой, недобрый человѣкъ [15]Въ крестьянскихъ избахъ окна часто бываютъ не створчатыя, а подъёмныя.

Что же? Голый передъ нимъ!
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ[1];
Всё въ нёмъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки чёрные впились.
И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. „Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ нёмъ мѣшались,
Трясся ночь онъ напролётъ[2],
И до утра всё стучались
Подъ окномъ и у воротъ.
Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный[3] гостя ждётъ.
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Въ 1829 году Пушкинъ поѣхалъ въ Эрзерумъ. Путешествіе это было предпринято имъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью видѣть войну, происходившую въ то время между русскими и турками въ Турецкой Арменіи. Русскіе дошли тогда до главнаго города Турецкой Арменіи, Эрзерума, послѣ чего вскорѣ былъ заключёнъ миръ. Плодомъ этой поѣздки явились записки Пушкина, подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Эрзерумъ“, и рядъ стихотвореній, въ которыхъ онъ изображаетъ разныя картины и явленія природы, видѣнныя по пути, и выражаетъ свои путевыя впечатлѣнія.—Такъ, обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года обвалъ (см. ниже, „Путешествіе въ Эрзерумъ“, главу: „Обвалы“) изображенъ имъ въ стихотвореніи:

XIV. Обвалъ.

Дробясь| о мрач|ныя| скалы,|

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы[4],
И надо мной кричатъ орлы,
И рощетъ[5] боръ,
И блещутъ средь волнистой[6] мглы
Вершины горъ.
Оттоль* сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга.
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой[7] грудою[8] лежалъ,
И Терекъ злой[9] подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ[10]
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по нёмъ широкій шёлъ,
И конь скакалъ, и влёкся волъ[11],
И своего верблюда вёлъ
Степной купецъ,—
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ[12].

[1]Неподвиженъ. [2]Говорится о времени, въ смыслѣ: совершенно всю, цѣликомъ, всецѣло. [3]Соб.: названный; опредѣлённый. [4]Волны. [5]То-есть? [6]То-есть? *Оттуда. [7]Нетающей. [8]Кучею. [9]Почему онъ такъ названъ? [10]Какъ сказать иначе? [11]Почему о конѣ сказано: „скакалъ“, а о волѣ „влёкся“? [12]Почему вѣтеръ названъ „жильцомъ небесъ“?

Миновáвъ Дарiáльское ущéлье и проѣзжáя мúмо горы́ Казбéкъ (одна́ изъ высочáйшихъ вершúнъ Кавкáзскаго хребтá, покры́тая вѣ́чнымъ снѣ́гомъ), Пу́шкинъ увúдѣлъ на склóнѣ горы́ дрéвнiй монасты́рь. Казбéкъ съ его́ „заóблачнымъ“ монастырёмъ вдохновúлъ Пу́шкина написáть слѣ́дующее стихотворéнiе:

XV. Монастырь на Казбéкѣ.

Высо́|ко на́дъ| семьё́|ю го́ръ,|

Высоко надъ семьёю горъ[1],
Казбекъ, твой царственный[2] шатеръ[3]
Сіяетъ вѣ́чными лучами[4]
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ́ рѣ́ющiй[5] ковчегъ[6],
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далёкiй, вожделѣ́нный[7] брегъ!
Туда бъ, сказавъ: „Прости!“ ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣ́дство Бога[9], скрыться мнѣ!..,

На возвра́тномъ пути́ изъ Эрзеру́ма, Пу́шкинъ написáлъ слѣ́дующее стихотворéнiе, прекрáсно рисýющее разнообрáзiе природы́ Кавкáза:

XVI. Кавказъ.

При чтéнiи стихотворéнiя, нáдо пóмнить, что чѣ́мъ вы́ше отъ у́ровня мóря лежúтъ какóе-лúбо мѣ́сто, тѣ́мъ на нёмъ холодне́е. Поэ́тому по склóнамъ высóкихъ горъ, лежáщихъ въ жáркихъ странáхъ, мóжно встрѣ́тить всѣ́ клúматы съ соотвѣ́тствующею имъ растúтельностью.

Кавка́зъ по|до мно́ю.| Одúнъ въ вы|шинѣ́

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами[10] у края стремнины[11]:
Орёлъ, съ отдаленной поднявшись вершины,

Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ́[12] я вижу потоковъ рожденье[13]
И первое грозныхъ обваловъ[14] движéнье[15].

---

[1]Почему́ собрáнiе горъ нáзвано „семьёю“? [2]и [3]Почему́ вершúна горы́ нáзвана „шатрóмъ“? Почему́ шатёръ нáзванъ „цáрственнымъ“? Надъ чѣ́мъ онъ цáрствуетъ, возвышáется? [4]Лучáми сóлнца, отражáющимися отъ снѣ́жной вершúны Казбéка. Почему́ лучú нáзваны „вѣ́чными“? [5]Рѣ́ять—а) плáвно нести́сь. летѣ́ть; б) тó же, что парúть. [6]а) Кóванный сосу́дъ илú сундýкъ для хранéнiя чего́-лúбо; б) я́щикъ, кивóтъ для икóны; в) су́дно. [7]Желáнный. [8]Почему́ вышина́ нáзвана „вóльною“? [9]То-есть?—[10]Съ высоты́ горы́, на котóрой стоялъ П., вúдны бы́ли гóры, покры́тыя вѣ́чнымъ снѣ́гомъ. Вслѣ́дствiе значúтельнаго разстоя́нiя ихъ отъ э́той горы́, онѣ́ оказáлись рáвными по высотѣ́ съ нéю илú дáже нúже ея́. На́ гору, покры́тую вѣ́чнымъ снѣ́гомъ взобрáться óчень трýдно. Пу́шкинъ, скóлько извѣ́стно, на такúя гóры не всходúлъ. [11]Утёса. [12]Отсю́да. [13]Инáче сказáть? [14]Для кого́ „грóзныхъ“ и почему́? [15]„Пéрвое движéнье“=начáло движéнiя.

Здѣсь тучи смиренно[1] идутъ подо мной:
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утёсовъ нагія громады[2];
Тамъ, ниже, мохъ[3] тощій[4], кустарникъ сухой[5];
А тамъ уже рощи, зелёныя сѣни[6],
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ[7],
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь[8] нисходитъ[9] къ весёлымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ[10] брегахъ;
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи[11],
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи[12];
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьётся о берегъ въ враждѣ безполезной[13],
И лижетъ утёсы голодной[14] волной...
Вотще[15]! Нѣтъ ни пищи ему ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады[16].

Слѣдующее стихотворе́ніе изобража́етъ одну́ изъ сценъ, кото́рыя приходи́лось наблюда́ть поэ́ту на войнѣ́.

XVII. Делиба́шъ[17].

Пе́ре|стрѣлка| за́ хол|ма́ми|;

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ[18] и нашъ;
На холмѣ предъ казаками
Вьётся красный[19] делибашъ.

---

[1]Почему́ „смире́нно“? [2]Грома́да—величина́. „Грома́ды утёсовъ“—грома́дные утёсы. [3]Не древе́сный мохъ, а трава́ осо́баго ро́да; растётъ въ холо́дномъ кли́матѣ. [4]Несо́чный, ску́дный. [5]Жа́лкій, ску́дный, лишённый оби́льной зе́лени, — како́й обыкнове́нно растётъ въ холо́дномъ кли́матѣ. Дере́вья въ о́чень холо́дномъ кли́матѣ во́все не мо́гутъ расти́. [6]Ро́ща — небольшо́й лѣсъ. Сѣнь, стр., тѣнь. [7]Выраже́ніе э́то о́чень карти́нно. Са́кли го́рцевъ обыкнове́нно стро́ятся такъ, что одну́ или́ двѣ стѣны́ составля́етъ бокъ ка́менной горы́, остальны́я же пристра́иваются. Постро́енныя таки́мъ о́бразомъ са́кли напомина́ютъ собо́ю пти́чьи гнѣзда, дѣ́лаемыя изъ гря́зи и прилѣпля́емыя къ како́му-ли́бо высо́кому предме́ту. [8]Пасту́хъ. [9]Стр., схо́дитъ. [10]Како́е заключе́ніе о расти́тельности мо́жно отсю́да сдѣ́лать? [11]Зачѣ́мъ? Въ како́мъ ущелы́и? [12]Каково́ тече́ніе Те́река? [13]Почему́ „безполе́зной“? [14]Почему́ волна́ на́звана „голо́дной?“ [15]Стр., напра́сно. [16]Грома́ды чего́? Въ противополо́жность чему́ грома́ды на́званы „нѣмы́ми? — [17]Тур., удале́цъ, лихо́й наѣздникъ. [18]Туре́цкій. [19]Туре́цкая ко́нница того́ вре́мени одѣва́лась въ я́ркіе цвѣта́, преиму́щественно въ кра́сный. Въ „Путеше́ствіи въ Эрзеру́мъ“ Пу́шкинъ говори́тъ о костю́мѣ туре́цкой ко́нницы: „Ту́рки наѣжа́ли съ большо́ю де́рзостью... Ихъ высо́кія чалмы́, кра́сные доломаны и блестя́щій убо́ръ коне́й составля́ли ре́зкую противополо́жность съ си́ними мундира́ми и просто́ю сбру́ею казако́въ“

Делибашъ, не суйся къ лавѣ[1]!
Пожалѣй своё житьё;
Вмигъ аминь[2] лихой забавѣ:
Попадёшься на копьё!
Эй, казакъ, не рвися къ бою:
Делибашъ на всёмъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечъ удалую башку[3].
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы!

На возвра́тномъ пути́ изъ Эрзеру́ма Пу́шкинъ, проѣзжа́я че́резъ Область Во́йска Донско́го, написа́лъ стихотворе́ніе:

XVIII. Донъ.

Бле́ща|сре́дь по|ле́й ши|ро́кихъ,|

Блеща средь полей широкихъ,
Вонъ онъ[4] льётся!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
Я привёзъ тебѣ поклонъ...
Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ;
Отъ Аракса[5] и Евфрата[6]
Я привёзъ тебѣ поклонъ.
Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони[7]
Арпачайскую струю[8].
Приготовь же, Донъ завѣтный[9],
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій[10], искрометный[11]
Виноградниковъ твоихъ.

Путеше́ствіе въ Эрзеру́мъ и обра́тно въ Россію при отсу́тствіи въ то вре́мя удо́бныхъ путе́й сообще́нія, должно́ бы́ло утоми́тельно де́йствовать на Пу́шкина. Подъ впечатлѣніемъ продолжи́тельности и неудо́бствъ своего́ путеше́ствія Пу́шкинъ написа́лъ стихотворе́ніе:

XIX. Доро́жныя жа́лобы.

До́лго ль| мнѣ́ гу|ля́ть на| свѣ́тѣ|

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ[12] могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ[13]
Умереть Господь судилъ,—
На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.
Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,

---

[1]Такъ называ́ется боево́й строй каза́ковъ. [2]Коне́цъ. [3]Татар., го́лову.—[4]Донъ. [5]Прито́къ Куры́ съ пра́вой стороны́. [6]Евфра́тъ—рѣка́ въ Азіи, соединя́ющаяся съ р. Ти́громъ; соединя́вшись, образу́ютъ одну́ рѣку́, впада́ющую въ Перси́дскій зали́въ. [7]Ко́ни донски́хъ казако́въ. [8]Во́ду изъ Арпача́й. Арпача́й—рѣка́ въ Закавка́зьѣ, прито́къ Арака. Въ то вре́мя Арпача́й служи́лъ грани́цею ме́жду Россіей и Ту́рціей. [9]Дорого́й, ми́лый; родно́й. [10]Разумѣется донско́е шипу́чее вино́. [11]Отъ мета́ть (броса́ть) и и́скра; пѣнный, шипу́чій. — [12]Обык., отцо́вскихъ; среди́ моги́лъ пре́дковъ. [13]На почто́вой доро́гѣ.

Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ[1] влѣпитъ
Непроворный инвалидъ[2];
Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ[3],
Иль со скуки околѣю[4]
Гдѣ-нибудь въ карантинѣ[5].
Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли[6] Яра[7] поминать?

Въ ноябрѣ 1829 года, по возвращеніи съ Кавказа, Пушкинъ написалъ стихотвореніе:

XX. Зимнее утро.

Вечóръ,| ты пóмнишь, вью|га злú|лась,

Вечоръ[8], ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла.
А нынче... погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней[9] зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.

Совершéнно инúми чертáми изображенó зúмнее ýтро въ стрúвкѣ изъ романа: „Евгéній Онѣгинъ“.

XXI. Зúмнее ýтро въ столúцѣ[10].

Встаётъ| купéцъ,| идётъ| разнóс|чикъ,

Встаётъ купецъ, идётъ разносчикъ,
На биржу[11] тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ охтянка[12] спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ выходитъ голубымъ.
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой васъ-исъ-дасъ[13].

---

[1]Нѣм., Schlag удáръ и Baum дéрево; такъ называ́ется поднима́ющееся и опуска́ющееся бревнó на заста́вахъ, перегора́живающее доро́гу. Заста́вы устра́иваются на доро́гахъ для взима́нія де́негъ за про́ѣздъ или́ по́шлинъ съ провози́мыхъ това́ровъ. [2]Лат. invalidus сла́бый, безси́льный; ста́рый во́инъ, неспосо́бный къ строевóй слу́жбѣ. Въ старинý на заста́вахъ сторожа́ми бы́ли обыкновéнно отставны́е солда́ты. [3]Въ сторонѣ́ отъ доро́ги, въ глухóмъ лѣсу́. [4]Умру́. [5]Отъ лат. quadraginta сóрокъ; мѣ́сто, гдѣ пріѣзжа́ющіе изъ мѣ́стностей, заражённыхъ эпидеми́ческой болѣ́знью, должны́ остава́ться извѣ́стное врéмя (въ старинý обыкновéнно сóрокъ дней), что́бы не перенести́ болѣ́знь въ ту мѣ́стность, куда́ ѣ́дутъ. [6]Родъ грибóвъ, употребля́емыхъ какъ припра́ва къ ку́шаньямъ. [7]Содержа́тель рестора́на въ Москвѣ́. — [8]Нар. вчера́ вéчеромъ. [9]Замёрзшая роса́, одѣва́ющая зимóй дерéвья тóчно пу́хомъ. — [10]Въ Петербу́ргѣ. Мѣ́сто, гдѣ остана́вливаются извóзчики. [12]Обита́тельница Охты (село́ близъ Петербу́рга; въ селѣ́ э́томъ живу́ть бóльшею ча́стью моло́чницы). [13]Нѣм., сóб.: что э́то? Здѣсь э́ти три слóва употреблены́ въ смыслѣ: фóрточка, отвéрстіе въ окнѣ́, чéрезъ котóрое въ старинý подава́лись покупа́телямъ изъ пека́рень бу́лки.

Въ 1833 году́ Пу́шкинъ написа́лъ поэ́му (по́вѣсть въ стиха́хъ): „Мѣ́дный Вса́дникъ“. Вступле́ніе къ э́той по́вѣсти помѣща́ется ни́же, подъ загла́віемъ:

XXII. Петербу́ргъ*.

На бе́|регу́| пусты́н|ныхъ во́лнъ|

1. На берегу пустынныхъ волнъ[1]
Стоялъ онъ[2], думъ великихъ[3] полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чёлнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ[4], топкимъ[5] берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго[6] чухонца[7],
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца[8],
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ онъ:
„Отсель[9] грозить мы будемъ шведу[10];
Здѣсь будетъ городъ заложёнъ
На зло надменному[11] сосѣду[12];
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно[13];
Ногою твёрдой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ[14] волнамъ[15],
Всѣ флаги[16] въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ“.

---

*Осно́ванъ импера́торомъ Петро́мъ Вели́кимъ (1703 г.); нахо́дится при впаде́ніи р. Невы́ въ Фи́нскій зали́въ. [1]На берегу́ Невы́. Во́лны на́званы „пусты́нными“, такъ какъ протека́ли по ненаселённой въ то вре́мя мѣ́стности. Пусты́ня — здѣсь въ смы́слѣ: ненаселённое мѣ́сто. [2]Пётръ Вели́кій. [3]Вели́кихъ чѣмъ? [4]По берега́мъ, покры́тымъ мхомъ, осо́баго ро́да трао́ю, расту́щею въ сѣ́верныхъ страна́хъ, на боло́тистой по́чвѣ. [5]Боло́тистымъ (отъ топи́ть, погружа́ть). [6]Бѣ́днаго. [7]Чухо́нцы — простонаро́дное назва́ніе двухъ фи́нскихъ племёнъ, живу́щихъ вокру́гъ Фи́нскаго зали́ва—э́стовъ и каре́ловъ. [8]Скры́тый отъ лучей́, недосту́пный для лучей́ со́лнца, такъ какъ не́бо почти́ всегда́ покры́то ту́чами, тума́номъ. [9]Отсю́да. [10]Ед. ч. вм. мн. Пётръ Вели́кій вёлъ продолжи́тельныя во́йны со шве́дами за обладáніе берега́ми Балти́йскаго мо́ря. Утверди́вшись, наконе́цъ, при мо́рѣ, ру́сскіе получи́ли возмо́жность держа́ть непрія́теля въ стра́хѣ, трево́жить его́ возмо́жностью неожи́данная нападе́нія. [11]Го́рдому. [12]Шве́дамъ. [13]Созда́ть го́родъ, че́резъ кото́рый ста́нетъ проника́ть въ Россію европе́йское просвѣще́ніе. [14]Сбб.: фла́гамъ; торго́вымъ корабля́мъ. [15]Во́лны на́званы „но́выми“ для торго́выхъ корабле́й потому́, что, до основа́нія Петербу́рга, къ глухи́мъ, ненаселённымъ берега́мъ Фи́нскаго зали́ва они́, коне́чно, никогда́ не направля́лись. [16]Фла́гъ, нѣм. Flagge; значо́къ, состоя́щій изъ куска́ матеріи. Фла́ги вывѣ́шиваются на корабля́хъ для того́, что́бы извѣ́стно бы́ло, како́й странѣ́ принадлежи́тъ кора́бль, а та́кже — въ ка́чествѣ сигна́ловъ; поэ́тому фла́ги ра́зныхъ странъ и служа́щіе для ра́зныхъ сигна́ловъ—не одни́ и тѣ́ же: различа́ются они́ гла́внымъ о́бразомъ цвѣ́томъ. Такъ, ру́сскій флагъ для военныхъ суде́въ—бѣ́лый съ си́нимъ кресто́мъ, для торго́выхъ суде́въ—трёхцвѣ́тный (состои́тъ изъ поло́съ бѣ́лой, си́ней и кра́сной).

2. Прошло сто лѣтъ, и юный[1] градъ,
Полнощныхъ[2] странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ[3]
Возне́ссся пы́шно[4], горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ[5],
Печальный пасынокъ[6] природы,
Одинъ у низкихъ[7] береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя[8] воды
Свой ветхій[9] неводъ, — нынѣ тамъ,
По оживлённым берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева[10],
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелёными садами
Ея покрылись острова[11],
И передъ младшею столицей
Главой склонилася[12] Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова[13].

---

3. Люблю тебя, Петра творенье[14]:
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное[15] теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный[16],
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ[17], блескъ безлунный[18],
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ и свѣтла
Адмиралтейская игла[19],

---

[1]Со́б. молодо́й; но́вый. По́лночь — се́веръ; полно́щный или́ полно́чный—се́ве́рный. [2]Топь—са́мое сво́йство боло́та прова́ливаться подъ нога́ми; блатъ, стр., боло́тъ. „Изъ то́пи блатъ“ — изъ то́пкихъ боло́тъ. [4]„Вели́чественно. [5]Рыболо́въ-чухо́нецъ. [6]Со́б.: неродно́й сынъ. „Печа́льный“—какъ по вне́шнему ви́ду (бѣ́дный, несча́стный), такъ и по выраже́нію лица́ и обыкнове́нному душе́вному настрое́нію своему́. (Фи́нны весьма́ скло́нны къ мра́чному настрое́нію ду́ха, что отрази́лось и на хара́ктерѣ ихъ пѣ́сенъ, всегда́ печа́льныхъ, зауны́вныхъ). [7]Берега́ Невы́ и Фи́нска́го зали́ва ни́зки, отло́ги. [8]Никому́ изъ образо́ванныхъ наро́довъ до той поры́ неизвѣ́стныя. [9]Ве́тхій — ста́рый. [10]На обо́ихъ берега́хъ Невы́, на простра́нствѣ, за́нятомъ Петербу́ргомъ, устро́ены на́бережныя съ грани́тнымъ тротуа́ромъ, т. е. доро́жкой для пѣше ходо́въ и тако́ю же огра́дой. На́бережная — у́лица, иду́щая по бе́регу рѣки́, мо́ря и про́ч. [11]Нева́ въ томъ мѣ́стѣ, гдѣ расположе́нъ Петербу́ргъ, т. е. при впаде́ніи въ Фи́нскій зали́въ, образу́етъ мно́жество рукаво́въ, раздѣлённыхъ небольши́ми простра́нствами су́ши. [12]Заняла́ второ́е мѣ́сто. [13]Со́б.: вдова́, носящая порфи́ру; вдо́вствующая цари́ца. Порфи́ра, гр., со́б.: ули́тка, изъ кото́рой добыва́ется пурпу́ровая (кра́сна́я) кра́ска; дли́нная ма́нтія пурпу́роваго цвѣ́та; оде́жда государе́й.— [14]Т. е. Петербу́ргъ. [15]Вели́чественное. [16]Сады́, а въ нѣ́которыхъ мѣ́ста́хъ и берега́ Невы́ обнесены́ чугу́нною огра́дой. [17]Су́макъ—полумра́къ. Лѣ́тнія но́чи въ Петербу́ргѣ, вслѣ́дствіе географи́ческаго положе́нія его́, очень свѣ́тлы, такъ что напомина́ютъ собо́ю су́мерки. [18]Свѣ́тъ происхо́дитъ не отъ луны́, а оттого́, что лучи́ со́лнца проби ва́ются изъ-за́ горизо́нта. [19]Адмиралте́йство, ар., гла́вное управле́ніе морски́ми дѣла́ми. „Адмиралте́йская игла́“—шпицъ, остроконе́чная колонна, на зда́ніи адмиралте́йства въ Петербу́ргѣ.

И не пуская тьму ночную
На золотыя небеса[1],
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса[2].
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный[3] воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ[4],
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ[5],
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ[6]
И пунша пламень голубой[7].
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ[8] марсовыхъ полей[9],
Пѣхотныхъ ратей[10] и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ[11] строю
Лоскутья сихъ знамёнъ побѣдныхъ[12],
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица;
Твоей твердыни[13] дымъ и громъ,
Когда полнощная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ[14],
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій лёдъ[15],
Нева къ морямъ его несётъ
И, чуя вешни[16] дни, ликуетъ[17].
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣждённая стихія;
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ[19],
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра[20]!

Въ 1832—3 года́хъ Пу́шкинъ перевёлъ 17 се́рбскихъ наро́дныхъ пѣ́сенъ. Вотъ нѣ́сколько изъ нихъ.

---

[1] „Небеса́ золоты́я“—отъ луче́й со́лнца, пробива́ющихся изъ-за́ горизо́нта. [2] Ина́че сказа́ть? [3] Непо́дви́жный. [4] Отъ моро́за. [5] Балъ, фр. bal отъ др.-фр. baler танцова́ть; собра́ніе о́бщества для та́нцевъ. [6] Бока́лъ, лат. boculum стака́нъ, ча́ша; родъ высо́кой рю́мки. Почему́ бока́лы на́званы „пѣнистыми“? [7] Пуншъ, прс., и пото́мъ а́нг., ромъ съ са́харомъ и лимо́номъ, разведённый горя́чею водо́й. Пью́щіе иногда́ зажига́ютъ э́ту смѣсь для потѣ́хи; при э́томъ получа́ется голубо́й пла́мень. [8], [9] Ма́рсовы поля́ (обыкн. Ма́рсово по́ле)—пло́щадь въ Петербу́ргѣ, гдѣ происхо́дятъ вое́нныя уче́нія и смотры́. Ма́рсовы поля́ на́званы „потѣ́шными“ потому́, что вое́нныя уче́нія и смотры́ представля́ютъ прія́тное зрѣ́лище. [10] Рать стр. во́йско. [11] Въ стро́йно дви́жущемся. [12] Знамёна нѣ́которыхъ полко́въ представля́ютъ собо́ю лоску́тья — отъ пуль, кото́рыми они́ проби́вались въ сраже́ніяхъ: но полки́ гордя́тся э́тими лоску́тьями, такъ какъ они́ свидѣ́тельствуютъ о многокра́тномъ уча́стіи полка́ въ сраже́ніяхъ. [13] Тверды́ня, стр. крѣ́пость. Здѣсь разумѣ́ется Петропа́вловская крѣ́пость въ Петербу́ргѣ. [14] Когда́ цари́ца рожда́етъ сы́на. Въ таки́хъ слу́чаяхъ произво́дится пальба́ изъ пу́шекъ въ Петропа́вловской крѣ́пости. [15] Пальба́ произво́дится та́кже во вре́мя полово́дья Невы́, въ качествѣ́ сигна́ловъ, для предупрежде́нія жи́телей столи́цы объ опа́сности. [16] Весе́нніе. [17] Ра́дуется. [18] Како́й здѣсь разумѣ́ется „плѣнъ“? [19] Во́лны Невы́ и Фи́нскаго зали́ва. [20] Петербу́ргъ иногда́ подверга́ется наводне́ніямъ, происходя́щимъ отъ си́льныхъ вѣ́тровъ, ду́ющихъ съ Фи́нскаго зали́ва про́тивъ тече́нія Невы́. Наибо́лѣе си́льное наводне́ніе бы́ло въ 1824-мъ году́.

XXIII. Конь.

„Что́ ты| ржёшь, мой| ко́нь рети́|вый?“

„Что ты ржёшь, мой конь ретивый[1]?
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своихъ удилъ[2]?
Али[3] я тебя не холю[4]?
Али ѣшь овса не вволю[5]?
Аль сбруя не красна[6]?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не алачены[7] стремена“?
Отвѣчаетъ конь печальный:
—Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и въ холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьмётъ
И серебряны подковы
Съ лёгкихъ ногъ моихъ сдерётъ.

XXIV. Вурдала́къ[8].

Тру́со|ва́ть былъ| Ва́ня| бѣ́дный|

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шёлъ домой.
Бѣдный Ваня еле[9] дышитъ;
Спотыкаясь, чуть бредётъ[10]
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ
Кто-то кость, ворча, грызётъ.
Ваня сталъ—шагнуть не можетъ.
„Боже!“ думаетъ бѣднякъ,
„Это, вѣрно, кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! малый[11] я не сильный:
Съѣстъ упырь[12] меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ“.
Что же? вмѣсто вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

XXV. Бонапа́ртъ[13] и черного́рцы[14].

„Че́рно| го́рцы?| что́ та|ко́е?“

„Черногорцы? что такое?[15]“ | Бонапарте вопросилъ:

---

[1]Горя́чій, стреми́тельный. [2]Уди́ло, обыкнове́нно во множ. числѣ, желѣзко, кото́рое вкла́дываютъ въ ротъ ло́шади, когда́ вану́здываютъ ее́. [3]Ра́звѣ. [4]Не ухаживаю за тобо́ю, не забо́чусь о тебѣ. [5]Доста́та, сколько желаешь. [6]Не краси́ва. [7]Не позоло́чены, не покры́ты зо́лотомъ.—[8]Мертвецъ, встающій изъ гро́ба и сосу́щій кровь люде́й и живо́тныхъ (наро́дное повѣрье). [9]Чуть, едва́, съ трудо́мъ. [10]Идётъ. [11]Прилага́тельное въ смы́слѣ существи́тельнаго; ма́льчикъ. [12]То же, что вурдала́къ, вампи́ръ.—[13]Наполео́нъ I (стр. 73, примѣч. къ ба́снѣ Крылова: „Волкъ на псарнѣ“). [14]Часть се́рбскаго пле́мени, обита́ющая на Балка́нскомъ полуо́стровѣ, на гру́ппѣ горъ, извѣстныхъ подъ именемъ Чёрная гора́. Черного́рцы отлича́ются хра́бростью, у́далью и ло́вкостью. [15]Бонапа́ртъ выража́етъ э́тимъ удивле́ніе при извѣстіи, что черного́рцы не хотя́тъ изъяви́ть поко́рность.

„Правда ль, это племя злое
Не боится нашихъ силъ?
Такъ раскаются жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ!“
Вотъ онъ шлётъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ[1]
И своихъ мамлюковъ[2] роту
И косматыхъ кирасиръ[3].
Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...
Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ...
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя всё кругомъ.
Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ—смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.
„Стой! пали![4] Пусть каждый сбросить
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ;
Не щадите жъ никого!“
Ружья грянули —упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ[5] лежали,
Притаясь между кустовъ.
Дружнымъ залпомъ[6] отвѣчали
Мы французамъ. „Это что?“
Удивясь, они сказали:
„Эхо[7], что ли?“... Нѣтъ, не то!
Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ;
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.
И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай[8].

Изъ собра́нія се́рбскихъ пѣсенъ Пу́шкинъ заимствовалъ и содержа́ніе свое́й „Ска́зки о рыба́кѣ и ры́бкѣ“. По кра́йней мѣ́рѣ, подъ ска́зкой э́той въ ру́кописи Пу́шкина руко́ю его́ приписано: „18-я пѣ́сня се́рбская“.

XXVI. Ска́зка о рыба́кѣ и ры́бкѣ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

1. Пе́рвая встрѣ́ча рыбака́ съ ры́бкой.

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришёлъ неводъ съ одною тиной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,

[1]Ору́діе для мета́нія бомбъ. [2]Еги́петскіе солда́ты, находи́вшіеся въ войска́хъ Наполео́на. [3]Кавалери́сты, нося́щіе кира́сы; тяжёлая кавале́рія. Кира́са, лат. cornum ко́жа, фр. cuirasse, металли́ческія ла́ты, состоя́щія изъ нагру́дника и наспи́нника, соединённыхъ наплёчниками: кирасиры на́званы косма́тыми, такъ какъ ихъ головной убо́ръ украше́нъ былъ ко́нскимъ во́лосомъ. [4]Стрѣля́й. [5]Внизъ лицо́мъ. [6]Вы́стрѣломъ изъ всѣхъ ру́жей въ одно́ вре́мя. [7]Отголо́сокъ. [8]Какъ-нибу́дь случа́йно.

Пришёлъ неводъ съ травой морскою.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ;
Пришёлъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ не простою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ[1] человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче[2], меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь“.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
—Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо:
—Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣной откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ,
Такъ[3] пустилъ её въ синее море.

2. Стару́ха хо́четъ имѣ́ть коры́то.

Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля[4]!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось“.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю;
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даётъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто“.
Воротился старикъ ко старухѣ—
У старухи новое корыто.

3. Стару́ха хо́четъ имѣ́ть избу́.

Ещё пуще[5] старуха бранится:
„Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти[6]?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ,
Поклонись ей, выпроси ужъ избу“.
Вотъ пошёлъ онъ къ синему морю:
Помутилось синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;

[1]Говоритъ. [2]Старинный зва́тельный паде́жъ. [3]Поэ́тому. [4]То же, что дурачи́на. [5]Бо́льше, сильне́е. [6]Прибыли, вы́годы.

Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даётъ старику мнѣ покою:
Избу просить сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ“.
Пошёлъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтёлкой[1],
Съ кирпичною бѣлёною[2] трубою,
Съ дубовыми, тесовыми воротами[3].

4. Старуха хочетъ быть столбовой дворянкой*.

Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чёмъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ[4]:
„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой“.
Пошёлъ старикъ къ синему морю:
Неспокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
—Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даётъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ.
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ!
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ[5],
Парчевая[7] на маковкѣ кичка[8],
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки,
Передъ нею усердные слуги;
Она бьётъ ихъ, за чупрунъ[9] таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
—Здравствуй, барыня - сударыня дворянка!
Чай[10], теперь твоя душенька довольна?
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала!

5. Старуха хочетъ быть царицей.

Вотъ недѣля, другая проходитъ;
Ещё пуще старуха вздурилась,
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ[11].

---

[1]То же, что свѣтлица. См. „Указатель“. [2]Выбѣленною. [3]Старинный творительный падежъ множествен. числа. *Потомственной дворянкой. [4]Сильно, очень ругаетъ. [5]Дворецъ. [6]Кофтѣ безъ рукавовъ. [7]Сдѣланная изъ парчи. Парча—шёлковая матерія, шитая золотомъ или серебромъ. [8]Родъ женскаго головного убора въ древней Руси, теперь у простонародья. [9]Нар., за волосы. [10]Нар., должно быть, вѣроятно, я думаю. [11]Подразумѣвается старуха.

„Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей".
Испугался старикъ, взмолился:
— Что ты, баба, белены[1] объѣлась?
Ни ступить ни молвить не умѣешь;
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилась пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
„Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью[2];
Не пойдешь—поведутъ поневолѣ".
Старичокъ отправился къ морю;
Почернѣло синее море;
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?"
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро[3]! будетъ старуха царицей!"
Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты;
Въ палатахъ видитъ свою старуху:
За столомъ сидитъ она царицей;
Служатъ ей бояре[4] да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія[5] вина;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ[6],
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ—испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: „Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна?"
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали;
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
„По-дѣломъ[7] тебѣ, старый невѣжа!
Впередъ тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани[8]!"

6. Старуха хочетъ быть владычицей морской.

Вотъ недѣля, другая[9] проходитъ;
Ещё пуще старуха вздурилась;

---

[1]Родъ ядовитаго растенія. „Что ты? белены объѣлась?"=говоришь вздоръ, говоришь какъ сумасшедшая. [2]Нар., вѣжливо, деликатно. [3]Нар., хорошо. [4]Такъ назывались въ древней Руси наиболѣе знатные дворяне. [5]Иностранныя, привезенныя изъ-за моря. [6]Пряникомъ съ выдавленными на немъ фигурами. [7]Старинный дательный падежъ множествен. числа, вм. по дѣламъ, за дѣла. По-дѣлому тебѣ=такъ тебѣ и слѣдуетъ. [8]Не суйся, куда не слѣдуетъ, знай своё мѣсто. [9]Сказано кратко, вм.: вотъ одна недѣля, другая проходитъ.

Царедворцевъ[1] за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбкѣ.
Не хочу быть вольной царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ[2],
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ[3]“.
Старикъ не осмѣлился перечить[4],
Не дерзнулъ поперёкъ[5] слова молвить.
Вотъ идётъ онъ къ синему морю;
Видитъ—на морѣ чёрная буря:
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ[6].
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
„Чего тебѣ надобно, старче?“
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта;
Не дождался, къ старухѣ воротился.
Глядь: опять передъ нимъ землянка;
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

Въ апрѣлѣ 1835 года Пушкинъ написалъ стихотвореніе:

XXVII. Туча.

Послѣдня|я туча| разсѣян|ной бури!|

Послѣдняя туча разсѣянной бури[7]!
Одна ты несёшься по ясной лазури[8],
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій[9] день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала,
И ты издавала таинственный[10] громъ
И алчную[11] землю поила дождёмъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась.
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Къ числу произведеній, писанныхъ Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни, относится стихотвореніе:

---

[1]Придворныхъ. [2]Нар., въ океанѣ. [3]И служила бы мнѣ. [4]Нар., противорѣчить. [5]Противъ. [6]Народное выраженіе: вмѣсто — воютъ. Сравни подобныя выраженія: думу думать, мыслью мыслить, смертью умереть, мосты мостить и проч.—[7]Здѣсь въ смыслѣ—грозы, грозовыхъ облаковъ. [8]Соб., свѣтло-синяя, тёмно-голубая краска; цвѣтъ неба; иногда—въ смыслѣ: безоблачное небо. [9]Радующійся, весёлый, ясный. [10]Возбуждающій чувство непонятнаго (таинственнаго) страха. [11]Одного корня съ глаголомъ алкать—хотѣть ѣсть; здѣсь—то же, что жадный.

XXVIII. Молитва.

Стихотворе́ніе э́то представля́етъ переложе́ніе моли́твы св. Ефре́ма Си́рина, чита́емой въ це́ркви въ Вели́кій постъ.

Отцы́|-пусты́н|ники́| и жё|ны нё|порбч|ны.

Отцы-пустынники и жены[1] непорочны[2],
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны[3],
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ[4] бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ[5],
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста:
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста

И падшаго свѣжитъ[6] невѣдомою силой.
„Владыко[8] дней моихъ[9]! духъ праздности унылой,
Любоначалія[10], змѣи сокрытой сей,
И празднословія[11]—не дай душѣ моей.
Но дай мнѣ зрѣть[12] мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ[13] мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія[14] мнѣ въ сердцѣ оживи".

Какъ ска́зано вы́ше, въ 1829-мъ году́ Пу́шкинъ ѣ́здилъ въ Эрзеру́мъ. Путеше́ствіе э́то бы́ло предпри́нято Пу́шкинымъ, гла́внымъ о́бразомъ, съ цѣ́лью ви́дѣть войну́, происходи́вшую въ то вре́мя ме́жду ру́сскими и ту́рками въ Ту́рецкой Арме́ніи. Ру́сскіе дошли́ тогда́ до г. Эрзеру́ма, по́слѣ чего́ вско́рѣ былъ заключёнъ миръ. Пу́шкинъ могъ быть въ ру́сскомъ ла́герѣ не ина́че, какъ съ разрѣше́нія главнокома́ндующаго ру́сскими войска́ми, кото́рымъ былъ тогда́ гр. Паске́вичъ. Хлопота́ть объ э́томъ разрѣше́ніи взялъ на себя́ трудъ генера́лъ Раёвскій.

XXIX Путеше́ствіе въ Эрзеру́мъ.

Для понима́нія нѣ́которыхъ мѣ́стъ э́того сочине́нія, необходи́мо имѣ́ть свѣ́дѣнія изъ исто́ріи покоре́нія ру́сскими Кавка́за. Въ концѣ́ ца́рствованія импера́тора Па́вла I-го (1796—1801), грузи́нскій царь Гео́ргій XII, умира́я, завѣща́лъ своё ца́рство (т.-е. Гру́зію) ру́сскому импера́тору; но имп. Па́велъ вско́рѣ та́кже у́меръ, и Гру́зія была́ присоединена́ къ Россіи уже́ въ нача́лѣ ца́рствованія имп. Алекса́ндра

[1]Стр. же́нщины. [2]Кра́ткое прилага́тельное вм. по́лнаго. [3]Небе́сныя, недосту́пныя взо́ру (очамъ). [4]Земны́хъ. [5]Подразумѣва́ется: такъ. Ни одна́ меня́ такъ не умиля́етъ. Умиля́ть—возбужда́ть чу́вство умиле́нія, тро́гать. [6]Освѣжа́етъ. [7]Тайственной, непоня́тной. [8]Стари́нный зва́тельный паде́жъ отъ влады́ка; господи́нъ. [9]Жи́зни мое́й. [10] Стремле́нія къ вла́сти. [11]Стремле́нія говори́ть ли́шнее. [12]Ви́дѣть. [13]Бли́жній. [14]Чистоты́ по́мысловъ, непоро́чности.

I-го (1801—1825 г.). Тогда́ Кавка́зскій хребе́тъ очути́лся ме́жду ру́сскими владѣ́ніями. Набѣги на ру́сскія владѣ́нія и разбо́йничество го́рскихъ племёнъ (черке́сы, чече́нцы, лезги́ны и про́ч.), необходи́мость обезопа́сить путь изъ Россіи въ Гру́зію заста́вили ру́сское прави́тельство предпринять про́тивъ нихъ вое́нныя дѣ́йствія. Съ назначе́ніемъ генера́ла Ермо́лова главнокома́ндующимъ ру́сскихъ во́йскъ на Кавка́зѣ (1817 г.), э́ти вое́нныя дѣ́йствія пошли́ осо́бенно успѣ́шно. При прее́мникахъ Ермо́лова: гр. Паске́вичѣ, князьяхъ Воронцо́вѣ и Бары́тинскомъ влады́чество на́ше на Кавка́зѣ ещё бо́лѣе распространи́лось, а при Вели́комъ Кня́зѣ Михаи́лѣ Никола́евичѣ (мла́дшемъ бра́тѣ нын̀ѣ въ Бо́зѣ почива́ющаго импера́тора Алекса́ндра II-го), смѣни́вшемъ (1863 г.) кн. Бары́тинскаго, водвори́лось оконча́тельно. Покоре́ніе восто́чной ча́сти Кавка́за зако́нчилось въ 1859-мъ году́ (при кн. Бары́тинскомъ), а за́падной—въ 1864-мъ г.

1. Генера́лъ Ермоло́въ[1]. Изъ Москвы́ пое́халъ я (1-го ма́я) на Калу́гу, Бѣ́левъ[2] и Оре́лъ и сдѣ́лалъ таки́мъ о́бразомъ двѣ́сти вёрстъ ли́шнихъ, зато́ уви́дѣлъ Ермо́лова. Онъ живётъ въ Орлѣ́, близъ ко́его нахо́дится его́ дере́вня. Ермо́ловъ при́нялъ меня́ съ обы́кновенною свое́ю любе́зностью. Съ пе́рваго взгля́да я не нашёлъ въ нёмъ ни малѣ́йшаго схо́дства съ его́ портре́тами. Лицо́ кру́глое, о́гненные се́рые глаза́, сѣды́е во́лосы ды́бомъ. Голова́ ти́гра на Геркуле́совомъ то́рсѣ[3]. Улы́бка непрія́тная, потому́ что неесте́ственна. Когда́ же онъ заду́мывается и хму́рится, то онъ стано́вится прекра́сенъ и рази́тельно напомина́етъ поэти́ческій портре́тъ, пи́саный До́вомъ[4]. Онъ былъ въ зелёномъ черке́сскомъ чекме́нѣ[5]. На стѣна́хъ его́ кабине́та висѣ́ли ша́шки и кинжа́лы, па́мятники его́ влады́чества на Кавка́зѣ. Ду́маю, что о́нъ пи́шетъ или́ хо́четъ писа́ть свои́ запи́ски. Я пробы́лъ у него́ часа́ два; ему́ бы́ло доса́дно, что не по́мнилъ моего́ по́лнаго и́мени.

2. Отъ Орла́ до Ста́врополя. Мнѣ предстоя́лъ путь че́резъ Курскъ и Ха́рьковъ, но я своро́тилъ на прямо́ю тифли́сскую доро́гу. До Ельца́ доро́ги ужа́сны. Нѣ́сколько разъ коля́ска моя́ вя́зла въ грязи́, досто́йной гря́зи оде́сской. Наконе́цъ, воро́нежскія сте́пи оживи́ли мое́ путеше́ствіе. Я свобо́дно покати́лся по зелёной равни́нѣ и благополу́чно при́былъ въ Новочерка́скъ, гдѣ нашёлъ гр. Вл. Пу́шкина, та́кже ѣ́дущаго въ Тифли́съ. Я серде́чно ему́ обра́довался; и мы согласи́лись путеше́ствовать вмѣ́стѣ. Онъ ѣ́детъ въ скромной бри́чкѣ. Это родъ укрѣплённаго мѣсте́чка: мы её прозва́ли Отра́дной. Въ се́верной ея́ ча́сти храня́тся ви́на и съѣ́стные припа́сы; въ южной

[1]Ру́с. генера́лъ; уча́ствовалъ въ оте́чественной войнѣ 1812-го г.; съ 1817-го г.—генера́лъ-губерна́торъ и главнокома́ндующій войска́ми Закавка́зья; въ 1826-мъ г. уступи́лъ своё мѣ́сто гр. Паске́вичу. [2]Уѣ́здный го́родъ Ту́льской губе́рніи. [3]Геркуле́съ—ска́зочный богаты́рь дре́внихъ гре́ковъ. Торсъ, ит., станъ, ту́ловище. [4]Знамени́тый въ пе́рвой полови́нѣ XIX-го в. голла́ндскій живопи́сецъ. [5]Прс., ве́рхняя мужска́я одёжда съ дли́нными по́лами.

кни́ги, мунди́ры, шля́пы и про́ч.; съ за́падной и восто́чной стороны́ она́ защищена́ ру́жьями, пистоле́тами, са́блями и про́ч. На ка́ждой ста́нціи выгружа́ется часть се́верныхъ запа́совъ, и таки́мъ о́бразомъ мы прово́димъ вре́мя, какъ нельзя́ лу́чше. Перехо́дъ отъ Евро́пы къ Азіи де́лается часъ о́тъ часу чувстви́тельнѣе. Лѣса́ исчеза́ютъ, холмы́ сгла́живаются, тра́вка густѣетъ и явля́етъ[1] бо́льшую си́лу расти́тельности[2]. Пока́зываются пти́цы, невѣ́домыя въ на́шихъ лѣса́хъ орлы́ сидя́тъ на ко́чкахъ, означа́ющихъ большу́ю доро́гу, какъ бу́дто на стра́жѣ, и го́рдо смо́трятъ на путеше́ственниковъ. Калмы́ки[3] распола́гаются о́коло станціо́нныхъ хатъ. У киби́токъ[4] ихъ пасу́тся уро́дливыя, косма́тыя[5] ко́зы, знако́мыя вамъ по прекра́снымъ рису́нкамъ Орло́вскаго[6].

3. Въ калмы́цкой киби́ткѣ. На-дняхъ посѣти́лъ я калмы́цкую киби́тку (клѣтчатый плете́нь, обтя́нутый бѣ́лымъ во́йлокомъ). Всѣ́ семе́йство собира́лось за́втракать. Котёлъ вари́лся посреди́нѣ, и дымъ выходи́лъ въ отве́рстіе, сдѣ́ланное вверху́ киби́тки. Молода́я калмы́чка, собо́ю о́чень недурна́я, ши́ла, куря́ таба́къ. Я сѣ́лъ по́длѣ ней. „Какъ тебя́ зову́тъ“?—*** — „Ско́лько тебѣ́ лѣтъ?“—Де́сять и во́семь. — Она́ подала́ мнѣ свою́ тру́бку и ста́ла за́втракать. Въ котлѣ́ вари́лся чай съ бара́ньимъ жи́ромъ и со́лью. Она́ предложи́ла мнѣ свой ко́вшикъ. Я не хотѣ́лъ отказа́ться и хлебну́лъ, стара́ясь не́ перевести́ ду́ха. Не ду́маю, что́бы друга́я наро́дная ку́хня[7] могла́ произвести что-нибу́дь га́же. Я попроси́лъ чѣ́мъ-нибу́дь заѣ́сть. Мнѣ да́ли кусо́чекъ сушёной кобыля́тины; я былъ и тому́ радъ. Я поскорѣе вы́брался изъ киби́тки и поѣ́халъ.

4. Кавка́зскія минера́льныя во́ды. Изъ Гебргіевска[8] я заѣ́халъ на горя́чія во́ды[9]. Здѣсь нашёлъ я большу́ю перемѣ́ну. Въ моё вре́мя[10] ва́нны находи́лись въ лачу́жкахъ, на́скоро постро́енныхъ. Исто́чники, бо́льшею ча́стью въ первобы́тномъ своёмъ ви́дѣ, би́ли, дыми́лись[11] и стека́ли съ горъ по ра́знымъ направле́ніямъ, оставля́я по себѣ́ бѣ́лые и красновато́ые слѣ́ды[12]. Мы че́рпали кипу́чую во́ду ко́вшикомъ изъ коры́ или́ дномъ разби́той буты́лки. Ны́нче вы́строены великолѣ́пныя ва́нны и дома́. Бульва́ръ[13], обса́женный ли́пками, проведёнъ по скло-

[1]Обнару́живает[illegible]. [2]Почему́? [3]Наро́дъ монго́льскаго пле́мени, кочу́ющій въ обши́рныхъ степя́хъ ю́жной Сибири, въ Астраха́нской и Ста́вропольской губе́рніяхъ, и про́ч.; исповѣ́дуетъ магомета́нскую вѣ́ру. [4]Киби́тка=родъ пала́тки; см. ни́же. [5]Шерсти́стыя. [6]Извѣ́стный въ пе́рвой полови́нѣ XIX-го вѣка ру́сскій живопи́сецъ. [7]Пова́ренное иску́сство како́го-ли́бо друго́го наро́да. [8]Го́родъ, ны́нѣ Те́рской о́бласти. [9]Мѣ́стное назва́ніе Кавка́зскихъ минера́льныхъ водъ. [10]Въ 1820-мъ г., когда Пу́шкинъ былъ въ пе́рвый разъ на Кавка́зѣ. [11]Вслѣ́дствіе высо́кой температу́ры и при́мѣси га́зовъ. [12]Вслѣ́дствіе минера́льныхъ при́мѣсей. [13] Фр. boulevard, валъ, защита; а) полоса́ земли́, усы́панная песко́мъ и обса́женная дере́вьями; б) у́лица, обса́женная дере́вьями.

нéнію Машýка[1]. Вездѣ чúстенькія дорóжки, зелёныя лáвочки[2], прáвильные цвѣтникú, мóстики, павилióны[3]. Ключú[4] обдѣ́ланы, вы́ложены кáмнемъ; на стѣнáхъ ваннъ прибúты предписáнія отъ полúціи. Признаю́сь, Кавкáзскія вóды представля́ютъ нúнѣ бóлѣе удóбностей. Но мнѣ бы́ло жаль их прéжняго, дúкаго состóянія; мнѣ бы́ло жаль крутúхъ тронúнокъ, кустáрниковъ и неогорóженныхъ прóпастей, надъ котóрыми, бы́вало, я карáбкался. Съ грýстью остáвилъ я вóды и отпрáвился обрáтно въ Гебргіевскъ.

5. **Окáзія.** Съ Екатериногрáда[5] начинáется Воéнно-грýзинская дорóга; почтóвый трактъ[6] прекращáется. Даётся конвóй[7] казáчій и пѣхóтный и одна́ пýшка. Пóчта отправля́ется два рáза въ недѣ́лю, и проѣзжіе къ ней присоединя́ются: э́то называ́ется окáзіей[8]. Пóчта пришла́ на другóй день, и на трéтье ýтро, въ 9 часóвъ, мы бы́ли готóвы отпрáвиться въ путь. На сбóрномъ мѣ́стѣ соединúлся весь каравáнъ[9], состоя́вшій изъ пятисóтъ человѣ́къ илú бóколо. Пробúли въ барабáнъ. Впередъ поѣ́хала пýшка, окружённая пѣхóтными солдáтами. За нéю потянýлись колúски, брúчки[10], кибúтки солдáтокъ, переѣзжáющихъ изъ однóй крѣ́пости въ другýю; за нúми заскрипѣ́лъ обóзъ двуколёсныхъ арóбъ[11]. По сторонáмъ бѣжáли кóнскіе табýны и стадá волóвъ. Около нихъ скакáли ногáйскіе[12] проводникú въ бýркахъ съ аркáнами. Всё э́то снача́ла мнѣ óчень нрáвилось, но скóро надоѣ́ло. Мéдленность нáшего похóда, несно́сная жарá, недостáтокъ припáсовъ, безпокóйные ночлéги, наконéцъ, безпрерúвный скрипъ ногáйскихъ арóбъ выводúли менá́ изъ терпѣ́нія. Татáры тщеслáвятся э́тимъ скрúпомъ, говоря́, что онú разъѣзжа́ютъ, какъ чéстные лю́ди, не имѣ́ющіе нýжды укрыва́ться. На сей разъ прія́тнѣе бы́ло бы мнѣ путешéствовать не въ столь почтéнномъ óбществѣ.

Воéнно-грузúнская дорóга. Дорóга довóльно однообрáзная: равнúна, по сторонáмъ холмы́. На краю́ нéба—вершúны Кавкáза, кáждый день явля́ющіяся вы́ше и вы́ше. Крѣ́пости, достáточныя для здѣ́шняго крáя, со рвомъ, котóрый каждый изъ насъ перепры́гнулъ бы въ старúну́ не разбѣгáясь, съ заржáвѣвшими пýшками, не стрѣля́вшими

---

[1]Горá, возвышáющаяся вóзлѣ Пятигóрска. [2]Скамéйки. [3]Павилióнъ, фр. pavillon бесѣ́дка. [4]Истóчники. [5]Нúнѣ Екатериногрáдская станúца (селéніе) Тéрской óбласти. [6]Лат., traho тащý, волокý, tractus движéніе; широ́кая дорóга. [7]Фр. convoi, отъ convoyer сопровождáть; воéнное прикры́тіе, стрáжа. [8]Лат. occasio слýчай. [9]Ар., обóзъ. [10]Брúчка, обл., лёгкая, полукры́тая повóзка, обыкновéнно съ плетёнымъ кýзовомъ. [11]Арбá, тур., двуколёсная повóзка на Кавкáзѣ. [12]Ногáи, ногáйцы—татáры, живýщіе въ Крымý и на сѣверномъ Кавкáзѣ.—*Дорóга, шéдшая прéжде отъ Екатериногрáда, а нынѣ идýщая отъ Владикавкáза въ Грýзію (соб. въ Тифлúсъ); нáзвана воéнною, такъ какъ былá проложéна рýсскимъ правúтельствомъ для передвижéнія войскъ.

со временъ графа Гудовича[1], съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ[2] куръ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока. Потомъ дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть-можетъ, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили ещё курганы, ещё развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ по обычаю черкесовъ похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга[3], изсѣчённыя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ на память хищнаго предка.

7. Черкесы. (Сравнить со стихотв.: „Черкесы", стр. 227). Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы[4] ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свой набѣги. Дружба мирныхъ черкесовъ ненадёжна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту и бѣгутъ завидя пушку. Зато никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на безащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство — простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ: заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрѣлившаго въ солдата; онъ оправдывался тѣмъ, что ружьё его слишкомъ долго было заряжено.

8. Осетинскія[5] похороны. Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ горькимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ

[1]Закавказскій генералъ-губернаторъ съ 1807 г. [2]Фр. garnison войско, находящееся въ крѣпости. Здѣсь—въ шутливомъ смыслѣ. [3]Восточная серебряная монета. [4]Аулъ, тр., селеніе у кавказскихъ горцевъ. [5]Осетины—одинъ изъ кавказскихъ народовъ; живутъ въ нынѣшней Терской области, между Терекомъ и Кубанью; исповѣдуютъ искажённую христіанскую религію.

Же́нщины стоя́ли сми́рно. Мертвеца́ вы́несли на бу́ркѣ и положи́ли его́ на арбу́. Оди́нъ изъ гостей взялъ ружьё поко́йника, сдулъ съ по́лки[1] по́рохъ и положи́лъ его́ по́длѣ тѣ́ла. Воли́ тро́нулись. Го́сти пое́хали слѣ́домъ. Тѣ́ло должно́ бы́ло быть похоро́нено въ гора́хъ, верста́хъ въ тридцати́ отъ ау́ла. Къ сожалѣ́нію, никто́ не могъ объясни́ть мнѣ сихъ обря́довъ.

9. **Дарія́льское ущѐлье.** Пу́шка оста́вила насъ. Мы отпра́вились съ пѣхо́той и казака́ми. Кавка́зъ насъ при́нялъ въ своё свяги́лище. Мы услы́шали глухо́й шумъ и уви́дѣли Те́рекъ[2], разлива́ющійся по ра́знымъ направле́ніямъ. Шу́мныя во́лны его́ приво́дятъ въ движе́ніе колёса ни́зенькихъ осети́нскихъ ме́льницъ, похо́жихъ на соба́чьи коны́ры[3]. Чѣмъ да́лѣе углубля́лись мы въ го́ры, тѣмъ у́же становя́лось ущѐлье. Стѣснённый Те́рекъ съ рёвомъ броса́етъ свои́ му́тныя во́лны чрезъ утёсы, преграждающіе ему́ путь. „Здѣсь такъ у́зко", пи́шетъ оди́нъ путеше́ственникъ, „что не то́лько ви́дишь, но, ка́жется, чу́вствуешь тѣсноту́". Клочо́къ не́ба, какъ ле́нта, синѣетъ надъ ва́шей голово́ю. На круто́й скалѣ́ ви́дны разва́лины кр‍ѣ́пости. Преда́ніе гласи́тъ, что въ ней скрыва́лась кака́я-то царица Да́рія, да́вшая и́мя своё ущѐлью: ска́зка. Дарія́лъ на дре́вненъ перси́дскомъ языкѣ́ зна́читъ воротá. По свидѣ́тельству Плі́нія[4], Кавка́зскія врата́, оши́бочно называ́емыя Каспійскими, находи́лись здѣсь. Ущѐлье за́мкнуто бы́ло настоя́щими воротáми, деревя́нными, око́ванными желѣ́зомъ.

10. **Обва́лы** (Сравни́ть со сти́хотв.: „Обва́лъ", стр. 245). Доро́га шла́ че́резъ обва́лъ, обру́шившійся въ концѣ́ і́юня 1827 го́да. Таковы́е слу́чаи быва́ютъ обыкнове́нно ка́ждыя семь лѣтъ. Огро́мная глы́ба, свали́сь, засы́пала ущѐлье на цѣ́лую версту́ и запруди́ла Те́рекъ. Часовы́е, стоя́вшіе ни́же, слы́шали ужа́сный гро́хотъ и уви́дѣли, что рѣка́ бы́стро мелѣ́ла и въ че́тверть часа́ совсѣ́мъ ути́хла и истощи́лась. Те́рекъ проры́лся сквозь обва́лъ не пре́жде, какъ че́резъ два часа́. Мы кру́то подыма́лись вы́ше и вы́ше. Ло́шади на́ши вя́зли въ рыхломъ снѣгу́, подъ кото́рымъ шумѣ́ли ручьи́. Въ э́то вре́мя услы́шалъ я глухо́й гро́хотъ. „Это обва́лъ", сказа́лъ мнѣ г. Ог... Я огляну́лся и уви́дѣлъ въ сторонѣ́ гру́ду снѣ́га, кото́рая осыпа́лась и ме́дленно съѣзжа́ла съ крутизны́. Ма́лые обва́лы здѣсь нерѣ́дки. Въ про́шломъ году́ ру́сскій изво́зчикъ ѣ́халъ по Крестó-

[1] Вы́ступъ для насы́пки по́роха у замка́ кремнёваго ружья. [2] Рѣка́, вытека́ющая изъ Кавка́зскихъ горъ и впада́ющая въ Каспійское мо́ре; течётъ по Дарія́льскому ущѐлью, пересѣка́ющему Кавка́зскій хребе́тъ съ сѣ́вера на югъ. [3] Коны́ра, лат. canis соба́ка, бу́дка, служа́щая жильёмъ для соба́ки. [4] Кай Цецѝлій Плиній, названный Мла́дшимъ, въ отли́чіе отъ своего́ дя́ди, Плі́нія Ста́ршаго, -ри́мскій учёный былъ нача́льникомъ ри́мскихъ прови́нцій въ Ма́лой Азіи; у́меръ о́коло 114-го г. по Р. Х.

вой горѣ. Обвалъ оборвался; страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычей.

11. Въ Грузіи (Сравнить со стихотв.: „Кавказъ"). Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы[2] открывается Койшаурская долина[3] съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлою Арагвой[4], извивающейся, какъ серебряная лента. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Ч. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе. Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ, я видѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы[5] показывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана[6]: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарциска́ла[7] мы переправились черезъ Куру[8] по древнему мосту, памятнику римскихъ походовъ[9], и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

12. Тифлисскія бани. Я остановился въ трактирѣ; на другой день отправился въ славныя тифлисскія бани. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый персіянинъ. Персіянинъ ввелъ меня въ бани. Горячій, желѣзо-сѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отроду не встрѣчалъ я ни въ Россіи ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе татарину-банщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безчосый татаринъ) началъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ; я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. Послѣ сего долго тёръ онъ меня шерстяною рукавицей и, сильно оплескавъ теплою водою, сталъ умывать намыленнымъ полотняным пузырёмъ.

---

[1]Одна изъ горъ Кавказскаго хребта; названа такъ потому, что на вершинѣ ея поставленъ крестъ. [2]Одна изъ горъ Кавказскаго хребта. [3]Долина у подножія Гутъ-горы. [4]Притокъ р. Куры, съ лѣвой стороны. [5]Водопроводъ—сооруженіе, съ помощью котораго какое-либо мѣсто снабжается водою, проведенною изъ другого мѣста. [6]Гр., обманъ чувства зрѣнія. [7]Мѣстность близъ Тифлиса. [8]Рѣка, вытекающая изъ Кавказскихъ горъ, текущая у южной стороны подошвы ихъ и впадающая въ Каспійское море. [9]Римляне совершали походы на Кавказъ, съ цѣлью подчиненія его римской власти; нѣкоторыя части Кавказа были покорены ими.

Горя́чее мы́ло обли́ваетъ васъ, какъ во́здухъ! По́слѣ пузыря́ Гасса́нъ опусти́лъ меня́ въ ва́нну; тѣмъ и ко́нчилась церемо́нія[1].

13. Описа́ніе Тифли́са. Тифли́съ нахо́дится на берега́хъ Куры́, въ доли́нѣ, окружённой камени́стыми гора́ми. Онѣ́ укрыва́ютъ его́ со всѣхъ сторо́нъ отъ вѣтро́въ и, раскаля́сь на со́лнцѣ, не нагрѣва́ютъ, а кипятя́тъ недви́жимый[2] во́здухъ. Вотъ причи́на нестерпи́мыхъ жаро́въ, ца́рствующихъ въ Тифли́сѣ, несмотря́ на то, что го́родъ нахо́дится то́лько ещё подъ 41-мъ гра́дусомъ широ́ты[3]. Са́мое его́ назва́ніе (Тби́ли-кала́ки) зна́читъ жа́ркій го́родъ. Бо́льшая ча́сть го́рода вы́строена по-азіа́тски: дома́ ни́зкіе, кро́вли пло́скія. Въ сѣ́верной ча́сти возвыша́ются дома́ европе́йской архитекту́ры, и о́коло нихъ начина́ютъ образо́вываться пра́вильныя пло́щади. Ору́жіе тифли́сское до́рого це́нится на всёмъ Восто́кѣ. Графъ С. и В., просла́вшіе здѣсь богатыря́ми, обыкнове́нно про́бовали свои но́выя ша́шки, съ одного́ ма́ху перерубая́ на́двое бара́на или́ отсѣка́я го́лову быку́. Въ Тифли́сѣ гла́вную часть народонаселе́нія составля́ютъ арме́не: въ 1825-мъ г. бы́ло ихъ здѣсь до двухъ ты́сячъ пятисо́тъ семе́йствъ. Грузи́нскихъ семе́йствъ счита́ется до ты́сячи пятисо́тъ. Ру́сскіе не счита́ютъ себя́ здѣ́шними жителями. Вое́нные, повину́ясь до́лгу, живу́тъ въ Гру́зіи, потому́ что такъ имъ ве́лѣно. Жи́тели пьютъ курну́ю во́ду, му́тную, но прія́тную. Во всѣхъ исто́чникахъ и коло́дцахъ вода́ си́льно отзыва́ется се́рой. Впро́чемъ, вино́ здѣсь въ тако́мъ о́бщемъ употребле́ніи, что недоста́токъ въ водѣ́ былъ бы незамѣ́тенъ.

Прожи́въ въ Тифли́сѣ о́коло двухъ недѣ́ль, Пу́шкинъ получи́лъ, наконе́цъ, письмо́ отъ ген. Раёвскаго, кото́рый увѣдомля́лъ его́, что разрѣше́ніе пріѣ́хать въ ру́сскій ла́герь дано́. На друго́й же день по получе́ніи э́того извѣ́стія. Пу́шкинъ вы́ѣхалъ изъ Тифли́са. На пути́ въ Карсъ, во́злѣ кото́раго расположёнъ былъ въ то вре́мя ру́сскій ла́герь, Пу́шкинъ встрѣ́тилъ тѣ́ло уби́таго въ Пе́рсіи знамени́таго ру́сскаго писа́теля Грибоѣ́дова (просла́вился коме́діей „Го́ре отъ ума́“). Грибоѣ́довъ служи́лъ въ Пе́рсіи ру́сскимъ посла́нникомъ и былъ уби́тъ тегера́нскою (Тегера́нъ — столи́ца Пе́рсіи) че́рнью во вре́мя бу́нта. Вотъ какъ разска́зываетъ Пу́шкинъ объ э́той печа́льной встрѣ́чѣ.

14. Встрѣ́ча тѣ́ла уби́таго Грибоѣ́дова. Отдохну́въ нѣ́сколько мину́тъ (въ арме́нской дере́внѣ), я пусти́лся да́лѣе и на высо́комъ берегу́ рѣки́ уви́дѣлъ про́тивъ себя́ крѣ́пость. Три пото́ка съ шу́момъ и пѣ́ной низверга́лись съ высо́каго бе́рега. Я переѣ́халъ че́резъ рѣку́. Два вола́, впряжённые въ арбу́, подыма́лись по круто́й доро́гѣ. Нѣ́сколько грузи́нъ сопровожда́ли арбу́. „Отку́да вы?“ спроси́лъ я ихъ.

---

[1] Лат. caerimonia—а) священ́ный обря́дъ, священнодѣ́йствіе; б) вообще́ установленный обы́чай, обря́дъ. Здѣсь ска́зано шутли́во. [2] Неподви́жный. [3] Гра́дусъ—одна́ изъ 360 ра́вныхъ часте́й, на кото́рыя при́нято дѣли́ть всю́кую окру́жность. Широта́ (географи́ческая) мѣ́ста—разстоя́ніе его́ отъ эква́тора, измѣря́емое по дугѣ́ меридіа́на.

—Изъ Тегера́на. „Что вы везе́те?“—Грибое́да. Это бы́ло те́ло уби́таго Грибое́дова, кото́рое препровожда́ли въ Тифли́съ. Не ду́малъ я встре́тить уже́ когда́-нибу́дь на́шего Грибое́дова! Я разста́лся съ нимъ въ про́шломъ году́ въ Петербу́ргѣ, предъ отъѣ́здомъ его́ въ Пе́рсію. Онъ былъ печа́ленъ и имѣ́лъ стра́нныя предчу́вствія. Онъ полага́лъ, что причи́ной кровопроли́тія (въ Тегера́нѣ) бу́детъ смерть ша́ха и междоусо́бица его́ семи́десяти сынове́й. Но престаре́лый шахъ ещё́ живъ, а проро́ческія слова́ Грибое́дова сбы́лись. Онъ поги́бъ подъ кинжа́лами персія́нъ, же́ртвой невѣ́жества и вѣроло́мства. Обезобра́женный трупъ его́, бы́вшій три дня игра́лищемъ тегера́нской че́рни, у́знанъ былъ то́лько по руке́, не́когда простре́ленной пистоле́тною пу́лей.

(Спустя́ не́сколько дней, Пу́шкинъ при́былъ въ ру́сскій ла́герь).

15. Язи́ды[1]. Ла́герная жизнь о́чень мнѣ нра́вилась. Пу́шка подыма́ла насъ на зарѣ́. Сонъ въ пала́ткѣ удиви́тельно здоро́въ. Въ во́йскѣ на́шемъ находи́лись и наро́ды закавка́зскихъ на́шихъ областе́й и жи́тели земе́ль, неда́вно завоёванныхъ. Ме́жду ни́ми съ любопы́ствомъ смотре́лъ я на я́зидовъ, слыву́щихъ на Восто́кѣ дья́воло-покло́нниками. Около трёхсо́тъ семе́йствъ обита́ютъ у подо́швы Арара́та[2]. Они́ призна́ли ру́сскаго госуда́ря. Нача́льникъ ихъ высо́кій, уро́дливый мужчи́на, въ кра́сномъ плащѣ́ и че́рной ша́пкѣ, приходи́лъ иногда́ съ покло́номъ къ генера́лу Раѣ́вскому, нача́льнику всей ко́нницы. Я стара́лся узна́ть отъ язи́да пра́вду о ихъ вѣроисповѣда́ніи. На мой вопро́сы отвѣча́лъ онъ, что молва́, бу́дто бы язи́ды поклоня́ются сатанѣ́, есть проста́я ба́сня. Они́ вѣ́руютъ въ еди́наго Бо́га. По ихъ зако́ну, проклина́ть дья́вола, пра́вда, почита́ется неприли́чнымъ и неблагоро́днымъ, и́бо онъ тепе́рь несча́стливъ, но совре́менемъ мо́жетъ быть проще́нъ, ибо нельзя́ положи́ть предѣ́ловъ милосе́рдію Алла́ха. Это объясне́ніе меня́ успоко́ило. Я о́чень радъ былъ за язи́довъ, что они́ сатанѣ́ не поклоня́ются, и заблужде́нія ихъ показа́лись мнѣ уже́ гораздо простительнѣе.

(послѣ́ не́сколькихъ уда́чныхъ для насъ сраже́ній, ру́сскія войска́ вступи́ли въ Эрзеру́мъ).

16. Туре́цкіе плѣ́нники. Мы въѣ́хали въ го́родъ, представля́вшій удивительную карти́ну. Ту́рки съ пло́скихъ кро́вель свои́хъ угрю́мо смотре́ли на насъ. Арме́не шу́мно толпи́лись въ те́сныхъ у́лицахъ. Ихъ маль́чишки бѣга́ли пе́редъ на́шими лошадьми́, крестя́сь и повторя́я: „Христія́нъ! христія́нъ!“ Пробы́въ въ го́родѣ часа́ съ два, я возврати́лся въ ла́герь. Сераскиръ[3] и че́тверо паше́й[4], взя́тые въ плѣ́нъ, находи́-

[1] Язи́ды — малочи́сленный наро́дъ, обита́ющій у подно́жія горы́ Арара́та. Ихъ происхожде́ніе и рели́гія остаю́тся и до сихъ поръ ма́ло разъясне́нными. [2] Арара́тъ — одна́ изъ са́мыхъ высо́кихъ горъ, на равни́нѣ рѣки́ Ара́кса; здѣсь останови́лся по́слѣ пото́па Но́евъ ковче́гъ. [3] Про., главнокома́ндующій. [4] Генера́ловъ.

лись уже́ тутъ. Оди́нъ изъ паше́й, сухоща́вый старичо́къ, ужа́сный хлопоту́нъ, съ жи́востью говори́лъ на́шимъ генера́ламъ. Уви́дѣвъ меня́ во фра́кѣ, онъ спроси́лъ, кто я тако́въ. П. далъ мнѣ ти́тулъ[1] поэ́та. Паша́ сложи́лъ ру́ки на грудь и поклони́лся мнѣ, сказа́въ че́резъ перево́дчика: „Благослове́нъ часъ, когда́ встрѣча́емъ поэ́та. Поэ́тъ—братъ дерви́шу[2]. Онъ не имѣ́етъ ни оте́чества ни благъ земны́хъ, и, ме́жду тѣмъ какъ мы, бѣ́дные, забо́тимся о сла́вѣ, о вла́сти, о сокро́вищахъ, онъ стои́тъ наравнѣ́ съ властели́нами земли́, и ему́ поклоня́ются". Восто́чное привѣ́тствіе паши́ всѣмъ намъ о́чень полюби́лось. Я пошёлъ взгляну́ть на сераски́ра. Сераски́ръ, сѣдо́й стари́къ, нару́жности са́мой обыкнове́нной, сидѣ́лъ въ глубо́комъ уны́ніи. Около него́ была́ толпа́ на́шихъ офице́ровъ. Выходя́ изъ его́ пала́тки, уви́дѣлъ я молодо́го человѣ́ка, полунаго́го, въ бара́ньей ша́пкѣ, съ дуби́ной въ рукѣ́ и съ мѣ́хомъ за плеча́ми. Онъ крича́лъ во всё го́рло. Мнѣ сказа́ли, что э́то братъ мой дерви́шъ, прише́дшій привѣ́тствовать побѣди́телей. Его́ наси́лу отогна́ли.

17. Эрзеру́мъ осно́ванъ о́коло 415-го го́да, во вре́мя Ѳеодо́сія Второ́го*, и на́званъ Ѳеодосіо́полемъ. Эрзеру́мъ почита́ется гла́внымъ го́родомъ въ Азіа́тской Ту́рціи. Въ нёмъ счита́лось до ста ты́сячъ жи́телей; но, ка́жется, число́ сіе́ сли́шкомъ увели́чено. Дома́ въ нёмъ ка́менные, кро́вли покры́ты дёрномъ[3], что даётъ го́роду чрезвыча́йно стра́нный видъ, е́сли смо́тришь на него́ съ высоты́. Гла́вная сухопу́тная торго́вля ме́жду Евро́пою и Восто́комъ произво́дится чрезъ Эрзеру́мъ. Но това́ровъ въ нёмъ продаётся ма́ло. Ихъ здѣсь и не выкла́дываютъ, что замѣ́тилъ и Ту́рнфоръ[4], пи́шущій, что въ Эрзеру́мѣ больно́й мо́жетъ умере́ть за невозмо́жностью доста́ть ложку реве́ня[5], ме́жду тѣмъ какъ цѣ́лые мѣшки́ о́наго нахо́дятся въ го́родѣ. Не зна́ю выраже́нія, кото́рое бы́ло бы безсмы́сленнѣе словъ: „азіа́тская ро́скошь". Эта погово́рка, вѣроя́тно, родила́сь во вре́мя кресто́выхъ похо́довъ[6], когда́ бѣ́дные ры́цари, оста́вя го́лыя стѣ́ны и дубо́вые сту́лья свои́хъ за́мковъ, уви́дѣли въ пе́рвый разъ кра́сные дива́ны, пёстрые ковры́ и кинжа́лы съ цвѣтны́ми ка́мешками на рукоя́ти. Ны́нѣ мо́жно сказа́ть: „азіа́тская бѣ́дность", „азіа́тское сви́нство" и про́ч., но ро́скошь, коне́чно, принадле́жность Евро́пы. Въ Эрзеру́мѣ ни за какія де́ньги нельзя́ купи́ть того́, что вы найдёте въ мелочно́й ла́вкѣ пе́рваго уѣ́зднаго городка́ Псковско́й

[1]Лат. titulus, зва́ніе. [2]Прс., мусульма́нскій ни́щенствующій мона́хъ.—*Византі́йскій импера́торъ (408—450 г.). [3]Дёрнъ—а) ве́рхній сло́й по́чвы, гу́сто заро́сшій траво́ю; б) спя́тый пластъ земли́ съ траво́ю на корню́. [4]Англійскій путеше́ственникъ по Восто́ку. [5]Н.-гр. расте́ніе и лѣка́рство, приготовля́емое изъ его́ ко́рня. [6]Такъ называ́ются въ исто́ріи похо́ды, предпринима́вшіеся съ конца́ XI-го и до конца́ XIII-го в. за́падно-европе́йскими наро́дами, для покоре́нія Палести́ны и освобожде́нія гро́ба Госпо́дня отъ вла́сти ту́рокъ.

губе́рніи. Кли́матъ эрзеру́мскій суро́въ. Го́родъ вы́строенъ въ лощи́нѣ, возвыша́ющейся надъ мо́ремъ на́ семь ты́сячъ фу́товъ. Го́ры, окружа́ющія его́, покры́ты сне́гомъ бо́льшую часть го́да. Земля́ безле́сна, но плодоно́сна. Она́ орошена́ мно́жествомъ исто́чниковъ и отовсю́ду пересѣчена́ водопрово́дами.

Въ 1836 году́ Пу́шкинъ предпри́нялъ изда́ніе журна́ла: „Совреме́нникъ“, въ кото́ромъ, ме́жду про́чимъ, бы́ли помѣщены:

XXX. Запи́ски Джо́на Те́ннера.

Запи́ски э́ти Пу́шкинымъ отча́сти переведены́ (съ а́нглійскаго), отча́сти же сокращённо изло́жены. Въ тѣхъ мѣста́хъ, гдѣ запи́ски переведены́, разска́зъ ведётся въ пе́рвомъ лицѣ, а въ тѣхъ, гдѣ сокращённо изло́жены,—въ тре́тьемъ. Джонъ Те́ннеръ—лицо́ дѣйстви́тельное, а не вы́мышленное.

1. Новосе́лье. Оте́цъ мой оста́вилъ Элькъ-Горнъ[1] и отпра́вился къ у́стью Бигъ-Міа́ми[2], гдѣ онъ до́лженъ былъ завести́ но́вое поселе́ніе. Тамъ на берегу́ нашли́ мы обрабо́танную зе́млю и нѣсколько хи́жинъ, поки́нутыхъ поселе́нцами изъ опасе́нія ди́кихъ. Оте́цъ мой испра́вилъ хи́жины и окружи́лъ ихъ забо́ромъ; э́то бы́ло весно́ю. Онъ заня́лся хлѣбопа́шествомъ. Дней де́сять спустя́ по своёмъ прибы́тіи на мѣсто, онъ сказа́лъ намъ, что́ ло́шади его́ безпоко́ятся, чу́я бли́зость индѣ́йцевъ, кото́рые, вѣроя́тно, ры́щутъ по́ лѣсу. „Джонъ“, приба́вилъ онъ, обраща́ясь ко мнѣ, „ты сего́дня сиди́ до́ма“. Пото́мъ пошёлъ онъ засѣва́ть по́ле со свои́ми не́грами и ста́ршимъ мои́мъ бра́томъ.

2. Какъ я ускользну́лъ и́зъ дому. Насъ оста́лось до́ма че́тверо дѣте́й. Ма́чеха, чтобъ вѣрнѣе меня́ удержа́ть, поручи́ла мнѣ смотрѣть за мла́дшимъ, кото́рому не́ было ещё го́ду. Я ско́ро соску́чился и сталъ щипа́ть его́, чтобъ заста́вить крича́ть. Ма́чеха велѣ́ла мнѣ взять его́ на́ руки и съ нимъ гуля́ть по ко́мнатамъ. Я послу́шался, но не переста́лъ его́ щипа́ть. Наконе́цъ она́ ста́ла его́ корми́ть, а я побѣжа́лъ прово́рно на дворъ и ускользну́лъ въ кали́тку, а отту́да въ по́ле. Не въ далёкомъ разстоя́ніи отъ до́ма и близъ са́маго по́ля стоя́ло орѣхово́е де́рево, подъ кото́рымъ бѣ́галъ я собира́ть прошлого́дніе орѣхи. Я осторо́жно до него́ добра́лся, чтобъ не быть замѣ́чену ни отцо́мъ ни его́ рабо́тниками... Какъ тепе́рь ви́жу отца́ моего́, стоя́щаго съ ружьёмъ на стра́жѣ посреди́ по́ля. Я спря́тался за де́рево и ду́малъ про себя́: „Мнѣ бы о́чень хотѣ́лось уви́дѣть индѣ́йцевъ“.

3. Похище́ніе. Ужъ моя́ соло́менная шля́па была́ почти́ полна́ орѣ́хами, какъ вдругъ услы́шалъ я шо́рохъ. Я огляну́лся: индѣ́йцы! Вѣроя́тно, я упа́лъ въ о́бморокъ, потому́ что не закрича́лъ. Наконе́цъ, я

[1] Мѣ́стность въ Сѣв. Аме́рикѣ, въ неда́льнемъ разстоя́ніи отъ Цинцина́ти. [2] Прито́къ рѣки́ Огайо, кото́рая впада́етъ въ Миссиси́пи.

очну́лся подъ высо́кимъ де́ревомъ. Я находи́лся ме́жду молоды́мъ челове́комъ и други́мъ инде́йцемъ, широкоплечимъ и малорослымъ. Вѣро́ятно, я его́ чѣмъ-нибу́дь да разсерди́лъ, потому́ что онъ потащи́лъ меня́ въ сто́рону, схвати́лъ свою́ дуби́ну и зна́ками веле́лъ мнѣ гляде́ть вверхъ. Я по́нялъ, что онъ мнѣ прика́зывалъ въ после́дній разъ взглану́ть на не́бо, потому́ что гото́вился меня́ уби́ть. Я повинова́лся; но молодо́й инде́ецъ, похити́вшій меня́, удержа́лъ уда́ръ, занесённый надъ мое́й голово́ю. Покрови́тель мой закрича́лъ. Стари́къ и четы́ре други́е инде́йца прибѣжа́ли поспѣшно. Ста́рый нача́льникъ, каза́лось, стро́го говори́лъ тому́, кто угрожа́лъ мнѣ сме́ртью. Пото́мъ онъ и молодо́й челове́къ взяли меня́, ка́ждый за́ руку, и потащи́ли опя́ть. Я замедля́лъ ихъ отступле́ніе, и замѣтно бы́ло, что они́ боя́лись быть насти́гнутыми.

4. Пе́рвые дни въ плѣну́. Въ разстоя́ніи одно́й ми́ли отъ на́шего до́ма, у бе́рега рѣки́, въ куста́хъ спря́танъ былъ и́ми челно́къ изъ древе́сной коры́. Они́ сѣли въ него́ всѣ се́меро, взя́ли меня́ съ собо́ю и перепра́вились на другу́ю бе́регъ, у са́маго у́стья Бигъ-Міа́ми. Я не теря́лъ ещё наде́жды отъ нихъ изба́виться, несмотря́ на надзо́ръ, и замѣча́лъ всѣ предме́ты, дабы́ по нимъ напра́вить свой обра́тный побѣ́гъ; упира́лся та́кже ноги́ами о высо́кую траву́ и о мя́гкую зе́млю, да́бы оста́вить слѣды́. Я наде́ялся убѣжа́ть во вре́мя ихъ сна. Наста́ла ночь; стари́къ и молодо́й инде́ецъ легли́ со мно́ю подъ одно́ одѣя́ло и кре́пко прижа́ли меня́. Я такъ уста́лъ, что тотча́съ засну́лъ. Таки́мъ о́бразомъ шли мы четы́ре дня. Меня́ корми́ли ску́дно. Я всѣ надѣ́ялся убѣжа́ть, но при наступле́ніи но́чи сонъ ка́ждый разъ мно́ю овладѣва́лъ соверше́нно. Но́ги мои́ распу́хли и бы́ли всѣ въ ра́нахъ и зано́захъ. Стари́къ мнѣ помо́гъ ко́е-какъ и далъ па́ру ко́жаныхъ лапте́й, кото́рые облегчи́ли меня́ немно́го.

5. Пе́рвая добы́ча. Я шёлъ обыкнове́нно ме́жду старико́мъ и молоды́мъ инде́йцемъ. Мы встрѣтили широ́кую рѣку́, впада́ющую въ Міа́ми. Она́ была́ такъ глубока́, что мнѣ нельзя́ бы́ло её перейти́. Стари́къ взялъ меня́ къ себѣ́ на пле́чи и перенёсъ на другу́ю бе́регъ. Я уви́дѣлъ, что одному́ мнѣ перейти́ э́ту рѣку́ бы́ло невозмо́жно, и потеря́лъ всю наде́жду на ско́рое изб вле́ніе. Я прово́рно вскара́бкался на бе́регъ, сталъ бѣ́гать по́ лѣсу и спугну́лъ съ гнѣзда́ ди́кую пти́цу. Гнѣздо́ по́лно бы́ло я́йцъ; я взялъ ихъ въ плато́къ и вороти́лся къ рѣкѣ́. Инде́йцы ста́ли смѣя́ться, уви́дѣвъ меня́ съ мое́ю добычею, разложи́ли ого́нь и ста́ли вари́ть я́йца въ ма́ленькомъ котлѣ́. Вдругъ прибѣжа́лъ стари́къ, схвати́лъ котёлъ и вы́лилъ во́ду на ого́нь вмѣстѣ съ я́йцами. Онъ на́скоро что́-то шепну́лъ молодо́му человѣ́ку. Инде́йцы поспѣшно подобра́ли я́йца и разсѣялись по лѣса́мъ. Дво́е изъ нихъ умча́ли меня́ со всей возмо́жною быстрото́ю. Я ду́малъ, что за на́ми гна́лись, и впослѣдствіи узна́лъ, что ошиби́ся.

6. Въ индѣйской деревнѣ. Походъ нашъ сквозь лѣса былъ трудѣнъ и скученъ. Черезъ десять дней пришли мы на берегъ Мауми. Индѣйцы разсыпались по лѣсу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно орѣховое дерево, срубили его, сняли кору и сшили изъ нея челнокъ, въ которомъ мы всѣ помѣстились; поплыли по теченію рѣки и вышли на берегъ у большой индѣйской деревни, выстроенной близъ устья другой какой-то рѣки. Казалось, многіе изъ жителей хотѣли меня убить; однако старикъ и молодой человѣкъ уговорили ихъ меня оставить. Старикъ зналъ нѣсколько англійскихъ словъ. Онъ иногда приказывалъ мнѣ сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная такимъ образомъ требовать отъ меня различныхъ услугъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ индѣйской деревни находилась американская контора. Тутъ нѣсколько купцовъ со мною долго разговаривали. Они объяснили мнѣ, что я у старика заступлю мѣсто его сына, умершаго недавно; обошлись со мною ласково и хорошо меня кормили во всѣ время нашего пребыванія. Когда мы разстались, я сталъ кричать— въ первый разъ послѣ моего похищенія изъ дому родительскаго. Купцы утѣшали меня, обѣщавъ черезъ десять дней выкупить изъ неволи.

7. Съ какою цѣлью индѣйцы похитили маленькаго Джона. Наконецъ челнокъ причалилъ къ мѣсту, гдѣ обитали похитители бѣднаго Джона. Старуха вышла изъ деревяннаго шалаша и побѣжала къ нимъ навстрѣчу. Старикъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она закричала, обняла, прижала къ сердцу своего маленькаго плѣнника и потащила въ шалашъ. Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезикъ. Младшій изъ его сыновей умеръ незадолго передъ происшествіемъ, здѣсь описаннымъ. Жена его объявила, что не будетъ жива, если ей не отыщутъ ея сына. То-есть, она требовала молодого невольника, съ тѣмъ, чтобы его усыновить. Старый Монито-о-гезикъ съ сыномъ своимъ Кишъ-кау-ко и съ двумя единоплеменниками, жителями Гурона, тотчасъ отправились въ путь, чтобы только удовлетворить желаніе старухи. Трое молодыхъ людей, родственники старика, присоединились къ нему. Всѣ семеро пришли къ селеніямъ, расположеннымъ на берегахъ Огейо. Наканунѣ похищенія индѣйцы переправились черезъ рѣку и спрятались близъ Теннерова дома.

8. Въ индѣйской семьѣ. Возвратясь благополучно домой съ своею добычею, старый Монито-о-гезикъ на другой же день созвалъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и Джонъ Теннеръ былъ торжественно усыновленъ на самой могилѣ маленькаго дикаря. Была весна. Индѣйцы оставили свои селенія и всѣ отправились на ловлю звѣрей. Ви-

бравъ себѣ́ удо́бное мѣ́сто, они́ ста́ли огражда́ть его́ забо́ромъ изъ зелёныхъ вѣтве́й и молоды́хъ дере́въ, изъ-за кото́рыхъ должны́ бы́ли стрѣля́ть. Джо́ну поручи́ли обла́мывать сухія вѣ́точки и обрыва́ть ли́стья съ той стороны́, гдѣ́ скрыва́лись охо́тники. Ма́ленькій плѣ́нникъ, утомлённый зно́емъ и трудо́мъ, всегда́ голо́дный и гру́стный, лѣ́нивo исполня́лъ свою́ до́лжность. Ста́рый Монито́-о-гези́къ, заста́въ одна́жды его́ спя́щимъ, уда́рилъ ма́льчика по головѣ́ своёю дуби́ной и бро́силъ за́мертво въ кусты́. Возвратя́сь въ та́боръ, стари́къ сказа́лъ женѣ́ своёй: „Стару́ха! ма́льчикъ, кото́раго я тебѣ́ привёлъ, ни къ чему́ него́денъ: я его́ уби́лъ. Ты найдёшь его́ та́мъ-то“. Стару́ха съ до́черью прибѣжа́ли, нашли́ Те́ннера ещё живо́го и привели́ его́ въ чу́вство.

9. Дальнѣ́йшая жизнь среди́ дикаре́й и не́нависть къ ма́льчику ста́раго индѣ́йца. Жизнь ма́ленькаго пріёмыша была́ са́мая го́рестная. Его́ заставля́ли рабо́тать сверхъ силъ; стари́къ и сыновья́ его́ би́ли бѣ́днаго ма́льчика помину́тно. Ѣсть ему́ почти́ ничего́ не дава́ли; но́чью онъ спалъ обыкновенно ме́жду две́рью и очагомъ; всякій, входя́, непремѣ́нно дава́лъ ему́ ного́ю толчо́къ. Стари́къ возненави́дѣлъ его́ и обходи́лся съ нимъ съ удиви́тельной жесто́костью. Одна́жды Монито́-о-гези́къ схвати́лъ ма́льчика за́ волосы, потащи́лъ за дверь и уткну́лъ лицо́мъ въ навозную ку́чу. Зимо́ю на́чались вое́нныя приготовле́нія. Монито́-о-гези́къ, отправля́ясь въ похо́дъ, сказа́лъ Те́ннеру: „Иду́ уби́ть твоего́ отца́, бра́тьевъ и всѣхъ ро́дственниковъ...“ Черезъ нѣ́сколько дней онъ возврати́лся и показа́лъ Джо́ну бѣ́лую, ста́рую шля́пу, кото́рую онъ тотча́съ узна́лъ: она́ принадлежа́ла бра́ту его́. Стари́къ увѣ́рилъ его́, что сдержа́лъ свое́ сло́во и что никто́ изъ его́ родны́хъ уже́ бо́лѣе не существу́етъ.

10. Перемѣ́на въ положе́ніи Джо́на. Вре́мя шло и Джонъ Те́ннеръ на́чалъ привыка́ть къ судьбѣ́ своёй. Хотя́ Монито́-о-гези́къ всё обходи́лся съ нимъ суро́во, но стару́ха его́ люби́ла и́скренно и стара́лась облегча́ть его́ у́часть. Че́резъ два го́да произошла́ ва́жная перемѣ́на. Нача́льница пле́мени отавуа́вовъ, Нетъ-но-куа́, ро́дственница ста́раго индѣ́йца, похити́теля Джо́на Те́ннера, купи́ла его́, чтобъ замѣни́ть себѣ́ поте́рю сы́на. Джонъ Те́ннеръ былъ вы́мѣненъ на бочёнокъ во́дки и на нѣ́сколько фу́нтовъ табаку́. Вторично усыновлённый, Те́ннеръ нашёлъ въ но́вой ма́тери своёй ла́сковую и до́брую покрови́тельницу. Онъ и́скренно къ ней привяза́лся, вско́рѣ отвы́къ отъ привы́чекъ своёй дѣ́тской образованности и сдѣлался соверше́ннымъ индѣ́йцемъ. Иску́сный стрѣло́къ почита́ется ме́жду индѣ́йцами за вели́каго челове́ка. Те́ннеръ разска́зываетъ пе́рвый свой о́пытъ на по́прищѣ, на кото́ромъ пото́мъ просла́вился.

11. Пе́рвая охо́та. Я о́троду ещё не стрѣля́лъ. Мать моя́ то́лько что купи́ла бочёнокъ по́роху Ободрённый ея́ снисходи́тельностью,

я попроси́лъ у ней пистоле́тъ, чтобъ итти́ въ лѣсъ стрѣля́ть голубе́й. Мать моя́ согласи́лась, говоря́; „Пора́ тебѣ́ быть охо́тникомъ". Мнѣ да́ли заря́женный пистоле́тъ и сказа́ли, что е́сли уда́стся застрѣли́ть пти́цу, то дадутъ ружьё и ста́нутъ учи́ть охо́тѣ. Съ того́ вре́мени я возмужа́лъ и нѣсколько разъ находи́лся въ затрудни́тельномъ положе́ніи, но никогда́ жа́жда успѣха не была́ во мнѣ столь пла́менна. Едва́ вы́шелъ я изъ та́бора, какъ уви́дѣлъ голубе́й въ бли́зкомъ разстоя́ніи. Я взвёлъ куро́къ и подня́лъ пистоле́тъ почти́ къ са́мому но́су, прицѣ́лился и вы́стрѣлилъ. Въ то́ же вре́мя мнѣ послы́шалось жужжа́ніе, подо́бное свисту бро́шеннаго ка́мня. Пистоле́тъ полетѣ́лъ че́резъ мою́ го́лову, а го́лубь лежа́лъ подъ де́ревомъ, на кото́ромъ сидѣ́лъ. Не забо́тясь о моёмъ изра́ненномъ лицѣ́, я побѣжа́лъ въ та́боръ съ застрѣленнымъ го́лубемъ. Ра́ны мои́ осмотрѣ́ли; мнѣ да́ли ружьё, по́рохъ и дробь и позво́лили стрѣля́ть по пти́цамъ. Съ той поры́ ста́ли со мно́ю обходи́ться съ уваже́ніемъ.

12. Охо́та на медвѣ́дя. Дичь становилась рѣ́дка; толпа́ на́ша голода́ла. Предводи́тель нашъ сове́товалъ перенести́ та́боръ на друго́е мѣ́сто. Мы пошли́ въ похо́дъ. Мужчи́ны шли впереди́ и несли́ на́ши пожи́тки. Прише́дъ на мѣ́сто, они́ отпра́вились на ло́влю, а дѣ́ти оста́лись стере́чь покла́жу до прибы́тія же́нщинъ. Я былъ тутъ же; ружьё бы́ло при мнѣ. Я заряди́лъ ружьё пу́лею и, не говоря́ никому́ ни сло́ва, вороти́лся наза́дъ. Я при́былъ къ одному́ мѣ́сту, гдѣ́, вѣроя́тно, нѣкогда находи́лся прудъ, и уви́дѣлъ кру́глое, ма́лое простра́нство посреди́ лѣ́са. Вокру́гъ я нашёлъ родъ тропи́нки,—вѣроя́тно, ру́сло изсо́хшаго ручейка́. Сдѣ́лалъ я нѣсколько шаго́въ тамъ, гдѣ́, каза́лось, шла тропи́нка, и вдругъ увя́зъ по по́ясъ въ снѣгу́. Вы́карабкавшись прово́рно, прошёлъ я ещё нѣсколько шаго́въ, какъ вспо́мнилъ вдругъ разска́зы индѣ́йцевъ о медвѣ́дяхъ, и мнѣ пришло́ въ го́лову, что, мо́жетъ-быть, мѣ́сто, куда́ я провали́лся, была́ медвѣ́жья берло́га. Я вороти́лся и въ глубинѣ́ впа́дины уви́дѣлъ го́лову медвѣ́дя; приста́вилъ ему́ ду́ло ружья́ ме́жду глаза́ми и вы́стрѣлилъ. Пото́мъ, удостовѣ́рясь, что медвѣ́дь уби́тъ, сталъ его́ тащи́ть изъ берло́ги, но не смогъ и возврати́лся въ та́боръ по свои́мъ слѣда́мъ. Пошли́ за уби́тымъ медвѣ́демъ, и какъ это былъ ещё пе́рвый, то, по обыча́ю индѣ́йцевъ, его́ изжа́рили цѣ́льнаго, и всѣ охо́тники приглашены́ бы́ли съѣ́сть его́ съ на́ми.

13. Америка́нскій оле́нь. Индѣ́йцы увѣ́рены, что музъ (америка́нскій оле́нь), ме́жду про́чимъ, одарёнъ спосо́бностью до́лго остава́ться подъ водо́ю. Дво́е изъ мои́хъ знако́мыхъ, лю́ди нелжи́вые, возврати́лись одна́жды ве́черомъ съ охо́ты и разсказа́ли намъ, что молодо́й музъ, за́гнанный и́ми въ ма́ленькій прудъ, нырну́лъ въ середи́ну. Они́ до ве́чера стерегли́ его́ на берегу́, куря́ табакъ; во всё вре́мя не

видáли онú ни малѣйшаго движéнія водú, ни другóй какóй-лúбо примѣты скрúвшагося мýза и, потерявъ надéжду на успѣхъ, наконéцъ, возвратúлись. Нѣсколько минýтъ по ихъ прибытіи, явúлся одинóкій охóтникъ съ свѣжею добычею. Онъ разсказалъ, что звѣрúный слѣдъ привёлъ егó къ берегáмъ прудá, гдѣ нашёлъ онъ слѣдú двухъ человѣкъ, повúдимому прибывшихъ тудá съ мýзомъ почтú въ одно врéмя. Онъ заключúлъ, что музъ былъ úми убúтъ; сѣлъ на бéрегъ и вскорѣ увúдѣлъ мýза, приставшаго тúхо надъ неглубóкою водóю, и застрѣлúлъ егó въ прудý. Индѣйцы полагáютъ, что музъ живóтное сáмое осторóжное и что достáть егó весьмá трýдно. Въ сáмую страшную бýрю, когдá вѣтеръ и громъ сливáютъ свой продолжúтельный ревъ съ безпрестáннымъ шýмомъ проливнóго дождя, éсли сухóй прýтикъ хрýстнетъ въ лѣсý подъ ногóй илú рукóй человѣческой, музъ ужé слышúтъ. Онъ не всегдá убѣгáетъ, но перестаётъ ѣсть и вслýшивается во всѣ звýки. Если въ течéніе цѣлаго чáса человѣкъ не произведётъ никакóго шýма, то музъ начинáетъ ѣсть опять, но ужъ не забывáетъ звýка, имъ услúшаннаго, и на нѣсколько часóвъ осторóжность егó остаётся дѣятельнѣе.

14. Какъ индѣйцы трáвятъ[1] лóсей[2]. Вотъ какъ индѣйцы трáвятъ лóсей. Спугнýвъ съ мѣста, онú преслѣдуютъ ихъ рóвнымъ шáгомъ въ течéніе нѣсколькихъ часóвъ. Испýганные звѣри сгорячá опережáютъ ихъ на нѣсколько миль; но индѣйцы, слѣдуя за нúми всё тѣмъ же шáгомъ, наконéцъ, настигáютъ ихъ; толпá лóсей, завúдя ихъ, бѣжúтъ съ нóвымъ усúліемъ и исчезáетъ опять на часъ илú нá два. Охóтники начинáютъ открывáть ихъ скорѣе и скорѣе, и лóси всё дóлѣе и дóлѣе остаются въ ихъ видý; наконéцъ, охóтники ужé ни на минýту не теряютъ ихъ изъ глазъ. Устáлые лóси бѣгýтъ тúхой рысью; вскорѣ идýтъ шáгомъ. Тогдá и охóтники нахóдятся почтú въ совершéнномъ изнеможéніи. Однáкожъ онú обыкновéнно мóгутъ ещё дать залпъ изъ рýжей по стáду лóсей; но выстрѣлы придаютъ звѣрямъ нóвую сúлу; а охóтники, éжели снѣгъ неглубóкъ, рѣдко имѣютъ духъ и возмóжность выстрѣлить бóлѣе одного илú двухъ разъ. Въ продолжúтельномъ бѣгствѣ лось нелегкó высвобождáетъ копытo своё; въ глубóкихъ снѣгáхъ настúгнуть егó легкó. Есть индѣйцы, котóрые мóгутъ преслѣдовать лóсей по стéпи и безснѣжной; но такúхъ мáло.

15. Какъ я чуть не замёрзъ на охóтѣ. Однáжды рáно ýтромъ я погнáлъ лóся и преслѣдовалъ егó до нóчи; ужé готóвъ былъ егó настúгнуть, но вдругъ лишúлся и силъ и надéжды. Одéжда моя, вопреки морóзу, былá вся мóкра. Вскорѣ онá оледенѣла. Мои сукóнныя „митáссы“[3] изорвáлись въ клочкú во врéмя бѣга сквозь кустáрники. Я почýвствовалъ, что замерзáю... Около полунóчи достúгъ мѣста, гдѣ

[1]Преслѣдуютъ. [2]Живóтное изъ порóды олéней.—[3]Инд., шаровáры.

стоя́ла на́ша хи́жина; ея́ уже́ тамъ не́ было: стару́ха перенесла́ ее на друго́е мѣ́сто... Я пошёлъ по слѣда́мъ мое́й семьи́, и вскорѣ́ хо́лодъ сталъ нечувстви́теленъ: мно́ю овладѣ́ло усыпле́ніе, обыкнове́нный признакъ, предше́ствующій сме́рти. Я удво́илъ уси́лія, и хотя́ былъ въ совершённой па́мяти и понима́лъ о́чень хорошо́ опа́сность своего́ положе́нія, но съ трудо́мъ могъ удержа́ть жела́ніе приле́чь на зе́млю. Наконе́цъ, совершённо забы́лся, не зна́ю, надо́лго ли, и, очну́вшись, какъ ото сна́, уви́дѣлъ, что кружи́лся на одно́мъ мѣ́стѣ. Я сталъ иска́ть свои́хъ слѣдо́въ и вдругъ вдали́ уви́дѣлъ ого́нь, но сно́ва потеря́лъ чу́вства. Если бы я упа́лъ, то ужъ никогда́ бы не всталъ. Я сталъ опя́ть кружи́ться на одно́мъ мѣ́стѣ; наконе́цъ, дости́гъ на́шей хи́жины. Вошёдъ въ неё, я упа́лъ, одна́кожъ не лиши́лся чу́вствъ. Цѣ́лый мѣ́сяцъ я не могъ вы́йти: лицо́, ру́ки и но́ги были у меня́ си́льно отморо́жены...

16. Заня́тія и нра́вы индѣ́йцевъ. Подверга́аясь таковы́мъ трудамъ и опа́сностямъ, индѣ́йцы имѣ́ютъ цѣ́лью заготовле́ніе добро́выхъ мѣхо́въ, бу́йволовыхъ кожъ и про́чаго, дабы́ прода́ть и вы́мѣнять ихъ купца́мъ америка́нскимъ. Но рѣ́дко получа́ютъ они́ вы́году въ торго́выхъ свои́хъ оборо́тахъ: купцы́ обыкнове́нно по́льзуются ихъ простото́ю и скло́нностью къ кре́пкимъ напи́ткамъ. Вы́мѣнявъ часть това́ровъ на ромъ и во́дку, бѣ́дные индѣ́йцы отдаю́тъ и остальны́е за безцѣ́нокъ; за продолжи́тельнымъ пья́нствомъ слѣ́дуетъ го́лодъ, нищета́, и несча́стные дикари́ принуждены́ вскорѣ́ опя́ть обрати́ться къ ску́дной и бѣ́дственной своей промы́шленности. Легкомы́сленность, невоздержанность, лука́вство и жесто́кость — гла́вные поро́ки ди́кихъ америка́нцевъ. Уби́йство мѣ́жду ни́ми не почита́ется преступле́ніемъ но ро́дственники и друзья́ уби́таго обыкнове́нно мстятъ за его́ смерть. Джо́нъ Те́ннеръ навлёкъ на себя́ не́нависть одного́ индѣ́йца и нѣ́сколько разъ подверга́лся его́ уда́ру. „Ты давно́ могъ бы меня́ уби́ть“, сказа́лъ ему́ одна́жды Те́ннеръ: „но ты не мужчи́на. Никогда́ не прощу́ тебѣ́, что ты на меня́ замахну́лся ножо́мъ, и не имѣ́лъ ду́ха порази́ть“. Храбрость почита́ется мѣ́жду индѣ́йцами гла́вною человѣ́ческою добродѣ́телью; трусъ презира́емъ у нихъ наравнѣ́ съ лѣни́вымъ или́ сла́бымъ охо́тникомъ. Иногда́, е́сли убі́йство произошло́ въ пья́нствѣ или́ ненаро́чно, ро́дственники торже́ственно проща́ютъ душегу́бца.

17. Те́ннеръ навѣща́етъ свои́хъ родны́хъ. Вопреки́ своей долговре́менной привы́чкѣ и стра́стной любви́ къ жи́зни охо́тничьей, оди́чалый америка́нецъ всегда́ помышля́лъ о возвраще́ніи въ нѣ́дра семе́йства, отъ кото́раго такъ до́лго былъ наси́льственно отто́ргнутъ. Наконе́цъ, онъ рѣши́лся испо́лнить давни́шнее свое́ намѣ́реніе и отпра́вился къ берега́мъ Бигъ-Міа́ми, къ мѣ́сту пребыва́нія пре́жняго своего́ семе́йства. Пришёдъ въ одно́ изъ та́мошнихъ поселе́ній, встрѣ-

тилъ онъ стáраго индѣйца и узнáлъ въ нёмъ молодóго дикаря, вѣкогда егó похúтившаго. Онú дружески обнялись. Индѣецъ разсказáлъ емý подрóбности егó похищéнія, о котóрыхъ Тéннеръ имѣлъ тóлько смýтное понятіе. Отéцъ Тéннера умеръ тому лѣтъ дéсять, оставя имѣніе своё стáршему сы́ну и не забы́въ въ своéй духóвной[1] того́, чья у́часть была́ емý неизвѣстна. Наконéцъ, Джонъ Тéннеръ увúдѣлъ свою́ семью́, котóрая приняла́ егó съ велúкою рáдостью. Братъ егó обня́лъ съ востóргомъ, отрѣзалъ емý вóлосы и употребúлъ всевозмóжныя старáнія, дабы́ удержáть егó у себя́ дóма. Одичáлый америкáнецъ, съ своéй стороны́, звалъ егó къ себѣ, къ Лѣснóму óзеру, выхваля́я емý чéрезъ перевóдчика дúкую жизнь и раздóлье степéй. Брáтья егó бы́ли женáты; сестра Люсú имѣла дéсять человѣкъ дѣтéй. Наконéцъ, прóсьбы родны́хъ на него́ подѣйствовали: онъ рѣши́лся оставúть индѣйцевъ и съ своúми дѣтьмú переселúться въ óбщество, котóрому принадлежáлъ по прáву рожденія.

18. Тéннеръ поселя́ется средú образóванныхъ людéй. Но приключéнія Тéннера тѣмъ ещё не кóнчились. Судьбá назнáчила емý ещё нóвыя испытáнія. Возвратя́сь къ дúкимъ своúмъ знакóмцамъ и объявúвъ имъ о своёмъ намѣреніи, онъ возбудúлъ сúльное негодованіе. Индѣйцы не соглашáлись вы́дать емý дѣтéй. Женá отказывалась слѣдовать за нимъ къ лю́дямъ чу́ждымъ и ненавúстнымъ. Влáсти америкáнскія принуждены́ бы́ли вмѣша́ться въ семéйныя дѣлá Джóна Тéннера. Угрóзой и лáскою уговорúли индѣйцевъ отпустúть егó домóй со всѣмъ семéйствомъ. Онъ ещё въ послѣдній разъ отпрáвился съ родны́ми къ Крáсной рѣкѣ на охóту за бу́йволами, прощáясь навсегдá съ дúкою жúзнью, имѣвшею для него́ стóлько прéлести. Возвратя́сь, онъ сталъ готóвиться въ дорóгу. Индѣйцы простúлись съ нимъ дружелю́бно. Сынъ егó не захотѣлъ за нимъ слѣдовать и остáлся вóльнымъ дикарёмъ. Тéннеръ отпрáвился съ двумя́ дочерьмú и съ ихъ мáтерью, котóрая не хотѣла съ нúми разстáться. Ны́нѣ Тéннеръ живётъ мéжду образóванными своúми соотéчественниками!.

---

3. Михаилъ Юрьевичъ Лéрмонтовъ.

(1814—1841)

сынъ арме́йскаго офицéра, родúлся въ Москвѣ. Лишúвшись въ рáннемъ дѣтствѣ мáтери, онъ былъ взятъ на воспитáніе бáбушкой помѣщицей Арсéньевой. Арсéньева жилá съ внýкомъ снача́ла въ своёмъ имѣніи, с. Тарха́нахъ (Пéнзенской г.), а потóмъ въ Москвѣ. Изъ Тарха́нъ ба-

[1] Завѣща́ніе.

бушка однáжды ѣздила лѣчúться на Кавкáзскія минерáльныя вóды и взялá съ собóю десятилѣтняго Л. Учúлся Л. сначáла въ Университéтскомъ благорóдномъ пансióнѣ, потóмъ въ Москóвскомъ университéтѣ, гдѣ кýрса не окóнчилъ, и, наконéцъ, въ шкóлѣ гвáрдéйскихъ подпрáпорщиковъ въ Петербýргѣ. Съ 1834-го г. онъ служúлъ въ гвáрдіи, но въ 1837-мъ г. переведёнъ былъ въ одúнъ изъ армéйскихъ полкóвъ, находúвшихся на Кавкáзѣ. Чéрезъ годъ Л. вернýлся съ Кавкáза въ Петербýргъ, на слýжбу въ гвáрдіи, но въ 1840-мъ г. снóва переведёнъ былъ на Кавкáзъ, гдѣ въ слѣдующемъ годý и ýмеръ (въ Пятигóрскѣ). Тѣло егó погребенó въ имѣніи егó бáбушки, въ Тарханáхъ. Во врéмя пребыванія на Кавкáзѣ, Л. принимáлъ учáстіе въ похóдахъ прóтивъ гóрцевъ. (См. стр. 259). Этимъ и объясняется блúзкое знакóмство егó съ истóріей и осóбенностями борьбы́ съ гóрцами рýсскихъ.

I. Споръ.

Въ стихотворéніи этомъ изображáется завоевáтельное движéніе рýсскихъ на Кавкáзъ.

Кáкъ-то| рáзъ, пе|рéдъ тол|пóю|

1. Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплемённыхъ [1] горъ,
У Казбека[2] съ Шатъ-горою[3]
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовластый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ[4];
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны[5]
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы[6].
Люди хитры: хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ,
Берегися: многолюденъ
И могучъ Востокъ[7]!“

---

[1]Рóдственныхъ, принадлежáщихъ къ однóй съ Казбéкомъ и Шатъ-горóю гóрной цѣпи. [2]Высочáйшая пóслѣ Эльбрýса гора Кавкáза; принадлежúтъ къ такъ называ́емому Боковóму Кавкáзскому хребтý; имѣетъ конусообрáзную фóрму; покрúта вѣчнымъ снѣгомъ. [3]Иначе: Эльбрýсъ; лежúтъ сѣвернѣе Казбéка: принадлежúтъ къ Глáвному Кавкáзскому хребтý; высочáйшая горá Кавкáза; имѣетъ двѣ вершúны; óбѣ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ; фóрма кáждой вершúны такóже конусообрáзная. [4]Здѣсь разумѣются ущéлья вообщé въ горáхъ Кавкáза, блúзкихъ къ Казбéку, въ горáхъ Бокового Кавкáзскаго хребтá. Почемý „загремúтъ топóръ“ въ ущéльяхъ горъ? [5]Караванъ, ар., обóзъ. На Кавкáзѣ кладú перевóзятся обыкновéнно на верблю́дахъ. [6]Намёкъ на путь, ещё въ дáвнія времена пролóженный чéрезъ Кавкáзскія гóры, по Дарiáльскому ущéлью. [7]Здѣсь въ смыслѣ: всѣ вообщé странúы передней Азіи и Егúпетъ.

2.—Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко[1]
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары[2],
Пѣну сладкихъ винъ
На узорныя[3] шальвары[4]
Сонный[5] льётъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна[6]
На цвѣтной диванъ[7],
У жемчужнаго фонтана*
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима[8],
Богомъ сожжена[9],
Безглагольна[10], недвижима[11]
Мёртвая страна[12].
Дальше, вѣчно чуждый тѣни[13],
Моетъ жёлтый Нилъ[14]
Раскалённыя ступени
Царственныхъ могилъ[15].
Бедуинъ[16] забылъ наѣзды,
Для цвѣтныхъ шатровъ[17]
И поётъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Всё, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому[18] Востоку
Покорить меня!
„Не хвались ещё заранѣ!“
Молвилъ[19] старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!“

—

3. Тайно былъ Казбекъ огромный

---

[1]Пребыва́етъ въ безде́йствіи, предаётся лѣ́ни. [2]Чина́ра, или́ чина́ръ—я́воръ, плата́нъ, де́рево съ широ́кими ли́стьями и развѣ́систою верши́ною: даётъ мно́го тѣ́ни. [3]Расши́тыя, съ узо́рами. То́лько во мн. ч.: тур., то же, что шарова́ры. [5]Лѣ́нивый, безпе́чный. [6]Калья́нъ, тр., употребля́емый на Восто́кѣ прибо́ръ для куре́нія табаку́; дымъ при затя́жкахъ прохо́дитъ предвари́тельно сквозь во́ду въ осо́баго ро́да кувши́нъ, очища́ясь и охлажда́ясь въ ней. [7]Дива́нъ, прс., осо́баго ро́да восто́чная ме́бель, воше́дшая съ да́вняго вре́мени въ употребле́ніе и въ Евро́пѣ; представля́етъ дли́нную, мя́гкую, со спи́нкой, скамью́. *Почему́ фонта́нъ на́званъ „жемчу́жнымъ“? [8]См. Іерусали́ма: ска́зано такъ для вѣ́рности стиха́. [9]Разумѣется ги́бель городо́въ Содо́ма и Гомо́рры, лежа́вшихъ на мѣ́стѣ ны́нѣшняго Мёртваго мо́ря. [10]Глага́лъ, стр., сло́во: „безглаго́льна“=безмо́лвна. [11]Неподви́жна. Въ како́мъ смы́слѣ «безглаго́льна» и „недвижи́ма“? [12]Почему́ Пале-сти́на на́звана „мёртвою страно́ю“ [13]Въ Еги́птѣ нѣтъ лѣсо́въ. [14]Рѣка́, по ни́жнему и сре́днему тече́нію кото́рой расположе́нъ Еги́петъ. Нилъ на́званъ жёлтымъ, такъ какъ вода́ его́ мутна́, переме́шана съ песко́мъ и съ и́ломъ. [15]Пирами́дъ. Дре́вніе цари́ еги́петскіе (фараоны) стро́или огро́мныя зда́нія, служи́вшія затѣ́мъ ихъ усыпа́льницами. Зда́нія э́ти существу́ютъ и до сихъ поръ; и́мѣютъ фо́рму четырехгра́нную, кве́рху постепе́нно су́живающуюся и зака́нчивающуюся небольшо́ю площа́дкой. [16]Ар., кочу́ющій ара́бъ. [17]Шатёръ=пала́тка. Смыслъ: бедуи́нъ утра́тилъ свою́ стари́нную войнственность и преда́лся ро́скоши и нѣ́гѣ; хра́брость, войнственный духъ его́ „отцо́въ“ сдѣ́лались для него́ тепе́рь то́лько преда́ньемъ старины́. На что ука́зываютъ слова́: „счита́я зве́зды?“ [18]Сла́бому, вслѣ́дствіе ро́скоши, изнѣ́женности, недѣ́ятельности. О состоя́ніи каки́хъ странъ говори́тъ Казбе́къ, отвѣ́чая Ша́ту? Какъ свои́ми слова́ми переда́ть содержа́ніе его́ отвѣ́та? [19]Сказа́лъ.

Вѣстью той смущёнъ;
И, смутясь, на сѣверъ тёмный[1]
Взоры кинулъ онъ,
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки[2],
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны[3],
Какъ степной ковыль[4];
Мчатся пёстрые уланы[5],
Подымая пыль;
Боевые батальоны[6]
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамёна,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи[7] мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ;
И, испытанный трудами
Бури боевой[8],
Ихъ ведётъ, грозя очами[9],
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи[10],
Шумны, какъ потокъ,
Страшны медленны, какъ тучи,
Прямо на Востокъ.
И, томимъ зловѣщей[11] думой,
Полный чёрныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый
И не счёлъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ
И навѣкъ затихъ.

Въ стихотворе́ніи: „Споръ“ изобража́ется завоева́тельное движе́ніе ру́сскихъ на Кавка́зъ—вообще́. Въ сле́дующихъ двухъ стихотворе́ніяхъ Л. изобража́етъ отдѣ́льные эпизо́ды изъ исто́ріи борьбы́ ру́сскихъ съ кавка́зскими го́рцами.

II. Валери́къ[12].

Ле́рмонтовъ принима́лъ уча́стіе, въ ка́чествѣ офице́ра, въ похо́дахъ про́тивъ го́рцевъ. Таки́мъ о́бразомъ, стихотвореніе э́то заключа́етъ въ себѣ́ разска́зъ очеви́дца дѣла.

...Разъ—э́|то бы́|ло по́дъ| Геха́|ми—

1. ...Разъ это было подъ Гехами[13]— | Мы проходили тёмный лѣсъ;

---

[1]Почему́ „тёмный“? [2]Приложе́ніе къ сло́ву „Дуна́я“. [3]Султа́нъ, ар., украше́ніе изъ ко́нскихъ воло́съ на вое́нномъ головно́мъ убо́рѣ. [4]Родъ степно́й травы́. [5]Ула́нъ, тур., ко́нный солда́тъ, вооружённый пи́кой. Къ пи́камъ ула́новъ прикрѣпля́лись значки́ изъ пёстрой мате́ріи; потому́ ула́ны и на́званы „пёстрыми“. Въ настоя́щее вре́мя въ ру́сской а́рміи ула́нскіе полки́ упразднены. [6]Баталіо́нъ, или́ батальо́нъ, фр. bataillon отъ bataille во́йско (старинное значе́ніе сло́ва); часть пѣхо́тнаго полка́, состоя́щая изъ четырёхъ до шести́ ротъ. [7]Здѣсь—въ смыслѣ: извѣстное коли́чество пу́шекъ съ прислу́гою, находя́щееся въ завѣ́дываніи одного́ командѝра. [8]Опытный въ вое́нномъ дѣлѣ. [9]Кому́ или́ чему́? [10]Си́льные. [11]Мра́чной, вслѣ́дствіе ожида́нія печа́льныхъ событій. [12]Чече́нское: рѣ́чка сме́рти. [13]Гехи́, то́лько во мн. ч., селе́ніе близъ р. Су́нжи, прито́ка Те́река. Селе́ніе э́то, до оконча́тельнаго водворе́нія ру́сскаго влады́чества, бы́ло це́нтромъ управле́нія Чечни́, мѣстопребыва́ніемъ наиба (правителя).

Огнёмъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ[1].
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокій.
Изъ горъ Ичкеріи[2] далёкой
Уже въ Чечню[3] на бранный зовъ[4]
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными[5] лѣсами
Мелькали маяки[6] кругомъ,
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками.
И оживилися лѣса:
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелёными шатрами[7]...

---

2. Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну[8], дѣло[9] началось.
Чу! въ арьергардъ[10] орудье[11] просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ[12];
Вотъ тащатъ за ноги людей
И кличутъ громко лѣкарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки[13]
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Всё тихо... Тамъ, между кустовъ,
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе,
Пустили нѣсколько гранатъ[14];
Ещё подвинулись... Молчатъ!

---

3. Но вотъ подъ брёвнами завала[15]
Ружьё какъ будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ,
И вновь всё спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье;
Недолго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ
Забилось сердце не одно...
Вдругъ залпъ[16]... Глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды[17]? Здѣшніе полки—
Народъ испытанный... „Въ штыки!
Дружнѣе!..“—раздалось за нами.

---

[1]Ина́че сказа́ть? [2]Ичке́рія—са́мая глуха́я часть Чечни́; лежи́тъ по р. Аксаю (прито́къ Те́река, какъ ви́дно по ру́слу; не дохо́дитъ до Те́река по ску́дости воды́, а та́кже и потому́, что отъ Аксая́ проведены́ въ ра́зныя сто́роны кана́лы для оро́шенія поле́й); населена́ чече́нцами. [3]Страна́ чече́нцевъ. [4]Ина́че сказа́ть? [5]Дре́вними, дрему́чими. [6]Маякъ—всякій знакъ, приме́та, наро́чно поста́вленная (вѣха, огонь, флагъ и про́ч.); въ э́томъ слу́чаѣ маяка́ми, какъ ви́дно изъ слѣ́дующаго стиха́, служи́ли огни́, разведённые го́рцами въ ра́зныхъ частя́хъ лѣса; маяки́ э́ти устро́ены бы́ли съ то́ю цѣ́лью, чтобы́, въ слу́чаѣ ну́жды, отдѣльно разсѣянные отря́ды го́рцевъ могли́ соедини́ться. [7]Шатёръ—со́б.: пала́тка. Здѣсь въ како́мъ смыслѣ? [8]Пло́щадь въ лѣсу́, не покры́тая дере́вьями. [9]Сраже́ніе. [10]Фр. arrière-garde за́днее во́йско; часть во́йска, прикрыва́ющая въ похо́дѣ тылъ а́рміи или́ отря́да. [11]Пу́шку. [12]Ру́жья ра́неныхъ или́ уби́тыхъ. [13]Опу́шка—со́б.: вообще́ пуши́стый край чего́-ли́бо, кайма́; край лѣса. [14]Грана́та, лат. granum зерно́, артилле́рійскій снаря́дъ; состои́тъ изъ чугу́ннаго ша́ра, напо́лненнаго по́рохомъ, кото́рому сообща́ется ого́нь посре́дствомъ осо́бо устро́енной тру́бки. [15]Зава́лъ—со́б.: вообще́ нава́ленная ку́ча чего́-ли́бо, слу́жащая или́ прегра́дой къ чему́-нибу́дь, или́ защи́той. Го́рцы, что́бы имѣ́ть прикры́тіе отъ ру́сскихъ пуль, устра́ивали въ лѣса́хъ зава́лы изъ сру́бленныхъ дере́вьевъ. [16]Вы́стрѣлъ изъ мно́гихъ ру́жей или́ пу́шекъ ра́зомъ. [17]Кака́я ва́жность? Не сто́итъ объ э́томъ толкова́ть! Пустяки́!

Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди;
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня.
„Ура“!—и смолкло... „Вонъ кинжалы...

Въ приклады!...“ И пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь...

Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть:
И зной и битва утомили
Меня; но мутная волна
Была тепла, была красна...

—

4. На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слёзы капали съ рѣсницъ.
Покрытый пылью, на шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть

Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Онъ шепталъ:
„Спасите, братцы!... Тащатъ въ горы!...

Постойте!... Гдѣ же генералъ?...
Не слышу...“ Долго онъ стоналъ,
Но всё слабѣй, и понемногу
Затихъ и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... Потомъ
Его останки[1] боевые
Покрыли бережно плащомъ
И понесли... Тоской томимый,
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый[2].

—

5. Уже затихло всё; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струёю дымной по каменьямъ;
Ея тяжёлымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ;
А тамъ вдали грядой[3] нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своёмъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы, и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..
Галубъ[4] прервалъ моё мечтанье[5],
Ударилъ по плечу: онъ былъ
Кунакъ[6] мой. Я его спросилъ,

---

[1]Трупъ, тѣло умéршаго. Почéму остáнки нáзваны „боевы́ми“? [2]Неподви́жный. [3]Гряда́—рядъ, цѣпь. [4]Чр., соб. и́мя. [5]Мечта́нье—соб. прія́тная игра́ воображе́нія; здѣсь — размышле́ніе, ду́мы. [6]Чр., соб. покрови́тель, защи́тникъ; обыкн. употребля́ется въ смыслѣ: прія́тель, гость. Галу́бъ, очеви́дно, принадлежа́лъ къ числу́ такъ называ́емыхъ „мирны́хъ“ го́рцевъ и служи́лъ въ ру́сскомъ во́йскѣ. Изъ мирны́хъ го́рцевъ то́лько немно́гіе бы́ли и́скренно пре́даны намъ. Дру́жба боль-

Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Валерикъ;
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти: вѣрно,
Дано старинными людьми!“
—А сколько ихъ дралось, примѣрно,
Сегодня? „Тысячъ до семи“.
—А много горцы потеряли?
„Какъ знать? Зачѣмъ вы не считали?“
Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Изъ предыду́щаго стихотворе́нія ви́денъ хара́ктеръ веде́нія го́рцами войны́ про́тивъ ру́сскихъ. Война́ э́та была́ о́чень ожесточённа. Гла́вными причи́нами ожесточённости ея́ бы́ли разли́чіе рели́гій воюющихъ сторо́нъ (го́рцы, за немно́гими исключе́ніями, исповѣ́дуютъ магомета́нскую рели́гію) и обы́чай крова́вой ме́сти. Го́рцы гото́вы бы́ли пасть всѣ до еди́наго человѣ́ка, не то́лько отста́ивая свою́ во́льность и вѣ́ру, но и мстя ру́сскимъ, въ си́лу обы́чая крова́вой ме́сти, за уби́тыхъ и́ми въ сраже́ніяхъ. Сила э́того обы́чая и ва́жное значе́ніе его́ въ глаза́хъ го́рцевъ изображены́ въ стихотворе́ніи:

III. Бѣгле́цъ.

Гару́нъ| бѣжа́лъ| быстрѣ́|е ла́|ни,

1. Гарунъ[1] бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла;
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой[2] у супостата[3]
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течётъ и проситъ мщенья[4].
Гарунъ забылъ свой долгъ[5] и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку[6], шашку и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли тёмныя поляны
Широкой, бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока,
И надъ пустынею пророка[7]
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаётъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый[8];
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришёлъ домой.

2. И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;

шинства́ изъ нихъ была́ ненадёжна, и когда́ успѣхъ борьбы склоня́лся на сто́рону го́рцевъ, мирны́е го́рцы переходили на сто́рону непрія́теля. Какъ ви́дно изъ дальнѣ́йшаго, Галубъ тоже вта́йнѣ сочу́вствовалъ свои́мъ. Оттого́-то онъ и отвѣча́етъ такъ ирони́чески на вопро́съ, ско́лько потеря́ли го́рцы, и смо́тритъ лука́во, кача́я голово́й, при разгово́рѣ о результа́тахъ сраже́нія. — [1]Чр., со́б. и́мя. [2]Подъ нога́ми. [3]У врага́, т.-е. у ру́сскихъ. [4]Указа́ніе на обы́чай крова́вой ме́сти. [5]Въ чёмъ состоя́лъ долгъ Гару́на, въ си́лу обы́чая крова́вой ме́сти? [6]Ружьё осо́баго устро́йства. [7]Магоме́та. Черке́сы исповѣ́дуютъ магомета́нскую вѣ́ру. [8]Неви́димый.

Гамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ дома.
Скрѣпясь душой[1], какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима[2] звалъ онъ прежде другомъ.
Старикъ пришельца не узналъ.
На ложѣ[3], мучимый недугомъ[4],
Одинъ, онъ молча умиралъ.
„Великъ Аллахъ[5]! отъ злой отравы[6]
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...“ спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды[7].
И взоръ блеснулъ огнёмъ надежды;
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца[8].
—Два дня мы бились въ тѣснинѣ.
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шёлъ безвѣстными[9] тропами[10]
По слѣду вепрей[11] и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ!
И—вотъ пророкъ [12]!—твоихъ заслугъ
Я до могилы не забуду.
А умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!“
Стыда и тайной муки[13] полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрёкъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный[14]
За непривѣтливый[15] порогъ.

—

3. И, саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ...
И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины[16],
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны[17].
„Мѣсяцъ плывётъ
И тихъ и спокоенъ,
А юноша воинъ
На битву идётъ.
Ружьё заряжаетъ джигитъ[18],
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року[19],
Молися Востоку[20],
Будь вѣренъ пророку[21].
Будь славѣ вѣрнѣй.
Своимъ измѣнившій
Измѣной кровавой[22],
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ!“

---

[1] Собравшись съ духомъ, постаравшись быть спокойнымъ. Почему Гарунъ былъ неспокоенъ? [2]Чр., соб. имя. [3]Ложе—одръ, кровать, постель. [4]Болѣзнью. [5]Названіе Бога у магометанъ. [6]Отъ смерти, отъ раны. [7]Вѣжда, стр., вѣко, покрышка глазного яблока. [8]Иначе сказать? [9]Неизвѣстными. [10]Тропа—тропинка, узкая дорога. [11]Вепрь—дикій кабанъ. [12]Гарунъ клянётся Магометомъ. [13]Почему? [14]Молчаливый. [15]Почему порогъ названъ „непривѣтливымъ“? [16]Старинную пѣсню [17]Почему? [18]Турк., наѣздникъ, молодецъ, воинъ. [19]Рокъ—судьба, [20]Востокъ у кавказскихъ горцевъ священная страна свѣта, такъ какъ магометанство распространилось здѣсь съ Востока, соб. съ юго-востока, изъ Персіи (а въ Персіи изъ Аравіи). [21]Магомету. [22]Не выполнившій долга кровавой мести.

4. Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза порою
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклонённый,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободрённый,
Гарунъ стучится подъ окномъ.
Тамъ, вѣрно, тёплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него.
Старуха-мать ждётъ сына съ битвы,
Но ждётъ его не одного.
„Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришёлъ къ тебѣ...“
—Одинъ?
„Одинъ“.
—А гдѣ отецъ и братья?
„Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли[1]“.
— Ты отомстилъ?
„Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставивъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою“.
—Молчи, молчи, гяуръ[2] лукавый!
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ.

—

5. Умолкло слово отверженья,
И всё кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья[3]
Звучали долго подъ окномъ,
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать поутру увидала
И хладно[4] отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнёсъ,
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній пёсъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка[5]
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродить въ тёмну ночь.
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ[6] корана[7],
Бѣжитъ опять подъ сѣнь[8] тумана
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

---

[1] Война́ черке́совъ съ на́ми, по ихъ поня́тію, была́ борьбо́ю не то́лько за самостоя́тельность, но и за вѣ́ру, такъ какъ подчине́ніе магомета́нъ вла́сти „гяу́ровъ“ бы́ло унизи́тельно и для само́й религіи ихъ. По вѣ́рованію магомета́нъ,—па́вшихъ на полѣ сраже́нія за вѣ́ру ожида́етъ блаже́нство въ загро́бной жи́зни, пребыва́ніе въ раю́ вмѣстѣ съ Ма́гоме́томъ; ду́ши ихъ уно́сятся на не́бо а́нгелами. [2]Тур., собственно: невѣ́рный; такъ магомета́не называ́ютъ всѣхъ иновѣрцевъ, въ осо́бенности христіа́нъ; употребля́ется какъ бра́нное сло́во. [3]О чёмъ? [4]Стр., хо́лодно, равноду́шно. [5]Магоме́та. [6]Стихъ, кото́рый произно́сятъ гро́мко, нараспѣ́въ му́ллы на мече́тяхъ въ опредѣлённые часы дня, призыва́я вѣ́рующихъ къ моли́твѣ. Стихъ э́тотъ слѣ́дующій: „То́лько одинъ Алла́хъ, и Магоме́тъ проро́къ его́“. [7]Свяще́нная книга магомета́нъ, въ кото́рой изло́жено уче́ніе ихъ религіи. [8]Стр., тѣнь.

Во врéмя пребыва́нія своего́ на Кавка́зѣ, Ле́рмонтовъ имѣ́лъ возмо́жность познако́миться и съ бы́томъ каза́ковъ, принима́вшихъ, наравнѣ́ съ регуля́рными войска́ми, уча́стіе въ борьбѣ́ съ го́рцами. Это знако́мство Л-ва съ усло́віями жи́зни каза́ковъ ви́дно, ме́жду про́чимъ, изъ стихотворе́нія:

IV. Каза́чья колыбе́льная пѣ́сня[1].

Для понима́нія э́того стихотворе́нія необходи́мо знать, что каза́ки составля́ютъ осо́бое сосло́віе, въ кото́ромъ всѣ мужчи́ны, по достиже́ніи извѣ́стнаго во́зраста, обя́заны нести́ вое́нную слу́жбу.

Спи́, мла|де́нецъ| мо́й пре|кра́сный,|

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю[2],
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ[3];
Злой чеченъ[4] ползётъ[5] на берегъ,
Точитъ[6] свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закалённъ въ бою*...
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житьё[7];
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмёшь ружьё.
Я сѣдельце боевое[8]
Шёлкомъ разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.
Богатырь[9] ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду;
Ты махнёшь рукой[10]...
Сколько горькихъ слёзъ украдкой[11]
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.
Стану я тоской томиться[12],
Безутѣшно ждать[13],
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ[14] святой;

---

[1]Колыбе́льная—пѣ́сня, кото́рую пою́тъ у колыбе́ли ребёнка, ука́чивая его́. [2]Обыкновéнный припѣ́въ колыбе́льныхъ пѣ́сенъ. Ба́ять—разсказывать; ба́йка, ба́юшка — ска́зка; ба́юшки-баю́ — со́б.: разска́зываю ска́зки; слова́ э́ти сдѣ́лались пото́мъ припѣ́вомъ колыбе́льныхъ пѣ́сенъ, ничего́ осо́беннаго не обознача́ющимъ. [3]Волна́. [4]Ина́че: чече́нецъ. [5]Подкра́дывается, намѣ́реваясь напа́сть внеза́пно. [6]Остри́тъ, изощря́етъ. *Закалённъ—отъ кали́ть, говори́тся со́бственно о ста́ли. „Закалённъ въ бо́ю“=испы́танъ, о́пытенъ въ бою́. [7]Воéнное житьё. [8]Сѣдло́, на кото́ромъ сынъ ея́ бу́детъ соверша́ть похо́ды про́тивъ непрія́теля. [9]Сила́чъ, кре́пкаго тѣлосложе́нія. [10]Въ знакъ презрѣ́нія къ „ба́бьимъ слеза́мъ“. [11]Втихомо́лку, тайко́мъ. Почему́ — „укра́дкой“? [12]Отчего́? [13]Кого́ и отку́да? [14]Ико́ну.

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный
Баюшки-баю.

Нашествіе Наполеона на Россію (см. стр. 73) вызвало слѣдующія два стихотворенія Лермонтова.

V. Два великана.

Въ стихотвореніи этомъ подъ старымъ русскимъ великаномъ разумѣется императоръ Александръ I, а подъ великаномъ, пришедшимъ „изъ далёкихъ, чуждыхъ странъ", Наполеонъ I.

Въ шапкѣ| золо|та ли|того|

Въ шапкѣ золота литого[1]
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далёкихъ, чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ объ немъ разсказъ,
И помѣряться главами[2]
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришёлъ съ грозой военной
Грехнедѣльный удалецъ[3],
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ[4].
Но улыбкой роковою[5]
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою;
Ахнулъ дерзкій[6] и упалъ.
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ[7],
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

VI. Бородино.

Во время нашествія Наполеона I-го на Россію, самая кровопролитная и упорная битва произошла у деревни Бородино, недалеко отъ Москвы. Дѣло шло о судьбѣ „сердца Россіи"—Москвы. Проиграть сраженіе для насъ значило отдать Москву врагу. Битва длилась цѣлый день съ равнымъ для обѣихъ сторонъ успѣхомъ. Видя огромную потерю въ своихъ войскахъ, Кутузовъ не возобновилъ сраженія на другой день и отступилъ, рѣшившись помѣшать Москвою для спасенія арміи. Наполеонъ провозгласилъ побѣду и двинулся къ Москвѣ.

Скажи|-ка, дя|дя, вѣдь| недя|ромъ

1. „Скажи-ка, дядя", вѣдь недаромъ
Москва, спалённая[9] пожаромъ,
Французу[10] отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя[11]?
Да, говорятъ, ещё какія!
Недаромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!"
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри[12]—не вы!

---

[1]Въ коронѣ [2]Сбб., головами; силами. [3]Этимъ указывается на быстрое возвышеніе Наполеона и его молодость (см. стр. 73). [4]Схватилъ за вѣнецъ врага; хотѣлъ отнять царскую власть. [5]Гибельной (для врага). [6]Т.-е. трехнедѣльный удалецъ. [7]На островъ св. Елены. [8]Глубинѣ.—*Такъ молодые солдаты называютъ старыхъ, служащихъ давно. Недаромъ=не безъ боя. [9]Спалённая — сожжённая. [10]Ед. ч. вм. мн. [11]Сраженія. [12]Богатырь—сильачъ, сильный человѣкъ.

Плохая имъ досталась доля[1]:
Немногіе вернулись съ поля[2]...
Не будь на то Господня воля[3],
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго молча, отступали[4].
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики[5]:
„Что жъ мы[6]? На зимнія квартиры[7]?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки[8]?“
—

2. И вотъ нашли большое поле...
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ[9].
У нашихъ ушки на макушкѣ[10]!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,
Французы тутъ-какъ-тутъ[11].
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга[12]!
Постойка, братъ, мусью[13]!
Что тутъ хитрить? пожалуй къ бою[14]!
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною[15],

---

[1]Судьба́, у́часть. [2]Съ како́го по́ля? [3]Если бы не́ было на то Госпо́дней во́ли... е́сли бы не суди́лъ такъ Госпо́дь... [4]См. ни́же. [5]Ста́рые солда́ты, — закале́нные въ боя́хъ. [6]Что же мы дѣлаемъ? Что же мы молчи́мъ? [7]Неуже́ли мы отступа́емъ на зи́мнія кварти́ры? (Де́ло происходи́ло ле́томъ). Неуже́ли вое́нныхъ дѣйствій не бу́детъ? [8]Почему́ намъ не позволя́ютъ сразиться съ непріятелемъ? Жаль чужи́хъ мундиро́въ, что ли, кото́рые мы изорва́ли бы свои́ми штыка́ми? Ска́зано иронически. Въ послѣднихъ семи́ стиха́хъ говори́тся о неудово́льствіи, кото́рое госпо́дствовало въ ру́сскомъ во́йскѣ, вслѣдствіе нежела́нія главнокома́ндующаго дать рѣши́тельное сраже́ніе непріятелю. Армія Наполео́на, съ кото́рою онъ вступи́лъ въ предѣлы Россіи (12 іюня 1812 г.), простира́лась до 600,000 челове́къ. Импера́торъ Алекса́ндръ I могъ сосредото́чить на за́падныхъ грани́цахъ всего́ то́лько 250,000 во́йска. „Оно́ бы́ло раздѣлено́ на двѣ гла́вныя а́рміи: пе́рвою кома́ндовалъ вое́нный мини́стръ Барклай де То́лли (ро́домъ изъ Лифля́ндіи) второ́ю — хра́брый генера́лъ Багратіо́нъ (грузи́нскаго происхожде́нія). По пла́ну Барклая, ру́сскіе на́чали отступа́ть вглубь страны́. Подъ Смоле́нскомъ о́бѣ а́рміи соедини́лись, но продолжа́ли отступа́ть, потому́ что у́мный Барклай понима́лъ невозмо́жность побѣди́ть въ рѣши́тельной би́твѣ пе́рваго полково́дца своего́ вре́мени, стоя́вшаго во главѣ бо́лѣе многочи́сленной и ещё свѣжей а́рміи. Войска́ на́ши ропта́ли на осторо́жность своего́ вожда́ и ока́зывали ему́, какъ нѣмцу, я́вное недовѣ́ріе. Въ таки́хъ обстоя́тельствахъ импера́торъ Алекса́ндръ внялъ наро́дному го́лосу и вы́балъ главнокома́ндующаго изъ ру́сскихъ генера́ловъ, и́менно престарѣлаго гра́фа Кутузова“, по́слѣ изгна́нія Наполео́на возведённаго въ кня́жеское достоинство („Кра́ткіе о́черки ру́сской исто́ріи“ Д. Илова́йскаго, стр. 330). [9]Лат. reductus удалённый, фр. redoute; небольшо́е укрѣпле́ніе въ по́лѣ, обведённое земляны́мъ ва́ломъ и рвомъ. [10]„У на́шихъ (т.- е. у ру́сскихъ) у́шки на маку́шкѣ“ = на́ши бы́ли насто́рожѣ, держа́ли у́хо востро́. Маку́шка или́, ча́ще ма́кушка — со́б.: ве́рхняя часть головы́, те́мя. [11]Вдругъ, внеза́пно очути́лись тутъ. [12]Ска́зано иронически: зада́мъ я францу́зу, непріятелю. [13]Мусью́ (по ру́сскому простонаро́дному произношенію) = моcьё, фр. monsieur господи́нъ; шутли́вое назва́ніе француза. [14]Ска́зано шутли́во. „Пожа́луй, пожа́луйте“ означа́етъ, со́б., приглаше́ніе къ чему́-ли́бо го́стя. [15]Пойдёмъ на непріятеля дру́жно, какъ оди́нъ челове́къ, какъ сте́на́.

Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою[1]
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ[2]?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи[3]!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилёгъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ[4] французъ[5]
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый[6]:
Кто киверъ[7] чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ[8].

—

3. И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рождёнъ былъ хватомъ,
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сражёнъ булатомъ
Онъ спитъ въ землѣ сырой[10].
И молвилъ[11] онъ, сверкнувъ очами[12]:
„Ребята! не Москва ль за нами[13]
Умрёмте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ, былъ денёкъ[14]! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи
И всё на нашъ редутъ.
Уланы съ пёстрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами[15] —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала

---

[1]Постоймъ за ро́дину, хотя́ бы пришло́сь поплати́ться голово́й. [2]Солда́тъ называ́етъ перестрѣлку „бездѣлкой“ потому́ что перестрѣлки не могли́ привести́ ни къ каки́мъ серіо́знымъ результа́тамъ. [3]Пора́ нача́ть серіо́зный бой. [4]Ра́довался увѣренный въ счастли́вомъ исхо́дѣ для него́ сраже́нія. [5]Ска́зано вмѣсто чего́? [6]Бива́къ, см. указа́тель. Бива́къ на́званъ „откры́тымъ“ потому́ что войска́ находи́лись въ откры́томъ по́лѣ, а не въ кре́пости. [7]Венг., высо́кая фура́жка изъ твёрдой лакиро́ванной ко́жи; служи́ла головны́мъ убо́ромъ въ ру́сской а́рміи въ старину́. [8]Выраже́ніе гнѣва, ожесточе́нія про́тивъ врага́. [9]Здѣсь „була́томъ“ ска́зано вмѣсто чего́? [10]Въ наро́дномъ языкѣ, особенно въ ска́зкахъ и пѣсняхъ, при нѣкоторыхъ имена́хъ существи́тельныхъ неизмѣнно употребля́ются одни́ и тѣ же опредѣле́нія, хотя́ бы по смы́слу рѣчи они́ и нену́жны были. Такъ день обыкнове́нно называ́ется „бѣлымъ“, или́ „я́снымъ“, или́ „Бо́жіимъ“, дѣвица „красною“, мо́лодецъ „до́брымъ“, земля́ „сыро́ю“ и про́ч. [11]Сказа́лъ. [12]Почему́ „сверкну́въ очами“? [13]Соб., ра́звѣ мы не Москву́ защища́емъ? Ина́че сказа́ть: мы сража́емся за Москву́ „се́рдце Россіи“, са́мое свяще́нное изъ истори́ческой жи́зни наро́да мѣсто; поэ́тому мы должны́ хра́бро стоя́ть. [14]Ну, ужъ былъ денекъ. Ска́зано ирони́чески, такъ какъ „денёкъ“ употребля́ется, со́б., въ смы́слѣ: прія́тный день. [15]Ска́зано: „драгу́ны съ ко́нскими хвоста́ми“, потому́ что головно́й уборъ драгу́нъ былъ въ старину́ украше́нъ султаномъ.

Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой[1]!..
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

4. Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра[2] бой затѣять[3] новый—
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы[4];
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время—
Могучее, лихое[5] племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

Несмотря́ на то, что Наполео́нъ I (см. стр. 73) причини́лъ Евро́пѣ вообще́ и въ ча́стности Россіи мно́го бѣ́дствій, тѣ́мъ не ме́нѣе ли́чность его́ возбужда́ла въ совреме́нникахъ и возбужда́етъ въ пото́мкахъ нево́льное уваже́ніе къ себѣ́. Хра́брость, эне́ргія, быстрота́ сообрази́тельности, рѣши́тельность въ дѣ́йствіяхъ—всё э́то такія черты́ Наполео́на, къ кото́рымъ нельзя́ не пита́ть уваже́нія, хотя́ бы они́ принадлежа́ли врагу́. Вотъ почему́ печа́льная судьба́ Наполео́на возбужда́ла къ нему́ сочу́вствіе совреме́нниковъ. Это сочу́вствіе Наполео́ну въ его́ печа́льной судьбѣ́ вы́разилось и въ стихотворе́ніи не́мецкаго поэ́та Зе́йдлица или́, пра́вильнѣе, Це́длица (1790—1860), переведённомъ Ле́рмонтовымъ.

VII. Возду́шный кора́бль[6].

По си́нимъ| волна́мъ о|кеа́на,|

1. По синимъ волнамъ океана[7],
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ[8],
Корабль одинокій несётся*,
Несётся на всѣхъ парусахъ.
Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ, .
И молча въ открытые люки[9]
Чугунныя пушки глядятъ.
Не слышно на нёмъ капитана,
Не видно матросовъ[10] на нёмъ;
Но скалы и тайныя мели[11]
И бури ему нипочемъ[12].

[1]Бой на холо́дномъ ору́жіи, т.-е. на штыка́хъ, са́бляхъ, пи́кахъ и про́ч. [2]Стр. за́втра. [3]Нача́ть, завяза́ть. [4]Такъ ру́сскій просто́й наро́дъ называ́етъ всѣ́хъ неправосла́вныхъ. [5]Си́льное, удало́е, хра́брое. [6]Не въ во́здухѣ несу́щійся, а состоя́щій какъ бы изъ во́здуха, волше́бный. [7]Како́го? [8]Ина́че сказа́ть? *Куда́ несётся? [9]Люкъ, голл., отве́рстіе, особ.: на корабля́хъ, для пу́шекъ. [10]Матро́съ, лат. matta цыно́вка, рогожа; со́б.: человѣ́къ, спя́щій на гру́бой посте́лкѣ; солда́тъ во фло́тѣ. [11]Мель—ме́лкое мѣ́сто въ водѣ́. Мель опа́сна для су́дна, такъ какъ оно́ мо́жетъ поврети́ться, вслѣ́дствіе уда́ра на всёмъ ходу́ о дно, или́ сѣсть на дно, не бу́дучи въ состоя́ніи по́слѣ э́того плыть да́лѣе. Почему́ ме́ли на́званы „та́йными“? [12]Ничего́ не зна́чатъ, не имѣ́ютъ никако́го значе́нія. Почему́?

Есть островъ на томъ океанѣ[1],
Пустынный и мрачный гранитъ[2];
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.
Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ[3]
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на нёмъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

—

2. И въ часъ его грустной кончины[4],
Въ полночь, какъ свершается годъ[5],
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаётъ.
Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На нёмъ треугольная шляпа[7]
И сѣрый походный сюртукъ.
Скрестивши могучія руки[8],
Главу опустивши на грудь[9],
Идётъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.
Несётся онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ[10],
Оставилъ наслѣдника сына[11]
И старую гвардію онъ.

—

3. И только что землю родную[12]
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнёмъ[13].
На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идётъ,
Соратниковъ[14] громко онъ кличетъ[15]
И маршаловъ грозно зоветъ.
Но спятъ усачи гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба[16] шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи[17],
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ[18].

---

[1]Како́й о́стровъ и на како́мъ оке́анѣ? [2]Приложе́ніе къ сло́ву о́стровъ. [3]Бра́нныхъ—вое́нныхъ. Безъ тѣхъ по́честей, кото́рыми сопровожда́ются по́хороны вое́нныхъ люде́й (прису́тствіе во́йска, вое́нная му́зыка, за́лпы и про́ч.). [4]Сме́рти. [5]Въ годовщи́ну сме́рти Наполео́на. Почему́ и́менно „въ по́лночь“? Вспо́мнить наро́дное суевѣ́ріе о встава́ніи мертвецо́въ по ночам. [6]Чего́? [7]Тогда́шняя вое́нная фо́рма у францу́зовъ [8]Сложи́въ на́крестъ ру́ки. Почему́ ру́ки на́званы „могу́чими“? [9]Знакъ чего́? [10]Тронъ, гр. со́б.: высо́кое кре́сло со скаме́йкой подъ но́ги; престо́лъ, сидѣ́ніе царе́й въ торже́ственныхъ слу́чаяхъ; въ перено́сномъ смы́слѣ: ца́рская власть. [11]У Наполео́на I былъ еди́нственный сынъ, Наполео́нъ Францъ Іо́сифъ Карлъ, роди́вшійся въ 1811 г. Низложи́въ Наполео́на съ престо́ла, европе́йскія держа́вы возстанови́ли во Фра́нціи пре́жде ца́рствовавшую дина́стію Бурбо́новъ. Таки́мъ о́бразомъ, сынъ Наполео́на былъ устранёнъ отъ престо́ла; съ разрѣше́нія держа́въ, онъ носи́лъ зва́ніе ге́рцога Рейхшта́дтскаго; у́меръ въ 1832 году. Въ 1852 г. прика́зомъ его́ двою́роднаго бра́та, президе́нта францу́зской респу́блики (въ томъ же году́, че́резъ не́сколько дней по́слѣ изда́нія прика́за, сдѣ́лавшагося францу́зскимъ импера́торомъ подъ и́менемъ Наполео́на III-го), сталъ именова́ться въ офиціа́льныхъ докуме́нтахъ Наполео́номъ II-мъ. [12]То́-есть? [13]Отчего́? [14]Сподви́жниковъ, това́рищей по вое́ннымъ похо́дамъ. [15]Зовётъ. [16]Рѣка́ въ Герма́ніи. „Въ равни́нѣ, гдѣ Эльба шуми́тъ“=въ Герма́ніи. [17]Почему́? [18]Пирами́да (еги́петская), гр., четырехгра́нное сло́женное изъ больши́хъ камне́й зда́ніе, су́живающееся квѣ́рху и зака́нчи́вающееся небольшо́ю площа́дкой; тако́го ро́да зда́нія служи́ли въ Еги́птѣ для погребе́нія царе́й. „Подъ зно́йнымъ песко́мъ пирами́дъ“=въ Еги́птѣ. Здѣсь Наполео́нъ та́кже вёлъ войну́.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою[1].
И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ.
Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ[2];
Ему обѣщаетъ полъ-міра,
А Францію только—себѣ.
Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ[3],
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ.
Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ[4],
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.
Потомъ на корабль свой волшебный[5],
Главу опустивши на грудь[6],
Идетъ и, махнувши рукою[7],
Въ обратный пускается путь.

Усло́вія жи́зни Ле́рмонтова сложи́лись, какъ ви́дно уже́ изъ біографи́ческаго о́черка, весьма́ печа́льно. Ра́нняя смерть ма́тери, разлу́ка съ отцо́мъ, зате́мъ разлу́ка съ ро́диной, по́лная вое́нныхъ трево́гъ жизнь на чужби́нѣ—всё э́то бы́ло причи́ной ча́сто посѣща́вшаго на́шего поэ́та гру́стнаго настрое́нія ду́ха. Онъ чу́вствовалъ себя́ одино́кимъ скита́льцемъ, чу́ждымъ всему́ окружа́ющему, не имѣ́ющимъ вокру́гъ себя́ никого́, кому́ бы мо́жно бы́ло „ру́ку пода́ть въ мину́ту душе́вной невзго́ды“. Это чу́вство одино́чества и созна́ніе отчужде́нности отъ люде́й вы́ражено поэ́томъ во мно́гихъ его́ произведе́ніяхъ, въ томъ числѣ́ и въ стихотворе́ніи:

VIII. Дубо́вый листо́къ.

Въ стихотворе́ніи э́томъ поэ́тъ перено́ситъ своё душе́вное настрое́ніе на приро́ду и выража́етъ мысль иносказа́тельно.

Дубо́вый| листо́къ о|торва́лся| отъ вѣтки| роди́мой|

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя.
И вотъ, наконецъ, докатился до Чёрнаго моря.
У Чёрнаго моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зелёныя вѣтви лаская;

[1]„Про́дали шпа́гу сво́ю“=измѣни́ли, перешли́ на слу́жбу къ вра́гамъ, къ Бурбо́намъ. [2]Превра́тный—сбб.: легко́ опроки́дывающійся, ша́ткій, невѣ́рный; „превра́тная судьба́“ — невѣ́рная судьба́. Почему́ судьба́ Наполео́на на́звана „превра́тною“? Сынъ Наполео́на на́званъ „опо́рой“ его́ въ „превра́тной судьбѣ́“, такъ какъ Наполео́нъ могъ надѣ́яться, что сынъ сумѣ́етъ завоева́ть симпа́тіи францу́зовъ и, добы́вшись вла́сти, добьётся вмѣ́стѣ съ тѣ́мъ возвраще́нія отца́ изъ ссы́лки. Говори́тся всё э́то, коне́чно, съ то́чки зрѣ́нія живо́го Наполео́на. [3]Сынъ его́ у́меръ ещё молоды́мъ челове́комъ, по́лнымъ физическихъ силъ и наде́ждъ на лу́чшее бу́дущее. [4]Ина́че сказа́ть? [5]Чудёсный. [6]Знакъ чего́? [7]Вслѣ́дствіе отча́янія, убѣжде́нія, что всё потеря́но.

На вѣтвяхъ зелёныхъ качаются
райскія птицы[1],
Поютъ опѣ пѣсни про славу мор-
ской царь-дѣвицы[2].
И странникъ[3] прижался у корня
чинары высокой,
Пріюта на время онъ молитъ съ
тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный
листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ
отчизнѣ суровой[4].
Одинъ и безъ цѣли по свѣту но-
шуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ
сна и покоя.
Прими же пришельца межъ ли-
стьевъ своихъ изумрудныхъ:
Немало я знаю разсказовъ мудрё-
ныхъ[5] и чудныхъ".
— На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ
младая чинара:
Ты пыленъ и жёлтъ и сыпамъ
моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ
твои небылицы[6]?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и
райскія птицы...
Иди себѣ дальше, о странникъ!
тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для
него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь
на просторѣ.
И корни мои умываетъ холодное
море.

Въ чёмъ же находитъ поэтъ утѣшéніе „въ минýты душéвной невзгóды", въ момéнты, когдá печáльныя обстоя́тельства его́ жи́зни вызыва́ютъ въ нёмъ тоскли́вое состоя́ніе ду́ха, „тревóгу души́"? Отвѣ́томъ на э́тотъ вопро́съ мо́жетъ служи́ть стихотворéніе:

IX. Когдá волну́ется желтѣ́ющая ни́ва...

Когдá| волну́|ется́| желтѣ́|ющá|я ни́|ва,

Когда волнуется желтѣющая[7] нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ
вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая
слива[8]
Подъ тѣнью сладостной[9] зеленаго
листка;
Когда, росой обрызганный души-
стой[10]
Румянымъ вечеромъ[11] иль утра въ
часъ златой[12],
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ се-
ребристый[13]
Привѣтливо киваетъ головой;

---

[1]Рáйская птúца—сóб.: особая порóда мéлкихъ птúчекъ, замѣчáтельная красотóю пéрьевъ; вóдится въ Нóвой Гвинéѣ и въ ю́жныхъ стрáнахъ Азіи. Здѣсь скáзано въ óбщемъ смы́слѣ: пѣ́вчія птúцы. [2]Скáзочное, фантастúческое существó. [3]То-есть? [4]На сѣ́верѣ; въ суро́вомъ, холóдномъ клúматѣ. [5]Умныхъ, глубокомы́сленныхъ. [6]Небылúца—сóб.: разскáзъ о томъ, чегó нé было. [7]То-есть? [8]Здѣсь слóво слúва употреблено́ не въ со́бственномъ смы́слѣ, а въ óбщемъ значéніи: крýпная я́года. „Малúновая слúва"=малúновая крýпная я́года. [9]Почему́ „сла́достной"? [10]Пахýчей. Отчегó? [11]Почему́ вéчеръ на́званъ „румя́нымъ"? [12]Почему́ „часъ ýтра" на́званъ „златы́мъ"? [13]Ла́ндышъ—цвѣто́къ бѣ́лаго цвѣта. Почему́ на́званъ „серебри́стымъ"?

Когда студёный[1] ключъ[2] играетъ
по оврагу[3]
И, погружая мысль въ какой-то
смутный сонъ[4],
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу[5]
Про мирный край, откуда мчится
онъ:
Тогда смиряется души моей тре-
вога[6],
Тогда расходятся морщины на
челѣ[7],
И счастье я могу постигнуть на
землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Но есть и сре́дство душе́внаго успокое́нія ещё бо́лѣе си́льное, чѣмъ краса́ты приро́ды, ещё благодѣтельнѣе вліяющее на ду́шу челове́ка „въ мину́ту жи́зни тру́дную“, когда́ „тѣсни́тся въ се́рдце грусть“. О сре́дствѣ э́томъ говори́тъ поэ́тъ въ стихотворе́ніи:

X. Моли́тва.

Въ мину́|ту жи́|зни тру́д|ную,|

Въ минуту жизни трудную[8],
Тѣснится ль[9] въ сердце грусть,
Одну молитву чудную[10]
Твержу я наизусть[11].
Есть сила благодатная[12]
Въ созвучьи словъ живыхъ[13],
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть[14] въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко[15],
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

Эту грусть, поро́ю „тѣсня́щуюся въ се́рдце челове́ка“, „томле́ніе челове́ческой души́ на свѣтѣ“ и умиротворя́ющее дѣ́йствіе на неё „живы́хъ словъ“ моли́твы, „зву́ковъ небе́съ“, Ле́рмонтовъ поэти́чески объясня́етъ въ стихотворе́ніи:

XI. Ангелъ.

Стихотворе́ніе э́то напи́сано по по́воду сме́рти одно́й молодо́й дѣ́вушки. Ра́ннюю смерть ея́ а́воръ поэти́чески объясня́етъ стремле́ніемъ души́ ея́ къ не́бу, очаро́ваніемъ тѣ́ми „зву́ками небе́съ“, которые слы́шала душа́ отъ а́нгела, не́сшаго её „для міра печа́ли и слёзъ“. По́водъ, по кото́рому напи́сано стихотворе́ніе не мѣша́етъ одна́коже понима́ть его́ и въ о́бщемъ смы́слѣ, въ примѣне́ніи вообще́ къ душѣ́ челове́ческой.

---

[1]Холо́дный. [2]Со́б.: родни́къ, исто́чникъ; здѣсь въ смы́слѣ: ручёй, вытекшій изъ ключа́. [3]Овра́гъ — глубо́кая ры́твина. [4]Погружа́я ду́шу въ смутныя мечта́нія, наводя́ на челове́ка смутныя неопредѣлённыя ду́мы. [5]Са́га, нѣм. Sage, сказа́ніе, преда́ніе. Почему́ „таинственную“? Какъ на́до понима́ть слова́: „лепе́четъ таинственную са́гу“? [6]Ина́че сказа́ть? [7]Объясни́ть выраже́ніе. — [8]Какъ сказа́ть ина́че? [9]Если тѣснится... [10]Чуде́сную по своимъ послѣ́дствіямъ. [11]Говорю́, повторя́ю. [12]Благодѣ́тельная, благотво́рная. [13]Оживля́ющихъ ду́шу, дѣ́йствующихъ на неё живи́тельно. [14]Красота́. [15]Сомнѣ́нье въ возмо́жности сча́стія, безпредѣ́льнаго существова́нія.

По нéбу| полу́но|чи а́нгелъ| летѣлъ,

По небу полуночи[1] ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ[2] безгрѣшныхъ духовъ[3]
Подъ кущами[4] райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна[5] была.

Онъ душу младую[6] въ объятіяхъ нёсъ
Для міра печали и слёзъ[7],
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ[8] полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Закóнчимъ рядъ произведéній Лéрмонтова двумя́ стихотворéніями, посвящёнными изображéнію природы и жúзни Востóка.

XII. Вѣтка Палести́ны[9].

Стихотворéніе э́то напúсано въ образно́й (ко́мнатѣ) кварти́ры одного́ петербу́ргскаго знако́маго Лéрмонтова, А. Н. Муравьёва (извѣстенъ свои́ми путеше́ствіями по Восто́ку и сочине́ніями о нёмъ). Лéрмонтовъ посѣти́лъ Муравьёва съ цѣлью проси́ть его́ ходата́йства о ва́жномъ для Лéрмонтова дѣлѣ пéредъ одни́мъ высокопоста́вленнымъ лицо́мъ, съ кото́рымъ Муравьёвъ былъ въ дру́жескихъ отноше́ніяхъ и отъ кото́раго зави́сѣлъ исхо́дъ дѣла. Муравьёвъ, согласи́вшись испо́лнить про́сьбу Лéрмонтова, вы́шелъ изъ кварти́ры, проси́ гостя обожда́ть въ образно́й. Дѣло бы́ло вéчеромъ. Образна́я была́ сла́бо освѣщена́ лампа́дами, тепли́вшимися пéредъ ико́нами. Въ ожида́ніи возвраще́нія хозя́ина, Лéрмонтовъ разсма́тривалъ образа́, кото́рыми увѣшаны бы́ли стѣны ко́мнаты. Пéредъ одни́мъ о́бразомъ была́ утверждена́ па́льмовая вѣтка, привезённая каки́мъ-то богомо́льцемъ, а мо́жетъ-быть и сами́мъ Муравьёвымъ, изъ Іерусали́ма. (Богомо́льцы посѣща́ютъ Іерусали́мъ обыкновéнно пéредъ Вéрбнымъ воскресéніемъ и остаю́тся въ нёмъ въ тече́ніе Стра́стной и Свято́й недѣль. Начина́я съ зау́трени Вéрбнаго воскресéнія и въ тече́ніе всей Стра́стной недѣли, до пра́здника Па́схи, они стоя́тъ во вре́мя богослуже́нія съ па́льмовыми вѣтками въ рука́хъ. Дѣлается э́то въ воспомина́ніе торже́ственнаго вхо́да Іису́са Христа́ въ Іерусали́мъ, пéредъ страда́ніями; во вре́мя э́того вхо́да іерусали́мляне встрѣтили Его́ съ па́льмовыми вѣтками въ знакъ торже́ственности встрѣчи и привѣтство-

[1]По полуно́чному нéбу, по нéбу въ по́лночь. [2]О вы́шемъ сча́стіи. [3]Безгрѣшныхъ душъ человѣческихъ. [4]Ку́ща, стр., шатёръ, пала́тка изъ древе́сныхъ вѣтвéй, шала́шъ. [5]Искренняя, нелицемѣрная. [6]Молоду́ю. [7]Для міра, въ кото́ромъ госпо́дствуютъ, царя́тъ печа́ль и слёзы. [8]Чуде́снымъ, таи́нственнымъ, непоня́тнымъ. [9]Па́льмовая вѣтка, принесённая изъ Палести́ны. Па́льма — осо́баго ро́да де́рево, имѣющее ра́зные ви́ды. Здѣсь рѣчь идётъ о вѣткѣ фи́никовой па́льмы, произраста́ющей въ Палести́нѣ. Па́льмовыя дере́вья имѣютъ высо́кій, го́лый стволъ, верши́на кото́раго одѣта пу́комъ вѣтвéй; ли́стья дли́нные жёсткіе, иногда́ раздѣля́ющіеся на мно́жество у́зкихъ листо́чковъ

вали крúками: „Осáнна!“). Пáльмовая вéтка навелá Лéрмонтова на рядъ мы́слей, изло́женныхъ въ стихотворéніи.

Скажи́| мнѣ, вѣ́т|ка Па́|лести́|ны,

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла;
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана[1]
Востока лучъ тебя ласкалъ[2]?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана[3]
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима[4] бѣдные сыны[5]?
И пальма та[6] жива ль понынѣ?
Всё также ль манитъ въ лѣтній зной[7]
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной[8]
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ[9] ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...
Повѣдай[10], набожной рукою[11]
Кто въ этотъ край[12] тебя занёсъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слёзъ*?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ[13],
Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ[14],
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ[15]
Передъ людьми и Божествомъ[16]?...
Заботой тайною[17] хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима[18],
Святыни вѣрный часовой[19]!

---

[1]Рѣка́, протека́ющая въ Палести́нѣ и впада́ющая въ Мёртвое мо́ре. [2]„Восто́ка лучъ“=лучъ со́лнца, како́въ онъ въ восто́чныхъ, т.-е. жа́ркихъ, стра́нахъ,=жа́ркій лучъ со́лнца. Восто́комъ при́нято называ́ть Ма́лую Азію, Палести́ну, Ара́вію, Пе́рсію, Индію и Еги́петъ; всё э́то стра́ны, сравни́тельно съ европе́йскими, жа́ркія. [3]Лива́нъ—го́рный хребе́тъ на се́верѣ Палести́ны. [4]Соли́мъ, или́ Сале́мъ, былъ, по преда́нію, основа́телемъ Іерусали́ма. [5]„Соли́ма бѣ́дные сыны́“=бѣ́дные жи́тели Іерусали́ма. Бѣдные жи́тели Іерусали́ма добыва́ютъ насу́щный хлѣ́бъ гла́внымъ о́бразомъ прода́жею іерусали́мскимъ богомо́льцамъ, стека́ющимся сюда́ со всѣхъ концо́въ земли́, чёто́къ, кре́стиковъ, образко́въ и па́льмовыхъ вѣ́токъ. Ли́стья на па́льмовыхъ вѣ́ткахъ, срѣзанныхъ для прода́жи богомо́льцамъ, осо́бымъ о́бразомъ сплета́ютъ, что́бы прида́ть вѣ́ткѣ бо́лѣе краси́вый видъ. [6]То па́льмовое де́рево, съ кото́раго ты со́рвана. [7]Во вре́мя лѣ́тней жары́. [8]Ина́че сказа́ть? Въ разлу́кѣ съ чѣмъ? [9]До́льній (отъ долъ—доли́на)—относя́щійся къ доли́нѣ, находя́щійся въ доли́нѣ. Прахъ, стр., пыль. „До́льній прахъ“—пыль доли́ны. [10]Скажи́. [11]Почему́ рука́ на́звана „на́божной“? [12]Т.-е. куда́? *О чёмъ могъ грусти́ть и пла́кать надъ па́льмовою вѣ́ткой богомо́лецъ, принёсшій её? [13]Рать, стр., во́йско. „Бо́жья рать“=христіа́не. „Лу́чшій во́инъ Бо́жьей ра́ти“=лу́чшій христіа́нинъ; пра́ведникъ. [14]Съ свѣтлымъ челомъ, въ споко́йномъ, безмяте́жномъ настрое́ніи ду́ха. [15]Досто́инъ ра́я; пра́ведникъ. [16]Пра́ведникъ въ свои́хъ отношеніяхъ къ лю́дямъ и къ Бо́гу. [17]Серде́чною, и́скреннею. [18]Вм. Іерусали́ма, такъ ска́зано для пра́вильности стиха́. [19]Святы́ня—вообще́ свято́й предме́тъ. Здѣсь подъ святы́ней что и́менно разумѣется? Часово́й—стражъ. Почему́ вѣ́тка на́звана „часовы́мъ святы́ни“?

Прозрачный сумракъ[1], лучъ лампады[2],
Кивотъ и крестъ, символъ[3] святой:
Всё полно мира[4] и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

XIII. Три пáльмы.

Въ песчáныхъ| степяхъ А|равíйской|земли

1. Въ песчаныхъ степяхъ Аравíйской земли[5]
Три гордыя[6] пальмы высоко росли,
Родникъ[7] между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью[8] зелёныхъ листовъ[9]
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.
И многіе годы неслышно[10] прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью[11] ко влагѣ студёной[12]
Ещё не склонялся подъ кущей зелёной.
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей[13].

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать[14]?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ничей благосклонный[15] не радуя взоръ!...
Неправъ твой, о Небо[16], святой приговоръ!“...

2. И только замолкли, въ дали голубой[17]
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой[18],
Звонковъ[19] раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки[20],

---

[1]Сýмракъ—полутьмá, полутемнотá. Сýмракъ нáзванъ „прозрáчнымъ“, такъ какъ пéредъ икóною горѣла лампáда, слáбо освѣщáвшая окружáющіе предмéты. [2]У православныхъ христіáнъ въ обы́чаѣ пéредъ икóнами возжигáть лампáды. [3]Илú сúмволъ, гр., знакъ, прúзнакъ. Крестъ слýжитъ сúмволомъ, знáкомъ чегó? [4]Тишúны, споко́йствія. [5]Арáвіи. [6]Почемý пáльмы нáзваны „гóрдыми“? [7]Истóчникъ. [8]Стр., подъ тѣнью. [9]Обыкн.—лúстьевъ. Какúмъ óбразомъ пáльмы моглú „хранúть“ родникъ „отъ знóйныхъ лучéй и летýчихъ песко́въ“? [10]Незамѣтно, бы́стро. [11]„Пылáющей“—отъ чегó? [12]Холóдной. [13]Почемý ручéй нáзванъ „звýчнымъ“? [14]Сóхнуть. [15]„Благосклóнный“ къ комý илú чемý? [16]Инáче сказáть? [17]Почемý даль нáзвана „голубóю“? [18]Почемý песóкъ нáзванъ „золотúмъ“? [19]Колоко́льчиковъ, бубéнчиковъ. Верблю́ды обвѣшиваются колоко́льчиками и бубéнчиками для того́, что́бы, éсли какóй-либо изъ нихъ неожúданно отстáнетъ отъ каравáна и остáнется далекó позадú, мóжно бы́ло по звóну легкó его́ отыскáть. [20]Въ востóчныхъ странáхъ вью́ки (тю́ки) покрывáются не рогóжами, а особáго рóда плóтными узóрными шерстяны́ми тканя́ми, по узóру и плóтности óчень похóжими на ковры́.

И шёлъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ[1] за верблюдомъ, взрывая песокъ.
Мотаясь, висѣли, межъ твёрдыхъ горбовъ,
Узорныя полы походныхъ шатровъ[2];
Изъ смуглыя ручки порой подымали,
И чёрныя очи оттуда сверкали[3],
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ[4] вороного коня.
И конь на дыбы[5] подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ[6], пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды[7] красивыя складки
По плечамъ фариса[8] вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копьё на скаку.

3. Вотъ къ пальмамъ подходитъ шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ весёлый раскинулся станъ[9].
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой[10] главою,

---

[1]Верблюды—родъ домашнихъ животныхъ (въ Азіи и Африкѣ). Внѣшній видъ верблюда слѣдующій: шея особымъ образомъ выгнута книзу, образуя какъ бы впадину, и затѣмъ поднята вверхъ; голова, по сравненію съ общей величиной тѣла, очень мала; ноги длинны, такъ что верблюдъ гораздо выше лошади; высоту его увеличиваютъ также возвышающіеся на спинѣ горбы; верблюды бываютъ одногорбые и двугорбые; цвѣтъ шерсти—песчаный. Верблюдъ довольствуется скудною пищей, пьётъ рѣдко и потому очень способенъ служить вьючнымъ животнымъ въ пустынѣ. Потому-то онъ получилъ названіе „корабля пустыни“. [2]Шатеръ—палатка. Путешественники, для защиты отъ жгучихъ лучей солнца, устраиваютъ палатки на верблюдахъ. Для того, чтобы лучи солнца не могли проникать въ палатки, онѣ покрываются не полотномъ, а такъ же, какъ и вьюки, коврами. Потому и сказано; „узорныя полы“. [3]Здѣсь разумѣются руки и очи жёнъ и дѣтей. Арабы дѣлятся, по образу жизни, на осѣдлыхъ и кочующихъ. Послѣдніе занимаются, между прочимъ, и перевозкою товаровъ. Путешествуютъ они обыкновенно съ семействами, которыя помѣщаются на верблюдахъ же, [4]Сбб.: дѣлалъ горячимъ отъ быстроты бѣга; торопилъ, погонялъ. [5]Дыба, сбб.: столбъ (кор. дыб. заключаетъ въ себѣ понятіе, сбб., высоты, отсюда обл.: дыбать—стоять на ногахъ, ходить, дыбомъ—вверхъ, дыбки—говорится о дѣтяхъ, начинающихъ ходить, и пр.): „на дыбы“—говорится о животныхъ, когда они упрямятся и становятся на заднія ноги, поднявъ весь корпусъ и переднія ноги на воздухъ. [6]Иначе: пантера; хищное животное; кожа жёлтаго цвѣта съ тёмными, круглыми пятнами; водится въ Африкѣ и Азіи; прыжки высоки и порывисты. [7]Кочующіе арабы, или бедуины, носятъ бѣлые, широкіе, изъ тонкой матеріи плащи, которые во время верховой ѣзды живописно развѣваются по воздуху. [8]Фарисъ, ар. наѣздникъ. [9]Лагерь, таборъ. [10]Махровый, или мохровый (отъ мохъ)—съ мохрами, въ мохрахъ. Мохорь, или мохра—каждая отдѣльная часть пучка шерсти, кисти, бахромы, каждый зубчикъ оборки; лепестокъ

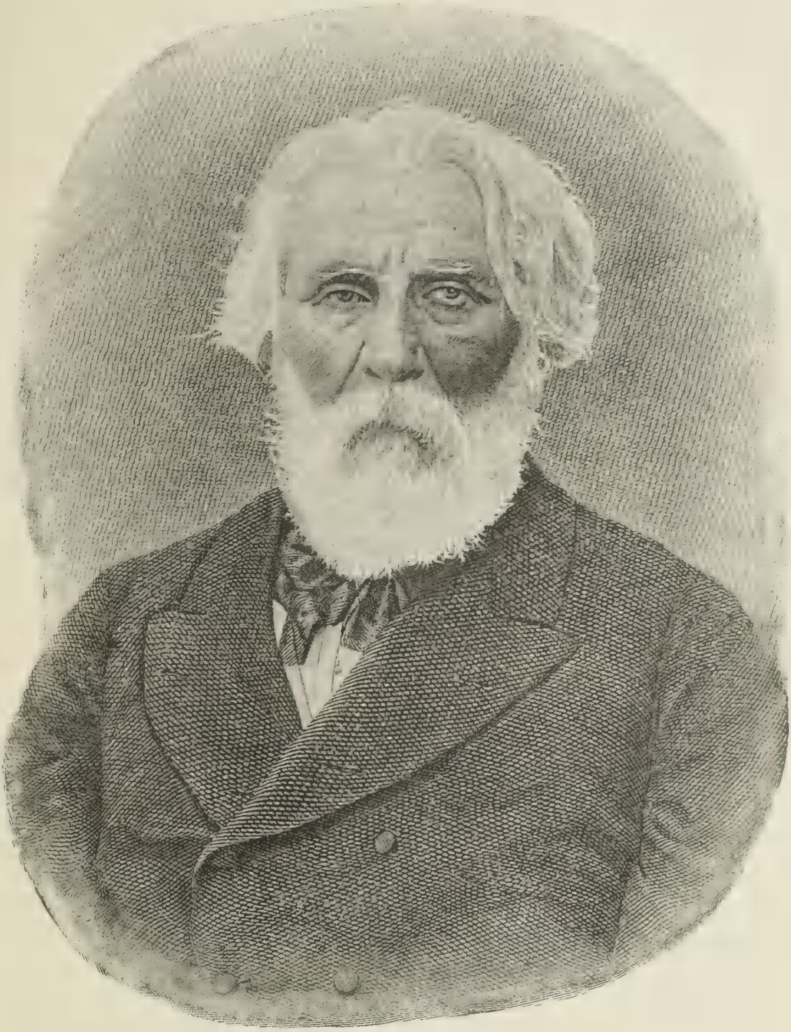
Привѣтствуютъ пальмы нежданыхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студёный ручей.
Но только что сумракъ[1] на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ[2],—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій[3]!
Одежду ихъ[4] сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла[5] ихъ потомъ.
И медленно жгли ихъ до утра огнёмъ.
Когда же на западъ умчался туманъ[6],
Урочный[7] свой путь совершалъ караванъ,
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой[8] и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ въ степи ихъ потомъ разнесло
И нынѣ всё дико и пусто кругомъ.
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключомъ[9].
Напрасно пророка[10] о тѣни онъ проситъ:
Его лишь песокъ раскалённый[11] заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ[12],
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

И. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ

(1818—1883)

происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, родился въ г. Орлѣ[13]. Дѣтство онъ провелъ въ имѣніи матери въ с. Спасскомъ-Лутовиновѣ, Орловской губ. Домашнее воспитаніе Тургенева имѣло весьма много сходства съ домашнимъ воспитаніемъ Пушкина. Такъ же, какъ и Пушкинъ, Тургеневъ окруженъ былъ въ дѣтствѣ иностранными гувернёрами[14], говорилъ и читалъ по-французски лучше, чѣмъ по-русски. Русскій языкъ мальчикъ слышалъ только отъ крестьянъ и дворовыхъ. Проведя дѣтство до двѣнадцати лѣтъ въ деревнѣ. Тургеневъ близко

тычинка цвѣтка. Махровый, или мохровый—цвѣтокъ, у котораго тычинки наполняютъ, всю чашечку или который состоитъ изъ множества лепестковъ. Почему верхушки пальмъ названы „махровыми“? —[1]Полутьма, сумерки. [2]Почему „топоръ застучалъ“ именно тогда, когда „сумракъ на землю упалъ“? [3]Питомецъ=воспитанникъ. Почему пальмы названы „питомцами столѣтій“? [4]То-есть“? [5]То-есть? [6]Когда взошло солнце. Объясните выраженіе: „Когда же на западъ умчался туманъ“. [7]Сов.: указанный, назначенный; опредѣлённый, обыкновенный. [8]Почему пепелъ такъ названъ [9]Почему ключъ названъ „гремучимъ“? [10]Магомета. [11]Чѣмъ? [12]Здѣсь не краткая форма отъ прилаг. нелюдимый, а существительное; нелюдимъ говорится сов. о человѣкѣ, въ смыслѣ: бирюкъ, бука, человѣкъ угрюмый, склонный жить одиноко, дичащійся людей. [13]Губернскій городъ Орловской губ. [14]Фр. gouverneur, лат. gubernare управлять; домашній воспитатель.



Ив. Тургеневъ

присмотрѣлся къ деревенской жизни и къ быту крестьянъ, и, безъ сомнѣнія, многое изъ подмѣченнаго имъ въ дѣтствѣ вошло впослѣдствіи въ его сочиненія. Когда Тургеневу исполнилось двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ отвезенъ въ Москву и отданъ въ частный пансіонъ. Отсюда онъ поступилъ въ Московскій университетъ, изъ котораго впослѣдствіи перешелъ въ Петербургскій, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1838 г. Въ томъ же году, для завершенія образованія, онъ поѣхалъ за границу и слушалъ лекціи[1] въ Берлинскомъ университетѣ. Послѣ возвращенія своего изъ-за границы Тургеневъ помѣстилъ въ одномъ изъ журналовъ нѣсколько стихотвореній, но вскорѣ убѣдился, что таланъ его не въ стихотворствѣ. Онъ оставилъ поэтому стихи и посвятилъ себя прозѣ[2]. Съ 1861 г. Тургеневъ жилъ за границей, пріѣзжая въ Россію только на короткое время. За границей же онъ и скончался. Тѣло Тургенева, согласно его желанію, перевезено было въ Россію и погребено въ Петербургѣ, на Волковомъ кладбищѣ.

I. Перепёлка.

1. **Мѣстность вокругъ хутора**[3]. Мнѣ было лѣтъ десять, когда со мной случилось то, что я вамъ сейчасъ разскажу. Дѣло было лѣтомъ. Я жилъ тогда съ отцомъ на хуторѣ, въ южной Россіи. Кругомъ хутора на нѣсколько вёрстъ тянулись степныя мѣста. Ни лѣсу ни рѣки близко не было; неглубокіе овраги, заросшіе кустарникомъ, точно длинныя, зелёныя змѣи, прорѣзали тамъ и сямъ ровную степь. Ручейки сочились по дну этихъ враговъ. Кой-гдѣ, подъ самой кручею[4], виднѣлись роднички, съ чистой, какъ слеза, водою. Къ нимъ вели протоптанныя тропинки, и возлѣ воды, на сырой грязцѣ, перекрещивались слѣды птицъ и мелкихъ звѣрковъ. Имъ хорошая вода такъ же нужна, какъ и людямъ.

2. **Охота**. Отецъ мой былъ страстнымъ охотникомъ. Какъ только не былъ занятъ по хозяйству и погода стояла хорошая, онъ бралъ ружьё, надѣвалъ ягдташъ[5], звалъ своего стараго Трезора и отправлялся стрѣлять куропатокъ и перепеловъ. Зайцами онъ пренебрегалъ, предоставляя ихъ псовымъ охотникамъ, которыхъ величалъ борзятниками[6]. Другой дичи у насъ не водилось, развѣ вотъ осенью налетали вальдшнепы. Но перепеловъ и куропатокъ было много, особенно куропатокъ. По опушкамъ враговъ то-и-дѣло попадались разрытые кружки сухой пыли,—мѣстечки, гдѣ онѣ копались. Старый Трезоръ тотчасъ дѣлалъ стойку, при чёмъ его хвостъ дрожалъ и кожа на лбу сдвигалась складками. А у отца лицо блѣднѣло.

---

[1]Лат. lectio чтеніе, отъ lego читаю; такъ называется урочное, опредѣлённое время, когда профессоръ излагаетъ свою науку, и самое такого рода чтеніе. [2]Лат. prosa, всё написанное не стихами. [3]Такъ называется въ южной Россіи отдѣльно, въ полѣ или въ лѣсу, стоящая усадьба. [4]Обрывомъ. [5]Нѣм. Jagd охота и Tasche карманъ, сумка; охотничья сумка. [6]Охотникъ на звѣря.

и онъ осторо́жно взводи́лъ курки́. Онъ ча́сто бралъ меня́ съ собо́ю. Большо́е э́то бы́ло для меня́ удово́льствіе!

3. Моя́ любо́вь къ охо́тѣ. Я засо́вывалъ брю́ки въ голени́ща[1], надѣва́лъ че́резъ плечо́ фля́жку[2] и самъ вообража́лъ себя́ охо́тникомъ. Потъ лилъ съ меня́ гра́домъ, ме́лкіе ка́мешки забива́лись мнѣ въ сапоги́; но я не чу́вствовалъ уста́лости и не отставалъ отъ отца́. Когда́ же раздава́лся вы́стрѣлъ и пти́ца па́дала, я всякій разъ подпры́гивалъ на мѣстѣ и да́же крича́лъ: такъ мнѣ бы́ло ве́село! Ра́неная пти́ца би́лась и хло́пала кры́льями то на травѣ, то въ зуба́хъ Трезо́ра, съ нея́ текла́ кровь, а мнѣ всё-таки бы́ло ве́село, и никако́й жа́лости я не ощуща́лъ. Чего́ бы я не далъ, чтобы́ самому́ стрѣля́ть изъ ружья́ и убива́ть куропа́токъ и перепело́въ! Но отецъ объяви́лъ мнѣ, что ра́ньше двѣна́дцати лѣтъ у меня́ ружья́ не бу́детъ; и ружьё онъ мнѣ дастъ одностволь́ное и стрѣля́ть позво́литъ то́лько жа́воронковъ. Этихъ жа́воронковъ въ на́шихъ мѣста́хъ води́лось мно́жество. Быва́ло, въ хоро́шій со́лнечный день цѣ́лые деся́тки ихъ вили́сь на я́сномъ не́бѣ, поднима́ясь всё вы́ше и вы́ше и звеня́, какъ колоко́льчики. Я глядѣ́лъ на нихъ, какъ на свою́ бу́дущую добы́чу, и прицѣ́ливался въ нихъ па́лочкой, кото́рую носи́лъ на плечѣ́ замѣ́сто ружья́.

4. Охо́та на дра́хву[3]. Иногда́ далеко́ въ по́лѣ, на жни́вьѣ или́ на зе́лени, торча́ли дра́хвы. Вотъ, ду́малось мнѣ, таку́ю большу́ю шту́ку уби́ть! да по́слѣ э́того и жить не на́до! Я ука́зывалъ на нихъ отцу́; но онъ всякій разъ говори́лъ мнѣ, что дра́хва—пти́ца осторо́жная и челове́ка бли́зко не допуска́етъ. Одна́ко разъ онъ попыта́лся подкра́сться къ одино́кой дра́хвѣ, полага́я, что она́ подстрѣ́ленная и отста́ла отъ своего́ ста́да. Онъ велѣ́лъ Трезо́ру итти́ за нимъ слѣ́домъ, а мнѣ такъ и во́все оста́ться на мѣ́стѣ; зарядѝлъ ружьё карте́чью, ещё разъ оберну́лся къ Трезо́ру, да́же пригрози́лся ему́, шо́потомъ скома́ндовалъ; „Аррьеръ! аррьеръ![4]“, скорчился въ три погибели[5] и пошёлъ—не пря́мо къ дра́хвѣ, а сторо́ною. Трезо́ръ хоть и не скорчился, но выступа́лъ то́же о́чень удиви́тельно: раскаря́кой, и хвостъ поджа́лъ и одну́ губу́ закусѝлъ. Я не вытерпѣ́лъ и чуть не ползко́мъ отпра́вился за отцо́мъ и за Трезо́ромъ. Одна́ко дра́хва и на три́ста шаго́въ насъ не подпусти́ла; сперва́ побѣжа́ла, пото́мъ замаха́ла кры́льями и полетѣ́ла. Отецъ вы́стрѣлилъ и то́лько вслѣ́дъ ей посмотрѣ́лъ. Трезо́ръ вы́скочилъ впередъ и то́же посмотрѣ́лъ. Посмотрѣ́лъ и я, и

[1]Часть сапога́ отъ ступни́ до колѣ́на, охва́тывающая го́лень. [2]Нѣм. Flasche бутылка; пло́ская, сжа́тая съ боко́въ бутылка, усто́йчивая то́лько въ лежа́чемъ положе́ніи. [3]Родъ пти́цы; во́дится въ степя́хъ; отлича́ется значи́тельной величино́й; о́чень осторо́жна и не подпуска́етъ къ себѣ́ охо́тника. [4]Фр., прочь. [5]Сбб., въ три сги́ба; о́чень скорчился.

такъ мнѣ обúдно стáло! Что бы, кáжется, ей ещё немнóго подождáть! Картéчь[1] непремѣнно бы её достáла!

5. Слýчай на охóтѣ. Вотъ однáжды мы съ отцóмъ отпрáвились на охóту подъ сáмый Петрóвъ день[2]. Въ то врéмя молодыя куропáтки ещё малы́ бывáютъ; отéцъ не хотѣлъ ихъ стрѣлять и пошёлъ въ мéлкіе дубóвые кýстики, вóзлѣ ржаного пóля, гдѣ всегдá попадáлись перепелá. Вдругъ Трезóръ сдѣлалъ стóйку[3]; отéцъ мой закричáлъ: „Пиль!“[4], и изъ-подъ сáмаго нóса Трезóра вскочúла перепёлка—и полетѣла. Тóлько полетѣла она óчень странно: кувы́ркалась, вертѣлась, пáдала на зéмлю, тóчно онá былá рáненая илú кры́ло у ней надломúлось. Трезóръ со всѣхъ ногъ[5] бросился за нéю. И вдругъ смотрю́: Трезóръ схватúлъ перепёлку, принёсъ и подáлъ её отцý. Отéцъ взялъ её и положúлъ себѣ́ на ладóнь, брюшкóмъ квéрху. И подскочúлъ. — Что э́то, говорю́: онá бы́ла рáненая? — Нѣтъ, отвѣтилъ мнѣ отéцъ, она не былá рáненая; а у ней, должнó быть, здѣсь блúзко гнѣздó съ мáленькими, и онá нарóчно притворúлась рáненой, чтобы́ собáка моглá подýмать, что её легкó поймáть.—Для чегó же онá э́то дѣлаетъ? спросúлъ я.—А для того́, чтóбы отвестú собáку отъ своúхъ мáленькихъ. Потóмъ бы онá хорошó полетѣла. Тóлько на э́тотъ разъ онá не разочлá: ужъ слúшкомъ притворúлась, и Трезóръ её поймáлъ. — Такъ онá не рáненая? спросúлъ я опя́ть. — Нѣтъ, но живóй ей не быть... Трезóръ её, должнó быть, подавúлъ зýбомъ. Я пододвúнулся блúже къ перепёлкѣ. Онá неподвúжно лежáла на ладóни отцá, свѣсивъ голóвку, и глядѣла на меня́ сбóку своúмъ кáримъ глазкóмъ. И мнѣ вдругъ такъ жаль её стáло! Мнѣ показáлось, онá глядúтъ на меня́ и дýмаетъ: „За что же я умирáть должнá? Вѣдь я свой долгъ исполня́ла: мáленькихъ своúхъ старáлась спастú, отвестú собáку подáльше, и вотъ попáлась! Бѣдня́жка, я, бѣдня́жка! Несправедлúво э́то! Несправедлúво!“

6. И перестаю́ любúть охóту. Но вотъ что удивúтельно: съ того́ дня пропáла моя́ страсть къ охóтѣ, и я ужé не дýмалъ о томъ врéмени, когдá отéцъ подарúтъ мнѣ ружьё! Однáко, когдá я вы́росъ, я тóже нáчалъ стрѣля́ть, но настоя́щимъ охóтникомъ никогдá не сдѣлался. Вотъ ещё что меня́ отучúло. Разъ мы вдвоёмъ съ товáрищемъ охóтились на тетеревóвъ. Нашлú вы́водокъ[6]. Мáтка[7] вскочúла, мы вы́стрѣлили и попáли въ неё, но онá не упáла, а полетѣла дáльше, вмѣстѣ съ молоды́ми тетеревя́тами. Я былó хотѣлъ пойтú за нúми, но товáрищъ

---

[1]Лат. charta бумáга; металлúческій илú изъ тóлстой бумáги патрóнъ, напóлненный пýлями илú кускáми метáлла [2]29 іюня. Въ э́тотъ день прáздну́ется пáмять св. Петра и Пáвла. [3]Остановúлся надъ дúчью, показывая тѣмъ охóтнику ея́ мѣстопребыва́ніе. [4]Слóво, означáющее приказáніе собáкѣ согнáть дичь съ мѣста, бросившись на неё. [5]Очень бы́стро. [6]Семью́: самцá, сáмку и дѣтёнышей. [7]Сáмка, вы́ведшая дѣтéй.

сказа́лъ мнѣ: „Лу́чше здѣсь присѣ́сть и подмани́ть ихъ: всѣ́ сейча́съ здѣсь бу́дутъ“. Това́рищъ отли́чно умѣ́лъ свиста́ть, какъ свищутъ тетерева́. Мы присѣ́ли; онъ сталъ свиста́ть. — И то́чно: сперва́ одинъ молодо́й откли́кнулся, пото́мъ друго́й. Вотъ слы́шимъ мы: сама́ ма́тка кво́хчетъ, да нѣ́жно такъ и бли́зко. Я приподня́лъ го́лову и ви́жу: сквозь спу́танныя травяны́я были́нки идётъ она́ къ намъ, спѣши́тъ, спѣши́тъ, а у само́й вся грудь въ кро́ви! Знать, не вы́терпѣло материнское се́рдце! И тутъ я самому́ себѣ́ показа́лся таки́мъ злодѣ́емъ!.. Всталъ и захло́палъ въ ладо́ши. Тетёрка то́тчасъ же улетѣ́ла, и молоды́е зати́хли. Това́рищъ разсерди́лся; онъ за сумасше́дшаго меня́ счёлъ... „Ты“, молъ[1], „испо́ртилъ всю охо́ту“! Но мнѣ съ того́ дня все тяжелѣ́й и тяжелѣ́й ста́ло убива́ть и проliва́ть кровь.

Въ предыду́щемъ сочине́ніи а́воръ хотя́ и ведётъ разска́зъ въ пе́рвомъ лицѣ́, но разумѣ́етъ не себя́, та́къ какъ извѣ́стно, что, напро́тивъ, Турге́невъ былъ „настоя́щій“, „завзя́тый“ охо́тникъ. Это ви́дно изъ помѣща́емаго ни́же разска́за:

II. Пега́съ[2].

I. Пега́съ. У меня́, какъ у вся́каго „завзя́таго[3]“ охо́тника, пе́ребыва́ло мно́го соба́къ, дурны́хъ, хоро́шихъ и отли́чныхъ. Попа́лась да́же одна́ положи́тельно сумасше́дшая, кото́рая и ко́нчила жизнь свою́, вы́прыгнувъ въ слухово́е окно́ суши́льни, съ четвёртаго эта́жа бумажной фа́брики. Но лу́чшій, безъ вся́каго сомнѣ́нія, пёсъ, кото́рымъ я когда́-ли́бо обладалъ, былъ длинношёрстый, чёрный, съ жёлтыми подпа́линами[4], цо кли́чкѣ „Пега́съ“, ку́пленный мной въ окре́стностяхъ Карлсру́э[5] у охо́тника-сто́рожа за сто два́дцать гу́льденовъ[6]. Мнѣ нѣ́сколько разъ впослѣ́дствіи вре́мени предлага́ли за него́ ты́сячу фра́нковъ[7]. Пега́съ жилъ ещё до сихъ поръ, хотя́ въ нача́лѣ ны́нѣшняго го́да почти́ внеза́пно потеря́лъ чутьё, огло́хъ, окривѣ́лъ[8] и соверше́нно опусти́лся. Пега́съ—кру́пный пёсъ съ волни́стой ше́рстью, съ удиви́тельно-краси́вой, грома́дной голово́й, больши́ми ка́ими[9] глаза́ми и необыча́йно у́мной и го́рдой физіоно́міей[10]. Поро́ды онъ не совсѣ́мъ чи́стой: онъ явля́етъ[11] смѣсь а́нгліискаго се́ттера[12] и овча́рной[13] нѣме́цкой соба́ки: хвостъ у него́ толстъ, пере́днія ла́пы сли́шкомъ мяси́сты, за́днія нѣ́сколько

[1]Сказа́лъ. [2]Со́б., назва́ніе баснослО́внаго крыла́таго коня́ у дре́вниихъ гре́ковъ; здѣсь назва́ніе соба́ки. [3]Записно́го, настоя́щаго. [4]Ры́жія, жёлтыя пя́тна на ше́рсти у живо́тныхъ друго́й ма́сти. [5]Го́родъ въ Герма́ніи. [6]Серебряная моне́та въ Герма́ніи, о́коло 60 коп. на ру́сскія де́ньги. [7]Серебряная моне́та во Франціи и Швейца́ріи и въ други́хъ стра́нахъ, около 25 к., на ру́сскія де́ньги. [8]Ослѣпъ на одинъ глазъ. [9]Тёмно-кори́чневыми. [10]Со́б., выраже́ніемъ лица́; здѣсь — о мо́рдѣ соба́ки. [11]Представля́етъ. [12]Родъ охо́тничьей соба́ки. Отъ овца́; такъ называ́ется поро́да соба́къ, употребля́емыхъ обыкнове́нно для охране́нія стадъ отъ волко́въ.

жи́дки[1]. Силой онъ облада́лъ замѣча́тельной и былъ драчу́нъ величайшій; на его́ совѣ́сти, навѣ́рно, лежи́тъ нѣ́сколько соба́чьихъ душъ. О ко́шкахъ я уже́ не упомина́ю.

2. Недоста́тки и досто́инства Пега́са. Начну́ съ его́ недоста́тковъ на охо́тѣ: ихъ немно́го и перече́сть ихъ недо́лго. Онъ боя́лся жары́ и, когда́ не́ было бли́зко воды́, подверга́лся тому́ состоя́нію, когда́ говоря́тъ о соба́кѣ, что она́ „зарья́ла". Онъ былъ та́кже нѣ́сколько тяжёлъ и медли́теленъ въ по́искѣ; но такъ какъ чутьё у него́ бы́ло баснословное[2], то онъ всё-таки находи́лъ дичь скорѣ́е и ча́ще, чѣмъ вся́кая друга́я соба́ка. Сто́йка[3] его́ приводи́ла въ изумле́ніе, и никогда́, никогда́ онъ не вралъ.—„Коли́ Пега́съ стои́тъ, зна́читъ, есть дичь"—бы́ло общепри́нятой аксіомой[4] ме́жду всѣ́ми на́шими това́рищами по охо́тѣ. Онъ по пролёту пти́цы то́тчасъ узнава́лъ, что она́ подра́нена. Если, посмотрѣ́въ ей вслѣдъ, онъ отправля́лся за не́ю, подня́въ осо́беннымъ мане́ромъ[5] го́лову, то э́то служи́ло вѣ́рнымъ зна́комъ, что онъ её сы́щетъ и принесётъ. Въ по́лномъ разви́тіи его́ си́лъ и спосо́бностей ни одна́ подстрѣ́ленная дичь отъ него́ не уходи́ла: онъ былъ удиви́тельнѣйшій сы́щикъ, како́го то́лько мо́жно себѣ́ предста́вить. Трудно перече́сть, ско́лько онъ отыска́лъ фаза́новъ[6], заби́вшихся въ густо́й терно́вникъ, кото́рымъ напо́лнены почти́ всѣ германскіе лѣса́, куропа́токъ, отбѣжа́вшихъ чуть не на полъ-версты́ отъ мѣ́ста, гдѣ онѣ́ упа́ли, за́йцевъ, ди́кихъ козъ, лиси́цъ. Случа́лось, что его́ приводи́ли на слѣдъ два, три, четы́ре часа́ по́слѣ нанесе́нія ра́ны. Сто́ило сказа́ть ему́, не возвыша́я го́лоса: „Ищи́, потеря́лъ!", и онъ немедленно отправля́лся сперва́ въ одну́ сто́рону, пото́мъ въ другу́ю; наткну́вшись на слѣдъ, стреми́тельно, во всѣ лопа́тки пуска́лся по нёмъ... Мину́та пройдётъ, друга́я, и уже́ за́яцъ или́ ди́кая коза́ кричи́тъ подъ его́ зуба́ми, или́ вотъ уже́ онъ мчи́тся наза́дъ съ добы́чей во рту.

3. Слу́чай съ Пега́сомъ на охо́тѣ. Одна́жды, на зая́чьей обла́вѣ[7], Пега́съ вы́кинулъ таку́ю удиви́тельную шту́ку, что я бы едва́ ли рѣшился разсказа́ть её, е́слибъ не могъ сосла́ться на цѣ́лый десятокъ свидѣ́телей. Лѣсно́й заго́нъ[8] ко́нчился; всѣ охо́тники вошлись на поля́нѣ, близъ опу́шки.—„Я именно здѣсь ра́нилъ за́йца", сказалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей и обрати́лся ко мнѣ съ

[1]Тонки.—[2]Невѣроя́тное. [3]Остановка собаки надъ ди́чью пока́зывающая охо́тнику мѣ́сто нахожде́нія ея́. [4]Гр., и́стина, не нужда́ющаяся въ доказательствахъ, несомнѣ́нная. [5]Фр., спо́собомъ. [6]Родъ пти́цы, отлича́ющейся краси́вымъ перо́мъ и вку́снымъ мя́сомъ; назва́ніе произошло́ отъ гр. Фа́зисъ, рѣка́ въ Закавка́зьѣ (тепе́рь—Ріо́нъ); съ берего́въ Фа́зиса пти́ца э́та впервы́е была́ вы́везена въ Гре́цію. [7]Родъ охо́ты на звѣ́ря, когда́ въ ней принима́етъ уча́стіе мно́го лицъ. [8]То́же, что обла́ва.

обы́чной про́сьбой напра́вить на слѣдъ Пега́са. Я скома́ндовалъ ем
„Ищи́, потеря́лъ!“ Онъ отпра́вился, и че́резъ не́сколько мгнове́ній
услыха́ли крикъ по́йманнаго за́йца. И вотъ уже́ мелька́етъ по лѣ
краси́вая фигу́ра моего́ пса; ска́четъ онъ пря́мо ко мнѣ. Внеза́пно
двадцати́ шага́хъ отъ меня́ онъ остана́вливается, кладётъ за́йца
зе́млю и маршъ-маршъ наза́дъ! Мы всѣ перегляну́лись съ изум
ніемъ... „Что э́то зна́читъ?“ спра́шиваютъ у меня́; „зачѣмъ Пега́съ
донёсъ до васъ за́йца? Онъ э́того никогда́ не дѣлалъ!“ Я не зна
что сказа́ть, и́бо самъ ничего́ не понима́лъ, какъ вдругъ опя́ть
лѣсу́ раздаётся за́ячій крикъ, и Пега́съ опя́ть мелька́етъ по ча́ш
съ другимъ за́йцемъ во рту! Дру́жныя, гро́мкія рукоплеска́нія е
привѣ́тствовали. Одни́ охо́тники мо́гутъ оцѣни́ть, како́е то́нкое чут
како́й умъ и како́й расчётъ должны́ быть у соба́ки, кото́рая, съ тѣл
ко-что уби́тымъ, тёплымъ за́йцемъ во рту, въ состоя́ніи на всё
скаку́ въ виду́ хозя́ина учу́ять друго́го ра́неная за́йца и поня́ть, ч
э́то издаётъ за́пахъ и́менно друго́й, а не тотъ за́яцъ, кото́раго о
де́ржитъ ме́жду зуба́ми.

4. **Второ́й слу́чай.** Ещё вспомина́ю я зи́мнюю охо́ту въ
мыхъ верши́нахъ Шварцва́льда[2]. Вездѣ́ лежа́лъ глубо́кій снѣгъ,
ре́вья обросли́ грома́днымъ и́неемъ, густо́й тума́нъ наполня́лъ воздух
и скра́дывалъ очерта́нія предме́товъ. Сосѣ́дъ мой вы́стрѣлилъ и, ког
я, по оконча́ніи обла́вы, подошёлъ къ нему́,—сказа́лъ мнѣ, что о
стрѣля́лъ по лиси́цѣ и, вѣроя́тно, её ра́нилъ, потому́ что она́ взма
ну́ла хвосто́мъ. Мы пусти́ли по слѣ́ду Пега́са, и онъ то́тчасъ же и
че́зъ въ бѣ́лой мглѣ, окружа́вшей насъ. Прошло́ пять мину́ть, деся
че́тверть часа́... Пега́съ не возвраща́лся. Очеви́дно, что мой сосѣ́д
попа́лъ въ лиси́цу: е́сли дичь не была́ ра́нена и Пега́са посла́ли
пусто́му, онъ возвраща́лся то́тчасъ. Наконе́цъ въ отдале́ніи разда́л
глухо́й лай: онъ примча́лся къ намъ то́чно съ друго́го свѣта.
неме́дленно дви́нулись по направле́нію э́того ла́я: мы зна́ли, что ког
Пега́съ не въ состоя́ніи былъ принести́ добы́чу, онъ ла́ялъ надъ не
Руководи́мые и́зрѣдка раздававшимися, отры́вочными во́згласами е
ба́са, мы шли. Наконе́цъ, что-то зачернѣ́ло впереди, на днѣ узк
ложби́ны[3]: то былъ Пега́съ. Сидя на ко́рточкахъ, онъ свѣ́силъ мор
и, какъ говори́тся, „насуро́вился“; а пе́редъ самымъ его́ носомъ,
тѣ́сной ямѣ́, ме́жду двумя́ пли́тами гранита, лежала мертвая лисиц
Она́ заползла́ туда́ пре́жде, чѣмъ околѣ́ла, и Пегасъ не въ состоян
былъ доста́ть её. Оттого́ онъ и оповѣсти́лъ насъ лаемъ.

5. **Тре́тій слу́чай.** Вспомина́ю я ещё слѣдующій случай.
былъ приглашёнъ на охо́ту въ Оффенбу́ргъ, городъ, лежащій недале

[1]Одного́ ко́рня съ ча́стый; ча́сть лѣса, гу́сто заросшая деревь
ми. [2]Го́ры въ Герма́ніи. [3]Овра́га.

отъ Ба́дена[1]. Насъ всѣхъ бы́ло челове́къ пятна́дцать. У мно́гихъ бы́ли отли́чныя, бо́льшею ча́стью а́нгліи́скія, чистокро́вныя соба́ки. Переходя́ съ одно́й обля́вы на другу́ю, мы вы́тянулись въ ли́нію по доро́гѣ вдоль ле́са; нале́во отъ насъ начина́лось огро́мное, пусто́е по́ле; посреди́нѣ э́того по́ля—шага́хъ отъ насъ въ пятиста́хъ—возвыша́лась небольша́я ку́чка земляны́хъ грушъ[2].—Вдругъ мой Пега́съ подня́лъ го́лову, повёлъ но́сомъ по вѣ́тру и пошёлъ размѣ́реннымъ ша́гомъ пря́мо на ту отдалённую ку́чку засо́хшихъ и вы́тянутыхъ[3], сплошны́хъ стебле́й. Я останови́лся и пригласи́лъ охо́тниковъ итти́ за мое́й соба́кой, и́бо „тутъ, навѣ́рное, что-нибу́дь е́сть“. Ме́жду тѣмъ други́я соба́ки подскочи́ли, ста́ли верте́ться и снова́ть о́коло Пега́са, нюха́ть зе́млю, огля́дываться, но ничего́ не зачу́яли; а онъ, нисколько не смуща́ясь, продолжа́лъ итти́ какъ по стру́нкѣ. Я взвёлъ курки́, пошёлъ за Пега́сомъ, кото́рый лишь и́зрѣдка огля́дывался на меня́ чрезъ плечо́, и добра́лся, наконе́цъ, до ку́чки земляны́хъ грушъ. Охо́тники, хотя́ и не послѣ́довали за мно́ю, одна́ко всѣ останови́лись и и́здали смотрѣ́ли на меня́. „Ну, е́сли ничего́ не бу́детъ?“ поду́малъ я: „осрами́мся мы, Пега́съ, съ тобо́ю“... Но въ э́то са́мое мгнове́нье цѣ́лая дю́жина фаза́новъ съ оглуши́тельнымъ тре́скомъ взвила́сь на во́здухъ. Я, къ вели́кой мое́й ра́дости, сшибъ па́ру, что не всегда́ со мной случа́лось, и́бо я стрѣля́ю посре́дственно. Съ уби́тыми фаза́нами въ рука́хъ возврати́лся я къ това́рищамъ... Комплименты[4] посы́пались на Пега́са и на меня́. Я, вѣроя́тно, вы́казалъ удово́льствіе на лицѣ́; а онъ—какъ ни въ чёмъ не быва́ло[5], да́же не скро́мничалъ.

6. Какъ Пега́съ хотѣ́лъ отдѣ́латься отъ намо́рднина. Слѣ́дующій слу́чай пока́зываетъ, кака́я у него́ была́ голова́. Въ окре́стностяхъ Ба́дена ка́къ-то появи́лась бѣ́шеная соба́ка и кого́-то укуси́ла; то́тчасъ вы́шелъ отъ поли́ціи прика́зъ всѣмъ соба́камъ безъ исключе́нія наде́ть намо́рдники. Въ Герма́ніи подо́бные прика́зы исполня́ются пунктуа́льно[6], и Пега́съ очути́лся въ намо́рдникѣ. Это бы́ло ему́ непрія́тно до кра́йности; онъ безпреста́нно жа́ловался, т.-е. сади́лся напро́тивъ меня́ и то ла́ялъ, то подава́лъ мнѣ ла́пу. Но дѣ́лать бы́ло не́чего, надлежа́ло покори́ться. Вотъ одна́жды моя́ хозя́йка прихо́дитъ ко мнѣ въ ко́мнату и разска́зываетъ, что накану́нѣ Пега́съ, воспо́льзовавшись мину́той свобо́ды, зары́лъ свой намо́рдникъ! Я не хотѣ́лъ дать э́тому вѣ́ры; но нѣ́сколько мгнове́ній спустя́, хозя́йка моя́ сно́ва вбѣга́етъ ко мнѣ и шо́потомъ зове́тъ меня́ поскорѣ́е за собо́ю. Я выхожу́ на

[1] Го́родъ въ Герма́ніи, въ Вели́комъ го́рцогствѣ Ба́денскомъ. [2] Родъ корнеплóднаго расте́нія; по виду земляна́я гру́ша похо́дитъ на карто́фель. [3] Высо́кихъ и то́нкихъ. [4] Фр. compliment привѣ́тствіе, ле́стное выраже́ніе, то́нкая похвала́. [5] Какъ бу́дто ничего́ осо́беннаго и не случи́лось. [6] Лат. punctum то́чка; то́чно, во всей то́чности.

крыльцо́—и что же я ви́жу? Пега́съ съ намо́рдникомъ во рту пробира́ется по́ двору укра́дкой, сло́вно на цы́почкахъ, и, забра́вшись въ сара́й, принима́ется рыть въ углу́ ла́пами зе́млю и бе́режно зака́пываетъ въ неё свой намо́рдникъ! Не́ было сомнѣ́нія въ томъ, что онъ вообража́лъ таки́мъ о́бразомъ навсегда́ отдѣ́латься отъ ненави́стнаго ему́ стѣсне́нія.

7. Пега́съ въ ста́рости. Въ про́шломъ (1870) году́ онъ былъ ещё́ превосхо́денъ, хотя́ начина́лъ ско́ро устава́ть; но въ ны́нѣшнемъ ему́ вдругъ всё́ измѣни́ло. Я подозрѣва́ю, что съ нимъ сдѣ́лалось нѣ́что въ ро́дѣ размягче́нія мо́зга. Да́же умъ поки́нулъ его́, а нельзя́ сказа́ть, чтобъ онъ сли́шкомъ былъ старъ. Ему́ всего́ де́вять лѣ́тъ. Жа́лко бы́ло ви́дѣть э́ту пои́стинѣ вели́кую соба́ку, превати́вшуюся въ идио́та[1]. На охо́тѣ онъ то принима́лся безсмы́сленно иска́ть, т.-е. бѣжа́лъ впередъ по прямо́й ли́ніи, повѣ́сивъ хвостъ и пону́ривъ го́лову, то вдругъ остана́вливался и гляде́лъ на меня́ напряжённо и ту́по, какъ бы спра́шивая меня́, что же на́до дѣ́лать и что съ нимъ тако́е приключи́лось! Онъ ещё́ живётъ у меня́ на пенсіо́нѣ[2], но ужъ э́то не пре́жній Пега́съ, э́то жа́лкая разва́лина! Я прости́лся съ нимъ не безъ гру́сти. „Проща́й!“ ду́малось мнѣ, „мой несравне́нный пёсъ Не забу́ду я тебя́ ввѣкъ, и уже́ не нажи́ть мнѣ тако́го дру́га!“ Да едва́ ли я тепе́рь бу́ду охо́титься бо́льше[3].

До вы́ѣзда своего́ за грани́цу, т.-е. до 1861 го́да, Турге́невъ ча́сто охо́тился въ Орло́вской и други́хъ губе́рніяхъ. Мно́го онъ за э́то вре́мя испыта́лъ охо́тничьихъ приключе́ній, мно́го ви́дѣлъ люде́й изъ крестья́нскаго сосло́вія. Мно́гое изъ ви́дѣннаго и испы́таннаго онъ изобрази́лъ въ свои́хъ разска́захъ подъ загла́віемъ: „Запи́ски охо́тника“. Два разска́за помѣща́ются ни́же.

III. Ермола́й и его́ Валето́ка.

Мы съ Ермола́емъ отпра́вились на тя́гу[4]; но, извини́те, господа́, я до́лженъ васъ сперва́ познако́мить съ Ермола́емъ.

1. Ермола́й. Вообрази́те себѣ́ челове́ка лѣ́тъ сорока́ пяти́, высо́каго, худо́го, съ дли́ннымъ и то́нкимъ но́сомъ, у́зкимъ ло́бомъ, се́рыми гла́зками, взъеро́шенными волоса́ми и широ́кими, насмѣ́шливыми губа́ми. Этотъ челове́къ ходи́лъ и зи́му и лѣ́то въ желтова́томъ на́нковомъ[5] кафта́нѣ нѣме́цкаго покро́я, но подпоя́сывался кушако́мъ; носи́лъ си́нія шарова́ры и ша́пку со смушками[6], подарённую ему́ въ весёлый часъ разори́вшимся помѣ́щикомъ. Къ кушаку́ привя́зывались два мѣшка́: оди́нъ спе́реди, иску́сно перекру́ченный на двѣ́ полови́ны,

[1]Гр., просто́й челове́къ, незна́тный; не́учъ, невѣ́жда; глупе́цъ. [2]Фр., pension пла́та за столъ, за содержа́ніе; быть на пенсіо́нѣ=быть на хлѣба́хъ у кого́-ли́бо, на содержа́ніи. [3]Турге́невъ въ э́то вре́мя (1871 годъ) страда́лъ уже́ болѣ́знью, кото́рая свела́ его́ двѣна́дцать лѣ́тъ спустя́ въ моги́лу. [4]Прилётъ и отлётъ ди́чи; охо́та на пти́цу во вре́мя прилёта или́ отлёта ея́. [5]Изъ хлопча́то-бума́жной матеріи. [6]Сму́шка—ягня́чья шку́ра.

для по́роху и для дро́би, другой сза́ди—для ди́чи; хло́пки[1] же Ермола́й доставля́лъ изъ со́бственной, повидимому неистощи́мой, ша́пки. Онъ бы легко́ могъ на де́ньги, вы́рученныя имъ за про́данную дичь, купи́ть себѣ́ патронта́шъ[2] и суму́, но ни ра́зу да́же не поду́малъ о подо́бной поку́пкѣ и продолжа́лъ заряжа́ть своё ружьё попре́жнему, возбу́ждая изумле́ніе зри́телей искусствомъ, съ каки́мъ онъ избѣга́лъ опа́сности просы́пать или смѣша́ть дробь и по́рохъ. Ружьё у него́ бы́ло одноство́льное, съ кремнёмъ, одарённое притомъ скве́рной привы́чкой жесто́ко „отдава́ть", отчего́ у Ермола́я пра́вая щека́ всегда́ была́ пухлѣе лѣ́вой. Какъ онъ попада́лъ изъ э́того ружья́,—и хи́трому челове́ку не приду́мать, но попада́лъ.

2. Вале́тка. Была́ у него́ и лега́вая соба́ка[3], по прозва́нью Вале́тка, преудиви́тельное созда́нье. Ермола́й никогда́ её не корми́лъ. „Ста́ну я пса корми́ть", разсужда́лъ онъ: „притомъ пёсъ—живо́тное у́мное, самъ найдётъ себѣ́ пропита́нье". И дѣйстви́тельно, хотя́ Вале́тка поража́лъ да́же равноду́шнаго прохо́жаго своей чрезмѣ́рной худобо́й но жилъ, и до́лго жилъ; да́же, несмотря́ на своё бѣ́дственное положе́ніе, ни ра́зу не пропада́лъ и не изъявля́лъ жела́нія поки́нуть своего́ хозя́ина. Замѣча́тельнѣйшимъ свойствомъ Вале́тки бы́ло его непостижи́мое равноду́шіе ко всему́ на свѣ́тѣ. Онъ обыкнове́нно сидѣ́лъ подвернувши подъ себя́ свой ку́цый[4] хвостъ, хму́рился, вздра́гивалъ повременамъ и никогда́ не улыба́лся. Онъ былъ кра́йне безобра́зенъ, и ни одинъ пра́здный дворо́вый челове́къ не упуска́лъ слу́чая ядови́то насмѣ́яться надъ его́ нару́жностью, но всѣ э́ти насмѣ́шки и да́же уда́ры Вале́тка переноси́лъ съ удиви́тельнымъ хладнокро́віемъ. Осо́бенное удово́льствіе доставля́лъ онъ повара́мъ, кото́рые тотча́съ отрыва́лись отъ дѣ́ла и съ кри́комъ и бра́нью пуска́лись за нимъ въ погоню́, когда онъ просо́вывалъ своё голо́дное ры́ло въ полураство́ренную дверь соблазни́тельно тёплой и благово́нной ку́хни. На охо́тѣ онъ отлича́лся неутоми́мостью и чутьё имѣ́лъ поря́дочное, но е́сли случа́йно догоня́лъ подра́неннаго за́йца, то ужъ и съѣда́лъ его́ съ наслажде́ніемъ всего́, до послѣ́дней ко́сточки, въ почти́тельномъ отдале́ніи отъ Ермола́я, ругавша́гося на всѣхъ извѣ́стныхъ и неизвѣ́стныхъ діале́ктахъ[5]

3. Чѣмъ занима́лся Ермола́й. Ермола́й принадлежа́лъ одному́ изъ мои́хъ сосѣ́дей, помѣ́щику стари́ннаго покро́я[6]. Помѣ́щики стари́ннаго покро́я не лю́бятъ „куликовъ"[7] и приде́рживаются дома́шней жи́вности. Ра́звѣ то́лько въ необыкнове́нныхъ слу́чаяхъ, ка́къ-то: во

[1]Ва́ты. [2]Су́мку для патро́новъ. [3]Охо́тничья соба́ка, употребля́емая для отыски́ванія ди́чи. [4]Коро́ткій, [5]Гр., язы́къ, нарѣ́чіе. [6]Помѣ́щику, жи́вшему по-стари́нному. [7]Соб., родъ болотной пти́цы; здѣ́сь—въ презри́тельномъ смыслѣ; вся́каго ро́да ди́кая пти́ца.

дни рожде́нія, имени́нъ и вы́боровъ[1], повара́ стари́нныхъ пом'ѣщиковъ приступа́ютъ къ изготовле́нію долгоно́сыхъ птицъ[2] и, войдя́ въ аза́ртъ[3], сво́йственный ру́сскому челове́ку, когда́ онъ самъ хорошо́нько не зна́етъ, что дѣлаетъ, приду́мываютъ къ нимъ такія мудрёныя припра́вы, что го́сти бо́льшей ча́стью съ любопы́тствомъ и вниманіемъ разсма́триваютъ по́данныя я́ства, но отвѣдать ихъ ника́къ не рѣша́ются. Ермола́ю бы́ло прика́зано доставля́ть на госпо́дскую ку́хню разъ въ мѣсяцъ па́ры двѣ тетеревёй и куропа́токъ, а, впро́чемъ, позволялось ему́ жить, гдѣ хо́четъ и чѣмъ хо́четъ. Отъ него́ отказа́лись, какъ отъ челове́ка, ни на каку́ю рабо́ту не го́роднаго, „ляда́щаго[4]“, какъ говори́тся у насъ, въ Орлѣ. По́роха и дро́би, разумѣется, ему́ не выдава́ли, слѣдуя то́чно тѣмъ же пра́виламъ, въ си́лу кото́рыхъ и онъ не корми́лъ своёй соба́ки.

4. Стра́нности Ермола́я. Ермола́й былъ челове́къ престра́ннаго ро́да: беззабо́тенъ, какъ пти́ца, дово́льно говорли́въ, разсѣя́нъ и нело́вокъ съ ви́ду; си́льно люби́лъ вы́пить, не ужива́лся на мѣстѣ, на ходу́ шмы́галъ ногами, перева́ливался съ бо́ку на́ бокъ, и, шмы́гая и перева́ливаясь, улепётывалъ[5] вёрстъ пятьдеся́тъ въ су́тки. Онъ подверга́лся са́мымъ разнообра́знымъ приключе́ніямъ: ночева́лъ въ боло́тахъ, на дере́вьяхъ, на кры́шахъ, подъ моста́ми, си́живалъ нера́зъ взаперти́ на чердака́хъ, въ погреба́хъ и сара́яхъ, лиша́лся ружья́, соба́ки, са́мыхъ необходи́мыхъ одѣя́ній, быва́лъ би́ть си́льно и до́лго, и всё-таки че́резъ нѣсколько вре́мени возвраща́лся домо́й одѣтый, съ ружьёмъ и съ соба́кой. Нельзя́ бы́ло назва́ть его́ челове́комъ весёлымъ, хотя́ онъ почти́ всегда́ находи́лся въ дово́льно изря́дномъ[6] расположе́ніи ду́ха; онъ вообще́ смотрѣлъ чудако́мъ. Ермола́й люби́лъ покаля́кать[7] съ хоро́шимъ челове́комъ, осо́бенно за ча́ркой[8], но и то недо́лго: вста́нетъ, быва́ло, и пойдётъ.—„Да́ куда́ ты, чортъ, идёшь? Ночь на дворѣ“.—А въ Ча́плино.—„Да на что тебѣ́ тащи́ться въ Ча́плино, за де́сять вёрстъ?“—А тамъ у Софро́на-мужичка́ переночева́ть.—„Да ночу́й здѣсь“.—Нѣтъ ужъ, нельзя́. И пойдётъ Ермола́й съ свои́мъ Вале́ткой въ тёмную ночь че́резъ кусты́ да водомо́йни*, а мужичо́къ Софро́нъ его́, пожа́луй, къ себѣ́ на дворъ не пу́ститъ, да ещё, чего́ до́браго[9], ше́ю ему́ намнётъ[10]; не безпоко́й-де че́стныхъ люде́й.

---

[1]Дворя́нскихъ вы́боровъ. Дворя́не имѣютъ пра́во избира́ть изъ свое́й среды́ нѣкоторыхъ должностны́хъ лицъ, вѣдающихъ каса́ющіяся дворя́нъ дѣла́. [2]Ди́кихъ птицъ; мно́гія поро́ды ди́кихъ птицъ имѣютъ о́чень дли́нные клю́вы. [3]Фр. hasard слу́чай, уда́ча, опа́сность; задо́ръ, увлече́ніе. [4]Обл., лѣни́ваго, ни на что него́роднаго. [5]Уходи́лъ, проходи́лъ. [6]Хоро́шемъ. [7]Поговори́ть, поболта́ть. [8]Обл., рю́мкой. *Лу́жи. [9]Выраже́ніе э́то употребля́ется, когда́ предполага́ютъ что-нибу́дь дурно́е; при выраже́ніи э́томъ на́до подразумѣва́ть пропу́щенныя слова́. Смыслъ выраже́нія тако́въ: чего́-нибу́дь до́браго ждать тру́дно, а... (да́лѣе идётъ предположе́ніе чего́-ли́бо дурно́го). [10]Поколо́тить.

5. Взаимныя отношенія Ермолая и окружающихъ людей. Была у него и жена. Жила она въ дрянной, полуразвалившейся избенкѣ перебивалась кое-какъ и кое-чѣмъ, никогда не знала наканунѣ, будетъ ли сыта завтра, и вообще терпѣла участь горькую. Ермолай, этотъ беззаботный и добродушный человѣкъ, обходился съ ней жестоко и грубо, принималъ у себя дома грозный и суровый видъ. Бѣдная его жена не знала, чѣмъ угодить ему, трепетала отъ его взгляда, на послѣднюю копейку покупала ему вина и подобострастно[1] покрывала его своимъ тулупомъ, когда онъ, величественно развалясь на печи, засыпалъ богатырскимъ сномъ. Мнѣ самому неразъ случалось подмѣчать въ немъ невольныя проявленія какой-то угрюмой свирѣпости. Мнѣ не нравилось выраженіе его лица, когда онъ прикусывалъ подстрѣленную птицу. Но Ермолай никогда больше дня не оставался дома; а на чужой сторонѣ превращался опять въ „Ермолку“, какъ его прозвали на сто вёрстъ кругомъ и какъ онъ самъ себя называлъ подчасъ. Послѣдній дворовый человѣкъ чувствовалъ своё превосходство надъ этимъ бродягой и, можетъ быть, потому именно и обращался съ нимъ дружелюбно. Мужики сначала съ удовольствіемъ загоняли и ловили его, какъ зайца въ полѣ[2], но потомъ отпускали съ Богомъ и, разъ узнавши чудака, уже не трогали его, даже давали ему хлѣба и вступали съ нимъ въ разговоры...

Совершенно другой типъ русскаго крестьянина изображаетъ Тургеневъ въ разсказѣ:

IV. Касьянъ съ Красивой Мечи[3].

1. Похороны. Я возвращался съ охоты въ тряской телѣжкѣ и, подавленный душнымъ зноемъ лѣтняго облачнаго дня, дремалъ и покачивался, какъ вдругъ вниманіе моё было возбуждено необыкновеннымъ безпокойствомъ и тревожными тѣлодвиженіями моего кучера. Онъ задёргалъ вожжами, завозился[4] на облучкѣ и началъ покрикивать на лошадей, то-и-дѣло поглядывая куда-то въ сторону. Я осмотрѣлся. Мы ѣхали по широкой распаханной равнинѣ. Узкія тропинки тянулись по полямъ, и на одной изъ нихъ, которой въ пятистахъ шагахъ впереди отъ насъ приходилось пересѣкать нашу дорогу, различилъ я какой-то поѣздъ. Это были похороны. Впереди, въ телѣгѣ, запряженной одной лошадкой, шагомъ ѣхалъ священникъ. Дьячокъ сидѣлъ возлѣ него и правилъ. За телѣгой четыре мужика, съ обнаженными головами, несли гробъ, покрытый бѣлымъ полотномъ; двѣ

[1] Съ выраженіемъ страха, притворяясь боящеюся; здѣсь: боязливо. [2] Такъ какъ онъ своею охотою вредилъ ихъ полямъ. [3] Красивая Меча — рѣка, берущая начало въ Тульской губерніи и впадающая въ Донъ. Касьянъ названъ такъ потому, что переселился въ деревню, въ которой познакомился съ нимъ разсказчикъ, съ Красивой Мечи. [4] Засуетился.

ба́бы шли за гро́бомъ. Ку́черъ погна́лъ лошаде́й: онъ жела́лъ предупреди́ть э́тотъ по́ѣздъ (Встрѣ́тить на доро́гѣ покойника—дурна́я приме́та).

2. Непріа́тное приключе́ніе. Ему́ дѣйстви́тельно удало́сь проскака́ть по доро́гѣ, пре́жде чѣмъ поко́йникъ успѣ́лъ добра́ться до нея́; но мы ещё́ не отъѣ́хали и ста́ шаго́въ, какъ вдругъ на́шу телѣ́гу си́льно толкну́ло, она́ накрени́лась[1] и чуть не завали́лась. Ку́черъ останови́лъ разбѣжа́вшихся лошаде́й, махну́лъ руко́й и плю́нулъ. — Что тамъ тако́е? спроси́лъ я. Ку́черъ мой слѣ́зъ мо́лча и не торопя́сь. —Ось слома́лась: перегорѣ́ла, мра́чно отвѣча́лъ онъ, и съ таки́мъ негодова́ніемъ попра́вилъ вдругъ шлею́[2] на пристяжно́й[3], что та совсѣ́мъ покачну́лась бы́ло на́ бокъ, одна́ко устоя́ла, фы́ркнула, встряхну́лась и преспоко́йно на́чала чеса́ть себѣ́ зу́бомъ ни́же колѣ́на пере́дней ноги́. Я слѣ́зъ и постоя́лъ нѣ́которое вре́мя на доро́гѣ, сму́тно предава́ясь чу́вству непрія́тнаго недоумѣ́нія. Пра́вое колесо́ почти́ соверше́нно подверну́лось подъ телѣ́гу и каза́лось съ нѣмы́мъ отча́яніемъ поднима́ло кве́рху свою́ ступи́цу[4]. — Вонъ кто виновáть! сказа́лъ мой ку́черъ, ука́зывая кнуто́мъ на по́ѣздъ, кото́рый успѣ́лъ уже́ свернýть на доро́гу и приближа́лся къ намъ. — Ужъ я всегда́ э́то замѣча́лъ, продолжа́лъ онъ: э́то приме́та вѣ́рная—встрѣ́тить поко́йника... Да. И онъ опя́ть обезпоко́илъ пристяжну́ю, кото́рая, ви́дя его́ нерасположе́ніе и суро́вость, рѣши́лась оста́ться непо́движною, и то́лько и́зрѣдка и скро́мно пома́хивала хвосто́мъ. Я походи́лъ немно́го взадъ и впередъ и опя́ть останови́лся пе́редъ колесо́мъ.

3. Ѣзда́ на трёхъ колёсахъ. — Одна́ко замѣ́тилъ я, что жъ намъ дѣ́лать? Ку́черъ мой сперва упёрся колѣ́номъ въ плечо́ коренно́й[5], тряхну́лъ ра́за два дуго́й, попра́вилъ сѣдёлку[6], подошёлъ къ колесу́ и, не спуска́я съ него́ взо́ра, ме́дленно доста́лъ изъ-подъ полы́ кафта́на тавли́нку[7], помя́лъ-помя́лъ таба́къ, перекоси́лъ зара́нѣе носъ, понюха́лъ съ разстано́вкой, сопровожда́я ка́ждый пріёмъ продолжи́тельнымъ кряхтѣ́ніемъ, и погрузи́лся въ глубо́кое раздýмье.—Ну, что? проговори́лъ я, наконе́цъ. Ку́черъ мой бе́режно вложи́лъ тавли́нку въ карма́нъ, надви́нулъ шля́пу себѣ́ на бро́ви безъ по́мощи рукъ, одни́мъ движе́ніемъ головы́, и заду́мчиво полѣ́зъ на облучо́къ.—Куда́ же ты? спроси́лъ я его́ не безъ изумле́нія.—Извóльте сади́ться, споко́йно отвѣча́лъ онъ и подобра́лъ во́жжи.—Да какъ же мы пое́демъ?—Ужъ пое́демъ-съ.—Да ось

---

[1]Наклони́лась. [2]Часть у́пряжи: Пе́тля, прикрѣпля́емая концáми къ хомуту́, обхва́тывающая всю длину́ ло́шади и подходя́щая подъ хвостъ. [3]На ло́шади, запря́женной не въ средúнѣ, не въ оглóбли или́ ды́шло, а сбóку. [4]Сре́дняя часть колеса́, съ просве́рленными ды́рками для укрѣпле́нія спицъ. [5]Ло́шади, запря́женной въ ды́шло или́ въ оглóбли. [6]Поду́шка на хребтѣ́ лошади; кладётся затѣ́мъ, чтобы́ реме́нь, перекúнутый че́резъ хребе́тъ и поддéрживающій оглóбли, не тёръ спúну ло́шади. [7]Табаке́рку.

слома́лась... Слома́лась-то оча́, слома́лась; ну, а до вы́селокъ добе-рёмся... шагомъ, то́-есть. Тутъ вотъ, за ро́щей, напра́во, есть вы́селки: Юдиными прозыва́ются.—Я лу́чше пѣшко́мъ пойду́, сказа́лъ я.—Какъ уго́дно-съ... И онъ махну́лъ кнуто́мъ. Ло́шади тро́нулись. Мы дѣйстви́тельно добра́лись до вы́селковъ, хотя́ пра́вое пере́днее колесо́ едва́ держа́лось и необыкнове́нно стра́нно вертѣлось. На одно́мъ приго́ркѣ оно́ чуть-чу́ть не слетѣло; но ку́черъ мой закрича́лъ озлобле́ннымъ го́лосомъ, и мы благополучно спусти́лись.

4. Въ Юдиныхъ вы́селкахъ. Юдины вы́селки состоя́ли изъ шести́ ни́зенькихъ и ма́ленькихъ избу́шекъ, уже́ успѣвшихъ скриви́ться на́ бокъ, хотя́ ихъ, вѣроя́тно, поста́вили неда́вно. Дворы́ не у всѣхъ бы́ли обнесены́ плетнёмъ. Въѣзжа́я въ э́ти вы́селки, мы не встрѣ́тили ни одно́й живо́й души́. Да́же ку́рицъ не́ было ви́дно на у́лицѣ, да́же соба́къ. Я зашёлъ въ пе́рвую избу́, отвори́лъ дверь въ сѣ́ни, окли́кнулъ хозя́евъ,—никто́ не отвѣча́лъ мнѣ. Я всу́нулъ го́лову въ ко́мнату, посмотрѣ́лъ: темно́, ды́мно и пу́сто. Я отпра́вился на дворъ. По са́мой середи́нѣ я́рко освѣщённаго двора́, на са́момъ, какъ говори́тся, припёкѣ, лежа́лъ лицо́мъ къ землѣ́ и накры́вши го́лову армяко́мъ, какъ мнѣ показа́лось, ма́льчикъ. Въ нѣ́сколькихъ шага́хъ отъ него́, во́злѣ плохо́й телѣжо́нки, стоя́ла подъ соло́меннымъ навѣ́сомъ худа́я лошадёнка въ обо́рванной сбру́ѣ. Со́лнечный свѣтъ, па́дая струя́ми сквозь у́зкія отве́рстія обветша́лаго намёта[1], пестри́лъ небольши́ми свѣ́тлыми пя́тнами ея́ косма́тую, кра́сно-гнѣду́ю шерсть. Тутъ же въ высо́кой скворе́шницѣ[2] болта́ли скворцы́, съ споко́йнымъ любопы́тствомъ погля́дывая внизъ изъ своего́ возду́шнаго до́мика. Я подошёлъ къ спя́щему и на́чалъ его́ буди́ть...

(Спя́щій оказа́лся крестья́ниномъ Касья́номъ. Разска́зчикъ отправля́ется съ нимъ на ссѣ́чки*, чтобы́ купи́ть но́вую ось).

5. Поѣздка съ Касья́номъ на ссѣ́чки. Уже́ телѣ́жка была́ совсѣ́мъ гото́ва, и я ко́е-какъ вмѣстѣ со своей соба́кой уже́ умѣсти́лся на ея́ покоро́бленномъ лубо́чномъ днѣ. Касья́нъ, сжа́вшись въ комо́чекъ и съ пре́жнимъ уны́лы́мъ выраже́ніемъ на лицѣ́, то́же сидѣ́лъ на пере́дней гря́дкѣ[3]. Ерофе́й подошёлъ ко мнѣ и съ таинственнымъ ви́домъ прошепта́лъ: „Нехорошо́ сдѣ́лали, ба́тюшка, что съ нимъ поѣ́хали. Вѣдь онъ юро́дивецъ[4], и про́звище-то ему́: Блоха́. Я не зна́ю, какъ вы его́ поня́ть-то могли́...“ Я хотѣ́лъ-бы́ло замѣ́тить Ерофе́ю, что до сихъ поръ Касья́нъ мнѣ каза́лся весьма́ разсуди́тельнымъ человѣ́комъ, но ку́черъ мой то́тчасъ продолжа́лъ тѣмъ же го́лосомъ: „Вы то́лько

[1]Навѣ́са. [2]Ящикъ на шестѣ для скворцо́въ; въ я́щикѣ э́томъ скворцы́ устра́иваютъ гнѣзда и до своего́ отлёта живу́тъ, забавляя хозя́евъ своимъ пѣ́ніемъ *Мѣ́сто въ лѣсу́, гдѣ́ вы́рублены (ссѣ́чены) дере́вья.—[3]Перекла́динѣ. [4]Одного́ ко́рня съ уро́дъ; уро́дливый человѣ́къ, лишённый отъ приро́ды здра́ваго смы́сла.

смотри́те, туда́ ли онъ васъ привезётъ. Да ось-то са́ми извóльте вы́брать; поздоровѣе[1] ось извóльте взять"!... Лошáдка егó, къ и́стинному моему удивлéнію, бѣжáла бчень недýрно. Въ течéніе всей дорóги Касья́нъ сохраня́лъ упóрное молчáніе и на мои́ вопрóсы отвѣча́лъ отры́висто и нéхотя. Мы скóро доѣхали до ссѣчекъ, а тамъ добрáлись и до контóры[2], высóкой избы́, одинóко стоя́вшей надъ небольши́мъ овра́гомъ. Я нашёлъ въ э́той контóрѣ двухъ молоды́хъ купéческихъ прика́зчиковъ, сторговáлъ у нихъ ось и отпрáвился на ссѣчки. Я дýмалъ, что Касья́нъ остáнется при лóшади, бýдетъ дожидáться меня́, но онъ вдругъ подошёлъ ко мнѣ.—А что, птáшекъ стрѣля́ть идёшь? заговори́лъ онъ, а?—Да, éсли найдý. — Я пойдý съ тобóй.. Мóжно? —Мóжно, мóжно.

6. На ссѣчкахъ. Погóда былá прекрáсная, ещё прекрáснѣе, чѣмъ прéжде; но жарá всё не унимáлась. По я́сному нéбу едвá-едвá несли́сь высóкія и рѣ́дкія облака́, и́зжелта-бѣ́лыя, какъ весéнній запоздáлый снѣгъ. Мы дóлго броди́ли съ Касья́номъ по ссѣчкамъ. Молоды́е о́тпрыски[3], ещё не успѣ́вшіе вы́тянуться[4] вы́ше арши́на, окружáли свои́ми тóнкими, глáдкими стебелькáми почернѣ́вшіе ни́зкіе пни. Кру́глые губча́тые нарóсты съ сѣ́рыми каймáми[5], тѣ́ сáмые нарóсты, изъ кото́рыхъ выва́риваютъ трутъ[6], лѣпи́лись къ э́тимъ пнямъ. Земляни́ка пускáла по нимъ свои́ рóзовые у́сики; грибы́ тутъ же тѣ́сно сидѣли сéмьями. Нóги безпрестáнно пу́тались и цѣпля́лись въ дли́нной травѣ́, пресыщённой горя́чимъ сóлнцемъ. Всю́ду рябúло въ глазáхъ отъ рѣ́зкаго металли́ческаго сверка́нія молоды́хъ, краснова́тыхъ ли́стьевъ на дерéвцахъ. Кóе-гдѣ, вóзлѣ забрóшенныхъ дорóжекъ, на кото́рыхъ слѣ́ды́ колёсъ обознача́лись полосáми крáсной трáвки, возвыша́лись ку́чки дровъ, потемнѣ́вшихъ отъ вѣ́тра и дождя́, сло́женныя сажéнями. Слáбая тѣнь пáдала отъ нихъ косы́ми четыреугóльниками; другóй тѣни нé было вокру́гъ нигдѣ́. Лéгкій вѣ́терóкъ то просыпáлся, то утихáлъ: поду́етъ прямо въ лицó и какъ бу́дто разыгрáется; но вотъ ужъ онъ опя́ть замéръ, и всё опя́ть сти́хло. Одни́ кузнéчики[7] дру́жно трещáтъ, сло́вно озлоблённые, и утоми́теленъ э́тотъ непрестáнный звукъ.

7. Что дѣлалъ Касья́нъ на охóтѣ. Я, признаю́сь, бóльше глядѣ́лъ на Касья́на, чѣмъ на свою́ собáку. Недáромъ егó прозвáли Блохóй. Егó чёрная, ничѣ́мъ не покры́тая головá такъ и мелькáла въ кустáхъ. Онъ ходúлъ необыкновéнно провóрно и сло́вно всё подпры́гивалъ на ходу́, безпрестáнно нагибáлся, срывáлъ какія-то трáвки, совáлъ ихъ за пáзуху, бормотáлъ себѣ́ что́-то по́дъ носъ и всё погля́ды-

[1]Покрѣ́пче. [2]Это былá контóра купцóвъ, производи́вшихъ рýбку лѣса. [3]Побѣ́ги, пóросли. [4]Вы́расти. [5]Краями. [6]Горю́чее вещество́, употребля́емое при высѣка́ніи огня́ изъ кремня́. [7]Родъ насѣко́мыхъ; назва́ніе произошло́ отъ издава́емыхъ и́ми зву́ковъ, напомина́ющихъ отча́сти уда́ры кузнéчныхъ мóлотовъ.

валъ на меня́ и на мою́ соба́ку, да таки́мъ пытли́вымъ, стра́ннымъ взгля́домъ. Въ ни́зкихъ куста́хъ и на сѣ́чкахъ ча́сто де́ржатся ма́ленькія сѣ́рыя пти́чки, кото́рыя то-и-дѣ́ло перемѣща́ются съ деревца́ на деревцо́ и посви́стываютъ, внеза́пно ныря́я на лету́. Касья́нъ ихъ передра́знивалъ, перекли́кался съ ни́ми. Поршо́къ полетѣ́лъ, чили́кая, у него́ изъ-подъ ногъ; онъ зачили́калъ ему́ вслѣдъ. Жа́воронокъ сталъ спуска́ться надъ нимъ, трепеща́ крыла́ми и звонко распѣва́я; Касья́нъ подхвати́лъ его́ пѣ́сенку. Со мной онъ всё не заговаривалъ... До́лго не находи́лъ я никако́й ди́чи; наконе́цъ, изъ широ́каго дубо́ваго куста́, насквозь прорѣ́шаго полы́нью, полетѣ́лъ коростѣ́ль[1]. Я уда́рилъ; онъ перевернулся на во́здухѣ и упа́лъ. Услы́шавъ вы́стрѣлъ, Касья́нъ бы́стро закры́лъ глаза́ руко́й и не шевельну́лся, пока́ я не зарядилъ ружья́ и не поднялъ коростеля́. Когда́ же я отпра́вился да́лѣе, онъ подошёлъ къ мѣ́сту, гдѣ упа́ла уби́тая пти́ца, нагну́лся къ травѣ́, на кото́рую бры́знуло нѣ́сколько ка́пель кро́ви, покача́лъ голово́й и пугли́во взгляну́лъ на меня́... Я слы́шалъ по́слѣ, какъ онъ шепта́лъ: „Грѣхъ!... Ахъ, вотъ э́то грѣхъ!“

8. Въ ро́щѣ. Жара́ заста́вила насъ, наконе́цъ, войти́ въ ро́щу. Я бро́сился подъ высо́кій кустъ орѣ́шника, надъ кото́рымъ молодо́й, стро́йный клёнъ краси́во раски́нулъ свои́ лёгкія вѣ́тки. Я лёгъ на́ спину и на́чалъ любова́ться игро́й перепу́танныхъ ли́стьевъ на далёкомъ, свѣ́тломъ не́бѣ. Удиви́тельно прія́тное заня́тіе лежа́ть на спинѣ́ въ лѣ́су и глядѣ́ть вверхъ! Вамъ ка́жется, что вы смо́трите въ безо́нное мо́ре, что оно́ широко́ разстила́ется надъ ва́ми, что дере́вья не поднима́ются отъ земли́, но спуска́ются, отвѣ́сно[2] па́даютъ въ тѣ стекля́нно-я́сныя во́лны. Гдѣ-нибу́дь далеко́, ока́нчивая собо́ю то́нкую вѣ́тку, неподви́жно стои́тъ отдѣ́льный листо́къ на голубо́мъ клочкѣ́ прозра́чнаго не́ба, и ря́домъ съ нимъ кача́ется другой, напомина́я свои́мъ движе́ніемъ игру́ ры́бьяго плёса[3]. Волше́бными острова́ми ти́хо наплыва́ютъ и ти́хо прохо́дятъ бѣ́лыя, кру́глыя облака́. И вотъ вдругъ всё э́то мо́ре, э́тотъ во́здухъ, э́ти вѣ́тки и ли́стья, обли́тые со́лнцемъ,— всё заструи́тся, задрожи́тъ, и поднимется лепета́нье, похо́жее на плескъ внеза́пно набѣжа́вшей зы́би[4]. Какъ облака́ по́ небу и какъ бу́дто вмѣ́стѣ съ ни́ми, медли́тельной верени́цей[5] прохо́дятъ по душѣ́ счастли́выя воспомина́нія. Всё вамъ ка́жется, что взоръ ухо́дитъ да́льше и да́льше и тя́нетъ васъ сами́хъ за собо́й въ ту споко́йную сія́ющую бе́здну.

9. Мнѣніе Касья́на объ охо́тѣ.—Ба́ринъ, а ба́ринъ! промо́лвилъ вдругъ Касья́нъ своимъ зву́чнымъ го́лосомъ. Я съ удивле́ніемъ приподня́лся; до сихъ поръ онъ едва́ отвѣча́лъ на мои́ вопро́сы, а то вдругъ самъ заговори́лъ.—Что тебѣ́? спроси́лъ я.—Ну, для чего́ ты

[1]Пти́ца перепели́ной поро́ды; покрупнѣе пе́репела. [2]Пря́мо внизъ; здѣсь: пря́мо вверхъ. [3]Плеска́нья вблизи́ повѣ́рхности воды́. [4]Волны́. [5]Ря́домъ, цѣпью.

птáшку[1] убúлъ? нáчалъ онъ, глядя мнѣ прáмо въ лицó. — Какъ для чегó?... Коростéль—э́то дичь: егó ѣсть мóжно.— Не для тогó ты убúлъ егó, бáринъ; стáнешь ты егó ѣсть! Ты егó для потѣхи своéй убúлъ.— Да, вѣдь, ты самъ, небóсь[2], гусéй илú кýрицъ, напримѣръ, ѣшь?—Та птúца Бóгомъ опредѣлённая для человѣка, а коростéль—птúца вóльная, лѣснáя, и грѣхъ её убивáть, и пускáй она живётъ на землѣ до своегó предѣла[3]... А человѣку пúща полóжена другáя; пúща емý другáя и другóе питьё: хлѣбъ—Бóжья благодáть[4], да вóды небéсныя, да тварь ручнáя[5]. Я съ удивлéніемъ поглядѣлъ на Касьянa. Слова́ егó лилúсь свобóдно; онъ не искáлъ ихъ, онъ говорúлъ съ тúхимъ одушевлéніемъ и крóткою вáжностью, úзрѣдка закрывáя глазá.—Такъ и ры́бу, по-твоемý, грѣшнó убивáть? спросúлъ я. — У ры́бы кровь холóдная, возразúлъ онъ съ увѣренностью: ры́ба тварь нѣмáя. Онá не боúтся, не веселúтся: ры́ба тварь безсловéсная. Кровь, продолжáлъ онъ, помолчáвъ, святóе дѣло—кровь! Кровь сóлнышка Бóжія не вúдитъ, кровь отъ свѣту прячется; велúкій грѣхъ показáть свѣту кровь, велúкій грѣхъ и страхъ... Охъ, велúкій! Онъ вздохнýлъ и потýпился. Я, признаю́сь, съ совершéннымъ изумлéніемъ смотрѣлъ на стрáннаго старикá. Егó рѣчь звучáла не мужúчьей рѣчью: такъ не говорятъ простолюдúны. Я не слыхáлъ ничегó подóбнаго.

10. Чѣмъ занимáлся Касья́нъ.—Скажú, пожáлуйста, Касья́нъ, нáчалъ я, не спускáя глазъ съ егó слегкá раскраснѣвшагося лицá: чѣмъ ты промышля́ешь[6]? Онъ не тóтчасъ отвѣтилъ на мой вопрóсъ. Егó взглядъ безпокóйно забѣгалъ на мгновéніе. — Живý, какъ Госпóдь велúтъ, промóлвилъ онъ наконéцъ: а чтобы́, тó-есть, промышля́ть — нѣтъ, ничѣмъ не промышля́ю. Неразýменъ я бóльно[7] съ мáльства[8]; рабóтаю, покá мóжно; рабóтникъ-то я плохóй... гдѣ мнѣ! Здорóвья нѣтъ, и рýки глýпы. Ну, веснóй соловьёвъ ловлю́.—Соловьёвъ лóвишь?... А какъ же ты говорúлъ, что вся́кую лѣсную и полевýю и прóчую тварь не нáдо трóгать?—Убивáть её не нáдо, тóчно; смерть и такъ своё возьмётъ. Смерть и не бѣжúтъ, да и отъ нея́ не убѣжúшь, дá помогáть ей не дóлжно... А я солóвушекъ не убивáю, сохрани́ Гóсподи! Я ихъ не на мýку ловлю́, не на погúбель ихъ живота́[9], а для удовóльствія человѣческаго, на утѣшéніе и весéлье.—Ты въ Курскъ ихъ ловúть хóдишь?—Хожý я и въ Курскъ и подáлѣ хожý, какъ случúтся. Въ болóтахъ ночýю да въ залѣсьяхъ[10], въ пóлѣ ночýю одúнъ, во глýшй.—И продаёшь ты ихъ?—Отдаю́ дóбрымъ лю́дямъ.—А что жъ ты ещё дѣлаешь?—Какъ дѣлаю?—Чѣмъ ты зáнятъ? Старúкъ помолчáлъ. —Ничѣмъ я э́такъ не зáнятъ... Рабóтникъ я плохóй. Грáмотѣ, однáко,

---

[1]Нар., птúцу. [2]Я дýмаю, я увѣренъ (сокращ. изъ не бóйся). [3]Концá, смéрти. [4]Приложéніе къ слóву хлѣбъ. [5]Прируче́нныя живóтныя.— [6]Занима́ешься. [7]Нар., óчень. [8]Нар., съ дѣтства. [9]Стр., жúзни. [10]Мѣсто за лѣсомъ, по другýю стóрону лѣса (отъ говоря́щаго).

разумѣю.—Ты грамотный?—Разумѣю грамотѣ. Помогъ Господь да добрые люди.—Скажи, пожалуйста, началъ я: мнѣ послышалось, мой кучеръ у тебя спрашивалъ, отчего ты не вылѣчилъ Мартына[1]? Развѣ ты умѣешь лѣчить?—Кучеръ твой справедливый человѣкъ, задумчиво отвѣчалъ мнѣ Касьянъ: а тоже не безъ грѣха. Лѣкаркой меня называютъ... Какая я лѣкарка!.. и кто можетъ лѣчить? Это всё отъ Бога. А есть... есть травы, цвѣты есть, помогаютъ, точно. Ну, конечно, есть и слова такія... А кто вѣруетъ—спасётся, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ. Онъ повёлъ плечами, помолчалъ, разсѣянно глянулъ и запѣлъ потихоньку. Я не могъ уловить всѣхъ словъ его протяжной пѣсенки; слѣдующія послышались мнѣ: „А зовутъ меня Касьяномъ, а по прозвищу Блоха“... Э! подумалъ я, да онъ сочиняетъ!..

11. Какого мнѣнія былъ Ерофей о Касьянѣ. Я, какъ только вернулся, успѣлъ замѣтить, что Ерофей[2] мой снова находился въ сумрачномъ расположеніи духа[3]... И въ самомъ дѣлѣ, ничего съѣстного онъ въ деревнѣ не нашёлъ, водопой для лошадей былъ плохой. Мы выѣхали.—Скажи, пожалуйста, Ерофей, заговорилъ я: что за человѣкъ этотъ Касьянъ? Ерофей нескоро мнѣ отвѣчалъ: онъ вообще человѣкъ былъ обдумывающій и неторопливый. Но я тотчасъ могъ догадаться, что мой вопросъ его развеселилъ и успокоилъ.—Блоха-то? заговорилъ онъ, наконецъ, передёрнувъ вожжами: чудной[4] человѣкъ; такого чудного человѣка и нескоро найдёшь другого. Спервa онъ съ дядьками[5] со своими въ извозъ ходилъ[6]; ну, а потомъ, знать, наскучило: бросилъ. Вотъ онъ такъ съ тѣхъ поръ всё и болтается, что овца. И вѣдь такой удивительный, Богъ его знаетъ: то молчитъ, какъ пень, то вдругъ заговоритъ, а что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Поётъ однако, хорошо. Этакъ важно; ничего. — А что, онъ лѣчитъ, точно? —Какое лѣчить... Ну, гдѣ ему! Меня, однако, отъ золотухи вылѣчилъ.. Гдѣ ему! глупый человѣкъ, какъ есть, прибавилъ онъ, помолчавъ. Э-э-э вдругъ прервалъ самого себя мой кучеръ и, остановивъ лошадей, нагнулся на бокъ и принялся нюхать воздухъ.—Никакъ гарью пахнетъ? Такъ и есть! Ужъ эти мнѣ новыя оси... А, кажется, на что мазалъ[7]... Пойти водицы добыть; вонъ, кстати, и прудикъ. Разъ шесть приходилось ему на какихъ-нибудь десять верстахъ обливать разгорячённую ось, и уже совсѣмъ завечерѣло, когда мы возвратились домой.

Съ цѣлью поохотиться Тургеневъ предпринялъ въ 1857 году поѣздку въ Полѣсье[8]. Плодомъ этой поѣздки явились записки о ней, помѣщаемыя ниже.

---

[1]Крестьянина, чей гробъ разсказчикъ встрѣтилъ на дорогѣ. [2]Имя кучера. [3]Въ мрачномъ, невесёломъ настроеніи духа. [4]Удивительный, странный. [5]Дядями. [6]Занимался извозомъ, былъ извозчикомъ. [7]Очень сильно мазалъ. [8]Полѣсьемъ называется мѣстность на р. Припети (притокъ Днѣпра), покрытая болотами и дремучими лѣсами. Полѣсье захватываетъ части губерній: Гродненской, Минской и Волынской.

V. Поѣздка въ Полѣсье.

1. Видъ Полѣсья. Сто́я на крыльцѣ́ постоя́лаго дво́рика, постро́еннаго на берегу́ боло́тистой рѣ́чки Ресе́ты, увида́лъ я впервы́е Полѣ́сье. Дли́нными, сплошны́ми усту́пами разбѣга́лись пёредо мно́ю синѣ́ющія грома́ды хво́йнаго лѣ́са. Кой-гдѣ лишь пестрѣ́ли зелёными пя́тнами небольшія берёзовыя ро́щи. Весь кругозо́ръ былъ охва́ченъ бо́ромъ. Нигдѣ́ не бѣлѣ́ла це́рковь, не свѣтлѣ́ли поля́: всё дере́вья да́ дере́вья, всё зубча́тыя верху́шки и то́нкій, ту́склый тума́нъ, вѣ́чный тума́нъ Полѣ́сья висѣ́лъ вдали́ надъ ни́ми. Не лѣ́нью, а отсу́тствіемъ жи́зни, чѣ́мъ-то мёртвымъ, хотя́ и велича́вымъ, вѣ́яло мнѣ со всѣхъ краёвъ небоскло́на. По́мню, большія, бѣ́лыя ту́чи плы́ли ми́мо ти́хо и высоко́, и жа́ркій лѣ́тній день лежа́лъ недви́жно на безмо́лвной землѣ́. Краснова́тая вода́ рѣ́чки скользи́ла безъ пле́ска ме́жду густы́ми тростника́ми. На днѣ ея́ сму́тно виднѣ́лись кру́глые бугры́ игли́стаго мо́ха, а берега́ то исчеза́ли въ боло́тной ти́нѣ, то рѣ́зко бѣлѣ́ли разсы́пчатымъ ме́лкимъ песко́мъ.

2. Въ Полѣсьѣ. Я покорми́лъ лошаде́й и перепра́вился. Протащи́вшись версты́ съ двѣ боло́тистымъ лу́гомъ, взобра́лся я, наконе́цъ, по у́зкой га́ти[2] въ просѣ́ку[3] лѣ́са. Таранта́съ[4] неро́вно запры́галъ по круты́мъ бре́вешкамъ; я вы́лѣзъ и пошёлъ пѣшко́мъ. Ло́шади выступа́ли дру́жнымъ ша́гомъ, фы́ркая и отма́хиваясь голова́ми отъ комаро́въ и мо́шекъ. Полѣ́сье при́няло насъ въ свои́ нѣ́дра[5]. Съ окра́ины, бли́же къ лу́гу, росли́ берёзы, оси́ны, ли́пы, клёны и ду́бы. Пото́мъ они́ ста́ли рѣ́же попада́ться, сплошно́й стѣно́й надви́нулся густо́й е́льникъ. Да́лѣе закраснѣ́ли го́лые стволы́ со́сенника, а тамъ опя́ть потяну́лся смѣ́шанный лѣсъ, заро́сшій сни́зу куста́ми и кру́пными, со́чными тра́вами. Со́лнечные лучи́ я́рко освѣща́ли верху́шки дере́вьевъ и, разсыпа́ясь по вѣтвя́мъ, лишь ко́е-гдѣ достига́ли до земли́ поблѣднѣ́вшими полоса́ми и пя́тнами. Птицъ почти́ не́ было слы́шно: онѣ́ не лю́бятъ больши́хъ лѣсо́въ. Иногда́ дере́вья рѣдѣ́ли, разступа́лись, впереди́ свѣтлѣ́ло, таранта́съ выѣзжа́лъ на расчи́щенную, песча́ную поля́ну. Жи́дкая рожь росла́ на ней гряда́ми[6], безшу́мно кача́я свои́ блѣ́дные коло́сики. Въ сторонѣ́ темнѣ́ла ве́тхая часо́венька[7], съ покриви́вшимся кресто́мъ надъ коло́дцемъ. Неви́димый ручеёкъ ми́рно болта́лъ перели́вчатыми и гу́лкими зву́ками, какъ бу́дто втека́я въ пусту́ю буты́лку. А тамъ вдругъ доро́гу перегора́живала неда́вно обру́шившаяся берёза.

Лѣсъ стоя́лъ круго́мъ до того́ ста́рый, высо́кій и дрему́чій, что да́же во́здухъ каза́лся спёртымъ. Мѣста́ми просѣ́ка была́ вся

---

[1]Родъ травы́. [2]Плоти́нѣ. [3]Мѣ́сто въ лѣсу́, гдѣ вы́рублены дере́вья для прокла́дки доро́ги. [4]Родъ доро́жнаго экипа́жа. [5]Нѣ́дра—вну́тренность, глубь. [6]Полоса́ми. [7]Часо́вня, часо́венька—це́рковь безъ алтаря́

зали́та водо́й; по обѣимъ сторона́мъ раастила́лось лѣсно́е боло́то, всё зелёное и тёмное, всё покры́тое тростника́ми. Утки взлётывали попа́рно, и стра́нно бы́ло ви́дѣть э́тихъ водяны́хъ птицъ, бы́стро мелька́ющихъ ме́жду со́снами. „Га, га, га, га“, неожи́данно поднима́лся протя́жный крикъ. Вѣтро́къ приноси́лъ то́нкій и крѣпкій за́пахъ жжёнаго де́рева. Бѣлый дымо́къ расползался вдали́ кру́глыми стру́йками по блѣдно-си́нему лѣсно́му во́здуху: знать[1], мужичо́къ промышля́лъ у́голь[2] на стекля́нный заво́дъ или́ на фа́брику. Чѣмъ да́льше мы подвига́лись, тѣмъ глу́ше и ти́ше станови́лось вокру́гъ. Въ бору́ всегда́ ти́хо; то́лько идётъ тамъ, высо́ко надъ голово́ю, како́й-то до́лгій ро́потъ и сде́ржанный гулъ по верху́шкамъ... Ѣдешь, ѣдешь, не перестаётъ э́та ве́чная лѣсна́я молвь. Начина́етъ се́рдце ны́ть понемно́гу и хо́чется челове́ку вы́йти поскоре́й на просто́ръ, на свѣтъ, хо́чется ему́ вздохну́ть по́лной гру́дью, и да́витъ его́ э́та паху́чая сы́рость и гниль..

3. **Въ селѣ́ Свято́мъ.** Вёрстъ пятна́дцать ѣ́хали мы ша́гомъ, изрѣ́дка рысцо́й. Мнѣ хотѣ́лось заа́свѣтло попа́сть въ село́ Свято́е, лежа́щее въ са́мой середи́нѣ лѣ́са. Ра́за два встрѣ́тились мнѣ мужички́ съ на́дранным ли́комъ[3] или́ съ дли́нными брёвнами на телѣ́гахъ. Со́лнце уже́ сади́лось, когда́ я, наконе́цъ, вы́брался изъ лѣ́са и уви́дѣлъ пе́редъ собо́ю небольшо́е село́. Дворо́въ два́дцать лѣпи́лось[4] вокру́гъ старо́й, деревя́нной, одногла́вой[5] це́ркви съ зелёнымъ ку́поломъ и кро́шечными о́кнами, я́рко рдѣ́вшими[6] на вечёрней зарѣ́. Это бы́ло Свято́е. Я въѣ́халъ въ око́лицу. Возвраща́вшееся ста́до нагна́ло мой тара́нтасъ и съ мыча́ньемъ, хрю́каньемъ и блея́ньемъ пробѣжа́ло ми́мо. Молоды́я дѣ́вки, хлопотли́выя ба́бы встрѣча́ли свои́хъ живо́тныхъ. Бѣлоголо́вые мальчи́шки гна́лись съ весёлыми кри́ками за непоко́рными поросятами. Пыль мча́лась вдоль у́лицы лёгкими клу́бами и, поднима́ясь вы́ше, алѣ́ла. Я останови́лся у ста́росты, хи́траго и у́мнаго полѣ́хи[7]“, изъ тѣхъ полѣ́хъ, про кото́рыхъ говоря́тъ, что они́ на два арши́на подъ землёю ви́дятъ. На друго́й день ра́но отпра́вился я въ телѣ́жкѣ, запря́женной па́рой крестья́нскихъ лошаде́й, съ старости́нымъ сы́номъ и други́мъ крестья́ниномъ, по и́мени Его́ромъ, на охо́ту за тетеря́ми и ря́бчиками.

4. **Его́ръ.** Онъ счита́лся лу́чшимъ охо́тникомъ во всёмъ уѣ́здѣ, всѣ мѣста́, вёрстъ на пятьдеся́тъ круго́мъ, онъ исходи́лъ вдоль и поперёкъ. Его́ръ слылъ за челове́ка правди́ваго и за „молча́льника“. Онъ не люби́лъ говори́ть и никогда́ не преувели́чивалъ числа́ на́йденной имъ

[1]Ви́дно, должно́ быть. [2]Выжига́лъ у́гли, занима́лся приготовленіемъ углей. [3]Нѣ́жная, прилега́ющая къ стволу́, часть ли́повой коры; идётъ на приготовле́ніе лапте́й, рого́жъ и про́ч. [4]Тѣсни́лось, бы́ло ску́чено. [5]Съ одни́мъ ку́поломъ. [6]Ярко горѣ́вшими, свѣти́вшимися. [7]Наро́дное названіе жи́теля мѣ́стности, называ́емой Полѣ́сьемъ.

ди́чи — черта́, ре́дкая въ охо́тникѣ. Ро́ста онъ былъ сре́дняго, сухо
ща́въ, лицо́ имѣлъ вы́тянутое и бле́дное, большіе, че́стные глаза́. Вс
черты[1] его́, осо́бенно гу́бы, пра́вильныя и постоя́нно неподви́жныя, ды
ша́ли споко́йствіемъ невозмути́мымъ. Онъ улыба́лся слегка́ и ка́къ-т
внутрь; когда́ произноси́лъ слова́: о́чень мила́ была́ э́та ти́хая улы́бка
Онъ не пилъ вина́ и рабо́талъ приле́жно, но ему́ не везло́: жена́ его
всё хвора́ла, де́ти умира́ли, онъ „забѣдня́лъ“ и ника́къ не могъ спра
виться. И то сказа́ть, страсть къ охо́тѣ не мужи́цкое де́ло, и кто „с
ружьёмъ балу́етъ“—хозя́инъ плохо́й. Во всѣхъ движе́ніяхъ Его́ра за
мѣча́лась кака́я-то скро́мная ва́жность, и́менно ва́жность, а не заду́м
чивость, ва́жность ста́тнаго[2] оле́ня. Онъ на своёмъ вѣку́ уби́лъ сем
медвѣдей, подкарау́ливъ ихъ на „овса́хъ“. Въ послѣдняго онъ то́лько н
четвёртую ночь рѣши́лся вы́стрѣлить: медвѣдь всё не становился к
нему́ бо́комъ, а пу́ля у него́ была́ одна́.

5. **Въ Мошно́мъ.** Ли́шь и́зрѣдка переки́дываясь слова́ми да по
гля́дывая впередъ, да прислу́шиваясь къ пыхтѣнью и хра́пу лошаде́й
добра́лись мы, наконе́цъ, до „Мошно́го“. Этимъ и́менемъ называ́лся
кру́пный сосно́вый лѣсъ, и́зрѣдка поро́сшій е́льникомъ. Мы слѣзли
Кондра́тъ[3] вдви́нулъ телѣгу въ кустъ, чтобъ комары́ лошаде́й не ку
са́ли. Его́ръ осмотрѣлъ куро́къ ружья́ и перекрести́лся: онъ ничего
безъ креста́ не начина́лъ. Лѣсъ, въ кото́рый мы вступи́ли, былъ чрез
выча́йно старъ. Въ почти́тельномъ[4] разстоя́ніи другъ отъ дру́га подни
ма́лись могу́чія со́сны громадными, слегка́ искривлёнными столба́ми
бле́дно-жёлтаго цвѣта. Ме́жду ни́ми стоя́ли, вы́тянувшись въ стру́нку
другія помоло́же. Со́лнце не могло́ проби́ться сквозь высо́кій намётъ
сосно́выхъ вѣтве́й; но въ лѣсу́ бы́ло всё-таки ду́шно и нетемно́. Как
кру́пныя ка́пли по́та, выступа́ла и ти́хо ползла́ внизъ тяжёлая, про
зра́чная смола́ по гру́бой коре́ дере́вьевъ. Всё молча́ло; да́же шаго́въ
на́шихъ не было слы́шно: мы шли по мху, какъ по ковру́. Осо́бенно
Его́ръ дви́гался безшу́мно, сло́вно тѣнь: подъ его́ нога́ми да́же хворо
сти́нка не трещала. Мы нашли́ два вы́водка глухаре́й. Осторо́жны
пти́цы поднима́лись далеко́, съ тяжёлымъ и рѣзкимъ сту́комъ; нам
одна́ко, удало́сь уби́ть трёхъ молоды́хъ.

6. **Возвраще́ніе съ охо́ты.** Мы броди́ли до́лго, до ве́чера. Как
то́лько жара́ „свали́ла“, въ лѣсу́ ста́ло такъ бы́стро холодѣть и темнѣть
что оставаться въ нёмъ уже́ не хотѣлось. „Ступа́йте вонъ, безпоко́йны
живы́е», каза́лось, шепта́лъ онъ намъ угрю́мо изъ-за ка́ждой сосны́. М
вы́шли, но неско́ро нашли́ Кондра́та. Мы крича́ли, кли́кали его́; он
не отзыва́лся. Вдругъ, среди́ чрезвыча́йной тишины́ въ во́здухѣ, сл

[1]Ча́сти лица́. [2]Ро́слаго, доро́днаго. [3]Со́б. и́мя; сынъ ста́росты. [4]Зн
чи́тельномъ. [5]Навѣсъ.

шимъ мы, я́сно раздаётся его: „тпру, тпру“, въ бли́зкомъ отъ насъ овра́гѣ... Онъ не слы́шалъ на́шихъ кри́ковъ отъ вѣ́тра, кото́рый внеза́пно разыгра́лся и такъ же внеза́пно упа́лъ соверше́нно. То́лько на отдѣ́льно стоя́вшихъ дере́вьяхъ виднѣ́лись слѣ́ды его́ поры́вовъ: мно́гіе ли́стья бы́ли поста́влены имъ на изна́нку и такъ и оста́лись, придава́я пестроту́ неподви́жной листвѣ́. Мы взобра́лись въ телѣ́гу и покати́ли домо́й. Я сидѣ́лъ, пока́чиваясь и ти́хо вдыха́я сыро́й, немно́го рѣ́зкій во́здухъ, и жела́лъ то́лько поскоре́е верну́ться подъ кры́шу тёплаго до́ма, напи́ться ча́ю съ густы́ми сли́вками, зары́ться въ мя́гкое и ры́хлое сѣ́но и засну́ть, засну́ть.

7. Лѣсно́й пожа́ръ. На слѣ́дующее у́тро мы опя́ть втроёмъ отпра́вились. Мы ѣ́хали мо́лча, какъ вдругъ Кондра́тъ подня́лъ го́лову.—Э, ба́тюшки, воскли́кнулъ онъ, да э́то ника́къ пожа́ръ!—Гдѣ́, гдѣ? спроси́ли мы.—Вонъ, смотри́те, впереди́, куда́ мы ѣ́демъ... Мы подъѣ́хали почти́ къ са́мой черте́ пожа́ра. Я слѣ́зъ и пошёлъ ему́ навстрѣ́чу. Ого́нь бѣжа́лъ по рѣ́дкому сосно́вому лѣ́су про́тивъ вѣ́тра; онъ подвига́лся нерО́вной черто́й или́, говоря́ точнѣе, сплошно́й зубча́той стѣ́нкой загну́тыхъ наза́дъ языко́въ. Дымъ относи́ло вѣ́тромъ. Пожа́ръ то́лько брилъ траву́ и, не разы́грываясь, шёлъ да́льше, оставля́я за собо́ю чёрный и дымя́щійся, но да́же не тлѣ́ющій слѣ́дъ. Пра́вда, иногда́, тамъ, гдѣ́ огню́ попада́лась я́ма, напо́лненная дро́момъ[1] и сухи́ми су́чьями, онъ вдругъ воздыма́лся дли́нными, волну́ющимися коси́цами, но ско́ро опада́лъ и бѣжа́лъ впередъ попре́жнему, слегка потре́скивая и шипя́. Я да́же нераз замѣ́тилъ, какъ кру́гомъ охва́ченный дубо́вый кустъ съ сухи́ми, висячими листа́ми остава́лся нетро́нутымъ, то́лько сни́зу его́ слегка́ подпа́ливало. Одна́ко, пожа́ръ всѣ́таки производи́лъ свое́ дѣ́йствіе: за́йцы ка́къ-то безпоря́дочно бѣ́гали взадъ и впередъ, безъ вся́кой нужды́ возвраща́ясь въ сосѣ́дство огня́; пти́цы попада́ли въ дымъ и кружи́лись, ло́шади огля́дывались и фы́ркали, са́мый лѣ́съ какъ бы гудѣ́лъ; да и человѣ́ку становилось нело́вко отъ внеза́пно бью́щаго ему́ въ лицо́ жа́ра.

8. Ве́черъ въ лѣсу́. — Чего́ смотрѣ́ть! сказа́лъ вдругъ Его́ръ за мое́й спино́й; пое́демте. — Да гдѣ́ прое́хать? спроси́лъ Кондра́тъ.— Возьми́ влѣ́во, по сухоболо́тью прое́демъ. Мы взя́ли влѣ́во и прое́хали, хоть иногда́ трудне́нько приходи́лось и лошадя́мъ и телѣ́гѣ. Цѣ́лый день протаска́лись мы по Га́ри[2]. Заря́ ещё не закраснѣ́лась на не́бѣ,— но тѣ́ни отъ дере́вьевъ уже́ легли́ неподви́жныя и дли́нныя, чувствова́лся въ травѣ́ холодо́къ, кото́рый предше́ствуетъ росѣ́. Я прилёгъ на доро́гу вблизи́ телѣ́ги, въ кото́рую Кондра́тъ, не спѣ́ша́, впряга́лъ

[1]Обл., хво́ростомъ. [2]Такъ называ́ется часть Полѣ́сья, опустошённая когда́-то въ старину́ пожа́ромъ.

наѣвшихся лошадей. Кругомъ всё было такъ же тихо, какъ и наканунѣ, но не было давящаго и тѣсняющаго душу бора. На высохшемъ мхѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой пыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже безнойнаго[1], невысокаго солнца. Всё отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу. Ничего ещё не заснуло, но уже всё готовилось къ цѣлебнымъ[2] усыпленьямъ вечера и ночи. Всё, казалось, говорило человѣку: „Отдохни, братъ нашъ: дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ".

Незадолго до смерти Тургенева появились въ печати коротенькіе разсказы его, подъ заглавіемъ:

VI. Стихотворенія въ прозѣ.

1. Нищій. Я проходилъ по улицѣ. Меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ. Онъ протягивалъ мнѣ грязную руку; онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи. Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ. Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка: я ничего не взялъ съ собою. А нищій всё ждалъ, и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала. Потерянный, смущённый, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку. „Не взыщи, братъ: нѣтъ у меня ничего, братъ". Нищій уставилъ на меня свои воспалённые глаза. Его синія губы усмѣхнулись, и онъ въ свою очередь стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы. —Что же, братъ, прошамкалъ онъ, и на томъ спасибо. Это тоже подаяніе, братъ. Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

2. Маша. Проживая много лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, я всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду. Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой[3] санишками и плохой клячонкой, въ надеждѣ и самимъ прокормиться и собрать на оброкъ[4] господамъ. Вотъ однажды нанялъ я такого извозчика. Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ. Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ. Разговорился я съ нимъ, и въ голосѣ его слышалась печаль.—Что, братъ? спросилъ я его: отчего ты невеселъ? Али горе есть какое? Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.—Есть, баринъ, есть, промолвилъ онъ, наконецъ: да и такое, что лучше быть не надо: жена у меня померла. Восьмой мѣсяцъ пошёлъ, а не могу забыть. И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!... Въ одинъ день холера по-

[1]Нежаркаго. [2]Живительнымъ, ободряющимъ. [3]Желтая минеральная краска; добывается въ изобилiи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи. [4]Такъ назывался въ крѣпостное время денежный сборъ съ крестьянъ въ пользу помѣщика.

ьшила[1]! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что её уже охоронили, сейчасъ въ деревню поспѣшилъ домой. Вошёлъ я къ себѣ ь избу, остановился и говорю такъ-то тихохонько: „Маша! а, Маша!“ олько сверчокъ трещитъ. Заплакалъ я тутъ, сѣлъ на избяной полъ ладонью по землѣ какъ хлопну! Ненасытная, говорю, утроба[2]!... ожрала ты её, сожри жъ и меня!—Ахъ, Маша! прибавилъ онъ внешнимъ голосомъ. И, не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ её, сброилъ въ сторону, повѣлъ плечами и ужъ больше не произнесъ ни слова.

3. **Воробей.** Я возвращался съ охоты и шёлъ по аллеѣ[3] сада. обака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила свои шаги и ѣчала красться, какъ бы зачуявъ передъ собою дичь. Я глянулъ оль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда и сидѣлъ неподвижно, запомощно растопыривъ едва прораставшія[4] крылышки. Моя собака ѣдленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близъ го дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой и, весь взъерошенный[5], искажённый[6], съ отчаяннымъ жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, ткрытой пасти. Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою своё ѣтище. Но всё его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ ичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою! Какимъ омаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И всёки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... ила[7], сильнѣе его воли, сбросила его оттуда. Мой Трезоръ останоился, попятился... Видно и онъ изналъ эту силу. Я поспѣшилъ озвать смущённаго пса и удалился, благоговѣя. Да; не смѣйтесь. благоговѣлъ передъ той маленькой, геройческой[8] птицей, передъ обовнымъ ея порывомъ.

4. **Милостыня.** Вблизи большого города, по широкой проѣзжей орогѣ, шёлъ старый, больной человѣкъ. Онъ шатался на ходу; его худалыя ноги, путаясь, волочась и спотыкаясь, ступали тяжко и або, словно чужія. Онъ присѣлъ на придорожный камень, наклоился впередъ, облокотился, закрылъ лицо обѣими руками, и сквозь скривлённые пальцы закапали слезы на сухую, сѣдую пыль. Вспоинался онъ, какъ и онъ былъ нѣкогда здоровъ и богатъ и какъ онъ горовье истратилъ и богатство раздалъ другимъ, друзьямъ и недру-

[1]Покончила. [2]Соб., внутренность, чрево.—[3]Фр. aller итти; дорожка, саженная съ обѣихъ сторонъ деревьями. [4]Едва начинавшія отрасать. [5]Съ поднятыми, торчащими кверху перьями. [6]Измѣнившійся ъ страха и гнѣва. [7]Сила любви къ дѣтёнышу. [8]Храброй, готовой ожертвовать собою для блага другихъ, здѣсь—за жизнь дѣтёныша.

гамъ... И вотъ теперь у него нѣтъ куска хлѣба, и всѣ его покину друзья еще раньше враговъ... Неужели жъ ему унизиться до то чтобы просить милостыню? И горько ему было на сердцѣ и стид Вдругъ онъ услышалъ, что кто-то зоветъ его по имени. Онъ подня усталую голову и увидалъ передъ собою незнакомца.—Ты всё с богатство раздалъ, послышался ровный голосъ: но вѣдь ты не л лѣешь о томъ, что добро дѣлалъ?—Не жалѣю, отвѣтилъ со вздохо старикъ: только, вотъ, умираю я теперь. Не было бы на свѣтѣ щихъ, которые къ тебѣ протягивали руку, продолжалъ незнакоме не надъ кѣмъ было бы тебѣ показать свою добродѣтель, не могъ ты упражняться въ ней. Такъ и ты теперь не гордись, бѣдняжъ; с пай, протягивай руку, доставь и ты другимъ добрымъ людямъ в можность показать на дѣлѣ, что они добры. Старикъ встрепенул вскинулъ глазами... но незнакомецъ уже исчезъ. А вдали, на дорб показался прохожій. Старикъ подошелъ къ нему—и протянулъ ру

5. **Щи.** У бабы вдовы умеръ ея единственный, двадцатилѣт сынъ, первый на селѣ работникъ. Барыня, помѣщица того сам села, узнавъ о горѣ бабы, пошла навѣстить её въ самый день по рынъ. Она застала её дома. Стоя посреди избы, передъ столомъ, о не спѣша, ровнымъ движеніемъ правой руки (лѣвая висѣла плет черпала пустыя щи со дна закоптѣлаго горшка и глотала ложку ложкой. Лицо бабы осунулось и потемнѣло; глаза покраснѣли опухли; но она держалась истово[2] и прямо, какъ въ церкви, „Гос ди!“ подумала барыня: „она можетъ ѣсть въ такую минуту. Ка однако, у нихъ, у всѣхъ грубыя чувства!“ И вспомнила тутъ бары какъ, потерявъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ девятимѣсячную до она съ горя отказалась нанять прекрасную дачу подъ Петербургом и прожила цѣлое лѣто въ городѣ. А баба продолжала хлебать щ Барыня не вытерпѣла, наконецъ. „Татьяна!“ промолвила она: „ми милуй! Я удивляюсь! Неужели ты своего сына не любила? Как тебя не пропалъ аппетитъ? Какъ можешь ты ѣсть эти щи!“—В мой померъ, тихо проговорила баба, и наболѣвшія слезы снова по жали по ея впалымъ щекамъ: значитъ, и мой пришелъ конецъ: живой съ меня сняли голову. А щамъ не пропадать же: вѣдь посленныя. Барыня только плечами пожала и пошла вонъ: ей соль доставалась дешево.

6. **Два богача.** Когда при мнѣ превозносятъ богача Ротшиль который изъ громадныхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тыс на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ

[1]Была поражена параличомъ, не дѣйствовала. [2]Сообр., какъ на жить, надлежащимъ образомъ, бодро. [3]Современный намъ, поль ющійся всесвѣтной извѣстностью за своё богатство еврей банкиръ

хвалю́ и умиля́юсь. Но, и хваля́ и умиля́ясь, не могу́ я не вспо́мнить объ одно́мъ убо́гомъ крестья́нскомъ семе́йствѣ, приня́вшемъ сироту́ племя́нницу въ свой разоре́нный доми́шко. „Возьмёмъ мы Ка́тьку“[1], говори́ла ба́ба: „послѣ́дніе на́ши гроши́ на неё пойду́тъ, не́ на что бу́детъ со́ли добы́ть, похлёбку[2] посоли́ть“...—А мы её[3]... и не солёную, отвѣ́тилъ мужи́къ, ея́ мужъ. Далеко́ Ро́тшильду до э́того мужика́!

7. Го́луби. Я стоя́лъ на верши́нѣ поло́гаго[4] холма́; пе́редо мно́ю то зо́лотомъ, то посере́бреннымъ мо́ремъ раски́нулась и пестре́ла спѣ́лая рожь. Но не бѣ́гало зы́би по э́тому мо́рю; не струи́лся ду́шный во́здухъ: назрѣва́ла гроза́ вели́кая. Всё притаи́лось, всё изныва́ло подъ зловѣ́щимъ бле́скомъ послѣ́днихъ со́лнечныхъ лучей́. Не слыха́ть, не вида́ть ни одно́й пти́цы; попря́тались да́же воробьи́. Но ту́ча не дви́галась. Она́ дави́ла безмо́лвную зе́млю и то́лько сло́вно пу́хла и темнѣ́ла. И вотъ, по одноцвѣ́тной ея́ синевѣ́ замелька́ло что-то ро́вно и пла́вно, ни дать ни взять[5] — бѣ́лый плато́чекъ или́ снѣ́жный комо́къ. То летѣ́лъ со стороны́ дере́вни бѣ́лый го́лубь. Прошло́ нѣ́сколько мгновені́й—та́ же стоя́ла жесто́кая тишь... Но глядь! Уже́ два платка́ мелька́ютъ, два комо́чка несу́тся наза́дъ: то летя́тъ домо́й ро́внымъ полётомъ два бѣ́лыхъ го́лубя. И вотъ, наконе́цъ, сорвала́сь бу́ря—и пошла́ потѣ́ха! Я едва́ домо́й добѣжа́лъ. Но подъ навѣ́сомъ кры́ши на са́момъ кра́юшкѣ слухово́го окна́, ря́дышкомъ сидя́тъ два бѣ́лыхъ го́лубя: и тотъ, кто слета́лъ за това́рищемъ, и тотъ, кого́ онъ привёлъ и, мо́жетъ-быть, спасъ. Нахо́хлились о́ба и чу́вствуютъ ка́ждый свои́мъ крыло́мъ крыло́ сосѣ́да... Хорошо́ имъ! И мнѣ́ хорошо́, гля́дя на нихъ, хоть я и оди́нъ, оди́нъ, оди́нъ, какъ всегда́.

8. Послѣ́днее свида́ніе. Мы бы́ли когда́-то коро́ткими, бли́зкими друзья́ми... Но наста́лъ недо́брый мигъ, и мы разста́лись, какъ враги́. Прошло́ мно́го лѣ́тъ. И вотъ, заѣ́хавъ въ го́родъ, гдѣ́ онъ жилъ, я узна́лъ, что онъ безнадёжно бо́ленъ и жела́етъ видѣ́ться со мно́ю.

Я отпра́вился къ нему́, вошёлъ въ его́ ко́мнату... Взо́ры на́ши встрѣ́тились. Я едва́ узна́лъ его́. Бо́же! что съ нимъ сдѣ́лалъ неду́гъ. Поры́висто протяну́лъ онъ мнѣ́ стра́шно-худу́ю ру́ку, уси́ленно прошепта́лъ нѣ́сколько невня́тныхъ словъ. Привѣ́тъ ли то́ былъ, упрёкъ ли, кто зна́етъ? Изможде́нная грудь заколыха́лась, и на съёженные врачки́ загорѣ́вшихся глазъ скати́лись двѣ́ скупы́я, страда́льческія слези́нки. Се́рдце во внѣ́ упа́ло... Я сѣ́лъ на стулъ во́злѣ него́—и та́кже протяну́лъ ру́ку. Но мнѣ́ почу́дилось, что не его́ рука́ взяла́сь за мою́, Мнѣ́ почу́дилось, что ме́жду на́ми сиди́тъ высо́кая, ти́хая, бѣ́лая же́нщина. Дли́нный покро́въ облека́етъ её съ ногъ до головы́. Никуда́

[1]Вм.: е́сли возьмёмъ мы Ка́тьку. [2]Жи́дкое блю́до, супъ. [3]Т.-е. похлёбку. [4]Спуска́ющагося некру́то, необры́висто. [5]Точь-въ-точь, какъ разъ.

не смо́трять ея́ глубо́кіе, блѣ́дные глаза́; ничего́ не говоря́тъ ея́ блѣ́дныя, стро́гія гу́бы... Эта же́нщина соедини́ла на́ши ру́ки... Она́ навсегда́ примири́ла насъ. Да... Смерть насъ примири́ла...

9. „Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“ Гдѣ́-то, когда́-то давно́-давно́ тому́ наза́дъ, я прочёлъ одно́ стихотворе́ніе. Оно́ ско́ро позабы́лось мно́ю... но пе́рвый стихъ оста́лся у меня́ въ па́мяти:

„Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“

Тепе́рь зима́: моро́зъ запуши́лъ стёкла о́конъ; въ тёмной ко́мнатѣ гори́тъ одна́ свѣча́. Я сижу́, заби́вшись въ у́голъ, а въ голово́ всё звени́тъ да звени́тъ:

„Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“

И ви́жу я себя́ пе́редъ ни́зкимъ окно́мъ за́городнаго ру́сскаго до́ма. Лѣ́тній ве́черъ ти́хо та́стъ и перехо́дитъ въ ночь, въ тёпломъ во́здухѣ па́хнетъ резедо́й и ли́пой.

„Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“

А въ ко́мнатѣ всё темнѣ́й да темнѣ́й...“ Нагоре́вшая свѣча́ тре́щитъ, бѣ́глыя тѣ́ни коле́блются на ни́зкомъ потолкѣ́, моро́зъ скрипи́тъ и зли́тся за стѣно́ю—и чу́дится ску́чный, ста́рческій шо́потъ...

„Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“

Встаю́тъ пе́редо мно́ю други́е о́бразы.... Слы́шится весёлый шумъ семе́йной, дереве́нской жи́зни. Двѣ ру́сыя голо́вки, прислоня́сь другъ къ дру́жкѣ, бо́йко смо́трятъ на меня́ свои́ми свѣ́тлыми гла́зками, а́лыя щёки трепе́щутъ сде́ржаннымъ сме́хомъ, ру́ки ла́сково сплели́сь, въ перебі́вку звуча́тъ молоды́е, до́брые голоса́; а немно́го пода́льше, въ глубинѣ́ ую́тной ко́мнаты, други́я, то́же молоды́я ру́ки бѣ́гаютъ, пу́таясь па́льцами, по кла́вишамъ ста́ренькаго піани́но, и вальсъ не мо́жетъ заглуши́ть воркотню́ патріарха́льнаго самова́ра...

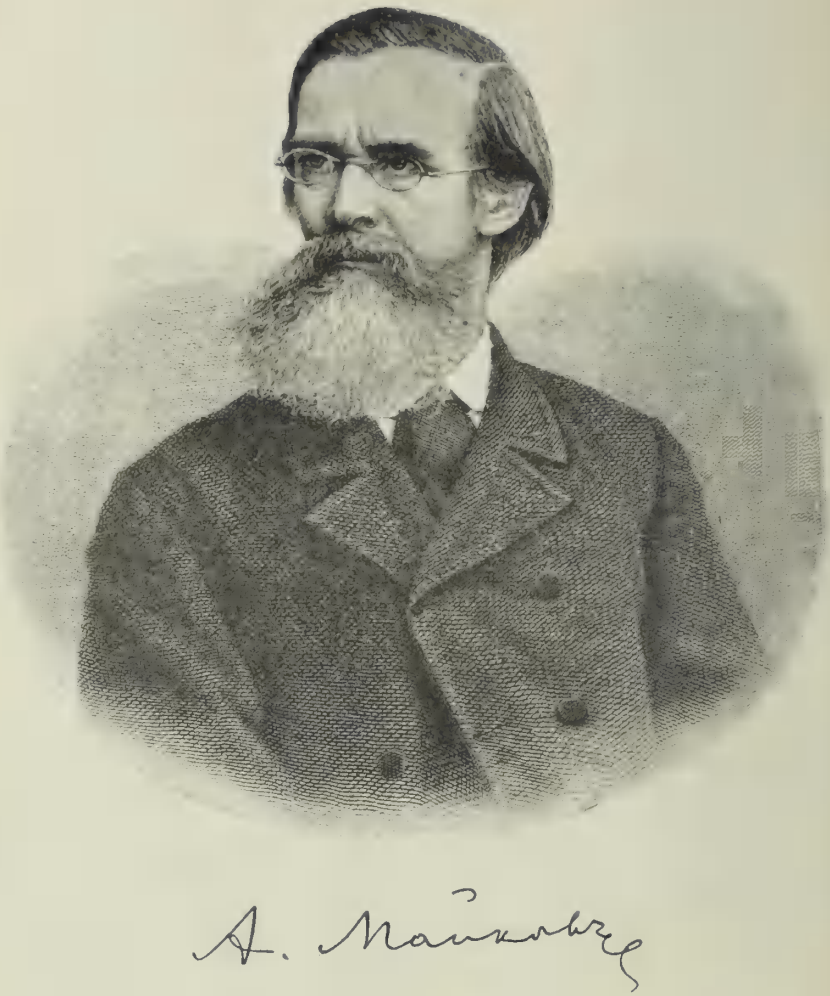
„Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“

Свѣча́ ме́ркнетъ и га́снетъ... Кто э́то ка́шляетъ тамъ такъ хри́пло и глу́хо? Свернувшись въ кола́чикъ, жмётся и вздра́гиваетъ у ногъ мои́хъ ста́рый пёсъ, мой еди́нственный това́рищъ... Мнѣ хо́лодно... Я зя́бну... и всѣ они́ у́мерли... у́мерли...

„Какъ хороши́, какъ свѣ́жи бы́ли ро́зы...“

10. Морско́е пла́ваніе. Я плылъ изъ Га́мбурга[1] въ Ло́ндонъ

[1] Торго́вый го́родъ на р. Эльбѣ, невдалекѣ́ отъ впаде́нія ея́ въ мо́ре


A. Майковъ

на небольшóмъ парохóдѣ. Насъ бы́ло двóе пассажи́ровъ[1]: я да ма́ленькая обезья́на, кото́рую оди́нъ га́мбургскій купе́цъ отправля́лъ въ пода́рокъ своему́ а́нглійскому компаніо́ну. Она́ была́ привя́зана то́нкой цѣпо́чкой къ одно́й изъ скаме́екъ на па́лубѣ и мета́лась и пища́ла жа́лобно, по-пти́чьи. Вся́кій разъ, какъ я проходи́лъ ми́мо, она́ протя́гивала мнѣ свою́ чёрную, холо́дную ру́чку и взгля́дывала на меня́ свои́ми гру́стными, почти́ челове́ческими глазёнками. Я бралъ ея́ ру́ку, и она́ переставáла пища́ть и мета́ться. Капита́нъ, молчали́вый челове́къ съ загорѣ́лымъ, су́мрачнымъ лицо́мъ, кури́лъ коро́ткую тру́бку и серди́то плева́лъ въ засты́вшее мо́ре. На всѣ мои́ вопро́сы онъ отвѣча́лъ отры́вистымъ ворча́ніемъ; понево́лѣ приходи́лось обраща́ться къ моему́ еди́нственному слу́тнику, обезья́нѣ. Я сади́лся во́злѣ нея́; она́ переставáла пища́ть и опять протя́гивала мнѣ ру́ку. Погружённые въ одина́ковую безсозна́тельную ду́му, мы пребыва́ли другъ во́злѣ дру́га, сло́вно родны́е. Я улыба́юсь тепе́рь, но тогда́ во мнѣ бы́ло друго́е чу́вство. Мнѣ бы́ло прія́тно, что бѣ́дный звѣ́рёкъ такъ дове́рчиво утиха́лъ и прислоня́лся ко мнѣ, сло́вно къ родно́му.

11. Мы ещё повоюемъ. Кака́я ничто́жная ма́лость мо́жетъ иногда́ перестро́ить* всего́ челове́ка! По́лный раздýмья, шёлъ я одна́жды по большо́й доро́гѣ. Тя́жкія предчу́вствія стѣсня́ли мою́ грудь; уны́лость овладѣва́ла мно́ю. Я подня́лъ го́лову... Пре́до мно́ю, ме́жду двухъ рядо́въ высо́кихъ то́полей, стрѣло́ю уходи́ла въ даль доро́га. И че́резъ неё, че́резъ э́ту са́мую доро́гу, въ десяти́ шага́хъ отъ меня́, вся раззолочённая я́ркимъ лѣ́тнимъ со́лнцемъ, пры́гала гусько́мъ цѣ́лая семе́йка воробьёвъ, пры́гала бо́йко заба́вно, самонадѣ́янно! Осо́бенно оди́нъ изъ нихъ такъ и надса́живалъ[2] бочко́мъ, бочко́мъ, вы́гуча зобъ и де́рзко чири́кая, сло́вно и чортъ ему́ не братъ[3]! Завоева́тель—и по́лно! А ме́жду тѣмъ высо́ко на не́бѣ кружи́лъ я́стребъ, кото́рому, быть-мо́жетъ, сужде́но сожра́ть и́менно э́того са́маго завоева́теля. Я погляде́лъ, разсмѣя́лся, встряхну́лся, и гру́стныя ду́мы то́тчасъ отлетѣ́ли прочь: отва́гу, у́даль, охо́ту къ жи́зни почу́вствовалъ я. И пуска́й на́до мной кру́жить мой я́стребъ[4]... Мы ещё повоюемъ, чортъ возьми́!

I. Аполло́нъ Никола́евичъ Ма́йковъ

(1821—1897).

Роди́лся въ Москвѣ́. Оте́цъ его́ помѣ́щикъ, имѣ́лъ невдалекѣ́ отъ Москвы́ дере́вню. Здѣсь Ма́йковъ провёлъ своё дѣтство. Учи́лся онъ

[1]Фр., passager, кто ѣ́детъ въ наёмномъ экипа́жѣ или́ по желѣ́зной доро́гѣ, на парохо́дѣ и про́ч.—*Привести́ въ друго́е настрое́ніе ду́ха. Подвига́лся впередъ. [3]То же, что де́рзко; зано́счиво. [4]Разумѣ́ется судьба́, жи́зненныя обстоя́тельства.

сперва́ до́ма и въ ча́стномъ пансіо́нѣ (въ Петербу́ргѣ), а пото́мъ въ Петербу́ргскомъ университе́тѣ. Ещё бу́дучи студе́нтомъ, Ма́йковъ помѣща́лъ стихи́ въ журна́лахъ. Стихи́ э́ти о́чень нра́вились чита́телямъ; э́то поощри́ло его́ къ дальнѣ́йшимъ литерату́рнымъ труда́мъ. Око́нчивъ курсъ въ университе́тѣ, Ма́йковъ поступи́лъ на граждани́скую слу́жбу. Спустя́ два го́да, онъ пое́халъ за грани́цу, съ цѣлью завершить своё образова́ніе, и мно́го путеше́ствовалъ. Ма́йковъ скончался 8 марта 1897 г.

а) Времена́ го́да.

I. Весна́.

Ухо|ди́, зи|ма́ сѣ|да́я!|

Уходи, зима сѣдая!
Ужъ красавицы весны
Колесница золотая
Мчится съ горней вышины!
Старой спорить ли, тщедушной[1],
Съ ней, царицею цвѣтовъ,
Съ цѣлой арміей воздушной
Благовонныхъ вѣтерковъ!
А что[2] шума, что гудѣнья,
Тёплыхъ ливней и лучей,
И чириканья, и пѣнья!..
Уходи себѣ скорѣй!
У нея не лукъ, не стрѣлы,
Улыбнулась лишь—и ты,
Подобравъ свой саванъ бѣлый,
Поползла въ оврагъ, въ кусты!
Да найдутъ и по оврагамъ!
Вонъ ужъ пчёлъ рои шумятъ,
И летитъ побѣднымъ флагомъ
Пёстрыхъ бабочекъ отрядъ!

II. Весна́.

Весна́! вы|ставля́ет|ся пе́рва|я ра́ма,|

Весна! выставляется первая рама,
И въ компату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя[3], сыплетъ цвѣтами весна!

III. Ве́рбная неде́ля.

Что́ это| сде́лалось| съ го́родомъ| на́шимъ?

Что это сдѣлалось съ городомъ нашимъ?
Право, совсѣмъ не узнаешь его!
Сдёрнута съ неба завѣса тумановъ,
По небу блескъ, на землѣ торжество!
Съ вербами идутъ толпы за толпами,
Шумъ, экипажей ряды, пестрота,
Машутъ знамёнами малыя дѣти,
Лица сіяютъ, смѣются уста!
Точно какой побѣдитель вступаетъ

[1]Тщеду́шный—соб. сла́бый, болѣ́зненный. [2]Ско́лько.—[3]Идя́ торже́ственно.

Въ городъ—и всё пробудилось отъ сна...
Да,—побѣдитель! И вотъ ему птицы
Словно ужъ грянули: „Здравствуй, весна!“

IV. Сѣнокосъ.

Пáхнетъ| сѣ́номъ| нáдъ лу|гáми...|
Пахнетъ сѣномъ надъ лугами...
Въ пѣснѣ душу веселя,
Бабы съ граблями[1] рядами
Ходятъ, сѣно шевеля;
Тамъ—сухое убираютъ.
Мужички его кругомъ
Тá возъ вилами кидаютъ...
Возъ растётъ, растётъ, какъ домъ.
Въ ожиданьи конь убогій[2],
Точно вкопаный, стоитъ...
Уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ...
Только жучка удалая
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ
То́ взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая впопыхахъ[3].

V. Ла́сточки.

Мой сáдъ съ ка|ждымъ днёмъ у|вядáетъ;|
Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно ещё доцвѣтаетъ
Бастурцій[4] въ нёмъ огненный[5] кустъ...
Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ берёзы, спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну ль по привычкѣ подъ крышу,
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
И нёмъ ласточекъ рѣчи не слышу;
Сломá обвѣтрилась[6] въ нёмъ...
Я помню я, какъ хлопотали
Тѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли
И пуху таскали въ него!
Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!
И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!
И вотъ ихъ гнѣздо одиноко:
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—
Далёко, далёко, далёко...
О, если бы крылья и мнѣ!

VI. Пейза́жъ[7].

Люблю| доро́ж|кою| лѣсно́ю.
Люблю, дорожкою лѣсною,
Не зная самъ куда, брести;
Глубокой глубокой колеёю
Идёшь, и нѣтъ конца пути...
Кругомъ пестрѣетъ лѣсъ зелёный.
Уже румянитъ осень клёны,

[1]Ору́діе для сгреба́нія соло́мы или́ сѣна. [2]Бѣ́дный, жа́лкій. [3]Вто-ряхъ. [4]Родъ садо́выхъ цвѣто́въ. [5]Насту́рція — ора́нжеваго цвѣта. [6]Бита, отóрвана отъ гнѣзда́ вѣ́тромъ. [7]Фр., видъ мѣстности.

А ельникъ зеленъ и тѣнистъ;
Осинникъ[1] жёлтый бьётъ тревогу[2];
Осыпался съ берёзы листъ
И, какъ ковёръ, устлалъ дорогу...
Идёшь, какъ будто по водамъ.

Нога шумитъ, а ухо внемлетъ
Малѣйшій шорохъ въ чащѣ, та
Гдѣ пышный папоротникъ дремле
А красныхъ мухоморовъ рядъ,
Что[3] карлы сказочные, спятъ...

VII. Осень.

Крóетъ ужъ| лúстъ золо|тóй

Кроетъ ужъ листъ золотой
Влажную землю въ лѣсу...
Смѣло топчу я ногой
Вешнюю[4] лѣса красу.
Съ холоду щёки горятъ.
Любо[5] въ лѣсу мнѣ бѣжать,
Слышать, какъ сучья трещатъ,
Листья ногой загребать!
Нѣтъ мнѣ здѣсь прежнихъ утѣхъ!
Лѣсъ съ себя тайну совлёкъ;

Сорванъ послѣдній орѣхъ,
Свянулъ послѣдній цвѣтокъ;
Мохъ не приподнять, не взрыт
Грудой кудрявыхъ груздей;
Около пня не виситъ
Пурпуръ[6] брусничныхъ кистей;
Долго на листьяхъ лежитъ
Ночи морозъ, и сквозь лѣсъ
Холодно какъ-то глядитъ
Ясность прозрачныхъ небесъ...

VIII. Осыпались жёлтые клёны.

Осы́па|лись жёлты|е клёны;|

Осыпались жёлтые клёны;
Смотрѣлъ на нихъ старецъ съ тоской..
Потомъ поглядѣлъ онъ на внучку.
И взглядъ помутился слезой.
Но внучка златистые листья

Связала широкимъ вѣнкомъ
И бросилась къ дѣду и смотри
Съ сіяющимъ смѣхомъ лицомъ
И дѣдъ отвѣчаетъ улыбкой,
И онъ позабылъ ужъ, старикъ,
Что эти же листья о смерти
Ему говорили за мигъ!

б) Разныя стихотворенія.

IX. Мать и дѣти.

—„Что́ ты,| ма́ма,| бе́зпре|ста́нно|

—„Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ всё твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Зоя,
Ты сама намъ говоришь“.
—Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ лугозъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ
Ни весёлыхъ мотыльковъ

„Мама, мама! Въ Божьемъ нeб
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ“.
—Ахъ, у бѣдной нѣтъ тамъ ма
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотылька
Въ полѣ рѣзвится она!..

[1]Собра́ніе оси́новыхъ дере́вьевъ. [2]Шуми́тъ ли́стьями. [3]Сло́вно. [4]Осеннюю. [5]Прія́тно. [6]Кра́сная кра́ска.

X. Казáнъ.

Сáмо|бы́тно|é со|здáнье|

Самобытное созданье
Русской вольной старины,
Земли, царства покорявшій
За Царя родной страны,
Ты откуда путь свой держишь[1]?
Прилетѣлъ, припавъ къ лукѣ,
На худомъ, но на бѣдовомъ,
На степномъ своёмъ конькѣ?
Отъ студёной ли Торнеи[2],
Гдѣ всю зиму солнца нѣтъ,
Гдѣ проглядывалъ ты зорко,
Какъ ведётъ себя тамъ шведъ?
Иль отъ Нѣмана и Вислы?
Чай, повѣдаешь, что тамъ
Всё пока благополучно,
Но дремать не надо намъ?
Иль отъ Чёрнаго ты моря
Гдѣ, разъѣздъ держа, свой взглядъ
Устремлялъ неразъ ты жадно
Черезъ море на Царьградъ?
Отъ Востока ль, гдѣ народы
На тебя, богатыря,
Какъ на вѣстника взирали
Воли Бѣлаго Царя[3]?
Ты летишь сказать, что новый
О подданствѣ проситъ край,
Что съ казацкаго пикета
Былъ ужъ виденъ Гималай?
Иль ужъ годы отслужилъ ты
И на родину твой путь?
То-то встрѣча будетъ, спросы,
Не дадутъ и отдохнуть!
Тамъ въ кругу своихъ засядешь
Въ долгу ночь у огонька;
Какъ и пращуръ[4] твой быть-можетъ,
Другъ-сподвижникъ Ермака[5].
Тотъ же духомъ, тотъ же вѣрой,
Новизнами не смущёнъ,
Вѣдь, какимъ ушёлъ ты съ Дона,
И придёшь на тихій Донъ!
И тебя, тѣсняся, будутъ
Слушать дѣтки до зари,
И потомъ такіе жъ выйдутъ
Какъ и ты, богатыри!

XI. Пастýхъ.

Бы́лъ су|рóвъ ко|рóль донъ-|Пéдро:|

1. Былъ суровъ король донъ-Педро[6]:
Трепеталъ его народъ,
А придворные дрожали,
Только усомъ поведётъ.
„Я люблю“, твердилъ онъ, „правду,
Видъ открытый, смѣлый взоръ“.
Только правды (вотъ вѣдь странность!)
Пуще[7] лжи боялся дворъ.

Разъ охотился донъ-Педро;
Утомясь, онъ далъ сигналъ[8],
Чтобъ для завтрака у рѣчки
Сдѣлать маленькій привалъ.
Тра-та-та звучитъ въ долинѣ,
Межъ покрытыхъ лѣсомъ горъ;
На призывъ отвсюду скачутъ
Гранды[9], рыцари и дворъ.
Собрались. Донъ-Педро веселъ:

---

[1]Ѣдешь. [2]Рѣка́, отдѣля́ющая Шве́цію отъ Россіи. [3]Ру́сскаго Царя́. [4]Пре́докъ. См. ни́же, соч. Ма́йкова: „Завоева́ніе Сиби́ри“.—[6]Имя вы́мышленное. Дѣ́йствіе происхо́дитъ въ Испа́ніи. [7]Бо́льше. [8]Лат. signum, фр. signal, знакъ. [9]Исп.; вы́сшія ли́ца въ госуда́рствѣ.

Самъ двухъ вепрей[1] застрѣлилъ,
И своимъ весельемъ—лица
Всѣхъ, какъ солнцемъ, озарилъ!
Онъ смѣётся—всѣ хохочутъ...
Разговоръ пошёлъ и смѣхъ...
Но о чёмъ же смѣхъ и говоръ?
Рѣчь о чёмъ?... Одна у всѣхъ:
Говорятъ, что чудо мальчикъ
Тутъ же козъ пасётъ въ горахъ—
Купидонъ[2] въ широкой шляпѣ,
Съ козьимъ мѣхомъ на плечахъ!
Длиннокудрый! черноглазый!
Но, хотя угрюмъ и дикъ,
А бѣдовый: нѣтъ вопроса,
Передъ кѣмъ бы сталъ втупикъ[3].

—

2. Пожелалъ король увидѣть
Пастуха, и вотъ бѣгутъ,
Понеслись пажи[4], что стрѣлы,
И чрезъ мигъ его ведутъ.
Посмотрѣлъ король, съ минуту
Призадумался... Кругомъ
Словно туча набѣжала,
Словно ждутъ, что грянетъ громъ.
„Вотъ“, сказалъ онъ, „три вопроса:
Разрѣшишь—возьму въ пажи!
Много ль капель въ синемъ морѣ?
Посчитай-ка да скажи!“
— „Я сочту“, отвѣтилъ мальчикъ:
„Счётъ недологъ, потяжёлъ;
Но, пока считать я буду,
Повели, чтобъ дождь не шёлъ“.
—„Ну, а много ль звѣздъ на небѣ?“
И философъ[5], не смутясь:
— „Повели сойти имъ съ неба,
Я тогда сочту какъ разъ“[6].
Понахмурился донъ-Педро;
Дворъ дыханье затаилъ.
—„Ну, а много ль дней у Бога?“
Помолчавъ, король спросилъ.
— „Дни у Бога крадетъ время.
Повели, чтобы оно
Хоть на мигъ остановилось,
И ужъ счесть немудрено“.
— „Молодецъ!“ вскричалъ донъ-Педро,
Хохоча: „да этотъ клопъ
Всѣхъ вельможъ моихъ умнѣе!..“
Тѣ смѣялись, морща лобъ.
— „Я возьму тебя. Ты будешь
Спать при мнѣ и ѣсть, и пить,
И одинъ, надѣюсь, станешь
Смѣло правду говорить“.

XII. Три правды.

Име|ни́тый| жи́лъ ку|пе́цъ на| свѣ́тѣ|

1. Именитый жилъ купецъ на свѣтѣ.
Вышелъ разъ онъ въ садъ послѣ обѣда,
А въ саду для птицъ стояли сѣти;
Видитъ онъ, что въ сѣть попалась птичка,
Птичка-крошка, вся почти съ напёрстокъ[7].

---

[1]Ди́кихъ кабановъ. [2]Лат., богъ любви́; изобража́лся въ ви́дѣ краси́ваго ма́льчика съ лу́комъ и стрѣло́й. [3]Въ чёмъ бы онъ затрудни́лся. [4]Гр., дитя́; фр. le page; ма́льчикъ дворя́нскаго происхожде́нія, находя́щійся на слу́жбѣ при дворѣ. [5]Отъ гре́ч. другъ и му́дрость; со́б., другъ му́дрости; мудре́цъ. [6]Непремѣнно. [7]Отъ персть — па́лецъ; металли́ческій снаря́дъ, въ ро́дѣ ча́шечки, надѣва́емый на па́лецъ (обыкнове́нно указа́тельный), когда шьютъ.

Онъ изъ сѣти высвободилъ птичку,
Въ руки взялъ, и что же? птичка
Говоритъ ему по-человѣчьи:
Отпусти-ка ты меня, хозяинъ,
И тебѣ за то скажу три правды.
Съ этими ты правдами на свѣтѣ
Наживёшь и денегъ и почёту,
И на зависть всѣмъ пойдёшь всё
въ гору!"
Чудеса Господни, да и только!"
Думаетъ купчина: „эко диво!
Говоритъ по-человѣчьи птица!"
– Хорошо, сказалъ онъ ей, посмотримъ,
Таковы твои три птичьи правды!
Скажешь дѣло—выпущу на волю.

—

„Ну, такъ слушай", молвила пичуга:
Плачь не плачь, что было—не воротишь;
Не тянись за тѣмъ, что не подъ-силу,
И не вѣрь чужимъ словамъ и толкамъ!
Вотъ тебѣ и всѣ мои три правды".
– Ну, сказалъ купецъ, оно немного,
И въ торговлѣ—тёртая монета[1]!
Плачь не плачь, что было—не воротишь.
Гдѣ ты, значитъ, лишнее просадишь[2],
Хоть расплачься, не поможешь горю;
Лучше ты возьмись за умъ, за разумъ[3]
Да гляди ужъ въ оба[4]. Знаемъ это!
Не тянись за тѣмъ, что не подъ-силу.
Мало ль тутъ у насъ ошмыгъ[5]-то ходитъ!
Торговалъ лѣтъ двадцать, сбилъ копейку,
Да и ухнулъ, за рублемъ погнавшись.
Не учить насъ стать и этой правдѣ!
А—не вѣрь людскимъ словамъ и толкамъ...
Ужъ на что жъ ещё и поддѣваютъ[6]
Дураковъ изъ нашенскаго[7] брата?
Нѣтъ ужъ, не сули[8] орлицу въ небѣ,
А подай ты мнѣ синицу въ руки.
Мы на этомъ, тётка, зубы съѣли[9].
Ну, такъ какъ же? что съ тобой мнѣ дѣлать?
Ты сама-то проку[10] небольшого.
Аль пустить ужъ уговора ради?
Ну, ступай себѣ, Господь съ тобою!

—

3. И пустилъ купецъ на волю птичку;
Заложилъ самъ за спину онъ руки
И пошёлъ тихонько по дорожкѣ.
Только птичка всё надъ нимъ летаетъ,
Подъ носомъ шмыгнётъ, на вѣтку сядетъ
И звенитъ-гремитъ, что колокольчикъ,
И, выходитъ[11], словно какъ смѣётся.
„Ты никакъ", купецъ спросилъ, „смѣёшься?"
— Ничего! пичуга[12] отвѣчала:
Я смѣюсь, на вашу братью глядя.

[1]Ничего́ не сто́итъ. [2]Пропу́стишь, потеря́ешь, перепла́тишь. [3]Будь умне́е. [4]Подраз.: гла́за. Гляде́ть въ о́ба (гла́за)=хорошо́, внима́тельно смотре́ть. [5]Бѣднако́въ. [6]Прово́дятъ, обма́нываютъ. [7]Нар., на́шего. [8]Не обѣща́й. [9]Въ э́томъ мы о́пытны. „Тётка"—не имѣетъ здѣсь особ. значе́нія, обыкнове́нно прибавля́ется въ ука́занномъ выраже́ніи [10]По́льзы. [11]Ока́зывается, выхо́дитъ въ результа́тѣ. [12] Нар., пти́ца.

Вотъ хоть ты: будь на волосъ умнѣе,
Ты бы первый былъ богачъ на свѣтѣ,
Еслибъ ты моихъ не слушалъ басенъ
И пошёлъ да распоролъ мнѣ брюхо,
Ты во мнѣ нашёлъ бы бриллiантикъ[1]—
Не соврать сказать—величиною,
Что яйцо куриное, не меньше!
А о томъ вѣдь только, чай, и мысли,
Чтобъ весь свѣтъ въ мошну[2] къ себѣ упрятать!
За умомъ, знать, только дѣло стало!"

—

4. У куп́ца ажъ[3] ноги подкосились;
Весь сомлѣлъ[4] и руки растопырилъ.
„Какъ же такъ далъ маху[5]! ахъ, мой Боже!
Какъ-нибудь поправить надо дѣло".
Вотъ и сталъ онъ къ птичкѣ подступаться:
Рѣчь повёлъ сторонкой, осторожно
Будто самъ съ собою разсуждаетъ:
„Я дивлюсь и вашей братьѣ, птицѣ:
Что за радость жить вамъ по-цыгански!
Ну, куда ни шло ещё[6], какъ лѣто[7];
А какъ осень завернётъ, да стужа!
На дождѣ промокнешь и продрогнешь!
На морозѣ и совсѣмъ замёрзнешь!
То ли дѣло у меня въ хоромахъ!
И питьё и кормъ—всё даровое!
По зимѣ[8] натопимъ жарко печи,
И живи, что[9] въ царствiи небесномъ!
Право, ты вѣдь умница, пичужка.
Разсудить могла бы не по-птичьи!

—

5. А пичуга пуще заливалась:
„Ахъ, купецъ, купецъ ты имени
тый[10]!
Брюхо нажилъ, да ума не нажилъ
На словахъ, поди ты[11], что и
гусляхъ
А на дѣлѣ—хуже балалайки[12]!
Самъ твердилъ сейчасъ мои тр
правды
Плачь не плачь, что было—и
воротишь
Упустилъ меня и ужъ горюешь!
Съ горя всё дѣла, пожалуй, кинешь
Не тянись за тѣмъ, что не подъ
силу
А ко мнѣ какъ началъ подступаться
И найдись теперь какой пройдоха[13]
Посули меня тебѣ представить[14],
Капиталъ[15] ему по каплѣ спустишь
Самъ людскимъ смѣялся толкам
глупымъ
Моему же, птичьему, повѣрилъ.
Ну, какой во мнѣ быть можетъ
камень
И какой ещё величиною!
Что яйцо куриное! ишь[16], умникъ
А вѣдь самъ въ рукахъ держалъ
и видѣлъ—
Вся-то я не болѣе напёрстка!"
Обругалъ купецъ пичугу, плюнулъ
Увидалъ, что въ дуракахъ остался
Двадцать лѣтъ молчалъ про этотъ
случай
Разсказалъ почти что передъ смер
тью.

[1]Уменьш. отъ бриллiантъ; особымъ образомъ обдѣланный алмазъ. [2]Кошелёкъ. [3]Нар., даже. [4]Растерялся. [5]Ошибся. [6]Ещё можно допустить, ещё возможно. [7]Когда лѣто. [8]Зимою. [9]Словно. [10]Извѣстный, почтенный. [11]Выраженіе, обозначающее удивленіе. [12]Родъ музыкальнаго инструмента, употребляемаго въ народѣ. [13]Проходимецъ, обманщикъ. [14]Нар., доставить. [15]Крупная сумма денегъ. [16]Вм. вишь (сокр. изъ видишь).

XIII. Разсказы изъ русской исторіи.

Въ XIII вѣкѣ Русь покорилась татарамъ. Татарское иго тяготѣло надъ Русью около двухъ съ половиною столѣтій и было свержено окончательно только въ 1480 году. Но борьба русскихъ противъ татарскаго ига началась цѣлымъ столѣтіемъ раньше. Первый разъ русскіе побѣдили татаръ въ Куликовской битвѣ. Въ это время въ Москвѣ былъ великимъ княземъ Дмитрій Ивановичъ, прозванный впослѣдствіи Донскимъ.

А. Битва на Куликовомъ полѣ (1380 г.).

I. Походъ Мамая на Русь. По мѣрѣ того, какъ въ Московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ[1] ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой-нибудь ханъ[2], тотчасъ начиналась страшная рѣзня: послѣ одного хана, Бербидека, сынъ его зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше; а случалось, что по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Дмитрія Ивановича въ Ордѣ появился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать[3] на Россію, требуя дани какъ при первыхъ ханахъ; но Дмитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ[4]. И какъ прибѣжали къ Мамаю разбитые его мурзы[5], онъ, какъ звѣрь, разъярился. „Ахъ, вы, холопы[6] татарскіе“, кричалъ онъ: „видно, забыли времена Батыя[7]: вотъ я вамъ ихъ напомню! Камня на камнѣ не оставлю, въ концѣ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху объ немъ на землѣ не было“. И сталъ онъ собирать большое войско; призвалъ, кромѣ своихъ, и армянъ, и черкесовъ, и всякихъ другихъ азитовъ, и всѣмъ говорилъ: „Потрудимся немного, а ужъ всѣ разбогатѣемъ отъ русскаго злота“. Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ переваливалъ за Волгу и потомъ за Донъ и подходилъ уже къ землѣ Рязанской. Въ нынѣшней Рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороной къ степямъ донскимъ, откуда и шли татары; другой стороной подходило оно къ Литвѣ[8], а рѣкой Окой[9] отдѣлялось отъ княжества Московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить Московское государство. Рязанскій князь, находясь въ серединѣ между тремя силами, не зналъ, что ему дѣлать, чтобы спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю и Литвѣ

[1]Татарскомъ царствѣ [2]Татарскій царь. [3]Стр., войско. [4]Притокъ Оки, въ Рязанской губерніи. [5]Князья. [6]Рабы. [7]Татарскій ханъ, основатель Кипчакской орды; при нёмъ Русь покорилась татарамъ. [8]Княжество, нынѣ не существующее; земли его вошли въ составъ Россійской имперіи; расположено было по р. Нѣманъ. [9]Притокъ Волги.

что бу́детъ на ихъ сторонѣ, да и Дми́трія увѣ́домилъ, что идетъ на н
го́ стра́шная орда́ тата́рская и что идётъ она́ ти́хо, поджида́я Литв

2. Сбо́ры ру́сскихъ въ похо́дъ про́тивъ тата́ръ. Извѣ́стіе э́то не мог
не всполоши́ть Москвы́. Но тамъ давно́ ужъ жда́ли чего́-нибу́
тако́го: всѣ давно́ ужъ чу́вствовали, что нѣ́тъ-нѣ́тъ, а[1] придётс
разсчита́ться съ Ордо́ю, и каза́лось,—для того́ си́лы ужъ накопи́ло
дово́льно. Вели́кій князь то́тчасъ при́нялъ рѣше́ніе—не дожида́
тата́ръ; напро́тивъ, положи́лъ—не пусти́ть ихъ въ свой зе́мли,
скорѣе итти́ имъ навстрѣ́чу въ сте́пи и не дать соедини́ться
Литво́ю. И вотъ поскака́ли гонцы́ отъ Дми́трія и въ Но́вгородъ, и
Псковъ, и къ тверско́му кня́зю, и къ подру́чнымъ[2] кпязья́мъ, и
города́мъ, и боя́рскимъ во́тчинамъ, и по всѣ́мъ деревня́мъ, что́б
всѣ, кто го́денъ на слу́жбу, выходи́ли постоя́ть за зе́млю Ру́сску
за вѣ́ру правосла́вную. Тогда́ ещё не́ было тако́й а́рміи[3], какъ т
пе́рь. Тепе́рь Госуда́рь отда́стъ по телегра́фу прика́зъ, и прика́зъ
ту́ же мину́ту полу́чится въ ка́ждомъ полку́, бьютъ трево́гу, и пол
гото́вые, обучённые и вооружённые то́тчасъ же выступа́ютъ въ п
хо́дъ. Но въ тѣ времена́ таки́хъ полко́въ солда́тскихъ не́ было. О
князе́й раздава́лись боя́рамъ и дворя́намъ помѣ́стья съ тѣ́мъ, что́б
они́ изъ крестья́пъ и всѣ́кихъ люде́й выбира́ли молодцо́въ, обуча́
ихъ ра́тному де́лу, пріуча́ли ихъ къ ору́жію и къ пѣ́шему и къ ко́нн
му стро́ю, и, какъ полу́чатъ гонца́, то́тчасъ бы забира́ли хлѣ́ба
шли на сбо́рное мѣ́сто. Огнестрѣ́льнаго ору́жія, ру́жей и пу́ше
тогда́ то́же ещё не́ было, а сража́лись ко́пьями, меча́ми, са́блям
рога́тинами[4], па́лицами[5] и пуска́ли изъ лу́ковъ стрѣ́лы. Когда́ соб
ру́тся таки́мъ о́бразомъ отря́ды по областя́мъ, тогда́ боя́ринъ ведё
своё во́йско или́ въ Москву́, или́ куда́ вели́кимъ кня́земъ ука́зан
Тутъ ужъ ихъ распи́сываютъ по полка́мъ, кому́ быть въ большо́м
полку́[6], кому́ въ передово́мъ[7], въ пра́вой или́ лѣ́вой рукѣ́[8]. Доро́г
большихъ въ тѣ времена́ ещё бы́ло ма́ло и бы́ли пло́хи, а бо́льше в
ходи́ли на стру́гахъ[9] по рѣка́мъ; ко́нница шла бе́регомъ; зимо́ю ш
по льду. На сей разъ во́йску вели́кій князь велѣ́лъ собира́ться
Коло́мнѣ[10].

3. Похо́дъ. Урядя́вши[11] всё съ боя́рами и князья́ми, вели́к
князь, пе́редъ отъѣ́здомъ на войну́, поѣ́халъ благослови́ться на вели́к

---

[1]Нѣ́тъ-нѣтъ, а... выраже́ніе, означа́ющее до́лгій промежу́то
въ тече́ніе кото́раго да́лѣе означенное собы́тіе не совершалось. [2]По
вла́стнымъ. [3]Во́йска. [4]Ви́лами, двузу́бцами. [5]Па́лками, дуби́нами. [6]
гла́вномъ во́йскѣ. [7]Въ сторожево́мъ, иду́щемъ впереди́. [8]На пра́вом
или́ лѣ́вомъ фла́нгѣ. [9]Плота́хъ. [10]Го́родъ Моско́вской губе́рніи. [11]Устр
ивши, распоряди́вшись.

по́двигъ къ Се́ргію[1]. Всё-таки ему́ стра́шно бы́ло, что́бы въ слу́чаѣ неуда́чи, не потерять того́, надъ чѣ́мъ трудѝлись его́ оте́цъ, дя́дя и дѣдъ. Но Се́ргій сло́вомъ свои́мъ утѣ́шилъ колеба́нія е́го души́ и предрѣ́къ[2] ему́ побѣ́ду, пригласи́лъ на тра́пезу и далъ ему́ отъ себя́ двои́хъ мужей, уже́ схи́мы прія́вшихъ[3]: Алекса́ндра Пересвѣта и Андре́я Осля́бю. Они́ въ міру́ бы́ли знамени́тые ви́тязи. Преподо́бный повелѣ́лъ имъ сно́ва надѣ́ть бра́нные доспѣ́хи и нашѝлъ кресты́ на схи́мы ихъ, сказа́въ: „Сіе́ бу́детъ вамъ кре́пче вся́кихъ шело́мовъ[4]“. Съѣ́здивъ къ Се́ргію, Дми́трій прости́лся съ семе́йствомъ своимъ и поѣ́халъ въ Коло́мну, куда́ уже́ собра́лось 150.000 во́йска. Шли Око́й и повернули́ къ До́ну, 6-го сентября́ подошлѝ къ До́ну, а 7-го перешлѝ его́ и ста́ли близъ ре́чки Непря́двы[5] на отло́гихъ высо́тахъ, отку́да открыва́лось обши́рное по́ле Куликово. Несмѣ́тная рать тата́рская уже́ видна́ была́ съ друго́й стороны́ по́ля, гдѣ́ возвыша́лась гора́; на горѣ́ стоя́лъ самъ Мама́й. Вели́кій князь ѣ́здилъ по полка́мъ, устра́ивалъ ихъ, указа́лъ, гдѣ́ стоя́ть большо́му полку́, гдѣ́ сторожево́му; а двоюро́днаго бра́та и вѣ́рнаго дру́га своего́, Влади́мира Андре́евича, кня́зя се́рпуховскаго, поста́вилъ скры́тно за лѣ́сомъ въ заса́дѣ, нака́зывая ему́ уда́рить въ тылъ тата́рамъ, когда́ они́ начну́ть одолѣва́ть. Лю́бо бы́ло смотрѣ́ть Дми́трію на своё во́инство. Ве́село вѣ́яли знамёна; князья́, боя́ре и воево́ды стоя́ли при полка́хъ свои́хъ или́, устра́ивая ихъ, носи́лись на лихи́хъ коня́хъ съ золочённой сбру́ей, на бога́тыхъ сѣ́длахъ, имѣ́я на голова́хъ золоты́е и серебря́ные шле́мы, желѣ́зныя кольчу́ги на гру́ди. Ра́тники, гото́вясь къ бо́ю, всѣ, какъ бы иду́ къ свято́му причастію, одѣ́ли бѣ́лыя руба́хи и лу́чшія оде́жды: всѣ ра́ды бы́ли за Христа́ и святу́ю Русь испи́ть ча́шу сме́ртную[6]. И вотъ въ э́тотъ же ча́съ подоспѣ́лъ отъ св. Се́ргія посла́нецъ и́нокъ и привёзъ отъ него́ Дми́трію просфору́[7] и благослове́ніе во́йску. Склони́лись знамёна, сня́ли шело́мы во́ины, перекрести́лись, и шо́потъ моли́твы побѣжа́лъ по рядамъ.

4. До́брыя зна́менья. Наступи́ла ночь. Во́ины прилегли́ на ночле́гъ. Дми́трій, удаля́сь въ шатёръ свой, то моли́лся, то высыла́лъ сдѣ́лать како́е-нибу́дь распоряже́ніе. Ему́ не спа́лось; о́чень онъ чу́вствовалъ, что за́втрашній день онъ оди́нъ въ отвѣ́тѣ за судьбы́ Росси́и... Не спа́лось и мно́гимъ ра́тнымъ лю́дямъ и военача́льникамъ. Былъ ме́жду про́чими у Дми́трія знамени́тый боя́ринъ, пришёлъ онъ къ нему́ изъ ю́жной Руси́ съ Волы́ни, и́менемъ Бобро́къ. Но́чью онъ поѣ́халъ по рядамъ и въ по́лночь заѣ́халъ къ вели́кому кня́зю, ви́дя у него́

[1]Игу́менъ Тро́ицкаго монастыря́, расположённаго въ 64 верста́хъ отъ Москвы́; за свою́ подви́жническую жизнь причи́сленъ къ ли́ку святы́хъ. [2]Стр., предсказа́лъ. [3]Приня́вшихъ мона́шеское постриже́ніе. [4]Нар., шле́мовъ. [5]Прито́къ До́на. [6]Умере́ть. [7]Отъ гре́ч., при и несу́ ношу́; хлѣ́бъ, на кото́ромъ соверша́ется та́инство евхари́стіи.

свѣтъ. Бобро́къ понима́лъ его́ безпоко́йство и хоті́лъ сообщи́ть ему́ свои́ кой-какія до́брыя приме́ты о за́втрашнемъ днѣ. Онъ пригласи́лъ кня́зя сѣсть на коня́ и пое́хать съ нимъ. Сѣли они́ на коне́й, вы́ѣхали изъ ла́геря и поскака́ли по по́лю Кулико́ву; на середи́нѣ ме́жду ру́сскихъ и тата́рскихъ полко́въ Бобро́къ останови́лся. „Слу́шай и скажи́, что ты услы́шишь на тата́рской сторонѣ“, сказа́лъ онъ кня́зю. Прислу́шался вели́кій князь и отвѣча́лъ: „Слы́шу стукъ и кликъ, сло́вно база́ръ идётъ; слы́шу ещё, сло́вно во́лки во́ютъ и пти́цы лета́ютъ, во́роны ка́ркаютъ и орлы́ кле́гчутъ[1]“. — „Послу́шай тепе́рь на ру́сскую сто́рону“, сказа́лъ Бобро́къ. Дми́трій послу́шалъ и сказа́лъ: „Тишина́ вели́кая, то́лько отъ огне́й сло́вно за́рево“.—Зна́менья до́брыя“, объясни́лъ Бобро́къ: „вотъ что э́то зна́читъ: Во́лки во́ютъ и пти́цы степны́я въ непривы́чную по́ру всполоши́лись — зна́читъ, чу́ютъ добы́чу: быть вели́кому побо́ищу. Шумъ со стороны́ тата́ръ зна́читъ: нестрое́ніе; тишина́ съ на́шей стороны́ — поря́докъ и благода́ть Бо́жія въ сердца́хъ люде́й, а гдѣ благода́ть Бо́жія, тамъ и побѣда... Есть у меня́ и другія приме́ты, и по нимъ выхо́дитъ, что бу́детъ тебѣ́ на врага́ одоле́ніе, но мно́го паде́тъ во́инства христіа́нскаго...“

5. Пе́редъ би́твой. а) Прошла́ таи́нственная ночь. Жа́ркая у́тренняя моли́тва укрѣпи́ла духъ во́иновъ; всѣ ста́ли по свои́мъ мѣста́мъ. Но густо́й осе́нній тума́нъ покрыва́лъ по́ле. Дми́трій въѣжа́лъ на холми́, но тщѣ́тно сквозь тума́нъ стара́лся оглядѣть во́йско своё и по́ле, гдѣ должна́ была́ рѣши́ться судьба́ дня. Въ девя́томъ часу́ утра́ потяну́лъ, наконе́цъ, вѣтро́къ, прогляну́ло со́лнце, и сквозь унося́щійся клу́бами тума́нъ откры́лось Дми́трію на дале́кое простра́нство сверка́ющее ору́жіемъ, въ поря́дкѣ, съ распу́щенными знаме́нами стоя́щее его́ во́инство. Тума́нъ совсѣ́мъ разсѣ́ялся, и уви́дѣлъ вели́кій князь, что съ противополо́жной стороны́ на горѣ́ стои́тъ высо́кій шатёръ Мама́евъ. Сло́вно чудо́вищная пти́ца подня́ла свою́ го́лову и смо́тритъ на ру́сскую рать и широко́ развернула́ свои́ тёмныя кры́лья: э́то была́ рать тата́рская, кото́рая, какъ тѣнь отъ ту́чи, подвига́лась на по́лѣ Кулико́вомъ на ру́сское во́йско. Каза́лось Дми́трію, что полка́мъ тата́рскимъ и конца́ нѣтъ и что они́ вдво́е многочи́сленнѣе ру́сскихъ. Дви́нулись и на́ши; о́бѣ ра́ти на́чали станови́ться одна́ противъ другой. Вели́кій князь ѣ́здилъ по полка́мъ, увѣща́валъ во́иновъ постоя́ть за зе́млю Ру́сскую, за вѣ́ру правосла́вную. „Памятуйте, бра́тцы“, говори́лъ онъ: „тепе́рь вся Русь за насъ мо́лится; святы́е уго́дники и чудотво́рцы россійскіе надъ на́ми бо́дрствуютъ, а преподо́бный Се́ргій присла́лъ намъ вчера́ же предрече́ніе побѣ́ды“.

б) Ужъ нѣ́сколько коне́й притоми́лъ онъ и пересаживался на свѣ́

[1] Сло́во звукоподража́тельное; означа́етъ орли́ный крикъ.

жаго. Онъ былъ высо́каго ро́ста, ту́ченъ тѣ́ломъ, лицо́ имѣ́лъ откры́тое, чёрные во́лосы и окла́дистую бо́роду. Наконе́цъ, подъѣ́халъ онъ къ ста́вкѣ[1] свое́й, гдѣ стоя́ло большо́е великокня́жеское чёрное зна́мя, и ста́ли боя́ре и воево́ды угова́ривать его́ оста́ться тутъ въ безопа́сномъ мѣ́стѣ, за густы́ми ряда́ми во́йска. „Нѣтъ“, отвѣча́лъ Дми́трій; «я хочу́ быть впереди́; и е́сли вы опаса́етесь, что во́йско, не ви́дя меня́ подъ чёрнымъ зна́менемъ, усумни́тся, то пусть оде́нетъ кто-нибу́дь изъ васъ мои великокня́жескія оде́жды и ста́нетъ въ середи́нѣ полко́въ, подъ мои́мъ чёрнымъ зна́менемъ: пуска́й войска́ и принима́ютъ его́ за меня́; меня́ же не удержива́йте: на мнѣ былъ почи́нъ, мнѣ и отвѣ́тъ за всё дѣ́ло, мнѣ и би́ться въ передовы́хъ». И вы́звалъ онъ своего́ люби́маго боя́рина Бре́нка и сказа́лъ ему́: „Ты, Бре́нокъ, всегда́ твёрдъ и споко́енъ; я же горя́чъ; ты, пожа́луй, и лу́чше меня́ сумѣ́ешь распоряди́ться, когда́ пойдётъ сва́лка“. И наде́лъ онъ на Бре́нка, своего́ боя́рина, свои́ оде́жды, а самъ, переодѣ́вшись просты́мъ во́иномъ, въ желѣ́зномъ шлемѣ́, въ ко́ованыхъ ла́тахъ, отпра́вился въ передову́ю дружи́ну. Войска́ ме́жду тѣмъ стоя́ли ужъ бли́зко другъ про́тивъ дру́га. Изъ тата́рскихъ полко́въ вы́ѣхалъ огро́мнаго ро́ста богаты́рь, широ́кій въ плеча́хъ и свирѣ́паго вида; ѣ́здилъ онъ и насмѣха́лся надъ ру́сскими полка́ми, вызыва́я на единобо́рство охо́тниковъ и глумя́сь, что никто́ не осмѣ́ливается. И увида́лъ его́ Се́ргіевъ и́нокъ Пересвѣ́тъ. „Не смуща́йтесь, бра́тцы“, кри́кнулъ онъ свои́мъ: „вели́къ Богъ нашъ и велика́ крѣ́пость Его́! Перевѣ́даюсь-ка я съ нечести́вцемъ“, сказа́лъ онъ и понёсся на него на конѣ́ своёмъ. Разъѣ́хались они́ на коня́хъ и пото́мъ понесли́сь другъ на дру́га: уда́ръ былъ такъ си́ленъ что о́ба па́ли мёртвые, а равно́ и ко́ни ихъ.

6. Би́тва. Тогда́ Дми́трій сказа́лъ: „Сіе́ мѣ́сто бу́ди намъ гробъ[2] за и́мя Христо́во и за вѣ́ру христіа́нскую. Впере́дъ!“ И по́лки на́ши бро́сились на тата́ръ, и заволнова́лось всё по́ле Кулико́во. Густа́я пыль поднялась надъ всѣ́мъ по́лемъ и скры́ла то стра́шное, что на немъ происходи́ло... Двоюродный братъ Дми́тріевъ, Влади́миръ Андре́евичъ, да воево́да Бобро́къ, тотъ са́мый, что но́чью пріѣ́халъ къ великому кня́зю, сто́яли въ заса́дѣ въ скры́томъ мѣ́стѣ, за лѣ́сомъ, и смотрѣ́ли на би́тву. Пыль закрыва́ла пе́редъ ни́ми по́ле и не позволя́ла ви́дѣть, кто одолѣва́етъ. Слы́шали то́лько отдалённый гулъ сѣ́чи, слóвно ревётъ неви́димое мо́ре, стонъ стои́тъ въ во́здухѣ, а земля́ гуди́тъ. Жу́тко имъ бы́ло. Пришёлъ второ́й и тре́тій часъ; ста́ло Влади́миру приме́тно, что тата́рская си́ла слóвно всё внере́дъ подаётся, и бой всё углубля́ется въ на́шу сто́рону. „Что же, братъ, по́пусту

[1] Пала́ткѣ. [2] Это мѣ́сто пусть бу́детъ для насъ гро́бомъ.

стоймъ мы?" сказа́лъ, наконе́цъ, Влади́миръ Бобро́ку: „пожа́луй, нам
и помога́ть бу́детъ не́кому, какъ всѣ на́ши поля́гутъ мёртвые". Въ э
вре́мя потяну́лъ имъ въ лицо́ вѣтеръ съ по́ля би́твы и понёсъ густу́
пыль имъ въ глаза́. „Погоди́ ещё", отвѣча́лъ Бобро́къ: не хотѣлъ он
уда́рить, потому́ что изъ-за пы́ли нельзя́ бы́ло вѣрно разсмотрѣть, гд
на́ши, гдѣ татары. Пожа́луй, ри́нулись бы на уда́чу, наткну́лись б
на своихъ. Но вотъ въ три часа́ вѣтеръ поду́лъ въ тылъ на́шей за
са́дѣ и пріоткры́лъ пе́редъ Влади́миромъ и Бобро́комъ завѣсу пы́л
Гля́нулъ Бобро́къ и кли́кнулъ: „Ну, князь, тепе́рь наста́лъ часъ! Съ Бо
гомъ тепе́рь, бра́тцы!" и съ кри́комъ весь отря́дъ ки́нулся въ сва́лку

7. Побѣда. Татары къ тому́ ча́су почти́ совсѣмъ ужъ одоле́ли
на́шу рать и, вдругъ уви́дѣвъ свѣжіе полки́, выходя́щіе изъ-за лѣс
и съ горъ на нихъ несу́щіеся, поду́мали: „Вотъ оно́ гла́вное-то во́йск
ру́сское!" И ста́ли они́ кида́ть мечи́ и ко́пья и побѣжа́ли наза́дъ. Обо
дри́лись на́ши и присоедини́лись къ Влади́мирову отря́ду, налегл
на татаръ и дава́й рубить бѣгу́щихъ. Уви́дѣлъ съ возвыше́нія Мама́
что дро́гнули си́лы его́ и что въ по́лѣ Кулико́вомъ сло́вно волна́ на
за́дъ отхлы́нула и бы́стро-бы́стро на него́ самого́ несётся, самъ поско
рѣй сѣлъ на коня́ и шатёръ свой бро́силъ и побѣжа́лъ. Князь Вла
ди́миръ съ Бобро́комъ, со всѣми свои́ми полка́ми ска́чутъ и бьютъ
ру́бятъ. Встрѣтилась рѣка́ Ме́ча[1], бро́сились татары вплавь, и мно́го
мно́жество ихъ потону́ло отъ стра́ха вели́каго и ру́сскихъ мече́й. Тутъ
на рѣкѣ Ме́чѣ, останови́ли коне́й своихъ Влади́миръ и Бобро́къ и по́
верну́ли полки́ наза́дъ: ви́дѣли, что си́ла татарская, я́ко[2] снѣгъ, раста́яла
я́ко дымъ разсѣялась, и захотѣли посмотрѣть, что ста́лось съ гла́в
нымъ во́йскомъ ру́сскимъ. Напра́вились они́ къ ста́вкѣ великокня́же
ской; ѣхали по тру́памъ: на де́сять вёрстъ лежа́ли мёртвые и ра́неные
Сперва́ встрѣча́лись всё тѣла́ татарскія, пото́мъ татарскія и ру́сскія
смѣша́лись тѣла́ христіа́нскія съ тѣла́ми татарскими, и кровь христіа́н
ская смѣша́лась съ татарскою. Испу́ганные ко́ни безъ вса́дниковъ но
си́лись по по́лю; стена́ли ра́неные и моли́ли о по́мощи. Ви́дно, чт
тѣсно бы́ло по́ле Кулико́во и не́гдѣ бы́ло развернуться обо́имъ во́и
ствамъ, руби́лись и рѣзались зло[3] въ тѣснотѣ и да́вкѣ.

8. Поиски великаго князя. Пробра́лся, наконе́цъ, Влади́миръ с
своей дружи́ной къ ста́вкѣ великокня́жеской. Тутъ, ви́дно, бой был
упо́рный: чёрное зна́мя лежа́ло подру́блено, подъ нимъ зару́бленный
же въ великокня́жескихъ доспѣхахъ лежи́тъ боя́ринъ Бре́нокъ. А са
мого́ вели́каго кня́зя нѣтъ нигдѣ. Сталъ Влади́миръ „на костя́хъ"
приказа́лъ трубить въ тру́бы. Гро́мко разда́лись тру́бы въ умо́лкшем
по́лѣ Кулико́вомъ, и ста́ли со всѣхъ сторо́нъ подходи́ть оста́вшіес
въ живы́хъ ра́тники, и ку́чками, и поодино́чкѣ, и цѣлые, и ра́неные

[1] Ме́че: Краси́вая Ме́ча, притокъ До́на. [2] Стр., какъ. [3] Жесто́ко.

то могъ ходи́ть. Но вели́каго кня́зя не́ было. Ста́ли разспра́шивать
о́иновъ. Одни́ говори́ли, что ви́дѣли, какъ подъ нимъ былъ уби́тъ
онь и онъ сади́лся на друго́го; кто говори́лъ, что онъ пересаживался
жъ на тре́тьяго коня́; ино́й ска́зывалъ, что ви́дѣлъ его́ ра́неного
ь тру́пахъ; друго́й говори́лъ: „Я ви́дѣлъ, какъ на него́ напа́ло че́т-
еро тата́ръ; онъ би́лся и побѣжа́лъ. Я бро́сился къ нему́ на по́мощь,
а на самого́ меня́ наскочи́ло тро́е тата́ръ“. Приказа́лъ Влади́миръ
ездѣ́ иска́ть его́ и самъ поѣхалъ. И вотъ два костромича́ нашли́ его́
ри опу́шкѣ лѣса лежа́щимъ подъ то́лько-что сру́бленнымъ де́ревомъ.
а́ты его́ всѣ бы́ли изсѣ́чены, изби́ты и измя́ты, весь онъ былъ кро́вью
рызганъ, но самъ ещё живъ, то́лько въ безпа́мятствѣ. Ви́дно, нашли́
о́ въ по́лѣ въ безчу́вствіи каки́е-нибу́дь во́ины, при́няли за уби́таго
по обы́чаю, до сихъ поръ сохраня́ющемуся, сруби́ли де́рево и при-
ы́ли кня́зя его́ вѣтвя́ми. И, должно́ быть, са́ми спаси́тели его́ по-
мъ уби́ты бы́ли, потому́ что никто́ не могъ сказа́ть, какъ князь
ути́лся подъ прикры́тіемъ.

9. „На костя́хъ“. Окли́кнулъ Влади́миръ и привёлъ въ чу́вство
ми́трія, своего́ возлю́бленнаго двою́роднаго бра́та: „Братъ ми́лый! на
съ ми́лость Госпо́дня, мы побѣди́ли!“—Кто говори́тъ мнѣ? то́мнымъ
лосомъ спроси́лъ Дми́трій и, очну́вшись, уви́дѣлъ ра́достныя ли́ца
иновъ, поднялся на́ ноги, обня́лъ бра́та и возблагодари́лъ Го́спода
побѣ́ду. Ранъ не нѣмъ не оказа́лось; должно́ быть, онъ былъ ошело-
лёнъ си́льнымъ уда́ромъ въ го́лову. И поѣхали обозрѣва́ть по́ле Ку-
ково и оты́скивать, нѣтъ ли ещё живы́хъ ме́жду мёртвыми. Нашли́
ло Пересвѣта по́длѣ богатыря́ тата́рскаго; нашли́ во́семь князе́й
лозе́рскихъ и мно́го други́хъ князе́й и боя́ръ, и, когда ста́ли счита́ть
ивы́хъ, изъ всего́ во́йска насчита́ли то́лько 40,000. Попла́кавъ надъ
вшими, вели́кій князь сказа́лъ живы́мъ; „Господа́ и отцы́, и бра́тія,
ча́да[1] мои́! Благодарю́ васъ отъ всей земли́, что сто́лько потруди́-
сь и сла́вно послужи́ли ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моёй
чи́знѣ, на вели́комъ княже́ньѣ, на Москвѣ́, всѣхъ одарю́ васъ и по-
а́лую[2]. А тепе́рь похорони́мте бра́тьевъ на́шихъ, прія́вшихъ на по́лѣ
мъ вѣнцы́ му́ченическіе[3]“. И простоя́лъ Дми́трій тамъ на по́лѣ Ку-
ко́вомъ ещё во́семь дней, пока́ разбира́ли тѣла́ уби́тыхъ. Отслу-
и́въ, наконе́цъ, по всѣмъ панихи́ду[4], поднялся онъ домо́й, въ Москву́.

10. Торжество́ Руси́. Въ Коло́мнѣ епи́скопъ, духове́нство, всѣ
ди встрѣ́тили его́ съ кресто́ами и ико́нами. Но доро́гѣ вездѣ́ высы-
лъ ему́ навстрѣ́чу наро́дъ и со слеза́ми называ́лъ его́ спаси́телемъ

[1]Стр., дѣти. [2]Награжу́. [3]По учёнію правосла́вной це́ркви, уме́р-
ие за вѣ́ру и оте́чество получа́ютъ награ́ду въ загро́бномъ мірѣ.
[4]ъ гре́ч. весь и ночь; со́б., всенощная моли́тва; церко́вная слу́жба
душѣ поко́йника.

земли́ Ру́сской; въ Москвѣ така́я же встрѣ́ча ожида́ла его́ и бра́ его́, Влади́мира Андре́евича, и всѣ́ во́инство: со всѣ́хъ церкве́й ул рили колокола́, далеко́ за го́родъ вы́шли митрополи́тъ Кипріа́нъ всѣ́мъ собо́ромъ[1], семе́йства кня́жескія, наро́дъ, жёны и дѣ́ти... Вст пи́въ въ Москву́, Дмитрій пря́мо напра́вился въ Успе́нскій собо́р поклони́ться ико́нѣ Успе́нія Бо́жіей Ма́тери, пото́мъ то́тчасъ пое́хал къ Се́ргію и одари́лъ монасты́рь во́тчинами и, возвратя́сь въ Москв зада́лъ пиръ всѣ́мъ свои́мъ сподви́жникамъ. Весе́ліе бы́ло вели́кое. Вс сла́вили Бо́га и Дми́трія Ива́новича и, прира́внивая его́ къ Алекса́нд Не́вскому, назва́ли его́ Донски́мъ, какъ того́ Не́вскимъ, а бра́та ег Влади́мира Андре́евича—Хра́брымъ. Такъ за ни́ми э́ти про́звища оста́лись на послѣ́дующія времена́. Тако́е же пирова́ніе пошло́ и всему́ Моско́вскому госуда́рству: вездѣ́ че́ствовали возврати́вшихс въ живы́хъ ра́тниковъ, какъ побѣди́телей. Пла́кали по убіе́нным но утѣша́лись тѣ́мъ, что всѣ́ они́ при́няли вѣнцы́ му́ченическіе. бы́ло тогда́ устано́влено на вѣ́чныя времена́ пра́здновать па́мять сл жи́вшихъ живо́тъ[3] свой на Кулико́вомъ по́лѣ, въ Дми́тровскую су бо́ту[4]. Очну́лась Ру́сская земля́, и высоко́ подня́лъ го́лову наро́дъ Моско́вскомъ вели́комъ кня́жествѣ, впервы́е ощути́въ свою́ си́лу почу́явъ на себѣ́ благослове́ніе Бо́жіе.

Б. Покоре́ніе Казани и Астрахани.

1. Тата́рскіе набѣ́ги и грабежи́. Золота́я Орда́ распа́лась на н сколько царствъ: Каза́нское, Астраха́нское, Кры́мское, Нога́йскія о́рд и ца́рство Сиби́рское. Всѣ́ э́ти о́рды гла́вное[5] промышля́ли граб жо́мъ. Осо́бенно насъ безпоко́или Крымъ и Каза́нь. Ханъ кры́мск получа́лъ пода́рки отъ Моско́вскаго и отъ Литовскаго госуда́рств чтобъ то́лько не приходи́лъ съ орды́й свое́й гра́бить, жечь и уводи́ть плѣ́ никовъ. Да и съ пода́рками на него́ не́чего бы́ло надѣ́яться; дары́ он отъ насъ бралъ, а всѣ́ стращалъ: „Не укро́етесь отъ меня́ за свои́м стѣна́ми, крѣпоста́ми, дрему́чими лѣса́ми“. И въ са́момъ дѣ́лѣ безпреста́ но нападалъ, жёгъ да́же нѣ́сколько разъ Москву́. За пода́рками присыл ли послова́ и нога́йскіе князья́. И всѣ́ э́ти послы́, и кры́мскій и нога́йскі бы́ли чудны́е: ѣ́детъ посла́нникъ въ Москву́ и го́нитъ табу́нъ лошаде́й; какъ пріѣ́детъ, то хо́дитъ къ боя́рамъ и царю́ о посо́льскихъ дѣла́х говори́тъ, то сиди́тъ на ко́нной пло́щади, самъ лошаде́й продаётъ. С лонъ былъ намъ кры́мскій ханъ, но всѣ́-таки отъ него́ отдѣля́ла нас степь, и моско́вскіе госуда́ри устро́или по всему́ рубежу́[6] крѣпост заста́вы и разъѣ́зды и содержа́ли тамъ во́йско. А пря́мо пойти́

[1]Со всѣ́мъ духове́нствомъ. [2]Стр., по уби́тымъ. [3]Стр., жизн [4]Суббо́та э́та прихо́дится ме́жду 18 и 26 число́мъ октября́. [5]Гла́вным о́бразомъ. [6]По всей грани́цѣ.

стребить его было тогда ещё нельзя: и походъ степью труденъ, ока до Перекопа[1] доберёшься, да и самъ крымскій ханъ былъ поручникъ[2] турецкому султану, и султанъ за него бы вступился. Казань же была къ намъ ближе и была ещё несноснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей. Въ Казани, какъ и въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ, воровски взятыхъ, томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью.

2. Походъ на Казань. Собрано было 150.000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны іюля 3-го 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки, порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Походъ былъ весёлый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стадами плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишѣли рыбою. Шли совно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу, какъ для пира. Жители подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей и писали государю: „Ждёмъ васъ на пиръ; и въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта[3]“. 3000 заперлись въ своёмъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что русскіе идутъ на приступъ, и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ, и вотъ 23-го августа увидѣли при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знамёнами, между которыми выше и шире всѣхъ развѣвалась царская хоругвь съ изображеніемъ Іисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы облежать его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ лицу обѣ силы, — и русская и татарская, — въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдётъ на упоръ[4] съ обѣихъ сторонъ.

3. Осада Казани. Царь съ воеводами и со своимъ розмысломъ, то есть нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны, всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда при-

[1]Перешеекъ, соединяющій материкъ съ Таврическимъ полуостровомъ. [2]Подданный. [3]Юртъ, тр., укрѣплённое селеніе, городъ. [4]Что дѣло будетъ упорное.

ступа́ть къ го́роду и куда́ вести́ подко́пы. На четвёртый день, 27-го а́вгу ста, на́ши откры́ли ого́нь изъ 150 пу́шекъ. Каза́нцы отвѣча́ли тѣм же, и на́чался почти́ непрерывный, остервенѣлый бой. Бо́льше всѣх донима́лъ на́шихъ хи́трый князь Епанча́. На́ши осажда́ли Каза́нь, а онъ сло́вно пасъ держа́лъ въ оса́дѣ. На́ши не пуска́ли въ Каза́нь хлѣба, а онъ отбива́лъ хлѣбъ, кото́рый везли́ къ намъ, и явля́лся всегда́ тамъ, гдѣ его́ ме́ньше всего́ ожида́ли. Чтобъ его́ истреби́ть, пришло́сь отряди́ть про́тивъ него́ полови́ну во́йска. Царь ду́малъ сна ча́ла, что жа́ждой прину́дитъ каза́нцевъ сда́ться, потому́ что Каза́нь стои́тъ на горѣ и отъ воды́ непли́зко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Каза́нкѣ и къ рѣкѣ Була́ку[1], но ви́дитъ, что они́ всё де́ржатся. Узна́ли, что у нихъ о́коло городско́й стѣны́ въ одно́мъ мѣстѣ есть родни́къ, куда́ они́ хо́дятъ подзе́мнымъ путёмъ и беру́тъ во́ду. Царь приказа́лъ подъ э́тотъ ходъ подвести́ подко́пъ. Де́сять дне́й ры́лись въ землѣ, и вдругъ рабо́чіе услыха́ли надъ собо́й голоса́ и шаги́. Накати́ли въ э́томъ мѣстѣ оди́ннадцать бо́чекъ по́роху и зажгли́ фи ти́ль; послѣдовалъ взрывъ, и часть стѣны́ и тайни́къ полетѣли на во́здухъ. Но каза́нцы не уны́ли ду́хомъ, при́нялись въ са́момъ го́родѣ рыть коло́дезь; дорылись таки́ до воды́; вода́ оказа́лась му́тная и во ню́чая, но они́ пи́ли ее́ че́резъ си́лу, пу́хли и болѣ́ли, но не сдава́лись. Ру́сскіе би́ли въ стѣны изъ пу́шекъ и тара́нами[2], кида́ли огро́мные ка́мни, вы́строили вели́кіе ту́ры, или подви́жныя ба́шни, придви́нули ихъ къ стѣна́мъ и съ нихъ стрѣля́ли въ го́родъ на у́лицы изъ пища́лей и лу́ковъ. Но ничто́ не помога́ло. Чуть не ка́ждый день высыпа́ли каза́нцы густы́ми толпа́ми то изъ тѣхъ, то изъ э́тихъ воро́тъ, и завя́зывалась жесто́кая сѣча, такъ что во́йско на́ше уто́милось таки́ дово́льно.

4. Взры́вы. Вре́мя ме́жду тѣмъ уже́ подходи́ло къ октябрю́. Дѣло замѣ́шкалось[3] оттого́, что всё жда́ли, когда́ бу́дутъ гото́вы подко́пы. Наконе́цъ, къ 1-му числу́ октября́ розмы́слъ, или́ инжене́ръ, госуда́ревъ объяви́лъ, что гото́вы два подко́па подъ гла́вныя ба́шни каза́нскія. Царь то́тчасъ объяви́лъ по во́йску, чтобы́ всѣ причасти́лись и исповѣ́дались, и́бо приближа́ется день, въ онь же пи́ти всѣмъ о́бщую ча́шу[4]; приказа́лъ, что́бы въ ночь на 2-е число́ всё бы́ло гото́во и какъ че́резъ два часа́ по восхо́дѣ со́лнца взорвутъ подко́пы, что́бы со всѣхъ сторо́нъ кида́лись на при́ступъ. Са́мъ царь въ э́ту ночь въ своёй похо́дной це́ркви велѣлъ служи́ть ра́ньше зау́треню. Вдругъ гла́вный воево́да, князь Миха́йло Ива́новичъ Воротынскій, присыла́етъ ему́ сказа́ть, что

[1]Була́къ — ча́стью приро́дный ручей, ча́стью же проры́тый тата́рами кана́лъ, проводя́щій во́ду изъ о́зера Кабана, лежа́щаго близъ Каза́ни, въ р. Каза́нку. [2]Стѣнобитными ору́діями, маши́нами. [3]Заме́длилось. [4]Стр., въ кото́рый (до́лжно) пить всѣмъ о́бщую ча́шу, т.-е. всѣмъ умереть.

45 бо́чекъ по́роху ужъ въ подко́пѣ, что каза́нцы свѣ́дали о на́шемъ дѣ́лѣ и что нельзя́ теря́ть ни мину́ты. Царь веле́лъ вы́строиться полка́мъ какъ мо́жно ти́ше, а самъ оста́лся послу́шать зау́треню. Дія́конъ чита́лъ Ева́нгеліе, и едва́ произнёсъ: „Да бу́детъ еди́но ста́до и еди́нъ па́стырь“, какъ гря́нулъ громъ, земля́ затряслась. Царь бро́сился къ выходу изъ шатра́ и ви́дитъ—заря́ сія́етъ на не́бѣ, не́бѣ чисто и я́сно; полки́ ру́сскіе, сло́вно притаясь, стоя́тъ пе́редъ стѣна́ми каза́нскими и въ тишинѣ́ дожида́ются зна́ка, а надъ Каза́нью стои́тъ те́мный высо́кій столбъ ды́му, вверху́ освѣща́емый ро́зовыми луча́ми восходя́щаго со́лнца, и глы́бы земли́, обло́мки ба́шенъ и стѣнъ, лю́ди, бре́вна, поднятыя си́лою взры́ва, па́даютъ низъ э́того ды́мнаго столба́ со стра́шной высоты́ на го́родъ... Слу́жба прерва́лась бы́ло, но царь веле́лъ дока́нчивать и верну́лся на своё мѣ́сто. Дія́конъ сталъ чита́ть ла эктеній моли́тву о царѣ́, и, какъ то́лько произнёсъ: „И покори́ти подъ но́зѣ[1] его́ вся́каго врага́ и супоста́та“, разда́лся но́вый уда́ръ, взорва́ло друго́й подко́пъ, ещё грознѣе пе́рваго.

5. Приступъ. Вслѣ́дъ затѣ́мъ разда́лся крикъ всего́ ру́сскаго во́йска: „Съ на́ми Богъ!“ Царь вы́шелъ ещё изъ шатра́ и ви́дѣлъ, какъ полки́ ки́нулись къ проло́мамъ, къ стѣнамъ. Они́ ста́вятъ лѣ́стницы, на стѣна́хъ вдругъ вы́сыпали го́ловы тата́рскія, и ви́дно бы́ло, что тамъ всё задви́галось. На́ши лѣ́зутъ на стѣны, а тата́ры льютъ на ихъ изъ котло́въ горя́щую смо́лу и ска́тываютъ бре́вна. Въ проло́махъ, на гру́дахъ земли́ и камне́й, въ стра́шной да́вкѣ, и ко́нные и пѣ́шіе уже́ втиски́ваются въ го́родъ... Царь верну́лся опя́ть въ це́рковь, жа́рко моли́лъ о побѣ́дѣ. Прибѣжа́лъ къ нему́ посланецъ отъ кня́зя Воротынскаго, со слова́ми: „Госуда́рь, пора́ тебѣ́ ѣ́хать, полки́ ждутъ тебя́“. Царь отвѣча́лъ: „Какъ отслу́шаемъ всю слу́жбу, то и соверше́нную ми́лость отъ Христа́ полу́чимъ“. Воротынскій присла́лъ гори́чно. Слу́жба ко́нчилась. Царь причасти́лся Св. Та́инъ, одѣ́лъ доспѣ́хи, сѣлъ на коня́ и поскака́лъ со свои́мъ полко́мъ. Ру́сскія зна́мёна ужъ развѣва́лись на стѣна́хъ Каза́ни. Свирѣ́пый бой шёлъ въ са́момъ го́родѣ. Толпы́ тата́ръ, тѣсни́мыя уже́ изнутри́ го́рода, по ру́памъ, взлѣ́зли въ одно́мъ мѣ́стѣ на стѣну́, замаха́ли и завопи́ли ру́сскимъ: „Погоди́те стрѣля́ть! пока́ стоя́ло на́ше ца́рство и го́родъ на́шъ, мы би́лись за него́ и за царя́ на́шего. Тепе́рь выдаёмъ вамъ царя́ своего́ жи́ва и здра́ва; веди́те его́ къ ва́шему царю́, а мы вы́йдемъ въ широ́кое по́ле испи́ть съ ва́ми после́днюю ча́шу“. Вы́дали своего́ царя́ и вдругъ ста́ли пры́гать со стѣнъ, хотѣ́ли проби́ться къ лѣсу, и всѣ па́ли, но мно́го положи́въ и на́шихъ.

6. Въ Каза́ни. Царь въѣ́халъ въ го́родъ по крова́вой у́лицѣ, съ кото́рой до того́ поприбра́ли тру́пы. Тутъ въ го́родѣ его́ порази́ло

[1] Стр., подъ но́ги.

неожи́данное зрѣ́лище: его́ встрѣ́тила толпа́ ру́сскихъ, то́лько что освобождённыхъ плѣ́нниковъ, изъ кото́рыхъ нѣ́которые мно́гіе го́ды томи́лись въ нево́лѣ каза́нской. Уви́дѣвъ госуда́ря, блѣ́дные, худы́е, едва́ прикры́тые, они́ ки́нулись на колѣ́ни и крича́ли: „Оте́цъ ты нашъ! избави́тель ты нашъ! изъ а́да ты насъ вы́велъ! для насъ, сиро́тъ свои́хъ, головы́ свое́й не пощади́лъ!“ Царь велѣ́лъ ихъ отвести́ въ свой станъ и корми́ть со своего́ стола́. На друго́й день го́родъ былъ очи́щенъ отъ тру́повъ. Царь, духове́нство, во́йско торже́ственно вступи́ли въ Каза́нь: духове́нство впереди́ шло съ церко́вными хору́гвями и креста́ми; обошли́ стѣ́ны, кропи́ли свято́ю водо́й и, вы́бравъ мѣ́сто для постро́йки собо́рнаго хра́ма, водрузи́ли на нёмъ крестъ. Храмъ порѣшено́ строи́ть во и́мя Благовѣ́щенія: да послу́житъ сіе́ пе́рвое на́ше завоева́ніе благо́ю вѣ́стію послѣ́дующихъ... Воротя́сь же въ Москву́, госуда́рь, въ па́мять взя́тія каза́нскаго, постро́илъ въ Москвѣ́ Покро́вскій собо́ръ, что ны́нче называ́ется Васи́ліемъ Блаже́ннымъ. На э́томъ мѣ́стѣ пре́жде бы́ло кладби́ще, на кото́ромъ похоро́ненъ былъ и э́тотъ блаже́нный.

По паде́ніи Каза́нскаго ца́рства, не могло́ до́лго держа́ться и Астраха́нское. Царь спусти́лъ по Во́лгѣ двухъ воево́дъ съ во́йскомъ и они́ безъ больши́хъ хлопо́тъ за́няли Астрахань.

В. Завоеваніе Сибири.

I. Разбо́йничество на Во́лгѣ. По Во́лгѣ и по До́ну и при тата́рахъ ещё жи́ло дово́льно мно́го ру́сскихъ люде́й, выходи́вшихъ сели́ться въ степь по э́тимъ рѣка́мъ и да́лѣе, да́же въ Кавка́зскія го́ры, на рѣку́ Те́рекъ! Хотя́ э́ти лю́ди не прерыва́ли свои́хъ свя́зей съ далёкой ро́диной, крѣ́пко держа́лись вѣ́ры оте́ческой и ру́сскихъ обы́чаевъ и называ́ли себя́ людьми́ госуда́ревыми, во́льными казака́ми, одна́ко госуда́ри моско́вскіе, за да́льностью, управля́ть и́ми и помышля́ть[1] объ нихъ не могли́. На жа́лобы ра́зныхъ тата́рскихъ ха́новъ, что казаки́ ихъ гра́бятъ, изъ Москвы́ часте́нько отвѣча́ли: „Степь велика́—и госуда́рямъ за казака́ми смотрѣ́ть не мо́жно“. Са́ми же казаки́ свое́й постоя́нною войно́ю съ тата́рами нема́ло намъ приноси́ли по́льзы, постоя́нно трево́жа Каза́нь и Астрахань. Когда́ же э́ти ца́рства бы́ли взя́ты, на Во́лгѣ, по ста́рой па́мяти, продолжа́ли собира́ться въ ша́йки ра́зные гуля́щіе лю́ди и изъ Россі́и и изъ казако́въ и напада́ть безъ разбо́ру на всѣ суда́, иду́щія по Во́лгѣ. Напра́сно госуда́рь прика́зывалъ изъ Москвы́, чтобъ они́ надъ госуда́ревой казно́й и торго́выми людьми́ никако́го воровства́ не чини́ли. Во́льница не унима́лась; атама́ны ея́ разгу́ливали по Во́лгѣ и по Каспі́йскому мо́рю, сло́вно са́ми цари́ морскіе, и ца́рскаго прика́за не слу́шались. Число́ вата́гъ всё росло́ и росло́. Нѣ́которые атама́ны сдѣ́лались гро-

---

[1] Ду́мать забо́титься.

бою для судохо́довъ. Ме́жду про́чими осо́бенно стра́шно для нихъ сдѣ-
алось и́мя атама́на Ермака́ Тимоѳе́ича. Та́къ-то некраси́во встрѣча́ется
амъ въ пе́рвый разъ и́мя Ермака́, знамени́таго покори́теля Сиби́ри.

2. Кто былъ Ерма́нъ. Есть изве́стіе, что дѣдъ Ермака́, по и́мени
Іоанна́сій Григо́рьевичъ Оле́нинъ, былъ поса́дскій челове́къ[1] го́рода
Суздаля; жилъ тамъ въ вели́кой ску́дости, переѣ́халъ пото́мъ во
Влади́миръ[2] съ двумя́ сыновья́ми, Родіо́номъ и Тимоѳе́емъ, и промыш-
ля́лъ изво́зомъ; нанима́лся иногда́ вози́ть разбо́йниковъ въ Му́ром-
скихъ лѣса́хъ, да вмѣстѣ съ ни́ми и попа́лъ въ тюрьму́. Дѣти его́
переѣхали жить на рѣку́ Чусову́ю[3], въ ны́нѣшнюю Пе́рмскую губе́р-
нію, въ во́тчины имени́тыхъ люде́й Стро́гановыхъ. Стро́гановы бы́ли
ва́жные и у́мные лю́ди. Они́ вы́просили себѣ́ у госуда́ря пустопоро́жнія
зе́мли ме́жду рѣка́ми: Ка́мой и Чусово́й, о́коло Ура́льскихъ горъ, для
того́, что тамъ удо́бно вари́ть соль и вся́кой руды[4] мно́го. Царь далъ
имъ зе́мли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они́ са́ми тамъ всѣмъ распоряжа́лись:
и наро́дъ сели́ли бъ, и городки́ бы стро́или, и ру́жья, и пу́шки имѣ́ли
бы, и ра́тныхъ люде́й, и са́ми бы оборони́лись отъ сосѣ́днихъ ди́-
кихъ наро́дцевъ. И Стро́гановы на́чали устра́ивать э́тотъ край и вели́
ѣ́ло умно́ и за вся́кой своей нуждо́й са́ми перепи́сывались съ ца-
ёмъ. Вотъ у ни́хъ-то и поселя́лись ска́занные вы́ходцы, Родіо́нъ съ
Тимоѳе́емъ, и роди́лись у нихъ дѣти: ме́жду про́чими у Тимоѳе́я былъ
ынъ Васи́лій. Этотъ Васи́лій былъ удало́й ма́лый: краса́вецъ собо́й,
о́бста сре́дняго, во́лосы имѣ́лъ тёмные, бо́роду чёрную, былъ си́ленъ
рѣчи́стъ. Онъ ходи́лъ на стру́гахъ по Во́лгѣ и Ка́мѣ, и когда́ былъ
ещё кашева́ромъ въ своей арте́ли, това́рищи прида́ли ему́ про́звище
Ерма́къ, что означа́етъ тага́нъ арте́льный.

3. Ерма́къ на Во́лгѣ. Но не ужи́лся Ерма́къ у Стро́гановыхъ: тѣ́сно
ему́ бы́ло жить въ рабо́тникахъ, захотѣ́лось поиска́ть своей до́люшки.
Мани́ла его́ жизнь удала́я, Во́лга-ма́тушка. Тамъ погу́ливаютъ лю́ди
во́льные, казаки́ госуда́ревы, хо́дятъ, высоко́ де́ржатъ го́лову, сла́вой
своей и казно́й похваля́ются, съ басурма́намн сража́ются за ве́ру хри-
стіа́нскую. Пошёлъ къ нимъ Ерма́къ, да ско́ро и въ атама́ны по́палъ. Что
тутъ бы́ло по Во́лгѣ подѣ́лано, мно́го ли на́ душу грѣха́ бы́ло при́нято,
допо́длинно[5] неизвѣ́стно. Ви́дно то́лько, что или́ не совсѣ́мъ во́ромъ и
разбо́йникомъ счита́лъ себя́ Ерма́къ, или́, мо́жетъ быть, хотѣ́лъ заслу-
ки́ть ми́лость ца́рскую,—то́лько, когда́ разъ взбунтова́лись черемисы[6]

---

[1] Мѣщани́нъ, реме́сленникъ. [2]Влади́миръ на р. Кля́зьмѣ, ны́нѣ
губе́рнскій го́родъ. [3]Прито́къ Ка́мы. [4]Добыва́емая изъ земли́ смѣсь,
представля́ющая соедине́ніе мета́лла съ други́ми вещества́ми. Мета́ллъ
зате́мъ очища́ется отъ при́мѣси посторо́ннихъ веще́ствъ. [5]Достовѣ́рно.
[6]Наро́дъ фи́нскаго пле́мени, обита́ющій въ не́которыхъ гу́берніяхъ по
Во́лгѣ и ея́ прито́камъ.

и казáнскіе татáры. Ермáкъ со своéю шáйкою ходúлъ воевóдамъ помóчь, царю̀ послужúть. Угомонúли бунтовщикóвъ—отплы́лъ онъ опя́ть разгýливать по Вóлгѣ-мáтушкѣ, по мóрю Хвалы́нскому[1]. Грóмче прéжняго купцы́ стáли жáловаться, что на Вóлгѣ отъ воровствá и шáлостей спóсоба нѣтъ[2]. Стрóже прéжняго стáли грозúть изъ Москвы́. Наконéцъ, стряслáсь бѣдá вáжная. Ѣхалъ въ Москвý персúдскій послáнникъ. Ермакóвы лю́ди во хмелю́[3] и задрáли людéй послáнниковыхъ. Вы́шла дрáка, рýки расходúлись, самъ послáнникъ былъ убúтъ. Тутъ грóзный царь опалúлся[4], послáлъ воевóдъ наказáть цáрскихъ ослýшниковъ, очúстить Вóлгу отъ разбóевъ. Пришлóсь вóлжскимъ удальцáмъ протúвъ царя́ воевáть. Воевóды разбúли ихъ огрóмное скóпище. Котóрыхъ[5] разбóйниковъ изловúли, котóрыхъ загнáли въ степь, въ мóре. Ермáкъ же, чуть заслы́шалъ о приходѣ воевóдъ, скры́лся невѣдомо[6] куда́. Объявлено бы́ло, что, гдѣ то́лько окáжутся глáвные атамáны, тѣхъ брать, вязáть и вѣшать безъ всякаго разговóра. Въ ихъ числѣ́ изъ сáмыхъ глáвныхъ поименóваны и Ермáкъ Тимоѳéичъ и товáрищъ егó, Иванъ Кольцó.

4. Ермáкъ отправля́ется въ Сибúрь. Плóхо пришлóсь Ермакý Тимоѳéевичу. Пробрáлся онъ въ мѣстá прикáмскія съ разбúтой своéй шáйкой, съ худóй своéй слáвушкой. Напáла на негó лю́тая тоскá. Повѣдалъ[7], ви́дно, свою́ кручи́ну[8] Ермáкъ Тимоѳéевичъ своймъ рóдичамъ. Тѣ поговорúли со Строгановыми, а Строгановы бы́ли у́мные старúки. Согласúлись они́ Ермакý въ бѣдѣ́ помóчь и послáли къ нему́ лáсковую грáмоту съ такúми рѣчáми: „Чѣмъ мотáться тебѣ́ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермáкъ Тимоѳéевичъ, послужúлъ чéстнымъ лю́дямъ, а у насъ про тебя́[9] дѣло нашлóсь бы. Пожáловалъ намъ государь зéмли за Угорскими горáми[10], а мы бы тамъ острожкú[11] постáвили, чтóбы на государевы зéмли сибúрскимъ народцамъ: остякáмъ и вогýламъ, а тѣмъ пáче сибúрскому царю̀, татáрину Кучýму[12], путь перехватúли. Ты бы набрáлъ вóльныхъ людéй охóтниковъ, а мы бы тебѣ́ всё нýжное дáли; послужúлъ бы ты царю̀ вѣрой-прáвдою и заслужúлъ бы прéжніе грѣхú свои“. Какъ получúлъ э́ту грáмоту Ермáкъ Тимоѳéевичъ, созвáлъ онъ казáцкій кругъ[13] и вы́шелъ къ нему́ со свѣтлымъ лицóмъ и велѣ́лъ пéредъ всѣ́ми читáть грáмоту: „Кто хóчетъ, брáтцы, со мной итти́, пусть идётъ, кто не хóчетъ, тому́ вóля вóльная. А ужъ я вамъ не товáрищъ.

---

[1]Нар., по мóрю Каспíйскому. [2]Нар., возмóжности нѣтъ; здѣсь: житья́ нѣтъ. [3]Въ пья́номъ ви́дѣ. [4]Разгнѣвался. [5]Котóрыхъ—котóрыхъ =одни́хъ — другúхъ. [6]Неизвѣстно. [7]Сообщúлъ, разсказáлъ. [8]Тоскý, гóре. [9]На́р., для тебя́. [10]Стр. Урáльскими гóрами. [11]Поселéніе, обнесённое частоко́ломъ, т.-е. забóромъ изъ заострённыхъ вверхý кóльевъ; укрѣплённое поселéніе. [12]Царю̀ Сибúрской орды́. [13]Собрáніе казакóвъ.

Кто же со мной пойдётъ, тотъ на слóвѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ воровствá и пáкости[1] за нáми не водúлось". И всѣ егó любúмые товáрищи возрáдовались: „Намъ безъ тебя́, Ермáкъ Тимоѳéевичъ, всё равнó пропадáть. Куда́ ты, туда́ и мы. За тебя́ гóловы свои́ положúть согласны". И набралóсь съ нúми ещё пятьсóтъ сóрокъ человѣкъ. И пошлú онú въ Чусóвые городкú. Прúняли ихъ Строгановы съ велúкою чéстью и стáли снаряжáть за Угорскія гóры. Дáли отъ себя́ ещё трúста человѣкъ рáтныхъ людéй, снабдúли ихъ одéждой и запáсами, и вóинскими доспѣхами, и рýжьями, и мáленькими пýшечками. Свинцý и пóроху дáли вдóволь, да шесть попóвъ, да вожакóвъ и перевóдчиковъ, и проводúли ихъ съ молéбномъ на судáхъ въ дáльнiй путь, въ неизвѣстную зéмлю Сибúрскую.

5. Пéрвая встрѣча съ татáрами. Сторонá былá пустúнная, тишинá глубóкая. Ясное врéмя стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казакú скóро и вéсело. По рѣкáмъ птúцы, по берегáмъ звѣря — велúкое мнóжество. Какъ вы́стрѣлятъ изъ ружья́, всё всполошúтся: вы́стрѣлъ-то по пусты́нным мѣстáмъ далекó перекáтывается, чуть ли не на всю Сибúрь. Тóлько рѣдко-рѣдко гдѣ пáшеньки попадýтся; рѣдко-рѣдко гдѣ вы́глянутъ лю́ди дúкіе и прочь побѣгýтъ. Тóлько вотъ глядя́тъ казакú— слóвно вóйско стоúтъ. Вóйско зашевелúлось. Вы́шли казакú на бéрегъ, да какъ гря́нули изъ ружéй: всё вóйско попáдало. Засмѣя́лись казакú, пошлú ходúть мéжду лежáщими, стáли искáть ихъ нáбольшаго[2]. Чуть начнýтъ сибúрцы подымáть гóловы, опя́ть кто-нибýдь вы́стрѣлитъ, и тѣ опя́ть нóсомъ уткнýтся въ зéмлю. Нашлú, наконéцъ, нáбольшаго; оказáлось, что вóйско вёлъ сибúрскаго царя́ Кучýма мурзá Таузáкъ. Ермáкъ обошёлся съ нимъ лáсково, угощáлъ, выспрáшивалъ про царя́ Кучýма и про мурзъ егó, и гдѣ егó столúца, и скóлько у негó сúлы, и далекó ли, и какъ иттú туда́; затѣмъ отпустúлъ егó домóй. Мурзá прибѣжáлъ къ Кучýму и на всѣхъ нагнáлъ страхъ своúми разскáзами. Осóбенно ружéйная пальба́ ихъ перепугáла. Ружья́-то онú ещё не вúдывали, и у насъ онó недáвно завелóсь, при томъ же царѣ, Ивáнѣ Васúльевичѣ Грóзномъ.

6. Что происходúло въ цáрствѣ Кучýма. Царь Кучýмъ переполошúлся, а съ нимъ и мурзá, и муллы́ егó, и князькú, и шамáны[3] сибúрскіе. Собрáлись на совѣтъ. Шамáны говорúли, что съ э́тими людьмú прихóдитъ гúбель Кучýмову цáрству; что въ вóздухѣ, надъ сáмой Кучýмовой столúцей, всѣ вúдѣли гóродъ, а въ э́томъ гóродѣ—кáменныя бáшни, на бáшняхъ вися́тъ колоколá, а вверхý кресты́. Кучýмъ, бýдучи мусульмáниномъ, хоть и презирáлъ шамáновъ, но побáивался ихъ: говорúлъ, что онú врутъ, а самъ разспрáшивалъ объ óгненной

[1]Дурнóго дѣла. [2]Нар., начáльника. [3]Колдуны́, чародѣи.

пальбѣ. Нашли́сь, кото́рые вида́ли ружьё въ Перми́ и у Стро́гановыхъ и говори́ли, что отъ гро́ма его́ вреда́ не дѣлается никако́го, а прошиба́етъ то́лько пу́лька, что всё равно́, и стрѣла́ вѣдь ра́нитъ смерте́льно. По́нялъ ли, не по́нялъ ли Кучу́мъ, то́лько тотча́съ повѣсти́лъ[1], чтобы какъ мо́жно скорѣе подыма́лись и шли къ нему́ всѣ подвла́стные мурзы́ и остяки́ и другі́е сиби́рцы. Самъ онъ за́перся въ гла́вномъ своёмъ ю́ртѣ, въ городкѣ, называ́емомъ Сиби́рь или́ Иске́ръ; а своему́ племя́ннику, по и́мени Мегме́тъ-Ку́лу, назна́чилъ итти́ съ большо́ю ра́тью на Ермака́ и стара́ться уничто́жить ру́сскихъ Этотъ Мегме́тъ-Кулъ счита́лся са́мымъ сла́внымъ Сиби́рскихъ странъ богатырёмъ: велика́нъ ро́стомъ, си́лы непомѣ́рной, онъ въ свои́хъ золоты́хъ одѣ́ждахъ, оторо́ченныхъ[2] соболя́ми, въ чешу́йчатыхъ ла́тахъ на груди́ и въ золото́мъ шле́мѣ съ орли́ными кры́льями, далеко́ ви́денъ былъ и ме́жду свое́ю тата́рскою ко́нницей, а тѣмъ па́че надъ малоро́слыми сиби́рцами, съ головы́ до ногъ одѣ́тыми въ звѣри́ныя шку́ры.

7. Би́тва съ тата́рами. Мегме́тъ-Кулъ сталъ на Тобо́лѣ рѣкѣ и дожида́лъ на́шихъ, стара́ясь гла́вное объясни́ть своему́ во́йску про ружейную стрѣльбу́, чтобы ея́ не боя́лись. Провѣ́давъ, что казаки́ недалеко́ отъ него́ вы́садились, посла́лъ онъ на нихъ впередъ свою́ ко́нницу, а вслѣдъ за ней и пѣ́шее во́йско съ ко́пьями и стрѣ́лами. Казаки́ встрѣ́тили ихъ вы́стрѣлами изъ пу́шекъ и ру́жей. Тѣ бы́ло дро́гнули, но ско́ро опо́мнились, осо́бенно тата́ры. Да и сиби́рцы ужъ не па́дали отъ гро́ма, а то́лько разбѣгу́тся, да опя́ть ску́чатся и стрѣля́ютъ изъ лу́ковъ. Казаки́ ки́нулись на нихъ въ рукопа́шъ[3]; сѣ́ча была́ зла. Но, ви́дя паде́ніе многихъ свои́хъ, войска́ Мегме́тъ-Куловы не вы́держали и побѣжа́ли. У на́шихъ то́же бы́ли и уби́тые и ра́неные. Ерма́къ поплы́лъ да́льше, внизъ по Тобо́лу, спѣша́ на Ирты́шъ, гдѣ Кучу́мовъ юртъ. Доро́гой былъ ещё бой: разби́ли казаки́ Ку́чумова мурзу́ Кара́чу и взя́ли его́ юртъ и бога́тую добы́чу: зо́лото, припа́сы, мёдъ, и перетащи́ли всё на свои́ ло́дки. Разска́зываютъ, что юртъ э́тотъ взя́ли они́ хи́тростью. Понадѣ́лали чу́челъ изъ соло́мы, надѣ́ли на нихъ кафта́ны и ша́пки и привяза́ли въ ло́дкахъ, оста́вивъ при нихъ ма́лое число́ людей́, а са́ми та́йно вы́садились на бе́регъ. Подошли́ ло́дки и ста́ли про́тивъ ю́рта. Вы́сыпали тата́ры на бе́регъ и ста́ли пуска́ть стрѣ́лы. Стрѣля́ютъ и диву́ются, какі́е э́то лю́ди ру́сскіе — крѣ́пкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ сно́пики налѣ́плено, а они́ всѣ невреди́мы стоя́тъ. Настоя́щіе же казаки́ тѣмъ вре́менемъ зашли́ тата́рамъ въ тылъ и вдругъ вы́палили изъ ру́жей. Такъ юртъ и взя́ли.

8. Уны́ніе казако́въ. Мегме́тъ-Кулъ ме́жду тѣмъ не теря́лъ казако́въ изъ ви́ду, по высо́кому бе́регу въ нѣ́которомъ разстоя́ніи

---

[1] Увѣ́домилъ. [2] Обши́тыхъ по края́мъ. — [3] Въ рукопа́шную схва́тку

провожа́я ихъ свое́ю ко́нницею. Гдѣ рѣка́ су́живается ме́жду горъ, онъ засѣдетъ на гора́хъ за куста́ми и сы́плетъ внизъ на плыву́щихъ стрѣ́лы и ка́мни. При впаде́ніи Тобо́ла въ Ирты́шъ Ермакъ счёлъ, наконе́цъ, за ну́жное отдѣ́латься отъ свои́хъ провожа́тыхъ, прича́лилъ къ бе́регу, хра́бро напа́лъ на нихъ и заста́вилъ бѣжа́ть. Уби́тыхъ тутъ у насъ не́ было, но почти́ всѣ казаки́ бы́ли уже́ ра́нены. Мно́гіе ста́ли призаду́мываться. Ну́жно бы́ло хоть гдѣ-нибу́дь останови́ться отдохну́ть: исходи́лъ второ́й ме́сяцъ ихъ похо́да, наступа́ло 22-е октября́. Войдя́ въ Ирты́шъ, Ермакъ поверну́лъ внизъ по рѣкѣ́. Казаки́ скоро увида́ли како́е-то ста́рое городи́ще[1], удо́бное для прива́ла, и, не встрѣча́я на всёмъ Ирты́шѣ непрія́теля, расположи́лись въ городи́щѣ. Но э́то-то и была́ устро́енная Кучу́момъ заса́да. На э́то-то городи́ще Кучу́мъ и разсчи́тывалъ. Онъ велѣ́лъ заблаговре́менно совсѣ́мъ его́ очи́стить и оста́вить пусты́мъ. Близъ него́ же стои́тъ высо́кая гора́ Чува́шева. На э́той горѣ́ расположи́лся самъ Кучу́мъ съ полови́ной своего́ во́йска; а другу́ю полови́ну, подъ нача́льствомъ Мегме́тъ-Ку́ла, укры́лъ онъ съ друго́й стороны́ городи́ща, сдѣ́лавъ для того́ наро́чно засѣ́ку[2] и обведя́ её ва́ломъ. Зави́дя казако́въ, тата́ры притаи́лись въ свои́хъ мѣста́хъ. Казаки́ же ужъ ве́черомъ подплы́ли къ городи́щу, ста́ли пи́щу вари́ть и гото́вить себѣ́ ночле́гъ, какъ вдругъ замѣча́ютъ, что въ засѣ́кѣ люде́й—ви́димо-неви́димо[3]. Свѣ́давъ, что и на Чува́шевой горѣ́ стоитъ самъ Кучу́мъ и что они́ окружены́ всей его́ си́лой, они, уста́лые и ра́неные, вдругъ впа́ли въ страхъ и отча́яніе, собира́лись въ кру́ги и тре́бовали, чтобы́ по́чью же сади́ться на суда́ и ѣ́хать наза́дъ. Съ трудо́мъ удало́сь Ермаку́ ободри́ть казако́въ.

9. Би́тва съ Кучу́момъ. На у́тро, какъ то́лько со́лнце освѣти́ло блиста́ніемъ свѣ́тлыя облака́, вы́велъ Ермакъ свою́ дружи́ну изъ городи́ща и указа́лъ на засѣ́ку. „Съ на́ми Богъ!“ кри́кнули казаки́ еди́ными уста́ми, да́ли залпъ и побѣжа́ли на при́ступъ. Тата́ры вы́пустили ту́чу стрѣ́лъ. Мно́гіе изъ на́шихъ попа́дали; другіе замя́лися. Ви́дя то, тата́ры въ трёхъ мѣста́хъ разлома́ли засѣ́ку и ки́нулись всей ара́вою[4], ду́мая взять мно́жествомъ и въ тѣ́снотѣ не дать стрѣля́ть изъ ру́жей. Ту́тъ-то прояви́лась си́ла богаты́рская, бой пошёлъ на жизнь и смерть. Топоры́ и са́бли въ ходъ пошли́. Дра́лись въ рукопа́шную: на одного́ казака́ приходи́лось по десяти́, по двадцати́, по тридцати́ человѣ́къ. Ермака́ Богъ храни́лъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятеря́лась си́ла: вездѣ́ поспѣва́лъ онъ во́-время: отъ одного́ его́ ви́да толпа́ разбѣга́лась... Но столпъ Кучу́мова ца́рства, душа́ его́ во́йска

[1]Мѣ́сто, гдѣ былъ го́родъ. [2]Цѣликомъ, съ су́чьями, сру́бленныя дере́вья, кото́рыми зава́ливаютъ простра́нство пе́редъ кре́постью, для затрудне́нія до́ступа непрія́теля. Здѣсь нѣ́сколько въ ино́мъ смы́слѣ. [3]Очень мно́го [4]Толпо́ю.

падломи́лась: палъ хра́брый Мегме́тъ-Кулъ, ра́неный; едва́ успѣ́ли отби́ть его́, е́ле живо́го, и отве́сть за Иртышъ. Разстро́ились его́ тата́ры и побѣжа́ли; остя́цкіе князьки́, стоя́вшіе у Кучу́ма, вмѣ́сто того́, чтобы поддержа́ть татаръ, повернули коне́й и отвели́ войска́ во-свояси. Оста́лся Кучу́мъ оди́нъ на горѣ́ съ немно́гими приближёнными, стоя́лъ, какъ ошеломлённый, го́рько запла́калъ и побѣжа́лъ. Добѣжа́лъ онъ до столи́цы своей́, гдѣ́ ца́рствовалъ со́рокъ лѣтъ, захвати́лъ ко́е-что изъ сокро́вищъ и устреми́лся на ста́рости лѣтъ въ скита́льческій путь, съ сокруше́ніемъ промо́лвивши: „Нѣтъ тако́й ра́дости, кото́рая бы пото́мъ не сложи́лась на печа́ль“. Скита́ясь по степя́мъ въ го́рѣ, онъ пото́мъ осле́пъ.

10. Въ Кучу́мовой столи́цѣ. Побѣ́да Ермака́ была́ по́лная, хотя́ доста́лась недёшево. Пя́тая часть всей дружи́ны[1] его́, сто семь во́иновъ, полегло́ въ э́томъ бою́. Но Ермакъ не хотѣ́лъ теря́ть вре́мени и дать врага́мъ опо́мниться. На друго́й же день пошёлъ къ Кучу́мовой столи́цѣ; она́ была́ отъ Чува́шевой горы́ всего́ въ шестна́дцати верста́хъ. Шли безъ боя́зни, но, прибли́зясь къ го́роду и не слы́ша отту́да го́лоса, не ви́дя лица́ челове́ческаго, усумни́лись, не кро́ется ли тутъ како́е лука́вство. Осторо́жно на́чали казаки́ входи́ть въ го́родъ и уви́дѣли, что юртъ совсѣ́мъ пустъ. Увѣ́рясь, что лука́вства никако́го нѣтъ, Ермакъ велѣ́лъ служи́ть благода́рственный моле́бенъ, съ кресга́ми и свято́й водо́ю обошёлъ вокру́гъ го́рода, посвяща́я его́ и́стинному Бо́гу, и поздра́вилъ това́рищей съ до́брой зимо́вкой. Отдохну́ли на́ши молодцы́, поустро́ились въ го́родѣ. Три дня прошли́ ти́хо и ми́рно. На четвёртый день показа́лись остя́цкіе князьки́, подъѣ́хали, вы́ложили Ермаку́ бога́тые дары́ и запа́сы и би́ли челомъ[2] приня́ть отъ нихъ прися́гу на вѣ́рность. За ни́ми ста́ли приходи́ть жи́тели съ се́мьями свои́ми, присяга́ли Ермаку́, и онъ приглаша́лъ всѣ́хъ ихъ жить попре́жнему въ го́родѣ. Го́родъ опя́ть напо́лнился людьми́. Ермакъ ско́ро всѣмъ полюби́лся: всѣмъ подъ нимъ житьё бы́ло безоби́дное. Тузе́мцы ста́ли да́же ра́доваться, что изба́вились отъ Кучу́ма. Кучу́мъ былъ въ той сторонѣ́ при́шлый царь, ро́домъ тата́ринъ; пре́жнихъ владѣ́телей онъ побѣди́лъ и самъ сѣ́лъ на ихъ мѣ́сто.

11. Но́выя завоева́нія. Весно́ю, какъ то́лько прошли́ рѣ́ки, Ермакъ пошёлъ въ похо́дъ внизъ по Иртышу до са́мой Оби и гдѣ[3] ми́рно, гдѣ́ бо́емъ привёлъ всю страну́ подъ власть свою́. Когда́ онъ возвраща́лся наза́дъ, ше́ствіе его́ бы́ло торже́ственно. На ло́дкахъ его́ игра́ла му́зыка. Казаки́ бы́ли одѣ́ты въ пра́здничные кафта́ны; всё обши́то бы́ло зо́лотомъ. Жи́тели выходи́ли къ нему́ навстрѣ́чу, па́дали ницъ, выно-

---

[1]Бо́йска. [2]Проси́ли. [3]Гдѣ—гдѣ=въ одно́мъ мѣ́стѣ—въ друго́мъ мѣ́стѣ.

сúли дарú, кýньи и собóльи мѣхá, просúли егó судá и слáвили егó судъ. Общúрныя зéмли бúли подвлáстны Ермакý; мнóгіе нарóды понеслú ему́ дань; вѣнéцъ Кучýмовъ былъ въ егó рукáхъ... Ермáкъ могъ бы возложúть егó себѣ́ нá голову. Всякой вóльницы изъ Россіи, съ Вóлги и съ Дóну къ нему́ потянýло бы мнóжество, и былъ бы онъ сúленъ и слáвенъ и повелѣвáлъ бы нарóдами. Такъ бы и сдѣ́лалъ инóй, только не рýсскій человѣ́къ. Куда́ бы ни зашéлъ рýсскій человѣ́къ, какóю бы слáвою не возвелúчился, онъ тóлько о святóй Русú и дýмаетъ, и сéрдце егó отъ нея́ не отрывáется. Принимáлъ Ермáкъ э́ти пóчести, а дýмалъ о другóмъ. Мóлча и подóлгу поглядывалъ онъ въ ту сторóнушку, гдѣ Русь православная. Всё тамъ живётъ чéстный нарóдъ, для негó же тамъ, на велúкой Русú, поста́влены, стоя́тъ-дожида́ются два стóлбика съ перекла́динкой. Хоть полсвѣ́томъ завладѣ́й, всё онъ тамъ—воровскóй казáкъ, государевъ измѣ́нникъ. Такъ въ цáрскомъ указѣ́ объ нёмъ скáзано, пятнó на имя егó крéстное полóжено. Это-то пятнó и прожигáло егó дýшу, а мыть егó моглó тóже—тóлько слóво цáрское.

12. Ермáкъ увѣдомля́етъ царя́ и Строгановыхъ о свои́хъ завоева́ніяхъ. Воротúлся Ермáкъ изъ похóда, позвáлъ попá, зáперся въ своéй земля́ночкѣ, караýлъ постáвилъ, чтобъ никтó къ нему́ не входúлъ, и велѣ́лъ попу́ писáть. Самъ хóдитъ по земля́ночкѣ, а попъ со словъ егó пúшетъ къ царю́ грáмоту, простýю грáмоту, гдѣ о себѣ́ Ермáкъ и слóва не говорúтъ и ничегó не укáзываетъ, что бы дѣ́лать государю́. Велѣ́лъ онъ написáть и другýю грáмоту, къ именúтымъ лю́дямъ Строгановымъ, увѣдомля́лъ ихъ о дѣлáхъ своúхъ и просúлъ переправúть съ егó грáмотой пóсланца къ самому́ царю́ въ Москву́. Написáвши грáмоты, позвáлъ онъ атамáновъ и есаýловъ своúхъ и спросúлъ: „Кому́ ѣ́хать въ Москву́ пéредъ грóзнаго царя́ за воровскія дѣлá отвѣ́тъ держáть и бить челóмъ цáрствомъ Сибúрскимъ?“ „Кому́ же ѣ́хать, какъ не мнѣ?“ вы́звался Ивáнъ Кольцó, Ермакóвъ ближúйшій другъ: „úмя моё велúкому государю́ свѣ́домо[1]: въ цáрскомъ указѣ́ напúсано; велѣ́лъ меня́ сыскáть велúкій государь: самъ приду́, свою́ гóлову принесу́, а отъ тебя́ дорогóй подáрочекъ“. Поѣ́халъ Ивáнъ Кольцó съ пятью́десятью казакáми. Остáлись Ермáкъ съ товáрищами дожидáть, что велúтъ имъ сказáть велúкій государь.

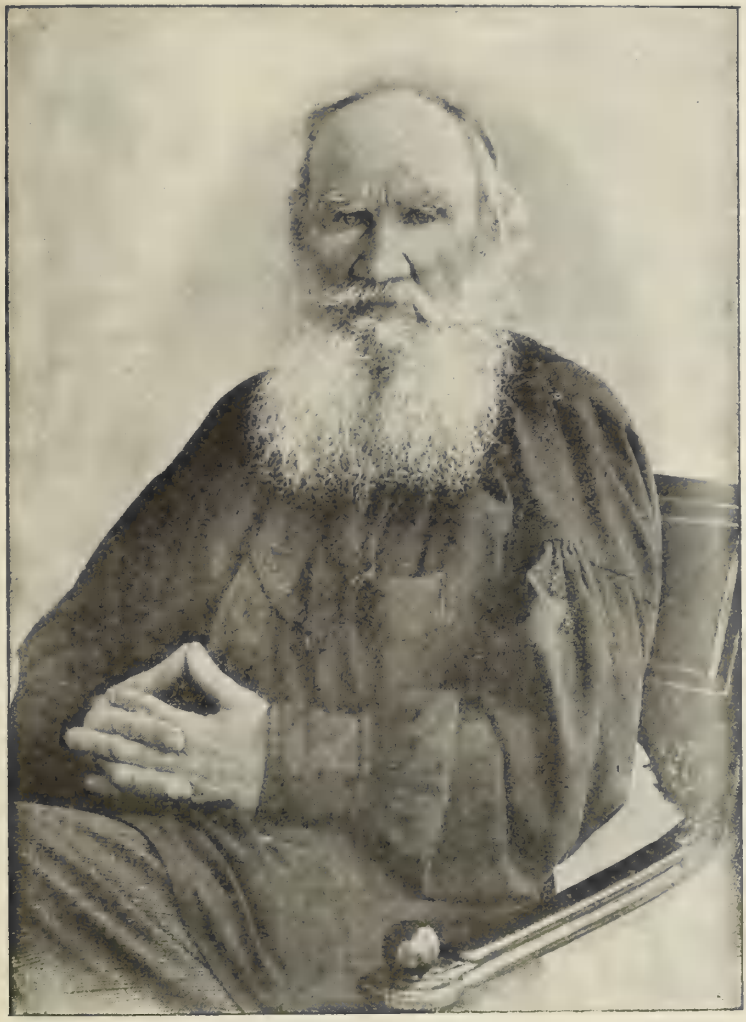
13. Гонцы́ Ермана́ въ Москвѣ́. Обыкновéнно государь принимáлъ гонцóвъ самъ, сúдя на крéслахъ, а кругóмъ егó по лáвкамъ[2] бояре. Ввóдятъ Ивáна Кольцó съ товáрищами. Онú пáли пéредъ государемъ на зéмлю, какъ престýпники; Ивáнъ Кольцó положúлъ себѣ́ на голову грáмоту. Цáрь велѣ́лъ дьяку́[3] взять, распечáтать и читáть

[1]Нар., извѣ́стно. [2]Скамья́мъ. [3]Стр., чинóвнику

грáмоту. Дьякъ прочёлъ. Государь велѣлъ Ивáну Кольцó встать и во
дѣло разсказáть. И повѣдалъ Кольцó безъ утáйки всю прáвду йстин
пую, что онú тѣ сáмые воровскіе казакú, о котóрыхъ пúсано въ цáр
скихъ укáзахъ, и какъ онú пришлú къ Строгановымъ, и какъ въ Си
бúрь пошлú, и прóчее. И объ Ермакѣ всё допóдлинно разсказáлъ
Царь выспрáшивалъ всё до мéлочи. Ивáнъ Васúльевичъ не пропус
кáлъ слýчая кольнýть боя́ръ своúхъ измѣною нѣкоторыхъ изъ них
Тутъ вы́шелъ емý пóводъ сказáть имъ: „Вотъ вамъ примѣръ: и не
знáтнаго рóда лю́ди, простúе казакú; я ихъ казнúть велѣлъ; онú ж
не побѣжáли служúть моúмъ нéдругамъ, а пошлú на меня́ же пора
бóтать, цáрство мнѣ покорúли, чтобы я тóлько спялъ съ нихъ вин
ихъ стáрыя“. И, обратúсь къ казакáмъ, объявúлъ, что всѣ винú их
онъ съ нихъ снимáетъ и за слýжбу жáлуетъ велúкимъ своúмъ госу
дáревымъ жáлованьемъ. „А къ хрáброму воевóдѣ нáшему“, заключúл
онъ, „кня́зю Сибúрскому Ермакý Тимоѳéевичу, пóмощь пошлю́
велю́ отписáть къ немý мою́ цáрскую грáмоту“. И допустúлъ онъ ка
закóвъ къ рукѣ и одарúлъ ихъ и велѣлъ ихъ продовóльствовать с
цáрскаго столá. Потóмъ всталъ съ крéселъ и приказáлъ тóтчас
же служúть въ Успéнскомъ соборѣ молéбенъ и по всей Москвѣ и п
всемý цáрству звонúть въ колоколá и объявúть нарóду, что Бог
послáлъ держáвѣ Россíйской велúкое приращéніе: трéтье мусульмáн
ское цáрство — Сибúрь покорúлась скúпетру христiáнскаго царя.
велúкое бы́ло въ Москвѣ ликованье[1]. На пóмощь Ермакý отря́жен
былъ князь Болховскóй и съ нимъ пятьсóтъ стрѣльцóвъ. Казакáм
царь послáлъ дéнегъ, сýконъ, кáмки[2]; Ермакý—шýбу съ своегó плеч
двѣ броня́, серéбряный кýбокъ, и въ мúлостивой грáмотѣ своéй, на
звáвъ егó кня́земъ Сибúрскимъ, поручúлъ емý глáвное распоряже
ніе и началáьство надъ всéю покорённою странóю.

14. Смерть Ермака. Рáдость казакóвъ былá неописáнная, когдá во
ротúлся Ивáнъ Кольцó съ цáрскими мúлостями. Но Ермакý недóлг
пришлóсь úми пóльзоваться. Онъ попáлъ такú въ засáду къ Кучýм
Кучýмъ распустúлъ слухъ, что къ казакáмъ идýтъ бухáрскіе[3] купц
Ермáкъ вы́шелъ съ пятью́десятью казакáми имъ для прикры́тія. Ку
цóвъ на скáзанномъ мѣстѣ не нашлú и расположúлись на островк
на Ирты́шѣ, ночевáть. Ночь былá бýрная, вѣтеръ вылъ, рѣкá шумѣл
Казакú спáли богаты́рскимъ снóмъ. Кучýмъ перепрáвился чéрезъ рукáв
рѣкú, напáлъ и сóнныхъ перерѣзалъ казакóвъ. Ермáкъ вскочúлъ бы́
на крúки, брóсился къ судáмъ своúмъ, отмáхиваясь сáблей, перепр
гивалъ съ лóдки на лóдку, оступúлся и упáлъ въ бýрную и глубóкую рѣк

[1]Рáдость. [2]Тур., украшенная рисýнками шёлковая матéрія. [3]Купц
изъ Бухáры; хáнство въ Азіи, съ глáвнымъ гóродомъ того́ же и́мен
по прáвую стóрону вéрхняго течéнія Амý-Дáрьи.



тяжёлая царская броня была на немъ и была причиной его гибели. Какъ умеръ Ермакъ, тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него, какъ безъ головы. Душа всего дѣла исчезла. Иванъ Кольцо незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Оставшись, какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужъ только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ. Но ужъ путь въ Сибирь былъ указанъ; царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ, и слѣпой Кучумъ недолго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ; „Постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ[1] въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки“, такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надъ всею Сибирскою страною, живетъ, тамъ въ названіяхъ урочищъ[2], живетъ во всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ.

К. Графъ Левъ Николаевичъ Толстой,

современный русскій писатель, родился въ имѣніи своей матери въ деревнѣ Ясная Поляна (Тульской губ.). Мать его (изъ рода князей Волконскихъ) умерла, когда Т. былъ ещё двухлѣтнимъ ребёнкомъ. Вмѣстѣ съ братьями и сестрой, Т. воспитывался дома, сперва въ деревнѣ, а потомъ въ Москвѣ. Здѣсь на домъ къ Толстымъ ходили учителя, обучавшіе дѣтей, разнымъ наукамъ. Ближайшій надзоръ за дѣтьми и обученіе иностраннымъ языкамъ поручены были гувернёрамъ-иностранцамъ. Пребываніе дѣтей въ Москвѣ продолжалось, впрочемъ, недолго. Послѣ смерти отца, они вернулись въ деревню. Въ 1840 году Т. поселился у своей тётки-опекунши въ Казани и сталъ готовиться къ поступленію въ Казанскій университетъ, въ который поступилъ въ 1843 г. Не кончивъ курса, Т. поселился безвыѣздно въ доставшемся ему по наслѣдству имѣніи Ясная Поляна. Въ 1851 г. онъ ѣдетъ на Кавказъ, гдѣ состоялъ въ военной службѣ его старшій братъ,—съ цѣлью видѣть этотъ край. Здѣсь онъ и самъ поступаетъ въ военную службу и принимаетъ участіе въ дѣлахъ противъ горцевъ. Ко времени пребыванія Т-го на Кавказѣ относится его повѣсть: „Дѣтство, отрочество и юность“. Выйдя въ отставку, Т. жилъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то въ своёмъ имѣніи Ясная Поляна. Здѣсь Т. устроилъ школу для крестьянскихъ дѣтей; для нихъ же онъ издавалъ одно время журналъ: „Ясная Поляна“.

Въ журналѣ „Ясная Поляна“ былъ помѣщёнъ, между прочимъ, разсказъ:

I. Кавказскій плѣнникъ.

I. Отъѣздъ Жилина изъ арміи. Служилъ на Кавказѣ офицеромъ

[1]Не погибнетъ, останется живою. [2]Мѣстностей.

одинъ ба́ринъ[1]. Зва́ли его́ Жи́линъ. Пришло́ ему́ раз письмо́ изъ дому. Пи́шетъ ему́ стару́ха мать: „Стара́ я ужъ ста́ла, и хо́чется по́редъ сме́ртью повида́ть люби́маго сынка́. Пріѣзжа́й со мной прости́ться, похорони́, а тамъ съ Бо́гомъ поѣзжа́й опя́ть на слу́жбу". Жи́линъ заду́мался: „И въ са́момъ дѣлѣ, плоха́[2] ужъ стару́ха ста́ла; мо́жетъ[3], и не придётся увида́ть". Пошёлъ онъ къ полко́внику, вы́правилъ[4] о́тпускъ, прости́лся съ това́рищами, поста́вилъ свои́мъ солда́тамъ четы́ре ведра́ во́дки на проща́нье и собра́лся ѣхать. На Кавка́зѣ тогда́ война́ была́. По доро́гамъ ни днёмъ ни но́чью не́ было прое́зда. Чуть кто изъ ру́сскихъ отъѣдетъ или́ отойдётъ отъ кре́пости, тата́ры или́ убьютъ, или́ уведу́тъ въ го́ры. И бы́ло заведено́, что два ра́за въ недѣлю изъ кре́пости въ кре́пость ходи́ли провожа́тые солда́ты. Спе́реди и сза́ди иду́тъ солда́ты, а въ середи́нѣ ѣдетъ наро́дъ.

2. Неосторо́жность. Дѣло бы́ло лѣтомъ. Собра́лись на зо́рькѣ[5] обо́зы за кре́пость, вы́шли провожа́тые солда́ты и тро́нулись по доро́гѣ. Жи́линъ ѣхалъ верхо́мъ, а телѣга его́ съ вещами шла въ обо́зѣ. Ѣхать бы́ло 25 вёрстъ. Обо́зъ шёлъ ти́хо: то солда́ты остано́вятся, то въ обо́зѣ колесо́ у кого́ соско́читъ, или́ ло́шадь ста́нетъ, и всѣ стоя́тъ, дожида́ются. Со́лнце уже́ за по́лдень перешло́, а обо́зъ то́лько полови́ну доро́ги прошёлъ. Пыль, жара́, со́лнце такъ и печётъ, и укры́ться не́гдѣ: го́лая степь; ни деревца́ ни ку́стика по доро́гѣ. Вы́ѣхалъ Жи́линъ впередъ, останови́лся и ждётъ, пока́ подойдётъ обо́зъ. Жи́линъ и поду́малъ: „А не уѣхать ли одному́, безъ солда́тъ? Ло́шадь подо мно́й до́брая; е́сли и попаду́сь на тата́ръ, ускачу́". Подъѣзжа́етъ къ нему́ на ло́шади друго́й офице́ръ, Косты́линъ, съ ружьёмъ, и говори́тъ: „Пое́демъ, Жи́линъ, одни́. Мо́чи нѣтъ[6]; ѣсть хо́чется, да и жара́". А Косты́линъ—мужчи́на гру́зный[7], то́лстый, весь кра́сный, а потъ съ него́ такъ и льётъ. Поду́малъ Жи́линъ и говори́тъ: „А ружьё заря́жено?"—Заря́жено.—Ну, такъ пое́демъ. То́лько уговоръ—не разъѣзжа́ться. И пое́хали они впередъ по доро́гѣ.

3. Какъ Жи́линъ натки́улся на тата́ръ. Ѣдутъ сте́пью, разгова́риваютъ да погля́дываютъ по сторона́мъ. Круго́мъ далеко́ ви́дно. То́лько ко́нчилась степь, пошла́ доро́га проме́жъ двухъ горъ въ ущелье. Жи́линъ и говори́тъ: „На́до вы́ѣхать на́ гору, погляде́ть, а то тутъ, пожа́луй, вы́скочатъ изъ-за горы́, и не уви́дишь". И пусти́лъ ло́шадь нале́во, на́ гору. То́лько вы́скакалъ, глядь,—а пе́редъ нимъ, на десяти́ну мѣста, стоя́тъ тата́ры верха́ми, человѣкъ три́дцать. Онъ увида́лъ, сталъ наза́дъ повора́чивать. И тата́ры его́ увида́ли, пусти́лись къ нему́, са́ми на скаку́ выхва́тываютъ ру́жья изъ чехло́въ.

[1]Разска́зъ э́тотъ пи́санъ гр. Толсты́мъ для крестья́нскихъ дѣте́й. [2]Слаба́. [3]Мо́жетъ-быть. [4]Вы́хлопоталъ. [5]На зарѣ. [6]Си́лы нѣтъ. [7]Тяжёлый

Припусти́лъ Жи́линъ подъ кру́чу во всѣ лошади́ныя но́ги, кричи́тъ Костыля́ину: „Вынима́й ружьё!“ А самъ ду́маетъ на ло́шадь на свою́: „Ма́тушка, вы́неси; не зацѣпи́сь ногой: спотыкнёшься—пропа́лъ. Доберу́сь до ружья́, я и самъ не да́мся“. А Костыли́нъ, вмѣсто того́, что́бы подожда́ть, то́лько увида́лъ тата́ръ, пусти́лся, что есть ду́ху, къ кре́пости, пле́тью ожа́риваетъ[1] ло́шадь то съ того́ бо́ка, то съ друго́го. То́лько въ пыли́ ви́дно, какъ ло́шадь хвосто́мъ верти́тъ.

4. Какъ Жи́линъ попа́лъ въ пле́нъ. Жи́линъ ви́дитъ—де́ло пло́хо. Ружьё уѣ́хало, съ одно́й ша́шкой ничего́ не сдѣла́ешь, Пусти́лъ онъ ло́шадь наза́дъ къ солда́тамъ: ду́малъ уйти́. Ви́дитъ—ему́ наперере́зъ ка́тятъ ше́стеро. Подъ нимъ ло́шадь до́брая, а подъ тѣ́ми ещё добре́е да и наперере́зъ ска́чутъ. Хотѣ́лъ онъ наза́дъ поворо́тить, да ужъ разнесла́сь ло́шадь, не удержи́ть, пря́мо на нихъ лети́тъ. Ви́дитъ—ли́зится къ нему́ съ кра́сной бородо́й тата́ринъ на сѣ́ромъ коне́. А Жи́линъ хоть невели́къ ро́стомъ, а уда́лъ былъ. Вы́хватилъ ша́шку, пусти́лъ ло́шадь пря́мо на кра́снаго тата́рина, ду́маетъ: „Ли́бо ло́шадью омну́, ли́бо сруби́ ша́шкой“. На ло́шадь мѣ́ста[2] не доскака́лъ Жи́линъ, вы́стрѣлили по нёмъ са́ди изъ ру́жей и попа́ли въ ло́шадь. Да́рилась ло́шадь о́земь со всего́ ма́ху и навали́лась Жи́лину на́ ногу. Хотѣ́лъ онъ подня́ться, а ужъ на нёмъ два тата́рина сидя́тъ, ру́тятъ ему́ наза́дъ ру́ки. Рвану́лся онъ, ски́нулъ съ себа́ тата́ръ, да де́ соскочи́ли съ коне́й тро́е на него́, на́чали бить прикла́дами по голове́. Сѣ́лъ тата́ринъ съ кра́сной бородо́й на ло́шадь, а други́е посади́ли Жи́лина къ нему́ на сѣ́дло́,—а что́бы не упа́лъ, притяну́ли его ремнёмъ за по́ясъ къ тата́рину и повезли́ въ го́ры.

5. Пе́рвая ночь въ пле́ну. Ѣхали они́ до́лго съ горы́ на́ гору, переѣ́хали въ бродъ рѣ́ку́, вы́ѣхали на доро́гу и пое́хали лощи́ной[3]. Хотѣ́лъ Жи́линъ примѣ́ча́ть доро́гу, куда́ его́ везу́тъ, да глаза́ замаза́ны гря́зью, а повернуться нельзя́. Ста́ло смерка́ться. Прі́ѣхали въ аулъ. Слѣ́зли съ лошаде́й тата́ры, собра́лись ребя́та тата́рскіе, окружи́ли Жи́лина, пищатъ, ра́дуются, ста́ли камешьями броса́ть въ него́. Тата́ринъ отогна́лъ ребя́тъ, снялъ Жи́лина съ ло́шади и кли́кнулъ рабо́тника. Принёсъ рабо́тникъ коло́дку: два чурбака́[4] дубо́выхъ на желѣ́зныя ко́льца наса́жены, и въ одно́мъ кольцѣ замо́къ. Развяза́ли Жи́лину ру́ки, наде́ли коло́дку и повели́ въ сара́й; толкну́ли его́ туда́ и заперли дверь. Жи́линъ упа́лъ, полежа́лъ, ощу́палъ въ темнотѣ́, гдѣ помя́гче, и лёгъ. Почти́ всю э́ту ночь не спалъ Жи́линъ. Но́чи коро́тки бы́ли. Ви́дитъ—въ ще́лкѣ свѣти́ться ста́ло. Всталъ Жили́нъ, расшата́лъ ще́лку побо́льше, сталъ смотрѣ́ть.

---

[1]Бьётъ плетью. [2]На разстояніе, ра́вное длинѣ́ ло́шади. [3]Овра́гомъ, ложби́ной. [4]Деревя́нныхъ обру́бка.

6. Что видѣлъ Жи́линъ у́тромъ. Видна ему́ изъ щелки доро́га: по́дъ гору идётъ; напра́во са́кля тата́рская, два де́рева по́длѣ нея́. Соба́ка чёрная лежи́тъ на поро́гѣ, коза́ съ козля́тами хо́дитъ, хво́стиками подёргиваютъ. Ви́дитъ—изъ-подъ горы́ идётъ тата́рка моло́денькая, въ рубахѣ цвѣтно́й, голова́ кафта́номъ покры́та, а на головѣ́ большо́й кувши́нъ жестяно́й съ водо́й. Прошла́ тата́рка въ са́клю съ водо́й. Вы́шелъ тата́ринъ вчера́шній съ кра́сной бородо́й, въ бешме́тѣ[1] пёлковомъ, на ремнѣ́ кинжа́лъ серебряный, въ башмака́хъ на босу́ но́гу. На головѣ́ ша́пка высо́кая, бара́нья, чёрная, наза́дъ зало́млена. Вы́шелъ, потя́гивается, боро́дку кра́сную самъ погла́живаетъ. Постоя́лъ, велѣ́лъ что́-то рабо́тнику и пошёлъ куда́-то. Прое́хали пото́мъ на лошадя́хъ двое ребя́тъ къ водопо́ю. Выбѣжали мальчи́шки бри́тые, собра́лись ку́чкой, подошли́ къ сара́ю, взя́ли хворости́ну и суютъ въ щёлку. Жи́линъ какъ у́хнетъ на нихъ: завизжа́ли ребя́та, убѣжа́ли прочь.

7. Дина. А Жи́лину пить хо́чется: въ го́рлѣ пересо́хло. Слы́шитъ—отпира́ютъ сара́й. Пришёлъ кра́сный тата́ринъ, а съ нимъ друго́й, поме́ньше ро́стомъ, черноватенькій. Жи́линъ губа́ми и рука́ми пока́залъ, чтобъ пить ему́ да́ли. Чёрный по́нялъ, засмѣя́лся, вы́глянулъ въ дверь, кри́кнулъ кого-то́: „Ди́на!“ Прибѣжа́ла дѣ́вочка, то́ненькая, ху́денькая, лѣтъ трина́дцати и лицо́мъ на чёрнаго похо́жа. Глаза́ чёрные, свѣ́тлые, и лицо́мъ краси́вая. Одѣта въ руба́ху дли́нную, си́нюю, съ широ́кими рукава́ми и безъ по́яса. На нога́хъ башмачки́, а на башмачка́хъ други́е съ высо́кими каблука́ми; на шеѣ́ мони́сто[2], всё изъ ру́сскихъ полти́нниковъ[3]. Голова́ непокры́тая, коса́ чёрная и въ косѣ́ ле́нта, а на ле́нтѣ привѣ́шены бля́хи и рубль серебряный. Велѣ́лъ ей что́-то оте́цъ. Убѣжа́ла и опя́ть пришла́, принесла́ кувши́нчикъ жестяно́й. Сиди́тъ, глаза́ раскры́ла, гляди́тъ на Жи́лина, какъ онъ пьётъ, какъ на зве́ря како́го. Пода́лъ ей Жи́линъ наза́дъ кувши́нъ. Какъ она́ пры́гнетъ прочь, какъ коза́ ди́кая. Да́же оте́цъ засмѣя́лся. Ушли́ тата́ры, запе́рли опя́ть дверь.

8. Въ татарской са́клѣ. Погодя́ немно́го прихо́дитъ къ Жи́лину рабо́тникъ и говори́тъ: „Ай-да́, хозя́инъ, ай-да́!“. По́нялъ Жи́линъ, что велѝтъ итти́ куда́-то. Пошёлъ Жи́линъ съ коло́дкой, хрома́етъ, ступи́ть нельзя́, такъ и воро́титъ но́гу въ сто́рону. У одного́ до́ма стоятъ три ло́шади въ сѣ́длахъ. Мальчи́шки де́ржатъ въ поводу́. Вы́скочилъ изъ э́того до́ма черноватый тата́ринъ, замаха́лъ руко́й, чтобъ къ нему́ шёлъ Жи́линъ. Самъ смѣётся, всё говори́тъ что́-то по-своему, и ушёлъ въ дверь. Пришёлъ Жи́линъ въ домъ. Го́рница хоро́шая, стѣны гли́ной гла́дко вымазаны. Къ пере́дней стѣнѣ́ пухо-

[1]Тата́рское полукафта́нье. [2]Моне́ты на ни́ткѣ, надѣваемыя въ ви́дѣ украше́нія. [3]Стари́нная серебряная моне́та (50 коп.).

вики́ пёстрые уло́жены, по бока́мъ виси́тъ ковры́ дорогіе; на ковра́хъ ру́жья, пистоле́ты, ша́шки — всё въ серебрѣ. Полъ земляно́й, чи́стый ка́къ токъ, и весь пере́дній у́голъ у́стланъ во́йлоками; на во́йлокахъ ковры́, а на ковра́хъ пухо́выя поду́шки. И на ковра́хъ въ одни́хъ башмака́хъ сидя́тъ тата́ры: чёрный, кра́сный и тро́е гостей. За спи́нами у всѣхъ пухо́выя поду́шки подло́жены, а пе́редъ ни́ми на кру́глой доще́чкѣ блины́ просяные и ма́сло коро́вье распу́щено въ ча́шкѣ и ни́во тата́рское въ кувши́нчикѣ.

9. Торгъ. Поговори́ли тата́ры по-сво́ему. Пото́мъ оди́нъ изъ гостей тата́ръ повернулся къ Жи́лину, сталъ говори́ть по-ру́сски: „Тебя́ взялъ Казі-Мугаме́дъ (пока́зываетъ на кра́снаго тата́рина) и отда́лъ тебя́ Абду́лъ-Мура́ту (пока́зываетъ на черновата́го). Абду́лъ-Мура́тъ тепе́рь твой хозя́инъ". Заговори́лъ Абду́лъ-Мура́тъ и всё пока́зываетъ на Жи́лина, и смѣётся, и приговаривае́тъ: „Солда́тъ уру́съ[1], корошо́, уру́съ". Перево́дчикъ говори́тъ: „Онъ тебѣ вели́тъ домо́й письмо́ писа́ть, чтобъ за тебя́ вы́купъ присла́ли. Какъ приплю́тъ де́ньги, онъ тебя́ пу́ститъ". Жи́линъ поду́малъ и говори́тъ: „А мно́го ли онъ хо́четъ вы́купа?" — Три ты́сячи моне́тъ[2]. „Нѣтъ", говори́тъ Жи́линъ, „я э́того заплати́ть не могу́". Ско́лько же ты дашь? Жи́линъ поду́малъ и говори́тъ: „500 рубле́й". Тутъ тата́ры заговори́ли ча́сто, всѣ вдругъ. На́чалъ Абду́лъ крича́ть на кра́снаго. А кра́сный то́лько жму́рится да языко́мъ пощёлкиваетъ. Замолча́ли они́, перево́дчикъ говори́тъ: — Хозя́ину вы́купу ма́ло 500 рубле́й. Онъ самъ за тебя́ 200 рубле́й заплати́лъ. Три ты́сячи рубле́й, ме́ньше нельзя́ пусти́ть. А не запла́тишь, въ я́му поса́дятъ. „Эхъ", ду́маетъ Жи́линъ, „съ ни́ми что робѣть, то ху́же". Вскочи́лъ на́ ноги и говори́тъ: „А ты ему́, соба́кѣ, скажи́, что е́сли онъ меня́ пуга́ть хо́четъ, такъ ни копе́йки жъ не дамъ, да и писа́ть не ста́ну. Не боя́лся, да и не бу́ду боя́ться васъ, соба́къ!"

10. Встрѣча съ Костылинымъ. Поговори́ли тата́ры, посла́ли куда́-то рабо́тника, а са́ми то на Жи́лина, то на дверь погля́дываютъ. Пришёлъ рабо́тникъ, и идётъ за нимъ человѣкъ како́й-то, то́лстый, босико́мъ и обо́дранный; на ногѣ то́же коло́дка. Такъ и а́хнулъ Жи́линъ: узна́лъ Костылина. И его́ поймали. Посади́ли ихъ ря́домъ; ста́ли они́ разска́зывать другъ дру́гу, а тата́ры молча́тъ, смо́трятъ. Разсказа́лъ Жи́линъ, какъ съ нимъ дѣло бы́ло. Костылинъ разсказа́лъ, что ло́шадь подъ нимъ ста́ла и ружьё осѣкло́сь, и что э́тотъ са́мый Абду́лъ нагна́лъ его́ и взялъ. Вскочи́лъ Абду́лъ, пока́зываетъ на Костылина, что́-то говори́тъ. Перевёлъ перево́дчикъ, что они́ теперь о́ба одного́ хозя́ина, и кто пре́жде де́ньги дастъ, того́ пре́жде отпу́стятъ. „Вотъ", говори́тъ Жи́лину, „ты всё серча́ешь; а това́рищъ твой сми́рный: онъ написа́лъ письмо́ домо́й, пять ты́сячъ моне́тъ при-

[1]Ру́сскій. [2]Рубле́й.

плю́тъ. Вотъ с..б и корми́ть бу́дутъ хорошо́ и обижа́ть не бу́дутъ". Жи́линъ и говори́тъ: „Това́рищъ какъ хо́четъ: онъ, мо́жетъ, бога́тъ. Я, говори́тъ, какъ сказа́лъ, такъ и бу́детъ. Хоти́те—убива́йте, по́льзы вамъ не бу́детъ, а бо́льше 500 рубле́й не напишу́". Помолча́ли. Вдругъ какъ вскочи́лъ Абду́лъ, доста́лъ сундучо́къ, вы́нулъ перо́, бума́ги лоскуты́ и черни́ла, су́нулъ Жи́лину, хло́пнулъ по плечу́, пока́зываетъ: „Пиши́". Согласи́лся на 500 рубле́й.

11. Совмѣстная жизнь въ плѣну. Отвели́ Жи́лина съ Косты́линымъ въ сара́й, принесли́ имъ туда́ соло́мы кукуру́зной, воды́ въ кувши́нѣ, хлѣба, двѣ черке́ски ста́рыя и сапоги́ истрёпанные, солда́тскіе. Ви́дно—съ уби́тыхъ солда́тъ стащи́ли. На́ ночь сня́ли съ нихъ коло́дки и за́перли въ сара́й. Жилъ такъ Жи́линъ съ това́рищемъ мѣсяцъ цѣлый. Корми́ли пло́хо, то́лько и дава́ли, что хлѣбъ прѣсный изъ проса́ной муки́, лепёшками печёный, а то тѣсто непечёное. Косты́линъ ещё разъ писа́лъ домо́й, все ждалъ присы́лки де́негъ и скуча́лъ. По цѣлымъ днямъ сиди́тъ въ сара́ѣ и счита́етъ дни, когда́ письмо́ придётъ, или́ спитъ. А Жи́линъ зналъ, что его́ письмо́ не дойдётъ[1], а друго́го не писа́лъ. „Гдѣ", ду́маетъ, „ма́тери сто́лько де́негъ за меня́ заплати́ть. Если ей 500 рубле́й собра́ть, на́до разори́ться въ коне́цъ. Богъ дастъ—и самъ вы́берусь". А самъ по ау́лу насви́стываетъ, а то сиди́тъ, что-нибу́дь рукодѣльничаетъ: или́ изъ гли́ны ку́колъ лѣпитъ, или́ плетётъ плетёнки изъ пру́тьевъ. Жи́линъ на вся́кое рукодѣлье ма́стеръ былъ.

12. Ку́клы. Слѣпи́лъ онъ ра́зъ ку́клу, съ но́сомъ, съ рука́ми съ нога́ми и въ тата́рской руба́хѣ, и поста́вилъ ку́клу на кры́шу. Пошли́ тата́ры за водо́й. Хозя́йская дочь, Ди́нка, увида́ла ку́клу, позвала тата́рокъ. Соста́вили[2] кувши́ны, смо́трятъ и смѣю́тся. Жи́линъ снялъ ку́клу и подаётъ имъ. Они́ смѣю́тся, а не смѣ́ютъ взять. Оста́вилъ онъ ку́клу, ушёлъ въ сара́й и смо́тритъ, что бу́детъ. Подбѣжа́ла Ди́на, огляну́лась, схвати́ла ку́клу и убѣжа́ла. Нау́тро смо́тритъ, на зо́рькѣ Ди́на вы́шла на поро́гъ съ ку́клой. А ку́клу ужъ лоскутка́ми кра́сными убрала́ и кача́етъ, какъ ребёнка, сама́ по-сво́ему прибаю́киваетъ. Вы́шла стару́ха, вы́хватила ку́клу, разби́ла её, усла́ла куда́-то Ди́ну на рабо́ту. Сдѣлалъ Жи́линъ другу́ю ку́клу, ещё лу́чше, отда́лъ Ди́нѣ. Принесла́ разъ Ди́на кувши́нчикъ, поста́вила, сѣла и смо́тритъ на него́, сама́ смѣётся, пока́зываетъ на кувши́нъ. „Чего́ она́ ра́дуется?" ду́маетъ Жи́линъ. Взялъ кувши́нъ, сталъ пить. Ду́малъ вода́, а тамъ молоко́. „Хорошо́", говори́тъ. Какъ возра́дуется Ди́на! И съ тѣхъ поръ ста́ла она́ ему́ ка́ждый день кра́дучи[3] молока́ носи́ть.

---

[1] Онъ написа́лъ непра́вильный а́дресъ. [2] Поста́вили вмѣстѣ. [3] Тайко́мъ.

13. Какъ Жи́линъ просли́лъ ма́стеромъ на всѣ ру́ки. Была́ разъ гроза́ си́льная, и дождь часъ цѣ́лый, какъ изъ ведра́, лилъ. Вотъ, какъ прошла́ гроза́, вездѣ́ по дере́внѣ ручьи́ бѣгу́тъ. Жи́линъ вы́просилъ у хозя́ина но́жикъ, вы́рѣзалъ ва́ликъ, дощечки, колесо́, а къ колесу́ на двухъ концахъ ку́колъ придѣ́лалъ. Колесо́ верти́тся, а ку́колки пры́гаютъ. Собра́лась вся дере́вня: мальчи́шки, дѣвчо́нки, ба́бы; языко́мъ щёлкаютъ: „Ай, уру́съ! ай, Ива́нъ!“ Бы́ли у Абду́ла часы́ ру́сскіе, сло́манные. Позва́лъ онъ Жи́лина, пока́зываетъ, языко́мъ щёлкаетъ. Жи́линъ говори́тъ: „Дава́й, починю́“. Взялъ, разобра́лъ но́жичкомъ, разложи́лъ; опя́ть сла́дилъ, отда́лъ. Иду́тъ часы́. Съ тѣхъ поръ прошла́ про Жи́лина сла́ва, что онъ ма́стеръ. Заболѣ́лъ разъ тата́ринъ, пришли́ къ Жи́лину: „Поди́, полѣчи́“. Жи́линъ ничего́ не зна́етъ, какъ лѣчи́ть. Пошёлъ, посмотрѣ́лъ, ду́маетъ: „Аво́сь, поздоровѣетъ самъ“. Ушёлъ въ сара́й, взялъ воды́, песку́, помѣша́лъ. При тата́рахъ пошепта́лъ на́ воду, далъ вы́пить. Вы́здоровѣлъ на его́ сча́стіе тата́ринъ.

14. Приготовле́ніе къ побѣ́гу. Прожи́лъ такъ Жи́линъ мѣ́сяцъ. Днёмъ хо́дитъ по ау́лу или́ рукодѣ́льничаетъ, а какъ ночь придётъ, зати́хнетъ въ ау́лѣ,—такъ онъ у себя́ въ сара́ѣ копа́етъ. Прокопа́лъ онъ подъ стѣно́й дыру́, что въ по́ру пролѣ́зть[1]. „То́лько бы“, ду́маетъ, „мнѣ мѣ́сто хорошенько узна́ть, въ каку́ю сто́рону итти́“. Вотъ онъ вы́бралъ вре́мя, какъ хозя́инъ уѣ́халъ, и пошёлъ по́слѣ обѣда за ау́лъ на́ гору: хотѣ́лъ отту́да мѣ́сто посмотрѣ́ть. А когда́ хозя́инъ уѣзжа́лъ, онъ приказа́лъ ма́лому за Жи́линымъ ходи́ть, съ глазъ его́ не спуска́ть. Бѣжи́тъ ма́лый за Жи́линымъ, кричи́тъ: „Не ходи! Оте́цъ не велѣ́лъ. Сейча́съ наро́дъ позову́!“ Сталъ его́ Жи́линъ угова́ривать: „Я далеко́ не уйду́, то́лько на ту го́ру подыму́сь: мнѣ траву́ ну́жно найти́ — вашъ наро́дъ лѣчи́ть. Пойдёмъ со мной; я съ коло́дкой не убѣгу́. А тебѣ́ за́втра лукъ сдѣ́лаю и стрѣ́лы“. Уговори́лъ ма́лаго пошли́. Сталъ смотрѣ́ть въ ру́сскую сто́рону. За ау́ломъ пони́же гора́, за не́ю ещё двѣ горы́, по нимъ лѣса́; а проме́жъ двухъ горъ синѣ́ется ро́вное мѣ́сто, а на ро́вномъ мѣ́стѣ, далеко́-далеко́, то́чно дымъ сте́лется. Сталъ Жи́линъ вспомина́ть, когда́ онъ въ кре́пости, до́ма жилъ, гдѣ со́лнце всходи́ло и заходи́ло. Ви́дитъ—тамъ то́чно въ э́той доли́нѣ должна́ быть на́ша кре́пость. Туда́, проме́жъ э́тихъ двухъ горъ, и бѣжа́ть на́до.

15. Какъ пле́нники ушли́ изъ ау́ла. Верну́лись они́ домо́й. „Ну“, ду́маетъ Жи́линъ, „нынче бѣжа́ть на́до“, и говори́тъ Костылину. Полѣ́зъ Жи́линъ въ дыру́, раскопа́лъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣ́зть, и сидя́тъ они́, ждутъ, чтобы зати́хло въ ау́лѣ. То́лько зати́хъ наро́дъ въ ау́лѣ, Жи́линъ полѣ́зъ подъ стѣ́ну, вы́брался. Полѣ́зъ и Костылинъ, да зацѣпи́лъ ка́мень ногой́, загремѣ́лъ. А у хозя́ина сто

[1]Такъ что мо́жно пролѣ́зть.

ро́жка была́ пёстрая соба́ка, зва́ли её Уля́шинъ. Жи́линъ уже́ на
рёдъ прикорми́лъ её. Услыха́лъ Уля́шинъ, зала́ялъ и ки́нулся, а
нимъ другія соба́ки. Жи́линъ чуть сви́стнулъ, ки́нулъ лепёшки
со́къ.—Уля́шинъ узна́лъ, замаха́лъ хвосто́мъ и переста́лъ ла́ять.
сидѣ́ли они за угло́мъ. Зати́хло всё, то́лько слы́шно, ни́зомъ вода́
ка́мушкамъ шуми́тъ. Подня́лся Жи́линъ, говори́тъ това́рищу: „
братъ, ай-да́!“ Тро́нулись; то́лько отошли́, слы́шатъ, запѣ́лъ мул
на кры́шѣ. Зна́читъ, пойдётъ наро́дъ въ мечёть[2]. Сѣ́ли опя́ть, притаи
шись подъ стѣ́нкой. До́лго сидѣ́ли, дожида́лись, пока́ наро́дъ про
дётъ. Опя́ть зати́хло. Перекрести́лись, пошли́.

16. Въ доро́гѣ. Жи́линъ по звѣ́здамъ примѣча́етъ, въ каку́ю с
рону итти́. Въ тума́нѣ свѣжо́, итти́ легко́, то́лько сапоги́ нело́в
стопта́лись. Жи́линъ снялъ свои́, бро́силъ, пошёлъ босико́мъ. Попр
гиваетъ съ ка́мушка на ка́мушекъ да на звѣ́зды погля́дываетъ. Ста
Косты́линъ отстава́ть: „Ти́ше“, говори́тъ, „иди́: сапоги́ прокля́тые в
но́ги сте́рли“. — Да ты сними́, ле́гче бу́детъ. Пошёлъ Косты́линъ
сико́мъ, изрѣ́залъ всѣ но́ги по камня́мъ и всё отстаётъ. Жи́линъ с
говори́тъ:—Но́ги обдерёшь—заживу́тъ, а дого́нятъ—убью́тъ, ху́же.
сты́линъ ничего́ не говори́тъ, идётъ, покря́хтываетъ. Шли они́ ни́зо
до́лго. Слы́шатъ—впра́во соба́ки зала́яли. Жи́линъ останови́лся, ос
трѣ́лся, полѣ́зъ на́ гору.—Эхъ, говори́тъ, ошиблись мы, впра́во забра́л
Тутъ аулъ чужо́й, я его́ съ горы́ ви́дѣлъ; наза́дъ на́до да влѣ́во,
го́ру. Тутъ лѣ́съ до́лженъ быть. А Косты́линъ говори́тъ:—„Подож
хоть немно́жко, дай вздохнуть: у меня́ но́ги въ крови́ всѣ“.—Э, бра
заживу́тъ; ты ле́гче пры́гай. Вотъ какъ!

17. Оле́нь. И побѣжа́лъ Жи́линъ наза́дъ и влѣ́во, въ го́ру,
лѣ́съ. Подня́лись на́ гору, вошли́ въ лѣ́съ, напа́ли на доро́жку въ л
су́, иду́тъ. Зато́пало копы́тами по доро́гѣ. Останови́лись, слу́шают
Пото́пало, какъ ло́шадь, и останови́лось. Тро́нулись они́—опя́ть зат
пало; они́ остано́вятся, и оно́ остано́вится. Подпо́лзъ Жилинъ, см
тритъ на свѣтъ по доро́гѣ — стои́тъ что́-то. Ло́шадь не ло́шадь, и
ло́шади что́-то чудно́е, на человѣ́ка не похо́же. Что за чу́до! Сви́с
нулъ Жи́линъ потихо́ньку. Какъ шарknетъ съ доро́ги въ лѣ́съ, и
трещало́ по лѣ́су, то́чно бу́ря лети́тъ, су́чья лома́етъ. Косты́линъ та
и упа́лъ со стра́ху. А Жи́линъ смѣётся, говори́тъ: „Это оле́нь. Сл
шишь, какъ рога́ми лѣ́съ ло́митъ? Мы его́ боимся, а онъ насъ боится

18. Встрѣ́ча съ татари́номъ. Прошли́ они́ версты́ четы́ре. Тума́
въ лѣ́су́ ещё гу́ще сѣлъ, ничего́ не вида́ть пе́редъ собо́й, и звѣ
ды ужъ чуть ви́дны. Вдругъ слы́шатъ — впереди́ то́паетъ ло́шад
Лёгъ Жи́линъ, сталъ по землѣ́ слу́шать.—Такъ и есть, сюда́, къ на

[1]Духо́вное лицо́ у мусульма́нъ. [2]Мусульма́нская це́рковь.

ко́нный е́детъ! Сбѣжа́ли они́ съ доро́ги, сѣли въ кусты́ и ждутъ. Жи́линъ подпо́лзъ къ доро́гѣ, смо́тритъ—верхово́й тата́ринъ е́детъ, коро́ву го́нитъ, самъ себѣ́ подъ носъ мурлы́читъ что́-то. Прое́халъ тата́ринъ. Жи́линъ верну́лся къ Косты́лину:—Ну, пронёсъ Богъ, встава́й, пойдёмъ. Сталъ Костылинъ встава́ть и упа́лъ. Сталъ его́ Жи́линъ си́лой поднима́ть. Какъ закричи́тъ Костылинъ:—Ой, бо́льно! Жи́линъ такъ и о́бмеръ. — Что кричи́шь? Вѣдь тата́ринъ бли́зко, услы́шитъ. Ну, говори́тъ, встава́й, сади́сь, снесу́, коли́ ужъ итти́ не мо́жешь. Посади́лъ на себя́ Костылина, вы́шелъ на доро́гу, поволо́къ.

19. Пого́ня. Ви́дно, услыха́лъ тата́ринъ, какъ Костылинъ закрича́лъ. Слы́шитъ Жи́линъ—е́детъ кто́-то сза́ди, кли́четъ по-сво́ему. Бро́сился Жи́линъ въ кусты́. Тата́ринъ вы́хватилъ ружьё, вы́палилъ,—не попа́лъ, завизжа́лъ по-сво́ему и поскака́лъ прочь по доро́гѣ.—„Ну“, говори́тъ Жи́линъ, „пропа́ли, братъ! Онъ, соба́ка, сейча́съ соберётъ тата́ръ за на́ми въ пого́ню. Коли́ не уйдёмъ версты́ три, пропа́ли“. Костылинъ говори́тъ:—Иди́ оди́нъ: за что тебѣ́ изъ-за меня́ пропада́ть?—Нѣтъ, не пойду́, не годи́тся това́рища броса́ть. Подхвати́лъ опя́ть на пле́чи и понёсъ. Прошёлъ онъ такъ съ версту́. Останови́лся ссади́лъ Костылина. То́лько прилёгъ онъ, слы́шитъ — зато́пало сза́ди Опя́ть ки́нулись впра́во въ кусты́, подъ кру́чу, и легли́. Слы́шатъ голоса́ тата́рскіе. Останови́лись тата́ры на томъ са́момъ мѣстѣ, гдѣ они́ съ доро́ги свернули, поговори́ли, пото́мъ зауськали, какъ соба́къ притра́вливаютъ.

20. Поймка бѣглецо́въ. Слы́шатъ — треща́тъ что́-то по куста́мъ, пря́мо къ нимъ соба́ка чужа́я чья́-то. Останови́лась, зала́яла. Лѣзутъ и тата́ры—то́же чужіе; схвати́ли ихъ, посвяза́ли, посади́ли на лошадёй, повезли́. Прое́хали версты́ три, встрѣча́етъ ихъ Абду́лъ, хозя́инъ, съ двумя́ тата́рами, пересади́ли на свои́хъ лошадёй, повезли́ наза́дъ въ ау́лъ. Абду́лъ уже́ не смѣётся и ни сло́ва не говори́тъ съ ни́ми. Привезли́ на разсвѣтѣ въ ау́лъ, посади́ли на у́лицѣ. Сбѣжа́лись ребя́та, ка́мнями, плётками бьютъ ихъ, визжа́тъ. Собра́лись тата́ры въ кружо́къ, ста́ли говори́ть. Слы́шитъ Жи́линъ, что су́дятъ про нихъ, что съ ни́ми дѣлать. Подошёлъ хозя́инъ къ Жи́лину, сталъ ему́ говори́тъ: „Если затѣешь опя́ть бѣжа́ть, я тебя́, какъ соба́ку, убью. Пиши́ письмо́, хорошо́нько пиши́!“ Принесли́ имъ бумаги, написа́ли они́ пи́сьма. Наби́ли на нихъ колодки, отвели́ за мечёть. Тамъ я́ма была́ арши́нъ пяти́, и спусти́ли въ э́ту я́му.

21. Опя́ть въ плѣ́ну. Житьё имъ ста́ло совсѣмъ дурно́е. Колодки не снима́ли и не выпуска́ли на во́льный свѣтъ. Кида́ли имъ туда́ тѣсто непечённое, какъ соба́камъ, да въ кувши́нѣ во́ду спуска́ли. Костылинъ совсѣмъ разболѣ́лся: всё сто́нетъ или спитъ. И Жи́линъ пріуны́лъ: ви́дитъ — дѣло пло́хо. На́чалъ онъ было подка́пываться,

да зе́млю не́куда кида́ть; увида́лъ хозя́инъ, пригрози́лъ уби́ть. Сиди́тъ онъ разъ въ я́мѣ на ко́рточкахъ, ду́маетъ объ во́льномъ житьѣ, и ску́чно ему́. Вдругъ пря́мо на колѣни лепёшка упа́ла, друга́я, и черёшни посы́пались. Погляде́лъ кве́рху, а тамъ Ди́на. Погляде́ла на него́, посмѣя́лась и убѣжа́ла. Жи́линъ и ду́маетъ: „Не помо́жетъ ли Ди́на?“ Расчи́стилъ онъ въ я́мѣ мѣсте́чко, паковыря́лъ гли́ны, сталъ лѣпи́ть ку́колъ. Надѣ́лалъ люде́й, лошаде́й, соба́къ, ду́маетъ: „Какъ придётъ Ди́на, бро́шу ей“. То́лько на друго́й день нѣтъ Ди́ны. А слы́шитъ Жи́линъ, собра́лись тата́ры у мечёти, спо́рятъ, крича́тъ и поминаютъ про ру́сскихъ. Хорошёнько не разобра́лъ онъ, а дога́дывается, что ру́сскіе бли́зко подошли́ и боя́тся тата́ры, какъ бы въ аулъ не зашли́, и не зна́ютъ, что съ плѣнными дѣлать.

22. Печа́льное извѣ́стіе. Поговори́ли и ушли́. Вдругъ слы́шитъ — шуршала что́-то наверху́. Ви́дитъ—Ди́на присѣ́ла на ко́рточки, свѣсилась, монисты висятъ, болта́ются надъ я́мой. Глазёнки такъ и блестя́тъ, какъ звѣздочки. Вы́нула изъ рукава́ двѣ сы́рныя лепёшки, бро́сила ему́. Жи́линъ взя́лъ и говори́тъ: „Что давно́ не быва́ла? А я тебѣ́ игру́шекъ надѣ́лалъ. На, вотъ“. Сталъ ей швырять по одно́й. А она́ голово́й мота́етъ, не смо́тритъ. „Не на́до“, говори́тъ. Помолча́ла, посидѣ́ла и говори́тъ: „Ива́нъ! тебя́ уби́ть хотя́тъ“. Сама́ себѣ́ руко́й на ше́ю пока́зываетъ.—Кто уби́ть хо́четъ?—Оте́цъ: ему́ старики́ веля́тъ. А мнѣ тебя́ жа́лко. Жи́линъ и говори́тъ:—А коли́ тебѣ́ меня́ жа́лко, та́къ ты мнѣ па́лку дли́нную принеси́. Она голово́й мота́етъ, что нельзя́. Онъ сложи́лъ ру́ки, мо́лится ей:—Ди́на, пожа́луйста! Ди́нушка, принеси́!—Нельзя́, говори́тъ, уви́дятъ, всѣ до́ма, и ушла́. Вотъ сиди́тъ вѣ́черомъ Жи́линъ и ду́маетъ, что бу́детъ. Всё погля́дываетъ вверхъ. Звѣзды ви́дны, а мѣсяцъ ещё не всходи́лъ.

23. Какъ Жи́линъ вы́брался изъ я́мы. Вдругъ на го́лову ему́ гли́на посы́палась; взгляну́лъ кве́рху—шестъ дли́нный въ тотъ край я́мы тыкается. Потыкался, спуска́ться сталъ, ползётъ въ я́му. Обра́довался Жи́линъ, схвати́лъ руко́й, спусти́лъ. Онъ ещё пре́жде э́тотъ шестъ на хозя́йской кры́шѣ ви́дѣлъ. Погляде́лъ вверхъ, — звѣзды высоко́ на не́бѣ блестя́тъ, и надъ са́мой я́мой, какъ у ко́шки, у Ди́ны глаза́ въ темнотѣ свѣтятся. Нагну́лась она́ лицо́мъ на край я́мы и шепчетъ: „Ива́нъ, Ива́нъ!“—Что? говори́тъ Жи́линъ.—Уѣ́хали всѣ, то́лько дво́е до́ма. Жи́линъ и гово́ритъ:—Ну, Костылинъ, пойдёмъ, попыта́емся послѣ́дній разъ; я тебя́ подсажу́. Костылинъ и слу́шать не хо́четъ.—Нѣтъ, говори́тъ, ужъ мнѣ, ви́дно, отсюда не вы́йти. Куда́ я пойду́, когда́ и поворо́тится силъ нѣтъ?—„Ну, такъ проща́й, не поминай ли́хомъ“. Поцѣлова́лся съ Костылинымъ, ухвати́лся за шестъ, велѣ́лъ Ди́нѣ держа́ть, полѣ́зъ. Ра́за два онъ обрыва́лся: колодка мѣшала. Поддержа́лъ его́ Костылинъ, — вы́брался ко́е-какъ наве́рхъ,

Дúна егó тя́нетъ ручóнками изó всѣхъ силъ, сама́ смѣётся. Взялъ Жúлинъ шесть и говорúтъ:—Снеси́ на мѣсто, Дúна, а то хва́тятся, прибью́тъ тебя́.

24. Но́вый побѣ́гъ. Перекрести́лся Жúлинъ, подхвати́лъ руко́й замо́къ на коло́дкѣ, чтобы́ не бренча́лъ, пошёлъ по доро́гѣ, а самъ всё на за́рево погля́дываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаётъ, Доро́гу онъ узна́лъ. Прямико́мъ итти́ вёрстъ во́семь. То́лько бы до лѣ́су дойти́ пре́жде, чѣмъ мѣ́сяцъ вы́йдетъ. Сталъ подходи́тъ къ лѣ́су,—вы́бралися мѣ́сяцъ изъ-за горъ: бы́ло свѣтло́ совсѣмъ, какъ днёмъ. Дошёлъ до лѣ́су,—никто́ не попа́лся. Вы́бралъ Жúлинъ мѣсте́чко въ лѣ́су́ потемнѣе, сѣлъ отдыха́ть. Нашёлъ ка́мень, принялся колóдку сбива́ть. Всѣ ру́ки изби́лъ, а не сбилъ. Подня́лся, пошёлъ по доро́гѣ. Всю ночь шёлъ. То́лько попа́лись два тата́рина верха́ми, да Жúлинъ издалека́ ихъ услы́шалъ, схорони́лся за де́рево. Ужъ сталъ мѣ́сяцъ блѣдне́ть, роса́ па́ла, бли́зко къ свѣ́ту, а Жúлинъ до кра́я лѣ́са не дошёлъ. „Ну“, ду́маетъ, „ещё три́дцать шаго́въ пройду́, сверну́ въ лѣ́съ и ся́ду“. Прошёлъ 30 шаго́въ, ви́дитъ—лѣ́съ конча́ется. Какъ на ладо́нкѣ пе́редъ нимъ степь и кре́пость, и пале́во, близёхонько подъ горо́й, огни́ горя́тъ, дымъ сте́лется, и лю́ди у костро́въ. Вглядѣ́лся, ви́дитъ—ду́жья блестя́тъ, казаки́, солда́ты.

25. Возвраще́ніе къ свои́мъ. Обра́довался Жúлинъ, собра́лся съ послѣ́дними си́лами, пошёлъ по́дъ гору. А самъ ду́ма́етъ: „Избави́ Богъ, —тутъ въ чи́стомъ по́лѣ́ уви́дитъ ко́нный тата́ринъ; хоть бли́зко, а не уйдёшь“. То́лько поду́малъ, глядь—пале́во на бугрѣ́ стоя́тъ ро́е тата́ръ, десяти́ны на двѣ. Увида́ли его́, пусти́лись къ нему́. Такъ се́рдце у него́ и оборва́лось. Замаха́лъ рука́ми, закрича́лъ, что бы́ло ду́ху, свои́мъ: „Бра́тцы! выручай! бра́тцы!“ Услыха́ли на́ши, вы́скочили казаки́ верховы́е. Пусти́лись къ нему́ наперере́зъ тата́рамъ. Казака́мъ далеко́, а тата́рамъ бли́зко. Да ужъ Жúлинъ собра́лся съ послѣ́дней си́лой, подхвати́лъ руко́й колóдку, бѣжи́тъ къ казака́мъ, а самъ себя́ не по́мнитъ, кре́стится и кричи́тъ: „Бра́тцы! бра́тцы! бра́тцы!“ Казако́въ человѣ́къ 15-ть бы́ло. Испуга́лись тата́ры: не доѣзжа́ючи, ста́ли остана́вливаться. И подбѣжа́лъ Жúлинъ къ казака́мъ. Окружи́ли его́ казаки, спра́шиваютъ, кто онъ, что за человѣ́къ, отку́да. А Жúлинъ самъ себя́ не по́мнитъ, пла́четъ и приговáриваетъ: „Бра́тцы! бра́тцы!“ Вы́бѣжали солда́ты, обступи́ли Жúлина; кто ему́ хлѣ́ба, кто ка́ши, кто во́дки, кто ши́нелью прикрыва́етъ, кто колóдку разбива́етъ. Узна́ли его́ офице́ры, повезли́ въ кре́пость. Обра́довались солда́ты, това́рищи собра́лись къ Жúлину. Разсказа́лъ Жúлинъ, какъ съ нимъ всё дѣ́ло бы́ло, и говорúтъ: „Вотъ и домóй съѣ́здилъ. Нѣтъ, ужъ, ви́дно, не судьба́ моя́“ И ста́лся служи́ть на Кавка́зѣ. А Костылина то́лько ещё че́резъ мѣ́сяцъ вы́купили за пять ты́сячъ. Еле живо́го привезли.

II. Дѣтство и отрочество.

Авторъ разсказываетъ исторію дѣтства и отрочества Николя Иртеньева въ связи съ исторіей семейства Иртеньевыхъ. Лица въ п вѣсти вымышлены, но подъ ними надо разумѣть вообще русскихъ зпатныхъ дворянъ стараго времени. Многое въ повѣсти Толстой внёс на основаніи воспоминаній о своей собственной жизни въ періодъ дѣтст и отрочества, какъ то видно изъ сравненія его біографіи съ повѣсть

1. Пробужденіе. 12-го августа 18.., ровно въ третій день посл моего рожденія, Карлъ Иванычъ разбудилъ меня, ударивъ падъ с мой моей головой хлопушкой—изъ сахарной бумаги, на палкѣ—к мухѣ. Онъ сдѣлалъ это такъ ловко, что задѣлъ образокъ[1] мое ангела[2], впсѣвшій на дубовой спинкѣ кровати, и что убитая му упала прямо мнѣ на голову. Я высунулъ носъ изъ-подъ одѣяла, ост новилъ рукою образокъ, который продолжалъ качаться, скинулъ уб тую муху на полъ, и хотя заспанными, но сердитыми глазами ок нулъ Карла Ивановича. Онъ же, въ пёстромъ[3] ваточномъ халатѣ[4], по поясанномъ поясомъ изъ той же матеріи, въ красной вязанной е молкѣ[5] съ кисточкой[6] и въ мягкихъ козловыхъ сапогахъ, продо жалъ ходить около стѣнъ, прицѣливаться и хлопать. „Положимъ думалъ я: „я маленькій, но зачѣмъ онъ тревожитъ меня? Отчего он не бьётъ мухъ около Володиной постели? Вонъ ихъ сколько! Нѣт Володя старше меня; а я меньше всѣхъ, оттого онъ меня и мучит Только о томъ и думаетъ всю жизнь, прошепталъ я, какъ бы м дѣлать непріятности. Онъ очень хорошо видитъ, что разбудилъ испугалъ меня, но выказываетъ, какъ будто не замѣчаетъ... Противн человѣкъ! И халатъ, и шапочка, и кисточка—какіе противные!".

2. Слёзы. Въ то время, какъ я такимъ образомъ мысленно в ражалъ свою досаду на Карла Ивановича, онъ подошёлъ къ своей кр вати, взглянулъ на часы, повѣсилъ хлопушку на гвоздикъ и, ка замѣтно было, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, повернул къ намъ.—Ну, дѣти, пора!.. Мама уже въ залѣ, крикнулъ онъ до рымъ нѣмецкимъ голосомъ, потомъ подошёлъ ко мнѣ, сѣлъ у но и досталъ изъ кармана табакерку. Я притворился, будто сплю. Кар Иванычъ сначала понюхалъ, утёръ носъ, щёлкнулъ пальцами и то только принялся за меня. Онъ, посмѣиваясь, началъ щекотать м пятки.—Ну, ну, лѣнтяй, говорилъ онъ. Какъ я ни боялся щекот а не вскочилъ съ постели и не отвѣчалъ ему, а только глубже прятался голову подъ подушки, изо всѣхъ силъ брыкалъ ногами

[1]Икону. [2]Святого (Николая), имя котораго носилъ разсказыв щій. [3]Разноцвѣтномъ. [4]Тр., длинная, простбрная одежда, кото носятъ только дома. [5]Маленькая шапочка, [6]Уменьш. отъ кисть, чокъ чего-либо; здѣсь кисть шерстяныхъ или какихъ-либо иныхъ токъ или прядей. [7]Изъ козьей кожи.

потребля́лъ всѣ стара́нія удержа́ться отъ смѣ́ха. „Како́й онъ до́брый какъ насъ лю́битъ, а я могъ такъ ду́рно о нёмъ ду́мать“, поду́малъ . Мнѣ бы́ло доса́дно и на самого́ себя́ и на Ка́рла Ива́ныча, хотѣ́ось смѣя́ться и хотѣ́лось пла́кать.—Ахъ, оста́вьте, Ка́рлъ Ива́нычъ! акрича́лъ я со слеза́ми на глаза́хъ, высо́вывая го́лову изъ-подъ поу́шекъ. Ка́рлъ Ива́нычъ удиви́лся, оста́вилъ въ поко́ѣ мои́ подо́швы съ безпо́койствомъ сталъ спра́шивать меня́, о чёмъ я: не ви́дѣлъ ли чего́ дурно́го во снѣ?... Его́ до́брое нѣме́цкое ли́цо, уча́стіе, съ ко́рымъ онъ стара́лся уга́дать причи́ну мои́хъ слёзъ, заставля́ли ихъ ечь ещё оби́льнѣе. Мнѣ бы́ло со́вѣстно, и я не понима́лъ, какъ, за ину́ту пе́редъ тѣмъ, я могъ не люби́ть Ка́рла Ива́ныча и находи́ть роти́вными его́ хала́тъ, ша́почку и ки́сточку.

3. **Кла́ссная ко́мната.** Я жи́во одѣ́лся, умы́лся и ещё съ щёткой въ укѣ́, пригла́живая мо́крые во́лосы, яви́лся на зовъ Ка́рла Ива́ныча ъ кла́ссную ко́мнату. Ка́рлъ Ива́нычъ, съ очка́ми на носу́ и кни́гой ъ рукѣ́, сидѣ́лъ на своёмъ обы́чномъ мѣ́стѣ, ме́жду две́рью и око́шомъ. Налѣ́во отъ две́ри бы́ли двѣ по́лочки: одна́—на́ша, дѣ́тская, руга́я—Ка́рла Ива́ныча „со́бственная“. На на́шей бы́ли всѣхъ сорóвъ кни́ги—уче́бныя и не уче́бныя; однѣ́ стоя́ли, другі́я лежа́ли. Колле́кція[1] книгъ на со́бственной, е́сли не была́ такъ велика́, какъ а на́шей, то была́ ещё разнообра́знѣе. На друго́й стѣнѣ́ висѣ́ли андка́рты[2], всѣ почти́ изо́рванныя, но иску́сно подкле́енныя руко́ю Ка́рла Ива́ныча. На тре́тьей стѣнѣ́, въ середи́нѣ кото́рой была́ дверь внизъ, съ одно́й стороны́ висѣ́ли двѣ лине́йки: одна́—изрѣ́занная—на́ша, друга́я—но́венькая—„со́бственная“, употребля́емая бо́лѣе для поощре́нія[3], чѣмъ для линева́нія; съ друго́й—чёрная доска́, на кото́рой кружка́ми отмѣча́лись на́ши больші́е просту́пки и кре́стиками—ма́ленькіе. Налѣ́во отъ доски́ былъ у́голъ, въ кото́рый насъ ста́вили на колѣ́ни. Въ середи́нѣ ко́мнаты стоя́лъ столъ, покры́тый обо́рванной чёрной клеёнкой, изъ-подъ кото́рой во мно́гихъ мѣста́хъ виднѣ́лись края́, изрѣ́занные перочи́нными ножа́ми. Круго́мъ сто́ла бы́ло нѣ́сколько некра́шенныхъ, но отъ до́лгаго употребле́нія залакиро́ванныхъ[4] табуре́товъ. Послѣ́дняя стѣна́ была́ за́нята тремя́ око́шками.

Карлъ Ива́нычъ снялъ хала́тъ, надѣ́лъ си́ній фракъ съ возвыше́ніями и сбо́рками на плеча́хъ, опра́вилъ пе́редъ зе́ркаломъ свой га́лстукъ[5] и повёлъ насъ внизъ—здоро́ваться съ ма́тушкой.

(Поздоро́вавшись съ ма́тушкой, дѣ́ти перешли́ съ учи́телемъ въ кабине́тъ отца́).

---

[1]Лат. colligo собира́ю, collectio собра́ніе. [2]Нѣм. Land страна́; географи́ческая ка́рта. [3]Шутли́во: для наказа́нія. [4]Блестя́щихъ, сло́вно отъ ла́ку. [5]Нѣм. Hals ше́я и Tuch плато́къ; соб.: ше́йный плато́къ; у́зкая полоса́ мате́ріи для повя́зыванія ше́и.

4. Но́вость. Поздоро́вавшись, па́па сказа́лъ, что бу́детъ* намъ въ дере́внѣ бакла́ши бить[1], что мы переста́ли быть ма́ленькими и что пора́ намъ серіо́зно учи́ться. „Вы уже́ зна́сте, я ду́маю, что ны́нче въ ночь е́ду въ Москву́ и беру́ васъ съ собо́ю“, сказа́лъ онъ: „вы бу́дете жить у ба́бушки, а maman[2] съ дѣ́вочками остаётся здѣсь“. Хотя́ по приготовле́ніямъ, кото́рыя за нѣ́сколько дней замѣ́тны бы́ли, мы уже́ ожида́ли чего́-то необыкновѣ́ннаго, одна́ко, но́вость э́та порази́ла насъ ужа́сно. Мнѣ о́чень, о́чень жа́лко ста́ло ма́тушку, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, что мы то́чно ста́ли больши́е, ра́довала меня́. „Ежели мы ны́нче е́демъ, то, вѣ́рно, кла́ссовъ не бу́детъ; э́то сла́вно!“ ду́малъ я. „Одна́ко, жа́лко Ка́рла Ива́ныча. Его́, вѣ́рно, отпу́стятъ. Ужъ лу́чше бы вѣкъ[3] учи́ться, да не уѣзжа́ть, не разстава́ться съ ма́тушкой и не обижа́ть бѣ́днаго Ка́рла Ива́ныча“. Мы́сли э́ти мелька́ли въ моёй голово́; я не тро́гался съ мѣ́ста и при́стально смотрѣ́лъ на чёрные ба́нтики[4] своихъ башмако́въ. Сказа́въ съ Ка́рломъ Ива́нычемъ ещё нѣ́сколько словъ, па́па про́тивъ, моего́ ожида́нія, посла́лъ насъ учи́ться, утѣ́шивъ, одна́ко, обѣща́ніемъ взять на охо́ту. По доро́гѣ наве́рхъ я забѣжа́лъ на терра́су*. У двере́й, на со́лнышкѣ, зажму́рившись, лежа́ла люби́мая борза́я соба́ка отца́—Ми́лка. „Ми́лочка“, говори́лъ я, ласка́я её и цѣлу́я въ мо́рду, „мы ны́нче е́демъ; прощай! Никогда́ бо́льше не уви́димся“. Я расчу́вствовался и запла́калъ.

5. Приготовле́нія въ охо́тѣ. За обѣ́домъ, во вре́мя пиро́жнаго[5], былъ по́званъ Яковъ[6], и о́тданы приказа́нія насчётъ лине́йки[7], соба́къ и верховы́хъ лошаде́й—всё съ величайшею подро́бностью. Обѣ́дъ ко́нчился. Больши́е пошли́ въ кабине́тъ пить ко́фе, а мы побѣжа́ли въ садъ ша́ркать нога́ми по доро́жкамъ, покрытымъ упа́дшими, жёлтыми ли́стьями, и разгова́ривать. Разгово́ръ нашъ былъ пре́рванъ сту́комъ подъѣзжа́вшей лине́йки, на кото́рой у ка́ждой рессо́ры[8] сидѣ́ло по дворо́вому ма́льчику. Снача́ла мы всѣ бро́сились къ забо́ру, а пото́мъ съ ви́згомъ и то́потомъ пробѣжа́ли наве́рхъ одѣва́ться, и одѣва́ться такъ, что́бы какъ мо́жно бо́лѣе походи́ть на охо́тниковъ. Одно́ изъ гла́вныхъ къ тому́ средствъ бы́ло всу́чиваніе панталО́нъ въ сапоги́. Нима́ло не ме́для, мы приня́лись за э́то дѣ́ло, торопя́сь скорѣе ко́нчить его́ и бѣжа́ть на крыльцо́ наслажда́ться ви́домъ соба́къ,

*Дово́льно. [1]Шали́ть, безде́льничать. [2]Фр., мать. Въ вы́шемъ ру́сскомъ о́бществѣ того́ вре́мени разгово́рнымъ языко́мъ былъ францу́зскій; поэ́тому и назва́нія ма́тери, отца́ и вообще́ родни́ употребля́лись бо́льшею ча́стью францу́зскія. [3]Всегда́. [4]Уменьш. отъ бантъ, нѣм. Band, у́зелъ изъ ле́нты. *Фр., ни́зкій балко́нъ. [5]Сла́дкаго блю́да; подаётся обыкновѐнно въ концѣ́ обѣда [6]Ста́ршій слуга́, прика́зчикъ Иртеньевыхъ. [7]Откры́тый экипа́жъ, въ кото́ромъ обыкновѐнно сидятся бо́комъ; лине́йка была́ по́дана для дамъ, кото́рыя на э́тотъ разъ та́кже пожела́ли ви́дѣть охо́ту. [8]Фр. ressort; изо́гнутыя металли́ческія по́лосы, подкла́дываемыя подъ ку́зовъ экипа́жа для избѣжа́нія тря́ски.

лошадéй и разговóромъ съ охóтниками. Я былъ въ сúльномъ нетерпѣніи: взлѣзъ на свою лошáдку, смотрѣлъ ей мéжду ушéй и дѣлалъ пó двору рáзныя эволю́ціи[1].—Собáкъ не извóльте раздавúть, сказáлъ мнѣ какóй-то слугá.—Будь покóенъ; мнѣ не въ пéрвый разъ, отвѣчáлъ я гóрдо. Волóдя сѣлъ на „охóтничью лóшадь“, несмотря́ на твёрдость своегó хáрактера, не безъ нѣкотораго содрогáнія и, оглáкивая её, нѣсколько разъ спросúлъ: Смирнá ли онá? На лóшади онъ былъ óчень хорóшъ, тóчно большóй. Мнѣ бы́ло завúдно, осóбенно потомý, что, скóлько я могъ судúть по тѣни, я далекó не имѣлъ такóго прекрáснаго вúда. Вотъ послы́шались шагú пáпы на лѣстницѣ. Пáпа сѣлъ на лóшадь, и мы поѣхали.

6. Охóта. Доѣзжáчій[2], прозывáвшійся Тýрка, на гнѣдóй, горбоóсой лóшади, въ мохнáтой шáпкѣ, съ огрóмнымъ рогомъ за плечáми и ножóмъ на пóясѣ, ѣхалъ впереди всѣхъ. По мрáчной и свѣжей нарýжности э́того человѣка, скорѣе мóжно бы́ло подýмать, что онъ ѣдетъ на смéртный бой, чѣмъ на охóту. Около зáднихъ ногъ егó бешади пёстрымъ[3], волнýющимся клубóмъ, бѣжáли сóмкнутыя гóнчія. Тýрка подъѣхалъ къ óстрову[4], остановúлся, внимáтельно вы́слушалъ отъ пáпы подрóбное наставлéніе, разомкнýлъ собáкъ, сѣлъ на лошадь и, посвúстывая, скры́лся за молоды́ми берёзками.—Есть у тебя́ платóкъ? спросúлъ пáпа. Я вы́нулъ изъ кармáна и показáлъ емý. —Ну, такъ возьмú на платóкъ э́ту сѣрую собáку.—Жирáна? сказáлъ я съ вúдомъ знатокá.—Да; и бѣгú по дорóгѣ. Когдá придётъ полянка, становúсь и смотрú: ко мнѣ безъ зáйца не приходúть! Я обмотáлъ платкóмъ мохнáтую шею Жирáна и опрометью[5] бросился бѣжáть къ назначенному мѣсту. Пáпа смѣя́лся и кричáлъ мнѣ вслѣдъ: „Скорéй, скорéй, а то опоздáешь“. Жирáнъ безпрестáнно останáвливался, подмáя ýши, и прислýшивался къ порскáнью охóтниковъ. У меня́ не ставáло силъ стащúть егó съ мѣста, и я начинáлъ кричáть: „Атý, ай[6]!“ Тогдá Жирáнъ рвáлся такъ сúльно, что я насúлу могъ удéрживать егó и не разъ упáлъ, покýда добрáлся до мѣста. Избрáвъ у корня высóкаго дýба тѣнúстое и рóвное мѣсто, я лёгъ на травý, усадúлъ подлѣ себя́ Жирáна и нáчалъ ожидáть. Отозвáлась въ лѣсý первая гóнчая. Гóлосъ Тýрка грóмче и одушевлённѣе раздáлся по лесу; гóнчая взвúзгивала, и гóлосъ ея́ слы́шался чáще.

7. Оплóшность. Къ немý присоединúлся другóй, басúстый гóлосъ, потóмъ трéтій, четвёртый... Услыхáвъ э́то, я замéръ на сво-

[1]Лат. evolvo развёртываю; собир.: разнообрáзныя движéнія вóйска; здесь сказано шутли́во. [2]Глáвный псарь; слугá, обучáющій гóнчихъ собáкъ для охóты и присмáтривающій за ни́ми; то́ же, что ловчій. [3]Разноцвѣтнымъ. [4]Мѣсто въ лѣсý, гдѣ должнá происходúть охóта съ гóнчими собáками. [5]Бы́стро. [6]Междомéтіе, употребля́емое для натрáвливанія собáкъ на звéря.

емъ мѣсто. Вперивъ глаза въ опушку, я безсмысленно улыбался. Потъ катился съ меня градомъ, и хотя капли его, собираясь по подбо родку, щекотали меня, я не вытиралъ ихъ. Вдругъ Жиралъ завылъ и рванулся съ такой силой, что я чуть было не упалъ. На опушк лѣса приложивъ одно ухо и приподнявъ другое, перепрыгивалъ заяцъ Кровь ударила мнѣ въ голову, и я всё забылъ въ эту минуту: за кричалъ что-то нейстовымъ[1] голосомъ, пустилъ собаку и бросился бѣжать. Но не успѣлъ я этого сдѣлать, какъ уже сталъ раскаиваться заяцъ присѣлъ, сдѣлалъ прыжокъ, и больше я его не видалъ. Но ка ковъ былъ мой стыдъ, когда вслѣдъ за гончими, которыя вывели на опушку, изъ-за кустовъ показался Турка! Онъ видѣлъ мою ошибку (которая состояла, въ томъ, что я не выдержалъ) и, презрительно взглянувъ на меня, сказалъ только: „Эхъ, баринъ!“ Но надо знать какъ это было сказано! Мнѣ было бы легче, ежели бы онъ меня, как заяца, повѣсилъ на сѣдло. Долго стоялъ я въ сильномъ отчаяніи на томъ же мѣстѣ, не звалъ собаки и только твердилъ[2], ударяя себя по ляжкамъ[3]: „Боже мой, что я надѣлалъ“.

Въ домѣ нашемъ иногда проживалъ благочестивый странник Григорій. Его нищенская одежда и загадочныя выраженія возбуждали наше дѣтское любопытство. Мы сговорились спрятаться вечеромъ въ сосѣднемъ съ комнатою, въ которой ночевалъ Григорій (Гриша), чу лана, чтобы видѣть веригн[4], которыя носилъ на себѣ Григорій „для истязанія плоти“.

8. Въ чуланѣ. Намъ всѣмъ было жутко[5] въ темнотѣ; мы жались одинъ къ другому и ничего не говорили. Почти вслѣдъ за нами тихими шагами вошелъ Гриша. Въ одной рукѣ онъ держалъ свой посохъ[6], въ другой—сальную свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Мы пе переводили дыханія. „Господи Іисусе Христе! Мати Пресвятая Богородица! Отцу и Сыну и Святому Духу...“ вдыхая въ себя воздухъ, твердилъ онъ, съ различными интонаціями[7] и сокращеніями, свойственными только тѣмъ, которые часто повторяютъ эти слова. Посидѣвъ немного, онъ всталъ, съ молитвой поднялъ свѣчу въ уровень съ кивотомъ, въ которомъ стояло нѣсколько образовъ, перекрестился на нихъ и перевернулъ свѣчу огнёмъ внизъ. Она съ трескомъ потухла. Въ окна, обращённыя на лѣсъ, ударяла почти полная луна. Длинная фигура юродиваго[8]

[1]Соб.: неестественнымъ; очень громкимъ, необыкновеннымъ. [2]Повторялъ. [3]Часть ноги отъ колѣна до бедра. [4]Стр., желѣзныя цѣпи и т. п., носимыя сподвижниками на головомъ тѣлѣ для смиренія плоти.— [5]Страшно. [6]Палка странника. [7]Лат. tonus тонъ, звукъ; выраженіе, ст которымъ произносится какая-либо фраза. [8]Одного корня съ уродъ, уродливый, отъ родить, съ приставкой у; соб.: полуумный отъ природы, потомъ—полупомѣшанный. Григорій обнаруживалъ такія стран ности въ своёмъ характерѣ, что казался окружающимъ (а можетъ быть, и былъ на самомъ дѣлѣ) юродивымъ.

съ одно́й стороны́ была́ освѣщена́ блѣдными, серебристыми луча́ми мѣсяца. На дворѣ́ карау́льщикъ[1] стуча́лъ въ мѣ́дную до́ску. Сложи́въ свои́ огро́мныя ру́ки на груди́, опусти́въ го́лову и безпрестанно тяжело́ вздыха́я, Гри́ша мо́лча стоя́лъ пе́редъ ико́нами, пото́мъ съ трудо́мъ опусти́лся на колѣ́ни и сталъ моли́ться.

9. Какъ и о чёмъ моли́лся Гри́ша. Снача́ла онъ ти́хо говори́лъ извѣ́стныя моли́твы, ударя́я то́лько на нѣ́которыя слова́, пото́мъ повтори́лъ ихъ, но гро́мче и съ бо́льшимъ одушевле́ніемъ. Онъ на́чалъ говори́ть свои́ слова́, съ замѣ́тнымъ уси́ліемъ стара́ясь выража́ться по-славя́нски. Слова́ его́ бы́ли нескла́дны, но тро́гательны. Онъ моли́лся о всѣ́хъ благодѣ́теляхъ свои́хъ (такъ онъ называ́лъ тѣ́хъ, кото́рые принима́ли его́), въ томъ числѣ́ о ма́тушкѣ, о насъ, моли́лся о себѣ́, проси́лъ, что́бы Богъ прости́лъ ему́ его́ тя́жкіе грѣхи́, твердя́лъ: „Бо́же, прости́ врага́мъ мои́мъ!“—кряхтя́ поднима́лся и, повторя́я ещё́ и ещё́ тѣ́ же слова́, припада́лъ къ землѣ́ и опя́ть поднима́лся, несмотря́ на тя́жесть вери́гъ, кото́рыя издава́ли сухо́й, рѣ́зкій звукъ, ударя́ясь о зе́млю. Воло́дя ущипну́лъ меня́ о́чень бо́льно за́ ногу; но я да́же не огляну́лся,—потёръ то́лько руко́й то мѣ́сто и продолжа́лъ съ чу́вствомъ дѣ́тскаго удивле́нія, жа́лости и благоговѣ́нія слѣди́ть за всѣ́ми движе́ніями и слова́ми Гри́ши. Вмѣ́сто весе́лія и смѣ́ха, на кото́рыя я разсчи́тывалъ, входя́ въ чула́нъ, я чу́вствовалъ дрожь и замира́ніе се́рдца. До́лго ещё́ находи́лся Гри́ша въ э́томъ положе́ніи религіо́знаго восто́рга и импрови́зировалъ[2] моли́твы. То твердя́лъ онъ нѣ́сколько разъ сря́ду: „Го́споди, поми́луй“, но ка́ждый разъ съ но́вой си́лой и выраже́ніемъ; то говори́лъ онъ: „Прости́ мя, Го́споди; научи́ мя, что твори́ти[3]; научи мя́ что твори́ти, Го́споди!“ съ таки́мъ выраже́ніемъ, какъ бу́дто ожида́лъ сейча́съ же отвѣ́та на свои́ слова́. „Да бу́детъ во́ля Твоя́!“ вскрича́лъ онъ вдругъ съ неподража́емымъ выраже́ніемъ, упа́лъ ло́бомъ на зе́млю и зарыда́лъ, какъ ребёнокъ. Мно́го воды́ утекло́ съ тѣ́хъ поръ, мно́го воспомина́ній о было́мъ потеря́ли для меня́ значе́ніе и ста́ли сму́тными мечта́ми, да́же и стра́нникъ Гри́ша давно́ око́нчилъ своё послѣ́днее стра́нствованіе; но впечатлѣ́ніе, кото́рое онъ произвёлъ на меня́, и чу́вство, кото́рое возбуди́лъ, никогда́ не умру́тъ въ мое́й па́мяти.

10. Что происходи́ло во дворѣ́ пе́редъ отъѣ́здомъ. На друго́й день по́слѣ опи́санныхъ мно́ю происше́ствій, въ двѣна́дцатомъ часу́ утра́, коля́ска[4] и бри́чка стоя́ли у подъѣ́зда. Никола́й[5] былъ одѣ́тъ

[1]Сто́рожъ. [2]Лат. video ви́жу, provideo предви́жу, in не; со́б.: не предви́жу; отсю́да ит. improvisare пѣть или́ игра́ть пье́су со́бственнаго изобрѣ́тенія, говори́ть рѣчь или́ вообще́ что-ли́бо, тре́бующее предвари́тельнаго обду́мыванія, — безъ приготовле́нія. [3]Или́ твори́ти, стр., дѣ́лать. [4](Отъ ко́ло, колесо́); лёгкій экипа́жъ съ полови́ннымъ ве́рхомъ, на рессо́рахъ. [5]Слуга́ Иртеньевыхъ.

по-дорóжному. Онъ стоя́лъ въ бри́чкѣ и укла́дывалъ шине́ли и поду́шки подъ сидѣ́нье. Когда́ опо́ ему́ каза́лось высоко́, онъ сади́лся на поду́шки и, припры́гивая, обмина́лъ ихъ. Дворо́вые мужчи́ны, же́нщины и босоно́гіе ребя́тишки стоя́ли о́коло крыльца́, посма́тривали на экипа́жи и разгова́ривали ме́жду собо́ю. Оди́нъ изъ ямщико́въ держа́лъ въ руке́ ды́шло коля́ски, потро́гивалъ его́ и глубокомы́сленно посма́тривалъ на ходъ; друго́й положи́лъ свой арма́якъ на ко́злы, заки́нулъ туда́ же во́жжи и посма́тривалъ то на свои́ сапоги́, то на кучеро́въ, кото́рые ма́зали бри́чку. Оди́нъ изъ нихъ, пату́жившись, держа́лъ подъ ёмъ; друго́й, нагну́вшись надъ колесо́мъ, тща́тельно ма́залъ ось и вту́лку. Почто́выя, разнома́стныя[1], разби́тыя ло́шади стоя́ли у рѣшётки и отма́хивались отъ мухъ хвоста́ми. Одна́ изъ нихъ жму́рили глаза́ и дрема́ли; други́я отъ ску́ки чеса́ли другъ дру́га или́ щипа́ли ли́стья и сте́бли же́сткаго темнозелёнаго па́поротника[2], кото́рый росъ по́длѣ крыльца́. Нѣсколько борзы́хъ соба́къ—одна́ тяжело́ дыша́ли, лёжа на со́лнцѣ, други́я въ тѣни́ ходи́ли подъ коля́ской и бри́чкой. Я сидѣ́лъ у окна́ и съ нетерпѣ́ніемъ ожида́лъ оконча́нія всѣхъ приготовле́ній.

11. Что происходи́ло пе́редъ отъѣ́здомъ въ ко́мнатѣ. Вошёлъ Фо́ка[3] и то́чно тѣмъ же го́лосомъ, кото́рымъ онъ докла́дывалъ: „Ку́шать гото́во“, остановя́вшись у при́толки[4], сказа́лъ: „Ло́шади гото́вы“. Я замѣ́тилъ, что мать вздро́гнула и поблѣдне́ла при э́томъ изв'ѣ́стіи, какъ бу́дто оно́ бы́ло для нея́ неожи́данно. Фо́кѣ прика́зано бы́ло затвори́ть всѣ две́ри въ ко́мнатѣ. Меня́ э́то о́чень забавля́ло: какъ бу́дто всѣ спря́тались отъ кого́-нибу́дь. Когда́ всѣ се́ли, Фо́ка то́же присѣ́лъ на ко́нчикѣ сту́ла. Но то́лько что онъ э́то сдѣ́лалъ, дверь скри́пнула, и всѣ огляну́лись. Въ ко́мнату торопли́во вошла́ Ната́лья Са́ввишна[5] и, не поднима́я глазъ, прію́тилась о́коло две́ри на одно́мъ сту́лѣ съ Фо́кой. Я продолжа́лъ быть беззабо́тенъ и нетерпѣли́въ. Де́сять секу́ндъ, кото́рыя просидѣ́ли за закры́тыми дверьми́, показа́лись мнѣ за цѣ́лый часъ. Наконе́цъ, всѣ вста́ли, перекрести́лись и ста́ли проща́ться. Мать сто́лько разъ принима́лась цѣлова́ть и крести́ть Воло́дю, что, полага́я, что она́ тепе́рь обрати́тся ко мнѣ, я сова́лся впере́дъ, но она́ ещё и ещё благословля́ла его́ и прижима́ла къ груди́. Наконе́цъ, я обня́лъ её и, прильну́въ къ ней, пла́калъ, ни о чёмъ не ду́мая, кро́мѣ своего́ го́ря. Когда́ мы пошли́ сади́ться, въ пере́дней приступи́ла проща́ться доку́чная[6] дво́рня. Стра́нно то, что я какъ тепе́рь ви́жу всѣ ли́ца дворо́выхъ и могъ бы нарисова́ть ихъ со всѣ́ми мельча́йшими подро́бностями, но лицо́ и положе́ніе ма́тери рѣши́тельно

[1]Разношёрстныя. [2]Расте́ніе съ широ́кими ли́стьями; принадлежи́тъ къ со́рнымъ тра́вамъ. [3]Слуга́ Ирте́ньевыхъ. [4](Отъ при и толка́ть—прибива́ть); ве́рхняя переклади́на на две́ри; противополо́жна поро́гу. [5]Стару́ха, ня́ня Ирте́ньевыхъ. [6]Доку́чный—надое́дливый.

ускользáютъ изъ моегó воображéнія. Мóжетъ-быть—оттогó, что во всё э́то врéмя я ни рáзу не могъ собрáться съ дýхомъ взглянýть на неё. Мнѣ казáлось, что, éсли бы я э́то сдѣлалъ, ея́ и моя́ гóресть должнá бы былá дойти́ до невозмóжныхъ предѣловъ[1].

12. Въ колáскѣ. Я брóсился прéжде всѣхъ въ колáску и усѣлся на зáднемъ мѣстѣ. За пóднятымъ вéрхомъ я ничегó не могъ вúдѣть, но какóй-то инстúнктъ говорúлъ мнѣ, что мать ещё здѣсь. „Посмотрéть ли на неё ещё илú нѣтъ?.. Ну, въ послѣдній разъ!“ сказáлъ я самъ себѣ и вы́сунулся изъ колáски къ крыльцý. Въ э́то врéмя мать съ тóю же мы́слью подошлá съ противополóжной стороны́ колáски и позвáла меня́ по и́мени. Услыхáвъ ея́ гóлосъ сзáди себя́, я повернýлся къ ней, но такъ бы́стро, что мы стýкнулись головáми; онá грýстно улыбнýлась и крѣпко, крѣпко поцѣловáла меня́ въ послѣдній разъ. Когдá мы отъѣхали нѣсколько сáженъ, я рѣши́лся взглянýть на неё. Вѣтеръ поднимáлъ голýбенькую косы́почку[2], котóрою былá повя́зана ея́ головá; опустúвъ гóлову и закры́въ лицó рукáми, онá мéдленно всходúла на крыльцó[3]. Фóка поддéрживалъ её. Пáпа сидѣлъ со мной рядомъ и ничегó не говорúлъ. Я же захлёбывался отъ слёзъ, и что́-то такъ давúло мнѣ въ гóрлѣ, что я боя́лся задохнýться... Вы́ѣхавъ на большýю дорóгу, мы увидáли бѣлый платóкъ, котóрымъ кто́-то махáлъ съ балкóна[4]. Я сталъ махáть свóимъ, и э́то движéніе немнóго успокóило меня́. Я сталъ смотрѣть кругóмъ, и ещё́ лицó моё не просóхло отъ слёзъ, какъ мы́сли мои́ бы́ли далекó отъ мáтери, съ котóрой я разстáлся, мóжетъ-быть, навсегдá. Но вся́кое воспоминáніе наводúло меня́ на мысль о ней. Я вспóмнилъ о грибѣ, котóрый нашёлъ наканýнѣ въ берёзовой аллéѣ, вспóмнилъ о томъ, какъ Любóчка съ Кáтенькой[5] поспóрили, кому́ сорвáть егó, вспóмнилъ и о томъ, какъ онѣ плáкали, прощáясь съ нáми. Жáлко ихъ! и Натáлью Сáввишну жáлко, и берёзовую аллéю, и Фóку жáлко! Дáже злýю Мимú[6]—и ту жáлко. Всё, всё жáлко! А бѣдная мать? И слёзы опя́ть набёртывались на глазá.

13. Стихú. Почтú мѣсяцъ пóслѣ того́, какъ мы переѣхали въ Москвý, я сидѣлъ наверхý бáбушкинаго дóма, за большúмъ столóмъ, и писáлъ. Когдá намъ объявúли, что скóро бýдутъ бáбушкины именúны и что намъ дóлжно приготóвить къ э́тому дню подáрки, мнѣ пришлó въ гóлову написáть ей стихú на э́тотъ слýчай и я тóтчасъ же прибрáлъ

[1]Граúцъ. [2]Треугóльный платóкъ, носúмый на головѣ́ или на шéѣ. [3]Сѣни у дóма, въ вúдѣ пристройки (уменьш. отъ крыло́). [4]Фр. balcon, прикрѣплённая къ стѣнѣ́ дóма площáдка съ перúлами, [5]Любóчка—сестрá Колú Иртéньева. Кáтенька—дочь гувернáнтки Иртéньевыхъ, воспúтывавшаяся вмѣстѣ съ Любóчкой, въ кáчествѣ компаніóнки. [6]Гувернáнтка Иртéньевыхъ. Здѣсь онá нáзвана уменьшúтельнымъ úменемъ (отъ Мáрья), какъ обыкновéнно её называ́ли въ дóмѣ.

два стиха́ съ ри́омами[1], падѣясь такъ же ско́ро прибра́ть остальны́е. Про́тивъ моего́ ожида́нія, оказа́лось, что, кро́мѣ двухъ стихо́въ, приду́манныхъ мно́ю сгоряча́, я, несмотря́ на всѣ уси́лія, ничего́ да́льше не могъ сочини́ть. Я сталъ чита́ть стихи́, кото́рые бы́ли въ на́шихъ кни́гахъ; но ни Дми́тріевъ[2] ни Держа́винъ[3] не помогли́ мнѣ; напро́тивъ, они́ ещё бо́лѣе убѣди́ли меня́ въ мое́й неспосо́бности. Зна́я, что Карлъ Ива́нычъ люби́лъ спи́сывать стишки́, я сталъ потихо́ньку ры́ться въ его́ бума́гахъ и въ числѣ нѣме́цкихъ стихотворе́ній нашёлъ одно́ ру́сское, принадлежа́щее, должно́-быть, собственно его́ перу́. Стихотворе́ніе э́то понра́вилось мнѣ по трогательному чу́вству, кото́рымъ оно́ бы́ло прони́кнуто. Я то́тчасъ же вы́училъ его́ наизу́сть и рѣши́лся взять за образе́цъ. Дѣло пошло́ гора́здо ле́гче. Въ день именѝнъ поздравле́ніе изъ 12 стихо́въ бы́ло гото́во, и, сидя за столо́мъ въ кла́ссной, я перепи́сывалъ его́ на веле́невую* бума́гу. Въ стихотворе́ніи свое́мъ я поздравля́лъ ба́бушку, жела́лъ ей мно́го лѣтъ здра́вствовать, и заключи́лъ такъ: „Стара́ться бу́демъ утѣша́ть и лю́бимъ, какъ родну́ю мать". Ка́жется, бы́ло бы педу́рно, но послѣдній стихъ ка́къ-то стра́нно оскорбля́лъ мой слухъ. Я сѣлъ на крова́ть и заду́мался: „Пра́вда, я ба́бушку люблю́, но всё она́ не то. Зачѣмъ я солга́лъ? Поло́жимъ, э́то стихи́, но всё-таки не ну́жно бы́ло".

Одѣвшись въ но́вое пла́тье, мы съ учи́телемъ Ка́рломъ Ива́новичемъ отпра́вились съ поздравле́ніемъ къ ба́бушкѣ.

14. Именинные пода́рки. У Ка́рла Ива́ныча въ рука́хъ была́ ко́рбочка своего́ издѣлія[4], у Воло́ди—рису́нокъ, у меня́—стихи́. У ка́ждаго на языкѣ бы́ло привѣтствіе, съ кото́рымъ онъ поднесётъ свой пода́рокъ. Въ ту мину́ту, какъ Карлъ Ива́нычъ отвори́лъ дверь за́лы, священникъ надѣлъ ри́зу, и разда́лись пе́рвые зву́ки моле́бна[5]. Ба́бушка была́ уже́ въ за́лѣ; сго́рбившись и опершись на спи́нку сту́ла, она́ стоя́ла у стѣнки и на́божно моли́лась; по́длѣ нея́ стоя́лъ па́ла. Онъ оберну́лся къ намъ и улыбну́лся, замѣтивъ, какъ мы, заторопи́вшись, пря́гали за спи́ны пригото́вленные пода́рки и, стара́ясь быть незамѣченными, останови́лись у са́мой две́ри. Весь эффе́ктъ[6] неожи́данности, на кото́рый мы разсчи́тывали, былъ потеря́нъ. Когда́ ста́ли подходи́ть къ кресту́, я вдругъ почу́вствовалъ, что нахожу́сь подъ тяжёлымъ влія́ніемъ непреодоли́мой, одурѣва́ющей застѣнчивости[7], и я спря́тался за спи́ну Ка́рла Ива́ныча. Ка́рлъ Ива́нычъ, въ са́мыхъ

[1]Гре́ч., стро́йность, скла́дность, соразмѣрность; созву́чіе на концѣ стихо́въ. [2]Ру́сскій поэ́тъ (1760—1837 г.). [3]Ру́сскій поэ́тъ (1743—1816 г.). *Лат. vitulus телёнокъ; фр. velin; глянцови́тая бума́га, похо́жая на перга́ментъ (приготовля́лся изъ ко́жи теля́тъ).—[4]Приготовле́нія, рабо́ты. [5](Отъ моли́ть, мольба́); церко́вная слу́жба, совершаемая тогда́, когда́ о чёмъ-ли́бо про́сятъ или́ благодаря́тъ Бо́га. [6]Лат. effectus, отъ efficio произвожу́; си́льное впечатлѣніе. [7](Отъ за и стѣна́), конфу́зливость, скло́нность пря́таться отъ о́бщества и красне́ть.

отбо́рныхъ выраже́ніяхъ поздра́вивъ ба́бушку, переложи́лъ корбо́чку изъ пра́вой руки́ въ ле́вую, вручи́лъ её имени́нницѣ и отоше́лъ не́сколько шаго́въ, чтобы́ дать мѣ́сто Воло́дѣ. Ба́бушка, каза́лось, была́ въ восхище́ніи отъ коро́бочки, окле́енной золоты́ми каёмками[1], и са́мой ла́сковой улы́бкой вы́разила свою́ благода́рность. Воло́дя поднёсъ свой рису́нокъ и заслужи́лъ са́мыя лестныя похвалы́ со всѣхъ сторо́нъ. Наста́лъ и мой черёдъ; ба́бушка съ одобри́тельной улы́бкой обра́тилась ко мнѣ.

5. **Ба́бушка и па́па чита́ютъ мои́ стихи́.** „Ну́, покажи́ же, Нико́ленька, что у тебя́, коро́бочка или́ рисова́нье“? сказа́лъ мнѣ па́па. Дѣ́лать бы́ло не́чего; дрожа́щей руко́й пода́лъ я изма́тый, рокова́й све́ртокъ. Но го́лосъ соверше́нно отказа́лся служи́ть мнѣ́, и я мо́лча останови́лся пе́редъ ба́бушкой. Я не могъ притти́ въ себя́ отъ мы́сли, что, вмѣ́сто ожида́емаго рису́нка, при всѣхъ прочту́тъ мои́ никуда́ негóдные стихи́ и слова́: „какъ родну́ю мать“, кото́рыя я́сно дока́жутъ, что я никогда́ не люби́лъ и забы́лъ её. Какъ переда́ть мои́ страда́нія въ то вре́мя, когда́ ба́бушка на́чала чита́ть вслухъ моё стихотворе́ніе и когда́, не разбира́я, она́ остана́вливалась на середи́нѣ стиха́, что́бы съ улы́бкой взгляну́ть на па́пу, когда́ она́ произноси́ла не такъ, какъ мнѣ хотѣ́лось, и когда́, по сла́бости зрѣ́нія, не дочтя́ до конца́, она́ переда́ла бума́гу па́пѣ и попроси́ла его́ проче́сть ей всё снача́ла? Мнѣ каза́лось, что она́ э́то сдѣ́лала потому́, что ей надое́ло чита́ть такіе дурны́е и кри́во напи́санные стихи́, и для того́ что́бы папа́ могъ самъ проче́сть послѣ́дній стихъ, столь я́вно дока́зывающій мою́ безчу́вственность. Я ожида́лъ того́, что онъ щелкнётъ меня́ по носу́ э́тими стиха́ми и ска́жетъ: „Дрянно́й мальчи́шка, не забы́вай мать... Вотъ тебѣ́ за э́то“. Но ничего́ тако́го не случи́лось; напро́тивъ, когда́ всё бы́ло прочтено́, ба́бушка сказа́ла: „Прелéстно!“ и поцѣлова́ла меня́ въ лобъ. Коро́бочка, рису́нокъ и стихи́ бы́ли положены ря́домъ съ двумя́ бати́стовыми[2] платка́ми и табаке́ркой съ портре́томъ ма́тери на выдвижно́й сто́ликъ вольте́ровскаго кре́сла[3], въ кото́ромъ всегда́ си́живала ба́бушка.

По слу́чаю имени́нъ ба́бушки собра́лось къ намъ большо́е о́бщество. Бы́ло мно́го и дѣте́й. Мы затѣ́яли и́гры. Въ числѣ́ игра́вшихъ былъ и ма́льчикъ Серёжа Ивинъ.

16. Игра́ въ разбо́йники. Молодо́й гувернёръ Ивиныхъ, съ позволе́нія ба́бушки, сошёлъ съ на́ми въ палиса́дникъ, сѣлъ на зелёную скамью́ и закури́лъ сига́ру. Въ палиса́дникѣ бы́ло о́чень ве́село. Игра́ въ разбо́йники шла ка́къ нельзя́ лу́чше; но одно́ обстоя́тельство

[1]Уменьш. отъ кайма́; край, полоса́, окружа́ющая что-ли́бо. [2]Фр., произошло́ отъ и́мени францу́зскаго фабриканта Бати́ста; бати́стъ—то́нкій льняно́й холстъ. [3]Покойное кре́сло съ высо́кой спи́нкой (отъ фами́ліи францу́зскаго писа́теля Вольте́ра).

чуть-чуть не разстро́ило всего́. Серёжа былъ разбойникъ; погна́вшись за проѣзжа́ющимъ, онъ споткну́лся, и на всёмъ бѣгу́ уда́рился колѣ́номъ о де́рево такъ си́льно, что я ду́малъ—онъ расшибе́тся вдре́безги. Несмотря́ на то, что я былъ жанда́рмъ и моя обя́занность состоя́ла въ то́мъ, что́бы лови́ть его́, я подошёлъ и съ уча́стіемъ сталъ спра́шивать, бо́льно ли ему́. Серёжа разсерди́лся на меня́, сжалъ кулаки́, то́пнулъ ного́й и го́лосомъ, кото́рый я́сно доказыва́лъ, что онъ о́чень бо́льно ушиб̀ся, закрича́лъ мнѣ: „Ну, что́ э́то? по́слѣ э́того игра́ пикако́й нѣтъ!“ „Ну, что жъ ты меня́ не ло́вишь? что жъ ты меня́ не ло́вишь?“ повторя́лъ онъ нѣсколько разъ, и́скоса погля́дывая на Воло́дю и ста́ршаго Ивина, кото́рые, представля́я проѣзжа́ющихъ, припры́гивая, бѣжа́ли по доро́жкѣ, и вдругъ взви́гнулъ и съ гро́мкимъ смѣ́хомъ бро́сился лови́ть ихъ. Не могу́ переда́ть, какъ порази́лъ и плѣ́нилъ меня́ э́тотъ геро́йскій посту́покъ: несмотря́ на стра́шную боль, онъ не то́лько не запла́калъ, но не показа́лъ и ви́ду, что ему́ бо́льно, и ни на мину́ту не забылъ игры́.

Спустя́ полго́да по́слѣ имени́ны ба́бушки полу́чено бы́ло извѣ́стіе, что Иртеньева о́чень больна́. Оте́цъ, скрыва́я отъ дѣте́й э́то извѣстіе, неме́дленно отпра́вился съ ни́ми въ дере́вню.

17. Возвраще́ніе въ дере́вню. Выѣзжа́я изъ Москвы́, па́па былъ заду́мчивъ, и, когда́ Воло́дя спроси́лъ у него́: не больна́ ли мать? онъ съ гру́стью посмотрѣ́лъ на него́ и молча кивну́лъ голово́й. Во вре́мя путеше́ствія онъ замѣ́тно успоко́ился; но, по мѣ́рѣ приближе́нія къ до́му, лицо́ его́ всё бо́лѣе принима́ло печа́льное выраже́ніе. Когда́, выходя́ изъ коля́ски, онъ спроси́лъ у вы́бѣжавшаго, запыха́вшагося Фо́ки: „Гдѣ Ната́лья Никола́евна[1]?“ го́лосъ его́ былъ нетвёрдъ, и въ глаза́хъ бы́ли слёзы. До́брый стари́къ Фо́ка, укра́дкой взгляну́въ на насъ, опусти́лъ глаза́ и, отворя́я дверь въ пере́днюю, отверну́вшись, отвѣча́лъ: „Шесто́й день ужъ не извлятъ выходи́ть изъ спа́льни“. Ми́лка, кото́рая, какъ я по́слѣ узна́лъ, съ са́маго того́ дня, въ кото́рый запемогла́[2] мать, не переста́вала жа́лобно выть, ве́село бро́силась къ отцу́, пры́гала на него́, взви́згивала и лиза́ла его́ ру́ки. Но онъ оттолкну́лъ её и прошёлъ въ гости́ную. Въ дѣ́вичьей двѣ дѣ́вушки, кото́рыя сидѣ́ли за како́й-то рабо́той, привста́ли, что́бы поклони́ться намъ, съ таки́мъ печа́льнымъ выраже́ніемъ, что мнѣ сдѣ́лалось стра́шно. Пройдя́ ещё ко́мнату Мими́, па́па отвори́лъ дверь спа́льни, и мы вошли́.

18. Въ ко́мнатѣ умира́ющей. Напра́во отъ две́ри бы́ли два́ окна́, завѣ́шенныя платка́ми. У одного́ изъ нихъ сидѣ́ла Ната́лья Са́вишна, съ очка́ми на носу́, и вязала чуло́къ. Она́ не ста́ла цѣлова́ть насъ, какъ то обыкнове́нно дѣ́лывала, а то́лько привста́ла, посмотрѣ́ла на насъ че́резъ очки́, и слёзы потекли́ у нея́ гра́домъ. Мнѣ о́чень

[1]Мать Иртеньевыхъ. [2]Заболѣ́ла.

не понра́вилось, что всѣ при пе́рвомъ взгля́дѣ на насъ начина́ютъ пла́кать, тогда́ какъ пре́жде бы́ли соверше́нно споко́йны. Нале́во отъ две́ри стоя́ли ши́рмы[1], за ши́рмами—крова́ть, сто́ликъ, шка́пчикъ, уста́вленный лѣка́рствами, большо́е кре́сло, на кото́ромъ дрема́лъ до́кторъ. По́длѣ крова́ти стоя́ла молода́я дѣ́вушка и прикла́дывала лёдъ къ головѣ́ ма́тери, кото́рую мнѣ не́ было ви́дно въ э́ту мину́ту. Какъ то́лько мы вошли́, она́ отня́ла одну́ ру́ку отъ головы́ ма́тери и шо́потомъ сказа́ла: „Въ забытьи́!“ Я былъ въ си́льномъ го́рѣ въ э́ту мину́ту, но нево́льно замѣча́лъ всѣ ме́лочи. Въ ко́мнатѣ бы́ло почти́ темно́, жа́рко и па́хло вмѣстѣ мя́той, одеколо́номъ[2], рома́шкой[3] и го́фманскими ка́плями[4]. За́пахъ э́тотъ такъ порази́лъ меня́, что нето́лько когда́ я слы́шу его́, но когда́ лишь вспомина́ю о нёмъ, воображе́ніе мгнове́нно перено́ситъ меня́ въ э́ту мра́чную, ду́шную ко́мнату и воспроизво́дитъ всѣ мельча́йшія подро́бности ужа́сной мину́ты. Глаза́ ма́тери бы́ли откры́ты, но она́ ничего́ не ви́дѣла... О, никогда́ не забу́ду я э́того стра́шнаго взгля́да! Въ нёмъ выража́лось сто́лько страда́нія!... Насъ увели́. Мать скончала́сь въ ужа́сныхъ страда́ніяхъ.

Спустя́ нѣсколько вре́мени по́слѣ сме́рти ма́тери, мы сно́ва отправля́емся въ Москву́. На э́тотъ разъ туда́ же отправля́ются и дѣ́вочки. Оте́цъ остаётся въ дере́внѣ. Мы ѣ́демъ не на почто́выхъ, а на свои́хъ.

19. Утро на постоя́ломъ дворѣ. Ра́но, ра́но у́тромъ безжа́лостный и сли́шкомъ усе́рдный Васи́лій* сдёргиваетъ одѣя́ло и увѣря́етъ, что пора́ ѣ́хать и всё уже́ гото́во. Какъ ни жмёшься, ни хитри́шь, ни се́рдишься, что́бы хоть ещё на че́тверть часа́ продли́ть сла́дкій, у́тренній сонъ, по рѣши́тельному лицу́ Васи́лія ви́дишь, что онъ неумоли́мъ и гото́въ ещё два́дцать разъ сдёрнуть одѣя́ло, вска́киваешь и бѣжи́шь на дворъ умыва́ться. Въ сѣня́хъ уже́ кипи́тъ самова́ръ, кото́рый, раскраснѣ́вшись, какъ ракъ, раздува́етъ Ми́тька форе́йторъ[5]. Со́лнышко весёлымъ, я́ркимъ свѣ́томъ освѣща́етъ восто́чную часть не́ба и соло́менныя кры́ши просто́рныхъ навѣ́совъ, окружа́ющихъ дворъ, глянцови́тыя[6] отъ росы́, покрыва́ющей ихъ. Подъ ни́ми виднѣ́ются на́ши ло́шади, привя́занныя о́коло кормя́гъ[7], и слы́шно ихъ мѣ́рное жева́ніе. Хлопоту́нья хозя́йка отворя́етъ скрипя́щія воротá, выгоня́етъ заду́мчивыхъ коро́въ на у́лицу, по кото́рой уже́ слы́шны то́потъ, мыча́ніе и бле́яніе ста́да, и переки́дывается слове́чкомъ съ со́нной сосѣ́дкой. Фили́ппъ, съ засу́ченными рукава́ми руба́шки, вытя́гиваетъ колесо́мъ бадью́[8]

---

[1]Ши́рма, обыкн. во мн. ч.: ши́рмы, нѣм. Schirm, заста́вка, заслóнъ, загоро́дка въ ко́мнатѣ. [2,3,4]Паху́чія лѣка́рственныя сре́дства.—*Слуга. [5]Нѣм. vor предъ, впереди́ и Reiter вса́дникъ; ѣ́дущій на одно́й изъ пере́днихъ лошаде́й, впря́женныхъ въ экипа́жъ (при упря́жкѣ цу́гомъ), для управле́нія пере́дней па́рой. [6]Блестя́щія, лосня́щіяся. [7]Корыто въ конюшнѣ, изъ кото́раго ѣдя́тъ ло́шади. [8]Ведро́, съ по́мощью кото́раго достаю́тъ во́ду изъ глубо́каго коло́дца.

изъ глубо́каго коло́дца, плеска́я свѣ́тлую во́ду, и выливаетъ ее въ дубо́вую коло́дку, о́коло кото́рой въ лу́жѣ уже́ поло́щутся проспу́вшіяся у́тки. За перегоро́дкой, гдѣ спала́ Мими́ съ дѣ́вочками, слы́шно движе́ніе. Наконе́цъ, отворя́ется дверь, и насъ зову́тъ пить чай. Васи́лій, въ припа́дкѣ изли́шняго усе́рдія, безпреста́нно вбѣга́етъ въ ко́мнату, выно́ситъ то то, то друго́е, подми́гиваетъ намъ и вся́чески упра́шиваетъ Ма́рью Ива́новну[1] выѣзжа́ть ра́нѣе. Ло́шади зало́жены и выража́ютъ своё нетерпѣ́ніе, и́зрѣдка побря́кивая бубе́нчиками[2]. Чемода́ны, сундуки́, шкату́лки и шкату́лочки сно́ва укла́дываются, и мы сади́мся по мѣста́мъ.

20. Путевы́я впечатлѣ́нія. Я не успѣ́лъ помоли́ться на постоя́ломъ дворѣ́. Но такъ какъ уже́ не разъ замѣ́чено мно́ю, что въ тотъ день, въ кото́рый я забыва́ю испо́лнить э́тотъ обря́дъ, со мно́ю случа́ется како́е-нибу́дь несча́стіе, я стара́юсь испра́вить сво́ю оши́бку: снима́ю фура́жку, повора́чиваюсь въ у́голъ бри́чки, чита́ю моли́твы и крещу́сь подъ ку́рточкой такъ, что́бы никто́ не вида́лъ э́того. Но тысячи разли́чныхъ предме́товъ отвлека́ютъ моё внима́ніе, и я нѣ́сколько разъ сря́ду въ разсѣ́янности повторя́ю одни́ и тѣ́ же слова́ моли́твы. Вотъ на пѣшехо́дной тропи́нкѣ[3], вью́щейся о́коло доро́ги, виднѣ́ются какія-то ме́дленно дви́жущіяся фигу́ры: э́то богомо́лки[4]. Го́ловы ихъ заку́таны гря́зными платка́ми, за спи́нами берёстовыя кото́мки[5], но́ги обу́ты въ тяже́лые ла́пти. Равномѣ́рно разма́хивая па́лками и едва́ огля́дываясь на насъ, онѣ́ ме́дленнымъ, тяжёлымъ ша́гомъ подвига́ются вперёдъ одна́ за друго́ю, а меня́ занима́ютъ вопро́сы: куда́, зачѣ́мъ онѣ́ иду́тъ; до́лго ли продо́лжится ихъ путеше́ствіе. Вотъ коля́ска, четвёркой, на почто́выхъ, бы́стро несётся навстрѣ́чу. Двѣ секу́нды, и ли́ца, на разстоя́ніи дву́хъ арши́нъ привѣ́тливо, любопы́тно смотрѣ́вшія на насъ, уже́ промелькну́ли, и ка́къ-то стра́нно ка́жется, что э́ти ли́ца не имѣ́ютъ со мной ничего́ о́бщаго и что ихъ никогда́, мо́жетъ-быть, не уви́дишь бо́льше. Вонъ, далеко́ за овра́гомъ, виднѣ́ется на свѣ́тло-голубо́мъ не́бѣ дереве́нская це́рковь съ зелёной кры́шей; вонъ село́, кра́сная кры́ша ба́рскаго до́ма и зелёный садъ. Кто живётъ въ э́томъ до́мѣ? Есть ли въ нёмъ дѣ́ти, оте́цъ, мать, учи́тель? Отчего́ бы на́мъ не поѣ́хать въ э́тотъ домъ и не познако́миться съ хозя́евами?

21. На ко́злахъ. „Васи́лій,“ говорю́ я, когда́ замѣча́ю, что онъ начина́етъ уди́ть ры́бу[6] на ко́злахъ, „пусти́ меня́ на ко́злы, голу́бчикъ“. Васи́лій соглаша́ется. Мы́ перемѣня́емся мѣста́ми. Пе́редо мной откры-

[1]Гуверна́нтку (Мими́). [2]Металли́ческіе пусты́е ша́рики, издаю́щіе при сотрясе́ніи звонъ; придѣ́лываются къ ко́нской у́пряжи для украше́нія. [3]Узкая доро́жка, для пѣшехо́довъ. [4]Же́нщины, иду́щія на богомо́лье, т.-е. на поклоне́ніе святы́мъ мѣста́мъ. [5]Кото́мка—небольшо́й мѣшо́къ или я́щикъ для веще́й. Берёста—ве́рхній слой берёзовой коры́. [6]Клю́кать но́сомъ, наклоня́ться вперёдъ отъ дремо́ты.

ва́ется съ высоты́, кото́рую я занима́ю, са́мая прія́тная карти́на—на́ши четы́ре ло́шади: Неруча́йская, Дьячо́къ, Лѣ́вая коренна́я и Апте́карь, всѣ́ изу́ченныя мно́ю до малѣ́йшихъ подро́бностей и отте́нковъ свои́ствъ ка́ждой.—Отчего́ э́то ны́нче Дьячо́къ на пра́вой пристя́жкѣ[1], а не на лѣ́вой, Фили́ппъ? нѣ́сколько ро́бко спра́шиваю я. — Дьячо́къ? —А Неруча́йская ничего́ не везётъ, говорю́ я.—Дьячка́ нельзя́ нале́во впряга́ть, говори́тъ Фили́ппъ, не обраща́я внима́нія на моё после́днее замѣча́ніе: не така́я ло́шадь, чтобъ её на лѣ́вую пристя́жку запряга́ть. Нале́во ужъ ну́жно таку́ю ло́шадь, чтобъ, одно́ сло́во[2], была́ ло́шадь, а э́то не така́я ло́шадь. И Фили́ппъ съ э́тими слова́ми нагиба́ется на пра́вую сто́рону и, подёргивая вожжо́й изъ всѣ́хъ силъ, принима́ется стега́ть бѣ́днаго Дьячка́ по хвосту́ и по нога́мъ. Несмотря́ на то, что Дьячо́къ стара́ется изъ всѣ́хъ силъ и воро́титъ всю бри́чку, Фили́ппъ прекраща́етъ э́тотъ маневръ[3] то́лько тогда́, когда́ чу́вствуетъ необходи́мость отдохну́ть и сдви́нуть неизвѣ́стно для чего́ сво́ю шля́пу на оди́нъ бокъ. Я по́льзуюсь тако́й счастли́вой мину́той и прошу́ Фили́ппа дать мнѣ попра́вить[4]. Фили́ппъ даётъ мнѣ снача́ла одну́ вожжу́, пото́мъ другу́ю, наконе́цъ всѣ́ шесть вожже́й и кнутъ переха́дятъ въ мои́ ру́ки, и я соверше́нно сча́стливъ. Я стара́юсь всячески подража́ть Фили́ппу, спра́шиваю у него́, хорошо́ ли, но обыкнове́нно конча́ется тѣ́мъ, что онъ остаётся мно́ю недово́ленъ, высо́вываетъ ло́коть изъ-за моей груди́ и отнима́етъ у меня́ во́жжи.

22. **Пе́редъ грозо́й.** До ближа́йшей дере́вни остава́лось ещё вёрстъ де́сять, а больша́я, тёмно-лило́вая ту́ча, взя́вшаяся Богъ зна́етъ отку́да, безъ малѣ́йшаго вѣ́тра, но бы́стро подвига́лась къ намъ. Со́лнце, ещё не скры́тое облака́ми, я́рко освѣща́етъ ея́ мра́чную фигу́ру. Изрѣ́дка вдалекѣ́ вспы́хиваетъ мо́лнія и слы́шится сла́бый гулъ, постепе́нно уси́ливающійся, приближа́ющійся и переходя́щій въ преры́вистые раска́ты. Васи́лій приподнима́ется съ ко́зелъ и поднима́етъ верхъ бри́чки; кучера́ надѣва́ютъ армяки́ и при ка́ждомъ уда́рѣ гро́ма снима́ютъ ша́пки и кре́стятся; ло́шади настора́живаютъ у́ши, раздува́ютъ но́здри, бри́чка скорѣе ка́титъ по пы́льной доро́гѣ. Мнѣ стано́вится жу́тко, и я чу́вствую, какъ кровь быстре́е обраща́ется въ мои́хъ жи́лахъ. Но вотъ передовы́я облака́ уже́ начина́ютъ закрыва́ть со́лнце, вотъ оно́ вы́глянуло въ послѣ́дній разъ, освѣти́ло стра́шно-мра́чную сто́рону горизо́нта и скры́лось. Вся окре́стность вдругъ измѣня́ется и принима́етъ мра́чный хара́ктеръ. Вотъ задрожа́ла оси́новая ро́ща; ли́стья стано́вятся како́го-то бѣ́ло-му́тнаго цвѣ́та, я́рко

[1]Впряжённъ спра́ва. [2]Хоро́шую, настоя́щую ло́шадь. [3]Фр. manœuvre, отъ лат. manus рука́ и opera рабо́та; со́б., ручна́я рабо́та; пото́мъ: пріёмъ, спо́собъ, въ осо́бенности осно́ванный на хи́трости. [4]Поупра-вля́ть лошадьми́.

выдающагося на лилóвомъ фóнѣ тýчи, шумя́тъ и вéртятся; ма́кушк
больши́хъ берёзъ начина́ютъ раска́чиваться, и пучки́ сухóй тра
летя́тъ чéрезъ дорóгу. Стрижи́[1] и бѣлогру́дыя ла́сточки, какъ бу́д
съ нам'Ѣреніемъ останови́ть насъ, рѣютъ[2] вокру́гъ бри́чки и прол
та́ютъ подъ са́мой гру́дью лошадéй; га́лки[3] съ растрёпанными крыль
ми ка́къ-то бóкомъ лета́ютъ по вѣтру. Края́ кóжанаго фа́ртук
кото́рымъ мы застегну́лись, начина́ютъ поднима́ться, пропуска́ть к
намъ поры́вы вла́жнаго вѣтра и, разма́хиваясь, би́ться о ку́зов
бри́чки.

23. Гроза́. Мóлнія вспы́хиваетъ какъ бу́дто въ са́мой бри́чк
ослѣпля́етъ зрѣніе и на одно́ мгновéніе освѣща́етъ сѣрое сукно́, б
со́нъ[4] и прижа́вшуюся къ углу́ фигу́ру Волóди. Въ ту́ же секу́нд
надъ са́мой головóй раздаётся вели́чественный гулъ, кото́рый, как
бу́дто поднима́ясь всё вы́ше и вы́ше, постепéнно уси́ливается и пер
хóдитъ въ оглуши́тельный трескъ, невóльно заставля́ющій трепета́
и сдéрживать дыха́ніе. Ослѣпи́тельная мóлнія, мгновéнно наполня́
бгненнымъ свѣтомъ всю лощи́ну, заставля́етъ лошадéй останови́ться
безъ малѣ́йшаго промежу́тка, сопровожда́ется таки́мъ оглуши́тельным
трéскомъ гро́ма, что ка́жется, весь сводъ небéсъ ру́шится надъ на́м
Вѣтеръ ещё уси́ливается. Гри́вы и хвосты́ лошадéй, шинéль Васи́л
и края́ фа́ртука принима́ютъ одно́ направле́ніе и отча́янно развѣва́ют
отъ поры́вовъ неи́стоваго вѣтра. На кóжаный верхъ бри́чки тяжел
упа́ла кру́пная ка́пля дождя́... друга́я, тре́тья, четвёртая и вдру
какъ бу́дто кто́-то забараба́нилъ надъ на́ми, и вся окре́стность огл
си́лась равномѣ́рнымъ шу́момъ па́дающаго дождя́. Косо́й дождь, г
ни́мый си́льнымъ вѣтромъ, лилъ какъ изъ ведра́; съ фри́зовой[5] ш
не́ли Васи́лія текли́ пото́ки въ лу́жу му́тной воды́, образова́вшуюся н
фа́ртукѣ. Сби́тая кату́шками пыль превати́лась въ жи́дкую грязь
кото́рую мѣси́ли колёса. Толчки́ ста́ли ме́ньше, и по гли́нистымъ ко
лея́мъ потекли́ му́тные ручьи́. Мóлнія свѣти́ла ши́ре и блѣдне́е,
раска́ты гро́ма уже́ не такъ порази́тельны за равномѣ́рнымъ шу́мом
дождя́.

24. По́слѣ грозы́. Но вотъ дождь стано́вится ме́льче; ту́ча нач
на́етъ раздѣля́ться на волни́стыя облака́, свѣтлѣ́ть въ томъ мѣ́стѣ, в
кото́ромъ должно́ быть со́лнце, и сквозь сѣрова́то-бѣ́лые края́ ту́чи чут
виднѣ́ется клочóкъ я́сной лазу́ри. Че́резъ мину́ту рóбкій[6] лучъ со́лнц
уже́ блести́тъ въ лу́жахъ доро́ги, на по́лосахъ па́дающаго, какъ сквоз

---

[1]Пти́чка, весьма́ схо́жая по внѣ́шнему ви́ду съ ла́сточкой. [2]Здѣс
—въ смы́слѣ: лета́ютъ. [3]Пти́ца изъ поро́ды воро́нъ, чёрнаго цвѣта. [4]Ф
basson тесёмка, кото́рою обива́ется по края́мъ мате́рія на ме́бел
здѣсь: на экипа́жѣ. [5]Изъ то́лстаго, гру́баго сукна́. [6]Со́б.: боязли́вы
здѣсь: сла́бый, едва́ пробива́ющійся.

сѝто[1], мѐлкаго, прямо́го дождя́ и на обмы́той, блестя́щей зе́лени доро́жной травы́. Чёрная ту́ча та́кже гро́зно застила́етъ противополо́жную сто́рону небоскло́на, но я уже́ не бою́сь ея́. Васи́лій отки́дываетъ воротни́къ шине́ли, снима́етъ фура́жку и отря́хиваетъ её; Воло́дя отки́дываетъ фа́ртукъ; я высо́вываюсь изъ бри́чки и жа́дно впива́ю въ себя́ освѣжённый, души́стый[2] во́здухъ. Блестя́щій, обмы́тый ку́зовъ каре́ты съ чемода́нами пока́чивается пе́редъ на́ми, спи́ны лошаде́й, шле́и[3], во́жжи, ши́ны[4] колёсъ — всё мокро́ и блести́тъ на со́лнцѣ, какъ покры́тое ла́комъ. Со всѣхъ сторо́нъ вью́тся съ весе́лой пѣ́снью и бы́стро па́даютъ хохла́тые жа́воронки[5]; въ мо́крыхъ куста́хъ слы́шно хлопотли́вое движе́ніе ма́ленькихъ пти́чекъ, и изъ середи́ны ро́щи я́сно долета́ютъ зву́ки куку́шки. Такъ обая́теленъ[6] э́тотъ чу́дный за́пахъ лѣ́са, по́слѣ весе́нней грозы́, что я не могу́ усидѣ́ть въ бри́чкѣ, соска́киваю съ подно́жки[7], бѣгу́ къ куста́мъ и, несмотря́ на то, что меня́ осыпа́етъ дождевы́ми ка́плями[8], рву мо́крыя вѣ́тви распусти́вшейся черёмухи, бью себя́ ими по лицу́ и упива́юсь ихъ чу́днымъ за́пахомъ. Не обраща́я да́же внима́нія на то, что къ сапога́мъ мои́мъ ли́пнутъ огро́мные комки́ гря́зи, бѣгу́ къ окну́ каре́ты.—Лю́бочка! Ка́тенька! кричу́ я, подава́я туда́ нѣ́сколько вѣ́токъ черёмухи: посмотри́, какъ хорошо́! Дѣ́вочки пища́тъ; а́хаютъ; Мими́ кричи́тъ чтобы́ я упёлъ, а то меня́ непремѣ́нно разда́вятъ.—Да ты понюхай, какъ па́хнетъ! кричу́ я.

Въ Москвѣ́ пре́жній гувернёръ, Карлъ Ива́нычъ, былъ отпу́щенъ, его́ замѣни́лъ другой, С.-Жеро́мъ. Ко мнѣ и Воло́дѣ, кро́мѣ того́, хо́дятъ учителя́ и подготовля́ютъ насъ къ поступле́нію въ университе́тъ.

25. Въ ожида́ніи учи́теля. По оконча́ніи годи́чнаго тра́ура, ба́бушка опра́вилась нѣ́сколько отъ печа́ли, порази́вшей её, и ста́ла и́зрѣдка принима́ть гостей́, въ осо́бенности дѣте́й—на́шихъ све́рстниковъ и све́рстницъ[9]. Въ день рожде́нія Лю́бочки, 13 декабря́, ещё пе́редъ обѣ́домъ пріѣ́хали къ намъ княги́ня Корнако́ва съ дочерьми́, Вала́хина съ Со́нечкой, Илинька Грапъ и два ме́ньшихъ бра́та Ивиныхъ. Уже́ зву́ки го́вора, смѣ́ха и бѣготни́ долета́ли къ намъ сни́зу, гдѣ собра́лось всё э́то о́бщество, но мы не могли́ присоедини́ться къ нему́ пре́жде оконча́нія у́тренникъ кла́ссовъ. Мы должны́ бы́ли до-

[1]Хозя́йственный прибо́ръ для просѣ́иванія муки́. [2]Паху́чій. [3]Часть ко́нской у́пряжи, надѣва́емая на ту́ловище ло́шади. [4]Нѣм. Schiene о́бручъ на колесѣ́. [5]Пѣ́вчая пти́ца; улета́я на́ зиму въ бо́лѣе тёплыя стра́ны, возвраща́ется къ намъ ра́нѣе другихъ пти́цъ, въ са́момъ нача́лѣ весны́; поэ́тому счита́ется предвѣ́стникомъ ея́. [6]Отъ ба́ять — говори́ть, загова́ривать, очаро́вывать, очарова́теленъ. [7]Ступе́нька у экипа́жа, придѣ́лываемая для того́, что́бы влѣза́ть и вылѣза́ть изъ него́. [8]Па́дающими съ кача́ющихся вѣтве́й де́рева. [9]Отъ верста́, стр., во́зрастъ; ма́льчиковъ и дѣ́вочекъ одного́ съ на́ми во́зраста.

ждáться, выслушать и проводúть прéжде, чѣмъ быть свобóдными, учúтеля истóріи. Было ужé двáдцать минýть трéтьяго, а учúтеля истóріи нé было ещё ни слышно ни вúдно дáже на ýлицѣ, по котóрой онъ дóлженъ былъ притти́ и на котóрую я смотрѣлъ съ сúльнымъ желáніемъ никогдá не видáть егó.—Кáжется, Лéбедевъ[1] нынче не придётъ, сказáлъ Волóдя, отрывáясь на минýту отъ книги Смарáгдова[2], по котóрой онъ готóвилъ урóкъ.—Дай Богъ, дай Богъ... а то я рóвно ничегó не знáю... Однáко, кáжется, вонъ онъ идётъ, прибáвилъ я печáльнымъ гóлосомъ. Волóдя всталъ и подошёлъ къ окнý. Нѣтъ, э́то не онъ. Подождёмъ ещё до полови́ны трéтьяго, прибáвилъ онъ, потя́гиваясь и въ тó же врéмя почёсывая мáковку[3], какъ онъ э́то обыкновéнно дѣлалъ, на минýту отдыха́я отъ запя́тій. Ежели не придётъ и въ полови́нѣ трéтьяго, тогдá мóжно бýдетъ сказáть С.-Жерóму, чтóбы убрáть тетрáди.—И охóта емý хо-о-о-о-дúть, сказáлъ я, тóже потя́гиваясь и потряса́я надъ головóй кни́гу Кайда́нова[4], котóрую держáлъ въ обѣихъ рукáхъ. Я такъ увлёкся перечúтываніемъ незнакóмаго мнѣ урóка, что послы́шавшійся въ передне́й стукъ снима́нія калóшъ внезáпно поразúлъ меня́. Едвá успѣлъ я оглянýться, какъ въ дверя́хъ показáлась слúшкомъ знакóмая фигýра учúтеля въ сúнемъ застёгнутомъ фрáкѣ съ учёными пýговицами.

26 Единúца. Учúтель мéдленно положúлъ шáпку на окнó, тетрáди на столъ и, отдувáясь, сѣлъ на своё мѣсто.—Потрудúтесь мнѣ сказáть что-нибýдь о крестóвомъ похóдѣ Людовика Святóго[5], сказáлъ онъ, покáчиваясь на стýлѣ и задýмчиво глядя себѣ́ пóдъ ноги. Я проглотúлъ нѣсколько разъ слю́ни, прокáшлялся, склонúлъ гóлову нá бокъ и молчáлъ. Потóмъ, взявъ перó, лежáвшее на столѣ́, нáчалъ обрывáть егó[6] и всё молчáлъ.—Позвóльте пёрышко, сказáлъ мнѣ учúтель, протя́гивая рýку: онó пригодúтся. Ну-съ.—Лю́до... Карл... Лю́довикъ Святóй былъ... былъ... былъ... дóбрый и ýмный царь...—Кто-съ?—Царь. Онъ вздýмалъ пойти́ въ Іерусалúмъ и передáлъ бразды́ правлéнія своéй мáтери.—Ну-съ, не знáете ли ещё чего́-нибýдь? сказáлъ онъ съ усмѣ́шкой. Мнѣ нéчего бы́ло теря́ть, я прокáшлялся и нáчалъ врать всё, что тóлько мнѣ приходúло въ гóлову. Учúтель молчáлъ, смета́я со стола́ пыль пёрышкомъ, котóрое онъ у меня́ отня́лъ, прúстально смотрѣлъ мúмо моегó у́ха и приговáривалъ: „Хорошó-съ, óчень хорошó-съ“. Я чýвствовалъ, что ничегó не знáю, выража́ясь совсѣмъ не такъ, какъ слѣ́дуетъ, и мнѣ стра́шно бóльно бы́ло ви́дѣть, что учúтель не останáвливаетъ и не поправля́етъ меня́.—Зачѣмъ же онъ вздýмалъ итти́ въ

[1]Учúтель истóріи. [2]Составúтель учéбника по рýсской истóріи, бы́вшаго въ употребле́ніи въ старинý. [3]Верхýшка головы́. [4]Составúтель учéбника всеóбщей истóріи, бы́вшаго въ употребле́ніи въ старинý. [5]Францýзскій корóль (1226—70 г.) [6]Въ то врéмя употребля́лись для письмá ещё гусúныя пéрья

Іерусалимъ? сказалъ онъ, повторяя мои слова.—Затѣмъ... потому... оттого, затѣмъ что... Я рѣшительно замялся, не сказалъ ни слова больше и чувствовалъ, что ежели учитель хоть годъ цѣлый будетъ молчать и вопросительно смотрѣть на меня, я все-таки не въ состояніи буду произнести болѣе ни одного звука. Учитель минуты три смотрѣлъ на меня, потомъ вдругъ проявилъ въ своемъ лицѣ выраженіе глубокой печали и сказалъ Володѣ: „Позвольте мнѣ тетрадку, поставить баллы“. Учитель развернулъ тетрадь и, бережно обмокнувъ перо, красивымъ почеркомъ написалъ Володѣ пять. Потомъ, остановивъ перо надъ графою, въ которой означались мои баллы, онъ посмотрѣлъ на меня, стряхнулъ чернила и задумался. Вдругъ рука его сдѣлала чуть замѣтное движеніе, и въ графѣ появилась красиво начерченная единица и точка. Для него движеніе пера, а для меня величайшее несчастіе.

27. Ключикъ. Едва успѣли мы, сойдя внизъ, поздороваться со всѣми гостями, какъ насъ позвали къ столу. Папа былъ очень веселъ, подарилъ Любочкѣ дорогой серебряный сервизъ[1] и за обѣдомъ вспомнилъ, что у него во флигелѣ осталась еще бомбоньерка[2], приготовленная для именинницы.—Чѣмъ человѣка посылать, поди-ка лучше ты, Коко[3], сказалъ онъ мнѣ: ключи лежатъ на большомъ столѣ, въ раковинѣ[4], знаешь?... Такъ возьми ихъ и самымъ большимъ ключомъ отопри второй ящикъ направо. Тамъ найдешь коробочку, конфеты въ бумагѣ и принесешь все сюда. Найдя ключи на указанномъ мѣстѣ, я хотѣлъ уже отпирать ящикъ, какъ меня остановило желаніе узнать, какую вещь отпиралъ крошечный[5] ключикъ, висѣвшій на той же связкѣ. На столѣ, между тысячею разнообразныхъ вещей, стоялъ около перилецъ шитый портфель[6] съ висячимъ замочкомъ, и мнѣ захотѣлось попробовать, придется ли къ нему маленькій ключикъ. Испытаніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, портфель открылся, и я нашелъ въ немъ цѣлую кучу бумагъ. Я какъ можно корѣе хотѣлъ закрыть портфель, но мнѣ, видно, суждено было испытать всевозможныя несчастія въ этотъ достопамятный[7] день: вложивъ ключикъ въ замочную скважину, я повернулъ его не въ ту сторону. Воображая, что замокъ запертъ, я вынулъ ключъ, и—о ужасъ! у меня въ рукахъ была только головка ключика. Тщетно я старался соединить ее съ оставшейся въ замкѣ половиной и посредствомъ какого-нибудь волшебства[8] высвободить ее оттуда. Надо было, наконецъ, при-

[1]Лат. servire служить, фр. service; обѣденный или чайный приборъ, т.-е. собраніе тарелокъ, ножей, вилокъ, чашекъ и проч. [2]Фр. bonbon конфета; конфеточная коробочка. [3]Уменьш. отъ Николай. [4]Употребляется иногда въ видѣ посуды. [5]Маленькій. [6]Фр. porter носить и feuille листъ; хранилище для бумагъ въ видѣ складной сумки [7]Выдающійся, замѣчательный, долго остающійся въ памяти. [8]Чуда, сверхъестественнаго дѣйствія.

вы́кнуть къ ужа́сной мы́сли, что я соверши́лъ по́вое преступле́ніе
кото́рое ны́нче же, по возвраще́ніи па́пы въ кабине́тъ, должно́ бу́дет
откры́ться. Едини́ца и кло́чикъ! Ху́же ничего́ не могло́ со мной слу
чи́ться.—Что со мной бу́детъ!? А-а-ахъ! что я надѣ́лалъ?! говори́л
я вслухъ, проха́живаясь по мя́гкому ковру́ кабине́та.—Э! сказа́лъ
самъ себѣ́, доста́вая конфе́ты, чему́ быть, тому́ не минова́ть!... И по
бѣжа́лъ въ домъ.

(За едини́цу и ра́зныя ша́лости гувернёръ за́перъ Ко́лю въ т
ный чула́нъ и угрожа́лъ наказа́ть ро́згами).

28. О чёмъ я ду́малъ въ одино́чествѣ. Снача́ла внизу́ и вокру́гъ ме
ня́ ца́рствовала соверше́нная тишина́, или́, по кра́йней мѣ́рѣ, ми
такъ каза́лось отъ сли́шкомъ си́льнаго вну́тренняго волне́нія, но ма
ло-по-ма́лу я сталъ разбира́ть разли́чные зву́ки. Я не пла́калъ, н
что́-то тяжёлое, какъ ка́мень, лежа́ло у меня́ на се́рдцѣ. Мы́сли
представле́нія съ уси́ленной быстрото́й проходи́ли въ моёмъ разстро́ен
номъ воображе́ніи.

а) То мнѣ́ прихо́дитъ въ го́лову, что должна́ существова́ть ка
ка́я-нибу́дь неизвѣ́стная причи́на о́бщей ко мнѣ́ нелюбви́ и да́же не
нависти. Въ то вре́мя я былъ твёрдо убѣ́жденъ, что всѣ, начина́
отъ ба́бушки и до Фили́ппа ку́чера, ненави́дятъ меня́ и нахо́дятъ на
слажде́ніе въ мои́хъ страда́ніяхъ. Я, должно́-быть, не сынъ мое́й ма
тери и моего́ отца́, не братъ Воло́ди, а несча́стный сирота́, подки́
дышъ, взя́тый изъ ми́лости. Нелѣ́пая мысль э́та не то́лько доставляет
мнѣ́ како́е-то гру́стное утѣше́ніе, но да́же ка́жется соверше́нно правдо
подо́бною. Мнѣ́ отра́дно ду́мать, что я несча́стенъ не потому́, что ви
нова́ть, но потому́, что такова́ моя́ судьба́ съ са́маго моего́ рожде́нія
„Но заче́мъ скрыва́ть э́ту та́йну, когда́ я самъ уже́ успѣ́лъ прони́
нуть ея́?“ говорю́ я самъ себѣ́: „завтра́ же пойду́ къ па́пѣ и скаж
ему́: „Па́па! напра́сно ты отъ меня́ скрыва́ешь та́йну моего́ рожде́нія
я зна́ю ея́“. Онъ ска́жетъ: „Что-жъ дѣ́лать, мой другъ, ра́но или́ по́зд
но ты узна́лъ бы э́то; ты не мой сынъ, но я усынови́лъ тебя́, и е́жел
ты бу́дешь достои́нъ моей любви́, то я никогда́ не оста́влю тебя́“.
скажу́ ему́: „Па́па, хотя́ я не имѣ́ю пра́ва называ́ть тебя́ э́тимъ и́м
немъ, но я тепе́рь произношу́ его́ въ послѣ́дній разъ. Я всегда́ л
би́лъ тебя́ и бу́ду люби́ть, никогда́ не забу́ду, что ты мой благод
тель, но не могу́ бо́льше остава́ться въ твоёмъ до́мѣ. Здѣсь никто́
люби́ть меня́. С.-Жеро́мъ покля́лся въ моей поги́бели. Онъ или́
должны́ оста́вить твой домъ, потому́ что я до тако́й сте́пени ненави
э́того челове́ка, что гото́въ на всё“. Па́па ста́нетъ про́сить меня́,
я махну́ руко́й и скажу́ ему́: „Нѣ́тъ, мой другъ, мой благодѣ́тель, м
не мо́жемъ жить вмѣ́стѣ, а отпусти́ меня́“. И я, си́дя на сундукѣ́,

тёмномъ чулáнѣ, плáчу навзрыдъ при э́той мы́сли. Но вдругъ я вспоминáю посты́дное наказáніе, ожидáющее меня́. Дѣйствúтельность представля́ется мнѣ въ настоя́щемъ свѣ́тѣ, и мечты́ мгновéнно разлетáются.

б) То я воображáю себя́ уже́ на свобóдѣ, внѣ нáшего дóма. Я поступáю въ гусáры и идý на войнý. Со всѣхъ сторóнъ на меня́ несýтся врагú, я размáхиваюсь сáблей и убивáю одного́, другóй взмахъ—убивáю другóго, трéтьяго. Наконéцъ, въ изнурéніи отъ ранъ и устáлости, я пáдаю на зéмлю и кричý: „Побѣ́да!“ Генерáлъ подъѣзжáетъ ко мнѣ и спрáшиваетъ: „Гдѣ онъ, нашъ спасúтель?“ Емý укáзываютъ на меня́, онъ бросáется мнѣ на шéю и съ рáдостными слезáми кричúтъ: „Побѣ́да!“ Я выздоравливаю и, съ подвúзанной чёрнымъ платкóмъ рукóю, гуля́ю по Тверскóму бульвáру[1]. Я генерáлъ! Но вотъ Государь встрѣчáетъ меня́ и спрáшиваетъ: „Кто э́тотъ израненный молодóй человѣ́къ?“ Емý говоря́тъ, что э́то извѣ́стный геро́й Николáй. Государь подхóдитъ ко мнѣ и говорúтъ: „Благодарю́ тебя́. Я всё сдѣ́лаю, что бы ты ни проси́лъ у меня́“. Я почтúтельно кла́няюсь и, опирáясь на сáблю, говорю́: „Я счáстливъ, великúй Государь, что могъ пролúть кровь за своё отéчество, и желáлъ бы умерéть за него́; но е́жели ты такъ мúлостивъ, что позволя́ешь мнѣ просúть тебя́, прошý объ однóмъ: позвóль мнѣ уничтóжить врагá моего́, иностра́нца С.-Жерóма. Мнѣ хóчется уничтóжить врагá моего́ С.-Жерóма“. Но вдругъ мнѣ прихóдитъ мысль, что съ минýты на минýту мóжетъ войтú настоя́щій С.-Жерóмъ съ рóзгами, и я снóва вúжу себя́ не генерáломъ, спасáющимъ отéчество, а сáмымъ жáлкимъ, плачéвнымъ создáніемъ.

в) То мнѣ прихóдитъ мысль о Бóгѣ, и я дéрзко спрáшиваю Егó, за что Онъ наказываетъ меня́. „Я, кáжется, не забывáлъ молúться у́тромъ и вéчеромъ; такъ за что же я страдáю?“ То я воображáлъ, что я непремѣ́нно умру́, и жúво представля́лъ себѣ́ удивлéніе С.-Жерóма, находя́щаго въ чулáнѣ вмѣ́сто меня́ безжúзненное тѣ́ло. Вспоминáя разскáзы Натáльи Сáввишны о томъ, что душá усóпшаго[2] до сорокá дней не оставля́етъ дóма, я мы́сленно пóслѣ смéрти ношýсь невидúмкой по всѣмъ кóмнатамъ бáбушкинаго дóма и подслýшиваю úскренія слёзы Лю́бочки, сожалѣ́нія бáбушки и разговóръ пáпы съ Августомъ Антóнычемъ[3]. „Онъ слáвный былъ мáльчикъ“, скáжетъ пáпа со слезáми.—„Да“, скáжетъ С.-Жерóмъ, „но большóй повѣ́са“.—„Вы бы должны́ уважáть мёртвыхъ“, скáжетъ пáпа: „вы бы́ли причúной его́ смéрти, вы запугáли его́, онъ не могъ перенестú униженія, котóрое вы отóвили емý... Вонъ отсю́да, злодѣ́й!“ И С.-Жерóмъ упадётъ на колѣ́ни, бýдетъ плáкать и просúть прощéнія. Пóслѣ сорокá днéй, душá моя́ улетáетъ на нéбо. Я вúжу тамъ что́-то удивúтельно прекра́сное,

[1]Тверскóй бульвáръ—одно́ изъ сáмыхъ бóйкихъ, лю́дныхъ мѣстъ въ Москвѣ. [2]Умéршаго. [3]Блúзкій знакóмый Иртéньевыхъ.

бѣ́лое, прозра́чное, и чувствую, что э́то моя́ мать. Это что́-то бѣ́лое окружа́етъ, ласка́етъ меня́; но я чу́вствую безпоко́йство и какъ-бу́дто не узнаю́ её. Мы вмѣ́стѣ съ ней лети́мъ всё вы́ше и вы́ше. Тутъ я какъ бу́дто просыпа́юсь и нахожу́ себя́ опя́ть на сундукѣ́, въ тёмномъ чула́нѣ, съ мо́крыми отъ слёзъ щека́ми, безъ вся́кой мы́сли твердя́щаго слова́: „И мы лети́мъ всё вы́ше и вы́ше“.

19. Какъ Воло́дя держа́лъ вступи́тельный экза́менъ. Воло́дя на-дняхъ поступа́етъ въ университе́тъ. Учителя́ уже́ хо́дятъ къ нему́ отдѣ́льно, и я съ за́вистью и нево́льнымъ уваже́ніемъ слу́шаю, какъ онъ, бо́йко посту́кивая мѣ́ломъ о чёрную до́ску, толку́етъ о фу́нкціяхъ, си́нусахъ, координа́тахъ[1] и т. п., кото́рые ка́жутся мнѣ выраже́ніями недосяга́емой премудрости. Но вотъ въ одно́ воскресе́нье, по́слѣ обѣ́да, въ ко́мнатѣ ба́бушки собира́ются всѣ учителя́, два профе́ссора[2] и въ прису́тствіи па́пы и нѣ́которыхъ госте́й дѣ́лаютъ репети́цію[3] университе́тскаго экза́мена, въ кото́ромъ Воло́дя, къ вели́кой ра́дости ба́бушки, выка́зываетъ необыкнове́нныя позна́нія. Воло́дя то́лько къ обѣ́ду схо́дитъ внизъ, а цѣ́лые дни и да́же вечера́ прово́дитъ наверху́ за заня́тіями не по принужде́нію, а по со́бственному жела́нію. Онъ чрезвыча́йно самолюби́въ и хо́четъ вы́держать экза́менъ не посре́дственно, а отли́чно. Но вотъ наступи́лъ день пе́рваго экза́мена. Воло́дя надѣва́етъ си́ній фра́къ съ бро́нзовыми пу́говицами, золоты́е часы́ и лакиро́ванные[4] сапоги́. Къ крыльцу́ подаю́тъ фаэто́нъ[5] па́пы, Никола́й откидываетъ фа́ртукъ, и Воло́дя съ С.-Жеро́момъ ѣ́дутъ въ университе́тъ. Дѣ́вочки смо́трятъ въ окно́ на стро́йную фигу́ру садя́щагося въ экипа́жъ Воло́ди, па́па говори́тъ: „Дай Богъ, дай Богъ“, а ба́бушка, то́же притащи́вшаяся къ окну́ со слеза́ми на глаза́хъ, кре́ститъ Воло́дю до тѣхъ поръ, пока́ фаэто́нъ не скрыва́ется за угло́мъ переу́лка, и ше́пчетъ что́-то. Воло́дя возвраща́ется. Всѣ съ нетерпѣ́ніемъ спра́шиваютъ его́: „Что? хорошо? ско́лько[6]?“ но уже́ по весёлому лицу́ его́ ви́дно, что хорошо́. Воло́дя получи́лъ пять. На друго́й день съ тѣ́ми же жела́ніями успѣ́ха и стра́хомъ провожа́ютъ его́ и встрѣча́ютъ съ тѣ́мъ же нетерпѣ́ніемъ и ра́достью. Такъ прохо́дятъ де́вять дней.

30. Воло́дя студе́нтъ. На деся́тый день предстои́тъ послѣ́дній, са́мый тру́дный экза́менъ—Зако́на Бо́жьяго. Всѣ стоя́тъ у окна́ и ещё съ бо́льшимъ нетерпѣ́ніемъ ожида́ютъ Воло́дю. Уже́ два часа́, а Воло́ди нѣтъ.—Бо́же мой! Ба́тюшки!! они́!! кричи́тъ Лю́бочка, прильну́въ

---

[1]Слова́ (те́рмины), употребля́ющіяся въ матема́тикѣ. [2]Лат. professor говорю́ откры́то, пе́редъ наро́домъ; преподава́тели вы́сшихъ учебныхъ заведе́ній. [3]Лат. repeto повторя́ю; со́б.: повторе́ніе, про́ба. [4]Изъ ко́жи, покры́той осо́бымъ соста́вомъ, придаю́щимъ ей блескъ. [5]Гр. свѣ́тлый, блестя́щій; со́б.: лёгкій экипа́жъ, покры́тый ла́комъ лёгкая коля́ска. [6]Ба́лловъ Каку́ю отмѣ́тку получи́лъ на испыта́ніи?

къ стеклу́. И дѣйстви́тельно, на фаэто́нѣ, ря́домъ съ С.-Жеро́момъ сиди́тъ Воло́дя, но уже́ не въ си́немъ фра́кѣ и се́рой фура́жкѣ, а въ студе́ческомъ мундѝрѣ съ ши́тымъ голуби́мъ воротнико́мъ, въ треуго́льной шля́пѣ и съ позоло́ченной шпа́гой на боку́[1].—Что, е́жели бы ты была́ жива́[2]! вскри́киваетъ ба́бушка, увида́въ Воло́дю въ мундѝрѣ, и па́даетъ въ о́бморокъ. Воло́дя съ сія́ющимъ лицо́мъ вбѣга́етъ въ пере́днюю, цѣлу́етъ и обнима́етъ меня́, Лю́бочку, Мими́ и Ка́теньку. Воло́дя не по́мнитъ себя́ отъ ра́дости. И какъ онъ хоро́шъ въ э́томъ мундѝрѣ! Какъ идётъ голубо́й воротни́къ къ его́ чуть пробива́ющимся чёрнымъ у́сикамъ! Кака́я у него́ то́нкая, дли́нная та́лія и благоро́дная похо́дка! Въ э́тотъ достопа́мятный день всѣ обѣдаютъ въ ко́мнатѣ ба́бушки, на всѣхъ лицахъ сія́етъ ра́дость, и за обѣ́домъ, во вре́мя пиро́жнаго, дворе́цкій[3], съ прили́чно-велича́вой и вмѣ́стѣ весёлой физіоно́міей, прино́ситъ завёрнутую въ салфе́тку буты́лку шампа́нскаго[4]. Ба́бушка въ пе́рвый разъ по́слѣ конча́ины ма́тери пьётъ шампа́нское, выпива́етъ цѣ́лый бока́лъ, поздравля́я Воло́дю, и сно́ва пла́четъ отъ ра́дости, гля́дя на него́. Воло́дя уже́ оди́нъ въ со́бственномъ экипа́жѣ выѣзжа́етъ со двора́, принима́етъ къ себѣ́ свои́хъ знако́мыхъ, ку́ритъ таба́къ и ѣ́здитъ на балы́.

31. Конце́ртъ[5] Фи́льда[6]. Оди́нъ разъ по́здно ве́черомъ, па́па, въ чёрномъ фра́кѣ и бѣ́ломъ жиле́тѣ, вошёлъ въ гости́ную съ тѣмъ, что́бы взять съ собо́й на балъ Воло́дю, кото́рый въ э́то вре́мя одѣва́лся въ своей ко́мнатѣ. Ба́бушка въ спа́льнѣ дожида́лась, что́бы Воло́дя пришёлъ показа́ться ей. Она́ имѣ́ла привы́чку пе́редъ ка́ждымъ ба́ломъ призыва́ть его́ къ себѣ́, благословля́ть, осма́тривать и дава́ть наставле́нія. Въ за́лѣ, освѣщённой то́лько одно́й ла́мпой, Мими́ съ Ка́тенькой ходи́ли взадъ и впередъ, а Лю́бочка сидѣ́ла за роя́лемъ и твердила́ второ́й конце́ртъ Фи́льда, люби́мую пье́су поко́йницы ма́мы. Па́па вошёлъ въ ко́мнату ско́рыми, ма́ленькими шажка́ми и подошёлъ къ Лю́бочкѣ, кото́рая переста́ла игра́ть, уви́дѣвъ его́.—Нѣтъ, игра́й, Люба, игра́й, сказа́лъ онъ, уса́живая её: ты зна́ешь, какъ я люблю́ тебя́ слу́шать... Лю́бочка продолжа́ла игра́ть, а па́па до́лго, облокоти́вшись на́ руку, сидѣ́лъ про́тивъ нея́; пото́мъ, бы́стро подёрнувъ плечо́мъ, онъ всталъ и сталъ ходи́ть по ко́мнатѣ. Подходя́ къ роя́лю, онъ всякій разъ остана́вливался и до́лго при́стально смотрѣ́лъ на Лю́бочку. По движе́ніямъ и похо́дкѣ его́ я замѣча́лъ, что онъ былъ въ волне́ніи. Когда́, око́нчивъ пьесу, Лю́бочка подошла́ къ нему́ съ вопро́сомъ: „Хорошо́ ли?“ онъ мо́лча взялъ её за го́лову и сталъ цѣлова́ть въ лобъ.

---

[1]Такова́ была́ студенческая фо́рма того́ вре́мени. [2]Мать Воло́ди, дочь ба́бушки Ирте́ньевыхъ. [3]Ста́ршій слуга́, управля́ющій до́момъ. [4]Дорого́е шипу́чее вино́, приготовля́емое во Фра́нціи, въ прови́нціи Шампа́нь. [5]Фр., concert, публи́чное исполне́ніе пьесъ; здѣсь: пье́са. [6]Піани́стъ и сочини́тель лёгкихъ пьесъ для фортепіа́но (ум. въ 1837 г.).

—Ахъ. Богъ мой! ты плáчешь! вдругъ сказáла Любочка, выпускáя изъ рукъ цѣпóчку егó часóвъ и уставля́я на егó лицó свой большíе удивлённые глазá. Прости́ меня́, голýбчикъ пáпа, я совсѣ́мъ забы́ла, что э́то мамáшина пьéса.—Нѣ́тъ, другъ мой, играй почáще, сказáлъ онъ дрожáщимъ отъ волненíя гóлосомъ. Онъ ещё́ разъ поцѣловáлъ её́ и, стараясь пересúлить внýтреннее волнéніе, подёргивая плечóмъ, вышелъ въ дверь, ведýщую чéрезъ коридóръ въ кóмнату Волóди.

32. Смерть бáбушки. Бáбушка со дня нá день станóвится слабѣ́е. Ея́ колоко́льчикъ чáще слы́шится въ ея́ кóмнатѣ. Онá принимáетъ часъ уже́ не въ кабинéтѣ, въ вольтéровскомъ крéслѣ, а въ спáльнѣ, въ высóкой постéли съ подýшками, обши́тыми крýжевами. Дóкторъ три рáза въ день бывáетъ у нея́, и бы́ло уже́ нѣ́сколько консульта́цій[1]. Но вотъ нѣ́сколько дней насъ уже́ не пускáютъ къ ней, и разъ у́тромъ С.-Жерóмъ во врéмя клáссовъ предлагáетъ мнѣ ѣ́хать катáться съ Любочкой и Кáтенькой. Несмотря́ на то, что, садя́сь въ сáни, я замѣ́чáю, что пéредъ бáбушкиными óкнами у́лица у́стлана соломой и что какíе-то лю́ди въ сúнихъ чýйкахъ стоя́тъ óколо нáшихъ воротъ, я никáкъ не могý поня́ть, для чегó насъ посылáютъ катáться въ такóй неурóчный часъ. Въ э́тотъ день во всё врéмя катáнья мы съ Любочкой находúмся почему́-то въ томъ осóбенно весёломъ расположéніи дýха, въ котóромъ кáждый простóй слýчай, кáждое слóво, кáждое движéніе заставля́ютъ смѣ́яться. Разнóсчикъ, схвати́вшись за лотóкъ, ры́сью перебѣгáетъ чéрезъ дорóгу,—и мы смѣ́емся. Обóрванный Вáнька галóпомъ, помáхивая концáми вожжéй, догоня́етъ нáши сáни,—и мы хохóчемъ. У Филúппа зацѣпúлся кнутъ за пóлозъ санéй,—и мы помираемъ сó смѣ́ху. Мимú съ недовóльнымъ вúдомъ говорúтъ, что тóлько глýпые смѣ́ются безъ причúны, и Любочка, вся крáсная отъ напряжéнія сдéржаннаго смѣ́ха исподлóбья смóтритъ на меня́. Глазá нáши встрѣчáются, и мы заливáемся такúмъ хóхотомъ, что у насъ на глазáхъ слёзы, и мы не въ состоя́ніи удержáть порывовъ смѣ́ха, котóрый дýшитъ насъ. Подъѣзжáя назáдъ къ дóму, я тóлько открывáю ротъ, чтобъ сдѣ́лать Любочкѣ одну́ прекрáсную грималсу, какъ глазá мой поражáетъ чёрная крúшка гробá, прислонённая къ половúнкѣ двéри нáшего подъѣ́зда и ротъ мой остаётся въ томъ же искривлённомъ положéніи. „Вáша бáбушка умерла́!" говорúтъ С.-Жерóмъ съ блѣ́днымъ лицóмъ, выходя́ намъ навстрѣ́чу.

33. Я. До поступлéнія въ университéтъ мнѣ́ остаётся уже́ тóлько нѣ́сколько мѣ́сяцевъ. Я учýсь хорошó. Не тóлько безъ стрáха ожидáю учителéй, но да́же чýвствую нѣ́которое удовóльствіе въ клáссѣ. Мнѣ́ вéсело—я́сно и отчётливо сказáть вы́ученные урóки. Я готóвлюсь въ математúческій факультéтъ[2], и выборъ э́тотъ, по прáвдѣ

[1]Лат. consulto совѣ́тую; дóкторскихъ совѣщáній. [2]Лат. facultas способность; особая грýппа наýкъ, преподаваемыхъ въ университетѣ.

сказа́ть, сдѣла́нъ мно́й еди́нственно потому́, что слова́: си́нусы, та́нгенсы, диференціа́лы и интегра́лы[1] и т. д. чрезвыча́йно нра́вятся мнѣ. Я гора́здо ни́же ро́стомъ Воло́ди, широкоплеч и мясисть, попре́жнему дурёнъ и му́чусь э́тимъ. Я стара́юсь каза́ться оригина́ломъ[2]. Одно́ утѣша́етъ меня́: э́то то, что про меня́ па́па сказа́лъ ка́къ-то, что у меня́ у́мная ро́жа, и я вполнѣ вѣ́рю въ э́то. С.-Жеро́мъ дово́ленъ мно́ю, хва́литъ меня́, и я не то́лько не ненави́жу его, но когда́ онъ иногда́ говори́тъ, что съ мои́ми спосо́бностями, съ мои́мъ умо́мъ сты́дно не сдѣ́лать того́-то и того́-то, мнѣ ка́жется да́же, что люблю́ его́. Вообще́, я начина́ю понемно́гу исцѣля́ться отъ мои́хъ ю́роческихъ недоста́тковъ, исключа́я, впро́чемъ, гла́внаго, кото́рому сужде́но надѣ́лать мнѣ ещё мно́го вреда́ въ жи́зни, скло́нности къ у́мствованію.

III. Богъ пра́вду ви́дитъ, да нескоро ска́жетъ.

1. Поѣ́здка на я́рмарку. Въ го́родѣ Влади́мирѣ жилъ молодо́й купе́цъ Аксёновъ. У него́ бы́ли двѣ ла́вки и домъ. Изъ себя́ Аксёновъ былъ ру́сый, кудря́вый, краси́вый и пе́рвый весельча́къ и пѣ́сенникъ. Смо́лоду Аксёновъ мно́го пилъ и, когда́ напива́лся, буя́нилъ, но съ тѣ́хъ поръ, какъ жени́лся, онъ бро́силъ пить, и то́лько и́зрѣдка э́то случа́лось съ нимъ. Разъ лѣ́томъ Аксёновъ поѣ́халъ въ Ни́жній[3] на я́рмарку. Когда́ онъ сталъ проща́ться съ семьёй, жена́ сказа́ла ему́: „Ива́нъ Дми́тріевичъ, не ѣ́зди ты ны́нче: я про тебя́ ду́рно во снѣ ви́дѣла". Аксёновъ посмѣ́ялся и сказа́лъ: — Ты всё бои́шься, какъ бы не загуля́лъ я на я́рмаркѣ? Жена́ сказа́ла:—Не зна́ю сама́, чего́ бою́сь, а такъ ду́рно ви́дѣла, — ви́дѣла, бу́дто ты прихо́дишь изъ го́рода, снялъ ша́пку, а я гляжу́: голова́ у тебя́ вся сѣда́я. Аксёновъ засмѣ́ялся.—Ну, э́то къ при́былли. Смотри́,—ка́къ расторгу́юсь, дороги́хъ гости́нцевъ[4] привезу́. И онъ прости́лся съ семьёй и уѣ́халъ. На полови́нѣ доро́ги съѣ́хался онъ съ знако́мымъ купцо́мъ и съ нимъ вмѣ́стѣ останови́лся ночева́ть. Они́ напи́лись ча́ю вмѣ́стѣ и легли́ спать въ двухъ ко́мнатахъ ря́домъ. Аксёновъ не люби́лъ до́лго спать; онъ просну́лся среди́ но́чи и, чтобы́ ле́гче холодко́мъ[5] бы́ло ѣ́хать, разбуди́лъ ямщика́ и вели́лъ запряга́ть. Пото́мъ разсчёлся съ хозя́иномъ и уѣ́халъ.

2. Обыскъ. Отъѣ́хавши вёрстъ со́рокъ, онъ опя́ть останови́лся корми́ть, отдохну́лъ въ сѣня́хъ на постоя́ломъ дворѣ́ и въ обѣ́дъ вы́шелъ на крыльцо́ и вели́лъ поста́вить самова́ръ; доста́лъ гита́ру[6] и сталъ игра́ть. Вдругъ ко двору́ подъѣзжа́етъ тро́йка съ колоко́льчикомъ, и изъ пово́зки выхо́дитъ чино́вникъ съ двумя́ солда́тами, под-

[1]Слова́ (те́рмины), употребля́ющіяся въ матема́тикѣ. [2]Лат., челове́комъ, име́ющимъ обо всёмъ осо́бое мнѣніе, несогла́сное съ мнѣніями други́хъ люде́й, и поступа́ющій своеобра́зно. [3]Т.-е. Ни́жній-Но́вгородъ; го́родъ на Во́лгѣ, изве́стный свое́ю торго́влею. [4]Пода́рковъ. [5]Въ прохла́дѣ. [6]Гре́ч., родъ стру́ннаго музыка́льнаго инструме́нта.

хо́дитъ къ Аксёнову и спра́шиваетъ: кто, отку́да. Аксёновъ всё разска́зываетъ, какъ есть, и про́ситъ, не уго́дно ли чайку́ вмѣстѣ вы́пить. То́лько чино́вникъ всё пристаётъ съ разспро́сами, гдѣ ночева́ть про́шлую но́чь, оди́нъ или́ съ купцо́мъ, ви́дѣлъ ли купца́ по утру́, зачѣ́мъ ра́но уѣ́халъ со двора́. Аксёновъ удиви́лся, зачѣ́мъ его́ обо всёмъ спра́шиваютъ; всё разсказа́лъ, какъ бы́ло, да и говори́тъ: „Что жъ вы меня́ такъ выспра́шиваете? Я ни воръ ни разбо́йникъ како́й-нибу́дь. Ѣду по своему́ дѣ́лу, не́чего меня́ спра́шивать“. Тогда́ чино́вникъ кли́кнулъ солда́тъ и сказа́лъ: — Я испра́вникъ и спра́шиваю тебя́ затѣ́мъ, что купе́цъ, съ кото́рымъ ты ночева́лъ про́шлую ночь, зарѣ́занъ. Покажи́ ве́щи, а вы обыщи́те его́. Вошли́ въ избу́, взя́ли чемода́нъ и мѣшо́къ, и ста́ли развя́зывать и иска́ть.

3. Аре́стъ. Вдругъ испра́вникъ вы́нулъ изъ мѣшка́ но́жикъ и закрича́лъ: — Это чей но́жикъ? Аксёновъ погляде́лъ, ви́дитъ но́жикъ въ крови́ изъ его́ мѣшка́ доста́ли, испуга́лся. — А отчего́ кровь на ножѣ́? Аксёновъ хотѣ́лъ отвѣча́ть, но не могъ вы́говорить сло́ва.— Я... я не зна́ю... я... ножъ... не мой... Тогда́ испра́вникъ сказа́лъ: —По утру́ купца́ нашли́ зарѣ́заннымъ на посте́ли. Кро́мѣ тебя́, не́кому бы́ло э́то сдѣ́лать. Изба́ была́ заперта́ изнутри́, а въ избѣ́ никого́ кро́мѣ тебя́, не́ было. Вотъ и но́жикъ въ крови́ у тебя́ въ мѣшкѣ́, да и по лицу́ ви́дно. Говори́, какъ ты уби́лъ его́ и ско́лько ты огра́билъ де́негъ. Аксёновъ божи́лся, что не онъ э́то сдѣ́лалъ, что не вида́лъ купца́ по́слѣ того́, какъ пилъ чай съ нимъ, что де́ньги у него́ свои́ 8000, что но́жикъ не его́. Но го́лосъ у него́ обрыва́лся, лицо́ бы́ло блѣ́дно, и онъ весь тря́сся отъ стра́ха, какъ винова́тый. Испра́вникъ позва́лъ солда́тъ, веле́лъ связа́ть и вести́ его́ на теле́гу. Когда́ его́ съ свя́занными нога́ми взвали́ли на теле́гу, Аксёновъ перекрести́лся и запла́калъ. У Аксёнова отобра́ли ве́щи и де́ньги, отосла́ли его́ въ бли́жній го́родъ, въ остро́гъ. Посла́ли во Влади́миръ узна́ть, како́й челове́къ былъ Аксёновъ, и всѣ купцы и жи́тели владимірскіе показа́ли, что Аксёновъ смо́лоду пилъ и гуля́лъ, но былъ челове́къ хоро́шій. Тогда́ его́ ста́ли суди́ть. Суди́ли его́ за то, что онъ уби́лъ ряза́нскаго купца́ и укра́лъ 20.000 де́негъ.

4. Свида́ніе съ семе́йствомъ. Жена́ убива́лась о му́жѣ и не зна́ла, что ду́мать. Дѣти ея́ ещё всѣ бы́ли ма́лы, а оди́нъ былъ у груди́. Она́ забра́ла всѣхъ съ собо́ю и пое́хала въ тотъ го́родъ, гдѣ ея́ мужъ содержа́лся въ остро́гѣ. Снача́ла её не пуска́ли, но пото́мъ она́ упроси́ла нача́льниковъ, и её привели́ къ му́жу. Когда́ она́ увида́ла его́ въ остро́жномъ пла́тьѣ, въ цѣпя́хъ, вмѣстѣ съ разбо́йниками, она́ уда́рилась о зе́млю и до́лго не могла́ очну́ться. Пото́мъ она́ поста́вила дѣте́й вокру́гъ себя́, сѣ́ла съ нимъ ря́дышкомъ и ста́ла ска́зывать ему́ про дома́шнія дѣла́ и спра́шивать его́ про всё, что съ

нимъ случи́лось. Онъ ей всё разсказа́лъ. Она́ сказа́ла: „Какъ же быть тепе́рь?“ Онъ сказа́лъ:—На́до проси́ть Царя́. Нельзя́ же невино́вному погиба́ть! Жена́ сказа́ла, что она́ уже́ подава́ла проше́ніе Царю́, но что проше́ніе не дошло́. Аксёновъ ничего́ не сказа́лъ и то́лько поту́пился. Тогда́ жена́ сказа́ла:—Не да́ромъ я тогда́, по́мнишь, ви́дѣла, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и пра́вду ты съ го́ря посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ́ тогда́. И она́ на́чала перебира́ть его́ во́лосы и сказа́ла:—Ва́ня, другъ серде́чный, женѣ́ скажи́ пра́вду: не ты сдѣлалъ э́то? Аксёновъ сказа́лъ:—И ты поду́мала на меня́,—закры́лся рука́ми и запла́калъ. Пото́мъ пришёлъ солда́тъ и сказа́лъ, что женѣ́ съ дѣтьми́ на́до уходи́ть. И Аксёновъ въ послѣ́дній разъ прости́лся съ семьёй.

5. Въ ка́торгѣ[1]. Когда́ жена́ ушла́, Аксёновъ сталъ вспомина́ть, что говори́ли. Когда́ онъ вспо́мнилъ, что жена́ то́же поду́мала на него́ и спра́шивала его́, онъ ли уби́лъ купца́, онъ сказа́лъ себѣ́: „Ви́дно, кро́мѣ Бо́га, никто́ не мо́жетъ знать пра́вды, и только Его́ на́до проси́ть и отъ Него́ то́лько ждать ми́лости“. И съ тѣхъ поръ Аксёновъ переста́лъ подава́ть проше́нія, переста́лъ надѣ́яться и то́лько моли́лся Бо́гу. Аксёнова присуди́ли сосла́ть въ ка́торжную рабо́ту. Въ Сиби́ри, на ка́торгѣ, Аксёновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса́ на головѣ́ ста́ли бѣ́лые, какъ снѣгъ, и борода́ отросла́ дли́нная, у́зкая и сѣда́я. Вся весёлость его́ пропа́ла. Онъ сго́рбился, сталъ ходи́ть ти́хо, говори́лъ ма́ло, никогда́ не смѣ́ялся и ча́сто моли́лся Бо́гу. Въ остро́гѣ Аксёновъ вы́учился шить сапоги́ и на зарабо́танныя де́ньги купи́лъ Че́тьи-Мине́и[2] и чита́лъ ихъ, когда́ былъ свѣтъ въ остро́гѣ[3]; а по пра́здникамъ ходи́лъ въ остро́жную це́рковь, чита́лъ Апо́столовъ и пѣ́лъ на кли́росѣ: го́лосъ у него́ всё ещё былъ хоро́шъ. Нача́льство люби́ло Аксёнова за его́ смире́ніе, а това́рищи остро́жные почита́ли его́ и называ́ли „дѣ́душкой“ и „бо́жьимъ челове́комъ“. Когда́ быва́ли про́сьбы по остро́гу, това́рищи всегда́ Аксёнова посыла́ли проси́ть нача́льство, и когда́ ме́жду ка́торжными бы́ли ссо́ры, то они́ всегда́ къ Аксёнову приходи́ли суди́ться. Изъ дому никто́ не писа́лъ ни́семъ Аксёнову, и онъ не зналъ, жи́вы ли его́ жена́ и дѣ́ти.

6. Встрѣ́ча. Привели разъ на ка́торгу но́выхъ коло́дниковъ[4]. Ве́черомъ всѣ ста́рые коло́дники собрали́сь вокру́гъ но́выхъ и ста́ли ихъ разспра́шивать, кто изъ како́го го́рода или́ дере́вни и кто за какія дѣла́. Аксёновъ то́же подсѣ́лъ на на́ры по́длѣ но́выхъ и, поту́пившись, слу́шалъ, кто что разска́зывалъ. Одинъ изъ но́выхъ коло́дниковъ былъ высо́кій, здоро́вый стари́къ лѣтъ 60-ти, съ сѣдо́й стри́женной бородо́й. Онъ разска́зывалъ, за что его́ взя́ли.—А ты отку́да бу́дешь?

---

[1]Отъ гре́ч., принуждаю; принуди́тельная рабо́та, на кото́рую осуждаю́тъ престу́пниковъ. [2]Церко́вныя кни́ги, въ кото́рыхъ изло́жены жизнеописа́нія свя́тыхъ по поря́дку дней въ году́. [3]Тюрьмѣ. [4]Аресга́нтовъ.

спроси́лъ оди́нъ изъ коло́дниковъ.—А мы изъ го́рода Влади́мира, тамошніе мѣща́не. Звать Мака́ромъ, а велича́ютъ Семёновичемъ, Аксёновъ подня́лъ го́лову и спроси́лъ:—А что, не слыха́лъ ли, Семёнычъ во Влади́мирѣ го́родѣ про Аксёновыхъ купцо́въ? Жи́вы ли?—Какъ не слыха́ть! Бога́тые купцы́—да́ромъ, что отецъ въ Сиби́ри. Тако́й же, ви́дно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла́? Аксёновъ сказа́лъ: „Ста́ло-быть, сто́илъ того́“, и не хотѣлъ бо́льше разска́зывать; но другіе остро́жные, това́рищи, разсказа́ли но́вому, какъ Аксёновъ попа́лъ въ Сиби́рь. Они́ разсказа́ли, какъ по доро́гѣ кто́-то уби́лъ купца́ и подсу́нулъ Аксёнову но́жикъ и какъ за э́то его́ понапра́сну засуди́ли. Когда́ Мака́ръ Семёновъ услыха́лъ э́то, онъ взгляну́лъ на Аксёнова, хло́пнулъ себя́ рука́ми по колѣна́мъ и сказа́лъ: „Ну, чу́до! Вотъ чу́до-то. Постарѣ́лъ же ты, дѣдушка!“ Его́ ста́ли спра́шивать, чему онъ удиви́лся и гдѣ онъ ви́дѣлъ Аксёнова; но Мака́ръ Семёновъ не отвѣча́лъ, онъ то́лько сказа́лъ:—Чудеса́, ребя́та: гдѣ свидѣ́ться пришло́сь! И съ э́тихъ словъ пришло́ Аксёнову въ мы́сли, не зна́етъ ли э́тотъ челове́къ про то, кто уби́лъ купца́. Онъ сказа́лъ: „Или́ ты слыха́лъ, Семёнычъ, прѣжде про э́то дѣ́ло, или вида́лъ меня́ пре́жде“.—Какъ не слыха́ть! Земля́ слу́хомъ по́лнится. Да давно́ ужъ дѣ́ло бы́ло: что и слыха́лъ, то забы́лъ, сказа́лъ Мака́ръ Семёновъ. „Мо́жетъ, слыха́лъ, кто купца́ уби́лъ?“ спроси́лъ Аксёновъ. Мака́ръ Семёновъ засмѣ́ялся и сказа́лъ: „Да, ви́дно, то́тъ уби́лъ, у кого́ но́жикъ въ мѣшкѣ́ нашёлся. Если кто и подсу́нулъ тебѣ́ но́жикъ“ не по́йманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ́ но́жикъ въ мѣшо́къ су́нуть? Вѣдь онъ у тебя́ въ голова́хъ стоя́лъ? Ты бы услыха́лъ“.

7. **Что ду́малъ Аксёновъ по́слѣ встрѣ́чи.** Какъ то́лько Аксёновъ услыха́лъ э́ти слова́, онъ поду́малъ, что э́тотъ са́мый челове́къ уби́лъ купца́. Онъ вста́лъ и отошёлъ прочь. Всю э́ту ночь Аксёновъ не могъ засну́ть. Нашла́ на него́ ску́ка, и ста́ло ему́ представля́ться: то представля́лась ему́ его́ жена́ тако́ю, како́ю она́ была́, когда́ провожа́ла его́ въ послѣ́дній разъ на я́рмарку. Такъ и ви́дѣлъ онъ её, какъ живу́ю, и ви́дѣлъ ея́ лицо́ и глаза́ и слы́шалъ, ка́къ она́ говори́ла ему́ и смѣ́ялась. Пото́мъ представля́лись ему́ дѣти такія, какія они́ бы́ли тогда́, ма́ленькія, оди́нъ въ шу́бкѣ, друго́й у груди́. И себя́ онъ вспо́мнилъ, каки́мъ онъ былъ тогда́ весёлымъ, молоды́мъ вспо́мнилъ, какъ онъ сидѣ́лъ на крыле́чкѣ, на постоя́ломъ дворѣ́, гдѣ его́ взя́ли, и игра́лъ на гита́рѣ и какъ у него́ на душѣ́ ве́село бы́ло тогда́. И вспо́мнилъ ло́бное мѣ́сто и палача́, и наро́дъ круго́мъ и цѣпи, и коло́дниковъ, и всю 26-ти-лѣ́тнюю остро́жную жизнь, и сво́ю ста́рость. И така́я ску́ка нашла́ на Аксёнова, что хоть ру́ки на себя́ наложи́ть. „И всё отъ того́ злодѣ́я!“... ду́малъ Аксёновъ. И на него́ нашла́ така́я злость на Мака́ра Семёнова,—хоть самому́ пропа́сть, а

хотѣлось отомстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днёмъ онъ не подходилъ къ Макару Семёнову и не смотрѣлъ на него. Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксёновъ не могъ спать и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

8. Подкопъ. Одинъ разъ, ночью, онъ пошёлъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семёновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ за Аксёнова. Аксёновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ: „Только молчи, старикъ; я и тебя выведу. А если скажешь, не спущу—убью". Когда Аксёновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:—Выходить мнѣ не за чѣмъ и убивать меня нечего: ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ, какъ Богъ на душу положитъ. На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семёновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать, кто выкопалъ дыру. Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семёнова. Тогда начальникъ обратился къ Аксёнову. Онъ зналъ, что Аксёновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ: „Старикъ, ты правдивъ: скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?" Макаръ Семёновъ стоялъ какъ ни въ чёмъ не бывало, смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксёнова. У Аксёнова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: „Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за моё мученье. А сказать на него,—его засѣкутъ. Да и что жъ мнѣ легче развѣ будетъ?" Начальникъ ещё разъ сказалъ: „Ну, что жъ, старикъ, говори правду, кто подкопался?" Аксёновъ поглядѣлъ на Макара Семёнова и сказалъ:—Я не видалъ и не знаю. Такъ и не узнали, кто подкопался.

9. Прощеніе. На другую ночь, когда Аксёновъ лёгъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошёлъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксёновъ сказалъ:—Чего тебѣ ещё отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь? Макаръ Семёновъ молчалъ. Аксёновъ приподнялся и сказалъ:—Что надо? Уйди! А то я солдата кликну. Макаръ Семёновъ нагнулся близко къ Аксёнову и шопотомъ сказалъ: „Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!" Аксёновъ сказалъ:—За что тебя прощать?—„Я кушца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на

дворѣ запумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко". Аксёновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семёновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ: — Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости, ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ, тебя простятъ. Ты домой вернёшься. Аксёновъ сказалъ:—Тебѣ говорить легко, а мнѣ теперь каково! Куда я пойду теперь?... Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда... Макаръ Семёновъ вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:—Иванъ Дмитріевичъ, прости! Ты ещё пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня, ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго! И онъ зарыдалъ. Когда Аксёновъ услыхалъ, что Макаръ Семёновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ: „Богъ проститъ тебя; можетъ-быть, я во сто разъ хуже тебя!" И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ. Макаръ Семёновъ не послушался Аксёнова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксёнову разрѣшеніе вернуться, Аксёновъ уже умеръ.

Л. Иванъ Саввичъ Никитинъ

(1824—1861)

родился и жилъ въ Воронежѣ. Слѣдовательно, онъ приходился землякомъ другому извѣстному русскому поэту, Кольцову. Отецъ Никитина, богатый торговецъ, отдалъ сына въ мѣстное духовное училище, откуда онъ поступилъ въ мѣстную же духовную семинарію. Ещё будучи семинаристомъ, Никитинъ пробовалъ силы въ стихотворствѣ. Учителя и товарищи Никитина видѣли въ немъ будущаго извѣстнаго поэта. Самъ онъ мечталъ поступить, по окончаніи курса семинаріи, въ университетъ. Но мечтамъ этимъ не суждено было исполниться. Около этого времени отецъ Никитина, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, разорился. Никитинъ долженъ былъ оставить семинарію, чтобы личнымъ трудомъ доставлять пропитаніе престарѣлымъ родителямъ. Сначала Никитинъ занимался мелочной торговлей, продавая на базарѣ съ лотка мелкія вещи. Впослѣдствіи онъ взялъ въ свои руки постоялый дворъ, который содержалъ его отецъ. Дворникъ Саввичъ (подъ этимъ названіемъ Никитинъ извѣстенъ былъ среди извозчиковъ) долженъ былъ прислуживать извозчикамъ за столомъ, выдавать сѣно, овёсъ и нерѣдко также готовить кушанья.

Наступилъ 1853 годъ. Въ этомъ году началась Крымская война. Русскій Царь вступился за права православныхъ въ Палестинѣ. Когда Турція отвѣтила отказомъ на требованія Россіи, она объявила войну Турціи. Но за Турцію заступились Англія, Франція и Сардинія.

Иван Никитин

Такимъ образомъ Россіи пришлось воевать съ четырьмя государствами. Союзники высадили свои войска въ Крыму, и здѣсь сосредоточились главныя военныя дѣйствія, отъ чего война получила названіе Крымской. Проникнутый чувствомъ любви къ отечеству, Никитинъ, подъ вліяніемъ указанныхъ событій, написалъ стихотвореніе: „Русь“. Несмотря на то, что оно было помѣщено въ мало читаемыхъ мѣстныхъ „Губернскихъ вѣдомостяхъ“, оно вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ образованнымъ русскимъ людямъ. Съ этого времени извѣстность Никитина, какъ поэта, растетъ. Нашлись добрые люди, которые издали его стихотворенія отдѣльною книжкою. На вырученныя отъ продажи деньги Никитинъ открылъ въ Воронежѣ книжный магазинъ, перестав быть содержателемъ постоялаго двора. Обстоятельства начинали складываться благопріятно для Никитина. Но тутъ его постигло новое горе. Онъ заболѣлъ тяжкою болѣзнью, которая, промучивъ его нѣсколько лѣтъ, свела въ могилу.

Изъ біографическаго очерка видно, что Никитину пришлось много вынести горя въ жизни. Безотрадное душевное состояніе, которое онъ вслѣдствіе этого часто испытывалъ, особенно ярко выразилось въ стихотвореніи:

I. Вырыта заступомъ яма глубокая.

Вы́рыта| за́ступомъ| я́ма глу|бо́кая.|

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невесёлая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,—
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонёкъ, замерла.
Что же? Усни, моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землёю придавится,
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нёмъ никому не нужна...
Вотъ она слышится пѣснь беззаботная.
Гостья погоста[1], пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается.
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопросъ:
Больше не нужно ни пѣсенъ ни слёзъ;

II. Русь.

По́дъ боль|ши́мъ шат|ро́мъ

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ,
Вижу, даль степей
Зелепѣется,
И на́ граняхъ[2] ихъ,
Выше тёмныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Великанами.
По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежатъ пути
Во всѣ стороны.

[1] Кладби́ща. Го́стья погоста, пѣву́нья зале́тная = пѣвчая пти́чка, залетѣвшая на погостъ. [2] На грани́цахъ.

Посмотрю на югъ—
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;
Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.
Гляну къ сѣверу—
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится,
Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами лёдъ
Ходитъ по морю,
И пожаръ небесъ[1]
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...
Это ты, моя
Русь державная[2],
Моя родина
Православная!
Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!
У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ бъ разгулъ[3] нашла
Воля смѣлая?
У тебя ли нѣтъ
Про запасъ[4] казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?
У тебя ли нѣтъ
Богатырскихъ силъ,
Старины святой,
Громкихъ подвиговъ?
Передъ кѣмъ себя
Ты унизила?
Кому въ чёрный день
Низко кланялась?
На поляхъ своихъ,
Подъ курганами,
Положила ты
Татаръ полчища[5].
Ты на жизнь и смерть
Вела споръ съ Литвой
И дала урокъ
Ляху[6] гордому.
И давно ль было,
Когда съ Запада
Облегла тебя
Туча тёмная[7]?..
Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,
И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ сёлъ
Высоко вставалъ
Чёрнымъ облакомъ!
Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,
Собрала дѣтей,
Стариковъ и жёнъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.
И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости навѣки.
Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали!..
И теперь среди
Городовъ твоихъ
Муравьёмъ кишитъ
Православный людъ[8]
По сѣдымъ морямъ
Изъ далёкихъ странъ
На поклонъ тебѣ
Корабли идутъ.
И поля цвѣтутъ,
И лѣса шумятъ,
И лежатъ въ землѣ
Груды золота;
И во всѣхъ концахъ
Свѣта бѣлаго
Про тебя идётъ
Слава громкая.
Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга[9],
За тебя въ нуждѣ[10]
Сложить голову!

---

[1]Сѣверное сіяніе. [2]Сильная, могущественная. [3]Просторъ, раздолье. [4]Для запаса, въ запасѣ. [5]Разумѣются битвы съ татарами, иго которыхъ продолжительное время тяготѣло надъ Русью. [6]Поляку. Разумѣются войны съ Польшей. [7]Разумѣется нашествіе Наполеона на Россію въ 1812 году. [8]Указывается на многолюдіе русскихъ городовъ. [9]Врага, непріятеля. [10]Въ случаѣ нужды, надобности.

III. Соха́.

Ты́, со|ха́ ли,| на́ша| ма́туш|ка,

Ты, соха ли[1], наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!
По твоей ли, соха, милости,
Съ хлѣбомъ гумна пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры[2] раскинуты!
Про тебя и вспомнить некому...
Что жъ молчишь ты, безпривѣтная[3],
Что не въ славу тебѣ трудъ идётъ,
Не въ честь служба безотвѣтная!..
Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху-матушку
Одна ноченька беззвѣздная!
На межѣ трава зелёная,
Полынь[4] дикая, качается;
Не твоя ли до́ля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?
Ужъ и[5] кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу навѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

IV. Ни́щій.

И вече́р|ней и ра́н|ней поро́|ю

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа ради на помощь зовётъ.
Надѣваетъ ли сумку[6] неволя,
Неохота ли взяться за трудъ,—
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаяньѣ,
Не умрёшь ты безъ крова зимой;
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

V. Моли́тва дитя́ти.

Моли́сь, |дитя́:| тебѣ внима́|етъ

Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слёзъ твоихъ считаетъ
И отвѣчать тебѣ готовъ.
Быть можетъ, ангелъ твой хранитель
Всѣ эти слезы соберётъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель[7]
Къ престолу Бога отнесётъ.
Молись, дитя, мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору позднихъ лѣтъ
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!

VI. Моги́ла дитя́ти.

На́дъ тво|е́й мо|ги́лкой|

Надъ твоей могилкой |Солнышко сіяетъ; |Въ зелени сирени

---

[4]Ли здѣсь не имѣ́етъ осо́бенного значе́нія; употреблено́ то́лько для украше́нія рѣ́чи. [2]Ни́вы. [3]Не встрѣча́ющая привѣ́та. [4]Го́рькая трава́. [5]Ужъ и — слова́, не имѣ́ющія здѣ́сь осо́баго значе́нія; употреблены то́лько для украше́нія рѣ́чи. [6]Мѣшо́къ. [7]Жили́ще.

Птичка распѣваетъ.
Вьются—распѣваютъ
Пчёлы надъ цвѣтами,
Вѣтерокъ лепечетъ
Съ тёмными листами.
Сонъ твой — сонъ отрадный.

Крестъ и камень бѣлый
Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло.
Перелётнымъ гостьямъ[1]
Благодать[2] святая—
Въ ямочкѣ на камнѣ

Влага дождевая,
Пьётъ шалунья-птичка,
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ.

VII. Сла́дость моли́твы.

Быва́ютъ| мину́ты,—|тоско́ю| уби́тый,|

Бываютъ минуты,—тоскою убитый,
На ложѣ[3] до утра безъ спа я сижу,
И нѣтъ на устахъ моихъ тёплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.
Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ,
И кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.
И вспомню я крестъ на Голгоѳѣ[4] позорной,
Облитаго кровью Страдальца на нёмъ,
При шумѣ и кликахъ насмѣшки народной
Поникшаго тихо покорнымъ челомъ...

И страшно мнѣ станетъ отъ этихъ видѣній,
И съ ложа невольно тогда я сойду,
Склоню предъ иконой святою колѣни
И съ жаркой молитвою ницъ[5] упаду.
И мнится[6] мнѣ, слышу я шопотъ невнятный,
И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть можетъ, незримо въ тотъ мигъ благодатный
Мой ангелъ-хранитель молитву творитъ
И въ душу прольётся мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну.

VIII. Утро на берегу́ о́зера.

Ясно| у́тро.| Ти́хо| вѣ́етъ|.

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Тёплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

Окаймлённое кустами
Молодыхъ ракитъ[7],
Разноцвѣтными огнями
Озеро блеститъ.

---

[1]Пти́цамъ. [2]Ра́дость, отра́да. [3]На посте́ли. [4]Гора́, на кото́рой распя́тъ былъ Іису́съ Христо́съ. [5]Лицо́мъ къ землѣ́. [6]Ка́жется. [7]Такъ называ́ются ра́зные ви́ды ветлы́, вербы́, и́вы: въ нѣ́которыхъ мѣста́хъ раки́тою называ́ютъ та́кже осоко́рь. тальни́къ.

Тишинѣ и солнцу радо,
По равнинѣ водъ
Лебедей ручное стадо
Медленно плывётъ.
Вотъ одинъ взмахнулъ лѣниво
Крыльями,—и вдругъ
Влага брызнула игриво
Жемчугомъ[1] вокругъ.
Привязавъ къ ракитамъ лодку,
Мужики вдвоёмъ
Близъ осоки втихомолку
Тянутъ сѣть съ трудомъ.
По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ,
Скачутъ босикомъ
Два мальчишка загорѣлыхъ
На прутахъ верхомъ.
Крупный потъ съ нихъ градомъ льётся,
И лицо горитъ;
Звучно смѣхъ ихъ раздаётся,
Голосокъ звенитъ:
„Ну, катай на перегонки!“
А на шалуновъ
Съ тайной завистью дѣвчонка
Смотритъ изъ кустовъ.
„Тянутъ, тянутъ!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь, чай, теперь поймали
И линей[2] и щукъ“.
Вотъ на берегѣ отлогомъ
Показалась сѣть.
—„Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,—
Нечего глядѣть!“
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь, какъ лунь, сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Сѣть намокшую подняли
Дружно рыбаки;
На пескѣ затрепетали
Окуни, линьки.
Дѣти весело шумѣли:
„Будетъ[3] на денёкъ!“
И на корточки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ.
„Ты, подкидышъ, къ намъ откуда?
Не зови—придётъ...
Убирайся-ко отсюда!
Не пойдёшь,—такъ вотъ!“...
И подкидыша мальчишка
Оттолкнулъ рукой.
—„Ну, за что её ты, Мишка?“
Упрекнулъ другой.
„Экій малый уродился“,
Говорилъ старикъ:
„Всё бъ дрался онъ да бранился
Экій озорникъ[4]!“
—„Ты бы внука-то маленько
За вихоръ подралъ:
Онъ взялъ волю-то раненько!“
Свату сватъ сказалъ.
—Эхъ!.. дѣвчонка надоѣла...
Самъ я, знаешь, голь,
Тутъ подкидыша безъ дѣла
Одѣвать изволь.
Хлѣбъ, смотри, вотъ вздорожаетъ,—
Ты чужихъ корми;
А, вѣдь, мать[5], небось, гуляетъ,
Прахъ ее возьми!
—„Потерпи: чай, не забудетъ
За добро Господь!
Вѣдь она работать будетъ,
Богъ дастъ, подрастётъ“.
—Такъ-то такъ... вѣстимо надо
Къ дѣлу пріучить;
Да теперь берётъ досада
Безъ толку кормить.

[1]Известкóвая мáсса, находи́мая въ осóбаго рóда ракóвинахъ; употребля́ется для украше́нія. [2]Родъ ры́бы. [3]Довóльно. Шалу́нъ, драчу́нъ. [5]Подки́нувшая ребёнка.

И дѣвчонка-то больная,
Сохнетъ, какъ трава,
Да всё плачетъ... дрянь такая!
А на грѣхъ жива!
Мужики потолковали
И въ село пошли;
Вслѣдъ мальчишки побѣжали,
Рыбу понесли.
А дѣвчонка провожала
Грустнымъ взглядомъ ихъ,
И слеза у ней дрожала
Въ глазкахъ голубыхъ.

IX. Гнѣздо́ ла́сточки.

Кипи́тъ| вода́,| ревётъ| ручьёмъ,|

Кипитъ вода, ревётъ ручьемъ,
На ме́льницѣ и стукъ и громъ;
Колёса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнёмъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.

Шумитъ вода, рукавъ трясётъ,
На камни рожь дождёмъ течётъ.

Подъ жерновомъ[1] муку родитъ,
Идётъ мука, въ глаза пылитъ.

Одна пѣвунья-ласточка
Подъ крышей обжилась[2],
Свила, слѣпила гнѣздышко,
Дѣтьми обзавелась.
Поётъ, пока не выгнали;
Чужой-то кровъ—не свой;
Хоть не любо, не весело,
Да свыкнешься съ нуждой.
Въ ночь тёмную подъ крылышко
Головку подогнётъ
И спитъ себѣ подъ громъ и стукъ
Носкомъ не шевельнётъ.

X. Ночь на берегу́ мо́ря.

Въ зе́ркало| вла́ги хо|ло́дной|

Въ зеркало влаги холодной
Мѣсяцъ спокойно глядитъ
И надъ землёю безмолвной
Тихо плывётъ и горитъ.
Лёгкою дымкой[3] тумана
Ясный одѣтъ небосклонъ;
Свѣтлая грудь океана
Дышитъ, какъ будто сквозь сонъ.

Медленно, ровно качаясь,
Въ гавани спятъ корабли;
Берегъ въ водѣ отражаясь,
Смутно мелькаетъ вдали.
Смолкла дневная тревога...
Полный торжественныхъ думъ,
Видитъ присутствіе Бога
Въ этомъ молчаніи умъ.

XI. Ярко́ звѣздъ мерца́нье.

Ярко| звёздъ мер|ца́нье|

Ярко звѣздъ мерцанье|
Въ синевѣ небесъ;
Мѣсяца сіянье
Падаетъ на лѣсъ,
Въ зеркало залива

Сонный лѣсъ глядитъ;
Въ чащѣ молчаливой
Темнота лежитъ.
Слышенъ межъ кустами
Смѣхъ и разговоръ;

Жарко косарями
Разведёнъ костёръ.
По травѣ высокой
Съ косьями на ногахъ
Бродитъ одиноко

---

[1]Ме́льничнымъ ка́мнемъ. [2]Устро́илась на житьё. [3]Со́б., прозра́чная се́тчатая ткань изъ шёлка; здѣсь: ды́мчатый цвѣтъ.

Бѣлый конь впотьмахъ.
Вотъ ужъ пѣснь заводитъ
Пѣсенникъ лихой,
Изъ кружка выходитъ
Парень молодой,
Шапку вверхъ кидаетъ,
Ловитъ—не глядитъ,
Пляшетъ—присѣдаетъ,
Соловьемъ свиститъ.
Пѣснѣ отвѣчаетъ
Коростель въ лугахъ,
Пѣсня замираетъ
Далеко въ поляхъ,
Золотыя нивы,
Гладь и блескъ озёръ,
Свѣтлые заливы,
Безъ конца просторъ,
Звѣзды надъ полями,
Глушь да камыши..
Такъ и льются сами
Звуки изъ души.

XII. Ти́хо ночь ложи́тся...

Ти́хо| но́чь ло|жи́тся|

Тихо ночь ложится
На вершины горъ,
И луна глядится
Въ зеркало озёръ.
Надъ глухою степью
Въ неизвѣстный путь
Безконечной цѣпью
Облака плывутъ;
Надъ рѣкой широкой,
Сумракомъ покрытъ,
Въ тишинѣ глубокой
Лѣсъ густой стоитъ;
Свѣтлые заливы
Въ камышахъ блестятъ,
Неподвижны нивы
На поляхъ стоятъ;
Небо голубое
Весело глядитъ,
И село большое
Беззаботно спитъ.

XIII. Ключъ.

Въ глубо́комъ| ущелье́,| межъ ка́мен|ныхъ пли́тъ,|

Въ глубокомъ ущельѣ, межъ каменныхъ плитъ,
Серебряный ключъ одиноко звучитъ;
Звучитъ онъ и точитъ жемчужныя слёзы
На чёрные корни засохшей берёзы,
И катятся съ камня тѣ слёзы ручьёмъ,
Безплодно теряясь въ ущельѣ глухомъ.
Давно ужъ минули счастливые годы,
Когда онъ, любимецъ цвѣтущей природы,
Алмазные брызги кругомъ разсыпалъ,
Когда его путникъ отрадою звалъ[1],
Когда дерева близъ него вырастали
И листья зелёные тихо шептали
И самъ онъ, при свѣтѣ блестящей луны,
Разсказывалъ чудныя бы́ли и сны.
Теперь, одинокій, заросъ онъ травою,
Сталъ скуденъ и мутенъ, и зной-ной порою
Къ нему не приходитъ пробитой тропой
Измученный путникъ за чистой водой.
Въ ту пору, какъ горы туманъ одѣваетъ,
Надъ нимъ, какъ бывало, теперь не играетъ
Сверкающій мѣсяцъ прозрачнымъ лучомъ,
И звѣзды, какъ прежде, не смотрятся въ нёмъ.
Лишь старый скелетъ обнажённой берёзы
Глядитъ на его безполезныя слё-

[1]Называ́лъ отра́дою.

Да изрѣдка вѣтеръ къ нему прилетитъ
И съ нимъ при мерцаніи звѣздъ, говоритъ
Про свѣтлыя рѣки и синее море,
Про славу ихъ въ свѣтѣ и жизнь на просторѣ.

XIV. Жена́ ямщика́.

Жгу́чъ мо|рбзъ трес|ку́чій,

Жгучъ морозъ трескучій,
На дворѣ темно;
Серебристый иней
Запушилъ окно.
Тяжело и скучно,
Тишина въ избѣ;
Только вѣтеръ воетъ
Жалобно въ трубѣ.
И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На полати, стѣны
Разливая блескъ.
Дремлетъ подлѣ печки,
Прислонясь къ стѣнѣ,
Мальчуганъ кудрявый
Въ старомъ зипунѣ[1].
Слабо освѣщаетъ
Блѣдный огонекъ
Дѣтскую головку
И румянецъ щёкъ.
Тѣнь его головки
На стѣнѣ лежитъ;
На скамьѣ за прялкой
Мать его сидитъ.
Ей не даромъ снился
Страшный сонъ вчера:
Вся душа изныла
Съ ранняго утра.
Пятая недѣля
Вотъ къ концу идётъ,
Мужъ, что въ воду канулъ,
Вѣсточки не шлётъ.
„Ну, Господь помилуй,
Если съ мужикомъ[2]
Грѣхъ какой случился
На пути глухомъ!..
„Дѣло моё бабье,
Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной-одна![3]
„Сынъ ещё ребёнокъ,
Скоро ль подростетъ?
Бѣдный!.. всё гостинца
Отъ отца онъ ждётъ![4]
И глядитъ на сына
Горемыка-мать.
Ты бы легъ касатикъ[5].
Перестань дремать!“
—А зачѣмъ же, мама,
Ты сама не спишь?
И вечоръ[6] всё пряла
И теперь сидишь!
—„Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ;
Что-то такъ мнѣ грустно,
Божій свѣтъ не милъ!“
—Полно плакать, мама!
Мальчуганъ сказалъ
И къ плечу родимой[7]
Головой припалъ.
—„Я не стану плакать.
Лягъ, усни, дружокъ:
Я тебѣ соломки
Принесу снопокъ,
Постелю постельку,
И Господь пошлётъ,—
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезётъ;
„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять;
Будетъ вънихъ сыночка
По двору катать“...
И дитя забылось,
Ночь длинна-длинна.
Мѣрно раздаётся
Звукъ веретена.
Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.
Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...
Вотъ въ сѣняхъ изъ избушки
Кто-то застучалъ!
„Батюшка пріѣхалъ!“
Мальчуганъ сказалъ.
И вскочилъ съ постели,
Щёки ярче розъ.
„Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привёзъ!“

[1]Ве́рхняя простонаро́дная оде́жда. [2]Нар., мужчи́ной. [3]Одино́й, нар., вм. одно́й; одно́й-одна=соверше́нно одна́. [4]Бѣдня́га. [5]Ми́лый, дорого́й. [6]Нар., вчера́ ве́черомъ. [7]Нар., ма́тери.

„Вишь, морозъ какъ крѣпко
Дверь-то прихватилъ!“
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...
И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ:
Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ[1],
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:
„Здравствуешь[2], сосѣдка!
Какъ живёшь, мой свѣтъ?...
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!
Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришёлъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привёлъ“.
—А мой мужъ? спросила

Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.
„Да, въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ[3]“.
Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова;
Опустивъ ручонки,
Сынъ дрожалъ, какъ листъ...
„Вишь, какая притча!“
Разсуждалъ мужикъ:
„Вѣрно, я не впору
Развязалъ языкъ.
А вѣдь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придётся
По міру ходить[4]!“
„Полно горевать-то“,

Онъ вдовѣ сказалъ:
„Стало, неча[5] дѣлать,
Богъ, знать[6], наказалъ!
„Ну, прощай покуда,
Мнѣ домой пора;
Лошади-то ваши
Тутъ вотъ у двора.
Да!... вѣдь эка память,
Всё сталъ забывать:
Вотъ отецъ сынишкѣ
Крестъ велѣлъ отдать.
Самъ онъ черезъ силу
Съ шеи его снялъ,
Въ грамоткѣ[7] мнѣ отдалъ
Въ руки и сказалъ:
„Вотъ благословенье
„Сыну моему;
„Пусть не забываетъ
„Мать, скажи ему“.
„А тебя-то, видно,
Крѣпко онъ любилъ.
По смерть твоё имя,
Бѣдный, онъ твердилъ“.

XV. Зи́мняя ночь въ дере́внѣ.

Ве́се|ло́ си|я́етъ|

Весело сіяетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облитъ;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча, горитъ.
Пусто, одиноко
Сонное село;

Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.
Помолясь Богу,
Спитъ крестьянскій людъ[8],
Позабывъ тревогу
И тяжёлый трудъ.
Лишь въ одной избушкѣ
Огонёкъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ;
Думаетъ-гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умрётъ,
Горемыки-дѣтки!

---

[1]Перекрести́лся. [2]Нар., вм. здра́вствуй. [3]За душо́й посла́лъ, подраз.: а́нгела; суди́лъ умере́ть. [4]Собира́ть пода́янія. [5]Нар., не́чего. [6]Нар., ви́дно. [7]Нар., письмо́.—[8]Существи́тельное собира́тельное, лю́ди; крестья́нскій людъ—крестья́не.

Долго ли до бѣдъ!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ;
Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ,—
Мудрено ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ?

А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.
Господи, помилуй
Горемыкъ сиротъ,
Дай имъ разумъ, силу,
Будь Ты имъ оплотъ[1]!..

И въ лампадкѣ мѣдной
Теплится огонь,
Освѣщая блѣдно
Ликъ[2] святыхъ иконъ
И черты старушки,
Полныя заботъ,
И въ углу избушки
Дремлющихъ сиротъ.

XVI. Ночлегъ въ деревнѣ.

Ду́шный| во́здухъ,| ды́мъ лу|чи́ны,|

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины
По угламъ узоръ;
Закоптѣлыя палати,
Чёрствый хлѣбъ, вода,

Кашель пряхи, плачъ дитяти...
О нужда, нужда!
Мыкать горе[3], вѣкъ трудиться,
Нищимъ умереть...
Вотъ гдѣ нужно бы учиться
Вѣрить и терпѣть!

XVII. Пряха.

Но́чь и| не́по|го́дь. Из|бу́шка|

Ночь и непогодь. Избушка
Плохо топлена.
Нитки бѣдная старушка
Сучитъ у окна.
Ужъ грозы ль она боится,
Скучно ли,—сидитъ;
Спать ложилась, да не спится,
Сердце всё щемитъ.
И трещитъ-трещитъ лучина,
Свѣтъ на пряху льётъ.
Прожитая грусть-кручина
За сердце берётъ.
Бѣдность, бѣдность! Мужъ, бывало,
Хоть подчасъ и пилъ,—
Всё жилось съ нимъ, горя мало[4],
Всё жену кормилъ.
Вотъ подъ старость, какъ ужъ зрѣнье,
Потерялъ навѣкъ,

Потерялъ онъ и терпѣнье—
Грѣшный человѣкъ!
За сохой ходить—не видитъ,
Побираться[5]—стыдъ.
Тутъ, безвинно кто обидитъ,
Онъ молчитъ, молчитъ...
Такъ и умеръ. Богъ помилуй—
Вотъ морозъ-то былъ!
Бились-бились! Сынъ могилу
Топоромъ рубилъ!...
Паренёкъ тогда былъ молодъ,—
Выросъ, возмужалъ...
Что за сила! Въ зной и холодъ
Устали не зналъ!
Поведётъ ли рѣчь[6], бывало,—
Что[7] старикъ ведётъ;
Запоётъ при зорькѣ алой,
Слушать,—духъ замрётъ[8]...
Человѣкъ ли утопаетъ,

---

[1]Защи́та. [2]Стр., лицо́, видъ. [3]Испы́тывать го́ре. [4]Нар., ко́е-какъ. [5]Проси́ть ми́лостыню. [6]Заговори́ть ли. [7]Сло́вно. [8]Когда́ слу́шаешь, захва́тываетъ дыха́ніе (отъ восто́рга).

Иль изба горитъ,
Что бъ ни дѣлалъ, всё бросаетъ—
Помогать бѣжитъ.
И веселье и здоровье
Далъ ему Господь;
Будь хоть камень изголовье,
Лёгъ онъ—и заснётъ...
Справить думалъ онъ избушку,
Въ бурлаки[1] пошёлъ:
Нѣтъ! беречь ему старушку
Богъ ужъ не привёлъ.
Пріусталъ подъ лямкой[2], въ стужу
До костей промокъ,
Платье — ветошь, грудь — наружу,
Заболѣлъ и слёгъ.
Умеръ, бѣдный! Мать узнала,—
Слёзъ что пролила
Умъ и память потеряла,
Грудь надорвала!
И трещитъ-трещитъ лучина,
Ниткѣ нѣтъ конца.
Мучитъ пряху грусть-кручина,
Нѣтъ на ней лица.

XVIII. Тишина́ но́чи.

Въ глу́би|нѣ́ без|до́нной,|

Въ глубинѣ бездонной,
Полны чудныхъ силъ,
Идутъ милліоны
Вѣковыхъ свѣтилъ.
Тускло освѣщенный
Блѣдною луной,
Городъ утомлённый
Смолкъ вотьмѣ ночной.
Спитъ онъ, очарованъ
Чудной тишиной,
Будто заколдованъ
Властью неземной.
Лишь, объятъ дремотой,
Закричитъ порой
Сторожъ беззаботный
Въ улицѣ пустой.

Кажется, міръ сонный,
Полный сладкихъ грезъ
Отдохнулъ спокойно
Отъ заботъ и слёзъ.
Но взгляни: вотъ домикъ
Освѣщёнъ огнёмъ,
На столѣ покойникъ
Ждётъ могилы въ нёмъ,
Дочери не спится,
Въ уголкѣ сидитъ...
И въ глазахъ мутится,
И въ ушахъ звенитъ.
Ночь минетъ; быть можетъ,
Христа ради ей
Кто-нибудь поможетъ
Изъ чужихъ людей.
Можетъ быть, какъ нищей,
Ей на гробъ дадутъ,
Въ гробѣ на кладбище
Старика снесутъ...
И никто не знаетъ,
Что въ нёмой тоскѣ
Сирота рыдаетъ
Въ тёсномъ уголкѣ.
Міръ заснулъ, и только
Съ неба видитъ Богъ
Тайны жизни горькой
И людскихъ тревогъ.

XIX. Моле́ніе о ча́шѣ[3].

Въ стихотворе́ніи э́томъ разска́зывается о пребыва́ніи Іису́са Христа́ въ Геѳсима́нскомъ саду́. Св. Ева́нгеліе повѣству́етъ объ э́томъ сле́дующее: Пото́мъ прихо́дитъ съ ни́ми (съ ученика́ми) Іису́съ на мѣ́сто, называ́емое Геѳсима́нія, и говори́тъ ученика́мъ: „Посиди́те тутъ, пока́ Я пойду́ помолю́сь тамъ“. И, взявъ съ Собо́ю Петра́ и обо́ихъ сыновей́ Заведе́евыхъ, на́чалъ скорбѣ́ть и тосковать. Тогда́ говори́тъ имъ Іису́съ: „Душа́ Моя́ скорби́тъ смерте́льно; побу́дьте здѣсь

[1]Такъ называ́ются рабо́чіе на суда́хъ на Во́лгѣ. [2]Со́б., реме́нь, вере́вка че́резъ плечо́ для но́ски или́ подде́ржки чего́-ли́бо; здѣсь—вере́вка, на кото́рой про́тивъ тече́нія та́щатъ по бе́регу суда́ на Во́лгѣ. [3]Т.-е. о ча́шѣ страда́ній, о томъ, что́бы мину́ли предстоя́щія страда́нія

и бо́дрствуйте со Мно́ю". И, отше́дъ немно́го, палъ на лицо́ Свое́, моли́лся и говори́лъ: „Отче Мой! е́сли возмо́жно, да мину́етъ Меня́ ча́ша сія́; впро́чемъ, не какъ Я хочу́, но какъ Ты". И прихо́дитъ къ ученика́мъ, и нахо́дитъ ихъ спя́щими, и говори́тъ Петру́: „Такъ ли не могли́ вы оди́нъ часъ бо́дрствовать со Мно́ю? Бо́дрствуйте и моли́тесь, что́бы не впасть въ искуше́ніе. Духъ бодръ; плоть же не́мощна". Еще́, отше́дъ въ друго́й разъ, моли́лся, говоря́: „Отче Мой! е́сли не мо́жетъ ча́ша сія́ минова́ть Меня́, что́бы Мнѣ не пить ея́, да бу́детъ во́ля Твоя́". И, прише́дши нахо́дитъ ихъ опя́ть спя́щими; и́бо у нихъ глаза́ отяжеле́ли. И, оста́вивъ ихъ, отошёлъ опя́ть и помоли́лся въ тре́тій разъ, сказа́въ то́ же сло́во. Тогда́ прихо́дитъ къ ученика́мъ Свои́мъ и говори́тъ имъ: „Вы всё ещё спи́те и почива́ете; вотъ прибли́зился часъ, и Сынъ Челове́ческій предаётся въ ру́ки грѣ́шниковъ. Вста́ньте, пойде́мъ: вотъ прибли́зился предаю́щій Меня́". И, когда́ ещё говори́лъ Онъ, вотъ Іу́да, оди́нъ изъ двѣна́дцати, пришёлъ и съ нимъ мно́жество наро́да съ меча́ми и ко́льями отъ первосвяще́нниковъ и старѣ́йшинъ наро́дныхъ. (Ев. отъ Матѳе́я, гл. 26, ст. 36—47).

День я́с|ный ти́|хо до́|гора́|етъ

1. День ясный тихо догораетъ;
Чистъ неба куполъ голубой;
Весь западъ въ золотѣ сіяетъ
Надъ Іудейскою землёй.
Спокойно высясь надъ полями,
Закатомъ солнца освѣщенъ,
Стоитъ высокій Елеонъ[1]
Съ благоуханными садами.
И, полный блеска, передъ нимъ,
Народа шумомъ оживлённый,
Лежитъ святой Ерусалимъ,
Стѣною твёрдой окружённый.
Вдали Гева́лъ[2] и Гаразимъ[3];
Къ востоку воды Іордана
Съ роскошной зеленью долинъ
Рисуются въ волнахъ тумана,
И моря Мёртваго краса
Сквозь сонъ глядитъ на небеса.
А тамъ, на западѣ, далеко,
Лазурныхъ Средиземныхъ волнъ
Разливъ могучій огражденъ
Песчанымъ берегомъ широко...

2. Темнѣетъ... всюду тишина...
Вотъ ночи вспыхнули свѣтила
И ярко полная луна
Садъ Геѳсиманскій озарила.
Въ травѣ, подъ вѣтвями оливъ,
Сыны Божественнаго Слова,
Ерусалима шумъ забывъ,
Спятъ три Апостола Христовы.
Но часъ свободы[4] наступалъ,
И, чуждый общему позору[5],
Посланникъ Бога въ эту пору
Судьбу всемірную рѣшалъ.
За слово истины высокой
Голгоѳскій крестъ предвидѣлъ Он
И, чувствомъ скорби возмущенъ,
Отцу молился одиноко:
„Ты знаешь, Отче[6], скорбь Мою
И видишь, какъ Твой Сынъ стра
дает
О подкрѣпи Меня, молю!
Моя душа изнемогаетъ!
День казни близокъ: онъ придётъ,
На жертву отданный народу,

[1]Гора́ въ Палести́нѣ, на восто́къ отъ Іерусали́ма. [2,3]Го́ры въ Палести́нѣ, на сѣверъ отъ Іерусали́ма. [4]Свобо́ды отъ перворо́днаго грѣха́, отъ грѣха́ прароди́телей, Адама и Евы. [5]Грѣху́. [6]Стар. зва́тельн. падежъ отъ оте́цъ.

Твой Сынъ безропотно умрётъ,
Умрётъ за общую свободу...
Проклятьемъ черни поражённъ,
Измученный и обнажённый,
Передъ толпой поникнетъ Онъ
Своей главой окровавлённой.
И тѣ, которымъ со креста
Пошлётъ Онъ даръ благословенья,
Съ улыбкой гордаго презрѣнья,
Поднимутъ руку на Христа...
О, да минуетъ чаша эта,
Мой Отче, Сына Твоего!
Мнѣ горько видѣть злобу свѣта
За искупленіе его!
Но не Моя да будетъ воля,
Да будетъ такъ, какъ хочешь Ты!
Тобой назначенная доля[1]
Есть дѣло вѣчной правоты[2],
И если Твоему народу
Позоръ мой благо принесётъ,
Пускай за общую свободу
Сынъ Человѣческій умрётъ!“

3. Молитву кончивъ, скорби полный,
Съ ученикамъ Онъ подошёлъ
И, увидавъ ихъ сонъ спокойный,
Сказалъ имъ: „Встаньте, часъ пришёлъ.
Оставьте сонъ свой и молитесь,
Чтобъ въ искушенье вамъ не впасть;
Тогда вы въ вѣрѣ укрѣпитесь
И съ вѣрой встрѣтите напасть[3]“.
Сказалъ и тихо удалился
Туда, гдѣ прежде плакалъ Онъ,
И, той же скорбью возмущёнъ,
На землю палъ Онъ и молился:
„Ты, Отче, въ міръ Меня послалъ,
Но Сына міръ Твой не пріемлетъ[4]:
Ему любовь[5] Я завѣщалъ,
Моимъ глаголамъ[6] онъ не внемлетъ;
Я былъ врачомъ его больнымъ[7],
Я за враговъ моихъ молился,—
И надо Мной Ерусалимъ,
Какъ надъ обманщикомъ, глумился;
Народу миръ[8] Я завѣщалъ,—
Народъ судомъ мнѣ угрожаетъ;
Я въ мірѣ мёртвыхъ воскрешалъ,
И міръ Мнѣ крестъ приготовляетъ!..
О, если можно, отъ Меня
Да мимо идетъ чаша эта!
Ты Богъ любви, начало Свѣта,
И всё возможно для Тебя!
Но если кровь нужна святая,
Чтобъ землю съ Небомъ примирить,
Твой вѣчный судъ[9] благословляя,
На крестъ готовъ Я восходить!“

4. И взоръ, въ тоскѣ невыразимой,
Съ небесъ на землю Онъ низвёлъ
И снова, скорбію томимый,
Къ ученикамъ онъ подошёлъ.
Но ихъ смежившіяся очи
Невольный сонъ отягощалъ:
Великой тайны этой ночи
Ихъ бѣдный умъ не постигалъ.
И сталъ Онъ, молча, полный муки,
Чело высокое склонилъ
И на груди святыя руки
Въ изнеможеніи сложилъ.
Что думалъ Онъ въ минуты эти,
Какъ человѣкъ и Божій Сынъ,
Подъявшій грѣхъ тысящелѣтій,
То зналъ Отецъ Его одинъ.
Но ни одна душа людская

---

[1]Судьба́. [2]Справедли́вости. [3]Бѣду́, несча́стіе. [4]Стр., не принима́етъ. [5]Къ Бо́гу и къ бли́жнимъ. [6]Стр., слова́мъ. [7]Для его́ больны́хъ. [8]Душе́вный миръ, споко́йствіе вслѣ́дствіе созна́нія освобожде́нія отъ первороднаго грѣха́. [9]Рѣше́ніе, опредѣле́ніе.

Не испытала никогда
Той боли тягостной, какая
Въ Его груди была тогда,
И люди вѣрно бъ не поняли,
Весь грѣшный міръ нашъ не постигъ[1]

Тѣхъ слёзъ, которыя сіяли
Въ очахъ Спасителя въ тотъ мигъ.
И вотъ опять Онъ удалился
Подъ сѣнь смоковницъ и оливъ,
И тамъ, колѣна преклонивъ,
Опять Онъ плакалъ и молился:
„О, Боже мой! Мнѣ тяжело:
Всё человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣетъ;
Позоръ людской, позоръ вѣковъ,—
Всё на Себя Я принимаю,
Но Самъ, подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
О, не оставь Меня въ борьбѣ
Съ Моею плотію земною,
И всё, угодное Тебѣ,
Тогда да будетъ надо Мною.
Молюсь, да снидетъ на Меня
Святая сила подкрѣпленья,
Да совершу съ любовью Я
Великій подвигъ примиренья!“
И руки къ небу Онъ подъялъ
И весь въ молитву превратился;
Огонь лицо Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Нёмъ струился.

---

5 И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
Лучами свѣта окружённый
Явился въ садъ уединённый
Глашатай Божіихъ чудесъ[2]
Былъ чуденъ взоръ его прекрасный
И безмятежно и свѣтло
Одушевлённое чело,
И ликъ сіялъ, какъ полдень ясный!
И близъ Спасителя онъ сталъ
И рѣчью свыше вдохновенной
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ
И самъ, подобный лёгкой тѣни,
Но полный благодатныхъ силъ,
Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонилъ
Спокойно въ выси голубой
Свѣтилъ блистали міріады,
И полонъ сладостной прохлады
Былъ чистый воздухъ. Надъ зем-
лей
Поднявшись тихо, небожитель
Летѣлъ къ надзвѣзднымъ высо-
тамъ
Межъ тѣмъ всемірный Искупитель
Опять пришёлъ къ ученикамъ.
И въ это чудное мгновенье
Какъ былъ Онъ истинно великъ,
Какимъ огнёмъ одушевленія
Горѣлъ Его прекрасный ликъ!
Какъ ярко отражали очи
Всю волю твёрдую Его,
Какъ радостно свѣтила ночи
Съ высотъ глядѣли на Него!
Ученики, какъ прежде, спали,
И вновь Спаситель имъ сказалъ:
„Вставайте, близокъ день печали,
И часъ предательства насталъ...“
И звукъ мечей остроконечныхъ
Садъ Геѳсиманскій пробудилъ,
И отблескъ факеловъ зловѣщихъ
Лицо Іуды освѣтилъ.

---

[1]Подраз.: бы. [2]Ангелъ. О явле́ніи моля́щемуся Іису́су Христу́ а́нгела говори́тъ евангели́стъ Лука́ (гл. 22, ст. 43).

М. Сергѣй Михайловичъ Соловьёвъ

(1820—1879)

былъ сынъ священника, законоучителя одного изъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Учился Соловьёвъ сначала въ Московской 1-й гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ. Окончивъ курсъ, онъ два года пробылъ за границей, слушая лекціи извѣстнѣйшихъ профессоровъ. По возвращеніи изъ-за границы, онъ вскорѣ получилъ должность профессора русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Самый главный трудъ Соловьёва—„Исторія Россіи“ (въ 30-ти томахъ). Это самое полное и самое лучшее сочиненіе по исторіи нашего отечества. Изъ другихъ трудовъ Соловьёва пользуются извѣстностью два помѣщаемые ниже: „Лѣтопись для первоначальнаго чтенія“ и „Общедоступныя чтенія по русской исторіи“.

I. Лѣтопись для первоначальнаго чтенія.

Лѣтописью (отъ стариннаго слова лѣто—годъ) называются погодныя записки о важнѣйшихъ событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ ведущій лѣтопись или о которыхъ онъ слышалъ отъ другихъ лицъ. Лѣтописи обыкновенно велись монахами. Первая русская лѣтопись приписывается монаху Кіево-Печерскаго монастыря, преподобному Нестору. „Лѣтопись для первоначальнаго чтенія“ Соловьёва представляетъ переводъ съ древне-русскаго на современный языкъ расположенныхъ въ связномъ порядкѣ мѣстъ какъ изъ лѣтописи Нестора, такъ и изъ другихъ русскихъ лѣтописей.

Вотъ повѣсть о томъ, откуда пошла Русская земля, кто началъ первый княжить въ Кіевѣ и какъ стала Русская земля. Мы такъ начнёмъ эту повѣсть. Послѣ потопа три сына Ноевы: Симъ, Хамъ и Афетъ раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна Хаму, сѣверъ и западъ Афету; отъ племени Афетова пошёлъ народъ славянскій. Спустя много времени славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ[1].

1. Поляне. Всѣ эти племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, со своими нравами, обычаями и преданіями. У полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили, какъ звѣри. Между полянами были три брата: одному имя Кій, другому Щекъ, третьему Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ и назвали его по имени старшаго брата Кіевомъ. По смерти

[1] Т.-е. названія племенъ произошли отъ мѣстностей, на которыхъ племена поселились. Такъ, поселившіеся въ лѣсистой мѣстности стали называться древляне, поселившіеся въ мѣстности со степнымъ характеромъ стали называться поляне и проч.

э́тихъ бра́тьевъ, древляне[1] и другіе окольные наро́ды ста́ли притѣсня́ть поля́нъ; тогда́ пришли́ къ нимъ коза́ры[2] и сказа́ли: „Плати́те намъ дань“. Поля́не поду́мали и да́ли имъ по мечу́ отъ ка́ждаго до́ма. Коза́ры принесли́ мечи́ къ кня́зю своему́ и старши́намъ и сказа́ли: „Вотъ мы нашли́ но́вую дань“. Старши́ны спроси́ли: „Отку́да вы э́то взя́ли?“—„Да вотъ тамъ, въ лѣсу́, на горѣ́, надъ рѣко́ю Днѣпро́вскою“, отвѣча́ли они́. Тогда́ ста́рцы коза́рскіе сказа́ли: „Охъ, нехороша́ э́та дань, князь! мы воюемъ са́блями, о́стрыми съ одно́й то́лько стороны́, а у э́того наро́да мечи́ съ обѣ́ихъ сторо́нъ о́стрые: бу́дутъ они́ брать дань и на насъ и на другі́ихъ стра́нахъ“. Такъ и сбы́лось, какъ предсказа́ли ста́рцы: ру́сскіе и до сихъ поръ владѣ́ютъ коза́рами.

2. **Призва́ніе варя́говъ.** Въ то вре́мя, какъ поля́не, сѣверя́не[3] и другія племена́ плати́ли дань коза́рамъ съ ка́ждаго до́ма, варя́ги[4] изъ-за мо́ря бра́ли дань на славя́нахъ новгоро́дскихъ[5], на кривича́хъ, та́кже на чу́ди[6] и ме́ри[7]. Ско́ро одна́ко э́ти наро́ды прогна́ли варя́говъ за мо́ре, переста́ли дава́ть имъ дань и на́чали владѣ́ть са́ми собо́ю. Но, прогна́въ варя́говъ, они́ ника́къ не могли́ ула́диться другъ съ дру́гомъ и на́чали междоусо́бныя во́йны. Тогда́ они́ ста́ли говори́ть ме́жду собо́ю: „Пойщемъ себѣ́ кня́зя, кото́рый бы владѣ́лъ на́ми и суди́лъ всѣ дѣла́ справедли́во“. Отпра́вили послы́въ къ варя́гамъ, къ ру́си. Ру́сью называ́лись варя́ги то́чно такъ же, какъ другіе зову́тся шве́дами, иные норве́жцами, англича́нами, го́тами. Чудь, новгоро́дцы и кривичи́ сказа́ли ру́си: „Земля́ на́ша велика́ и оби́льна, да поря́дку въ ней нѣтъ: приходи́те княжить и владѣ́ть на́ми“. Собра́лись три бра́та съ ро́дственниками своими, взя́ли съ собо́ю всю русь и пришли́: Ры́рикъ въ Но́вгородъ, Синеу́съ на Бѣлозеро, Тру́воръ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозва́лась ру́сская земля́. Че́резъ два го́да у́мерли Синеу́съ и Тру́воръ; Ры́рикъ оди́нъ при́нялъ всю власть и разда́лъ города́ приближе́ннымъ къ себѣ́ лю́дямъ. Две́ изъ нихъ, Аско́льдъ и Диръ, кото́рые не были ни родня́ Ры́рику ни боя́ре его, отпроси́лись итти́ къ Царю́-го́роду. Иду́чи внизъ по Днѣпру́, они́ увида́ли на горѣ́ городо́къ и спроси́ли: „Чей городо́къ?“ Жи́тели отвѣча́ли имъ: „Бы́ли три бра́та: Кій, Щекъ и Хори́въ; они́-то и постро́или э́тотъ го́родъ, да по́слѣ погибли, а мы вотъ пла́-

[1]Поля́не жи́ли по сре́днему тече́нію Днѣпра́, а древля́не по ю́жнымъ прито́камъ р. При́пети, на сѣверо-за́падъ отъ поля́нъ. [2]Наро́дъ, обита́вшій по ни́жнему тече́нію Во́лги. [3]Жи́ли на сѣверъ отъ поля́нъ. [4]Этимъ сло́вомъ въ дре́вней Ру́си называ́ли всѣхъ вообще́ обита́телей сѣверной Евро́пы, преиму́щественно же скандина́вовъ. [5]Пле́мя, получи́вшее назва́ніе по и́мени своего́ гла́внаго го́рода; они́ составля́ли часть кривичей, обши́рнаго славя́нскаго пле́мени, обита́вшаго по верхо́вьямъ Днѣпра́, За́падной Двины́ и Во́лги. [6],[7]Фи́нскія племена́, изъ ко́ихъ пе́рвое обита́ло по ю́жному бе́регу Фи́нскаго зали́ва (тепе́решніе э́сты), а второ́е по ве́рхнему тече́нію Во́лги.

имъ дань козáрамъ". Аскóльдъ и Диръ остáлись въ Кіевѣ, собрáли мнóго варя́говъ и нáчали владѣ́ть поля́нами; а Рю́рикъ кня́жилъ въ Но́вгородѣ.

3. Олéгъ. Мéжду тѣ́мъ у́меръ Рю́рикъ; онъ передáлъ княжéніе Олéгу, своемý рóдственнику, поручи́въ емý и сы́на своегó Игоря, кото́рый былъ ещё дитя́. Собрáвъ мнóго вóйска, пошёлъ Олéгъ къ Смолéнску[1], взялъ э́тотъ гóродъ и посади́лъ въ нёмъ своихъ мужéй. Отту́да пошёлъ внизъ, взялъ Лю́бечъ[2] и посади́лъ въ нёмъ та́кже своихъ мужéй. Пришéдши къ горáмъ Кіевскимъ и ви́дя, что Аскóльдъ и Диръ кня́жатъ, Олéгъ скрылъ часть вóиновъ своихъ въ лóдкахъ, другихъ остáвилъ позади́, а самъ пришёлъ, неся́ малю́тку Игоря на рукáхъ. Онъ послáлъ сказáть Аскóльду и Ди́ру: „Мы купцы́, идёмъ въ Грéцію отъ Олéга и Игоря; придѝте повидáться съ нáми". Аскóльдъ и Диръ пришли́. Тогдá вóины повы́скакали изъ лóдокъ, и Олéгъ сказáлъ кіевскимъ князья́мъ: „Вы не князья́ и не кня́жескаго рóда, а отъ сынъ Рю́риковъ". Аскóльда и Дира убѝли, понесли́ нá гору и погребли́ тамъ. Олéгъ сѣ́лъ кня́жить въ Кіевѣ и сказáлъ: „Это бýдетъ мать рýсскимъ городáмъ", пóслѣ чегó нáчалъ строи́ть городá и установѝлъ дáни. Сперва́ Олéгъ воевáлъ съ древля́нами и застáвилъ ихъ давáть дань по чёрной куни́цѣ[3]. Потóмъ онъ пошёлъ на сѣвея́нъ; побѣди́въ ихъ, онъ наложи́лъ на нихъ дань лёгкую, а козáрамъ давáть дань запрети́лъ, сказáвши: „Я непрія́тель имъ, а съ вáми у меня́ нѣтъ никакóй вражды́". Послáлъ и къ радимичáмъ[4] спроси́ть: „Кому́ даёте дань?" Они́ отвѣчáли: „Козáрамъ". Олéгъ сказáлъ имъ: „Не давáйте козáрамъ, а давáйте лу́чше мнѣ". Радимичи́ согласи́лись.

4. Игорь. По смéрти Олéга, нáчалъ кня́жить Игорь. Игорь, утвердѝвъ миръ съ грéками, нáчалъ кня́жить ми́рно въ Кіевѣ. Когдá же пришлá о́сень, нáчалъ задýмывать похóдъ на древля́нъ, желáя взять съ нихъ бóльше дáни. Дружи́на сказáла емý: „Нáши товáрищи, которые съ Свинéльдомъ, богáты оружіемъ и плáтьемъ, а мы нáги: пойдёмъ, князь, съ нáми за дáнью; и ты добýдешь и мы". Игорь послýшался: пошёлъ къ древля́намъ за дáнью и нáчалъ обижáть ихъ; поравши дань, пошёлъ бы́ло назадъ въ свой гóродъ, однáко на дорóгѣ раздýмалъ и сказáлъ дружи́нѣ: „Ступáйте вы съ дáнью домóй, а я возвращýсь назáдъ, похожý ещё". Какъ сказáлъ, такъ и сдѣ́лалъ: отпусти́лъ дружи́ну домóй, а самъ съ немнóгими возврати́лся назáдъ, желáя взять ещё бóльше съ древля́нъ. Тѣ́, услыхáвъ, что Игорь опя́ть идётъ, нáчали совѣ́товаться съ кня́земъ свои́мъ Мáломъ; они́ говори́ли: „Повáдится волкъ къ о́вцамъ, перетаска́етъ всё стáдо, е́сли не

[1]Ны́нѣ губ. гóродъ, на Днѣпрѣ. [2]Гóродъ южне́е Смоле́нска, та́кже на Днѣпрѣ. [3]Звѣрёкъ изъ семе́йства грызунóвъ, извѣ́стный хорóшимъ ка́чествомъ своегó мѣ́ха. [4]Жи́ли на востóкъ отъ Днѣпрá.

убью́тъ его́; такъ тепе́рь и съ на́ми: е́сли не убьёмъ Игоря, то всѣхъ насъ погу́битъ". По́слѣ совѣща́нія они́ посла́ли сказа́ть Игорю: „Заче́мъ идёшь опя́ть? вѣдь ты уже́ взялъ всю дань!" Но Игорь не послу́шался ихъ. Тогда́ древля́не вы́шли изъ го́рода и уби́ли Игоря и дружи́ну его́, потому́ что ея́ было о́чень ма́ло.

5. **Ольга.** Услыха́въ о сме́рти Игоря, жена́ его́, Ольга, вмѣстѣ съ сы́номъ Святосла́вомъ, собра́ла большо́е и хра́брое во́йско и пошла́ на Древля́нскую зе́млю. Древля́не вы́шли про́тивъ нея́. Когда́ о́ба полка́ сошли́сь, Святосла́въ бро́силъ копьёмъ въ древля́нъ. Копьё, пролетѣвъ ме́жду ушей его́ ло́шади, уда́рило ей въ но́ги, потому́ что Святосла́въ былъ ещё дитя́ и не умѣлъ владѣть копьёмъ. Тогда́ Сине́ль и Асму́дъ, дя́дьки Святосла́ва, сказа́ли: „Князь уже́ на́чалъ; пойдёмъ, дружи́на, за кня́земъ". Древля́не бы́ли побѣждены, побѣжа́ли, затвори́лись въ своёмъ го́родѣ. Ольга взяла́ го́родъ и сожгла́ его́. Ко́нчивъ войну́, пошла́ Ольга съ сы́номъ и дружи́ною по Древля́нской землѣ, установи́ла вездѣ да́ни, обро́ки. Пото́мъ пришла́ въ го́родъ свой Кіевъ и, пробы́въ здѣсь годъ, отпра́вилась къ Но́вгороду и по доро́гѣ уста́вила вездѣ та́кже обро́ки и да́ни. Въ 955 г. пошла́ Ольга въ Гре́цію и пришла́ въ Царь-го́родъ; тамъ приняла́ христіа́нскую вѣру и, возвратя́сь въ Кіевъ, угова́ривала и Святосла́ва крести́ться; но онъ и слы́шать не хотѣлъ о томъ; е́сли же кто друго́й хотѣлъ крести́ться, то ему́ не мѣша́ли, но то́лько смѣя́лись надъ нимъ. Ча́сто Ольга гова́ривала сы́ну: „Я ра́да, что узна́ла и́стиннаго Бо́га, и ты бу́дешь ра́доваться, когда́ узна́ешь Его́". Святосла́въ обыкнове́нно отвѣча́лъ на э́то: „Какъ мнѣ одному́ приня́ть но́вую вѣру? дружи́на ста́нетъ смѣя́ться на́до мно́ю!" Тогда́ Ольга говори́ла ему́: „Если ты кре́стишься, то всѣ ста́нутъ дѣлать то́ же". Но Святосла́въ не слу́шался ма́тери и жилъ по языческимъ обы́чаямъ.

6. **Святосла́въ.** Когда́ онъ вы́росъ и возмужа́лъ, то на́чалъ собира́ть о́коло себя́ мно́го хра́брыхъ во́иновъ; ходи́лъ легко́, какъ барсъ, и то́лько и дѣлалъ, что воева́лъ. Въ похо́дахъ не вози́лъ за собо́ю ни возо́въ, ни котло́въ и не вари́лъ мя́са; но, изрѣзавъ то́нкими ло́мтиками ко́нское мя́со или́ како́го-нибу́дь друго́го звѣря, или говя́дину, пёкъ самъ на у́гляхъ и такъ ѣлъ. Шатра́ у Святосла́ва та́кже не́ было, а спа́лъ онъ на во́йлокѣ, положи́въ сѣдло́ подъ го́лову; то́чно такъ же жи́ли и всѣ остальны́е во́ины. Онъ посыла́лъ къ ра́знымъ наро́дамъ сказа́ть имъ: „Хочу́ итти́ на васъ". Ходи́лъ на Оку́ и на Во́лгу; на Окѣ нашёлъ вя́тичей и спроси́лъ ихъ: „Кому́ дань даёте?" Вя́тичи отвѣча́ли: „Коза́рамъ". Тогда́ пошёлъ Святосла́въ на коза́ръ побѣди́лъ ихъ и взялъ ихъ го́родъ, пото́мъ побѣди́лъ я́совъ и косо́говъ[1], наконецъ,

[1]Полага́ютъ, что э́то дре́вніе назва́нія нѣкоторыхъ кавка́зскихъ го́рскихъ племёнъ.

пошёлъ на Дунай, на болгаръ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

7. Осада Кіева. Между тѣмъ пришли въ первый разъ печенѣги на русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Стали горевать тогда кіевляне и говорятъ: „Нѣтъ ли кого, кто бы могъ пройти на ту сторону и сказать имъ: „Если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся печенѣгамъ?“ Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: „Я перейду“, и точно пошёлъ съ уздою изъ города, и ходилъ между печенѣгами, и спрашивалъ, не видалъ ли кто его лошади. Онъ умѣлъ говорить по печенѣжски, такъ что печенѣги приняли его за своего. Когда же онъ дошёлъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ; увидавъ это, печенѣги кинулись за нимъ, начали стрѣлять, но не могли уже ему ничего сдѣлать, потому что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: „Если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться печенѣгамъ“. Тогда воевода, именемъ Претичъ, сказалъ: „Подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на нашу сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ“

8. Печенѣги снимаютъ осаду. На другой день, сѣвъ на лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подумали, что самъ князь пришёлъ, и побѣжали отъ города въ разныя стороны; а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и сказалъ: „Кто это пришёлъ?“ Ему отвѣчали: „Лодки съ той стороны“. Князь печенѣжскій спросилъ опять у Претича: „А ты князь ли?“ Претичъ отвѣчалъ: „Я его воевода и пришёлъ съ передовыми, а за мною идетъ полкъ[1] съ княземъ,—безчисленное множество народа“. Всё это онъ насказалъ, чтобъ испугать печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Претичу: „Будь мнѣ другомъ“. Претичъ отвѣчалъ: „Пожалуй“. Печенѣжскій князь подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а воеводѣ подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда кіевляне послали сказать Святославу: „Ты опять ищешь чужой земли и бережёшь её, а

[1]Въ старину это слово означало вообще войско, а не извѣстную часть его

до своéй тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ чуть бúло не взя́ли печенѣ́ги, вмѣ́стѣ съ твоéю ма́терью и дѣтьмú; éсли ты не придёшь и не оборóнишь насъ, то насъ опять возьмýтъ печенѣ́ги. Вúдно, тебѣ́ не жаль ни роднóй землú, ни ма́тери старýхи, ни дѣтéй". Услыха́въ такія вѣ́сти, Святосла́въ тотча́съ же сѣ́лъ на конéй съ дружúною и прiѣ́халъ въ Кіевъ. Радъ онъ былъ, что нашёлъ мать и дѣтéй своúхъ въ безопа́сности; но óчень жалѣ́лъ, что случúлась съ нúми така́я бѣда́ отъ печенѣ́говъ, и, собра́въ вóйско, прогна́лъ ва́рваровъ въ стéпи, пóслѣ чегó наста́ло мúрное врéмя.

9. Смерть Ольги и возвращéніе Святосла́ва въ Переясла́вецъ. Скóро наскýчило Святосла́ву въ Кіевѣ; онъ сталъ говорúть ма́тери своéй: „Не нра́вится мнѣ здѣсь, хочý жить въ Переясла́вцѣ на Дуна́ѣ; тамъ середúна землú моéй; туда́ привóзится всё дóброе: изъ Грéціи идётъ туда́ зóлото, тка́ни, вúна, плоды́ ра́зные; изъ Богéміи и Вéнгріи серебрó и кóни; изъ Русú звѣрúныя шкýры, воскъ, мёдъ и рабы́". Ольга отвѣча́ла емý на э́то: „Ра́звѣ не вúдишь, что я ужé больна́? куда́ же ты хóчешь отъ меня́ уйтú? Похоронú меня́, по крáйней мѣ́рѣ, а тамъ ужé ступа́й, куда́ хóчешь". Чéрезъ три дня пóслѣ э́того разговóра Ольга умерла́; сынъ, внýки и весь нарóдъ гóрько плáкали по ней; потóмъ вы́несли тѣ́ло и погреблú. Ольга пéредъ смéртью не велѣ́ла дѣ́лать надъ собóю трúзны[1], потомý что при ней былъ священникъ, котóрый и похоронúлъ её. По смéрти ма́тери, Святосла́въ посадúлъ Яропóлка въ Кіевѣ, а Олéга у древля́нъ. Въ тó же врéмя пришлú новгорóдцы просúть та́кже себѣ́ кня́зя; онú говорúли: „Если не пойдéте къ намъ, то найдёмъ себѣ́ другóго кня́зя". Святосла́въ отвѣча́лъ имъ: „Да кто же пойдётъ къ вамъ?" Яропóлкъ и Олéгъ отказа́лись иттú въ Нóвгородъ. Тогда́ Добры́ня[2] сказа́лъ новгорóдцамъ: „Просúте Владúмира". Новгорóдцы такъ и сдѣ́лали. Тогда́ Святосла́въ сказа́лъ: „Вотъ вамъ князь, возьмúте". Такúмъ óбразомъ Владúміръ пошёлъ въ Нóвгородъ съ дя́дей своúмъ Добры́нею, а Святосла́въ въ Переясла́вецъ.

10. Война́ съ грéками. Когда́ пришёлъ Святосла́въ къ Переясла́вцу, то болга́ры затворúлись въ гóродѣ и не пустúли егó, потóмъ вы́шли онú изъ гóрода на сѣ́чу прóтивъ рýсскаго кня́зя; сѣ́ча была́ зла́я, и болга́ры на́чали одолѣва́ть. Тогда́ Святосла́въ сказа́лъ своúмъ вóинамъ: „Вúдно, ужé намъ здѣсь умерéть; такъ ста́немъ же бúться мýжественно, бра́тья и дружúна!" Къ вéчеру одолѣ́лъ Святосла́въ, взялъ гóродъ прúступомъ и посла́лъ сказа́ть грéкамъ: „Хочý на васъ иттú, взять вашъ гóродъ, какъ взялъ э́тотъ". Грéки отвѣча́ли: „Мы не мóжемъ борóться съ ва́ми; возьмú съ насъ дань, и на дружúну свою; для э́того скажúте, скóлько васъ, чтобы́ намъ расчéсться по числý

[1]Языческихъ погреба́льныхъ обря́довъ. [2]Дя́дя Владúмира.

людéй". Грéки говорили такúмъ óбразомъ, желáя обмануть рýсскихъ. Святослáвъ отвѣчáлъ имъ: „Насъ двáдцать тысячъ"; дéсять тысячъ онъ прибáвилъ, потомý что рýсскихъ всегó бúло дéсять тысячъ. Тогдá грéки собрáли девяно́сто тúсячъ вóйска на Святослáва и не дáли емý дáни. Святослáвъ пошёлъ на грéковъ. Когдá же рýсскіе увидáли прóтивъ себя́ такóе мнóжество вóйска, то испугáлись. Святослáвъ сказáлъ: „Ужé намъ тепéрь нéкуда дѣться: вóлею илú невóлею должны́ бúться; не посрамúмъ рýсской землú, но лáжемъ здѣсь костя́ми, úбо мёртвымъ не стúдно; а éсли побѣжúмъ, лáжетъ на насъ стыдъ, отъ котóраго нéкуда уйтú; стáнемъ же лýчше крѣпко, я пойдý передъ вáми; когдá же головá моя́ лáжетъ, тогдá дýмайте сáми о себѣ". Вóины отвѣчáли емý: „Гдѣ твоя́ лáжетъ, тамъ и мы свои́ слóжимъ". Русь приготóвилась къ бúтвѣ, и былá сѣча злáя. Святослáвъ одолѣ́лъ; грéки побѣжáли. Тогдá Святослáвъ пошёлъ къ Византіи, воюя и разбивáя по дорóгѣ городá.

11. Миръ съ грéками. Царь созвáлъ боя́ръ своúхъ въ палáту и спросúлъ: „Что намъ дѣлать? не мóжемъ никáкъ одолѣ́ть рýсскихъ". Боя́ре отвѣчáли: „Пошлú къ Святослáву дарú, поизвѣдать, на что онъ бóльше пáдокъ: на зóлото илú на дорогія ткáни?" Такъ и сдѣлали: послáли съ ýмнымъ человѣкомъ къ Святослáву зóлото и ткáни, наказáвши послý: „Смотрú, замѣчáй хорошéнько, какúми глазáми онъ бýдетъ глядѣ́ть на подáрки". Посóлъ, взявъ дарú, отпрáвился. Святослáву доложúли, что пришлú грéки съ поклóномъ; тогдá онъ сказáлъ: „Введúте ихъ сюдá". Грéки вошлú, поклонúлись и разложúли пéредъ Святослáвомъ зóлото и ткáни. Святослáвъ, смотря́ равнодýшно по сторонáмъ, сказáлъ слýгамъ: „Спря́чьте э́то". Послú возвратúлись; царь созвáлъ опя́ть боя́ръ. Послú сказáли имъ: „Какъ пришлú мы къ Святослáву и подáли дарú, то онъ и не смотрѣ́лъ на нихъ, велѣ́лъ тóлько спря́тать". Тогдá одúнъ боя́ринъ сказáлъ царю́: „Попытáйся ещё́, пошлú къ немý орýжіе". Совѣ́тъ былъ прúнятъ, послáли къ Святослáву мечъ и рáзное другóе орýжіе; когдá же принеслú къ немý, то онъ взялъ, нáчалъ хвалúть, любовáться и велѣ́лъ благодарúть царя́. Узнáвъ о такóмъ прiёмѣ, боя́ре сказáли царю́: „Дóлженъ же быть храбръ э́тотъ человѣ́къ, когдá пренебрегáетъ имѣ́ніемъ, а берётъ тóлько одно́ орýжіе; дѣлать нéчего, прихóдится дать емý дань". Тогдá царь послáлъ сказáть Святослáву: „Не ходú къ гóроду, но возьмú дань, скóлько хóчешь". Святослáвъ взялъ богáтые дарú и возвратúлся въ Переяслáвецъ; но, увидáвъ, что дружúны остáлось мáло, нáчалъ дýмать: „Что, éсли какóю-нибýдь хúтростью перебью́тъ дружúну мою́ и меня́? Пойтú лýчше въ Русь, привестú побóльше дружúны". Для э́того онъ послáлъ сказáть царю́: „Хóчу имѣ́ть съ тобóю твёрдый миръ". Царь обрáдовался и послáлъ емý дарú ещё́ бóльше, чѣмъ прéжде.

Заключи́въ миръ съ гре́ками, Святосла́въ пошёлъ въ ло́дкахъ къ поро́гамъ. Отцо́вскій воево́да Свине́льдъ говори́лъ ему́: „Пойди́ лу́чше, князь, на коня́хъ: печене́ги стоя́тъ о́коло поро́говъ“. Святосла́въ не послу́шался его́ и пошёлъ въ ло́дкахъ. Тогда́ переясла́вцы посла́ли сказа́ть печене́гамъ: „Идётъ Святосла́въ въ Русь пѣшко́мъ, съ больши́мъ имѣ́ніемъ и съ ма́лой дружи́ною“. Услыха́въ объ э́томъ, печене́ги заступи́ли поро́ги, и когда́ Святосла́въ пошёлъ, то не́гдѣ уже́ бы́ло пройти́. Ру́сскіе ста́ли зимова́ть; съѣ́стные припа́сы у нихъ повы́шли, и сдѣ́лался большо́й го́лодъ. Такъ провёлъ Святосла́въ всю зи́му. Весно́ю дви́нулся онъ впередъ; но печене́жскій князь Куря́ напа́лъ на него́ и уби́лъ, и Свине́льдъ пришёлъ въ Кіевъ къ Ярополку.

По́слѣ сме́рти Святосла́ва, ме́жду сыновья́ми его́ на́чались междоусо́бія. Влади́миръ побѣди́лъ Ярополка и завладѣ́лъ Кіевомъ. Оле́гъ ещё ра́ньше поги́бъ въ борьбѣ́ съ Ярополкомъ

12. Крещéніе Руси́. Въ 988 году́ пошёлъ Влади́миръ съ во́йскомъ и на Корсу́нь[1], го́родъ гре́ческій. Корсу́нцы за́перлись въ го́родѣ и кре́пко оборони́лись. Влади́миръ посла́лъ сказа́ть имъ: „Если не сдади́тесь, то три го́да простою́ здѣсь“, но они́ не послу́шались. Тогда́ Влади́миръ, устро́ивъ своё во́йско, вели́лъ дѣ́лать на́сыпи о́коло го́рода; но корсу́нцы, подкопа́въ городску́ю сте́ну́, уноси́ли насы́панную зе́млю къ себѣ́ въ го́родъ. Въ э́то вре́мя оди́нъ жи́тель корсу́нскій, и́менемъ Наста́съ, пусти́лъ стрѣ́лу́ въ ста́нъ ру́сскій, а на стрѣлѣ́ бы́ло напи́сано: „На восто́къ отъ тебя́ коло́децъ; изъ него́ вода́ идётъ по трубѣ́ въ го́родъ; откопа́й коло́децъ и переймѝ во́ду“. Влади́миръ то́тчасъ вели́лъ копа́ть, и, то́чно, во́ду переня́ли у гра́жданъ; тогда́ послѣ́дніе, изнемога́я отъ жа́жды, сда́лись. Влади́миръ вошёлъ въ го́родъ съ дружи́ною и посла́лъ сказа́ть импера́торамъ Васи́лію и Константи́ну: „Вотъ я взялъ вашъ сла́вный го́родъ; слы́шу, что у васъ есть сестра́ дѣ́вица; е́сли вы не отдади́те её за меня́, то и сто́льному го́роду ва́шему[2] бу́детъ то́ же, что и Корсу́ню“. Оба царя́, услыха́въ э́то, си́льно огорчи́лись и отвѣча́ли: „Неприли́чно христіа́намъ выдава́ть сестёръ свои́хъ за невѣ́рныхъ: е́сли кре́стишься, то и сестру́ на́шу полу́чишь, и вмѣ́стѣ съ не́ю ца́рство небе́сное, и съ на́ми бу́дешь единовѣ́рникъ; е́сли же не хо́чешь крести́ться, то и не мо́жемъ вы́дать за тебя́ сестры́“. Влади́миръ отвѣча́лъ посла́мъ импера́торскимъ: „Скажи́те царя́мъ, что я гото́въ крести́ться, потому́ что и пре́жде испыта́лъ вашъ зако́нъ, и мнѣ нра́вится ва́ша вѣ́ра и богослуже́ніе“. Царй́, услы́шавъ

---

[1]Го́родъ на Таври́ческомъ полу́островѣ. Въ э́то вре́мя на Таври́ческомъ полу́островѣ мно́го бы́ло гре́ческихъ поселе́ній. [2]Столи́цѣ ва́шей, т.-е. Византі́и, Царьгра́ду.

э́то, обра́довались и посла́ли къ Влади́миру сестру́ свою́, и́менемъ Анну, кото́рую наси́лу уговори́ли итти́. Она сѣ́ла на кора́бль, прости́лась съ родны́ми, и съ пла́чемъ поплы́ла че́резъ мо́ре. Когда́ царе́вна пріѣ́хала въ Корсу́нь, Влади́миръ крести́лся, а по́слѣ крещенья обвѣнча́лся на Аннѣ и пошёлъ съ не́ю въ Кіевъ. Пришёдъ туда́, онъ велѣ́лъ повѣсти́ть[1] наро́ду: „Кто не приде́тъ къ рѣкѣ́ крести́ться, бога́тый или́ бѣ́дный, тотъ бу́детъ мнѣ проти́венъ“. Услыха́въ э́то, лю́ди шли съ ра́достью, говоря́: „Если бъ э́та вѣ́ра была́ нехороша́, то князь и боя́ре не при́няли бъ ея́“. На друго́й день Влади́миръ вы́шелъ съ духове́нствомъ на Днѣпръ, куда́ собрало́сь мно́жество люде́й; всѣ́ вошли́ въ во́ду и стоя́ли въ ней—одни́ по ше́ю, другіе по грудь, малолѣ́тніе у бе́рега, возра́стные же да́льше, и держа́ли на рука́хъ младе́нцевъ, а свяще́нники чита́ли моли́твы.

13. Единоборство. Печенѣ́ги пришли́ съ той стороны́, отъ рѣки́ Су́лы[2]. Влади́миръ пошёлъ про́тивъ враго́въ и встрѣ́тилъ ихъ на рѣкѣ́ Трубежѣ́[3]. Ру́сскіе ста́ли на э́той сторонѣ́, а печенѣ́ги на той, и не смѣ́ли ни на́ши перейти́ на печенѣ́жскую сто́рону, ни печенѣ́ги на на́шу. Тогда́ пріѣ́халъ князь печенѣ́жскій къ рѣкѣ́, позва́лъ Влади́мира и сказа́лъ ему́: „Вы́пусти ты своего́ во́ина, а я своего́; пусть бо́рются, и е́сли твой оси́литъ моего́, то не бу́демъ воева́ть три го́да; е́сли же нашъ одолѣ́етъ, то бу́демъ разоря́ть ва́шу зе́млю цѣ́лые три го́да“. По́слѣ э́того разгово́ра князья́ разошли́сь. Влади́миръ, прише́дши къ себѣ́ въ станъ, посла́лъ кли́кать по шатра́мъ: „Нѣтъ ли тако́го, кто бы взя́лся би́ться съ печенѣ́гомъ?“, и не сыска́лся никто́. На друго́е у́тро пріѣ́хали печенѣ́ги и привезли́ своего́ бойца́, а у на́шихъ никого́ не́ было. Сталъ тужи́ть князь Влади́миръ и посла́лъ опя́ть кли́кать по всему́ во́йску. Тогда́ пришёлъ къ кня́зю стари́къ и сказа́лъ ему́: „Князь! вы́шелъ я сюда́ на войну́ съ четырьмя́ сыновьями, а пя́тый, меньшо́й, оста́лся до́ма; съ са́маго дѣ́тства не́ было человѣ́ка, кто бы одолѣ́лъ его́. Одна́жды онъ мялъ воло́вью ко́жу, а я сталъ его́ за что́-то брани́ть, такъ онъ, разсердя́сь на меня́, прорва́лъ ко́жу рука́ми“. Князь, слы́ша э́то, обра́довался и посла́лъ за силачо́мъ. На друго́е у́тро пришли́ печенѣ́ги и на́чали опя́ть крича́ть: „Что же? нашёлся ли бое́цъ? нашъ уже́ гото́въ!“ Влади́миръ ещё́ за́ ночь велѣ́лъ своему́ бойцу́ вооружи́ться, и во́тъ о́ба показа́лись. Съ печенѣ́жской стороны́ вы́шелъ велика́нъ, стра́шный ви́домъ; вы́ступилъ и Влади́мировъ богаты́рь. Онъ былъ сре́дняго ро́ста, и потому́ печенѣ́гъ, увида́въ его́, на́чалъ смѣя́ться. Размѣ́рили мѣ́сто ме́жду обо́ими полка́ми, пусти́ли борцо́въ; тѣ́ схвати́лись и на́чали крѣ́пко щеми́ть[4] другъ

[1]Возвѣсти́ть, объяви́ть. [2]Прито́къ Днѣпра́ съ восто́чной стороны́. [3]То́же, то́лько сѣ́вернѣе Су́лы. [4]Сда́вливать, сти́скивать.

дру́га; напъ сти́снулъ печенѣ́га рука́ми до сме́рти и уда́рилъ его́ зе́млю; тогда́ съ обѣ́ихъ сторо́нъ разда́лся крикъ; печене́ги побѣжа́ли; ру́сскіе уда́рили вслѣ́дъ за ни́ми и прогна́ли ихъ. Влади́миръ былъ о́чень радъ, сдѣ́лалъ богатыря́ зна́тнымъ челове́комъ и отца́ его́ то́же; пото́мъ возврати́лся въ Кіевъ съ побѣ́дою и сла́вою вели́кою.

14. Пиры́ кня́зя Влади́мира. Въ 995 году́ опя́ть пришли́ печене́ги къ го́роду Васи́льеву[1]. Влади́миръ вы́шелъ про́тивъ нихъ съ ма́лою дружи́ною и, когда́ вступи́лъ въ би́тву, то не могъ удержа́ться; побѣжа́лъ и едва́ укры́лся отъ враго́въ подъ мосто́мъ. Тутъ обѣща́лся Влади́миръ поста́вить це́рковь св. Преображе́нія въ Васи́льевѣ, потому́ что въ тотъ день бы́ло Преображе́ніе. Изба́вившись отъ бѣ́ды, Влади́миръ, то́чно, поста́вилъ це́рковь и сдѣ́лалъ большо́й пра́здникъ; навари́лъ мёду и созва́лъ боя́ръ свои́хъ, и посадниковъ[2], и старши́нъ изъ всѣ́хъ городо́въ, и вся́кихъ люде́й мно́го, а ни́щимъ разда́лъ три́ ста гри́венъ[3]. Пра́здновавъ во́семь дней, Влади́миръ возврати́лся въ Кіевъ на Успе́ніе Богоро́дицы[4] и тутъ опя́ть сдѣ́лалъ большо́й пра́здникъ, созва́въ безчи́сленное мно́жество наро́да. Онъ приказа́лъ всякому ни́щему и уб о́гому приходи́ть на кня́жій дворъ и брать всё, что на́добно: питьё, ку́шанье и де́ньги изъ казны́. Князь говори́лъ та́кже: „Вѣдь больны́е и сла́бые не мо́гутъ дойти́ до моего́ двора́“, и потому велѣ́лъ сдѣ́лать телѣ́ги, накла́дывать на нихъ хлѣ́бъ, мя́со, ры́бу, о́вощи ра́зныя, мёдъ, квасъ и развози́ть по го́роду, спра́шивая: „Гдѣ больны́е и ни́щіе, кто ходи́ть не мо́жетъ?“ Ка́ждое воскресе́нье за вёлъ онъ на дворѣ́ своёмъ пиры́, куда́ приходи́ли боя́ре, дворя́не со́тскіе[5], деся́тскіе[6], лу́чшіе лю́ди при кня́зѣ и безъ кня́зя; на тѣхъ пира́хъ быва́ло мно́жество мя́са, говя́дины и дичи́ны, бы́ло мно́го все́го. Вотъ, быва́ло, какъ подопью́тъ, то и начну́тъ ропта́ть на кня́зя, говоря́: „Что э́то на́ше здѣсь за житьё го́рькое! даётъ намъ ѣсть деревя́нными ло́жками, а не серебряными!“ Влади́миръ, услыха́въ ро́потъ, велѣ́лъ подава́ть серебряныя ло́жки и сказа́лъ: „Съ серебро́мъ и зо́лотомъ не найдёшь дружи́ны, а съ дружи́ною найду́ серебро́ и зо́лото, какъ дѣдъ мой и отецъ съ дружи́ною доиска́лись зо́лота и серебра́“. Влади́миръ любилъ свою́ дружи́ну и ду́малъ съ нею́ обо вся́кихъ дѣла́хъ: объ устро́йствѣ зе́мскомъ, о во́инахъ, объ уста́вахъ зе́мскихъ. Съ окольными[7] князья́ми жилъ онъ ми́рно: и съ по́льскимъ кня́земъ, и съ венге́рскимъ, и съ боге́мскимъ; бы́ли ме́жду ни́ми миръ и любо́вь.

---

[1]Невдалекѣ́ отъ Кіева, на юго-за́падъ. [2]Намѣ́стникъ кня́зя, управля́ющій вмѣ́сто него́ го́родомъ. [3]Стари́нная ру́сская моне́та. [4]Успе́ніе=соб., сонъ; здѣсь: кончи́на. Успе́ніе Богоро́дицы—15 а́вгуста. [5]Нача́льники со́тенъ. [6]Нача́льники деся́тковъ. Вѣроя́тно, э́то бы́ли вое́нныя до́лжности. [7]Сосѣ́дними.

15. Печенѣги подъ Бѣлгородомъ[1]. Въ 997 году́ Влади́миръ пошёлъ къ Но́вгороду за во́йскомъ на печенѣговъ, потому́ что во́йны бы́ли безпреста́нныя. Въ э́то вре́мя печенѣги, узна́въ, что кня́зя нѣтъ, пришли́ и ста́ли о́коло Бѣлгорода, не дава́я никому́ вы́хода, отъ чего́ сдѣ́лался вдругъ большо́й го́лодъ. Въ тако́й бѣ́дѣ гра́ждане собра́ли вѣ́че и сказа́ли: „Пришло́сь помере́ть съ го́лода, а отъ кня́зя нѣтъ по́мощи; сдади́мся печенѣгамъ: кого́ убью́тъ, а кого́ въ живы́хъ оста́вятъ; намъ всё равно́ умира́ть же голо́дною сме́ртью". Такъ и рѣши́ли. На э́томъ вѣ́чѣ не́ было одного́ старика́, и когда́ онъ по́слѣ спроси́лъ: „Зачѣ́мъ э́то собира́ли вѣ́че", то ему́ отвѣча́ли, что за́втра хотя́тъ сда́ться печенѣгамъ. Стари́къ посла́лъ за городски́ми старши́нами и сказа́лъ имъ: „Что э́то я слы́шалъ, бу́дто вы хоти́те сда́ться печенѣгамъ". Тѣ отвѣча́ли: „Да что жъ бу́дешь дѣ́лать? лю́ди не хотя́тъ терпѣ́ть го́лода". Тогда́ стари́къ сказа́лъ имъ: „Послу́шайте жъ меня́, не сдава́йтесь ещё денька́ три и сдѣ́лайте такъ, какъ я вамъ скажу́". Когда́ тѣ обѣща́ли слу́шаться его́, стари́къ продолжа́лъ: „Сбери́те хоть по го́рсти овса́ или́ о́трубей". Старши́ны испо́лнили его́ во́лю. Тогда́ онъ велѣ́лъ же́нщинамъ сдѣ́лать раство́ръ, на чёмъ кисе́ль ва́рятъ; велѣ́лъ та́кже вы́копать копо́децъ, вста́вить въ него́ ка́дку и нали́ть её раство́ромъ; велѣ́лъ вы́копать и друго́й коло́децъ и въ него́ вста́вить ка́дку. Пото́мъ велѣ́лъ искать гдѣ-нибу́дь мёду; ему́ принесли́ его́ цѣ́лое луко́шко[2], спря́тано оно́ было въ кня́жескомъ по́гребѣ. Стари́къ приказа́лъ сдѣ́лать изъ него́ сыту́[3] пресла́дкую и вы́лить въ ка́дку, кото́рая стояла въ друго́мъ коло́дцѣ. На дру́го́й день онъ велѣ́лъ посла́ть за печенѣгами; гра́ждане пошли́ и сказа́ли имъ: „Возьми́те у насъ зало́жниковъ, а са́ми пойди́те, челове́къ съ де́сять, въ го́родъ и посмотри́те, что у насъ дѣ́лается". Печенѣги обра́довались, ду́мая, что хотя́тъ имъ сда́ться: взя́ли зало́жниковъ, а са́ми вы́брали лу́чшихъ мужёй и посла́ли въ го́родъ провѣ́дать, что тамъ тако́е дѣ́лается. Когда́ печенѣги пришли́ въ го́родъ, то жи́тели сказа́ли имъ: „Зачѣ́мъ вы себя́ гу́бите? хоть де́сять лѣтъ сто́йте подъ на́шимъ го́родомъ, ничего́ намъ не сдѣ́лаете: у насъ сама́ земля́ даётъ кормъ; е́сли жъ не вѣ́рите, посмотри́те своими глаза́ми". Сказа́въ э́то, привели́ ихъ къ коло́дцу, гдѣ былъ раство́ръ, почерпну́ли изъ него́ ведро́мъ и нали́ли въ котлы; когда́ свари́ли кисе́ль, то да́ли печенѣгамъ, и привели́ къ друго́му коло́дцу и почерпну́ли сыты, на́чали ѣсть, сперва́ са́ми, а пото́мъ да́ли печенѣгамъ. Тѣ удиви́лись и сказа́ли: „Ни за что не повѣ́рятъ на́ши кня́зья, е́сли са́ми не отвѣ́даютъ". Тогда́ гра́ждане нали́ли горшо́къ раство́ра и сыты изъ коло́дца и да́ли печенѣгамъ. Тѣ пошли́ къ свои́мъ и разсказа́ли имъ всё, что съ ни́ми случи́лось. Князья́ печенѣжскіе свари́ли себѣ́ кисе́ль, поѣ́ли, подиви́лись, пото́мъ собрали́сь и пошли́ прочь отъ го́рода.

---

[1]Невдалекѣ́ отъ Кіева, на за́падъ. [2]Ко́робъ, ку́зовъ. [3]Раство́ръ мёда въ водѣ́.

Въ 1014 году́ сынъ Влади́мира, Ярослáвъ, кото́рый кня́жилъ въ Но́вгородѣ и дава́лъ ка́ждый годъ въ Кіевѣ по двѣ ты́сячи гри́венъ, а ты́сячу раздава́лъ въ са́момъ Но́вгородѣ дружи́нѣ, что дѣ́лали и всѣ пре́жніе поса́дники новгоро́дскіе, въ э́тотъ годъ вдругъ не захотѣ́лъ дава́ть да́ни отцу своему́. Влади́миръ сказа́лъ: „Поправля́йте доро́ги и мости́те мосты́“, потому́ что хотѣ́лъ итти́ на Ярослáва войно́ю, да вдругъ разболѣ́лся. Ме́жду тѣмъ прослы́шали, что печенѣ́ги иду́ть па Русь. Влади́миръ вы́слалъ про́тивъ нихъ сы́на своего́ Бори́са, а самъ си́льно разболѣ́лся; въ э́той болѣ́зни и у́меръ.

16. **Убі́йство Бори́са.** По сме́рти Влади́мира, въ Кіевѣ сѣ́лъ ста́ршій сынъ его́, Святопо́лкъ. Онъ созва́лъ кіевля́нъ и на́чалъ дава́ть имъ пода́рки; кіевля́не бра́ли, но се́рдце ихъ не лежа́ло къ Святопо́лку, потому́ что бра́тья ихъ бы́ли съ Бори́сомъ. Бори́съ уже́ возврати́лся съ во́йскомъ наза́дъ, не пашедъ печенѣ́говъ, какъ вдругъ пришла́ къ нему́ вѣсть: „Оте́цъ у тебя́ у́меръ“. Бори́съ го́рько пла́калъ, потому́ что онъ былъ у Влади́мира сынъ люби́мый. Отцо́вская дружи́на сказа́ла ему́: „Вотъ у тебя́ отцо́вская дружи́на и во́йско; пойди́, сядь въ Кіевѣ на отцо́вскомъ столѣ́“. Бори́съ отвѣча́лъ: „Не подниму́ руки на бра́та ста́ршаго; е́сли оте́цъ у меня́ у́меръ, то пусть Святопо́лкъ бу́детъ мнѣ вмѣ́сто отца́“. Услыха́въ тако́й отвѣ́ть, во́ины разошли́сь отъ Бори́са, кото́рый оста́лся на рѣкѣ́ Альтѣ́[1] съ одни́ми своими о́троками[2]. Ме́жду тѣмъ Святопо́лкъ заду́малъ беззако́нное дѣ́ло и посла́лъ сказа́ть Бори́су: „Хочу́ съ тобо́ю любо́вь имѣ́ть[3] и прида́мъ тебѣ́ ещё къ той во́лости[4], кото́рую получи́лъ ты отъ отца́“. Но всё э́то была́ лесть: онъ хотѣ́лъ погуби́ть его́. Но́чью пришёлъ Святопо́лкъ въ Вы́шгородъ, та́йно призва́лъ городски́хъ старши́нъ и сказа́лъ имъ: „Пре́даны ли вы мнѣ всѣмъ се́рдцемъ?“ Вышегоро́дцы отвѣча́ли: „Го́ловы свои́ за тебя́ сло́жимъ“. Тогда́ онъ сказа́лъ имъ: „Не говоря́ никому́ ни сло́ва, ступа́йте и убе́йте бра́та моего́ Бори́са“; тѣ обѣща́ли неме́дленно испо́лнить его́ во́лю. Но́чью пришли́ они́ къ рѣкѣ́ Альтѣ́, и когда́ подступи́ли побли́же, то услыха́ли, что Бори́съ пѣ́тъ зау́треню: къ нему́ уже́ пришла́ вѣсть, что сбира́ются погуби́ть его́. Помоли́вшись, онъ лёгъ на посте́ль, и вотъ уби́йцы, какъ ди́кіе зве́ри, напа́ли на шате́ръ, просу́нули въ него́ ко́пья и проколо́ли Бори́са.

17. **Побѣ́да Ярослáва надъ Святопо́лкомъ.** Ярослáвъ получи́лъ вѣсть изъ Кіева отъ сестры́ Предслáвы, кото́рая писа́ла: „Оте́цъ твой у́меръ, а Святопо́лкъ сиди́тъ въ Кіевѣ, уби́лъ Бори́са, а на Гльбa

[1]Притóкъ Трубежá. [2]Стр., слу́гами. [3]Быть въ дру́жбѣ, въ до́брыхъ отношéніяхъ съ тобóю [4]Стр., óбласти.

послáлъ: берегúсь егó“. Тогдá Ярослáвъ собрáлъ вóйско и пошёлъ на Святополка, призвáвъ Бóга въ свидѣтели своéй прáвды; онъ говорúлъ: „Не я нáчалъ избивáть брáтьевъ, но онъ; пусть бýдетъ Богъ мстúтелемъ за кровь брáтьевъ моúхъ, потомý что Святополкъ безъ винú пролúлъ кровь прáведнаго Борúса. Что жъ, онъ, пожáлуй, и со мной то же сдѣлаетъ?“ Святополкъ, узнáвъ, что Ярослáвъ идётъ на негó, пристрóилъ мнóжество вóйска, рýси и печенѣговъ, и вышелъ къ Любечу. Оба брáта стáли, одúнъ по сю, другóй по ту стóрону Днѣпрá; но ни тотъ ни другóй не смѣли начáть бúтвы и такъ стоя́ли три мѣсяца другъ прóтивъ дрýга. Тогдá Святополковъ воевóда, ѣздя вóзлѣ бéрега, нáчалъ укоря́ть новгорóдцевъ; онъ кричáлъ имъ: „Что вы пришли́ съ вáшимъ хромы́мъ кня́земъ? ахъ, вы, плóтники! вотъ мы застáвимъ васъ стрóить хорóмы!“ Услыхáвъ такýю брань, новгорóдцы сказáли Ярославу: „Зáвтра перевезёмся на ту стóрону; éсли же кто не пойдётъ съ нáми, того́ сáми убьёмъ“. Въ э́то врéмя ужé настáли морóзы; Святополкъ стоя́лъ мéжду двумя́ озёрами и всю нóчь пилъ съ дружúною; а Ярослáвъ рáно ýтромъ, остáвивъ свою́ дружúну, на разсвѣтѣ перевёзся на другýю стóрону рѣки́. Когдá новгорóдцы вы́шли на бéрегъ, то оттолкнýли лóдки и удáрили на врагóвъ. Сѣча былá злáя; печенѣгамъ нельзя́ бы́ло о́зеромъ помóчь Святополку, и новгорóдцы притúснули непрія́телей къ о́зеру; тѣ сошли́ на лёдъ, лёдъ подъ нúми подломúлся и Ярослáвъ нáчалъ одолѣвáть. Тогдá Святополкъ побѣжáлъ въ Пóльшу, а Ярослáвъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцóвскомъ и дѣдовскомъ.

Ярослáвъ счáстливо княжилъ въ Кіевѣ, и Русь при нёмъ благоде́нствовала. Онъ мáло вёлъ вóйнъ и всё своё вниманіе обратúлъ на управле́ніе государствомъ. Онъ забóтился о распростране́нiи христiáнства мéжду всѣми племенáми, входúвшими въ состáвъ Русú, стрóилъ це́ркви и заводúлъ шкóлы; емý же приписываютъ собráніе закóновъ, извѣстное подъ именéмъ „Рýсской прáвды“.

18. Смерть Ярослáва. Въ 1054 годý ýмеръ велúкій князь рýсскій, Ярослáвъ. Ещё́ при жúзни онъ урядúлъ сыновéй своúхъ[1], сказáвъ имъ: „Вотъ я отхожý изъ э́того свѣта, дѣти мои́; любúте другъ дрýга, потомý что вы дѣти одного́ отцá и мáтери. Если бýдете жить въ любвú другъ съ дрýгомъ, то Богъ бýдетъ средú васъ, покорúтъ вамъ всѣхъ врагóвъ, и бýдете жить мúрно; éсли же стáнете ненавúдѣть другъ дрýга, жить въ рáспряхъ и ссóрахъ, то погúбнете и сáми и погýбите зéмлю отцóвъ своúхъ и дѣдовъ, котóрую онú достáли себѣ́ трудóмъ велúкимъ. Но живúте мúрно, слýшаясь братъ брáта. Вмѣсто себя́ поручáю Кіевъ стáршему сы́ну своемý и брáту вáшему, Изяслáву; слýшайтесь егó, какъ меня́ слýшались: онъ бýдетъ вамъ вмѣсто меня́, а Святослáву даю́ Черни́говъ, Всéволоду Переяслáвль и

[1]Распорядúлся относúтельно своúхъ сыновéй.

Вячеслáву Смолéнскъ". Такъ подѣли́лъ онъ мéжду ни́ми городá, заказáвъ имъ не вступáть въ брáтнія óбласти и не выгонять другъ дрýга, а Изяслáву сказалъ: „Если кто вздýмаетъ обижáть брáта своегó, то ты помогáй обúженному". Ярослáвъ ýмеръ въ Вышгородѣ; при нёмъ былъ тогдá трéтій сынъ егó, Всéволодъ, котóраго онъ любúлъ бóльше всѣхъ и держáлъ всегдá при себѣ. Всéволодъ положúлъ тѣло отцá своегó въ сáни[1] и повёзъ въ Кіевъ; въ дорóгѣ священéники пѣли обычныя пѣсни, и народъ провожáлъ съ плáчемъ; привéзши въ Кіевъ, положúли егó въ мрáморномъ гробѣ, въ цéркви св. Софіи, и плáкали по нёмъ Всéволодъ и всѣ лю́ди.

По́слѣ Изяслáва княжили егó брáтья: Святослáвъ и Всéволодъ, а по́слѣ нихъ сынъ Изяслáва Святопóлкъ.

19. Владúміръ Мономáхъ. Въ 1113 годý ýмеръ велúкій князь Святопóлкъ, княги́ня егó раздáла монастырáмъ, священникамъ и нúщимъ большóе богáтство, на дúво всѣмъ: ещё никтó не раздавáлъ такóй мúлостыни. На другóй день кіевля́не собрали́сь на вѣче[2] и послáли сказáть Владúміру: „Ступáй, князь, на столъ отцóвскій и дѣдовскій". Услыхáвъ о смéрти Святопóлка, Владúміръ гóрько заплáкалъ и не пошёлъ въ Кіевъ, жалѣя о смéрти брáта. Тогдá кіевля́не разграбили дворъ тысяцкаго[3] Путя́ты; потóмъ пошли́ на жидóвъ и ихъ погрáбили и послáли опя́ть къ Владúміру сказáть емý: „Ступáй, князь, въ Кіевъ; éсли же не пойдёшь, то знай, что мнóго зла бýдетъ: разграбя́тъ не одúнъ Путя́тинъ дворъ, сóтскихъ и жидóвъ, достáнется и вдовѣ покóйнаго кня́зя, боя́рамъ и монастырáмъ, и ты, князь, дашь отвѣ́тъ, éсли монастыри́ погрáбятъ". Услыхáвъ э́то, Владúміръ пошёлъ въ Кіевъ; митрополúтъ Никúфоръ, епúскопы и всѣ кіевля́не встрѣтили егó съ велúкою чéстью; Мономáхъ сѣлъ на столѣ отцá своегó и дѣдовъ свои́хъ, и всѣ лю́ди бы́ли рáды, и мятéжъ утúхъ. Въ 1126 годý престáвился[4] благовѣрный, христолюбúвый и велúкій князь всея́ Русú Владúміръ Мономáхъ, братолю́бецъ, нищелю́бецъ и дóбрый страдáлецъ за Рýсскую зéмлю; онъ просвѣтúлъ её, подóбно сóлнцу, испускáющему лучú свой; слáва егó пронеслáсь по всѣмъ странáмъ, осóбенно былъ онъ страшенъ пóловцамъ. Тѣло егó положúли у св. Софіи, пóдлѣ отцá, Всéволода; святи́тели[5] плáкали по святóмъ и дóбромъ кня́зѣ, плáкалъ весь народъ, и вѣ лю́ди, какъ дѣти по отцѣ или мáтери.

Такъ какъ кáждый князь, умирáя, дѣлúлъ своё княжество мéжду сыновья́ми, то мáло-по-мáлу Русь раздѣли́лась на мнóжество мéлкихъ княжествъ. Князья́ безпрестáнно сóрились мéжду собóю, велú междоусóбныя вóйны и не слýшались велúкаго кня́зя кіевскаго. Сосѣди

[1] Тѣлá покóйниковъ въ дрéвней Русú обыкновéнно перевозúли на санях. [2] Вѣче—нарóдное собрáніе, на котóромъ рѣшáлись общéственныя дѣлá. [3] Тысяцкій, сóб., начáльникъ тысячи; воéнный чинъ въ дрéвней Русú. [4] Стр., ýмеръ. [5] Высшія духóвныя лúца.

ру́сскихъ, по́ловцы, по́льзовались сму́тами въ Ру́сской землѣ, совершали́ на неё набѣ́ги, гра́били её и уводи́ли люде́й въ плѣнъ. Князья́ предпринима́ли нерѣдко похо́ды въ Полове́цкую зе́млю; но такъ какъ они́ соверша́ли э́ти похо́ды поодино́чкѣ, не соедини́вшись съ други́ми, то по́ловцы, какъ бо́лѣе си́льные чи́сленностью, побѣжда́ли ихъ. Оди́нъ изъ таки́хъ похо́довъ былъ предпри́нятъ въ 1185 году́ кня́земъ сѣ́верскимъ Игоремъ.

20. Похо́дъ Игоря на по́ловцевъ. Въ 1185 году́ Игорь Святосла́вичъ сѣ́верскій, внукъ Оле́говъ, поѣ́халъ изъ Но́вгорода[1], взя́вши съ собо́ю бра́та Все́волода изъ Трубче́вска[2], племя́нника Святосла́ва Ольговича изъ Ры́льска[3], сы́на Влади́мира изъ Пути́вля[4]; шли они́ ти́хо, собира́я дружи́ну, и когда́ подходи́ли ве́черомъ къ рѣкѣ́ Донцу́[5], то Игорь, взгляну́вши на не́бо, увида́лъ, что со́лнце стои́тъ, то́чно мѣ́сяцъ; онъ сказа́лъ боя́рамъ свои́мъ и дружи́нѣ: „Смотри́те, что э́то за зна́меніе!“ Они́ всѣ́ посмотрѣ́ли, опусти́ли го́ловы и сказа́ли: „Князь, не къ добру́ э́то!“ Игорь отвѣ́ти́лъ: „Бра́тья и дружи́на! тайнъ Бо́жіихъ никто́ не зна́етъ, а зна́менію творе́цъ Богъ и всему́ ми́ру своему́; уви́димъ, что намъ дастъ Богъ, на добро́ ли или́ на зло на́ше“. Сказа́вши э́то, онъ перепра́вился че́резъ Доне́цъ и два дня ждалъ въ Оско́лѣ[6] бра́та своего́ Все́волода, кото́рый шёлъ ины́мъ пути́мъ изъ Ку́рска[7]. Отъ Оско́ла пошли́ да́льше и на доро́гѣ встрѣ́тили стороже́й, по́сланныхъ лови́ть языка́[8]. Сторожа́ сказа́ли: „Ступа́йте скорѣ́й или́ возврати́тесь домо́й, потому́ что тепе́рь не на́ше вре́мя“. Игорь сказа́лъ на э́то: „Если намъ возврати́ться, не би́вшись, то сра́мъ[9] намъ бу́детъ ху́же сме́рти; пое́демъ на во́лю Бо́жію“. Согласи́вшись на э́томъ, пусти́лись во всю ночь и у́тромъ на друго́й день встрѣ́тили полки́ полове́цкіе. Князья́ наряди́ли шесть полко́въ, а наперед и поста́вили стрѣлко́въ. Игорь сказа́лъ бра́тіи: „Бра́тья! мы иска́ли э́того; ста́немъ же крѣ́пко“. По́ловцы обрати́лись въ бѣ́гство, ру́сскіе захвати́ли ихъ вѣ́жи[10] и взя́ли много въ поло́нъ[11].

21. Пораже́ніе ру́сскихъ и плѣнъ Игоря. На друго́й день, въ суббо́ту, на́чали выступа́ть полки́ полове́цкіе. Изуми́лись ру́сскіе князья́, отку́да ихъ взя́лось тако́е мно́жество. Согласи́лись сойти́ съ коне́й и пѣ́шимъ проби́ться къ рѣкѣ́ Донцу́. Князья́ говори́ли: „Если пое́демъ, убѣжи́мъ са́ми, а чёрныхъ люде́й[12] оста́вимъ, бу́детъ на насъ

---

[1]Разумѣ́ется Но́вгородъ-Сѣ́верскій на р. Десне́, притокѣ́ Днѣпра́. [2]Го́родъ на р. Десне́. [3]Го́родъ на р. Сеймѣ́, притокѣ́ р. Десны́. [4]Го́родъ на то́й же рѣкѣ́. [5]Притокъ До́на съ пра́вой стороны́. [6]Го́родъ на рѣкѣ́ того́ же и́мени, впада́ющей въ р. Доне́цъ, ны́нѣ—Ста́рый Оско́лъ. [7]Го́родъ, ны́нѣ губе́рнскій, на р. Сеймѣ́. [8]Полове́цкаго плѣ́нника, кото́рый разсказа́лъ бы, гдѣ́ нахо́дится полове́цкое во́йско, и указа́лъ бы доро́гу. [9]Стыдъ. [10]Вѣ́жа, стр., шатёръ, жильё кочёвника. [11]Нар., въ плѣнъ. [12]Просты́хъ во́иновъ.

грѣхъ, что ихъ выдадимъ; но или умрёмъ, или живы бу́демъ всѣ вмѣстѣ". Ита́къ, всѣ сошли́ съ коне́й и на́чали пробива́ться; Игоря ра́нили въ ру́ку, и была́ больша́я печа́ль въ полку́ его́. Би́лись кре́пко до са́маго ве́чера; мно́го бы́ло ра́неныхъ и мёртвыхъ въ полка́хъ ру́сскихъ: би́лись пото́мъ всю ночь; на разсвѣтѣ въ воскресе́нье возмути́лись коуи[1] и побѣжали. Игорь сидѣлъ въ то вре́мя на конѣ, потому́ что былъ ра́ненъ; ви́дя бѣгство коуевъ, онъ поскака́лъ къ нимъ, чтобы́ возврати́ть, и отъѣхалъ далеко́ отъ свои́хъ; поня́въ опа́сность, онъ снялъ шлемъ и погна́лъ опя́ть къ полка́мъ, чтобы́ узна́ли князя и возврати́лись; но никто́ не возврати́лся, и онъ попа́лся въ плѣнъ. Бу́дучи схва́ченъ и увида́въ, что братъ его́ Всеволодъ кре́пко бо́рется, Игорь проси́лъ у Бо́га сме́рти, лишь бы то́лько не вида́ть паде́нія бра́та своего́. Изъ тако́го мно́жества ру́сскихъ ра́тниковъ ма́ло кто спа́сся; нельзя́ бы́ло убѣжа́ть, потому́ что, какъ стѣна́ми си́льными, огоро́жены бы́ли полка́ми полове́цкими; ушло́ то́лько челове́къ пятна́дцать ру́сскихъ, а коуевъ ещё ме́ньше, про́чіе же потону́ли въ мо́рѣ.

22. Бѣгство Игоря. Игорь Святосла́вичъ годъ жилъ плѣнникомъ въ земли́ полове́цкой. По́ловцы какъ бу́дто стыди́лись его́ знамени́тости и ничѣмъ его́ не оскорбля́ли; приста́вили къ нему́ 20 стороже́й, но дава́ли ему́ во́лю: гдѣ хотѣлъ, ѣздилъ съ я́стребомъ на охо́ту, и со́бственныхъ слугъ его́ ѣздило съ нимъ челове́къ пять или́ шесть. Сторожа́ слу́шались его́ и почита́ли и, куда́ быва́ло пошлётъ кого́, исполня́ли приказа́ніе безпрекосло́вно. Игорь призва́лъ къ себѣ и свяще́нника изъ Руси: онъ не вѣдалъ Бо́жія про́мысла, ду́малъ, что до́лго ещё пробу́детъ въ плѣну́. Ме́жду по́ловцами нашёлся челове́къ, и́менемъ Лаво́ръ, кото́рый сталъ говори́ть Игорю: „Пойду́ съ тобо́ю въ Русь". Игорь говори́лъ: „Я для сла́вы[2] не бѣжа́лъ тогда́ отъ своей дружи́ны, и тепе́рь не пойду́ безсла́внымъ путёмъ". Съ Игоремъ жилъ въ плѣну́ сынъ ты́сяцкаго да конюшій[3] его́; тѣ та́кже понужда́ли его́ бѣжа́ть, говоря́: „Ступа́й, князь, въ Ру́сскую зе́млю, е́сли Бо́гу бу́детъ уго́дно изба́вить тебя́", но онъ ника́къ не могъ улучи́ть удо́бнаго вре́мени для бѣгства. Нельзя́ бы́ло ему́ убѣжа́ть ни днёмъ ни но́чью, потому́ что сторожа́ стерегли́ его́; выискалъ онъ то́лько вре́мя въ захо́дъ со́лнечный. Онъ посовѣтовался съ Лаво́ромъ и посла́лъ сказа́ть ему́ че́резъ конюшаго: „Переѣзжа́й на ту сто́рону То́ра[4] съ конёмъ". Къ ве́черу по́ловцы напи́лись кумы́са; пришёлъ конюшій и сказа́лъ Игорю, что Лаво́ръ ждётъ его́. Игорь всталъ съ у́жасомъ и тре́петомъ, поклони́лся о́бразу Бо́жію и

[1]Такъ называ́лись во́ины изъ печенѣговъ и други́хъ степны́хъ наро́дцевъ, служи́вшіе въ ру́сскомъ во́йскѣ за пла́ту. [2]Ра́ди сла́вы, жела́я сла́вы, чтобы́ не испыта́ть позо́ра. [3]Ко́нюхъ; слуга́ для присмо́тра за лошадьми́. [4]Притокъ Донца́.

кресту́ честно́му, надѣлъ на себя́ крестъ, ико́ну, подня́лъ стѣну́ и вы́лѣзъ вонъ; прише́дши къ рѣкѣ́, онъ перешёлъ её въ бродъ, сѣлъ на коня́ и прое́халъ сквозь вѣжи. Пото́мъ шёлъ пѣшко́мъ оди́ннадцать дней до го́рода Донца́, отту́да же отпра́вился въ свой Но́вгородъ.

23. **Наше́ствіе тата́ръ на по́ловцевъ.** Въ 1224 году́ яви́лся наро́дъ незна́емый; пришла́ неслы́ханная рать[1], безбо́жные тата́ры, о которыхъ никто́ хорошо́ не зна́етъ, кто они́ и отку́да пришли́, и что у нихъ за язы́къ, и како́го они́ пле́мени, и кака́я у нихъ вѣ́ра. Плѣни́вши мно́гія стра́ны, пришли́ они́ въ зе́млю Полове́цкую. По́ловцы не могли́ проти́виться имъ и побѣжа́ли къ Днѣпру́. Ханъ ихъ пришёлъ съ покло́помъ ко всѣмъ князья́мъ ру́сскимъ, поднёсъ имъ бога́тые дари́: коне́й, верблю́довъ, бу́йволовъ и нево́льницъ, и сказа́лъ: „Тата́ры отня́ли на́шу зе́млю ны́нче, а за́втра ва́шу возьму́ть; такъ защити́те насъ; е́сли же не помо́жете намъ, то мы ны́нче изсѣ́чены бу́демъ, а вы бу́дете за́втра изсѣ́чены“. Князья́ ду́мали, ду́мали и, наконе́цъ, рѣши́лись помога́ть ха́ну. Сове́тъ у нихъ былъ въ го́родѣ Кіевѣ, гдѣ говори́ли такъ: „Лу́чше намъ приня́ть тата́ръ на чужо́й землѣ́, чѣмъ на своей“, и на́чали стро́ить во́йско, ка́ждый свой полкъ́. Совокупи́въ всю зе́млю Ру́сскую про́тивъ тата́ръ, князья́ пришли́ къ рѣкѣ́ Днѣпру́. Тутъ тата́ры присла́ли къ нимъ послО́въ съ таки́ми словами́: „Слы́шимъ, что вы идёте про́тивъ насъ, послу́шавшись по́ловцевъ; а мы ва́шей земли́ не занимали, ни городо́въ ни сёлъ ва́шихъ, и на васъ не приходи́ли; пришли́ мы, попуще́ніемъ Бо́жіимъ, на холо́повъ свои́хъ и ко́нюховъ, на пога́ныхъ по́ловцевъ; возьми́те съ на́ми миръ, а намъ съ ва́ми ра́ти[2] нѣтъ; е́сли побѣгу́тъ къ вамъ по́ловцы, то вы бе́йте ихъ отту́да, а имѣ́нье ихъ бери́те себѣ́, потому́ что, какъ слы́шно, они́ и вамъ мно́го зла дѣ́лаютъ, отто́го и мы ихъ бьёмъ отсю́да“. Князья́ ру́сскіе не послу́шались послО́въ, но переби́ли ихъ и пошли́ про́тивъ тата́ръ. Тутъ присла́ли тата́ры вторы́хъ послО́въ съ таки́ми слова́ми: „Если вы послу́шали по́ловцевъ, послО́въ на́шихъ изби́ли и идёте про́тивъ насъ, то ступа́йте; а мы васъ не тро́гаемъ, Богъ насъ всѣхъ разсу́дитъ“. На э́тотъ разъ послО́въ ихъ отпусти́ли. Тутъ пришла́ вся земля́ Полове́цкая со всѣми князья́ми, а́ изъ Кіева пришёлъ князь Мстисла́въ со всей си́лою, изъ Га́лича[3] другой Мстисла́въ, изъ Черни́гова Влади́миръ Рю́риковичъ. Мстисла́въ Га́лицкій съ 1000 человѣ́къ перешёлъ Днѣпръ, уда́рилъ на сторожей тата́рскихъ и побѣди́лъ ихъ.

24. **Пораже́ніе ру́сскихъ на рѣкѣ́ Ка́лкѣ[4].** Услыха́въ о побѣ́дѣ, всѣ лю́ди и князья́ перешли́ Днѣпръ и пое́хали на коня́хъ въ сте́пи полове́цкія, гдѣ встрѣ́тили отря́дъ тата́ръ: ру́сскіе стрѣльцы́ побѣди́ли

[1]Во́йско. [2]Войны. [3]Го́родъ на Днѣстрѣ́, столи́ца Га́лицкаго кня́жества. [4]Впад. въ Азо́вское мо́ре.

ихъ и гна́ли далеко́ въ степь, взя́ли весь ихъ скотъ и пригна́ли къ свои́мъ полка́мъ. Отту́да шли во́семь дней до рѣки́ Ка́лки, гдѣ встрѣ́тили гла́вную си́лу тата́рскую. Князь Мстисла́въ Мстисла́вичъ Га́лицкій велѣ́лъ Даніи́лу Рома́новичу[1] перейти́ рѣку́ Ка́лку съ полка́ми и самъ перешёлъ за ни́ми. Би́тва начала́сь. Даніи́лъ вы́ѣхалъ наперёдъ и получи́лъ ра́ну въ грудь, но по мо́лодости не почу́ялъ ра́ны: ему́ бы́ло тогда́ 18 лѣтъ. Князь Мстисла́въ, ви́дя, что Даніи́лъ ра́ненъ, бро́сился въ би́тву. Тата́ры уже́ бѣжа́ли, Даніи́лъ вы́билъ ихъ со свои́мъ полко́мъ. Оле́гъ Ку́рскій крѣ́пко би́лся, какъ вдругъ по́ловцы набѣжа́ли и потопта́ли ста́ны князе́й ру́сскихъ, а князья́ не успѣли ополчи́ться[2]; тогда́ всѣ полки́ ру́сскіе смя́лись, наста́ла сѣ́ча лю́тая, и ру́сскіе полки́ бы́ли побѣждены́. Даніи́лъ, ви́дя, что тата́ры побѣжда́ютъ, обрати́лъ коня́ и бѣжа́лъ отъ на́тиска вра́жьяго. Жа́жда му́чила его́, онъ испи́лъ воды́ и тутъ то́лько почу́ялъ ра́ну на тѣлѣ своёмъ, а въ би́твѣ не чу́вствовалъ ея́ по причи́нѣ крѣ́пости и му́жества, потому́ что былъ смѣлъ и храбръ, отъ головы́ до ногъ не́ было на нёмъ поро́ка. И была́ побѣ́да на всѣхъ князе́й ру́сскихъ, како́й никогда́ не быва́ло отъ нача́ла Ру́сской земли́. Тата́ры, взя́вши князе́й, раздави́ли ихъ, подложи́вши подъ до́ски, све́рху кото́рыхъ са́ми сѣ́ли обѣ́дать, дру́гихъ князе́й гна́ли до Днѣпра́ и шестеры́хъ уби́ли; уби́тъ былъ и Алекса́ндръ Попо́вичъ съ семи́десятью други́ми богатыря́ми; изъ остально́го во́йска ра́звѣ деся́тый возврати́лся домо́й.

II. Общедосту́пныя чте́нія по ру́сской исто́ріи.

1. **Ра́спри въ семьѣ́ Алексѣ́я Миха́йловича** (1645—1676). Дѣ́ти царя́ Алексѣ́я Миха́йловича бы́ли отъ ра́зныхъ матере́й. Дѣ́ти отъ пе́рвой жены́, Милосла́вской, не люби́ли ма́чехи, Ната́льи Кири́лловны, не люби́ли всей ея́ родни́, Нары́шкиныхъ. Но, кро́мѣ Нары́шкиныхъ, отца́ и бра́тьевъ цари́цы, бли́зкимъ къ ней человѣ́комъ былъ боя́ринъ Артамо́нъ Сергѣ́евичъ Матвѣ́евъ. Когда́ у́меръ царь Алексѣ́й Миха́йловичъ и взошёлъ на престо́лъ царь Ѳео́доръ Алексѣ́евичъ, то Матвѣ́еву не́чего бы́ло ждать добра́, его́ то́тчасъ же сосла́ли безъ суда́, подъ са́мыми нелѣ́пыми предло́гами. Цари́ца Ната́лья съ ма́ленькими дѣтьми́ должна́ была́ жить въ удале́ніи отъ двора́. Въ апрѣ́лѣ 1682 го́да сконча́лся царь Ѳео́доръ Алексѣ́евичъ бездѣ́тнымъ. Слѣ́дующій за нимъ братъ, ца́ревичъ Іоа́ннъ Алексѣ́евичъ, былъ не то́лько слабъ здоро́вьемъ, но и у́мственно неспособе́нъ къ правле́нію. Поэ́тому патріа́рхъ Іоаки́мъ и вельмо́жи провозгласи́ли царёмъ десятилѣ́тняго Петра́ Алексѣ́евича, крѣ́пкаго тѣ́ломъ и пока́зывающаго больши́я спосо́бности. Тепе́рь сынъ ма́чехи провозглашёнъ царёмъ

[1]Ро́дственникъ Мстисла́ва, впослѣ́дствіи князь Га́лицкій. [2]Привести́ во́йско въ боево́й поря́докъ

за малолѣтствомъ его́ ма́чеха бу́детъ прави́тельницею; за Матвѣевымъ уже́ посла́ли возврати́ть его́ изъ ссы́лки въ Москву́. Царе́внамъ, ихъ родне́ и приве́рженцамъ не́чего бы́ло ждать добра́. Тогда́ царе́вна Со́фія ста́ла приду́мывать, какъ бы избы́ть бѣды́, попра́вить своё дѣло, и приду́мала. Братъ ихъ отъ одно́й ма́тери, царе́вичъ Іоа́ннъ, былъ обойдёнъ, несмотря́ на то, что былъ ста́ршій: такъ на́добно сдѣлать, чтобъ его́ возвести́ на престо́лъ, хотя́ бы вмѣстѣ съ Петро́мъ, кото́раго уже́ све́ргнуть нельзя́, потому́ что ему́ присягну́ла вся Россія. Вмѣсто него́ бу́детъ управля́ть царевна Со́фья, а ма́чеху, царицу Ната́лью, нужно удали́ть отъ правле́нія, та́кже ея́ родны́хъ, Нары́шкиныхъ, а гла́вное, у́мнаго Матвѣева. Къ несча́стію, Со́фья и ея́ приве́рженцы могли́ испо́лнить свой планъ: въ э́то са́мое вре́мя волнова́лись стрѣльцы́.

2. **Стрѣле́цкій бунтъ.** По́льзуясь сла́бостью но́ваго прави́тельства при царѣ малолѣтнемъ, стрѣльцы́ позволя́ли себѣ́ волне́нія, своево́льства. Они́ зна́ли, что э́ти своево́льства не оста́нутся безнака́занными, какъ ско́ро прави́тельство укрѣпи́тся, какъ ско́ро пріѣдетъ изъ ссы́лки боя́ринъ Матвѣевъ, кото́рый свои́мъ умо́мъ и о́пытностью бу́детъ помога́ть цари́цѣ Ната́льѣ въ правле́ніи. И вотъ, въ то́ са́мое вре́мя, когда́ стрѣльцы́ боя́лись наказа́нія за своё бу́йство, изъ дворца́ имъ даю́тъ знать, что они́ мо́гутъ не то́лько избѣжа́ть наказа́нія, но ещё получи́ть больши́я награ́ды, потому́ что мо́гутъ оказа́ть ца́рскому семе́йству ва́жную услу́гу. Боя́ре и ро́дственники цари́цы Ната́льи, Нары́шкины, незако́нно удали́ли отъ престо́ла ста́ршаго царе́вича Іоа́нна Алексѣевича и сдѣлали царе́мъ мла́дшаго, Петра́, да ма́ло того́, что отня́ли у царе́вича Іоа́нна престо́лъ, умышля́ютъ отня́ть у него́ и жизнь, е́сли стрѣльцы́ не вступя́тся и не истребя́тъ измѣнниковъ боя́ръ, начиная съ Матвѣева и Нары́шкиныхъ. Когда́ стрѣльцы́ бы́ли таки́мъ о́бразомъ пригото́влены, 15 ма́я 1682 г. лю́ди, подо́сланные царе́вною Со́фьею, проскака́ли по стрѣле́цкимъ полка́мъ съ вѣстью, что Нары́шкины задуши́ли царе́вича Іоа́нна. Стрѣльцы́ взволнова́лись, уда́рили въ набо́тъ, заби́ли въ бараба́ны и двину́лись въ Кремль, крича́, что иду́тъ выводи́ть измѣнниковъ и губи́телей ца́рскаго до́ма. Несмотря́ на то, что имъ показа́ли царе́вича Іоа́нна живо́го и невреди́маго, они́ умертви́ли звѣ́рскимъ о́бразомъ Матвѣева, незадо́лго предъ тѣмъ пріѣхавшаго въ Москву́, Нары́шкиныхъ и други́хъ ука́занныхъ имъ боя́ръ и не пре́жде успоко́ились, какъ вы́требовали, чтобы́ царе́вичъ Іоа́ннъ былъ царёмъ вмѣстѣ съ Петро́мъ и чтобъ за мо́лодостью бра́тьевъ прави́тельницею была́ царе́вна Со́фья Алексѣевна.

3. **Дѣтство Петра́ I.** Со́фья и всѣ ея́ приве́рженцы со стра́хомъ смотрѣли на молодо́го Петра, слѣди́ли внима́тельно, какъ онъ ведётъ себя́, что дѣлаетъ. Пётръ оста́лся по́слѣ отца́ ме́нѣе четырёхъ

лѣтъ, и ни при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, ни въ правленіе царевны Софьи о воспитаніи Петра не заботились, хорошаго, ученаго наставника ему не пріискивали, а у царицы Натальи, въ ея печальномъ положеніи, не было для этого никакихъ средствъ. Петра выучили читать и писать по-русски и этимъ покончили. А между тѣмъ ребёнокъ былъ одаренъ способностями необыкновенными и необыкновенною страстью къ познаніямъ. Ни одинъ предметъ не ускользалъ отъ его вниманія, онъ хотѣлъ непремѣнно узнать, и узнать точно и подробно, что это, для чего употребляется, какъ сдѣлано; но и этого мало, хотѣлъ непремѣнно самъ сдѣлать. Кромѣ силы духовной, силы разума, ребёнокъ былъ необыкновенно крѣпокъ и силенъ тѣломъ, не могъ выносить покоя, бездѣйствія, ему непремѣнно нужно было что-нибудь да дѣлать, и дѣлалъ онъ всё съ необыкновенною быстротою. И въ лѣтахъ зрѣлыхъ онъ ходилъ такъ скоро, что другимъ казалось, будто онъ не ходитъ, а постоянно бѣгаетъ, такъ что всѣ другіе съ трудомъ могли поспѣвать за нимъ. Петръ любитъ играть въ военныя игры, окружаетъ себя бойкими, ловкими и смышлёными людьми; изъ дѣтей придворныхъ конюховъ составилъ себѣ потѣшное войско, изъ котораго потомъ вышло настоящее, образцовое войско, первые гвардейскіе полки. Эти полки своими именами, Преображенскій, Семёновскій, указываютъ на московскія мѣста, бывшія тогда подгородными сёлами, гдѣ Петръ живалъ и любилъ играть со своими потѣшными въ военныя игры.

4. **Тиммерманъ и Брандтъ.** Но однѣ игры не могли удовлетворять Петра: ему хотѣлось учиться. Жадно прислушивался онъ къ рѣчамъ человѣка, который разсказывалъ о какомъ-нибудь любопытномъ предметѣ. Однажды онъ услыхалъ объ инструментѣ, который называется астролябіею и употребляется при снятіи плановъ, и захотѣлъ непремѣнно имѣть этотъ инструментъ. Астролябію купили за границей и привезли ему, но онъ не умѣетъ, какъ взяться, а спросить не у кого: никто изъ русскихъ не знаетъ. Не знаетъ ли докторъ, какъ употреблять астролябію? Докторъ говоритъ, что самъ не знаетъ, а сыщетъ человѣка знающаго, и приводитъ голландца Тиммермана. Тиммерманъ показываетъ, какъ употреблять астролябію; четырнадцатилѣтній Петръ выпытываетъ у него, не знаетъ ли онъ что-нибудь ещё, нельзя ли у него поучиться. Оказывается, что можно выучиться у голландца геометріи и фортификаціи, и Петръ начинаетъ учиться этимъ наукамъ. Тиммерманъ при немъ безпрестанно, Петръ водитъ его всюду за собою. Въ селѣ Измайловѣ, въ сараѣ, гдѣ лежали старыя вещи, Петръ находитъ большую лодку особой постройки. Сейчасъ съ запросомъ къ Тиммерману, что это за судно. Тиммерманъ отвѣчалъ, что это англійскій ботъ. „Чѣмъ лучше нашихъ судовъ?“ спрашиваетъ опять Петръ. „Ходитъ на парусахъ

по вѣтру и прóтивъ вѣтра", отвѣчáетъ Тúммерманъ. „Прóтивъ вѣтра! быть не мóжетъ! нáдобно посмотрѣть; нѣтъ ли человѣка, котóрый бы почúнúлъ ботъ и показáлъ егó ходъ?" Тúммерманъ э́того сдѣлать не умѣетъ; но онъ привóдитъ своегó земляка́, голлáндца Брáндта. Ботъ спýщенъ на Яузу; Пётръ въ изумлéніи и востóргѣ. Но рѣка́ узка́; ботъ перетáскиваютъ въ Измáйловскій прудъ, но и тутъ тѣсно. Пётръ нáчалъ провѣдывать, гдѣ побóльше воды; емý отвѣчáли, что блúже нѣтъ Переяслáвскаго óзера, въ 120 верстáхъ отъ Москвы́. Пётръ отправля́ется въ Переяслáвль и на егó óзерѣ завóдитъ нóвую потѣху. Ѣдутъ туда́ голлáндскіе мастера́; начинáется пострóйка судóвъ; самъ Пётръ пéрвый рабóтникъ.

5. **Зáговоръ.** Въ такúхъ занятíяхъ Пётръ достúгъ 17-ти лѣтъ. Правúтельница царéвна Сóфья и блúзкіе къ ней лю́ди нáчали сúльно призадýмываться и толковáть, какъ быть. 7 áвгуста 1689 г. распýщенъ былъ слухъ, что нóчью придýтъ потѣшные изъ села́ Преображéнскаго, гдѣ жúлъ Пётръ, и побью́тъ царя́ Ивáна Алексѣевича и всѣхъ егó сестёръ; на э́томъ основáніи собира́ютъ въ Кремль стрѣльцóвъ съ заря́женными ру́жьями. Это возбуждáетъ подозрѣніе, что Сóфья хóчетъ поднять опя́ть стрѣлéцкій бунтъ прóтивъ Петра́, тѣмъ бóлѣе, что глáвные привéрженцы ея́ и прéжде проговáривались, что нáдобно истребúть царúцу Натáлью и сы́на ея. Вóсемь вѣрныхъ стрѣльцóвъ, не ожидáя ничегó дóбраго отъ э́того ночно́го сбóра товáрищей своúхъ въ Кремль, рѣшúлись предупредúть Петра́, и двóе изъ нихъ поскакáли въ Преображéнское. Пётръ ужé спалъ, когда́ прiѣхали стрѣльцы́ и другіе лю́ди изъ Москвы́ съ извѣстіемъ, что мнóжество стрѣльцóвъ въ Кремлѣ́ и хотя́тъ итти́ бýнтомъ въ Преображéнское. Петра́ разбудúли и разсказáли емý въ чёмъ дѣло. Тогда́ онъ, не мéдля ни минýты, поскакáлъ въ Трóицкій Сéргіевъ монастырь, а вслѣдъ за нимъ отпрáвились туда́ же егó родны́е, вельмóжи, потѣшные и стрѣлéцкій Сухарёвъ полкъ. Чрезъ нéсколько дней Пётръ прислáлъ въ Москвý схватúть злоумы́шленниковъ Сóфьи, изъ котóрыхъ глáвнымъ былъ начáльникъ стрѣльцóвъ, Шакловúтый. Чегó Сóфья бóльше всегó боя́лась, то испóлнилось: онá перестáла быть правúтельницею и должна́ была́ заключúться въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Царь Іоáннъ Алексѣевичъ скóро пóслѣ того́ у́меръ.

6. **Пётръ подъ Азóвомъ.** Наступúло врéмя заня́ться настоя́щимъ дѣломъ. Въ то врéмя, когда́ Петру́ бы́ло ещё тóлько 14 лѣтъ и государствомъ управля́ла царéвна Сóфья, нáчата была́ война́ съ Тýрціею въ союзѣ съ Пóльшею, Австрíею и Венéціею. Въ правлéніе Сóфьи ру́сское вóйско два ра́за ходúло на Крымъ, и óба ра́за неудáчно. Въ 1695 г. Пётръ самъ пошёлъ въ похóдъ подъ турéцкую крѣпость Азóвъ, находúвшуюся при у́стьѣ рѣки́ Дóна. Царь плылъ

изъ Москвы́ рѣко́ю Москво́ю, Око́ю и Во́лгою до Цари́цына, отсю́да сухи́мъ путёмъ до До́на и До́номъ внизъ къ Азо́ву. По́слѣ Пётръ счита́лъ свою́ вое́нную слу́жбу съ э́того похо́да подъ Азо́въ, потому́ что при оса́дѣ го́рода онъ отправля́лъ до́лжность бомбарди́ра, самъ чини́лъ грана́ты и бо́мбы, самъ стрѣля́лъ. Но Азо́въ не́ былъ взятъ по недоста́тку фло́та и о́пытныхъ мастеро́въ. Пётръ возврати́лся въ Москву́. Но неуда́чи, кото́рыя приво́дятъ въ отча́яніе люде́й сла́быхъ, то́лько возбужда́ютъ къ бо́льшей дѣ́ятельности люде́й си́льныхъ ду́хомъ, люде́й вели́кихъ. Всю зи́му въ Москвѣ́, въ Воро́нежѣ стро́ятъ суда́, и къ веснѣ́ 1696 г. они́ гото́вы. Пётръ опя́ть плывётъ подъ Азо́въ и берётъ его́. „По прика́зу Бо́жію къ праотцу́ Ада́му, мы въ по́тѣ лица́ ѣди́мъ хлѣбъ свой“, писа́лъ Пётръ изъ Воро́нежа во вре́мя приготовле́нія ко второ́му Азо́вскому похо́ду, и писа́лъ пра́вду: никто́ бо́льше его́ не труди́лся. По́слѣ неуда́чи Пётръ не отча́ивался, но увели́чивалъ тру́дъ для того́, чтобъ какъ мо́жно скорѣ́е попра́виться; по́слѣ уда́чи не отдыха́лъ, не скла́дывалъ рукъ, но та́кже уси́льно рабо́талъ, чтобъ воспо́льзоваться плода́ми успѣ́ха.

7. Пётръ за грани́цей. Въ 1697 г. по Евро́пѣ разно́сятся стра́нныя вѣ́сти: при ра́зныхъ двора́хъ явля́ется ру́сское посо́льство, при кото́ромъ нахо́дится удиви́тельный молодо́й человѣ́къ; зову́тъ его́ Пётръ Миха́йловъ; онъ ча́сто ѣ́здитъ отдѣ́льно отъ посо́льства, остана́вливается въ ра́зныхъ мѣста́хъ, у́чится, рабо́таетъ, осо́бенно занима́ется морски́мъ дѣ́ломъ; но ничто́ не ускольза́етъ отъ его́ внима́нія; страсть къ зна́нію, поня́тливость, спосо́бности необыкнове́нныя. Останови́лся онъ въ голла́ндскомъ мѣсте́чкѣ Сарда́мѣ и занима́ется корабе́льнымъ пло́тничествомъ; но ему́ недо́лго да́ли прорабо́тать вво́лю: разнесла́сь по Сарда́му вѣсть, что молодо́й моско́вскій пло́тникъ самъ царь Пётръ Алексѣ́евичъ, и толпы́ любопы́тныхъ на́чали окружа́ть его́. Изъ Сарда́ма Пётръ перешёлъ на амстерда́мскія ве́рфи. И тутъ онъ занима́лся не одни́мъ корабе́льнымъ пло́тничествомъ; его́ ви́дѣли повсю́ду: въ го́спиталяхъ, воспита́тельныхъ дома́хъ, на фа́брикахъ и въ мастерски́хъ; всё ему́ ну́жно ви́дѣть, обо всёмъ узна́ть, какъ дѣ́лается, и самому́ порабо́тать; слу́шалъ онъ профе́ссорскія ле́кціи, кото́рыя иногда́ чита́лись для него́ на я́хтѣ, во вре́мя доро́ги, потому́ что онъ дорожи́лъ ка́ждою мину́тою. Изъ Амстерда́ма Пётръ писа́лъ въ Москву́ къ патріа́рху: „Мы въ го́родѣ Амстерда́мѣ тру́димся для пріобрѣ́тенія [illegible]ства въ примо́рскомъ дѣ́лѣ, чтобъ побѣди́ть враго́въ и́мени Іису́са Христа́, ту́рокъ, и освободи́ть христіа́нъ, живу́щихъ подъ ихъ и́гомъ, чего́ до послѣ́дняго издыха́нія жела́ть не переста́ну“. Въ нача́лѣ 1698 г. Пётръ уже́ въ Англіи: ока́нчиваетъ здѣсь кораблестрои́тельную нау́ку. Проведя́ три мѣ́сяца въ Англіи, онъ опя́ть на твёрдой землѣ́ и направля́етъ путь въ Вѣ́ну, отку́да собра́лся бы́ло въ Вене́цію, въ ю́жное морско́е го-

сударство; но вмѣсто Венеціи долженъ былъ поскорѣе возвратиться въ Россію: пришла вѣсть, что бунтуютъ стрѣльцы.

8. Распоряженія Петра по возвращеніи изъ-за границы. Стрѣлецкое войско было мало-по-малу уничтожено, и всё русское войско явилось въ томъ видѣ, въ какомъ находится и теперь. Вмѣсто того, чтобъ всякій разъ при началѣ войны собирать помѣщиковъ, которые приводили своихъ людей, начали дѣлать рекрутскіе наборы; рекрутъ учили, приготовляли къ войнѣ. Помѣщики также должны были постоянно служить, начиная съ солдата, и получали высшіе чины въ войскѣ по заслугамъ своимъ, искусству и храбрости. Всѣ служащіе русскіе люди должны были принять другой видъ, отказаться отъ длинныхъ бородъ и одѣться въ европейское короткое платье, удобное для движенія и работы, вмѣсто прежняго широкаго, азіатскаго. Въ 1699 году Петръ учредилъ первый русскій орденъ—апостола Андрея Первозваннаго, потому что апостолъ Андрей проповѣдывалъ христіанство въ тѣхъ странахъ, гдѣ теперь Россія. Первымъ кавалеромъ андреевскимъ былъ ближній боярин Ѳёдоръ Алексѣевичъ Головинъ, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Царь очень уважалъ и любилъ Головина, какъ человѣка умнаго, искуснаго, и поставилъ его на первое мѣсто между вельможами; но больше всѣхъ любилъ онъ Александра Даниловича Меншикова, человѣка низкаго происхожденія, но съ необыкновенными способностями. 1700 годъ, по приказанію Петра, начался съ 1 января, тогда какъ прежде новый годъ начинался съ 1 сентября. Петръ велѣлъ также вести лѣтоисчисленіе, какъ велось оно во всей христіанской Европѣ, съ Рождества Христова, тогда какъ до сихъ поръ въ Россіи велось оно отъ сотворенія міра.

9. Измѣна Мазепы. Между тѣмъ началась война съ Швеціей. Гетманомъ малороссійскимъ былъ въ это время Иванъ Мазепа, котораго царь Петръ очень любилъ и которому вполнѣ довѣрялъ. Мазепа былъ старикъ умный, ловкій, начитанный, пріятный говорунъ и умѣлъ выставиться человѣкомъ преданнымъ, а самъ думалъ только о своихъ выгодахъ. Карлъ XII сначала пошелъ изъ Польши въ Бѣлоруссію, чтобъ оттуда итти къ Москвѣ, но когда ему насказали, что въ Малороссіи много недовольныхъ царемъ, то ему захотѣлось прежде войти сюда, поднять недовольныхъ, снестись поближости съ турками, заключить съ ними союзъ и тогда уже итти на Москву и здѣсь заставить Петра мириться. Но Петръ не думалъ пропускать Карла къ Москвѣ. Узнавъ, что шведскій король повернулъ въ Малороссію, а съ сѣвера спѣшитъ къ нему генералъ Левенгауптъ со свѣжимъ войскомъ и большими боевыми запасами, Петръ пошелъ наперерѣзъ Левенгаупту, 28 сентября 1708 г. нагналъ его у деревни Лѣсной (недалеко отъ города Пропойска), разбилъ шведовъ, истребилъ у нихъ 10.000

человѣкъ и взялъ всѣ пушки, всѣ запасы. Карлъ XII много потерялъ, допустивши Петра разбить Левенгаупта, и ничего не выигралъ, вступивши въ Малороссію. Мазепа, узнавши о приближеніи Карла XII съ одной стороны, а Петра съ другой, растерялся и не зналъ, что дѣлать. Честному человѣку и вѣрному русскому подданному легко было найтись въ такихъ обстоятельствахъ: соединиться съ царскимъ войскомъ и биться со шведами. Но Мазепа сталъ раздумывать, кто сильнѣе, Петръ или Карлъ, и нашелъ, что Карлъ сильнѣе, а если Карлъ побѣдитъ, то что станется съ нимъ, Мазепою? Пропадетъ. И вотъ Мазепа съ небольшимъ отрядомъ переходитъ на сторону Карла. Онъ думалъ, что вся Малороссія послѣдуетъ его примѣру; но только одни запорожцы взбунтовались, а всѣ другіе малороссіяне остались вѣрны царю Петру и выбрали себѣ на мѣсто Мазепы другого гетмана, Скоропадскаго.

10. Полтавская побѣда. Запорожцы не помогли Карлу XII: весною 1709 года Сѣчь ихъ была взята и разорена царскимъ войскомъ. Турки также не заключили союза съ Карломъ: они положили ждать, чѣмъ кончится дѣло у шведовъ съ русскими. Дѣло кончилось 27 іюня 1709 г. битвою при Полтавѣ, гдѣ Петръ рѣшился дать битву шведамъ, чтобъ освободить Полтаву отъ осады; въ 4 часа утра начался бой, и въ одиннадцать шведы потерпѣли совершенное пораженіе: Карлъ XII едва спасся бѣгствомъ въ Турцію съ Мазепою и маленькимъ отрядомъ шведовъ, всѣ же остальное его войско или было истреблено, или взято въ плѣнъ. Полтавская побѣда называлась при Петрѣ „превеликою, преславною викторіею, русскимъ воскресеніемъ". 27 іюня установлено праздновать навсегда, и справедливо, потому что съ этихъ поръ произошла въ мірѣ великая перемѣна въ пользу Россіи. Швеція, которая до того времени была главнымъ государствомъ сѣверовосточной Европы, послѣ Полтавской битвы должна была уступить своё мѣсто Россіи. До сихъ поръ Россіи въ Европѣ не знали и знать не хотѣли, считали её государствомъ азіатскимъ, наравнѣ съ Японіею, Персіею; но послѣ Полтавской битвы её узнали, стали обращаться къ ней съ уваженіемъ; ни одно важное дѣло въ Европѣ безъ нея рѣшиться не могло.

11. Прутскій походъ. Султанъ послушался шведовъ и французовъ и объявилъ Россіи войну въ 1711 г. Легко себѣ представить, какъ это огорчило Петра; онъ спѣшилъ кончить шведскую войну на сѣверѣ, чтобъ дать отдохнуть народу и заняться на досугѣ внутренними дѣлами, а тутъ новая война, совсѣмъ въ другой сторонѣ, на югѣ; надобно оставить сѣверъ, растянуть силы, вмѣсто покоя, котораго ждалъ народъ, на него должны пасть новыя тягости, вмѣсто одной двѣ войны! Въ мрачномъ расположеніи духа, съ печальными предчувствіями, больной, отправился Петръ въ турецкій походъ. Большого войска собрать онъ не могъ; поляки не помогали. Пришли извѣстія,

что на́ши правосла́вные соплеме́нники, черногóрцы подня́лись въ по́льзу Россіи, что и другіе христіа́нскіе наро́ды то́лько ждутъ ру́сскаго во́йска, чтобъ дѣ́йствовать съ нимъ заодно́, что Молда́вія уже́ объяви́ла себя́ за ру́сскихъ. По э́тимъ вѣстя́мъ Пётръ вступи́лъ въ туре́цкія владѣ́нія и 9 іюля у рѣки́ Пру́та окружёнъ бы́лъ туре́цкимъ во́йскомъ; у ту́рокъ бы́ло 200.000 во́йска, у ру́сскихъ о́коло 40.000. Ту́рки, надѣ́ясь на свою́ многочи́сленность, вздýмали бы́ло напа́сть на ру́сскихъ, но бы́ли отби́ты и потеря́ли мно́го наро́ду. Но всё же положе́ніе ру́сскаго во́йска бы́ло отча́янное: оно́ бы́ло истомлено́ би́твою и зно́емъ, съѣ́стныхъ припа́совъ оста́лось о́чень немно́го, по́мощи ни отку́да. На друго́й день захва́ченные въ плѣнъ ту́рки объяви́ли, что туре́цкій главнокома́ндующій, вели́кій ви́зирь, помири́тся, е́сли ему́ бу́дутъ предло́жены вы́годныя усло́вія, потому́ что во́йско тре́буетъ ми́ра, не хотя́тъ опять нападáть на ру́сскихъ, боя́сь потерпѣ́ть тако́й же уро́нъ, какъ и наканýнѣ. Тогда́ Пётръ посла́лъ къ ви́зирю съ ми́рными предложе́ніями и миръ былъ заключёнъ на тѣ́хъ усло́віяхъ, что ту́ркамъ возвраща́ется Азо́въ, а Таганро́гъ и другія постро́енныя Петро́мъ кре́пости бу́дутъ разорены́.

12. Миръ со Шве́ціей. Опя́ть неуда́ча, и неуда́ча тѣ́мъ бо́лѣе тяжёлая, что случи́лась по́слѣ необыкнове́ннаго успѣ́ха; Пётръ си́льно горева́лъ, какъ челове́къ, но, какъ вели́кій челове́къ, не позволя́лъ го́рю овладѣ́ть собо́ю, и спѣши́лъ опя́ть на сѣ́веръ, чтобъ продолжа́ть шве́дскую войну́. Почти́ вся Финля́ндія была́ уже́ въ его́ рука́хъ; Карлъ XII, возврата́сь изъ Ту́рціи, нашёлъ, что съ Россіею нельзя́ бо́льше воева́ть, и на́чалъ ми́рные перегово́ры; но перегово́ры э́ти бы́ли пре́рваны его́ сме́ртью. Сестра́ его́, ста́вши королёвою шве́дскою, понадѣ́ялась на обѣща́ніе а́нглійскаго короля́ и рѣши́лась продолжа́ть войну́ съ Россіей. Англійскій флотъ дѣ́йстви́тельно яви́лся въ Балти́йскомъ мо́рѣ, чтобъ испуга́ть Петра́ и прину́дить его́ къ ми́ру, не о́чень тя́гостному для Шве́ціи; но Петра́ испуга́ть бы́ло нельзя́; въ глаза́хъ англича́нъ ру́сскіе высáживались на шве́дскіе берега́ и опустоша́ли ихъ. Шве́ды, наконе́цъ, по́няли, что никто́ не пода́стъ имъ по́мощи про́тивъ Петра́, и на́чали опя́ть ми́рные перегово́ры. 30 а́вгуста 1721 г. въ финля́ндскомъ го́родѣ Ништа́дтѣ заключёнъ былъ миръ, по кото́рому Шве́ція уступи́ла Россіи Лифля́ндію, Эстля́ндію, Ингрію (ны́нѣшнюю Петербу́ргскую губе́рнію), а изъ Финля́ндіи—Вы́боргъ. Царь получи́лъ извѣ́стіе о ми́рѣ на доро́гѣ изъ Петербу́рга въ Вы́боргъ. Онъ возврати́лся неме́дленно въ Петербу́ргъ и—пря́мо въ Тро́ицкій собо́ръ къ моле́бну. Наро́дъ наполня́етъ пло́щадь о́коло собо́ра; по́слѣ моле́бна царь выхо́дитъ къ нему́ и говори́тъ: „Здра́вствуйте и благодари́те Бо́га, правосла́вные, что таку́ю до́лгую войну́, кото́рая вела́сь 21 годъ, всеси́льный Богъ прекрати́лъ и дарова́лъ намъ со

Шве́ціею счастли́вый миръ!" Тутъ Пётръ берётъ ковшъ съ вино́мъ и пьётъ за здоро́вье нарбда, кото́рый пла́четъ и кричи́тъ: „Да здра́вствуетъ госуда́рь!" Ра́дость была́ о́бщая, неопи́санная, потому́ что война́, тяну́вшаяся сли́шкомъ два́ддать лѣтъ, была́ о́чень тяжела́.

13. **Забо́ты Петра́ о вну́тренних**ъ **дѣла́хъ госуда́рства.** Пётръ хотѣ́лъ улучши́ть управле́ніе и судъ въ областя́хъ, сдѣ́лать такъ, чтобъ правѝтель не́ былъ вмѣ́стѣ судьёю; но встрѣ́тилъ неодоли́мое препя́тствіе въ недоста́ткѣ люде́й и де́негъ, и его́ до́брыя намѣ́ренія оста́лись указа́ніями для бу́дущихъ временъ, когда́ мо́жно бы́ло испо́лнить ихъ. Пётръ завѣ́лъ перечисле́нія нарбда, или́ ревѝзіи, кото́рыя должны́ бы́ли повторя́ться чрезъ извѣ́стное число́ лѣтъ; заведены́ бы́ли и метри́ческія кни́ги. По пе́рвой ревѝзіи, 1722 го́да, въ Россіи оказа́лось податно́го сосло́вія то́лько о́коло 6 милліо́новъ челове́къ. Несмотря на тако́е малолю́дство, дохо́ды си́льно увели́чивались: въ 1710 году́ ихъ бы́ло три милліо́на, а въ 1725—де́сять милліо́новъ. Перемѣнёнъ былъ поря́докъ въ сбо́рѣ подате́й: пре́жде собира́ли съ дво́ровъ; но при пе́реписи дворо́въ быва́ли большія злоупотребле́нія; изъ нѣ́сколькихъ дворо́въ жи́тели переходи́ли въ одѝнъ, сла́мывали отдѣ́льныя воротá. Поэ́тому при Петрѣ́ введена́ была́ подýшная по́дать (т.-е. съ ка́ждаго челове́ка), кото́рая вся шла на войскá. Во́йска бы́ло до 210.000; во фло́тѣ бы́ло 48 кораблéй и до 1000 другѝхъ судо́въ. Дру́гіе расхо́ды должны́ бы́ли покрыва́ться другѝми дохо́дами, кото́рые увели́чивались отъ усиле́нія торго́вли и промы́шленности. Торго́вля уси́ливалась отъ пріобрѣ́тенія морскѝхъ берего́въ; въ 1724 году́ къ Петербу́ргу уже́ пришло́ 240 иностра́нныхъ кораблéй съ това́рами; ру́сскіе кораблѝ ста́ли пла́вать въ иностра́нныя га́вани. Пе́рвыми ру́сскими кораблехозя́евами бы́ли Боженѝновы и Барсуко́въ. Большо́ю помѣ́хою для торго́вли бы́ли плохія доро́ги, кото́рыя тру́дно бы́ло поправля́ть при тако́мъ малолю́дствѣ обши́рной страны́; о́сенью изъ Москвы́ въ Петербу́ргъ ѣ́здили по пяти́ недѣ́ль, по причи́нѣ гря́зи и поло́манныхъ мосто́въ. При э́томъ осо́бенно ва́женъ былъ путь водо́ю, по большѝмъ рѣка́мъ, но на́добно бы́ло, чтобъ э́тотъ путь не перерыва́лся, и Пётръ велѣ́лъ проводи́ть канáлы. Такъ, соединено́ бы́ло Каспі́йское мо́ре съ Балті́йскимъ канáломъ ме́жду рѣка́ми Цно́ю и Тверцо́ю; проры́тъ былъ Ла́дожскій канáлъ.

14. **Учрежде́ніе фа́бринъ и завóдовъ.** Пётръ стара́лся уси́лить льняно́й и пенько́вый про́мыселъ „для всенарóдной по́льзы", для прѝбыли крестья́намъ; мно́го вывози́лось изъ Россіи и кожъ, но вы́дѣлка ихъ была́ плоха́я, отъ чего́ и цѣна́ была́ ма́лая. Пётръ велѣ́лъ кожéвеннымъ промы́шленникамъ, по нѣ́скольку челове́къ отъ ка́ждаго го́рода, ѣ́хать въ Москву́ на два го́да учи́ться, какъ лу́чше выдѣ́лывать кожу́, а въ отдалённыя губе́рніи отпра́влены бы́ли иностра́нные мастера́ учи́ться

э́тому иску́сству. Заведено́ бы́ло постоя́нное во́йско, на́до бы́ло его́ оде́ть, а где́ взять сукна́? покупа́ть у иностра́нныхъ купцо́въ, потому́ что въ Россіи суко́нныхъ фа́брикъ не́ было. Пётръ завёлъ суко́нныя фа́брики и съ восто́ргомъ писа́лъ, что де́ло идётъ хорошо́ и что сшилъ себѣ́ къ пра́зднику кафта́нъ изъ ру́сскаго сукна́. Но для вы́дѣлки хоро́шихъ су́конъ нужна́ была́ хоро́шая шерсть. Пётръ вы́писалъ изъ-за грани́цы овча́ровъ, разосла́лъ по областя́мъ пра́вила, какъ содержа́ть ове́цъ. Для фло́та тре́бовались па́русныя фа́брики, и онѣ́ бы́ли заведены́. До Петра́ вся употребля́вшаяся въ Россіи пи́счая бума́га привози́лась изъ-за грани́цы. Пётръ завёлъ свои́ фа́брики, и въ 1723 г. во всѣхъ прису́тственныхъ мѣста́хъ употребля́лась бума́га ру́сскаго изде́лія. Къ концу́ ца́рствованія Петра́ число́ фа́брикъ и заво́довъ въ Россіи простира́лось до 233, и ме́жду фабрика́нтами ви́димъ почти́ всѣ ру́сскія имена́. Тру́дно бы́ло начина́ть но́выя произво́дства, заводи́ть фа́брики: нѣтъ умѣ́нья и нѣтъ де́негъ. Какъ ма́стеръ самъ начнётъ и пото́мъ дастъ ученику́ продолжа́ть, такъ Пётръ учрежда́етъ казённыя фа́брики и заво́ды, но не съ тѣ́мъ, чтобъ оста́вить ихъ въ казнѣ́. Сена́тъ до́лженъ былъ забо́титься о томъ, чтобъ казённыя фа́брики и заво́ды переходи́ли въ ча́стныя ру́ки, въ ру́ки отдѣ́льныхъ лицъ и цѣ́лыхъ компа́ній, и э́той переда́чѣ обя́заны бы́ли свои́мъ нача́ломъ нѣ́которыя грома́дныя состоя́нія, Москва́ ста́ла при Петрѣ́ гла́внымъ фабри́чнымъ го́родомъ въ Россіи, какъ Петербу́ргъ сталъ гла́внымъ торго́вымъ го́родомъ.

15. Учрежде́ніе синода. Петро́мъ Вели́кимъ сдѣ́лано бы́ло всё, чтобъ бѣ́дному, малонаселённому госуда́рству дать возмо́жность богате́ть, дать возмо́жность казнѣ́ имѣ́ть бо́льше дохо́довъ, бо́льше де́негъ и на э́ти де́ньги содержа́ть во́йско, флотъ, кото́рые даю́тъ безопа́сность и почёть наро́ду у други́хъ наро́довъ. Но не одно́ бога́тство, не однѣ́ си́лы вое́нныя составля́ютъ кре́пость наро́да; отъ бога́тства и ро́скоши, отъ наде́жды на одну́ си́лу вое́нную наро́ды те́рпятъ большія бѣ́ды и погиба́ютъ. Чтобъ наро́дъ былъ кре́покъ, не боя́лся никого́ и ничего́, для э́того на́добно, чтобъ у него́ была́ кре́пка рели́гія и нра́вственность да просвѣще́ніе, кото́рое бы не мѣша́ло кре́пости вѣ́ры и нра́вственности, а помога́ло бы ей. Пётръ Вели́кій до конца́ жи́зни, и всё съ бо́льшимъ и бо́льшимъ усе́рдіемъ, не переставалъ забо́титься объ устро́йствѣ це́ркви, кото́рая храни́тъ вѣ́ру и нра́вственность въ наро́дѣ. Препя́тствія къ избра́нію досто́йнаго патріа́рха бы́ли пре́жнія: не́ было архіере́я учёнаго и вмѣстѣ́ по́льзовавшагося по́лнымъ уваженіемъ и довѣ́ріемъ царя́ и наро́да; при то́мъ Пётръ зналъ изъ исто́ріи, какія быва́ютъ неудо́бства, когда́ це́рковь управля́ется одни́мъ челове́комъ. Въ 1721 г. Пётръ объяви́лъ, что для исправле́нія чи́на духо́внаго не ви́дитъ лу́чшаго спо́соба, кро́мѣ собо́рнаго правительства, вслѣ́дствіе чего́ и учрежда́лась духо́вная колле́гія (сино́дъ). Сино́дъ до́лженъ былъ имѣ́ть въ виду́ устро́йство духове́нства, пре-

имущественно чёрнаго, принятіе мѣръ противъ раскола и разныхъ суевѣрій, распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ, изданіе необходимыхъ для этого книгъ. Въ распоряженіяхъ относительно духовенства особенно помогалъ Петру псковскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, человѣкъ чрезвычайно способный, учёный и отличный проповѣдникъ.

16. Заботы Петра о просвѣщеніи. Пётръ употребилъ всѣ старанія, чтобъ просвѣтить своихъ людей, и положилъ твёрдое начало этому просвѣщенію, сблизивши русскихъ съ просвѣщёнными народами, доказавши необходимость просвѣщенія для поддержанія силы и чести народа. До него только духовенство да люди, занимавшіеся письмоводствомъ, обязаны были знать грамотѣ; знатный человѣкъ, занимавшій важную должность, могъ не умѣть писать. Пётръ потребовалъ отъ всѣхъ дворянъ, отъ всѣхъ людей, поступавшихъ на государственную службу, военную и гражданскую, образованія: дворянинъ, неграмотный и не знавшій ариѳметики и геометріи, объявлялся несовершеннолѣтнимъ, не имѣлъ права жениться. Недостатокъ людей полагалъ сильныя препятствія къ просвѣщенію, ибо гдѣ было взять учителей? Посылали за границу молодыхъ людей. Пётръ самъ экзаменовалъ ихъ по возвращеніи. Высшія правительственныя мѣста набирали молодыхъ людей и учили ихъ, приготовляя для отправленія дѣлъ у себя; но этотъ наборъ былъ труденъ: некого было брать. Въ 1722 г. многія мѣста въ управленіи оставались незанятыми, а нельзя было много пускать въ гражданскую службу, иначе армія и флотъ истощились бы. Пётръ учредилъ въ Петербургѣ академію, выписалъ для неё изъ-за границы отличныхъ учёныхъ; но при этомъ объявилъ, что въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что принято въ другихъ государствахъ. Тамъ учёныхъ много: одни составляютъ общество, которое занимается науками, стараются дѣлать въ нихъ новыя открытія, и такое общество называется академіею; другіе учёные преподаютъ высшія науки, и эта высшая школа называется университетомъ; третьи приготовляютъ молодыхъ людей къ высшимъ наукамъ, къ университету, и эти приготовительныя школы называются гимназіями. Но у насъ, говорилъ Пётръ, одну академію нельзя учредить, потому что она не можетъ скоро распространить знанія въ народѣ; университеты также не для чего заводить, когда нѣтъ ещё гимназій и семинарій; надобно, слѣдовательно, основать такое учрежденіе, которое бы изъ лучшихъ учёныхъ людей состояло, но эти учёные люди должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично (т.-е. читать лекціи, какъ въ университетѣ) и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобъ они потомъ могли, въ свою очередь, обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ. Такимъ образомъ, основанная Петромъ Великимъ академія была и академіею, и университетомъ, и школою для приготовле-

нія учителе́й, или́, какъ мы тепе́рь называ́емъ, учи́тельскимъ институ́томъ.

По́слѣ Петра́ Вели́каго послѣ́довательно ца́рствовали: супру́га его́ Екатери́на, подъ и́менемъ Екатери́ны I-ой; внукъ Пётръ Алексѣевичъ, подъ и́менемъ Петра́ II, и племя́нница Анна Іоа́нновна. Въ 1741 г. на престо́лъ взошла́ дочь Петра́, Елизаве́та, подобно Петру́, мно́го забо́тившаяся о распростране́ніи образова́нія въ Россіи.

17. Забо́ты о просвѣще́ніи при Елизаве́тѣ Петро́внѣ. Въ 1755 г. осно́ванъ былъ пе́рвый ру́сскій университе́тъ въ Москвѣ́ и при нёмъ двѣ́ гимна́зіи. Въ Москвѣ́ университе́тъ учрежда́лся потому́, что го́родъ э́тотъ находи́лся въ середи́нѣ государ́ства, и потому́, что въ Москвѣ́ бы́ло жить дёшево. Моско́вскій университе́тъ предста́вилъ о необходи́мости учреди́ть акаде́мію худо́жествъ въ Петербу́ргѣ и гимназію въ са́момъ значи́тельномъ го́родѣ на восто́кѣ, въ Каза́ни. Къ ца́рствованію Елиза́веты отно́сятся и пе́рвые успѣ́хи ру́сской слове́сности. При Петрѣ́ Вели́комъ, когда́ образова́ніе то́лько что начина́лось и пре́жде всего́ нужны́ бы́ли учёбныя кни́ги, тру́дно бы́ло составля́ть ихъ на ру́сскомъ языкѣ́ или́ переводи́ть съ иностра́нныхъ языко́въ на ру́сскій, потому́ что нау́ки въ Россіи пре́жде не́ было, и на ру́сскомъ языкѣ́ учёныхъ книгъ не писа́лось: онъ не́ былъ для э́того обрабо́танъ, пригото́вленъ. Мы ви́дѣли, какъ Пётръ Вели́кій забо́тился о томъ, чтобъ перево́ды бы́ли хороши́, поня́тны, и по́слѣ него объ э́томъ забо́тились; но чтобъ созда́ть хоро́шій язы́къ, на кото́ромъ мо́жно бы́ло бы о́бо всёмъ хорошо́, поня́тно писа́ть, для э́того нужны́ осо́бенно даровы́тые писа́тели и учёные мастера́, худо́жники слове́сные.

18. Ломоно́совъ. Въ тридца́тыхъ года́хъ въ моско́вскомъ Заиконоспа́сскомъ учи́лищѣ, въ ни́зшихъ кла́ссахъ, на одно́й скамьѣ́ съ ма́ленькими, сидѣ́лъ молодо́й челове́къ лѣтъ двадцати́. Ма́ленькіе това́рищи смѣ́ялись надъ нимъ и крича́ли: „Смотри́, како́й болва́нъ! лѣтъ въ два́дцать пришёлъ по-латы́ни учи́ться“. Молодо́й челове́къ не обраща́етъ внима́нія на насмѣ́шки и у́чится, претерпѣва́я си́льную нужду́, получа́я по́ три копѣ́йки въ день жа́лованья: на де́нежку покупа́лъ хлѣ́ба, на де́нежку ква́су и э́тимъ пита́лся; остальны́я де́ньги шли на бума́гу, пла́тье и о́бувь. Отчего́ же онъ такъ по́здно поступи́лъ въ учи́лище? Онъ роди́лся на кра́йнемъ сѣ́верѣ, на берега́хъ Бѣ́лаго мо́ря, былъ крестья́нскій сынъ; случа́йно доста́лъ ко́е-какія кни́ги, пристрасти́лся къ нау́кѣ, захотѣ́лъ во что бы то ни ста́ло быть учёнымъ и тайко́мъ изъ отцо́вскаго до́ма убѣжа́лъ въ Москву́, въ учи́лище, и сѣ́лъ за латы́нскую грамма́тику вмѣ́стѣ съ ма́ленькими ма́льчиками. То былъ сынъ холмого́рскаго рыбака́, Михаи́лъ Васи́льевичъ Ломоно́совъ. Тяжело́ доста́лось учёнье холмого́рскому крестья́нину; но пре́жде него́ уже́ прошёлъ по Россіи Пётръ Вели́кій, проповѣ́дуя, что Россіи нужна́ нау́ка, нужны́ учёные лю́ди. Уже́ была́ акаде́мія нау́къ, кото́-

рая собира́ла по учи́лищамъ спосо́бныхъ, приле́жно занима́вшихся учениково́въ и отправля́ла ихъ за грани́цу оканчивать тамъ уче́нье. Ломоно́совъ попа́лъ въ э́то число́ и пое́халъ за грани́цу изуча́ть го́рное де́ло. И нау́ками онъ занима́лся отли́чно, и когда́ узна́лъ въ 1739 г., что ру́сское во́йско взя́ло туре́цкую кре́пость Хоти́нъ, то написа́лъ по э́тому слу́чаю стихи́, о́ду, и присла́лъ въ Петербу́ргъ. Никто́ до сихъ поръ не писа́лъ таки́хъ хоро́шихъ стихо́въ. Ломоно́совъ возврати́лся изъ-за грани́цы и былъ опредѣленъ профе́ссоромъ при акаде́міи нау́къ. Ломоно́совъ занима́лся нау́ками съ таки́мъ успѣхомъ, что знамени́тые иностра́нные учёные диви́лись рѣдкому уму́ ру́сскаго учёнаго.

По́слѣ Елизаве́ты Петро́вны после́довательно ца́рствовали племя́нникъ ея́, подъ и́менемъ Петра III-го; супруга Петра́ III-го, подъ и́менемъ Екатери́ны II-о́й; сынъ Петра́ III и Екатери́ны II, Па́велъ, и сынъ Па́вла, Алекса́ндръ, изве́стный въ исто́ріи подъ и́менемъ Благослове́ннаго.

19. Наполеонъ I. Импера́торъ Па́велъ Петро́вичъ оста́вилъ четверы́хъ сыновей́: Алекса́ндра, Константи́на, Никола́я и Михаи́ла, изъ кото́рыхъ ста́ршій, Алекса́ндръ Па́вловичъ, и вступи́лъ на престо́лъ. Ме́жду тѣмъ въ Евро́пѣ продолжа́лось бу́рное вре́мя, одна́ война́ шла за другу́ю, и Россія должна́ была́ принима́ть въ нихъ уча́стіе. Во Фра́нціи овладѣ́лъ верхо́вною вла́стью генера́лъ Наполео́нъ Бонапартъ. Снача́ла онъ называ́лся пе́рвымъ ко́нсуломъ, а пото́мъ при́нялъ ти́тулъ импера́тора. Такъ какъ Наполео́нъ дости́гъ верхо́вной вла́сти потому́, что былъ иску́сный полково́децъ, просла́вился побѣ́дами, то, чтобъ удержа́ться на престо́лѣ и привяза́ть къ себѣ́ во́йско, ему́ ну́жно бы́ло поддержи́вать и увели́чивать свою́ вое́нную сла́ву, безпреста́нно воева́ть, побѣжда́ть, увели́чивать ещё госуда́рство; онъ завоёвывалъ сосѣ́днія зе́мли, сверга́лъ съ престо́ла зако́нныхъ госуда́рей и на ихъ мѣста́ сажа́лъ свои́хъ бра́тьевъ и ро́дственниковъ. Ни оди́нъ госуда́рь не счита́лъ себя́ безопа́снымъ, е́сли не хотѣ́лъ быть въ соверше́нной зави́симости отъ Наполео́на, исполня́ть всё, чего́ то́лько онъ не потре́буетъ. Поня́тно, что госуда́рства, кото́рыя пова́жнѣе, должны́ бы́ли соединя́ться, чтобъ защити́ть свою́ свобо́ду и положи́ть грани́цы честолю́бію Наполео́на. Но бѣда́ была́ въ томъ, что снача́ла э́ти сою́зы не́ были о́бщіе, не всѣ госуда́рства вдругъ соедини́лись про́тивъ Фра́нціи, и отъ э́того Наполео́нъ выходи́лъ ка́ждый разъ побѣди́телемъ, съ но́вою сла́вою и съ но́вою добы́чею.

20. Причи́на отече́ственной войны́ 1812 г. Съ Наполео́номъ импера́тору Алекса́ндру жить до́лго въ ми́рѣ бы́ло нельзя́. Наполео́нъ не могъ терпѣ́ть ра́вныхъ себѣ́ госуда́рей; ему́ хотѣ́лось, чтобъ всѣ

государи ему повиновались и позволяли ему распоряжаться въ Европѣ, какъ угодно. Мѣшали ему въ этомъ два государства: Россія да Англія. Англію достать ему было нельзя, потому что она на островѣ; Англія была сильна и богата своимъ флотомъ, своею обширною торговлею во всѣхъ частяхъ свѣта, своими фабриками и заводами. Что же Наполеонъ придумалъ, чтобъ ослабить и разорить Англію? Такъ какъ всѣ государства въ Европѣ, кромѣ Россіи, или принадлежали ему, его братьямъ и родственникамъ, или боялись его и дѣлали всё, что онъ хотѣлъ, то онъ всюду запретилъ пропускать англійскіе товары, произведенія англійскихъ фабрикъ, также колоніальные товары: сахаръ, кофе и прочіе, которые преимущественно Англія доставляла въ Европу; гдѣ только найдутъ англійскіе или колоніальные товары, привезённые тайкомъ, сейчасъ жгутъ, истребляютъ. И Россія обѣщала разорвать союзъ съ Англіею и не допускать англійскихъ кораблей въ свои гавани. И этого было уже очень много, потому что русская торговля сильно потерпѣла отъ прекращенія торговли съ Англіею. Но Наполеонъ требовалъ, чтобъ Россія не пускала въ свои гавани кораблей и такихъ народовъ, которые вовсе не были въ войнѣ съ Франціею, напримѣръ, американскихъ кораблей, на томъ основаніи, что на этихъ корабляхъ могли привозиться англійскіе товары; однимъ словомъ, Наполеонъ требовалъ совершеннаго прекращенія русской морской торговли; требовалъ, чтобъ въ Россіи пошлины на товары были такія же, какъ во Франціи. Императоръ Александръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ намѣренъ свято сохранять союзъ съ Франціею, но что пошлины и другія постановленія есть дѣло внутреннее, которымъ каждое государство распоряжается, смотря по тому, какъ выгоднѣе для его подданныхъ. Наполеонъ не могъ никакъ переносить такихъ отвѣтовъ, не могъ переносить, что есть страна, которой государь равенъ ему и можетъ не соглашаться на его требованія.

21. Начало войны. Съ 1811 г. Наполеонъ сталъ собираться на Россію. Лѣтомъ 1812 г. онъ придвинулъ къ русскимъ границамъ 600.000 войска, въ которомъ были, кромѣ французовъ, италіанцы, голландцы, австрійцы, пруссаки, нѣмцы всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ, испанцы, португальцы, поляки. 11 іюня Наполеоновская армія перешла рѣку Нѣманъ между Ковно и Гродно. Императоръ Александръ находился въ это время въ Вильнѣ; узнавъ о вторженіи непріятеля, онъ далъ приказъ войскамъ, въ которомъ говорилось: „Не нужно мнѣ напоминать вождямъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ!“ Тогда же императоръ Александръ объявилъ: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“. Число настоящаго войска, которое

Россія могла́ вы́ставить впача́лѣ про́тивъ францу́зовъ, простира́лось до 200.000 челове́къ. Во́йско бы́ло разді́лено на́ двѣ ча́сти: одна́ была́ подъ нача́льствомъ генера́ла Барклая-де-То́лли, а друга́я—кня́зя Багратіо́на; пото́мъ о́бѣ ча́сти соедини́лись. Жесто́кія би́твы у ру́сскихъ съ францу́зами бы́ли въ нача́лѣ а́вгуста мѣ́сяца за Смоле́нскъ. Генера́лы: Раевскій, Дохту́ровъ, Коновни́цынъ, Невѣро́вскій отли́чно отбива́ли непрія́теля отъ э́того го́рода; но ско́ро не́ за что ста́ло би́ться: отъ страшной стрѣльбы, отъ пожа́ра Смоле́нскъ представля́лъ гру́ды развали́нъ. Ру́сскіе отступи́ли, и францу́зы за́няли Смоле́нскъ; но здѣсь изъ 2250 домо́въ уцѣлѣ́ло то́лько 350, у́лицы бы́ли завале́ны тѣла́ми уби́тыхъ и ра́неныхъ. Наполео́нъ увида́лъ, что война́ въ Россіи во́все не така́я, къ како́й онъ привы́къ въ други́хъ стра́нахъ, и попыта́лся завести́ ми́рные перегово́ры, толкова́лъ, что ру́сскіе ему́ во́все не враги́, а импера́торъ Алекса́ндръ другъ, что не сто́итъ вести́ войну́ изъ-за ко́фе и са́хара, что ничего́ не вы́йдетъ хоро́шаго, когда́ онъ займётъ Москву́. Отвѣта ему́ не́ было никако́го; а ру́сское во́йско всѣ́ отступа́ло. Что тутъ бы́ло дѣ́лать Наполео́ну? возврати́ться нельзя́, сты́дно: пошёлъ да́льше на Москву́.

22. **Бородино́.** Импера́торъ Алекса́ндръ назна́чилъ тогда́ одного́ главнокома́ндующаго надъ всѣ́мъ во́йскомъ, ста́раго, шести́десятисемилѣ́тняго генера́ла, Михаи́ла Иларіо́новича Кату́зова. Кату́зовъ сталъ извѣ́стенъ какъ отли́чный генера́лъ при императри́цѣ Екатери́нѣ; его́ люби́ли Румя́нцевъ и Сувóровъ; неда́вно просла́вился онъ блиста́тельнымъ оконча́ніемъ туре́цкой войны́. 11 а́вгуста пріѣ́халъ къ во́йску но́вый главнокома́ндующій. „Пріѣ́халъ Кату́зовъ бить францу́зовъ“, говори́ли солда́ты. Имъ тяжело́ бы́ло всѣ́ отступа́ть, хотя́ отступа́ть и бы́ло ну́жно. И Кату́зовъ снача́ла пошёлъ наза́дъ, но останови́лся въ 108 верста́хъ отъ Москвы́, въ Можа́йскомъ уѣ́здѣ, у Бородина́. Здѣсь 26 а́вгуста, на разсвѣ́тѣ, начало́сь сраже́ніе, и къ ве́черу, когда́ оно́ прекрати́лось съ обѣ́ихъ сторо́нъ, у ру́сскихъ и францу́зовъ вы́было изъ стро́я бо́лѣе 100.000 челове́къ. По́ле сраже́нія оста́лось за ру́сскими, и Кату́зовъ хотѣ́лъ на друго́й день опя́ть нача́ть би́тву; но когда́ но́чью сосчита́лъ уро́нъ, то нашёлъ, что би́ться нельзя́, и вели́лъ отступа́ть къ Москвѣ́; францу́зы шли слѣ́домъ. Узна́въ о приближе́ніи непрія́теля, моско́вскіе жи́тели ста́ли покида́ть свои́ дома́ и уѣзжа́ть, преимущественно на сѣ́веръ и восто́къ; укла́дывались и увози́лись дорогія́ казённыя ве́щи, Оружейная Пала́та, ри́зницы, архи́вы; Ярославская и Нижегоро́дская доро́ги осо́бенно бы́ли запружены́ обо́зами и экипа́жами; бѣ́дные шли пѣшко́мъ, везли́ дѣте́й на ручны́хъ телѣ́жкахъ. 1 сентября́ ру́сское во́йско расположи́лось на бива́кахъ въ двухъ верста́хъ отъ Москвы́ по Смоле́нской доро́гѣ, на Покло́нной горѣ́ (съ кото́рой путешéственники, завидѣ́въ Москву́, кла́няются ея́ святы́нѣ). На Покло́нной горѣ́ сидѣ́лъ стари́къ Кату́зовъ; о́коло него́ толпи́лись генера́лы и толкова́ли, что

положе́ніе невы́годно, нельзя́ тутъ дава́ть друго́го сраже́нія: Москв, не спасти́, то́лько после́днее во́йско погу́бится. Ве́черомъ въ дере́внѣ Филя́хъ, въ избѣ́, гдѣ́ останови́лся Кутýзовъ, держа́ли вое́нный сове́тъ и рѣши́ли — отда́ть Москву́ и во́йску перейти́ че́резъ неё на Рязáнскую доро́гу. 2 сентября́, на разсвѣтѣ, ру́сскія войска́ на́чали переходи́ть че́резъ Москву́, а за ни́ми сле́домъ яви́лись и францу́зы.

23. Наполео́нъ въ Москвѣ́. Наполео́нъ, увида́вши Москву́ съ Покло́нной горы́, сказа́лъ: „Такъ вотъ онъ, наконе́цъ, э́тотъ сла́вный го́родъ!". Подъѣ́хавъ къ заста́вѣ, Наполео́нъ сошёлъ съ ло́шади и проха́живался взадъ и впередъ, дожида́ясь депута́ціи; онъ по привы́чкѣ ду́малъ, что вотъ я́вятся къ нему́ са́мые зна́тные жи́тели Москвы́, поднесу́тъ ключи́ отъ го́рода и бу́дутъ говори́ть ему́ привѣ́тственныя рѣ́чи. Но онъ дожида́лся понапра́сну: пришло́ нѣ́сколько иностра́нцевъ и объяви́ли, что Москва́ пуста́. Наполео́нъ переночева́лъ подъ го́родомъ, въ Дорогоми́ловской слободѣ́, а на друго́й день, 3 числа́ у́тромъ, переѣ́халъ въ Кремль и помѣсти́лся во дворцѣ́. Но ещё́ наканý нѣ, 2-го числа́, на́чались пожа́ры, а въ ночь съ 3 на 4 число́ пла́мя обхвати́ло большу́ю часть го́рода; въ по́лдень 4 числа́ пожа́ръ вспы́хнулъ въ Кремлѣ́, и Наполео́нъ съ больши́мъ трудо́мъ вы́брался за го́родъ и помѣсти́лся въ Петро́вскомъ дворцѣ́. Въ продолже́ніе трёхъ су́токъ сгорѣ́ло въ Москвѣ́ три че́тверти домо́въ; бо́льшая часть церквéй была́ разру́шена или́ разгра́блена. Ру́сскіе, не захотѣ́вшіе оста́вить Москву́, натерпѣ́лись большихъ бѣ́дъ, почти́ всѣ́ бы́ли обо́браны до́чиста; хлѣ́ба доста́ть бы́ло не́гдѣ, и е́сли гдѣ́ францу́зы прознаю́ть хлѣ́бъ, сейча́съ отни́мутъ; собира́ли о́вощи по огоро́дамъ, доставáли мо́крую муку́ съ ба́рокъ, сѣ́вшихъ на дно. Францу́зы е́ли не вкусне́е, у нихъ разло́жены бы́ли костры́ изъ дорого́й ме́бели, подта́пливались ико́нами, дорогими́ кни́гами и карти́нами; на костра́хъ кипѣ́ли котлы́, въ кото́рыхъ вари́лась кони́на; по у́лицамъ валя́лись го́ловы са́хару, мѣ́шки́ съ ко́фе, а хлѣ́ба не́ было. Приближе́ніе зимы́, кото́рую на́добно бы́ло встрѣча́ть въ пусто́й, обгорѣ́лой Москвѣ́, си́льно безпоко́ило Наполео́на. Онъ не зналъ, что э́то тако́е дѣ́лается, куда́ онъ зашёлъ. Привы́къ онъ, что какъ ско́ро овладѣ́валъ столи́цею государ́ства, то война́ ко́нчена, у него́ про́сятъ ми́ра, соглаша́ются на всѣ́ его́ тре́бованія; а тутъ за́нялъ онъ столи́цу, столи́ца оказа́лась пуста́я и сейча́съ же сгорѣ́ла, и ниотку́да ни слу́ху ни ду́ху.

24. Неуда́чи францу́зовъ. Кутýзовъ 2 сентября́ провёлъ во́йско че́резъ Москву́ на Рязáнскую доро́гу, но пото́мъ свернýлъ на Калу́жскую и останови́лся при селѣ́ Тару́тинѣ, за рѣ́кою На́рою: онъ прикры́лъ Калу́гу, гдѣ находи́лись больши́е скла́ды съѣ́стныхъ припа́совъ; Ту́лу, гдѣ́ оружéйный заво́дъ, и удéрживалъ свобóдное сообще́ніе съ хлѣборо́дными губе́рніями. Здѣсь во́йско дожида́лось, когда́ начну́тся

про́воды незва́нныхъ гостей изъ Москвы́; а ме́жду тѣмъ ста́ли дѣйствовать партиза́ны. Такъ называ́лись небольши́е лёгкіе отря́ды во́йска, кото́рые съ необыкнове́нной быстротой появля́лись, исчеза́ли, зна́ли всё и не упуска́ли слу́чая вреди́ть непріятелю, гла́вное, не дава́ли ему́ собира́ть съѣстны́е припа́сы; изъ партиза́нскихъ вожде́й осо́бенно просла́вились Давы́довъ, Фи́гнеръ и Сесла́винъ. Кро́мѣ партиза́новъ, возста́ли крестья́не и та́кже не упуска́ли слу́чая истребля́ть францу́зовъ. Осо́бенно мно́го ихъ бы́ло истреблено́ въ Сычо́вскомъ уѣздѣ Смоле́нской губ., гдѣ жи́тели дѣйствовали про́тивъ непрія́теля подъ нача́льствомъ майо́ра Емельянова; въ Гжа́тскомъ уѣздѣ вооружёнными крестья́нами предводи́тельствовалъ гуса́ръ Саму́сь. Бы́ли и му́ченики наро́днаго дѣла: францу́зы разстрѣля́ли смоле́нскихъ поме́щиковъ—Энгельга́рдта и Шу́бина за то, что они уча́ствовали въ наро́дной войнѣ, про́тивъ нихъ. Крестья́не Во́хненской во́лости, села́ Ца́влова, дѣйствовали про́тивъ францу́зовъ на рѣкѣ Кля́зьмѣ подъ нача́льствомъ своего́ же крестья́нина Ку́рина. Францу́замъ къ концу́ сентября́ приходи́лось всё ху́же и ху́же въ Москвѣ: стрѣля́ли воро́нъ, ѣли ко́шекъ, лошади́ную па́даль, отъ чего́ на́чались болѣзни; наступи́ли сыры́я, холо́дныя но́чи, а погрѣться нельзя́, дровъ нѣтъ, отъ э́того опять болѣзни; а къ ру́сскому во́йску при Тару́тинѣ съ ра́зныхъ сторо́нъ шли обо́зы; благодаря́ большо́мъ пожертвованіямъ, доста́вленнымъ жи́телями подмоско́вныхъ и ю́жныхъ губе́рній, солда́ты почти́ ежедне́вно имѣли мя́со и вино́. Съ ка́ждымъ днёмъ ру́сская а́рмія уси́ливалась, а непрія́тельская ослабѣва́ла. 3 октября́ Наполео́нъ посла́лъ къ Куту́зову съ ми́рными предложе́ніями; фельдмарша́ль донёсъ объ э́томъ импера́тору, и тотъ отвѣча́лъ: „Въ настоя́щее вре́мя никакія предложе́нія непрія́теля не побу́дятъ меня́ прерва́ть брань и тѣмъ осла́бить свяще́нную обя́занность отомсти́ть за оскорблённое оте́чество“.

25. **Отступле́ніе Наполео́на изъ Москвы́.** Наступи́ла пора́ ру́сскому во́йску дѣйствовать. Въ верста́хъ десяти́ отъ ру́сскаго тару́тинскаго ла́геря, на рѣкѣ Черни́шнѣ, стоя́ла часть францу́зскаго во́йска подъ нача́льствомъ зя́тя Наполео́нова, неаполита́нскаго короля́ Мюра́та; полови́на ру́сскаго во́йска напа́ла на францу́зовъ, опроки́нула ихъ и отня́ла мно́жество пу́шекъ. Наполео́нъ, узна́вши объ э́томъ, отда́лъ прика́зъ неме́дленно выходи́ть изъ Москвы́. Самъ онъ вы́ѣхалъ изъ Москвы́ 7 октября́, но оста́вилъ здѣсь одного́ изъ свои́хъ генера́ловъ съ приказа́ніемъ взорва́ть Кремль и зажечь всѣ обще́ственныя зда́нія. Въ по́лночь на 11 октября́ запыла́лъ Кре́млевскій арсена́лъ и другія зда́нія, разда́лся стра́шный взрывъ, за кото́рымъ слѣ́довали ещё шесть: разрушены бы́ли дворе́цъ, часть колоко́льни Ива́на Вели́каго, арсена́лъ, стѣны бы́ли повреждены́ во мно́гихъ мѣста́хъ; но собо́ры уцѣлѣли. 11 октября́ всѣ францу́зы ушли́ изъ Москвы́. Ме́жду тѣмъ Наполео́нъ шёлъ къ Ка-

лу́гѣ, и 11 октября́ францу́зы за́няли Малоярослáвецъ, но къ э́тому же го́роду спѣши́ли ру́сскіе изъ Тару́тина. 12 числа́ у нихъ съ францу́зами на́чался бой; Малоярослáвецъ нѣсколько разъ переходи́лъ изъ рукъ въ ру́ки и, наконе́цъ, превати́лся въ ку́чу развáлинъ. По́слѣ э́того Наполео́нъ пошёлъ по Смоле́нской доро́гѣ; ру́сскіе преслѣдовали его́ съ ты́ла и боко́въ. Генера́лъ Милора́довичъ порази́лъ францу́зовъ при Вя́земѣ; ата́манъ донски́хъ казако́въ Пла́товъ—на рѣкѣ Во́пи, близъ Духовщи́ны. Въ нача́лѣ ноября́ бы́ло большо́е сраже́ніе подъ Кра́снымъ; здѣсь ру́сскіе взя́ли бо́льше 26,000 плѣнныхъ и 126 пу́шекъ. Съ того́ же вре́мени съ ноября́, наступи́ли моро́зы и на́чали истребля́ть францу́зовъ: въ одну́ ночь замёрзло до 300 челове́къ. Наполео́нъ спѣши́лъ перепра́виться за рѣку́ Берёзину, но при э́той перепра́вѣ а́рмія его́ потеря́ла 20,000 плѣнныхъ, мно́жество уби́тыми, почти́ всю артилле́рію и обо́зы; моро́зы, доходи́вшіе до 30 гра́дусовъ, довершили истребле́ніе францу́зовъ. Не доѣзжа́я Ви́льны, Наполео́нъ поки́нулъ ничто́жные оста́тки свое́й а́рміи и уѣ́халъ въ Пари́жъ.

26. Война́ съ Наполео́номъ за грани́цею. Но импера́торъ Алекса́ндръ не могъ положи́ть ору́жія, потому́ что изгна́ніемъ францу́зовъ изъ Россіи была́ сдѣлана то́лько полови́на дѣла. Наполео́нъ, получи́вшій престо́лъ вслѣ́дствіе побѣ́дъ свои́хъ, счита́лъ войну́, побѣ́ды, завоева́нія необходи́мыми, чтобъ держа́ться на престо́лѣ; тепе́рь онъ потерпѣ́лъ стра́шное пораже́ніе, покры́лся безсла́віемъ и потому́ престо́лъ его́ бы́лъ потрясёнъ; чтобъ удержа́ться на престо́лѣ, ему́ ну́жно бы́ло опя́ть воева́ть, побѣжда́ть, завоёвывать, ну́жно бы́ло загла́дить свое́ пораже́ніе, заста́вить забы́ть о нёмъ; слѣдовательно, пока́ Наполео́нъ былъ на престо́лѣ, споко́йствія для Евро́пы и для Россіи быть не могло́; прекрати́ть тепе́рь войну́ зна́чило оста́вить Евро́пу подъ влады́чествомъ Наполеона, зна́чило оста́вить въ рука́хъ его́ всѣ сре́дства трево́жить Россію, мстить ей за неуда́чу и позо́ръ. Другія государ́ства, и са́мыя гла́вныя: Пру́ссія, Австрія, такъ боя́лись Наполеона, что одни́ не могли́ тро́нуться, но гото́вы бы́ли встать, е́сли бъ ру́сское во́йско яви́лось среди нихъ. И вотъ ру́сскія войска́ 1 января́ 1813 го́да перешли́ грани́цу, рѣку́ Нѣ́манъ, и въ нача́лѣ февраля́ дошли́ до рѣки́ Одера. Куту́зовъ, получи́вшій ти́тулъ кня́зя Смоле́нскаго за про́воды францу́зовъ по Смоле́нской доро́гѣ, у́меръ въ апрѣ́лѣ мѣ́сяцѣ. Гла́вное нача́льство по́слѣ него́ при́нялъ князь Витгенште́йнъ; но самъ импера́торъ Алекса́ндръ постоя́нно находи́лся при во́йскѣ. Пру́ссія перешла́ на сто́рону Россіи; Австрія немно́го поме́длила, но пото́мъ та́кже присоедини́лась къ Россіи и Пру́ссіи; кро́мѣ э́тихъ трёхъ держа́въ, въ сою́зѣ бы́ли ещё Англія и Шве́ція. Сою́зъ держа́лся кре́пко, благодаря́ импера́тору Алекса́ндру, кото́рый умѣ́лъ ободри́ть при неуда́чѣ, ула́дить, согласи́ть при разномы́сліи, поддержа́ть твёрдость‘ вести́ дѣ́ло до конца́, не остана́вливаться на

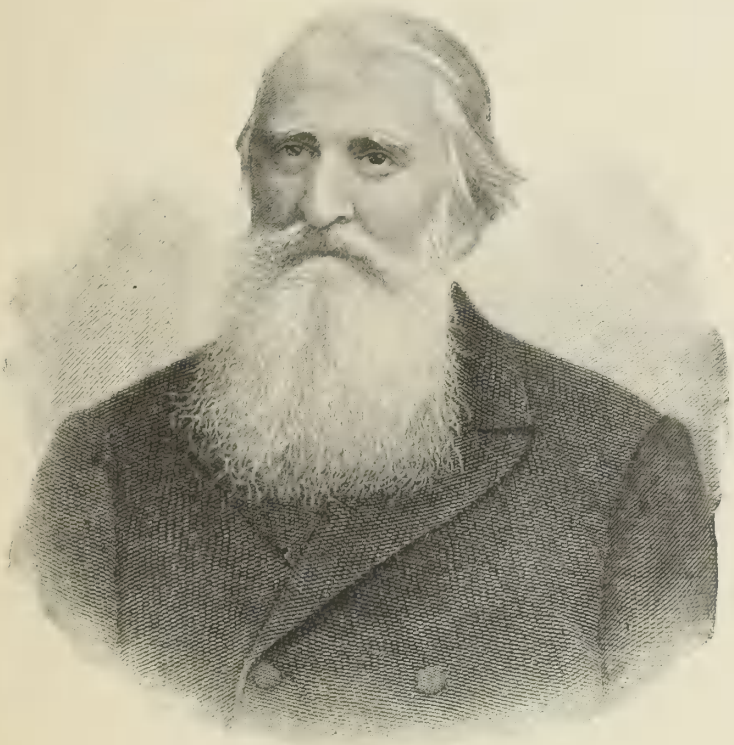
половинѣ дорóги. 17 áвгуста въ Богéміи, при Кульмѣ, францýзскій генерáлъ Вандáмъ былъ поражёнъ и взятъ въ плѣнъ, благодаря стóйкости рýсскихъ войскъ, бывшихъ подъ начáльствомъ грáфа Остéрмана-Толстóго и Ермóлова. Наконéцъ, всѣ сóюзныя áрміи соединúлись и дáли Наполеóну бúтву въ Саксóніи, при Лéйпцигѣ. Бой продолжáлся три дня (5, 6 и 7 октября), бúлось полумилліóна вóйска, составлéннаго изъ рáзныхъ нарóдовъ, гремѣло 2000 пýшекъ. Наполеóнъ потерпѣлъ стрáшное пораженіе, потерялъ óколо половúны своегó вóйска и ушёлъ во Фрáнцію. Германія былá освобождена.

27. **Рýсскіе въ Парúжѣ.** Пóслѣ страшной Лéйпцигской бúтвы, котóрую справелúво называ́ютъ бúтвою нарóдовъ, францýзы должны́ были очúстить Германію, а въ началѣ 1814 гóда войскá сóюзныхъ государéй уже́ перешлú во Фрáнцію. Наполеóнъ, съ остáткомъ своегó вóйска, защищáлся упóрно, но принужденъ былъ напослѣдокъ дать дорóгу сóюзникамъ къ своéй столúцѣ къ Парúжу. Они подошлú къ э́тому гóроду 17 мáрта, и, пóслѣ жестóкой бúтвы 18 числá, ведённой преимýщественно рýсскими, Парúжъ сдáлся. 19 мáрта императóръ Алексáндръ, вмѣстѣ съ королёмъ прýсскимъ, торжéственно вошёлъ въ негó; на Парúжской плóщади былъ отслýженъ рýсскій благодáрственный молéбенъ за освобождéніе Евро́пы, и вся Евро́па признавáла, что э́тимъ освобождéніемъ былá обязана рýсскому государю. Избавлéніе не моглó быть вѣрнымъ, покá Наполеóнъ оставáлся императóромъ францýзовъ, а потомý императóръ Алексáндръ въ тóтъ же день, 19 мáрта, объявúлъ, что ни онъ ни сóюзники егó не намѣрены входúть ни въ какіе переговóры съ Бонапáртомъ и ни съ кѣмъ изъ его рóдственниковъ. Вслѣдствіе этого францýзы провозгласúли государемъ брáта послѣдняго своегó короля; Наполеóнъ отрёкся отъ престóла, и емý дáли во владѣніе небольшóй óстровъ Эльбу пóдлѣ Итáліи. Скóро, однáко, онъ ушёлъ съ óстрова Эльбы опять во Фрáнцію, возмутúлъ здѣсь вóйско, вошёлъ въ Парúжъ и опять провозгласúлъ себя императóромъ францýзовъ, но былъ побѣждёнъ, схвáченъ англичáнами, когда хотѣлъ бѣжáть въ Амéрику, и заточёнъ на одúнъ изъ африкáнскихъ островóвъ, óстровъ св. Елéны. Императóръ Алексáндръ не хотѣлъ за Москвý мстить надъ Парúжемъ: Парúжъ остáлся цѣлъ и невредúмъ.

Н. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ

(1825—1893)

потóмокъ дрéвняго дворянскаго рóда. Родúлся онъ въ Костромѣ. Пéрвые гóды дѣтства онъ провёлъ въ Нúжнемъ-Нóвгородѣ, гдѣ



A. Tiemann

отéцъ егó состоялъ на слýжбѣ. Учúлся Плещéевъ въ С.-Петербýргѣ, снача́ла въ шкóлѣ гвардéйскихъ подпра́пор[щ]иковъ, а потóмъ въ университéтѣ. Не окóнчивъ кýрса ни въ шкóлѣ ни въ университéтѣ, Плещéевъ нѣ́которое врéмя жилъ въ С.-Петербýргѣ, не имѣя опредѣлённыхъ занятій. Нѣ́сколько лѣтъ спустя́ онъ поступúлъ въ воéнную слýжбу, начáвъ её въ кáчествѣ рядовóго. При взя́тіи одно́й крѣ́пости, Плещéевъ отличúлся хрáбростью и былъ произведёнъ въ ýнтеръ-офицéры, а потóмъ и въ офицéры. Однáкоже воéнная слýжба не нрáвилась Плещéеву, и онъ остáвилъ её и перешёлъ въ гражда́нскую. Плещéевъ написáлъ мнóго сочинéній какъ въ прóзѣ, такъ и въ стихáхъ но извѣ́стность онъ пріобрѣлъ глáвнымъ óбразомъ своими стихáми.

А. Н. Плещéевъýмеръ 26 сентября́ 1893 гóда.

I. Бáбушка и внýчекъ.

Пóдъ ок|нóмъ чу|лóкъ ста|рýшка

Подъ окномъ чулóкъ старушка
Вяжетъ въ комнаткѣ уютной
И въ очки свои большія
Смотритъ въ уголъ поминутно.
А въ углу кудрявый мальчикъ
Молча съ стѣнкѣ прислонился,
На лицѣ его забота,
Взглядъ на что-то устремился.
„Что сидишь все дома, внучекъ?
Шёлъ бы въ садъ, копалъ бы грядки[1],
Или кликнулъ бы сестрёнку,
Поигралъ бы съ ней въ лошадки.
Присмирѣлъ ты что-то, Ваня,
Всё стоишь, сложивши ручки;
Посмотри, какъ свѣтитъ солнце:
Ни одной на небѣ тучки!“
Подошёлъ къ старухѣ внучекъ
И головкою кудрявой
Къ ней припалъ; глаза большіе
На неё глядятъ лукаво...
—Знать, гостинцу захотѣлось?
Винныхъ ягодъ, винограда?
Ну, поди, возьми въ комодѣ!
—Нѣтъ, гостинца мнѣ не надо!
—Ужъ чего-нибудь да хочешь...
Или, можетъ, напроказилъ?
Можетъ, самъ, когда спала я,
Ты въ комодъ безъ спросу лазилъ?
Можетъ, вытащилъ закладку
Ты изъ святцевъ[2] для потѣхи?
Ну, постой же... За проказы
Будетъ внучку на орѣхи!
—Нѣтъ, въ комодъ я твой не лазилъ,
Не таскалъ твоей закладки.
—Такъ, пожалуй, не задулъ ли
Передъ образомъ лампадки?
—Нѣтъ, бабуся, не шалилъ я,
А вчера меня цѣлуя,
Ты сказала: „Будешь умникъ—
Всё тогда тебѣ куплю я...“
—Ишь, вѣдь, память-то какая!
Что жъ купить тебѣ? Лошадку?
Оловянную посуду?
Или грабли да лопатку?
—Нѣтъ, ужъ ты мнѣ покупала
И лошадку и посуду;
Сумку мнѣ купи, бабуся;
Въ школу съ ней ходить я буду.
—Ай да, Ваня! Хочетъ въ школу,

[1]Полоса́ земли́, засѣ́янная или́ заса́женная чѣмъ-ли́бо. [2]Кни́га, гдѣ́ ука́заны имена́ святы́хъ на ка́ждый день въ году́ и моли́твы имъ.

За букварь да за указку![1]
Гдѣ тебѣ! Садись-ка лучше.
Разскажу тебѣ я сказку.
—Ужъ и такъ мнѣ сказокъ много
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, разскажи мнѣ
Лучше то, что вправду было.
Шёлъ вчера я мимо школы..
Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ разсказывалъ учитель,
Долго слушалъ у окна я.
Слушалъ я, какія земли
Есть за дальними морями,
Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣрями,
Онъ разсказывалъ, гдѣ жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы,
Отъ чего дожди, туманы,
Отъ чего бываютъ грозы...
Рисовали тоже дѣти;
Много я глядѣлъ тетрадокъ:
Кто глаза, кто носъ выводитъ,
А кто домикъ да лошадокъ.
Отпусти меня! Бабусю
Я за это расцѣлую
И какихъ тебѣ картинокъ
Распрекрасныхъ нарисую!
И впились въ лицо старушки
Глазки бойкіе ребёнка,
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.
На глазахъ старушки слёзы.
—Это Божіе внушенье!
Будь по-твоему, голубчикъ;
Знаю я, что свѣтъ—ученье.
Бѣгай въ школу, Ваня; только
Спеси тамъ не набирайся;
Какъ обучишься наукамъ,
Тёмнымъ людомъ не гнушайся.
Чуть со стула рѣзвый мальчикъ
Не стащилъ ея. пустился
Вонъ изъ комнаты и мигомъ
Ужъ въ саду онъ очутился.
И ужъ русая головка
Въ тёмной зелени мелькаетъ...
А старушка то смѣётся,
То слезинку утираетъ.

II. На берегу́.

Дóмикъ| нáдъ рѣ|кóю,|

Домикъ надъ рѣкою,
Въ окнахъ огонёкъ;
Свѣтлой полосою
На воду онъ легъ.
Въ домѣ не дождутся
Съ ловли рыбака,
Обѣщалъ вернуться
Черезъ два денька;
Но прошёлъ и третій,
А его всѐ нѣтъ.
Ждутъ напрасно дѣти,
Ждётъ и старый дѣдъ.

Всѣхъ нетерпѣливѣй
Ждётъ его жена,
Ночи молчаливѣй
И, какъ холстъ, блѣдна.
Вотъ за ужинъ сѣли,—
Ей не до ѣды.
„Какъ бы въ самомъ дѣлѣ,
Не было бѣды“.
Вдоль рѣки несётся
Лодочка, на ней
Пѣсня раздаётся
Всѐ слышнѣй, слышнѣй.

Звуки той знакомой
Пѣсни услыхавъ,
Дѣти вонъ изъ дому
Бросились стремглавъ.
Весело вскочила
Изъ-за прялки мать,
И у дѣда сила
Вдругъ нашлась бѣжать.
Пѣсню заглушаетъ
Звонкій крикъ ребятъ:

[1] Укáзка—пáлочка для указáнія буквъ въ книгѣ; вмѣсто того́, чтобы́ водúть пáльцемъ подъ строкóй, вóдятъ укáзкой.

Тщетно унимаетъ
Старый дѣдъ внучатъ.
Вотъ и воротился
Веселъ и здоровъ,
Въ росказни[1] пустился
Тотчасъ про уловъ.
Въ морды[2] онъ и въ сѣти
Наловилъ всего.
Съ любопытствомъ дѣти
Слушаютъ его.
Прыгаютъ, смѣются
Дѣтки, если вдругъ
Рыбки встрепенутся,
Выскользнутъ изъ рукъ.
Долго раздавался
Смѣхъ ихъ надъ рѣкой;
Ими любовался
Мѣсяцъ золотой.
Ласково мерцали
Звѣзды съ вышины,
Дѣтямъ обѣщали
Радостные сны.

III. Житейское[3].

Изъ шко́|лы дѣт|ки во́|рати́|лись;

Изъ школы дѣтки воротились;
Какъ разрумянилъ ихъ морозъ!
Вотъ у крыльца, хвостомъ виляя,
Встрѣчаетъ ихъ лохматый пёсъ.
Они погладили барбоску,
Онъ нѣжно ихъ лизнулъ въ лицо,
И съ звонкимъ хохотомъ вбѣжали
Малютки живо на крыльцо.
Стучатся въ двери; отворяетъ,
Съ улыбкой доброй, няня имъ.
—Пришли! Небось, ужъ захотѣлось
Покушать птенчикамъ моимъ!
Снимаетъ съ мальчика тулупчикъ
И шубку съ дѣвочки она;
Черты старушки просвѣтлѣли,
Любовь въ глазахъ ея видна.
И, чмокнувъ[4] няню, ребятишки
Пустились въ комнаты бѣгомъ;
Трясётся полъ подъ ихъ ногами,
Весь ожилъ старый, тихій домъ!
Отецъ угрюмъ; онъ въ кабинетѣ
Всё что-то пишетъ. Въ спальнѣ мать
Лежитъ больная; мигомъ дѣти
Къ ней забрались на кровать.
Вотъ мальчикъ, съ гордостью тетрадку
Изъ сумки вынувъ, показалъ.
—Смотри-ка, мама, двѣ страничк
Я безъ ошибки написалъ!
—А я сегодня рисовала,
Сказала дѣвочка: взгляни,
Какая сосенка густая,
А возлѣ кустики и пни.
Вѣдь всё сама я, право, мама,
Не поправлялъ учитель мнѣ...
И мать недугъ свой забываетъ,
Внимая дѣтской болтовнѣ.
Всталъ и отецъ изъ-за работы,
Звенящій слыша голосокъ.
—Ну, что вы, крошки, хорошо ли
Сегодня знали свой урокъ?
Спрыгнувъ съ кровати, въ перегонку
Бѣгутъ они обнять отца...
И грусть мгновенно исчезаетъ
Съ его усталаго лица.
И даже солнышко, казалось,
Въ окно смотрѣло веселѣй
И блескомъ яркимъ осыпало
Головки русыя дѣтей!
И птичка въ клѣткѣ тѣсной, втор
Весёлымъ дѣтскимъ голосамъ,
Не умолкая, заливалась,
Какъ бы навстрѣчу вешнимъ днямъ.

---

[1]Разска́зы. [2]Плетёнка изъ пру́тьевъ для ло́вли ры́бы. [3]Что ча́сто быва́етъ въ жи́зни. [4]Поцѣловавъ.

IV. Елка[1].

Въ шко́лѣ шу́мно;| ра́зда|ётся|

Въ школѣ шумно; раздаётся
Бѣготня и шумъ дѣтей...
Знать, они не для ученья
Собрались сегодня въ ней?
Нѣтъ! рождественская ёлка
Въ ней сегодня зажжена;
Пестротой своей нарядной
Дѣтокъ радуетъ она.
Дѣтскій взоръ игрушки манятъ..
Здѣсь лошадка, тамъ волчокъ,
Вотъ желѣзная дорога,
Вотъ охотничій рожокъ.
А фонарики, а звѣзды!
Что алмазами горятъ...
А орѣхи золотые,
А прозрачный виноградъ!
Будьте жъ вы благословенны,
Вы, чья добрая рука
Убирала эту ёлку
Для малютокъ бѣдняка.
Рѣдко, рѣдко озаряетъ
Радость свѣтлая ихъ дни,
И весь годъ имъ будутъ сниться
Елки яркіе огни.

V. Былъ у Христа́ младе́нца садъ.

Былъ у́| Христа́| младе́н|ца садъ.

Былъ у Христа младенца садъ,
И много розъ взрастилъ Онъ въ нёмъ;
Онъ трижды въ день ихъ поливалъ,
Чтобъ сплесть вѣнокъ себѣ потомъ.
Когда же розы расцвѣли,
Дѣтей еврейскихъ созвалъ Онъ;
Они сорвали по цвѣтку,
И садъ былъ весь опустошёнъ.
—Какъ ты сплетёшь теперь вѣнокъ
Въ твоёмъ саду нѣтъ больше розъ
—Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ, сказалъ Христосъ.
И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

VI. Зи́мній ве́черъ.

Хо́ро|шо́ вамъ,| дѣтки,|

Хорошо вамъ, дѣтки,
Зимнимъ вечеркомъ.
Въ комнатѣ уютной
Сѣли вы рядкомъ.
Пламя отъ камина
Освѣщаетъ васъ...
Слушаете жадно
Мамы вы разсказъ;
Радость, любопытство
На лицѣ у всѣхъ;
Часто прерываетъ
Маму звонкій смѣхъ.
Вотъ разсказъ окончен.
Всѣ пустились въ залъ...
—Поиграй намъ, мама,
Кто-то пропищалъ.
Хоть ужъ десять било,
Отказать вамъ жаль...
И послушно сѣла
Мама за рояль.
И пошло веселье,
Началась возня,
Пляска, пѣсни, хохотъ,
Визгъ и бѣготня!
Пусть гудитъ сердито
Вьюга подъ окномъ,
Хорошо вамъ, дѣтки,
Въ гнѣздышкѣ своёмъ!
Но не всѣмъ такое
Счастье Богъ даётъ;
Есть на свѣтѣ много
Бѣдныхъ и сиротъ.
У однихъ могила
Рано мать взяла;
У другихъ нѣтъ въ зиму
Тёплаго угла.
Если приведётся
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приголубьте ихъ.

[1] Чита́й: ёлка.

VII. Птичка.

Для че|го́ пѣ|ву́нья| пти́чка,|

Для чего, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальнія края?
Заслонили солнце тучи,
Небо всё заволокли,
И тростникъ сухой и жёлтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.
Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ, словно изъ ведра;
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!
—Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда,
Въ камышахъ сухихъ и жёлтыхъ
Не совью себѣ гнѣзда.
Я совью его подъ кровлей
Горемыки бѣдняка:
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.
Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.
Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей;
Никогда́ ея не пѣла
Для счастливыхъ я людей.
Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольётъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснётъ.

VIII. Сельская пѣсня.

Если во|ло́въ я не| та́къ запря|га́ю

Если воловъ я не такъ запрягаю,
Нѣту во мнѣ для хозяйства пути[1];
Если въ избѣ я тебѣ докучаю,
Въ школу, родная, меня отпусти,
Грамотный буду; крестьянскаго сына
Въ школѣ научатъ, я знаю, всему;
Сдѣлаютъ тамъ изъ него господина,
Платье суконное справятъ ему.
Къ вамъ принесу я разсказовъ не мало:
Въ книжкѣ прочту, какъ всё въ мірѣ идётъ,
Всё, что въ старинные годы бывало,
Даже и то, что случится впередъ...
Каждую травку назвать я сумѣю,
Буду я въ церкви попу помогать
И на стѣнѣ, надъ постелью твоею,
Лики угодниковъ углемъ писать

IX. Цвѣто́къ.

На́дъ пу|стыней| въ по́лдень| зно́йный|

Надъ пустыней въ полденъ зной-
ный
Горделиво и спокойно
Тучка лёгкая плывётъ.
А въ пустынѣ, жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Къ ней цвѣтокъ моленье шлётъ.
„Посмотри, въ степи унылой

[1] Неспособенъ я къ хозяйству.

Я цвѣту больной и хилый,
И безъ силъ и безъ красы.
Мнѣ цвѣсти такъ безотрадно...
Нѣтъ ни тѣни здѣсь прохладной
Ни свѣжительной росы;
Я горю, томлюсь отъ зною,
И поблекшей головою
Я къ землѣ сухой приникъ.
Каждый день съ надеждой тайной
Я всё ждалъ, что хоть случайно
Залетишь ты къ намъ на мигъ.
Вотъ пришла ты, и взываю
Я съ мольбой къ тебѣ и знаю,
Что къ мольбѣ склонишься ты,
Что прольётся дождь обильный
И, покровъ стряхнувши пыльный,
Оживитъ мои листы,
И подъ влагой неба чистой
И роскошный и душистый
Заблистаетъ мой нарядъ.
И потомъ въ степи суровой
Долго, долго къ жизни новой
Буду помнить я возвратъ...
Но, горда, неумолима,
Пронеслася тучка мимо
Надъ поникшимъ цвѣткомъ
Далеко, надъ сжатой нивой,
Безполезно, прихотливо
Пролилась она дождёмъ.
А въ пустынѣ, жаждой мучимъ
И лучомъ палимый жгучимъ,
Увялъ цвѣтокъ больной...
И всё ждалъ онъ, увядая,
Тучка вотъ придётъ другая...
Но ужъ не было другой.

УКАЗАТЕЛЬ

словъ и оборотовъ, объяснённыхъ въ I томѣ книги: „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“.

Большая цифра означаетъ страницу, малая—номеръ примѣчанія къ тексту.—При справкахъ необходимо сопоставлять примѣчанія съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ въ текстѣ.—Два ударенія на словѣ показываютъ, что оно произносится двояко.

Авóсь 17,1; 155,2
Аврóра 68,2.
Авторъ 65,5.
Агпецъ 75,9.
Адмиралтéйская игла 251,19.
Адмиралтéйство 251,19.
Адъ 74,8; 101,7.
Ажъ 332,3.
Азáртъ 308,8.
Аквилóнъ 100,1.
Аксióма 303,4.
Актъ 129,5.
Али 26,4; 28,5; 253,3.
Алкáть 258,11
Аллáхъ 283,5
Аллéя 341,3.
Алтáрь 51,9.
Алчный 87,5; 258,11.
Алый 58,16.
Альта 418,1.
Альтъ 118,10.
Амбáръ 9,1.
Амúнь 248,2.
Амстердáмъ 49,7.
Амýръ 48,11.
Анъ 58,9; 79,7; 104,9.
Аппетúтъ 170,1.
Арáва 349,4.
Арáгва 255,4.
Арáксъ 248,5.
Арарáтъ 267,2.
Арбá 262,11.
Аркáдія 75,7.
Аркáнъ 227,5; 228,8.
Армія 334,3.
Армянъ 207,6.
Аромáтный 172,2.
Арпачáй 248,8.
Арьергáрдъ 280,11.
Арръéръ 300,4.
Архитектýра 60,3.
Атý 367,6.
Атъ 113,7.
Аудіéнція 41,5.
Аýлъ 227,1; 263,4.
Ахиллéсъ 106,15.
Ахтú 115,4.

Багрянный 181,5.
Бáденъ 305,4.
Бáза 59,4.
Байрáмъ илú Байрáнъ 230,4.
Баклýши бить 366,1.
Балалáйка 332,12.
Балъ 252,5.
Бантъ 366,4.
Барбарúсъ 146,1.
Бáрскій 66,2.
Барсъ 297,6.
Барúшъ 117,7.
Баснослóвный 303,2.
Бáспя 85,3.
Басъ 118,9.
Басурмáнъ 289,4.
Баталióнъ 279,6.
Батарéя 279,7.
Батóгъ 30,8; 130,4.
Батрáкъ 124,4.
Батúй 333,7.
Бáтюшка 116,7; 191,15.
Бахромá 190,16.
Башкá 248,3.
Бáшня 64,8.
Баянъ 225,7.
Бáять 285,2.
Бедуúнъ 297,7; 278,16.
Безвремéнье 195,11.
Безвѣстный 103,2; 288,9.
Безглагóльный 278,10.
Бéздна 57,12.
Бездѣлка 123,3.
Бемóлвіе 230,9.
Безмóлвный 283,14. 229,7.
Безмятéжный 223,4.
Безóсый 168,5.
Безперéчь 19,4.
Безпривѣтный 395,3.
Безрóдный 76,8; 88,8.
Безсýдить 3,4.
Безталáнный 195,18.
Безтрéпетно 226,2.
Безъ душú 108,9.
Безъ оглядки 85,4.
Безъ пáмяти 110,14.
Безъ путú 35,4.
Белена́ 257,1.
Бéрдо 17,2.
Берёзникъ 78,12.
Бéрежно 212,8; 250,8.
Бéркутъ 185,7.
Берлóга 79,8.
Бешмéтъ 356,1.
Библіотéка 66,1.
Бивáкъ 229,9.
Бúржа 249,11.
Бирюзá 63,1.
Бирюкъ 5,4.
Бúсеръ 42,6.
Бить челóмъ 350,2.
Благовóнный 230,1.
Благовѣрный 48,5.
Блáговѣсть 51,10; 212,1.

Благодáрствуй 34,1.
Благодáтный 293,12.
Благодáть 20,6; 396,2.
Благослови́ть 49,2; 58,21.
Блáгость 223,6.
Блажéнный 100,11; 131,5.
Блажéнство 294,2.
Бовá 194,17.
Богатúрь 12,1; 195,12; 285,9.
Богъ на пóмощь 26,2.
Боднýть 70,6.
Боевóй 279,8.
Бокáлъ 252,6.
Болóнка 89,4.
Бóльно (óчень) 314,7.
Большóй полкъ 334,6.
Борéй 96,2.
Борзáя (собáка) 175,3; 184,1.
Бóрзый 225,9.
Бораятникъ 299,6.
Боронá 144,8.
Боронова́ть 144,7.
Бортъ 54,2.
Боръ 11,13; 180,2; 36,5.
Бостóнъ 52,4.
Ботвá 4,6.
Боя́ринъ 257,4.
Брáга,—жка 132,2; 191,2.
Бразда́ 239,9.
Брáнный 227,2.
Брань (войнá) 223,8; 227,12.
Брести́ 69,12.
Брилліáнтъ 332,1.
Брúчка 262,10.
Бродъ 113,9.
Броня́ 228,4.
Бýдетъ (въ смы́слѣ довóльно) 397,3; 366,*.
Бýйный 194,24; 188,9.
Букáшка 114,8.
Булáкъ 342,1.
Булы́жникъ 78,2.
Бульвáръ 261,13.
Бурáкъ 143,2.
Бýрка 228,2.
Бурлáкъ 403,1.
Бухáра 352,3.
Былúнка 197,9.
Былъ такóвъ 84,20.
Быль 112,7.
Бытié 49,1.
Бытъ 204,2.
Быть во врéмени 28,2.
Бѣлгородъ 417,1.
Бѣлевъ 260,2.
Бѣлка 181,9.
Бѣлокýрый 60,7.
Бѣлякъ 184,8.

Валерúкъ 279,12.
Валъ 235,12; 285,3.
Вампúръ 253,12.
Варя́гъ 408,4.
Василёкъ 197,7.
Васúльевъ вéчеръ 206,2.
Ввечерý 55,2.
Вдóсталь 125,15.
Вдохновéнный 234,9.
Вдохновéнье 223,13.
Вéдреный 203,2.
Великолѣпно 166,10.
Вельмóжа 122,7.
Вепрь 283,11 330,1.
Верблю́дъ 297,1.
Вереница 313,5.
Верещáть 92,14.
Верúга 368,4.
Верстá (въ особ. смыслѣ) 242,2.
Верхóвье (рѣки́) 143,7.
Вести́ рѣчь 402,6.
Ветлá 63,8.
Вéтошь 184,6.
Вéтхій 237,9; 251,9.
Вéчеря 56,1.
Вечóръ 249,3; 400,6; 206,9.
Вéшній 239,21; 328,4.
Взáпуски 109,9; 124,2.
Взбрелó на мысль 44,8.
Взгромоздúться 84,5.
Вздивовáться 17,4.
Вздóрный 91,11.
Вздоръ 126,4; 66,8.
Взирáть 101,6.
Взмолúться 124,10.
Взъерóшенный 351,5.
Вúдимо-невúдимо 349,3.
Винтóвка 282,6.
Вихрь 237,7.
Вишь 13,5.
Влады́ка 234,16; 259,8.
Владúчество 100,16.
Внéмлю 244,13.
Во весь духъ 238,4.
Во весь опóръ 2[illegible]8,15.
Вó-время 111,7.
Во всѣ лопáтки 40,3.
Во въ (для обозначéнія цѣли) 56,2; 69,10.
Во (междомéтіе) 30,1.
Водопровóдъ 265,5.
Воевóдство 31,2.
Воéнно-грузúнская дорóга 262,*.
Вóжа 333,4.
Вожделѣ́нный 246,7.
Возвы́шенный 43,7.
Возúться 309,4.
Возопúть 70,10; 227,6.
Вóйлокъ 130,6.
Войтель 235,7.
Вóлость 418,4.
Волшéбникъ 41,1.
Волшéбный 37,3; 291,5.
Волхвъ 234,15.
Вольготно 26,5.
Воронка 7,1.
Ворохнýться 1,2.
Вóрохъ 83,4; 144,5.
Восвояси, въ-свояси 94,3.
Востóкъ 277,7.
Востру́ха 78,4.
Вóстрый 207,5.
Восхищáть 105,4.
Вóтчина 202,9.
Вотщé 247,15.
Вотъ-нá! 70,3.
Во хмелю́ 346,3.
Вóхра 320,3.
Впопыхáхъ 327,3.
Впóру 359,1.
Врáка 80,6.
Всевышній 57,19.
Вскарáбкаться 125,3.
Вскружúть гóлову 108,3.
Встарь 48,3.
Вспыхнуть 188,2.
Втóра 119,2.
Вурдалáкъ 253,3.
Въ глазá кидáться 121,1.
Въ óба глядѣть 331,5.
Въ прáвѣ 99,3.
Въ три погúбели 300,5.

Вы́водка, вы́водокъ 167,10; 177,1; 301,6.
Вымеща́ть 70,2.
Выпа́ливать 172,1.
Вы́править 354,4.
Вырѣзно́й 191,4.
Вы́селки 213,4.
Выха́живать 160,1.
Вы́я 241,12.
Вѣ́дать 111,1.
Вѣ́домость 64,4.
Вѣ́дьма 195,8.
Вѣ́жа 421,10.
Вѣ́жда 283,7.
Вѣково́й 66,9.
Вѣкъ (въ смы́слѣ нар.) 128,2; 366,3; 180,7.
Вѣ́треный 45,3.
Вѣ́че 420,2.
Вѣ́щій 24,1; 235,1.
Вѣщу́нья 84,17.
Вѣ́ять 190,2.
Вязъ 78,13.

Га́личъ 423,2.
Галлере́я 41,10.
Га́ллы 94,6.
Га́лстукъ 365,5.
Галу́бъ 281,4.
Га́лька 135,10; 163,3.
Га́мбургъ 324,8.
Гарази́мъ 404,3.
Гармо́нія 201,10.
Гарнизо́нъ 263,2.
Гару́нъ 282,1.
Гать 316,2.
Гва́рдія 65,2.
Гдѣ-гдѣ 350,3.
Га́бель 58,4.
Гева́лъ 404,
Гео́ргіевскъ 261,8.
Геркуле́съ 124,11; 260,3.
Геро́й 45,1.
Герои́ческій 321,8.
Гёте 62,6.
Ге́хи 279,13.
Гита́ра 387,6.
Гла́вное (въ см. нарѣ́чія) 340,5.
Глаго́лъ 405,6; 278,10.
Глаза́ разбѣжа́лись 45,7.
Гли́нка Ѳ. 240,*.
Глушь 76,9.
Глядь 32,3.
Глянь 19,5.
Гну́сный 84,2.
Гнуша́ться 127,2.
Го́голь 95,*.
Го́голь (пти́ца) 95,12.
Голго́ѳа 396,4.
Голени́ще 300,1.
Голи́къ 10,8.
Го́лову лома́ть 121,6.
Гоме́ръ 106,16.
Го́нчая (соба́ка) 72,9.
Гора́здый 25,3.
Го́ренка 190,11.
Горемы́ка 244,4; 400,4.
Го́рецъ 227,11.
Горизо́нтъ 153,1.
Го́рленка 88,6.
Го́рница 15,2; 132,1.
Горноста́й 185,5.
Городи́ще 349,1.
Го́ря ма́ло 402,4.
Госпо́дскій 132,2.
Гости́нецъ 39,5; 387,4.
Гра́бли 327,1.
Гравирова́ть 134,5.
Гра́дусъ 266,3.
Граждани́нъ 93,13.
Грамоте́й 114,15.
Гра́мотка 401,7.
Грана́та 280,15.
Гра́нды 329,9.
Грани́тъ 59,2.
Грань 393,2.
Гре́бля—е́лька 7,5.
Гре́ча 144,2.
Гри́ва 148,9.
Гри́вна 416,3.
Гри́дница 224,10.
Гроза́ 101,2.
Гроздь 211,11.
Гро́зный 206,3.
Грома́да 247,2.
Гру́да 245,8.
Груздь 146,6.
Грузи́ть 135,7.
Гру́зный 354,7.
Грунтъ 62,4.
Гру́ня 196,2.
Гряда́ 144,4; 281,3; 316,6.
Гря́дка 311,3; 443,1.
Гряду́щій 57,5; 234,11.
Гря́нуться 106,13.
Гувернёръ 298,14.
Гудо́вичъ 263,1.
Гужо́мъ 188,25.
Гужъ 188,25.
Гу́льденъ 302,6.
Гумно́ 184,9; 189,12.
Гуртъ 94,10.
Гурьба́ 126,10.
Гу́сли 225,5.
Гусь 167,1.
Гуто́рить 191,7.
Гутъ-гора́ 265,2.
Гяу́ръ 284,2.

Дава́й Богъ но́ги 44,4.
Дава́й (въ смы́слѣ на́чалъ, сталъ) 104,5; 189,3
Давны́мъ-давно́ 37,1.
Дать ма́ху 332,5.
Двадеся́тый 42,3.
Дворня́жка 107,6.
Дворо́вый (человѣ́къ) 131,7.
Де 28,2; 102,5; 115,6.
Дебрь 87,3.
Дёготь 216,5.
Делиба́шъ 247,17.
День-деньско́й 214,2.
Держа́ва 96,3; 223,3.
Держа́ть путь 329,1.
Держа́вный 394,2.
Дерви́шъ 268,2.
Дерзнове́нье 95,9.
Дёрнъ 268,3.
Десяти́на 144,3.
Деся́тскій 416,6.
Джиги́тъ 283,18.
Дива́нъ 278,7.
Диви́ть 98,15.
Диви́ться 97,4.
Ди́вный 235,11.
Ди́во 90,6; 93,10; 113,6.
Ди́кій (цвѣтъ) 167,8.
Дико́вина 113,3.
Дико́винка 82,4.
Дико́винный 183,6.
Діале́ктъ 307,5.
Длань 223,10; 227,13.
Дми́тріевская суббо́та 340,4.
Дми́тріевъ 150,4.
До́блесть 195,3.
Добры́ня 412,2.

Добро́ бы бы́ло... 90,7.
Добро́! 64,1; 257,3.
До́брый (хоро́шій) 90,4.
Дово́льство 89,8.
Довъ 260,4.
Дога́дка 124,18.
До́ля 287,1; 192,1.
Долгъ 100,14; 224,4; 77,18.
До́лгій 295,10; 259,4.
Домово́й 193,21.
Доне́цъ 421,5.
Донъ 229,10.
Допо́длинно 345,5.
Допото́пный 280,5.
Доро́дство 93,3.
Доро́жный 238,3.
Досе́ль 101,1.
Досу́гъ 58,12; 72,5.
Доѣзжа́чій 367,2.
Дра́хва 300,3.
Древля́не 408,1.
Дремучій 101,9; 194,15.
Дресва́ 122,3.
Дробь 68,1.
Дро́вни 11,8.
Дро́ги 50,8; 130,10.
Дромъ 319,1.
Дружи́на 350,1; 234,8.
Дру́жно 203,3.
Дряхлый 278,18.
Дубра́ва 4,5; 240,7.
Дуга́ 78,8.
Дупло́ 6,5; 102,3.
Духо́вная (въ смы́слѣ сущ.) 276,1.
Ду́ху не́ было 35,7.
Ду́ху придава́ть 120,3.
Духъ перевѣ́сть 120,10.
Духъ 84,7.
Душегрѣ́йка 256,6.
Души́ не ча́ять 89,7.
Души́стый 292,10.
Дыба 297,5.
Ды́мка 398,3.
Дьякъ 351,3.
Дѣло (въ воен. смы́слѣ) 280,9.
Дѣльно 92,7.
Дю́жина 80,3.
Дя́дька 136,3.
Дя́тель 6,2.

Евфра́тъ 248,6.
Ежели 84,16.
Екатериногра́дъ 262,5.
Екатериносла́въ 222,2.
Еле 253,9.
Елеопъ 404,1.
Епи́скопъ 63,11.
Ермо́лка 364,5.
Ермо́ловъ 260,1.
Ершъ 92,4.

Ѣ́дный 44,6; 71,1.
Жа́ло 127,3.
Жаръ 122,5; 240,3.
Жбанъ 132,3.
Жо́лудь 66,10.
Же́мчугъ 63,2; 397,1.
Жёрновъ 125,14; 398,1.
Живопи́сный 64,3; 166,9.
Живо́ть 72,7; 340,3; 314,9.
Жи́ло 85,3.
Жи́тница 64,6.
Жи́то 63,14.
Жни́вье 198,3.
Жни́тво 201,6.
Жре́бій или́ жеребе́й 235,3; 100,18.
Жури́ть 10,6.
Журнали́стъ 113,3.
Журна́лъ 65,7.
Жу́тко 368,5.

Забія́ка 74,3; 120,4.
Забри́ть лобъ 116,5.
Зава́линка 216,2.
Зава́лъ 280,16.
Завзя́тый 302,3.
Завѣ́тный 231,1; 188,22; 248,9.
Завѣ́ть 103,12; 234,10.
Загро́нъ 168,4; 303,8.
Зажи́точный 202,3.
За́имище 164,4.
Закалённый 285,*.
Заколдо́ванный 194,18.
Закро́мъ 16,2; 125,5.
Заку́поренный 144,6.
Заливно́й (лугъ) 171,2.
Залогъ 254,6; 280,17.
Залѣсье 314,10.
За́мертво 92,6.
За́мокъ 40,5.
Замо́ркій 257,5.
Замы́каться 342,5.
Заодно́ съ... 188,21.
Запа́дный 127,6.
Запа́сливый 202,1.
Запи́сной 46,5.
Запла́та 209,4.
Заплата́ть 112,1.
Запро́шлый 72,2.
Заря́ 81,9; 98,11.
Зарубѝть на сѣ́вкѣ 115,13.
Зарѣ́зать 73,5.
Засѣ́ка 349,2.
Затеса́ться 66,3.
Зато́нъ 142,3.
Затума́ниться 194,16.
Затѣ́йникъ,-ца 98,18; 93,8.
Затѣ́я 81,4; 94,2.
Затѣ́ять 93,2; 118,7; 289,3.
Зау́лочекъ 3,7.
За умъ взя́ться 125,*; 331,4.
Зау́тра 289,2.
Зва́ный 190,15.
Здава́ться (каза́ться) 203,*.
Здоро́во! 114,2.
Зевёсъ 103,9.
Земляна́я гру́ша 305,
Земля́къ, —чка 120,7.
Зефи́ръ 99,3.
Зипу́нъ 213,2; 400,1.
Зла́чный 100,13.
Зловѣщій 279,11.
Зна́й (въ смы́слѣ наро́чія) 10,2.
Зна́менье 203,3.
Зна́мо 26,10.
Знать 30,3; 317,1; 102,5.
Знай себѣ́ 123,5.
Зна́тный 34,2.
Зно́йный 42,3; 97,11.
Зной 232,5.
Зобъ 84,19.
Зрѣ́ть 259,12.
Зря 209,1.
Зыбь 313,4.
Зы́чный 168,7; 175,1.
Зѣва́ка 119,11.

И (междоме́тіе) 80,14.

Игри́вый 236,11.
Игорь 234,2.
Игу́менъ 21,2.
Идіо́тъ 306,1.
И дѣло! 127,11.
Изголо́вье 209,10.
Издѣва́ться 127,7.
Излу́чистый 60,8.
Изнеможённый 209,8.
Изря́дный 308,6.
Изумру́дъ 114,11.
Изъ избы́ выноси́ть соръ 77,9.
Изъ ко́жи лѣзть 118,2; 89,12.
Илъ 71,13.
Имени́тый 93,12; 332,10.
Инвали́дъ 249,2.
Иней 249,9.
Инструме́нтъ 119,7.
Интона́ція 368,8.
Искажённый 321,6.
Искроме́тный 248,11.
Испи́ть ча́шу сме́ртную 335,6.
Испов'ѣдовать 53,2.
Исподволь 180,1.
Испола́ть 82,1.
Исподтишка́ 121,4.
Истово 322,2.
Ита́лія 61,9.
И то сказа́ть 116,15.
Ичке́рія 280,2.
Ишь 19,2; 332,16.

Іорда́нъ 295,1.

Ка 26,3.
Кавка́зскія минера́льныя во́ды 222,8.
Кажи́сь (ка́жется) 208,1.
Казбе́къ 277,2.
Казна́ 194,11; 191,13.
Кайма́ 312,5.
Какъ ни въ чёмъ не быва́ло 305,5.
Какъ разъ 330,6.
Кали́тка 213,3.
Ка́лка 423,4.
Калмы́ки 261,3.
Кальянъ 278,6.
Каля́кать, покаля́кать 308,7.
Камзо́лъ 112,5.
Ка́мка 352,2.
Камы́шъ 166,2.
Кана́лья 6,1.
Кану́нъ да свѣча́ 32,2.
Капита́лъ 332,15.
Капита́нъ 52,1.
Карава́нъ 238,**; 262,9; 277,5.
Карамзи́нъ 150,4.
Каранти́нъ 249,5.
Ка́рій 302,9.
Карлсру́э 302,5.
Карау́лить 6,4.
Карте́чь 301,1.
Каса́тикъ,—тка 205,1; 490,3.
Кась 26,3.
Ка́торга 389,1.
Кафта́нъ 111,7.
Каю́та 52,8.
Кварте́тъ 118,8.
Квартирме́йстеръ 129,6.
Киби́тка 26,9; 239,11; 261,4.
Кива́ть 63,7.
Ки́веръ 288,7.
Кинжа́лъ 228,7.
Кираси́ръ 254,8.
Кисе́ль 158,8.
Кисея́ 190,17.
Кисть 364,6.
Ки́чка 256,8.
Кичли́вость 102,16.
Кишинёвъ 222,5.
Кишѣть 394,8.
Кладъ 77,10.
Клегта́ть 336,1.
Кли́кать 290,15.
Кли́росъ 21,3.
Клёцка 29,1.
Клѣть 116,13; 193,20.
Клюка́ 57,10.
Ключа́рь 21,4.
Ключева́я (вода́) 190,8.
Ключъ 262,4; 293,2.
Кля́узникъ 26,11.
Коври́га 11,10.
Ковче́гъ 246,6.
Ковшъ 237,3; 225,3; 191,3.
Ковы́ль 178,2; 236,17.
Кожу́хъ 212,5.
Койшау́рская доли́на 265,3.
Коза́ры 408,2.
Козло́вый 364,7.
Ко́злы 61,5.
Козя́вка 114,9.
Колачъ,—чикъ 1,1.
Коли́ 26,8.
Колле́кція 365,1.
Коло́да 69,16.
Коло́дникъ 389,4.
Ко́локъ 145,2.
Коло́мна 334,10.
Колча́нъ 228,6.
Колыбе́ль 190,4.
Коль 66,13.
Компилиме́нтъ 305,4.
Конво́й 262,7.
Консульта́ція 386,1.
Конто́ра 117,5; 204,3.
Кону́ра 264,3.
Конце́ртъ 385,5.
Кончи́на 290,4.
Ко́нюхъ 142,7; 422,3.
Кора́ллъ 114,13.
Кора́нъ 284,7.
Коренастый 181,3; 129,4.
Коренна́я (ло́шадь) 310,5.
Кори́ца 50,10.
Кормёжка 153,4.
Ко́рмщикъ, ко́рмщій 147,2.
Коробе́йка 11,5.
Коро́вка 114,33.
Коромы́сло 2,4.
Коросте́ль 313,1.
Корсу́нь 414,1.
Ко́рточки 78,3.
Корча́га 30,6.
Корысть 255,6.
Косма́тый 41,5; 44,5; 228,1.
Косо́ги 410,1.
Косогоръ 135,2.
Косо́й (о зайцѣ) 126,12.
Косола́пый 8,2; 113,5.
Костыль 206,5.
Коса́къ 133,5.
Кото́рый-кото́рый 346,5
Коуй 422,1.
Кочерга́ 13,3.
Кочъ 171,4.
Ко́чка 42,5.
Кошёль 30,7.

Кощéй 224,7.
Краси́вая Ме́ча 309,3.
Кра́сный 108,3.
Кра́сный у́голъ 208,8.
Крестéцъ 90,5; 106,6.
Крестóвая гора́ 265,1.
Крестóвые похóды 268,6.
Крещёный міръ 207,2.
Кри́вда 25,1.
Кривичи́ 408,5.
Кривля́ка 82,9.
Кривóй 175,2; 302,8.
Кри́нка 4,3.
Кровъ 57,8.
Кругъ (каза́цкій) 346,13.
Кру́ча 299,4.
Кручи́на 193,2; 346,8; 215,1.
Крыжóвникъ 146,2.
Крыльцó 135,3.
Крымъ 222,4.
Крѣпостнóй 26,1.
Кряжъ 171,3.
Кста́ти 125,11; 101,11.
Кубáрь 184,2.
Кубы́шка 210,3.
Куда́ глаза́ глядя́тъ 69,14.
Куда́ ни шло 332,6.
Куда́ торова́тъ, умѣ́лъ 114,6.
Кудéсникъ 234,3.
Кудря́вичъ 192,12.
Кузнéчикъ 312,7.
Ку́зовъ 19,1; 143,3.
Кули́къ 307,7.
Кули́чъ 215,4.
Куль 31,1.
Кумъ 72,3.
Кумы́съ 171,5.
Куна́къ 281,6.
Куни́ца 181,9; 409,3.
Кунстка́мера 114,3.
Купидóнъ 330,2.
Кура́ 265,3.
Кургáнъ 229,8.
Курскъ 421,7.
Куста́рникъ 163,2.
Ку́цый 307,4.
Кучу́мъ 346,12.
Кушáкъ 239,16.
Ку́ща 294,1.
Лабири́нтъ 59,5.
Ла́ва 248,1.
Ла́вка 11,9; 147,1.
Ла́вра 33,7.
Лавръ 60,1.
Ла́данъ 215,2.
Ла́дить 119,3; 190,1.
Ла́дно 11,3.
Ладъ 74,13; 92,13; 109,10.
Лазу́рь 49,4; 258,8.
Лазу́тчикъ 46,7.
Ландка́рта 365,2.
Ла́ндышъ 292,13.
Ландша́фтъ 60,6.
Лань 103,7; 230,6.
Ла́поть 26,6; 193,12.
Ла́рчикъ 120,12.
Ла́ска 185,6.
Ла́ститься 89,5.
Лачу́га,—жка 237,10.
Легáвая (собáка) 185,4; 307,3.
Лéкція 299,1.
Лель 225,8.
Лесá 136,6.
Лещъ 110,6.
Лавáнъ 295,3.
Ликовáніе 352,1.
Ликовáть 252,17; 258,9.
Ликъ 58,17; 402,2.
Линéйка (экипáжъ) 366,7.
Линь 397,2.
Линя́ть 88,2; 160,5.
Листопáдъ 165,1.
Литвá 333,8.
Литерату́ра 65,6.
Лихáчъ 192,11.
Лихóй 117,4; 289,5.
Лицéй 222,1.
Лицемѣ́рный 46,3.
Лóвчій 75,1.
Лóгово 185,1.
Ложби́на 304,3.
Лóже 122,8; 283,3.
Лозни́къ 163,8.
Лóндонъ 52,3.
Лóно 239,2.
Лопáтка 40,3.
Лосни́ться 189,8.
Лоскъ 169,2.
Лось 274,2.
Лощи́на 355,8.
Лубъ 3,6.
Луговáя (сторонá) 164,2.
Лугъ 77,12; 96,7; 93,1.
Лукá 228,3.
Лукáвецъ 116,9.
Лукáвить 116,4.
Лукáвый 91,14.
Лукомóрье 224,1.
Лукóшко 417,2; 143,1.
Лунь 217,*.
Лучезáрный 48,4.
Лучи́на 15,7; 238,6; 207,9.
Лучóкъ 147,3.
Лы́жа 193,5.
Лы́ко 317,3.
Льзя 109,11.
Лѣпи́ться 317,4.
Лю́бечъ 409,2.
Лю́бо 11,1; 328,5.
Любóй 234,14.
Любоначáліе 259,10.
Любопы́тный 114,1.
Людскáя (избá) 141,1.
Людъ 401,8.
Люкъ 289,9.
Лю́лька 137,6; 201,7.
Лю́то 102,2.
Лягну́ть 70,4.
Лядáщій 308,4.
Ля́жка 368,3.
Ля́мка 403,2.
Ляхъ 394,6.

Мáкушка 287,10.
Мали́новка 87,14.
Мамлю́къ 254,2.
Мáнна 3,1.
Манéра 303,5.
Мани́ть 7,2.
Марки́зъ 39,4.
Мáрсово пóле 252,8.
Мастáкъ 202,7.
Мастери́ть 175,4.
Математика 149,5.
Матери́къ 154,5
Матерóй 149,1.
Мáтка 301,7.
Матрóсъ 289,10.
Махрóвый 297,10.
Мáчеха 10,5.
Мáчта 50,2.
Машу́къ 262,1.
Маякъ 280,6.
Мя́тникъ 46,9.

Ма́ять 195,13.
Мгла 62,7; 237,6.
Меду́за 52,2.
Межа́ 137,4; 68,13.
Ме́жду глазъ 116,12.
Мель 289,11.
Ме́ренъ 130,9.
Мерку́рій 122,15.
Ме́ря 408,8.
Мета́ться 86,1; 64,11; 119,15.
Меха́никъ 121,2.
Ме́ча 338,1.
Мече́ть 360,2.
Мечта́нье 281,5.
Мини́стръ 40,1.
Минова́ть 75,5.
Миріа́ды 213,8.
Ми́рный 188,23; 231,3.
Миръ 296,4; 405,8.
Ми́ска 11,11.
Митка́левый 201,8.
Ми́шка 118,6.
Міръ (дереве́нское о́бщество) 203,*.
Младо́й 233,3.
Мни́тся 396,6.
Могу́чій 102,6; 166,5; 224,9.
Мой (въ осо́б. смы́слѣ) 124,12.
Мой свѣтъ 35,2.
Мо́жетъ (мо́жетъ-быть) 354,3.
Мокреди́на 164,5.
Мо́лвитъ 67,2; 195,7; 236,12.
Молоти́ть 190,2.
Моне́та 357,2.
Мони́сто 356,2.
Мори́ть 83,5.
Моро́зъ подира́етъ по ко́жѣ 45,4.
Морсъ 172,4.
Морти́ра 254,1.
Мо́ська 119,13.
Мосью́ 287,13.
Мохъ 247,3; 316,1.
Мо́чи нѣ́тъ 354,6.
Мочь 101,4; 148,3; 195,9.
Мошна́ 332,2.
Мо́щно 223,9.
Мощный 229,3.
Мудрено́ 50,6; 59,1.
Мудрёный 292,5.
Мужи́къ (въ смы́слѣ мужчи́на) 400,2.
Му́за 69,2.
Мулла́ 360,1.
Мурава́ 108,7.
Мурза́ 333,5.
Му́скулъ 129,2.
Му́фта 38,3.
Мши́стый 250,4.
Мы́кать го́ре 402,3.
Мысъ 62,5.
Мѣ́шкать 152,6.
Мѣщани́нъ 93,11.

На́бережная 251,10.
На́большій 347,2.
Набре́сть 77,2.
На́взничь 57,1.
На́ волосъ 80,8.
Навостри́ться 68,7.
Нагле́цъ 71,12.
Надме́нность 97,3.
Надме́нный 250,11.
На дыбы́ 297,5.
На́земь 6,3.
Назида́ніе 203,9.
Накова́льня 231,8.
Накрени́ться 310,1.
Нали́чный 152,5.
Намалева́ть 211,13.
Намётъ 311,1.
Намя́ть ше́ю 308,10.
На́нка 306,5.
Напа́сть (сущ.) 405,3.
Напёрстокъ 330,7.
На пока́зъ 119,9.
Наполео́нъ I. 253,13.
Наплаво́къ 136,7.
Напра́слина 85,3.
Напролётъ 245,2.
Наре́чь 20,4.
На́рочный 61,3.
На́ руку нечи́стый 83,1.
Нарци́ссъ 49,13.
На́ры 219,1.
На сла́ву 91,3.
Наслоня́ться 66,4.
Насолить 73,7.
Наста́вить 112,4.
Настига́ть 87,4.
Настря́пать 9,3; 16,1.
Насту́рція 327,4 и 5.
Насу́щный 38,4.
Насѣ́сть 10,4.
Нату́ра 107,9.
Нахлобу́чить 193,15.
На часа́хъ 77,18.
На́чисто 86,3.
На что, а ужъ на что... 315,7.
Небо́сь 216,3; 314,2.
Небыли́ца 112,7; 292,6.
Невзнача́й 254,8.
Не́видаль 92,3.
Неви́нный 39,1.
Не́водъ 142,2; 244,3.
Невѣ́домо 346,6.
Невѣ́домый 224,3; 251,8.
Не вѣсть куда́ 217,2.
Недви́жимый 245,1.
Недви́жный 266,2.
Недочётъ 46,6.
Не́другъ 394,9.
Неду́гъ 283,4.
Незна́мо 29,3.
Незри́мый 282,8.
Нейстовый 57,7; 368,1.
Не́когда 120,9.
Нена́стье 229,12.
Не помина́й ли́хомъ 75,12.
Непомѣ́рный 98,1.
Непритво́рный 294,5.
Непря́два 335,5.
Непту́нъ 94,1.
Нера́венъ часъ 13,1.
Не сдоброва́ть 52,6.
Несмѣ́тный 78,14.
Нести́ дичь 69,8.
Не́учъ 95,3.
Не́ча 401,5.
Ни́ва 4,4; 234,6.
Ни гугу́ 116,11.
Ни дать ни взять 209,5; 323,5.
Ни́жній (Ни́жній-Но́вгородъ) 387,3.
Нилъ 278,14.
Ни ного́й... 110,15.
Нипочёмъ 289,12.
Ни-свѣтъ-ни-заря́ 11,7.
Ницъ 254,5; 396,5.
Ни́щенка 211,5.
Но́вгородъ-Сѣ́верскій 421,1.

Новосе́лье 14,1; 101,14; 211,3.
Ноги́ 262,12.
Норови́ть 208,4; 214,3.
Но́сомъ къ но́су 124,6.
Ночно́вье 216,4.
Нравъ 76,1.
Ну (сталъ, на́чалъ) 6,6; 93,4; 109,5; 119,14.
Ны́нѣ 234,4.
Нырять 166,4.
Нѣга 75,14.
Нѣдро 316,5
Нѣтъ—нѣтъ, а... 334,1.

О (для обозначе́нія вре́мени) 79,2.
Обагри́ть 237,1.
Обветша́лый 237,8.
Обвѣтриться 327,6.
Обжи́ться 398,2.
Оби́тель 57,18; 395,7.
Обихо́дный 212,4.
Обла́ва 303,7.
Область 121,10.
Область тѣне́й 100,3.
Облиня́ть 32,1.
Облучо́къ 239,14.
Ободра́ть 73,3.
Обо́зъ 90,2.
Обро́къ 320,4.
Оборо́тить 82,11.
Образъ 82,5; 285,14.
Объ руку 193,7.
Обыва́тель 210,7.
Ова́льный 161,1.
Ови́нъ 33,1.
Овра́гъ 61,6; 293,3; 163,4.
Овча́рка, овча́рная соба́ка 302,13.
Овча́рня 74,1.
Овчи́на 207,7.
Оглода́ть 87,13.
Огля́дка 79,5; 75,15.
Огни́во 18,1.
Оде́сса 222,6.
Одни́мъ-оди́нъ, одно́й-одна́ 400,3.
Одоле́ть 99,14.
Озорни́къ 397,4.
Озимь 184,5.
Озира́ться 244,8.
Ока́ 333,9.
Ока́зія 262,8.
Окая́нный 47,1.
Око́лица 29,2; 136,1; 206,8.
Около́токъ 210,5.
Око́льный 416,7.
Околѣть 93,9; 249,4.
Окре́стность 36,4.
Окре́стный 210,6.
Окро́шка 3,5.
Окру́жный 106,12; 154,6.
Ола́дья 9,4.
Оми́ръ 106,16.
Омутъ,—то́чекъ 163,6.
Ону́ча 193,13.
Опа́лъ 198,1.
Опе́ка 234,1.
Опло́тъ 402,1.
Оплоша́ть 34,4; 85,9.
Ополча́ться 188,11; 424,1.
Опрометью 367,5.
Опостыле́ть 149,4.
Опти́ческій 265,6.
Опу́шка 157,1; 280,14.
Опѣшить 124,13.
Ора́кулъ 202,8.
Орда́ 333,1.
Орёлъ 298,13.
Оренбу́ргъ 65,3.
Оре́стъ 109,7.
Оригина́лъ 387,2.
Оробѣть 63,10.
Ору́діе (въ воен. смы́слѣ) 280,12.
Орѣшникъ 78,11.
Оса́нистый 100,9.
Оса́нка 166,1.
Осети́ны 263,5.
Оси́нникъ 328,1.
Оско́лъ 421,6.
Осно́мина 87,1.
Оскудѣть 353,1.
Ослы́шаться 63,6.
Осо́ка 43,2.
Оста́нки 281,1.
Островъ (въ охо́т. смы́слѣ) 367,4.
Остро́гъ 389,3.
Острожо́къ 346,11.
Остъ-Инді́я 50,3.
Осѣни́ть 223,7.
Осѣни́ть крестомъ 401,1.
Отбо́рный 236,5.
Отвѣсно 313,2.
Отдава́ться (о зву́кѣ) 213,9.
Отко́лѣ 69,11.
Отку́да ни возьми́сь 5,2; 119,12.
Отло́гій 132,9; 135,6.
Отме́ль 142,4; 164,8.
Оторо́ченный 348,2.
Отпрыскъ 312,3.
Отра́ва 98,8.
Отрокъ 236,2; 418,2.
Отсе́лѣ 246,12; 250,9.
Отто́ль 245,*.
Отста́вка 123,6.
Отческій 248,12.
Отчи́зна 45,2.
Отъ души́ 51,8.
Отъѣзжее по́ле 243,5
Оха́пка,—чка 13,7; 110,13.
Охора́шиваться 166,7.
Охтянка 249,12.
Оцѣпенѣніе 137,5.
Очарова́тельный 62,1.
Ошмы́га 331,6.
Ощети́ниться 74,9.

Павиліо́нъ 262,8.
Па́дкій 79,4.
Па́дчерица 10,5.
Па́жить 63,12.
Пажъ 330,4.
Па́кость 347,1.
Пала́та 114,5; 241,2.
Пали́! 254,4.
Па́лица 334,5.
Па́луба 55,1.
Па́льма 294,9.
Паникади́ло 214,8.
Панихи́да 339,4.
Пансіо́нъ 33,3.
Па́нцырь 229,6.
Па́поротникъ 146,7.
Пара́дный 135,8.
Паркетъ 238,9.
Парна́съ 68,10.
Парни́шка 208,2.
Паровóе по́ле 131,5.
Па́русъ 46,1; 62,3.
Парча́ 256,7.
Пассажи́ръ 325,1.
Пастила́ 172,3.

Пастырь 247,8.
Пасха 215,*.
Пасынокъ 251,6.
Паточина 158,1.
Патронташъ 307,2.
Пахарь 189,16.
Паша 267,4.
Пашня 60,2; 131,4; 201,2.
Пегасъ 302,2.
Пейзажъ 327,7.
Пелена 158,2; 204,1.
Пенсіонъ, пенсія 306,2.
Пень 185,3.
Пенять 94,13.
Перекати-поле 197,10.
Перекопъ 341,1.
Перелесокъ 30,5.
Перенимать 80,11.
Перенять 21,1.
Перепутье 41,7.
Перечить 11,2; 258,4.
Перила 60,9.
Перлъ 63,4.
Перпатый 103,5; 226,5.
Перстъ 330,7.
Пестрый 135,8.
Пестъ 15,5.
Петровъ день 145,1; 301,2.
Петровъ постъ 202,10.
Печатный пряникъ 257,6.
Печурка 38,5.
Пилать 109,7
Пилъ! 301,4.
Пирамида 278,15; 290,18.
Пирожное 366,5.
Питеръ 115,14.
Питомецъ 228,12; 298,3.
Пищаль 228,5.
Плаха 184,10.
Плащъ 195,1.
Плесъ 313,3.
Плиній 264,4.
Плотина 125,9; 132,7.
Плотъ 153,5.
Плутонъ 122,9.
Плѣнить 84,8.
Плѣнять 233,7.
Плющъ 59,7.
Побираться 402,5.
Повадливый, 177,6.
Повадиться 169,1.
Поводъ 142,6.
Повѣдать 224,8; 295,11; 346,7.
Повѣсить носъ 203,7.
Повѣстить 348,1; 415,1.
Погода (въ особ. смыслѣ) 244,10.
Погость 214,5; 393,1.
Поддёвка 211,14.
Подвода 199,1.
Подворотня 107,5.
Подворье 126,3.
Подгородный 133,3.
Поди ты... 211,7; 332,11.
Подлинно 38,8; 107,10; 114,4.
Поднизь 211,10.
Подноготная 41,2.
Подобострастно 309,1.
Подогъ 130,4.
Подолъ 218,1.
Подошва (горы) 184,3.
Подпалина 302,4.
Подручникъ 341,2; 334,2.
Подспорье 126,2.
Подчасъ 102,8.
Поддѣвать 331,7.
По дѣломъ 95,4; 257,7.
Пожаловать 39,2; 126,18.
Пожаловать кого-нибудь 339,2.
Пожалуй 97,5; 287,14.
Пожитки 12,2.
Позлащённый 236,1.
Пойло 132,5.
Покой 35,10; 41,9.
Поколь 86,7.
Полати 11,4; 244,12.
Полая (вода) 161,2.
Полба 131,1.
Полдень (страна свѣта) 233,2.
Полдникъ 41,11.
Полка (ружейная) 264,1.
Полкъ 411,1.
Полно 91,16; 107,8.
Полночь (страна свѣта) 251,2.
Половодный 164,1.
Пологій 323,4.
Пологъ 130,1.
Полонъ 421,11.
Полтина,—нникъ 356,3.
Полый 164,1.
Полынь 395,4.
Полынья 152,4.
Полымя 188,1.
Полѣсье 315,8.
Поляна 145,3; 280,8.
Поляне 408,1.
Помело 15,6.
По міру ходить 401,4.
По-мнѣ... 96,5; 127,5.
Помыкать 95,1.
Помышлять 344,1.
Понурый 324,2.
Понява 218,2.
Поперёкъ 258,5.
Попона 50,7; 236,3.
Попрыгунья 108,2.
По-пустому 107,2.
Поромъ 23,3; 142,1.
Порскать 5,8.
Порфира 351,13.
Поропша 148,4.
Посадникъ 416,2.
Посадскій человѣкъ 345,1.
Посадъ 241,1.
По-свойски 39,3.
Посмѣшище 91,12.
Посохъ 368,6.
Посулить 22,1.
Потаённый 145,2.
Потачка 104,11.
Потникъ 130,7.
Потреба 43,8.
Потроха 110,7.
Потрошить 76,5.
Потупля́ть (голову) 200,3.
Потчевать 3,2; 191,5; 110,10.
По уши 83,11.
Похлёбка 323,2.
Почтительный (о разстояніи) 318,4.
Пошевни 13,6.
Поэтъ 46,8.
Празднословіе 259,11.
Проказникъ 117,8.
Прахъ 102,3; 230,7; 295,10
Пращуръ 329,4.
Превратный 291,2
Предлинный 94,7.
Предрекать 335,2.
Прелесть 166,3; 293,14

Прельща́ть 88,9.
Престáвиться 420,4.
Прúбыль 78,9.
Прибы́токъ 125,7.
Привáда 148,4.
Привóлье 125,5.
Приворну́ть 25,4.
Прúгоршня 122,1; 134,1.
Придѣ́лъ 214,7.
Прилыга́ть 112,8.
Прúма 119,1.
Примóлвить 102,17.
Принцъ 41,8.
Прúсказка 77,7.
Прúстань 50,1.
Пристяжна́я 310,8.
Причáстный 85,5.
Прія́ть 335,8.
Про (въ смы́слѣ для) 346,9; 394,4.
Провéсть 127,8.
Провидѣ́ніе 57,6.
Провѣ́тривать 166,8.
Провѣща́ть 23,1.
Прóза 111,2; 150,3; 29 2.
Пройдóха 332,13.
Прокáза 78,10; 117,8.
Прокъ 66,14; 84,3; 201,6.
Промéжъ 25,2.
Промы́слить 88,7.
Промышля́ть 314,6.
Пропусти́ть мúмо ушéй 38,8.
Посади́ть 331,3.
Просёлокъ 213,7.
Простóръ 87,12.
Простофúля 255,4.
Просфорá 335,7.
Проѣ́зка 316,3.
Протáлина 176,1.
Протяну́ть нóги 71,4.
Прудъ 132,8.
Пря́жа 36,1.
Прямóй 110,16; 81,11.
Пря́сло 194,10.
Пря́ха 35,8.
Псáрня 74,2.
Псарь 74,5.
Птáшка 314,1.
Птенéцъ 87,15.
Публи́чный 66,1.
Пугачóвскій бунтъ 222,8.
Пу́дра 38,7.
Пу́дриться 38,7.
Пунктуáльно 35,6.
Пунцóвый 162,1.
Пушпъ 252,7.
Пу́рпуръ 328,6.
Пусты́ня 76,10.
Путёмъ (лáдно) 92,15.
Пути́вль 421,4.
Пу́тный 77,14.
Пучúна 286,8.
Пичу́га 331,18.
Пушúстый 166,6.
Пу́ще 28,1; 119,5; 329,7.
Пчелякъ 154,1.
Пы́шно 98,12; 251,4.
Пы́шный 35,9,
Пыхтѣ́ть 93,6; 125,2.
Пѣть (въ особен. смы́слѣ) 115,11.
Пядь 146,4.
Пятóкъ 83,1.

Радимичú 409,4.
Радýшіе 208,10.
Радýшно 49,5.
Радѣ́ніе 99,13.
Развѣ́даться 72,4.
Развѣ́систый 181,1.
Разгýлъ 394.3.
Раздóлье 125,6.
Раззадóриться 44.2.
Раззудúться 196,12.
Разносóлъ 115,16.
Разсáда 202,11.
Разслáвить 93,17.
Разумѣ́ть 233.8.
Рáйская птúца 292,1.
Ракúта 396,7.
Распýтица 151,2.
Рáтникъ 106,5.
Рáтовать 194,21.
Рать 333,3.
Рдѣть 49,3; 317,6.
Ревéнь 268,5.
Редýтъ 287,9.
Рейнвéйнъ 133,4.
Рейнъ 64,7.
Реля́ція 116,8.
Ремеслó 78,15; 91,10.
Рессóра 366,8.
Ретúвый, ретивóй 193,8; 253,1.
Римъ 94,5.
Рúторъ 115,9.
Рóбко 182,3.
Рогáтина 331,4.
Родúмый, родúмая 62,3; 400,7.
Родникъ 296,7.
Рóзсказни 445,1.
Роковóй 235,18.
Рокъ 100,12; 102,1; 207,4.
Роптáть 95,8.
Рóспуски 137,8; 130,11.
Рóтшильдъ 322,8.
Рóща 62,2; 247,6.
Рубéжъ 340,6.
Рудá 345,4.
Русáлка 224,2.
Русáкъ (зáяцъ) 184,9.
Рýшить 101,8.
Рыкъ 106,11.
Ры́льскъ 421,8.
Ры́скать 71,9.
Ры́твина 91,4; 163,5.
Ры́царь 83,10.
Рья́ный 7,4.
Рѣзви́ться 89,9.
Рѣ́звость 183,8.
Рѣ́ять 246,5.
Рябь 99,4.
Ряди́ть 31,3; 116,10.
Ряди́ться 190,7.

Са́ванъ 51,1.
Са́га 293,5.
Са́кля 230,3.
Сала́зки 239,18.
Самови́децъ 179,1.
Самъ-другъ, третéй, четвёртъ 189,21.
Сарацúны 50,4.
Сати́ра 82,12.
Сатрáпъ 122,12.
Сбить съ тóлку 69,4.
Сбру́я 61,2.
Сва́ра 109,8.
Сватъ 72,3.
Свидѣ́тельствовать 208,11.
Свинья́-свиньёй 66,5.
Свирѣ́ль 67,7; 197,4.
Свѣ́домо 351,1.
Свѣтéцъ 210,2.
Свѣтлúца 242,5.
Свѣтлѣ́йшій 71,14.

Свѣтъ,—икъ 84,15; 79,13; 91,17.
Связáться 76,7.
Святи́тель 420,5.
Свя́тцы 443,2.
Святы́ня 295,20.
Сговóрчивый 77,17.
Сей 223,15.
Сéлезень 169,4.
Селяни́нъ 191,11.
Сераски́ръ 267,3.
Сердéчный 214,6.
Сердя́га 214,6.
Сéрна 87,2.
Сéттеръ 302,12.
Си́вка 189,17.
Сигна́лъ 329,8.
Си́зый 45,8.
Силóкъ 127,10.
Си́волъ 296,3.
Сини́ца 93,15.
Си́тникъ 5,1.
Скворéцъ 92,3.
Скворéшница 311,2.
Скирдъ 183,2; 189,13.
Скла́дка 286,11.
Сковорода́ 9,5.
Ско́тная изба́ 20,1.
Скрѣпля́ть 79,11.
Сла́ва (молва́) 94,4.
Сла́вить 117,2.
Сло́во-за́-слово 77,5.
Слой 146,5.
Слу́чай 89,11.
Слыть 200,1.
Смекну́ть 1,4; 116,2.
Смоле́нскъ 409,1.
Смушка 306,6.
Смы́слить 95,2.
Смѣтливый 40,2; 116,1.
Снасть 201,11.
Соба́ку съѣсть 331,10.
Со всего́ плеча́ 122,4.
Со всѣхъ ногъ 91,2; 301,5.
Содóмъ 126,6.
Сокруша́ть 201,1.
Соли́мъ 295,4.
Сомлѣть 332,4.
Соплемённый 277,1.
Сора́тникъ 290,14.
Сорóчка 192,15.
Соста́вить 358,2.
Сотвори́ть крéстное знáменье 212,2.
Со́тскій 203,10; 416,5.
Сотъ 103,1.
Соха́ 189,4.
Со́шка 93,14.
Спасъ 190,12.
Спеси́во 95,10; 98,11.
Спить 109,1.
Сплинъ 42,2.
Спóсоба нѣтъ 346,2.
Спра́вить 79,10.
Спудъ 64,2.
Спѣть 190,6.
Срамъ 421,9.
Сродни́ 89,1.
Срокъ 110,11.
Ссѣчка 311,*.
Ста 31,4.
Ста́вень 211,12.
Ста́вка 337,1.
Стани́ца 168,2; 179,2.
Станъ 17,3; 297,9.
Ста́роста 132,10.
Ста́тный 318,2.
Стать (сущ.) 101,12.
Стая 81,1.
Стена́ніе 64,10.
Стена́ть 70,11.
Сте́рлядь 110,3.
Стихі́я 59,3.
Стихъ 130,5.
Сто́йка 303,3.
Сто́йку дѣлать 301,3.
Стократъ 91,9.
Сто́льный го́родъ 414,2.
Сторóжкій 183,4.
Стра́жду 243,6.
Страсть 86,6.
Стрекоза́ 108,1.
Стремгла́въ 87,10.
Стремни́на 246,11.
Стругъ 334,9.
Стря́пать 3,3.
Студённо 13,4.
Студёный 42,7; 293,1.
Сту́па 15,4.
Ступи́ца 310,4.
Сугро́бъ 184,7; 206,4.
Судъ 405,3,
Су́женый-ря́женый 13,2.
Сукъ 124,20; 182,1.
Су́ла 415,9.
Сули́ть 28,3; 73,8; 331,9.
Султа́нъ 279,3.
Сума́ 116,17; 209,9.
Су́мка 395,6.
Су́мракъ 251,17; 296,1.
Супоста́тъ 282,3.
Су́противъ 87,8; 214,1.
Суро́къ 85,1.
Суста́въ 65,1.
Сутулова́тый 212,6.
Сучи́ть 35,6.
Сучо́къ 131,6.
Сфе́ра 206,1.
Схи́ма 335,3.
Съ (съ вин. пад.) 113,1.
Съ ты́лу 106,8.
Съ ро́ду 86,5; 127,1.
Сыта́ 417,3.
Сы́тый (въ особ. смыслѣ) 160,6.
Сы́ченый (мёдъ) 191,6.
Сѣда́ло 10,3.
Сѣдёлка 310,6.
Сѣки́ра 237,1.
Сѣнокóсъ 124,5.
Сѣнь 225,4; 238,*; 247,6.
Сѣренка 210,1.
Сѣча 235,19.

Та́бельный день 42,1.
Табу́нъ 228,13.
Тавли́нка 310,7.
Тага́нъ 197,1.
Тала́нъ 20,5.
Тала́нливый (наро́д.) 193,1.
Тало́вый (кусть) 177,2.
Та́лый 159,1; 245,7.
Тальни́къ 158,5.
Танга́ 268,3.
Тарантáсъ 316,4.
Тара́нъ 342,2.
Тача́ть 91,8.
Твердѝть 2,3; 84,1; 105,5.
Твердыня 252,13.
Тверь 65,4.
Творéнье 233,17.
Температу́ра 60,5.
Тéмя (рѣдко тéме) 188,5. 80,4.
Тенéта 102,14; 14[illegible]
Тéрекъ 264,2.
Тéремъ 256,5.
Терра́са 366,*.
Тесóвый 60,4.
Тёсъ 135,1; 190,10.
Тирóль 61,3.

Ти́тло, ти́тулъ 134,4; 268,1.
Тихóхонько 82,6.
Тишь 51,6.
Тка 26,3.
Тлетвóрный 227,8.
То́-то... 90,6; 75,8.
То и дѣло 10,7; 199,2.
Токъ 144,1.
Толкъ 80,10; 81,2.
Толóка 169,3.
То́лько и рѣчи бы́ло, что... 98,7.
То́нкій 100,15; 250,5; 157,2.
Топóрщиться 93,5.
Торгáшъ 117,6.
Торжествовáть 239,6.
Торнéо 329,2.
Торовáтый 114,7.
Торсъ 260,3.
Торфъ 158,4.
Торъ 422,4.
Точи́ть 285,6; 194,9.
То́щій 247,4.
Трави́ть 274,1.
Травоя́дный 184,4.
Трактъ 262,6.
Тра́уръ 50,9.
Три́зна 114,16; 412,1.
Три́девять 68,9.
Три́шка 111,*.
Трéпетъ 188,20.
Трóицкій монасты́рь 335,1.
Тронъ 290,10.
Тропá 226,1; 283,10.
Троттуáръ 251,10.
Трость,—и́нка 99,1.
Трубéжъ 415,3.
Трубчéвскъ 421,2.
Трутъ 312,6.
Трухá 38,10.
Трю́фель 249,6.
Трясúна 42,4.
Тужи́ть 116,18.
Тулу́пъ 239,15.
Тумáкъ 184,8.
Тутъ-какъ-тутъ 287,11.
Ту́чный 103,6; 180,5.
Тфу! 80,5.
Тщедýшный 209,3; 326,1.
Тысяцкій 420,8.
Тюлькáнъ 49,12.
Тя́нкнуть 107,7.
Тя́га 306,4.
Тягу дать 47,2.

У бало́кивать 88,11.
Убира́ть 104,6; 115,2; 188,24.
Убiéнный 340,2.
Убóгій 57,15; 250,6; 327,2.
Увѣ́систый 78,1.
Увядáть 181,6; 296,14.
Угоди́ть 155,3.
Угомони́ть 214,9.
Угорáздить 20,3.
Угорскія гóры 346,10.
Удалéцъ 81,3.
Удальствó 96,6.
Уди́лище 136,5.
Уди́ло 253,2.
Удѣлъ 99,10.
Уединя́ть 213,5.
Ужи́мка 82,8.
Ужó 243,9.
Ужъ (сущ.) 173,1.
Узéнь 227,3.
Узникъ 64,9.
Узóрный 278,3.
Узрѣть 57,2.
Укáзка 444,1.
Украдкой 285,11.
Украйна 196,14.
Укрóмный 185,2.
Уланъ 279,5.
Уландъ 51,2.
Улепéтывать 308,5.
Улучи́ть врéмя 1,3.
Умáяться 30,2.
Умилéнье 223,11.
Умúльный 52,10.
Умиля́ть 259,5.
У мóря погóды ждать 80,1.
Университéтъ 33,2.
Уцúрь 253,12.
Урема́ 174,2.
Урóдъ 69,15.
Урóкъ 15,1.
Урóчище 353,2.
Урóчный 178,1; 245,3; 298,7.
Урýсъ 357,1.
Урядúть 334,11; 418,1.
Усáдьба 140,1.
Успáнье 416,4.
Устáиться 203,4.
Устáвиться лбомъ 68,.
Утренняя звѣздá 58,3.
Утéкъ 81,7.
Утрóба 24,2; 321,2.
Уха, ушúца 110,1; 137,2.
Ухвáтка 124,19.
Ухвáть 10,9.
Ухомъ не ведётъ 79,1.
Учти́во 43,9.
Учти́вость 122,16.
Ушáть 125,18.
Ую́тный 209,2.

Фазáнъ 303,6.
Факультéтъ 386,2.
Фáлда 112,3.
Фатá 12,3.
Фарúсъ 297,8.
Фаянсъ 165,4.
Фебъ 100,10.
Физіономúя 302,10.
Филóсофъ 330,5.
Фильдъ 385,6.
Фіолéтовый 215,3.
Флагъ 250,16.
Фля́жка 300,2.
Форéйторъ 153,2.
Франкъ 302,7.

Хаврóнья 66,6.
Ха́живать на кого́-нибу́дь 98,5.
Халáтъ 364,4.
Ханъ 333,2.
Хáртія 241,4.
Хáря 46,4.
Хáта,—тка 8,1.
Хвалúнское мóре 346,1.
Хвать 7,3; 78,6; 126,1.
Хворости́на 94,8; 97,*.
Хворь 26,7.
Хвóрый 171,1.
Хи́лый 70,5.
Хлóпокъ 307,1.
Хлупь 167,5; 176,2.
Хлѣбосóльный 34,6.
Хмéльный 244,6.
Хмéль 192,14.
Хозáры (см. козáры) 231,5.

Хо́лить 253,4.
Холодо́къ 387,5.
Холо́пъ 333,6.
Холоди́на 148,10.
Хоть куда́... 11,6.
Хоть шаро́мъ покати́ 193,19.
Хоро́мы 28,4; 113,4.
Хору́нжій 36,2.
Хоръ 69,3.
Хохо́лъ 197,2.
Ху́торъ 299,3.
Хрычъ 11,12.
Хрѣнъ 196,3.

Царедво́рецъ 258,1.
Царь-пу́шка 241,10.
Церемо́нія 266,1.
Цы́пки, цы́почки 84,9.
Цѣле́бный 97,1; 320,2.
Цѣлому́дріе 259,14.
Цѣни́ть 124,3.

Чай 10,1; 114,14; 132,11; 256,10.
Ча́йка 155,1.
Ча́до 339,1.
Ча́рка 133,1; 308,8.
Чародѣ́йка 34,3.
Часо́вня 316,7.
Часово́й 295,20.
Часть 92,12.
Часъ-о́тъ-часу 77,19.
Ча́ша 8,3; 304,1; 163,2.
Ча́ять 89,7; 100,6.
Чва́ниться 96,1.
Чва́нный 110,12.
Чва́нство 98,9.
Чего́ до́браго 308,9.
Чекме́нь 260,5.
Челно́ 235,5.
Черво́нецъ 121,11.
Черёдъ 9,2.
Черемі́сы 345,6.
Чёрная изба́ 208,12.
Черного́рцы 253,14.
Черноземъ 180,6.
Черну́шка 16,3.
Черто́гъ 63,3; 240,5.
Черты́ (лица́) 209,6.
Чести́ть 94,9.
Честно́й 91,13.
Че́стью (въ смы́слѣ наре́чія) 257,3.
Че́тья-Мине́я 389,2.
Чече́нецъ 230,10.
Чина́ра или́ чина́ръ 278,2.
Чи́нно 119,4.
Чихи́ръ 230,2.
Чмо́кнуть 445,2.
Чо́ртъ не братъ 325,3.
Чреда́ 97,18; 224,5.
Что 73,6; 121,9; 188,7. 193,3; 149,14; 328,3.
Что до э́того 207,1.
Что за... 84,12; 110,4.
Что ну́жды 280,18.
Что си́лы есть 78,5.
Что твой, твоя́, твоё... 128,5; 109,13.
Чу 13,3.
Чудно́й 315,4.
Чу́дный 227,10; 240,12.
Чу́дно 43,4.
Чудь 408,7.
Чула́нъ,—чикъ 15,3; 130,6.
Чума́ 115,3.
Чума́зый 197,3.
Чума́къ 196,13.
Чупру́нъ 256,9.
Чурба́нъ 82,2; 355,4.
Чусова́я (рѣка́) 345,3.
Чухо́нецъ 250,7.
Чу́ять 64,12; 193,6.
Чѣмъ свѣтъ 188,23.

Шальва́ры 278,4.
Шально́й 44,1.
Шама́нъ 347,3.
Шампа́нское (вино́) 385,4.
Ша́рить 116,14.
Шатро́ 177,5.
Шатёръ 231,2; 238,17.
Шатъ-гора́ 277,3.
Ша́фка 120,1.
Ша́шка 227,4.
Шварцва́льдъ 304,2.
Швейца́рія 61,7.
Шело́мъ 335,4.
Ше́ствовать 326,3.
Шесто́къ 213,1.
Ши́бко 153,3; 201,4.
Шлагба́умъ 249,1.
Шлемъ 194,23.
Шлей 310,2.
Шмы́гнуть 72,20.
Шту́рманъ 52,7.

Щеми́ть 415,4.
Щенко́къ 72,6.
Ще́поть 86,4.
Щитъ 235,9.

Э́акъ 122,17.
Эволю́ція 367,1.
Эка 2,1.
Экипа́жъ 52,5.
Эласти́ческій 183,5.
Эльба 290,16.
Эльбру́съ 277,3.
Э́ль 99,12.
Эпи́тетъ 157,*.
Эрзеру́мъ 222,7.
Этакъ 111,5.
Эхо 254,7.

Юный (чита́й: ю́ный) 251,1.
Юркнуть 5,5.
Юро́дивый 368,9; 311,4.
Юртъ 341,3.

Яви́ть 54,3; 106,4.
Явля́ть 67,6; 261,1.
Ягдта́шъ 299,5.
Язва 115,3.
Язи́ды 267,1.
Языкъ (для обозначен. одушевл. предме́та) 421,8.
Яко 338,2.
Ямщи́къ 242,1; 239,13.
Янта́рь 110,5.
Яровой (хлѣбъ) 168,3; 131,2.
Ясы 410,1.
Яхонтъ 86,10.

ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ ТЕКСТЪ.

Ѿ МАТѲЕА

свѧто́е благовѣствова́нїе.

Глава́ в҃.

а҃ І҆и҃сꙋ же ро́ждшꙋсѧ въ Виѳлее́мѣ І҆ꙋде́йстѣмъ, во дни̑ И҆рѡда царѧ, се́, волсви ѿ востѡ́къ прїидо́ша во І҆ерⷭ҇ли́мъ, глаго́люще:

в҃ Гдѣ є҆́сть рожде́йсѧ цр҃ь І҆ꙋде́йскїй; ви́дѣхомъ бо ѕвѣздꙋ̀ є҆гѡ̀ на восто́цѣ, и҆ прїидо́хомъ поклони́тисѧ є҆мꙋ̀.

г҃ Слы́шавъ же И҆рѡдъ ца́рь смꙋти́сѧ, и҆ весь І҆ерⷭ҇лимъ съ ни́мъ.

д҃ И҆ собравъ всѧ̀ первосщ҃енники и҆ кни́жники людскі́ѧ, вопроша́ше ѿ ни́хъ: гдѣ̀ Хрⷭ҇то́съ ражда́етсѧ;

е҃ Ѻ҆ни̑ же реко́ша є҆мꙋ̀: въ Виѳлее́мѣ І҆ꙋде́йстѣмъ, та́кѡ бо пи́сано є҆́сть прⷪ҇ро́комъ:

ѕ҃ И҆ ты, Виѳлее́ме, землѐ І҆ꙋдова, ничи́мже ме́нши є҆сѝ во вл҃ѧкахъ І҆ꙋдовыхъ: и҆з тебѐ бо и҆зы́детъ во́ждь, и҆́же оу҆пасе́тъ лю́ди моѧ̀ І҆и҃лѧ.

з҃ Тогда̀ И҆рѡдъ та́й призва̀ волхвы̀, и҆ и҆спы́товаше ѿ ни́хъ вре́мѧ ꙗ҆вльшїѧсѧ ѕвѣзды̀.

и҃ И҆ посла́въ и҆́хъ въ Виѳлее́мъ, речѐ: ше́дше и҆спыта́йте и҆звѣ́стнѡ ѡ҆ Ѻ҆трочати: є҆гда́ же ѡ҆брѧ́щете, возвѣсти́те мѝ, ꙗ҆́кѡ да и҆ а҆́зъ ше́дъ поклоню́сѧ є҆мꙋ̀.

ѳ҃ Ѻ҆ни же послꙋ́шавше цр҃ѧ, и҆до́ша. И҆ се, ѕвѣзда́, ю҆́же ви́дѣша на восто́цѣ, и҆дѧ́ше пред ни́ми, до́ндеже прише́дши ста верхꙋ̀, и҆дѣ́же бѣ Ѻ҆троча̀.

і҃ Ви́дѣвше же ѕвѣздꙋ̀, возра́довашасѧ ра́достїю велїею зѣлѡ̀.

аі҃ И҆ прише́дше въ хра́минꙋ, ви́дѣша Ѻ҆троча̀ съ Мⷣрїею Мⷣтрїю є҆гѡ̀, и҆ па́дше поклони́шасѧ є҆мꙋ̀, и҆ ѿве́рзше сокрѡ́вища своѧ̀, принесо́ша є҆мꙋ̀ да́ры, зла́то, и҆ аїва́нъ, и҆ смѵ́рнꙋ.

ві҃ И҆ вѣ́сть прїе́мше во снѣ́не возврати́тисѧ ко И҆рѡдꙋ, и҆ ны́мъ пꙋте́мъ ѿидо́ша во странꙋ̀ свою̀.

гі҃ Ѿше́дшымъ же и҆́мъ, се, А҆́гг҃лъ Гдⷭ҇ень во снѣ̀ ꙗ҆ви́сѧ І҆ѡ́сифꙋ, глаго́лѧ: воста́въ поими̑ Ѻ҆троча̀ и҆ Мⷣтрь є҆гѡ̀, и҆ бѣжѝ во є҆гѵ́петъ, и҆ бꙋ́ди та́мѡ, до́ндеже рекꙋ̀ ти: хо́щетъ бо И҆рѡдъ и҆ска́ти Ѻ҆троча́те, да погꙋби́тъ є҆.

ді҃ Ѻ҆нъ же воста́въ, поѧ́тъ Ѻ҆троча̀ и҆ Мⷣтрь є҆гѡ̀ но́щїю, и҆ ѿи́де во є҆гѵ́петъ.

єі И҆ бѣ̀ та́мо до оу҆ме́ртвїѧ И҆рѡ-
дова: да сбꙋ́дется рече́нное ѿ
Гд҃а прⷪ҇ро́комъ, глаго́лющимъ: ѿ
є҆гv́пта воззва́хъ сн҃а моегѡ́.
ѕі Тогда̀ И҆рѡдъ ви́дѣвъ, ꙗ҆́кѡ по-
рꙋга́нъ бы́сть ѿ волх́вѡвъ, раз-
гнѣ́вавсѧ ѕѣлѡ̀, и҆ посла́въ и҆збѝ
всѧ̀ дѣ́ти сꙋ́щыѧ въ Виѳлее́мѣ
и҆ во всѣ́хъ предѣ́лѣхъ є҆гѡ̀,
ѿ двою̀ лѣ́тꙋ и҆ нижа́йше, по
вре́мени, є҆́же и҆звѣ́стнѡ и҆спы-
та̀ ѿ волхвѡ́въ.
зі Тогда̀ сбы́стсѧ рече́нное І҆ере-
мі́емъ прⷪ҇ро́комъ глаго́лющимъ:
иі Гла́съ въ Ра́мѣ слы́шанъ бы́сть,
пла́чь, и҆ рыда́нїе, и҆ во́пль мно́гъ:
Рахи́ль пла́чꙋщисѧ ча́дъ свои́хъ,
и҆ не хотѧ́ше оу҆тѣ́шитисѧ,
ꙗ҆́кѡ не сꙋ́ть.
ѳі Оу҆ме́ршꙋ же И҆рѡ́дꙋ, сѐ а҆́гг҃лъ
Гдⷭ҇нь во снѣ̀ ꙗ҆ви́сѧ І҆ѡ́сифꙋ
во є҆гv́птѣ,
к Глаго́лѧ: воста́въ поимѝ ѻ҆т-
роча̀ и҆ мт҃рь є҆гѡ̀, и҆ и҆дѝ въ
зе́млю І҆и҃левꙋ: и҆зомро́ша бо
и҆щꙋ́щїи дꙋшѝ ѻ҆трочѧ́те.
ка Ѻ҆́нъ же воста́въ, поѧ́тъ ѻ҆т-
роча̀ и҆ мт҃рь є҆гѡ̀, и҆ прїи́де въ
зе́млю І҆и҃левꙋ.
кв Слы́шавъ же, ꙗ҆́кѡ А҆рхела́й ца́р-
ствꙋетъ во І҆ꙋде́и вмѣ́стѡ И҆рѡ-
да ѻ҆тца̀ своегѡ̀, оу҆боѧ́сѧ та́мѡ
и҆тѝ: вѣ́сть же прїе́мъ во снѣ̀,
ѿи́де въ предѣ́лы Галїле́йскїѧ.
кг И҆ прише́дъ всели́сѧ во гра́дѣ на-
рица́емѣмъ Назаре́тъ: ꙗ҆́кѡ да
сбꙋ́детсѧ рече́нное прⷪ҇ро́ки, ꙗ҆́кѡ
Назѡре́й нарече́тсѧ.

Глава̀ г҃.

а҃ Во дни̑ же ѻ҆́ны прїи́де І҆ѡа́ннъ
Кр҃ти́тель, пропо́вѣдаѧ въ пꙋ-
сты́ни І҆ꙋде́йстѣй,
в҃ И҆ глаго́лѧ: пока́йтесѧ, прибли́-
жибосѧ црⷭ҇твїе нбⷭ҇ное.
г҃ Се́й бо є҆́сть рече́нный И҆са́їемъ
прⷪ҇ро́комъ, глаго́лющимъ: гла́съ
вопїю́щагѡ въ пꙋсты́ни, оу҆го-
то́вайте пꙋ́ть Гдⷭ҇нь, пра́вы
твори́те стезѝ є҆гѡ̀.
д҃ Са́мъ же І҆ѡа́ннъ и҆мѧ́ше ри́зꙋ
свою̀ ѿ вла́съ вельблꙋ́ждь, и҆ по́-
ѧсъ оу҆сме́нъ ѡ҆ чре́слѣхъ свои́хъ:
снѣ́дь же є҆гѡ̀ бѣ̀ прꙋ́жїе и҆
ме́дъ ди́кїй.
е҃ Тогда̀ и҆схожда́ше къ немꙋ̀ І҆ер҃-
ли́мъ, и҆ всѧ̀ І҆ꙋде́а, и҆ всѧ̀
страна̀ І҆орда́нскаѧ,
ѕ҃ И҆ креща́хꙋсѧ во І҆орда́нѣ ѿ не-
гѡ̀, и҆сповѣ́дающе грѣхѝ своѧ̀.
з҃ Ви́дѣвъ же (І҆ѡа́ннъ) мнѡ́ги фа-
рїсе́и и҆ саддꙋке́и грꙋдꙋ́щыѧ на
крще́нїе є҆гѡ̀ речѐ и҆̀мъ: рожде-
нїѧ є҆хі́днѡва, ктѡ̀ сказа̀ ва́мъ
бѣжа́ти ѿ бꙋ́дꙋщагѡ гнѣ́ва;
и҃ Сотвори́те оу҆̀бо пло́дъ до-
сто́инъ покаѧ́нїѧ,
ѳ҃ И҆ не начина́йте глаго́лати въ се-
бѣ̀: ѻ҆тца̀ и҆́мамы А҆враа́ма. Глаго́-

лю бо ва́мъ, ꙗ҆́кѡ мо́жетъ Бг҃ъ
ѿ ка́менїѧ сегѡ̀ воздви́гнути
ча̑да А҆враа́мꙋ.
і О҆у҆же́ бо и҆ сѣки́ра при ко́рени
дре́ва лежи́тъ: всѧ́ко ᲂу҆̀бо дре́во,
є҆́же не твори́тъ плода̀ добра̀,
посѣка́емо быва́етъ и҆ во ѻ҆́гнь
вмета́емо.
аі А҆́зъ ᲂу҆̀бо крещꙋ̀ вы̀ водо́ю въ
покаѧ́нїе: грѧды́й же по мнѣ̀
крѣпча́й менѐ є҆́сть, є҆мꙋ́же
нѣ́смь досто́инъ сапоги̑ по-
нестѝ: то́й вы̀ крести́тъ Дх҃омъ
Ст҃ы́мъ и҆ ѻ҆гне́мъ,
ві є҆мꙋ́же лопа́та въ рꙋцѣ̀ є҆гѡ̀ и҆
ѿтреби́тъ гꙋмно̀ своѐ, и҆ собе-
ре́тъ пшени́цꙋ свою̀ въ жи́тни-
цꙋ, пле́вы же сожже́тъ ѻ҆гне́мъ
негаса́ющимъ.
гі Тогда̀ прихо́дитъ Ї҆и҃съ ѿ Га-
лїле́и на Ї҆орда́нъ ко Ї҆ѡа́ннꙋ
крести́тисѧ ѿ негѡ̀.
ді Ї҆ѡа́ннъ же возбранѧ́ше є҆мꙋ̀,
глаго́лѧ: а҆́зъ тре́бꙋю тобо́ю
крести́тисѧ, и҆ ты̀ ли грѧде́ши
ко мнѣ̀;
еі Ѿвѣща́въ же Ї҆и҃съ речѐ къ немꙋ̀:
ѡ҆ста́ви ны́нѣ, та́кѡ бо подо-
ба́етъ на́мъ и҆спо́лнити всѧ́кꙋ
пра́вдꙋ. Тогда̀ ѡ҆ставѝ є҆го̀.
ѕі И҆ крести́всѧ Ї҆и҃съ взы́де а҆́бїе ѿ во-
ды̀: и҆ сѐ ѿверзо́шасѧ є҆мꙋ̀ нб҃са̀,
и҆ ви́дѣ Дх҃а Бж҃їѧ сходѧ́ща ꙗ҆́кѡ
го́лꙋбѧ и҆ грѧдꙋ́ща на негѡ̀.
зі И҆ сѐ гла́съ съ нб҃се́, глаго́лѧ: сей
є҆́сть Сн҃ъ мо́й возлю́бленный,
ѡ҆ не́мже бл҃говоли́хъ.

Глава̀ д҃.

а Тогда̀ Ї҆и҃съ возведе́нъ бы́сть
Дх҃омъ въ пꙋсты́ню и҆скꙋси́ти-
сѧ ѿ дїа́вола.
в И҆ пости́всѧ дні́й четы́редесѧть
и҆ но́щїй четы́редесѧть, по-
слѣ́ди взалка̀.
г И҆ пристꙋ́пль къ немꙋ̀ и҆скꙋси́-
тель речѐ: а҆́ще Сн҃ъ є҆сѝ Бж҃їй,
рцы̀, да ка́менїе сїѐ хлѣ́бы
бꙋ́дꙋтъ.
д Ѻ҆́нъ же ѿвѣща́въ речѐ: пи́сано
є҆́сть, не ѡ҆ хлѣ́бѣ є҆ди́нѣмъ
жи́въ бꙋ́детъ человѣ́къ, но ѡ҆
всѧ́комъ глаго́лѣ и҆сходѧ́щемъ
и҆зо ᲂу҆́стъ Бж҃їихъ.
е Тогда̀ поѧ́тъ є҆го̀ дїа́волъ во
ст҃ы́й гра́дъ, и҆ поста́ви є҆го̀ на
крилѣ̀ церко́внѣмъ,
ѕ И҆ глаго́ла є҆мꙋ̀: а҆́ще Сн҃ъ є҆сѝ
Бж҃їй, ве́рзисѧ ни́зꙋ: пи́сано
бо є҆́сть, ꙗ҆́кѡ А҆́гг҃ломъ свои̑мъ
заповѣ́сть ѡ҆ тебѣ̀ сохрани́ти
тѧ̀, и҆ на рꙋка́хъ во́змꙋтъ тѧ̀,
да не когда̀ преткне́ши ѡ҆ ка́мень
но́гꙋ твою̀.
з Речѐ (же) є҆мꙋ̀ Ї҆и҃съ: па́ки пи́са-
но є҆́сть: не и҆скꙋ́сиши Гд҇а Бг҃а
твоегѡ̀.
и Па́ки поѧ́тъ є҆го̀ дїа́волъ на
го́рꙋ высо́кꙋ ѕѣлѡ̀, и҆ показа̀

ємꙋ всѧ̑ ца̑рствїѧ мі́ра, и҆ сла́вꙋ и҆́хъ.

ѳ҃ И҆ глаго́ла є҆мꙋ̀: сїѧ̑ всѧ̑ тебѣ̀ да́мъ, а҆́ще падъ поклонишимисѧ.

і҃ Тогда̀ гл҃го́ла є҆мꙋ̀ І҆и҃съ: и҆дѝ за мно́ю, сатано̀: пи́сано бо є҆́сть: Гдⷭ҇ꙋ Бг҃ꙋ твоемꙋ̀ поклони́шисѧ, и҆ томꙋ̀ є҆ди́номꙋ послꙋ́жиши.

аі҃ Тогда̀ ѡ҆ста́ви є҆го̀ дїа́волъ, и҆ сѐ А҆́гг҃ли пристꙋпи́ша, и҆ слꙋжа́хꙋ є҆мꙋ̀.

ві҃ Слы́шавъ же І҆и҃съ, ꙗ҆́кѡ І҆ѡа́ннъ пре́данъ бысть, ѿи́де въ Галїле́ю.

гі҃ И҆ ѡ҆ста́вль Назаре́тъ, прише́дъ всели́сѧ въ Капернаꙋ́мъ въ помо́рїе, въ предѣ́лѣхъ Завꙋлѡ́нихъ и҆ Нефѳалі́млихъ:

ді҃ Да сбꙋ́детсѧ рече́нное И҆са́їемъ прⷪ҇ро́комъ, глаго́лющимъ:

еі҃ Землѧ̀ Завꙋлѡ́на, и҆ землѧ̀ Нефѳалі́млѧ, пꙋ́ть морѧ ѻ҆бо́нъ-полъ І҆орда́на, Галїле́а ꙗ҆зы́къ,

ві҃ Лю́дїе сѣдѧ́щїи во тмѣ̀ ви́дѣша свѣ́тъ ве́лїй, и҆ сѣдѧ́щымъ въ странѣ̀ и҆ сѣ́нн сме́ртнѣй свѣ́тъ возсїѧ̀ и҆мъ.

зі҃ Ѿто́лѣ нача́тъ І҆и҃съ проповѣ́дати, и҆ гл҃го́лати: пока́йтесѧ, прибли́жисѧ бо цр҃ство нб҃ное.

ѕі҃ Ходѧ́ же при мо́ри Галїле́йстѣмъ, ви́дѣ два̀ бра́та, Сі́мѡна гл҃емаго Петра̀, и҆ А҆ндре́а бра́та є҆гѡ̀, вмета́юща мре́жи въ мо́ре, бѣ́ста бо ры́барѧ.

ѳі҃ И҆ гл҃го́ла и҆́ма: грѧди́та по мнѣ̀, и҆ сотворю̀ вы̀ ловца̀ человѣ́комъ.

к҃ Ѻ҆́на же а҆́бїе ѡ҆ста́влша мре́жи, по не́мъ и҆до́ста.

ка҃ И҆ преше́дъ ѿтꙋ́дꙋ, ви́дѣ и҆́на два̀ бра́та, І҆а́кова Зеведе́ева и҆ І҆ѡа́нна бра́та є҆гѡ̀, въ корабли̑ съ Зеведе́омъ ѻ҆ц҃е́мъ є҆ю̀, завѧзꙋ́юща мре́жи своѧ̀, и҆ воззва̀ ѧ҃.

кв҃ Ѻ҆́на же а҆́бїе ѡ҆ста́вльша кора́бль и҆ ѻ҆ц҃а̀ своего̀, по не́мъ и҆до́ста.

кг҃ И҆ прохожда́ше всю Галїле́ю І҆и҃съ, ѹ҆ча̀ на со́нмищахъ и҆́хъ, и҆ проповѣ́дая є҆ѵⷢ҇лїе цр҃твїѧ, и҆сцѣлѧ́ѧ всѧ́къ недꙋ́гъ и҆ всѧ́кꙋ ꙗ҆́зю въ лю́дехъ.

кд҃ И҆ и҆зы́де слꙋ́хъ є҆гѡ̀ по все́й Сѵрі́и: и҆ приведо́ша къ немꙋ̀ всѧ̑ болѧ́щыѧ, разли́чными недꙋ́ги, и҆ страстьми̑ ѡ҆держи́мы, и҆ бѣ́сны, и҆ разсла́бленныѧ, и҆ и҆сцѣли̑ и҆́хъ.

ке҃ И҆ по не́мъ и҆до́ша наро́ди мно́зи ѿ Галїле́и и҆ десѧти̑ гра̑дъ, и҆ ѿ І҆ерⷭ҇лима и҆ І҆ꙋде́и и҆ со ѻ҆́ногѡ по́лꙋ І҆орда́на.

Глава̀ є҃.

а҃ Ѹ҆зрѣ́въ же наро́ды, взы́де на горꙋ̀: и҆ сѣ́дшꙋ є҆мꙋ̀, пристꙋпи́ша къ немꙋ̀ ѹ҆чн҃цы є҆гѡ̀:

в҃ И҆ ѿве́рзъ ѹ҆ста̀ своѧ̀, ѹ҆ча́ше и҆́хъ, гл҃го́лѧ:

г҃ Бл҃же́ни ни́щїи дх҃омъ: ꙗ҆́кѡ тѣ́хъ є҆́сть цр҃ствїе нб҃ное.

д҃ Бл҃же́ни пла́чꙋщїи: ꙗ҆́кѡ тїи оу҆тѣ́шатсѧ.

є҃ Бл҃же́ни кро́тцыи: ꙗ҆́кѡ тїи наслѣ́дѧтъ зе́млю.

ѕ҃ Бл҃же́ни а҆́лчꙋщїи и҆ жа́ждꙋщїи пра́вды: ꙗ҆́кѡ тїи насы́тѧтсѧ.

з҃ Бл҃же́ни мл҃тивїи: ꙗ҆́кѡ тїи поми́ловани бꙋ́дꙋтъ.

и҃ Бл҃же́ни чи́стїи се́рдцемъ: ꙗ҆́кѡ тїи Бг҃а оу҆́зрѧтъ.

ѳ҃ Бл҃же́ни миротво́рцы: ꙗ҆́кѡ тїи сн҃ове Бж҃їи нарекꙋ́тсѧ.

і҃ Бл҃же́ни и҆згна́ни пра́вды ра́ди: ꙗ҆́кѡ тѣ́хъ є҆́сть цр҃ствїе нб҃ное.

а҃і Бл҃же́ни є҆стѐ, є҆гда̀ поно́сѧтъ ва́мъ, и҆ и҆жденꙋ́тъ, и҆ рекꙋ́тъ всѧ́къ ѕо́лъ глаго́лъ на вы̀ лжꙋ́ще, менѐ ра́ди.

в҃і Ра́дꙋйтесѧ и҆ весели́тесѧ, ꙗ҆́кѡ мзда̀ ва́ша мно́га на нб҃сѣ́хъ: та́кѡ бо и҆згна́ша прⷪ҇ро́ки, и҆́же (бѣ́ша) пре́жде ва́съ.

г҃і Вы̀ є҆стѐ со́ль земли̇̀: а҆́ще же со́ль ѡ҆бꙋѧ́етъ, чи́мъ ѡ҆соли́тсѧ; ни бочто́же бꙋ́детъ ктомꙋ̀, то́чїю да и҆зсы́пана бꙋ́детъ во́нъ и҆ попира́ема человѣ́ки.

д҃і Вы̀ є҆стѐ свѣ́тъ мі́ра: не мо́жетъ гра́дъ оу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы стоѧ̀:

є҃і Нижѐ вжига́ютъ свѣти́льника, и҆ поставлѧ́ютъ є҆го̀ под̾ спꙋ́домъ, но на свѣ́щницѣ, и҆ свѣ́титъ всѣ́мъ, и҆́же въ хра́минѣ (сꙋ́ть).

ѕ҃і Та́кѡ да просвѣти́тсѧ свѣ́тъ ва́шъ пред̾ человѣ́ки, ꙗ҆́кѡ да ви́дѧтъ ва́ша дѡ́браѧ дѣла̀ и҆ просла́вѧтъ Ѻ҆ц҃а̀ ва́шего, и҆́же на нб҃сѣ́хъ.

з҃і (Да) не мни́те, ꙗ҆́кѡ прїидо́хъ разори́ти зако́нъ, и҆лѝ прⷪ҇ро́ки: не прїидо́хъ разори́ти, но и҆спо́лнити.

и҃і А҆ми́нь бо гл҃го́лю ва́мъ: до́ндеже пре́йдетъ нб҃о и҆ землѧ̀ і҆ѡ́та є҆ди́на, и҆лѝ є҆ди́на черта̀ не пре́йдетъ ѿ зако́на, до́ндеже всѧ̀ бꙋ́дꙋтъ.

ѳ҃і И҆́же а҆́ще разори́тъ є҆ди́нꙋ за́повѣдей си́хъ ма́лыхъ и҆ наꙋчи́тъ та́кѡ человѣ́ки, мні́й наре́четсѧ въ цр҃ствїи нб҃нѣмъ: а҆ и҆́же сотвори́тъ и҆ наꙋчи́тъ, се́й ве́лїй наре́четсѧ въ цр҃ствїи нб҃нѣмъ.

к҃ Гл҃го́лю бо ва́мъ: ꙗ҆́кѡ а҆́ще не и҆збꙋ́детъ пра́вда ва́ша па́че кни́жникъ и҆ фарїсе́й, не вни́дете въ цр҃ствїе нб҃ное.

к҃а Слы́шасте, ꙗ҆́кѡ рече́но бы́сть дре́внимъ: не оу҆бїе́ши: и҆́же (бо) а҆́ще оу҆бїе́тъ, пови́ненъ є҆́сть сꙋдꙋ̀.

к҃в А҆́зъ же гл҃ю ва́мъ: ꙗ҆́кѡ всѧ́къ гнѣ́ваѧйсѧ на бра́та своего̀ всꙋ́е, пови́ненъ є҆́сть сꙋдꙋ̀: и҆́же (бо) а҆́ще рече́тъ бра́тꙋ своемꙋ̀: рака̀:

повинен ѐсть сонмищꙋ: а иже речетъ, оуроде: повинен ѐсть геенне огненнѣй.

кг Аще оубо принесеши даръ твой ко олтарю, и тꙋ помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя:

кд Ѡстави тꙋ даръ твой пред олтаремъ, и шедъ прежде смирися с братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой.

ке Бꙋди оувѣщаваяся с соперникомъ твоимъ скорѡ, дондеже еси на пꙋти съ нимъ: да не предастъ тебе соперникъ сꙋдїи, и сꙋдїя тя предастъ слꙋзѣ, и в темницꙋ вверженъ бꙋдеши.

кѕ Аминь глю тебѣ: не изыдеши ѿтꙋдꙋ, дондеже воздаси послѣднїй кодрантъ.

кѳ Аще же око твое десное соблазняетъ тя, изми е, и верзи ѿ себе: оуне бо ти ѐсть, да погибнетъ единъ ѿ оудъ твоихъ, а не все тѣло твое вверженo бꙋдетъ въ геенну огненнꙋю.

л И аще десная твоя рꙋка соблазняетъ тя, оусѣцы ю, и верзи ѿ себе; оуне бо ти ѐсть, да погибнетъ единъ ѿ оудъ твоихъ, а не все тѣло твое вверженo бꙋдетъ въ геенну.

лг Паки слышасте, яко речено бысть древнимъ: не ко лжꙋ кленешися, воздаси же Гдви клятвы твоя.

лд Азъ же глю вамъ, не клятися всякѡ: ни нбомъ, яко прстолъ ѐсть Бжїй:

ле Ни землею, яко подножїе ѐсть ногама егѡ: ни Іерлимомъ, яко градъ ѐсть великагѡ Цря.

лѕ Ниже главою твоею кленися, яко не можеши власа единаго бѣла или черна сотворити.

лз Бꙋди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею, ѿ непрїязни ѐсть.

ли Слышасте, яко речено бысть: око за око, и зꙋбъ за зꙋбъ.

лѳ Азъ же глю вамъ, не противитися злꙋ: но аще тя кто оударитъ въ деснꙋю твою ланитꙋ, ѡбрати емꙋ и дрꙋгꙋю.

м И хотящемꙋ сꙋдитися с тобою, и ризꙋ твою взяти ѿпꙋсти емꙋ и срачицꙋ.

ма И аще кто тя пойметъ по силѣ поприще едино, иди съ нимъ два.

мв Просящемꙋ оу тебе дай, и хотящаго ѿ тебе заяти не ѿврати.

мг Слышасте, яко речено ѐсть: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего.

мд Азъ же гл҃ю вамъ: любите
враги ва́ша, бл҃гослови́те клену́-
щыя вы, добро́ твори́те нена-
ви́дящымъ васъ, и моли́теся
за творя́щихъ вамъ напа́сть,
и изгоня́щыя вы:
ме Якѡ да бу́дете сн҃ове Ѻ҃ца ва́-
шегѡ, и́же е́сть на небесѣ́хъ, я́кѡ
со́лнце свое́ сія́етъ на злы́я
и бл҃гія, и дожди́тъ на пра́-
ведныя и на непра́ведныя.

мѕ Аще бо любите любящихъ
васъ, ку́ю мзду и́мате; не
и мытари́ ли то́жде тво-
ря́тъ,
мз И а́ще цѣлу́ете дру́ги ва́ша
то́кмѡ, что̀ ли́шше твори́те;
не и язы́чницы ли та́кожде
творя́тъ;
ми Бу́дите у́бо вы́ соверше́ни,
я́коже Ѻ҃тецъ ва́шъ нб҃ный соверше́нъ е́сть.

Duke University Libraries
D00382479X

DUKE-LSC
D00382479X